

ВЕЛИКІЕ И УДѢЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

СѢВЕРНОЙ РУСИ

ВЪ ТАТАРСКІЙ ПЕРІОДЪ,

СЪ 1238 ПО 1505 Г.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМЪ И ГЛАВНѢЙШИМЪ ПОСОВІЯМЪ

А. В. Экземплярскаго.

Господа отцы и братья! еже сѣ гдѣ коудомъ
описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите,
исправляя Бога дѣла, а не клеветѣ, занеже книги
ветшаны, а оумъ молодъ не дошесть.

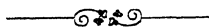
Лаврентьевская рукопись.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ВЛАДИМИРСКІЕ И ВЛАДИМИРО-МОСКОВСКІЕ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ХРОНОЛОГІИ СОБЫТІЙ, КАСАЮЩИХСЯ НОВГОРОДА И ПСКОВА, БІОГРАФІЙ
ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИХЪ СЫНОВЕЙ, НЕ ЗАНИМАВШИХЪ УДѢЛОВЪ, И РОДОСЛОВНОЙ ТАБЛИЦЫ.

Издание графа И. И. Толстого.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1889.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.....	V—X
I. Великое княжество Владимірское.....	1
1. Ярославъ Всеволодовичъ.....	7
2. Святославъ Всеволодовичъ.....	20
3. Михаилъ Ярославичъ Храбрый.....	24
4. Андрей Ярославичъ.....	25
5. Александръ Ярославичъ Невскій.....	29
6. Ярославъ Ярославичъ.....	40
7. Василій Ярославичъ.....	—
8. Димитрій Александровичъ переяславскій.....	44
9. Андрей Александровичъ городецкій.....	53
10. Михаилъ Ярославичъ тверскій.....	58
11. Юрій Даниловичъ московскій.....	59
12. Димитрій Михайловичъ тверскій.....	70
13. Александръ Михайловичъ тверскій.....	—
II. Великое княжество Владиміро-московское.....	71
14. Иванъ Даниловичъ Калита.....	—
15. Семенъ Ивановичъ Гордый.....	80
16. Иванъ Ивановичъ.....	89
17. Димитрій Ивановичъ Донской.....	93
18. Василій Димитріевичъ.....	124

	Стр.
III. Великое княжество Московское.....	148
19. Васплій Васпльевичъ Темный.....	—
20. Иванъ III Васильевичъ.....	189
21. Приложение 1. Великокняжескіе сыновья, не имѣвшіе почему-либо удѣловъ.....	281
22. Приложение 2. Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Новгородской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ за періодъ времени отъ 1230 г. до паденія самостоятельности Новгорода.....	295
23. Приложение 3. Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Псковской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ отъ 1348 до 1510 г.....	387
24. Дополненія и поправки замѣченныхъ ошибокъ.....	434
25. Указатель географическихъ и личныхъ именъ.....	437

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго труда — дать занимающимся русской исторіей справочную книгу для одного изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ, но едва ли, можно сказать, вполне изслѣдованныхъ и обработанныхъ періодовъ русской исторіи, періода татарскаго.

Старая жизнь южной удѣльно-вѣчевой Руси перенесена на сѣверъ, такъ сказать, только въ обломкахъ, въ хиломъ состояніи, а потому и не могла держаться тамъ крѣпко. На сѣверѣ явился новый типъ князя, который сознательно началъ стремиться къ единовластію; народное вѣче здѣсь имѣетъ уже случайный характеръ простой народной сходки, а удѣлы развиваются до самостоятельныхъ княжествъ съ преемственной властью въ одной семьѣ. Междукняжескія отношенія на сѣверѣ хотя и становятся болѣе опредѣленными и устойчивыми, но такъ какъ прежнія, южнорусскія понятія о великокняжеской власти и правахъ на великокняжескій столъ здѣсь сильно измѣняются: утверждается престолонаслѣдіе по праву первородства въ нисходящей линіи, — то отношенія между князьями сильно перепутываются, столкновеніе новыхъ

понятій со старыми, а слѣдовательно однихъ княжескихъ родовъ съ другими, становится неизбѣжнымъ. Но всему этому является новый дѣятель въ исторіи Руси въ лицѣ татаръ, имѣвшій громадное вліяніе какъ вообще на жизнь русскаго народа, такъ и на междукняжескія отношенія въ частности. При скудости лѣтописныхъ извѣстій, при ихъ краткости и только, такъ сказать, намекахъ на то, что было ясно для современниковъ и что теперь представляется темнымъ для насъ, здѣсь представляется обширное поле для самыхъ мелкихъ изслѣдованій по всѣмъ вспомогательнымъ для исторіи наукамъ: хронологіи, генеалогіи, географіи и пр. Въ самомъ дѣлѣ, для уясненія себѣ событій той эпохи необходимо разобратъся, между прочимъ, какъ въ отношеніяхъ князей другъ къ другу, такъ и въ отношеніяхъ ихъ къ народу и, наконецъ, къ татарамъ. Здѣсь на каждомъ шагѣ приходится встрѣчаться съ такими пробѣлами въ хронологіи, генеалогіи и пр., которыя требуютъ отдѣльныхъ, хотя часто и мелкихъ изслѣдованій. Количество этихъ послѣднихъ для занимающей насъ эпохи — весьма ограниченное, и большая часть ихъ касается общихъ вопросовъ. Но для того, чтобы ближе ознакомиться съ извѣстной эпохой, чтобы хоть до нѣкоторой степени влѣзть, такъ сказать, въ шкуру человѣка той эпохи — да простятъ мнѣ такое выраженіе! — и смотрѣть на событія его глазами, оцѣнивать факты его мѣркой, а потомъ уже прилаживать къ нимъ мѣрку XIX ст., — для этого требуется рядъ мелкихъ и крупныхъ изслѣдованій по всѣмъ вспомогательнымъ для исторіи наукамъ, какъ хронологія, географія и пр. Эпоха, которой касается нашъ трудъ, требуетъ именно такихъ мелкихъ, кропотливыхъ изслѣдованій. Всякое, поэтому, пособіе, мало-мальски удовлетворяющее своему назначенію, должно быть желательнымъ и считаться полезнымъ.

Настоящій трудъ даетъ справочную книгу только для татарскаго періода русской исторіи. Въ русской исторической литературѣ уже давно высказывалась необходимость въ подобной справочной книгѣ: еще въ началѣ настоящаго столѣтія П. Строевъ въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ историческихъ статей (если

не измѣняетъ память, въ „Сынѣ Отеч.“ за 1815 г. въ статьѣ: „Родословный чертежъ“ и пр.) заявлялъ, что онъ намѣренъ издать словарь владѣтельныхъ русскихъ князей, но это намѣреніе его не осуществилось; покойный Погодинъ далъ справочную статью (въ „Исслѣд., замѣч. и лекціяхъ по Русск. ист.“), касающуюся удѣльныхъ князей до-татарскаго періода. Затѣмъ, подобныхъ попытокъ мы не встрѣчаемъ уже до послѣдняго времени. Въ 1870 г. покойный М. Д. Хмыровъ напечаталъ въ „Календарѣ для всѣхъ“ „Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови“, а въ слѣдующемъ 1871 г. въ томъ же календарѣ помѣстилъ перечень „удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ“ (половина 1-ая, на буквы А — И). Эти перечни тогда же вышли и отдѣльными оттисками. Трудъ М. П. Погодина представляетъ дословныя погодныя выписки изъ лѣтописей, касающіяся того или другаго князя; что же касается труда М. Д. Хмырова, то и онъ въ общихъ чертахъ схожъ съ трудомъ Погодина: въ хронологическомъ порядкѣ, кратко передаются факты о каждомъ князѣ со дня его рожденія до смерти. Трудъ Хмырова — трудъ, безъ сомнѣнія, почтенный, но далеко неудовлетворительный въ смыслѣ научномъ: при краткой хронологической передачѣ фактовъ, какъ отдѣльныхъ, ни съ чѣмъ не связанныхъ явленій изъ жизни того или другаго князя, лицо становится предъ читателемъ безъ всякой исторической обстановки, и потому представляется какъ бы не имѣющимъ подъ собой почвы; затѣмъ, отсутствіе указаній на источники лишаетъ его научной цѣнности; наконецъ, перечень переполненъ ошибками, противорѣчіями и недосмотрами, которыхъ часто съ перваго раза не возможно замѣтить. Приведемъ, для примѣра, нѣсколько ошибокъ изъ этого перечня. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1364 г. сказано, что умерла княгиня Александра „Иванова Ивановича“ (в. кн. Ивана II), т. е. Александра, жена Ивана Ивановича. Вѣроятно, у Хмырова жена вел. кн. Ивана Ивановича Александра (№ 8), извѣстная намъ только по имени, и названа *Ивановой* на основаніи этого невѣрно понятаго извѣстія

лѣтописи. Какъ въ разныхъ лѣтописяхъ одно и то же событіе имѣеть разныя даты, такъ и у Хмырова въ разныхъ мѣстахъ оно имѣеть также разныя даты. Такихъ и тому подобныхъ ошибокъ и недосмотровъ въ „Перечнѣ“ чрезвычайно много, почему мы и не будемъ указывать на нихъ тѣмъ болѣе, что такія указанія будутъ встрѣчаться въ примѣчаніяхъ къ настоящему труду; но не можемъ не привести одного, болѣе разительнаго промаха. Женой Глѣба Васильковича, перваго удѣльнаго князя бѣлозерскаго, въ одномъ мѣстѣ (№ 605) Хмыровъ считаетъ Ѳеодору, дочь Сартака; въ другомъ мѣстѣ (№ 165) женой Глѣба онъ считаетъ Ѳеодору же, но дочь Романа Мстиславича галицкаго, и эту же послѣднюю, въ третьемъ мѣстѣ (№ 562), считаетъ (какъ и слѣдуетъ) женой старшаго изъ двухъ сыновей Владиміра Ярославича галицкаго (сына Ярослава Осмомысла). Ошибки, подобныя приведеннымъ, встрѣчаются и въ болѣе серьезныхъ трудахъ, — но о нихъ будутъ встрѣчаться замѣтки въ нашихъ примѣчаніяхъ.

Мы указываемъ на приведенныя ошибки никакъ не для того, чтобы выставить въ болѣе выгодномъ свѣтѣ свой трудъ, — напротивъ, нисколько не обольщаясь на счетъ своихъ силъ и знаній, мы намѣренно указывали на приведенныя ошибки, чтобы показать, какъ легко можно дѣлать промахи такіе въ подобныхъ нашей кропотливыхъ работахъ даже людямъ, продолжительное время трудившимся на поприщѣ отечественной исторіи. Такимъ образомъ — сознаемся откровенно — указаніями на промахи мы скорѣе косвенно извиняемъ себя за могущія встрѣтиться и въ нашемъ трудѣ подобныя же промахи и ошибки.

Настоящій трудъ раздѣленъ нами на двѣ части и потому разбитъ на два тома: въ этомъ первомъ томѣ, выходящемъ теперь въ свѣтъ, помѣщены біографіи великихъ князей владимірскихъ и владиміро-московскихъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ татарскій періодъ русской исторіи, — а въ печатающемся второмъ томѣ будутъ размѣщены по княжествамъ біографіи удѣльныхъ владѣтельныхъ князей владимірскихъ и московскихъ удѣловъ и

великихъ князей тверскихъ, суздальско-нижегородскихъ и рязанскихъ.

Предоставляя судить о достоинствахъ и недостаткахъ нашего труда компетентнымъ людямъ, въ заключеніе считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней, технической сторонѣ нашего труда.

Мы придерживались при передачѣ фактовъ изъ жизни того или другаго князя хронологическаго порядка, какъ болѣе удобнаго для справочной книги, и этимъ обстоятельствомъ объясняется не рѣдко повторяющееся въ настоящемъ трудѣ явленіе — искусственные переходы отъ однихъ событій къ другимъ; годы мы не переводили изъ одного лѣтосчисленія въ другое, изъ мартовскаго въ сентябрьское, что, по нашему мнѣнію, пока еще невозможно дѣлать: въ разныхъ лѣтописяхъ одни и тѣ же факты одного и того же года слѣдуютъ одинъ за другимъ часто не въ одинаковомъ порядкѣ и при томъ одни съ мѣсячными датами, другіе безъ этихъ послѣднихъ; такимъ образомъ, не установивши правильно порядка, въ какомъ слѣдовали факты одинъ за другимъ, мы рисковали бы поставить ихъ въ неправильныя отношенія одинъ къ другому. Нѣкоторые источники и пособія цитировались нами съ сокращеніями ихъ оглавленій; сокращенія эти, впрочемъ, понятны, исключая развѣ тѣхъ, которыя представляютъ изъ себя одни инициалы; но сюда относятся только два источника: Полное собраніе русскихъ лѣтописей и Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ (въ сокращеніи: П. С. Р. Л. и С. г. г. и д.); исторія С. М. Соловьева цитировалась по второму изданію, а Карамзина — по изданію Эйнерлинга; „Алфавитно-справочный перечень“ М. Д. Хмырова цитировался большею частію только посредствомъ указанія на №, подъ которымъ находится то или другое лицо.

Еще разъ въ заключеніе повторимъ, что кропотливые труды, подобные настоящему, рѣдко обходятся безъ промаховъ и ошибокъ. Не сомнѣваясь, что и въ нашемъ трудѣ найдутся промахи,

мы, сознавая неизбѣжность ихъ, тѣмъ не менѣе ничего не будемъ говорить въ свое оправданіе; повторимъ только слова, поставленныя эпиграфомъ къ настоящему труду: «Господа отци и братья! оже са гдѣ воудоу описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправляа Бога дѣла, а не каените, занеже книги ветшаны, а оулаъ молодъ не дошелъ».

Андрей Экземпларскій.

С.-Петербургъ 1889 г.
Августъ.

I.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМИРСКОЕ.

Въ русской исторической литературѣ уже давно установилось мнѣніе о томъ, что города сѣверо-восточной Руси обязаны своимъ возникновеніемъ по преимуществу Юрію Долгорукому; этимъ, хотя и косвенно, сынъ Мономаха становился главнымъ виновникомъ заселенія края. Дѣйствительно, лѣтописи указываютъ на многіе города, поставленные Юріемъ. Но почти исключительно Юрію Долгорукому приписывать возникновеніе городовъ въ сѣверо-восточной Руси не совсѣмъ справедливо. Мы знаемъ, что еще до Юрія въ сѣверо-восточной Руси были уже города со славянскими названіями и славянскими обитателями. Таковы Суздаль и древнѣйшій изъ городовъ Ростовъ. Бѣлозерска до призванія князей и при первыхъ князьяхъ, можетъ быть, и не было, но славянское населеніе на Бѣлоозерѣ было, на что указываетъ самое названіе озера. Такимъ образомъ, дѣло колонизаціи сѣверо-восточной Руси было дѣломъ не князей, а самого народа; князья были только продолжателями этой колонизаціи. Но и при князьяхъ, даже въ позднѣйшій періодъ, при царяхъ, народъ продолжалъ свое дѣло: стоитъ только припомнить исторію присоединенія Сибири, чтобы убѣдиться въ этомъ. Когда князья пришли въ верховья Волжскаго бассейна, они нашли здѣсь уже крѣпко осѣвшее славянское населеніе. Но это населеніе, сравнительно съ окружавшими его со всѣхъ сторонъ финскими племенами, представляло, такъ сказать, небольшіе островки въ громадномъ морѣ. Не надобно далеко ходить, чтобы убѣдиться въ этомъ послѣднемъ: достаточно одного бѣглаго взгляда на этнографическую карту древней Руси... Благодаря духовному превосходству своей природы, сравнительно

весьма малочисленное населеніе помянутыхъ островковъ не только не было затоплено волнами Финскаго моря, но и утишило и покорило эти волны, шагъ за шагомъ дѣлая приращенія къ своимъ островкамъ. Славянскіе колонизаторы до того успѣли освоить инородцевъ съ своими интересами, что эти послѣдніе принимаютъ участіе въ призваніи князей. Существуетъ мнѣніе, что подъ финскими племенами, участвовавшими въ этомъ важномъ актѣ жизни русскихъ славянъ, надобно разумѣть славянскихъ колонистовъ, жившихъ среди инородцевъ. Едва-ли это мнѣніе вполне справедливо. Не говоря уже о томъ, что лѣтописецъ опредѣленно и положительно говоритъ объ этомъ предметѣ, нѣкоторые соображенія, логически вытекающія изъ внимательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ этого важнаго дѣла, заставляютъ признать участіе Финскаго элемента въ призваніи князей не подлежащимъ сомнѣнію. Сравнительно ничтожное количество славянскихъ поселенцевъ крѣпко осѣдаетъ среди многочисленнаго Финскаго племени. Будь послѣднее выше по культурному развитію, славянскіе поселенцы, несомнѣнно, были бы поглощены имъ. А между тѣмъ мы видимъ совершенно обратное явленіе, которое становится болѣе очевиднымъ для насъ тогда, когда славянъ, въ ихъ поступательномъ движеніи, застаютъ исторія, другими словами—когда явились князья, а потомъ—лѣтописцы, обращающіе большее вниманіе на дѣянія князей, чѣмъ народа. Вотъ почему дѣло колонизаціи сѣверо-восточной Руси несправедливо приписывается иногда исключительно первымъ князьямъ. Дѣятельность этихъ послѣднихъ направлена была по преимуществу къ сплоченію, къ объединенію славянскихъ племенъ. А если ближайшіе преемники первыхъ князей, начиная съ IX вѣка, заходили далеко и занимали земли за границей поселеній главной массы славянства съ необыкновенной легкостью, то легкость этихъ пріобрѣтеній, особенно на сѣверо-востокѣ, нужно объяснять исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что князья являлись въ мѣста, уже колонизированныя славянскимъ племенемъ, въ мѣста, такъ сказать, уже насыщенные послѣднимъ. Мы знаемъ по лѣтописямъ, что еще при Вѣщемъ Олегѣ многочисленное Финское племя Мери было извѣстно подъ своимъ собственнымъ именемъ; подъ этимъ именемъ оно принимало участіе въ походѣ Олега на Константинополь въ 907 году. Но послѣ этого похода мы уже не встрѣчаемъ извѣстій о мерянахъ, какъ особомъ народѣ. Неужели, какъ нѣкоторые думаютъ, Меря куда-то ушла, столько времени живши на одномъ мѣстѣ, или, какъ полагаетъ Ходаковскій, племя это—было племя славянское, легко утратившее свою частную кличку въ общей массѣ русскихъ славянъ? Съ мнѣніемъ первыхъ излишне, кажется, спорить: исчезновеніе многочисленнаго племени посредствомъ темнаго переселенія въ темныя края, такъ сказать,

на глазахъ исторіи не могло кануть въ область неизвѣстности; думать же о томъ, что Меря было племя славянское, значитъ совсѣмъ отвергать тѣ источники, въ которыхъ сохранились этнографическія извѣстія о первобытныхъ обитателяхъ сѣверо-восточной Европы, а на основаніи этихъ источниковъ только и возможно опираться при всевозможныхъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ о древнѣйшей исторіи Руси. Кромѣ этого, не надобно терять изъ виду и того обстоятельства, что названія рѣкъ и многихъ урочищъ сѣверо-восточной Руси носятъ исключительно финскія названія,—а обозначеніе такихъ предметовъ, какъ рѣки и урочища, подъ тѣми или другими частными названіями, всего скорѣе должно принадлежать первымъ насельникамъ края. Ближе къ истинѣ будетъ предположеніе, что Мерянское племя отъ болѣе или менѣе продолжительнаго сожитія съ славянскими колонистами, благодаря духовному превосходству послѣднихъ, подчинилось имъ и духовно и матеріально, а потомъ, вслѣдствіе скрестныхъ браковъ и другихъ обстоятельствъ, и ассимилировалось имъ. Антропология, въ частности, и вообще археологія, сдѣлавшія въ послѣднее время значительные успѣхи въ своемъ развитіи, хотя и не вполне обстоятельно, но тѣмъ не менѣе вѣрно указываютъ на племенную смѣшанность населенія сѣверной Руси, основываясь на раскопкахъ могилъ или кургановъ, на находимыхъ въ нихъ предметахъ: черепкахъ, утвари и т. п. . . Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, признать и взглядъ извѣстнаго Духинскаго на этнографію сѣверной Россіи, или Великороссіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ только въ сказкахъ можно встрѣтить такія быстрыя превращенія, какъ ассимиляція однихъ племенъ другими. Какъ могло совершиться такъ легко занятіе сѣверно-русскихъ земель кievскими князьями въ самый ранній періодъ существованія княжеской Руси? Очевидно, почва подготовлена была еще до князей самимъ народомъ, который и при князьяхъ продолжалъ дѣло колонизаціи. Князья, и то не самые первые, были только продолжателями этого народнаго стремленія: они являлись, какъ выше замѣчено, на мѣста уже насиженныхъ, ставили города, заводили поселенія, а существовавшіе до нихъ поселенія расширяли и обращали въ города.

До возвышенія Владиміра и до образованія Владимірскаго Великаго Княжества, въ земляхъ сѣверной части Волжскаго бассейна сидѣли первоначально княжіе мужи. Но съ конца X вѣка въ качествѣ представителей великокняжеской власти мы видимъ тамъ уже князей, большею частію великокняжескихъ сыновей. Въ 988 г. Владиміръ святой посадилъ въ Ростовѣ, старшаго сына своего, Ярослава, а съ переходомъ этого послѣдняго въ Новгородъ, тамъ сѣлъ другой сынъ Владиміра, Борисъ. Затѣмъ Ростовъ вмѣстѣ съ Суздалемъ и Бѣлоозеромъ перешли въ руки Всеволода Яросла-

вича и сдѣлались наслѣдственными въ его родѣ. Доставшись Юрію Владиміровичу Долгорукому, Ростовско-Суздальская область сдѣлалась самостоятельнымъ княжествомъ, получившимъ названіе Суздальскаго по исключительному пребыванію въ Суздальѣ перваго самостоятельнаго князя этой области. Но Юрій Долгорукій хотя и много положилъ труда для развитія гражданской жизни въ краѣ, тѣмъ не менѣе взоры его постоянно устремлены были на южную, Кіевскую Русь. Въ 1149 г. онъ занялъ Кіевъ, но не надолго. Наконецъ, по смерти Изяслава Мстиславича въ 1155 г. онъ окончательно занялъ великокняжескій столъ и роздалъ удѣлы сыновьямъ своимъ. Андрей Юрьевичъ (Боголюбскій), получившій въ удѣлъ Вышгородъ, въ томъ же 1155 г. тайно отъ отца ушелъ въ Суздальскую землю, гдѣ, по смерти Юрія († 1157 г.), ростовцы и суздальцы выбрали его въ князья «и посадиша ѿ въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали»¹⁾. Спустя лѣтъ пять послѣ этого (въ 1162 г.), выгнавши изъ Ростовско-Суздальской области братьевъ своихъ и двоихъ племянниковъ, дѣтей умершаго Ростислава Юрьевича, Андрей сдѣлался единовластителемъ области, — а въ 1169 г., по взятіи его войсками Кіева, онъ посадилъ въ послѣднемъ брата своего Глѣба въ качествѣ удѣльнаго князя. Но Глѣбъ, какъ и преемники его, во многомъ зависѣли отъ Андрея, который, такимъ образомъ, становится истиннымъ великимъ княземъ Руси.

Съ Андрея Боголюбскаго столицей Ростовско-Суздальской области становится едва замѣтный до того времени Владиміръ, которому это первенство досталось, конечно, не безъ борьбы: Ростовъ не хотѣлъ уступить первенства своему пригороду и взялъ временный перевѣсъ, посадивши у себя и въ Суздальѣ племянниковъ Андрея, Ярополка и Мстислава Ростиславичей, которые потомъ должны были уступить первенство дядьямъ своимъ, Михалкѣ и Всеволоду Юрьевичамъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и Ростовъ уступилъ Владиміру. Такимъ образомъ князья Ростовско-Суздальской области получаютъ названіе вмѣсто суздальскихъ князей — великихъ князей владимірскихъ.

Относительно основателя, а слѣдовательно и времени основанія г. Владиміра, лѣтописи разнорѣчатъ, — а за ними почти до послѣдняго времени разнорѣчили и наши историки. Замѣтимъ, что извѣстія о времени основанія Владиміра мы встрѣчаемъ преимущественно въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Однѣ изъ этихъ лѣтописей считаютъ основателемъ новой столицы Ростовско-Суздальской земли Владиміра святаго, а другія — Владиміра Мономаха. Никоновская лѣтопись²⁾ подъ 992 г. говоритъ, что Владиміръ святой съ

1) П. С. Р. Л. I, 148—149; II, 78, 81; VII, 64, 66.

2) Никон. лѣт. I, 104.

двумя епископами константинопольскаго патріарха Фотія (при Владимірѣ такого не было) ходилъ въ Суздальскую землю, крестилъ тамъ народъ, поставилъ городъ «въ свое пмя Володимерь» на р. Клязьмѣ и въ немъ церковь во пмя пресв. Богородицы. То же находимъ и въ Степенной книгѣ, — а авторъ Синописа, «сей невѣжда», какъ совершенно справедливо называетъ его нашъ исторіографъ³⁾, прибавляетъ къ этому, основываясь на Стриковскомъ, что Владиміръ съ того времени сдѣлался столицей великихъ князей. Въ Патерикѣ, въ житіи Стефана, игумена Печерскаго, положительно сказано, что г. Владиміръ поставленъ именно Владиміромъ святымъ, а Татищевъ указываетъ и годъ построенія — 992-й, чего не находимъ въ лѣтописяхъ⁴⁾. Подъ 1160 годомъ въ Никоновской лѣтописи говорится, что Андрей Боголюбскій, созвавъ князей (?) и бояръ, держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой выражалъ желаніе сдѣлать Владиміръ столицею княжества, причемъ объ этой будущей столицѣ выразился такъ: «Градъ сей Владиміръ созда святыи и блаженный великій князь, просвѣтивый всю Русскую землю святымъ крещеніемъ». По Ипатьевской лѣтописи⁵⁾ основаніе Владиміра относится къ болѣе раннему времени — къ 990 году, а по Софійской первой⁶⁾ — къ еще болѣе раннему времени, къ 987 г. Въ Лаврентьевской лѣтописи⁷⁾ подъ 1176 г., гдѣ говорится о распрѣ владимірцевъ съ ростовцами изъ-за первенства, о городѣ Владимірѣ замѣчено: «Постави бо преже градъ ось великій Володимерь и потомъ князь Андрей». Здѣсь, однако, подъ Владиміромъ *Великимъ*, по вѣрному замѣчанію Карамзина⁸⁾, надобно разумѣть Владиміра Всеволодовича, т. е. Мономаха, а не Святославича, который въ лѣтописяхъ называется обыкновенно не великимъ, а святымъ. Но въ болѣе позднѣйшихъ лѣтописяхъ основаніе Владиміра опредѣленно приписывается Мономаху. Такъ, въ Синодальной лѣтописи временъ Василия Темнаго⁹⁾ и многихъ другихъ новѣйшихъ сказано: «Мономахъ, правнукъ вел. кн. Владиміра, поставилъ градъ Володимерь Залѣшскый въ Суждальской земли и осыпа его спомъ (насыпью, валомъ) и сзда первую церковь св. Спаса за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія», т. е. до закладки или построенія Успенскаго собора. Далѣе замѣчено, что Златоверхая (такъ названа по вызолоченнымъ куполамъ) церковь Богоматери совершена въ

3) Карамз. I, прим. 463. Цитируемъ Карамзина по изданію Эйнерлинга.

4) Ibid. прим. 466.

5) П. С. Р. Л. II, 258.

6) Ibid. V, 118. Здѣсь по ошибкѣ названа Смоленская земля вмѣсто Суздальской.

7) Ibid. I, 160.

8) Карамз. I, прим. 463.

9) Ibid. II, прим. 238.

1166 г.¹⁰⁾. Но въ харатейныхъ и другихъ лѣтописяхъ построение Успенской церкви относится къ 1160 г.; въ 1161 г. она была расписана, а въ 1164 г. Андрей Боголюбскій внесъ въ нее чудотворную икону Богоматери. Такимъ образомъ, если Мономахъ поставилъ городъ и въ немъ церковь Спаса за 50 лѣтъ до основанія Успенской церкви, то основаніе Владиміра надобно будетъ отнести или къ 1110, или къ 1114, или — наконецъ — къ 1116 г. Во всякомъ случаѣ, по указаннымъ извѣстіямъ, основаніе Владиміра надобно относить къ періоду времени отъ 1110 до 1116 г. Несомнѣнно, Владиміръ основанъ не въ X в., какъ то утверждали въ свое время Татищевъ, Щербатовъ и другіе, а въ XII в. Если бы Владиміръ основанъ былъ въ X в., то лѣтописцы, при описаніи совершавшихся въ области р. Клязьмы событій до XII в., непременно упомянули бы объ этомъ городѣ. Такъ, въ Воскресенской лѣтописи¹¹⁾ подъ 1096 г. говорится, что Олегъ Святославичъ изъ Муромъ, который онъ отнялъ у Мономахова сына Изяслава, хотѣлъ напасть на брата Изяслава, Мстислава новгородскаго, который былъ тогда въ Суздаль и готовился идти къ Мурому на Олега. Послѣдній, между тѣмъ, успѣлъ добраться до р. Колокши, впадающей въ Клязьму немного выше Владиміра. Здѣсь и произошелъ бой Мстислава съ его крестнымъ отцемъ, Олегомъ. Намъ кажется, что здѣсь непременно былъ бы упомянутъ лѣтописцемъ, по чему бы то ни было, г. Владиміръ, если бы онъ тогда существовалъ, — а между тѣмъ этого не сдѣлалъ лѣтописецъ.

И такъ, съ Андрея Боголюбскаго Владиміръ становится стольнымъ городомъ Великаго Княжества Владимірскаго. Но съ первой половины XIV в., когда великокняжеское достоинство навсегда утвердилось за князьями московскими, за родомъ Ивана Даниловича Калиты, Владиміръ начинаетъ уступать свое первенство Москвѣ: онъ считается столицей Великаго Княжества только *de jure*, но *de facto* столицей становится уже Москва. До Василія Темнаго Владиміръ, можно сказать, былъ въ такомъ же отношеніи къ Москвѣ, въ какомъ съ Петра Великаго и до послѣдняго времени находится Москва по отношенію къ Петербургу. Великіе князья изъ рода Ивана Даниловича Калиты по-прежнему назывались Великими Князьями Владимірскими и возводились на великокняжескій столъ во Владимірѣ. Но уже при Калитѣ кафедръ митрополита — одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ столицы — была перенесена въ Москву, а въ 1432 г. Влади-

10) Карамзинъ, изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, выводитъ отсюда неожиданное слѣдствіе, что Мономахъ построилъ Владиміръ въ 1166 г. Впрочемъ, здѣсь, вѣроятно, опечатка, и вм. 1166 надобно читать 1116 г.

11) П. С. Р. Л. VII, 11.

міръ потерялъ и то остававшееся за нимъ преимущество, которое напоминало о немъ, какъ о столицѣ: выигравши въ упомянутомъ году свое дѣло въ ордѣ въ спорѣ съ дядей своимъ, Юріемъ галицкимъ, Василій прибылъ въ Москву съ царевичемъ Мансырь-Уланомъ, который посадилъ его на великокняжескій столъ въ Москвѣ же, въ храмѣ Богоматери у Златыхъ вратъ.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго, въ спорѣ Ростова съ Владиміромъ о первенствѣ¹²⁾ и Ростиславичей, внуковъ Долгорукаго, съ дядьями ихъ, Михалкомъ и Всеволодомъ Юрьевичами, верхъ взяли послѣдніе и г. Владиміръ. Михалко княжилъ только годъ († 1176 г.). По смерти его Владиміръ занялъ братъ его Всеволодъ (Большое гнѣздо), и опять началась борьба старшаго Ростова съ младшимъ Владиміромъ, окончившаяся въ пользу послѣдняго. По смерти Всеволода борьба его сыновей, Константина и Юрія¹³⁾, окончилась въ пользу перваго, умершаго въ 1218 г. Послѣ Константина Юрій становился уже безспорнымъ обладателемъ великокняжескаго достоинства. Въ 1238 г. онъ палъ въ битвѣ съ татарами на берегу р. Сити, и великокняжескій столъ перешелъ къ слѣдующему брату, Ярославу Всеволодовичу, съ котораго мы и начнемъ біографическіе очерки великихъ князей за татарскій періодъ нашей исторіи.

Ярославъ Всеволодовичъ.

р. 1191 † 1246.

Ярославъ II Всеволодовичъ, четвертый изъ осьми сыновей Всеволода III Юрьевича, правнукъ Владиміра Мономаха, родился во Владимірѣ 8 февраля 1191 г.¹⁴⁾ Въ 1194 г. апрѣля 27 надъ нимъ совершенъ былъ обрядъ постриговъ (сажаніе на коня), обрядъ до нѣкоторой степени рыцарскій¹⁵⁾.

Въ древней Руси, за отсутствіемъ теоретическаго воспитанія, княжичей весьма рано старались направить на путь практической дѣятельности.

12) См. подробности въ началѣ главы о князьяхъ Ростовскихъ, во II-й ч.

13) Ibid.

14) П. С. Р. Л. I, 172; VII, 101. Въ Лавр. лѣт. о рожденіи Ярослава—Федора говорится подъ 8 февраля 1190 года, причемъ замѣчено объ отцѣ его: «тогда сущю князю великому въ Переяславѣ на полюди». Въ Воскресенской же лѣтописи сказано, что Ярославъ родился въ Переяславѣ. Всего вѣрнѣе, онъ родился во Владимірѣ.

15) Ibid. I, 173.

На это указываетъ, между прочимъ, и только что упомянутый обрядъ постригъ, послѣ котораго княжичъ считался какъ бы уже принадлежащимъ къ семьѣ ратныхъ людей. Княжичей, когда они были еще отроками, посылали на княженіе, брали въ походы и т. д., но въ такихъ случаяхъ къ нимъ назначались руководители изъ бояръ. Такъ было и съ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Въ 1201 г. августа 3-го (по другимъ—10-го), когда Ярославу было лѣтъ 7-мъ, Всеволодъ Юрьевичъ назначилъ его княземъ въ южный Переяславль¹⁶⁾. Здѣсь онъ сидѣлъ до 1206 г. Въ 1203 г., зимой, онъ ходилъ на половцевъ вмѣстѣ съ кievскимъ княземъ Рюрикомъ и Романомъ галицкимъ, а въ 1206 г. принималъ участіе въ дѣлахъ Галича Червенскаго¹⁷⁾. Въ 1205 г. скончался (убитъ въ сраженіи съ поляками) Романъ Мстиславичъ галицкій, и галичане, хотя и неохотно, присягнули пятилѣтнему сыну его Данилу. Рюрикъ Ростиславичъ, насильно постриженный отцемъ Данила въ монахи, вышелъ изъ монастыря, занялъ кievскій столъ и, соединившись съ князьями черниговскими, пошелъ на Галичъ. Но, благодаря королю венгерскому Андрею, союзныя войска были прогнаны. Въ 1206 г. Рюрикъ, Всеволодъ Святославичъ Чермный, кн. черниговскій, Мстиславъ смоленскій, съ поляками, берендеями и половцами, возобновили походъ на Галичъ. Андрей венгерскій успѣлъ-было уговорить гражданъ взять къ себѣ княземъ Ярослава Всеволодовича, который и «гналъ» изъ Переяславля въ Галичъ,—но союзные князья, занявши городъ, изъ котораго вдова Романа бѣжала въ наслѣдственный свой Владиміро-Волынскій удѣлъ, на общемъ совѣтѣ положили отдать Галичъ Владиміру Игоревичу, князю Сѣверскому. Ярославъ ни съ чѣмъ возвратился съ дороги въ свой Переяславль, но и отсюда вскорѣ выгнанъ былъ Всеволодомъ Чермнымъ¹⁸⁾.

Въ южной Руси продолжались смуты; этими смутами пользовались половцы, безнаказанно опустошая земли. Не видя защиты въ своихъ князьяхъ, южно-русскій народъ возлагалъ надежды только на вел. кн. владимірскаго. Дѣйствительно, въ 1207 г. великій князь выступилъ въ походъ; на берегу Оки къ нему пристали князья муромскіе и рязанскіе. Всѣ, конечно, увѣрены были, что походъ предпринимается къ Киеву, — но вышло совершенно другое. Всеволоду донесли, что рязанскіе князья дружатъ

16) Ibid. I, 175; II, 327; VII, 107; XV, 290. Едва ли вѣрно Ипат. лѣт. говоритъ, что Всеволодъ былъ тогда съ старшими сыновьями, Константиномъ и Юріемъ, въ Переяславлѣ, что переяславцы рады были назначенію Ярослава. Можетъ быть, не были ли всѣ они дѣйствительно въ Переяславлѣ, но только не Киевскомъ, какъ выходитъ по Ипатьевской лѣтописи, а Залѣсскомъ?

17) Ibid. I, 180; II, 330; VII, 113; XV, 303.

18) Ibid. I, 180; II, 330; VII, 113; XV, 303; Карамз. III, 71—72.

съ Ольговичами черниговскими и вмѣстѣ съ ними что-то замышляютъ противъ него. Неизвѣстно, насколько справедливъ былъ доносъ, но Всеволодъ повѣрилъ ему и двинулся къ Рязани. Рязанскихъ князей, довѣрчиво явившихся къ нему въ ставку, онъ въ оковахъ отправилъ во Владиміръ и подступилъ къ Пронску, жители котораго сдались (22 сентября) только вслѣдствіе сильнаго голода; Рязань также покорилась и выдала Всеволоду остальныхъ князей съ женами и дѣтьми. Удаляясь во Владиміръ, великій князь оставилъ въ Рязанскомъ княжествѣ своихъ намѣстниковъ и тиуновъ, но въ 1208 г. прислалъ туда на княженіе сына своего Ярослава, который находился при отцѣ въ походѣ 1207 года. Рязанцы съ нескрываемымъ неудовольствіемъ приняли князя, а потомъ пропозвели даже возмущеніе: коварно перехватили людей Ярослава и поковали ихъ въ цѣпи, многихъ живьемъ засыпали въ погребахъ. Явился Всеволодъ, сжегъ Рязань и Бѣлгородъ, и вмѣстѣ съ сыномъ Ярославомъ пошелъ во Владиміръ, захвативши рязанскаго владыку Арсенія и множество рязанцевъ, которыхъ поселилъ въ своемъ княжествѣ¹⁹⁾.

Въ походѣ на Рязань участвовали и новгородцы, которыхъ Всеволодъ, послѣ похода, одарилъ и отпустилъ изъ Коломны домой, обнадѣживъ ихъ относительно ихъ старинныхъ вольностей, «да имъ уставъ старыхъ князь, его же хотяху новгородцы». Но при этомъ, въ залогъ вѣрности, онъ оставилъ семь человекъ изъ знатныхъ новгородцевъ и посадника Дмитра, тяжело раненнаго въ походѣ. На прощаньи великій князь сказалъ новгородцамъ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните». Новгородцы, узнавши о милости великаго князя, составили вѣче на Дмитра, кричали, что онъ бралъ на новгородцахъ серебро, повозы и пр., разграбили все имущество посадника, «а что ся на дьскахъ осталось въ писъмѣ (записи за должниками), а то все князю». Отпуская новгородцевъ, великій князь сына своего Константина оставилъ при себѣ, давъ ему Ростовъ, а въ Новгородъ послалъ другаго сына, Святослава, послѣ того, какъ состоялось вѣче на посадника, который между тѣмъ умеръ, еще будучи во Владимірѣ. По приѣздѣ Святославъ получилъ «дьскы», по которымъ собралъ громадныя деньги, затѣмъ цѣловалъ крестъ Новгороду, совмѣстно съ которымъ дѣтей и внуковъ («племенникъ») Дмитра отправилъ къ отцу во Владиміръ. Вскорѣ послѣ похода на Рязань (въ 1209 г.) Мстиславъ Мстиславичъ захватилъ Торжокъ и предложилъ себя въ князья Новгороду. Всеволоду

19) Ibid. I, 182, 210, 211; II, 330; III, 30—31; VII, 114—116, 235; XV, 305, 307. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ лѣтописей эти событія группируютъ только подъ 1208—1209 г., а Ипатьевская и Новгор. III послѣдній актъ этой драмы относятъ къ 1210 году. — Бѣлгородъ находился близъ Ст. Рязани. См. Карамз. III, прим. 130.

это сильно не понравилось, и онъ въ томъ же 1209 г. выслалъ къ Торжку противъ Мстислава старшихъ сыновей своихъ, Константина, Юрія и Ярослава, — но дѣло это кончилось примиреніемъ сторонъ²⁰⁾.

Въ 1212 г. Всеволодъ Юрьевичъ скончался, назначивъ преемникомъ себѣ не старшаго сына (Константина), не хотѣвшаго брать Владиміра безъ Ростова, а слѣдующаго за нимъ Юрія, и между братьями возгорѣлась борьба. Юрій два раза ходилъ къ Ростову на Константина, въ 1212 г. и 1213, когда заключенъ былъ между ними непрочный миръ послѣ боя на р. Ишнѣ подъ Ростовомъ. Ярославъ въ этой борьбѣ держалъ сторону Юрія и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на старшаго брата²¹⁾.

Въ 1214 г. новгородцы, у которыхъ не было тогда князя, отправили въ Переяславль пословъ просить Ярослава въ Новгородъ на княженіе. Передъ тѣмъ въ Новгородѣ сидѣлъ кн. Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; онъ по своей волѣ вышелъ изъ Новгорода въ южную Русь, сказавъ на прощаньи новгородцамъ, что они «вольни въ князѣхъ». Въ 1215 г. Ярославъ пришелъ въ Новгородъ, гдѣ торжественно встрѣченъ былъ архіепископомъ Антоніемъ и новгородцами. Вскорѣ по прибытіи онъ приказалъ схватить новгородскаго тысяцкаго Якуна Зуболомича и новоторжскаго посадника Оому Доброщича, по навѣтамъ враговъ ихъ, и отправилъ ихъ въ оковахъ въ Тверь (20 мая), а самъ со многими знатыми новгородцами ушелъ въ Торжокъ; одаривши новгородцевъ, онъ отпустилъ ихъ и — засѣвши въ Торжкѣ — прекратилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ. Голодъ сильно давалъ себя чувствовать, почему новгородцы два раза отправляли къ Ярославу пословъ, приглашая его или идти въ Новгородъ, или очистить Торжокъ. Но Ярославъ продолжалъ дѣйствовать по-прежнему. Наконецъ, 11 февраля въ Новгородъ явился Мстиславъ Удалой, перехваталъ бояръ, приверженцевъ Ярослава, схватилъ Ярославова намѣстника и всѣхъ ихъ заковалъ, а затѣмъ потребовалъ отъ Ярослава, чтобы онъ очистилъ Торжокъ. Ярославъ въ отвѣтъ на это требованіе ловилъ новгородцевъ и отправлялъ ихъ въ свои города. «Да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ! но гдѣ св. Софія, тамъ Новгородъ», сказалъ Мстиславъ новгородцамъ и рѣшился выступить противъ Ярослава. Къ послѣднему пришелъ на помощь вел. кн. Юрій, а Константина привлекъ на

20) Ibid. I, 183—184; VII, 116 (подъ 1208 годомъ). См. начало біографіи Святослава Всеволодовича.

21) Ibid. I, 185; VII, 118, 119. — По Воскр. лѣтописи бой 1213 г. произошелъ на р. Идшѣ. Но такой рѣки мы не знаемъ, а знаемъ Ишню, какъ эта рѣчка и названа въ Никон. лѣтописи (т. II, 316). Объ этой рѣчкѣ см. статью г. Лѣствицына въ Яросл. губ. вѣд. 1871 г. № 50: «Рѣчка Ишня подъ Ростовомъ.»

свою сторону Мстиславъ, обѣщавъ доставить ему великое княжество. Въ битвѣ на берегахъ р. Липицы, близъ Юрьева, происшедшей 21 апрѣля **1216 г.**, верхъ взяли Мстиславъ и Константинъ, который и занялъ великокняжескій столъ, Юрію же далъ сначала Городецъ на Волгѣ, а потомъ — Суздаль²²⁾.

Въ **1219 г.** болгаре напали на Устюгъ и взяли его. Въ слѣдующемъ **1220 г.** вел. кн. Юрій Всеволодовичъ послалъ на этихъ хищниковъ брата Святослава съ воеводой Еремѣемъ Глѣбовичемъ, къ которымъ присоединилъ свои полки и Ярославъ Всеволодовичъ²³⁾. Года черезъ два послѣ этого похода мы видимъ Ярослава въ Новгородѣ. Въ **1221 г.** сынъ вел. князя Всеволодъ Юрьевичъ, не ужившись съ новгородцами, тайно уѣхалъ отъ нихъ; тогда новгородцы выпросили у Юрія брата его Ярослава. Этотъ послѣдній прибылъ въ Новгородъ въ **1222 г.** и въ томъ же году ходилъ съ новгородцами на Колывань (Ревель), повоевалъ всю Чудскую землю, забралъ большой полонъ и множество золота, но города взять не могъ²⁴⁾... Неизвѣстно, когда Ярославъ выѣхалъ изъ Новгорода, но — до **1224 г.** Подъ этимъ послѣднимъ годомъ въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе о томъ, что Всеволодъ, сынъ Юрія Всеволодовича, во второй разъ тайно выѣхалъ изъ Новгорода съ дворомъ своимъ въ Торжокъ. На этотъ разъ великій князь, съ намѣреніемъ наказать новгородцевъ, вмѣстѣ съ братьями прибылъ въ Торжокъ и требовалъ выдачи нѣкоторыхъ изъ новгородскихъ бояръ, которыми былъ недоволенъ. Новгородцы, однако, съ твердостью заявили великому князю, что братьевъ своихъ они не выдадутъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, по предложенію великаго князя, они согласились принять къ себѣ Юріева шурина Михаила Всеволодовича, князя черниговскаго, который прибылъ въ Новгородъ въ **1225 г.**, но вскорѣ уѣхалъ опять въ свой Черниговъ. Между тѣмъ въ томъ же году на Новгородскую землю сдѣлала набѣгъ Литва, пустошила селенія около Новгорода, Торопца и ниже, по направленію къ Полотску. Ярославъ Всеволодовичъ, какъ говорятъ лѣтописи, сжалився о томъ, выступилъ изъ Переяславля въ погоню

22) Ibid. I, 186, 211; III, 32—35; IV, 20—26; VII, 119—123. Въ послѣдней изъ указанныхъ лѣтописей сказано, что Ярославъ сталъ (на мѣстѣ битвы) съ своими полками, *муромцами, городчанами* и бродниками. — Однѣ изъ лѣтописей относятъ битву къ 1215 г., а другія — къ 1216; очевидно, однѣ принимаютъ годъ, въ который началась распря у Ярослава съ новгородцами, доведшая дѣло до Липицкой битвы, а другія — годъ самой битвы.

23) Ibid. VII, 126 и сл. — Въ 1219 г. сентября 7 Ярославъ присутствовалъ вмѣстѣ съ братомъ Юріемъ при освященіи епископомъ Симономъ Рождество-Богородицкой церкви во Владимірѣ.

24) Ibid. I, 216; III, 38; IV, 27; VII, 128. По I, 189 и IV, 177 это было въ 1223 г. Ср. соотвѣтственное мѣсто въ биографіи Святослава.

за литовцами; съ нимъ были князья — братья, Владиміръ Мстиславичъ съ новоторжцами и Давидъ съ торопчанами; князья послали и за новгородцами, которые, впрочемъ, отъ Русы возвратились назадъ, можетъ быть, потому, что литовцы угнаны были далеко. Соединенные князья догнали бѣглецовъ близъ Усвята, побили ихъ, взяли у нихъ весь полонъ и захватили съ собой не только многихъ простыхъ воиновъ, но и князей. Новгородцы послѣ того обратились къ Ярославу и усиленно просили его къ себѣ. Тотъ явился въ Новгородъ, но не изъявилъ никакого неудовольствія на то, что новгородцы не преслѣдовали литовцевъ до конца²⁵⁾.

Зимой 1226 г. Ярославъ Всеволодовичъ ходилъ въ южную часть Финляндіи на Емь или Ямъ, «гдѣ — по замѣчанію лѣтописи — ни одинъ отъ князь русскихъ не возможе бывать, и всю землю ихъ плѣни». Ему приходилось возвращаться съ такимъ громаднымъ полономъ, что онъ вынужденъ былъ многихъ плѣнныхъ освободить, а иныхъ убивать. Въ слѣдующемъ 1227 г. онъ, безъ всякаго насилія съ своей стороны, крестилъ едва не всѣхъ корелянъ, сосѣдей Еми²⁶⁾.

Въ 1228 г. Емь, желая отмстить новгородцамъ, вошла въ Ладожское озеро. Ярославъ выступилъ противъ нея съ новгородцами. Ладожане, съ своимъ посадникомъ во главѣ, не дождавшись новгородцевъ, побили Емь, которая, не получивъ просимаго ею мира, избила весь полонъ, бросила лодки и бѣжала въ лѣса. Между тѣмъ новгородцы стояли въ Невѣ. Здѣсь по какому-то случаю они собрали вѣче, на которомъ хотѣли убить какого-то Судиміра, но князь скрылъ его въ своемъ насадѣ. Послѣ этого новгородцы, не дожидаясь ладожанъ, возвратились въ Новгородъ. Къ тому же времени относится распря новгородцевъ съ княземъ. Ярославъ, желая прибрать къ своимъ рукамъ не хотѣвшихъ поддаваться ему псковичей, требовалъ, чтобъ новгородцы шли съ нимъ на Псковъ, но тѣ отказались. Тогда Ярославъ вызвалъ изъ Переяславля свои полки, съ которыми хотѣлъ будто бы идти на Ригу. Псковичи воспротивились этому, такъ какъ находились въ мирѣ съ нѣмцами; они говорили, что Ярославъ ходилъ къ Колывани, взялъ тамъ много серебра, а правды не учинилъ; то же было и съ Кесью (Венденъ); этимъ онъ только раздражилъ нѣмцевъ, которые обратились на нихъ, псковичей, и побили ихъ; въ заключеніе псковичи сказали Ярославу и новгородцамъ, что если они пойдутъ на Ригу, то псковичи

25) Ibid. I, 190, 219; III, 39 (подъ 1223 г.), 41, 42; IV, 27—28; VII, 133 (Литва побита въ недѣлю сыропустную).

26) Ibid. I, 190, 219; III, 42; IV, 29; VII, 133. Вѣроятно, Ярославъ за одинъ походъ повоевалъ Емь и крестилъ Корелу, и по тому-то, можетъ быть, большинство указанныхъ лѣтописей походъ на Емь, начавшійся по Лавр. лѣтописи въ 1226 г., относитъ къ 1227 г.

пойдутъ противъ нихъ. Новгородцы заявили, что безъ псковичей и они не пойдутъ. Вслѣдствіе этой неудачи Ярославъ съ женой своей уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ сыновей своихъ, Оедора и Александра²⁷⁾.

Въ то время, какъ все это происходило въ Новгородско-Псковской области, вел. кн. Юрій Всеволодовичъ собиралъ свои и ростовскіе полки въ походъ на Мордву; въ сентябрѣ 1228 г. войска его были уже за Нижнимъ-Новгородомъ, — но проливные дожди заставили его воротить эти войска. Въ томъ же году 14 января Юрій самъ выступилъ на Мордву; съ нимъ были его племянники, Василько и Всеволодъ Константиновичи (ростовскій и ярославскій), а также братъ его Ярославъ. Этотъ походъ былъ успѣшнѣе предыдущаго²⁸⁾.

Вскорѣ послѣ этого похода Ярославъ захватилъ новгородскую волюсть Волокъ. Въ 1229 г. въ Новгородъ пришелъ изъ Чернигова кн. Михаилъ Всеволодовичъ, но вскорѣ уѣхалъ домой, оставивъ въ Новгородѣ сына своего Ростислава, еще младенца. Новгородцы отправили къ Ярославу пословъ съ требованіемъ, чтобы онъ возвратилъ имъ Волокъ; но Ярославъ не только не исполнилъ этого требованія, но и пословъ не отпустилъ и держалъ ихъ все лѣто. Ссорясь съ новгородцами, Ярославъ разсорился и съ старшимъ братомъ своимъ, вел. кн. Юріемъ, противъ котораго успѣлъ возстановить и племянниковъ, Константиновичей. Причина ссоры передается лѣтописями не ясно: «Ярославъ Всеволодовичъ, слушая нѣкихъ льсти... мысляшетъ противитися Юрью брату своему». Но явившись въ Суздаль «на снемъ» (сеймъ), князья примирились: братъ великаго князя и племянники ихъ «поклонишася Юрью вси...» Сентября 7-го они цѣловали крестъ другъ къ другу, а 8-го, въ день Рождества Богородицы, праздновали и веселились у епископа Митрофана²⁹⁾.

Между тѣмъ Новгородъ страдалъ отъ голода и мора. Народъ ждалъ кн. Михаила Всеволодовича, но онъ не являлся, потому что хотѣлъ прежде примириться съ Ярославомъ, который, по новгородскимъ дѣламъ, относился къ нему враждебно и грозилъ войной. При посредствѣ кievскаго князя Владиміра Рюриковича враждующіе примирились въ 1230 г. Но Михаилъ черниговскій явно нарушалъ миръ. Вскорѣ по примиреніи онъ былъ на постригахъ сына въ Новгородѣ, гдѣ, по его отъѣздѣ, началось возмущеніе

27) Ibid. I, 219; III, 43; IV, 178, VII, 134.

28) Ibid. I, 191; VII, 134; Ник. II, 358. По Воскресенской лѣтописи 4 января князья уже побивали Мордву. — Подробности этого эпизода см. въ соотвѣтственномъ мѣстѣ біографіи Всеволода К-ча, кн. ростовскаго, во II-ой ч.

29) Ibid. I, 192—193, 220; III, 42—45; IV, 29; VII, 134—136.

вслѣдствіе вражды посадника Водовика съ сыномъ извѣстнаго посадника Твердислава; пожары и убійства были весьма часты; многіе бѣжали отъ свирѣлаго Водовика къ Ярославу Всеволодовичу. Наконецъ, самъ Водовикъ вмѣстѣ съ сыномъ Михаила Ростиславомъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Торжокъ, вѣроятно, по тому, что прежде другихъ узналъ о примиреніи Михаила съ Ярославомъ. Скоро и новгородцы узнали объ этомъ примиреніи и вознегодовали на Михаила Всеволодовича: они называли его измѣнникомъ, а «Ростиславу путь показаша съ Торжку къ отцеви въ Черниговъ», и отправили пословъ въ Переяславль просить къ себѣ Ярослава. Водовикъ уѣхалъ съ княжичемъ въ Черниговъ, куда стали перебираться многіе новгородцы, враги Ярослава, которыхъ Михаилъ, вопреки условіямъ примиренія съ Ярославомъ, принималъ свободно. Это обстоятельство возмутило не только Ярослава, но и вел. кн. Юрія. Братья, вмѣстѣ съ племянниками Константиновичами, выступили въ походъ на Михаила. Юрій, впрочемъ, съ дороги воротился, а Ярославъ и Константиновичи выжгли Серенскъ, осаждали Масальскъ и много зла причинили тамошнимъ жителямъ. Между тѣмъ изъ Чернигова новгородскіе враги Ярослава начали перебираться на родину; съ ними пошелъ и трубчевскій князь Святославъ, который, впрочемъ, съ дороги воротился домой, узнавъ, что въ Новгородѣ дѣла идутъ совершенно не въ пользу новгородскихъ выходцевъ и не такъ, какъ о томъ они говорили. Въ Псковѣ новгородцы схватили Вячеслава, Ярославова сторонника и, кажется, бывшаго новгородскаго посадника, били его и заковали. Между тѣмъ въ самомъ Новгородѣ продолжался мятежъ, потому что еще не было князя. Но вотъ явился Ярославъ, перехваталъ находившихся въ Новгородѣ псковичей и отправилъ ихъ на Городище, а въ Псковъ послалъ требованіе о выдачѣ его мужа. Псковичи, съ своей стороны, требовали выдачи ихъ товаровъ и пр., и только тогда хотѣли освободить Вячеслава. Ярославъ прибѣгъ къ обычной мѣрѣ: не пускалъ во Псковъ гостей, вслѣдствіе чего наступила во всемъ дороговизна, и по этому, вѣроятно, псковичи освободили Вячеслава. И князь отчасти выполнилъ требованія псковичей, но мира съ ними не взялъ. Псковичи кланялись, какъ передаютъ лѣтописи, князю, просили у него сына Ѳеодора; но Ярославъ далъ имъ шурина своего Юрія (Мстиславича), который и сѣлъ въ Псковѣ³⁰.

Въ 1233 г. нѣмцы начали беспокоить Новгородско-Псковскія волости. Въ 1234 г. Ярославъ выступилъ въ походъ; не доходя до Юрьева (Деритъ), цѣли похода, онъ остановился. Нѣмцы изъ Юрьева и Медвѣжьей Головы (Оденпе) выступили противъ русскихъ, но потерпѣли поражение и прими-

30) Ibid. 191, 194, 220; III, 47—48; VII, 137; М. II. Погодина: «Изсл., замѣч.» и пр. VI, 323; Карамз. III, 158. Серенскъ на р. Серенѣ — нынѣ село Калужской губ.

рился съ Ярославомъ. Въ томъ же году литовцы напали на Русь, но отбиты были и стали отступать. Ярославъ настигъ ихъ на Дубровнѣ въ Торопецкой волости, отнялъ у нихъ 300 коней и товаръ. Литовцы, бросая оружіе и щиты, бѣжали въ лѣсъ³¹⁾.

Въ южной Руси около того времени шла борьба между князьями пзъ-за Кіева и Галича. Въ 1234 г. Владиміръ Рюриковичъ кіевскій велъ войну съ Михаиломъ черниговскимъ, но при Торческѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Кіевскій столъ занялъ родственникъ и союзникъ Михаила, Изяславъ Владиміровичъ, кн. сѣверскій. Но въ 1236 г., освободившись изъ плѣна за большой выкупъ, Владиміръ выгналъ Изяслава изъ Кіева, но не могъ удержать кіевского стола за собой: по настоянію Данила галицкаго и вел. кн. владимірскаго онъ долженъ былъ уступить его Ярославу Всеволодовичу. Ярославъ, оставивъ въ Новгородѣ сына своего Александра, отправился въ Кіевъ съ лучшими новгородскими мужами, которыхъ, продержавъ тамъ недѣлю и одаривъ, отпустилъ обратно въ Новгородъ³²⁾.

Ярославу не долго пришлось сидѣть въ Кіевѣ. 4 марта 1238 г., на берегу рѣки Сити, произошла извѣстная битва вел. кн. владимірскаго, Юрія Всеволодовича, съ татарами, въ которой онъ палъ³³⁾. На свободный великокняжескій столъ, по старшинству, долженъ былъ сѣсть братъ Юрія, Ярославъ, который и поспѣшилъ теперь изъ Кіева (или изъ Новгорода) во Владиміръ, представлявшій изъ себя груды развалинъ и человѣческихъ труповъ—слѣды татарскаго меча и огня. Первою заботой князя было очищеніе стольнаго города отъ труповъ, которыми наполнены были не только улицы, дворы и жилища, но и самые храмы; нужно было собрать и похоронить разбѣжавшихся отъ татарскаго нашествія жителей. Заботясь о приведеніи въ порядокъ столицы, Ярославъ—въ то же время—позаботился и о своихъ братьяхъ: Святославу онъ далъ Судаль, а младшему, Ивану—Стародубъ³⁴⁾; наконецъ, въ слѣдующемъ 1239 г. распорядился перенесеніемъ изъ Ростова во Владиміръ тѣла Юріева, которое встрѣчено было духовенствомъ и народомъ и—послѣ обычныхъ церковныхъ пѣснопѣній—положено въ храмъ (Успенскомъ) Богоматери, гдѣ лежалъ и прахъ отца его, Всеволода. — Въ томъ же году литовцы, вѣроятно, пользуясь сумя-

31) Ibid. I, 220—221; III, 49—50; IV, 29—30, 178; VII, 138.

32) Ibid. I, 221; III, 50; IV, 30; VII, 138. Ср. прим. 35.

33) Юрій, между прочимъ, поджидалъ здѣсь братьевъ, Ярослава и Святослава. Послѣдній, по Твер. лѣт. 368, 370, участвовалъ въ этой битвѣ.

34) П. С. Р. Л. I, 199, 225; IV, 33—34; VII, 143—144; XV, 370 и сл.; Ник. III, 4. Стародубъ, по книгѣ Большаго чертежа, на Клязьмѣ, ниже Владиміра въ 60 в. и соотвѣтствуетъ селенію Кляземскій городокъ, въ 14 верст. отъ г. Коврова. Солов. III, пр. 285. — Никон., вопреки другимъ лѣтописямъ, говоритъ, что Ярославъ пришелъ на владимірскій столъ изъ Новгорода Вел. Впрочемъ ср. слѣдующее примѣчаніе.

тицей, происходившей въ сѣверо-восточной Руси, начинаютъ тѣснить Смоленскъ. Ярославъ Всеволодовичъ предпринялъ противъ нихъ походъ: побѣдилъ ихъ, плѣнилъ ихъ князя и посадилъ въ Смоленскъ Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Романовича, бывшаго вел. кн. кіевскаго³⁵).

35) Ibid. I, 199—200, 225; VII, 144; XV, 373; Ник. III, 5. — Отецъ посаженнаго въ Смоленскъ Всеволода имѣлъ другое имя — Борисъ (см. «Указ. къ 8 томамъ П. С. Р. Л. подъ «Всеволодомъ Мстиславъ» и Русско-Лив. акты, 450). Между тѣмъ Родословная, помѣщенная во «Временникъ» (кн. 15, стр. 35 и 37), въ одномъ перечнѣ смоленскихъ князей опускаетъ его, въ другомъ — упоминаетъ его безъ отчества, помѣщая *послѣ Ростислава* Мстиславича, который въ крещеніи назывался *Борисомъ*, а Всеволодъ — *Андреемъ*. — Въ «Исторіи города Смоленска», соч. П. Никитина (М. 1848), нѣтъ даже генеалогіи смоленскихъ князей, не говоря уже о томъ, что, кромѣ Карамзина, авторъ часто пользуется такими пособіями, какъ Энци. лекс., Исторія Глинки и т. п. Въ 1239 г. марта 3 — какъ догадываются составители Указателя къ 8 т. П. С. Р. Л. — умеръ Владиміръ Рюриковичъ смоленскій, хотя это извѣстіе и безъ догадокъ находится въ одной лѣтописи подъ 1230 годомъ (IV, 178); при томъ здѣсь сказано, что 3 марта взять Русскій Переяславль, — а потомъ уже говорится о смерти Владиміра: «Того же лѣта Володимеръ умре Кіевскій Рюриковичъ». Годъ, дѣйствительно, по сравненію съ другими списками, долженъ быть 1239. Вообще надобно замѣтить, что лѣтописныя извѣстія 1235—38 годовъ — темны, противорѣчивы и сбивчивы: такъ, Ипат. Лѣтопись (II, 175) подъ 1235 г. говоритъ, что Ярославъ Всеволодовичъ взялъ Кіевъ подъ Владиміромъ Рюриковичемъ; а по Густинской лѣт. (ibid. 338), въ 1236 г. Ярославъ Всев. съ большою ратью пришелъ къ Кіеву, выгналъ оттуда Изяслава Мстиславича и самъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, — но въ томъ же году выгнанъ оттуда Владиміромъ Рюриковичемъ. Если это такъ, то можно предположить, что Ярославъ могъ удалиться въ Новгородъ, и въ такомъ случаѣ извѣстіе Никон. лѣтописи (см. примѣч. 34) о томъ, что въ 1238 г. Ярославъ пришелъ во Владиміръ изъ Новгорода, надобно считать правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что одна только Воскр. лѣт. говоритъ, что Ярославъ пришелъ во Владиміръ именно изъ Кіева (VII, 144). а послѣ него въ Кіевѣ сѣлъ Михаилъ Черниговскій. Въ Ипат. лѣт. (II, 175) подъ 1235 г. говорится, что Ярославъ взялъ подъ Владиміромъ Рюриковичемъ, Кіевъ, но «не мога его держати иде паки Суждалю». Татищевъ (III, 464) подъ 1235 г. говоритъ, что Ярославъ, «пришедъ къ Кіеву, самъ сѣлъ на Кіевѣ....; но недолго державъ, учинилъ со Изяславомъ договоръ, что ему за Владиміра окупъ заплатить, и Смоленскъ ему отдать, самъ возвратился». Далѣе, подъ 1236 г. у Татищева говорится, что Изяславъ послалъ къ в. кн. Юрію пословъ съ просьбой о любви и дружбѣ. — Упоминаемый здѣсь Изяславъ — лицо неопредѣленное: С. М. Соловьевъ (III, 162, пр. 264) и составители Указателя къ 8 т. П. С. Р. Л. примыкаютъ къ мнѣнію Карамзина и Арцыбашева, считающихъ этого Изяслава сыномъ Владиміра Игоревича сѣверскаго; Троицкая и Густинская лѣт. называютъ его просто Мстиславичемъ, а Рост., Воскр. и Никон. и въ слѣдъ за ними Татищевъ считаютъ его сыномъ Мстислава Ростиславича смоленскаго. Надобно замѣтить, что Михаилъ и Изяславъ, требуя у Данила выдачи плѣненныхъ его боярами у Каменца князей Болоховскихъ, такъ выражались: «отдай *нашу братью*...» С. М. Соловьевъ (III, пр. 268) указываетъ на это обстоятельство, какъ на «единственное основаніе считать Изяслава Ольговичемъ» (т. е. сыномъ Владиміра Игоревича). Но отсюда косвенно можетъ вытекать и то заключеніе, что князья Болоховскіе были Ольговичи. Между тѣмъ вопросъ о происхожденіи Болоховскихъ князей далеко еще нельзя назвать рѣшеннымъ: г. Дашкевичъ (въ своемъ рефератѣ: «Болоховская земля и ея значеніе въ Русской исторіи. Эпизодъ изъ исторіи южной Руси въ XIII и XIV ст.» Кіевъ 1876), совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, доказывая, что здѣсь слово *братья* нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, дѣлаетъ остроумную и, по приводимымъ имъ основаніямъ, кажется, вѣрную догадку, что князья Болоховскіе стоятъ особнякомъ, что это — князья общинные или, при-
мѣрно, такіе же, какіе были въ Древлянскій землѣ при Игорѣ и Ольгѣ (стр. 29 и слѣд.).

Мирная дѣятельность князя потревожена была набѣгомъ на Суздальскую землю татаръ, которые, повоевавъ Мордовскую землю, пронесли огонь и мечъ по рр. Окѣ и Клязьмѣ, сожгли Муромъ и городъ св. Богородицы-Гороховецъ, и съ большимъ полономъ ушли домой. Это было зимой въ томъ же 1239 году³⁶).

Въ 1240 г. сынъ Ярослава Александръ, не извѣстно изъ-за чего, поспорилъ съ новгородцами и ушелъ изъ Новгорода въ Переяславль. Но, тѣснимые нѣмцами, новгородцы просили себѣ у Ярослава князя, и онъ послалъ къ нимъ сына Андрея, который, впрочемъ, не угодилъ новгородцамъ; другое новгородское посольство просило Александра, который и отправился опять въ Новгородъ³⁷).

Батый, между тѣмъ, опустошалъ южно-русскія земли и при-Карпатъ, откуда повернулъ съ своими полчищами назадъ и избралъ своимъ мѣсто-пребываніемъ низовья Волги, основавъ здѣсь г. Сарай (Астраханской губ.). Сюда-то должны теперь являться русскіе князья на поклонъ къ грозному завоевателю. Батый потребовалъ къ себѣ Ярослава, и послѣдній, въ 1243 г., отправился въ Сарай, пославъ сына своего Константина въ Татарію къ великому хану. Батый принялъ и отпустилъ Ярослава съ честію и далъ ему старѣйшинство во всей Руси³⁸). Года черезъ два (1245) возвратился и Константинъ также съ честію³⁹).

36) Есть въ лѣтописяхъ темное извѣстіе подъ 1239 г., приведшее въ недоумѣніе Карамзина: подъ помянутымъ годомъ (П. С. Р. Л. I, 200; II, 177; VII, 144; Ник. III, 5) говорится, что Ярославъ, названный по отчеству только въ Никон. лѣт., ходилъ къ гор. Каменцу, взялъ его, плѣнилъ жену Михаила (разумѣется, черниговскаго) и множество людей и возвратился во-свои. Карамзинъ (IV, прим. 20) удивляется, «какъ могъ вел. князь въ такое бурное время итти изъ Владиміра Суздальскаго въ нынѣшнюю Подольскую губ. Мы упоминали въ 1229 году, продолжаетъ онъ, о Ярославѣ Ингваревичѣ, получившемъ отъ Даніила въ удѣлъ Межибожье и Перемиль; но Суздальскій или Пушкинскій лѣтописецъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о вел. кн. Ярославѣ». Ипат. лѣт. (II, 177) такъ изображаетъ это событіе: «Михаилъ бѣжа по сыну своему передъ татары во Угры».... (Ростиславъ Мстиславичъ занимаетъ Киевъ, Даніилъ выгоняетъ его и оставляетъ тамъ намѣстникомъ Димитрія). «Яко бѣжалъ есть Михаилъ изъ Кыева въ Угры, Ярославъ ѣхавъ я княгиню его и бояръ его поима, и городъ Каменецъ взя». По правдоподобию замѣчанію С. М. Соловьева (III, пр. 277), изъ этого разсказа видно, что Ярославъ былъ ближайшій мѣстный князь, который перехватилъ на дорогѣ жену и бояръ Михайловыхъ,—такъ что, очевидно, здѣсь должно разумѣть именно Ярослава Ингваревича. Что же касается того, что Ник. лѣт. называетъ этого Ярослава Всеволодовичемъ, то, естественно, составитель этого свода, встрѣтивъ въ болѣе старыхъ спискахъ лѣтописей Ярослава безъ отчества, хотѣлъ, но неудачно, сдѣлать это лице болѣе определеннымъ и поставилъ при немъ отчество *Всеволодовичъ*, такъ какъ изъ Ярославовъ того времени *Всеволодовичъ* былъ, такъ сказать, виднѣе.

37) П. С. Р. Л. I, 201; III, 53; V, 179—180 (подъ 1240 годомъ); VII, 149; XV, 381; Ник. III, 13—14.

38) Ibid. I, 201, 225; III, 54; V, 181; XV, 385; Ник. III, 18.

39) Ibid. I, 201; Ник. III, 18.

Въ 1245 г. Ярославъ вмѣстѣ съ братьями и племянниками вторично отправился въ орду. Святославъ и Иванъ Всеволодовичи съ племянниками воротились въ свои отчины, а Ярослава Батый послалъ на берега Амура къ великому хану. Здѣсь онъ принялъ, по замѣчанію лѣтописца, «много томленія», такъ какъ противъ него велась, — судя по нѣкоторымъ сказаніямъ, хотя и не совсѣмъ яснымъ, — какая-то интрига, въ которой дѣйствующими лицами являются бояринъ Ѳеодоръ Яруновичъ и сама ханша, которая, подъ видомъ угощенія, поднесла Ярославу яду. Великій князь поѣхалъ отъ хана уже будучи больнымъ; чрезъ семь дней, а именно 30 сентября 1246 г., въ дорогѣ онъ скончался, причемъ тѣло его сильно посинѣло, что еще болѣе убѣждало современниковъ въ томъ, что онъ отравленъ. Сопровождавшіе его бояре привезли тѣло его во Владиміръ, гдѣ, въ Успенскомъ соборѣ, онъ и былъ похороненъ⁴⁰⁾.

Ярославъ Всеволодовичъ, въ св. крещеніи Ѳеодоръ, былъ женатъ дважды: 1) на дочери⁴¹⁾ Юрія Кончаковича, кн. половецкаго, неизвѣстной по имени; 2) на Ѳеодосіи (въ иночествѣ Евфросиніи), дочери Мстислава Удалого⁴²⁾. Отъ перваго брака мы не видимъ у него дѣтей; отъ втораго же у

40) Ibid. I, 201, 226; V, 186; VII, 152, 156; XV, 386, 393, 400; Ник. III, 19, 26. Твер. о смерти Ярослава говоритъ подъ 1247, а Троицк. — подъ 1248. По поводу поднесеннаго Ярославу яда Карамзинъ (IV, 22) замѣчаетъ, что монголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Плато-Карпини (кн. 1, гл. 14) замѣчаетъ, что Ярославъ отравленъ татарами съ тою цѣлю, чтобъ имъ свободно было владѣть Русью. Но, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева (III, 185), татарамъ въ такомъ случаѣ нужно было бы истребить всѣхъ князей. Соловьевъ предполагаетъ, что интрига противъ Ярослава велась, вѣроятно, Константиновичами Ростовскими (изъ собственно Константиновичей, замѣтимъ, въ живыхъ оставался только Владиміръ углицкій, который принималъ участіе въ послѣдней поѣздкѣ Ярослава въ орду). Когда не удалось оклеветать Ярослава передъ ханомъ, прибѣгли къ ханшѣ, о чемъ ханъ и не зналъ. Иначе, въ самомъ дѣлѣ, трудно согласить всеобщее свидѣтельство и своихъ и иностранныхъ источниковъ о «нужной» (насиленной) смерти вел. князя («Исторія отн. между русск. кн. Рюр. дома, 262—263»). — Лѣтописи вообще скупы на похвалы этому князю; но одна изъ нихъ (VII, 156) говоритъ, что онъ «положи душу свою за други своя и за землю Русскую», а рукописныя святцы причисляютъ его къ лику святыхъ. См. Карамз. IV, прим. 38.

41) Ibid. I, 180; VII, 112.

42) Ibid. III, 54; V, 182; VII, 152 (тамъ же, на стр. 146, въ житіи Александра Невскаго названа святою); XV, 385; Ник. III, 18. Почти всѣ лѣтописи одинаково о ней говорятъ: «преставися княгыня Ярославля, постригшися у святого Георгія въ монастыри; ту же и положена бысть, сторонъ сына своего Ѳеодора, мѣсяца мая въ 5 (по инымъ 4), на память святыхъ Ирины; нарѣчено бысть имя ей Евфросинья». Въ новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ, въ надгробной надписи значится: «Лѣта 6749 (вмѣсто 6752) мая въ 4, въ Великомъ Новѣградѣ почилъ... Ѳеодосія... супружница вел. кн. Ярослава Всеволодовича...». Между тѣмъ Карамзину было доставлено владимірскимъ губернаторомъ описаніе владимірскихъ княжескихъ гробовъ, по которому Ѳеодосія съ сыномъ Ѳеодоромъ покоятся во Владимірской Георгіевской церкви (IV, прим. 39). Дѣйствительно, въ Георгіевской церкви во Владимірѣ, построенной Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 г. (съ 1153 г. при этой церкви былъ женскій монастырь, неизвѣстно когда упраздненный), есть двѣ гробницы: одна на правой сторонѣ,

него были сыновья: Оеодоръ, Александръ, Андрей, Михаилъ Храбрый, Даниилъ, Ярославъ-Аѳанасій, Василій, Константинъ, и двѣ дочери: Марія и другая, неизвѣстная по имени⁴³⁾.

другая — на лѣвой. На первой гробницѣ надпись: «На семъ мѣстѣ положены мощи Благоувернаго Великаго князя Оеодора Ярославича, сына Великія княгини Оеодосіа, и брата св. Благоувернаго Великаго князя Александра Невскаго». На второй гробницѣ: «Сія Боголюбивая Великая княгиня Оеодосіа, дочь Галическаго князя Мстислава Мстиславича, честнѣйшая супружница Благоувернаго Великаго князя Ярослава Всеволодовича Владимірскаго, съ нимъ же благоговѣйно и благоугодно поживе и девять сыновъ породил: Оеодора, Александра, Андрея, Константина, Аѳанасія, Данила, Михаила, Ярослава, Василя да дочери двѣ: Евдокію и Іуліанію, на конецъ житія своего монашескій образъ на ся воспрія, въ немъ же и преименовася Евѳросинія; преставися въ Великомъ Новѣградѣ; честное же тѣло ея положено въ преименитомъ градѣ Владимірѣ въ пресловущей обители святаго Великомученика Георгія объ едину сторону сына ея, Благоувернаго Великаго князя Оеодора на семъ мѣстѣ; супругъ же ея Благоуверный Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ Владимірейскій нужно преставися въ иноплемennыхъ земляхъ въ Хавовой Ордѣ въ 6754 (1246) году мѣсяца сентябрю въ 30 день; честное же тѣло его положено бысть въ преименитомъ градѣ Владимірѣ въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы Владимірейскія Златоверхія на южной сторонѣ въ придѣлѣ св. Великомученика Георгія. Обитель сія создана въ лѣто 6661 (1153) Великимъ княземъ Долгоруковымъ». Лѣтописи не говорятъ, гдѣ она умерла, — исключая Ник., по которой она умерла въ Новгородѣ, — а говорятъ только, что постриглася въ Георгіевскомъ монастырѣ, и всего вѣроятнѣе она погребена во Владимірскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, хотя умерла и въ Новгородѣ. Что же касается того, что какъ въ Новгородскомъ, такъ и во Владимірскомъ Георгіевскихъ храмахъ есть гробницы однихъ и тѣхъ же лицъ, то это, кажется, естественное желаніе какъ новгородцевъ, такъ и владимірцевъ — считать принадлежащимъ тому или другому городу прахъ такихъ лицъ, какъ мать и братъ Александра Невскаго; притомъ же позднѣйшіе составители вышеприведенныхъ надписей могли невѣрно понять и объяснить лѣтописныя извѣстія: они знаютъ, что Оеодосіа умерла въ Новгородѣ и похоронена у св. Георгія, а Георгіевскихъ церквей въ Новгородѣ не одна и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ болѣе извѣстны, чѣмъ владимірская, почему и рѣшили, что Оеодосіа погребена въ Новгородѣ. (Надписи владимірейскія приведены въ «Церковно-истор. описаніи владим. достопамятностей». Соч. Магистра Геромонаха Іоасафа. Влад. 1857). — Нѣкоторыя родословныя (напр. Головина) называютъ вторую жену Ярослава Ростиславой — Оеодосіей. Мальгинъ («Зерцало Росс. Госуд.» изд. 1794 года, стр. 265, прим.) считаетъ Оеодосію кн. новгородской, дочерью Мстислава Мстиславича Храбраго и также второй женой Ярослава. Но первой женой онъ считаетъ, вопреки лѣтописямъ (I, 180: VII, 112), не дочь Юрія Кончаковича, а неизвѣстную по имени дочь Бориса Всеславича полоцкаго; дочь же Юрія Кончаковича онъ считаетъ женой брата Ярославова, Святослава, голословно утверждая, что лѣтописцы по ошибкѣ измѣнили въ имени Святослава начальные 4 буквы и изъ него сдѣлали Ярослава. Если Оеодосіа была второй женой, а дочь Бориса Всеславича первой, то выйдетъ слѣдующая нелѣпость: положимъ, что первая жена Ярослава, т. е., по Мальгину, дочь Бориса полоцкаго, родилась въ годъ смерти отца, т. е. въ 1128 году; первый сынъ отъ Оеодосіа, Оеодоръ, родился въ 1219 г., — значитъ, Ярославова первая жена умерла ранѣе этого года. Предположимъ, что Ярославъ вступилъ въ первый бракъ лѣтъ 17-ти, т. е. въ 1208 г., и въ такомъ случаѣ дочери Бориса полоцкаго было бы 80 лѣтъ въ этомъ году! Кромѣ того Мальгинъ даетъ Ярославу еще третью жену, неизвѣстную по имени дочь рязанскаго князя, Игоря Рюриковича. Но мы не знаемъ такого рязанскаго князя.

43) Нѣкоторыя лѣтописи, какъ напр. Ник. III, 3, даютъ Ярославу девятерыхъ сыновей, другія — осьмерыхъ, третьи — семерыхъ. Послѣднія не считаютъ рано умершаго Оеодора, а первыя грѣшатъ тѣмъ, что изъ Ярослава — Аѳанасія сдѣлали двоихъ сыновей.

Святославъ Всеволодовичъ.

р. 1196 † 1253.

По смерти Ярослава Всеволодовича, по праву старшинства, великокняжескій столъ занялъ слѣдующій за Ярославомъ братъ, Святославъ Всеволодовичъ.

Святославъ, въ св. крещеніи Гавріиль, родился 27 марта 1196 г.⁴⁴)... Мы уже говорили, что въ древней Руси княжичи часто съ самыхъ раннихъ лѣтъ выступали на путь практической жизни. Такъ было и съ Святославомъ. Вел. кн. Всеволодъ Юрьевичъ, господствуя не только въ сѣверо-восточной Руси, но отчасти и въ южной, хотѣлъ господствовать и на сѣверовостокѣ, въ Новгородѣ, а потому придумывалъ средства прибрать послѣдній къ своимъ рукамъ. Ему, наконецъ, удалось такъ поставить дѣло, что новгородцы сами обратились къ нему за княземъ. Въ 1199 г. съ великой честью онъ принялъ у себя новгородскихъ пословъ, а въ 1200 г. послалъ въ Новгородъ сына Святослава, «еще млада суща», конечно, окруживъ его опытными боярами. Святославъ отправился въ Новгородъ 12 декабря, а прибылъ туда 1-го января; за нѣсколько верстъ отъ Владиміра его провожали братья: Константинъ, Юрій, Ярославъ и Владимір⁴⁵). Вскорѣ возникли какія-то неудовольствія между княземъ и новгородцами, но дѣло окончилось только тѣмъ, что Всеволодъ послалъ на мѣсто Святослава старшаго сына, Константина, который сидѣлъ тамъ до 1207 г. Въ этомъ послѣднемъ году Всеволодъ вызвалъ его съ новгородцами въ походъ

Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Твер. 373, опускаетъ Ярослава, а считаетъ Аѳанасія, очевидно, принимая только имя данное при крещеніи (ср. Карамз. IV, прим. 78). С. М. Соловьевъ также считаетъ Аѳанасія и Ярослава отдѣльными лицами («Ист. отнош. между русск. кн...», 264, пр. 1).—До сихъ поръ не всѣ согласны въ томъ, кто старше: Александръ или Андрей. Намъ кажется несомнѣннымъ, что первый былъ старше: мы видимъ его въ Переяславлѣ, когда отецъ его занялъ великокняжескій столъ, а Переяславль обыкновенно давался старшему между наличными великокняжескими сыновьями.—Что касается дочерей Ярослава, то мы знаемъ двухъ, изъ которыхъ лѣтописи одну называютъ Маріей; одна изъ приведенныхъ въ 42 прим. надписей на гробницѣ Ѳеодосія даетъ двухъ дочерей Ярославу: Евдокію и Іуліанію; вѣроятно, Головинъ въ свою родословную кромѣ лѣтописной Маріи внесъ Іуліанію изъ помянутой надписи; Мальгинъ («Зерцало...», 261) отмѣчаетъ также двухъ дочерей: Гремиславу — Евдокію, бывшую за польскимъ королемъ Лѣшкомъ Бѣлымъ, что принимаютъ и польскіе историки (Делевель), и Іуліанію, скончавшуюся дѣвицею — инокинею подъ именемъ Маріи.

44) П. С. Р. Л. I, 173—174; VII, 102.

45) Ibid. I, 175; III, 25, 31; IV, 18—19; V, 171; VII, 107 (Всеволодъ отпускалъ Святослава въ Новгородъ, «сдумавъ съ дружиною своею»); XV, 289.

на Рязань. Послѣ похода великій князь, хорошо видѣвшій, что неудовольствіе на него новгородцевъ еще не совсѣмъ остыло, одарилъ ихъ, обнадежилъ въ ихъ древнихъ вольностяхъ и отпустилъ домой, но Константина оставилъ въ землѣ Суздальской, давъ ему Ростовъ съ другими пятью городами, а въ 1208 г. къ новгородцамъ опять отпустилъ Святослава ⁴⁶⁾.

Въ 1209 г. въ Новгородскую землю прибылъ Мстиславъ Мстиславичъ Храбрый, занялъ Торжокъ и предложилъ себя въ князя Новгороду; новгородцы обрадовались этому князю, оберегателю старыхъ порядковъ, выработанныхъ въ южной Руси, и заключили Святослава на владычнемъ дворѣ. Всеволодъ Юрьевичъ отправилъ къ Торжку противъ Мстислава старшихъ сыновей своихъ, Константина и Ярослава. До кровопролитія, однако, дѣло не дошло: князья примирились, Святославъ отпущенъ былъ новгородцами, и старшіе Всеволодовичи изъ Твери, куда прибылъ и младшій братъ ихъ изъ Новгорода, возвратились во Владиміръ ⁴⁷⁾.

Въ 1212 г. скончался Всеволодъ Юрьевичъ, и между старшими братьями, Константиномъ и Юріемъ, какъ мы уже видѣли, возгорѣлась борьба за обладаніе великокняжескимъ столомъ. Святославъ, бывшій сначала на сторонѣ Юрія, перешелъ потомъ на сторону Константина, но вскорѣ опять присталъ къ Юрію, отъ котораго получилъ Юрьевъ-Польскій въ томъ же 1212 г., а въ слѣдующемъ 1213 г. ходилъ съ Юріемъ къ Ростову на старшаго брата ⁴⁸⁾. Въ борьбѣ старшихъ братьевъ своихъ съ Мстиславомъ Удалымъ изъ-за Новгорода (1216 г.), борьбѣ, окончившейся послѣ Липицкой битвы переходомъ великокняжескаго стола отъ Юрія къ Константину, Святославъ также принималъ участіе, держа сторону Юрія: онъ осаждалъ Ржевку, но былъ отбитъ отъ нея малочисленнымъ отрядомъ Мстислава ⁴⁹⁾.

Въ 1219 г., какъ уже говорено было въ біографіи Ярослава Всеволодовича, болгары напали на Устюгъ и взяли его. Великій князь не хотѣлъ оставить безнаказанною дерзость этихъ хищниковъ, и въ 1220 г. послалъ на нихъ Святослава съ воеводой Еремѣемъ Глѣбовичемъ, къ которымъ присоединились переяславльскіе полки Ярослава Всеволодовича и ростовскіе—Василька Константиновича. Святославъ сжегъ, пониже устья Камы, болгарскій городъ Ошель и такъ устранилъ болгаръ, что отъ нихъ было три посольства къ великому князю, который, послѣ похода Святослава, хо-

46) Ibid. I, 183; VII, 115—116 (подъ 1207 г.); I, 210—211; III, 30—31; IV, 19; V, 172 (подъ 1209 г.); Карамз. III, 75. См. соответственное мѣсто въ біографіи Ярослава.

47) Ibid. I, 183—184.

48) Ibid. I, 183—185; II, 133; VII, 117—118.

49) Ibid. VII, 126—128.

тѣлъ лично предпринять на нихъ еще походъ. Юрій Всеволодовичъ такъ доволенъ былъ успѣхами брата въ Болгарской землѣ, что вышелъ и встрѣтилъ побѣдителя близъ Боголюбова на р. Сурамлѣ, а во Владимірѣ для него и его сподвижниковъ, которые щедро были одарены, устроилъ «учрежденіе велие» (пиръ), продолжавшееся три дня. Черезъ годъ послѣ этого похода (въ 1222 г.), Юрій Всеволодовичъ послалъ Святослава на помощь новгородцамъ, бывшимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ ливонскими рыцарями. Новгородцы съ княземъ пустошили Ливонскую землю по берегамъ р. Аа, осаждали г. Кесь (Венденъ), но взять его не могли⁵⁰).

Года черезъ три съ небольшимъ послѣ этого похода (въ 1226 г.) видимъ Святослава въ противоположномъ концѣ сѣверной Руси: вел. кн. Юрій посылалъ его и другаго брата Ивана (впослѣдствіи князь стародубскій) на Мордву, «и возвратистася съ побѣдою»⁵¹).

За тѣмъ, до занятія Святославомъ великокняжескаго стола, мы встрѣчаемся съ нимъ въ лѣтописяхъ только три раза. Въ 1227 г. Юрій Всеволодовичъ послалъ въ русскій (южный) Переяславль на княженіе племянника своего, Всеволода Константиновича, кн. ярославскаго; но Всеволодъ по чему-то въ слѣдующемъ году опять перешелъ въ свой удѣлъ, а въ Переяславль, на его мѣсто, въ томъ же 1228 г. (по другимъ—1229 г.) посланъ былъ Святославъ Всеволодовичъ⁵²); далѣе, подъ 1234 г. лѣтопись⁵³) отмѣчаетъ, что онъ окончилъ постройку Георгіевской церкви въ Юрьевѣ-Польскомъ, и, наконецъ, онъ упоминается въ числѣ князей, которыхъ Господь спасъ отъ меча Батыева въ 1238 г. Есть извѣстія, что Святославъ Всеволодовичъ даже участвовалъ въ битвѣ на р. Сити, но извѣстія эти какъ-то неопредѣленны и туманны, хотя и принадлежать лѣтописямъ⁵⁴).

50) Ibid. I, 216. Здѣсь говорится, что новгородцы выгнали изъ Новгорода Всеволода Мстиславича, присланнаго туда отцемъ изъ Кіева въ 1219 году, и отправили къ Юрію Всеволодовичу архіеп. Митрофана и посадника Иванка просить князя; Юрій далъ имъ сына своего Всеволода. Затѣмъ уже говорится, что «Юрьи присла *сына* свой князя Святослава», который ходилъ къ Кеси. Тверская лѣт. (XV, 354) говоритъ опредѣленно, что Юрій послалъ *брата своего* Святослава и пр. Тоже находимъ въ Новгор. лѣт. (III, 38; IV, 27). Въ Воскр. (VII, 129) подъ 1222 г. говорится объ уходѣ Всеволода Юрьевича изъ Новгорода и приходѣ на его мѣсто Ярослава Всеволодовича, который вм. съ новгородцами ходилъ къ Колывани, повоёвалъ всю Чудскую землю, взялъ много серебра, но города не взялъ. Что касается Никон. лѣт. (II, 346), то по ней къ Кеси ходилъ не Святославъ, а Всеволодъ Юрьевичъ.

51) Ibid. I, 192; VII, 134.

52) Ibid. I, 192; VII, 134.

53) Ibid. I, 196, Ср. прим. 57.

54) Ibid. I, 198, 200, 223, 225; II, 176, 338; III, 51—52; IV, 32—33; VII, 141—142. Однѣ изъ указанныхъ лѣтописей относятъ битву на Сити къ 1237, а другія — къ 1238; послѣднее, конечно, вѣрнѣе. См. слѣд. прим.

И такъ, наступилъ злопамятный для Руси 1238 г. Въ этомъ году Ярославъ Всеволодовичъ, занявшій, послѣ брата своего Юрія, Владимірскій великокняжескій столъ, надѣлилъ младшихъ братьевъ своихъ, Святослава и Ивана, удѣлами: первому онъ далъ Суздаль, а второму — Стародубъ⁵⁵⁾.

Во второе путешествіе (въ 1246 г.) Ярослава въ орду къ Батыю, а отсюда на берега Амура къ великому хану Гаюку, только что вступавшему на велико-ханскій тронъ, Святославъ, братъ его Иванъ и ихъ племянники кн. ростовскіе также ѣздили въ орду. Послѣдніе всѣ въ томъ же году возвратились въ свои отчины, а Ярославъ, на возвратномъ пути изъ Татаріи, скончался 30 сентября того же года⁵⁶⁾.

По старшинству послѣ Ярослава Всеволодовича долженъ былъ занять и занялъ великокняжескій столъ братъ его Святославъ, который въ то же время разсажалъ по городамъ и племянниковъ своихъ, «яко же и братъ уряди, Ярославъ». Но ему не долго пришлось занимать великокняжескій столъ: въ 1248 г. его согналъ съ Владимірскаго стола племянникъ его, московскій князь Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ (Храбрый), который въ томъ же году палъ въ битвѣ съ литовцами на берегу р. Протвы. Владимірскій столъ занялъ другой племянникъ Святослава, Андрей Ярославичъ. Святославъ, вмѣстѣ съ сыномъ Димитріемъ, въ 1250 г. отправился къ хану, который принялъ его съ честію. Конечно, Святославъ ходилъ въ орду хлопотать о возвращеніи великокняжескаго стола, но — хотя и былъ принятъ съ честію — хлопоталъ безуспѣшно: въ концѣ того же года мы видимъ во Владимірѣ опять Андрея, который тогда же и тамъ же сыгралъ свою свадьбу съ дочерью Даниїла Романовича. Чрезъ два года послѣ этого, а именно въ 1252 г. февраля 3, Святославъ скончался въ Юрьевѣ-Польскомъ⁵⁷⁾.

55) П. С. Р. Л. I, 199, 225; VII, 143—144, 152; XV, 373; Ник. III, 3. Въ Троиц. сказано: «Того же лѣта (1238) отда Ростовъ, Суздаль брату Святославу»; но это, очевидно, ошибка, — въ IV, 34: «брату Святославу да (Ярославъ) Суздаль, а въ Ростовъ сѣдоста Васильковичи Борисъ да Глѣбъ на княженіе». Ростовъ постоянно былъ въ потомствѣ Константина Всеволодовича. Твер. 370 говоритъ, что Святославъ участвовалъ въ битвѣ при Сити. Но при молчаніи объ этомъ другихъ лѣтописей, не знаемъ, насколько довѣрять въ данномъ случаѣ Тверской.

56) Ibid. I, 201; VII, 152; XV, 386, 400; Ник. III, 19, 26.

57) Ibid. I, 201—202, 226, 252; IV, 38; V, 187; VII, 156, 159, XV, 397, 400 (1253 и 1252 — подъ обоими годами о смерти Святослава); Ник. III, 30, 32, 34. — См. прим. 69. — Юрьевъ, принадлежавшій къ Суздалью, вѣроятно, былъ любимымъ мѣстомъ Святослава: такъ, въ 1230 г. онъ разобралъ тамъ обветшавшую церковь св. Георгія, построенную дѣдомъ его, Юріемъ Долгорукимъ, и поставилъ новую; въ 1242 онъ украсилъ ее. П. С. Р. Л. VII, 137, 138. См. текстъ къ прим. 53.

Святославъ Всеволодовичъ (въ св. крещеніи Гавріилъ) былъ женатъ на дочери Давида Юрьевича, кн. муромскаго (по нѣкоторымъ сказаніямъ— Евдокія), которая еще при жизни мужа пожелала идти въ монастырь, и въ 1228 г. «Святославъ отпусти княгиню свою по свѣту, всхотѣвши ей въ монастырь, и дать ей надѣлокъ многъ». Она ушла къ «братѣ» въ Муромъ и тамъ постриглась. Отъ брака съ ней Святославъ имѣлъ сына Дмитрія⁵⁸).

Михаилъ Ярославичъ Храбрый.

1238 † 1248.

Михаилъ Ярославичъ, четвертый изъ восьми сыновей Ярослава, извѣстный подъ именемъ Хоробрита (Храбраго), въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1238 г.** въ числѣ другихъ князей, спасшихся отъ татарскаго меча⁵⁹), и за тѣмъ исчезаетъ со страницъ лѣтописей до 1247 г. Святославъ Всеволодовичъ, занявшій въ **1247 г.**, по смерти Ярослава, великокняжескій столъ, своихъ племянниковъ «посажа по городомъ, яко же уряди братъ его, кн. вел. Ярославъ Всеволодичъ»⁶⁰), — а такъ какъ лѣтописи называютъ Михаила *московскимъ*, то, очевидно, ему досталась Москва⁶¹).

Въ **1248 г.** Михаилъ Ярославичъ, — неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ побужденій, — выгналъ дядю своего, Святослава, изъ Владиміра и самъ занялъ великокняжескій столъ. Но въ томъ же году онъ палъ въ битвѣ съ литовцами на берегу р. Протвы. Епископъ Кириллъ распорядился прине-сеніемъ тѣла его во Владиміръ и похоронилъ его въ Успенскомъ соборѣ⁶²).

58) Ibid. I, 191; XV, 393. По стариннымъ рукописнымъ святамъ Святославъ и сынъ его Дмитрій считаются святыми. Карамз. IV, прим. 83.

59) Ibid. I, 200, 225; XV, 373; Ник. III, 3.

60) Ibid. VII, 156; Ник. III, 27.

61) Ibid. IV, 38; XV, 395.

62) Ibid. I, 201, 226; IV, 38; VII, 159; XV, 395, 400; Ник. III, 30—31; Татищ. IV, 22, говоритъ, подъ 1248 годомъ, что Михаилъ согналъ съ Владимірскаго стола Святослава; «Блаженный же Кирилъ епископъ Ростовскій посла взя тѣло его, и положиша его въ церкви Пречистыя Богородицы во Владиміръ.» Очевидно, здѣсь не передано о походѣ на Литву и битвѣ на берегу Протвы. Впрочемъ, такъ нужно было бы Татищеву передать дѣло по лѣтописямъ, которыя намъ извѣстны; но у него этотъ эпизодъ изложенъ какъ будто по инымъ источникамъ: въ слѣдъ за выше приведенной выпиской онъ говоритъ, что Андрей съ другими суздальскими князьями пошелъ на Литву и побилъ ее «изопцова» (въ Ник. «побиша ихъ изупцова» — у Зубцова?). «Князь же Александръ, слышавъ сіи, елика сотвори братъ его Михайло, приде въ Володимерь и бысть имъ прѣ велія о великомъ княженіи, они же уложѣ ити во орду и пойдоша князи Александръ и Михаилъ и многу

Потомства Михаилъ Ярославичъ не оставилъ: по крайней мѣрѣ, его не видно ни по лѣтописямъ, ни по родословнымъ⁶³).

Андрей Ярославичъ.

1238 † 1264.

Лѣтописи не оставили извѣстій о времени рожденія Андрея Ярославича, третьяго сына Ярослава Всеволодовича⁶⁴). Въ первый разъ объ немъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1238** годомъ, какъ объ одномъ изъ числа князей, спасшихся отъ меча татарскаго⁶⁵).

Въ **1240** г. братъ Андрея Александръ изъ-за чего-то разошелся съ новгородцами и ушелъ отъ нихъ въ Переяславль. Но тѣсняемые сосѣдями — нѣмцами, новгородцы просили у Ярослава Всеволодовича князя для Новгорода, и тотъ послалъ къ нимъ сына Андрея. Вѣроятно, Андрей не оправдалъ ожиданій новгородцевъ, и они отправили къ Ярославу второе посольство — просить Александра, который и отправился къ нимъ, неизвестно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ, а Андрей удаллся къ отцу⁶⁶). Но въ слѣдующемъ **1241** году мы опять видимъ его въ Новгородѣ, куда онъ посланъ былъ отцемъ въ помощь къ брату Александру въ борьбѣ его съ нѣмцами, по разбитіи которыхъ въ такъ называемомъ Ледовомъ побоищѣ, въ **1242** г.,

стязанію бывшу» (какъ будто не окончено). Далѣе о Михаилѣ нѣтъ ничего, какъ и о битвѣ на Протвѣ. Походъ же Андрея можно принять за продолженіе перваго похода, послѣ котораго литовцы, очевидно, одержавшіе на Протвѣ верхъ, могли достигнуть до Зубцова. Во всякомъ случаѣ, страннымъ можетъ казаться въ хронологическомъ отношеніи то, что Александръ вступаетъ въ споръ съ Михаиломъ и идетъ съ нимъ въ орду, на что требовалось не мало времени. Но намъ рѣшительно несомнѣннымъ кажется, что битва на берегу Протвы здѣсь по недосмотру упущена, а ниже въ *Михаилъ* надобно читать *Андрей*. Дѣло было, конечно, такъ: Андрей и Александръ отправились въ 1247 или 1248 г. въ орду; Михаилъ, пользуясь отсутствіемъ старшихъ братьевъ, выгналъ изъ Владимира слабого и, какъ видно по его дѣйствіямъ, безхарактернаго Святослава. См. прим. 69.

63) Мальгинъ («Зерцало», 267) даетъ ему сына Бориса; покойный М. Д. Хмыровъ («Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей», № 404), отмѣчая у Михаила сына Бориса, ссылается на какія-то нелѣтописныя сказанія, подъ которыми, можетъ быть, разумѣтъ того же Мальгина. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ Борисѣ мы ничего не знаемъ.

64) Ни родословныя, ни историки не согласны относительно старшинства Андрея и Александра. Мы считаемъ старшинство послѣдняго несомнѣннымъ на томъ основаніи, что Александръ занималъ Переяславль. См. прим. 43.

65) П. С. Р. Л. I, 200 (подъ 1239 годомъ), 225; V, 174; VII, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

66) Ibid. III, 53; V, 179 и слѣд.; VII, 149; XV, 381; Ник. III, 14.

онъ опять воротился къ отцу⁶⁷⁾. Затѣмъ въ продолженіе лѣтъ шести Андрей какъ будто скрывается изъ глазъ лѣтописцевъ: до **1247** г. лѣтописи молчатъ о немъ.

Судя по дѣйствіямъ братьевъ — Ярославичей, — Михаила, прогнавшаго дядю Святослава изъ Владиміра, и старшихъ его братьевъ, Александра и Андрея, спорившихъ, какъ увидимъ, о великокняжескомъ столѣ при жизни дяди, — Святославъ Ярославичъ подавалъ какіе-то поводы племянникамъ своимъ оспаривать у него великокняжеское достоинство⁶⁸⁾. Въ 1247 г., когда, слѣдовательно, былъ еще на владимірскомъ столѣ Святославъ Всеволодовичъ, Андрей и Александръ Ярославичи отправились къ Батю, который послалъ ихъ къ великому хану, въ Монголію. Послѣдній, съ умысломъ — какъ нѣкоторые думаютъ — или безъ всякой задней мысли далъ Александру, умнѣйшему и энергичнѣйшему изъ тогдашнихъ русскихъ князей, разоренный, бѣдный и теперь непривлекательный Кіевъ, — а Андрею (какъ менѣе опасному по уму и энергіи) — Великое Княженіе Владимірское. Братья возвратились изъ Монголіи въ **1249** году⁶⁹⁾. Въ слѣдующемъ **1250** году, когда Святославъ ходилъ въ орду и, какъ видно, хлопоталъ — хотя и безуспѣшно — о великокняжескомъ столѣ, Андрей съигралъ во Владимірѣ свою свадьбу: онъ женился на дочери Данила Романовича галицкаго⁷⁰⁾. Можетъ быть, этотъ родственный союзъ Андрея съ однимъ изъ видныхъ и сильныхъ южно-русскихъ князей заставилъ Александра дѣйствовать рѣшительнѣе: въ **1252** году онъ отправился къ сыну Батыя, Сартаку, которому жаловался на брата Андрея, что онъ обманомъ, не по старшинству получилъ великокняжескій столъ и несполна платитъ хану выходъ. Разгнѣванный ханъ приказалъ доставить Андрея

67) Ibid. I, 201 (подъ 1242 годомъ); III, 53; IV, 37, 179 (подъ 1241 годомъ); V, 180; VII, 150; Ник. III, 14—15.

68) Хотя лѣтописи и молчатъ о характерѣ Святослава, но по дѣйствіямъ его видно, что онъ былъ слабохарактеренъ: такъ, въ борьбѣ старшихъ братьевъ онъ переходитъ на сторону то одного, то другаго, — а потерявши великокняжескій столъ, не настойчиво добивается возвращенія его. Такія качества характера его, вѣроятно, и подавали поводъ племянникамъ его искать подъ нимъ великокняжескій столъ.

69) П. С. Р. Л. I, 201, 252; II, 341; IV, 38; VII, 156, 159, 236; Ник. 26, 31. Лѣтописи тутъ, кажется, спутываютъ событія: I, 252 и IV, 38 подъ 1248 годомъ говорятъ, что Андрей прогналъ съ владимірскаго стола дядю своего, Святослава Всеволодовича, и самъ сѣлъ во Владимірѣ; по другимъ лѣтописямъ Андрей и Александръ пошли въ орду (а оттуда, конечно, прямо въ Монголію) въ 1247 году, а изъ Монголіи воротились въ 1249 г. Вѣроятно, Андрей прогналъ дядю по прибытіи изъ Монголіи на томъ основаніи, что онъ (Андрей) получилъ Владиміръ отъ самого великаго хана. Въ такомъ случаѣ надобно предположить, что по убіеніи Михаила Святославъ вторично занялъ владимірскій столъ. Этимъ же могутъ объясняться и безуспѣшныя хлопоты Святослава въ ордѣ въ 1250 году, если только онъ ходилъ въ орду съ этой цѣлью. См. прим. 62.

70) Ibid. I, 202; VII, 159; XV, 396; Ник. III, 32.

къ себѣ. Еще до возвращенія Александра изъ орды, на Русь пришли съ татарскою ратью Неврюй, Котья и храбрый Олабуга. «Господи!» сказалъ Андрей: «доколѣ намъ ссориться между собою и наводить другъ на друга татаръ? Лучше бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружить съ татарами и служить имъ!» Посовѣтовавшись съ боярами, Андрей съ семействомъ и приближенными людьми бѣжалъ. Татары нагнали его (іюля 24) подъ Переяславлемъ, разбили и едва не захватили въ плѣнъ; онъ успѣлъ ускользнуть отъ нихъ въ Новгородъ, гдѣ не былъ принятъ; бросился въ Псковъ, откуда — дождавшись здѣсь жены своей — ушелъ въ Колывань (Ревель). Оставивъ въ послѣднемъ городѣ жену свою, онъ отправился въ Швецію, куда, потомъ, прибыла и жена его⁷¹⁾. Великокняжескій столъ занялъ Александръ Невскій.

Въ 1256 г. Андрей воротился въ Русь⁷²⁾ и съ любовью принять былъ Александромъ, который хотѣлъ дать ему Суздаль, но не рѣшался этого сдѣлать безъ воли разгнѣваннаго на Андрея хана. Андрей пошелъ на Городецъ и Нижній-Новгородъ. Въ томъ же году посольство Александра дарами умилило хана и примирило его съ Андреемъ. Въ слѣдующемъ 1257 году вмѣстѣ съ братомъ Александромъ и племянникомъ, Борисомъ Васильковичемъ ростовскимъ, Андрей отправился въ орду для поднесенія даровъ и оказанія чести Улавчію. Цѣль этой поѣздки заключалась, вѣроятно, въ приобрѣтеніи благорасположенія Улавчія, который былъ объявленъ намѣстникомъ Руси, — хотя и предположеніе Карамзина можетъ быть правдоподобно: исторіографъ догадывается, что князя сѣверовосточной Руси, «свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно»: явились татарскіе численники и изочли земли: Суздальскую, Рязанскую и Муромскую. Въ 1258 г. Андрей и Александръ Ярославичи, Ярославъ тверскій и Борисъ Васильковичъ ростовскій ѣздили въ орду. Теперь татары потребовали, чтобы и Новгородская земля была исчислена и платила дань. Александръ и Андрей

71) Ibid. I, 202, 226, 252; II, 342; IV, 38; V, 187; VII, 159—160. Эти событія совершились въ 1251—1252 гг., но въ разныхъ лѣтописяхъ они размѣщены подъ этими годами различно: по I, II, IV и VII и нашествіе Неврюя, и бѣгство Андрея совершились въ 1252 году; по V — въ 1251-мъ; XV, 396 и Ник. III, 33 и д. пристають къ первымъ; первая изъ этихъ послѣднихъ подъ 1252 г. невѣрно передаетъ, что Андрей въ Швецію былъ убитъ, а далѣе, стр. 403, подъ 1264 годомъ сама же говоритъ о его смерти; то же говорится въ V, 187 подъ 1252 годомъ, — а IV, 38 подъ тѣмъ же годомъ говоритъ, что онъ убитъ Чудью.

72) Воскр. лѣт. (т. VII, 160) говоритъ о возвращеніи Андрея подъ 1252 годомъ не потому, чтобы онъ дѣйствительно въ этомъ году возвратился, а потому, что составитель свода хотѣлъ сгруппировать о немъ факты.

Ярославичи и Борисъ ростовскій отправились съ татарскими численниками въ Новгородъ. Сначала дѣло ихъ шло безуспѣшно, и только въ слѣдующемъ **1259 г.** вслѣдствіе ложнаго слуха о томъ, что на Новгородъ собираются огромныя полчища татаръ, князьямъ удалось психисить Новгородскую землю. Изъ Новгорода Андрей возвратился въ Суздаль⁷³). Затѣмъ лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ князѣ до самаго **1264** года, а подъ этимъ послѣднимъ отмѣчаютъ его смерть и погребеніе въ г. Суздаль⁷⁴).

Андрей Ярославичъ отъ брака съ дочерью Данила Романовича галицкаго, неизвѣстной намъ по имени⁷⁵), оставилъ сыновей: Юрія, Василия и Михаила.

73) П. С. Р. Л. I, 203, 226; Ник. III, 37—40. Думаемъ, что Андрей возвратился въ Суздаль, а не во Владиміръ, какъ можно вывести изъ неопредѣленнаго извѣстія I, 203, и нѣтъ никакихъ оснований полагать, что онъ возвратился помимо своей отчины—въ великокняжескую, куда вскорѣ прибылъ изъ Новгорода Александръ.

74) Лѣтописи не согласны въ обозначеніи года его смерти: I, 226; IV, 39 и XV, 403 считаютъ годомъ смерти его 1264 годъ; V, 192—1265; VII, 164—1263; Ник. III, 43—1264. См. слѣдующее примѣч.

75) Въ лѣтописяхъ говорится, что Андрей «поа Даниловну Романовича» (см. цит. 70-го примѣчанія), но какъ ее звали, намъ неизвѣстно. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Энцикл. словарь, сост. русск. учен. и лит. т. IV, подъ Андреемъ Ярославичемъ») и М. Д. Хмыровъ (№ 185) называютъ ее Юстиной, по-просту — Устиньей. Кажется, они сбились извѣстіемъ Никон. лѣтописи, или Мальгинымъ. Ник. лѣтопись подъ 1278 годомъ (III, стр. 66) говоритъ: «преставись благовѣрный князь Андрей Ярославичъ и жена его Устиния»; на полѣ противъ этого мѣста отмѣчено: «Андрей Ярославичъ углич.». Но всѣ лѣтописи считаютъ годомъ смерти Андрея или 1263, или 1264 или, наконецъ, 1265, въ томъ числѣ второй изъ указанныхъ годовъ, въ своемъ мѣстѣ, принимаетъ и Ник. лѣтопись (см. предыдущее примѣчаніе), не говоря, впрочемъ, что тогда же умерла и жена его. Киссель, или Кисель (какъ своего земляка величаетъ мѣстная ярославская литература) въ своей «Исторіи города Углича» (Ярославль, 1844), основанной, между прочимъ, на мѣстныхъ лѣтописяхъ, называетъ Устиньей жену Андрея Владиміровича угличкаго, умершаго въ 1261 г. (I, 204; VII, 162). Карамз. (IV, прим. 182) относитъ смерть Андрея Владиміровича и жены его Юстины къ 1278 году. Въ такомъ случаѣ надобно принять предположеніе Кисселя, что больной Андрей въ 1261 г. могъ передать владѣтельные права надъ Угличемъ брату своему Роману, а лѣтописцы, такимъ образомъ, этотъ годъ (1261), видя княземъ угличкимъ Романа, могли счесть годомъ смерти Андрея, хотя онъ могъ дожить и до 1278 года. Очевидно только то, что Никон. лѣтопись смѣшала здѣсь Андрея угличкаго съ Андреемъ суздальскимъ и Устинью, жену первого, приурочила къ послѣднему. Сопоставляя «Даниловну Романовича» однихъ лѣтописей съ Устиньей, женой Андрея, яко бы, Ярославича угличкаго—Никоновской, Мальгинъ («Зерцало», 270) прямо называетъ жену Андрея Ярославича Юстиньей Даниловной, дочерью Данила Романовича, что принимаетъ и Хмыровъ. Но послѣдній, въ то же время, жену Андрея Владиміровича угличкаго (№ 305) называетъ также Устиньей, «извѣстной только по имени», очевидно, односторонне пользуясь только вторымъ извѣстіемъ Никон. лѣтописи (III, стр. 66), изъ котораго, дѣйствительно, не видно, чья была дочь эта Устинья. И такъ, пока мы знаемъ только, что Андрей былъ женатъ на дочери Данила Романовича и что Устинья, жена Андрея Владиміровича угличкаго, благодаря ошибкѣ Никон. лѣтописи, назвавшей послѣдняго Ярославичемъ, приписывается нѣкоторыми Андрею суздальскому.

Александръ Ярославичъ Невскій.

р. 1220 † 1263.

Въ лѣтописяхъ Александръ Ярославичъ начинаетъ упоминаться съ 1228 г. Въ этомъ году отецъ его, Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ похода на Емь, отправился съ женой своей въ Переяславль Залѣсскій, оставивъ въ Новгородѣ сыновей своихъ, Оедора и Александра. Ярославъ оставилъ при нихъ, — конечно, потому, что княжичи были еще очень молоды, — Оедора Даниловича и тѣна Якима⁷⁶). Въ томъ же году въ Новгородѣ, по случаю долго стоявшей дурной погоды, цѣны на предметы потребленія сильно повысились, такъ какъ ожидали неурожая и голода. Народъ волновался: искали виновника несчастія и нашли его въ неповинномъ ни въ чемъ владыкѣ Арсеніи, который будто бы коварно заключилъ своего предшественника Антонія (надобно замѣтить — совершенно дряхлаго и не владѣвшаго уже языкомъ) въ Хутынскомъ монастырѣ и самъ сдѣлался владыкой, подкупивъ князя; Арсеній едва избѣгъ насильственной смерти. Антоній опять занялъ святительскій столъ; но народъ не успокоился; начались грабежи. При такомъ положеніи дѣла Ярослава не могли считать себя безопасными, почему помянутые Оедоръ Даниловичъ и тѣнъ Якимъ бѣжали съ юными княжичами къ отцу ихъ⁷⁷), а новгородцы, пославшіе передъ тѣмъ пословъ къ Ярославу — звать его въ Новгородъ на всей волѣ новгородской, не дождавшись возвращенія этихъ пословъ, послали другихъ звать къ себѣ Михаила черниговскаго. Послы эти, впрочемъ, задержаны были союзникомъ Ярослава, княземъ смоленскимъ. Но у Михаила пока связаны были руки борьбой съ Данииломъ галицкимъ; а какъ только между южными князьями состоялся миръ, онъ поспѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ принять былъ съ восторгомъ. Уладивши дѣла новгородскія, Михаилъ поспѣшилъ (1229 г.) въ Черниговъ, оставивъ въ Новгородѣ юнаго сына своего, Ростислава. Ярославъ не упустилъ случая къ притѣсненію Новгорода. Въ самомъ Новгородѣ происходили волненія и беспорядки вслѣдствіе вражды посадника

76) П. С. Р. Л. I, 219; III, 43; IV, 29; V, 173; VII, 134; XV, 350 (подъ 1229 г.). По лѣтописямъ не видно, когда Александръ родился; основаніемъ опредѣленія года рожденія для насъ послужили: «Житія святыхъ»... Мѣсяць ноябрь. Спб. 1856. (А. Н. Муравьева). Житіе это извлечено изъ двухъ рукописныхъ житій, хранящихся въ Невской Лаврѣ и духовной академіи и житія св. князя, составленнаго архимандритомъ Кирилломъ. — Ярославъ удался изъ Новгорода вслѣдствіе того, что новгородцы держали сторону оскорбившихъ его псковичей.

77) Ibid. III, 44.

Водовика съ сыномъ извѣстнаго посадника же Твердислава; къ тому же цѣны на хлѣбъ еще болѣе поднялись вслѣдствіе бывшихъ въ сентябрѣ **1230 г.** морозовъ, побившихъ озими. Михаилъ, во второй разъ бывшій передъ тѣмъ въ Новгородѣ и обѣщавшійся опять пріѣхать въ сентябрѣ, не явился: Ярославъ, злобившійся на него изъ-за Новгорода, сдерживалъ его; къ тому же Водовикъ, поднявшій сильную междоусобную бурю въ Новгородѣ, ушелъ съ юнымъ Ростиславомъ въ Торжокъ. Новгородцы послали объявить Михаилу сыну, что отецъ его измѣнилъ, что они найдутъ себѣ другаго князя; выбрали новаго посадника и тысяцкаго, разграбили дома прежнихъ сановниковъ и звали къ себѣ Ярослава. 30 декабря 1230 г. Ярославъ цѣловалъ къ новгородцамъ крестъ «на всѣхъ грамотахъ Ярослава» (Владиміровича). Пробывши здѣсь двѣ недѣли, онъ уѣхалъ въ Переяславль, а въ Новгородѣ опять оставилъ дѣтей своихъ, Оедора и Александра⁷⁸⁾. Въ **1236 г.** Ярославъ уѣхалъ княжить въ Кіевъ; сынъ его Оедоръ умеръ въ 1233 г., такъ что теперь Александръ оставался въ Новгородѣ болѣе или менѣе самостоятельнымъ княземъ⁷⁹⁾. Татарское нашествіе **1238 г.**, какъ извѣстно, не коснулось Новгорода, и юнаго князя новгородскаго, по выраженію лѣтописи, Богъ соблюлъ отъ татарскаго меча.

Между тѣмъ какъ восточная Русь все вниманіе должна была обратить на пришельцевъ-завоевателей, Новгородская область имѣла подъ бокомъ своихъ враговъ въ лицѣ шведовъ, многихъ финскихъ племенъ и ливонскихъ рыцарей. Несомнѣнно, въ виду частыхъ вторженій этихъ враговъ въ Новгородскую землю, Александръ, сыгравши въ **1239 г.** свадьбу свою въ Торжкѣ (онъ женился на дочери Брячислава полоцкаго), началъ укрѣплять берега Шелони⁸⁰⁾, а года черезъ два непріятель дѣйствительно появился, хотя и съ другой стороны: въ **1240 г.** шведскій король, вѣроятно, въ наказаніе за набѣги новгородцевъ на Финляндію, послалъ на Новгородскую землю зятя своего Биргера со множествомъ шведовъ, норвежцевъ и финновъ (съ нимъ были, по лѣтописямъ: «свеи и мурмане, Сумъ и Ямь»), которые чрезъ Ладожское озеро и р. Волховъ должны были доплыть до самаго Новгорода. Но Александръ съ немногочисленною новгородскою ратью встрѣтилъ ихъ на берегу Невы, гдѣ и произошла битва, украшенная поэтическими сказаніями (явленіе Бориса и Глѣба) и давшая Александру прозваніе *Невскаго*. Послѣдній лично участвовалъ въ битвѣ со шведами и, по словамъ лѣтописи, «невѣрному кралоу ихъ (Биргеру) возложилъ

78) Ibid. III, 47; IV, 29.

79) Ibid. I, 220—221; 225; III, 50; IV, 30; V, 173; VII, 138, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

80) Ibid. Однѣ изъ лѣтописей относятъ женитьбу Александра и укрѣпленіе береговъ Шелони къ 1238 году, какъ IV, 34 и Ник. III, 3; другія — къ 1239: III, 52; V, 174; VII, 144.

остріемъ меча печать на челѣ»⁸¹⁾. Въ томъ же году, вслѣдствіе ссоры съ новгородцами, о причинахъ которой лѣтописи умалчиваютъ, Александръ съ матерью, женой и вообще со всѣмъ дворомъ своимъ уѣхалъ изъ Новгорода въ Переяславль-Залѣсскій⁸²⁾. Но не прошло и года по отъѣздѣ его, какъ на новгородскія земли напали ливонскіе нѣмцы, Чудь и Литва; нѣмцы повоевали Водь и наложили на нее дань; въ погостѣ Копорьи сдѣлали острогъ (городъ), взяли г. Тесовъ и, вообще, не доходили до Новгорода только на 30 верстѣ. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ новгородцы обращаются къ вел. кн. Ярославу Всеволодовичу и просятъ себѣ князя; Ярославъ отпустилъ къ нимъ сына своего Андрея, но онъ, какъ видно, не оправдалъ надеждъ и желаній новгородцевъ: второе новгородское посольство, во главѣ котораго былъ владыка Спиридонъ, просило отпустить Александра. Ярославъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, едва согласился отпустить его. Между тѣмъ нѣмцы опять напали на Новгородскую землю: на этотъ разъ они забрали скотъ по р. Лугѣ, такъ что сельскимъ жителямъ нечѣмъ было обрабатывать землю⁸³⁾. Въ 1241 г. Александръ пріѣхалъ въ Новгородъ, къ общей радости гражданъ, и въ томъ же году съ новгородцами, ладожанами, корелами и ижорянами выступилъ въ походъ на нѣмцевъ: онъ взялъ Копорье; взятыхъ въ плѣнъ нѣмцевъ частію отпустилъ, а частію отвелъ въ Новгородъ; вожанъ же и Чудь, «перевѣтниковъ», перевѣтналъ и вскорѣ возвратился въ Переяславль. Въ томъ же году нѣмцы напали на Псковъ, побили псковичей и въ городѣ посадили своихъ намѣстниковъ. Заслышавъ объ этомъ, Александръ съ братомъ своимъ Андреемъ прибылъ въ Новгородъ въ томъ же 1241 г. Братья-Ярославичи съ новгородцами и низовцами изгономъ (быстро и неожиданно) устремились къ Пскову, перехватили тамъ нѣмцевъ и Чудь, а нѣмецкихъ намѣстниковъ изъ Пскова отправили въ Новгородъ. Такимъ образомъ Псковъ былъ освобожденъ. Но рыцари не думали уступать Невскому герою: они выступили противъ него и въ началѣ имѣли успѣхъ, — ими разбитъ былъ передовой отрядъ русскихъ, вступившихъ въ Ливонію. Александръ долженъ былъ податься назадъ и искать удобной позиціи: онъ остановился «на Чудскомъ озерѣ, на Узмени у Воронѣя камени». Нѣмцы устремились на русскихъ, и произошло извѣстное Ледовое побоище. Это было 5 апрѣля 1242 г. Русскіе взяли верхъ и семь верстѣ гнали нѣмцевъ по льду; 500 рыцарей (по дру-

81) Ibid. IV, 35—36, 179; въ житіи его: I, 204—206; V, 2—6, 176—179; VII, 146—149; XV, 376 и сл.; Ник. III, 9—13 подъ 1241 годомъ. По III битва была іюля 15. См. также V, 227; VII, 216.

82) Ibid. III, 53; IV, 37; V, 179; VII, 149; XV, 376—380; Ник. III, 13.

83) Ibid. III, 53; IV, 37; V, 179; VII, 149; Ник. III, 13—14.

гнѣмъ—400) пало въ этой битвѣ и 50 взято въ плѣнъ. Побѣдителя встрѣтили въ Псковѣ съ крестами и хоругвами. Въ то же время литовцы начинаютъ дѣлать, по выраженію лѣтописи, «пакости» Новгородской землѣ, и Александръ устремляется на нихъ: въ одинъ походъ, если вѣрить лѣтописи, онъ побѣдилъ семь ратей литовскихъ и такой страхъ нагналъ на литовцевъ, что — какъ говоритъ лѣтопись — они послѣ того начали «блюстися имени его»⁸⁴). Послѣ этой побѣды Александръ отправился въ Низовскую землю⁸⁵).

84) Ibid. I, 201, 225; III, 53—54; IV, 37, 179—180; V, 10, 180—181; VII, 149—151; XV, 385; Ник. III, 14—17 (Ледовое побоище подъ 1243 годомъ). — О поѣздкѣ Александра въ орду см. въ слѣдующемъ примѣч. — По Ник. и Соф. 1-й (т. V) Александръ, узнавъ о несчастіи Пскова, отправляется въ Новгородъ съ братомъ Андреемъ въ 1241 году; по другимъ же лѣтописямъ, напр. VII, 150, Ярославъ послалъ Андрея въ помощь Александру, когда послѣдній освободилъ уже Псковъ, слѣдов. предъ Ледовымъ побоищемъ. — Интересно обозначеніе лѣтописцемъ (VII, 150) строя рыцарскихъ полковъ, въ какомъ они выступили противъ русскихъ: «нѣмцы же и чюдъ пробишася *свицею* сквозъ плѣки», т. е. острымъ клиномъ или треугольникомъ, вершина котораго обращена была къ русскимъ. — О походѣ Александра на литовцевъ говоритъ одна Воскр. лѣт. (VII). — Въ 1242 г. Литва также набѣгала на Новгород. землю и была побита Александромъ. Не смѣшала ли Воскр. лѣт. походъ 1245 года? Но подъ послѣднимъ годомъ она отмѣчаетъ нападеніе Литвы на Торжокъ и Бѣжецкъ. Историки наши о первомъ нападеніи (о «пакостяхъ») Литвы не говорятъ; Карамзинъ (IV, прим. 35) изъ обонхъ набѣговъ Литвы какъ будто дѣлаетъ одинъ—1245 г.—Хронологію событий 1239—1242 годовъ см. у Энгельмана: «Хронолог. изслѣд. въ области русск. и лив. исторіи», Спб. 1858.

85) Ibid. IV, 37; VII, 152. Новгород. 4-я подъ 1242 годомъ, въ самомъ началѣ, говоритъ, и только она одна, о поѣздкѣ Александра въ орду. Порядокъ событій 1241—42 гг. по этой лѣтописи таковъ: 1241 г. Александръ пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ Копорье и побилъ нѣмцевъ; 1242—пошелъ къ Батыю; воротившись отъ Батыя, пошелъ съ братомъ Андреемъ, низовцами и новгородцами изгнать къ Пскову, который и освободилъ отъ нѣмцевъ; Ледовое побоище. Странно, что другія лѣтописи умалчиваютъ объ этой поѣздкѣ. Энгельманъ, въ выше цит. его сочиненіи, стр. 126 и слѣд., разбирая рассказъ Бѣляева о событіяхъ этого года («Великій князь Александръ Невскій» во «Временн. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. IV, 11—13) сомнѣвается въ справедливости этого извѣстія на томъ основаніи, что въ началѣ 6750 мартовскаго, простиравшагоса отъ 1 марта 1242 до 28 февр. 1243 года, Александръ не могъ ѣхать въ орду, потому что въ мартѣ 1242 года (а Новгород. 4-я принимаетъ мартовское счисленіе) онъ уже воевалъ съ Ливонцами. Энгельманъ допускаетъ предположеніе, что это событіе можно отнести къ концу предъидущаго, т. е. 1241 года и что оно по ошибкѣ попало въ начало 1242 года. Но и это предположеніе требуетъ, говорить онъ, подкрѣпленія доводами, по которымъ было бы вѣроятно, что Александръ тогда находился въ ордѣ. Между тѣмъ, другіе источники не представляютъ для этого никакой точки опоры; а Новгородская 4-я, передающая этотъ фактъ, сама въ себѣ не заключаетъ достаточнаго ручательства въ достовѣрности сообщаемыхъ ею данныхъ (стр. 128—129). Трудно не согласиться съ этими доводами и предположеніями, — но въ то же время нужно имѣть въ виду и то, что Новгород. 4-я, въ извѣстіяхъ о поѣздкахъ Александра въ орду, является послѣдовательною. Такъ, подъ 1246 годомъ она говоритъ: «Ѣзди Александръ *другое* къ Батыю»..., между тѣмъ какъ подъ 1242 годомъ просто говоритъ: «Иде Александръ къ Батыю царю», не говоря *первое*, ибо напередъ лѣтописецъ не могъ знать, пойдетъ ли *второе* (во второй разъ) Александръ въ орду. См. прим. 50.

Между тѣмъ, въ томъ же году нѣмцы прислали пословъ въ Новгородъ, когда уже Александра тамъ не было («безъ князя»); они отказывались отъ недавнихъ своихъ завоеваній и просили о размѣнѣ плѣнныхъ: «что есмь зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыгоду мечемъ, говорили они, то ся всего отступаемъ». Такимъ образомъ, со стороны ливонскихъ рыцарей новгородскія и псковскія волости пока были обезпечены въ отношеніи безопасности. Но южныя границы не безопасны были отъ набѣговъ Литвы. Въ 1245 г. литовцы опустошали окрестности Торжка и Бѣжецка, гдѣ теперь княжилъ, съ соизволенія Александра Невскаго, Ярославъ, сынъ Владиміра псковскаго, жившій до того у ливонцевъ и недавно воевавшій съ послѣдними Псковскую землю. Этотъ Ярославъ съ новоторжцами погнался за литовцами, но былъ побитъ ими; потомъ, совмѣстно съ тверскими воеводами, Яведомъ и Кербетомъ, которые вышли съ тверичами и дмитровцами, онъ опять погнался за литовцами; у Торопца произошелъ бой, клонившійся не въ пользу русскихъ. На слѣдующій день явился Александръ съ новгородцами: онъ отнялъ у литовцевъ весь полонъ и побилъ 8 князьковъ литовскихъ. Новгородцы пошли отсюда во-свояси, а Александръ «съ своимъ дворомъ» продолжалъ преслѣдовать непріятеля и окончательно добилъ его у г. Жижицы у Усвята. Захвативъ съ собою изъ Витебска сына, онъ пошелъ къ Новгороду, но на пути встрѣтилъ другую литовскую рать, которую также побилъ⁸⁶). Защищая сѣверо-западную Русь отъ сосѣдей, нѣмцевъ и финновъ, Александръ обращалъ свои взоры и въ противоположную сторону, гдѣ требовались уже не мечъ и крѣпкая рука, а серебро и золото: лѣтописи, между прочимъ, ставятъ ему въ похвалу, что онъ «не остави пути отца своего», посылалъ въ орду выкупать плѣнниковъ «и много злата и сребра издава на плѣнникѣхъ». Вообще, слава о немъ, а особенно о его богатырскихъ подвигахъ распространилась повсюду, такъ что — по словамъ лѣтописца — даже моавитскія жены (монгольскія) именемъ его страшали дѣтей⁸⁷).

30 сентября 1246 г. скончался Ярославъ Всеволодовичъ; Александръ, вмѣстѣ съ дядею Святославомъ и братьями, оплакалъ кончину отца и въ томъ же году, по требованію Батыя, отправился въ орду. Восточный деспотъ, по словамъ лѣтописи, не мало подивившись красотѣ и величественной наружности Александра, послалъ его и брата его Андрея, ранѣ Нев-

86) Ibid. III, 54; IV, 37—38 (подъ 1246 г.); V, 182; VII, 152; XV, 386; Ник. III, 18—19. — Жижицы или Жижчѣ находился близъ западнаго берега оз. Жесца, гдѣ теперь сел. Жеспо — Живецъ. См. Н. П. Барсова: «Очерки русск. истор. географіи», изд. 2. (Варшава 1835), стр. 26.

87) Ibid. V, 186.

скаго прибывшаго въ орду, къ великому хану въ Монголію⁸⁸), откуда они возвращаются въ 1249 г., пожалованные⁸⁹): Александръ — Кіевомъ и всей Русской землей, а Андрей—Владиміромъ⁹⁰). По прибытіи во Владиміръ Александру пришлось оплакивать здѣсь смерть родственниковъ своихъ, князей: Владиміра Константиновича углицкаго и Василя Всеволодовича Ярославскаго⁹¹). Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Новгородъ, гдѣ, въ 1251 г., торжественно встрѣчалъ прибывшаго изъ Владиміра митрополита Кирилла вмѣстѣ съ епископомъ ростовскимъ, также Кирилломъ. Новгородцы умолили митрополита поставить имъ во епископы Далмата, и митрополитъ удовлетворилъ ихъ желаніе⁹²), къ ихъ общей радости, хотя эта радость должна была нѣсколько омрачиться, такъ какъ князь ихъ сильно заболѣлъ. Оправившись отъ болѣзни, Александръ отправилъ къ норвежскому королю Гакону посольство съ предложеніемъ, чтобъ онъ воспретилъ своимъ финмаркскимъ подданнымъ грабить Лопъ и Корелію, причемъ посламу поручено было лично узнать дочь Гакона, Христину, на которой Александръ думалъ женить сына своего, Василя. Предложеніе о финмаркскихъ подданныхъ было удовлетворено, но сватовство не состоялось⁹³).

Въ своемъ мѣстѣ⁹⁴) мы уже высказали предположеніе, что родственный союзъ Андрея съ однимъ изъ южно-русскихъ князей могъ заставить Александра дѣйствовать рѣшительнѣе въ отношеніяхъ его къ младшему брату. Въ 1252 г. Невскій отправился въ орду къ Сартаку, сыну Батые, который, по старости, уже мало занимался дѣлами по управленію улусами.

88) Ibid. I, 201; III, 54; IV, 37; V, 186; VII, 157; XV, 393—394; Ник. III, 26. Изъ нихъ III, IV, V и XV относятъ поѣздку въ орду къ 1246 году, остальные — къ слѣдующему.

89) Ср. съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ въ біографіи Андрея.

90) Ibid. I, 202; II, 341; VII, 159; Ник. III, 31 (всѣ подъ 1249 годомъ); III, 54; IV, 38; V, 186 (подъ 1250 г.); XV, 395—396 (подъ 1240 г.).

91) Ibid. I, 202; XV, 400; Ник. III, 31. С. М. Соловьевъ (III, 191), сказавши, что Святославъ Всеволодовичъ умеръ въ 1252 году, тотъ-часъ продолжаетъ: «Оставался князь, который по старинѣ могъ предъявить права свои на великое княженіе: именно Владиміръ Углицкій, сынъ Константина ростовскаго, старшаго изъ сыновей Всеволода III; но кто могъ думать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ московскій не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на право дяди? Ярославичи были сильнѣе углицкаго князя: этого было довольно, чтобъ заставить позабыть о послѣднемъ». Но, какъ мы видимъ, Владиміръ Константиновичъ умеръ еще въ 1249 году, т. е. ранѣе дяди своего Святослава. . . . Ниже самъ же историкъ говоритъ (ib. стр. 207), что Владиміръ ум. въ 1249 г.

92) Ibid. I, 202; XV, 396; Ник. III, 33.

93) Ibid. V, 187. Тутъ же дѣтописецъ, пользуясь случаемъ, говоритъ о когда-то («нѣкогда присла») бывшемъ отъ папы къ Александру посольствѣ съ предложеніемъ — принять католическую вѣру. Посовѣтовавшись съ мудрецами, Александръ, будто бы, кратко изложилъ всю ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію и въ заключеніе сказалъ: «си вси свѣѣдаемъ добръ, а отъ васъ ученія не пріимаемъ.»

94) См. соотвѣтственное мѣсто подъ Андреемъ Ярославичемъ.

Принятый съ честію, Александръ повелъ дѣло такъ, что на Андрея была послана татарская рать подѣ начальствомъ Неврюя, и Андрей бѣжалъ чрезъ Новгородъ, Псковъ и Колывань (Ревель) въ Швецію. Александръ торжественно въѣхалъ во Владиміръ и былъ посаженъ митрополитомъ Кирилломъ на великомъ княженіи⁹⁵).

Въ 1254 г. братъ Александра, Ярославъ тверской, съ своими боярами бѣжалъ въ Ладогу. Хотя лѣтописи и не указываютъ на причину этого бѣгства, но, кажется, ее надобно искать въ правдоподобно предполагаемыхъ отношеніяхъ Ярослава къ Андрею. При нашествіи Неврюя, когда Александра еще не было на Руси, мы видимъ семейство Ярослава и воеводу его Жидислава въ Переяславлѣ. Зачѣмъ, спрашивается, они попали туда? Намъ кажется, что младшіе братья Александра были въ союзѣ; они не могли не знать, зачѣмъ Александръ поѣхалъ къ Сартаку, и, вѣроятно, хотѣли дѣйствовать противъ старшаго брата сообща. Однако Александръ пока оставлялъ Ярослава въ покоѣ. Но въ 1254 г. для Ярослава могло выясниться что-нибудь опасное со стороны Александра, и онъ рѣшился бѣжать и притомъ съ боярами, которые, конечно, были ближайшими совѣтниками своего князя и исполнителями его плановъ, а слѣдовательно должны были, по необходимости, раздѣлять съ княземъ его опасности и невзгоды. Изъ Ладоги новгородцы перевели Ярослава во Псковъ. Въ это время въ Новгородѣ замѣтно уже было недовольство сыномъ Невскаго, Василюмъ, который въ слѣдующемъ 1255 г. и былъ изгнанъ изъ Новгорода, а на мѣсто его взятъ былъ Ярославъ Ярославичъ. Василий бѣжалъ въ Торжекъ. Узнавши объ этомъ, Александръ чрезъ Торжекъ, гдѣ присталъ къ нему и сынъ его Василий, пошелъ къ Новгороду вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Димитріемъ Святославичемъ. Въ самомъ Новгородѣ происходила борьба между двумя партіями, большихъ и меньшихъ, изъ которыхъ первая стояла за сына Невскаго, а вторая — за Ярослава. Тверскій князь, не видя возможности удержаться на новомъ мѣстѣ, неизвѣстно куда скрылся, а

95) Ibid. I, 202, 252; II, 342; V, 187; VII, 160, 236; XV, 396; Ник. III, 33—34. Густынская лѣт. (т. II), называя Александра *Московскимъ* (такъ сказать, переднимъ числомъ), говоритъ, что онъ «упроси себѣ княженіе надъ всею Русскою и Московскою землею и надъ всѣми князи». И. Д. Бѣляевъ («Временн.» IV) видитъ здѣсь интригу Святослава, который въ 1250 г. бѣжалъ въ орду, а С. М. Соловьевъ («Ист. отн. между русск. кн. Рюр. дома», 267 и слѣд.) обвиняетъ Александра. Какъ на доказательства своего мнѣнія, онъ указываетъ а) на слова Андрея (Ник. III, 33): «Господи! что се есть, доколе намъ межъ собою бранитися»... и пр.; б) Александръ былъ въ это время въ ордѣ и взялъ старшинство отъ хана: еслибъ онъ не былъ противъ брата, то почему не умолилъ бы Сартака, какъ умолилъ его (?) послѣ, по случаю возстаній народныхъ? в) бѣгство въ Швецію и радушный приемъ тамъ показываютъ, что шведы видѣли въ Андрѣ врага Александрова. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Русская Ист.» I, 288—9) склоняется на сторону послѣдняго.

Невскій, между тѣмъ, подступалъ къ Новгороду. Партія большихъ взяла верхъ, и въ угоду Александру смѣненъ Ананія (посадникъ), сторонникъ меньшихъ, а мѣсто его занялъ сторонникъ большихъ Михалко (Михаилъ Степановичъ), внукъ Твердислава. Умиривши гражданъ, Александръ отправился во Владиміръ, оставивъ на новгородскомъ столѣ опять сына своего Василия. Въ это время въ ордѣ произошла перемѣна: въ 1255 году умеръ Батый, а въ слѣдующемъ **1256**, какъ сообщаютъ нѣкоторые лѣтописи, всѣ суздальскіе князья поѣхали въ орду, естественно, на поклонъ къ новому хану, а преимущественно бывшему тогда въ силѣ ханскому сановнику Улавчію. Александръ самъ не поѣхалъ, а послалъ только дары. Можетъ быть, Александра удержали дѣла новгородскія: въ этомъ году шведы и финны (Свеи, Емь, Сумь) пришли въ новгородскую землю и начали ставить городъ на р. Наровѣ; новгородцы послали «на Низъ» къ великому князю за полками; собирали и свои полки. Услышавъ о приготовленіяхъ новгородцевъ, шведы бѣжали за море. Зимой Александръ пришелъ въ Новгородъ и сталъ собираться въ походъ; но никто не зналъ, куда онъ хочетъ идти, хотя многіе думали, что онъ собирается на Чудь. Не смотря на чрезвычайныя трудности зимняго пути, Александръ съ суздальскими и новгородскими полками проникъ въ Финляндію, повоевавъ все поморье; много неприятелей было побито и много взято въ плѣнъ. Послѣ этого похода Александръ возвратился во Владиміръ, захвативъ съ собою новгородскихъ пословъ, Елевферія и Михаила Пянешинича⁹⁶). Въ слѣдующемъ **1257** году князья: Александръ, Андрей и Борисъ (Васильковичъ ростовскій) пошли въ орду съ поклономъ къ Улавчію и въ томъ же году возвратились; а въ слѣдъ за ними пришли татарскіе численники и изочли земли: Суздальскую, Рязанскую и Муромскую; поставили десятниковъ, сотниковъ, тысящниковъ и темниковъ; не переписывали только черное и бѣлое духовенство и, вообще, тѣхъ, «кто зрѣтъ на святую Богородицю и на владыку»⁹⁷). Въ томъ же году и до Новгорода дошла, по выраженію лѣтописца, злая вѣсть, что татары и съ него хотятъ тамги и десятины. Вслѣдствіе этого тамъ поднялся волненіе, причемъ былъ убитъ и посадникъ Михаилъ (старый, Ананія, незадолго передъ тѣмъ умеръ). Между тѣмъ Александръ съ татарскими численниками пришелъ въ Новгородъ, откуда сынъ его, Василій,

96) Ibid. I, 202—203, 226; III, 55—56; IV, 38; V, 188—189; VII, 160—161; XV, 398, 400; Ник. III, 35—37. Извѣстія о событіяхъ 1255—1258 годовъ чрезвычайно перепутаны. Мы могли бы привести здѣсь синхронологическія выписки этихъ годовъ изъ лѣтописей, но не рѣшаемся на это въ виду того, что такіа выписки, кромѣ того, что займутъ много мѣста, не приведутъ къ положительнымъ выводамъ, такъ какъ здѣсь требуется отдѣльное изслѣдованіе, подобное хронологическимъ изслѣдованіямъ Энгельмана.

97) Ibid. I, 203, 226; II, 342 (подъ 1254 годомъ); XV, 401; Ник. III, 37.

раздѣлявшій съ новгородцами негодованіе на татарское число, бѣжалъ въ Псковъ. Татарскіе послы требовали тамги и десятины, но имъ отказали въ этомъ: новгородцы дали имъ только дары для хана и отпустили съ миромъ. Послѣ того Александръ выгналъ сына своего изъ Пскова и отправилъ въ Суздальскую землю, а тѣхъ, «кто Василья на зло повелъ», жестоко наказалъ: «овому носа урѣзаша, а иному очи вывмаша». Впрочемъ эту жестокость лѣтописецъ оправдываетъ: «всякъ бо злыи, говоритъ онъ, злѣ да погыбнуть». Волненія и послѣ того не прекращались въ Новгородѣ: въ ту же зиму новгородцы убили какого-то Мишу, «можетъ быть, того самага, говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ⁹⁸⁾, который такъ славно бился со шведами при Невѣ»; посадничество дано было выведенному изъ Ладоги Михаилу Оedorовичу, а мѣсто тысяцкаго — Жидятѣ Доможирову (по другимъ — Жироху). Въ слѣдующемъ **1258** году Александръ, съ братьями — Андреемъ и Ярославомъ тверскимъ, и Борисъ ростовскій ходили въ орду и читли Улавчія. По отбѣздѣ ихъ изъ орды, во Владиміръ опять явились, уже въ **1259 г.**, татарскіе численники для исчисленія той же Новгородской земли; Александръ, Андрей и Борисъ ростовскій зимой отправились съ ними въ Новгородъ. Но еще осенью въ Новгородъ пришелъ изъ Суздальской земли Михаилъ Пинециничъ (взятый Александромъ во Владиміръ въ 1256 г.), по словамъ лѣтописи, съ ложнымъ посольствомъ и сказалъ новгородцамъ, что если они не дадутъ числа, то полки (татарскіе) въ Низовской землѣ уже готовы противъ нихъ. Новгородцы согласились на число («яшася новгородци по число»). Однако зимой, когда пріѣхали въ Новгородъ татарскіе послы, Беркай и Касачикъ, съ женами своими и многочисленной свитой, въ Новгородѣ поднялся мятежъ; татары требовали отъ Александра стражи для личной безопасности отъ народной ярости, — они говорили: «дайте намъ число, или бѣжимъ проче», что означало, вѣроятно, угрозу. Но чернь волновалась и хотѣла «честно умереть за св. Софію», — между тѣмъ какъ другіе настаивали на исполненіи требованія татарскихъ пословъ. Есть извѣстіе, что татары — можетъ быть, въ надеждѣ на разъединенность новгородцевъ — съ двухъ сторонъ хотѣли ударить на городъ, но — по словамъ лѣтописи — невидимая сила Христова возбранила имъ это. Наконецъ, Александръ, а за нимъ и татары, выѣхали съ Городища. Только теперь бѣльшіе взяли верхъ: новгородцы «яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло». Взявши число, татары удалились во свояси. Александръ, оставивъ на новгородскомъ столѣ другаго сына, Дмитрія, также поѣхалъ во Владиміръ чрезъ Ростовъ, куда онъ прибылъ

98) С. М. Соловьевъ: «Ист. Р.» III, 195.

въ среду средокрестной недѣли. Здѣсь его чествовали: епископъ Кириллъ, князя Борисъ и Глѣбъ съ матерью ихъ, княгиней Маріей⁹⁹⁾.

Теперь въ Новгородѣ пока все успокоилось. Но года черезъ три, а именно въ 1262 году, произошли возстанія въ другихъ городахъ: выведенные изъ терпѣнія насиліями откупщиковъ татарской дани, бесерменами, жители разныхъ городовъ собирались на вѣча и рѣшали — изгонять отъ себя сыроядцевъ, какъ называли тогда татаръ и бесерменъ. Такъ, произошли возстанія въ городахъ: Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ; въ Ярославлѣ убитъ былъ народомъ Зосима, бывшій прежде христіаниномъ и даже монахомъ, а потомъ, въ угоду одному ханскому баскаку, принявшій магометанство и, какъ это большею частію бываетъ съ ренегатами, ругавшійся надъ прежней вѣрой своей и прежними братьями по ней и даже хуже окаянныхъ, какъ говоритъ лѣтописъ, утѣснявшій прежнихъ своихъ согражданъ. Конечно, въ ордѣ не могли равнодушно отнестись къ такому событію, и татарскія полчища уже готовы были нахлынуть на Русь. Александру предстоялъ трудный подвигъ — умилостивить хана, чтобы отратить бѣду отъ Русской земли. Въ четвертый¹⁰⁰⁾ разъ отправляясь въ орду, Александръ послалъ сына своего Дмитрія съ новгородцами и брата Ярослава тверскаго на г. Юрьевъ (Дерптъ); съ ними пошли еще два князя: зять Александра Константинъ, сынъ Ростислава смоленскаго, и кн. полоцкій Товтивилъ съ полочанами и литовцами¹⁰¹⁾. Этотъ походъ былъ удаченъ: Юрьевъ былъ взятъ, множество гражданъ погибло въ пожарѣ, многіе побиты, а иные взяты были живыми. Слѣдствіемъ этой побѣды былъ выгодный для русскихъ договоръ съ нѣмцами¹⁰²⁾. Между тѣмъ Александръ

99) Ibid. I, 203, 226; III, 56—57; IV, 39; V, 189—190; VII, 162; XV, 401; Ник. III, 38 и слл. Тверская лѣт., говоря о пребываніи Александра въ Ростовѣ, оканчиваетъ извѣстіе объ этомъ такъ, какъ будто бы Кирилъ, кн. Борисъ и Глѣбъ и мать ихъ поѣхали во Владиміръ, — между тѣмъ какъ этого нигде не видно. Здѣсь пропускъ очевиденъ: они чествовали Александра, *который* (а не князя ростовскіе) *послѣ этого чествованія* поѣхалъ во Владиміръ.

100) См. прим. 85. Въ первый разъ Александръ ходилъ по смерти отца, во второй разъ — въ 1252 году, на Донъ, къ Сартаку, когда получилъ великокняжескій столъ и когда ханъ послалъ на Андрея татарскую рать подъ начальствомъ Неврюя; въ третій разъ — въ 1258 году вм. съ братьями, Андреемъ и Ярославомъ, предъ исчисленіемъ Русской земли. Такимъ образомъ поѣздка 1262 года будетъ послѣдней и притомъ четвертой. Но замѣчательно, что Новг. 4-я (т. IV, 39), весьма послѣдовательная въ отиѣткахъ поѣздокъ Александра въ орду, о послѣдней поѣздкѣ выражается такъ: «Поиде князь Александръ *третье* въ орду.»

101) П. С. Р. Л. I, 204, 226; IV, 39; V, 190; VII, 162—163; XV, 402—403.

102) Ibid. III, 57—58; IV, 39; V, 190—191; VII, 163—164; Ник. III, 40; XV, 403 (послѣднія двѣ помѣщаютъ этотъ эпизодъ подъ 1263 г.). Энгельманъ («Хронол. изслѣд. въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV ст., стр. 8), вопреки И. И. Срезневскому, основательно доказываетъ, что договоръ относится къ 1262, а не къ 1263 году.

отправился въ орду¹⁰³). Ханъ Берге задержалъ его, такъ что ему пришлось зимовать тамъ¹⁰⁴). Изъ орды Александръ выѣхалъ больной; чрезъ Н.-Новгородъ онъ доѣхалъ до Городца¹⁰⁵) и здѣсь, 14-го ноября 1263 года, постригся, принявъ при этомъ имя Алексія, а ночью того же числа скончался. Тѣло его повезли во Владимірь. Митрополитъ Кириллъ, въ сопровожденіи владимірскихъ гражданъ, встрѣтилъ печальное шествіе за 10 верстъ отъ Владиміра у вратъ Боголюбской обители. 23-го ноября тѣло Александра погребено было въ монастырѣ Рождества Пресв. Богородицы, откуда, въ 1725 году, мощи его перенесены были Петромъ I-мъ въ С.-Петербургскую Александро-Невскую лавру¹⁰⁶).

Александръ Ярославичъ былъ женатъ на Александрѣ, дочери кн. полоцкаго Брячислава, отецъ котораго намъ неизвѣстенъ; о самомъ Брячиславѣ лѣтописи упоминаютъ только по поводу выхода его дочери за Александра, въ 1239 г.¹⁰⁷). Нѣкоторые приписываютъ Невскому вторую жену, Вассу, но — кажется — ошибочно¹⁰⁸). Александръ имѣлъ слѣдующихъ дѣтей: Василя, Димитрія, Андрея, Даніила¹⁰⁹) и дочь Евдо-

103) Соф. 1 (т. V), окончивши описаніе этого похода заключеніемъ, что князя благополучно воротились со множествомъ полона въ свою землю, такъ продолжаетъ свое повѣствованіе: «*Тогда же поиде великий князь Александръ въ орду*», — такъ что можно предполагать, что Александръ пошелъ въ орду послѣ того, какъ полки воротились изъ-подъ Юрьева. Другія же лѣтописи и походъ подъ Юрьевъ, и поѣздку Александра въ орду — оба факта передаютъ одинъ за другимъ безъ всякой видимой связи.

104) См. цитаты въ прим. 102.

105) Городецъ волжскій — теперь селеніе Нижегородской губ., Балахнинскаго уѣзда.

106) П. С. Р. Л. I, 204, 226; II, 343 (т. е. Густынская лѣт.; она, забѣгая впередъ, говоритъ: «Преставился Александръ Ярославичъ, вел. кн. *московскій и кievскій*»); III, 58; IV, 39, 180 (подъ 1264 годомъ); V, 191 (подъ 1262 годомъ); VII, 164, 236. Въ рукописяхъ Карамзина и Оболенскаго, послужившихъ вариантами для Софійской 1-й, ошибочно помѣщается извѣстіе о смерти Александра подъ 1251 годомъ (V, 187 варианты).

107) Ibid. III, 52; V, 174; VII, 144; IV, 34 (т. е. Новг. 4-я подъ 1238 г.); Ник. III, 4.

108) Изъ лѣтописей не видно, чтобы Александръ вступалъ во второй бракъ; изъ раннихъ родословныхъ — то же; позднѣйшія же, какъ, напр., Головина, основывались, кажется, какъ и Карамзинъ (IV, 58 и прим. 110), на написяхъ на гробахъ, находящихся въ Успенскомъ (Княгининномъ) женскомъ монастырѣ во Владимірѣ; одинъ изъ этихъ гробовъ, что на лѣвой сторонѣ — по написи — *благочинныя княгини Вассы, вторыя супруги Александра Невскаго*. Составитель «Церковно-истор. опис. владим. достопамятн., *Иеромонахъ Иоасафъ*, самъ бывшій нѣкоторое время во Владимірѣ, не только не вѣдаетъ въ подробности при перечнѣ лицъ, погребенныхъ въ помянутомъ монастырѣ, и ничего не говоритъ о современномъ ему положеніи гробницъ, но и самъ ссылается на Карамзина. М. Д. Хмыровъ («Алфавитно-справочн. перечень государей русскихъ», № 12) говоритъ, что «приписываніе Александру второй жены, Вассы, происходитъ отъ буквального пониманія надгробной надписи . . . , которая, по очевидной ошибкѣ каменотѣльца, называетъ Василиссу, вторую жену Александрова сына Андрея, Вассою и второю женою самого Александра». Во всякомъ случаѣ, объ этой Вассѣ или Василисѣ мы ничего не знаемъ.

109) Малѣгинъ («Зерцало. . .» 274) считаетъ между сыновьями Невскаго, — неизвѣстно, на какомъ основаніи, — двухъ Даніиловъ, изъ которыхъ первый умеръ будто бы въ младенствѣ, въ 1258 году.

кію, бывшую въ замужествѣ за Константиномъ Ростиславичемъ, кн. смоленскимъ.

Ярославъ Ярославичъ.

1263 † 1272.

Ярославъ Ярославичъ, великій кн. тверскій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ брата своего, Александра Невского, и великимъ княземъ владимірскимъ съ **1263** по **1272** г. Біографическія свѣдѣнія о немъ будутъ изложены въ отдѣлѣ о Тверскихъ великихъ князьяхъ.

Василій Ярославичъ.

р. 1241 † 1276.

Лѣтописи, отмѣтивъ подъ **1241** г. рожденіе у в. кн. Ярослава Всеволодовича сына Василія, въ продолженіе потомъ лѣтъ 30 почти ничего не говорятъ о послѣднемъ¹¹⁰⁾, говоримъ—почти, потому что подъ **1246** годомъ онъ упоминается по случаю смерти отца его¹¹¹⁾. Въ томъ же году, какъ извѣстно, братъ Ярослава, Святославъ Всеволодовичъ, занявшій, по старшинству, великокняжескій столъ, «посажа» племянниковъ своихъ «по городомъ, яко же уряди братъ его, в. кн. Ярославъ Всеволодовичъ»¹¹²⁾. Надобно полагать, что въ это же время и Василій получилъ Кострому, которой, за

110) П. С. Р. Л. I, 201, 225; IV, 37; VII, 146; XV, 375 (Василій род. въ 1240 г.); Ник. III, 9; Татищ. IV, 6. — Никон., стр. 3: «Заступи бо его (Ярослава Всеволодовича) Господь Богъ и преч. Богородица отъ татаръ, и съ нимъ осмь сыновъ его: Александра Нѣвского, Андрея суздальского, Константина, Авонасія (конечно, Ярослава), Данила, Михаила, Ярослава тверскаго (тотъ же Авонасій), Василія . . . ». Выходитъ какъ будто такъ, что Василій родился даже ранѣе 1238 года, между тѣмъ какъ та же Никон. лѣт. отмѣчаетъ рожденіе его подъ 1241 годомъ!.. Это противорѣчіе объясняется весьма легко: составитель лѣтописи, увлекшись перечнемъ Ярославичей, поставилъ въ послѣднемъ и Василія, такъ сказать, переднимъ числомъ, — точно такъ же, какъ и Ярослава онъ назвалъ *тверскимъ* потому, что онъ былъ таковымъ впоследствии.

111) Никон. III, 27.

112) П. С. Р. Л. I, 201; VII, 158; Ник. III, 27.

его малолѣтствомъ, могли управлять бояре. Затѣмъ, подъ 1266 годомъ онъ упоминается по случаю женитьбы его¹¹³⁾.

Въ 1269 году, послѣ извѣстной Раковорской битвы, новгородцы еще не примирились съ нѣмцами, и по этому случаю въ Новгородѣ произошла сумятица: одни хотѣли послать за Ярославомъ въ надеждѣ, что онъ примиритъ Новгородъ съ нѣмцами, — другіе не хотѣли этого. Ярославъ, много помогшій новгородцамъ въ помянутой битвѣ, полагалъ, что ему теперь легко будетъ устранить нѣкоторыхъ, не расположенныхъ къ нему, новгородскихъ бояръ отъ ихъ должностей и замѣнить ихъ своими приверженцами. Хотя теперь время было удобное и онъ не замедлилъ пріѣхать въ Новгородъ, но успѣлъ только въ томъ, что на мѣсто тысяцкаго, не вернушагося въ Новгородъ послѣ Раковорской битвы (о немъ не знали даже, убитъ былъ онъ, или — нѣтъ), новгородцы выбрали Ярославова сторонника, Ратибора Клуковича. Послѣ этого, благодаря — скажемъ современнымъ техническимъ языкомъ — военнымъ демонстраціямъ Ярослава, направленнымъ противъ нѣмцевъ, новгородцамъ удалось заключить съ послѣдними миръ. Естественно, Ярославъ теперь думалъ, что онъ можетъ распоряжаться въ Новгородѣ по личному усмотрѣнію: такъ, онъ самовольно забираетъ себѣ дворъ какого-то Алексы Морткиннича; беретъ у нѣкоторыхъ новгородцевъ деньги; отнимаетъ вотчины у храма св. Софіи; перевершаетъ прежнія грамоты; вмѣшивается въ торговые отношенія новгородцевъ къ нѣмцамъ и т. п. Вслѣдствіе такого самоуправства Ярослава, въ 1270 г. въ Новгородѣ поднялся мятежъ, — причемъ нѣкоторые изъ сторонниковъ Ярослава бѣжали, нѣкоторые — убиты; Ярославу же рѣшительно и энергично предложено было выѣхать изъ Новгорода. Не имѣя при себѣ войска, Ярославъ долженъ былъ подчиниться необходимости. Новгородцы обратились къ племяннику Ярославу, Дмитрію Александровичу, и звали его къ себѣ; но онъ не хотѣлъ оскорблять дядю. Новгородцы оказались въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что Ярославъ готовился къ походу на Новгородъ, противъ котораго поднималъ и татаръ. Помощь, однако, явилась Новгороду, откуда нельзя было, повидному, и ожидать ея: за Новгородъ сталъ «мезинный» (меньшій, младшій) братъ Ярослава, Василій костромскій. Можетъ быть, Василій былъ или оскорбленъ старшимъ братомъ, который, когда самовластно распоряжался въ Новгородѣ, точно также распоряжался и на Костромѣ, гдѣ захватилъ, еще въ прошломъ году, новгородскихъ купцовъ; или костромскій князь боялся усиленія тверскаго

113) Ник. III, 44—45. Свадьба была въ Костромѣ; его вѣнчалъ въ церкви св. Теодора ростовскій епископъ Игнатій. Лѣтопись ничего не говоритъ о его женѣ.

князя, который въ то же время былъ и великимъ княземъ владимірскимъ. Какъ бы то ни было, Василій отправилъ въ Новгородъ пословъ: «кланяюся святоѣ Софѣи и мужемъ новгородцемъ; слышалъ есмь, аже Ярославъ идетъ на Новгородъ, со всею силою своею... жаль ми своея отчины», сказалъ онъ чрезъ этихъ пословъ новгородцамъ. Самъ же Василій отправился въ орду вмѣстѣ съ новгородцами, Петрилой Рычагомъ и Михаиломъ Пинециничемъ, можетъ быть, приходившими къ Василю съ тѣмъ же, съ чѣмъ новгородцы ходили и къ Дмитрію, въ Переяславль. Василій представлялъ хану всю невинность новгородцевъ и, напротивъ, обвинялъ Ярослава. Ханъ, уже отпустившій — было татаръ на Новгородъ, воротилъ ихъ, оставивъ при Ярославѣ только пословъ. Ярославу только при помощи духовной власти удалось побѣдить новгородцевъ безъ кровопролитія, и то такъ, что миръ заключенъ былъ на всей волѣ новгородской¹¹⁴). Эта новгородская воля выразилась въ томъ, что — по наущенію Василя — новгородцы, по договорамъ, вытребовали отъ Ярослава такія обязательства, по которымъ послѣдній лишался суда и черной и печерской даней, и отъѣзды которыхъ, т. е. обязательствъ, какъ сей-часъ увидимъ, потребовалъ потомъ самъ же Василій... Въ слѣдующемъ 1271 году братья и племянники ихъ, Ярославъ и Василій Ярославичи и Дмитрій Александровичъ, ѣздили въ орду. Лѣтописи не указываютъ на поводы къ этой поѣздкѣ; можетъ быть, она стояла въ связи съ предшествовавшими событіями. На обратномъ пути изъ орды, уже въ 1272 г., Ярославъ умеръ, и владимірскій великокняжескій столъ занялъ братъ его, Василій Ярославичъ костромскій¹¹⁵).

Со смертію Ярослава новгородскій столъ остался, такъ сказать, вакантнымъ. Конечно, великій князь имѣлъ болѣе шансовъ на занятіе новгородскаго стола, что было и въ интересахъ Новгорода — имѣть у себя сильнѣйшаго князя, только онъ не стѣснялъ бы его вольностей. Но Дмитрій Александровичъ переяславскій, не хотѣвшій прежде, какъ мы видѣли, взять новгородскаго стола подъ дядею (Ярославомъ тверскимъ), теперь оказывается претендентомъ на этотъ столъ. Онъ, какъ сынъ Невскаго, столько добра сдѣлавшаго Новгороду, могъ, конечно, рассчитывать на со-

114) П. С. Р. Л. III, 61—62, 220; IV, 42; V, 196; VII, 167—170; Ник. III, 51. К. П. Бестужевъ-Рюминъ (Русск. Ист. I, 325) говоритъ, что Ярославъ былъ недоволенъ войною съ нѣмцами и хотѣлъ низложенія ся зачинщиковъ... Но онъ самъ помогалъ новгородцамъ: посылалъ дѣтей своихъ, Святослава и Михаила, и другихъ князей на помощь Новгороду (Новг. I, 59—60; Ник. III, 46—47). Если, такимъ образомъ, онъ и требовалъ низложенія нѣкоторыхъ лицъ, какъ зачинщиковъ ссоры съ нѣмцами, то только потому, что ему нуженъ былъ предлогъ къ удаленію отъ дѣлъ лицъ, ему негодныхъ.

115) Ibid. I, 227; II, 344; IV, 42; V, 198; VII, 171 (въ Оглавл. къ Воскр. лѣт. стр. 236 — подъ 1270 г.); XV, 404; Никон. III, 54—55.

чувствіе новгородцевъ. Но и Василій еще такъ недавно оказалъ важную услугу новгородцамъ въ борьбѣ ихъ съ Ярославомъ! Оба претендента послали (въ 1272 г.) въ Новгородъ своихъ пословъ, которые остановились на Ярославовомъ дворѣ. Новгородцы, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, предпочли Дмитрія потому, что Василій, вступивъ на великокняжескій столъ, послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и приказалъ уничтожить грамоты брата своего, Ярослава, по которымъ у князя отнимался судъ, а также черная и печерская дани. Новгородцы отвѣчали Василию, что онъ самъ же «удумалъ» имъ это, а теперь поступаетъ совершенно наоборотъ. И такъ, новгородцы призвали къ себѣ Дмитрія Александровича, который въ томъ же году прибылъ въ Новгородъ и 9-го октября сѣлъ на столъ. Въ слѣдующемъ **1273** году Василій, пославъ воеводу своего Семена пустошить новгородскую волость, самъ пошелъ къ Переяславлю, а отсюда — къ Торжку; пожегъ здѣсь хоромы и, посадивъ въ Торжкѣ своихъ тиуновъ, ушелъ въ Кострому. Семень, попустошивъ новгородскія волости, также возвратился во Владиміръ съ большимъ полономъ. Въ то же время и племянникъ Василія, Святославъ тверскій, съ татарами пустошилъ Волокъ, Бѣжецкъ и Вологду. Между тѣмъ въ Новгородѣ вздорожалъ хлѣбъ, кажется, главнымъ образомъ потому, что въ Низовской землѣ у новгородскихъ гостей, бывшихъ во Владимірѣ, Твери и Костромѣ, были отняты товары. Дмитрій Александровичъ, зимой того же года, пошелъ съ новгородцами ратью на Тверь, а къ Василию Ярославичу отправилъ пословъ съ предложеніемъ — возвратить Новгороду взятые имъ новгородскія волости и заключить съ новгородцами миръ. Великій князь отпустилъ пословъ съ честью, но мира не далъ. Всѣ эти бѣдствія, въ виду столькихъ враговъ, наконецъ, внушили новгородцамъ спасительную мысль — обратиться къ Василию. Въ Торожкѣ, куда прибылъ Дмитрій съ новгородцами, съ намѣреніемъ воевать Тверскую землю, поднялась замятня: новгородцы, видя на сторонѣ Василія перевѣсъ, желали задаться за него. Дмитрій добровольно отказался отъ новгородскаго стола, почему и былъ отпущенъ въ Переяславль, какъ говорятъ лѣтописи, съ любовію; у приверженца его, Павши, отнято было посадничество и отдано Михаилу Мишиничу. Павша бѣжалъ къ Дмитрію. Къ Василию послали пословъ; а въ Торжкѣ присягали «единымъ быти съ посадникомъ Михаиломъ». Впрочемъ, въ томъ же году, когда Василій уже посаженъ былъ на новгородскомъ столѣ, Павша перешелъ на его сторону: посадничество опять дали ему¹¹⁶).

116) Ibid. III, 62—63; IV, 42; V, 198—199; VII, 172; Ник. III, 55—57; Татищ. IV, 45.

Въ 1274 г. Павша умеръ. Василій Ярославичъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и при немъ въ посадники опять выбранъ былъ Михаилъ Мишиничъ¹¹⁷⁾.

Въ концѣ 1275 г. Василій зачѣмъ-то ѣздилъ въ орду, откуда возвратился уже въ слѣдующемъ 1276 году во Владиміръ. Въ томъ же году онъ умеръ въ Костромѣ, въ которой почти постоянно жилъ, будучи и великимъ княземъ, и погребенъ въ церкви св. Θεодора, въ присутствіи многихъ князей. Тутъ были: Борисъ Васильковичъ ростовскій, Глѣбъ Васильковичъ бѣлозерскій, Михаилъ Ивановичъ стародубскій, внукъ Всеволода Юрьевича, Димитрій Александровичъ переяславскій и Θεодоръ Ростиславичъ ярославскій¹¹⁸⁾.

Василій Ярославичъ былъ женатъ, но о женѣ его до насъ не дошло никакихъ извѣстій; не знаемъ даже имени ея. Равнымъ образомъ, ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы у него были дѣти¹¹⁹⁾.

Димитрій Александровичъ переяславскій.

1250 † 1294.

Въ 1259 году Александръ Невскій былъ въ Новгородѣ съ татарскими численниками, пріѣхавшими для переписи новгородской земли. По окончаніи переписи, которой предшествовали обычныя новгородскія смуты, татары выѣхали изъ Новгорода; вскорѣ послѣ нихъ выѣхалъ и Александръ, оставивъ тамъ сына своего Димитрія, который былъ, вѣроятно, еще очень молодъ¹²⁰⁾. Какъ Димитрій жилъ и управлялъ Новгородомъ до 1262 года,

117) Ibid. III, 63; Ник. III, 59 (подъ 1275 годомъ).

118) Ibid. I, 227; II, 345; III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 172—173; XV, 405; Ник. III, 59—61. Никон. лѣт. восхваляетъ добродѣтели этого князя: любовь и милость къ церквамъ и духовенству и пр. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Тат. IV, 47) при немъ, въ 1275 г., было на Руси «второе число» изъ орды отъ хана. Замѣчательнъ также бывший при немъ соборъ въ 1274 г., когда во Владиміръ пріѣхалъ изъ Кіева митр. Кириллъ съ архим. Кіево-печерской лавры, Серапіономъ, для посвященія послѣдняго во епископа Владиміру и Суздалью. Этотъ соборъ можетъ считаться, по отношенію къ принятымъ мѣрамъ исправленія неурядицъ въ церкви и клирѣ, предвѣстникомъ Стоглаваго собора.

119) См. выше, примѣчаніе 113.

120) П. С. Р. Л. III, 57; V, 189—190; VII, 162; Ник. III, 40. По лѣтописямъ неизвѣстно, когда родился Димитрій; а Мальгинъ («Зерцало», 292) говоритъ, что въ 1250 г. во Владиміръ. Хотя лѣтопись и замѣчаетъ подъ 1263 г., по случаю изгнанія Димитрія изъ Новгорода, «зане князь еще малъ бяше»,—но надобно замѣтить, что въ Раковорской битвѣ

лѣтописи не оставили извѣстій. Но въ этомъ послѣднемъ году Александръ Невскій, намѣреваясь ѣхать въ орду, послалъ брата своего Ярослава и сына Димитрія съ новгородцами ратью на Юрьевъ (Дерптъ). Лѣтописи замѣчаютъ, что Димитрій воротился изъ этого похода «со многими товаромъ». Само собою разумѣется, что побѣда новгородцевъ и взятіе Юрьева зависѣли не отъ Димитрія, еще очень молодаго, а отъ нихъ самихъ или отъ князей, принимавшихъ въ этомъ походѣ участіе; тутъ были, кромѣ Ярослава Ярославича: зять Невскаго, Константинъ Ростиславичъ смоленскій, и полоцкій князь Товтивиль съ полочанами и литвой, съ которой новгородцы, не задолго до этого похода, помирились ¹²¹⁾.

Для новгородцевъ, конечно, неудобно было имѣть у себя малолѣтняго князя и, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, они только ждали удобнаго случая устранить его отъ себя. Случай этотъ скоро представился: 14-го ноября **1263** года умеръ Александръ Невскій, а въ слѣдующемъ году новгородцы, съ своимъ посадникомъ (Михалкомъ) во главѣ, выгнали отъ себя Димитрія, «зане князь еще малъ бяше», и посадили у себя дядю его, Ярослава Ярославича тверскаго ¹²²⁾.

Въ 1268 году новгородцы открываютъ военныя дѣйствія противъ ливонцевъ, къ чему привлекаютъ и другихъ князей; посылаютъ и за Димитріемъ въ Переяславъ ¹²³⁾. Димитрій, такимъ образомъ, принималъ участіе въ знаменитой битвѣ подъ Раковоромъ (Везенбергомъ) и въ битвѣ у р. Кеголи. Лѣтописи отводятъ даже видное мѣсто въ этомъ походѣ Димитрію. Такъ, въ концѣ января, по пути къ Раковору, отрядъ, въ которомъ находился Димитрій, напалъ на засѣвшую въ одной пещерѣ Чудь, которую

онъ былъ самостоятельно дѣйствующимъ лицомъ и называется (конечно, лѣтопись забѣгаетъ впередъ) великимъ княземъ (VII, 167); притомъ предъ походомъ новгородцы лично къ нему обращались.

121) Ibid. III, 57; IV, 39, 180; V, 190—191; VII, 163.

122) Ibid. III, 58; IV, 39; V, 191; VII, 164 (подъ 1263 г.); Ник. III, 42. Новгород. 4-я сначала говоритъ объ изгнаніи Димитрія, а потомъ уже о смерти Невскаго.

123) Воскр. (VII, 167) и Никон. (III, 46), говоря, подъ 1265 годомъ, о намѣреніи Ярослава Ярославича идти къ Пскову на литовскаго кн. Довмонта, который, вслѣдствіе происходившихъ въ Литвѣ кровавыхъ княжескихъ усобицъ, прибѣжалъ въ Псковъ и былъ предпочтенъ Ярославову сыну Святославу, замѣчаютъ, что новгородцы воспротивились намѣренію Ярослава, который и отослалъ свои полки въ Низовскую землю, а потомъ и самъ выѣхалъ изъ Новгорода, оставивъ тамъ, будто бы, Димитрія Александровича. Здѣсь, кажется, ошибка: въ 1266 г. новгородцы задумали съ кн. своимъ Юріемъ (конечно, Андреевичемъ, племянникомъ Ярослава Ярославича) идти на Литву (IV, 40); въ послѣдующихъ событіяхъ — въ битвѣ при Раковорѣ, въ походѣ на Занаровье — участвуетъ тотъ же Юрій, названный (въ IV, 41), конечно, по ошибкѣ *Александровичемъ*. Но въ Раковорской битвѣ или въ приготовленіяхъ къ ней Юрій участвуетъ уже, а Димитрія (III, 59) только еще приглашаютъ. Очевидно, Воскр. и Никон. лѣтописи приняли Димитрія Александровича вм. Юрія Андреевича, названнаго въ Новгородской 4-й *Александровичемъ*.

трудно было выбить оттуда, но выбили, благодаря «хитрости порочнаго мастера», который пустил въ пещеру воду; Чудь выбѣжала и была побита; а захваченный при этомъ товаръ отданъ былъ Димитрію. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ объ этомъ походѣ Димитрій изображается успешно дѣйствующимъ по собственному почину; послѣ побѣды, одержанной 18-го февраля, онъ три дня стоитъ «на костяхъ» и потомъ уже отправляется въ Новгородъ, а оттуда — въ Переяславль¹²⁴⁾.

Въ 1270 г., послѣ того, какъ в. кн. Ярославъ Ярославичъ показалъ, что онъ хочетъ распоряжаться въ Новгородѣ по своему усмотрѣнію, новгородцы подняли мятежъ и прогнали Ярослава, не смотря на обѣщаніе его во всемъ уступить «волѣ новгородской»; они послали въ Переяславль за Димитріемъ, прося его на новгородскій столъ; Димитрій отказался, не желая «взять стола передъ стриемъ своимъ»; а потомъ даже помогалъ Ярославу въ походѣ на Новгородъ и ходилъ съ нимъ въ 1271 г. въ орду¹²⁵⁾. Но въ 1272 г., по смерти Ярослава, Димитрій желалъ и добивался Новгорода, хотя и долженъ былъ уступить в. кн. Василию Ярославичу, который располагалъ бѣльшими средствами для удержанія Новгорода за собой¹²⁶⁾.

По смерти Василия Ярославича, въ 1276 г., Димитрій Александровичъ сдѣлался вел. кн. владимірскимъ; въ томъ же году новгородцы звали его къ себѣ, а въ 1277 г. посадили его на новгородскомъ столѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ¹²⁷⁾. Въ слѣдующемъ 1278 году Димитрій съ своими низовскими полками и новгородскими ходилъ на Корелу и «полонилъ всю землю ихъ», а въ 1279 г. выпросилъ у новгородцевъ позволеніе поставить для себя городъ Копорье (крѣпость въ Копорьи). Въ 1280 г. онъ лично, съ посадникомъ Михаиломъ и «большими мужи», пошелъ въ Копорье и заложилъ тамъ каменную крѣпость¹²⁸⁾. Тогда же онъ и новгородцы, по ка-

124) П. С. Р. Л. I, 226; III, 58—60; IV, 40—41, 180—182; V, 193—195; VII, 167—168; Ник. III, 46—48. — Къ Раковору пошли января 23.

125) Ibid. III, 61, 220; IV, 42; V, 196; VII, 169; Супр. 37; Ник. III, 50—53.

126) См. подъ Василиемъ Ярославичемъ. Цит. см. въ прим. 116.

127) П. С. Р. Л. I, 227; II, 345; III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 173; Ник. III, 57—61. Недѣля всѣхъ святыхъ — день переходный: это — второй воскресный день по Пятидесятницѣ; а такъ какъ Пасха въ 1276 г. была 5 апр., то недѣля всѣхъ святыхъ надала на 31 мая.

128) Ibid. III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 174; Ник. III, 64 и сл. Въ IV говорится, что послѣ похода на Корелу Димитрій взялъ Тетяковъ, какъ будто этотъ Тетяковъ былъ поблизости. Тетяковъ или Дедаковъ — въ землѣ Ясовъ сѣвернѣе Дербента («Учебн. атл. по Р. Ист.», карта № 3 Е. Е. Замысловскаго). Дѣйствительно, въ 1277 г. русскіе князья—Борисъ ростовскій, Федоръ ярославскій, Глебъ бѣлозерскій и Андрей Городецкій—пошли въ орду, чтобы съ ханомъ идти на Ясовъ къ Тетякову. Но Димитрія не было въ числѣ этихъ князей: онъ пошелъ въ Новгородъ. — У Тат. IV, 51 объ этомъ походѣ

кимъ-то причинамъ, отняли посадищество у Мѣхила Мѣшинча, а на мѣсто его вывели изъ Ладоги Семѣна Мѣханловича¹²⁹). Всѣ эти послѣдніе факты указываютъ на то, что новгородцы были съ великимъ княземъ въ мирѣ и согласіи, а потому удивительнымъ кажется, что въ слѣдующемъ 1281 году у Димитрія произошелъ разладъ съ новгородцами. Нѣкоторые думаютъ, что этотъ разладъ произошелъ изъ-за Копорья, которое новгородцы не хотѣли оставлять въ рукахъ великаго князя¹³⁰). Вслѣдствіе этого Димитрій Александровичъ вступилъ съ огнемъ и мечемъ въ Новгородскую землю и сталъ на Шелони. Сюда прибылъ къ нему новгородскій архіепископъ съ дарами и просьбой о мирѣ. До начала военныхъ дѣйствій къ Димитрію приходилъ тотъ же владыка, но тогда великій князь не взялъ мира съ новгородцами; теперь же онъ далъ миръ и уѣхалъ во Владиміръ, откуда вскорѣ отправился въ Ростовъ, гдѣ происходила ссора между братьями, Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами, недавно получившими княженіе послѣ дяди Глѣба, а теперь отнявшими Бѣлозерскій удѣлъ у Глѣбова сына, Мѣхила. Димитрій примирилъ братьевъ. Между тѣмъ собственный его братъ, Андрей городецкій, руководимый, какъ объясняютъ лѣтописи, однимъ изъ своихъ приближенныхъ, «льстивымъ коромольникомъ, Семѣномъ Топилгевичемъ», въ томъ же 1281 году пошелъ въ орду, былъ челомъ хану на брата своего Димитрія и успѣлъ выпросить ярлыкъ на великое княженіе. До Андрея дошла въ орду вѣсть, что Димитрій собираетъ рать, укрѣпляетъ городъ, не хочетъ слушать ханскаго слова и уступать княженія младшему брату. Все это передано было хану, который и далъ Андрею татарскую рать, во главѣ съ Кавгадыемъ и Алчедаемъ. Андрей пошелъ къ Мурому и созывалъ сюда князей. Боясь ли пришедшей съ Андреемъ татарской рати, а главное — боясь ли оскорбить хана, давашаго Андрею великокняжескій ярлыкъ и рать, или желая ослабить великаго князя, къ Андрею явились: кн. Оѣдоръ Ростиславичъ ярославскій, Мѣхилъ Ивановичъ стародубскій и Константинъ Борисовичъ ростовскій. Соединенные князья вмѣстѣ съ татарами пошли на Димитрія къ Переяславу; но послѣдніе, кажется, не хотѣли и думать объ опредѣленной цѣли похода; они все по пути предавали огню и мечу: опустошили Муромъ, около Владиміра, Юрьева, Твери, Торжка, даже Ростова; Переяславль, въ которомъ не было Димитрія, взять былъ на щитъ. А все зло, по замѣчанію одной лѣтописи,

ошибочно говорится, что ханъ Менгутимуръ съ русскими князьями пошелъ за Димитріемъ и что князья «взяша славный градъ Язскій»; очевидно, Татищевъ думалъ, что походъ былъ въ Молдавію на городъ Ясы. Ср. Кар. IV, пр. 157.

129) Ibid. III, 63.

130) См. Карамз. IV, 80—81 и относящіяся сюда примѣчанія; Сел. III, 237.

сѣзжалъ Андрей, добиваясь великаго княженія не по старшинству. Между тѣмъ Димитрій бѣжалъ къ Новгороду и хотѣлъ пробраться и засѣсть въ Копорьѣ. Новгородцы вышли противъ него на Ильмень, заставили его отказаться отъ Копорья и показали ему путь; при этомъ они захватили, въ качествѣ аманатовъ (взяли въ таль) двухъ дочерей Димитрія и бояръ съ женами и дѣтьми, обѣщаясь отпустить ихъ, коль скоро «мужи» Димитрія выйдутъ изъ Копорья. Это было 1-го января. Въ Копорьѣ, вмѣстѣ съ дружиной Димитрія, находился и зять его Довмонтъ. Онъ, когда еще Димитрій имѣлъ дѣло съ новгородцами на Ильменѣ, набѣжалъ на Ладогу и захватилъ оттуда имущество тестя, а по выраженію Новг. 1-й лѣтописи — «задреша и ладоского» (прихватилъ), и воротился къ Копорью на Васильевъ день (1-го января). Между тѣмъ новгородцы, пославъ за Андреемъ, пошли на Копорье; дружина Димитрія вышла изъ города, который и былъ новгородцами разрушенъ, а земляныя укрѣпленія раскопаны («гору раскопаша»). Андрей прибылъ въ Новгородъ и сѣлъ на столѣ. Въ то же время и Димитрій, ушедшій изъ Новгородской земли за море, возвратился въ Переяславль. Андрей, послѣ обычнаго обряда сажанія на столъ новгородскій, взявъ съ собою нѣсколько новгородскихъ бояръ, поторопился во Владиміръ, такъ какъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ услышалъ, что Димитрій возвратился изъ-за моря съ большою ратью, укрѣпляетъ городъ и собираетъ полки. Новгородскихъ бояръ онъ захватилъ потому, что боялся брата. Изъ Владиміра, отпустивъ новгородскихъ бояръ, Андрей отправился въ Городецъ, а отсюда — въ орду съ жалобами на брата; съ нимъ отправился и Семень Тонпглевичъ. Между тѣмъ одинъ изъ отпущенныхъ имъ новгородскихъ бояръ, посадникъ Семень Михайловичъ, засѣлъ въ Торжкѣ и не пускалъ туда Димитріевыхъ намѣстниковъ, а «обиліе» (хлѣбъ) водянымъ путемъ препровождалъ въ Новгородъ. — Съ наступленіемъ 1283 г., Святославъ Ярославичъ съ тверичами, Даниилъ Александровичъ съ москвичами и новгородцы пошли ратью къ Переяславу на Димитрія, который выступилъ противъ соединенныхъ силъ и сталъ въ Дмитровѣ. Не доходя 5 верстъ до этого города, противники Димитрія вступили съ нимъ въ переговоры и заключили миръ. Но Андрей и послѣ этого не могъ успокоиться: изъ орды онъ привелъ татарскую рать подъ начальствомъ Турайтемира и Алына, а воеводой былъ у нихъ Семень Тонпглевичъ. Рать эта начала пустошить Суздальскую землю, между тѣмъ какъ Димитрій бѣжалъ къ татарамъ, но не къ золотоордынскимъ, покровителямъ Андрея, а къ враждебнымъ имъ — ногайскимъ, кочевавшимъ въ южно-русскихъ степяхъ, у береговъ Чернаго моря. Ногай, бывшій прежде военачальникомъ въ Золотой ордѣ, теперь считался самъ полновластнымъ ханомъ, котораго

боялся даже и ханъ Золотой орды. Димитрій принять былъ здѣсь съ честію, конечно, благодаря соперничеству хановъ. Возвратившись на Русь съ ханской грамотой, Димитрію не пришлось прибѣгать къ мечу: Андрей добровольно примирился съ нимъ. Тогда же Димитрій послалъ въ Кострому бояръ своихъ, Антона и Теофана, которымъ поручено было выпытать Семена Тонгилевича объ Андреевыхъ планахъ и убить его; бояре исполнили волю князя: убили Семена, но о планахъ Андрея ничего не узнали. Вѣроятно, Андрей задумалъ отмстить брату за его самоуправство и за своего любимца: по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ 1284 г. Андрей пришелъ въ Торжекъ и позвалъ къ себѣ новгородскаго посадника Семена со «всеми старѣйшими людьми»; здѣсь князь и новгородцы цѣловали крестъ на томъ, что Андрей «не съступается Новагорода», а новгородцы не ищутъ другаго князя. Изъ Торжка Андрей пошелъ въ Суздальскую землю, но уступилъ, все-таки, Новгородъ Димитрію, такъ какъ, по извѣстію Татищева, Димитрій хотѣлъ идти на него ратью. Мало того: въ томъ же году зимой онъ самъ ходилъ съ Димитріемъ, съ которымъ были и татары, на Новгородскую землю, которая потерпѣла много зла. Новгородцамъ, тѣснимымъ въ это время со стороны Невы нѣмцами, ничего не оставалось дѣлать, какъ постараться о примиреніи съ великимъ княземъ: Димитрій сѣлъ на новгородскомъ столѣ¹³¹⁾.

Но Андрей, какъ видно, только въ силу необходимости примирился съ братомъ; въ душѣ же продолжалъ питать къ нему ненависть. Такъ, въ 1285 году онъ привелъ на Димитрія какого-то ордынскаго царевича съ татарами, которые, по обычаю, разбрелись по Суздальской землѣ для грабежа. Димитрій, соединившись «съ братьею своею», выгналъ этого царевича, а бояръ Андреевыхъ забралъ въ плѣнъ¹³²⁾.

131) П. С. Р. Л. I, 227; II, 346; III, 64; IV, 43; V, 199—201; VII, 174—178; XV, 405; Ник. III, 70—73; Тат. IV, 68. Всѣ эти событія совершились въ періодъ времени отъ 1280 до 1284 г. включительно. Такъ какъ отдѣльные эпизоды этого періода быстро слѣдовали одинъ за другимъ изъ года въ годъ, то, естественно, у лѣтописцевъ они являются: у однихъ, — сравнительно съ другими, — выходящими за предѣлы извѣстнаго года и переходящими въ слѣдующій годъ, у другихъ — наоборотъ. Во всякомъ случаѣ разница будетъ незначительная и естественная: одинъ лѣтописецъ извѣстное событіе помѣщаетъ подъ тѣмъ годомъ, въ который оно случилось; но это событіе своими послѣдствіями переходитъ въ слѣдующій годъ, подъ которымъ у другаго лѣтописца записывается и то и другое, т. е. и самое событіе и его послѣдствія, и наоборотъ. — Кар. (IV, пр. 161) считаетъ выдумкой извѣстіе Ник. лѣт., что Димитрій — какъ говорилъ хану Андрей — не хочетъ слушать ханской воли... Но Андрей, чтобы задѣть честолюбіе хана, самъ могъ выдумать это!.. — Послѣ того, какъ новгородцы разрушили Копорье, въ Новгородъ пришелъ Андрей. Супр. рук. говоритъ объ этомъ подъ 1282 годомъ, прибавляя, что новгородцы посадили его на столѣ въ недѣлю сыропустную.

132) Ibid.

Димитрій Александровичъ, какъ видно, хотѣлъ держать всѣхъ князей Суздальской земли подъ своей рукой. Такъ, смиривъ брата своего Андрея, онъ, въ **1288** году или около того, предпринимаетъ походъ на Михаила тверскаго, потому что, по выраженію лѣтописца, «не въсхотѣ Михаилъ Тверскій поклонитися вел. кн. Дмитрію». Великій князь съ новгородцами и ихъ посадникомъ Андреемъ, съ братьями: Андреемъ городецкимъ и Даниломъ московскимъ, и съ кн. ростовскимъ, Димитріемъ Борисовичемъ (на дочери котораго, года за три передъ тѣмъ, женился сынъ великаго князя, Иванъ) двинулись на Тверь и подошли къ Кашину, гдѣ стояли девять дней, города не взяли,—но въ окрестностяхъ «все пусто сотвориша»; послѣ того, взявъ Кснятинъ, они пошли къ самой Твери. Михаилъ Ярославичъ, 17-ти-лѣтній юноша, хотя и вышелъ къ нимъ на встрѣчу, но дѣло до битвы не дошло; князья заключили миръ, но на какихъ условіяхъ — не извѣстно: вѣроятно, миръ не выгоденъ былъ Михаилу¹³³).

133) Ibid. III, 65; IV, 44; V, 201 (во всѣхъ подъ 1289 годомъ); VII, 179 (подъ 1287); XV, 406 (подъ 1288); Ник. III, 88 (подъ тѣмъ же годомъ). Последняя въ перечнѣ князей, ходившихъ съ Димитріемъ на Михаила, помѣщаетъ и князя Димитрія ростовскаго, между тѣмъ какъ IV и V такъ говорятъ объ этомъ: «Ходи вел. кн. Дмитрей Александровичъ ко Твери ратію, позва съ собою новгородцевъ, и идоша новгородцы съ посадникомъ Андреемъ; ратни же пожгоша волости ихъ, и миръ взя князь великій и отъиде. А князь Димитрій ростовскій нача вѣдати всю свою отчину, и ходи къ Кашину ратію». Выходитъ, что кн. ростовскій какъ будто предпринималъ особый походъ на Кашинъ, независимо отъ похода в. князя. Далѣе: Ник. (III, 88) подъ 1290 годомъ говоритъ еще о походѣ Димитрія ростовскаго съ новгородцами и посадникомъ ихъ Андреемъ Климовичемъ на Тверь; но тверичи помирились съ новгородцами, а кн. ростовскій пошелъ съ ратію на Кашинъ, гдѣ и у него дѣло кончилось миромъ... Такъ ли все это было? Послѣ похода вел. кн. владимірскаго на Тверь, новгородцы, въ 1290 году, отняли посадничество у Андрея Климовича, котораго, затѣмъ, мы не видимъ дѣйствующимъ лицомъ до 1293 года (III, 65—66). Такимъ образомъ, очевидно, Ник. лѣтопись изъ одного похода вел. кн. владимірскаго сдѣлала два различныхъ похода, и походъ великаго князя 1288 или 1289 года повторяетъ подъ 1290, приписывая его Димитрію ростовскому. Что касается того, что между Димитріемъ Александровичемъ (на сторонѣ котораго былъ перевѣсъ матеріальной силы и житейскаго опыта) и Михаиломъ Ярославичемъ не произошло битвы, то Карамзинъ смѣло и рѣшительно, какъ несомнѣнный фактъ передаетъ, что Димитрій заключилъ миръ, «не смѣвъ рѣшиться на битву» и какъ бы призналъ тѣмъ самостоятельность Твери. Мы уже сказали, что всѣ шансы для побѣды были на сторонѣ Димитрія, и слѣд. миръ, надобно полагать, былъ невыгоденъ для Михаила. А что миръ заключенъ былъ безъ битвы, то это явленіе тогда было обычнымъ. «Становится замѣтнымъ, говоритъ другой историкъ (Сол. III, 239), какъ рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся». — Относительно причинъ похода Димитрія ростовскаго на Тверскую землю, похода самостоятельнаго, а не по приказанію вел. кн. владимірскаго, есть еще предположеніе: тверскіе князья могли воспользоваться происходившими до 1287 г. въ Ростовской землѣ ссорами между братьями (Димитрій и Константинъ Борисовичи и двоюродный братъ ихъ, Михаилъ Глѣбовичъ) и захватили нѣкоторые пограничныя ростовскія волости. По этой-то причинѣ, послѣ 1287 г., когда князья ростовскіе подѣлили между собою волости (слѣд. примирились), Димитрій Борисовичъ и могъ предпринимать походъ на Тверь. (См. В. С. Борзаконскаго: «Ист. Тверскаго Княж.», прим. 368). Пред-

Какъ увидимъ въ послѣдствіи, Андрей все еще не оставлялъ мысли о враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ брата. Димитрій, вѣроятно, и замѣчалъ это, — но не хотѣлъ безъ явныхъ поводовъ усмирить его. Можетъ быть, для обезпеченія себя отъ враждебныхъ дѣйствій Андрея совместно съ татарами, не хотѣлъ-ли онъ задобрить послѣднихъ и — не съ этою ли цѣлью, въ 1292 году, онъ посылалъ сына своего Александра въ орду (Ногаеву), который тамъ и умеръ?¹³⁴⁾

Занятый дѣлами, болѣе близкими его сердцу, Димитрій, какъ князь новгородскій, не оставлялъ, однако, безъ вниманія и Великаго Новгорода. Такъ, въ томъ же 1292 году его воеводы ходили съ новгородцами на нѣмцевъ, которые беспокоили Новгородскую землю, конечно, потому, что сами новгородцы не упускали случая пограбить враждебныхъ имъ сосѣдей: какъ лѣтопись выражается, новгородскіе «молодцы» дѣлали въ этомъ году набѣги на Емь, чѣмъ и вызвали непріязненные дѣйствія со стороны шведовъ¹³⁵⁾.

Въ 1293 году Андрей Александровичъ, привлеки на свою сторону князей ростовскихъ, Димитрія и Константина Борисовичей, и Феодора Ростиславича ярославскаго съ зятемъ его, Михаиломъ Глѣбовичемъ бѣлозерскимъ, ходилъ въ орду (Золотую), гдѣ тогда ханомъ былъ Тохта; жаловался послѣднему на брата своего и успѣлъ выхлопотать рать, съ которой Тохта отпустилъ своего брата Дуденя. Пришедши въ Суздальскую землю, татары разорили Владиміръ, Москву, Дмитровъ, Волокъ, Переяславль, Юрьевъ, Коломну и многіе другіе города. Димитрій Александровичъ, предъ ихъ приходомъ, бѣжалъ сначала въ Волокъ, а потомъ — во Псковъ... Татары хотѣли идти на Тверь, куда отовсюду сбѣжалось множество народа, рѣшившагося положить головы свои, если бы пришли татары. Слухъ ли объ этой рѣшимости коренныхъ и пришлыхъ тверичей, или слухъ о при-

положеніе (Твер. губ. вѣд. 1867 г., гдѣ помѣщенъ «Истор. очеркъ Кашина»), что Кашина въ XIII в. принадлежалъ Ростову (почему Димитрій и ходилъ къ Кашину), а потомъ перешелъ къ Твери, въ видѣ приданаго, съ Анной Димитріевной, вышедшей за тверскаго князя, не выдерживаетъ критики: Михаилъ женился на Аннѣ ростовской въ 1294 г., а походъ былъ гораздо ранѣе, въ 1290; притомъ, на свой городъ, по замѣчанію г. Борзакскаго, Димитрій не пошелъ бы (ibid.), хотя, надобно замѣтить, въ подобныхъ случаяхъ князья не церемонились и съ своими городами. — Относительно брака сына Димитріева Ивана на княжнѣ ростовской въ лѣтописяхъ существуетъ разногласіе: Ник. (III, 85) и Воскр. (VII, 179) относятъ его къ 1286 г.; но та же Ник. въ другой разъ (ibid. 89), а также Твер. (стр. 406) и Троиц. (I, 227) говорятъ объ этомъ бракѣ подъ 1292 годомъ. Но объ этомъ еще будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

134) Ibid. I, 227; III, 65; IV, 44; V, 201; VII, 180; Ник. III, 89. Карамзинъ (IV, 87) положительно такъ думаетъ.

135) Ibid. III, 65; IV, 44; V, 201.

близеніи къ городу возвращавшагося изъ орды тверск. князя подѣйствоваль на татаръ, — только они на Тверь не пошли, а обратились на Волокъ. Теперь новгородцы высылаютъ къ нимъ пословъ съ дарами, прося ханскаго брата пощадить ихъ землю, а Андрея зовутъ къ себѣ на столъ. Дудень «вспяти» свою рать; то же сдѣлалъ и Андрей, а самъ пошелъ въ Новгородъ. Такимъ образомъ, Владиміръ и Новгородъ остались за Андреемъ, а союзникъ его, Оеодоръ Ростиславичъ, сѣлъ въ Переяславль; Димитріева же сына Ивана они вывели въ Кострому. Между тѣмъ, Димитрій Александровичъ, вѣроятно, считая себя небезопаснымъ отъ враговъ своихъ во Псковѣ, рѣшился бѣжать въ Тверь. Андрей, узнавши объ этомъ, съ посадникомъ Андреемъ Климовичемъ и новгородцами, бросился въ Торжекъ, чтобъ перехватить тамъ брата. Хотя Димитрій самъ и благополучно пробрался въ Тверь, но обозъ его достался въ руки Андрея и новгородцевъ. Изъ Твери, конечно, при участіи въ этомъ тверскаго князя Михаила, Димитрій послалъ въ Торжекъ тверскаго владыку съ какимъ-то кн. Святославомъ для переговоровъ о мирѣ, который и былъ заключенъ: Димитрій отказался отъ великаго княженія и хотѣлъ провести послѣдніе дни въ своемъ любимомъ Переяславлѣ. Вѣроятно, съ досады, что лишается приобрѣтенія, Оеодоръ Ростиславичъ, союзникъ Андрея, оставляя Переяславль, сжегъ его. Димитрій отправился въ свою отчину черезъ Волокъ; въ пути онъ заболѣлъ, постригся въ чернецы и — умеръ. Это было въ 1294 году. Тѣло его изъ Волока перевезли въ Переяславль и тамъ похоронили въ Спасо-преображенскомъ соборѣ¹³⁶).

Отъ брака съ неизвѣстной намъ супругой Димитрій Александровичъ имѣлъ троихъ сыновей: Ивана, Александра и Ивана меньшаго и дочь Марію, бывшую за кн. псковскимъ Довмонтомъ, и еще двухъ дочерей, имена которыхъ намъ неизвѣстны¹³⁷).

136) Ibid. I, 228; III, 65—66; IV, 44, 183; V, 10, 201—202; VII, 180—181; XV, 406—407; Ник. 90—92. См. прим. 147.

137) Нѣкоторые родословныя (какъ Головина, М. 1851) даютъ Димитрію одну дочь, бывшую за Довмонтомъ; М. Д. Хмыровъ («Алф.-справочный перечень»... Вып. 1, № 69) — также одну дочь. Мы знаемъ, что у Димитрія была дочь Марія, на которой женился Довмонтъ (П. С. Л. V, 7); знаемъ также, что — по лѣтописямъ — новгородцы, въ 1282 году, когда хотѣли заставить Димитрія — очистить Копорье отъ дружины его, взяли *двухъ* дочерей Димитрія въ таль (залогъ). Вышецитированное мѣсто изъ 2-й Псковской лѣтописи продолжается такъ: «Паки же, на другой годъ, кн. Домонтъ съ мужи своими Псковичи иде въ посobie *тестю* своему вел кн. Димитрію на Нѣмечь»... Если новгородцы въ это время взяли *двухъ* дочерей Димитрія, а Довмонтъ является уже женатымъ на дочери его, то — очевидно — у Димитрія было три дочери. Очень можетъ быть, что лѣтопись переднимъ числомъ называетъ Димитрія *тестемъ* Довмонта... но и тогда у перваго будетъ двѣ дочери, а не одна. — Старшаго и младшаго сыновей Димитрія Александровича нѣкоторые смѣшиваютъ, о чемъ будетъ сказано въ концѣ книги, въ I приложеніи.

Андрей Александровичъ городецкій.

1263 † 1304.

О годахъ младенчества и ранней юности Андрея Александровича лѣтописи не передаютъ почти никакихъ извѣстій; одна только Никоновская лѣтопись, подъ **1263 г.** говоря о смерти отца его, отмѣчаетъ имя его третьимъ въ числѣ сыновей Невскаго, когда онъ, т. е. Андрей, былъ, кажется, еще очень молодъ. Въ **1276 г.** умеръ Василій Ярославичъ въ Костромѣ, не оставивъ потомства, и Андрей, въ придачу къ Городцу, получилъ еще и Кострому¹³⁸⁾.

Дѣйствующимъ лицомъ Андрей выступаетъ на сцену только по занятіи его братомъ Димитріемъ великокняжескаго стола: въ **1277 г.**, когда Димитрій отправился въ Новгородъ, какъ великій князь, сѣсть на тамошнемъ столѣ, другіе князья, какъ Борисъ ростовскій, Глѣбъ бѣлозерскій (Васильковичи), Ѳеодоръ Ростиславичъ ярославскій и Андрей Александровичъ городецкій, пошли съ войсками въ орду на помощь хану Мангу-Тимуру, который собирался въ походъ на Кавказъ противъ непокорныхъ ему ясовъ (аланъ). Походъ этотъ окончился къ **1279 году**¹³⁹⁾. Года черезъ два послѣ этого похода (**1281 г.**), Андрей, руководимый любимцемъ своимъ, Семеномъ Тониглѣвичемъ, отправляется въ орду, жалуется на брата, поднимаетъ на него татаръ, подходитъ къ Мурому, куда собираетъ нѣкоторыхъ князей, идетъ на Переяславль и 19 декабря беретъ его¹⁴⁰⁾. Между

138) Ник. III, 42. М. Д. Хмыровъ («Алф.-справочный перечень госуд. русск.». Вып. 1, № 19), слѣдую, кажется, «Зерцалу» Мальгина, положительно говоритъ, что Андрей родился въ 1255 г. — Что касается полученія Андреемъ Костромы, то прямыхъ указаній въ лѣтописяхъ на это мы не находимъ. С. М. Соловьевъ («Ист.» III, 237) и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Энцикл. словарь, сост. русск. учен. и литер.», т. IV) говорятъ объ этомъ положительно. Конечно, это должно быть выведено изъ извѣстія Лавр. лѣт. (I, 209), въ которой подъ 1303 годомъ говорится, что въ Костромѣ умеръ сынъ Андрея, Борисъ; слѣд. Кострома въ это время была за Андреемъ, а перейдя къ нему она могла только въ 1276 г., когда умеръ бездѣтнымъ Василій Ярославичъ костромскій.

139) П. С. Р. Л. IV, 43; V, 199; VII, 173; Ник. III, 63—64. Тат. IV, 51 ошибочно говоритъ о томъ, что князья ходили съ ханомъ за Днѣстръ на городъ «Язскій», о чемъ см. прим. 128.

140) Ibid. II, 346; VII, 175; Ник. III, 71—73 (во всѣхъ подъ 1281 годомъ); III, 64; IV, 43; V, 199—200 (подъ 1282 годомъ). С. М. Соловьевъ (III, 237) дѣлаетъ предположеніе, что стремленіе Димитрія усилить себя на счетъ другихъ, или примѣръ Василя Ярославича, не давшаго при посредствѣ хана брату своему Ярославу усилиться на счетъ Новгорода, послужили для Андрея поводомъ къ возстанію на старшаго брата... Можетъ быть и такъ; но лѣтописи говорятъ только о боярахъ и особенно о Семенѣ Тониглѣвичѣ, какъ виновникахъ этого возстанія. — Въ передачѣ фактовъ до 1294 г., т. е. до смерти Димитрія, съ которымъ Андрей былъ въ постоянныхъ столкновеніяхъ, мы будемъ кратки: болѣе подробно эти факты изложены подъ Димитріемъ Александровичемъ.

тѣмъ какъ Димитрій бѣжалъ и направлялся мимо Новгорода къ Копорью, куда новгородцы не хотѣли пустить его, Андрей изъ Переяславля пошелъ во Владиміръ, роскошно угостилъ здѣсь татарскихъ вождей и отпустилъ ихъ, а самъ отправился въ Новгородъ, гдѣ принять былъ съ честью¹⁴¹). По уходѣ татаръ, Димитрій возвратился въ свою отчину. До Андрея дошли слухи, что братъ его укрѣпляетъ свой Переяславль и собираетъ рать, а потому (въ 1282 г.), захвативъ съ собою многихъ новгородцевъ и двухъ посадниковъ, Семена Михайловича и Якова Димитріевича, онъ пошелъ изъ Новгорода во Владиміръ. Угостивши здѣсь новгородцевъ, онъ послалъ ихъ стеречь Торжекъ и Новгородъ, а самъ съ Семеномъ Тониглѣвичемъ чрезъ Городецъ отправился въ орду, гдѣ опять успѣлъ возстановить хана противъ Димитрія и получить татарскую рать подъ предводительствомъ Турай-Темира и Алыня. Димитрій бѣжалъ къ отложившемуся недавно отъ орды сильному Ногаю, въ придиѣпровскія степи. Въ 1283 г. онъ воротился въ Русь, и между братьями произошло примиреніе, неискреннее, впрочемъ, со стороны Андрея¹⁴²). Такъ какъ въ распряхъ братьевъ принималъ весьма дѣятельное участіе любимецъ Андрея, Семенъ Тониглѣвичъ, то, естественно, Димитрію хотѣлось устранить его отъ Андрея и онъ, какъ мы видѣли, устранилъ его¹⁴³). Это обстоятельство заставило Андрея тѣснѣе сблизиться съ новгородцами противъ старшаго брата: въ Торжкѣ и та и другая сторона цѣловала крестъ другъ къ другу стоять за одно. Но, пришедши въ Суздальскую землю, Андрей не только ничего не могъ предпринять противъ брата, а даже ходилъ вмѣстѣ съ нимъ, въ 1284 г., противъ тѣхъ же новгородцевъ¹⁴⁴). Впрочемъ Андрей еще не успокоился. Въ 1285 г. онъ привелъ изъ орды на Димитрія кокого-то царевича, но Димитрій прогналъ его, а бояръ Андреевыхъ переловилъ¹⁴⁵). Андрей, по-видимому, смирился и даже, на ряду съ другими князьями, въ 1289 г. участвовалъ въ походѣ Димитрія на Тверь¹⁴⁶). Но въ 1293 г. вмѣстѣ съ другими князьями — ростовскими,

141) Ibid. III, 64; V, 200 (подъ 1282 годомъ); VII, 175—176; Ник. III, 73—74 (подъ 1281 г.). Можетъ быть, дѣло было такъ: въ концѣ 1281 г. новгородцы пригласили его, а въ началѣ 1282 онъ пріѣхалъ къ нимъ. Новг. 1-я да и всѣ другія — одни подъ 1282 г., другія — подъ 1281 г. — говорятъ, что встрѣча Димитрія (бѣжавшаго къ Копорью) съ новгородцами была 1-го января.

142) Ibid. I, 227; III, 64; IV, 43; V, 199—200; VII, 176; Ник. III, 74—76. По III братья примиряются въ 1284 году.

— 143) См. біографію Димитрія Александровича.

144) Ibid. III, 64; IV, 43; V, 200—201; VII, 178; по Ник. III, 76—84 цѣлованіе Андреемъ и новгородцами креста, отказъ Андрея отъ Новгорода въ пользу Димитрія и наказаніе послѣднимъ новгородцевъ — все отнесено къ 1285 году.

145) Ibid. I, 227; IV, 43—44; V, 201; VII, 178—179; Ник. III, 84.

146) См. прим. 133. — Нѣсколько темныя и непоятныя извѣстія за это время сообщаетъ Троицк. лѣт. Подъ 1286 годомъ она говоритъ, что Димитрій и Константинъ Борисо-

углицкимъ, ярославскимъ и бѣлозерскимъ — онъ отправился въ орду и жа-

вичи подѣлили отчину свою: Дмитрій сѣлъ въ Угличѣ, а Константинъ — въ Ростовѣ; подѣ (1287 года нѣтъ) 1288 г.: «Сѣде Андрей Александровичъ на Ярославѣ, а Олександръ Феодоровичъ на Угличѣ полѣ» (дальше—дѣла церковныя); подѣ слѣдующимъ 1289 г.: «Сѣде Дмитрій Борисовичъ Ростовѣ; тогда бѣ много татаръ въ Ростовѣ, и изгнаша ихъ вѣчьемъ, и ограбиша ихъ. Того же лѣта князь Костянтинъ иде въ орду». Киссель («Ист. города Углича». Ярославль, 1844), который пользовался мѣстными углицкими лѣтописями, считаетъ Андрея седьмымъ углицкимъ княземъ съ 1289 года. Онъ такъ начинаетъ о немъ разсказъ: «Когда Дмитрій Борисовичъ оставилъ Угличъ и перешелъ княжить въ Ростовъ, то городецкій кн. Андрей Александровичъ, пользуясь отсутствіемъ обоихъ братьевъ, захватилъ насильственно Угличское княжество. Это случилось въ то время, когда оба брата, Дмитрій и Константинъ Борисовичи, ѣздили въ орду. Возвратившись изъ Орды и видя Угличъ въ рукахъ Андрея, онъ (Дмитрій?) удался въ Устюгъ, гдѣ и жилъ до тѣхъ поръ, покуда Андрей Александровичъ принужденъ былъ оставить Угличъ и отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ на Владиміръ». Дальше Киссель передаетъ, что Андрей городецкій, а теперь и углицкій, желая отнять великокн. столъ у старшаго брата, подступилъ къ Угличу съ огромнымъ войскомъ и множествомъ татаръ и угрозами заставилъ угличанъ отворить ему ворота; что онъ распоряжался въ Угличѣ всѣмъ, какъ собственностію, что исполнителями его воли были усердные до наглости татары, что собравши съ угличкаго княжества дань, какой не собирали и татары, и оставивши Угличъ подѣ управленіемъ бояръ, онъ поспѣшилъ въ орду, чтобы купить великокн. столъ, чего и достигъ; но подступивъ со множествомъ татаръ ко Владиміру, не могъ взять послѣдняго, а татары—между тѣмъ — начали требовать съ него обѣщанной платы, провизіи, лошадей и пр. Такъ какъ Андрей не могъ удовлетворить корыстолюбія татаръ, то послѣдніе взбунтовались противъ него, разсыпались съ своимъ предводителемъ Дюденемъ по всѣмъ областямъ: опустошили окрестности Владиміра, взяли и разграбили города: Суздаль, Муромъ, Юрьевъ, Москву, Коломну, Дмитровъ, Можайскъ, Волокъ, Переславль и Угличъ. Дальше слѣдуетъ статья «о раззорѣніи Углича отъ татаръ въ 1293 году». Здѣсь говорится, что Андрей бѣжалъ изъ-подѣ Владиміра отъ взбунтовавшихся татаръ, а послѣдніе, мстя ему, устремились на Угличъ, вырѣзали жителей и сожгли городъ; дальше приводится выписка о разореніи Углича изъ (мѣстной) Супоневской лѣтописи. Послѣ этого разгрома угчлѣвшіе угличане собрались на вѣче и положили послать посольство къ устюжскому князю Константину Борисовичу, какъ прежде посылали къ его брату Дмитрію въ Ростовъ; Константинъ согласился на ихъ предложеніе и съ 1293 года началъ княжить въ Угличѣ.—Здѣсь представляется нѣсколько вопросовъ, кажется, неразрѣшимыхъ: Троицк. лѣт. подѣ 6796 (1288) говоритъ, что Андрей сѣлъ въ Ярославѣ... куда же дѣлся Феодоръ Ростиславичъ? Положимъ, онъ былъ въ 1288 въ ордѣ (Степ. I, 396) и что въ этомъ же году (по той же Степенной) умеръ и сынъ его Михаилъ.. Все-таки, при жизни Феодора, хотя бы онъ и былъ въ это время въ ордѣ, занятіе Андреемъ Ярославля представляется непонятнымъ. Надобно замѣтить, что общія лѣтописи-событія послѣднихъ двухъ десятилѣтій XIII в. передаютъ кратко и сбивчиво, хронологію перепутываютъ, передаютъ въ высшей степени краткія замѣтки о такихъ фактахъ, которые не поддаются никакому, хотя бы и предположительному объясненію. Между тѣмъ, мѣстные лѣтописи передаютъ нѣкоторыя краткія извѣстія общихъ лѣтописей болѣе подробно и болѣе обстоятельно. Но, спрашивается, откуда онѣ почерпнули эту подробность? и можно ли имъ довѣрять вполне? Впослѣдствіи мы увидимъ, что въ мѣстныхъ лѣтописяхъ весьма часто съ подробностію и обстоятельностью передаются чрезвычайно уродливые факты, и это обстоятельство заставляетъ относиться къ нимъ весьма и весьма осторожно. Но вполне отрицать значенія ихъ нельзя. Тѣмъ прискорбнѣе то обстоятельство, что онѣ не только ни мало не изслѣдованы, но и не приведены въ извѣстность. Отрывки изъ нѣкоторыхъ такихъ лѣтописей напечатаны въ мѣстныхъ изданіяхъ (напр. Ярославскихъ и Костромскихъ Губ. и Епарх. Вѣдомостяхъ), но почти безъ всякой научной, такъ сказать, обстановки.

ловался хану Тохтѣ на брата; ханъ отпустилъ съ Андреемъ брата своего Дуденя и съ нимъ татаръ, которые «всю землю пусту сотвориша». Но мы не будемъ передавать подробностей этого эпизода: онѣ изложены въ предъидущей біографіи. Скажемъ только, что Андрей, по уходѣ татаръ, отправился въ Новгородъ, откуда воеводы его, вмѣстѣ съ новгородцами, ходили въ томъ же году на границу Кореліи къ вновь построенному шведами городку (нынѣшній Выборгъ). Но походъ этотъ былъ неудаченъ¹⁴⁷).

Хотя Димитрій и радушно былъ принятъ во Псковѣ, но—вѣроятно—считалъ себя небезопаснымъ по близкому сосѣдству съ Андреемъ, а потому рѣшился удалиться въ Тверь. Андрей хотѣлъ перехватить брата въ Торжкѣ, но это ему не удалось, хотя пожитки Димитрія достались въ его руки. При посредствѣ тверскаго князя братья заключили миръ въ **1294 г.**: Димитрій отказался отъ великокняжескаго стола и получилъ обратно Переяславль (Федоръ Ростиславичъ долженъ былъ оставить этотъ городъ и, оставляя, сожегъ его, конечно, съ досады), на пути къ которому заболѣлъ въ Волокѣ, постригся въ чернецы и умеръ. Теперь Андрей уже бесспорно занимаетъ великокняжескій столъ¹⁴⁸).

Въ томъ же **1294 г.** Андрей Александровичъ и Михаилъ Ярославичъ тверскій женились на дочеряхъ только что умершаго Димитрія Борисовича ростовскаго: первый — на Василиссѣ, второй — на Аннѣ¹⁴⁹). Въ слѣдующемъ **1295 г.** Андрей вмѣстѣ съ молодою женой отправился въ орду, вѣроятно, лично увѣдомить хана о смерти брата и своемъ занятіи великокняжескаго стола¹⁵⁰). Вскорѣ Андрею пришлось, какъ и его предшественнику, придти въ столкновение съ прочими князьями, изъ которыхъ на сторонѣ его стали: Федоръ Ростиславичъ ярославскій и Константинъ Борисовичъ ростовскій; прочіе: Михаилъ тверскій, Даніилъ московскій и Иванъ Димитріевичъ переяславскій стояли противъ Андрея. Дѣло едва не дошло

147) П. С. Р. Л. I, 228; III, 65—66; IV, 44; V, 201—202; VII, 180; Ник. III, 89—92. Троицк. намѣреніе татаръ идти на Тверь, а Лавр. приходъ Андрея въ Новгородъ относятъ къ 1294 (I, 208, 228), между тѣмъ какъ всѣ другія — къ 1293.

148) Ibid. I, 228; III, 66; IV, 44—45; V, 202; VII, 180—181, 236; Ник. III, 92. — Заключеніе мира братьями Лавр. (I, 208) относитъ не къ 1293 году, какъ другія лѣтописи, а къ 1295.

149) Ibid. I, 228; VII, 181; Ник. III, 93 ошибочно говоритъ, что Андрей женился на дочери Василька (конечно, Константиновича) ростовскаго, у котораго если бы даже и были дочери, то не годились бы въ невесты Андрею. Если же Никон. разумѣетъ подъ Василькомъ Василія Борисовича, брата Димитрія (отца Василиссы), то надобно замѣтить, что ни изъ родословныхъ, ни изъ лѣтописей не видно, чтобъ у Василія Борисовича были дѣти. — Не знаемъ, откуда взялъ М. Д. Хмыровъ («Алф.-справ. перечень государей...» I, №№ 19 и 42), что Андрей былъ женатъ дважды и что имя первой супруги его неизвѣстно.

150) Ibid. I, 228; IV, 45; V, 202; VII, 181. Лавр. (I, 208) относитъ возвращеніе его изъ орды къ 1297 г., между тѣмъ какъ въ 1296 году былъ уже съѣздъ князей во Владимірѣ.

до междоусобной войны. Въ 1296 г. князья собрались, для рѣшенія споровъ, во Владимірѣ, куда, по этому случаю, прибылъ и ханскій посоль; не было только Ивана Димитріевича, который передъ съѣздомъ отправился въ орду, поручивъ блюсти отчину свою князьямъ московскому и тверскому; представителями его на съѣздѣ были переяславскіе бояре. На съѣздѣ, не смотря на присутствіе ханскаго посла, князья подняли было рѣзню; но благодаря вмѣшательству епископовъ, владимірскаго—Симеона и сарскаго—Измаила, крови не было пролито. Такъ или иначе, князья уладили дѣла и разѣхались. Но Андрей досадовалъ на своихъ противниковъ и, какъ видно, въ особенности на своего племянника, Ивана Димитріевича переяславскаго, и въ томъ же году пошелъ ратью на Переяславль. Даниилъ московскій и Михаилъ тверскій выступили на встрѣчу и сошлись съ Андреемъ близъ Юрѣва. До битвы, однако, дѣло не дошло: князья примирились и разошлись¹⁵¹⁾.

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ нѣмцы начинаютъ беспокоить Псковъ и угрожать Новгороду: въ 1299 г., въ мартѣ, они напали на Псковъ, сожгли посадъ и обложили городъ. Въ послѣдній разъ вышелъ противъ нихъ храбрый Довмонтъ. Произошла битва, какой, по замѣчанію лѣтописей, около Пскова никогда не бывало; нѣкоторыхъ плѣнныхъ Довмонтъ отправилъ къ Андрею Александровичу¹⁵²⁾. Въ слѣдующемъ 1300 г. нѣмцы пришли къ устью Охты и поставили городъ Ландскрону. Андрей не могъ въ время подать помощи Новгороду, конечно, потому, что между князьями Суздальской земли все еще продолжались несогласія¹⁵³⁾. Въ 1301 г. Андрей Александровичъ, Михаилъ тверскій, Даниилъ московскій и Иванъ переяславскій съѣхались у Дмитрова и взяли миръ между собой, — но не въ: «Михаило съ Иваномъ не докончалъ межи собой», можетъ быть, потому, что тверскій князь, державшій сторону Ивана, ожидалъ получить что-нибудь изъ Ивановой волости, послѣ его смерти, но Иванъ ничего ему не отдалъ¹⁵⁴⁾.

151) Ibid. I, 228; IV, 45; V, 202; VII, 181; Ник. III, 93—94. Встрѣчу князей у Юрѣва Лавр. (I, 208) относитъ къ 1297 году, а Новгор. 4-я (IV, 45) и Соф. 1-я (V, 202) — къ 1298. — Въ Никон. говорится, что князья подѣлились княженіемъ, а въ Соф. 1-й пояснено даже, что подѣлились *великимъ* княженіемъ. — У Татищева (IV, 77) замѣчено, что великій князь «хотяше обидѣти братію». Болѣе опредѣленнаго въ лѣтописяхъ нѣтъ ничего.

152) Ibid. IV, 45, 183; V, 8, 203; VII, 182; Ник. III, 97. — Довмонтъ въ томъ же году 20 мая умеръ.

153) Ibid. V, 203; VII, 183.

154) Ibid. I, 209; Ник. III, 99. Впослѣдствіи увидимъ, что Даниилъ беретъ Переяславль, конечно, потому, что онъ предназначенъ былъ ему самимъ Иваномъ Димитр. и это, вѣроятно, рѣшено было на съѣздѣ у Дмитрова и было причиной несогласія между тверскимъ и переяславскимъ князьями. Никон. лѣт. замѣчаетъ, что съѣздъ былъ «о княже-

Въ томъ же **1301 г.** Андрей ѣздилъ въ Новгородъ и ходилъ съ новгородцами къ Ландскронѣ; этотъ городъ былъ взятъ и разрушенъ, а нѣмцы перебиты¹⁵⁵). Но дѣла Суздальской земли не позволяли Андрею медлить въ Новгородѣ. Въ **1302** году мая 15-го умеръ Иванъ Димитріевичъ переяславскій, отказавъ свою отчину младшему дядѣ своему, Даниилу московскому, котораго онъ любилъ и уважалъ. Даниилъ занялъ Переяславль своими намѣстниками, а намѣстники великаго князя бѣжали оттуда. Андрей отправился въ орду, конечно, жаловаться на Даниила. Но, хотя онъ и воротился изъ орды съ ханскими послами и пожалованіемъ, ему не пришлось продолжать борьбы. Въ **1303 г.** умеръ Даниилъ; въ Переяславлѣ сидѣлъ сынъ его Юрій, котораго переяславцы не хотѣли отпустить даже на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей не захватилъ безъ него Переяславля. На состоявшемся въ Переяславлѣ съѣздѣ¹⁵⁶) примирились всѣ князья, за исключеніемъ Юрія Даниловича, удержавшаго Переяславль за собой. Послѣ этого съѣзда Андрей отправился въ Городецъ, гдѣ въ началѣ слѣдующаго **1304 г.** умеръ схимникомъ и погребенъ въ церкви св. Михаила¹⁵⁷).

Андрей Александровичъ отъ брака съ Василисой, дочерью кн. Димитрія Борисовича ростовскаго, имѣлъ дѣтей: Юрія, Михаила и Бориса.

Михаилъ Ярославичъ тверскій.

р. 1271 † 1318.

По смерти Андрея Александровича на великокняжеское достоинство могъ вполнѣ рассчитывать князь тверскій Михаилъ Ярославичъ, какъ старшій въ родѣ Ярослава Всеволодовича; но ему явился соперникъ въ лицѣ московскаго князя Юрія Даниловича. Борьба этихъ равно энергичныхъ князей окончилась въ пользу Михаила, который въ **1304 г.** и занялъ великокняжескій столъ, на которомъ сидѣлъ до самой смерти своей, т. е.

нѣхъ» и прибавляетъ, что князья подѣлились вотчиною, но не видно, какъ. То же у Тат. IV, 82.

155) Ibid. III, 67—68, 130; IV, 46; V, 203; VII, 183; Ник. III, 99; I, 209 и IV, 183 относятся къ 1302 году.

156) См. соотвѣтственное мѣсто въ біографіи Юрія Даниловича.

157) Ibid. III, 68; IV, 46; V, 204; VII, 183; Ник. III, 99—101; Карамз. IV, прим. 188.—Лавр. (I, 209) относитъ поѣздку Андрея въ орду съ жалобой на Даниила къ 1303 году, въ которомъ Даниилъ умеръ (VII, 184).—Смерть Андрея нѣкоторыя лѣтописи (какъ III, 68; VII, 184) относятъ къ 27 іюля; другія (какъ Ник. III, 101 и Новг. IV, 46) — къ 22 іюня.

до **1318 г.** включительно. Полныя біографическія свѣдѣнія о немъ помѣщены въ отдѣлѣ о тверскихъ князьяхъ.

Юрій Даниловичъ московскій.

1281 ÷ 1325.

Въ половинѣ мая **1302** года умеръ, какъ мы уже говорили, бездѣтный кн. переяславскій Иванъ Димитріевичъ, внукъ Александра Невскаго, отказавъ свою отчину любимому имъ дядѣ Даниилу московскому, который выгналъ оттуда намѣстниковъ брата своего Андрея и посадилъ тамъ своихъ¹⁵⁸). Въ слѣдующемъ 1303 году Даниилъ умеръ. Юрій въ это время находился въ Переяславлѣ. Въ лѣтописи замѣчено, что по смерти Даниила «переславци яшася за сына его за князя за Юрѣя, и не пустиша его и на погребеніе отче»¹⁵⁹), опасаясь, конечно, какъ бы Андрей не занялъ Переяславля. Андрей Александровичъ отправился въ орду, а Юрій Даниловичъ, между тѣмъ, вмѣстѣ съ братьями успѣлъ взять Можайскъ, плѣнилъ и привелъ въ Москву тамошняго князя, Святослава Глѣбовича, племянника Θεодора Чернаго. Андрей возвратился изъ орды съ ханскими послами. Осенью **1303** года князья съѣхались въ Переяславлѣ и здѣсь читали, въ присутствіи митрополита Максима, ханскіе ярлыки, приглашавшіе князей къ прекращенію распрей. Андрей Александровичъ, Михаилъ Ярославичъ тверскій и Даниловичи, за исключеніемъ Юрія, возобновили мирный договоръ; Юрій же, не смотря на ханскіе ярлыки, удержалъ Переяславль за собой. Послѣ этого съѣзда Андрей отправился въ Городецъ, гдѣ и скончался въ слѣдующемъ **1304** году¹⁶⁰).

Со смертію Андрея Александровича начинается ожесточенная борьба между Москвою и Тверью: претендентами на великокняжескій столъ яв-

158) Цитаты см. въ предъидущемъ прим. Объ Юріи лѣтописи начинаютъ упоминать съ 1303 г.

159) П. С. Р. Л. VII, 183; Ник. III, 100; Тат. IV, 83. — I, 209 относитъ смерть Даниила къ 1304 г. марта 5 на Москвѣ; Троицк. 228 — къ 1303 году; Новг. 4-я отмѣчаетъ смерть Бориса Андреевича подъ 1303 г. февр. 25 и тотъ-часъ добавляетъ: «по немъ за недѣлю преставися (въ одномъ спискѣ — «князь великій») Даниилъ московскій, марта 4-го». Лавр. (I, 209) говоритъ, что Даниилъ умеръ «на безъименной недѣли во вторникѣ» (безъим. недѣля — 3-я недѣля велик. поста); Соф. 1-я (V, 204) смерть Бориса Андр. февр. 26 и Даниила Алекс. («кн. великій моск.») 4-го марта помѣщаетъ подъ 1303 годомъ; то же относительно Даниила и въ Ник. лѣт.

160) Ibid. VII, 18; Ник. III, 100—101; Троицк. Карамз. IV, 99, прим. 191.

ляются дядя и племянникъ, Михаилъ тверскій и Юрій московскій, изъ которыхъ первый, какъ старшій въ родѣ, имѣлъ, повидимому, неоспоримыя права на великокняжескій санъ, и никто изъ лицъ, заинтересованныхъ въ занятіи великокняжескаго стола тѣмъ или другимъ княземъ, не сомнѣвался въ томъ, что ханъ утвердитъ великое княженіе за Михаиломъ. Такъ, бояре Андрея городецкаго, по смерти послѣдняго, отъѣзжаютъ въ Тверь, конечно, въ увѣренности, что Михаилъ будетъ великимъ княземъ владимірскимъ; новгородцы также признали Михаила, на извѣстныхъ условіяхъ, своимъ княземъ. Михаилъ, въ томъ же 1304 году, отправился въ орду; въ слѣдъ за нимъ отправился туда и Юрій. Подобныя поѣздки князей большою частію оканчивались приходомъ на Русь татаръ съ ихъ обычными спутниками — грабежемъ, пожарами и избіеніемъ мирныхъ жителей. Того же ожидали мирные жители и теперь. И вотъ «бысть замѣтны на всѣхъ Суздалстей землѣ во всѣхъ градѣхъ»... Въ Москвѣ Юрій оставилъ брата Ивана, а другаго, Бориса, послалъ въ Кострому. Проѣзжая чрезъ Владиміръ, Юрій видѣлся съ митрополитомъ Максимомъ, который убѣждалъ его не ѣздить въ орду и именемъ великой княгини Ксеніи, матери Михаила Ярославича, ручался въ томъ, что тверскій князь дастъ ему изъ отчины то, чего онъ пожелаетъ. Юрій, оставаясь въ душѣ при своемъ желаніи — добиться ярлыка на великое княженіе, увѣрилъ митрополита, что ѣдетъ въ орду не за великокняжескимъ ярлыкомъ, а только по своимъ дѣламъ¹⁶¹).

Между тѣмъ тверскіе бояре, въ отсутствіе Михаила, отстаивая интересы своего князя, дѣйствовали совершенно самоувѣренно. Въ 1303 г. февраля 25 въ Костромѣ умеръ сынъ Андрея Александровича, Борисъ, бывшій прежде въ Новгородѣ. Отправляясь въ орду, Юрій, какъ уже сказано, послалъ въ Кострому брата своего, Бориса. Тверскіе бояре, не успѣвши перехватить въ Суздальской землѣ самого Юрія, который ускользнулъ отъ нихъ и пошелъ въ орду окольными путями, захватили въ Костромѣ Бориса Даниловича и отправили его въ Тверь. Другому брату, Ивану Даниловичу, бывшему тогда въ Москвѣ, кто-то тайно далъ знать, что тверичи собираются внезапно захватить Переяславль. Иванъ Даниловичъ съ московскими и переяславскими войсками успѣлъ приготовиться къ оборонѣ, «укрѣпивъ (конечно, крестнымъ цѣлованіемъ) своихъ бояръ и переяславцевъ». Противники встрѣтились близъ Переяславля, гдѣ и произошелъ упорный бой: тверичи были разбиты на голову; въ бою палъ, между прочимъ, и пе-

161) Ibid. I, 209; III, 68, 222; IV, 46; V, 204, 207 (въ сказаніи объ убіеніи Михаила подъ 1319 г.); VII, 184, 188, 237; XV, 407 смерть Андрея и поѣздку Михаила въ орду относитъ къ 1306 году; Ник. III, 101; Карамз. IV, 105, прим. 207.

решедшій къ Михаилу изъ Городца бояринъ Акинѣъ, дѣти котораго съ небольшимъ остаткомъ рати бѣжали въ Тверь¹⁶²).

Между тѣмъ въ ордѣ Михаилъ Ярославичъ, не жалѣвшій денегъ, выхлопоталъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство. Татарскіе князья говорили Юрію, что онъ получитъ ярлыкъ, если дастъ болѣе выхода; но, какъ видно, въ этомъ отношеніи Юрій былъ слабѣ Михаила, а потому и воротился безъ ярлыка¹⁶³).

Въ 1305 году Михаилъ Ярославичъ явился изъ орды во Владиміръ и занялъ великокняжескій столъ. Въ томъ же году, вѣроятно, въ отмщеніе за пораженіе тверичей у Переяславля, а также для большаго униженія врага, Михаилъ предпринялъ походъ на Москву, но взять ея не могъ и ушелъ, примирившись съ Даниловичами, неизвѣстно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ¹⁶⁴).

Послѣ этого Юрій обратился въ сторону Рязани. Еще въ 1301 году Даниилъ Александровичъ ходилъ на Рязань ратью и взялъ въ плѣнъ рязанскаго князя Константина Романовича, котораго, однако, держалъ въ чести. Въ 1306 году Юрій, кажется, изъ какихъ-нибудь своекорыстныхъ расчетовъ приказалъ убить Константина и оставилъ за собой рязанскій городъ Коломну¹⁶⁵). Вѣроятно, а Карамзинъ положительно говоритъ, что необузданный и своевольный характеръ Юрія заставилъ братьевъ его, Александра и Бориса Даниловичей, отѣхать, въ томъ же году, въ Тверь¹⁶⁶).

Въ 1308 году Михаилъ Ярославичъ во второй разъ пошелъ къ Москвѣ, около которой произошелъ бой съ москвичами; города онъ не взялъ, но ушелъ, надѣлавъ много зла безъ всякой пользы для себя¹⁶⁷). Около

162) Ibid. I, 209; III, 68, 222—223; IV, 46; V, 104; VII, 184; Ник. III, 101—103 ошибочно называетъ Бориса, брата Юріева, Александровичемъ. — Подробнѣе о дѣйствіяхъ бояръ Михаила по отношенію къ Новгороду см. подъ Мих. Яр. тверскимъ. — У Тат. IV, 84 Акинѣъ бояринъ названъ А. Ботринъ (вѣроятно, опечатка). С. М. Соловьевъ (IV, 267) приведенное Карамзинымъ (IV, пр. 324) извѣстіе изъ Архив. Ростов. Лист. объ Акинѣѣ и Родіонѣ Несторовичѣ серьезно (!) приурочиваетъ къ 1304 году.

163 и 164) Ibid. и Тат. IV, 86.

165) Ibid. I, 209; VII, 184, 243; Ник. III, 98. Ник. III, 103—104 говоритъ подъ 1305 годомъ, что Константинъ убитъ въ Филиппово говѣнье; подъ тѣмъ же годомъ и у Тат. IV, 87. Въ Троиц. (Кар. IV, прим. 211) говорится, что «въ лѣто 6815 кн. Юрій въѣхалъ на Московъ съ Рязани». Такъ какъ рязанскій князь былъ въ рукахъ Юрія, то Карамз. полагаетъ, что послѣдній ѣздилъ въ Рязань «какъ повелитель».

166) Ibid. VII, 184; Ник. III, 104 отмѣчаетъ отѣздъ подъ 1305 годомъ.

167) Ibid. VII, 185; Ник. III, 105. Бой былъ на память св. ап. Тита, слѣд. 25 августа. Твер. 407 прибавляетъ, что Михаилъ «взялъ миръ». Въ концѣ одного харатейнаго апостола 1307 года (Опис. слав. рукописей Моск. Синод. библ. Горскаго и Невоструева, стр. 292) находится такая приписка: «Сего же лѣта (6815) бысть бой на русьской земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженіи Новгородское». Кар. IV, пр. 227, указывая на Синод. Библ. № 19,

трехъ лѣтъ послѣ того мы не видимъ враждебныхъ столкновеній между Москвой и Тверью. Но подъ **1311** годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ отрывочное и нѣсколько темноватое извѣстіе о томъ, что двѣнадцатилѣтній Димитрій, сынъ Михаила тверскаго, задумавшаго, вѣроятно, овладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, съ большой ратью пошелъ на этотъ городъ и на Юрія. Впрочемъ, во Владимірѣ митрополитъ Петръ возсталъ противъ этого похода «и не благослови его (Димитрія) столомъ» во Владимірѣ. Три недѣли Димитрій стоялъ во Владимірѣ, умоляя митрополита о разрѣшеніи отъ неблагословенія; наконецъ, получивъ разрѣшеніе, онъ распустилъ рать и воротился въ Тверь¹⁶⁸).

Въ **1312** г. у Михаила Ярославича произошло столкновение съ Новгородомъ, вслѣдствіе чего тверскій князь вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ и прекратилъ подвозъ къ Новгороду жизненныхъ припасовъ. Новгородцы смирились и уплатили Михаилу 1500 гривенъ серебра, и Михаилъ пропустилъ въ Новгородъ обозы съ хлѣбомъ. Отправивъ въ Новгородъ намѣстниковъ, тверскій князь поѣхалъ въ орду, гдѣ въ **1313** г., по смерти Тохты, воцарился Узбекъ¹⁶⁹). Отправленные Михаиломъ въ Новгородъ намѣстники успѣли своими притѣсненіями возбудить къ себѣ ненависть новгородцевъ, которые въ **1314** году собрались на вѣче для обсужденія по-

приводить тѣ же слова съ самыми незначительными измѣненіями, но относить ихъ почему-то къ битвѣ Михаила съ Юріемъ и татарами, бывшей въ 1317 г. — «Указатель къ осьми томамъ П. С. Р. Л.» второго похода Михаила на Москву почему-то не отмѣтилъ.

168) Ibid. IV, 47; V, 205; VII, 186. Однѣ изъ лѣтописей выражаются такъ, что въ этомъ походѣ можно какъ будто видѣть два различныхъ акта, ибо говорятъ, что Димитрій ходилъ на Нижній-Новгородъ и на кн. Юрія; по другимъ — въ этомъ походѣ можно различать только одинъ актъ, такъ какъ онѣ говорятъ, что Димитрій ходилъ (по одной лѣт. даже «приходилъ») на Нижній на кн. Юрія. Никон. III, 107 говоритъ только о Нижн. Новгородѣ, не упоминая о Юріи. — Поступокъ митр. Петра можетъ быть объясненъ или свойственной тогдашнему духовенству и какъ бы по преимуществу ему принадлежащей ролью миротворцевъ, или существовавшими тогда непріязненными отношеніями къ митроп. Петру епископа тверскаго Андрея и самой Твери. Ср. «Ист. Р.» С. М. Солов. III, 299. — Карамз. IV, пр. 244 говоритъ, что извѣстіе о походѣ Димитрія ошибочно рассказано подъ 1311 годомъ (Сол. почему-то относитъ его къ 1312 г.), когда Димитрію было не болѣе 12 лѣтъ и при жизни отца онъ не могъ искать великокняжескаго достоинства. Но лѣта тутъ не при чемъ: у Димитрія, конечно, были руководители, и самъ онъ могъ только представлять собой лицо великаго князя. Что же касается великокняжескаго достоинства, то оно могло предполагаться за нимъ, какъ за наслѣдникомъ по отцѣ. Далѣе, Карамзинъ говоритъ, что во многихъ спискахъ сказано не просто къ Новгороду, а къ Новгороду *Нижнему* и что послѣдняго слова нѣтъ въ харатейномъ Троицк. спискѣ, что Юрій властвовалъ въ Новгородѣ (Великомъ), а не въ Нижнемъ Новгородѣ. Вѣрно! Но почему же во многихъ спискахъ прибавлено слово *Нижній*? Да и по пути ли было Димитрію ходить съ ратью въ Великій Новгородъ чрезъ Владиміръ?

169) Ibid. III, 70; IV, 48; V, 205, 208; VII, 186. Солов. III, 368 считаетъ Узбека племянникомъ Тохты, а Кар. IV, 108 — сыномъ.

ступковъ великокняжескихъ намѣстниковъ. Юрій воспользовался такимъ положеніемъ дѣлъ въ Новгородѣ и послалъ туда кн. Ѳедора Ржевскаго, который перехваталъ Михайловыхъ намѣстниковъ и заключалъ ихъ во владычнемъ дворѣ. Новгородцы до того возбуждены были противъ Твери, что пошли на нее ратью съ кн. Ѳедоромъ Ржевскимъ во главѣ. Къ берегамъ Волги вышелъ противъ нихъ Дмитрій Михайловичъ; 6 недѣль стояли другъ противъ друга новгородцы и тверичи, такъ какъ нельзя было переправляться чрезъ рѣку, покрывшуюся тонкимъ льдомъ; наконецъ, стали сноситься о мирѣ и — примирились. Новгородцы послали за Юріемъ, и онъ зимою прибылъ къ нимъ съ братомъ своимъ, Аѳанасіемъ. И рады были новгородцы, по выраженію лѣтописи, своему хотѣнію¹⁷⁰). Но въ слѣдующемъ 1315 году ханъ позвалъ Юрія въ орду, вѣроятно, вслѣдствіе жалобъ Михаила Ярославича, который теперь возвращался изъ орды съ татарскими послами и войскомъ, даннымъ ему для усмиренія Новгорода. Новгородцы вышли противъ Михаила съ Юріевымъ братомъ Аѳанасіемъ и кн. Ѳедоромъ Ржевскимъ, но въ битвѣ подъ Торжкомъ, происшедшей 10 февраля 1315 г., потерпѣли совершенное пораженіе. Юрій Даниловичъ медлилъ отъѣздомъ въ орду, ожидая, можетъ быть, результатовъ Михайлова похода на Новгородскую землю, и только послѣ Новоторжской битвы, 15 марта (слѣдовательно 1316 г.), отправился въ Ростовъ, а отсюда — въ орду. Новгородцы также отправили въ орду пословъ, какъ сказано въ лѣтописяхъ, «сами о себѣ», но тверичи перехватали этихъ пословъ и привели въ Тверь¹⁷¹).

Между тѣмъ какъ Михаилъ то враждовалъ, то мирился съ новгородцами, Юрій въ два почти года, которые онъ пробылъ въ ордѣ, успѣлъ пріобрѣсти милость хана и породниться съ нимъ: онъ женился на сестрѣ Узбека, Кончакѣ (въ крещеніи — Агаѳіи), и получалъ ярлыкъ на великое княженіе. На Русь съ нимъ отпущены были татары, во главѣ которыхъ стоялъ князь Кавгадый, пользовавшійся милостью и довѣріемъ хана. Михаилъ, ожидая, конечно, непріязненныхъ дѣйствій со стороны Юрія и желая предупредить вторженіе врага въ свою землю, вышелъ къ нему на встрѣчу. Они сошлись (въ 1317 г.) на берегу Волги, близъ Костромы. Новгородцы, къ которымъ передъ тѣмъ отправленъ былъ посолъ-татаринъ съ приглашеніемъ выступить противъ Михаила Ярославича, не явились: не зная, гдѣ находится Юрій, они въ Торжкѣ заключили съ Михайломъ договоръ, которымъ обязывались не вступаться ни за одного изъ со-

170) Ibid. III, 70; IV, 48; V, 205; VII, 186; Ник. III, 109.

171) Ibid. I, 229; III, 71; IV, 48; V, 206; VII, 186; Ник. III, 109—110; Твер. 408.

перниковъ. На сторонѣ Михаила все-таки были суздальскіе князья, не хотѣвшіе пристать къ Юрію, вѣроятно, потому, что не знали о родствѣ его съ ханомъ, или потому, что сомнѣвались въ успѣхѣ борьбы его съ Михаиломъ. Долго стояли враги другъ противъ друга; Михаилъ сносился съ Кавкадыемъ и потому, конечно, могъ узнать, въ какомъ положеніи находится Юрій. Какъ бы то ни было, Михаилъ отказался въ пользу Юрія отъ великокняжескаго стола, вернулся въ Тверь и заложилъ (погорѣвшій въ прошломъ году) большой кремль, конечно, въ ожиданіи нападенія Юрія, въ чемъ онъ и не ошибся¹⁷²⁾.

Юрій остался въ Костромѣ и собиралъ войска, намѣреваясь идти на Тверь¹⁷³⁾. Видя силу на сторонѣ московскаго князя, суздальскіе князья пристали теперь къ нему. Юрій поднялъ и новгородцевъ, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на Тверь, такъ что Михаилу, для успѣшнаго выхода изъ затруднительнаго положенія, нужно было выбирать удобное время, чтобы порознь разбить двухъ непріятелей. Такъ и случилось, но, кажется, не по расчету Михаила, а по оплошности новгородцевъ: послѣдніе, простоявъ въ Торжкѣ 6 недѣль и сносаясь съ Юріемъ объ одновременномъ нападеніи на Тверь, наконецъ, вышли изъ бездѣйствія и начали пустошить Тверскую землю по границѣ; Михаилъ выступилъ противъ нихъ, одержалъ надъ ними полную побѣду и, по почину самихъ новгородцевъ, заключилъ съ ними миръ, по которому побѣжденные обязались не держаться никакой стороны въ начавшейся борьбѣ и ушли домой. Между тѣмъ Юрій и Кавгадый съ татарами чрезъ Ростовъ, Переяславль и Дмитровъ подошли къ Клину, вступили въ Тверскую землю, предавая по дорогѣ все огню, мечу и грабежу, и остановились, не доходя 15 верстъ до Твери. Странно, что не самъ Юрій, а Кавгадый началъ отсюда ссылаться съ Михаиломъ; но эти сношенія ни къ чему не привели: «послы ѣздили все съ лестію и не бысть межѣ ими мира». Юрій и татары хотѣли перейти на лѣвую, еще не разоренную ими сторону Волги, а Михаилъ не рѣшался выступать противъ нихъ, можетъ быть, не надѣясь на свои только силы. Но вотъ подни-

172) Ibid. V, 208; VII, 189 — обѣ лѣт. говорятъ о пребываніи въ ордѣ и приобрѣтеніи Юріемъ ярлыка посредствомъ серебра — фактахъ, можетъ быть, разновременныхъ — подъ 1319 г. въ сказаніи о житіи и кончинѣ Михаила; V, 208; VII, 189 и XV, 409 говорятъ, что Михаилъ уступилъ великокняжеское достоинство Юрію, Ник. же III, 111, а за ней и Тат. IV, 97 — наоборотъ. Суздальскіе князья, какъ увидимъ, вскорѣ перейдутъ на сторону Юрія, и это одно изъ сильныхъ доказательствъ того, что уступку сдѣлалъ Михаилъ.

173) Татищ. IV, 97 говоритъ, что, по заключеніи мира у Костромы, Юрій пошелъ въ Москву, и чрезъ нѣсколько строкъ передаетъ извѣстіе о соединеніи суздальскихъ князей съ Юріемъ также у Костромы. Очень можетъ быть, что Юрій успѣлъ до похода на Тверь побывать въ Москвѣ и опять воротиться къ Костромѣ.

маются кашинцы, которымъ также угрожало опустошеніе ихъ волости со стороны соединенныхъ силъ Юрія. Теперь тверичи и кашинцы вмѣстѣ выступили противъ Юрія и встрѣтились съ нимъ при селѣ Бортеневѣ, въ 40 верстахъ отъ Твери. Въ происшедшей здѣсь 22 декабря (1318 г.) битвѣ Михаилъ одержалъ рѣшительную побѣду, причемъ тверичи захватили въ плѣнъ много бояръ и князей, жену Юрія Кончаку и брата его Бориса, а также отбили много плѣнныхъ. Кавгадый приказалъ своимъ воинамъ бросить стяги и идти въ станъ, а Юрій съ небольшимъ числомъ людей бѣжалъ въ Новгородъ¹⁷⁴). Кавгадый примирился съ Михаиломъ и съ честію былъ принятъ въ Твери. Между тѣмъ Юрій пришелъ въ Новгородъ. Онъ, конечно, рассчитывалъ на то, что новгородцамъ невыгоднымъ покажется усиленіе тверскаго князя и — не ошибся. Весь Новгородъ, какъ говоритъ лѣтопись, и Псковъ со владыкою Давидомъ вышли къ Волгѣ, куда прибылъ и Михаилъ (это было весною); до битвы, однако, дѣло не дошло: князья примирились и рѣшили идти въ орду на судъ ханскій. По договору, заключенному по этому случаю между Юріемъ Даниловичемъ, Михаиломъ Ярославичемъ и Новгородомъ, тверскій князь обязывался признать старыя границы между новгородскими и тверскими землями; возвратитъ купленные княгиней села на Вологдѣ и въ Бѣжецкой пятинѣ; возвратитъ все взятое на Вологдѣ, какъ кречетовъ, серебро и пр.; давать свободный путь купцамъ и отпустить задержанныхъ имъ; не посылать дворянъ и приставовъ черезъ рубежъ въ Новгородскую землю, а обоюдныя между тверичами и новгородцами обиды разбирать на рубежѣ; новгородскимъ посламъ и вообще новгородцамъ давать путь чрезъ Тверскую землю «бесъ пакости»; уничтожить грамоту, писанную на Городцѣ и ту, которая писана въ Торжкѣ при Тайтемирѣ и владыкѣ. Здѣсь же Михаилъ обязался отпустить Юріева брата и жену; Аѳанасія Даниловича Михаилъ отпустилъ, но Кончака скончалась въ Твери. Поэтому пошли различные слухи: одни говорили, что Кончака умерла, другіе — что ее уморили, третьи говорили, что «то Богъ вѣсть». Эти слухи, конечно, могли сильно повредить Михаилу въ ордѣ.

174) Ibid. I, 229; III, 72; IV, 48—49; V, 207—209; VII, 188—190; XV, 409—410; Супр. рук. изд. Оболенскаго 46—47; Ник. III, 114. Новгород. 1-я эти событія и отъѣздъ Юрія въ орду помѣщаетъ подъ 1318, а другія — подъ 1317, отъѣздъ же Юрія — подъ 1318. III и V говорятъ, что новгородцы заключили миръ потому, что не знали, гдѣ находится Юрій, что кажется не вѣроятнымъ. — Нѣкоторые изъ указанныхъ источниковъ, напр. Воскр. лѣт., говорятъ, что Юрій послалъ за новгородцами какого-то Телебугу; а по Троицк. (Карамз. IV, пр. 227): «кн. Ивана Даниловича, брата своего, посла (Юрія) въ Новгородъ Вел. по новгородци». Кар. IV, 112, пр. 225 и 227 не признаетъ, по видимому, битвы Михаила съ новгородцами и, неизвестно, на какомъ основаніи, говоритъ, что послѣ Бортеневской битвы къ Михаилу привели жену Юрія, брата его Бориса и Кавгадыя въ качествѣ плѣнныхъ.

Юрій воротился въ Москву, куда вскорѣ прибылъ посолъ Михаила, Александръ Марковичъ, «посольствомъ о любви», но Юрій приказалъ убить его¹⁷⁵). Это было уже въ **1318** году.

Въ томъ же году Юрій съ Кавгадыемъ отправились въ орду, а Михаилъ еще медлилъ; онъ послалъ вмѣсто себя 12-лѣтняго сына Константина, вѣроятно, какъ заложника. Съ московскимъ княземъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, пошли многіе бояре, князья и новгородцы. Это сдѣлано было по совѣту Кавгадыя, котораго лѣтописи называютъ «беззаконнымъ, треклятымъ» и «начальникомъ всему злу»; по его же совѣту написаны были многія «лжесвидѣтельства» на Михаила. Онъ же, будучи уже въ ордѣ, взводилъ на Михаила и другое обвиненіе, бывшее въ ходу и между русскими князьями въ ихъ спорахъ передъ ханомъ, а именно: утайку собранной Михайломъ для хана дани и намѣреніе его уйдти къ нѣмцамъ; затрогивалъ и самолюбіе молодого хана, говоря, что тверскій князь не повинуется его волѣ, не хочетъ явиться къ нему и т. п. Наконецъ, въ августѣ 1318 года, Михаилъ отправился въ орду. Кавгадый, по нѣкоторымъ лѣтописямъ, высылалъ къ нему на встрѣчу татаръ съ порученіемъ убить его. Но Михаилъ въ началѣ сентября благополучно прибылъ къ хану, который въ это время находился при устьѣ Дона. Черезъ два мѣсяца Узбекъ приказалъ судить тверскаго князя. Мы видѣли, какими уликами противъ него вооружены были противники его. Послѣ перваго допроса хану доложили, что Михаилъ достоинъ смерти; но ханъ приказалъ еще разъ судить его, и опять нашли его достойнымъ смерти: тогда ханъ утвердилъ приговоръ судей. Но Михаила не тотъ-часъ же предали смерти: ханъ шелъ противъ повелителя Ирана, монгольскаго хана Абу-саида, и Михаилъ, скованный по рукамъ и съ надѣтой на шею тяжелой деревянной колодой, долженъ былъ сопровождать его. Наконецъ, 22 сентября 1318 года, когда ханъ приближался къ Дербенту, Михаилъ былъ убитъ. Въ слѣдующемъ **1319** году Юрій, получивъ великое княженіе, воротился въ Русь, захвативъ съ собою тѣло Михаила и, какъ плѣнниковъ, Константина Михайловича, а также бояръ и слугъ тверскаго князя. Во Владимірѣ пріѣхалъ изъ Твери кн. Александръ Михайловичъ хлопотать о

175) Ibid. III, 72; IV, 49; V, 209; VII, 188—191; XV, 409—410; Ник. III, 114; Тат. IV, 99; Собр. г. г. и д. I, № 14. Эта грамота во многихъ мѣстахъ истлѣла, такъ что содержаніе ея приведено не вполнѣ. — IV, VII, XV и Никон. лѣт. миръ на Волгѣ относятся къ 1317 году, а VII — и отъѣздъ Юрія, послѣ того, въ Москву. — Убіеніе посла Михайлова въ Москвѣ, о чемъ говорятъ Никон. и Твер. лѣтописи, а равно и то, что Кавгадый высылалъ татаръ на встрѣчу Михаилу, когда онъ ѣхалъ въ орду, чтобы убить его, Карамзинъ считаетъ изобрѣтеніемъ Никон. лѣтописца; Соловьевъ, напротивъ, признаетъ (Кар. IV, пр. 229; Сок. III, 273), да и нѣтъ никакого основанія отвергать это.

выдать тѣла отца его. Здѣсь онъ «докончалъ миръ» съ Юріемъ, послѣ чего тѣло Михаила отдано было ему. Въ лѣтописи замѣчено, что Александръ едва умолилъ о томъ Юрія. Тогда же, кажется, отпущенъ былъ и Константинъ: по крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ 1320 году онъ уже женится. Между тѣмъ и изъ Твери тѣло супруги Юрія перевезено было въ Ростовъ¹⁷⁶).

И такъ, Юрій, утвержденный ханомъ въ великокняжескомъ достоинствѣ, пріѣхалъ въ 1319 г. во Владиміръ. Въ Новгородъ онъ послать вмѣсто себя брата Аѳанасія¹⁷⁷), а въ слѣдующемъ 1320 году ходилъ на рязанскаго князя Ивана Ярославича; впрочемъ походъ этотъ окончился миромъ. Въ томъ же году чрезъ Ростовъ Юрій ѣздилъ въ Новгородъ¹⁷⁸).

Какъ сейчасъ сказано, Юрій «докончалъ миръ» съ Тверью въ 1319 г. Но въ 1321 году онъ собираетъ войска, отправляется въ Переяславль съ намѣреніемъ идти оттуда на Тверь. Наслѣдникъ Михаила, Димитрій, предупредилъ его: въ Переяславль посланъ былъ тверскій владыка, и при его посредствѣ заключенъ былъ съ Юріемъ миръ, по которому Димитрій обязался упла-

176) Ibid. I, 229; III, 72; IV, 49; V, 207, 210—211, 213—215; VII, 188, 192, 195—197; XV, 410—413; Ник. III, 115—123; Степ. кв. I, 425—438. — VII не вѣрно передаетъ подъ 1318 годомъ, что Юрій и Михаилъ *вмѣстѣ* отправились въ орду. Никон. говоритъ о поѣздкѣ Юрія въ орду подъ 1318 годомъ, а прибытіе Михаила къ Сурожскому морю помѣчаетъ 6-мъ сентября 1319 г., къ которому относитъ и убіеніе Михаила; о возвращеніи же Юрія изъ орды говоритъ подъ 1320 годомъ. — Князья — судьи Михаила называются въ лѣтописяхъ *ордынскими* и ханъ называется ихъ *своими*, — а между тѣмъ Н. И. Костомаровъ (Русск. Ист. въ жизн. 1873, 180) говоритъ, что здѣсь рѣчь идетъ о русскихъ князьяхъ, а слово *ордынские* вставлено послѣ. Не видимъ никакого основанія для принятія такой произвольной догадки. — Въ 1320 году Константинъ Михайловичъ женился на Софіи Юрьевнѣ. Такъ по Твер. (стр. 413); изъ другихъ лѣтоп. видно только, что онъ *выичанъ на Костромѣ*. Этотъ Юрій, отецъ Софіи, названъ великимъ княземъ, но опять только въ одной Твер. лѣт. Впрочемъ, лѣтописи и ростовскихъ князей называютъ великими. Такъ что представляется вопросъ, кто былъ этотъ Юрій: великій ли князь московскій, или Юрій Александровичъ ростовскій, умершій въ томъ же 1320 году? Но у этого Юрія Александровича, какъ и у московскаго Юрія Даниловича, ни по лѣтописямъ, ни по родословнымъ мы не видимъ дѣтей. Намъ кажется, что Софія была дочь Юрія Даниловича отъ перваго брака, иначе едва ли былъ бы возможенъ бракъ Константина: если бы эта Софія была дочерью Юрія Александровича ростовскаго, то Константину приходилось бы жениться на внукѣ своей матери, такъ какъ Юрій Александровичъ приходится матери Константина, Аннѣ Дмитріевнѣ ростовской, роднымъ племянникомъ. См. Родосл. таблицы князей ростовскихъ.

177) Ibid. I, 229; III, 72; IV, 49; V, 215—216; VII, 198; Ник. III, 125 о посылкѣ Юріемъ Аѳанасія въ Новгородъ говоритъ подъ 1320; подъ тѣмъ же годомъ она говоритъ, что къ Юрію приходилъ изъ орды посолъ Байдера и много зла учинилъ во Владиміръ, о чемъ другія лѣтописи не говорятъ.

178) Ibid. III, 72. Татищевъ не отмѣчаетъ у себя этого похода; Карамз. IV, 21, передавая этотъ фактъ, говоритъ, что Юрій заставилъ Ивана Ярославича согласиться на всѣ свои предложенія.

тить 2000 рублей татарскаго выхода и не искать подъ Юріемъ великаго княженія ¹⁷⁹⁾.

Между тѣмъ новгородцы, тѣснимые шведами, звали Юрія къ себѣ. Прибывъ въ Новгородъ въ **1322 г.** (въ это время, принявъ иноческій образъ, здѣсь умеръ братъ его Аѳанасій), Юрій приказалъ готовить стѣнобитныя орудія («пороки чинити»). Походъ былъ на Выборгъ, но не вполнѣ удачный: хотя въ продолженіе почти мѣсячнаго обложенія города (отъ 12 авг. до 9 сент.) много шведовъ было убито, много перевѣшано, много взято «на Нязъ», но города все-таки не взяли. Между тѣмъ Дмитрій тверскій, пользуясь благопріятными обстоятельствами, отправился въ орду, доложилъ хану объ утайкѣ Юріемъ тверскаго выхода и о неблагоприятныхъ его дѣйствіяхъ, въ сообществѣ съ Кавгадыемъ, по отношенію къ отцу его, Михайлу; въ то же время онъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Можетъ быть, въ связи съ дѣйствіями Дмитрія въ ордѣ стоитъ приходъ, въ томъ же году, на Русь «сильнаго посла» Ахмыла; изъ орды онъ пришелъ одновременно съ Иваномъ Даниловичемъ и, по замѣчанію лѣтописи, «много сотвори пакости по Низовской земли», избилъ многихъ христіанъ, взялъ Ярославль и съ большимъ полономъ пошелъ обратно въ орду, куда звалъ и Юрія. Дѣла, такимъ образомъ, неотложно требовали присутствія Юрія въ Суздальской землѣ, куда онъ и рѣшился отправиться, прося новгородцевъ проводить его туда. На пути подстерегалъ его братъ Дмитрія Александръ, который напалъ на него на Урдомѣ и отнялъ у него всю казну. Юрій бѣжалъ во Псковъ, откуда его позвали къ себѣ новгородцы «по крестному цѣлованію». Между тѣмъ Дмитрій Михайловичъ воротился изъ орды съ великокняжескимъ ярлыкомъ и ханскимъ посломъ Сивенчъ-Бугой. Юрій, въ **1323** году, предпринималъ съ новгородцами два похода: въ первый изъ этихъ походовъ онъ поставилъ въ устьѣ Невы, на Орѣховомъ островѣ, городокъ; сюда пріѣзжали шведскіе послы, которые заключили миръ съ Юріемъ и новгородцами «по старой пошлѣ». Между тѣмъ на Псковъ напали нѣмцы, и лѣтопись замѣчаетъ, что Юрій и новгородцы не помогали

179) Ibid. III, 72; IV, 49; V, 216; VII, 198, 216; XV, 414; Ник. III, 125 говоритъ, что Юрій пошелъ къ Капину, а Дмитрій Михайловичъ вышелъ на встрѣчу къ Волгѣ, но что состоялся миръ при посредничествѣ бывшаго тверскаго владыки Андрея. Въ другихъ лѣтописяхъ этого нѣтъ; въ нихъ говорится, что, выступая противъ Твери, Юрій пришелъ въ Переяславль и «ту» заключенъ былъ миръ при посредствѣ тверскаго владыки Варсонофія. — Карамз. IV, 121 говоритъ, что Дмитрій не боялся войны, но ему нужно было выручить находившихся въ плѣну: брата Константина и отцовскихъ бояръ, съ каковою цѣлью въ 1321 году онъ и послалъ въ Переяславль владыку Варсонофія. Но мы знаемъ, что Константинъ въ 1320 г. уже женился и слѣдов. еще ранѣе былъ освобожденъ, вѣроятно тогда, когда братъ его Александръ ѣздилъ въ Москву за тѣломъ Михаила.

псковичамъ. Можетъ быть, они не помогали потому, что тамъ былъ литовскій князь Давидъ, который ходилъ съ ними на нѣмцевъ и тогда, когда Юрій, бѣжавъ съ Урдомы, былъ еще во Псковѣ. Второй походъ съ новгородцами Юрій сдѣлалъ въ Заволочье: въ этотъ походъ новгородцы взяли на щитъ Устюгъ и пришли на Двину. Сюда устюжскіе князья прислали пословъ, которые и заключили съ новгородцами миръ также «по старой пошлѣнѣ». Отсюда по Камѣ Юрій отправился въ орду, куда поспѣшилъ и Дмитрій тверскій¹⁸⁰). До суда ханскаго дѣло не дошло: Дмитрій Михайловичъ, «безъ царева слова», убилъ своего противника 21 ноября 1325 года, т. е. на канунъ того дня, въ который казненъ былъ, въ 1318 году, отецъ Дмитрія. Тѣло Юрія Даниловича привезено было въ Москву и 23 февраля погребено митрополитомъ Петромъ въ Архангельскомъ соборѣ (по другимъ — въ Успенскомъ), при общемъ плачѣ брата его Ивана и всего народа¹⁸¹). Дмитрій Михайловичъ самовольнымъ поступкомъ навлекъ на себя гнѣвъ хана и по приказанію послѣдняго былъ убитъ въ ордѣ въ слѣдующемъ 1326 году. Ханъ гнѣвался на всѣхъ князей тверскихъ, называлъ ихъ «крамольниками и ратными себѣ» (т. е. ему, хану). Тѣмъ не менѣе ярлыкъ на великокняжеское достоинство онъ далъ не брату Юрія, Ивану Калитѣ, а Александру Михайловичу, брату Дмитрія.

Юрій Даниловичъ былъ женатъ дважды: на неизвѣстной съ 1297 года (въ Ростовѣ) и на сестрѣ Узбека, Кончакѣ (Агаѳин). Отъ втораго брака дѣтей онъ не могъ имѣть; ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы у него были дѣти и отъ перваго брака¹⁸²). Но косвенно можно вывести изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, что жена Константина Михайловича тверскаго Софія была его дочь.

180) Ibid. I, 229; III, 72—73; IV, 49; V, 11, 214, 216; VII, 198—199; XV, 414; Ник. III, 126—128. Въ послѣдней лѣт. событія слѣдуютъ одно за другимъ въ такомъ порядкѣ: 1322 г. нѣмцы приходили на новгородцевъ; Юрій побилъ ихъ; Дмитрій получилъ въ ордѣ ярлыкъ на вел. княженіе; походъ къ Выборгу; событіе на Урдомѣ; Ахмылъ беретъ Ярославль. 1324 г.: походъ Юрія съ новгородцами къ Выборгу; поставленъ городокъ на Орѣховомъ о-вѣ; заключеніе мира со шведами; походъ на Заволочье и взятіе Устюга; Юрій по Камѣ направляется въ орду, гдѣ убилъ Дмитріемъ. Изъ одного похода къ Выборгу, какъ видно, Ник. лѣт. сдѣлала два. — О томъ, что Дмитрій говорилъ хану объ утайкѣ Юріемъ выхода, см. Тат. IV, 111. — Есть р. Урдома въ Романовскомъ уѣздѣ Яросл. губ. и деревня Урдомъ въ Ржевскомъ уѣздѣ Твер. губ. Здѣсь, конечно, разумѣется рѣка.

181) Ibid. I, 229; III, 73; IV, 50; V, 217; VII, 199. По III тѣло его погребено въ первую субботу великаго поста, а такъ какъ Пасха въ 6883 году была 7 апрѣля, то на 1-ю субботу поста падаетъ 23 февраля.

182) Ibid. I, 228; VII, 181 подъ 1297 г. сказано только, что «Оженися въ Ростовѣ князь Юрьи Даниловичъ». Отъ втораго же брака Юрій не могъ имѣть дѣтей потому, что Кончака, въ годъ замужества, попала въ плѣнъ къ тверскому князю и въ этомъ плѣну (1318 г.) умерла. См. прим. 176.

Димитрій Михайловичъ тверскій.

р. 1299 † 1325.

Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ *Грозныя Очи*, какъ мы видѣли при обозрѣніи княженія Юрія Даниловича, выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе въ **1322 г.** и былъ великимъ княземъ до убіенія его въ ордѣ 15 сент. **1326 г.** Полныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ князѣ см. во II т., въ отдѣлѣ о князьяхъ тверскихъ.

Александръ Михайловичъ тверскій.

р. 1301 † 1339.

Хотя ханъ, послѣ своевольнаго поступка Димитрія Михайловича, какъ выше уже замѣчено было, и гнѣвался на тверскихъ князей, называя ихъ крамольниками и бунтовщиками, тѣмъ не мѣняе, по убіеніи Димитрія, великокняжескій столъ отдалъ не московскому князю, брату Юрія, а тверскому, брату Димитрія, Александру Михайловичу.

Впрочемъ Александръ Михайловичъ носилъ великокняжеское достоинство непродолжительное время: великимъ княземъ онъ объявленъ по убіеніи брата его Димитрія († 15 сентября 1325), а лишился великокняжескаго достоинства, какъ и достоинства князя тверскаго, послѣ извѣстнаго избіенія въ Твери татаръ, пришедшихъ съ Шевкаломъ, 15 августа **1327** года. Полная біографія его помѣщена во II т., въ отдѣлѣ о князьяхъ тверскихъ.

Послѣ Александра Михайловича великокняжеское достоинство перешло къ московскому князю Ивану Даниловичу и навсегда осталось за его потомствомъ, если не считать временнаго, случайнаго и непродолжительнаго занятія великокняжескаго стола Димитріемъ Константиновичемъ суздальскимъ.

Въ краткомъ вступленіи въ настоящій отдѣлъ мы уже указывали на то, что великіе князья, начиная съ Ивана Даниловича до Василя Темнаго, должны быть называемы по преимуществу владиміро-московскими и великое княжество — Владиміро-московскимъ.

II.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМИРО-МОСКОВСКОЕ.

Иванъ Даниловичъ Калита.

1304 † 1341.

Послѣ Юрія изъ Даниловичей въ живыхъ оставался одинъ только Иванъ: остальные братья умерли бездѣтными. Такимъ образомъ Иванъ Даниловичъ одинъ наслѣдовалъ всю Московскую волость и успѣлъ утвердить за своимъ родомъ великокняжеское достоинство¹⁸³).

Мы видѣли, что въ 1304 году братъ Ивана Даниловича Юрій, отправляясь въ орду тягаться съ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ о великокняжескомъ достоинствѣ, отправилъ въ Кострому брата своего Бориса. Тверскіе бояре, въ отсутствіе своего князя, блюдя интересы послѣдняго, хотѣли схватить отправляющагося тогда въ орду Юрія, что имъ не удалось; но имъ удалось захватить и отправить въ Тверь Бориса Даниловича.

183) Съ Ивана Даниловича великихъ князей мы называемъ уже *владими́ро-московскими*, такъ какъ имъ упрочено первенство Москвы; Калита назывался даже великимъ княземъ *всѣя Руси* (Акт. Арх. Эксп. I, № 3), какъ полагаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, быть можетъ, въ подражаніе титулу митрополита. Но можетъ быть это было и сознательное стремленіе; мы впослѣдствіи увидимъ, что литовскіе князья, при заключеніи договоровъ съ московскими, ставили между прочимъ условіе, чтобы московскіе князья не ставили въ своемъ титулѣ *всѣя Руси*, такъ какъ большая половина Руси принадлежала Литвѣ. — О причинахъ возвышенія Москвы см. разсужденіе Владиміра Вешнякова: «О причинахъ возвышенія Московскаго княжества». Спб. 1851, стр. 22, 38, 77—78 и пр., и Погодина «Ист.-крит. отр. 141» и въ другихъ мѣстахъ (о Москвѣ); также ст. Станкевича: «О причинахъ поступ. возвыш. Москвы до смерти Іоанна III» въ Запискахъ Моск. Унив. 1834—35 г. № 1 и 2; И. Д. Бѣляева: «Городъ Москва съ его уѣздомъ» въ «Москвитинѣ» 1844, кн. 1. См. прим. 192.

Тверичи даже готовились овладѣть Переяславлемъ; но объ этомъ кто-то тайно далъ знать въ Москву, и Иванъ Даниловичъ съ московской и переяславской ратями, укрѣпивши своихъ бояръ и переяславцевъ крестнымъ цѣлованіемъ (значить, была опасность измѣны), встрѣтилъ подъ Переяславлемъ тверскую рать, во главѣ которой стоялъ бояринъ Акинѣй, перешедшій, по смерти Андрея Александровича, изъ Городца въ Тверь. У Переяславля произошло крѣпкій бой, въ которомъ палъ и Акинѣй, — а остатки рати съ дѣтьми его бѣжали въ Тверь¹⁸⁴). Между тѣмъ, въ 1305 году, Юрій возвратился въ Москву, не получивъ на великокняжескій столъ ярлыка, который достался Михаилу тверскому. Теперь тверскій князь, конечно, желая окончательно смирить своего врага, подошелъ къ Москвѣ, но взять ея не могъ и ушелъ, примирившись съ Даниловичами¹⁸⁵). Затѣмъ, до 1320 года лѣтописи только мимоходомъ упоминаютъ объ Иванѣ Даниловичѣ: въ 1317 году, по нѣкоторымъ извѣстіямъ¹⁸⁶), Юрій, готовясь выступить, вмѣстѣ съ Кавгадыемъ противъ Твери, послалъ Ивана въ Новгородъ — звать новгородцевъ въ походъ; затѣмъ, въ 1320 году Иванъ Даниловичъ участвуетъ въ походѣ брата своего Юрія на рязанскаго князя Ивана Ярославича, съ которымъ, впрочемъ, заключенъ былъ миръ¹⁸⁷). Въ томъ же (1320) году Иванъ Даниловичъ отправился въ орду, гдѣ пробылъ болѣе года. Эта поѣздка его была, вѣроятно, въ какой-нибудь связи съ предшествовавшими событіями; по крайней мѣрѣ, послѣ того какъ въ 1321 г. Юрій, по миру, взялъ съ Дмитрія тверскаго 2000 серебра выходу и ушелъ въ Новгородъ, чѣмъ воспользовался тверскій князь и отправился въ орду хлопотать о ярлыкѣ на великокняжескій столъ, Иванъ Даниловичъ былъ еще тамъ, въ ордѣ. Какъ видно, Иванъ Даниловичъ не могъ противодѣйствовать Дмитрію, который выхлопоталъ себѣ великокняжескій ярлыкъ, а Иванъ воротился, въ 1322 году, съ посломъ Ахмыломъ, который «много сотвори пакости по Низовской земли», много перебилъ христіанъ, взялъ Ярославль и пошелъ обратно въ орду съ большимъ полономъ¹⁸⁸).

184) П. С. Р. Л. IV, 46; V, 204; VII, 184; Ник. III, 102—103.

185) Ibid. Въ Густинской лѣтописи (П. С. Р. Л. II, 348) встрѣчаемъ странное и ничѣмъ не объяснимое извѣстіе: «Въ то лѣто (6818) паки начатъ въ Киевѣ княжити Юанъ Даниловичъ Калита, ввукъ Ярослава».

186) Карамз. IV, прим. 227 или см. выше прим. 174.

187) П. С. Р. Л. III, 72.

188) Ibid. I, 229; II, 349; IV, 49; V, 216; VII, 198; XV, 414; Ник. III, 125—127. Густинская лѣт. должно быть, такъ сказать, переднимъ числомъ отмѣчаетъ подъ 6830 годомъ, что Иванъ Даниловичъ пришелъ изъ орды «упросивъ себѣ у царя татарскаго великое княженіе». Можетъ быть, лѣтописецъ хотѣлъ сказать «просивъ» вмѣсто «упросивъ»? Это — возможно.

Оплакавъ кончину брата, удовлетворивъ религіознымъ желаніямъ митрополита Петра тѣмъ, что заложилъ на мѣсто деревяннаго каменный храмъ Успенія Пресвятой Богородицы (4 августа 1326 г.) и въ томъ же году похоронивъ этого святителя, Иванъ Даниловичъ долженъ былъ отправиться въ орду, хотя видимой причины къ тому и не было. По всей вѣроятности, онъ готовилъ себѣ извѣстную будущность и значеніе. Если это такъ, то, кромѣ его личныхъ хлопотъ, ему помогли въ стремленіи его къ первенству между князьями ошибки и безтактность тверскаго князя, единственнаго соперника его. Въ 1327 году въ Твери разыгралась извѣстная исторія съ Шевкаломъ (Щелканъ — лѣтописный, Щелканъ Дудентьевичъ — русской былинны), приведшая хана въ ярость. По этому-то случаю Калита и отправился въ орду (по однимъ извѣстіямъ — по собственному почину, по другимъ — по требованію самого хана). Изъ орды Иванъ Даниловичъ вышелъ съ большой татарской ратью и пятью темниками и, какъ приказалъ ханъ, пошелъ (зимой) въ Тверскую землю для наказанія ея за избіеніе Шевкала и его отряда. Съ Калитой былъ еще суздальскій князь, Александръ Васильевичъ... Села и города Тверской земли были преданы огню и мечу; взяты Тверь и Кашинь; вообще: Иванъ Даниловичъ и рать хана «грады и волости пусты сотвориша». Татары захватили при этомъ и часть Новгородской земли: «Новоторжскую волость пусты сотвориша». Но новгородцы умилиствовали татаръ тѣмъ, что послали имъ множество даровъ и 2000 серебра. — Съ большимъ полономъ татары пошли обратно, давая знать о себѣ вездѣ, гдѣ ступала ихъ нога, — «точію соблюде и заступи Господь Богъ кн. Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его отчину»... Александру тверскому, конечно, и думать не приходилось о томъ, чтобы съ успѣхомъ вести борьбу съ такимъ неравномѣрно сильнымъ врагомъ, а потому онъ, еще до прихода татаръ, бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ его — впрочемъ — не приняли, а потомъ направился въ Псковъ¹⁸⁹). Въ то же время Иванъ Даниловичъ отправился въ орду, пославъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправился въ орду и воротившійся къ тому времени изъ бѣгства Константинъ Михайловичъ тверскій, оставшійся теперь старшимъ среди тверскихъ князей. Тогда же къ хану по-

189) Ibid. I, 229—230; III, 74; IV, 50—51; V, 217; XV, 417; Ник. III, 131. По III, 74 Калита съ татарами ходилъ на Тверь въ 1328 г. Никон. III, 133, поименовавъ воеводъ, шедшихъ съ татарами, данными Ивану Даниловичу для наказанія Твери, продолжаетъ: «пять темниковъ великихъ, и князь Александръ Васильевичъ суздальскій, инде пишетъ, и съ нимъ дядя его, Василій Александровичъ»... Чей его? если Калиты, то Василій Александровичъ, сынъ Невскаго, умеръ еще въ 1271 г.; если же Александра Васильевича суздальскаго, то у него мы не находимъ такого дяди. Та же Ник. лѣт. говоритъ, что новгородцы дали татарамъ 5000 рублей.

шелъ посоль и отъ Новгорода Великаго¹⁹⁰). Въ ордь Константинъ получилъ (въ 1328 г.) Тверь, а Калита — великое княжение. Въ то же время ханъ приказалъ князьямъ искать Александра Михайловича повсюду и представить его въ орду. По прибытіи изъ орды на Русь Иванъ Даниловичъ отправилъ своихъ пословъ, а новгородцы отъ себя владыку Моисея и тысяцкаго Абрама въ Псковъ къ Александру — передать ему требование хана. Посольство это было безуспѣшно. Въ слѣдующемъ 1329 году 26 марта Иванъ самъ прибылъ въ Новгородъ — сѣсть на новгородскомъ столѣ; съ нимъ были тверскіе князья, Константинъ и Василій Михайловичи, Александръ суздальскій и многіе другіе; отсюда князья пошли къ Пскову, но медленно, вѣроятно, ожидая, что псковичи одумаются и дѣла не доведутъ своимъ упорствомъ до кровопролитія. Князья дошли до Опокъ и остановились. Калитѣ, какъ видно, и самому не хотѣлось доводить дѣло до кровопролитія, и вотъ онъ придумалъ средство заставить псковичей исполнить волю хана: онъ уговорилъ митрополита Теогноста наложить проклятіе и отлученіе отъ церкви на кн. Александра и на весь Псковъ. Эта мѣра подѣйствовала: Александръ, не желая изъ-за себя подвергать псковичей проклятію, удаллся въ Литву, оставивъ на попеченіе полюбившимъ его псковскимъ гражданамъ жену свою. Псковичи послали въ Опoki къ великому князю гонца съ извѣстіемъ, что Александръ ушелъ изъ Пскова, и тогда Калита заключилъ съ псковичами миръ «по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ», а митрополитъ снялъ проклятіе и отлученіе отъ церкви¹⁹¹).

И такъ, Иванъ Даниловичъ, послѣ столь многихъ трудовъ, зацѣля великокняжескій столъ, «и бысть всей земли тишина на многа лѣта», замѣчаютъ лѣтописи¹⁹²).

190) Ibid. III, 74; IV, 50; V, 217; XV, 417; Ник. III, 140.

191) Ibid. III, 74; IV, 51; V, 218; Ник. III, 140 и сл. V говоритъ о пріѣздѣ Калиты въ Новгородъ, а съ нимъ и другихъ князей, подъ 1329 годомъ, а подъ слѣдующимъ 1330, говоря о томъ же, т. е. о пріѣздѣ Калиты въ Новгородъ, а съ нимъ суздальскаго, тверскихъ и мн. др. князей, говоритъ еще о посольствѣ боярина Калиты, Луки Протасьева, новгородскаго владыки Моисея и тысяцкаго Аврама въ Псковъ, о чемъ говорила подъ 1328 годомъ, гдѣ, впрочемъ, со стороны Ивана Калиты названы «послы своя», а отъ новгородцевъ тѣ же лица, т. е. владыка Моисей и пр. По IV въ 1328 г. Калита пришелъ изъ орды, въ 1329 — пріѣхалъ въ Новгородъ; пріѣхалъ и Теогностъ и проклялъ псковичей; въ 1330 г. Калита пріѣхалъ въ Новгородъ съ тверск., сузд. и др. князьями, отправилъ по Псковъ пословъ, потомъ съ др. князьями выступилъ противъ Пскова.

192) Ibid. I, 230; IV, 51; V, 218; VII, 201; XV, 417; Ник. III, 141 замѣчаетъ, какъ и нѣкоторыя другія: «и бысть оттоле тишина велика по всеи Руской землѣ на 40 лѣтъ и престаша татарове воевати рускую землю». Здѣсь же кстати замѣтить, что есть извѣстия, по которымъ Калита «исправи Рускую землю отъ татей» («Опис. Рум. музея» 509; Степ. кн. I, 406). Та же Ник. ibid. замѣчаетъ, что Иванъ Даниловичъ «прииде отъ царя Азбьяка изъ орды с пожалованіемъ и с великою честию на великое княжение Володимерское, и сѣдѣ

Въ 1331 г. Иванъ Даниловичъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Константинъ Михайловичъ тверскій, ѣздили въ орду. Къ сожалѣнію, лѣтописи ничего не говорятъ о причинѣ этой поѣздки. Возвратившись изъ орды, Калита, по выраженію лѣтописи, «зверже гнѣвъ» на Новгородъ: онъ просилъ (вѣроятно, потому, что много потратился въ ордѣ) у новгородцевъ закамскаго серебра, т. е. привозимаго изъ-за Камы, конечно, отъ торговыхъ оборотовъ. Но новгородцы, какъ видно, не дали ему ничего, и Калита, въ 1332 году, взялъ за то («и въ томъ взя») Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ «чрезъ крестное цѣлованіе». Новгородцы ничего не предпринимали противъ этого насилія¹⁹³). Въ началѣ января 1333 года со всѣми суздальскими (Суздальской земли) и рязанскими князьями Иванъ Даниловичъ опять пришелъ въ Торжокъ; отсюда онъ послалъ въ Новгородъ — свести отсюда намѣстниковъ, и началъ воевать Новгородскую землю, въ которой давно уже сильно чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ отъ бывшей лѣтомъ засухи. Новгородцы отправили къ великому князю пословъ: архимандрита Лаврентія, Феодора Твердиславича и Луку Вареоломеева, чрезъ которыхъ просили Калиту въ Новгородъ на столъ; но великій князь челобитья ихъ не принялъ и, не давъ миру, уѣхалъ на Низъ. Тогда новгородцы отправили къ нему новое посольство, съ владыкой Василюемъ во главѣ; послы нашли его въ Переяславлѣ, предлагали ему 500 рублей съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ взятые имъ противъ крестнаго цѣлованія села въ Новгородской землѣ («свободы бы ся отступилъ по крестному цѣловаю»); но Иванъ Даниловичъ, не смотря на просьбы архіепископа, предложеній не принялъ и уѣхалъ въ орду¹⁹⁴). По возвращеніи же отъ хана онъ принялъ новгородскихъ пословъ, отложилъ нелюбіе и самъ поѣхалъ въ Новгородъ. Можетъ быть, успѣху послѣдняго посольства содѣйствовалъ митрополитъ Θεогность, къ которому, во время поѣздки Калиты въ орду, за чѣмъ-то пріѣзжалъ во Владиміръ архіепископъ новгородскій Василій¹⁹⁵), можетъ быть именно съ просьбой ходатайствовать предъ великимъ княземъ о примиреніи его съ Новгородомъ. Калита прибылъ въ Новгородъ 16 февраля 1334 г. Въ слѣдующемъ 1335 году, въ бытность его тамъ, архіепископъ Василій заложилъ камен-

на великомъ княженіи на Москвѣ; а столъ Володимерь і иные многие княжения царь Азбѣкъ даде ему къ Москвѣ». Тѣмъ не менѣе до Василя Васильевича Темнаго обладаніе Владиміромъ было, такъ сказать, символомъ великокняжескаго достоинства, хотя фактически великое княженіе было уже Московскимъ.

193) Ibid. III, 76; IV, 53; V, 220; VII, 203; Ник. III, 159—160; XV, 418.

194) Ibid. III, 77; IV, 53. Ник. III, 161 относитъ эту поѣздку въ орду къ 1332, а возвращеніе — къ 1333 году, причемъ замѣчаетъ, что за Калитой пріѣзжалъ отъ хана посолъ Саравчукъ.

195) Ibid. III, 77; IV, 53; V, 220; VII, 204; Ник. III, 161.

ный острогъ. Затѣмъ одна лѣтопись передаетъ нѣсколько темноватое извѣстіе о томъ, что великій князь вмѣстѣ съ новгородцами и со всею Нязовскою землею намѣревался идти на Псковъ; но «бысть ему рѣчь по любви съ новгородци и со всею Нязовскою землею, и отложивша себѣ путь, а псковичемъ миру не даша»¹⁹⁶). Намъ кажется, что причиной предполагавшагося похода на Псковъ было пребываніе тамъ Александра тверскаго, явившагося туда изъ Литвы, и начатыя имъ въ 1335 году хлопоты передъ ханомъ о возвращеніи тверскаго княженія.

Иванъ Даниловичъ возвращался изъ Новгорода чрезъ Торжокъ; въ это время Литва «на миру» воевала Новоторжскую волость: великій князь послалъ на Литовскую землю свои рати, которыя сожгли литовскіе города: Осѣчень, Рясну и др. Прибывъ въ Москву, онъ пригласилъ къ себѣ новгородскаго владыку Василя, посадника, тысяцкаго и нарочитыхъ новгородскихъ бояръ «на честь», по выраженію лѣтописи, т. е. на угощеніе съ цѣлію, такъ сказать, отплатить за хорошій пріемъ, оказанный великому князю въ Новгородѣ¹⁹⁷).

Но доброе согласіе между великимъ княземъ и Новгородомъ вскорѣ было нарушено первымъ: въ 1336 г. Калита отправился въ орду и, возвратившись оттуда, въ 1337 г. послалъ рать свою, противъ крестнаго пѣлованія, на Двину за Волокъ, въ Новгородскую область; цѣлью похода было, конечно, обогащеніе, потому что казна Калиты должна была истощаться отъ частыхъ поѣздокъ въ орду. Но походъ этотъ былъ неудаченъ: московскіе ратные люди «посрамлены быша и ранени»¹⁹⁸).

Вскорѣ заботы и вниманіе великаго князя должны были направиться въ другую сторону, въ сторону Твери. Александръ Михайловичъ, обезоруживъ хана полною покорностію воли его, вышелъ изъ орды въ 1338 г., пожалованный отчиною его, Тверью. Онъ вызвалъ изъ Пскова жену и дѣтей своихъ и, вообще, вступилъ въ Твери въ полныя права хозяина, которыя скромный и, какъ видно, миролюбивый Константинъ и не думалъ отстаивать, тѣмъ болѣе, что онъ былъ младшій братъ¹⁹⁹). Теперь Калита хорошо видѣлъ, что ему не ужиться въ мирѣ съ тверскимъ княземъ. Еще въ прошломъ 1337 году, когда Александръ посылалъ къ хану сына своего Ѳедора, тверской и московскій князья — какъ замѣчена въ лѣтописи — «не докончаша и мира не взяша»²⁰⁰). Въ то же время начинаются отъѣзды тверскихъ

196) Ibid. III, 77.

197) Цитаты въ прим. 195.

198) П. С. Р. Л. III, 77—78; V, 220; VII, 204.

199) Ibid. III, 78; IV, 53—54; V, 221; VII, 205.

200) Ник. III, 164; Тат. IV, 136.

бояръ въ Москву, какъ думаютъ наши историки, изъ-за мѣстничества²⁰¹). Притомъ среди удѣльныхъ князей росло недовольство, и они, вѣроятно, склонялись на сторону тверскаго князя: Калита слишкомъ безцеремонно хозяйничалъ въ удѣлахъ Суздальской земли, чтобы не возбудить во владѣтеляхъ ихъ негодованія противъ себя. Такъ, въ Ростовѣ распоряжался бояринъ Ивана Калиты, Василій Кочева, вмѣшивался во внутреннія дѣла Ростова, обиралъ жителей и т. п.²⁰²). Князья другихъ удѣловъ были, вѣроятно, такъ же притѣсняемы: мы увидимъ, что даже зять Ивана, Василій Давидовичъ ярославскій, былъ противъ великаго князя и, кажется, на сторонѣ Александра тверскаго.

Вѣроятно, всѣ вышеизложенныя обстоятельства заставили Ивана Даниловича позаботиться о томъ, чтобы оградить себя и свое потомство отъ совмѣстныхъ непріязненныхъ дѣйствій остальныхъ князей, могшихъ повредить его династическимъ интересамъ. По крайней мѣрѣ, послѣдующія дѣйствія Калиты указываютъ на это. Въ 1339 году, съ старшими сыновьями, Семеномъ и Иваномъ, онъ отправился въ орду, пославъ въ Новгородъ младшаго сына, Андрея. Лѣтописи замѣчаютъ, что Иванъ Даниловичъ и дѣти его были въ ордѣ въ чести: конечно, Калита не жалѣлъ казны, чтобы расположить хана къ себѣ и дѣтямъ своимъ. Не даромъ по приѣздѣ изъ орды онъ хочетъ пополнить казну свою, какъ увидимъ, на счетъ новгородцевъ. А что Калита хотѣлъ смирить своихъ недруговъ, на это указываетъ то обстоятельство, что Узбекъ тогда же позвалъ въ орду всѣхъ князей и сдѣлалъ это «по его думѣ», т. е. по думѣ Калиты. Въ орду позваны были: Александръ тверскій, который не вдругъ поѣхалъ, а послалъ сначала сына Феодора, который узналъ тамъ, что Узбекъ гнѣвается на его отца, — затѣмъ — Василій Давыдовичъ ярославскій, внукъ Феодора Ростиславича Чернаго, зять Калиты. Станнымъ кажется, что Калита, думая котораго позваны князья въ орду, посылалъ 500 человекъ перехватить въ пути Василя, что ему не удалось, и Василій благополучно достигъ орды.

201) Ник. III, 164; Сол. III, пр. 404; Кар. IV, 142. Историки наши говорятъ, что, долго скитаясь по чужимъ землямъ, Александръ, вѣроятно, приобрѣлъ новыхъ любимцевъ, которые, по полученіи Александромъ Твери, могли прибыть въ послѣднюю и «заѣхать» старыхъ тверскихъ бояръ. Что появленіе въ Твери новыхъ боярскихъ родовъ было при Александрѣ Михайловичѣ, объ этомъ находимъ извѣстія въ родословныхъ. Такъ, родъ Левашевыхъ производится отъ нѣмчина Долга или Дола, который чрезъ Псковъ, уже крещенный по православному обряду, пріѣхалъ въ Тверь къ Александру Михайловичу. Другой нѣмчинъ «изъ Наталинскіе земли» (Итальянской?), по имени Дускъ, пріѣхалъ въ Тверь, крестился тамъ и сдѣлался родоначальникомъ Олферьевыхъ, Безинныхъ и Нащокиныхъ. См. Родословную кн. во «Временн. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1851 года, отд. II, 118, 197.

202) Ник. IV, 204 въ Повѣсти о преподобномъ Сергіи.

Впрочемъ, интересы князей такъ мелко и запутанно переплетались, а лѣтописныя извѣстія такъ скудны и скупы на объясненія причинъ и поводовъ къ княжескимъ столкновеніямъ, что по этимъ обстоятельствамъ мы не въ правѣ заключать о противорѣчивыхъ дѣйствіяхъ и скорѣе должны предположить, что онъ, т. е. Иванъ Даниловичъ, имѣлъ какія-нибудь серьезныя причины — задержать зятя до прибытія его въ орду, хотя онъ и позванъ туда его же дуемою: эти причины могли возникнуть уже по прибытіи Калиты изъ орды²⁰³).

По прибытіи Ивана Даниловича изъ орды новгородцы прислали къ нему выходъ съ послами; но Калита чрезъ тѣхъ же пословъ требовалъ отъ новгородцевъ еще «запроса царева, чего у него царь запрашалъ». Новгородцы на это отвѣчали, что «того не бывало отъ начала міру²⁰⁴»).

Между тѣмъ Калита слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ ордѣ. Вѣроятно, опасаясь, какъ бы съ прибытіемъ туда Александра тверскаго и другихъ князей ханскій гнѣвъ не измѣнился на милость, онъ осенью 1339 г. отправилъ туда сыновей: Семена, Ивана и Андрея. Но 22 октября того же года Александръ и Ѳеодоръ были убиты въ ордѣ. Въ Твери оставались Константинъ и Василій. Константинъ и прежде, когда былъ великимъ княземъ тверскимъ, ходилъ, такъ сказать, на поводу у Калиты; тѣмъ болѣе теперь, послѣ успешной поѣздки великаго князя въ орду, гдѣ — по его проискамъ — убитъ былъ братъ Константина, послѣдній не могъ противиться московскому князю, о княженіи котораго лѣтописецъ замѣчаетъ: «наста наслованіе много, спрѣчь княженіе великое Московское досталось князю великому Ивану Даниловичу». По смерти Александра и Тверь испытала насиліе со стороны Калиты: онъ приказалъ снять колоколъ съ главнаго тверскаго храма св. Спаса и отправить его въ Москву. Это могло имѣть символическое значеніе верховенства московскаго князя надъ тверскимъ²⁰⁵).

Послѣ трагической кончины Александра, дѣти Ивана Даниловича отпущены были изъ орды «съ любовію». Успокоенный съ этой стороны, великій князь началъ энергичнѣе дѣйствовать по отношенію къ Новгороду, откуда вывелъ своихъ намѣстниковъ. Къ счастью новгородцевъ, Калита скорѣ опять отвлеченъ былъ въ сторону орды: въ 1340 г. неизвѣстно, по собственному ли почину, или по требованію хана, онъ отправился въ орду. Въ это время ханъ посылалъ рать свою съ Товлубіемъ на князя смоленскаго. Въ походѣ участвовали: кн. Константинъ Васильевичъ суз-

203) П. С. Р. Л. III, 79; V, 221; VII, 205; XV, 421; Ник. III, 166—170.

204) Ibid. III, 79; IV, 54; V, 221—222; VII, 205.

205) Ник. III, 170.

дальскій, Иванъ Коротополь и др. князья; по приказу хана, и Калита также долженъ былъ отправить на Смоленскъ свою рать²⁰⁶).

Въ слѣдующемъ 1341 году 31 марта Иванъ Даниловичъ скончался, принявъ иночество и схиму, и погребенъ въ основанной имъ же (въ 1333 г.) церкви св. Архангела Михаила²⁰⁷).

Иванъ Даниловичъ былъ женатъ дважды: а) на Еленѣ, дочери неизвѣстнаго отца, и отъ брака съ ней имѣлъ дѣтей: Семена, Данила, Ивана, Андрея (боровскаго) и дочерей — Θεотинію, Марію, Евдокію и Θεодосію; б) на Ульянѣ, также дочери неизвѣстнаго отца; отъ этого брака, уже по смерти Калиты, родилась дочь²⁰⁸).

206) П. С. Р. Л. I, 230; IV, 55; VII, 205—206; XV, 221; Ник. III, 170.

207) Ibid. I, 230; IV, 55; V, 222; VII, 206; XV, 422; Ник. (подъ 1340 г.) III, 171.

208) Ивана Даниловича Калиту считаютъ состоявшимъ въ одномъ бракѣ; но онъ, какъ оказывается, былъ два раза женатъ, какъ показано въ текстѣ.

Въ духовной грамотѣ в. кн. московскаго Ивана Ивановича, писанной, конечно, ранѣе 1359 г., т. е. года его смерти, всѣ лица, которыя упоминаются въ ней, извѣстны, кромѣ какой-то княгини Ульяны. «А княгини Ульяна, говорится въ грамотѣ, по отца моего князя великаго по грамотѣ по душевной вѣдаетъ волости»... и пр. Карамзинъ (IV, 179), передавая содержаніе помянутой грамоты, называетъ эту Ульяну вдовою Андрея Ивановича, брата Ивана Ивановича. С. М. Соловьевъ (IV, прим. 468), касаясь того же предмета, говоритъ: «Въ завѣщаніи послѣдняго (в. кн. Ивана Ивановича) упоминается еще о какой-то княгинѣ Ульянѣ. . . . Карамзинъ называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1348 (не въ 1348, замѣтимъ отъ себя, а въ 1345) году (Ник. III, 181), по смерти Калиты, и потому послѣдній не могъ распоряжаться дѣлами невѣстки, которой еще не было». Совершенно справедливо! Но кто же была эта княгиня Ульяна? Попытаемъ рѣшить вопросъ на основаніи тѣхъ же духовныхъ грамотъ (въ С. г. г. и д. ч. I или въ «Древней Росс. Вивл.» ч. I, изд. 2), т. е. Ивана Даниловича Калиты и сына его Ивана Ивановича.

Въ духовной грамотѣ Ивана Даниловича говорится: «А се даю княгини своей съ меньшими дѣтьми: Сурожицкѣ, Мушкину гору, Радонежское. . . . ; а села: село Михайловское, село Лучинское. . . . ; а изъ городскихъ волостей даю княгини своей осмичее. . . » и проч. (курсивъ — нашъ). Намъ кажется совершенно излишнимъ говорить здѣсь о томъ, что подъ *княгиней своей* Калита разумѣетъ свою жену. Возьмемъ ниже одно мѣсто изъ той же грамоты: «А что золото *княгини моею Олекино*, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи». . . . Здѣсь о княгинѣ Еленѣ говорится какъ уже не существующей на бѣломъ свѣтѣ, почему и золото ея отдается, естественно, дочери ея. Значить, та княгиня его, иначе — жена, которой онъ въ началѣ грамоты даетъ Сурожицкѣ, Мушкину гору и пр., была его второй женой. . . . И такъ, у Ивана Калиты, очевидно, было двѣ жены. Но второй жены онъ не называетъ по имени. — Теперь перейдемъ къ духовной сына Калиты, Ивана. Здѣсь говорится: «А княгини (Ульяну Иванъ Ивановичъ называетъ просто княгиней, потому что, собственно говоря, она не была его матерью) Ульяна по отца моего князя великаго грамотѣ по душевной, вѣдаетъ волости и осмичее и селъ до своего живота». Здѣсь не перечисляются поименно волости и села, потому что это было бы излишне: онъ въ минуту написанія грамоты находились въ фактическомъ владѣніи Ульяны, притомъ онъ перечислены въ душевной грамотѣ отца Ивана Ивановича. Возьмемъ еще одно мѣсто изъ той же грамоты: «А что волости за княгинью за Ульяною, изъ тѣхъ волостей по ее животѣ дѣти мои дадутъ дчери *ее Сурожицкѣ, село Лучинское*. Осмичее, Сурожицкѣ, село Лучинское — все это по духовной грамотѣ Иванъ Калита давалъ *княгини своей*, т. е. женѣ, которую онъ не назвалъ

Семенъ Ивановичъ Гордый.

р. 1316 † 1353.

Послѣ Ивана Даниловича изъ сыновей его въ живыхъ осталось-трое: Семенъ, Иванъ и Андрей, отецъ извѣстнаго впоследствии сподвижника Донскаго, Владиміра Храбраго; второй сынъ Калиты, Данилъ, упомянутый только въ лѣтописной родословной²⁰⁹), умеръ, вѣроятно, въ младенчествѣ.

Иванъ Даниловичъ еще задолго до смерти сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи онъ распредѣляетъ движимое и недвижимое имущество свое между наличными сыновьями и своей супругой; но такъ какъ потомъ онъ приобрѣлъ нѣсколько волостей посредствомъ купли, то явилась необходимость составить новое духовное завѣщаніе, въ которое вошли бы и новыя приобретеныя его. Въ обѣихъ грамотахъ одинаково замѣчено, что онѣ составлены передъ отъѣздомъ его въ орду. «Се язъ грѣшный худый рабъ Божій Иванъ, говорится въ грамотахъ, пишу душевную грамоту, ида въ орду, никимъ не нужень, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи» (такъ непрочно были не только положеніе, но и жизнь какого бы то ни было князя!); обѣ грамоты писаны въ одномъ и томъ же 1328 году²¹⁰). По этому завѣщанію Калита даетъ старшему сыну своему Семену 26 го-

въ духовной по имени, но которая здѣсь названа Ульяною. — Изъ всего сказаннаго выводимъ два положенія прямыхъ и третье косвенное: а) Иванъ Даниловичъ Калита вступалъ въ бракъ два раза; во второй разъ — съ Ульяной, извѣстной намъ пока только изъ вышеприведенныхъ духовныхъ грамотъ его и сына его, Ивана; б) отъ втораго брака онъ имѣлъ неизвѣстную намъ по имени дочь, которая родилась уже по смерти его, ибо въ его духовной грамотѣ она не упоминается; в) грамота писана послѣ 1332 г., т. е. послѣ года смерти первой жены Ивана Калиты, Елены, такъ какъ о ней говорится здѣсь, какъ уже не бывшей въ живыхъ.

209) П. С. Р. Л. V, 90. Мы отмѣнили годъ рожденія Семена Ивановича, не обозначенный лѣтописями, на слѣдующемъ основаніи: Воскр. лѣт. (VII, 204) говоритъ подъ 1333 годомъ, что Семенъ женился *зимой*, когда ему было *семнадцати лѣтъ*; Никон. (III, 161) также подъ 1333 г. говоритъ о томъ же, т. е. что Семенъ женился въ этомъ году *зимой*. Издатели Ник. лѣтописи считаютъ 6841 годъ, подъ которымъ въ Воскр. и Никон. лѣтописяхъ говорится о женитьбѣ Семена Ивановича, 1332-мъ годомъ, — но это намъ кажется невѣрнымъ: 6841 годъ (мартовскій) долженъ простираться отъ 1 марта 1333 года до 28 февраля 1334 года. А такъ какъ въ Воскр. лѣт. подъ тѣмъ же 6841 годомъ *послѣ* женитьбы Семена Ивановича говорится о томъ, что Калита, по случаю разрыва съ Новгородомъ, пошелъ въ Торжокъ и былъ тамъ отъ «*Крещенья* (январь) до *Збора*», то очевидно 6841 годъ = 1333 году. Такимъ образомъ, по вычетѣ 17-ти изъ 1333 получаемъ 1316—годъ рожденія Семена Ивановича.

210), Собр. г. г. и д. №№ 21 и 22, или «Древн. Росс. Вивліоенка», изд. 2, I, стр. 47 и сл.

родовъ и селеній, въ томъ числѣ Можайскъ и Коломну — приобрѣтеніе брата его, Юрія Даниловича; Ивану — 23 города и селенія, въ томъ числѣ — главные изъ нихъ — Звенигородъ и Руза; младшему Андрею — 21 городъ и селеніе, и въ числѣ ихъ самый важный Серпуховъ; женѣ своей съ остальными дѣтьми — 26 селеній, изъ которыхъ впоследствии сдѣлалось извѣстнымъ Радонежское или Радонежь. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что старшему сыну, Семену, какъ предполагаемому великому князю въ будущемъ, дано сравнительно мало городовъ и селъ. Но надобно имѣть въ виду, что, во 1-хъ, Семену даны города болѣе значительные, какъ Можайскъ, бывшій особымъ княжествомъ, и Коломна; а во 2-хъ, хотя претендентами на великокняжескій столъ, въ случаѣ смерти Ивана Даниловича, и могли явиться князья тверскій и суздальскій, — но Калита, какъ видно, надѣялся, что великокняжеское достоинство за нимъ упрочено, что оно перейдетъ и къ его старшему сыну, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему перейдутъ Владиміръ и Переяславль. Что касается Москвы, то она, по завѣщанію, отдается не одному какому-либо изъ сыновей, а всѣмъ тремъ: «Приказываю сыномъ отчину свою Москву» — только и сказано объ этой послѣдней въ завѣщаніи. Что же это значитъ? какую цѣль преслѣдовалъ Калита, завѣщая Москву всѣмъ дѣтямъ, а не одному которому нибудь изъ нихъ? — Намъ кажется, что у Ивана Калиты была опредѣленная мысль и цѣль объ упроченіи за своимъ потомствомъ великокняжескаго достоинства и за Москвой — значенія первопрестольнаго города: перваго онъ могъ достигнуть только тогда, когда его дѣти — при извѣстныхъ личныхъ качествахъ — будутъ въ состояніи удовлетворять алчнымъ и корыстолюбивымъ требованіямъ орды, т. е. когда будутъ въ состояніи располагать богатой казной; втораго же онъ достигалъ при выполненіи его дѣтьми первой части программы. Значитъ, Калитѣ нужно было оставить матеріальную силу своимъ наслѣдникамъ, и вотъ онъ дѣлитъ свое достояніе почти поровну, ибо могъ сомнѣваться въ томъ, что тому, а не другому сыну достанется великокняжескій столъ. Въ то же время онъ отдаетъ дѣтямъ Москву въ общее ихъ владѣніе и, такимъ образомъ, еще вѣрнѣе достигаетъ второй цѣли: кто ни будетъ изъ дѣтей великимъ княземъ, все-таки онъ будетъ *московскимъ*, потому что будетъ привязанъ къ Москвѣ той частью наслѣдства, которая предоставлена ему въ ней по завѣщанію ²¹¹).

211) Ник. IV, 204 въ «Повѣсти о преп. Сергіи» говоритъ, что родители Сергія отъ бывшихъ въ Ростовѣ гоненій при Калитѣ переселились изъ Ростова въ «Радонежь», что эту «весь глаголемую Радонежь... даде князь великій Иванъ Даниловичъ сынови своему мизивому князю Ондрею, отъ него же родись князь Володимеръ». Извѣстно, что Радонежь Калита отказалъ женѣ своей, и уже потомъ онъ перешелъ къ Андрею, внуку котораго,

Такъ или иначе думалъ Калита, но великая идея централизаціи и собранія Руси во-едино жила въ его потомствѣ и этимъ потомствомъ осуществлена.

По смерти Калиты всѣ русскіе князья, какъ-то: Василій Давидовичъ ярославскій, Константинъ Михайловичъ тверскій, Константинъ Васильевичъ суздальскій и др., поспѣшили въ орду; отправился туда и Семенъ Ивановичъ съ братьями. Ханъ объявилъ послѣдняго великимъ княземъ, а всѣ остальные русскіе князья «подъ ружь его даны» ²¹²).

Возвратившись изъ орды, Семенъ Ивановичъ торжественно сѣлъ 1-го октября на великокняжескій столъ во Владимірѣ. Въ томъ же году (1341) братья «цѣловали крестъ у отня гроба». По этому крестному цѣлованію они обязываются быть за одно, младшіе старшаго — имѣть и чтить въ отца мѣсто, имѣть общихъ друзей и враговъ; старшему безъ младшихъ, а послѣднимъ безъ старшаго ни съ кѣмъ не доканчивать; младшіе братья, между прочимъ выговаривали слѣдующее обязательство со стороны старшаго: «А кто иметь насъ сваживати... исправу ны учинити, а нелюбья не держати, а виноватого казнити по исправѣ»; младшіе братья уступаютъ Семену на старѣйшій путь полтамы, конюшій путь, ловчій путь и пр., между тѣмъ какъ сами берутъ полтамы на двоихъ; уступаютъ также на тотъ же путь нѣсколько селъ; обязываютъ старшаго брата печаловаться ихъ женами и дѣтьми въ случаѣ смерти ихъ; великій князь оставляетъ за собой волости, которыми его благословила тетка его, княгиня Анна; боярамъ и слугамъ договаривающихся предоставляется свобода перехода отъ одного князя къ другому; младшіе братья, наконецъ, обязываются не принимать къ себѣ боярина Алексѣя Петровича (тысяцкаго), который «вшолъ въ кромолу къ великому князю»; мы увидимъ, что этотъ Алексей Петровичъ при преемникѣ Семена Ивановича не извѣстно кѣмъ былъ убитъ.

также Андрей, былъ единственнымъ радонежскимъ княземъ. Что касается города Серпухова, то при Калитѣ онъ былъ, надобно позагать, весьма незначительнымъ какъ по количеству населенія, такъ и по постройкамъ. Его возвысилъ и сдѣлалъ настоящимъ городомъ, мѣстомъ укрѣпленнымъ, уже сынъ Андрея, извѣстный донской герой, Владиміръ Андреевичъ Храбрый (П. С. Р. Л. VIII, 21), о которомъ въ лѣтописи говорится: «Того же лѣта (1374 г.) князь Володимеръ Овдрѣевичъ заложилъ градъ Серпуховъ дубовъ в своей отчинѣ, и даде людемъ и всѣмъ купцемъ ослабу и лготу многу, и приказа наместничество Якову Юрьевичу, нарицаемому Носильцу (по другимъ — Новосильцу), окольничему своему.»

212) П. С. Р. Л. I, 230; III, 79, 131 (въ 1340 г. Семенъ получилъ великое княженіе); V, 222; VII, 206; XV, 422 (дальше о Семенѣ въ Твер. почему-то ничего не говорится до 1353 года, т. е. до его кончины); Ник. III, 172 (подъ 6848, который у издателей = 1339). Она же говоритъ, что Семенъ не присутствовалъ при погребеніи отца, потому что былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Мы видѣли, что Иванъ Даниловичъ въ 1340 г. разссорился съ Новгородомъ и не успѣлъ смирить его, по случаю поѣздки въ орду. Въ то время, какъ Семень Ивановичъ, по смерти отца, былъ также въ ордѣ, новгородскіе «молодцы», какъ выражется лѣтопись, ходили на Устюжну и пожгли ее, а потомъ повоевали Бѣлозерскую область—куплю Ивана Калиты. По возвращеніи изъ орды Семень послалъ въ Торжокъ собирать дань. Бояре, по выраженію лѣтописи, «начаша сильно дѣяти», почему новоторжцы просили новгородцевъ заступиться за нихъ. Новгородцы пришли, перехватили московскихъ намѣстниковъ съ ихъ семьями и посадили въ заключеніе. Изъ Новгорода, еще прежде послѣдняго событія въ Торжкѣ, посланъ былъ въ Москву Кузьма Твердиславичъ сказать великому князю: «еще, господине, на столѣ въ Новѣгородѣ не сѣлъ еси у насъ, а уже бояре твои сильно дѣютъ» (наспльственно). Новгородскіе бояре, находившіеся въ Торжкѣ, конечно, ожидали мести со стороны великаго князя и потому послали въ Новгородъ за помощью; но тамъ не хотѣла удовлетворить этой просьбѣ чернь. Новоторжская чернь, не видя изъ Новгорода помощи, возстала на бояръ, кричала, зачѣмъ они призвали новгородцевъ, зачѣмъ перехватили княжескихъ намѣстниковъ. «Намъ въ томъ погибнуть», заключила она. Вооружившись чѣмъ попало, черные люди бросились на боярскіе дворы, освободили московскихъ намѣстниковъ, а новгородцевъ выпроводили изъ города. Новоторжскіе бояре бѣжали въ Новгородъ «только душою кто успѣлъ» (безъ пожитковъ); дворы ихъ были разграблены, села опустошены, а одного, Семена Внучка, даже убили на вѣчѣ. Семень Ивановичъ собралъ подручныхъ князей: двухъ Константиновъ, суздальскаго и ростовскаго, Василія ярославскаго и др., и зимой пошелъ къ Торжку. Съ князьями былъ и митрополитъ Теоногость, можетъ быть, на случай необходимости пустить въ дѣло мечъ духовный, если желѣзный оказался бы не дѣйствительнымъ. Какъ видно, великій князь твердо рѣшился держаться извѣстной политики и достигать намѣченныхъ цѣлей во что бы то ни стало: по лѣтописямъ не замѣтно даже, чтобы князья, участвовавшіе въ походѣ на Торжокъ, оказали хоть малѣйшее нежеланіе исполнить его требованіе; есть даже извѣстіе (у Татищева), что, готовясь въ походъ и призвавъ для этого помянутыхъ князей, Семень Ивановичъ держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой указывалъ въ особенности на то, что благоденствіе Руси всегда было въ зависимости отъ послушанія князей старшему князю.—Соединенные князья пришли въ Торжокъ, откуда намѣревались идти къ Новгороду. Новгородцы хотя и приготовились къ оборонѣ, но сначала попробовали уладить дѣло миромъ: они отправили пословъ къ великому князю и митрополиту. Миръ состоялся: dokonчали по старымъ грамотамъ; кромѣ того новгородцы дали

великому князю *черный борз* со всей Новгородской земли и 1000 рублей съ Торжка. Послѣ этого великій князь послалъ въ Новгородъ намѣстниковъ²¹³).

Между тѣмъ въ томъ же году умеръ Узбекъ, и ханскій престолъ занялъ сынъ его, Чанибекъ, проложивъ себѣ дорогу къ трону убійствомъ двоихъ братьевъ своихъ. Русскіе князья—тверскій, суздальскій и др.—пошли къ новому хану; отправился къ нему и Семенъ Ивановичъ, а также и митрополитъ Θεогностъ, какъ выражается лѣтопись, «за причетъ церковный». Великій князь принятъ былъ ханомъ и отпущенъ съ честью, но Θεогностъ былъ задержанъ: ханъ требовалъ съ него ежегодной постоянной церковной дани, но митрополитъ ссылался на прежнія льготныя грамоты, по которымъ духовенство освобождалось отъ дани; если вѣрить лѣтописямъ, Θεогноста даже мучили по этому дѣлу; наконецъ, митрополитъ предложилъ хану одновременно 600 рублей «посулу», и тотъ удовольствовался этимъ²¹⁴). По приѣздѣ изъ орды великій князь былъ свидѣтелемъ страшнаго пожара, бывшаго въ Москвѣ 31 мая 1343 г. О размѣрахъ этого пожара можно судить по количеству однихъ только церквей, истребленныхъ огнемъ: ихъ сгорѣло 28. Лѣтописцы отмѣчаютъ, что въ течение 15 лѣтъ это — четвертый такой большой пожаръ²¹⁵). Въ слѣдующемъ 1344 г. Семенъ Ивановичъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Андреемъ, отправился въ орду, гдѣ были и другіе князья, но неизвѣстно, по какой причинѣ. Изъ орды великій князь выѣхалъ 26 октября²¹⁶), «пожалованъ Богомъ и царемъ», и,

213) С. г. г. и д. № 23 (здѣсь Семенъ Ивановичъ называетъ себя великимъ княземъ *всѣя Руси*); упоминаемая въ этой грамотѣ княгиня Анна, по вѣроятной догадкѣ М. Д. Хмырова (№ 377), была жена дяди Семена Ивановича, Аѳанасія Даниловича. — П. С. Р. Л. III, 80 (подъ 1340 г.); IV, 54 (то же); V, 222—223; VII, 206—207; Ник. III, 172—173; Тат. IV, 146—147; между прочимъ, передаетъ, будто бы Семенъ Ивановичъ потребовалъ отъ новгородскихъ пословъ, чтобы посадники и тысяцкіе пришли къ нему босые и просили его, при всѣхъ князьяхъ, на колѣняхъ. С. М. Соловьевъ (III, 308) говоритъ по этому поводу: «прозваніе: Гордый побуждаетъ вѣрить этому свидѣтельству». Конечно, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ держать и держалъ князей въ своихъ рукахъ, высоко держалъ себя и съ ними, и съ новгородцами; не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ получилъ прозвище *Гордый*. Тѣмъ не менѣе поступокъ его — если только это, дѣйствительно, было — отзывается эксцентричностью и театральностью... Не выдуманно ли это въ позднѣйшее время для объясненія прозвища *Гордый*? Это напоминаетъ о Генрихѣ IV у папы Григорія VII въ Каноссѣ... — Карамз., на основаніи только ему извѣстнаго списка Троицк. лѣт. (IV, 156), говоритъ, что въ это время Ольгердъ хотѣлъ завоевать для союзника Литвы, князя смоленскаго, городъ Можайскъ; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ его, отступилъ, сожегши только предместье. Извѣстныя намъ лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ. Впрочемъ VII, 206 говоритъ, что Литва въ 1341 г. подходила къ Можайску, пожгла посадъ, а города не взяла; но о смоленскомъ князѣ ничего не говоритъ.

214) П. С. Р. Л. III, 80—82; VII, 206—209; Ник. III, 178—179.

215) Ibid. VII, 209; Ник. III, 179.

216) Ibid. VII, 209; Ник. III, 181.

похоронивъ жену свою Анастасію Гедиминовну, умершую 11 марта 1345 г., женился во второй разъ на дочери кн. Ѳеодора Святославича смоленскаго, Евпраксіи, съ которой, впрочемъ, года черезъ два разошелся, что должно было, конечно, оскорбить смоленскаго князя, и все-таки Ѳеодоръ Святославичъ ничѣмъ не смѣлъ заявить протеста противъ такого поступка сильнаго московскаго князя. Въ одинъ годъ съ Семеномъ Ивановичемъ поженились и оба брата его ²¹⁷).

Между тѣмъ будущая соперница Москвы, Литва, начинаетъ, при такихъ же почти, какъ и Москва, обстоятельствахъ и такими же средствами усиливаться въ одной вѣтви рода литовскихъ князей. Въ половинѣ XIV в. въ Вильнѣ княжилъ сынъ Гедимина, Явнута. Противъ него соединились братья его, Кейстутъ и Ольгердъ, которые неожиданно напали на Вильну, такъ что Явнута долженъ былъ спастись бѣгствомъ: перескочивъ чрезъ городскую стѣну, онъ бѣжалъ сначала въ Смоленскъ; потомъ перешелъ къ великому князю въ Москву, гдѣ принялъ крещеніе и получилъ имя Іоанна. Братъ же его, Наримонтъ, которому также угрожала опасность, бѣжалъ изъ Пинска въ орду ²¹⁸).

Мы уже говорили, что послѣ похода къ Торжку Семенъ Ивановичъ послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Самъ же онъ еще не бывалъ въ Новгородѣ ни разу. Но вотъ, въ 1346 г. въ Москву приѣзжаетъ новгородскій владыка Василій съ приглашеніемъ великаго князя на новгородскій столъ. Въ это-то самое время, разведшись съ супругой своей Евпраксией, которую онъ отослалъ къ отцу ея съ совѣтомъ выдать за-мужъ, Семенъ Ивановичъ зимой, на Ѳеодоровой недѣлѣ, отправился въ Новгородъ и, пробывъ тамъ три недѣли, возвратился на «Низъ». Онъ воротился въ Москву въ самомъ началѣ 1347 года и въ третій разъ женился на Марѣ Александровнѣ, княжнѣ тверской. Между тѣмъ шведскій король Магнусъ собирается посредствомъ прѣннй о вѣрѣ или посредствомъ меча совратить новгородцевъ въ латинство. Послѣдніе послали къ великому князю съ прось-

217) Ibid. VII, 209—210; Ник. III, 181—183. VII говоритъ подъ 1341 годомъ, что Иванъ Ивановичъ, братъ Семена Ивановича, женился на дочери князя брянскаго; та же лѣтопись, подъ 1345 годомъ говоря о (второмъ) бракѣ Семена Ивановича, прибавляетъ, что въ томъ же году женились и братья его, Иванъ и Андрей, «все три во едино лѣто». — Причиной развода великаго князя съ Евпраксией считаютъ безплодіе ея (Русск. Врем. I, 173; Карамз. IV, прим. 364). Но, по справедливому замѣчанію Карамзина, имѣла же она дѣтей съ кн. Ѳеодоромъ ооминскимъ!.. Вообще, странно ссылаться на безплодіе, проживъ въ бракѣ менѣе года или много годъ. Совершенно другую причину развода приводитъ «Родосл. кн.», иначе «Бархатная» (II, 207): «Великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжеть съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвецъ, и князь великій великую княгиню отослалъ къ отцу ея на Волокъ, а велѣлъ ея дати замужъ.»

218) Ibid. III, 83; V, 224; VII, 210; Ник. III, 182.

бой «оборонити своя отчины». Великій князь отвѣчалъ: «радъ азъ ѣхати, но зашли ми дѣла царевы». Онъ послалъ въ Новгородъ брата своего Ивана, а самъ, съ братомъ Андреемъ, дѣйствительно поѣхалъ къ хану, отъ котораго воротился уже въ слѣдующемъ **1348** году²¹⁹).

До сихъ поръ политическія отношенія Москвы къ Литвѣ были только косвенныя, по дѣламъ новгородскимъ или псковскимъ, и до крайностей, говоря вообще, не доходили. Но съ **1349** г. эти отношенія начинаютъ принимать серьезно-враждебный характеръ: въ упомянутомъ году — къ сожалѣнію, лѣтописи ничего не говорятъ о причинахъ этого — литовскій князь Ольгердъ послалъ пословъ, во главѣ которыхъ стоялъ братъ его, Кориадъ, къ хану просить у него помощи въ предполагаемомъ походѣ литовскаго князя противъ Семена Ивановича. Послѣдній, съ своей стороны, также послалъ въ орду своихъ кличеевъ (пословъ), которые представили хану, что литовцы пустошатъ его, царевъ, улусъ, отчину вел. кн. Семена. Такое представленіе, конечно, должно было затронуть какъ самолюбіе хана, такъ и его матеріальныя интересы: великій князь, его улусникъ, часто бываетъ въ ордѣ и, конечно, не съ пустыми руками; а потому разоряющій его улусника, разоряетъ самого хана. И вотъ, ханъ не только не далъ помощи литовскому князю, но и выдалъ литовскихъ пословъ московскимъ, которые вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ Тотумемъ взяли этихъ плѣнниковъ въ Москву. Ольгердъ смирился и въ слѣдующемъ **1350** году прислалъ къ московскому князю пословъ, «прося мира и живота братіи своей, княземъ литовскимъ: Кориаду и Михаилу и всей дружинѣ ихъ». И въ томъ, и въ другомъ послы были удовлетворены. Какъ видно, Семень Ивановичъ умѣлъ дать почувствовать не только русскимъ (сѣверо-восточной Руси), но и русско-литовскимъ князьямъ свою силу и энергію умнаго человѣка. Мы не видимъ во все время его княженія, чтобы со стороны удѣльныхъ князей были попытки къ какимъ бы то ни было противодѣйствіямъ ему. Ханъ всегда относится къ нему болѣе, чѣмъ съ довѣріемъ, вслѣдствіе чего и свои, и литовско-русскіе князья въ нѣкоторыхъ случаяхъ спрашиваютъ его позволенія. Такъ, литовскій князь, задумавъ жениться на дочери Александра Михайловича тверскаго, Ульянѣ, проситъ разрѣшенія на бракъ у Семена

219) Ibid. III, 83—84, 225—227; IV, 58; V, 225—226; VII, 211, 215; Ник. III, 182—186. Никон., сказавъ о женитбѣ великаго князя на Маріи тверской, тотъ-часъ продолжаетъ: «Посовѣтова (митр. Феогностъ) нѣчто духовне с сыномъ своимъ вел. княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ к патриарху о благословении». Вѣроятно, здѣсь подразумѣвается разводъ Семена Ивановича съ Евпраксіей и женитьба его въ третій разъ. О походѣ Ивана Ивановича въ Новгородъ см. соответственное мѣсто въ его біографіи. См. прим. 226.

Ивановича, который, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Теогностомъ, удовлетворяетъ просьбу Ольгерда. И не только ближайшій и сильнѣйшій литовскій князь, но и болѣе отдаленный князь Волини, Любарть Гедиминовичъ, въ томъ же **1350** году обращается также къ князю московскому: онъ проситъ руки «сестричны» его, дочери Константина Васильевича ростовскаго ²²⁰).

Въ **1351** году Семень Ивановичъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Андреемъ, предпринялъ походъ на Смоленскъ. Причинъ этого похода лѣтописи не выставляютъ. Когда великій князь былъ на р. Протвѣ около Вышегорода, къ нему явились литовскіе послы «съ многими дары, прося мира», можетъ быть, подтвержденія, подкрѣпленія или формальнаго мирнаго договора по поводу освобожденія Коріада и др. литовскихъ пословъ. Отпустивъ литовскихъ пословъ съ миромъ, Семень Ивановичъ продолжалъ движеніе на Смоленскъ и подошелъ къ р. Угрѣ. Сюда явились къ нему смоленскіе послы и заключили съ нимъ миръ. Великій князь пошелъ обратно, въ Москву ²²¹).

Весной того же 1351 года вмѣстѣ съ тѣми же братьями, Иваномъ и Андреемъ, Семень Ивановичъ ходилъ въ орду. Года черезъ два послѣ этой поѣздки для великаго князя наступила несчастная година: въ **1353** году 11 марта умеръ митрополитъ Теогностъ; на одной съ нимъ недѣлѣ умерли его дѣти-младенцы: Иванъ, родившійся въ 1351 г., и Семень, родившійся въ 1352 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же (**1353**) года, именно апрѣля 27, умеръ и самъ Семень Ивановичъ съ монашескимъ именемъ Созонта, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и братъ его, Андрей. Лѣтописи наши говорятъ о томъ, что еще въ 1352 г. на Руси начало свирѣпствовать моровое повѣтріе, извѣстное тогда подъ именемъ *черной смерти*. На Русь она перешла, вѣроятно, изъ западной Европы, гдѣ этотъ бичъ человѣчества свирѣпствовалъ уже съ 1350 года. По всей вѣроятности, отъ этой заразы

220) Ibid. IV, 59; V, 226; VII, 215; Ник. III, 187 и сл. Объ отношеніяхъ къ в. кн. Семену Ивановичу прочихъ князей Татиш. (IV, 175) говоритъ: «князи же вси рязавскіе, тверскіе и ростовскіе толки подручны себѣ имѣ, яко вся по его глагоду творяху». — Константинъ Васильевичъ ростовскій былъ женатъ на одной изъ сестеръ Семена Ивановича. Въ Никон. лѣт. (III, 192) этотъ Константинъ, по ошибкѣ, смѣшанъ съ дѣдомъ его, Константиномъ Борисовичемъ († 1307). То же у Татиш. (IV, 169).

221) Ник. III, 195; П. С. Р. Л. IV, 60; V, 227; VII, 216. П. Никитинъ («Исторія гор. Смоленска». М. 1848, стр. 79) положительно говоритъ, что Ольгердъ хотѣлъ примирить в. князя Семена Ивановича съ кн. смоленскимъ, почему и прислалъ къ нему пословъ съ дарами, прося мира, и это предложеніе было принято княземъ московскимъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ему было продолжать наступленіе на Смоленскъ? Ср. «Ист. Р.» С. М. Соловьева III, пр. 432.

умерли и митрополитъ, и великій князь съ другими членами великокняжеской семьи²²²).

Семенъ Ивановичъ, какъ и отецъ его, оставилъ духовное завѣщаніе, по которому удѣлъ его, все движимое и недвижимое имущество, промыслы и купли, какъ, напр., села, купленные у князей друцкаго и новосильскаго, переходятъ къ женѣ его, по смерти которой все это, конечно, достанется великому князю Ивану Ивановичу, матеріальная сила котораго увеличится, слѣдовательно, вдвое. Въ этомъ завѣщаніи обращаетъ на себя вниманіе совѣтъ великаго князя, какъ братья его должны жить между собою и съ боярами, отношеніе которыхъ къ князьямъ и роль ихъ при нихъ выражаются здѣсь довольно ясно. «А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, тако же и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а лихихъ бы есте людій не слушали, и хто иметъ васъ сваживати: слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, тако же старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ».

Семенъ Ивановичъ былъ женатъ три раза: а) на княжнѣ литовской, Анастасіи Гедиминовнѣ (до крещенія—Айгуста) съ 1333 года, когда Семену Ивановичу было 17 лѣтъ (она † 11 марта 1345 г.); б) на Евпраксіи Оедоровнѣ, княжнѣ смоленской, съ 1345 г., съ которой въ слѣдующемъ 1346 году развелся, отославъ ее къ отцу ея, Оедору Святославичу; в) на княжнѣ Маріи Александровнѣ, дочери Александра Михайловича тверскаго, съ 1347 г. Отъ перваго брака онъ имѣлъ дѣтей: Василю, Константина и дочь Василису, вступившую, въ 1349 г., въ бракъ съ Михаиломъ Васильевичемъ кашинскимъ; отъ третьяго брака у него были дѣти: Михаилъ, Иванъ, Семенъ и Данилъ, умершіе въ младенчествѣ²²³).

222) П. С. Р. Л. I, 230; IV, 61; V, 228; VII, 215, 217; XV, 422; Ник. III, 202. О черной смерти въ западной Европѣ см. Даниловича: «Skarbiec diplomatów papieżkich» и пр., стр. 192.

223) С. г. г. и д. I, № 24. — Татищ. (IV, 170) говоритъ, что Семенъ Ивановичъ выдалъ дочь свою въ Тверь за кн. Василю Михайловича, т. е. за отца дѣйствительнаго ея мужа. Но мы знаемъ, что Василій Михайловичъ еще въ 1329 г. женился на княжнѣ брянской, и ниоткуда не видимъ, чтобы онъ вступалъ во второй бракъ.

Иванъ Ивановичъ.

р. 1326 † 1359.

Семену Ивановичу Гордому наслѣдовалъ братъ его, Иванъ.

Тридцатитрехлѣтняя жизнь Ивана Ивановича, сравнительно, небогата фактами, конечно, благодаря личному его характеру, тихому и миролюбивому, и его физической слабости. За время до вокняженія его лѣтописи отмѣчаютъ только нѣсколько поѣздокъ его въ орду и неудачный походъ противъ шведовъ на помощь Новгороду.

Въ 1339 г., когда ему было только 13 лѣтъ, онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, сопровождалъ отца въ орду, а осенью того же года отецъ послалъ его одного къ хану, который отпустилъ его, уже зимою, съ пожалованіемъ, какъ говорятъ лѣтописи, и любовью²²⁴). Затѣмъ, вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ Ивановичемъ онъ ѣздилъ въ орду въ 1341, 1344 и 1351 годахъ²²⁵). Упомянутый въ біографіи Семена Ивановича походъ на шведовъ былъ въ 1347 г. Иванъ Ивановичъ прибылъ въ Новгородъ и узналъ, что шведы взяли городъ Орѣховъ; новгородцы были тогда въ Ладогѣ, но Иванъ Ивановичъ по чему-то не поѣхалъ туда, а воротился назадъ, не принявши даже ни благословенія отъ владыки, ни новгородскаго челобитья²²⁶).

Въ 1353 г. умеръ Семенъ Ивановичъ, и всѣ русскіе князья отправились въ орду, гдѣ соперникомъ Ивану Ивановичу явился суздальскій князь Константинъ Васильевичъ. Новгородцы также отправили отъ себя посла, Семена Судакова, просить хана за кн. суздальскаго: они хорошо помнили притѣсненія Калиты и его сына, не ждали для себя добра и отъ преемниковъ ихъ, а потому, естественно, не желали видѣть на великокняжескомъ столѣ потомства Ивана Даниловича. Однако ханъ далъ великое

224) П. С. Р. Л. VII, 205; Никон. III, 165. Мотивы этихъ и послѣдующихъ поѣздокъ въ орду см. подъ соответствующими годами отца его, или брата, Семена Ивановича. — Иванъ Ивановичъ родился 30 марта 1326 года, о чемъ см. П. С. Р. Л. I, 229; IV, 50; V, 217; VII, 199; Ник. III, 131. — По духовному завѣщанію отца (С. г. г. и д. I. № 21—22) Ивану Ивановичу давалось 23 города и селенія, въ томъ числѣ *Звенигородъ* и *Руза*, — такъ что Иванъ Ивановичъ можетъ считаться княземъ *звенигородскимъ*.

225) Ibid. IV, 55; V, 222; VII, 206, 209, 215; Ник. III, 171, 180, 202. См. конецъ 219 прим.

226) Ibid. III, 227 (и 84 подъ 1348 годомъ; то же въ IV, 58); V, 226; VII, 211; Ник. III, 187 и сл. Семенъ Ивановичъ сначала самъ пошелъ въ Новгородъ, но съ дороги воротился. Карамзинъ (IV, 162) видитъ въ этомъ «хитрѣя намѣренія политическія»: Семенъ Ивановичъ хотѣлъ довести новгородцевъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ ними... Пусть такъ; но Семенъ Ивановичъ заявилъ, что ему нужно ѣхать въ орду, и дѣйствительно поѣхалъ.

княженіе Ивану Ивановичу, который, какъ и другіе князья, вышелъ изъ орды послѣ Крещенія, а 25 марта **1354 г.** сѣлъ на великомъ княженіи во Владимірѣ²²⁷). Неудовлетворенные новгородцы полтора года были съ нимъ безъ миру, «но промежи того, по замѣчанію лѣтописи, не бысть зла нпкогого же»; однако потомъ они примирились²²⁸).

Вскорѣ послѣ того, какъ Иванъ Ивановичъ отправился въ орду, рязанцы, въ Петровки (22 іюня 1353 г.), съ юнымъ княземъ своимъ, въслѣдствіи знаменитымъ Олегомъ Ивановичемъ, внезапно захватили городъ Лопасну; московскаго намѣстника, князя Михаила Александровича, захватили въ плѣнъ и держали въ жестокомъ заключеніи, пока онъ не былъ выкупленъ. По возвращеніи изъ орды, Иванъ Ивановичъ не хотѣлъ вступаться за помянутый городокъ, принадлежавшій къ удѣлу малолѣтняго племянника его, кн. Владимира Андреевича серпуховскаго, котораго онъ вознаградилъ, давъ ему нѣчто изъ рязанскихъ же мѣстъ, прежде пріобрѣтенныхъ²²⁹).

Что касается суздальскихъ князей, то съ Константиномъ Васильевичемъ Иванъ Ивановичъ примирился за годъ до его смерти, т. е. въ **1355 г.**; года черезъ два онъ видѣлся въ Переяславлѣ съ сыномъ его, Андреемъ Константиновичемъ, за которымъ ханъ утвердилъ Суздаль, Городецъ и Нижній-Новгородъ; одарилъ его многими дарами и, «честь велику сотворивъ», отпустилъ его съ миромъ²³⁰). — Къ тому же почти времени относится нѣкоторое загадочное явленіе, бывшее въ Москвѣ. 3 февраля **1357 г.**, предъ утреними, на площади нашли убитымъ московскаго тысяцкаго, Алексѣя Петровича. Никто не могъ объяснить причины этого загадочнаго убійства. Нѣкоторые, впрочемъ, говорили, что на него бояре собирали тайный совѣтъ, строили ковы. Последняя догадка стоустой молвы весьма правдоподобна: какъ тысяцкій, онъ могъ имѣть громадное вліяніе на гражданъ въ качествѣ ихъ представителя; въ то же время онъ — бол-

227) Ibid. I, 230; II, 350; III, 86; IV, 62 (выше говорила о томъ же подъ 1352 годомъ); V, 228; VII, 217; VIII, 9; XV, 422; Ник. III, 202—203.

228) Ibid. III, 86; IV, 62; V, 228.

229) С. г. г. и д. I, № 25; Ник. III, 203.

230) О примиреніи съ Константиномъ Васильевичемъ говоритъ Ник. лѣт. (III, 205), а съ Андреемъ — Соф. 1 я (V, 228). Но, можетъ быть, здѣсь нужно разумѣть который-нибудь одинъ изъ этихъ фактовъ? Новгородцы примирились съ Иваномъ Ивановичемъ года чрезъ полтора послѣ того, какъ послѣдній получилъ великое княженіе, т. е. въ 1355 году, въ которомъ умеръ Константинъ суздальскій. Можетъ быть, смерть Константина, за котораго новгородцы хлопотали въ ордѣ, и была причиной примиренія новгородцевъ съ вел. княземъ. Карамзинъ (IV, 174) такую мысль высказываетъ положительно и говоритъ только о примиреніи съ Константиномъ Васильевичемъ (ibid. прим. 376), но не упоминаетъ о примиреніи съ сыномъ его, Андреемъ.

ринъ, и слѣдовательно лице, близкое къ великокняжескому двору. Такой человекъ могъ имѣть враговъ, и по преимуществу среди бояръ... Не даромъ въ ту же зиму нѣкоторые «большии бояре» съ женами и дѣтьми уѣхали въ Рязань. Впрочемъ, черезъ годъ Иванъ Ивановичъ (обстоятельство, бросающее въ этой исторіи тѣнь на самого великаго князя) перезвалъ изъ Рязани къ себѣ двоихъ изъ отѣхавшихъ бояръ: Михаила и зятя его, Василья Васильевича²³¹).

Такъ слабо было правительство при великомъ князѣ, слабомъ и тѣломъ и духомъ! Не только въ сосѣднихъ княжествахъ (Муромъ, Тверь) происходили междоусобія, споры и распри, но и въ самой Москвѣ совершались такіа злодѣянія, какъ убіеніе тысяцкаго. А между тѣмъ князь съ твердымъ характеромъ и энергичный именно въ это время могъ много хорошаго сдѣлать для Руси въ ея отношеніяхъ, напримѣръ, къ ордѣ.

Въ описываемое время въ ордѣ происходили кровавыя сцены. Въ 1357 году тамъ былъ митрополитъ Алексій и исцѣлилъ ханшу Тайдулу. Но онъ скоро вышелъ изъ орды, потому что тамъ началась, по выраженію лѣтописей, замятня. Добрый — какъ называютъ лѣтописи хана — Чанибекъ былъ убитъ сыномъ Бердибекомъ; для достиженія своей цѣли злодѣй убилъ еще 12 братьевъ своихъ, по совѣту князя-темника, «окаяннаго» Товлубія. Въ-слѣдъ за этимъ на Русь отпавленъ былъ посолъ Иткара «по запросу ко всѣмъ княземъ русскимъ»; за нимъ явился другой посолъ, Кошакъ, — «и велика бысть истома княземъ русскимъ»²³²).

Впрочемъ, великій князь московскій представлялся силой уже не какъ лицо съ тѣмъ или другимъ характеромъ и умомъ, а какъ нѣчто отвлеченное, именно: какъ великій князь московскій, какое лицо ни носило бы этотъ титулъ. Такъ, къ этому слабому и безхарактерному Ивану Ивановичу, но все-таки великому князю московскому, въ томъ же 1357 году обращаются, какъ къ третейскому судѣ, тверскіе князья, дядя и племянникъ: Василій Михайловичъ кашинскій, занимавшій тверскій великокняжескій столъ, и Всеволодъ Александровичъ холмскій, претендовавшій на тотъ же столъ.

231) Ник. III, 207, 210; по ней убійство совершено въ 1356 г., по Троицк. (у Карамз. IV т. прим. 381)—въ 1357, а бояре перезваны изъ Рязани—въ 1358 г. по пріѣздѣ вел. князя изъ орды. — С. М. Соловьевъ говоритъ объ этомъ: «Самъ ли князь, оскорбленный злодѣяніемъ, заставилъ удалиться бояръ, или уступилъ требованіямъ гражданъ, неизвѣстно». (Ист. отнош. между князьями Рюрича, 362). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, толкуя приведенныя слова въ томъ смыслѣ, что вел. князь былъ не совсѣмъ правъ въ этомъ дѣлѣ, самъ правдоподобно полагаетъ, что это дѣло лучше объясняется слабостью Ивана Ивановича (Русск. Ист. I, 398).

232) П. С. Р. Л. IV, 63; V, 228; VIII, 10; Ник. III, 209—210; Степ. кн. I, 455—6; Троицк. у Карамз. IV, прим. 384.

Всеволодъ прїѣхалъ во Владиміръ и обратился къ митрополиту Алексію съ жалобами на дядю. Василій узналъ объ этомъ и также обратился къ митрополиту, а потомъ «по митрополичью слову» — къ великому князю, съ которымъ вошелъ въ миръ и любовь. Однако дѣла между дядей и племянникомъ не уладились²³³): они поѣхали на судъ къ новому хану, къ которому отправились и другіе князья, а также и Иванъ Ивановичъ. Всеволодъ хотѣлъ отправиться въ орду чрезъ Переяславль, но переяславскіе намѣстники великаго князя не пропустили его, конечно, потому, что Иванъ Ивановичъ держалъ сторону Василя, съ которымъ недавно взялъ миръ и любовь. Что Иванъ Ивановичъ держалъ сторону Василя, это — между прочимъ — видно изъ того, что войска московскія (можайская рать) вмѣстѣ съ тверскими въ слѣдующемъ (1358) году ходили отнимать у литовцевъ Ржеву, что и исполнили, хотя вскорѣ литовцы опять взяли ее²³⁴).

За годъ до смерти Ивана Ивановича (1358) въ Рязань пришелъ татарскій царевичъ Маматъ-Хожа и послалъ въ Москву объявить великому князю, что требуется провести точныя и опредѣленные границы между Московской и Рязанской землями («посла — царевичъ — ... о разъѣздѣ земли Рязанскія предѣлы, и межи утвердити нерушима и непретворима»). Но Иванъ Ивановичъ не пустилъ царевича въ свою отчину²³⁵).

Въ слѣдующемъ 1359 году ноября 13 «благовѣрный и христілюбивый, и кроткий и тихий и милостивый», Иванъ Ивановичъ скончался, по обычаю тогдашнихъ князей, въ схимѣ и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ Москвѣ²³⁶).

Иванъ Ивановичъ былъ женатъ дважды: а) на княжнѣ Оедосѣ, дочери Димитрія Романовича брянскаго, которая чрезъ годъ или чрезъ годъ съ небольшимъ умерла; б) на Александрѣ, извѣстной намъ только по имени. Дѣти у Ивана Ивановича были только отъ втораго брака, а именно: Димитрій (Донской) и Иванъ и неизвѣстная по имени дочь, выданная, въ 1356 году, за Гедиминова внука, Димитрія Коріадовича²³⁷).

233) Ник. III, 208; Татищ. IV, 183.

234) Ibid. 211.

235) П. С. Р. Л. VIII, 10; Ник. III, 210. Татищевъ (IV, 185) о разграниченіи земель, между прочимъ, говоритъ: «Князь же вел. Иванъ вѣдал, что той (М.—Хожа) доброхотствуетъ Рязанскому, хочетъ Лопасню и другія волости тому отдать, не пусти его въ свою отчину», что кажется весьма правдоподобнымъ. См. также соответственное мѣсто подъ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ.

236) Ibid. I, 230 (Иванъ † 12 ноября); IV, 63; V, 228; VIII, 10; XV, 428; Ник. III, 212.

237) Ibid. IV, 349; VI, 104; VII, 207; VIII, 13, 53, 63; Ник. III, 174, 181.

Димитрій Константиновичъ суздальскій.

р. 1323 (?) † 1383.

Димитрій Константиновичъ занялъ великокняжескій столъ «не по отчнѣ и не по дѣдинѣ» въ 1360 г. и княжилъ по 1362. Въ 1363 г. онъ нѣсколько дней также продержался во Владимірѣ, откуда выгнанъ былъ боярами Димитрія Ивановича въ Суздаль. Подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ отдѣлѣ о князьяхъ суздальско-нижегородскихъ во II-мъ т.

Димитрій Ивановичъ Донской.

р. 1350 † 1389.

Послѣ Ивана Ивановича остались два сына, Димитрій и Иванъ — оба малолѣтки, и племянникъ, сынъ Андрея Ивановича, Владиміръ (впослѣдствіи *Храбрый*), также малолѣтній. — По духовному завѣщанію Ивана Ивановича, Москва, отчина его, назначена Димитрію и Ивану, а треть доходовъ съ нея — ихъ двоюродному брату, Владиміру; раздѣлъ же волостей произведенъ сообразно со старшинствомъ каждаго: Димитрію даны Можайскъ и Коломна съ селами, Ивану — Звенигородъ и Руза, Владиміру — удѣлъ его отца, женѣ Александрѣ — нѣкоторыя Коломенскія волости, село Семицкое на Москвѣ и съ двухъ сыновнихъ жеребьевъ изъ московской тамги одна треть. Села и все недвижимое имущество послѣ Александры идутъ Димитрію и Ивану, — послѣ Ульяны, второй жены Ивана Калиты — Димитрію, Ивану и Владиміру; послѣ вдовы Семена, Маріи — одному Димитрію²³⁸). Иванъ Ивановичъ вскорѣ (1364 г.) умеръ, и его надѣлъ перешелъ въ руки Димитрія Ивановича.

Въ 1359 г. умеръ Бердибекъ, и ханомъ сдѣлался родственникъ его, Кулпа, который, чрезъ 5 мѣсяцевъ по воцареніи, былъ убитъ Наврусомъ.

238) С. г. г. и д. I, № 25—26. До смерти Ивана Ивановича, изъ жизни Димитрія извѣстенъ только слѣдующій фактъ: когда митрополитъ Алексій, въ 1358 году, возвращался изъ орды, куда ходилъ, по просьбѣ великаго князя, для умопостивленія хана Бердибека, то встрѣченъ былъ велико-княжескимъ семействомъ, боярами и народомъ, причемъ, будто бы, 8-лѣтній Димитрій сказалъ ему краткую рѣчь (Степ. кн. I, 457).—Никонов. лѣтоп. (III, 193) рожденіе Димитрія отмѣчаетъ подъ 12 окт. 1350 года.

Русскіе князья явились къ новому хану, который далъ великое княженіе младшему изъ суздальскихъ князей, Димитрію Константиновичу, «не по отчнѣ, не по дѣдинѣ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Это замѣчаніе лѣтописца весьма знаменательно: мы заключаемъ по нему, что въ тогдашнемъ обществѣ въ это время уже сильно укоренилось понятіе о томъ, что великокняжескій столъ есть исключительное достояніе московскихъ князей... 22 іюня **1360 г.** Димитрій Константиновичъ прибылъ во Владиміръ. Между тѣмъ въ ордѣ начались убійства хановъ: одинъ ханъ убивалъ другаго, для того, чтобы, по занятіи престола, самому подвергнуться такой же насильственной смерти; началась, по характерному выраженію лѣтописи, «замятня». Димитрій Ивановичъ былъ также въ ордѣ, но онъ выѣхалъ оттуда еще до замятни, въ **1361 г.**²³⁹).

Юный Димитрій или, лучше, его совѣтники и руководители — митрополитъ и бояре — не думали уступать суздальскому князю. Димитрій Ивановичъ предъявилъ свои права на великокняжеское достоинство и звалъ суздальскаго князя на судъ хана. Хановъ теперь было два: въ ордѣ — Муратъ, и на правой сторонѣ Волги — Авдулъ, креатура Мамай. Въ **1362 г.** кличчен обоихъ соперниковъ отправилъ въ орду. Муратъ призналъ великокняжеское достоинство за княземъ московскимъ «по отчнѣ и по дѣдинѣ»²⁴⁰). Но Димитрій Константиновичъ, въ свою очередь, не хотѣлъ уступать московскому князю: онъ сѣлъ въ Переяславль. Тогда московскіе бояре, взявъ съ собой троихъ юныхъ князей, т. е. Димитрія, Ивана и Владиміра, пошли ратью къ Переяславу. Димитрій Константиновичъ бѣжалъ сначала во Владиміръ, а потомъ въ Суздаль. Московскій князь вошелъ во Владиміръ и сѣлъ на столѣ отца и дѣда. Пробывъ здѣсь три недѣли, онъ распустилъ войско и отправился въ Москву. — Къ этому, кажется, времени надобно отнести его договорную грамоту съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ: конечно, бояре позаботились, для устраненія въ будущемъ какихъ-либо недоразумѣній, опредѣлить взаимныя отношенія братьевъ. По этой грамотѣ, Димитрій Ивановичъ долженъ быть Владиміру въ отца мѣсто, а Владиміръ — держать подъ братомъ своимъ его великое княженіе честно и грозно, хотѣтъ ему во всемъ добра, не искать удѣла Семена Ивановича, которымъ благословилъ его отецъ. Кромѣ того, братья цѣловали крестъ

239) П. С. Р. Л. IV, 64; V, 229; VIII, 10—11; Ник. III, 215.

240) Ibid. IV, 64 и VII, 225. — Къ 1362 году издатели Собранія г. г. и д. относятъ, безъ всякихъ оговорокъ, договорную грамоту Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ (№ 27). Эта грамота напечатана и въ «Древней Росс. Вивліое.», гдѣ замѣчено, что года на ней не показано, «а по лѣтописямъ слѣдуетъ быть между 1362 и 1378 годами», т. е. между годомъ вступленія Димитрія на великокняжескій столъ и годомъ смерти митрополита Алексія, который упоминается въ грамотѣ. Карамз. относитъ ее къ 1364 году.

и на томъ, чтобы имѣть общихъ друзей и враговъ, безъ обоюднаго согласія ни съ кѣмъ не ссылаться и не вмѣшиваться одному въ управленіе удѣломъ другаго. Далѣе, Владиміръ обязанъ давать ордынскую тягость и проторъ съ своего удѣла по старымъ сверткамъ. Въ случаѣ войны, всѣ бояре Владиміра, гдѣ бы кто ни жилъ, должны быть подъ стягомъ своего князя.

Въ слѣдующемъ **1363 г.** во Владиміръ прибылъ посолъ отъ хана Авдула съ великокняжескимъ ярлыкомъ для Димитрія — предупредительность, указывающая на желаніе Авдула, чтобы московскій князь призналъ его ханомъ. Димитрій и отъ этого хана взялъ ярлыкъ, честилъ посла и отпустилъ его съ дарами. Вѣроятно, бояре думали полученіемъ ярлыка и отъ другаго хана преградить всѣ пути къ искательству суздальскаго князя, или же они поступили такъ въ виду неопредѣленнаго положенія дѣлъ въ ордѣ при соперничествѣ двухъ хановъ. Во всякомъ случаѣ, они сдѣлали ошибку: Муратъ, въ гнѣвѣ на московскаго князя за то, что онъ принялъ ярлыкъ отъ его соперника и тѣмъ какъ бы призналъ послѣдняго ханомъ, прислалъ, съ бывшимъ въ ордѣ кн. Иваномъ бѣлозерскимъ (дѣйствовавшимъ тамъ во вредъ московскому князю) и своимъ посломъ Илякомъ ярлыкъ на великое княженіе Димитрію суздальскому, который и отправился во Владиміръ. Димитрій Ивановичъ (конечно, бояре) и братья его съ многочисленнымъ войскомъ пошли на суздальскаго князя и выгнали его изъ Владиміра, гдѣ онъ, на этотъ разъ, сидѣлъ около 12 дней. Димитрій Константиновичъ бѣжалъ въ Суздаль, куда отправилось и московское войско. Около Суздаля москвичи все опустошили, и Димитрій Константиновичъ смирился. Противники заключили миръ, послѣ чего московскій князь, взявъ «волю свою» надъ суздальскимъ, ушелъ во Владиміръ. Смиривъ суздальскаго князя, Димитрій Ивановичъ смирялъ и другихъ князей: такъ онъ смирилъ кн. Константина ростовскаго, изъ Галича выгналъ кн. Димитрія Ивановича, взявъ жену его въ плѣнъ, а изъ Стародуба — кн. Ивана Ѳедоровича, удѣлы которыхъ оставилъ за собой. Изгнанники удалились въ Нижній-Новгородъ, къ Димитрію Константиновичу, можетъ быть, въ надеждѣ поднять его на московскаго князя. Но Димитрій Константиновичъ, какъ видно, не хотѣлъ и думать о томъ: въ **1365 г.** изъ орды пришелъ сынъ его, Василій, съ ханскимъ посломъ, который предлагалъ ему ярлыкъ на великое княженіе; но Димитрій Константиновичъ отказался отъ него въ пользу московскаго князя, къ которому обратился даже съ просьбой о помощи въ борьбѣ его за Нижній-Новгородъ съ младшимъ братомъ, Борисомъ. Такъ постепенно предъ московскимъ княземъ смиряются всѣ другіе князья сѣверо-восточной Руси, даже такіе, какъ суздальско-нижегородскій, носившій также титулъ

великаго князя. Вообще, изъ всѣхъ дѣйствій вел. кн. московскаго, или его совѣтниковъ, видно, что въ Москвѣ ясно сознана была идея единодержавія: вотъ почему болѣе слабыхъ князей Москва старается подчинить себѣ и даже уничтожить, болѣе сильныхъ — ослабить, и при этомъ, какъ сейчасъ увидимъ, употреблялись всевозможныя средства для достиженія цѣли — употреблялось оружіе какъ мірское, такъ и духовное²⁴¹).

Въ 1365 г. іюня 2 умеръ въ Нижнемъ Новгородѣ старшій братъ Димитрія Константиновича, Андрей, и Нижнимъ овладѣлъ самый младшій изъ братьевъ, Борисъ Константиновичъ. Димитрій, узнавъ о смерти старшаго брата, отправился въ Нижній, но Борисъ не пустилъ его туда, почему Димитрій отправился въ Москву просить помощи у московскаго князя противъ младшаго брата. Тогда епископъ суздальскій и нижегородскій былъ лишенъ сана, а въ Нижній-Новгородъ великій князь послалъ преп. Сергія — звать Бориса къ себѣ, чтобы примирить его съ братомъ, — Борисъ не пошелъ. Князей судитъ только Богъ, отвѣчалъ онъ на зовъ. Тогда употреблена была такая же мѣра, какъ и противъ Пскова, когда въ немъ засѣлъ Александръ тверскій: Сергій, по приказанію митрополита и великаго князя, долженъ былъ затворить церкви. Но и эта мѣра не помогла. Тогда великій князь далъ Димитрію Константиновичу рать свою. Только теперь Борисъ вышелъ на встрѣчу и просилъ мира, отступаясь отъ Нижняго-Новгорода. Старшій братъ занялъ Нижній, а младшій — Городецъ. Такимъ образомъ, Димитрій Ивановичъ теперь помогаетъ смпрившемуся передъ нимъ бывшему сопернику, даже вступаетъ (въ 1366 г.) въ бракъ съ его дочерью, Евдокіей²⁴²).

Въ слѣдующемъ 1366 г. у Димитрія Ивановича вышло розмирье съ Новгородомъ: новгородскіе молодые люди, или, какъ называется ихъ Никон. лѣт., «младыя дворянчики», въ своихъ ушкуняхъ прогулялись по Волгѣ, пограбили въ Нижнемъ-Новгородѣ торговыхъ людей: татаръ, армянъ и др.,

241) Ibid. I, 231; II, 350; IV, 64; V, 229; VII, 225; VIII, 11, 13, 120; Ник. III, 219 до конца и IV, 3—10; Твер. 428; С. г. г. и д. № 27. Въ Соф. первой (т. V-й) подъ 1363 годомъ говорится, что Димитрій Ивановичъ (великій князь) согналъ Димитрія Константиновича съ Великаго княженія и съ Галича... Очевидно, здѣсь Димитрій Константиновичъ смѣшанъ съ Димитріемъ Ивановичемъ галицкимъ, сыномъ Ивана Давыдовича. Въ слѣдъ за тѣмъ тамъ же говорится, что ростовскій кн. Андрей Федоровичъ пріѣхалъ изъ Переяслава въ Ростовъ, а съ нимъ кн. Иванъ Ржевскій «съ силою». Но зачѣмъ Андрей былъ въ Переяславѣ, неизвѣстно. Не помогалъ ли онъ Димитрію Ивановичу въ борьбѣ его съ княземъ суздальскимъ? По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что онъ хотя и былъ еще вполне самостоятельнымъ княземъ, но вѣрно служилъ московскому князю.

242) Ibid. IV, 65; V, 280; VIII, 13; Ник. IV, 10. Вѣроятно, въ связи съ этой борьбой братьевъ находится отнятіе митрополитомъ Алексіемъ Новгородской и Городецкой епископші отъ суздальскаго владыки Алексія (Ник. ibid.).

прошли въ Каму и по пути также все грабили. Великій князь сдѣлалъ запросъ новгородцамъ, зачѣмъ они ходили грабить и бить его гостей, и въ гнѣвъ расторгъ съ Новгородомъ миръ, вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ и приказалъ схватить на Вологдѣ и доставить въ Москву новгородскаго двинскаго боярина, Василя Даниловича съ сыномъ. — Между тѣмъ какъ Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ замышляютъ и начинаютъ приводить въ исполненіе планъ объ укреплѣніи Москвы («замыслиша ставити городъ Москву камень»), новгородцы одумались и просили великаго князя о мирѣ, по заключеніи котораго, въ 1367 г., въ Новгородъ посланъ былъ великокняжескій намѣстникъ и съ Москвы отпущенъ захваченный въ Вологдѣ бояринъ Василій²⁴³).

Съ 1367 г. на первый планъ выступаютъ отношенія Москвы къ Твери. Въ послѣдней происходила борьба между дядей и племянникомъ — между Василюмъ Михайловичемъ (кашинскій) и Михаиломъ Александровичемъ микулинскимъ за удѣлъ Семена Константиновича дорогобужскаго. Послѣдній отказалъ свой удѣлъ, помимо роднаго брата Еремѣя и Василя Михайловича, кн. микулинскому, котораго особенно любилъ и уважалъ²⁴⁴). Спорящія стороны обратились въ Москву, къ митрополиту, который назначилъ третейскимъ судьей тверскаго владыку Василя; владыка оправилъ кн. микулинскаго. Не смотря на благопріятный исходъ дѣла, Михаилъ Александровичъ ясно видѣлъ, что Москва беретъ сторону его врага. Кромѣ того, когда, послѣ такъ называемаго «великаго пожара Всесвятскаго», Димитрій Ивановичъ съ Владиміромъ Андреевичемъ задумали укрѣпить Москву, то тогда же великій князь началъ приводить въ свою волю всѣхъ князей русскихъ, а которые не повиновались его волѣ, «и на тѣхъ нача посегати, тако же и на кн. Михаила Александровича тверскаго»²⁴⁵). Послѣднему ничего не оставалось дѣлать, какъ только искать сильнаго союзника, и онъ обратился въ Литву, къ зятю своему Ольгерду. Между тѣмъ въ его отсутствіе Василій кашинскій съ сыномъ и племянникомъ Еремѣемъ позвали въ Москву, на судъ къ митрополиту, владыку Василя, будто бы присудившаго удѣлъ кн. Семена кн. Михаилу не по правдѣ; Василій, кажется, былъ обвиненъ. Послѣ того кашинскій князь пошелъ ратью на Тверь; ему помогали московскія войска. 27-го октября Михаилъ Александровичъ пришелъ отъ Ольгерда съ вспомогательными литовскими войсками

243) Ibid. III, 88, 229; IV, 65—66 (отъѣздъ намѣстниковъ изъ Новгорода отнесенъ здѣсь къ 1367 году); V, 230—231; VIII, 14—15; Ник. IV, 12 и д.

244) Подробности см. въ соответственныхъ мѣстахъ подъ упоминаемыми здѣсь тверскими князьями, во II-мъ томѣ.

245) Ник. IV, 8, 15.

и такъ повелѣ дѣла, что кн. кашинскій попросилъ мира; Михаилъ Александровичъ взялъ миръ съ дядей, кн. Еремѣемъ и в. кн. московскимъ, но неизвестно, на какихъ условіяхъ³⁴⁶). Впрочемъ, въ томъ же **1367 г.** Еремѣй сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу и отъѣхалъ на Москву къ Димитрію Ивановичу, кажется, съ жалобами на Михаила, — по крайней мѣрѣ послѣдующія событія указываютъ на это. Въ слѣдующемъ **1368 г.** Димитрій Ивановичъ и митрополитъ лаской зазвали Михаила Александровича въ Москву, задержали тамъ, судили по дѣлу съ Еремѣемъ, а послѣ суда схватили его и бояръ его, посадили въ заключеніе и держали «въ истомленіи велицѣмъ на Гавшинѣ дворѣ». Вѣроятно, въ связи съ этими событіями стоитъ и захватъ, въ томъ же году, Владиміромъ Андреевичемъ Ржевы. Въ это время являются въ Москву три ордынскихъ князя: Карачай, Ояндаръ и Тютеша; отъ нихъ Димитрій Ивановичъ узналъ «новины нестройны себѣ пзъ орды». Эти послы, «слышавше сия (что происходило въ Москвѣ) усумнѣшась», и поэтому-то, конечно, Димитрій Ивановичъ освободилъ Михаила Александровича, укрѣпивъ его крестнымъ цѣлованіемъ (неизвестно, относительно чего), и отпустилъ въ Тверь. Впрочемъ, тогда же Димитрій Ивановичъ отнялъ у тверскаго князя Градокъ, часть княжь-Семенова удѣла, въ которомъ сѣлъ его намѣстникъ съ кн. Еремѣемъ, братомъ кн. Семена. Между тѣмъ Михаилъ Александровичъ уѣхалъ пзъ Москвы, и уѣхалъ, конечно, врагомъ великаго князя и митрополита³⁴⁷).

И такъ, Димитрій и Михаилъ, какъ бы то ни было, примирились, хотя бы только наружно. Но обстоятельства, вызвавшія это примиреніе (пріѣздъ въ Москву трехъ ордынскихъ князей), какъ видно, устранились. Въ то же время умеръ Василій кашинскій, сторонникъ Димитрія. Михаилъ становился теперь вполне и безспорно великимъ княземъ тверскимъ, и въ этомъ положеніи, имѣя несомнѣнно громадное вліяніе на удѣльныхъ князей, могъ быть опасенъ Москвѣ, особенно если взять въ расчетъ его умъ и энергію. Можетъ быть, желая вообще ослабить тверскаго князя, или предотвратить сильную коалицію со стороны тверскихъ князей противъ Москвы, Димитрій Ивановичъ въ томъ же 1368 году, вскорѣ по отбытіи Михаила изъ Москвы, послалъ сильную рать на Тверь. Михаилъ и на этотъ разъ ушелъ въ Литву и со слезами просилъ зятя помочь ему, просилъ самъ и чрезъ сестру свою, жену Ольгерда. Ольгердъ, наконецъ, внявъ просьбамъ шурина или жены своей, выступилъ въ походъ съ братомъ Кейстутомъ, племянникомъ Витовтомъ, который тогда былъ, по выраженію лѣтописца, еще «младъ и не-

246) Ник. IV, 15—17; Татищ. IV, 208—9.

247) П. С. Р. Л. VIII, 15; XV, 428; Ник. IV, 17, 19; Татищ. IV, 209, 211.

славенъ», и съ сыновьями; съ нимъ была и смоленская рать, а потомъ присоединилась и тверская. Благодаря военной тактикѣ Ольгерда — хранить въ тайнѣ цѣль и направленіе похода, — Димитрій Ивановичъ узналъ о нашествіи враговъ уже тогда, когда готовиться къ отпору было поздно. Изъ московской, коломенской и дмитровской ратей онъ наскоро составилъ сторожевой полкъ; начальство надъ нимъ ввѣрено было Димитрію Минину и Акинѣу Шубѣ, боярину Владиміра Андреевича. Между тѣмъ Ольгердъ быстро подвигался къ Москвѣ, обозначая свой путь огнемъ и мечемъ. Въ волости Холохлѣ кн. стародубскій, Семень Димитріевичъ Крапива, а въ Оболенскѣ — кн. Ковстантинъ, потомокъ Михаила черниговскаго, оказали сопротивленіе Ольгерду, но заплатили за это жизнью. Наконецъ, при рѣкѣ Тростнѣ Ольгердъ встрѣтился съ московскимъ сторожевымъ полкомъ, который, въ ожесточенной битвѣ, былъ весь истребленъ. Это было 21 ноября 1368 г. Димитрій Ивановичъ, митрополитъ, Владиміръ Андреевичъ и бояре заперлись въ Москвѣ, какъ тогда говорили, засѣли въ осаду. Три дня стоялъ Ольгердъ подъ Москвой, но города взять не могъ, а потому, сожегши посадъ и опустошивши окрестности, онъ пошелъ въ обратный путь, все предавая огню, а людей и скотъ забирая съ собой. По замѣчанію лѣтописца, такого зла и отъ татаръ не было²⁴⁸). Такъ или иначе, Михаилъ отмстилъ великому князю московскому, который долженъ былъ примириться съ нимъ и даже возвратитъ ему Градокъ и, кромѣ того, отпустить Еремѣя дорогубужскаго въ Тверь²⁴⁹).

На время великій князь московскій вынужденъ былъ оставить тверскаго князя въ покоѣ и обратитъ вниманіе свое на сѣверо-востокъ, гдѣ Псковъ находился въ неріязненныхъ отношеніяхъ какъ къ Новгороду, такъ и къ нѣмцамъ, изъ-за границъ. Димитрій Ивановичъ послалъ туда двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича. Великій князь отправлялъ и посла въ Дерптъ, но посольство это не имѣло успѣха. Прибытіе Владиміра Андреевича возстановило, по крайней мѣрѣ, согласіе между псковичами и новгородцами, совмѣстное дѣйствіе которыхъ противъ нѣмцевъ имѣло успѣхъ²⁵⁰). Между тѣмъ Москва, какъ видно, немного отдохнула и оправилась послѣ Ольгердова нашествия. Однако московскій князь, конечно, въ ожиданіи какихъ бы то ни было столкновений съ сосѣдями, обратилъ вниманіе на слабо

248) Ibid. I, 231; II, 350 (подъ 1367 годомъ); IV, 66; V, 231; VIII, 15—16; XV, 423—429; Ник. IV, 20—23 говоритъ, что Ольгердъ согласился идти на Москву, преимущественно благодаря просьбамъ жены своей, Ульяны. Битва на Тростнѣ, по Воскр. и Троицк. лѣтописямъ, произошла 21 декабря, а по Никон. — 21 ноября. — Рѣка Тростна и озеро Тростенское — въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губ.

249) Ник. IV, 24.

250) П. С. Р. Л. I, 231; III, 89; IV, 66, 191; V, 15, 231; VIII, 16; Карамз. V, 10—11.

укрѣпленные пункты: Москва еще въ предъидущемъ году была укрѣплена; теперь, въ **1369 г.**, Димитрій Ивановичъ заложилъ городъ Переяславль, который въ томъ же году и былъ срубленъ. Тогда же, — вѣроятно, за участіе въ набѣгѣ Ольгерда на Москву, — москвичи и волочане воевали смоленскія волости, а въ слѣдующемъ **1370 г.** великій князь посылалъ рать на городъ Брянскъ²⁵¹). Наконецъ, очередь опять дошла и до Твери.

Въ августѣ 1370 года Димитрій Ивановичъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу, что заставило послѣдняго отправиться въ Литву просить помощи у Ольгерда. Посланная Димитріемъ въ Тверскую землю рать предавала все мечу и огню и воротилась съ большимъ полономъ. Въ сентябрѣ самъ Димитрій выступилъ съ войсками, взялъ Зубцовъ и Микулинъ, вообще «всѣ волости и села тверскія повоевали и пожгли и пусто сотворили, а людей многое множество въ полонъ повели, и все богатство ихъ взяли, и весь скотъ ихъ взяли въ свою землю»; въ Москву Димитрій Ивановичъ и его сподвижники пошли «со многимъ богатствомъ и корыстію и землю свою всю многого скота наполниша и смириша тверичъ до зела». Между тѣмъ Ольгердъ, отвлекаемый нѣмцами, на этотъ разъ не могъ оказать помощи своему шурина. Михаилъ поѣхалъ въ орду, выхлопоталъ тамъ отъ ставленника Мамаева, хана Магометъ-султана, ярлыкъ на великое княженіе; онъ возвращался на Русь съ посломъ Сарыхожей. Димитрій Ивановичъ разставилъ по дорогамъ заставы, чтобы перехватить тверскаго князя; но Михаилу дали знать объ этомъ его московскіе доброхоты, и онъ направилъ путь въ Литву и опять просилъ у Ольгерда помощи, на этотъ разъ съ успѣхомъ. Съ Ольгердомъ, кромѣ Михаила Александровича, шли: братъ его Кейстутъ, князя литовскіе и кн. смоленскій, Святославъ Ивановичъ. Въ ноябрѣ соединенные князя подошли къ Волоку-Ламскому и пожгли посадъ, но города не взяли. Простоявъ тутъ три дня и забравши большой полонъ, они направились къ Москвѣ и пришли туда 6-го декабря. Димитрій, какъ и при первомъ нашествіи Ольгерда, затворился въ городѣ. Союзники пожгли посадъ и все, что можно было сжечь вокругъ Москвы; но, простоявъ восемь дней, города взять не могли. Между тѣмъ кн. Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ Перемышлѣ, отовсюду сзывая къ себѣ рати. Сюда пришелъ, между прочимъ, и Владиміръ Димитріевичъ, князь пронскій, съ ратью Олега Ивановича рязанскаго. Услышавъ о собраніи около

251) Ibid. V, 231; VIII, 16—17; Ник. IV, 24; «Русск. Ист.» К. Н. Б.-Рюмина, I, 400. Брянскъ воевали потому, что кн. брянскій Димитрій, или — по крайней мѣрѣ — его рати участвовали, вѣроятно, въ набѣгѣ Ольгерда на Москву. Димитрій брянскій былъ подручникомъ Ольгерда. Вѣроятно также и то, что московскій князь просто хотѣлъ возратить этотъ городъ, утраченный его отцемъ.

Владимира Андреевича большихъ силъ, Ольгердъ началъ просить у Димитрія Ивановича вѣчнаго мира, предлагая выдать дочь свою за Владимира Андреевича. Но Димитрій согласился только на перемиріе до Петрова дня. Примирившись Ольгердъ пошелъ во-свояси, но съ большой осторожностью, «озираясь сѣмо и овамо», потому что боялся погони; Михайлъ также ушелъ въ Тверь, примирившись съ московскимъ княземъ. Черезъ нѣсколько времени отъ Ольгерда явились послы, чтобы устный перемирный договоръ оформить и написать. На одной изъ договаривающихся сторонъ стояли: вел. кн. московскій и двоюродный братъ его, Владимиръ Андреевичъ; на другой — вел. кн. литовскій, князья тверскій, смоленскій и брянскій. Существенная часть договора слѣдующая: «А что кн. Михайло..... которая будетъ мѣста пограбилъ въ нашей отчинѣ въ Великомъ княженѣ, а то князю великому Олгерду мнѣ чистити, то князю Михайлу по исправѣ подавати назадъ по докончанью князя великаго Олгерда. А гдѣ будетъ кн. Михайло вослалъ въ нашу отчину въ Великое княженѣ намѣстники или волостели, а тыхъ ны сослати доловъ; а не поѣдутъ, и намъ ихъ имати, а то отъ насъ не въ измѣну. А отъ сего перемирья отъ Спжына заговѣнья до Дмитріева дни. А иметъ кн. Михайло что пакостити въ нашей отчинѣ, въ Великомъ княженѣ, или грабити, намъ ся съ нимъ вѣдати самимъ; а князю великому Олгерду, а брату его князю Кестутю и ихъ дѣтемъ за него ся не вступати». Далѣе, по этому договору, постановлено давать свободный пропускъ посламъ союзниковъ²⁵²).

Трусливое отступленіе Ольгерда отъ Москвы и выраженное имъ желаніе породниться съ московскимъ княземъ показали Михайлу, что надежды на Литву остается мало. Но не таковъ былъ Михайлъ, чтобы въ столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ смириться. Въ слѣдующемъ 1371 г. онъ обратился опять въ орду, изъ которой возвратился, въ началѣ апрѣля, въ Тверь съ ярлыкомъ на великое княженіе и съ тѣмъ же посломъ Сарыхожею. Между тѣмъ Димитрій Ивановичъ по всѣмъ городамъ великаго княженія привелъ и бояръ и черныхъ людей къ крестному цѣлованію на томъ, чтобы имъ «не даватись великому князю Михайлу Александровичу тверскому», а самъ съ Владимиромъ Андреевичемъ и войсками сталъ въ Переяславль. Михайлъ хотѣлъ войти во Владимиръ, но граждане не пустили его; а когда Сарыхожа позвалъ Димитрія къ ярлыку, — великій князь съ

252) Ibid. I, 231; V, 231; VIII, 17; Ник. IV, 25—28; Татиш. IV, 215—219; Narbutt, V, 180 и слѣд.; С. г. г. и д. I, № 31. Никон. говоритъ, что Ольгердъ пришелъ на Димитрія въ Филиппово говѣнье (отъ 15 ноября по 24 декабря) 26 января... Путаница очевидная. А ниже, согласно съ другими лѣтописями, говоритъ о приходѣ Ольгерда къ Москвѣ 6-го декабря.

гордостію, въ сознаніи своей силы, отвѣчалъ: «къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе Володимерское не пуцу (Михаила), а тебѣ, послу, путь чистъ». Въ то же время Димитрій съ честію звалъ посла къ себѣ. Тотъ, прельщенный дарамъ, отдалъ ярлыкъ Михаилу Александровичу и изъ Мологи отправился въ Москву, а Михаилъ отъ Мологи пошелъ на Бѣжецкій Верхъ, повоёвалъ его и вернулся въ Тверь 23 мая. Притязаній своихъ на великокняжескій столъ онъ все-таки не думалъ оставить: онъ послалъ въ орду хлопотать о своемъ дѣлѣ сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа, обласканный и задаренный въ Москвѣ, пришедши въ орду, восхвалялъ Димитрія за его смиреніе и добрый нравъ. Вскорѣ послѣ Сарыхожи, а именно въ половинѣ іюня, Димитрій и самъ отправился въ орду: митрополитъ Алексій проводилъ его до Оки и благословилъ на предстоящій путь. Отправляясь въ орду, великій князь написалъ духовное завѣщаніе, конечно, на всякій случай, для предосторожности. Наслѣдникомъ всего родового, благопріобрѣтеннаго имѣнія, движимаго и недвижимаго, онъ дѣлаетъ старшаго изъ наличныхъ дѣтей, Василия; но о Великомъ княженіи не говоритъ ни слова — еще такъ не окрѣпла въ немъ увѣренность, что оно останется за его сыномъ! Впрочемъ, изъ Великаго Княженія онъ отказываетъ сыну села, купленныя его отцемъ. Къ тому же времени, кажется, надобно отнести второй договоръ Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ относительно городовъ Галича и Дмитрова, удѣла кн. Ульяны и пр. Но объ этомъ договорѣ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи. — Въ Москву, между тѣмъ, прибыли литовскіе послы для заключенія мира (о чемъ мы говорили уже выше) и обрученія Ольгердовой дочери Елены съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ. Михаилъ Александровичъ, недовольный оборотомъ дѣла, опять пошелъ на Волгу, повоёвалъ Кострому, Угличъ, Мологу и Бѣжецкъ, и посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Этими набѣгами Михаилъ оскорбилъ и новгородцевъ, такъ какъ мечъ его коснулся и ихъ земли, а потому Новгородъ еще тѣснѣе примкнулъ къ вел. кн. московскому, съ которымъ заключилъ договоръ: по договорной грамотѣ Новгородъ обязывается помогать в. кн. московскому противъ Твери и Литвы, а московскій князь Новгороду — противъ Твери же и Литвы и еще противъ кѣмцевъ. — Мы сказали, что Димитрій Ивановичъ отправился въ орду... Здѣсь онъ «учти добръ» князя Мамай, хана, ханшу и пр. Это послѣднее обстоятельство всѣхъ расположило къ московскому князю, и онъ отпущенъ былъ изъ орды «со многую честію и съ пожалованіемъ»; кромѣ того, ему выдали сына Михайлова, Ивана, котораго Димитрій Ивановичъ привезъ въ Москву и держалъ на митрополичьемъ дворѣ, пока его не выкупили за ту сумму, какую будто бы далъ за него въ ордѣ самъ Димитрій, а именно 10,000 руб-

лей²⁵³). Такимъ образомъ, по выраженію лѣтописи, Димитрій Ивановичъ «супостаты свои побѣдивъ посрамъ». Но еще не совсѣмъ посрамлены были супостаты: въ Бѣжецкомъ Верху и другихъ городахъ сидѣли намѣстники главнаго супостата, князя тверскаго. По прибытіи пзъ орды, Димитрій Ивановичъ послалъ рать на Бѣжецкій Верхъ, гдѣ намѣстникъ Микхапла, Никпфоръ Лычъ, былъ убитъ москвичами; потомъ начался грабежъ по тверскимъ волостямъ. Можетъ быть, война съ Тверью и затянулась бы, но Димитрій отвлекся въ другую сторону²⁵⁴). Мы видѣли, что при второмъ нашествіи Ольгерда на Москву, рязанская рать приходила на помощь къ Владиміру Андреевичу. Неизвѣстно, что произошло послѣ того между московскимъ и рязанскимъ князьями; но 14 декабря 1371 г. Димитрій Ивановичъ послалъ, подѣ начальствомъ воеводы, кн. Димитрія Михайловича Волинскаго, рать на Олега рязанскаго. При Скорнищевѣ произошелъ бой, въ которомъ хвастливые рязанцы были побиты на голову, и самъ Олегъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. На рязанскомъ столѣ посаженъ былъ Владиміръ, кн. пронскій, котораго, впрочемъ, вскорѣ Олегъ привелъ въ свою волю²⁵⁵).

253) Ibid. I, 231—232; IV, 66; V, 231; VIII, 18; XV, 430—431; Ник. IV, 28—31. — Договорная грамота Димитрія Ивановича и Владиміра Андреевича съ новгородцами — въ Актахъ А. Э. № 8, гдѣ она отнесена къ началу 1372 года. Карамзинъ (V, 15, 17) относитъ эту грамоту къ 1371 или 1372, Бѣляевъ (II, 451) — къ 1371, Соловьевъ — къ 1367 г. на томъ основаніи, что въ этомъ году, по лѣтописямъ (III, 88), новгородцы посылали въ Москву пословъ. Но Соловьевъ забываетъ, что это посольство было отправлено по поводу ушкунничьихъ разбоевъ. Бѣляевъ, кажется, основательнѣе дѣлаетъ, относя эту грамоту къ 1371 году, когда новгородцы оскорблены были нападеніемъ тверскаго князя на ихъ волость и, естественно, должны были тѣсно примкнуть къ Москвѣ. — Передъ отъѣздомъ въ орду Димитрій Ивановичъ написалъ духовное завѣщаніе (С. г. г. и д. I, № 30) — такъ не прочна была милость ханская. — Деньги, уплаченные въ ордѣ Димитріемъ за Ивана, вѣроятно, задолжалъ Михаилъ Александровичъ, добиваясь въ ордѣ великокняжескаго стола. — Къ тому же 1371 г. относится договоръ Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ (С. г. г. и д. I, № 29). Самое выдающееся въ этой грамотѣ — условіе относительно городовъ Галича и Дмитрова. Такъ какъ грамота отъ ветхости во многихъ мѣстахъ истлѣла, то выясненіе и толкованіе содержанія ея можетъ быть спорнымъ. Думаютъ, что Димитрій Ивановичъ этимъ договоромъ хотѣлъ укрѣпить за собой Дмитровъ и Галичъ. Намъ кажется, напротивъ, что Димитрій Ивановичъ отдавалъ эти города Владиміру Андреевичу. Но объ этомъ мы будемъ еще говорить въ отдѣлѣ о князьяхъ галицкихъ, во II-мъ томѣ.

254) Никон. IV, 31.

255) П. С. Р. Л. I, 232; IV, 67; V, 231; VII, 243; VIII, 18—19; Ник. IV, 31—32. Татищевъ (IV, 223) говоритъ, что причиной войны была Лопасня: Олегъ, будто бы, просилъ у Димитрія Лопасню въ вознагражденіе за то, что его рать ходила на помощь Москвѣ при второмъ нашествіи Ольгерда; а Димитрій, будто бы, отказалъ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что рязанцы постояли только на рубежѣ, а не боронили Москвы. Хотя это и похоже на дѣло, но надобно замѣтить, что и Владиміръ Андреевичъ не шелъ къ Москвѣ на Ольгерда. См. соответственное мѣсто подѣ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ, во II-мъ томѣ.

Между тѣмъ какъ Москва расправлялась съ Рязанью, Михаилъ началъ дѣйствовать по отношенію къ Москвѣ вызывающимъ образомъ: онъ заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ и перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ 1372 г. Димитрій Еремѣевичъ съ воеводами Михаила ходилъ къ Клстмѣ, захватилъ тамошнихъ воеводъ и привелъ ихъ въ Тверь. Но не всѣ тверскіе князья были на сторонѣ Михаила: кашинскій князь, Михаилъ Васильевичъ, какъ и его предшественники, былъ не въ ладахъ съ вел. кн. тверскимъ: онъ сложилъ, въ это время, крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и заключилъ союзъ съ Димитріемъ Ивановичемъ. Между тѣмъ Михаилъ Александровичъ самъ въ 1373 г. (на Ооминой недѣлѣ) пошелъ къ Дмитрову, съ котораго взялъ окупъ; посады, волости и села пожегъ; захватилъ многихъ бояръ и простыхъ людей въ плѣнъ; наконецъ, онъ тайно подвелъ къ Переяславлю литовскую рать, съ которой были: Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, Андрей Ольгердовичъ полоцкій и Димитрій друцкій. Съ литовской же ратью онъ пошелъ наказать и Кашинъ: Переяславль и Кашинъ постигла участь Дмитрова. Приведши кашинскаго князя въ свою волю, Михаилъ 31 мая взялъ Торжокъ, въ которомъ посадилъ своихъ намѣстниковъ, чѣмъ сильно раздражилъ новгородцевъ²⁵⁶).

Наконецъ и Ольгердъ рѣшился выступить противъ Москвы. Михаилъ пошелъ на соединеніе съ нимъ. Но теперь московскаго князя уже нельзя было застать въ-расплахъ: онъ самъ выступилъ противъ соединенныхъ князей съ многочисленной ратью и, встрѣтившись съ ними, около половины іюля, при Любутскѣ, разбилъ на голову сторожевой полкъ и привелъ въ смятеніе самого Ольгерда, который бѣжалъ за крутой оврагъ, такъ что московскому князю уже не удобно было продолжать наступленіе. Враги простояли другъ противъ друга нѣсколько дней и, наконецъ, примирились или, лучше сказать, заключили перемиріе отъ конца іюля почти до конца октября, и разошлись. Въ перемирной грамотѣ замѣчательно, между прочимъ, то, что договорныя статьи, которыя долженъ, по требованію московскаго князя, выполнять Михаилъ, принимаются для послѣдняго Ольгердомъ. Въ договорѣ съ одной стороны участвуютъ: Михаилъ тверскій, Димитрій брянскій и тѣ князья, которые будутъ «въ имени его», т. е. Ольгерда, а также и Святославъ смоленскій; на сторонѣ московскаго князя значатся рязанскіе князья: Олегъ, Романъ и Владиміръ. Михаилъ, по этому договору, долженъ возвратить все; что онъ нагребилъ въ Великомъ Кня-

256) Ibid. I, 231—232; IV, 67; VIII, 19; XV, 430—433; Ник. IV, 33. О дѣлахъ новгородско-тверскихъ см. подъ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ, во II-мъ томѣ.

женіи Московскомъ на первомъ, второмъ и третьемъ перемиріи; намѣстниковъ или волостелей, оставленныхъ имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Московскаго Княженія — вывести; если во время перемирія Михаилъ будетъ грабить въ Великомъ Княженіи Московскомъ, то Димитрій Ивановичъ самъ будетъ съ нимъ вѣдаться, а Ольгердъ не вступается. Что касается людей, которые пошли въ орду жаловаться на Михаила, то будетъ такъ, какъ угодно Богу и царю, т. е. хану²⁵⁷). Но миръ между московскимъ и тверскимъ княземъ еще не былъ закрѣпленъ нѣкоторое время. Этому препятствовало, можетъ быть, то обстоятельство, что Димитрій Ивановичъ долженъ былъ все лѣто **1373** года простоять на Окѣ, чтобы не допускать въ свою отчину Мамаевыхъ татаръ, пустошившихъ тогда Рязань. Наконецъ, въ исходѣ 1373 года тверскій князь заключилъ миръ съ великимъ княземъ московскимъ: послѣдній отпустилъ изъ Москвы Ивана Михайловича (конечно, за сумму, какую заплатилъ за него Димитрій въ ордѣ. См. выше), а Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ занятыхъ имъ волостей Великаго Княжества Владиміро-Московского²⁵⁸).

Съ **1374** года обстоятельства для великаго князя московскаго начинаютъ складываться какъ будто неблагопріятно: въ лѣтописи замѣчено, что у князя Димитрія было размирье съ Мамаемъ, который почему-то гнѣвался на вел. кн. московскаго. Можетъ быть, причиной гнѣва Мамаева было избіеніе, въ Нижнемъ-Новгородѣ, отряда татаръ, во главѣ которыхъ стоялъ посолъ Сарайко, убитый сыномъ Константина нижегородскаго, Васильемъ Кирдяпой. Но татары не остались въ долгу у Нижняго-Новгорода: въ **1375 г.** они опустошили берега Киши и Пьяны, — впрочемъ, только этимъ и ограничились: энергичнѣ Мамай не могъ дѣйствовать потому, вѣроятно, что въ ордѣ тогда былъ сильный моръ²⁵⁹).

257) Ibid. I, 232 (подъ 1373 г.); IV, 69; V, 233; VIII, 20 (подъ 1373 г.); XV, 433; Ник. IV, 36; С. г. г. и д. I, № 31. — Любутскъ — нынѣ село Калужскаго уѣзда (см. «Географ. стат. слов. Росс. Имперіи», III, 123). Столкновение подъ Любутскомъ лѣтописи относятъ къ 1372 году. Но если, по тѣмъ же лѣтописямъ, взять въ расчетъ мѣсяцы, упоминаемые подъ 6879, 6880 и 6881 годами, то выйдетъ не 1372, а 1373 годъ. — Перемиріе заключено отъ «Спожина заговѣнья» (Госпожина, т. е. Пр. Богородицы), т. е. отъ кануна Успенскаго поста (31 июля) до Дмитріева дня (Димитрій Селунскій — 26 октября), а потому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, какъ, напр., въ Новгор. четвертой, ошибочно выставляется здѣсь мѣсяцъ іюнь. — Упоминаемый въ договорѣ кн. Романъ, по справедливому замѣчанію Д. И. Плавайскаго («Ист. Ряз. княж.», прим. 160), не есть рязанскій, какъ онъ названъ въ договорѣ, а новосильскій. Думаемъ, что онъ названъ рязанскимъ потому, что если не совсѣмъ, то до нѣкоторой степени былъ подручнымъ Олегу. Но почему и онъ названъ великимъ, объяснить трудно.

258) Ibid.

259) Ibid. VIII, 22; Ник. IV, 40—41; Татищ. IV, 231. Въ Никон. лѣт., вѣроятно, по ошибкѣ переписчика, вмѣсто *Киши* поставлено *Кашинъ*, откуда Н. И. Костомаровъ, въ своей

Между тѣмъ въ Твери опять начинается раздоръ между Василіемъ Михайловичемъ кашинскимъ и вел. кн. Михаиломъ Александровичемъ: Василій Михайловичъ сложилъ крестное цѣлованіе къ князю тверскому и ушелъ въ Москву, а отсюда — въ орду. Въ то же время, т. е. въ томъ же 1374 году, въ Москвѣ умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Сынъ его Иванъ, кажется, рассчитывалъ занять мѣсто отца, — но великій князь не хотѣлъ никого назначать на мѣсто умершаго, т. е. не хотѣлъ, какъ видно, самаго существованія этого чина въ Москвѣ. Тогда Иванъ Вельяминовъ и какой-то Некоматъ сурожанинъ (купецъ, торгующій южными товарами), вѣроятно, также чѣмъ-нибудь недовольные, бѣжали въ Тверь и настроили Михаила противъ великаго князя московскаго. Бѣглецы вскорѣ отправились въ орду хлопотать за Михаила, а самъ Михаилъ пошелъ въ Литву, гдѣ ему обѣщали помощь. Это было въ самомъ концѣ зимы, а въ іюлѣ слѣдующаго уже 1375 года Некоматъ, въ сопровожденіи посла Ачпхожи, явился къ Михаилу съ ярлыкомъ на великокняжескій столъ. Въ тотъ же день Михаилъ послалъ въ Москву — сложить крестное цѣлованіе къ Димитрію Ивановичу, и отправилъ въ Торжокъ своихъ намѣстниковъ, а въ Угличъ — рать²⁶⁰).

Димитрій Ивановичъ, выступая въ походъ противъ Твери, повсюду разослалъ грамоты, которыми созывалъ князей подъ свои стяги въ Волок-Ламскій; сюда явились съ своими дружинами: тестъ его Димитрій Константиновичъ и сынъ послѣдняго Семень, Владиміръ Андреевичъ серпуховскій, Борисъ Константиновичъ городецкій, Андрей Ѳеодоровичъ ростовскій, Василій и братъ его Александръ Константиновичи ростовскіе, Иванъ Васильевичъ смоленскій, Василій Васильевичъ и Романъ Васильевичъ ярославскіе, Ѳеодоръ Романовичъ бѣлозерскій, Василій Михайловичъ кашинскій, Андрей Ѳеодоровичъ стародубскій, Романъ Михайловичъ брянскій, Романъ Семеновичъ новоспльскій, Семень Константиновичъ оболенскій, братъ его Иванъ тарусскій и др.; пристали и новоторжцы. 29 іюля соединенные князья вы-

статьѣ «Церковно-историческая критика» («Вѣсти. Европы», 1870 г. № 4), дѣлаетъ серьезныя заключенія: онъ говоритъ, что тверской князь послалъ въ орду московскихъ перебѣжчиковъ (Вельяминова и Некомата) подвѣять татаръ на враждебный ему Кашинъ. Но татары опустошали берега Кашы (а не Кашинъ), впадающей въ р. Суру, прежде отхода въ орду московскихъ бѣглецовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить мѣста разныхъ лѣтописей, относящихся къ одному и тому же предмету.

260) Ibid. IV, 69—70; V, 233; VIII, 22; XV, 434; Ник. IV, 40—42. Что такое *сурожанинъ*, до нѣкоторой степени объясняетъ одно мѣсто Никон. лѣтописи (IV, 101): «Поля же тогда князь великій (Димитрій Ивановичъ, когда шелъ на Мамая) съ собою десеть мужей сурожанъ гостей видѣния ради, аще что Богъ случить, имуть повѣдати в дальнихъ земляхъ, яко сходницы суть с земли на землю, и знаеми всеми і во ордахъ и въ Фрязахъ» и пр.

ступили изъ Волока и по пути къ Твери все предавали опустошенію; 1 августа они взяли Микулинъ, а 5-го были уже подъ Тверью. Отсюда Димитрій Ивановичъ послалъ за новгородцами, которые вооружились въ три дня, «своего князя честь изводяще, паче же свою отмщающе обиду, бывшую у Торжъку» (въ 1372 г.); они, по замѣчанію лѣтописца, «скрежетаху зубы на Тверичъ». Августа 8 князья сдѣлали приступъ къ Твери, который былъ отбитъ. Мѣсяцъ простояли князья подъ городомъ и въ это время «учиниша всѣ волости тверскія пусты»; города: Зубцовъ, Бѣлгородъ, Градокъ и многіе другіе были взяты; множество людей побито, а скотъ и имущество ихъ побѣдители забирали съ собой. Напрасно Михаилъ ожидалъ помощи изъ орды и Литвы. Впрочемъ, литовская рать подходила къ мѣсту военныхъ дѣйствій, но, узнавши, что около Твери находится самъ Димитрій Ивановичъ съ громадными силами, бѣжала назадъ. Михаилъ, «видя свое изнеможеніе, понеже вся Русская земля возста на него», долженъ былъ покориться в. кн. московскому: онъ высылалъ къ послѣднему владыку Евѣимію и старѣйшихъ бояръ «съ челобитьемъ прося мира и во всю волю давая». Димитрій Ивановичъ принялъ предложеніе, и тверскій князь заключилъ мирные договоры какъ съ в. кн. московскимъ, такъ и съ Новгородомъ. 3 сентября московское войско отступило отъ Твери. Въ силу упомятаго договора, *великій* князь тверскій считается младшимъ братомъ Димитрія наравнѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ; когда московскій князь или братъ его, Владиміръ Андреевичъ, выступитъ въ походъ, и тверскій князь садится на коня, — а если посланы будутъ воеводы, то и тверскій князь посылаетъ воеводу. Кромѣ того, Михаилъ обязался за себя, за дѣтей своихъ и племянниковъ не искать ни Москвы, ни Великаго Княженія, ни Новгорода; не принимать Великаго Княженія, если бы даже сами татары стали его предлагать ему. Но и Димитрій, съ своей стороны, обязывается не принимать отъ татаръ Твери. Далѣе, Михаилъ обязался не вступаться въ Кашинъ, который, такимъ образомъ, становился самостоятельнымъ, что не могло не ослаблять тверскаго князя; выходомъ Кашинъ не тянетъ къ Твери; забранныхъ кашинскихъ бояръ или слугъ и людей Михаилъ обязывается отпустить; если Михаилъ будетъ обижать Кашинъ, то московскій князь будетъ бороться его. Относительно татаръ постановлено: «съ татары оже будетъ намъ миръ — по думѣ, а будетъ намъ дати миръ — по думѣ же; а пойдутъ на насъ татарове или на тебе, битися намъ и тебе съ одного всѣмъ противу ихъ»; равнымъ образомъ если одинъ изъ договаривающихся пойдетъ противъ татаръ, другой долженъ помогать ему. Михаилъ обязался отказаться и отъ союза съ Ольгердомъ, его братьями, дѣтьми и племянниками, даже воевать съ нимъ въ случаѣ нападенія Литвы

на кн. московскаго или смоленскаго. Далѣе выставлены слѣдующія обязательства съ обѣихъ сторонъ: забранные Михаиломъ люди великаго князя московскаго должны быть, по прежнему цѣлованью, отпущены, а порука съ поручителей за нихъ должна быть снята; все пограбленное у бояръ, людей и слугъ великаго князя, на цѣлованьи ли или на размырь, какъ и самыхъ владѣльцевъ пограбленнаго, если они взяты Михаиломъ, послѣдній долженъ отдать «по Семени дни за недѣлю» (Симеонъ столпникъ — 1-го сентября); всему, что Михаилъ взялъ «войной» у великаго князя въ продолженіе мѣсяца со времени прихода московскихъ войскъ къ Твери (5-го августа), «тому всему... погребъ», какъ «погребъ», т. е. забвеніе, и всему тому, что московскій князь взялъ или отвоевалъ у тверскаго со времени сложения Михаиломъ цѣлованія къ Димитрію; между Новгородомъ и Тверью устанавливаются тѣ же границы, какія были при Иванѣ Калитѣ и его сыновьяхъ; въ помянутыхъ городахъ, а также и новгородскихъ пригородахъ, Михаилъ обязуется не держать закладней и не давать грамотъ; земли и воды тѣхъ новгородскихъ бояръ и слугъ, которые будутъ служить Михаилу, вѣдаетъ Новгородъ; все взятое въ Торжкѣ, какъ-то: колокола, книги и другое церковное имущество, а также все пограбленное тверичами по волостямъ, Михаилъ долженъ возвратить; кто изъ новоторжцевъ, по взятіи Михаиломъ Торжка, проданъ ему въ дерноватые холопы, тѣхъ тверскій князь долженъ отпустить, а грамоты дерноватыя уничтожить, причемъ новгородцы и новоторжцы, приведенные имъ къ цѣлованію, складываютъ это послѣднее; гостямъ и торговцамъ Новгорода, Торжка и пригородовъ тверскій князь долженъ «дати путь чистъ безъ рубежа» чрезъ Тверь и тверскія волости и не назначать новыхъ мытовъ и пошлинъ. Наконецъ, по этому договору бояре и слуги вольные могутъ свободно отъѣзжать отъ одного князя къ другому, удерживая за собою села въ покинутыхъ ими волостяхъ. Это послѣднее право не распространяется только на Ивана Васильевича Вельяминова, сына послѣдняго московскаго тысяцкаго, и Некомата, села которыхъ московскій князь оставилъ за собой. Относительно тверичей, служащихъ въ Московской землѣ, и москвичей — въ Тверской землѣ, положено брать на нихъ дань, какъ и на своихъ, — но съ полныхъ холоповъ дани не брать. Замѣчательно, что по спорнымъ дѣламъ между обоими князьями, въ случаѣ, если бояре того и другаго, съѣхавшись на рубежъ, не придутъ къ мирному рѣшенію спорнаго дѣла, послѣднее отдается «на третій на князя на великаго на Олга», т. е. на третейскій судъ великаго князя рязанскаго²⁶¹).

261) Ibid. I, 232; III, 90, 231 (подъ 1376 годомъ); IV, 70—71; V, 233—235; VIII, 22—23; XV, 434—435; Ник. IV, 43; Татищ. IV, 234; С. г. г. и д. I, №№ 16, 17 и 28. Издатели отно-

Нѣкоторые изъ князей, помогавшихъ въ тверской войнѣ Димитрію Ивановичу, подверглись нападенію прежнихъ союзниковъ Михаила: такъ, въ томъ же году Ольгердъ опустошилъ Смоленскую волость, а татары попустили волости Нижегородскую и Новосильскую; и Ольгердъ и татары говорили князьямъ этихъ волостей, зачѣмъ они ходили ратью на тверскаго князя²⁶²)? Московскій князь, въ свою очередь, посылалъ въ 1376 г. Владиміра Андреевича къ Ржеву, подъ которымъ тотъ простоялъ три дня, города не взялъ и только сжегъ посадъ²⁶³). Въ лѣтописи есть указаніе и на то, что Димитрій ожидалъ, въ томъ же 1376 г., нападенія со стороны татаръ, почему, «стерегаяся рати татарскія отъ Мамаю», ходилъ за Оку²⁶⁴). Въ то же время, — не видно только изъ лѣтописей, почему, — Димитрій Ивановичъ послалъ на болгаръ рать подъ начальствомъ кн. Димитрія Михайловича Волынскаго, а тестъ его, Димитрій Константиновичъ, послалъ съ своей ратью двухъ сыновей, Василія и Ивана, и бояръ. Русскія рати пришли къ г. Болгарамъ 16 марта (слѣд. уже въ 1377 году). Восточныя военныя хитрости — пусканіе стрѣлъ не по людямъ, а по конямъ, произведеніе со стѣнъ какого-то грома, выставка противъ конницы верблюдовъ для приведенія коней въ смятеніе — не помогли: послѣ боя болгары, преслѣдуемые русскими, бѣжали въ городъ. Болгарскіе князья, наконецъ, добились челомъ великому князю и тестю его двумя тысячами рублей, а ихъ ратямъ — тремя тысячами; кромѣ того русскіе посадили въ Болгарахъ дорогу и таможенниковъ великаго князя²⁶⁵).

Въ томъ же 1377 году въ Москвѣ было получено извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода отъ Димитрія Константиновича, что за Волгу перебѣжалъ изъ Синей Орды царевичъ Арапша съ намѣреніемъ напасть на Нижній-Новгородъ. Димитрій Ивановичъ пришелъ на помощь къ своему тестю съ ратями: владимірской, переяславской, юрьевской, муромской и ярославской;

сятъ грамату № 28 къ 1368 г. не вѣрно: заключающіяся въ ней указанія на такіе факты, какъ приходъ Димитрія Ивановича къ Твери, и на такія лица, какъ Иванъ Вельяминовъ и Некоматъ, точнѣе опредѣляютъ время, когда и вслѣдствіе чего состоялся этотъ договоръ.

262) Ник. IV, 45—46; Татищ. IV, 237.

263) П. С. Р. Л. I, 232; Ник. IV, 47; Татищ. IV, 238.

264) Ник. IV, 46; Татищ. IV, 237.

265) П. С. Р. Л. VIII, 24—25; Ник. IV, 47—48: «на Болгары, рекше на Казань»; Ник. говоритъ также, что казанскіе князья дали Димитрію Ивановичу 1000 рублей, Димитрію Константиновичу — тоже 1000, а ратямъ — 3000 рублей, и что русскіе князья посадили въ Болгарахъ *дорогу* и *таможенниковъ* — сборщиковъ податей. О монгольскихъ чиновникахъ на Руси, какъ *дорога*, *таможники* и пр., см. статью И. Д. Бѣляева въ первой книгѣ «Архива историко-юридич. свѣдѣній», изд. Н. Калачевымъ, и Березина объ устройствѣ Улуса Джучіева въ «Трудахъ вост. отд. Археол. Общ.», кн. VIII; ст. Березина была напечатана и въ «Ж. М. Н. Пр.»

но такъ какъ вѣстей объ Арапшѣ болѣе никакихъ не приходило, то онъ, оставивъ рати въ Нижнемъ-Новгородѣ, самъ вернулся въ Москву. Тѣмъ не менѣе соединенныя рати двинулись за р. Пьяну и здѣсь получили извѣстiе, что Арапша далеко, на Волчьихъ водахъ около Донца, а потому вели себя весьма неосторожно: поскидали (былъ конецъ iюля и погода стояла жаркая) доспѣхи и ходили въ простомъ платьѣ; оружіе — сулицы, рога-тины, копыя — было въ безпорядкѣ; кромѣ того, при случаѣ, напивались допьяна и хвастались тѣмъ, что каждый изъ нихъ одинъ можетъ стоять противъ сотни татаръ. Не лучше простыхъ ратниковъ вели себя и бояре и воеводы. Между тѣмъ мордовскіе князья тайно подвели Арапшу, который 2 августа со всѣхъ сторонъ ударилъ на русскихъ: произошелъ страшный переполохъ между послѣдними; они въ ужасѣ побѣжали къ р. Пьянѣ; множество было изрублено татарами, многіе потонули въ рѣкѣ и, между прочимъ, кн. Иванъ Дмитріевичъ нижегородскій со множествомъ бояръ и слугъ. Послѣ того Нижній-Новгородъ былъ сожженъ. Теперь и Мордва подняла голову: по уходѣ Арапши она начала пустошить нижегородскія окрестности (въ началѣ августа). Борисъ Константиновичъ нагналъ этихъ хищниковъ и частію истребилъ оружіемъ, частію потопилъ въ рѣкѣ. Независимо отъ этого, князья московскій и нижегородскій, бѣжавшій изъ Нижняго въ Суздаль, послали въ Мордовскую землю сильное войско, которое «сотворило ее пустою»; плѣнныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ казнили и травили на льду Волги собаками ²⁶⁶).

Въ Литвѣ, между тѣмъ, происходили смуты: въ 1377 году умеръ Ольгердъ, и великокняжескій столъ занялъ сынъ его, Ягайло, помимо старшаго брата, Андрея полоцкаго (отъ перваго брака). Послѣдній хотѣлъ поддержать права свои вооруженной рукой, но, не нашедши себѣ нигдѣ помощи, лишился своей волости, бѣжалъ, въ 1378 г., въ Псковъ, а оттуда — въ Москву къ Димитрію Ивановичу, который принялъ его «съ любовью» ²⁶⁷).

Обезпеченный съ запада, со стороны Литвы, гдѣ спорили за Вильну дядя и племянникъ — Кейстутъ и Ягайло — и приводили въ свою землю нѣмцевъ, Димитрій Ивановичъ долженъ былъ обратить вниманіе на востокъ, откуда начинаютъ угрожать татары. Въ 1378 г. они подступили къ Нижнему-Новгороду и, не взявши съ тамошняго князя окупа, который этотъ послѣдній предлагалъ имъ, сожгли городъ. Отсюда Мамай послалъ на мо-

266) П. С. Р. Л. III, 91; IV, 71; V, 236; VIII, 25—26; Ник. IV, 47—48, 51—55. Въ Новгор. четвертой, какъ и въ первой, дѣло на р. Пьянѣ отмѣчено подъ 1378 годомъ. — Въ томъ же 1377 году митр. Алексій, передъ своей кончиной, призывалъ къ себѣ Димитрія Ивановича и «далъ ему миръ и благословеніе».

267) Ibid. III, 91; V, 237; VIII, 33; Ник. IV, 82.

сковскаго князя войско подъ начальствомъ ордынскаго мурзы Бегича; Димитрій вышелъ за Оку, въ Рязанскую землю, и здѣсь, на берегахъ р. Вожи, встрѣтился съ татарами. 11 августа татары, переправившись черезъ рѣку, бросились на русскіе полки, но увидѣвъ, что они стоятъ крѣпко, Бегичъ приказалъ татарамъ ѣхать тише и пускать въ непріятеля стрѣлы. Русскіе, съ одной стороны — кн. Данилъ пронскій, съ другой — окольничій великаго князя Тимофей, а самъ великій князь — съ фронта, дружно ударили на татаръ и погнали ихъ къ рѣкѣ: многіе изъ послѣднихъ были изрублены, а многіе потонули въ рѣкѣ; въ числѣ убитыхъ много было знатныхъ мурзъ. Ночь не позволила преслѣдовать оторопѣвшихъ татаръ; на слѣдующій день утромъ также мѣшалъ преслѣдовать ихъ густой туманъ, и только около полудня великій князь пустился въ погоню. Татаръ русскіе не могли нагнать, но въ полѣ нашли брошенными ихъ вежи, шатры, телѣги и т. п. и множество разнаго товару. Эта битва важна тѣмъ, что она была первой удачной для русскихъ битвой съ татарами. Местъ Мамаея за Вожскую битву ограничилась пока только набѣгомъ татаръ въ 1379 году на Рязанскую землю, но за Оку они не переступали²⁶⁸).

Мы уже упоминали, что по смерти Ольгерда (1377 г.) въ Литвѣ начались смуты. Димитрій Ивановичъ воспользовался ими и въ 1379 г. послалъ кн. Владиміра Андреевича, Андрея Ольгердовича и Димитрія Михайловича Вольнскаго воевать Литовскую землю: князя взяли Трубчевскъ и Стародубъ; трубчевскій князь Димитрій Ольгердовичъ, братъ Андрея, добровольно пошелъ съ женой, дѣтьми и боярами въ Москву, урядился съ великимъ княземъ и крѣпость взялъ, т. е. присягнулъ на службу великому князю московскому, который принялъ его съ честію и далъ ему Переяславль со всѣми пошлинами²⁶⁹).

268) Ibid. I, 232; VIII, 32—33; XV, 439; по III, 91, — IV, 74—75, и по V, 237—въ 1379 году. Ник. IV, 80—81 говоритъ, что на одномъ крылѣ стоялъ Данилъ пронскій, а на другомъ — Андрей Ольгердовичъ полоцкій. . Очевъ можетъ быть, что Андрей полоцкій вообще участвовалъ въ этой битвѣ. Далѣе, та же лѣтопись передаетъ, что тогда же поймали пришедшаго изъ орды попа тысяцкаго Ивана Васильевича съ мѣшкомъ зелья; допрашивали, пытали этого попа и, наконецъ, сослали его на озеро Лаче, гдѣ былъ — поясняетъ лѣтопись — Данилъ Заточникъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Серпуховѣ пойманъ былъ, пришедшій также изъ орды, самъ Иванъ Васильевичъ, который сложилъ голову, при большомъ стеченіи народа, на Кучковомъ полѣ — первая публичная казнь на Руси. Что касается Некомата, то онъ казненъ въ 1383 году. См. Ник. IV, 144 (названъ Коматомъ, княземъ литовск.); Воскр. (т. VIII) 49. — Небольшая рѣчка Вожа, принимающая въ себя еще меньшую рѣчку Мечу, течетъ въ Рязанскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Оку въ 20 верстахъ выше Рязани.

269) Ibid. IV, 75; V, 233; VIII, 34; Ник. IV, 84. Кажется, въ это самое время вышла размолвка между Димитріемъ Ивановичемъ и Новгородомъ, но не извѣстно, по какой причинѣ. Въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что въ 1380 году весь Новгородъ билъ челомъ владыкѣ своему Алексію, чтобы онъ поѣхалъ посломъ къ великому князю; владыка съ посадни-

Наступилъ достопамятный въ исторіи Руси **1380** годъ. Мамай, конечно, не могъ простить Димитрію пораженія татаръ на берегахъ Вожи тѣмъ болѣе, что онъ теперь уже самъ былъ полновластнымъ ханомъ: онъ готовился къ походу на Московскую землю. Есть извѣстіе, что по совѣту приближенныхъ Мамай нанималъ для этого похода генуезцевъ, черкесовъ и ясовъ. Съ своими полчищами онъ перешелъ на правую сторону Волги, къ устью р. Воронежа. Съ ханомъ вступилъ въ союзъ и литовскій князь Ягайло, землю котораго недавно пустошили московскія рати. Димитрій Ивановичъ узналъ о враждебныхъ замыслахъ Мамае въ августѣ и сталъ готовиться къ встрѣчѣ непріятеля: послалъ за подручными князьями — ростовскимъ, ярославскимъ и бѣлозерскимъ; но о новгородцахъ, нижегородцахъ и смолянцахъ мы не находимъ извѣстій, чтобы они принимали участіе въ походѣ Димитрія; участіе въ походѣ Ивана Всеволодовича холмскаго (изъ тверскихъ) — сомнительно; что же касается Олега рязанскаго, то онъ находился, такъ сказать, между двухъ огней: ему приходилось, для охраненія своей земли отъ опустошенія, при неизвѣстности, на которой сторонѣ будетъ верхъ, хитрить, — и вотъ, онъ входитъ въ тайныя сношенія съ Мамаемъ и его союзникомъ, Ягайломъ. Олегъ и Ягайло — есть извѣстія — думали подѣлить между собою Московскую землю, когда Димитрій бѣжитъ изъ нея отъ соединенныхъ татарско-литовскихъ и рязанскихъ силъ въ Новгородъ или на Двину. Но въ то же время рязанскій князь старается показаться передъ Димитріемъ доброжелателемъ его: онъ извѣщаетъ московскаго князя о приготовленіяхъ противъ него Мамае. — Подкрѣпивши себя молитвой въ Успенскомъ соборѣ, Димитрій послалъ къ Владиміру Андреевичу, ростовскимъ, ярославскимъ и бѣлозерскимъ князьямъ и воеводамъ сказать, чтобы они шли съ полками своими на соединеніе съ нимъ. Сборнымъ пунктомъ назначена Коломна на 15 августа. Побывавши въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ св. Сергій благословилъ его на брань съ невѣрными, предрекая побѣду, и отпустилъ съ нимъ двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, Димитрій отправился въ Коломну, оставивъ въ Москвѣ, при своемъ семействѣ, воеводу Федора Андреевича. Въ Коломнѣ собрались полки: коломенскій, владимірскій, костромской и переяславскій; тутъ же были и братья Ольгердовичи, Андрей и Димитрій. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что около Димитрія Ивановича собралось тысячъ полтораста или двѣсти войска, что такой силы никогда не бывало на Руси. Мамай, можетъ быть, потому, что видѣлъ дѣятельныя приготовленія

камъ и боярами отправился въ Москву, гдѣ съ любовію принятъ былъ великимъ княземъ, который цѣловалъ къ Новгороду крестъ на всей новгородской старинѣ и на старыхъ грамотахъ. П. С. Р. Л. III, 91; IV, 75; V, 238.

Димитрія къ войнѣ, попытался сначала войти въ сношенія съ послѣднимъ: онъ прислалъ пословъ къ московскому князю въ Коломну просить такого выхода, какой великіе князья платили при Узбекѣ; но Димитрій предлагалъ выходъ «по своему докончанью», т. е. по прежнему его условію съ Мамаемъ, на что послѣдній, «высоко мысляше», не согласился. Здѣсь же, на Коломнѣ, Димитрій Ивановичъ узналъ и объ измѣнѣ Олега рязанскаго. — Получивъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима, Димитрій Ивановичъ 20 августа выступилъ изъ города; онъ остановился на берегу Оки, при устьѣ Лопастны; здѣсь присоединился къ нему Владиміръ Андреевичъ съ войскомъ, остававшимся въ Москвѣ, а также московскій воевода Тимошей Васильевичъ Вельямновъ съ остальными полками. Въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1-го сентября), Димитрій приказалъ полкамъ переправляться на другую сторону Оки, причемъ было внушено воинамъ, чтобы, идучи по Рязанской землѣ, они никого и ничего не трогали, ни у кого ничего не брали. На слѣдующій день за Оку переправился и самъ великій князь. 6-го сентября русскіе полки пришли къ Дону, гдѣ получена была отъ св. Сергія грамота, ободрявшая и благословлявшая великаго князя на бой съ татарами. Послѣ совѣщаній о томъ, переправляться или нѣтъ за Донъ, Димитрій приказалъ строить мосты чрезъ рѣку и искать бродовъ, а въ самый день Рождества Богородицы, съ восходомъ солнца, началъ переправлять черезъ Донъ полки, которые строились при устьѣ рѣки Непрядвы. Сентября 8 около полудня начали показываться татары. Вскорѣ потомъ началось такое побоище, какого, по замѣчанію летописца, еще никогда не бывало на Руси. Полки, бывшіе въ засадѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, рѣшили битву: Мамай бѣжалъ, русскіе преслѣдовали татаръ до р. Мечи и забрали весь станъ ихъ. Ягайло, находившійся у г. Одоева только въ днѣ пути отъ мѣста битвы, также бѣжалъ, узнавъ о пораженіи Мамай. Возвратившись изъ погони, Владиміръ Андреевичъ «сталъ на косяхъ» и приказалъ трубить; всѣ собрались, — не было только великаго князя. Стали искать его и нашли подъ вѣтвями срубленнаго дерева; Владиміръ Андреевичъ объявилъ ему о побѣдѣ надъ татарами. Димитрій едва пришелъ въ себя: хотя на тѣлѣ его и не было ранъ, но панцырь его былъ весь измятъ отъ непріятельскихъ ударовъ. — Съ Куликова поля войска возвращались также чрезъ Рязанскую землю и съ тѣми же предосторожностями, какъ и тогда, когда шли къ Дону. Но на этотъ разъ дѣло обошлось не совсѣмъ благополучно: Олегъ, приказавъ препятствовать свободному движенію побѣдителей Мамай, самъ бѣжалъ въ Литву; между москвичами и рязанцами неизбежно происходили столкновенія. Димитрій хотѣлъ нака-

затѣ дерзость рязанцевъ и рать его уже готова была къ походу на Рязань; но явились рязанскіе бояре и били ему челомъ о мирѣ. Димитрій Ивановичъ далъ Рязани миръ, но посадилъ въ ней своихъ намѣстниковъ. Вскорѣ послѣ этого явился изъ Литвы Олегъ, и князья заключили между собою договоръ, по которому они обязывались жить въ братствѣ, желать другъ другу добра, извѣщать одинъ другаго о всемъ, что ни услышатъ о своемъ добрѣ или лхѣ отъ христіанина или отъ поганина, владѣть своими удѣлами и не вступаться одному въ удѣлъ другаго; дѣйствовать всегда заодно; не заключать, безъ обоюднаго согласія, ни съ кѣмъ мира, а паче съ Литвой и татарами; помогать другъ другу противъ общихъ враговъ и пр. Олегъ, по этому договору, считается младшимъ братомъ Донскаго. Кромѣ того, въ этомъ договорѣ точно опредѣляются границы Московской и Рязанской земель и перечисляются рязанскія мѣста, приобрѣтенныя Москвой, вѣроятно, еще при Иванѣ Ивановичѣ, а теперь, по этому договору, окончательно утвержденныхъ за Димитріемъ. Олегъ, затѣмъ, уступилъ послѣднему три мѣста: Тальцы, Выползовъ и Такасовъ. Но и Олегу слѣлана была уступка: ему возвращены были тѣ мѣста на рязанской сторонѣ, т. е. за Окой, которыя со временъ Ивана Ивановича считались за Москвой, какъ Лопастна, Мстиславль, Жадене Городище, Жадемль и др. Тула осталась за Димитріемъ, но въ вѣдѣніи ханскихъ баскаковъ, какъ было при ханшѣ Тайдулѣ; куплю свою, Мещеру, Димитрій укрѣпилъ за собой; говорится также въ договорѣ о татарскихъ мѣстахъ, взятыхъ обоими князьями, изъ которыхъ каждый долженъ пользоваться своими приобрѣтеніями. Между тѣмъ Мамай опять началъ собирать войска, чтобы идти на московскаго князя, но былъ оставленъ ханомъ Тохтамышемъ, пришедшимъ изъ-за р. Яика (Урала): враги встрѣтились на берегахъ р. Калки; разбитый Мамай бѣжалъ въ Кабу, гдѣ былъ убитъ генуезцами ²⁷⁰).

270) Ibid. I, 232—233; II, 227; III, 91—92, 231; IV, 75, 79—82, 193; V, 16, 238; VI, 90—97; VIII, 34, 38—41; Ник. IV, 98—122; С. г. г. и д. I, № 32; Сказ. русск. нар. Сахарова, IV, 66. Тверская лѣт., не сообщая никакихъ свѣдѣній о Куликовской битвѣ, говоритъ о «писаніи» Софонія-рязанца, брянскаго боярина, на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. Очевидно, у лѣтописца было подъ руками какое-нибудь отдѣльное сказаніе. Въ «Словѣ о в. кн. Димитріи Ивановичѣ» и пр. (иначе «Задонщина»). Напечатано съ предисловіемъ Бѣляева во «Времени. Общ. Ист. и Др.» кн. XIV. М. 1852, а также Срезневскимъ въ «Извѣст. 2-го отд. Акад. Наукъ», т. VI, вып. V; наконецъ, архим. Варлаамомъ въ «Ученыхъ Зап. 2-го отд. Акад. Наукъ», V) неизвѣстный авторъ ссылается прямо на этого Софонія, который, можетъ быть, послужилъ образцомъ для другихъ, почему до насъ и дошло сравнительно большое число редакцій Сказанія о Куликовской битвѣ. Объ этихъ сказаніяхъ см. ст. Хрущова въ «Труд. третьяго археол. съѣзда, II: «О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву». — Новгородская вторая всѣ событія относитъ къ 1381 году. — Мѣсто засаднаго полка правдоподобно указываютъ на правомъ берегу

И такъ, въ ордѣ воцарился Тохтамышъ. Въ томъ же **1380 г.** онъ прислалъ къ в. кн. московскому и прочимъ русскимъ князьямъ пословъ съ извѣстіемъ о своей побѣдѣ надъ Мамаемъ и о своемъ воцареніи. Димитрій, въ концѣ октября, послалъ въ орду килчеевъ съ дарами къ новому хану, а въ слѣдующемъ **1381 г.** Тохтамышъ отправилъ въ Москву посла Акхозю (Анхозю, Аххозю) съ 700 татаръ — звать великаго князя въ орду. Посолъ доѣхалъ до Нижняго-Новгорода, но въ Москву «не дерзну» ѣхать; онъ послалъ туда нѣсколько человекъ изъ своей свиты, но эти не осмѣлились идти въ столицу: должно было Куликовская битва произвела сильное впечатлѣніе на татаръ, или настроеніе тогдашняго русскаго общества, подъ вліяніемъ побѣды, было таково, что татары не рѣшались своимъ появленіемъ раздражать его. Тохтамышъ рѣшился силой оружія смирить своего улусника, но, какъ увидимъ, и онъ не совсѣмъ храбро пошелъ противъ куликовскаго героя. Сначала ханъ приказалъ перебить и пограбить русскихъ гостей въ Болгаріи, чтобы отъ нихъ не было вѣсти на Москву о его походѣ; суда этихъ гостей онъ приказалъ доставить съ товарами къ мѣсту его переправы черезъ Волгу; затѣмъ, переправившись черезъ рѣку, онъ изгономъ устремился къ Москвѣ, чтобы напасть на нее въ-расплохъ. Нижегородскій князь, на котораго прежде всего обрушилась бы сила татарская, если бы того захотѣлъ Тохтамышъ, успѣшилъ предупредить послѣдняго изъявленіемъ покорности: онъ послалъ къ хану сыновей своихъ, Василія и Семена, которые, не найдши его на предполагаемомъ ими мѣстѣ, нагнали его на украинѣ Рязанской земли. Олегъ рязанскій, естественно, также поддался страху: въ противность недавно заключенному съ Димитріемъ договору, онъ указываетъ хану броды на Окѣ, конечно, съ цѣлью обвести его такъ, чтобы Рязанская земля избавилась отъ татарскаго посѣщенія («хотяше добра не намъ, но своему княженію помогааше»). У московскаго князя на ордынскій границѣ («на предѣлахъ ордынскихъ») были «поборницы суще земли Русской», и они-то дали знать въ Москву о наступленіи Тохтамыша. Димитрій Ивановичъ на-

рѣчки Смолки, впадающей въ Донъ. Здѣсь этотъ полкъ, въ случаѣ необходимости, могъ имѣть и другое назначеніе — прикрывать переправу черезъ Донъ (см. А. Фремова: «Куликово поле». М. 1849). Князь Голицынъ («Русск. военная исторія». Ч. 1. Спб. 1877) указываетъ мѣсто этого полка за правымъ русскимъ крыломъ у р. Непрядвы. Но едва ли могъ такъ распорядиться Димитрій, потому что въ случаѣ отступленія нужно было ретироваться къ Дону, а не къ Непрядвѣ. — Въ память убитыхъ тогда же положено было поминаніе ихъ, которое и до сихъ поръ совершается въ субботу (Дмитровская суббота), которая обыкновенно бываетъ между 18 и 26 октября. — Упоминаемое въ договорѣ Димитрія Ивановича Донскаго съ Олегомъ рязанскимъ Жадене Городище принимается издателями государственныхъ грамотъ и договоровъ въ однихъ изъ послѣднихъ за одно названіе, въ другихъ — за два отдѣльныхъ селенія.

чалъ собирать полки съ намѣреніемъ выступить противъ татаръ, но на совѣтъ съ другими русскими князьями оказалось «неодиначество и неимовѣрство»: въ князьяхъ «обрѣтесе разность, не хотяху помогати». Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что причиною разногласія между князьями и нежеланія ихъ выступать противъ хана было оскудѣніе въ людяхъ послѣ Куликовской битвы: когда послѣ битвы стали считать воиновъ, то насчитали только 40,000, а на Куликово поле пришла не одна сотня тысячъ!... Вслѣдствіе «неодиначества и неимовѣрства» между князьями, Димитрій Ивановичъ ушелъ въ Переяславль, а отсюда, мимо Ростова, въ Кострому. Между тѣмъ въ Москвѣ поднялась страшная сумятица: одни хотѣли оставить городъ, другіе — затвориться въ немъ, и эти послѣдніе заняли всѣ городскія ворота и никого не выпускали изъ города, а если кого и выпускали, то не иначе, какъ сначала ограбивши. Не хотѣли-было выпустить даже митрополита и великую княгиню; послѣднюю даже «пріобидѣша». Во время этой сумятицы въ Москву явился литовскій князь Остей, названный въ лѣтописи внукомъ Ольгерда; онъ успокоилъ жителей, укрѣпилъ городъ и «сѣлъ въ осадѣ». Между тѣмъ Тохтамышъ, переправившись на лѣвый берегъ Оки, взялъ и сжегъ Коломну; 23-го августа **1382** года татары подошли къ Москвѣ и спрашивали, въ городъ ли князь. Получивши отрицательный отвѣтъ, они объѣхали городъ и увидѣли, что вездѣ пусто и чисто, потому что сами жители все вокругъ Москвы пожгли, такъ какъ боялись примета къ городу. Осажденные, между тѣмъ, одни молились, другіе вытаскивали изъ боярскихъ погребовъ старые меды и, подъ вліяніемъ ихъ, похвалялись, что татары ничего имъ не сдѣлаютъ, что они постоятъ—постоятъ, да и уйдутъ и т. д. Подъ вліяніемъ крѣпкаго меду эти храбрецы выходили на городскія стѣны и всячески ругались надъ татарами, которые на ругань грозили имъ саблями. 24-го августа къ Москвѣ пришелъ самъ Тохтамышъ, и началась осада: отъ мѣткихъ татарскихъ стрѣлъ падали многіе не только изъ стоявшихъ на стѣнахъ, но и находившихся внутри города; татары пытались даже перелѣзть черезъ стѣну, но осажденные лили на нихъ горячую воду, бросали громадные камни, стрѣляли изъ самострѣловъ, тюфяковъ (ружей) и пушекъ и пр. Три дня бились татары, но не могли взять города приступомъ. Наконецъ, они употребили хитрость: на четвертый день осады знатнѣйшіе ордынскіе князья вмѣстѣ съ нижегородскими князьями подошли къ городскимъ стѣнамъ и говорили осажденнымъ, что ханъ пришелъ не на нихъ, а на Димитрія, что онъ желаетъ только, чтобы граждане съ княземъ Остеемъ вышли къ нему на встрѣчу съ небольшими дарами, что ему хочется только посмотреть городъ, что онъ дастъ гражданамъ миръ и любовь; при этомъ нижегородскіе князья клялись, что ханъ не сдѣлаетъ имъ зла. 26-го августа кн. Остей и граждане

съ дарами, предшествуемые духовенствомъ съ крестами и иконами, вышли къ Тохтамышу. Татары незамѣтно взяли сначала Остѣя къ себѣ въ станъ и тамъ убили его, а потомъ бросились на гражданъ и духовенство и начали избивать ихъ; далѣе, ворвались въ Кремль и начали предавать все огню и мечу; церкви, княжескую казну, пожитки гражданъ и товары пограбили; сдирали ризы съ иконъ; пожгли множество книгъ, отовсюду снесенныхъ въ Кремль въ виду нашествія Тохтамыша. Пожегши и пограбивъ Москву, Тохтамышъ распустилъ татаръ своихъ по всему княженію. Раздѣлившись на отряды, татары пошли по разнымъ направленіямъ: къ Владиміру, Звенигороду, Можайску, Волоку, Рузѣ, Дмитрову, Переяславу, Юрьеву. Одинъ изъ такихъ отрядовъ едва не перехватилъ около Переяславля в. кн. Евдокію, пробиравшуюся къ семейству своему, въ Кострому... Тверская земля нисколько не пострадала отъ татаръ; тверскій князь получилъ даже ярлыкъ: очевидно, онъ успѣлъ умиловити хана, пославъ къ нему кличѣя съ дарами; случайность спасла и Московскую землю отъ дальнѣйшаго татарскаго разорѣнія: одинъ изъ татарскихъ отрядовъ подошелъ къ Волоку, не зная, что тутъ стоялъ кн. Владиміръ Андреевичъ, который разбилъ этотъ отрядъ. Татары въ страхѣ разбѣжались; они передали Тохтамышу о случившемся, и это обстоятельство ускорило выходъ татаръ изъ Московской земли. На обратномъ пути татары взяли Коломну; здѣсь они переправились чрезъ Оку въ землю Рязанскую, которую также опустошили, не смотря на то, что Олегъ оказалъ имъ услуги при движеніи ихъ къ Москвѣ. По уходѣ татаръ Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ возвратились въ разоренную Москву. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Димитрій горько плакалъ, увидѣвши страшное разореніе города и множество убитыхъ. Трупы послѣднихъ онъ приказалъ хоронить, причемъ за 80 похороненныхъ труповъ давалось платы по рублю; всего на этотъ предметъ израсходовано 300 рублей: такимъ образомъ, убитыхъ татарами, по расчету, было 24,000, не считая утонувшихъ и сгорѣвшихъ. Далѣе, великій князь распорядился относительно возобновленія города; вызвалъ изъ Твери митрополита Кипріяна, который вскорѣ потомъ уѣхалъ въ Кіевъ, такъ какъ великій князь гнѣвался на него за то, что онъ не сидѣлъ въ осадѣ. Въ томъ же **1382** году Димитрій Ивановичъ рѣшился наказать вѣроломнаго Олега рязанскаго за явное нарушеніе имъ договора: онъ послалъ рать въ Рязанскую землю; Олегъ бѣжалъ, — а московскіе полки землю его «пусту учиниша, пущи ему бысть и татарскія рати» ²⁷¹⁾.

271) Ibid. I, 233; II, 227; III, 92, 133; IV, 83—85, 87—90; V, 238; VI, 97—103; VIII, 41—48; XV, 441—443; Ник. IV, 131—138. У Татищева (IV, 295) говорится, будто Димитрій Ивановичъ, при нашествіи Тохтамыша, просилъ помощи у тверскаго князя.

Между тѣмъ для тверскаго князя обстоятельства складывались благоприятно: ханъ, какъ выше сказано, принялъ посла его благосклонно, не коснулся его земли и прислалъ ему ярлыкъ (подобно думать, судя по послѣдующей поѣздкѣ Мпхапла въ орду, это — ярлыкъ подтвердительный на Тверское княжество); Василий Михайловичъ Кашинскій умеръ бездѣтнымъ въ **1382 г.**, и удѣлъ его перешелъ въ семью Мпхапла Александровича, что значительно усиливало тверскаго князя; земля же Московская разорена была Тохтамышемъ и притомъ оскудѣла людьми послѣ Куликовской битвы. Всѣ эти обстоятельства могли подать Михаилу Александровичу — хлопотать о великокняжескомъ ярлыкѣ. И дѣйствительно, вскорѣ по уходѣ Тохтамыша, онъ отправляется въ орду вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Александромъ хлопотать о приобрѣтеніи великокняжескаго стола, но не прямою дорогою, а околицами, «опасаясь и таясь в. кн. Димитрія Ивановича, ища себѣ великаго княженія Володимерскаго и Новгородскаго». Станнымъ кажется, что въ концѣ того же **1382 г.** отъ хана пришелъ въ Москву посолъ Карачъ съ добрыми рѣчами для заключенія мира: ханъ заключаетъ миръ съ своимъ улусникомъ!... Или въ ордѣ свыклись уже съ той мыслью, что московскій князь есть какъ бы самостоятельный государь, съ которымъ хану приходилось считаться какъ съ равнымъ себѣ?... Надобно думать, что тутъ ошибка лѣтописца въ выраженіи. Ханскій посолъ былъ одаренъ великимъ княземъ и отпущенъ. Въ началѣ слѣдующаго **1383 г.** Димитрій Ивановичъ послалъ въ орду, со старѣйшими боярами, сына своего Василия «тягаться» съ княземъ тверскимъ о великомъ княженіи. Цѣлый годъ пробылъ Михаилъ въ ордѣ, но не достигъ цѣли: московскіе бояре успѣли, вѣроятно, подарками и хитрыми дипломатическими приемами склонить, кого слѣдуетъ, на свою сторону. «Я улусы свои самъ знаю, — сказалъ ханъ Михаилу, — и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служить правдою и я его жалую; а что неправда предомной улусника моего кн. Димитрія московскаго — и я его поустрашилъ, и онъ мнѣ служить правдою и я его жалую по старинѣ въ отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину, въ Тверь, и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую». Все-таки Михаилъ оставилъ въ ордѣ сына, конечно, потому, что еще питалъ надежду на достиженіе желаемаго. Такъ смотрѣли на это и приближенные хана, какъ видно изъ того, что одинъ изъ ордынскихъ князей смущалъ княжичей: Василия, оставленнаго въ ордѣ самимъ ханомъ въ 8000 рубляхъ, и Александра, обѣщая каждому изъ нихъ великое княженіе, судя, конечно, по тому, кто будетъ щедрѣе. Лѣтописи отмѣчаютъ подъ тѣмъ же **1383** годомъ появленіе во Владимірѣ «лютаго посла» Адаша. Вѣроятно, онъ приходилъ за деньгами, въ которыхъ Василий оставленъ

былъ въ ордь. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ 1384 году Димитрій Ивановичъ приказалъ собирать тяжелую дань, съ каждой деревни по полтинѣ, а съ Новгорода — черный боръ. Тогда же, прибавляетъ лѣтопись, и золотомъ давали въ орду. Кажется, Димитрій Ивановичъ не скоро могъ уплатить денегъ въ орду, иначе сыну его Васплю не было бы нужды тайно бѣжать изъ орды въ 1385 году ²⁷²). Димитрій Ивановичъ, очевидно, находился въ затруднительномъ положеніи.

Олегъ рязанскій, не могшій, конечно, забыть 1382 года, когда московская рать опустошила его землю, теперь воспользовался обстоятельствами и, въ 1385 году, изгономъ пришелъ къ Коломнѣ, взялъ ее и плѣнилъ тамошняго намѣстника Александра Остея со многими боярами. Димитрій Ивановичъ послалъ на Рязань рать подъ начальствомъ Владимира Андреевича. Но на этотъ разъ счастье измѣнило послѣднему: москвичи были побиты; тутъ же убитъ былъ, между прочимъ, и внукъ Ольгердовъ, Михаилъ Андреевичъ полоцкій. При натянутыхъ отношеніяхъ къ ордь, при нѣкоторой расшатанности внутреннихъ дѣлъ, благоразуміе требовало отъ Димитрія, чтобы онъ, хотя на короткое время, избѣгалъ всякихъ непріязненныхъ столкновеній съ сосѣдями, и по этому-то Димитрій Ивановичъ рѣшился предложить Олегу вѣчный миръ, умоливъ преподобнаго Сергія, тогда уже прославившагося святостью жизни, стать во главѣ посольства къ строптивому рязанскому князю. Сергій «чудными, тихими и кроткими рѣчами» склонилъ Олега на вѣчный миръ, который (въ 1387 г.) былъ скрѣпленъ родственнымъ союзомъ: дочь Димитрія вышла за сына Олегова Ѳедора ²⁷³).

Но если политика требовала осторожности по отношенію къ такимъ сосѣдямъ, какъ, напр., Олегъ рязанскій, отъ котораго можно было ожидать наступательныхъ непріязненныхъ дѣйствій, то по отношенію къ Новгороду

272) Ibid. III, 93; IV, 90; V, 238; VI, 103; VIII, 48—49; XV, 443; Троицк. у Карамз. V, прим. 103; Ник. IV, 141—144. По нѣкоторымъ лѣтописямъ порядокъ, въ которомъ изложены здѣсь событія шли одно за другимъ, совершенно иной. Такъ, напримѣръ, сначала идетъ въ орду Василій Димитріевичъ, а потомъ уже Михаилъ Александровичъ и т. п.

273) Ibid. VIII, 49, 51; Ник. IV, 147. Подробности объ этомъ см. въ соответственномъ мѣстѣ подъ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ.—Въ Никон. лѣтоп. говорится, что въ то же время Димитрій Ивановичъ послалъ рать на муромскаго князя, но при этомъ есть нѣчто непонятное, можетъ быть, вслѣдствіе пропуска: «иную рать послалъ князь великий Димитрій Иван. на Муромъ на князя безчестия». По Новгородской четвертой это было въ 1386 году, а по Софійской первой (по списку Царскаго) тогда же и притомъ послѣ похода на Новгородъ. Въ VIII, 49 говорится о неудачномъ походѣ Владимира Андреевича на Олега подъ 1385 годомъ и подъ 1387 г. о бракѣ Софіи и Ѳедора Олеговича, а въ IV, 95 и V, 240, 242 говорится подъ 1386 г., что Димитрій самъ пошелъ на Олега, взявшаго Коломну, а другую рать послалъ на Муромъ. Очевидно, во всѣхъ указанныхъ лѣтописяхъ говорится, хотя и подъ разными годами, объ одномъ и томъ же походѣ.

такая осторожность была излишня, такъ какъ Новгородъ, по самому характеру отношеній къ тому или другому вел. князю, одинъ не могъ переходить въ наступленіе. Вотъ почему и при стѣсненныхъ до нѣкоторой степени обстоятельствахъ Димитрій Ивановичъ не могъ простить Новгороду нѣкоторыхъ винъ его.

Подъ **1386** годомъ находимъ въ лѣтописяхъ извѣстіе, что Димитрій Ивановичъ «дрѣжа гнѣвъ на Новгородъ про Волжанъ и про княжчины», т. е. за тѣхъ молодцовъ, которые гуляли по Волгѣ и Камѣ и избивали и грабили гостей и своихъ и чужихъ, а также и за то, что новгородцы не платили княжескихъ пошлинъ (княжчинъ). Предъ Рождествомъ Христовымъ Димитрій выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ; съ ними были полки почти тридцати городовъ. Новгородцы выслали пословъ съ челобитьемъ о мирѣ, но великій князь мира не далъ, подступилъ ближе къ Новгороду и остановился въ 15 верстахъ отъ него. Новгородцы прислали другое посольство, во главѣ котораго стоялъ владыка Алексій, предлагавшій великому князю 8000 рублей. Но и это посольство не имѣло успѣха. Владыка послалъ къ новгородцамъ сказать, чтобы они держали «опасъ», потому что великій князь мира не далъ. Вслѣдствіе этого извѣстія новгородцы сожгли всѣ пригородныя постройки и (съ благословенія владыки) 24 монастыря и поставили острогъ. Однако новгородцы въ третій разъ рѣшились испробовать, не удастся ли уладить дѣло миромъ: они послали къ Димитрію двухъ архимандритовъ, семь священниковъ и пять человекъ житыхъ, по человекъ съ конца (Новгородъ дѣлился на 5 концовъ). Этому посольству удалось склонить Димитрія на миръ: 3000 рублей отданы были великому князю изъ Софійской казны, а 5000 р. новгородцы обѣщали доправить на Заволочьи, потому что заволочане также участвовали въ волжскихъ грабежахъ. Кромѣ того, новгородцы дали черный боръ. По заключеніи мира, Димитрій Ивановичъ возвратился въ Москву, откуда послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и черноросцевъ ²⁷⁴).

Въ **1388** году у Димитрія Ивановича произошло розмирье съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ. Лѣтописи, къ сожалѣнію, ничего не говорятъ о причинахъ этого розмирья; онѣ говорятъ только,

274) Ibid. III, 93—94, 132, 133; IV, 93—94, 138; V, 240—242; VIII, 50—51; XV, 444; Ник. IV, 149—150. Въ слѣдующемъ году окольными путями прибылъ въ Москву Василий Димитріевичъ, тайно бѣжавшій изъ орды, о чемъ см. ниже, подъ Василиемъ. — Съ Димитріемъ шли на Новгородъ рати: московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимірская, юрьевская, муромская, мешерская, стародубская, суздальская, городецкая, нижегородская, костромская, углицкая, ростовская, ярославская, можажская, галицкая, бѣжецкая, бѣлозерская, вологодская, устюжская и новоторжская.

что вслѣдствіе розни въ великій князь приказалъ схватить бояръ Владимира и развести ихъ по разнымъ городамъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы можемъ ограничиться только болѣе или менѣе близкими къ истинѣ догадками. Въ духовномъ завѣщаніи Димитрія мы, между прочимъ, читаемъ: «а которые деревни отымалъ князь Володимеръ отъ Лыткинскаго села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лыткинскому селу моее княгини». Мы не знаемъ, когда Владимиръ «отымалъ» деревни великой княгини; видимъ только, что Владимиръ Андреевичъ хотѣлъ увеличить свой удѣлъ насильственнымъ присвоеніемъ деревень великой княгини. Не было ли что-нибудь подобное причиной розни между двоюродными братьями? Существуетъ еще предположеніе, что Владимиръ Андреевичъ не хотѣлъ уступить своего права (по прежнимъ понятіямъ о старшинствѣ) на Великое Княженіе племяннику, т. е. сыну Димитрія, что и было причиной розни. Какъ бы то ни было, но вражда продолжалась короткое время: братья помирились; по мирно-договорной грамотѣ Василій Димитріевичъ считается по отношенію къ дядѣ своему, Владимиру Андреевичу, старѣйшимъ братомъ; по отношенію къ слѣдующему сыну Димитрія, Юрію, Владимиръ считается братомъ, а по отношенію къ младшимъ сыновьямъ — старѣйшимъ братомъ. Такимъ образомъ, этимъ договоромъ признается (въ первый разъ) преимущество, относительно престолонаслѣдія, племянника надъ дядею, такъ что великокняжескій столъ долженъ былъ переходить въ нисходящей линіи по праву первородства. Братья примирились въ день Благовѣщенія (1389 года), т. е. 25-го марта ²⁷⁵⁾, а менѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ того, именно 19-го мая, Димитрій Ивановичъ скончался, будучи еще въ цвѣтѣ лѣтъ (39 лѣтъ). Заслуги Димитрія цѣнились уже его современниками, что видно изъ дошедшаго до насъ особаго сказанія о его подвигахъ и изъ житія его: благочестіе, трезвая жизнь, цѣломудріе до и послѣ брака, кротость, щедрость къ Божіимъ церквамъ — вотъ характерныя черты, которыя житіе выставляетъ на видъ ²⁷⁶⁾.

Отъ брака съ Евдокіей Димитріевной (1366 г.), дочерью Димитрія Константиновича суздальско-нижегородскаго, Димитрій Ивановичъ имѣлъ дѣтей: *Даніила*, умершаго раньше отца, — *Василія*, вполнѣдствіи великаго

275) Ibid. VIII, 52; Ник. IV, 159; С. г. г. и д. I, № 33. Предположеніе о томъ, что Владимиръ Андреевичъ не хотѣлъ уступить правъ старшинства племяннику, см. у Вешнякова въ его разсужденіи «О причинахъ возвышенія Моск. княжества», 108; К. Н. Б.-Рюминъ («Русск. Ист.» I, 403) говоритъ объ этомъ положительно.

276) Ibid. II, 351; III, 95, 134; IV, 139, 531; V, 17; Ник. IV, 119, 184. По Троицк. (т. I, 233) Димитрій скончался въ 1388 году; по Новгород. первой — въ 1389 мая 9-го, а по Новгород. четвертой — въ томъ же году, но мая 19-го. Онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

князя московскаго, — *Юрія, Семена, Ивана, Андрея, Петра* и *Константина*, родившагося за нѣсколько дней до смерти отца; дочерей: *Софію*, бывшую, съ 1387 года, за Ѳеодоромъ Олеговичемъ рязанскимъ; *Марію*, бывшую, съ 1394 г., за кн. лиговскимъ Семеномъ (Дугвениемъ) Ольгердовичемъ; *Анастасію*, бывшую за кн. Иваномъ Всеволодовичемъ холмскимъ (изъ тверскихъ), и *Анну*, родившуюся въ годъ замужества Софіи.

Въ духовномъ завѣщаніи Димитрія Ивановича прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, по выраженію нашего историка (*Соловьевъ*, III, 380), «не слыханное прежде распоряженіе»: Димитрій благословляетъ старшаго изъ оставшихся сыновей Великимъ Княженіемъ Владимірскимъ, какъ *своей отчиной*: «А се благословляю сына своего, князя Васплѣя, *своею отчиною* Великимъ Княженемъ». Чтобы упрочить великокняжескій столъ за своимъ родомъ, въ случаѣ бездѣтной кончины Васплѣя, и устранить притязанія на Великое Княженіе, могшія послѣдовать со стороны Владиміра Андреевича, Димитрій Ивановичъ предусмотрительно сдѣлалъ оговорку, которая, впрочемъ, по кажущейся неясности своей, подала впослѣдствіи поводъ Юрію Димитріевичу (галицкому) оспаривать великокняжескій столъ у преемника Василя Димитріевича. Оговорка сдѣлана была такая: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Васплѣя, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгиня». Очевидно, по этому распоряженію, слѣдующій за Васплѣемъ братъ могъ занять великокняжескій столъ только въ случаѣ *бездѣтной* кончины Василя, чего Димитрій Ивановичъ могъ опасаться въ виду того, что Василій не былъ еще женатъ во время написанія духовной грамоты. Кромѣ Василя въ живыхъ оставалось еще пять сыновей Димитрія: Юрій, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ, родившіеся за нѣсколько дней до смерти отца, почему въ завѣщаніи о немъ и говорится только гада-тельно.

По духовному завѣщанію, свою отчину Москву великій князь поручаетъ только четверемъ сыновьямъ: Василю, Юрію, Андрею и Петру. Устраненіе Ивана можетъ быть объяснено его болѣзненностью и склонностью къ монашеской жизни; а Константина, при написаніи духовнаго завѣщанія, какъ сказано, еще не было на свѣтѣ. — Въ Москвѣ и принадлежавшихъ къ ней станахъ Димитрій Ивановичъ владѣлъ двумя жребіями: жребіемъ отца своего и дяди Семена Ивановича Гордаго; третій жребій, которымъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ, и теперь остался за послѣднимъ. Великій князь половину изъ своихъ жребіевъ отдаетъ Василю *на старшій путь*; другая половина раздѣлена между остальными тремя сыновьями, а великой княгинѣ Евдокии была назначена часть городскихъ доходовъ. Вла-

дѣнія же свои, города и селенія Московскаго княжества, Димитрій Ивановичъ раздѣлилъ слѣдующимъ образомъ: а) Василию дана *Коломна* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ и часть собственнаго прикупа Димитріева; села: Красное съ Елизаровскимъ и Проватовымъ и село Васильевское въ Ростовѣ; б) Юрію даны: *Звенигородъ* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ, *Галичъ*, названный Димитріемъ куплею дѣда (Ивана Калиты), прикупы отца: село Кузюдемьянское, село Богородицкое въ Ростовѣ, два села костромскихъ, Борисовское и Миккульское, и починокъ за Вяткой; в) Андрею: *Можайскъ* съ волостями, *Верея*, *Калуга*, *Медынь*, нѣсколько селъ московскихъ и купля дѣда — *Блгоозеро* съ волостями; г) Петру: *Дмитровъ* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ и волостей, прикупъ свой — село Богородицкое на Баголѣ и купля дѣда Димитріева — *Угличе-Поле*, Тошна и Сяма. Ивану изъ Московской отчины ничего не назначено, — онъ былъ сильно обдѣленъ; ему даны: Раменецъ (Раменейце), село Звѣрковское съ Соханскимъ починкомъ и Сохна. Димитрій сознавалъ, что Иванъ надѣленъ, сравнительно, бѣдно, и, кажется, по этому сдѣлалъ въ завѣщаніи такую оговорку: «а Сохна сыну же моему князю Ивану; а въ томъ удѣлѣ волень сынъ мой, князь Иванъ: *который братъ до него добръ будетъ*, тому дастъ»; д) великой княгинѣ выдѣлено было изъ удѣла каждаго сына по участку и дано нѣсколько примысловъ самого Димитрія, какъ Самойлецевъ, и села: Петровское, Фроловское и Елохъ. Наконецъ, чрезвычайно важно распоряженіе Димитрія о томъ, чтобы мелкіе князья Московской земли жили въ Москвѣ. Этимъ, во-первыхъ, усиливался блескъ московскаго двора, и великій князь становился полнымъ хозяиномъ не только всей Московской земли, но и мелкихъ владѣтельныхъ князей ея, на которыхъ народъ, въ силу положенія ихъ при московскомъ дворѣ, долженъ былъ смотрѣть, какъ на слугъ великаго князя, а на послѣдняго, какъ на главу и этихъ князей, и всей Московской земли. Во-вторыхъ, эта мѣра, съ теченіемъ времени, должна была привести къ образованію служебныхъ князей, о которыхъ въ первый разъ говорится въ договорной грамотѣ Василия Васильевича и Андрея и Константина Димитріевичей съ Юріемъ Димитріевичемъ галицкимъ, — а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта мѣра привела къ образованію бояръ изъ служебныхъ и вотчинныхъ князей²⁷⁷).

277) Лѣтописныя извѣстія о женитбѣ Димитрія Ивановича, о смерти его супруги, о рожденіи и бракахъ его дѣтей см. въ П. С. Р. Л. I, 232—233; IV, 65, 67; V, 90, 230, 232, 246; VII, 237; VIII, 14, 19, 21, 42, 49, 51—52, 64, 81; Ник. IV, 82, 147, 152, 184, 191; С. г. г. и д. I, № 33, 34, 37, 46, 47 и пр. — О старшинствѣ сыновей Димитрія Ивановича см. въ біографіи сына его Ивана въ I приложеніи въ концѣ этого тома.

Приводя, такъ сказать, къ одному знаменателю всѣ факты изъ жизни и дѣятельности Димитрія Ивановича, мы видимъ, что главная заслуга его предъ исторіей состоитъ въ сознательномъ стремленіи къ ослабленію сплывшихъ удѣльныхъ князей и уничтоженію князей мелкихъ удѣловъ, другими словами—въ стремленіи къ централизаціи власти, къ единодержавію. Это—во-первыхъ; во-вторыхъ, въ столь же сознательномъ стремленіи къ освобожденію отъ татарскаго ига. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и договорныхъ грамотахъ мы часто встрѣчаемся съ такими выраженіями: «а оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ орды» «а перемѣнитъ Богъ орду» «а отдалится отъ насъ орда» и т. д. Конечно, слава заслугъ Димитрія не принадлежитъ исключительно ему одному: она принадлежитъ столько же ему, сколько и его предшественникамъ, начиная съ его дѣда: они мирно, терпѣливо, хотя нерѣдко при помощи хитрости и коварства, подготавливали, къ достиженію намѣченныхъ цѣлей, тѣ средства, которыми воспользовался Димитрій. Но уже чрезвычайно важно и то, что онъ сумѣлъ воспользоваться этими средствами.

Василій Димитріевичъ.

р. 1371 † 1425.

Уже съ юныхъ лѣтъ Василій Димитріевичъ, хотя и несамостоятельно, является дѣйствующимъ лицомъ на политической сценѣ. Послѣ разгрома Москвы Тохтамышемъ въ **1383 г.** апрѣля 23-го, когда ему было еще только 12 лѣтъ, отецъ послалъ его въ орду тягаться съ Михайломъ Александровичемъ, в. кн. тверскимъ, о великокняжескомъ столѣ²⁷⁸). Михайлъ вышелъ изъ орды, не достигши своей цѣли; но онъ, кажется, въ надеждѣ, что дѣла въ ордѣ могутъ измѣниться въ его пользу, оставилъ тамъ сына своего Александра (Ордынца), — между тѣмъ какъ московскаго княжича оставилъ самъ ханъ въ 8000 рубл. сер. московскаго долга. Василю или, лучше, сопровождавшимъ его боярамъ приходилось все-таки бороться съ тверскимъ

278) До 1383 г. лѣтописи сообщаютъ слѣдующія извѣстія о Василю Димитріевичѣ: онъ родился 30 декабря 1371 г. (П. С. Р. Л. I, 232; IV, 67; V, 232; VIII, 19; Ник. IV, 32); въ 1377 г. присутствовалъ при погребеніи митр. Алексія (ibid. VIII, 28); въ 1380 г., во время похода Димитрія Ивановича противъ Мамаю, онъ оставался въ Москвѣ съ прочими членами великокняжескаго семейства, которое поручено было Ѳеодору Андреевичу Свиблу (ibid. IV, 78; V, 238; VI, 92; VIII, 36).

княжичемъ. На это есть указанія въ лѣтописяхъ. Такъ, лѣтописи замѣчаютъ, что княжичей «смущаше... нѣкий царь ординскій, обещевая комуждо дати великое княженіе»; этотъ смутникъ общался и хана настраивать такъ, какъ ему заблагоразсудится. Но московскому княжичу не нравилось житье въ полуневоляхъ, и онъ «умысли крѣпко съ вѣрными своими доброхоты» — бѣжать изъ орды. Въ 1386 году онъ былъ уже у молдавскаго воеводы Петра. Въ сопровожденіи московскихъ бояръ, посланныхъ къ нему на встрѣчу отцемъ его, а также многихъ поляковъ и литовцевъ, онъ прибылъ въ Москву (кажется, чрезъ Пруссію, гдѣ видѣлся съ Витовтомъ и условился съ нимъ относительно женитьбы на его дочери) 19 января 1387 года ²⁷⁹).

18-го мая 1389 года скончался Дмитрій Ивановичъ Донской. До чего упало теперь значеніе татаръ въ глазахъ московскаго князя, показываетъ то обстоятельство, что Дмитрій Ивановичъ, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, благословляетъ своего сына Василя Владимірскимъ княжествомъ, этимъ символомъ великокняжескаго достоинства, какъ *своей отчиной*. 15-го августа того же года ханскій посолъ Шахматъ, во Владимірѣ, возвелъ Василя на великокняжескій столъ ²⁸⁰). Это торжество, впрочемъ, скорѣ нѣсколько омрачилось: между великимъ княземъ и его дядей Владиміромъ Андреевичемъ произошелъ разладъ вслѣдствіе ли того, какъ полагаютъ, что окружавшіе молодаго великаго князя бояре не хотѣли дать Владиміру надлежащаго участія въ дѣлахъ правленія, или вслѣдствіе утвержденія новаго порядка въ престолонаслѣдіи, какъ думаютъ другіе. Владиміръ Андреевичъ съ семействомъ и боярами своими выѣхалъ изъ Москвы въ свой Серпуховъ, а отсюда въ Торжекъ, въ Новгородскую

279) П. С. Р. Л. III, 93—94; IV, 90—91, 95, 138; V, 238—239, 242—243; VIII, 48—49, 51—52; XV, 443—444; Ник. IV, 141, 143, 151 и д. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей, Витовтъ взялъ съ Василя Димитріевича слово, что онъ женится на его дочери; Карамзинъ, напротивъ, думаетъ, что Василій, предвидя недолгое пребываніе Витовта въ Пруссіи и соображая, что такой умный, энергичный и хитрый литвинъ возьметъ на Литвѣ перевѣсъ надъ своими родичами, самъ скорѣ желалъ породниться съ нимъ. Карамзинъ сомнѣвается даже и въ томъ, что Василій пробрался въ Москву чрезъ Пруссію. — По Новгородской Василя позвалъ въ орду ханъ; по остальнымъ лѣтописямъ его послалъ туда отецъ. По той же Новгородской Василій пошелъ въ орду «въ то же лѣто» (6891 г.), а «той же осени» пошелъ въ орду Михаилъ Александровичъ тверскій. — Въ Новгородской четвертой подъ 1385 годомъ сказано, что Василій въ этомъ году ходилъ въ орду, между тѣмъ какъ онъ уже давно былъ тамъ и въ этомъ году бѣжалъ изъ орды. — О предложеніи Витовта проводить Василя на Русь говоритъ только одна Никон. лѣтопись. — Въ Воскр. лѣтописи говорится, что Дмитрій Ивановичъ Донской послалъ бояръ на встрѣчу Василю въ Подольскую землю... Кажется, вѣрнѣе читать «въ Полоцкую», какъ въ Никон. лѣтописи.

280) Ibid. I, 233 (подъ 1388 г.); II, 351; VI, 108; VIII, 56, 60; XV, 444; Ник. IV, 188, 191—192.

землю. Но въ томъ же году дядя и племянникъ примирились и написали договорную грамоту. Великій князь, по этому договору, считается по отношенію къ своему дядѣ старѣйшимъ братомъ; братъ его Юрій равнымъ братомъ, остальные великняжескіе братья — младшими братьями. Далѣе великій князь обязываетъ дядю «всѣсти на конь», когда придется садиться на коня и ему, великому князю. «А гдѣ ми (Василію) самому не всѣсти, и мнѣ, брате, тебе послати, а тобѣ всѣсти безъ ослушанья», читаемъ далѣе въ договорѣ. Вообще этотъ договоръ мало чѣмъ отличается отъ подобныхъ же договоровъ предшественниковъ Василія. Но есть два пункта, обращающихъ на себя вниманіе, въ которыхъ — съ одной стороны — выражается какъ бы недовѣріе племянника къ дядѣ, а съ другой — благія чаянія переменъ въ отношеніяхъ къ ордѣ и предположенія о новыхъ примыслахъ. Вотъ эти пункты: «Оже ми, брате, самому сѣсти въ городѣ, а тебе ми послати изъ города, — и тобѣ оставити своя княгини» (т. е. въ Москвѣ); точно также дѣлаетъ и великій князь. Далѣе: «а переменитъ Богъ орду, и тобѣ имати дань съ своею вотчины и съ своего удѣла собѣ» . . . «а найду собѣ Муромъ, или Торусу, или иная мѣста, тотъ ти (Владиміру) проторъ не надобѣ», и наоборотъ. По этому договору Владиміръ Андреевичъ получилъ Волокъ и Ржеву, которые, впрочемъ, по другому договору, были промѣнены на Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ. Владиміръ по этому же послѣднему договору не вступаетъ въ примыслы великаго князя: Нижній-Новгородъ, Муромъ, Мещеру и ни въ какія иныя мѣста татарскія и мордовскія, бывшія за Дмитріемъ Константиновичемъ, дѣдомъ его, и за нимъ самимъ ²⁸¹⁾.

Была ли въ какой-нибудь связи съ дѣлами новгородскими, какъ положительно думаетъ Карамзинъ, ссора или размолвка дяди съ племянникомъ и имѣла ли она вліяніе на отношенія Новгорода Великаго къ молодому великому князю, — не знаемъ, такъ какъ указаній на это въ лѣтописяхъ нѣтъ; знаемъ только, что вскорѣ послѣ примиренія великаго князя съ Владиміромъ въ Москву прибыли въ **1390 г.** новгородскіе послы, взяли миръ по старинѣ, и великій князь послалъ къ нимъ намѣстникомъ своимъ Евстафія Сыту ²⁸²⁾.

Въ слѣдующемъ **1391 г.** января 9-го семнадцатилѣтній великій князь вступилъ въ бракъ съ Софіей, дочерью Витовта Кейстутевича, который, будучи выгнанъ изъ Литвы Ягелломъ, жилъ тогда у прусскихъ нѣмцевъ. Есть лѣтописныя извѣстія, впрочемъ, позднѣйшія, будто-бы Витовтъ силой

281) Ibid. VIII, 60; XV, 444; Ник. IV, 192; С. г. г. и д. №№ 35, 38; Ист. Росс. С. Соловьева, IV, 5; Карамз. V, 72.

282) Ibid. III, 95; IV, 97, 139; V, 244; VIII, 61; Карамз. V, 73.

вынудилъ у будущаго великаго князя московскаго обѣщаніе жениться на его дочери. Наши историкѣ считаютъ это извѣстіе недостовернымъ и скорѣе видятъ въ этомъ бракѣ расчетъ политическій. Кромѣ того, нѣкоторые видятъ здѣсь несообразность въ томъ, что Василій, бѣжавшій изъ орды въ Молдавію, никакъ не могъ возвратиться въ Россію черезъ Пруссію. Какъ бы то ни было, но бракъ этотъ состоялся ²³³).

Въ половинѣ іюля слѣдующаго **1392 г.** Василій Димитріевичъ отправился въ орду, и это путешествіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ въ смыслѣ новыхъ примысловъ къ Москвѣ. Великій князь чрезвычайно любезно принять былъ въ ордѣ, что правдоподобно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Тохтамышъ въ это время находился въ открытой враждѣ съ Тамерланомъ, который отъ Аральскаго и Каспійскаго морей подвигался къ сѣверу, къ улусамъ хана Золотой орды. Конечно, послѣднему плохо пришлось бы, если бы вел. кн. московскій, а за нимъ и вся почти сѣверо-восточная Русь стали на сторону Тамерлана. Съ другой стороны, и золото московскаго князя сослужило тутъ свою службу, — не даромъ же лѣтописецъ замѣчаетъ про великаго князя: «и умзди князей царевыхъ, чтобъ печаловались о немъ царю Тахтамышу». Не смотря на то, что въ **1389 г.** ханъ далъ ярлыкъ на Нижегородское княжество Борису Константиновичу, у котораго оспаривали это княжество его племянники — Кирдяны, теперь Тохтамышъ, по совѣту приближенныхъ своихъ, не постѣснился признать Василя наследственнымъ государемъ Нижегородскаго княжества; мало того, — Василій получилъ еще Городецъ, Мещеру, Тарусу и Муромъ. Изъ орды великій князь удалился, кажется, съ необыкновенной поспѣшностью, такъ какъ Тамерланъ приближался къ ханскимъ владѣніямъ. Отъ хана отправленъ былъ въ Московскую землю посолъ Уланъ—царевичъ, который долженъ былъ возвести Василя на великокняжескій Нижегородскій столъ. Изъ орды Василій прибылъ въ Коломну, откуда самъ поѣхалъ въ Москву, а посолъ съ своими боярами отправился въ Нижній-Новгородъ. Благодаря измѣнѣ старѣйшаго нижегородскаго боярина Василя Румянца, московскіе бояре безъ труда овладѣли городомъ ²³⁴). Борисъ, его семейство и приверженцы закованы были въ цѣпи и разосланы по городамъ. Вскорѣ въ Нижній-Новгородъ прибылъ

233) Ibid. II, 351; IV, 97; V, 244; VIII, 61; Ник. IV, 194—195. См. прим. 279.

234) Подробности этого эпизода см. подъ Борисомъ Константиновичемъ; П. С. Р. Л. IV, 97; V, 244; VI, 122—123; VII, 237; VIII, 62—63. Первые двѣ изъ указанныхъ лѣтописей подъ 1390 г. говорятъ, что царевичъ Уланъ посадилъ Василя на великое княженіе. Карамзинъ (V, прим. 143) опровергаетъ это извѣстіе Степенной книгой (I, 518), по которой Уланъ посадилъ Василя на Нижегородскій столъ. Но здѣсь разныя лѣтописи и разумѣютъ, вѣроятно, Нижегородское княженіе, которое также называлось *великимъ*. — Сдѣлаемъ здѣсь общую замѣтку, что хронологія 6897—6901 годовъ въ лѣтописяхъ сильно перепутана.

самъ великій князь и посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ (Дмитрій Александровичъ Всеволожскій). Впрочемъ, Суздальско-Нижегородское княжество еще не окончательно утвердилось за Москвой: Борисъ вскорѣ умеръ; но послѣ него остались племянники, Василій Кирдяпа и Семень Дмитріевичи, по матери родные дядя Василю Дмитріевичу; кажется, они княжили тогда въ Суздальской волости, или только проживали въ Суздаль. Но объ этомъ — рѣчь впереди. Здѣсь же пока отмѣтимъ только, что въ томъ же **1392** году великій князь (а съ нимъ и Русь) понесъ двѣ весьма чувствительныхъ утраты въ лицѣ умершихъ, въ этомъ году, тропцкаго игумена Сергія, о важномъ значеніи котораго говорить излишне, и боярина своего, Данила Теофановича, о которомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ много послужилъ великому князю и въ ордѣ, и на Руси, и по чужимъ землямъ ²⁸⁵).

Тогда же началась вражда у великаго князя и съ другимъ Новгородомъ, Великимъ. Въ **1391** г. въ Новгородъ пріѣзжалъ митрополитъ Кипріанъ и, послѣ двухнедѣльныхъ пиршествъ, потребовалъ себѣ права суда въ Новгородѣ, которое принадлежало и прежнимъ митрополитамъ. Между тѣмъ новгородцы всегда старались выговорить у великихъ князей и выговаривали себѣ право — не ѣздить на судъ въ Москву (вообще «на Низъ»). Мало того: они задумали не ходить на судъ и къ митрополиту, и еще въ **1385** г. написали въ этомъ смыслѣ утвержденную грамоту и укрѣпились крестнымъ дѣлованіемъ. Теперь новгородцы начали ссылаться на эту грамоту, между тѣмъ какъ митрополитъ требовалъ уничтоженія ея. Новгородцы не согласились. Въ гнѣвъ выѣхалъ изъ Новгорода Кипріанъ. Но это дѣло митрополита было въ то же время и дѣломъ великаго князя: зависимость Новгорода отъ московскаго митрополита была въ сущности зависимостью отъ Москвы. И вотъ, въ **1392** г. великій князь отправилъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ чернаго бора, княжчины (княжескихъ пошлинъ) и церковной подсудности митрополиту, который разрѣшитъ новгородцевъ отъ грѣха клятвopреступленія (клятву—не ходить на судъ къ митрополиту они скрѣпили крестнымъ дѣлованіемъ). Новгородцы отвѣчали отказомъ, и великій князь послалъ дядю своего Владимира Андреевича и брата Юрія воевать новгородскія волости. Московскія, коломенскія, звенигородскія и дмитров-

285) П. С. Р. Л. I, 233; II, 351; III, 96; IV, 97, 99, 140; V, 243—245; VI, 119, 122—123; VII, 220, 237; VIII, 61—63; XV, 446; Ник. IV, 195, 198; 239—241, 251; Степенная кн. I, 517—518. Мещера куплена была еще Донскимъ у кн. Александра Уковича; Таруса имѣла своихъ князей изъ рода кн. черниговскихъ (С. г. г. и д. I, № 32); *Городокъ* Мещерскій — впоследствии Касимовъ (см. Вельяминова-Зернова «Исслѣдованіе о касим. царяхъ и царевичахъ», ч. 1).

скія войска, взявши Торжокъ и набравши множество плѣнныхъ въ новгородскихъ волостяхъ, уже возвращались во-свояси, какъ жители Торжка, на которыхъ обыкновенно падали первые удары московскихъ полковъ, какъ это было и въ данномъ случаѣ, возмутились и (это было уже въ 1393 г.) убили нѣкоего Максима, доброхота великаго князя. Василій опять отправилъ на Торжокъ полки, съ тѣмъ чтобы убійцы Максима были схвачены и доставлены въ Москву. Москвичи повоевали Торжокъ, Волокъ и Вологду, а семьдесятъ человѣкъ, замѣшанныхъ въ убійствѣ Максима, доставленные въ Москву, публично были казнены: имъ постепенно отрѣзали руки, ноги и пр. и при этомъ приговаривали, что такъ гибнуть враги великаго князя ²⁸⁶).

Новгородцы не хотѣли оставаться въ долгу: въ томъ же 1393 году, подъ предводительствомъ кн. литовскаго Романа и кн. Константина Ивановича бѣлозерскаго, они начали воевать великокняжескія волости, взяли городокъ Кличень и Устюжну, пограбили и пожгли Устюгъ и Бѣлоозеро; но, не желая дальнѣйшаго кровопролитія и раздора съ великимъ княземъ, въ областяхъ котораго вели торговля дѣла, послали къ Василію пословъ просить мира по старинѣ, который и былъ заключенъ на предложенныхъ великимъ княземъ условіяхъ; митрополиту новгородцы отослали свою крестную грамоту, вслѣдствіе чего Кипріанъ, между прочимъ, писалъ имъ: «і нынѣ обращенія ради вашего отъ грѣха этого прощаю васъ і благословляю, такожъ и сынъ мой великій князь Димитріевичъ ваше челобитное моленье приемлетъ и миръ по древнему даетъ вамъ». Послы великаго князя, отправившіеся въ Новгородъ для подкрѣпленія этого мира, привезли въ Москву черный боръ съ новгородскихъ волостей и 350 рублей великому князю и митрополиту за то, что послѣдній послалъ свое благословеніе новгородскому владыкѣ и всему Новгороду ²⁸⁷).

Между тѣмъ, 6-го мая 1393 г. умеръ Борисъ Константиновичъ нижегородскій, княженіе котораго было присоединено къ Москвѣ. Дѣти его, Иванъ и Данило, разосланные, по взятіи Нижняго, по разнымъ городамъ

286) Ibid. III, 96; IV, 99—100, 140; V, 245; VI, 123; VIII, 62—63; Ник. IV, 125 и сл. называетъ Максима бояриномъ великаго князя. Онъ убитъ «на Великъ день», т. е. на Пасхальное воскресенье.

287) Ibid. III, 96; IV, 100, 140; V, 245—246; VI, 123; VIII, 63—64; Ник. IV, 252—254; Архангел. 114; С. г. г. и д. II, № 13. Подъ тѣмъ же 1393 г. нѣкоторые изъ лѣтописей (IV, V, VI) отмѣчаютъ свиданіе Василія Димитріевича съ тестемъ его Витовтомъ въ Смоленскѣ; Соф. вторая, сказавши о свиданіи и походѣ Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича на Новгородскую землю, оканчиваетъ 1393 годъ извѣстіемъ о томъ, что Василій Димитріевичъ воевалъ съ Лугвеніемъ, который одолѣлъ, взялъ въ плѣнъ кн. Родослава (Олеговича рязанскаго) и отправилъ его къ Витовту, который посадилъ его въ тюрьму. Не смѣшивается ли здѣсь Василій Димитріевичъ съ кѣмъ-нибудь другимъ?

въ заключеніе, и теперь еще не были на свободѣ. Но у Бориса были еще племянники, Василій и Семенъ Димитрієвичи, какъ видно, добывавшіеся волостей отца и дяди ²⁸⁸). Вслѣдствіе притѣсненій со стороны великаго князя, вскорѣ послѣ смерти Бориса (въ 1394 г.), они бѣжали изъ Суздаля въ орду хлопотать о возвращеніи своей отчины: Суздаля, Городца и Нижняго-Новгорода. Посланная за ними великимъ княземъ погоня не достигла цѣли ²⁸⁹). Были ли дѣйствительно братья Димитрієвичи въ ордѣ — неизвѣстно; надобно полагать, судя по послѣдующимъ событіямъ, что если они даже и были въ ордѣ, то не тамъ все-таки нашли помощь, а ближе къ своей отчинѣ. Въ концѣ октября 1395 года Семенъ Димитрієвичъ подошелъ къ Нижнему-Новгороду съ царевичемъ Ейтякомъ (Ектякъ, Ентякъ, Гентякъ) и 1000 татаръ. Три дня московскіе воеводы отбивались отъ татаръ, но, наконецъ, отворили ворота, взявши предварительно подъ присягой клятву съ русскихъ и татаръ, что они не будутъ грабить и брать въ плѣнъ христіанъ. Однако татары преступили клятву и грабили русскихъ до-нага ²⁹⁰). «Не азъ тво-рихъ лествъ, но татарове; а язъ въ нихъ не воленъ, а съ нихъ не могу»,

288) См. соотвѣтственное мѣсто подъ Борисомъ Константиновичемъ Нижегородскимъ, а также подъ Василіемъ и Семеномъ Димитрієвичами суздальскими. У Татищева (IV, 375) также есть извѣстіе подъ 1394 годомъ, что Василій Димитрієвичъ ходилъ къ Нижнему-Новгороду на Василія Кирдяпу и на брата его Семена «и выведя ихъ, даде имъ градъ Шую, а дядя кн. Борисъ Константиновичъ Новаграда Нижняго и суздальскій въ Незинѣ преставися и положенъ бысть въ его отчинѣ въ Суздали, маія въ 6 день». Далѣе, подъ тѣмъ же годомъ, Татищевъ говоритъ уже о бѣгствѣ братьевъ — Димитрієвичей въ орду. — По большивству лѣтописей Борисъ скончался въ 1393 г.; кромѣ Татищева смерть его относитъ къ 1394 г. Троицк. лѣт. у Карамз. V, пр. 145. — «Въ Незинѣ преставися...» Здѣсь, кажется, нужно читать не «въ Незинѣ» (на Низу, въ Низовской землѣ), а «въ вязениѣ», т. е. въ заключеніи, въ тюрьмѣ.

289) П. С. Р. Л. IV, 99; VI, 124; VIII, 64; Ник. IV, 254, 256. Въ Софійской 2-й сказано только, что суздальскіе князья побѣжали, что за ними была безуспѣшная погоня, но не сказано, откуда и куда бѣжали; въ Воскр. — что побѣжали въ орду къ Тохтамышу; въ Никон. — то же. Но ни откуда не видно, были ли они тогда въ ордѣ, гдѣ, кажется, не до нихъ было, такъ какъ Тохтамышу угрожалъ тогда Тамерланъ.

290) Ibid. IV, 101; V, 247; VI, 128 (подъ 1395 г.), 130 (1399 г.); VIII, 72 (то же); Ник. IV, 267 (подъ 1396 г.). Соловьевъ и Карамз. относятъ это событіе къ 1399 году. — То обстоятельство, что Софійская вторая, какъ лѣтописный сборникъ, одно и то же событіе помѣщаетъ и подъ 1395 годомъ, и подъ 1399-мъ, говоритъ, кажется, о томъ, что въ первомъ случаѣ она пользовалась болѣе древними лѣтописями, и можетъ быть новгородскими, а во второмъ — болѣе поздними сборниками. — Мы полагаемъ, что Семенъ Димитрієвичъ привелъ татаръ казанскихъ, а не изъ орды, такъ какъ послѣдняя, въ виду наступленія на нее Тамерлана, сама нуждалась въ силахъ. Притомъ же, во 1-хъ, Юрій Димитрієвичъ мститъ Казанской землѣ, а во 2-хъ: въ Никоновской лѣт. сказано, что татары, разграбивъ Нижній-Новгородъ, возвратились «во свою землю, въ Казань». Если же въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ и говорится, что татары изъ Нижняго бѣжали въ орду, то это, кажется, не болѣе, какъ промахъ составителя лѣтописнаго сборника, составителя, у котораго понятіе о татарахъ тѣсно связывалось съ понятіемъ объ ордѣ.

говорилъ кн. Семенъ въ свое оправданіе. Двѣ недѣли пробыли татары въ Нижнемъ и, наконецъ, бѣжали въ орду, прослышавъ, что великій князь собираетъ на нихъ сильное войско. Дѣйствительно, Василій Димитрієвичъ послалъ брата своего Юрія наказать татаръ, и послѣдній пропикъ за Волгу и на Каму, взялъ города: Болгаръ, Жукотинъ, Казань и другія мѣста; вообще, московскіе полки воевали край три мѣсяца. Что касается Семена Димитрієвича, то онъ скрывался послѣ того между татарами, а потомъ, когда жена и дѣти его были отысканы и взяты въ Москву, онъ и самъ добилъ челомъ великому князю, какъ, кажется, и братъ его Василій ²⁹¹). Но объ этомъ вскорѣ будемъ говорить ниже.

Еще ранѣе, чѣмъ дядя великаго князя начали добиваться своей Суздальско-Нижегородской отчины, въ Москвѣ и вообще на Руси уже знали, что Тохтамышъ сильно отвлекается отъ своихъ улусовъ новымъ восточнымъ завоевателемъ, Тамерланомъ. Въ **1393 г.** Тохтамышъ уже испыталъ силу послѣдняго въ степяхъ Астраханскихъ; но этотъ урокъ не подѣйствовалъ на хана Золотой орды: онъ вскорѣ двинулъ свои полчища на сѣверную Персію, которую Тамерланъ, по праву завоевателя, считалъ своимъ достояніемъ. Бой между двумя вождями родственныхъ народовъ произошелъ близъ нынѣшняго Екатеринограда; разбитый Тохтамышъ бѣжалъ; Тамерланъ преслѣдовалъ его до Волги, посадилъ въ орду новаго хана, и въ концѣ **1395 г.** устремился далѣе на сѣверъ. Великій князь приказалъ собирать полки, съ которыми, оставивъ въ Москвѣ кн. Владиміра Андреевича Храбраго, выступилъ къ Коломнѣ и остановился на берегу Оки. Народъ, объятый ужасомъ, постился и молился; великій князь приказалъ укрѣплять города, а для успокоенія взволнованныхъ умовъ писалъ митрополиту, чтобы онъ распорядился перенесеніемъ, изъ Владиміра въ Москву, Владимірской иконы Божіей матери. Это было въ началѣ августа. Тамерланъ, между тѣмъ, взявъ Елецъ, продолжалъ держать путь далѣе къ сѣверу и направлялся, по видимому, къ Москвѣ. Но въ концѣ августа онъ вдругъ поворотилъ назадъ, о чемъ вскорѣ узнали и въ Москвѣ. Великій князь воротился съ береговъ Оки въ свою столицу, гдѣ съ великой радостью встрѣченъ былъ духовенствомъ и народомъ. Современники приписали избавленіе отъ новаго завоевателя заступничеству Богоматери, и церковь установила празднество въ честь срѣтенія иконы Ея 26-го августа, такъ какъ въ этотъ день изъ Владиміра въ Москву была принесена помянутая икона, и въ тотъ же

291) Ibid. IV, 101—102; V, 247; VI, 128 (подъ 1395 г.), 130; VIII, 72 (подъ 1399 г.); Ник. IV, 267. Ср. прим. 290. О Семенѣ и Васи́лѣ Кирдяпѣ см. ниже прим. 300 и текстъ къ нему.

самый день, по сказаніямъ современниковъ, Тамерланъ пошелъ въ обратный путь изъ предѣловъ Руси ²⁹²).

Орда, потрясенная нашествіемъ Тамерлана и оскудѣвшая людьми, теперь, конечно, не была страшна Москвѣ, и великій князь могъ обратить свое вниманіе въ другую сторону, на другихъ сосѣдей и особенно на усиливавшуюся тогда Литву, гдѣ, съ 1392 г., началъ господствовать тестъ Василя Димитріевича, Витовтъ. Оставленный въ покоѣ нѣмцами, Витовтъ, въ 1395 г. сентября 28, хитростью взялъ Смоленскъ и въ то же время послалъ рать на Олега рязанскаго, у котораго находился въ это время одинъ изъ князей смоленскихъ, братьевъ Святославичей, Юрій, женатый на дочери Олега. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что великому князю московскому не желательно было такое сосѣдство, не желательно было усиленіе литовскаго князя вообще, а тѣмъ болѣе — на счетъ древнихъ русскихъ областей. Но онъ, какъ видно, пока еще не хотѣлъ становиться въ открыто враждебныя отношенія къ своему тестю; видимъ даже, что Василій дѣйствуетъ совместно съ Витовтомъ и въ его пользу. Въ 1396 году мы видимъ Василя Димитріевича и митрополита Кипріяна въ гостяхъ у Витовта въ Смоленскѣ, гдѣ они праздновали Пасху и гдѣ литовскій князь уважилъ ходатайство митрополита о непритѣсненіи греческой вѣры: митрополитъ московскій былъ духовнымъ пастыремъ православно-русскаго населенія Литвы. Между тѣмъ Олегъ рязанскій сдѣлалъ нападеніе на принадлежавшій Литвѣ Любутскъ. Василій Димитріевичъ, въ угоду Витовту, чрезъ посла совѣтовалъ Олегу воротиться домой. Олегъ послушался тѣмъ болѣе, что граждане Любутска храбро защищались. Витовтъ, однако, не хотѣлъ оставить Олега безнаказаннымъ: онъ пошелъ («о Покровѣ», 1-го октября) въ Рязанскую землю и жестоко расправился съ жителями посѣщенныхъ имъ мѣстностей: проливалъ кровь, какъ воду, по выраженію одного лѣтописца, и «люди улцами сажали (и) сѣкли», по выраженію другаго. Послѣ этого подвига Витовтъ былъ въ Коломнѣ у Василя Димитріевича, который принялъ его съ великою честію и богато одарилъ. Здѣсь оба князя (хотя желаніе было одного Витовта) условились отправить пословъ къ новгородцамъ съ требованіемъ, чтобъ они расторгли миръ съ нѣмцами. Какъ увидимъ, Витовтъ думалъ о томъ, чтобы Новгородъ считалъ его своимъ великимъ княземъ: по одному этому онъ могъ смотрѣть на дружбу новгородцевъ съ нѣмцами, какъ на личную обиду; кромѣ того, негодованіе Витовта на Новгородъ могло усиливаться еще и потому, что послѣдній принялъ къ себѣ двухъ князей,

292) Ibid. V, 248—249; VI, 124—127 (254 — подъ 1514 г.); VIII, 65—66, 68 (254 подъ 1514 годомъ воспоминается событіе съ указаніемъ на 1395 годъ); Ник. IV, 260 и сл.

непріятныхъ для Витовта: Патрікія, отца котораго, Наримонта Ольгердовича, онъ повѣсилъ и разстрѣлялъ, — и Василя Ивановича, одного изъ смоленскихъ князей, съ которыми онъ еще такъ недавно поступилъ слишкомъ безцеремонно и коварно. И такъ, князья условились послать въ Новгородъ посольство, и въ 1397 году послы Василя Димитріевича были уже въ Новгородѣ. Страшны были князья московскій и литовскій, но и торговые интересы — съ нѣмцами ли, съ другимъ ли какимъ народомъ, — были очень близки сердцу Новгорода. Кромѣ того, надобно имѣть въ виду и то обстоятельство, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1391 г.) новгородцы заключили въ Изборскѣ миръ съ Любекомъ, Готландомъ, Дерптомъ и Ревелемъ. Понятенъ, по этому, отвѣтъ, данный новгородцами Василю: «Господинъ великій князь! у насъ съ тобой миръ, съ Витовтомъ — иной и съ нѣмцами — иной». Такимъ образомъ совѣтъ князей ни къ чему не послужилъ для одного, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ, для Витовта. Впрочемъ, судя по слѣдующимъ событіямъ, Василій Димитріевичъ, кажется, уже во время переговоровъ съ Витовтомъ думалъ сводить счеты съ Новгородомъ самъ, тѣмъ болѣе, что къ тому были весьма серьезные поводы ²⁹³).

Еще въ 1395 г. въ Новгородъ пріѣзжалъ митрополитъ съ патріаршимъ посломъ и требовалъ суда для себя, но не получилъ его. Изъ Новгорода, однако (какъ думаютъ, смягченный дарами), онъ выѣхалъ мирно, благословивъ архіепископа и народъ ²⁹⁴). Но въ 1397 году, — потому ли, что новгородцы отказались разорвать миръ съ нѣмцами, или за отказъ въ судѣ митрополиту, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, — Василій Димитріевичъ послалъ своихъ бояръ на Двину въ Заволочье сказать всѣмъ тамошнимъ поселенцамъ («всей Двинской свободѣ»), чтобъ они «задались» за великаго князя, который будетъ бороться ихъ отъ Новгорода. Двинскіе бояре и вообще всѣ двиняне цѣловали крестъ великому князю. Тогда же Василій Димитріевичъ отнялъ у новгородцевъ Волокъ-Ламскій и Торжокъ съ волостями, Бѣжецкій Верхъ и Вологду; затѣмъ, сложилъ съ себя крест-

293) Ibid. III, 97; IV, 101—102, 141, 194; V, 17, 246—248, 250; VI, 128—129; VII, 220; VIII, 68—70; Ник. IV, 273. Упомянувши о свиданіи князей въ Смоленскѣ въ 1396 г., Софійская вторая говоритъ, будто Василій Димитріевичъ вмѣстѣ съ другими князьями послалъ Витовту разметныя грамоты; и эта же лѣтопись ниже говоритъ о пріѣздѣ, въ томъ же году, Витовта въ Коломну, гдѣ онъ былъ принятъ великимъ княземъ съ честію; а передъ этимъ извѣстіемъ говорится о томъ, что Василій Димитріевичъ посылалъ въ Любутскъ посла отговорить Олега рязанскаго отъ войны съ Литвой. Не беремся утверждать, насколько вѣрны эти извѣстія; въ другихъ лѣтописяхъ объ этомъ не говорится. — Отправка пословъ въ Новгородъ Воскресенской лѣтописью отнесена къ 1396-му, Никоновской — къ 1398-му, а всѣми остальными — къ 1397-му году.

294) Ibid. III, 97; IV, 141; Никон. IV, 257, напротивъ, говоритъ, что «даша ему новгородцы судъ по старинѣ.»

ное цѣлованіе къ нимъ, «крестную грамоту къ нимъ скинулъ». Новгородцы хотя и отвѣтили тѣмъ же, но не хотѣли доводить дѣла до крайности. Въ это время митрополитъ позвалъ въ Москву владыку новгородскаго Іоанна по святительскимъ дѣламъ. Новгородцы отправляютъ съ нимъ своихъ пословъ и умоляютъ владыку замолвить за нихъ доброе слово предъ великимъ княземъ. Владыка просилъ Василя отступиться отъ Заволочья и взятыхъ имъ городовъ, а также отмѣнить общій судъ на порубежѣ, потому что это — «не старина». Но великій князь не принялъ ни благословенія и добраго слова отъ владыки, ни челобитья отъ пословъ; отъ Новгорода нелюбія не отложилъ и мира не взялъ²⁹⁵). Когда владыка Іоаннъ возвратился домой, къ нему собрались новгородцы и представляли ему, что обидѣ великаго князя долѣе терпѣть нельзя. Тогда владыка благословилъ ихъ «поискать» отнятыхъ у нихъ городовъ и волостей. Это было весной **1398** года. Новгородскіе воеводы съ ополченіемъ пошли на Двину къ городку Орлецу. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ владычній волостель съ Вели (притокъ р. Ваги), отъ котораго они узнали, что великокняжескій бояринъ Андрей, въ самый день Пасхи, напалъ съ двинянами на Вель, волость св. Софіи, повоевалъ ее и взялъ поголовный («на головахъ») окупъ; а на Двину, въ засаду, отъ великаго князя пріѣхалъ кн. Ѳеодоръ ростовскій охранять («блюсти») города, судить и брать пошлины съ новгородскихъ волостей; узнали также, что двинскіе воеводы, Иванъ и Кононъ съ своими друзьями, подѣлили между собою на части новгородскія волости и новгородскихъ бояръ. «Лучши есть намъ умереть за св. Софію, нежели въ обидѣ быти отъ своего великаго князя!» сказали воеводы и пошли на волости великаго князя: Бѣлозерскія волости и Бѣлозерскій старый городокъ были взяты на цитъ, пограблены и сожжены; изъ новаго городка вышли бѣлозерскіе князья съ великокняжескими воеводами и добились челомъ новгородскимъ воеводамъ, которые взяли съ нихъ 60 рублей окупа и, кромѣ того, забрали громаднѣйшій полонъ и много скота; далѣе, захватили Кубенскія волости, воевали около Вологды, повоевали и пожгли Устюгъ, гдѣ стояли четыре недѣли; отсюда отрядили часть войска къ югу, которая только на одинъ день пути не доходила до Галича, все предавая по пути огню и мечу и забирая полонъ, который впрочемъ отдавали на окупъ, такъ какъ суда не могли поднимать всей тяжести добычи. Отъ Устюга новгородцы пошли къ Орлецу, гдѣ стояли четыре недѣли. Жители этого городка не сдавались; но когда стали бить его пороками, они вышли съ челобитьемъ: воеводы приняли отъ жителей челобитье, но воеводъ заволочникъ, «кто водилъ Двинскую землю на зло», не пощадили:

295) Ibid. III, 98; IV, 102; V, 250; VI, 129—130; VIII, 70; Ник. IV, 272 и сл.

однихъ предали смерти, другихъ перековали; у кн. Ѳеодора ростовскаго взяли присудъ и пошлины, «а самому съ други животъ даша»; съ гостей великаго князя взяли 300 рублей окупа, а съ двинянъ «за ихъ преступленіе и за ихъ вину» взяли 2000 рублей и 3000 коней, по числу новгородскихъ ратниковъ. Изъ плѣнныхъ главнаго «перевѣтника», Ивана Никитина, заволоцкаго воеводу, въ Новгородѣ сбросили съ моста (въ Волховъ); двоихъ, Герасима и Родіона, пощадили, такъ какъ они изъявили желаніе постричься въ монахи; брату Ивана Никитина Анфалу удалось бѣжать еще въ дорогѣ. Погоня за нимъ не имѣла успѣха. Утоливши жажду мести, новгородцы послали въ Москву пословъ для заключенія мира, который и состоялся «по старинѣ», и Василій Димитрієвичъ отпустилъ въ Новгородъ брата своего Андрея. Уступчивость, въ данномъ случаѣ, великаго князя можетъ правдоподобно объясняться тѣмъ, что онъ не хотѣлъ оттолкнуть отъ себя новгородцевъ въ другую сторону, къ своему опасному врагу—Литвѣ, а Витовтъ дѣйствительно хлопоталъ о томъ, чтобы взять Новгородъ въ свои руки. Въ договорѣ Витовта съ прусскимъ магистромъ, состоявшемся въ томъ же **1398 г.**, есть одинъ пунктъ, по которому Витовтъ долженъ помочь Ордену въ завоеваніи Пскова, а Орденъ обязанъ помогать Витовту въ покореніи Новгорода. Примиреніе новгородцевъ съ Васиціемъ и посылка туда послѣднимъ «въ себя мѣсто» Андрея Димитрієвича, конечно, не нравились Витовту, но теперь онъ не высказывалъ явно своего гнѣва ни противъ Новгорода, ни противъ Москвы, такъ какъ отвлеченъ былъ въ другую сторону: онъ шелъ противъ Темиръ-Кутлука (или Кутлуя) за изгнаннаго послѣднимъ изъ орды Тохтамыша, которому надѣялся возратить ханскій престолъ, и, въ свою очередь, при помощи восстановленнаго имъ хана, прибрать Москву къ своимъ рукамъ: «сѣсть на Москвѣ на великомъ княженіи, на всей Руськой землѣ». Въ томъ же году зачѣмъ-то пріѣзжалъ отъ него въ Москву посоль Ямонтъ. Можетъ быть, не хотѣлъ-ли Витовтъ привлечь на свою сторону и московскаго князя для выполненія первой части своей программы? Затѣмъ, тогда же жена Васиція, Софья Витовтовна, съ дѣтьми своими пріѣзжала къ отцу въ Смоленскъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но планъ Витовта относительно Тохтамыша не удался: при помощи Едигея Темиръ-Кутлукъ на голову разбилъ литовцевъ на берегахъ Ворсклы. Это было 12-го августа **1399 г.** Еще до этой битвы Витовтъ прислалъ новгородцамъ розметную грамоту съ рѣчью: «обезчестовали мя есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ княземъ великимъ быти, а васъ мнѣ было боронити, и вы за мене не ялися». Тогда же Витовтъ «разверзъ миръ» съ Васиціемъ Димитрієвичемъ и Псковомъ, куда еще въ прошломъ году, удовлетворяя просьбу псковичей, в. кн. московскій послалъ Ивана Всеволодо-

вича, князя холмскаго, который въ **1397 г.**, сложивъ крестное цѣлованіе къ в. кн. тверскому Михаилу Александровичу, ушелъ въ Москву и тамъ женился на Анастасіи Димитріевнѣ, сестрѣ великаго князя ²⁹⁶). Но сейчасъ увидимъ, что послѣ битвы на берегахъ Ворсклы Витовтъ сталъ уступчивѣе по отношенію даже къ Новгороду, между тѣмъ какъ московскій князь становится какъ будто притязательнѣе.

И такъ, Василію Димитріевичу Витовтъ становился теперь менѣе страшнымъ, между прочимъ, потому, что силы литовскія значительно поубавились на Ворсклѣ. Теперь онъ могъ обратить на Новгородъ болѣе серьезное вниманіе, и во всякомъ случаѣ имѣлъ поводы начать непріязненные дѣйствія противъ новгородцевъ, тѣмъ болѣе, что въ **1400** Новгородъ заключилъ съ Витовтомъ миръ, а въ слѣдующемъ **1401** году—и Псковъ. Очевидно, Витовтъ сдѣлался уступчивѣе по отношенію къ Новгороду благодаря поражению на Ворсклѣ ²⁹⁷). Василій Димитріевичъ, кромѣ того, могъ видѣть, что урокъ, данный новгородцамъ въ **1398 г.**, а потомъ мягкость, выказанная имъ при заключеніи мира съ ними, одинаково остаются безполезными. Тѣ или другія побужденія руководили великимъ княземъ, опредѣлительно сказать нельзя, но въ **1401 г.** онъ опять начинаетъ войну въ Заволочѣ. Въ началѣ марта новгородскій владыка поѣхалъ въ Москву, куда звалъ его митрополитъ по святительскимъ дѣламъ; но великій князь «велѣлъ поимати» его, вѣроятно, за то, что онъ благословлялъ новгородцевъ на войну. Въ то же время, по повелѣнію великаго князя, извѣстные уже намъ Анфалъ Никитинъ и успѣв-

296) Ibid. III, 98—101; IV, 102—103, 141—142, 195; V, 18, 250—251; VI, 130; VIII, 70—73; Ник. IV, 272 и сл.; Карамз. V, 95 и прим., сюда относящееся. О договорѣ Витовта съ прусскимъ магистромъ см. диссертацию А. Варбашева: «Витовтъ и его политика до Грюнвальдской битвы» (Спб. 1885), гл. IV. — Что касается послышки во Псковъ Ивана Всеволодовича холмскаго, то лѣтописи относительно этого предмета разнятся такъ, что примирить ихъ трудно: одніе говорятъ объ этомъ подъ 1398, другіе — подъ 1399, третьи — подъ 1400 годомъ. Мы отдаемъ преимущество двумъ послѣднимъ разрядамъ лѣтописей, во 1-хъ, какъ лѣтописямъ мѣстнымъ, а во 2-хъ потому, что въ нихъ порядокъ событій идетъ естественнѣе и логичнѣе: изъ Пскова уѣзжаетъ за двѣ недѣли до Троицына дня кн. Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгерда, сложивъ къ псковичамъ крестное цѣлованіе; зимой Витовтъ «разверзъ миръ» съ великимъ княземъ московскимъ, съ Новгородомъ и Псковомъ; наконецъ, псковичи посылаютъ за Иваномъ Всеволодовичемъ. Такъ естественно представляется ходъ событій по Новгородской и Псковской лѣтописямъ. Что же касается того, что онѣ разнятся въ годѣ (по одной — 6907, по другой — 6908 г.), то на самомъ дѣлѣ могло быть такъ: въ концѣ 1399 г. псковичи просили Холмскаго князя, а въ 1400 онъ пріѣхалъ и въ томъ же году уѣхалъ, такъ какъ — по этимъ же лѣтописямъ — Михаилъ Александровичъ тверскій, къ которому Иванъ Всеволодовичъ сложилъ крестное цѣлованіе, умеръ раньше отъѣзда князя Холмскаго изъ Пскова, — а по другимъ источникамъ мы знаемъ, что съ преемникомъ Михаила Иванъ Всеволодовичъ вошелъ въ сношенія и примирился; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и надобно объяснять отъѣздъ его изъ Пскова. См. П. С. Р. Л. VI, 131; VIII, 74; XV, 461 и 470; Ник. IV, 297.

297) Ibid. III, 101; IV, 143, 195; V, 18.

шій бѣжать изъ монастыря Герасимъ съ великокняжескою ратью неожиданно пришли въ Двинскую землю и взяли ее на щитъ; людей рѣзали и вѣшали, забирая ихъ имущество и товары; схватили нѣсколько новгородскихъ бояръ. Но трое новгородскихъ воеводъ, Степанъ Михайловичъ съ братомъ и Никита Головня, собрали вожанъ, нагнали Анфала и Герасима и въ битвѣ при Холмогорахъ отняли у послѣднихъ захваченныхъ ими новгородскихъ бояръ. Въ то же время великій князь послалъ на Торжокъ бояръ своихъ, Александра Поля и Ивана Марина, съ ратью въ 300 человекъ; ими схвачены были въ Торжкѣ сынъ новгородскаго посадника Семенъ Васильевичъ и Михаилъ Теофилаковичъ; имущество ихъ въ церкви Спаса также было взято а сами они отправлены были въ Москву. Впрочемъ въ слѣдующемъ **1402** году Василій Димитріевичъ отпустилъ ихъ въ Новгородъ, а чрезъ годъ послѣ того отпущенъ былъ и владыка новгородскій ²⁹⁸). Затѣмъ до **1417** года мы не видимъ, чтобы между Москвой и Новгородомъ были враждебныя столкновенія. Что касается Пскова, то, какъ мы уже видѣли, хотя онъ въ **1401** году и заключилъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, вѣчный миръ съ Витовтомъ, тѣмъ не менѣе въ томъ же году Василій Димитріевичъ назначилъ въ Псковъ своимъ намѣстникомъ князя Данила Александровича, котораго мы встрѣчаемъ тамъ и въ слѣдующіе годы ²⁹⁹).

Семенъ Димитріевичъ суздальско-нижегородскій все еще бродилъ между татарами и не оставлялъ своей мечты — когда-нибудь добиться Нижняго-Новгорода. Конечно, Василій Димитріевичъ не могъ оставить его безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что этотъ князь, какъ видно изъ сохранившихся о немъ лѣтописныхъ извѣстій, былъ чрезвычайно настойчивъ и упоренъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, и въ то же время закоренѣлый врагъ новаго порядка вещей, наступившаго съ усиленіемъ московскихъ князей. Въ **1398** или **1399** году Василій Димитріевичъ посылалъ на него къ Казани брата своего Юрія. Но этотъ походъ былъ безуспѣшенъ. Наконецъ, въ **1401** г. великій князь послалъ воеводъ своихъ, Ивана Александровича Уду и Ѳедора Глѣбовича, съ большимъ войскомъ — отыскать если не самого Семена Димитріевича, то хотя его семейство или бояръ. Воеводы пошли въ Мордовскую землю и нашли жену Семена Александру съ дѣтьми на какомъ-то

298) Ibid. III, 101; IV, 104—105, 141, 143; V, 252; Ник. IV, 300—303; Архангел. 121. Извѣстіе Псковской первой о томъ, что Василій Димитріевичъ «разверзъ миръ» съ Новгородомъ, помѣщенное подъ 1402 годомъ, должно, судя по ходу событій, относиться къ предъидущему году. — Татищевъ (IV, 404) передаетъ, что великій князь выражалъ митрополиту Кипріану неудовольствіе на новгородскаго владыку, почему митрополитъ и послалъ въ Новгородъ стольника своего Новосильца звать владыку въ Москву.

299) Ibid. IV, 195; V, 18.

мѣстѣ *Цыбириы*, около православной церкви, поставленной какимъ-то татаринномъ Хазпбабой, — забрали все ея имущество и вмѣстѣ съ дѣтьми взяли въ Москву. Борьба, какъ видно, была весьма ожесточенна, такъ что вызвала вмѣшательство духовенства. «Смущеніе велико, — пишетъ великому князю Кипилъ, игуменъ Бѣлозерскаго монастыря, — между тобою и сродники твоими князми суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они — свою; а въ томъ, господине, межъ васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится... Слышелъ есмь, что доселѣ были (суздальскіе князья) у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили. И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались...» Узнавши объ участи своей семьи, Семенъ Димитріевичъ, по выраженію лѣтописи, «вниде въ покореніе»: сославшись съ Василиемъ Димитріевичемъ и выпросивши у него опасъ (опасная грамота), онъ прибылъ въ Москву и взялъ миръ съ великимъ княземъ, отказавшись въ его пользу отъ Нижегородскаго княжества. Не извѣстно, давалъ ли ему что-нибудь великій князь изъ бывшей его отчины; знаемъ только, что онъ въ **1402 г.** уѣхалъ съ семействомъ въ Вятку уже сильно ослабленный, разболѣлся тамъ и 21-го декабря того же года скончался³⁰⁰⁾.

Въ **1403 г.** не въ первый разъ уже происходитъ раздоръ между в. кн. тверскимъ Иваномъ Михайловичемъ и младшимъ братомъ его, Василиемъ Михайловичемъ кашинскимъ, который бѣжалъ въ Москву. Василій Димитріевичъ успѣлъ примирить братьевъ³⁰¹⁾. Такое же мирное настроеніе сказалось въ великомъ князѣ и по отношенію къ Новгороду. Въ **1401** году, когда новгородскій архіепископъ Іоаннъ пріѣзжалъ, по какимъ-то дѣламъ, въ Москву къ митрополиту и великому князю, послѣдній приказалъ «пой-

300) Ibid. VI, 131; VIII, 75 относятся эти событія къ 1401 году; IV, 108, 145 и V, 253 — къ 1405, а Ник. IV, 303, 304 — къ 1402 г. Посланіе игумена Кирилла въ Акт. Ист. I, № 12 и у Амвросія въ «Росс. Іерархіи» IV, 403, но съ подновленной орфографіей. О походѣ Юрія Димитріевича къ Казани на Семена говорится въ V, 251; VI, 130; VIII, 72 подъ 1408 годомъ; въ IV, 130 и V, 252 — въ вариантахъ подъ 1409 г., причемъ редакторъ лѣтописи отсылаетъ читателя *смотреть то же извѣстіе* подъ 1405 годомъ въ той же лѣтописи, отождествляя, очевидно, событія 1408 или 1409 г. съ событіями 1401 или 1405 годовъ. Въ Воскр. лѣт. (VIII, 72) подъ 1408 годомъ говорится, что Василій посылалъ брата Юрія къ Казани на кн. Семена, а подъ 1409 г. — о приходѣ Семена въ Нижній-Новгородъ съ царевичемъ Ейтякомъ. Разобраться здѣсь въ хронологической послѣдовательности событій очень трудно. Но, кажется, необходимо различать по отношенію къ Семену Димитріевичу и великому князю три момента въ теченіи указанныхъ лѣтъ: а) взятіе Нижняго-Новгорода Семеномъ и отнятіе его у Семена войсками великаго князя, посланными съ Юріемъ; б) попытка поймать Семена Димитріевича, возложенная на того же Юрія, и в) поимка жены Семена.

301) Ibid. IV, 106; V, 252; VIII, 76.

мати» его ³⁰²); а въ слѣдующемъ **1402 г.** Василій Димитріевичъ разорвалъ миръ съ новгородцами ³⁰³). Но въ **1403 г.** великій князь вдругъ приказываетъ митрополиту Кипріану освободить новгородскаго владыку и съ честію отпустить его въ Новгородъ ³⁰⁴).

Отношенія къ Литвѣ за разсматриваемое время Василій Димитріевичъ старался поддержать если не дружественными, то, по крайней мѣрѣ, мирными, пока не затрогивались, со стороны Литвы, его существенные интересы. Это видно изъ того, какъ онъ относился къ событіямъ въ Смоленскѣ и Псковѣ, на которые сильно налегалъ Витовтъ. Въ **1403 г.** въ Москву пріѣхалъ смоленскій князь Юрій Святославичъ и просилъ великаго князя защитить его отъ Витовта; онъ предлагалъ даже Василию Димитріевичу свое княжество въ собственность, только не было бы оно за его непримиримымъ врагомъ, а себя просилъ принять на службу. Великій князь, не желая нарушить мира съ Витовтомъ, не согласился ни на то, ни на другое ³⁰⁵). Впрочемъ, причиной отказа было, кажется, и нерасположеніе Василя Димитріевича къ Юрію, личность котораго, дѣйствительно, была довольно грязной, судя по поступку его съ княгиней Вяземской, которая не хотѣла для него измѣнить мужу, близкому къ Юрію человѣку. Совсѣмъ иначе отнесся великій князь къ подобной же просьбѣ псковичей. Когда, въ **1405 г.**, псковичи и новгородцы просили у Василя Димитріевича помощи противъ Витовта, который на миру взялъ у нихъ городъ Коложе, то великій князь послалъ въ Псковъ брата своего Петра ³⁰⁶), а въ слѣдующемъ **1406** году изъ-за тѣхъ же псковичей разорвалъ съ Витовтомъ миръ и послалъ свои рати къ Вязьмѣ и Серпейску — воевать Литовскую землю ³⁰⁷); наконецъ, 7-го сентября того же года и самъ Василій Димитріевичъ выступилъ къ р. Плавѣ противъ Витовта. До битвы, однако, дѣло не дошло: князя заключили перемиріе на годъ ³⁰⁸). Въ Псковѣ Василій Димитріевичъ оставилъ своимъ намѣстникомъ князя Даніила Александровича (изъ ростовскихъ князей). Для

302) Ibid. V, 252. См. прим. 298.

303) Ibid. IV, 196.

304) Ibid. IV, 144.

305) Ibid. IV, 144; въ слѣдующихъ лѣтоп. подъ 1404 годомъ: III, 102; IV, 106—107; V, 253; VI, 132; VII, 239; VIII, 76; а въ Новгородской 4-ой (т. IV, 145) — подъ 1405 годомъ.

306) Ibid. IV, 133—134; VI, 132; VIII, 81, 78; Ник. IV, 316.

307) Ibid. IV, 109; V, 254; VI, 132; VIII, 78. По Троицкой (I, 233) это было въ 1405, а по Псков. 1-ой и 2-ой (IV, 198, — V, 19) — въ 1407 году. Въ Ник. IV, 316 говорится, что посланный къ Вязьмѣ и Серпейску войска «не успѣша ничто же.»

308) Ibid. V, 254; VI, 133; VIII, 78; Ник. V, 1. Въ Софійской второй говорится, что Василій Димитріевичъ пошелъ противъ Витовта «и ста на Плавотъ», очевидно, вѣсто на р. Плавъ. — Никон. лѣтопись говоритъ, что Василию присылали помощь кн. тверскій Иванъ Михайловичъ и ханъ Шадибекъ.

Смоленска, какъ видно, великій князь ничего не выговорилъ у Витовта: мы видимъ, что въ томъ же **1406 г.** въ Москву опять пріѣхалъ кн. Юрій Святославичъ, выгнанный изъ его отчины Витовтомъ, и получилъ намѣстничество въ Торжкѣ; тогда же изъ Литвы пріѣхалъ на службу къ великому князю кн. Александръ Ивановичъ Нелюбъ, которому данъ былъ г. Переяславль ³⁰⁹). Между тѣмъ псковичи, оставленные въ покоѣ со стороны Литвы, начинаютъ терпѣть отъ нападений со стороны нѣмцевъ. Они опять обратились за помощью къ Василю Дмитріевичу, который послалъ къ нимъ (зимою) брата своего Константина сначала только для помощи, а потомъ, въ **1407 г.**, и на княженіе ³¹⁰).

Съ **1407 г.**, по выраженію Никоновской лѣтописи, «наипаче заратилася москвичи съ литвою». Ни одна изъ лѣтописей не указываетъ, однако, на причины этихъ непріязненныхъ отношеній. Василій Дмитріевичъ пошелъ по направленію къ Смоленску, взялъ и сожегъ Дмитровецъ и отсюда пошелъ къ Вязьмѣ. Но до битвы и теперь дѣло не дошло: князья заключили перемиріе на время отъ Рождества Богородицы (8-го сентября) до Петрова дня ³¹¹). Въ Литвѣ въ это время происходили усобицы: Ягелло и Свидригайло спорили о власти; первый одержалъ верхъ, и его соперникъ изъ Брянска перешелъ, въ **1408** году (іюля 26-го), на службу къ князю московскому; съ нимъ пришли также князья: Патрикій и Александръ звенигородскіе, Ѳеодоръ Александровичъ путивльскій, Семенъ перемышльскій, Михаилъ Хотетовскій и Урустай минскій (вѣроятно, изъ татарскихъ князей), бояре черниговскіе, брянскіе, стародубскіе и рославльскіе. Василій Дмитріевичъ далъ Свидригайлу города: Владиміръ, Переяславль, Юрьевъ, Волоколамскъ и др. ³¹²). Между тѣмъ на Литвѣ наступило относительное спокойствіе, и Витовтъ не преминулъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ для похода на Москву. Хотя лѣтописи и не говорятъ о причинахъ

309) Ibid. III, 103; IV, 109; V, 256; VI, 132—133; VIII, 78—81; Ник. IV, 317.

310) Ibid. III, 103; IV, 198; V, 19; VI, 134; VIII, 81. По Новгородской 1-ой Константинъ въ первый разъ пришелъ на помощь къ псковичамъ въ 1407 году, а на намѣстничество — въ 1408. Псковская 1-я добавляетъ, что въ 1407 г. онъ пришелъ въ мартъ (15-го). Странно, почему въ послѣдней не говорится о томъ, что Константинъ былъ во Псковѣ на княженіи.

311) Ibid. IV, 110; V, 256—257; VI, 135. Лѣтописи Троиц. и Воскр. (I, 234; VIII, 81) относятъ этотъ походъ къ 1408 году. Нѣкоторыя изъ лѣт., наприм. Никоновская, говорятъ, что Василій Дмитріевичъ выступилъ въ походъ 6-го августа, а другія, какъ Троицкая, — 8-го сентября. Такъ какъ перемиріе до Петрова дня заключено именно 8-го сентября, то, очевидно, войска должны были выступить въ походъ много раньше этого числа. По Софійской второй передъ этимъ походомъ Василій Дмитріевичъ и Иванъ Михайловичъ тверскій пошли въ орду къ Зелени-Салтану, а по Воскр. пошелъ только кн. тверскій.

312) Ibid. V, 257; VI, 136; VIII, 82; Ник. V, 16. Густинская лѣт. (I, 352) относитъ приходъ Свидригайла къ 1406 г.

этого похода, но, кажется, ближайшею причиною его былъ переходъ на службу къ Василю Витовтова врага Свидригайла. Василій Димитріевичъ пошелъ на встрѣчу Витовту, къ р. Угрѣ. Но и на этотъ разъ дѣло не дошло до битвы: князя заключили вѣчный миръ³¹³).

Въ ордѣ въ описываемое время происходили неурядицы и смуты, была замѣтна, по выраженію лѣтописей: ханы быстро смѣняли одинъ другаго, и эти перемѣны сопровождались потрясеніями и кровопролитіемъ: Тохтамышъ смѣнилъ Темиръ-Кутлуй, за которымъ слѣдовали Шадибекъ и Булатъ-Салтанъ. Василю Димитріевичу, конечно, на руку были эти смуты, и онъ нѣсколько лѣтъ не посылалъ даже выхода въ орду. Тѣмъ не менѣе орда еще сильна была, между прочимъ, потому, что настоящимъ представителемъ ея въ это время былъ хитрый и энергичный Едигей. Онъ, по-видимому, дружилъ съ Василюмъ, называлъ его сыномъ своимъ, а между тѣмъ втайнѣ готовился нанести этому сыну сильный ударъ. Въ 1408 г. онъ вмѣстѣ съ другими четырьмя царевичами и многими князьями ордынскими вторгся въ Рязанскую землю, разбилъ рязанскаго князя Ѳедора Олеговича, потомъ — коломенскую рать и, въ концѣ ноября, подступилъ къ Москвѣ. Великій князь уѣхалъ въ Кострому, оставивъ въ Москвѣ дядю своего Владиміра Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра и какого-то кн. Ивана Юрьевича. Едигей 26-го ноября остановился въ Коломенскомъ, а 1-го декабря по всей Московской землѣ распустилъ татаръ, которые разсыпались въ разныя стороны «аки зліи вѣлци»: Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верея, Нижній-Новгородъ и Городецъ сдѣлались жертвою огня и меча татарскаго; но погоня, посланная за великимъ княземъ, не могла догнать его и ни съ чѣмъ воротилась назадъ. Хотя Едигей самъ и не подходилъ къ Москвѣ и не сносился съ осажденными, тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ остаться здѣсь на зимовку и, во что бы то ни стало, взять столицу. Чтобы усилиться людьми и осадными орудіями, онъ вызывалъ къ Москвѣ Ивана Михайловича, в. кн. тверскаго, съ пушками, тюфяками и самострѣлами. Иванъ Михайловичъ шелъ медленно; дошедши до г. Клина, онъ отпустилъ отъ себя сопровождавшихъ его татарскихъ посланцевъ, а самъ воротился домой. Такъ

313) Ibid. VI, 136; VIII, 82. Троицк. и Псков. 1-я и 2-я (I, 234; IV, 200; V, 21), а также Никон. (V, 26—27) относятъ этотъ походъ къ 1409 году. Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Воскр. и Никон., выступленіе Василю въ походъ относятъ къ 1-му сентября, другія — къ 11-му, какъ Соф. 2-я, и третья — къ 14-му, какъ Троицкая. Въ большинствѣ лѣтописей виновникомъ вооруженнаго столкновенія выставляется Витовтъ, — онъ первый выступаетъ противъ Василю; а 1-я и 2-я Псков. и Никон. лѣтописи приписываютъ починъ въ этомъ дѣлѣ Василю. Последняя изъ указанныхъ лѣтописей прибавляетъ, что Василю обращался къ татарскому царю съ просьбой о помощи противъ Витовта, что ханъ Шадибекъ и кн. Иванъ Михайловичъ тверскій присылали ему помощь.

онъ поступалъ «дабы ни Едигѣя разгнѣвити, ниже великому князю погробити, и обоимъ обоюго избѣжа, премудрѣ бо сіа створи»... Не надѣясь захватить (въ плѣнъ) великаго князя, Едигей отправилъ къ нему посланіе или грамоту, въ которой прописываетъ всѣ преступныя противъ орды дѣянія Василія. Это посланіе, внесенное въ Новгородскую 4-ю и другія лѣтописи, весьма любопытно, такъ какъ оно ярко характеризуетъ отношенія Василія къ ордѣ и его ордынскую политику. Едигей, прежде всего, говоритъ, что онъ пришелъ ратью потому, что, по распространившемуся въ ордѣ слуху, у Василія находятся Тохтамышевы дѣти. Очевидно, Булатъ-Салтанъ не чувствовалъ подъ собой твердой почвы и, надо полагать, боялся, что Василій (если бы у него были Тохтамышевы дѣти) могъ отъ себя выставить претендента на ханскій престолъ. Далѣе, Едигей жалуется, что прежде улусъ царевъ «исправу дрѣжалъ да и пошлину», а теперь этого нѣтъ, — что приходящихъ въ Московскую землю царевыхъ пословъ и купцовъ «на смѣхъ поднимаютъ», между тѣмъ какъ прежде пословъ царевыхъ и гостей чтили и «держали безъ истомы и безъ обиды»; онъ совѣтуетъ Василію спросить старыхъ бояръ, такъ ли дѣлалось прежде; выставляетъ на видъ, что съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ на царствѣ Темиръ-Кутлуй, Василій не былъ ни у одного царя въ ордѣ, не присылалъ даже ни дѣтей, ни князей, ни бояръ своихъ. «Добрые нравы, говоритъ Едигей, и добрыя дѣла, и добрая дума въ ордѣ была отъ Оедора отъ Кошки, добрый былъ человекъ: которыхъ добрыя дѣла ордынскіи тотъ тебѣ (Василію) поминалъ, а то ся минуло». Теперь, говоритъ далѣе Едигей, у тебя сынъ его Иванъ — казначей, любовникъ и старѣйшина; «и ты нынѣча изъ того (Ивана) слова и думы не выступаешь, которая его дума не добра и слово, и ты изъ того слова не выступаешь... ино того думою учинилася улусу пакость». Въ заключеніе Едигей говоритъ, что Василій, посылая въ орду «жалобныя грамоты», всегда лгалъ, когда говорилъ, что «ся улусъ истомилъ и выхода взяти не на чемъ», что онъ бралъ съ двухъ сохъ по рублю и неизвѣстно, куда дѣвалъ это серебро, т. е. — другими словами — оставлялъ у себя. Такъ прописывалъ Едигей Василію его «пакости». А между тѣмъ ордѣ угрожалъ новый претендентъ на ханскій престолъ. Булатъ-Салтанъ чрезъ посла извѣщалъ Едигея объ опасности и требовалъ, чтобъ онъ немедленно возвратился въ орду. Только теперь Едигей вступаетъ въ переговоры съ осажденными, не знавшими объ угрожавшей хану опасности, и соглашается снять осаду за окупъ въ 3000 рублей. Сначала Едигей отпустилъ въ орду нѣсколько отрядовъ съ большимъ полономъ, а потомъ, въ концѣ декабря, ушелъ и самъ со всѣмъ войскомъ ³¹⁴⁾.

314) Ibid. III, 103; IV, 110; V, 257; VI, 136; VIII, 82—84; Ник. V, 17 и сл. Троицк. (I, 234) относитъ это событіе къ 1409 году; С. г. г. и д. II, № 15.

Затѣмъ, до **1418 г.** дѣятельность Василія Димитріевича отличается болѣе мирнымъ и миротворнымъ характеромъ. Въ **1408 году**, еще до нашествія Едигея, кн. Иванъ Владиміровичъ пронскій согналъ Ѳеодора Олеговича съ великокняжескаго рязанскаго стола, который самъ занялъ. Василій Димитрієвичъ вступился въ это дѣло, примирилъ родичей, и каждый изъ нихъ занялъ по-прежнему свое княженіе ³¹⁵); тогда же по повелѣнію великаго князя срубленъ, т. е. укрѣпленъ былъ г. Ржева, вѣроятно, по причинѣ частыхъ набѣговъ на него Литвы ³¹⁶); въ слѣдующемъ **1409 г. сентября 1-го** Василій Димитрієвичъ съ большой силой выступилъ противъ Витовта и сталъ на берегу р. Угры. Витовтъ съ литовцами, ляхами, нѣмцами и жмудью стоялъ на другомъ берегу той же рѣки. Но, простоявши такъ нѣсколько дней, князья примирились, какъ выражается лѣтопись, «по давному ³¹⁷).

Псковъ въ это время начинаютъ беспокоить нѣмцы. Въ самомъ началѣ февраля **1408 г.** ливонскій магистръ съ нѣмцами и литвой вторгся въ Псковскую землю и пустошилъ ее въ продолженіе недѣли. Тщетно псковичи обращались къ Новгороду: новгородцы «псковичемъ въ перечину» не оказали имъ никакой помощи, и нѣмцы побили псковичей. Въ слѣдующемъ **1409 г.** псковичей постигло другое несчастье: 4-го апрѣля скончался ихъ любимый князь, Даниилъ Александровичъ. Въ то же время, послѣ праздника Пасхи (была 7-го апрѣля), на основаніи заключеннаго Василиемъ Димитрієвичемъ мирнаго договора съ Витовтомъ, псковичи отправили къ послѣднему пословъ также для заключенія «вѣчнаго мира». Заключивши (въ іюлѣ мѣсяцѣ) миръ и съ ливонскимъ магистромъ, псковичи должны были позаботиться о князѣ: они отправили къ Василию Димитріевичу пословъ, по просьбѣ которыхъ великій князь отпустилъ къ нимъ на княженіе кн. Александра Ѳеодоровича ростовскаго. Но съ нимъ, какъ видно, псковичи не могли ужиться: въ **1410 г.** Александръ Ѳеодоровичъ назначенъ былъ во Псковъ княземъ, а 15-го мая слѣдующаго **1411 г.** онъ уѣхалъ изъ Пскова въ Москву. Въ слѣдующемъ **1412 г.** псковичи опять отправили къ великому князю посольство, чрезъ которое выпросили къ себѣ княземъ меньшаго брата Василіева, Константина Димитріевича ³¹⁸).

315) Ibid. VI, 135; VII, 243; Ник. V, 14. Бой между рязанскими князьями произошелъ 1-го іюня.

316) Ibid. VIII, 82.

317) Ibid. VI, 136; VIII, 82; а по I, 234, — IV, 200 и V, 21 походъ на Угру былъ въ 1408 году.

318) Ibid. IV, 200—201; V, 21—22; Ник. V, 36. Псковская 1-я подъ однимъ 1409 годомъ помѣщаетъ извѣстія разныхъ годовъ: походъ Василія на Угру, нападеніе ливонскаго магистра на Псковскую землю въ февралѣ, смерть Даниила Александровича въ апрѣлѣ и за-

Еще не успѣли послы выѣхать изъ Москвы, какъ Василій Димитріевичъ со множествомъ богатства и большой свитой собрался въ орду къ Зелени-Салтану (Джелал-Эддину); съ нимъ былъ и ярославскій князь Иванъ Васильевичъ. Въ то же время въ орду пошелъ, по требованію хана, и кн. тверскій Иванъ Михайловичъ. Надобно полагать, что эта поѣздка Василія въ орду была въ связи съ дѣлами нижегородско-суздальскихъ князей, которые хлопотали въ ордѣ о ярлыкѣ на княженіе Нижегородское. Василій выѣхалъ въ орду въ августѣ, а въ половинѣ ноября того же года (о Филипповѣ заговѣннѣ) возвратился въ Москву³¹⁹), кажется, съ успѣхомъ, такъ какъ не расположенный къ нему Зелени-Салтанъ скончался, а занявшій его мѣсто Керим-бердей обнадежилъ его въ своей дружбѣ, такъ что суздальско-нижегородскіе князья, не смотря на полученный ими еще отъ Зелени-Салтана ярлыкъ на Нпжній Новгородъ, волей-неволей, должны были смириться, и вотъ, въ **1416 г.**, среди лѣта, въ Москву пріѣхали: Иванъ Васильевичъ Кирдяпинъ, Иванъ Борпсовичъ, сынъ котораго Александръ пріѣхалъ двумя годами раньше отца, а Даниилъ Борисовичъ прибылъ въ слѣдующемъ **1417** году. Впрочемъ, Даниилъ и Иванъ Борисовичи черезъ годъ бѣжали изъ Москвы³²⁰). Въ томъ же **1417 г.** великаго князя постигло глубокое горе: «зѣло превозжелѣанный ему» сынъ его Иванъ скончался³²¹).

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ, — въ томъ же **1417 г.** Василій Димитріевичъ приказалъ брату своему Юрію воевать Заволочье. Юрій послалъ туда боярина своего Глѣба Семеновича, который съ новгородскими бѣглецами, Семеномъ Жадовскимъ и Михаиломъ Разсохинымъ, съ устюжанами и вятчанами пустошилъ Заволочье до Холмогоръ, которые пожегъ, и взялъ въ полонъ новгородскихъ бояръ, Юрія Ивановича и брата его Сампсона. Новгородцы преслѣдовали

ключеніе мира съ Витовтомъ, также въ апрѣлѣ. Очевидно, къ 1409 году надобно отнести только смерть Даниила и заключеніе мира съ Витовтомъ, а все остальное—къ предъидущему году; и извѣстія за іюнь и сентябрь слѣдующаго 1410 года, такимъ образомъ, надобно отнести къ 1409 году. — По Псковской второй псковичи выпросили себѣ княземъ Константина въ 1411 г., а во Псковѣ Константинъ пріѣхалъ въ 1412 году ноября 11-го; по Псковской же первой все это случилось въ 1412 г. — Никон. лѣт. (V, 35) подъ 1410 г. отмѣчаетъ, что Василій Димитріевичъ «повелѣ рубити градъ Плес».

319) Ibid. I, 134; III, 105; IV, 113, 201; V, 258; VI, 135, 139 (подъ 1407 годомъ, а подъ 1412-мъ опять говоритъ, что великій князь поѣхалъ въ орду и что при немъ былъ Иванъ Михайловичъ тверскій); VIII, 86; XV, 486.

320) Ibid. I, 235; V, 261 (въ вариантахъ); VI, 140 — 141; VIII, 88, 90.

321) Ibid. I, 235; III, 106, 136; IV, 15, 202; V, 260; VI, 141 (въ вариантахъ); VIII, 88. Смерть его въ VI и VIII смѣшивается со смертью Ивана Васильевича Кирдяпина. Какъ объ этомъ княжичѣ, такъ и о другихъ дѣтяхъ великихъ князей, не занимавшихъ почему либо удѣловъ, біографическія свѣдѣнія будутъ помѣщены въ концѣ этого тома, въ I приложеніи.

незванныхъ гостей, отбили у нихъ новгородскихъ бояръ и вообще новгородскій полонъ, а другая партія новгородцевъ сожгла Устюгъ ³²²).

Сей-часъ мы упомянули о томъ, что въ 1417 г. умеръ старшій сынъ Василія Димитріевича, «зѣло превозжелѣнный» ему Иванъ, въ которомъ великій князь лишился наслѣдника великокняжескаго стола. Но за два года передъ этимъ у Василія родился другой сынъ, именемъ также Василій, который теперь и долженъ считаться наслѣдникомъ престола. Въ 1419 г. Василій Димитріевичъ хотѣлъ подъ этого Василья, какъ будущаго великаго князя, «подписать» младшаго брата своего Константина, т. е., говоря современнымъ намъ языкомъ, привести его къ присягѣ на вѣрность своему сыну, какъ наслѣднику великокняжескаго стола. Константинъ воспротивился этому: «Нестъ сѣя отъ начала бывало», сказалъ онъ старшему брату: «и ты ныне на мнѣ почто хочешь силу сотворити?» Разгнѣванный Василій отнялъ у Константина отчину его, отнялъ все до послѣдней деревни и приказалъ переловить бояръ его. Константинъ ушелъ къ новгородцамъ, которые, 25-го февраля, приняли его съ великою честію и дали ему города, бывшіе прежде за кн. Семеномъ (Лугвеніемъ) Ольгердовичемъ литовскимъ ³²³).

Въ 1420 г. новгородцы чрезъ бояръ Константина Димитріевича и чрезъ великокняжескаго намѣстника, кн. Оедора Патрикѣевича, заключили съ нѣмцами миръ въ сѣздѣ на р. Наровѣ. Псковичи также были въ мирѣ съ нѣмцами. Между тѣмъ въ слѣдующемъ 1421 г. Витовтъ чрезъ пословъ своихъ потребовалъ, чтобы Псковъ разорвалъ миръ съ нѣмцами. Псковскіе послы въ свою очередь говорили Витовту: «како намъ, княже, по тобѣ пособити? а на томъ есме крестъ цѣловали, что намъ съ нѣмцы миръ держати, а по тобѣ не помогати». Съ этого времени, по замѣчанію одной лѣтописи, Витовтъ началъ держать гнѣвъ на псковичей. Вѣроятно, этимъ обстоятельствомъ надобно объяснять отправку, въ томъ же году, псковскаго посольства къ великому князю съ просьбой дать въ князя Пскову Александра Оедоровича, кн. ростовскаго, который и прибылъ во Псковъ 1-го апрѣля 1422 года ³²⁴).

Что касается отношеній, за это время, самого Василія Димитріевича къ Литвѣ, то видно, что онъ старался устранять всякіе поводы къ непріязненнымъ столкновеніямъ съ ней и поддерживалъ добрыя сосѣдскія отношенія съ Витовтомъ. Такъ, въ 1422 г. Василій Димитріевичъ отпустилъ жену свою съ сыномъ Васи́ліемъ въ Смоленскъ на свиданіе съ Витовтомъ, а самъ

322) Ibid. III, 106 — 107; IV, 115; V, 260; VI, 141; Ник. V, 68.

323) Ibid. III, 109; IV, 119 (подъ 1421 годомъ); V, 261 (въ вариантахъ); VIII, 91; Ник. V, 73.

324) Ibid. IV, 119; V, 23; VI, 141.

въ то же время отправился за чѣмъ-то въ Коломну; въ-слѣдъ за Софьей Витовной въ Смоленскъ отправился митрополитъ. Но всего очевиднѣе выражается нежеланіе Василя Димитріевича ссориться съ тестемъ въ отношеніяхъ его къ псковитянамъ. Въ **1423 г.** псковичи чрезъ своихъ посадниковъ были челомъ великому князю, чтобы онъ «доброе слово послалъ» за нихъ Витовту; но великій князь «не учини на добро ничего же». Въ слѣдующемъ **1424 г.** псковичи опять отправили въ Москву пословъ просить себя князя, такъ какъ Александръ Ѳеодоровичъ ростовскій въ предъидущемъ году выѣхалъ изъ Пскова «п съ челядью»; въ то же время послы просили Василя Димитріевича, «абы печаловался о Псковѣ и избавилъ бы отъ гнѣва князя Витовта». Василій послалъ во Псковъ кн. Ѳедора Патрикѣевича, а что касается второй просьбы, то опять великій князь «не учини на добро ничего же». Подобная же просьба съ такимъ же результатомъ повторилась и въ **1425** году. Наконецъ, на желаніе Василя сохранить дружественныя отношенія къ Витовту указываютъ и его духовныя грамоты, въ которыхъ онъ поручаетъ своего сына - наследника попеченію, прежде всего, Витовта. Самъ Витовтъ, какъ видно, считалъ отношенія свои къ великому князю московскому дружественными, и потому-то, когда князь Кудатъ, въ 1424 г., пришелъ къ Одоеву на тамошняго князя Юрья Романовича, литовскаго подручника, Витовтъ просилъ у Василя Димитріевича помощи, и хотя послѣдняя не поспѣла во-время, тѣмъ не менѣе изъ двухъ ханшъ, взятыхъ въ плѣнъ, литовскіе князья, побившіе Кудата, одну отправили къ Витовту, а другую — къ Василю Димитріевичу³²⁵).

Послѣднимъ актомъ жизни Василя Димитріевича было примиреніе его съ Новгородомъ: онъ цѣловалъ крестъ къ В. Новгороду на томъ, что отступается отъ Бѣжецкаго Верха, Волока и Волоцкихъ мѣстъ; новгородцы, съ своей стороны, отказались «отъ княжчинъ (принадлежавшихъ великому князю поплинъ) всѣхъ, гдѣ ни есть»³²⁶).

Василій Димитрієвичъ скончался въ февралѣ **1425** года и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ³²⁷). Онъ женатъ былъ, съ **1392 г.**, на дочери в. кн. литовскаго Витовта Софіи³²⁸), отъ брака съ которой имѣлъ пятерыхъ

325) Ibid. V, 24 — 25, 262; VI, 142; VIII, 91 — 92.

326) Ibid. VIII, 92.

327) Ibid. II, 354; III, 110 (подъ 1424 г.), 140 (въ вариантахъ); IV, 120; V, 25, 263; VI, 53, 142; VII, 225; VIII, 2, 92, 248; Ник. V, 82. Однѣ изъ указанныхъ лѣтописей относятъ кончину Василя Димитріевича къ 7 февраля, другія — къ 17, третья — къ 27, а нѣкоторыя — къ 28.

328) Ibid. IV, 99; V, 245; VI, 119; но въ II, 351, — V, 244, — VIII, 61 и XV, 445 (зимой) свадьба отнесена къ 1390 году. По IV, 97 — V, 244, — VIII, 61 бояре Василя, выходящіяе встрѣтить великокняжескую невѣсту, въ 1390 г. чрезъ Новгородъ прибыли въ Москву. Очевидно, въ лѣтописяхъ смѣшаны два факта: пріѣздъ Софіи и свадьба.

сыновей и четырехъ дочерей, а именно ³²⁹): Юрія (р. 1395 † 1400), Ивана ³³⁰), Василя (впослѣдствіи великій князь), Данила ³³¹) и Семена, — дочерей: Марію, бывшую за московскимъ бояриномъ и воеводой кн. Юріемъ Патрикѣевичемъ, сыномъ Патрікія Наримонтовича, кн. литовскаго ³³²), — Василиссу, бывшую въ первомъ супружествѣ за Александромъ Ивановичемъ Брюхатымъ, а во второмъ — за Александромъ Даниловичемъ Взметнемъ, князьями суздальско-нижегородскими ³³³), — Анну, въ 1411 г. выданную за греческаго царевича Ивана Мануиловича Палеолога ³³⁴), и Анастасію, бывшую за кievскимъ княземъ Александромъ (Олелькомъ) Владиміровичемъ, внукомъ Ольгерда ³³⁵).

329) Ibid. VI, 124; VIII, 65, 74; Ник. IV, 257.

330) Ibid. I, 235; III, 106, 136; IV, 115, 202; V, 260; VI, 141 (въ вариантахъ); VIII, 70, 88.

331) Мальгинъ («Зерцало») вмѣсто Данила даетъ Василию Дмитрія. О Даниилѣ извѣстно только, что онъ родился 6-го декабря 1401 г. «да не долго жилъ: толико 5 мѣсяцъ, и умре»; Семенъ родился 13-го января 1405 г. «да жилъ 12 недѣль и умре». См. Карамз. V, пр. 254. Семенъ упоминается въ первой духовной грамотѣ Василя Дмитріевича. С. г. г. и д. I, № 39.

332) Ibid. VII, 254. Имя ея извѣстно по родословнымъ.

333) Ibid. V, 261 (въ вариантахъ); VIII, 90; Ник. V, 73.

334) Ibid. IV, 113; V, 258; VI, 139; VIII, 86; Ник. IV, 250 и V, 41.

335) Ibid. VI, 142; VIII, 91.

III.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ.

Василій Васильевичъ Темный.

р. 1415 † 1462.

Василію Васильевичу было десять лѣтъ, когда умеръ отецъ его ³³⁶). Легко было предвидѣть, что у юнаго великаго князя будутъ соперники въ лицѣ дядьевъ его, хотя бы онъ наслѣдовалъ престолъ и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ: старинныя понятія о старшинствѣ, по крайней мѣрѣ между самими князьями, еще не вполне были вытѣснены новыми понятіями о престолонаслѣдіи. Борьбу предвидѣлъ еще самъ умершій великій князь. Чтобы предупредить могущія возгорѣться послѣ его смерти распри, съ одной стороны, между его братьями и, съ другой, его сыномъ-наслѣдникомъ, Василій

336) Ibid. I, 234; VI, 140; VIII, 87; Ник. V, 56 вездѣ подъ 1415 г. По однимъ Василій Васильевичъ родился 10, по другимъ — 15, по третьимъ 21 марта. Самое рожденіе Василія обставлено въ лѣтописяхъ необыкновенными явленіями. Въ день рожденія мать его до того стала изнемогать, что, казалось, скоро умереть. Великій князь послалъ въ монастырь Іоанна Предтечи, что за р. Москвой, къ извѣстному ему святостию жизни старцу, котораго просилъ помолиться о княгинѣ. Старецъ сказалъ посланному, что бы великій князь молился Богу и Его Пречистой Матери и покровителю рода великаго князя св. Логину-сотнику, а о княгинѣ не скорбѣлъ бы, потому что она будетъ здорова и въ этотъ вечеръ родитъ сына-наслѣдника, что и сбылось. Когда у великаго князя родился сынъ, въ келью великокняжескаго духовника (въ Спасскомъ монастырѣ) кто-то стукнулъ и сказалъ: «иди, нарци имя великому князю Василію». Духовникъ, взявши все необходимое, вышелъ изъ кельи, но посланнаго не нашелъ; тѣмъ не менѣе онъ пошелъ въ великокняжескій дворецъ и на дорогѣ встрѣтилъ посланнаго за нимъ отъ великаго князя, и спросилъ его, не онъ ли приходилъ за нимъ, — но получилъ отрицательный отвѣтъ. По нарѣченіи имени новорожденному, духовникъ многихъ спрашивалъ, кто за нимъ присылалъ прежде, но ничего не могъ допытаться. «Мнѣ же, говоритъ лѣтописецъ, о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ пророченіи старца Дементей печатникъ, а сему, сказа, повѣда великаа княгини Маріа.»

Димитріевичъ, какъ мы видѣли, еще лѣтъ за 6 до своей кончины (въ 1419 г.) хотѣлъ «привести въ цѣлованіе подъ Василья» брата своего Константина, который взглянулъ на это требованіе старшаго брата, какъ на нововведеніе и насиліе съ его стороны, и не далъ присяги, за что и лишенъ былъ удѣла³³⁷⁾. Что касается старшаго дяди юнаго великаго князя, Юрія Димитріевича, то Василій Димитріевичъ считалъ его, кажется, уже совсѣмъ неблагонадежнымъ: въ своей духовной грамотѣ онъ поручаетъ сына своего опека своей супруги, а послѣднюю вмѣстѣ съ сыномъ поручаетъ попеченіямъ, прежде всего, в. кн. литовскаго Витовта и братьевъ Андрея и Петра Димитріевичей; но о Юріи нѣтъ въ грамотѣ и помину, какъ и о Константи³³⁸⁾. Юрій находилъ оправданіе своимъ притязаніямъ на великокняжескій столъ не только въ старинныхъ понятіяхъ о старшинствѣ, но и въ завѣщаніи отца своего. Димитрій Ивановичъ Донской въ своемъ духовномъ завѣщаніи, съ цѣлью устранить Владиміра Андреевича Храбраго отъ домогательства великокняжескаго стола, сдѣлалъ такую оговорку: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему князь Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т. е. удѣломъ слѣдующаго за Васильемъ сына) подѣлитъ ихъ моя княгиня»³³⁹⁾. Здѣсь, какъ мы уже говорили выше, Димитрій Ивановичъ имѣлъ въ виду бездѣтную кончину Василія, который въ то время еще не былъ женатъ; въ противномъ случаѣ онъ не сдѣлалъ бы такого распоряженія, по которому дѣтямъ Василія, если бы таковыя явились, не оставалось бы ничего, никакого надѣла. Но Юрій основывался, очевидно, не на внутреннемъ смыслѣ завѣщанія, а на буквѣ его, хотя, можетъ быть, внутренно и сознавалъ всю неосновательность своихъ притязаній.

Тотъ-часъ послѣ смерти Василія Димитріевича митрополитъ Фотій послалъ въ Звенигородъ боярина своего — звать Юрія Димитріевича въ Москву, конечно, какъ на погребеніе умершаго брата, такъ, надобно полагать, и для присяги новому великому князю. Юрій, конечно, догадывался объ этомъ, даже боялся, можетъ быть, западни, а потому не только не явился въ Москву, но и убрался отъ нея подальше, — онъ уѣхалъ въ Галичъ, и здѣсь вполнѣ обнаружилъ его явно-враждебные Василію замыслы: изъ Галича онъ отправилъ въ Москву пословъ, по выраженію лѣтописи, «съ грозами» и требовалъ перемирія до Петрова дня. Это перемирное время онъ употребилъ на собраніе рати; а когда эта работа была окончена, онъ сталъ готовиться къ походу на Москву. Бояре и ближайшіе совѣтники Василія въ

337) Ibid. III, 109; IV, 119; V, 261; VIII, 90.

338) С. г. г. и д. I, № 42.

339) Ibid. № 34.

свою очередь не дремали: они собрали огромное ополченіе, при которомъ находились и остальные дядья великаго князя, и пошли къ Костромѣ. Юрій со всѣми людьми своими бѣжалъ отъ этого ополченія въ Нижній-Новгородъ; за нимъ посланъ былъ въ погоню Константинъ Дмитріевичъ; Юрій ушелъ далѣе, за р. Суру, къ которой подошелъ и Константинъ. Но послѣдній не преслѣдовалъ брата своего дальше по невозможности, будто бы, переправиться чрезъ рѣку и возвратился въ Москву. По уходѣ Константина Юрій возвратился въ Нижній-Новгородъ, а отсюда пошелъ въ Галичъ. Изъ Галича онъ отправилъ въ Москву пословъ просить перемирія на годъ. Великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ, матерью, дядьями и дѣдомъ Витовтомъ, а также и съ боярами своими, въ іюнѣ того же **1425 г.** просилъ митрополита Фотія отправиться въ Галичъ для заключенія не перемирія, а мира. Юрій Дмитріевичъ, говоря современнымъ языкомъ, при встрѣчѣ митрополита хотѣлъ сдѣлать внушительную для москвичей демонстрацію: онъ собралъ изъ своихъ городовъ, селъ и деревень множество людей и расположилъ ихъ по загородной горѣ, гдѣ долженъ былъ ѣхать митрополитъ. Фотій, по въѣздѣ въ Галичъ, пошелъ прямо въ соборную церковь Преображенія Господня помолиться, а послѣ молитвы, вышедши изъ храма и окинувши взоромъ громадное стеченіе народа, сказалъ Юрію: «Сыне, князь Юрь! не видахъ столько народа во овчихъ шерстяхъ, — вси бо бяху въ сермягахъ». Юрій, замѣчаетъ лѣтописецъ, хотѣлъ похвастаться тѣмъ, что у него много людей, «святитель же въ глумленіе сихъ вмѣни себѣ». Затѣмъ митрополитъ обратилъ къ Юрію рѣчь о мирѣ, но тотъ мира не хотѣлъ, а настаивалъ только на перемиріи. Фотій въ гнѣвѣ выѣхалъ изъ города, никому не давъ благословенія. Лѣтописи передаютъ, что тотъ-часъ по отъѣздѣ митрополита открылся моръ на людей. Въ страхѣ отъ постигшаго Божія наказанія Юрій всѣлъ на коня и догналъ митрополита за озеромъ въ селѣ Пасынковѣ (теперь Сынково) и со слезами умолилъ его возвратиться въ городъ. Фотій благословилъ князя, городъ и гражданъ, и моръ прекратился. Что же касается до заключенія мира, то Юрій по этому дѣлу послалъ къ великому князю боярина своего Бориса Галицкаго и еще Даніила Чешка, которые и докончали миръ съ великимъ княземъ. По мирному докончанью Юрій объявлялся не искать великокняжескаго стола самолично, а только чрезъ хана; и который изъ князей, по этому договору, будетъ пожалованъ въ ордѣ великимъ княженіемъ, тотъ и будетъ великимъ княземъ владимірскимъ, В. Новгорода и всей Руси ³⁴⁰).

340) П. С. Р. Л. VII, 225; VIII, 2, 93; Ник. V, 82—85. По другимъ лѣтописямъ (V, 263; VI, 143) не Константинъ, а Андрей Дмитріевичъ можайскій ходилъ противъ Юрія, но отъ Суры возвратился ни съ чѣмъ, «норовя» ему, т. е. Юрію. См. Карамз. V, пр. 257.

Между тѣмъ Витовтъ начинаетъ тревожить отчину великаго князя, Псковскую землю. Въ **1426 г.** онъ подошелъ къ Опочкѣ; съ нимъ были, какъ передаетъ лѣтопись, земли: Литовская, Ляшская, Чешская и Волошская, а также и «татары его»; кромѣ того, у царя Махмета онъ выпросилъ дворъ его (вѣроятно, его личную стражу, конвой). Жители Опочки придумали хитрость: они сдѣлали на пути къ городу мостъ, который слабо держался на веревкахъ вмѣсто болѣе прочныхъ связей, а подъ мостомъ понабили множество кольевъ острыми концами вверхъ. Когда непріятель, ничего не подозревая, во множествѣ бросился чрезъ этотъ мостъ къ городу, жители Опочки подрѣзали веревки: мостъ обрушился, враги падали на острия колья, а многіе изъ нихъ взяты были живыми, и съ ними поступлено было даже для тогдашняго времени слишкомъ грубо и варварски: въ глазахъ Витовта съ плѣнныхъ сдирали кожу, «а у татаръ рѣзаша³⁴¹⁾ и въ ротъ влагаху имъ наругающеся». Витовтъ отступилъ къ г. Вороначу, гдѣ, по извѣстію лѣтописи, разразилась до того страшная гроза, что князь, держась за шатерный столбъ, постоянно выкрикивалъ: «Господи помилуй!» думая, что вотъ-вотъ разверзется земля и пожретъ его. Тѣмъ временемъ псковичи послали посадника своего съ боярами въ Москву просить великаго князя, чтобы онъ ходатайствовалъ о Псковѣ передъ дѣдомъ своимъ Витовтомъ. Зимой бояре Василя Васильевича пришли въ Псковъ и отсюда вмѣстѣ съ псковскими посадниками и боярами, захвативъ съ собою плѣнныхъ литовцевъ, отправились къ Витовту. Московскіе послы отъ имени великаго князя говорили Витовту: «Что ради ты тако чинишь чрезъ докончаніе? Гдѣ было тебѣ быти со мною за единъ, и ты мою отчину воюешь и пусту творишь!» Въ то же время псковичи кланялись Витовту тремя тысячами рублей. Литовскій князь, принимая во вниманіе ходатайство внука своего, взялъ только одну тысячу и ушелъ домой³⁴²⁾. Это было уже въ **1427** году. Въ слѣдующемъ **1428** году псковичи просили себѣ князя у Василя, и къ нимъ назначенъ былъ кн. Александръ Ѳеодоровичъ ростовскій. Витовтъ, однако, не ду-

341). Pudenda.

342) Ibid. IV, 204—205; V, 26; VIII, 94; Ник. V, 93. Въ Псковской первой приходъ Витовта къ Опочкѣ, стычки здѣсь псковичей съ литвой, татарами и пр. и псковское посольство къ в. кн. московскому отмѣчены подъ 1426 годомъ, начиная съ 1-го августа; послѣдняя дата подъ указаннымъ годомъ — 25-го августа, когда псковичи, еще до отправленія въ Москву посольства, заключили съ Витовтомъ миръ подъ Вороначемъ, куда литовскій князь отступилъ отъ Опочки. Изложеніе событій слѣдующаго 1427 года (заключеніе мира псковскими и великокняжескими послами) начинается съ 5-го сентября; есть, между прочимъ, даты *апрѣльскія*. То же и въ Псковской второй. Въ Воскресенской лѣт. подъ 1426 г. то же, что и въ Псковскихъ, но нѣтъ никакихъ мѣсячныхъ датъ, а подъ 1427 г. сообщаются совершенно другія событія, причемъ мѣсячныя даты встрѣчаются такія: 9-го іюня, 18-го октября и 13-го апрѣля. Въ Никоновской лѣт. все совмѣщено подъ 1426 годомъ.

маль оставить въ покоѣ ни Пскова, ни Новгорода; онъ даже добился того, что Василій Васильевичъ цѣловалъ къ нему крестъ на томъ, что не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову³⁴³).

Выше мы уже говорили о заключенномъ дядей и племянникомъ (Юріемъ и Васи́лемъ) мирѣ, по которому Юрій Димитріевичъ обязывался искать великое княженіе не самолично, а чрезъ хана, т. е. отдать рѣшеніе спорнаго дѣла на волю хана. Очевидно, такой миръ былъ не проченъ: можно было постоянно ожидать, что при такихъ условіяхъ одна изъ сторонъ, на которой будетъ надежда на успѣхъ, постарается если не уничтожить, то смирить противника, не обращаясь къ хану, рѣшенія котораго московскіе князья давно уже трактовали какъ пустую формальность, нужную, можетъ быть, для мелкихъ князей и излишнюю для себя... Не было ли какихъ-нибудь угрожающихъ дѣйствій со стороны Москвы по отношенію къ Юрію? По крайней мѣрѣ, ни тотъ, ни другой изъ князей, по заключеніи мира въ 1425 году, не думалъ ѣхать къ хану для рѣшенія спора о великокняжескомъ столѣ; напротивъ, Юрій, какъ будто вынужденный какимъ-то вѣшнимъ давленіемъ на него, въ 1428 г. заключилъ съ Васи́лемъ не выгодный для себя договоръ, въ которомъ онъ называется по отношенію къ племяннику младшимъ братомъ. По этому договору Василій Васильевичъ не вмѣшивался въ удѣлъ Юрія, Галичъ и Вятку, а Юрій не вступаетъ въ отчину Васи́лія: Москву, Коломну, а также Нижній-Новгородъ, Муромъ и другіе его примыслы,—также во владенія младшихъ братьевъ своихъ, чѣмъ ихъ благословилъ отецъ или что они сами примыслили и примыслятъ; Юрій обязывается также не принимать къ себѣ московскихъ служебныхъ князей, которые — въ противномъ случаѣ — лишаются своихъ отчпнъ; великій князь, съ своей стороны, обязуется бороться Юрія отъ враговъ его и т. д.³⁴⁴).

Послѣднее обязательство Василій Васильевичъ въ слѣдующемъ 1429 г. оправдалъ на дѣлѣ. Къ Галичу подступили татары, но, не могши взять города, повоевали только окрестныя волости; на Крещенье они подошли къ

343) Ibid. IV, 205; V, 26. По Псковской первой псковичи просили князя въ 1429 г., и Александръ Федоровичъ прибылъ во Псковъ 20-го февраля; а по Псковской второй это было въ 1428 г.; Александръ Федоровичъ напередъ себя прислать во Псковъ сына своего Димитрія, который, пробывъ во Псковѣ въ ожиданіи отца до полузимы и не дождавшись его, уѣхалъ въ Москву. Подъ слѣдующимъ 1429 годомъ также говорится о томъ, что псковичи отправили въ Москву пословъ (подъ 1428 г. упомянуть посадникъ Федоръ Шибалкиничъ, а въ 1429 г. послами были другія лица), которые выпросили кн. Александра,— что послѣдній прибылъ во Псковъ съ сыномъ Димитріемъ 20-го февраля, что псковичи приняли его. «Се же буди вѣдомо, прибавляетъ лѣтописецъ, яко сій князь Александръ уже третіеѣ пріѣха въ Псковъ княземъ. (Два раза псковичи брали его при Васи́ліи Димитріевичѣ).

344) С. г. г. и д. №№ 43—44.

Костромѣ и взяли ее; за ней взяли еще Плесь и Лухъ и ушли назадъ Волгою. Услышавъ объ этомъ, Василій Васильевичъ послалъ на татаръ Андрея и Константина Димитріевичей съ воеводою Иваномъ Димитріевичемъ, которые гнались за татарами до Нижняго-Новгорода, но, не настигши ихъ, возвратились домой; другіе же воеводы, Ѳеодоръ Константиновичъ Добрыньскій и кн. Ѳеодоръ Давидовичъ Стародубскій—Пестрой, нагнали татаръ за Нижнимъ-Новгородомъ: часть послѣднихъ была побита ими, другая — бѣжала, а полонъ ихъ остался въ рукахъ побѣдителей³⁴⁵).

Въ Литвѣ въ это время готовились къ невиданному торжеству: въ **1430 г.** Витовтъ приглашалъ къ себѣ въ Троки сосѣднихъ владѣтельныхъ государей на пиръ, такъ какъ хотѣлъ тогда, по совѣту римскаго цезаря, возложить на себя королевскую корону. На пирѣ у Витовта были: великій князь Василій Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ, князья тверскій и рязанскій, князья одоевскіе, мазовскіе, ханъ перекопскій, волошскій господарь-изгнанникъ, послы греческаго императора, великій магистръ прусскій, ландмаршалъ ливонскій и польскій король Ягайло. Польскіе магнаты, провѣдавши о намѣреніяхъ Витовта, исполненіе которыхъ клонилось къ обособленному отъ Польши, вполне самостоятельному существованію Литвы, всѣми мѣрами старались разстроить планы хитраго литвина: они подняли противъ него папу, перехватили посольство къ нему отъ римскаго императора въ надеждѣ отнять корону, которую, какъ они предполагали, императоръ посылалъ съ этимъ посольствомъ Витовту и пр. Послѣ гомерическихъ пиршествъ, происходившихъ въ Трокахъ и Вильнѣ, гости разѣхались, а Витовтъ, благодаря энергическому противодействию его планамъ со стороны магнатовъ, не достигъ желанной цѣли. Въ томъ же году онъ скончался, и литовскій великокняжескій столъ занялъ братъ Ягайла, Свидригайло³⁴⁶).

Слѣдующій **1431** годъ былъ годомъ безпокойнымъ для Москвы вообще и для самого великаго князя въ частности. Нензвѣстно, по какимъ побужденіямъ въ этомъ году великій князь посылалъ воеводу своего кн. Ѳеодора Давидовича Пестраго противъ волжскихъ и камскихъ болгаръ. Походъ этотъ былъ удаченъ. Еще раньше этого похода Юрій Димитріевичъ прислалъ къ великому князю мирную грамоту **1428** года вмѣстѣ со складною грамотой³⁴⁷). Князьямъ-соперникамъ оставалось теперь только отпираться

345) П. С. Р. Л. V, 263; VI, 143; VIII, 94; Ник. V, 96.

346) Ibid. V, 264; VI, 143; VIII, 2, 95; Ник. V, 96—97; Даниловича: «Skarbiec dyplomatów», № 1501 и сл.

347) Ibid. VI, 144; VIII, 95; Ник. V, 98; С. г. г. и д. I, № 43—44. Предположеніе С. М. Соловьева (Ист. Р. IV, 52), что Юрій разорвалъ миръ съ Василиемъ потому, что

въ орду и отдать спорное дѣло на рѣшеніе хана. Въ день Успѣнія Пр. Богородицы, послѣ молебствій и раздачи милостыни по монастырямъ, великій князь, отобѣдавъ на лугу противъ Симонова монастыря, отправился въ орду въ сопровожденіи умнаго, ловкаго и хитраго дипломата тогдашняго времени, боярина Ивана Димитріевича Всеволожскаго. Юрій отправился въ орду позднѣе, въ концѣ первой половины сентября³⁴⁸). Въ ордѣ Василя и его боярина взялъ къ себѣ доброжелатель ихъ, врагъ Юрія, московскій дарага Миньбулатъ³⁴⁹), который держалъ, въ то время, галицкаго князя въ великой истомѣ. Но и у Юрія въ ордѣ нашелся покровитель; это — ордынскій князь Шпринъ-Тегиня, который силой взялъ Юрія у Миньбулата и ушелъ съ нимъ на зимовку въ Крымъ, обѣщая выхлопотать для него великокняжескій столъ. Хитрый Всеволожскій, пользуясь отсутствіемъ Василя соперника, пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство, чтобы обезпечить успѣхъ за Василемъ Васильевичемъ. Онъ говорилъ ордынскимъ князьямъ (Айдару, Миньбулату и другимъ): «Сей ли, господине, ваше печалованіе къ царю и вѣрное ваше слово о нашемъ государѣ великомъ князѣ, что не можетъ царь изъ Тегинина слова выступити мимо всѣхъ васъ, но по его слову дати великое княженіе князю Юрію; и коли царь по его слову такъ учинитъ, а въ васъ тогда что будетъ? князь Юрій князь велики будетъ на Москвѣ, а въ Литвѣ князь велики побратимъ его Швитригаило, а Тегиня въ ордѣ и въ царѣ воленъ, не мѣлви въ васъ». Такими словами Всеволожскій, по выраженію лѣтописи, «яко же стрѣлою уязви сердца ихъ» и добился того, что помянутые князья вынудили у хана приказъ — убить Тегиню въ случаѣ попытки его ходатайствовать за Юрія. Весной 1432 г. Тегиня возвратился изъ Крыма и узналъ объ этомъ приказѣ отъ ханскаго постельничаго, а потому и не рѣшался предпринять хотя что-либо въ пользу Юрія. Между тѣмъ Махметъ приказалъ разобрать дѣло князей. Василій Васильевичъ искалъ великокняжескаго стола «по отчеству и по дѣдству», а Юрій на основаніи лѣтописцевъ (иначе, по стариннымъ понятіямъ о старшинствѣ) и мертвой (духовной) грамоты отца своего. Для хана, при другихъ

ободренъ былъ смертію Витовта и занятіемъ литовскаго великокняжескаго стола Свидригайломъ, своякомъ его, который могъ, въ случаѣ надобности, поддержать своего побратима, правдоподобно, — хотя надобно замѣтить, что и тогда въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ свойство часто не принималось въ расчетъ... Впрочемъ намекъ на возможность помощи Юрію со стороны Свидригайла есть въ приводимой въ текстѣ рѣчи Всеволожскаго, сказанной имъ ордынскимъ князьямъ.

348) П. С. Р. Л. III, 111; IV, 121, 206; V, 264 (1432 г.); VI, 148; VIII, 95; Ник. V, 108. По Псковской первой Юрій пошелъ въ орду 14-го сентября 1431 г., а по Воскресенской — 8-го сентября 1432 г. Вѣроятно, въ одной изъ этихъ лѣтописей принятъ годъ мартовскій, а въ другой — сентябрьскій.

349) О дорогѣ или дарагѣ см. пр. 265.

обстоятельствахъ, доводы Юрія могли бы показаться весьма убѣдительными. Но здѣсь выручаетъ Василю бояринъ Всеволожскій; онъ такъ говорилъ хану и князьямъ его: «Государь вольный царь! ослободи молвити слово мнѣ, холопу великаго князя. Нашъ государь великій князь Василей ищетъ стола своего великаго княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованію и по твоимъ девтеремъ³⁵⁰⁾ и ярлыкомъ, а се твое жалованіе предъ тобою; а господинъ нашъ князь Юрій Дмитреевичъ хочетъ взять великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованію, волного царя; а ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого въсхощеши жаловати — на твоей воли, а государь нашъ князь великій Василей Дмитреевичъ великое княженіе далъ своему сыну великому князю по твоему жалованію волнаго царя; а уже, господине, который годъ сѣдитъ на столѣ своемъ, а на твоёмъ жалованіи, тебѣ, своему государю, волному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо». Хану, какъ видно, понравилась льстивая рѣчь Всеволожскаго: онъ отдалъ великое княженіе Василю и приказалъ Юрію вести коня подъ его соперникомъ (въ знакъ покорности); но Василій Васильевичъ не хотѣлъ безчестить дядю. Впрочемъ и ханъ не хотѣлъ слишкомъ ужъ обидѣть Юрія и придалъ къ его отчинѣ Дмитровъ, бывшій удѣлъ Юріева брата Петра, умершаго въ 1428 г.³⁵¹⁾. Изъ орды Василій Васильевичъ возвратился въ Москву съ царевичемъ Мансырь-Уланомъ, который, тамъ же, *въ Москвѣ*, и посадилъ его на великомъ княженіи³⁵²⁾. Юрій возвратился въ свой Звенигородъ, а отсюда пошелъ во

350) Девтеръ или дефтеръ — слово турецко-татарское и значитъ: опись, реестръ, инвентарій. См. Энцикл. лекс. Плюшара XVI; Березина въ его статьѣ, указанной въ 265 прим.

351) П. С. Р. Л. V, 264; VI, 148; VIII, 95—96 (подъ 1432 г.); Ник. V, 109. О придачѣ Юрію Дмитрова говорятъ всѣ указанныя лѣтописи; но одна изъ нихъ, Воскресенская, кромѣ того, выставляетъ и причину этой передачи: когда Василій отказался отъ почести, чтобы Юрій велъ подъ нимъ коня, Тегиня сталъ на сторону Василю и также не хотѣлъ Юрію безчестія и хотѣлъ «отступити отъ него» (хана), потому что въ то время на Махмета шелъ царь Кичимъ-Ахметъ (или Кичи-Махметъ?). Махметъ, по слову Тегини, «убоявся того сътворити» (т. е. чтобы Юрій велъ подъ Василю коня) и придалъ Юрію, по слову того же Тегини, Дмитровъ. См. слѣд. прим.

352) Ibid. III, 111; IV, 121, 206; V, 264; VI, 148; VIII, 96. Нѣкоторыя изъ лѣтописей, указанныхъ въ этомъ и предъидущемъ примѣчаніяхъ, пребываніе Василю въ ордѣ и возвращеніе на Русь отмѣчаютъ подъ однимъ и тѣмъ же 1431 годомъ; другія пребываніе въ ордѣ относятъ къ 1431 г., а возвращеніе — къ 1432-му; третьи, наконецъ, или оба эти факта помѣщаютъ подъ однимъ 1432 годомъ, или первый фактъ — подъ этимъ годомъ, а второй — подъ слѣдующимъ, и при томъ одни, какъ Псковская 1-я, говорятъ, что Василій возвратился въ Москву на Рождество Іоанна Предтечи (24-го іюня), а другія, какъ Воскр. и Никон., указываютъ на Петровъ день (29-го іюня). По Соф. второй ханскій посолъ, царевичъ Мансырь-Уланъ, посадилъ Василю на княженіе 5-го октября, но не во Владимірѣ, какъ сказано въ Архангелогор. лѣтописцѣ, а въ Москвѣ. — Псковская первая, говоря о возвращеніи князей на Русь, прибавляетъ противъ другихъ нѣчто непонятное: «а княженія не взяху оба». Общій выводъ относительно хронологіи разсматриваемыхъ событій можно

вновь пожалованный ему Дмитровъ. Но опасаясь жить по близости съ великимъ княземъ, онъ вскорѣ ушелъ въ Галичъ, а Василій Васильевичъ взялъ Дмитровъ за себя, выгнавъ изъ него Юриевыхъ намѣстниковъ³⁵³).

Ханское рѣшеніе спора между племянникомъ и дядей, конечно, не могло удовлетворить послѣдняго. Юрій, рано или поздно, разъ рѣшившись оспаривать права племянника, долженъ былъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возобновить свои попытки занять великое княженіе. Обстоятельства сложились такъ, что галицкій князь возобновилъ эти попытки ранѣе, чѣмъ, можетъ быть, самъ желалъ того.

Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, благодаря которому дѣло Василя выиграно было въ ордѣ, надѣялся (какъ и самъ Василій обѣщалъ это, будучи, кажется, еще въ ордѣ), что за оказанныя имъ услуги онъ породнится съ великимъ княземъ: «о семъ слово бысъ съ великимъ княземъ». Князья часто рождались посредствомъ браковъ съ своими боярами, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Всеволожскій мечталъ о родственныхъ связяхъ съ великокняжескимъ семействомъ. Но мать великаго князя, Софья Витовтовна, а можетъ быть и самъ Василій, не желали этого брака: ихъ выборъ падалъ на дочь Ярослава Владиміровича, внуку Владиміра Андреевича Храбраго и Маріи Голтыевой. Василій, въ 1432 г., обручился съ Ярославной, а въ слѣдующемъ 1433 г. февраля 8-го сыграна была свадьба. Оскорбленный Всеволожскій въ томъ же году ушелъ къ дядѣ Василя, Константину Дмитріевичу въ Угличъ, отсюда — въ Тверь, а изъ Твери — въ Галичъ къ Юрію Дмитріевичу, котораго началъ подговаривать къ войнѣ съ Василемъ. Къ этому присоединилась еще извѣстная исторія съ сыномъ Юрія Василемъ Косымъ, съ котораго, на брачномъ торжествѣ великаго князя, Софья Витовтовна сорвала драгоценный поясъ, нѣкогда принадлежавшій великокняжескому семейству и нечистыми путями перешедшій въ семью Юрія Дмитріевича. Василій Косой съ братомъ Дмитріемъ Шемякой бѣжали изъ Москвы въ Галичъ, ограбивъ по пути Ярославль. Юрій уже готовъ былъ къ походу, когда его дѣти прибыли изъ Москвы. Великій князь узналъ о намѣреніяхъ дяди отъ своего ростовскаго намѣстника, Петра Константиновича, только тогда, когда Юрій съ дѣтьми и бояриномъ Всеволожскимъ былъ уже въ Переяславлѣ. При такихъ неожиданныхъ обстоя-

вывести только такой: поѣздка и возвращеніе князей совершились не въ одинъ годъ, а въ два; однѣ лѣтописи принимаютъ годъ мартовскій, а другія — сентябрьскій; нѣкоторыя изъ нихъ группируютъ факты, совершившіеся въ два года, подъ однимъ, къ которому относится начало ихъ, а другія — подъ другимъ годомъ, къ которому относится конецъ ихъ.

353) Ibid. V, 264; VI, 148; VIII, 97; Ник. V, 111.

тельствѣхъ Василій Васильевичъ, естественно, не успѣлъ приготовиться къ отпору врага, а потому послалъ къ Юрію пословъ съ предложеніемъ мира. Юрій, находившійся тогда у Троицкаго монастыря, не принялъ предложенія, главнымъ образомъ, благодаря Всеволожскому, который «не далъ о миру ни слова молвити», вслѣдствіе чего «бысъ межи обоихъ бояръ (т. е. Васильевыхъ и Юріевыхъ) брань велика и слова неподобныя», такъ что послы Василія возвратились въ Москву «бездѣльни», т. е. ничего не достигши³⁵⁴). Собравши, сколько можно было, ратныхъ людей и московскихъ жителей, Василій выступилъ на встрѣчу дяди. Въ апрѣлѣ 1433 г. дядя и племянникъ сошлись на берегу Клязьмы въ 20 верстахъ отъ Москвы. Нестройные полки Василія не выдержали боя, а отъ простыхъ жителей Москвы никакой помощи не было, «мнози бо отъ нихъ пьяни бяху, а и з собою медъ везяху, чтобъ пити еще». Прибѣжавъ въ Москву, Василій захватилъ съ собою мать и жену и поспѣшно уѣхалъ въ Тверь, а отсюда въ Кострому. Юрій послалъ дѣтей своихъ искать великаго князя, и тѣ сообщали отцу, гдѣ онъ находится. Тогда новый великій князь московскій вмѣстѣ съ своими дѣтьми самъ пошелъ къ Костромѣ и захватилъ тамъ племянника. Василій Васильевичъ съ плачемъ добилъ челомъ дядѣ своему, который, по представленію любимца своего, боярина Семена Морозова, не обращая вниманія на

354) Ibid. III, 111, 141; IV, 121, 208; V, 27—28, 264—266; VI, 148—149; VII, 225; VIII, 2, 97—99; Ник. V, 111—113. Что Василій еще въ ордѣ далъ слово Всеволожскому жениться на его дочери, на это въ лѣтописяхъ есть намеки: «о семъ (о женитьбѣ) слово бысъ съ великимъ княземъ», сказано въ одной лѣтописи; а что слово это было въ ордѣ, на это есть другой намекъ въ лѣтописи: «и яко же бывшимъ имъ (Василію и Всеволожскому) на Москвѣ, и не возхотѣ сего князь великій Василей Васильевичъ и мати его Соєя Витоевна». Лѣтописецъ какъ бы такъ хотѣлъ выразиться: Василій и Всеволожскій разсуждали о бракѣ перваго на дочери втораго (и рѣшили вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ); а когда прибыли въ Москву и т. д. «Яко же бывшимъ имъ на Москвѣ»... значитъ, «слово» было гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и гдѣ же, какъ не въ ордѣ? Эти указанія находятся въ Никоновской лѣт. Она же такъ передаетъ исторію съ поясомъ. Дѣти Юрія, Василій и Димитрій Шемяка, были на свадьбѣ великаго князя. Во время пира Петръ Константиновичъ (ростовскій намѣстникъ?) увидѣлъ на Василіи Юрьевичѣ и призналъ поясъ, перешедшій отъ Димитрія Константиновича къ Димитрію Донскому въ числѣ приданаго за Евдокіей, женой Донскаго, дочерью Димитрія суздальско-нижегородскаго. Во время свадьбы Донскаго этотъ поясъ былъ подиѣненъ тысящикомъ Василіемъ Вельяминовымъ, который отдалъ его сыну своему Николаю, женившемуся на дочери того же Димитрія Константиновича, Маріи. Николай отдалъ этотъ поясъ въ приданое дочери своей, вышедшей за Ивана Димитріевича Всеволожскаго, а этотъ послѣдній отдалъ его, вмѣстѣ съ рукой своей дочери, кн. Андрею Владиміровичу радонежскому. По смерти Андрея, Иванъ Димитріевичъ, отдавая дочь его, а свою внуку, за Василія Юрьевича Косаго, далъ за ней въ приданое, между прочимъ, и этотъ поясъ. — По Соф. второй, «на той же свадьбѣ Захарья Ивановичъ Кошкинъ (предокъ Романовыхъ, нынѣ царствующаго дома) имался за поясъ у князя Василія у Косаго», а Архангел. лѣтопись (стр. 138) къ этому добавляетъ: «а ркучи: тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою».

сильный ропотъ Всеволожскаго и другихъ бояръ, далъ племяннику въ удѣлъ Коломну, куда, послѣ прощальнаго пира, богато одаривъ, и отпустилъ его со всѣми его боярами. Василій, прибывъ въ Коломну, началъ созывать къ себѣ московскихъ людей. Князя, бояре, воеводы, *дворяне* и слуги «отъ мала и до велика» начали отходить отъ Юрія къ его племяннику, «понеже не любо имъ бысъ всемъ на любовника княже — Юрьева, на Семена Морозова». Дѣти Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка, видя, что отъ отца ихъ всѣ уходятъ, и считая виновникомъ такого оборота дѣлъ боярина Морозова, не постѣснились убить послѣдняго въ самомъ дворцѣ великокняжескомъ, въ набережныхъ сѣняхъ, и бѣжали въ Кострому. Юрій же, видя непрочность своего положенія въ Москвѣ, приглашалъ Василю на великокняжескій столъ, говоря, что самъ онъ уйдетъ въ Звенигородъ. Пришедши въ Москву, Василій взялъ миръ съ дядей. По мирному договору Юрій обязывался за себя и за младшаго сына своего, Димитрія Краснаго, не принимать къ себѣ и не дружить съ двумя старшими сыновьями, не помогать имъ, возвратитъ Василю не только великое княжество во всей цѣлости, но и г. Дмитровъ съ ханскими на него ярлыками, вмѣсто котораго получалъ Бѣжецкій Верхъ, — а также возвратитъ все пограбленное и всѣхъ плѣнныхъ, что было пограблено и взято въ плѣнъ во время послѣднихъ усобицъ. На сторонѣ Василя въ этомъ договорѣ стояли: Константинъ Димитріевичъ, Иванъ и Михаилъ Андреевичи Можайскіе и Василій Ярославичъ боровскій. Послѣ того Юрій ушелъ въ Звенигородъ, а отсюда — въ Галичъ. Иванъ Всеволожскій, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ схваченъ, по приказанію Василя Васильевича, и казненъ, а села его взяты въ великокняжескую казну³⁵⁵). Василю Васильевичу теперь можно было направить силы въ одну сторону, на Юрьевичей, такъ какъ съ другими князьями, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами Можайскими и Василю Ярославичемъ боровскимъ, онъ находился въ мирѣ. Не теряя времени, великій князь въ томъ же 1433 г. послалъ воеводу своего, кн. Юрія Патрикѣевича, и дворъ свой къ Костромѣ на дѣтей Юрія, которыя засѣли тамъ съ вятчанами и галичанами. Бой произошелъ на берегахъ р. Куси; войска великаго князя были побиты, а воевода взятъ въ плѣнъ. Здѣсь оказалось, что Юрій Димитріевичъ нарушилъ договоръ, такъ какъ въ этой битвѣ участвовали и его полки. Василій Васильевичъ, желая наказать дядю за вѣроломство, съ сильной ратью подступилъ къ Галичу и сожегъ его, а людей увелъ съ собой. Юрій бѣжалъ на Бѣлоозеро, а по уходѣ Василя опять прибылъ въ Галичъ, куда звалъ и

355) Ibid. IV, 207; V, 27, 265; VI, 148—149; VIII, 97—98; Ник. V, 113—115; С. г. г. и д. № 49—50; «Ист. Р.» Соловьева V, 56—57, пр. 60. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей Василій выступилъ изъ Москвы и направился къ Клязьмѣ 25-го апрѣля.

дѣтей своихъ съ вятчанами, готовясь идти на племянника. Весной **1434 г.** (въ Лазареву субботу) враги встрѣтились въ Ростовской области. Войска Василя опять были разбиты; самъ онъ бѣжалъ въ Новгородъ, куда прибылъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, 1-го апрѣля и принять былъ съ подобающею честію, а помогавшій ему кн. Иванъ Андреевичъ можайскій вмѣстѣ съ матерью своей бѣжалъ къ тверскому князю, за которымъ была сестра его Анастасія. Изъ Новгорода Василій Васильевичъ посылалъ своего боярина Андрея Ѳеодоровича Голтеева въ Тверь къ кн. Ивану можайскому, прося его не отступать отъ него. «Господинъ государь, уклончиво отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ: где ни буду, а везде есмь твой человекъ; но чтобы и нынѣ вотчины не потерять, да matka бы не скиталася по чужей отчинѣ, а всегда есмь твой». Но князь можайскій видѣлъ хорошо, на которой сторонѣ перевѣсъ, и, соблюдая свои личныя интересы, ушелъ къ Троицкому монастырю и присталъ здѣсь къ Юрію Дмитріевичу. Отсюда союзники пошли къ Москвѣ. Въ среду на Свѣтлой недѣлѣ (31-го марта; Пасха была 28-го марта) Юрій, безъ труда занявши Москву, овладѣлъ великокняжеской казной, плѣнилъ великихъ княгинь и отправилъ ихъ въ Звенигородъ. Между тѣмъ Василій Васильевичъ изъ В. Новгорода ушелъ чрезъ Мологу и Кострому въ Новгородъ Нижній (по другимъ извѣстіямъ — въ Тверь), Юрій Дмитріевичъ послалъ на него въ Нижній-Новгородъ дѣтей своихъ. двухъ Дмитріевъ, и великій князь, не видя возможности устоять противъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать въ орду, какъ неожиданное обстоятельство остановило его. Будучи уже, по пути къ Нижнему, во Владимірѣ, Шемяка и Красный получили извѣстіе о внезапной кончинѣ отца своего. Старшій братъ ихъ, Василій Косой, извѣщая о смерти отца, извѣщалъ ихъ и о своемъ здоровьѣ и о занятіи имъ великокняжескаго стола. «Если Богъ не восхотѣлъ, чтобы княжилъ отецъ нашъ, то тебя мы и сами не хотимъ», отвѣчали братья и пригласили изъ Нижняго-Новгорода Василя Васильевича на великокняжескій столъ. Князя, примирившись, всѣ трое пошли къ Москвѣ; Василій Косой, покняживши одинъ мѣсяцъ, бѣжалъ чрезъ Ржеву въ Новгородъ, а отсюда — въ Кострому, разграбивъ по пути Бѣжецкій Верхъ и Заволочье. Такимъ образомъ Василій Васильевичъ опять занялъ великокняжескій столъ, давши Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди своего Константина Дмитріевича, Угличъ и Ржеву, а брату его — Бѣжецкій Верхъ; но, по-прежнему, онъ удержалъ за собой Дмитровъ и удѣлъ Косаго, Звенигородъ; кромѣ того Шемяка обязался не вступаться въ Вятку. Но старшій Юрьевичъ не хотѣлъ уступать Василю: въ слѣдующемъ **1435 г.** онъ двинулся изъ Костромы на великаго князя съ большими силами; января 6-го противники встрѣтились между Ростовомъ и Ярославлемъ, у Космы и Да-

міана, на р. Которосли. Въ жестокой битвѣ Косой былъ побитъ и бѣжалъ въ Кашинъ, откуда, собравшись съ силами, пошелъ на заставу (гарнизонъ) великаго князя къ Вологдѣ, гдѣ плѣнилъ Васильевыхъ воеводъ, Оедора Михайловича Челядню, Андрея Оедоровича Голтяева и др., а также многихъ «дворянъ великаго князя». Пришедши отъ Вологды въ Кострому, онъ призвалъ къ себѣ вятчанъ, очевидно, намѣриваясь опять идти на великаго князя, или ожидая нападенія со стороны послѣдняго. Валикій князь, дѣйствительно, пошелъ къ Костромѣ и остановился въ углу, образуемомъ лѣвымъ берегомъ Волги и правымъ — р. Костромы, которая, такимъ образомъ, раздѣляла враговъ и не допускала ихъ до битвы. Они заключили миръ, по которому великій князь далъ Василью Юрьевичу Дмитровъ; Косой призналъ Василя Васильевича старѣйшимъ братомъ, обязался не брать великаго княженія, хотя бы его давали ему татары, — возратить великокняжескую казну, взятую имъ при выѣздѣ изъ Москвы, и казну Константина Дмитріевича; наконецъ, обязался не принимать къ себѣ тѣхъ гостей-суконниковъ, которые поднимали крамолу на великаго князя и мать его и ушли, во время ихъ распрей, изъ Москвы въ Тверь³⁵⁶).

Но пока оставимъ Василя Косаго и обратимся къ Новгороду и Пскову и посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ къ нимъ Василій Васильевичъ.

356) По Софійской первой Юрій Дмитріевичъ, плѣнивши въ Москвѣ великихъ княгинь, отправилъ ихъ не въ Звенигородъ, а въ Рузу. Арцыбашевъ (II, 184), ссылаясь на «Лѣтоп., соерж. Росс. исторію отъ $\frac{6714}{1206}$ до $\frac{7042}{1534}$ » М. 1784, говоритъ, что Борисъ

Александровичъ тверскій далъ Косому лошадей, платье и доспѣхи, что Косой собралъ 300 человекъ дружины и пр. Дѣйствительно, въ указанномъ лѣтописцѣ говорится, что Василью Юрьевичу въ Кашинѣ Борисъ «присла... кони и порты и доспѣхъ, и собрася къ нему дружины его триста человекъ». Насколько достовѣрно это извѣстіе, судить трудно, такъ какъ другія лѣтописи ничего подобнаго не передаютъ. — О событіяхъ этого времени см. П. С. Р. Л. III, 111, 141; IV, 121, 208—209; V, 27—28, 265—266; VI, 149 и сл.; VIII, 98—99; Ник. V, 115—119; С. г. г. и д. №№ 45—46, 52—55; Акты Арх. Эксп. I, № 29. По Соф. первой, послѣ того, какъ великій князь сожегъ Галичъ и отправился въ обратный путь къ Москвѣ, на него пошелъ, въ свою очередь, Юрій и разбилъ его у Переяславля. Это, конечно, не противорѣчитъ другимъ лѣтописямъ, по которымъ Василій разбилъ «за Ростовомъ», «у Никола на горѣ», такъ какъ Юрій, двигаясь съ сѣвера на югъ и переваливши за *Ростовъ*, естественно, долженъ былъ находиться не подалеку отъ Переяславля, лежащаго къ югу отъ Ростова. Послѣ этой битвы Василій, по однимъ извѣстіямъ, удаляется въ В. Новгородъ, а отсюда чрезъ Мологу и Кострому — въ Нижній-Новгородъ; а по 1-й и 2-ой Псковскимъ — не въ Нижній, а въ Тверь, откуда, примирившись съ братьями, отправляется въ Москву. Псковская 1-я и отчасти 2-я, вообще, разнятся въ извѣстіяхъ 1434—1435 гг. отъ другихъ лѣтописей. Между прочимъ, по Псковской 1-ой, Василій Косой, просидѣвши въ Новгородѣ на Городцѣ, «поѣхъ на Заволочье и оттолѣ взя миръ съ великимъ княземъ», чего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ. — Въ Соф. второй о пребываніи Косаго въ Кашинѣ сказано: «и копився въ Кашинѣ», или, какъ въ одномъ хронографѣ XVI в. (А. Поповъ: «Изборникъ...», стр. 78), «окопися», т. е. скопился, собрался съ силами, — а въ лѣтописи Львова (II, 275) сказано «окопался».

Кажется, борьба съ галицкими князьями заставляла великаго князя дѣлаться болѣе уступчивымъ, по крайней мѣрѣ — на словахъ, по отношенію къ Новгороду, чѣмъ его предшественники. Такъ, зимой **1435** года Василій Васильевичъ и представители Новгорода дѣловали крестъ на томъ, что великій князь отступаетъ отъ Бѣжецкаго Верха, отъ волостей на Ламскомъ Волокѣ и на Вологдѣ, а новгородцы отступаются отъ княжчинъ, гдѣ бы онѣ ни были. При этомъ условленно было выслать съ обѣихъ сторонъ, въ Петровъ день, бояръ «на разводъ земли». Но великій князь въ условленное время бояръ не выслалъ, «ни отчины новгородскіи нигдѣ же не отведе новгородцемъ, ни исправы не учини»³⁵⁷). Что касается Пскова, то сношенія его съ великимъ княземъ, за разсматриваемое время, были только по поводу просьбъ псковичей о назначеніи къ нимъ князя. Въ **1434** г. изъ Пскова выѣхалъ кн. Александръ Оedorовичъ ростовскій. Въ томъ же году въ Псковъ прибылъ изъ Литвы зять его, кн. Владиміръ Даниловичъ. Черезъ два года, т. е. въ **1436** г., осенью туда же явился изъ Риги литовскій подручный князь Иванъ Баба, кажется, въ надеждѣ остаться тамъ. Но проживши здѣсь до половины зимы, онъ уѣхалъ къ великому князю на службу. Зимой того же года въ Псковъ пріѣхалъ кн. Борисъ Васильевичъ, сынъ кн. Василя Семеновича Шуйскаго, и сказалъ, что онъ пріѣхалъ намѣстникомъ отъ великаго князя (которому приходился троюроднымъ братомъ), такъ что Владиміръ Даниловичъ долженъ былъ уступить ему княжескій дворъ. Но, какъ видно, онъ почему-то не нравился псковичамъ, такъ какъ послѣдніе въ томъ же году отправили къ великому князю посольство съ просьбой дать имъ въ князя Владимира Даниловича. Просьба эта была удовлетворена, и князь Борисъ долженъ былъ выѣхать изъ Пскова, «занеже онъ пролгался». Не обманывалъ ли онъ псковичей, говоря, что пріѣхалъ отъ великаго князя? или, можетъ быть, онъ пролгался относительно Пскова, представляя псковскія дѣла великому князю въ ложномъ свѣтѣ, о чемъ послѣдній могъ узнать отъ пословъ³⁵⁸)?...

Выше мы сказали, что по миру, заключенному великимъ княземъ съ Василюмъ Косымъ на берегахъ Костромы, послѣдній получилъ г. Дмитровъ, куда и отправился. Это было въ **1435** г., въ началѣ вѣсны. Пробывши въ Дмитровѣ мѣсяцъ, Юрьевичъ, уже въ слѣдующемъ **1436** г., пошелъ въ Кострому, а великому князю послалъ «розметныя» грамоты (грамоты о разорваніи мира). Пробывши въ Костромѣ до того времени, какъ установился зимній путь, Косой пошелъ въ Галичъ, а отсюда въ Устюгъ, который, послѣ 9-недѣльной стоянки подъ нимъ, взялъ, тамошняго великокняжескаго воеводу,

357) П. С. Р. Л. III, 112; Карамз. V, 157, пр. 233.

358) Ibid. IV, 207—208, 210; V, 27—29; VIII, 99.

кн. Глѣба Ивановича Оболенскаго, и десятильника ростовскаго владыки повѣсилъ, многихъ устюжанъ перебилъ и перевѣшалъ. Между тѣмъ братъ его Дмитрій Шемяка, собираясь жениться, приѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу. Великій князь, подозрѣвавшій Шемяку, — и, какъ показываютъ послѣдующія событія, не совсѣмъ безосновательно, — въ соучастіи съ Косымъ, приказалъ схватить его и отправить въ Коломну. Что же касается Косаго, то онъ весной пошелъ отъ Устюга на великаго князя; съ нимъ были вятчане и дворъ Шемяки. Великій князь и шедшіе съ нимъ князья: меньшей изъ Юрьевичей, Дмитрій Красный, кн. Иванъ Андреевичъ можайскій и недавно прибывшій изъ Пскова въ Москву кн. друцкій Иванъ Баба, встрѣтили Василя Косаго въ Ростовской области у св. Покрова на Скорятинѣ. Косой, желая «искрасти» великаго князя, употребилъ хитрость: онъ просилъ перемирія до утра слѣдующаго дня; великій князь согласился и, пользуясь этимъ временемъ, распустилъ свои полки по окрестностямъ, говоря современнымъ языкомъ, на фуражировку. Этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Косой: онъ двинулъ свои полки на великаго князя, котораго успѣли, впрочемъ, извѣстить объ этомъ. Василій Васильевичъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ своимъ станамъ, а самъ схватилъ трубу и началъ давать сигналы къ сбору. Полки его собрались и выступили на встрѣчу непріятелю: войска Косаго были разбиты и обращены въ бѣгство; одинъ изъ московскихъ воиновъ, преслѣдовавшихъ непріятеля, узналъ Косаго, нагналъ его и началъ кричать о подмогѣ; на этотъ крикъ прискакалъ кн. Иванъ Баба, и Косой былъ взятъ живымъ; его привели къ великому князю, который отправилъ его въ Москву, гдѣ онъ вскорѣ былъ ослѣпленъ. По прибытіи въ Москву, Василій Васильевичъ позвалъ къ себѣ Шемяку, которому, во время похода на Косаго, дозволено было свободно, но безвыѣздно и подъ присмотромъ, жить въ Коломнѣ. Великій князь теперь «пожаловалъ его», отпустилъ его въ отчину его, заключивъ съ нимъ новый договоръ, не отличающійся, впрочемъ, ничѣмъ отъ прежняго съ нимъ договора³⁵⁹).

Вражда между двоюродными братьями на время прекратилась. Мы сейчасъ увидимъ даже, что Василій Васильевичъ употребляетъ Шемяку на ратныя дѣла.

359) Ibid. III, 112; IV, 121, 210; V, 29 (подъ 1437 г.), 266—267; VI, 150; VIII, 99—100; Ник. V, 120—121; С. г. г. и д. №№ 56—57; Акты Ист. I, № 40. Поводомъ къ ослѣпленію Василя Юрьевича Архангелог. лѣтоп. (стр. 147) выставлено слѣдующее обстоятельство: когда Василій Юрьевичъ былъ совершенно разбитъ, то вятчане, шедшіе къ нему на помощь, воротились назадъ и по дорогѣ схватили кн. ярославскаго Александра Федоровича Брюхатаго вмѣстѣ съ женой его, съ котораго хотя и взяли окупъ, но не отпустили его по условію, а увезли съ собой. Это-то обстоятельство, будь-то бы, и было причиной ослѣпленія Юрьевича (21-го мая — по тому же лѣтописцу).

Съ 1428 г., когда татары нападали на Галицкую область (взяли Кострому, Плесь и Лухъ), до 1437 г. включительно ордынцы не бездокопни московскихъ владѣній. Но въ 1438 г. великій князь самъ безтактно поступилъ съ выгнаннымъ изъ орды ханомъ и тѣмъ навлекъ на себя много бѣдствій. Осенью помянутаго года ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ орды братомъ своимъ Кичи-Махметомъ, пришелъ къ русской границѣ и засѣлъ въ г. Бѣлевѣ. Василій Васильевичъ послалъ на него свои полки подъ предводительствомъ Юрьевичей, Шемяки и Краснаго. По пути къ Бѣлеву ратные люди вели себя, какъ разбойники: грабили своихъ же, мучили людей, добываясь отъ нихъ пожитковъ, убивали скотъ и отправляли домой «и неподобная и скверная дѣяху». Улу-Махметъ, при сравнительной малочисленности у него людей, не осмѣлился выступить противъ многочисленной московской рати; онъ отдавался на волю русскихъ князей, — но тѣ не приняли его предложенія и на слѣдующій день пошли къ городу, около котораго и произошелъ бой. Татары не выдержали боя и обратились въ бѣгство; русскіе преслѣдовали ихъ до самаго города, а двое удалцовъ, кн. Петръ Кузминскій и какой-то Семень Вольнецъ, увлеклись даже за татарами до половины города, но за это удалство заплатились головами. На другой день послѣ этого боя ханъ выслалъ къ русскимъ князьямъ зятя своего и съ нимъ нѣсколько татарскихъ князей, чрезъ которыхъ предлагалъ сына своего Мамутека, а князя — своихъ дѣтей въ заложники и притомъ съ обѣщаніемъ, что, въ случаѣ занятія имъ ханскаго престола, онъ будетъ оберегать Русскую землю и, пока будетъ живъ, не будетъ присылать на Русь ни за выходомъ, ни за чѣмъ-либо инымъ. Василій Ивановичъ Собакинъ и Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ, посланные для переговоровъ, не согласились и на эти предложенія; тогда татарскіе князья сказали русскимъ воеводамъ: «Если не хотите этого, то посмотрите назадъ!» Тѣ обернулись и увидѣли москвичей въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Дѣло въ томъ, что литовскій князь послалъ на помощь русскимъ мценскаго воеводу Григорія Протасьева, который, предавшись Улу-Махмету, совѣтовалъ русскимъ пока не вступать въ бой съ ханомъ, обѣщаясь быть съ ними за-одно, а самъ, между тѣмъ, послалъ сказать Улу-Махмету, чтобы онъ напалъ на русскіе полки. Татары разбили русскихъ и обратили въ бѣгство: много пало людей, пали, между прочимъ: кн. Ѳедоръ Тарусскій, князь Андрей Стародубскій, Иванъ Кузминскій и др. Этотъ бой происходилъ 5-го декабря³⁶⁰⁾.

360) Ibid. V, 267; VI, 150; VIII, 107 (подъ 1438 г.); Ник. V, 125—126; Арханг. лѣт. подъ 1437 г. Въ послѣдней говорится объ измѣнѣ Протасьева и о томъ, что Улу-Махметъ, остановившись у р. Бѣлевы (у теперешняго Бѣлева Тульской губ. на лѣвомъ горномъ бе-

Не смотря на эту побѣду, одержанную исключительно благодаря измѣнѣ Протасьева, Махметъ, конечно, не могъ считать себя безопаснымъ на русской границѣ, а потому черезъ Мордовскую землю ушелъ къ берегамъ

регу Оки), построилъ городъ и обвелъ его стѣнами изъ толстыхъ кусковъ льда. Отсюда онъ предпринималъ набѣги на сосѣднія земли для добыванія жизненныхъ продуктовъ, почему Василій Васильевичъ и требовалъ, чтобы онъ удался изъ русскихъ предѣловъ. За этимъ требованіемъ посланы были и войска. — Такъ называемый «Казанскій лѣтописецъ» (Рукоп. Имп. П. Библ. № 1485; изданъ былъ Академіей Наукъ въ 1791 г. подъ заглавіемъ: «Исторія о Казанскомъ царствѣ» и пр.) приписываетъ Улу-Махмету основаніе Казани и относитъ это къ тому времени, когда ханъ, послѣ побѣды подѣ Бѣлевымъ, перешелъ Волгу, т. е. къ 1438 г. Но ни одна изъ лѣтописей, подробно передавая свѣдѣнія объ Улу-Махметѣ послѣ Бѣлевскаго боя, ничего не передаетъ о Казани, не говоритъ не только объ основаніи ея Улу-Махметомъ, но и о томъ, чтобы онъ подходилъ когда-нибудь къ ней. Напротивъ, лѣтописи указываютъ на окрестности Нижняго-Новгорода, откуда ханъ дѣлалъ набѣги на Москву и Муромъ. Одна изъ лѣтописей («Царств. лѣтописецъ», Спб. 1772, стр. 266) даже прямо говоритъ, что «пѣзъ Бѣлева поиде царь къ Новугороду къ нижнему и засяде Новъгородъ нижній старый».... Далѣе тотъ же лѣтописецъ передаетъ, что ханъ изъ Нижняго пошелъ къ Мурому, что великій князь, узнавши объ этомъ, отпраздновалъ Крещеніе во Владимірѣ и вскорѣ пошелъ къ Мурому, каковое обстоятельство заставило бѣжать Улу-Махмета опять въ Нижній (Ср. Татищ. IV, 557). Въ Воскр. лѣтописи подѣ 1445 г. говорится: «Тое же осени царь Мамотинъ, Улу-Махметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, вотчина (?) Казанскаго князя Либей убилъ, а самъ сѣлъ въ Казани царствовать». То же находимъ и въ «Русскомъ Временникѣ». Кромѣ Казанскаго лѣтописца, наши лѣтописи нигдѣ не называютъ Улу-Махмета царемъ казанскимъ, а его татаръ — казанскими; напротивъ, Мамутека и его татаръ называютъ казанскими (см., напр., П. С. Р. Л. VIII, 121; Ник. V, 288; Архангел. лѣт. подѣ 1446 г.). Такимъ образомъ, основателемъ Казанскаго царства скорѣе можно считать, вопреки Казанскому лѣтописцу, не Улу-Махмета, а сына его Мамутека. Къ тому же выводу приходитъ извѣстный нашъ ориенталистъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (см. его «Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», I, 5 и слѣд.). Казанскому лѣтописцу въ данномъ вопросѣ трудно отдавать предпочтеніе предѣ другими лѣтописями, такъ какъ онъ самъ сознается, что не могъ добиться свѣдѣній о времени основанія Казани: «о первомъ же началѣ царства Казанскаго, въ кое время или како зачася, не обрѣтохъ въ лѣтописяхъ русскихъ, не мало въ казанскихъ людехъ видахъ, много же и речію пытахъ отъ искуснѣйшихъ казанскихъ людей и отъ русскихъ сыновъ, и глаголаше ми тако, инии же инако, и не единъ же вѣдаетъ истинны...» И такъ, Мамутекъ въ 1445 г. сѣлъ въ Казани, убивъ тамошняго владѣтеля, князя Либей. Но кто былъ этотъ Либей? Въ концѣ XIV в., когда Тимуръ, одолѣвъ Тохтамыша, провозгласилъ ханомъ Золотой Орды Урусова сына Карача-Аглемъ, Волжской Болгаріей правилъ Абд-Уллахъ-ханъ, который, пользуясь замѣшательствами въ ордѣ, объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ. Новый ханъ послалъ Тимура смирить непокорнаго; болгары были разбиты; они заперлись въ своемъ городѣ. Война продолжалась семь лѣтъ и кончилась тѣмъ, что городъ болгары были взяты и разрушенъ, Абд-Уллахъ былъ убитъ, убито много и другихъ князей; жены ихъ отданы были въ рабство, а малолѣтніи дѣти Абд-Уллаха, Алимъ-Бекъ и Алтунъ-Бекъ (9 и 7 лѣтъ) приверженцами хана уведены были въ лѣсъ, гдѣ со временемъ возмужали. Въ 1402 г., по словамъ Фергенъ-Намега, они призваны были въ Болгарію, которая отложила тогда отъ орды. Казань тогда была совершенно опустошена набѣгами русскихъ. Младшій братъ, пришедши въ Болгарію, отдѣлился отъ брата и ушелъ къ берегамъ Тобола, гдѣ и основалъ г. Тобольскъ, а старшій, Алимъ-Бекъ, на мѣстѣ старой Казани основалъ новую (см. «Казанскую Исторію» Н. Бажанова, Казань 1847; см. также П. Наумова: «Объ отношеніяхъ рос. князей къ монг. и татар. ханамъ отъ 1224 по 1480 г.». Спб. 1823). Не этого ли Алимъ-Бека Воскр. лѣтопись называетъ Либеемъ?

Волги и остановился у Нижняго-Новгорода. Отсюда-то, въ **1439 г.**, онъ устрѣмился на Москву. Великій князь не успѣлъ собрать полковъ, а потому ушелъ за Волгу, оставивъ въ Москвѣ кн. Юрія Патрикѣевича. Юля 3-го Махметъ подошелъ къ Москвѣ, стоялъ здѣсь десять дней, пожегъ посадъ, но города не могъ взять. Надѣлавши подъ Москвой много зла, онъ пошелъ домой и по пути сжегъ Коломну ³⁶¹).

Теперь, пока Шемяка не предпринималъ ничего противъ Москвы, а татары ушли во-свояси, великій князь опять обратился къ Новгороду. Мы видѣли, что въ **1435 г.** Василій Васильевичъ заключилъ съ Новгородомъ договоръ, по которому отступался отъ захваченныхъ его предшественниками новгородскихъ волостей, а новгородцы отказывались отъ княжчинъ. Но великій князь былъ уступчивъ, кажется, потому, что, находясь въ распрѣ съ Юрьевичами, не могъ направить силъ своихъ исключительно въ одну сторону. Что дѣйствительно уступчивымъ его заставила быть нужда, видно изъ того, что, по минованіи опасности, угрожавшей со стороны Юрьевичей, онъ не думалъ исполнить договора. Не смотря, однако, на это, до ссоры дѣло не дошло. Въ **1437 г.** великій князь посылалъ даже въ Новгородъ кн. Юрія Патрикѣевича, и новгородцы не оказали ему никакого противодѣйствія ³⁶²). Года четыре спустя послѣ того (въ **1441 г.**, зимой), безъ всякой видимой причины, Василій Васильевичъ «възверже нелюбовь на Великій Новгородъ»: прислалъ къ новгородцамъ складную грамоту и двинулся съ ратью на Новгородскую землю. Изъ Торжка онъ послалъ поднимать и псковичей на Новгородъ. Псковичи не противорѣчили: сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе и начали пустошить Новгородскую землю отъ литовскаго рубежа до нѣмецкаго на 300 верстъ въ длину и на 50 въ ширину, «и пакости сотвориша не мало», по выраженію новгородскаго лѣтописца. Въ этомъ походѣ участвовали и тверскія рати подъ начальствомъ двухъ воеводъ, Александра Романовича и Карпа Ѳедоровича. Новгородцы въ свою очередь вмѣстѣ съ заволочанями пустошили земли великаго князя. Но не подъ силу было новгородцамъ бороться съ сильнымъ московскимъ княземъ: подъ г. Демонъ, гдѣ стоялъ Василій Васильевичъ, они послали пословъ,—владыку Евоеимія, посадниковъ и бояръ,—и купили миръ за 8 тысячъ рублей съ обязательствомъ давать оброки и пошлины по старинѣ. Великій князь заключалъ договоръ какъ отъ себя, такъ и отъ псковичей. Новгородцы твердо держали миръ и не поддавались искушеніямъ. Такъ,

361) П. С. Р. Л. VI, 169; VIII, 107; Ник. V, 125, 136; Карамз. V, 159 и соотвѣтств. прим.; «Ист. Р.» Соловьева IV, 64. См. предыдущее прим.

362) Ibid. III, 112; IV, 122; Ник. V, 123; Ак. Арх. Эксп. I, № 32.

въ 1445 г. Казиміръ склонялъ ихъ отложиться отъ великаго князя на его сторону, но тѣ не согласились³⁶³).

Въ слѣдующемъ 1442 г., не извѣстно по какимъ причинамъ, Васплій Васильевичъ «взверже нелюбіе» на Шемяку и пошелъ на него къ Угличу; Шемяка бѣжалъ въ Бѣжецкій Верхъ «и много волостямъ пакости сотвори». Отсюда онъ послалъ предложеніе новгородцамъ принять его на всей волѣ ихъ. «Хочешь, князь, — пріѣзжай къ намъ», отвѣчали новгородцы: «а не хочешь, — какъ тебѣ угодно». Вѣроятно, такой отвѣтъ не совсѣмъ понравился Шемякѣ, такъ какъ онъ не пошелъ въ Новгородъ. Набравши около себя разнаго сброду, онъ пошелъ къ Москвѣ на великаго князя. Съ нимъ былъ литовскій князь Александръ Чарторыйскій, недавно убившій, совмѣстно съ братомъ своимъ Иваномъ, в. кн. литовскаго Сигизмунда. На этотъ разъ враговъ успѣлъ примирить троицкій игуменъ Зиновій³⁶⁴). Только что упомянутый кн. Чарторыйскій какимъ-то образомъ вошелъ въ довѣріе великаго князя, который, въ недѣлю сыропустную 1443 г. (Пасха была 21-го апрѣля), отправилъ его своимъ намѣстникомъ во Псковъ. Мѣсяцевъ черезъ пять (25-го августа) во Псковъ прибыли отъ Васплія послы и «поручили» Псковское княженіе Чарторыйскому, который по этому случаю цѣловалъ крестъ какъ къ великому князю, такъ и ко Пскову³⁶⁵).

Съ того же 1443 г. великому князю попеременно приходится сталкиваться то съ татарами, то съ литвой. Зимой названнаго года въ Рязанскую землю ворвались татары съ царевичемъ Мустафой. Забравши большой полонъ, Мустафа ушелъ въ степь и тамъ продавалъ плѣнныхъ тѣмъ же рязанцамъ. Зима этого года была снѣжная, холодная, съ вихрями, — такъ что въ открытомъ полѣ Мустафѣ трудно было держаться, почему онъ постарался примириться съ рязанцами и перешелъ въ Рязань на зимовку. Узнавши объ этомъ, великій князь послалъ на татаръ сильную рать подъ воеводствомъ кн. Василія Оболенскаго и Андрея Ѳеодоровича Голтяева. Съ этими воеводами шла и мордва на лыжахъ, потомъ къ нимъ пристали *рязанскіе казаки* и толпы пѣшихъ ратныхъ людей, также на лыжахъ, съ сулицами, рогатинами, саблями, топорами и даже ослопами (дубинами). Рязанцы, между тѣмъ, постарались удалить Мустафу изъ города. Великокняжеская рать встрѣтилась съ татарами на р. Листани, и тутъ произошелъ

363) Ibid. III, 113, 141; IV, 123, 211; V, 29 — 30, 267; VI, 170; VIII, 111; XV, 491 (подъ 1440 г.); Ник. V, 153; Акты Ист. I, № 258.

364) Ibid. III, 113; V, 267; VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 157 (говоритъ о томъ, что Шемяка просился въ Новгородъ послѣ примиренія съ великимъ княземъ и мотивируетъ эту просьбу тѣмъ, что онъ боялся Василія Васильевича); Dlugosz, кн. XI.

365) Ibid. IV, 212; V, 30.

отчаянный бой. Татары не могли дѣйствовать обледенѣвшими луками, но тѣмъ не менѣ живыми въ руки врага не давались и отчаянно рѣзались съ русскими. Однако, послѣдніе взяли верхъ: много татаръ побито, много взято въ плѣнъ; въ числѣ убитыхъ былъ и царевичъ Мустафа ³⁶⁶).

Года черезъ два (въ 1445 г. послѣ Крещенья) Махметъ пзъ Нижняго-Новгорода (старого) ходилъ къ Мурому, гдѣ находился самъ великій князь, съ которымъ были: Шемяка, Иванъ и Михаилъ Андреевичи можайско-верейскіе и Василій Ярославичъ боровскій. Одна изъ лѣтописей замѣчаетъ, что тогда били татаръ по селамъ, а другая говоритъ, что противъ Махмета выступилъ великій князь, и тотъ «возвратися бѣгомъ въ Новгородъ старой»; наконецъ, третья лѣтопись говоритъ, что воеводы великаго князя, который и самъ выходилъ противъ хана, преслѣдовали татаръ и побили ихъ подъ Муромомъ, у Гороховца и въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ, куда бѣжалъ Махметъ ³⁶⁷). Какъ бы то ни было, татарамъ данъ былъ надлежащій отпоръ. Великій князь, надобно полагать, находился въ серьезномъ затрудненіи, такъ какъ со стороны татаръ онъ постоянно долженъ былъ ожидать набѣговъ, на что указываетъ его пребываніе то въ Муромѣ, то во Владимірѣ. Эти затрудненія усиливались еще тѣмъ, что въ томъ же 1445 г. противъ него начинаетъ враждебно дѣйствовать Литва. Литовскій князь, какъ мы уже упоминали объ этомъ выше, старается, хотя и безуспѣшно, склонить Новгородъ на свою сторону ³⁶⁸). Какъ бы въ отвѣтъ на это, великій князь послалъ двухъ царевичей на литовскіе города: Вязьму, Брянскъ и др.; съ огнемъ и мечемъ прошли эти царевичи едва не до самаго Смоленска и возвратились съ большимъ полономъ. Литва не хотѣла оставаться въ долгу: в. кн. литовскій послалъ свои войска къ Можайску; въ числѣ 7000 человекъ литовцы подходили къ Козельску и Калугѣ, но ничего не могли сдѣлать этимъ городамъ и ушли къ Суходрову. Жители Можайска въ количествѣ 100 человекъ съ воеводой своимъ, кн. суздальскимъ Андреемъ Васильевичемъ Лугвицей, вышли противъ литовцевъ; столько же собралось и жителей Верей; наконецъ, 60 человекъ вышло изъ Боровска. Князья названныхъ городовъ, Иванъ и Андрей Михайловичи и Василій Ярославичъ, какъ мы видѣли, помогали въ то время великому князю противъ Улу-Махмета. Незначительныя русскія силы встрѣтились съ литовцами у Суходрова,

366) Ibid. VIII, 111; Ник. V, 192—193. Мордва и казаки шли на *ртагъ*, по объясненію Карамзина (V, 179), на лыжахъ.

367) Ibid. VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 194—197 (подъ 1445 г.). Воск. лѣт. о походѣ Улу-Махмета къ Мурому говоритъ подъ 1444 и 1445 годами. Можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ ханъ два раза покушался напасть на Муромъ.

368) Ibid. IV, 123.

гдѣ и произошелъ бой, въ которомъ палъ, между прочимъ, и Андрей Лугвица; много русскихъ взято было въ плѣнъ; литвы пало 200 человекъ³⁶⁹).

Зимой **1438 г.**, какъ мы видѣли, Улу-Махметъ ушелъ изъ Бѣлева къ Волгѣ; онъ взялъ въ Нижнемъ старый городъ, иначе — старыя укрѣпленія, но не могъ взять *меньшаго города* — укрѣпленія, построеннаго Дмитріемъ Константиновичемъ, тестемъ Донскаго. Здѣсь засѣли и отсиживались отъ татаръ нижегородскіе воеводы, кн. Ѳеодоръ Долголядовъ да Юшка (Юрій) Драница. Прогнанные отъ Мурома, какъ уже выше сказано, въ **1445 г.**, татары бѣжали опять къ Нижнему, а великій князь чрезъ Суздаль и Владиміръ возвратился въ Москву въ великій пятокъ (въ **1445 г.** Пасха была 28-го марта). Вскорѣ въ Москву пришло извѣстіе, что Улу-Махметъ послалъ на великаго князя сыновей своихъ, Мамутяка и Ягуба. Василій Васильевичъ съ своими полками выступилъ на встрѣчу имъ. Въ Юрьевѣ «прибѣжали» къ нему нижегородскіе воеводы, которые, находясь въ осадѣ, доведены были голодомъ до крайности: зажегши городъ, они ночью бѣжали. Пробывши Петровъ день въ Юрьевѣ, великій князь пошелъ къ Суздалью. Въ это время къ нему подошли князья: Иванъ Андреевичъ можайскій, Михаилъ Андреевичъ верейскій и Василій Ярославичъ боровскій. Іюля 6-го князья остановились на р. Каменкѣ близъ Суздаля, недалеко отъ Евѣиміева монастыря, и начали готовиться къ бою. Вечеръ этого дня великій князь ужиналъ у себя и вмѣстѣ съ князьями и боярами пировалъ до глубокой ночи; въ тотъ же вечеръ подоспѣли еще нѣкоторыя полки. На слѣдующій день, 7-го іюля, отслушавши заутреню, Василій Васильевичъ хотѣлъ еще немного «попопочинуть», какъ пришло извѣстіе, что татары въ-бродъ переходятъ р. Нерль. Полки великаго князя приготовились къ бою; но воиновъ было не много, около полуторы тысячи, потому что не всѣ еще собрались: такъ, напримѣръ, не подоспѣлъ царевичъ Бердедатъ, ночевавшій съ 6-го на 7-ое іюля въ Юрьевѣ, а Шемяка ни самъ не пришелъ, ни полковъ своихъ не послалъ. Татаръ же было три съ половиной тысячи. Въ бою, не далеко отъ Евѣиміева монастыря, великокняжескіе полки бодро ударили на татаръ и обратили ихъ въ бѣгство; часть великокняжескихъ ратныхъ людей преслѣдовала побѣжденныхъ, но многіе разбѣжались по мѣсту побоища и начали грабить убитыхъ. Это послѣднее обстоятельство испортило все дѣло: татары, замѣтивъ малочисленность преслѣдующихъ, вдругъ поворотили назадъ и ударили на русскихъ; побѣда осталась за ними: израненный

369) Ibid. IV, 123 (подъ 1446 г.); VIII, 112; Ник. V, 194—195. Въ Соф. первой (V, 267) говорится, что литовцы взяли съ Калуги окупъ, что Михаилъ Андреевичъ «можайскій» (собственно верейскій) вышелъ противъ 7 т. литовцевъ съ тремястами людей, былъ побитъ и бѣжалъ.

великій князь, князь Михаилъ Андреевичъ верейскій и мн. др. князья и бояре живьемъ взяты были татарами; войска московскія обратились въ бѣгство; татары преслѣдовали ихъ и многихъ побили, многихъ взяли въ плѣнъ. Царевичи — побѣдители остановились въ Евѣмиевомъ монастырѣ, откуда послали одного татарина въ Москву съ извѣстіемъ о плѣненіи великаго князя, а въ доказательство этого татарину данъ былъ для предъявленія великимъ княгинямъ снятый съ Василія Васильевича крестъ — тѣльникъ. Въ Москвѣ сдѣлался страшный переполохъ: всѣ думали, что татары придутъ въ столицу, въ которой искали спасенія и жители окрестныхъ селеній. Сумятица усилилась еще потому, что 14-го іюля (по Соф. 1-ой—24-го) произошелъ пожаръ, истребившій, по преувеличенному, кажется, выраженію лѣтописей, весь городъ. Въ это смутное время великія княгини — мать и жена Василія — съ семействомъ и своими боярами уѣхали въ Ростовъ, многіе жители также начали выѣзжать изъ города. Тогда черные люди, которымъ нечего было терять, принялись укрѣплять городскія ворота; выѣзжавшихъ изъ города брали, истязали и ковали въ цѣпи. Волненіе, наконецъ, улеглось и оставшіеся въ столицѣ жители начали сообща укрѣплять городъ и обстраиваться. . . . Между тѣмъ татары, простоявши подъ Суздалемъ три дня, пошли мимо Владиміра къ Мурому, а отсюда — въ Нижній-Новгородъ. Въ концѣ августа (25-го) Махметъ съ дѣтьми своими и со всей ордой своей пошелъ къ Курмышу, захвативъ съ собой и плѣнниковъ. Тогда же онъ послалъ къ Дмитрію Шемякѣ посла Бегича съ извѣстіемъ о взятіи великаго князя въ плѣнъ. Шемяка, воздавши большую честь послу, отправилъ съ нимъ къ хану дьяка Ѳедора Дубенскаго, который долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобы Василія не выпускали изъ плѣна. Бегичъ и Дубенскій были уже въ Муромѣ, какъ Махмету пришло въ голову, что посолъ его убить Шемякой. Благодаря, кажется, этому обстоятельству, ускорилось освобожденіе великаго князя изъ плѣна. Сентября 1-го 1446 г., будучи въ Курмышѣ, Махмутъ и сынъ его Мамутекъ утвердили великаго князя крестнымъ цѣлованіемъ на томъ, что онъ дастъ за себя и другихъ плѣнныхъ окупъ, и отпустили его въ Москву, а съ нимъ кн. Михаила Андреевича и др. въ сопровожденіи пословъ съ многочисленной татарской свитой. Чрезъ два дня по выходѣ изъ Курмыша великій князь послалъ въ Москву Андрея Плещеева съ сеунчемъ (извѣстіемъ) къ великимъ княгинямъ и всѣмъ роднымъ о своемъ освобожденіи. Между тѣмъ Бегичъ и Дубенскій отправились изъ Муромъ къ Нижнему Окою, отпустивъ Плещку Образцова съ конями своими берегомъ. Этотъ послѣдній, встрѣтившись на дорогѣ съ Плещеевымъ и узнавши отъ него объ освобожденіи великаго князя, догналъ Дубенскаго и Бегича и передалъ имъ слышанную отъ Пле-

щеева новость. Тѣ возвратились въ Муромъ, гдѣ кн. Василій Ивановичъ Оболенскій схватилъ и заковалъ Бегяча въ цѣпи. Шемяка, узнавши объ этомъ, бѣжалъ въ Угличъ... Василій Васильевичъ, пробывши нѣсколько времени въ Муромѣ, чрезъ Владиміръ поѣхалъ въ Переяславль, гдѣ его ожидали: мать, жена, сыновья — Иванъ и Юрій, — князья, бояре и пр. Ноября 17-го великій князь подѣхалъ къ Москвѣ и остановился на Ваганковѣ (за городомъ), въ домѣ матери своей, откуда, потомъ, переѣхалъ въ городъ, въ домъ кн. Юрія Патрикѣевича³⁷⁰).

Не смотря на счастливый оборотъ дѣлъ Василя Васильевича, враги его не успокоились. Шемяка всѣми мѣрами старался очернить Василя и представить его врагомъ Руси и тѣхъ князей, которыхъ онъ надѣялся привлечь на свою сторону. Съ великимъ княземъ изъ плѣна вышло множество татарскихъ князей и простыхъ татаръ; многимъ изъ нихъ онъ роздалъ въ кормленіе города и волости. Этыхъ, такъ сказать, татаръ-нахлѣбниковъ великіе князья приручали, ласкали и употребляли ихъ противъ ихъ же единоплеменниковъ, и за такую политику, кажется, нельзя порицать московскихъ князей. Но враги Василя воспользовались этимъ и указывали на раздачу волостей и городовъ татарскимъ выходцамъ, какъ на оскорбленіе русскихъ людей. Вѣроятно, народъ былъ обремененъ налогами, къ чему великаго князя могло вынудить обязательство дать окупъ Улу-Махмету. И этимъ враги Василя пользовались и мучили народъ. Вотъ почему мы видимъ, что въ Москвѣ много было недовольныхъ великимъ княземъ какъ между боярами, такъ и между гостями и даже чернецами; главнымъ между ними представляется какой-то Иванъ Старковъ. Шемяка прежде всего обратился къ кн. Ивану Можайскому и передалъ ему (въ народѣ ли ходила такая молва, или самъ Шемяка выдумалъ это, неизвѣстно), что великій князь выпущенъ

370) Ibid. III, 141; IV, 125, 212—213; V, 267—268; VI, 170—172; VIII, 112—114; Ник. V, 196—202. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей (III, 141; IV, 125, 212) бой близъ Суздаля происходилъ въ 1446 г.; освобожденіе Василя, по однихъ лѣтописямъ (V, 268; VI, 277), было въ 1445, по другимъ (III, 141; IV, 213; VI, 172 и VIII, 114) — въ 1446, а по нѣкоторымъ (IV, 125) — даже въ 1447 г. — Сумма выкупа за великаго князя въ лѣтописяхъ показывается различно. Одни изъ нихъ говорятъ, что Василій цѣловалъ крестъ хану и его сыну на томъ, что дастъ выкупъ, «сколько можетъ»; другія, какъ Новгород. вторая, опредѣляютъ выкупъ въ 200,000 рублей; третьи, наконецъ, какъ Псковская первая, такъ говорятъ о выкупѣ: «посуливъ на собѣ отъ злата и серебра и отъ портища всякого и отъ коней и отъ доспѣховъ пол—30 тысячъ», а Новгородская 4-я дѣлаетъ такой намекъ, который, упоминая о 200-тысячномъ выкупѣ, заставляетъ предполагать еще болѣшій: «и взя на немъ окупа двѣсти тысячъ рублевъ, а иное Богъ вѣсть да они». Во всякомъ случаѣ окупъ, надобно предполагать, былъ громаденъ. — Ко времени пребыванія великаго князя въ плѣну нѣкоторые (см. «Ист. Р.» Соловьева IV, 115) относятъ договоръ великаго князя съ Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами отъ 17 июля 1445 г. (С. г. г. и д. I, № 61). О немъ см. подъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ, во II-мъ томѣ.

изъ плѣна потому, что обѣщаль на крестномъ цѣлованіи отдать Улу-Махмету Московское княженіе и всѣ русскіе города и волости другихъ князей, а самъ — сѣсть на Тверскомъ княженіи. Дѣятельными помощниками Шемяки выступаютъ здѣсь какіе-то Константиновичи, — можетъ быть, бояре его. Къ Шемякѣ и Ивану Можайскому вскорѣ присталъ и Борисъ тверскій, которому они сообщили замыслы великаго князя, хотя это извѣстіе, судя по послѣдующимъ событіямъ и поведенію Бориса, подвергается сомнѣнію. Эти союзники слѣдили чрезъ своихъ московскихъ сообщниковъ за каждымъ шагомъ Василія Васильевича, выжидая удобнаго случая для нападенія на него. Случай такой скоро представился. Василій Васильевичъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, вѣроятно, въ благодарность за избавленіе изъ плѣна, собрался съ дѣтьми своими, Иваномъ и Юріемъ, поклониться живоначальной Троицѣ и мощамъ преп. Сергія. Враги его находились въ то время въ Рузѣ, откуда ссылались съ своими московскими единомышленниками. Узнавъ отъ послѣднихъ, что Василій съ небольшою свитой уѣхалъ въ Троицкій монастырь, они изгономъ бросились къ Москвѣ и 12-го февраля (1446 г.) взяли городъ, который отворили имъ ихъ соучастники. Обѣ великія княгини были схвачены, казна великаго князя и матери его захвачена, великокняжескіе бояре были переловлены, а казны ихъ разграблены, ограблены были и многіе изъ гражданъ. Въ ту же ночь Шемяка отправилъ въ Троицкій монастырь своего соучастника, кн. Ивана Можайскаго, со многими его и своими людьми. Въ слѣдующій день, во время литургіи, когда великій князь былъ въ церкви, къ Троицѣ прискакалъ какой-то Бунко съ извѣстіемъ, что Шемяка и кн. Можайскій идутъ на великаго князя. Но Василій не повѣрилъ Бунку, какъ прежде еще перебѣгавшему на сторону Шемяки, приказалъ прогнать его съ монастырскаго двора, не подалеку отъ котораго его даже побили сторожевые ратные люди. «Сіи смущаютъ насъ, говорилъ Василій Васильевичъ по поводу извѣстія Бунка, а язь съ своею братьею въ крестномъ цѣлованіи, то како можетъ быти тако?» Тѣмъ же не менѣе онъ послалъ къ Радонежу сторожевыхъ людей. Князь Можайскій, чтобы благополучно пробраться къ Троицѣ, употребилъ хитрость: изготовлено было множество саней съ рогожами и полостями, подъ которыми скрывалось по два вооруженныхъ ратника, а третій, при каждыхъ саняхъ, долженъ былъ идти сзади, какъ будто извозчикъ за обыкновеннымъ возомъ. Когда эти возы минули великокняжескую стражу, вооруженные ратники повыскакали изъ саней и напали на сторожевыхъ людей, которымъ невозможно было спастись хотя бы бѣгствомъ, такъ какъ лежалъ вездѣ глубокій снѣгъ. Когда великій князь самъ убѣдился въ истинѣ извѣстій Бунка, когда враги его уже подошли къ монастырю, онъ бросился въ конюшню,

но наготовѣ не было ни одного коня, такъ что ему пришлось скрыться въ Троицкой каменной церкви, гдѣ его заперъ пономарь. Прежде всѣхъ на монастырскій дворъ прискакалъ одинъ изъ Константиновичей, совѣтниковъ Шемяки, Никита, а потомъ и самъ кн. Иванъ можайскій, который спрашивалъ, гдѣ находится великій князь. Услышавъ знакомый голосъ, Василій Васильевичъ сказалъ: «Брате! помилуйте мя, не лишите мя зрѣти образа Божіа и пречистыя Матери Его и всѣхъ святыхъ Его; не изыду изъ монастыря сего и власы главы своея здѣ остригу». Послѣ этого онъ самъ отомкнулъ двери храма и съ иконой вышелъ къ кн. можайскому, которому напомнилъ объ обоюдномъ крестномъ цѣлованіи на томъ, чтобы не мыслить другъ другу лиха. Князь Иванъ сказалъ, что надъ ними самими учинится лихо, если они пожелаютъ лиха ему, великому князю; «но се творихомъ, продолжалъ кн. можайскій, христіанства ради и твоего окупа: видѣвше бо се татары пришедшіи съ тобою облегчать окупъ, что ти царю давати». Великій князь, поставивъ икону на мѣсто, съ горькимъ плачемъ началъ молиться; князь же Иванъ, выходя изъ церкви, приказалъ Никитѣ Константиновичу взять его. «Пойманъ еси Богомъ и великимъ княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ», сказалъ Никита великому князю, когда тотъ, по окончаніи молитвы, спросилъ, гдѣ братъ его, князь Иванъ. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ вел. князь на слова Никиты. Въ простыхъ саняхъ Василія отвезли въ Москву. Но враги его, въ увлеченіи, забыли про дѣтей его, которыя укрылись на монастырскомъ дворѣ. Они, съ оставшимися при нихъ людьми, въ ту же ночь бѣжали къ Юрьеву, въ село Боярково, къ кн. Ивану Ряполовскому, который, вмѣстѣ съ братьями своими, Семеномъ и Димитріемъ, и со всѣми людьми своими бѣжалъ въ Муромъ и здѣсь затворился съ дѣтьми Василія. Между тѣмъ, 14-го февраля Василія привезли въ Москву и посадили на Шемякиномъ дворѣ, а 16-го февраля, ночью, ослѣпили его и вмѣстѣ съ в. кн. Маріей отослали въ заточеніе въ Угличъ, а мать его Софью отправили въ Чухлому. Чтобы придать законную силу своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ, враги Василія, предъ ослѣпленіемъ его, исчисляли вины его: «чему еси, говорили они, татаръ привелъ на Русскую землю и города далъ еси имъ и волости подавалъ еси въ кормленіе? а татаръ любишь и рѣчь ихъ паче мѣры безъ милости, а золото и серебро и имѣніе даешь татаромъ». Такіе обвинительные пункты были выставлены со стороны Шемяки. Нельзя не замѣтить, что когда онъ привлекалъ на свою сторону другихъ князей, то выставялъ другую вину великаго князя: его обязательство отдать хану великое княженіе и княженія другихъ князей. Между тѣмъ, приверженцы Василія Васильевича, кн. Василій Ярославичъ боровскій, Василіевъ шуринъ, и кн. Семенъ Ивановичъ Оболенскій бѣжали въ Литву, а дѣти боярскія и

всѣ люди московскіе били челомъ Шемякѣ и приведены къ крестному цѣлованію. Не хотѣлъ только присягать воевода Ѳеодоръ Басенокъ, и Шемяка приказалъ заковать его въ цѣпи. Но Басенокъ сошелся съ своимъ приставомъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Коломну, гдѣ нѣкоторое время скрывался у своихъ пріятелей, а потомъ, привлекиши на свою сторону многихъ людей, пограбилъ съ ними Коломенскій уѣздъ и ушелъ въ Литву, къ Василю Ярославичу. Этотъ послѣдній получилъ отъ в. кн. литовскаго въ вотчину Брянскъ, Гомей, Стародубъ, Мстиславль и др. мѣста. Первый изъ названныхъ городовъ онъ отдалъ кн. Оболенскому и Басенку... Но возвратимся къ Москвѣ. Непрочность Шемяки на великокняжескомъ столѣ сказалась въ первые же дни его княженія: всѣ негодовали на него, желая видѣть на великокняжескомъ столѣ Василя, и не только негодовали, «но и на самого мысляху», — такъ что когда Шемяка узналъ о томъ, что дѣти Василя заперлись въ Муромѣ, то самъ боялся забрать ихъ, а призвалъ къ себѣ рязанскаго (и муромскаго) епископа Іону и, обѣщая дать ему митрополію, а также освободить Василя Васильевича и дать ему «отчину... доволну», просилъ отправиться въ Муромъ и взять дѣтей Василовыхъ подъ свое святительское ручательство въ ихъ безопасности («на свой патрахѣль»). Епископъ отправился въ Муромъ и передалъ князьямъ Ряполовскимъ желаніе Шемяки. Ряполовскіе на совѣтѣ пришли къ тому заключенію, что лучше положиться на слова святителя, чѣмъ ожидать, когда ихъ съ княжичами Шемяка возьметъ силой. Они сказали епископу, что исполнять требованіе Шемяки, но только «безъ крѣпости» не отпускать дѣтей великаго князя, а потому владыка долженъ взять ихъ въ соборной Рождественской церкви «у Пречистые съ пелены на свой патрахѣль». Такъ и сдѣлали. Это означало, что владыка ручается, своимъ святительскимъ саномъ, за безопасность принимаемыхъ имъ дѣтей великаго князя. Іона съ дѣтьми Василя прибылъ 6-го мая въ Переяславль, гдѣ тогда находился Шемяка. Послѣдній принялъ княжичей съ притворною лаской, звалъ къ себѣ на обѣдъ и одарилъ ихъ, а на третій день, въ сопровожденіи того же епископа Іоны, отправилъ ихъ въ Угличъ къ отцу въ заточеніе. Братья Ряполовскіе, видя коварство Шемяки, начали придумывать средства къ освобожденію великаго князя. Къ нимъ въ той же мысли пристали: кн. Иванъ Вас. Стрига, Ив. Ощера съ братомъ Бобромъ, Юшка Драница, Семень Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно и многія другія боярскія дѣти. Они условились собраться подъ Угличемъ въ полдень Петрова дня. Семень Филимоновъ явился въ-время, а Ряполовскіе принуждены были уйдти за Волгу къ Бѣлоозеру, такъ какъ Шемяка узналъ объ ихъ замыслахъ. Послѣдній съ Углича послалъ за ними со множествомъ людей Василья Вепрева и Ѳеодора

Михайловича, которые должны были соединиться при устьѣ Шексны. Оедоръ не подоспѣлъ во-время къ Вепреву, и послѣдняго Ряполовскіе побили на устьѣ Мологи, а потомъ обратились къ устью Шексны на Оедора, который бѣжалъ отъ нихъ за Волгу. Послѣ этого Ряполовскіе пошли по Новгородской землѣ въ Литву и пришли въ Мстиславль къ Василью Ярославичу боровскому, къ которому потомъ явились еще многіе изъ бывшихъ и не бывшихъ въ сообщничествѣ съ Ряполовскими. Они начали побуждать боровскаго князя къ освобожденію углицкаго узника ³⁷¹⁾.

Между тѣмъ Шемяка, видя, что отъ него многіе бѣгутъ, вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Андреевичемъ можайскимъ созвалъ совѣтъ изъ владыкъ и бояръ, которымъ предложилъ на рѣшеніе вопросъ о томъ, освобождать или держать Васплія Васильевича въ заточеніи. Владыка Іона, занимавшій уже митрополитчій дворъ, укорялъ Шемяку въ томъ, что онъ ввелъ его въ грѣхъ и срамъ — сдѣлалъ его лжецомъ и неправду учинилъ съ великимъ княземъ, котораго долженъ былъ освободить изъ заточенія. Шемяка рѣшился освободить Васплія и дать ему отчину. — Въ слѣдующемъ 1447 г. онъ, въ сопровожденіи духовнаго клира, отправился въ Угличъ и, «каяся и прощаяся», 15-го сентября освободилъ великаго князя, который, напротивъ, во всемъ винилъ самого себя: въ томъ, что онъ былъ клятвoprеступникомъ предъ старѣйшею братьею своею и предъ всѣмъ христіанствомъ, которое изгубилъ и еще хотѣлъ изгубить до конца, почему и достоинъ «главнѣйша казни» (смертной). Шемяка въ честь Васплія и его семейства устроилъ пиръ, на которомъ присутствовали епископы, бояре и дѣти боярскія, щедро одарилъ его и отпустилъ въ данную ему отчину, Вологду. — Не долго побывши въ Вологдѣ, Васплій Васильевичъ собрался со всѣми своими приближенными въ Кирилловъ монастырь будто бы накормить, по тогдашнему обычаю, монастырскую братію и раздать милостыню. Здѣсь игумень Трифонъ со всею братіею благословилъ его и дѣтей его на великое княженіе, — а чтобы не смущалась совѣсть князя-слѣпца, настоятель монастыря сказалъ ему: «Тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братіи головахъ, что еси цѣловалъ крестъ и крѣпость далъ князю Дмитрію». Услышавши объ этомъ, бояре, дѣти боярскія и многіе простые люди начали перебѣгать отъ Шемяки къ Васплію Васильевичу, который изъ монастыря пошелъ не въ Вологду, а въ Тверь; снесшись по этому поводу съ тамошнимъ княземъ. Борисъ Александровичъ съ честію принялъ Васплія и одарилъ его; затѣмъ послѣдовало обрученіе семилѣтняго Василіева сына Ивана съ пятилѣтней дочерью Бориса, Маріей... И сюда, въ Тверь, продолжали стекаться приверженцы Васплія.

371) Цитаты см. въ слѣд. прим.

Въ то же время и изъ Литвы шли его приверженцы. Василій Ярославичъ, не зная еще объ освобожденіи великаго князя, сговорившись съ князьями Рязанскими, кн. Иваномъ Стригой, кн. Семеномъ Оболенскимъ, Басенкомъ и др., назначилъ сборный пунктъ въ Пацынѣ, откуда рѣшено было идти къ Угличу. Семейства свои они оставили пока въ Литвѣ. Но вскорѣ они узнали, что Василій свободенъ и находится въ Твери, а потому рѣшили прямо идти на Русь. Около Ельны съ ними повстрѣчался отрядъ татаръ, и едва не произошло схватки. Оказалось, что съ татарами шлѣ дѣти Махмета, Касимъ и Ягубъ, также на выручку великаго князя: русскіе и татары соединились и продолжали путь вмѣстѣ... Шемяка и Иванъ Можайскій стояли тогда на Волокѣ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Василій Васильевичъ послалъ въ Москву изгономъ боярина Михаила Плещеева съ немногими людьми, которые незамѣтно прошли мимо полковъ Шемяки и подошли къ Москвѣ. Это было въ ночь на Р. Хр. Въ ту пору въ Кремль къ заутренѣ проѣхала вдова кн. Василя Владиміровича угличкаго Ульяна чрезъ Никольскія ворота, которыя, послѣ проѣзда ея, остались незапертыми. Плещеевъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и проникъ въ городъ. Намѣстникъ Шемяки, бывшій тогда у заутрени, бѣжалъ; но намѣстника кн. Ивана Можайскаго поймали и заковали; близкихъ къ Шемякѣ и кн. Ивану людей хватали, грабили и ковали, а гражданъ привели къ крестному цѣлованію на вѣрность вел. кн. Василю. Городъ начали укрѣплять. Между тѣмъ самъ великій князь пошелъ къ Волоку. Узнавши о взятіи Москвы и о томъ, что къ Василю отовсюду собираются простые и ратные люди, Шемяка и его сообщникъ бѣжали въ Галичъ, отсюда — въ Чухлому, а изъ Чухломы, захвативши съ собою Василюву мать, ушли въ Каргополь. Великій князь, преслѣдуя Шемяку, остановился подъ Угличемъ, куда пришелъ и Василій Ярославичъ, а Борисъ тверскій прислалъ пушки. Взявши Угличъ, Василій Васильевичъ пошелъ къ Ярославлю, подъ который пришли и дѣти Махмета. Отсюда Темный послалъ къ Шемякѣ боярина Василя Оедоровича Кутузова съ просьбой объ освобожденіи Софіи Витовтовны, а самъ пошелъ въ Москву, куда прибылъ 17-го февраля. Обсудивши съ боярами эту просьбу, Шемяка отпустилъ Василюву мать съ бояриномъ своимъ Михаиломъ Оедоровичемъ Сабуровымъ, который не возвратился къ Шемякѣ, а остался служить Василю. Въ слѣдующемъ **1448 г.** Шемяка перебрался въ Галичъ. Василій выступилъ противъ него и остановился въ Костромѣ. Послѣ переговоровъ чрезъ пословъ, Юрьевичъ далъ великому князю «проклятыя» грамоты, по которымъ клялся не имѣть къ великому князю, дѣтямъ его и всему великому княженію никакого лиха. Примирившись, Василій пошелъ съ Костромы въ великій четвергъ и, отпраздновавши въ Ростовѣ

первый и второй дни Пасхи (24-го и 25-го марта), прибылъ въ Москву на Ооминои недѣлѣ³⁷²⁾.

Но возвратимся немного назадъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о договорахъ великаго князя съ удѣльными за послѣдніе два года, о чемъ не было говорено въ своемъ мѣстѣ какъ потому, что неудобно было прерывать нити разсказа, такъ и потому, что нѣкоторые договоры трудно приурочить къ опредѣленному времени.

Ко времени послѣ послѣдняго занятія Василіемъ Москвы относится договоръ его съ Иваномъ можайскимъ³⁷³⁾. Договоръ трактуетъ объ обоюдной дружбѣ какъ между ними, такъ и между дѣтьми ихъ, о немщеніи со стороны великаго князя за прежнюю вражду и о забвеніи послѣдней. Въ свидѣтели этого договора они призываютъ Бога и святыхъ угодниковъ Его, а въ посредники—кн. Бориса тверскаго съ супругой его, Михаила Андреевича можайскаго и Василія Ярославича боровскаго. Около того же времени

372) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 123, 125—126, 131, 146, 213; V, 268—269; VI, 172—178; VII, 226; VIII, 115—121; XV, 493; Ник. V, 202. Нѣкоторыя изъ описываемыхъ здѣсь событій переходятъ изъ одного года въ другой: то, что въ однихъ лѣтописяхъ находимъ подъ 1446 годомъ, въ другихъ — подъ 1447 и на оборотъ. — Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Архангелогородская и «Лѣтописецъ Русскій», изд. Н. Львовымъ (1792 г.), передаютъ сношенія Василія съ Борисомъ тверскимъ такъ: Василій пошелъ въ Тверь и просилъ у Бориса помощи противъ Шемяки; Борисъ обѣщалъ помощь только при такомъ условіи, если Василій женить своего сына на его, Борисовой, дочери. При этомъ «Лѣтописецъ Русскій» (III, 342) влагаетъ въ уста Бориса такую рѣчь: «а не женишь, то я выдамъ тебя *опять*(?) князю Дмитрію... Онъ же (Василій), продолжаетъ лѣтописецъ, *неволею* обручи дщерь Марію у кн. Бориса Александровича за сына своего, Ивана». Почти то же находимъ и въ «Лѣтоп. содерж.

рос. ист. отъ

6360	7106
852	1598

 до (1781 г.). Трудно вѣрить этимъ извѣстіямъ. По Татищеву Василій началъ переговоры съ Борисомъ еще до прибытія въ Тверь. При чемъ же была бы тутъ угроза Бориса? Притомъ, Василій такъ довѣрчиво не могъ бы относиться къ Борису, чтобы просить у него помощи, если бы Борисъ дѣятельно присталъ, какъ передаютъ нѣкоторыя лѣтописи, къ Шемякѣ. А Новгородскія 2-я и 4-я (III, 141; IV, 125) передаютъ даже, что Борисъ участвовалъ въ ослѣпленіи Василія, чему ужъ, кажется, никакъ нельзя повѣрить. — Въ Тверской лѣт. (т. XV, 493) говорится, что Василій далъ Борису г. Ржеву. Но неизвѣстно, почему Борису пришлось брать его силой, съ пушками. — Пацынъ упоминается въ духовной Ивана III (С. г. г. и д. I, № 144): онъ даетъ сыну своему Юрію, между прочимъ, «волости: Соловьевичи, Прикладки, Пацынъ.»

373) С. г. г. и д. I, № 63. Такого же содержанія договоръ подъ № 68. Въ этомъ послѣднемъ есть только одна разница, та, что въ началѣ договора прибавлено, что дѣти Василія будутъ пѣловать крестъ Шемякѣ, когда имъ исполнится по 12 лѣтъ. О первомъ договорѣ издатели говорятъ, что онъ писанъ *около* 1447 г., а о второмъ *положительно* говорятъ, что онъ писанъ въ 1448 г., хотя и нигде не видно, на чемъ издатели основываются. Намъ кажется, что это — двѣ редакціи одного и того же договора, такъ какъ они, за исключеніемъ указанной выше прибавки въ № 68, дословно сходны. То обстоятельство, что въ посредники здѣсь берется тверскій князь, заставляетъ думать, что договоръ состоялся вскорѣ по занятіи Василіемъ Москвы, которому, т. е. занятію, предшествовало обрученіе дѣтей Василія и Бориса.

Иванъ можайскій вмѣстѣ съ другими удѣльными князьями участвовалъ въ договорѣ великаго князя московскаго съ вел. кн. рязанскимъ Иваномъ Оедоровичемъ ³⁷⁴). Къ описываемому времени относятся договоры Василя Васильевича и съ другими князьями, какъ-то: съ Василюмъ Ярославичемъ боровскимъ и Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ (можайскимъ). Но мы не будемъ здѣсь указывать на содержаніе этихъ договоровъ, такъ какъ это сдѣлано въ біографіяхъ названныхъ князей; скажемъ только, что боровскій и верейскій князья стояли на сторонѣ великаго князя и свято исполняли договоры съ нимъ, хотя почему-то въ **1456 г.** Василю и приказалъ схватить и заточить въ Угличѣ князя боровскаго.

Теперь возвратимся къ прерванной нити разсказа.

Мы видѣли, что въ **1448 г.** въ Костромѣ Шемяка заключилъ миръ съ Василюмъ и далъ на себя проклятыя грамоты. Объ этомъ упоминаетъ и владыка Іона въ своемъ окружномъ посланіи о посвященіи его въ митрополиты. Говоря о заключенномъ князьями мирѣ, онъ совѣтуетъ князьямъ, боярамъ и всѣмъ христіанамъ бить челомъ великому князю о жалованьи, какъ ему Богъ положитъ на сердце. «А если не станете бить челомъ, продолжаетъ митрополитъ, и отъ того прольется кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ». Но Шемяка, въ слѣдующемъ же **1449 г.**, уже нарушилъ клятву: съ большимъ войскомъ онъ двинулся на Кострому, куда прибылъ въ день Пасхи, 13-го апрѣля, — долго бился подъ этимъ городомъ съ ратными людьми Василя, но безуспѣшно, потому что въ Костромѣ съ кн. Ив. Вас. Стригой и О. Басенкомъ была сильная застава (гарнизонъ), дворъ великаго князя, дѣти боярскія. Съ митрополитомъ Іоной, епископами, братьями и татарскими царевичами великій князь выступилъ противъ клятвопреступника; войска пришли въ село Рудино, около Ярославля, на правой сторонѣ Волги. Шемяка переправился также на правую сторону. До битвы, впрочемъ, дѣло не дошло. Иванъ можайскій, бывшій съ Шемякой, перешелъ на сторону Василя, который далъ ему, въ придачу къ Можайску, Бѣжецкій Верхъ, и, кажется, это обстоятельство, заставило Шемяку также примириться съ Василюмъ. Бѣжецкій Верхъ отданъ былъ Ивану можайскому еще въ **1447 г.**, но, вѣроятно, вскорѣ по чему-либо отобранъ былъ отъ него ³⁷⁵). Въ слѣдующемъ **1450 г.**, неизвѣстно по

374) Ibid. № 65. Эта грамота писана 1447 г. іюля 20. Этой даты въ текстѣ не выставлено, потому что трудно опредѣлить хронологическое отношеніе этого договора къ договору № 63. Къ той же порѣ должна относиться грамота № 69, но мы ея не помѣщаемъ, такъ какъ не находимъ въ ней ничего особеннаго; въ ней рисуются самыя обыкновенныя отношенія князей. О другихъ договорахъ Василя Васильевича съ Иваномъ можайскимъ см. по дѣ этимъ послѣднимъ.

375) П. С. Р. Л. IV, 131, 146; V, 269; VI, 178; VIII, 122; Ник. V, 215; Акты Ист. I, № 40.

какимъ побужденіямъ, великій князь опять выступилъ противъ Шемяки съ большими силами, съ которыми, въ концѣ января, подошелъ къ Галичу. Шемяка стоялъ съ своимъ войскомъ на прилежащей къ городу горѣ, окруженной оврагами. Василій, остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, послалъ къ Галичу свои войска подъ главнымъ воеводствомъ кн. Вас. Вас. Оболенскаго и татарскихъ царевичей, которые подступили къ городу 27-го января. При всемъ неудобствѣ мѣстности (овраги), по которой приходилось пробираться, московскія войска, обстрѣливаемые съ городскихъ стѣнъ, взобрались на гору, и начался бой. Много воиновъ Шемяки легло на мѣстѣ, многіе изъ болѣе знатныхъ взяты живьемъ, а самъ Шемяка едва спасся бѣгствомъ въ Новгородъ. Великій князь, послѣ молебствія по случаю побѣды, отправился въ городъ, умирилъ гражданъ и, оставивъ въ Галичѣ своихъ намѣстниковъ, уѣхалъ въ Москву, куда прибылъ въ половинѣ февраля, на масляной недѣлѣ³⁷⁶⁾.

Великому князю, не разъ обманутому Шемякой, приходилось, во что бы то ни стало, какъ-нибудь отдѣлаться отъ него. Но его отвлекали татарскія дѣла. Еще въ 1448 году казанскій царь Мамутекъ, сынъ Улу-Махмета, отце-и брато-убійца, послалъ всѣхъ своихъ князей воевать отчины великаго князя, Муромъ и Владиміръ. Противъ нихъ выходилъ тогда 10-лѣтній сынъ Василя Иванъ. Въ 1449 г. татары Седи-Ахмета, хана Синей или Ногайской орды, доходили до р. Похры, плѣнили жену кн. Василя Оболенскаго и, вообще, много зла учинили христіанамъ. Этихъ татаръ преслѣдовалъ царевичъ Касимъ, отнявшій у нихъ русскій полонъ³⁷⁷⁾. Въ слѣдующемъ 1450 г. татары пошли по направленію къ Рязанской землѣ. Великій князь, бывшій тогда въ Коломнѣ, выслалъ противъ нихъ того же Касима съ татарами и воеводу Беззубцова съ коломенской ратью, которые встрѣтили враговъ у р. Битюга, побили ихъ и обратили въ бѣгство³⁷⁸⁾. Серьезнѣе было нападеніе татаръ въ слѣдующемъ 1451 г. Великій князь неожиданно получилъ извѣстіе, что на Москву идетъ сынъ Седи-Ахмета, царевичъ Мазовша. Не успѣвши собрать всѣхъ ратей, онъ пошелъ къ Окѣ съ наличными немногочисленными полками; на пути онъ узналъ, что Мазовша уже не вдалекѣ отъ Оки, а потому воротился въ Москву, пославши съ своими полками кн. Ивана Звенигородскаго съ тѣмъ, чтобы онъ по возможности задержалъ быструю переправу татаръ чрезъ Оку. Кн. Звенигородскій, однако, струсилъ и воротился съ дороги назадъ, но инымъ путемъ, а не по слѣдамъ за великимъ княземъ... Василій Васильевичъ, встрѣтивши Петровъ день въ

376) Ibid. IV, 131; V, 269—270; VI, 178—179; VIII, 122—123; Ник. V, 216—217.

377) Ник. V, 216.

378) П. С. Р. Л. V, 270; VI, 277; VIII, 123; Ник. V, 217.

Москвѣ, съ старшимъ сыномъ Иваномъ поѣхалъ къ Волгѣ, оставивъ въ Москвѣ въ осадѣ мать свою, митр. Іону, сына Юрія и множество бояръ и дѣтей боярскихъ,—а жену свою съ малолѣтними дѣтьми, по извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописей, отправилъ въ Угличъ. Іюля 2-го татары подошли къ Москвѣ и зажгли окружные посады. Тогда стояла засуха, а потому огонь спльно и быстро разошелся; отъ сильнаго жара въ самомъ городѣ загарились церкви; отъ дыму ничего нельзя было видѣть; граждане впали въ уныніе. Татары хотя и подступали къ городу, но неудачно... Пожаръ, наконецъ, затихъ, и дымъ разсѣялся. Тогда граждане стали выходить изъ города и биться съ татарами въ открытомъ полѣ. Но вотъ, въ одну ночь, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, татары услышали въ городѣ шумъ: думая, что это пришелъ самъ великій князь, они бѣжали такъ поспѣшно, что побросали на дорогѣ всѣ тяжелыя вещи и полоня. Получивъ отъ матери извѣстіе объ отступленіи татаръ, великій князь возвратился въ Москву, слушалъ молебны и утѣшалъ гражданъ, говоря имъ: «Это случилось по моимъ грѣхамъ. Но вы не унывайте! пусть каждый изъ васъ ставитъ хоромы на своихъ мѣстахъ, а я радъ жаловать васъ и дать вамъ льготу³⁷⁹).

Не смотря на это безпокойное время, на набѣги татаръ и крамолу Шемяки, обычныя государственныя дѣла шли своимъ порядкомъ, и объ нихъ, какъ объ обычныхъ, лѣтописцы ничего не говорятъ: если бы эти дѣла приняли иной оборотъ, они не преминули бы отмѣтить это въ своихъ трудахъ.

Отношенія къ другимъ князьямъ, кромѣ Шемяки, были также обычны. Кажется, къ которому-нибудь изъ двухъ послѣднихъ только что описанныхъ годовъ, а можетъ быть къ двумъ предшествующимъ имъ годамъ, нужно отнести договоръ великаго князя съ Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ. Еще раньше, въ 1446 г. (?), троюродные братья его, внуки Кирдяны, Василій и Ѳеодоръ Юрьевичи, заключили договоръ съ Шемякой, по которому, «когда Богъ дастъ ему (Шемякѣ) достать свою отчину великое княженіе», онъ отберетъ у кн. Ивана можайскаго Суздаль (Нижній, Городецъ и даже Вятку) съ правомъ непосредственныхъ сношеній съ ордой. Теперь Иванъ Горбатый, послѣ того какъ договоръ Юрьевичей рушился самъ собой, заключаетъ съ великимъ княземъ также договоръ, по которому обязуется не заключать мира съ Шемякой и отдать великому князю взятые у Крымскаго хана старыя ярлыки на Нижегородское и Суздальское княженія. Великій князь съ своей стороны жалуетъ ему Городецъ... Былъ договоръ и съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ. По договору 1447 г. іюня 19-го ве-

379) Ibid. IV, 131, 147; V, 270; VI, 179; VIII, 123—125; Ник. V, 218—221.

ликій князь, между прочимъ, не беретъ съ вотчины Михаила дани въ продолженіе двухъ лѣтъ; по новому же договору отъ 1-го іюля **1450 г.** князь верейскій обязывается давать ордынскіи выходъ³⁸⁰).

Но возвратимся къ прерванному нами разсказу.

Шемяка, бѣжавшій послѣ пораженія 27-го января **1450 г.** въ Новгородъ, вовсе не думалъ успокоиться. Въ декабрѣ **1452 г.** великій князь получилъ извѣстіе, что Юрьевичъ пошелъ къ Устюгу. Отпраздновавши Рождественскіе праздники, Василій Васильевичъ 1-го января выступилъ изъ Москвы; пробывши день Крещенія въ Троицкомъ монастырѣ, онъ продолжалъ путь къ Ярославлю. Здѣсь онъ раздѣлилъ войска на два отряда: прямо къ Устюгу онъ отправилъ кн. Василю Ярославича боровскаго и своихъ бояръ, дворъ свой, кн. Семена Ивановича Оболенскаго, Ѳедора Басенка и др.; второй отрядъ съ великокняжескимъ сыномъ Иваномъ пошелъ на р. Кокшенгу, а самъ великій князь пошелъ въ Кострому, откуда послалъ въ помощь сыну царевича Ягуба. Шемяка, узнавши объ этомъ, сжегъ только Устюжскій посадъ и бѣжалъ. Между тѣмъ второй отрядъ побралъ городки Шемяки, доходилъ до устья Ваги и Осинова Поля, «землю ту всю пусту поплѣниша» и воротился съ большимъ полономъ. Шемяка съ Двины бѣжалъ въ Новгородъ и здѣсь скоропостижно скончался 18-го іюля **1453 г.** отъ яда. Кто былъ виновникомъ этого дѣла, столь противнаго, по выраженію нашего исторіографа, вѣрѣ и нравственности, осталось неизвѣстнымъ; участвовалъ ли въ немъ самъ великій князь — также неизвѣстно, — но извѣстно, что онъ весьма обрадованъ былъ вѣстью о смерти своего врага: подьячій Бѣда, привезшій эту вѣсть въ Москву (23-го іюля), былъ пожалованъ въ дьяки³⁸¹).

И такъ, безпокойнаго, но энергичнаго врага великаго князя не стало; съ этой стороны у него руки были, такъ сказать, развязаны. Теперь онъ смѣлѣе могъ дѣйствовать по отношенію къ другимъ князьямъ. Прежде всего онъ, естественно, направилъ свои удары на сподвижника Шемяки «за его, какъ выражаются лѣтописи, неисправленіе». Какъ видно изъ письма митр. Іоны къ епископу смоленскому, это неисправленіе состояло въ томъ, что можайскій князь не являлся на помощь великому князю при двукратномъ нашествіи Седи-Ахметовыхъ татаръ, не смотря на обращенныя къ нему просьбы митрополита. Кстати замѣтимъ, что это письмо или посланіе имѣло и спеціальную цѣль. Василій опасался, чтобы Иванъ можайскій не вздумалъ

380) С. г. г. и д. I, №№ 62, 80—81, 75.

381) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 126, 132, 147; V, 271; VI, 179—180; VIII, 125, 144; Ник. V, 221, 278. Объ отравленіи Шемяки говорятъ только Архангелогор. и Новгор. 4 лѣтоп. — Р. Кокшенга — Вологодской губ., Вельскаго уѣзда; впадаетъ въ Вагу.

подбивать противъ Москвы короля, съ которымъ, какъ замѣчаетъ посланіе, великій князь желалъ братства, любви и прочнаго добраго житія. По тому-то митрополитъ и говоритъ епископу смоленскому: «Благословляю тебе, своего сына, чтобы еси того поберегль, чтобы какъ отъ того кн. Ивана въ вотчинѣ великаго князя пакости не было... А сыну нашему пану Михайлу канцлерю говори, чтобы также о томъ поберегль, какъ самъ вѣдаетъ...» Иванъ Андреевичъ не думалъ о сопротивленіи: услышавъ, что на него идетъ великій князь, онъ съ семействомъ и со всѣми приближенными своими бѣжалъ въ Литву. Можайскъ присоединенъ былъ къ Москвѣ, и въ немъ великій князь оставилъ своихъ намѣстниковъ³⁸²).

Теперь великій князь обратилъ свое вниманіе на Великій-Новгородъ. Впрочемъ, ему нужно было еще раздѣлаться съ набѣгомъ татаръ. Въ 1455 г. къ Окѣ пришелъ сынъ Седи-Ахмета Салтанъ. Иванъ Васильевичъ Ощера, стоявшій недалеко отъ берега Оки съ коломенской ратью, боялся вступить въ бой съ царевичемъ, и татары свободно переправились чрезъ рѣку, безнаказанно грабили и пустошили край, и съ большимъ полономъ пошли обратно. Тогда великій князь выслалъ противъ нихъ своихъ дѣтей, Ивана и Юрія, а потомъ и самъ выступилъ. Но Ѳеодоръ Басенокъ предупредилъ ихъ: нагналъ хищниковъ, побилъ ихъ и отнялъ у нихъ полонъ³⁸³).

Причины неудовольствія великаго князя на Новгородъ заключались въ томъ, что послѣдній принималъ къ себѣ недруговъ Василія. Такъ, онъ принималъ къ себѣ Шемяку, который тамъ и померъ. Митрополитъ Іона, въ своей перепискѣ по этому поводу съ новгородскимъ владыкой, настаивалъ на томъ, между прочимъ, чтобы Шемяка прислалъ къ великому князю посла съ челобитьемъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ въ своемъ преступленіи противъ старшаго брата. Шемяка, дѣйствительно, присылалъ въ Москву съ своимъ бояриномъ грамоты, но «съ великою высостию», а о преступленіи своемъ ничего даже и не упоминалъ. Новгородскій владыка объяснялъ радущный

382) Ibid. VI, 180; VIII, 144; Ник. V, 278; Акты Ист. I, № 56. Къ этому времени или, лучше сказать, къ 1454 г. надобно отнести договоръ (С. г. г. и д. № 78—79) великаго князя съ Василиемъ Ярославичемъ боровскимъ. Издатели относятъ его ко времени около 1451 г. Но то обстоятельство, что въ договорахъ говорится объ удѣлахъ Шемяки и Ивана можайскаго, которые, т. е. удѣлы, должны быть за великимъ княземъ, никакъ не позволяетъ думать, чтобы договоръ этотъ состоялся раньше 1454 г., такъ какъ только въ этомъ послѣднемъ году князь можайскій бѣжалъ въ Литву. По этому договору великій князь и всѣ его сыновья становятся по отношенію къ Василю Ярославичу «братьею старѣйшею»; Василій Ярославичъ отступаетъ въ пользу великаго князя отъ Дмитрова; вмѣсто недоданныхъ ему великимъ княземъ городовъ дѣда Василіева, Владиміра Андреевича, какъ Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, купля Пересвѣтова, Лисинъ, Иванъ Васильевичъ даетъ Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ и пр.

383) Ibid. IV, 147; V, 271; VI, 180 (подъ 1454 г.); VIII, 144; Ник. V, 279.

пріемъ Шемяки въ Новгородѣ старымъ обычаемъ, по которому всякій князь, прибѣгавшій подъ кровъ св. Софіи, принимался съ почетомъ; выставлялъ также на видъ, что митрополитъ и самъ называлъ Шемяку своимъ сыномъ. Иона, выставляя на видъ вины и злодѣянія Шемяки, не только отказывался отъ признанія его своимъ сыномъ, но и заявлялъ, что вмѣстѣ съ нимъ, митрополитомъ, всѣ владыки и все русское священство считаютъ Шемяку отлученнымъ отъ Божіей церкви³⁸⁴). Другой князь, неужившійся съ Москвой и слѣдовательно непріятный ей, перешелъ, въ половинѣ іюня 1455 г., изъ Пскова въ Новгородъ, — это — Василій Васильевичъ Гребенка, кн. суздальско-шуйскій. Недовольный своимъ удѣломъ и вообще положеніемъ своего дома, онъ уѣхалъ сначала въ Новгородъ, а потомъ, въ 1448 г., переѣхалъ во Псковъ; въ 1455 г., какъ сказано, онъ опять переѣхалъ въ Новгородъ... Великій князь отослалъ въ Новгородъ «грамоты взметныя» и выступилъ въ походъ въ февралѣ 1456 г. Въ Волокъ собрались къ нему всѣ князья и воеводы, долженствовавшіе принять участіе въ походѣ; сюда же явился новгородскій посадникъ съ челобитьемъ, чтобъ великій князь пожаловалъ: на Новгородъ не шелъ бы и гнѣвъ свой отложилъ бы. Но Василій челобитья не принялъ. Вступивши въ Новгородскую землю, онъ послалъ кн. Ивана Васильевича Стригу-Оболенскаго и Оедора Басенка на Русу, граждане которой, не ожидая столь быстраго прибытія низовской рати, не успѣли вывезти или припрятать своихъ пожитковъ, такъ что московскіе воеводы должны были отправлять прибрѣтенную добычу въ свою землю съ ратными людьми. Ратныхъ людей осталось здѣсь, и съ воеводами и съ дѣтьми боярскими, весьма небольшое число, менѣе двухъ-сотъ. А между тѣмъ изъ Новгорода наступала пятитысячная рать. На совѣтѣ воеводы порѣшили выступить противъ этой рати, такъ какъ — говорили они — воспользовавшись добычею, они сами отпустили съ ней ратныхъ людей, сами же и должны, слѣдовательно, выходить изъ такого критическаго положенія. Притомъ же, говорили они, если не биться съ новгородцами и не пасть въ бою, то все равно придется погибнуть за вину отъ своего государя. Мѣсто для битвы было весьма неудобно: враждующія стороны раздѣлялись плетнемъ и снѣжными суметами. Московскіе воеводы, замѣтивъ, что на новгородцахъ очень крѣпкіе доспѣхи и что, по этому, ихъ трудно будетъ одолѣть, порѣшили стрѣлять по конямъ, а не по всадникамъ; кони вслѣдствіе этого начали бѣситься и метаться въ разныя стороны, а неискусные и необученные военному дѣлу всадники, вооруженные длинными копьями, которыми не умѣли владѣть, падали съ коней и этимъ производили

384) Акты Ист. I, № 53; Доп. къ Актамъ Арх. Экс. I, № 372.

необыкновенное замѣшательство; наконецъ, новгородцы ударились въ бѣгство, а московскіе воеводы преслѣдовали ихъ по пятамъ. Тутъ пойманъ былъ, между прочимъ, посадникъ Михаилъ Туча. Въ полонъ много нельзя было брать по малочисленности московской рати, изъ которой, говоря современнымъ языкомъ, нельзя было отряжать большаго конвоя къ плѣннымъ. Новгородъ пришелъ въ уныніе, когда прибѣжали туда остатки разбитой рати... Раздался вѣчевой колоколъ, собрались новгородскія власти и граждане, но никто не зналъ, съ чего и рѣчь начать; наконецъ, какъ будто пьяные, говорили то, что придетъ въ голову: одни — одно, другіе — другое. Верхъ взяла мысль — просить владыку, чтобы отправился къ великому князю съ челобитьемъ. Архіепископъ хотя и заявлялъ, что за преступленіе новгородцевъ ему нельзя и на очи показаться великому князю, — тѣмъ не менее, видя, въ какой бѣдѣ находится его паства, отправился съ посадниками, тысяцкими и житѣями людьми: посѣтилъ, по обычаю, сначала князей и бояръ московскихъ и просилъ ихъ ходатайствовать за Новгородъ предъ великимъ княземъ; наконецъ, допущенъ былъ на очи самого великаго князя. Василій Васильевичъ, послушавъ челобитья богомольца своего, а также братьевъ и бояръ своихъ, взялъ съ новгородцевъ «за свою истому» около 10,000 новгородскихъ серебряныхъ рублей кромѣ того, что дано было новгородцами братьямъ и боярамъ великаго князя. Послѣ этого въ Новгородъ посланы были бояре, которые привели новгородцевъ къ крестному цѣлованію. Договоръ Новгорода съ великимъ княземъ, заключенный въ Яжелбицахъ (120 в. отъ Новгорода), содержитъ въ себѣ зачатки того, что послужило потомъ къ паденію новгородской самостоятельности. Новгородцы отступались для великихъ князей, Василія Васильевича и Ивана Васильевича (который объявленъ соправителемъ отца въ 1450 г.), отъ пріобрѣтенныхъ ими ростовскихъ и бѣлозерскихъ земель; обязывались платить черный боръ, отмѣнить вѣчевыя грамоты, новгородскую печать замѣнить печатью великаго князя, не вмѣшиваться въ княжескія усобицы, не принимать къ себѣ князей: можайскаго и сына Шемяки, Ивана Дмитріевича Шемякина съ дѣтьми ихъ, а также матери и зятьевъ послѣдняго; не принимать никакихъ лихоуѣвъ великаго князя, откуда бы они ни явились³⁸⁵).

385) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 132, 147, 216—217; V, 31—32, 271—272; VI, 181; VIII, 145—147; Цик. V, 281—283; А. А. Эксп. I, № 58. Василій Васильевичъ выступилъ въ походъ, по Никои. и Воскр. лѣт., 19-го, а по другимъ—2-го февраля. Въ Новгородской 4-ой сказано, что новгородскій владыка «доби челомъ великому князю поддесяты (а не десятью, какъ въ другихъ лѣтописяхъ) тысящи рублей»; по другимъ извѣстіямъ онъ далъ 8,500 р. (Карамз. V, 203). — Походъ на Новгородъ былъ зимой, а Василій Ярославичъ схваченъ по однимъ лѣтописямъ 3-го, по другимъ — 5, по третьимъ — 10-го юля. Оба факта одинъ за другимъ помѣщаются въ лѣтописяхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ.

Въ томъ же **1456 г.** великій князь одержалъ двѣ весьма важныхъ, такъ сказать, безкровныхъ побѣды. Въ началѣ іюля онъ приказалъ схватить кн. боровско-серпуховскаго, Василя Ярославича, который, какъ мы видѣли, находясь въ родствѣ съ Темнымъ, былъ всегда ему преданъ и вѣренъ даже въ безвременье его. Что за причина была такой черной неблагодарности великаго князя, изъ лѣтописей не видно. Степенная книга говоритъ, но глухо, что онъ взялъ «за нѣкую крамолу». Другое безкровное завоеваніе великаго князя, относимое лѣтописями къ тому же году, это — отдача в. кн. рязанскимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ какъ Рязанскаго княжества, такъ и сына-наслѣдника въ опеку Василя Васильевича, который постарался взять будущаго рязанскаго князя въ Москву, подъ предлогомъ воспитанія, поручивъ Рязанское княжество вѣдѣнію своихъ намѣстниковъ ³⁸⁶).

Если Василій Васильевичъ старался поставить Новгородъ въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало бы его очевиднымъ стремленіямъ къ единодержавію; если онъ съ тою же цѣлю старался уничтожить такихъ князей, которые несомнѣнно были преданы ему, не говоря уже о князьяхъ-недругахъ его, то могъ ли онъ равнодушно смотрѣть на самостоятельную Вятку, родную дочь Великаго Новгорода, тѣмъ болѣе, что она такъ недавно была въ рукахъ московскаго князя, который отдавалъ ее Юрію галицкому? И вотъ, въ **1458 г.** Василій Васильевичъ посылаетъ кн. Ивана Васильевича Горбатаго, Григорія Перхушкова и другихъ на Вятку. Походъ этотъ, однако, былъ неудаченъ, что зависѣло отъ корыстолюбія воеводъ: лѣтописи говорятъ, что Перхушковъ «у вятчанъ посулы поималъ да имъ поровилъ». Вотъ почему воеводы и не взяли Вятки. Великій князь все-таки не хотѣлъ бросить намѣченной цѣли: въ **1459 г.** онъ послалъ на Вятку другихъ воеводъ: кн. Ивана Юрьевича Патрикѣва, Ивана Ивановича и кн. Дмитрія Ряполовскаго. Эти воеводы взяли Орловъ и Котельничъ, долго держали въ осадѣ Хлыновъ, такъ что, наконецъ, вятчане «добили челомъ на всей волѣ великаго князя» ³⁸⁷).

Въ томъ же **1459 г.** опять напомнили о себѣ татары Седи-Ахметовой орды: они подошли къ Окѣ. Великій князь выслалъ противъ нихъ сына своего Ивана, который отбилъ хищниковъ отъ берега. Въ слѣдующемъ **1460 г.** татары опять приходили на Рязанскую землю: ханъ Большой орды

386) Ibid. IV, 132, 147; V, 272; VI, 181; VII, 244; VIII, 147; Ник. V, 283—284; Соловьева «Ист. Р.» IV, пр. 96; С. г. г. и д. I, № 78—79, 84—85.

387) Ibid. IV, 147—148, 172; V, 272; VI, 181; VIII, 147—148; Ник. V, 284. По Соф. 2-й на Вятку посланъ Иванъ Ряполовскій, а по Воскр. и Никон. — Семенъ Ряполовскій и Григорій Перхушковъ.

Ахматъ, сынъ Кичи-Ахматовъ, остановился на Рязскомъ полѣ, а къ Рязани подошли Юсуфъ и Темиръ. Однако татаръ побили и заставили обратиться въ бѣгство³⁸⁸).

Но перейдемъ опять въ противоположную сторону, къ сѣверу-западу.

Мы видѣли, что съ Новгородомъ Василій Васильевичъ раздѣлялся довольно рѣшительно и даже круто; видѣли такія условія мира съ новгородцами, которыя должно считать предвѣстниками паденія Господина Великаго Новгорода и всѣхъ вольностей его. Не такъ поступалъ великій князь съ младшимъ братомъ Новгорода, Псковомъ. Въ отношеніяхъ къ послѣднему великій князь проявлялъ большую мягкость и желаніе удовлетворить нерѣдко обращаема къ нему просьбы псковичей. Даже то обстоятельство, что псковичи посылали войско свое въ помощь Новгороду въ 1456 г., не навлекло на нихъ дурныхъ послѣдствій, что могло бы быть, если бы хоть сколько-нибудь хотѣлось великому князю смирить Псковъ и поставить его въ болѣе подчиненныя отношенія къ себѣ. Вѣроятно, великій князь не считалъ Псковъ ни въ какомъ случаѣ опаснымъ и считалъ возможнымъ справиться съ нимъ, когда ему заблагоразсудится. Къ Новгороду же, какъ представлявшему собой болѣе солидную политическую силу, Василій не могъ относиться безразлично, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ старался ослабить его. За то и новгородцы, какъ сейчасъ увидимъ, если не всѣ, то многіе питали къ нему злобу. — Въ 1460 г. января 20-го Василій Васильевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ сыновьями своими, Юріемъ и Андреемъ большимъ, по выраженію нѣкоторыхъ лѣтописей, «миромъ», т. е. просто посѣтить свою отчину, В. Новгородъ, и поклониться его святынь. Къ этому другія лѣтописи добавляють, что онъ пріѣхалъ «о всѣхъ своихъ управахъ», что вѣроятно: съ специальною религіозною цѣлью московскіе князья, обыкновенно, ѣздили поближе, въ Троицкій монастырь. О пріѣздѣ великаго князя въ Новгородъ услышали псковичи, — у которыхъ все начало зимы 1460 г. проходило въ дракахъ съ нѣмцами и взаимныхъ опустошеніяхъ собственныхъ земель, — и послали въ Новгородъ къ великому князю пословъ бить ему челомъ «о жалованьи и о печалованіи своея отчинѣ» и говорить: «есмя приобижени отъ поганныхъ нѣмецъ и водою, и землею, и головами, и церкви Божія пожжени отъ поганныхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи». Въ то же время послы должны были вручить великому князю въ даръ 50 рублей, а также просить его, чтобы онъ далъ имъ своимъ намѣстникомъ, псковскимъ княземъ, кн. Александра Васильевича Черторижскаго.

388) Ibid. IV, 147—148; V, 272; VI, 182; VIII, 147; Ник. V, 285. Нѣкоторыя лѣтописи говорятъ только о первомъ, другія — только о второмъ, третьи — объ обоихъ набѣгахъ.

Великій князь согласился на послѣднюю просьбу съ тѣмъ условіемъ, чтобы Черторижскій цѣловалъ крестъ ему, великому князю, и дѣтямъ его на томъ, что онъ зла имъ не будетъ ни хотѣть, ни мыслить. Черторижскій не хотѣлъ дать такой присяги и, не смотря на просьбы псковичей, не остался у нихъ и уѣхалъ въ Литву, а въ Псковъ Василій Васильевичъ послалъ сына своего Юрія, который, съ соизволенія отца, удовлетворилъ просьбу псковичей — далъ имъ въ качествѣ псковскаго князя, а великокняжескаго намѣстника, кн. Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу. Василій Васильевичъ, пробывши въ Новгородѣ шесть недѣль, выѣхалъ обратно въ Москву 1-го марта. Одна изъ лѣтописей (Соф. 2-я) передаетъ фактъ, случившійся въ Новгородѣ вскорѣ по приѣздѣ туда великаго князя. Если извѣстіе этой лѣтописи достоверно, то передаваемый ею фактъ указываетъ на то раздраженіе новгородцевъ, которое возбудилъ въ нихъ великій князь походомъ **1456 г.** Вотъ этотъ фактъ. По приѣздѣ великаго князя новгородцы собрались къ св. Софіи по звону вѣчеваго колокола и совѣщались объ убіеніи Василя и дѣтей его. Этотъ кровавый замыселъ не приведенъ въ исполненіе, благодаря только владыкѣ Іонѣ, который, явившись на вѣче, указалъ имъ на все безразсудство ихъ предпріятія: старшій сынъ великаго князя, по словамъ владыки, услышавши объ участи отца и братьевъ, возметъ рать у царя (т. е. хана) и разоритъ всю Новгородскую землю... Трудно заподозрить это извѣстіе въ неправдоподобіи. Хотя другія лѣтописи ничего подобнаго не передаютъ, а многія изъ нихъ, напротивъ, говорятъ, что Василій принялъ былъ съ любовію, — но, во 1-хъ, одна изъ нихъ, говоря о прибытіи Василя въ Новгородъ, добавляетъ: «а новгородцы во сторожи жиша»; во 2-хъ, по нѣкоторымъ лѣтописямъ тогда же какіе-то «шилники» хотѣли убить Оедора Басенка; въ 3-хъ, въ Новгородѣ, несомнѣнно, много было гражданъ, озлобленныхъ на Василя за отнятіе имъ у Новгорода нѣкоторыхъ правъ по договору **1456 года**³⁸⁹). — Между тѣмъ, вскорѣ по отъѣздѣ великаго князя, въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы для заключенія перемирія на пять лѣтъ. Псковичи и новгородцы отправили пословъ къ великому князю съ цѣлю доложить о просьбѣ нѣмцевъ. Василій Васильевичъ далъ свое согласіе. Въ то же время изъ Пскова почему-то выѣхалъ великокняжескій намѣстникъ, кн. Иванъ Стрига. Псковичи отиравили съ нимъ пословъ къ великому князю съ дарами и челобитьемъ о томъ, чтобы онъ печаловался о нихъ, — и Василій далъ имъ намѣстника въ лицѣ

389) Ibid. III, 141; IV, 127 (подъ 1461 г.), 132, 148, 219—220; V, 33 (подъ 1461), 272; VI, 182; VIII, 148; Ник. V, 285. Странно, что изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ одинъ только К. Н. Б.-Рюминъ («Русск. Ист.» I, 330) отмѣчаетъ этотъ фактъ готовившагося покушенія на жизнь великаго князя.

кн. Владиміра Андреевича, сына Андрея Александровича, кн. ростовстаго. Хотя кн. Владиміръ посланъ былъ во Псковъ «не по псковскому прошенію, ни по старинѣ», тѣмъ не менѣ псковичи приняли его «съ любовію»³⁹⁰).

Въ предпоследній годъ своей жизни Василій Васильевичъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, собрался въ походъ на Казань и былъ уже во Владимірѣ, какъ къ нему явились казанскіе послы, и былъ заключенъ миръ, неизвѣстно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ³⁹¹).

Въ годъ смерти Василя, т. е. въ 1462 г., дворяне боровскаго князя Василя Ярославича задумали высвободить своего князя изъ заточенія и на этомъ цѣловали другъ къ другу крестъ. Но замыселъ ихъ открылся, и великій князь приказалъ казнить ихъ «казнью незнаемою»: бить кнутомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а инымъ отсѣкать головы³⁹²). Это было послѣднимъ дѣяніемъ великаго князя.

Василій Васильевичъ разболѣлся *сухотною болѣзнію* и приказалъ жечь на разныхъ мѣстахъ тѣла трутъ — обыкновенное тогдашнее врачебное средство противъ названной болѣзни, какъ видно изъ тогдашнихъ лечебниковъ, такъ называемыхъ «Добропрохладныхъ вертоградовъ». Сверхъ ожиданія, на тѣлѣ образовались раны, которыя начали гнить. Предвидя скорый конецъ жизни, великій князь хотѣлъ принять пноческій чинъ, но его удержали отъ того. Онъ скончался 27-го марта³⁹³).

Василій Васильевичъ былъ женатъ, съ 1433 г.³⁹⁴), на Марьѣ Ярославовиѣ (ум. въ мон. съ именемъ Марѣи въ 1484 г.), дочери Ярослава Владиміровича, князя боровско-серпуховскаго, и отъ этого брака имѣлъ дѣтей: Юрія старшаго, Ивана, Юрія младшаго, Андрея старшаго, Семена³⁹⁵), Бориса, Андрея младшаго и дочь Анну бывшую въ замужествѣ за Василіемъ Ивановичемъ, в. кн. рязанскимъ.

Старшій сынъ Василя умеръ младенцемъ, а потому великокняжеское достоинство переходило ко второму сыну, Ивану. Василій Васильевичъ по собственному опыту зналъ, что даже и у законнаго наслѣдника, по новому порядку престолонаслѣдія (отъ отца къ старшему сыну), утвердившемуся и въ сознаніи народа, честолюбивые родичи могутъ оспаривать престолъ, опираясь на старый порядокъ престолонаслѣдія (чтобы только имѣть пред-

390) Ibid. IV, 220—221; V, 33 (подъ 1462 г.).

391) Ibid. VIII, 149, Ник. V, 288.

392) Ibid. IV, 148; V, 273; VI, 185; VIII, 150; Ник. V, 289.

393) Ibid. IV, 132, 148; V, 273; VI, 185; VIII, 150; XV, 496 (умеръ 28 марта); Ник. V, 289 (умеръ 17 марта).

394) Ibid. V, 264—265; VI, 148; VIII, 97.

395) С. М. Соловьевъ (т. IV, родосл. табл.) почему-то не отмѣчаетъ Семена, между тѣмъ какъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ.

логъ), или просто — на силу, — а потому, чтобы его наслѣдникъ избѣжалъ возможныхъ честолюбивыхъ искательствъ со стороны своихъ родичей, еще при жизни своей объявилъ Ивана великимъ княземъ и своимъ соправителемъ, такъ что всѣ грамоты и даже устные повелѣнія исходили отъ двухъ великихъ князей. Эта мѣра могла имѣть и практическое значеніе: народъ еще при жизни Василя привыкалъ смотрѣть на сына его Ивана, какъ на великаго князя.

Такъ какъ Василій, уничтожая удѣлы и вольныя общины, сознательно стремился къ единодержавію и, слѣдовательно, хорошо видѣлъ, что его преемнику въ этомъ направленіи остается сдѣлать весьма немного, то онъ постарался дать ему и всѣ средства къ тому, — по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію можно придти, основываясь на его духовномъ завѣщаніи: вмѣстѣ съ великокняжескимъ достоинствомъ и собственнымъ жребіемъ на Москвѣ и селами Добрянтинскимъ и Васильцевымъ, считавшимися неотъемлемою принадлежностью каждаго великаго князя, онъ назначаетъ ему самый обширный удѣлъ. Вотъ что входило въ этотъ удѣлъ: Коломна, Владиміръ, Переяславль, Кострома, Галичъ, Устюгъ, Вятка, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Великая Соль, Боровскъ, Суходолъ, Калуга, Алексинъ и множество московскихъ селъ. Замѣчательно, что Владиміръ, этотъ символъ великокняжеской власти для предшественниковъ Василя, теперь отходитъ на второй планъ. Еще въ самомъ началѣ княженія Василя у него оспариваютъ великокняжеское достоинство и занимаютъ Москву, а не Владиміръ. Нельзя не замѣтить еще, что Суздаль, Устюгъ и Вятка въ завѣщаніяхъ прежнихъ великихъ князей не упоминаются. Второму сыну, Юрію, даны: Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ, Медынь и Хотунь; Андрею большому: Угличъ, Устюжна, Рожаловъ, Кистьма, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ; Борису: Ржевъ, Волокъ, Руза; Андрею меньшому: Вологда съ Кубеной и Заозерьемъ и нѣкоторыя костромскія волости; великой княгинѣ, женѣ своей: въ пожизненное владѣніе Ростовъ съ тѣмъ, чтобы ростовскіе князья и при ней вѣдали то, что вѣдали при немъ, великомъ князѣ; далѣе — Нерехта; кромѣ того, ей дана въ полную собственность купля его: городокъ Романовъ и Усть-Шексны ³⁹⁶).

Иванъ III Васильевичъ.

р. 1440 † 1506.

Не будемъ говорить о томъ, что княженіе Ивана III было блестяще, что съ него, какъ выражается нашъ исторіографъ, «Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленныя драки княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе» и пр. Скажемъ только, что княженіе Ивана III есть какъ бы продолженіе княженія Василіева и дальнѣйшее развитіе идеи единой державы. А потому прямо приступимъ къ изложенію теченія дѣлъ, начавшихся еще при Василіи и непрерывно продолжавшихся по смерти его ³⁹⁷⁾.

Мы видѣли, что Василій Васильевичъ, по просьбѣ псковичей, послалъ къ нимъ въ князья, а своимъ намѣстникомъ, кн. Владиміра Андреевича, на котораго они не указывали. Псковичи хотя и съ честію приняли его, но не ужились съ нимъ: въ сентябрѣ 1462 г. они показали ему путь. «А пныя

397) Всѣ извѣстія, за исключеніемъ двухъ-трехъ, до 1462 г., касающіяся Ивана Васильевича, на столько же касаются и его отца, почему и приведены въ біографіи послѣдняго. Вотъ почему мы сочли за лучшее не приводить въ текстѣ фактовъ изъ жизни Ивана Васильевича до 1462 г., а кратко, сжато, въ хронологическомъ порядкѣ перечислить ихъ въ настоящемъ примѣчаніи. При этомъ мы не будемъ выставлѣть обычной цитаты П. С. Р. Л., а будемъ выставлѣть только цифровыя данныя, указывающія на П. С. Р. Л. — Иванъ Васильевичъ родился 22-го января 1440 г. (VI, 50, 170); въ 1446 г. съ матерью и остальными членами семьи онъ встрѣчалъ въ Переяславлѣ отца, вышедшаго изъ плѣна (VI, 172—176; Ник. V, 201); въ томъ же году съ отцемъ и братомъ Юріемъ ѣздилъ въ Троицкій монастырь, гдѣ отецъ его, по приказанію Шемяки, захваченъ кн. Иваномъ Можайскимъ, а онъ съ братомъ успѣлъ бѣжать въ отчины кн. Ряполовскихъ, которые увезли его въ Муромъ, откуда коварствомъ Шемяки онъ выданъ былъ владыкѣ Іонѣ, съ которымъ Юрьевичъ отправилъ его къ отцу въ заточеніе (VI, 172—176; Ник. V, 203, 205—207); въ 1447 г. вмѣстѣ съ отцемъ и остальными членами семьи освобожденъ; идетъ въ данную отцу его Вологду, отсюда — въ Кирилловъ монастырь и, наконецъ, въ Тверь, гдѣ обрученъ былъ съ дочерью тверскаго князя Бориса, Маріей (V, 269; Ник. V, 211); въ 1448 г. былъ въ походѣ противъ татаръ царя Мамутека, которымъ приказано было воевать Муромъ и Владиміръ, гдѣ находился и Иванъ Васильевичъ (VI, 178; Ник. V, 215); въ 1449 г. былъ въ походѣ отца противъ Шемяки (Ник. V, 215—216); въ 1451 г., при нашествіи Мазовши, выѣхалъ съ отцомъ изъ Москвы (VI, 179; Ник. V, 218); въ 1452 г. Василій Васильевичъ, преслѣдуя Шемяку, отрядилъ его на р. Кокшенгу (VI, 179—180; Ник. V, 221); въ томъ же году Иванъ Васильевичъ женился на Марьѣ Борисовнѣ тверской (V, 271; XV, 495; Ник. V, 221—222); въ 1454 г. съ братомъ Юріемъ посланъ былъ отцемъ на берегъ Оки противъ царевича Салтана, сына Седи-Ахметова (VI, 180); въ 1456 г. предъ провожаніемъ въ Смоленскъ Смоленской иконы Божіей Матери присутствуетъ со всѣми другими членами семьи на молебствіи названной иконѣ (Ник. V, 280); въ 1458 г. у него родился сынъ Иванъ (Ник. V, 284); въ 1459 г. не пустилъ татаръ Седи-Ахмета чрезъ Оку (Ник. V, 285); въ 1460 г. стоялъ на берегу (Оки) въ то время, какъ на Рязанскую землю набѣжалъ Ахматъ, сынъ Кичи-Ахмата (V, 272); въ 1462 г. занялъ великое княженіе (V, 273; VI, 185; XV, 496; Ник. V, 289—290).

люди, замѣчаетъ лѣтописъ, на вѣщи съ степени съпхнули его». Лѣтописъ такъ объясняетъ это изгнаніе великокняжескаго намѣстника: «онъ пріѣха не по псковской старинѣ, псковичи не званъ, а на народъ не благъ». Владимиръ Андреевичъ поѣхалъ въ Москву жаловаться на псковичей. Въ началѣ зимы и псковичи отправили въ Москву пословъ просить себѣ князя. Великій князь три дня не пускалъ этихъ пословъ къ себѣ на очю. Только послѣ большихъ хлопотъ посламъ удалось представиться государю, который смягчился и обѣщалъ дать такого князя, какого они выберутъ, — но въ такомъ случаѣ псковичи должны были прислать съ бояриномъ своимъ грамоту о томъ въ Москву. Въ **1463 г.** въ Москву прибылъ бояринъ съ грамотой, въ которой псковичи просили себѣ кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, который и пріѣхалъ въ Псковъ въ началѣ апрѣля. Мало того, лѣтомъ великій князь прислалъ во Псковъ воеводу своего, кн. Феодора Юрьевича, на помощь противъ нѣмцевъ. Послѣдніе, послѣ удачныхъ дѣйствій русскихъ войскъ, стали просить мира. Любопытно, что при этомъ упоминается о какихъ-то пошлинахъ, долженствовавшихъ идти великому князю отъ дерптскаго епископа: «тогда же и о пошлинѣ великихъ князей (т. е. говорили), что въ Юрьевѣ, а то пискупу великому князю давати по старинѣ». Перемиріе взято было на 9 лѣтъ. Новгородцы, замѣчаетъ лѣтописъ, хотя ихъ и много просили псковичи, не оказали помощи ни словомъ, ни дѣломъ... Псковичи, какъ извѣстно, старались освободиться отъ Новгорода не только въ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи. Политической самостоятельности Псковъ уже достигъ, но церковной у него еще не было: онъ зависелъ въ этомъ отношеніи отъ новгородскаго владыки. Равнодушіе Новгорода къ Пскову во время войны послѣдняго съ нѣмцами сильно, кажется, подогрѣло въ псковичахъ желаніе обособиться отъ Новгорода и въ церковномъ отношеніи. Отправка пословъ въ слѣдующемъ **1464 г.** къ великому князю съ грамотою имѣла цѣлю столько же то, что прежде всего выставлялось на видъ, сколько и желаніе псковичей выхлопотать для Пскова своего отдѣльнаго владыку. Посломъ отправленъ былъ какой-то шестникъ Исакъ съ грамотой, въ которой псковичи, выражая великому князю благодарность за оказанную имъ противъ нѣмцевъ помощь, добавляютъ, что съ этой цѣлю они хотѣли отправить къ великому князю посольство изъ посадниковъ и бояръ, но не сдѣлали этого изъ опасенія, что новгородцы не пропустятъ посольства. Великій князь выразилъ только удивленіе, какъ можно думать, чтобы его отчина — Новгородъ могла это сдѣлать. Въ другой грамотѣ псковичи просятъ великаго князя, чтобы онъ пожаловалъ свою отчину Псковъ: велѣлъ бы своему богомольцу, митр. Феодосію, поставить во Псковъ владыку и притомъ родомъ псковича. «То есть дѣло велико, хотимъ о томъ

съ своимъ отцемъ горазно мыслѣ», отвѣчалъ великій князь. Въ концѣ января псковичи отправили въ Москву пословъ, по слову великаго князя, вручивъ имъ 50 рублей въ даръ послѣднему; послы эти должны были благодарить великаго князя за помощь противъ нѣмцевъ и повторить просьбу объ отдѣльномъ для Пскова владыкѣ. Въ послѣдней просьбѣ отказано было на томъ основаніи, что въ Псковѣ никогда не было владыки, такъ что псковичи должны были возвратить новгородскому архіепископу воды, земли и всѣ оброки, которые они удержали-было за собой въ надеждѣ имѣть своего владыку. При этомъ великій князь главному послу, посаднику Максиму, подарилъ верблюда³⁹⁸).

Теперь посмотримъ, въ какія отношенія сталъ Иванъ Васильевичъ къ князьямъ въ началѣ своего княженія.

Мы видѣли, что в. кн. рязанскій Иванъ Оедоровичъ предъ смертію поручилъ блюсти Рязанское княжество и своего наслѣдника, 8-лѣтняго сына Василія, еще отцу Ивана Васильевича. Темный взялъ рязанскаго княжича вмѣстѣ съ сестрой его Оеодосіей въ Москву, а въ Рязанскую землю послалъ своихъ намѣстниковъ. Княжичъ, конечно, воспитывался въ желательномъ для московскаго князя направленіи. Такимъ образомъ въ политическомъ отношеніи великій князь московскій могъ имѣть сильное вліяніе на Рязань; онъ могъ бы даже, пользуясь случаемъ, присоединить ее къ Москвѣ, но, вѣроятно, естественное чувство уваженія къ памяти покойнаго рязанскаго князя, такъ довѣрчиво отнесшагося къ князю московскому, должно было до времени удерживать Ивана Васильевича отъ рѣшительнаго шага. При томъ же, надобно было, такъ сказать, расчистить путь, чтобы сдѣлать этотъ шагъ. Политическое вліяніе Москвы на Рязань, положенное воспитаніемъ въ Москвѣ рязанскаго княжича, упрочено было еще бракомъ этого княжича на сестрѣ великаго князя московскаго, Аннѣ. Бракъ состоялся 28-го января 1464 г. На той же недѣлѣ молодая чета уѣхала въ Переяславль. Но Ивану Васильевичу, кажется, желательно было имѣть вліяніе на Рязань и въ церковномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, когда рязанскій княжичъ былъ еще въ Москвѣ, въ Рязань поставленъ былъ епископомъ казначей митрополита Давидъ, который, во всякомъ случаѣ, сильно долженъ былъ тяготѣть къ Москвѣ³⁹⁹). Съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ, шуриномъ своимъ, и его родичами, а также съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ, заключены были договоры вскорѣ по занятіи Иваномъ Васильевичемъ великокняжескаго стола. Великій князь признаетъ

398) П. С. Р. Л. IV, 222—228; V, 34—35 (всѣ факты подъ однимъ 1464 годомъ).

399) Ibid. IV, 148—149; V, 274; VI, 185; VIII, 150—151; Ник. V, 2.

Михаила Борисовича равнымъ себѣ братомъ; оба обязуются владѣть своими княжествами по старымъ рубежамъ, помогать другъ-другу противъ татаръ, Литвы, Польши и нѣмцевъ, не принимать къ себѣ удѣльныхъ князей, враждебныхъ которой-либо изъ договаривающихся сторонъ; великій князь московскій не вступается въ домъ св. Спаса и не принимаетъ отъ хана ни Твери, ни Кашина. Михаилъ Андреевичъ верейскій по договорамъ считается младшимъ братомъ не только по отношенію къ великому князю, но и къ самымъ младшимъ братьямъ послѣдняго; договаривающіеся обязуются не заключать ни съ кѣмъ мира безъ общаго согласія; владѣть своими землями по старымъ рубежамъ и пр. Михаилъ Андреевичъ возвращаетъ великому князю волости, полученные имъ отъ Василія Васильевича: Вышгородъ, Плѣсьнъ и др. ⁴⁰⁰).

Въ 1467 г. Иванъ Васильевичъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ обратить вниманіе на востокъ — на Казань и Черемису. Въ названномъ году казанскіе князья тайно звали служебнаго (московскаго) царевича Касима на царство Казанское, гдѣ былъ Ибрагимъ. По просьбѣ Касима великій князь отпустилъ съ нимъ своихъ воеводъ, кн. Ивана Юрьевича Патриѣва и кн. Ивана Васильевича Стригу-Оболенскаго, которые и выступили въ походъ 14-го сентября. Предводители надѣялись врасплохъ подступить къ Казани, но на лѣвомъ берегу Волги, на мѣстѣ переправы, ихъ поджидалъ уже царь Ибрагимъ, который не допустилъ ихъ переправиться чрезъ рѣку. Возвращеніе войскъ назадъ было чрезвычайно грустное: осень была холодная и дождливая; чувствовался сильный недостатокъ въ фуражѣ и съѣстныхъ припасахъ, такъ что съ голоду кони падали, а ратники даже и въ постные дни ѣли мясо, что, при тогдашнихъ строгихъ отношеніяхъ къ соблюденію постовъ, могло быть только въ самомъ крайнемъ, самомъ безвыходномъ положеніи. Потерь въ людяхъ, впрочемъ, не было. По уходѣ московскихъ войскъ, татары не медля бросились изгономъ на Галичъ, но захватили только небольшой полонъ, потому что граждане «сидѣли въ осадѣ»; при томъ же великій князь заблаговременно распорядился разсылкой заставъ (гарнизоновъ) въ города: Муромъ, Нижній-Новгородъ, Кострому и Галичъ ⁴⁰¹). Въ ту же осень великій князь послалъ кн. Семена Романовича съ своими полками на Черемису, которая хотя и управлялась своими князьками, но подвластна была царю казанскому. Полки, 6-го декабря 1468 г., выступили изъ сборнаго пункта — изъ Галича — и пришли въ Черемисскую землю

400) С. г. г. и д. I, № 88—92.

401) П. С. Р. Л. IV, 132, 149; V, 274; VI, 187; VIII, 152; Ник. VI, 4. Ибрагимъ былъ сынъ Мамутека, вдова котораго вышла за Касима; слѣд. Ибрагимъ приходился пасынкомъ Касиму. См. Карамз. VI, пр. 14.

только черезъ мѣсяцъ, потому что приходилось идти лѣсами, «безъ пути», какъ выражается лѣтописецъ, и притомъ въ страшный холодъ. Пришедши въ Черемисскую землю, войска истребляли все, чего нельзя было взять съ собой; все предавали огню и мечу; доходили едва не до самой Казани, и потомъ воротились домой, по выраженію лѣтописи, по-здорову. Въ то же время нижегородцы и муромцы, по приказу великаго князя, воевали нагорную и низовую стороны Волги, «горы и бараты» (?), какъ сказано въ лѣтописи; Нижегородская застава ходила на Волгу, разбила казанцевъ и плѣнила князя Хозюмъ-Бердея, котораго привела къ великому князю. Кн. Стрига-Оболенскій, въ томъ же году, выгналъ казанскихъ татаръ изъ Костромской области; онъ преслѣдовалъ ихъ до р. Унжи, но не могъ настичь; эти татары взяли и сожгли въ верховьяхъ р. Юга городокъ Кичменгу, а на Вербной недѣлѣ нападали на Костромскія волости. Кн. Даніилъ Холмскій побилъ отрядъ казанскихъ татаръ около Муромъ; эти татары послѣ Пасхи безнаказанно набѣгали на окрестности Муромъ, и повторили свой набѣгъ уже лѣтомъ, но за это поплатились. Великій князь, за три недѣли до Великаго поста, еще до нападенія татаръ на Кичменгу, задумалъ самъ идти на Казань и былъ уже во Владимірѣ, какъ ему дали знать, что въ Москву пріѣхалъ писарь Яковъ (государственный секретарь), посолъ отъ польскаго короля Казимира. Иванъ Васильевичъ приказалъ ему ѣхать въ Переяславль, куда и самъ отправился вмѣстѣ съ сыномъ. Посолъ, неизвѣстно зачѣмъ пріѣзжавшій, скоро былъ отпущенъ⁴⁰²).

Въ концѣ Страстной недѣли великій князь возвратился изъ Владиміра (отпустивши посла, онъ пріѣхалъ сюда изъ Переяславля) въ Москву. Послѣ Пасхи (17-го апрѣля) онъ послалъ многочисленныя войска на Каму. Полки изъ разныхъ городовъ соединились на Вяткѣ подъ Котельничемъ; здѣсь присоединились къ нимъ и вятчане, которые, прослышавъ, что на нихъ идутъ казанцы, возвратились къ Вяткѣ, оставивъ изъ своихъ при московскихъ полкахъ только 300 человекъ. Дѣйствительно, казанцы подступили къ Вяткѣ, граждане которой, не будучи въ состояніи сопротивляться имъ, передались на сторону царя Ибрагима. Между тѣмъ воеводы великаго князя повоевали Черемису по р. Вяткѣ, вышли въ Каму, пошли на низъ и все повоевали до Тамлуги; побили гостей, у которыхъ много взяли товару, ходили до Татарскаго перевоза и — опять повернули вверхъ, воюя казанскія мѣста; входили воевать и въ Бѣлую Воложку (р. Бѣлая). Къ той же рѣкѣ подошли и конные татары въ количествѣ 200 чел.; оставивъ коней у Черемисы, они пошли

402) Ibid. VI, 187—188; VIII, 153—154; IV, 149; V, 274; Ник. VI, 4—6; Карамз. VI, пр. 15.

въ судахъ вверхъ по Камѣ. Между тѣмъ воеводы, плывя обратно въ Каму, Черемису повоевали, коней татарскихъ поѣкли и пошли далѣе по Камѣ за татарами, которыхъ настигъ и побилъ воевода Иванъ Руно, вышедшій въ походъ съ *казаками*. Отсюда воеводы пошли на великую Пермь и къ Устюгу и воротились къ великому князю съ большимъ татарскимъ полкомъ ⁴⁰³).

Въ слѣдующемъ **1469 г.** предпринять былъ новый походъ на Казань. На Оминой недѣлѣ (Пасха была 22-го апр.) выступили войска подъ главнымъ воеводствомъ Константина Александровича Беззубцева. Въ этомъ ополченіи были дѣти боярскія отъ всей земли — изъ всѣхъ городовъ, изъ всѣхъ вотчинъ: коломенцы, муромцы, владимірцы, суздальцы, дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи и др.; изъ Москвы пошли сурожане, суконники, купеческіе люди и др. съ отдѣльнымъ воеводой, кн. Петромъ Васильевичемъ Оболенскимъ-Нагимъ. Всѣ эти рати пошли рѣками, къ которымъ были ближе: Москвой, Клязьмой, Окой и Волгой, и сошлись въ Н.-Новгородѣ. Къ Устюгу великій князь послалъ воеводу кн. Данила Васильевича Ярославскаго съ своими боярскими дѣтьми, а изъ Вологды туда же пошелъ съ вологжанами воевода кн. Андрея Васильевича (меньшаго), Семенъ Пѣшакъ-Сабуръ. Между тѣмъ какъ главныя силы уже собрались въ Н.-Новгородѣ и начали военныя дѣйствія, сѣверная рать, о которой мы только-что упомянули, подошла къ Вяткѣ. Воеводы именемъ великаго князя приглашали вятчанъ идти на казанскаго царя. «Изневолилъ насъ царь, отвѣчали вятчане, и право свое есмь дали ему, что намъ не помогати царю на великаго князя, ни великому князю — на царя». Казанскій посолъ, бывшій въ то время въ Вяткѣ, далъ знать своему царю, что отъ Вятки подъ Казань идетъ судовая рать, но не большая. Между тѣмъ главный воевода Беззубцевъ получилъ отъ великаго князя грамоту, въ которой Иванъ Васильевичъ приказываетъ самому воеводѣ съ главными силами стоять въ Нижнемъ-Новгородѣ, а воевать казанскія мѣста по обѣимъ сторонамъ Волги воевода могъ отпускать только охотниковъ, причемъ запрещено было подходить къ самой Казани. Воевода собралъ ратниковъ и объявилъ имъ волю великаго князя. «Всѣ хотимъ на окаянныхъ татаръ за святые церкви и за своего государя великаго князя Ивана и за православное христіанство!» закричали ратные люди. Охотникъ набралось столько, что воевода остался въ Нижнемъ-Новгородѣ съ самымъ малымъ количествомъ войска. Охотники отслужили молебень въ Старомъ Новгородѣ за великаго

403) Ibid. IV, 132, 149; V, 274—275; VI, 188; VIII, 153—157; Ник. VI, 6—7.

князя и его воинство и пустились въ путь; по дорогѣ они служили молебень еще у св. Николая, причемъ каждый по своему достатку раздавалъ милостыню. Но въ предстоящихъ дѣйствіяхъ необходимо было единство, а Беззубцевъ не назначилъ имъ воеводы, по чему ратные люди сами избрали общимъ воеводой Ивана Руно. Эта рать пришла подъ Казань 21-го мая. Вышедши изъ судовъ, войска пошли подъ Казань, когда татары еще спали: съ крикомъ подъ звуки трубъ ратники бросились на посады и начали избивать татаръ; иные грабили, другіе забирали полонъ, при чемъ освободили полоняниковъ изъ Москвы, Рязани, Лягвы, Вятки, Устюжны, Перми и др. городовъ; вокругъ всей Казани были зажжены посады; многіе изъ жптелей сдавались въ плѣнъ, а многіе запирались съ своимъ богатствомъ въ мечетяхъ («въ храмѣхъ своихъ») и тамъ погибали въ пламени. Когда посады сгорѣли, усталые ратники отступили отъ города и переѣхали на Коровничій островъ, гдѣ стояли семь дней. Сюда прибѣжалъ изъ Казани одинъ изъ русскихъ плѣнниковъ и сообщилъ, что царь Ибрагимъ, на ранней зарѣ, придетъ на нихъ со всей землей своей: съ Камской, Сыплинской, Костяцкой, Бѣловоложской, Вотяцкой и Башкирской, по водѣ и по сушѣ. Тогда воеводы отдѣлили молодыхъ людей съ большими судами и приказали имъ стать на островѣ Ириховѣ и не ходить въ узкое мѣсто Волги, а сами приготовились къ оборонѣ; тѣ не исполнили приказанія и—вышли на судахъ въ узкое мѣсто; татарская конница начала стрѣлять по нимъ, но молодежь отстрѣлялась; судовая же татарская рать пошла на главные, хотя и не многочисленныя силы,—но татары были отбиты и преслѣдуемы до Казани. Изъ-подъ Казани воеводы возвратились на Ириховъ островъ къ большимъ судамъ, куда прибылъ изъ Нижняго-Новгорода и главный воевода Беззубцевъ, узнавшій, что, вопреки приказу великаго князя, рати подступали къ Казани. Отсюда Беззубцевъ послалъ къ великому князю съ извѣстіемъ о случившемся подъ Казанью, а также, по повелѣнію великаго князя, послалъ къ Вяткѣ наказъ, чтобы вятчане шли къ Казани ратью, на что давалось имъ сроку три съ половиной недѣли. Теперь вятчане отговаривались уже не тѣмъ, чѣмъ предъ княземъ Ярославскимъ: «Когда пойдутъ подъ Казань, сказали они, братья великаго князя, тогда пойдемъ и мы». Беззубцевъ ждалъ три съ половиной недѣли и ничего не дождался; ждалъ еще столько же, но ни отъ великаго князя воеводъ (кн. Ярославскаго и Сабура), ни отъ вятчанъ вѣстей не было; а въ кормѣ для конницы уже чувствовался недостатокъ: они шли «изгономъ», а потому не могли захватить съ собой достаточно корму. Оставалось идти назадъ, въ Нижній-Новгородъ. Такъ и сдѣлали. — На другой день по уходѣ съ о-ва Ирихова, воеводы встрѣтили вдову Касима, Ибрагимову мать, которая сообщила имъ, что великій князь отпустилъ ее

со всѣмъ добромъ и съ честію къ сыну и что уже никакого лиха между ними не будетъ, а будетъ только добро. Это-то обстоятельство, вѣроятно, и заставило великаго князя отдать, какъ мы видѣли уже, приказъ не подступать къ Казани... Воеводы, между тѣмъ, прибыли на Звѣничъ островъ и въ слѣдующій воскресный день, отслушавши литургію, только-что хотѣли садиться за обѣдъ, какъ на нихъ напали казанцы; московскіе ратники прогнали ихъ на противоположный берегъ, съ котораго конные татары, въ свою очередь, заставили русскихъ отплыть къ своему берегу, куда опять устремились судовые татары и—опять были отбиты. Въ такихъ стычкахъ прошелъ весь день. Но возвратимся къ той рати, которая шла отъ Вятки къ Казани... Получивши ложное извѣстіе отъ одного татарина, что Беззубцевъ ушелъ изъ-подъ Казани, заключивши миръ съ Ибрагимомъ, кн. Ярославскій съ устюжанами поплылъ изъ Камы къ Нижнему-Новгороду. Истинное положеніе дѣлъ открылось только тогда, когда онъ увидѣлъ, что передъ Казанью Волга была заграждена татарскими судами. Но, волей-неволей, не смотря на громадное неравенство силъ, русскіе рѣшились пробиться сквозь татарскія суда. Битва была жаркая: рѣзались не на животь, а на смерть; схватывались руками и бились, душили другъ-друга въ объятіяхъ, какъ въ рукопашномъ бою. Тутъ особенно отличился кн. Василій Ухтомскій: онъ бѣгалъ по связаннымъ судамъ съ ослопомъ (дубиной), и уложилъ множество татаръ. Много полегло русскихъ, но не менѣе и татаръ,—все-таки устюжане пробились въ открытую рѣку и приплыли въ Н.-Новгородъ. Отсюда они били челомъ великому князю о жалованьи: два раза великій князь присылалъ имъ по золотой деньгѣ, но эти деньги они отдавали бывшему съ ними попу Ивану, чтобы онъ молился Богу о государѣ и его воинствѣ; въ третій разъ великій князь прислалъ имъ разныхъ съѣстныхъ и др. припасовъ: муки, масла, стрѣлъ, луковъ и пр. — Всѣ эти походы нельзя назвать удачными по ихъ результатамъ: положительнаго изъ нихъ ничего не вышло, такъ какъ дѣло ограничивалось только обоюднымъ истребленіемъ людей и опустошеніемъ земель. Вѣроятно, въ надеждѣ достигнуть болѣе существенныхъ результатовъ, великій князь, весной **1470 г.**, опять послалъ на Казань судовую рать. Въ этомъ походѣ участвовали братья великаго князя, Юрій и Андрей большой и Василій Михайловичъ верейскій; съ ними шли воеводы: Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, Даниилъ Димитріевичъ Холмскій и Ѳеодоръ Давидовичъ. Къ Казани князья подошли сентября 1-го: татары вышли изъ города и—произошла небольшая стычка, послѣ которой казанцы бѣжали и заперлись въ городѣ, а русскіе окружили Казань и отняли воду. Только тогда Ибрагимъ заговорилъ о мирѣ и добилъ челомъ на всей волѣ великаго князя. Но изъ лѣтописей не видно, въ чемъ заключалась

эта воля; правда, Ибрагимъ долженъ былъ выдать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ казанцами въ послѣднія 40 лѣтъ⁴⁰⁴).

Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ княженія Ивана III было присоединеніе Великаго Новгорода къ Московскому княжеству наравнѣ и одинаковыхъ правахъ съ другими присоединенными къ Москвѣ княжествами. Предшественникъ Ивана далъ почувствовать новгородцамъ, къ чему ведетъ ихъ разномысліе съ великимъ княземъ и неисполненіе воли послѣдняго. Новгородцы ясно должны были видѣть, что стремленіе великихъ князей къ уничиженію новгородскихъ вольностей чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться. Нужно было искать исхода: или помириться съ требованіями великаго князя московскаго и рано или поздно слиться съ Москвой, или искать средствъ къ сохраненію своихъ вольностей. Одними собственными средствами Новгородъ, разумѣется, не могъ противостоятъ Москвѣ: нужно было искать сильнаго союзника. Ни тверскій, ни — тѣмъ болѣе — рязанскій князья не могли ему помочь уже только по своимъ отношеніямъ, въ какихъ они находились къ московскому князю; большая часть удѣловъ присоединена къ Москвѣ — здѣсь тоже нельзя было искать опоры; братья великаго князя сидѣли пока смирно на своихъ удѣлахъ... Куда же обратиться? Подъ бокомъ былъ сильный, сравнительно, сосѣдь — король польскій и великій князь литовскій; къ нему-то партія, не желавшая подчиненія Москвѣ, и обратилась. Но была другая партія, тянувшая къ Москвѣ. Отъ вражды этихъ двухъ партій нестроеніе въ Новгородѣ еще болѣе усилилось, особенно къ концу 70-хъ годовъ. Все предвѣщало Новгороду что-то недоброе: суевѣрный народъ вполне убѣжденъ былъ въ этомъ послѣднемъ — на это указывали знаменія: сильная буря сломила крестъ на св. Софій; на двухъ гробахъ явилась кровь; у Спаса на Хутынѣ корсунскіе колокола сами звонили; въ женскомъ монастырѣ великомчц. Евѣиміи изъ очей пр. Богородицы на иконѣ слезы исходили... Но возвратимся къ политическимъ событіямъ. И такъ, въ Новгородѣ было двѣ партіи, московская и литовская; но такъ какъ послѣдняя была сильнѣе, то «грубости» противъ великаго князя чинились безъ стѣсненій. Эти грубости лѣтописъ начинаютъ перечислять съ того, что новгородцы вообще отступили отъ старицы: перестали держать имя великихъ

404) Ibid. IV, 132—133, 149; V, 274—275; VI, 188—190; VIII, 155—158; XV, 497; Ник. VI, 13; Архангел. 147. Года здѣсь перепутаны, событія перемѣшаны. — Великій князь приказалъ главному воеводѣ Безубицеву оставаться въ Нижнемъ-Новгородѣ и только небольшими отрядами изъ охотниковъ тревожить татаръ по обѣимъ сторонамъ Воаги, не подступая къ Казани. Это распоряженіе вышло, кажется, потому, что царевичъ Касимъ, по почину котораго начата эта война, въ то время умеръ, и жена его, Ибрагимова мать, взялась уладить дѣло къ обоюдному удовольствію сторонъ (Карамзинъ).

государей—князей честно и грозно; дѣла господарскаго по землѣ не исправляя, пошлѣны не отдавали; зѣмли и воды, отъ которыхъ, по старинѣ, по суду отступились въ пользу великаго князя, опять забрали себѣ, и людей на этихъ земляхъ приводили къ крестному цѣлованію на имя Господина Великаго Новгорода. Дерзость этой партіи, наконецъ, дошла до того, что намѣстникамъ и великокняжескому послу «лаяли и безчествовали», и, вообще, надъ людьми великаго князя чинили насилія; на земляхъ, порубежныхъ съ великокняжескими, отчпнаи братьевъ великаго князя и ихъ людямъ «многу пакость чинили». Наконецъ, и это самое важное, противная Москвѣ партія хотѣла отдаться королю Казимиру, государю латинской вѣры, а это значило измѣнить православію. Въ Москвѣ, конечно, очень хорошо знали объ этомъ, но Иванъ Васильевичъ, — хотя и не надѣялся на исправленіе Новгорода до окончательнаго подчиненія его Москвѣ, — тѣмъ не менѣе, счелъ за нужное сначала подѣйствовать на новгородцевъ мѣрами вразумленія: великій князь писалъ новгородскому владыкѣ о томъ, что польскій король еще отцу его Василию не однажды предлагалъ принять митрополита Григорія, а ему, владыкѣ, самому извѣстно, откуда пришелъ этотъ Григорій и къ кому поставленъ: «онъ пришелъ изъ Рима, отъ папы, и поставленъ въ Римѣ же бывшимъ цареградскимъ патріархомъ Григоріемъ, который повиновался папѣ съ осьмага собора»; далѣе великій князь напоминалъ владыкѣ о томъ, что онъ, владыка, далъ московскимъ митрополитамъ (Іонѣ, Θεодосію и Филиппу) обѣтъ—не приступать къ Григорію, не отступать отъ митрополита московскаго; наконецъ, Иванъ Васильевичъ предупреждаетъ владыку, что если Григорій начнетъ подсылать къ нему или къ новгородцамъ съ какими-нибудь рѣчами или письмами, то чтобъ онъ, владыка, поберегся и внушилъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, чтобъ они не вѣрили Григорьеву посланію и рѣчей его не слушали. И къ новгородцамъ великій князь обращался съ увѣщаніями, чтобъ «никогого лиха не учинили... жили бы по старинѣ»,—но не исправлялась его отчина—Новгородъ Великій! —Пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Новгорода, посадникъ Василій Ананьинъ, и правилъ великому князю посольство о своихъ новгородскихъ земскихъ дѣлахъ, а о грубости и несправленіи новгородскомъ «ни одного слова покорна не правилъ», и на вопросъ бояръ объ этомъ такъ отвѣчалъ: «О томъ В.-Новгородъ не мнѣ приказалъ, объ этомъ мнѣ не наказано». Великому князю «велики грубно стало», что новгородцы о своихъ земскихъ дѣлахъ хлопочутъ передъ нимъ, быють ему челомъ, а о своихъ грубостяхъ забываютъ. Все-таки онъ весьма сдержаннымъ показалъ себя и теперь: онъ приказалъ Ананьину сказать отчинѣ его, великаго князя: «Исправьтесь, моя отчина, сознайтесь, а въ земли и воды мои, великаго князя, не вступайтесь,—имя мое, великаго князя,

держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанью: васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу». Съ этимъ онъ и отпустилъ посла, «возвѣщая своей отчинѣ, что ему уже не въ пстерьпѣ, болѣ того имъ терпѣти не хочетъ ихъ досады и непокорьства». Но великій князь хорошо видѣлъ, что Новгородъ зашелъ черезъ-чуръ далеко, что отчина его разнуздалась, и не было надежды, чтобы она исправилась отъ увѣщаній,—а потому послалъ сказать псковичамъ, что если новгородцы не исправятся, то они, псковичи, были бы готовы идти съ нимъ на Новгородъ. Псковичи извѣстили объ этомъ новгородцевъ. Между тѣмъ 8-го ноября **1471 г.** умеръ новгородскій владыка Іона. Черезъ нѣсколько дней по его кончинѣ въ Новгородъ прибылъ испрошенный у Казимира князь Михаилъ Олельковичъ. Въ то же время новгородцы бывшего у нихъ князя Василя Шуйскаго-Гребенку послали на Двину, въ Заволочье, въ заставу, опасаясь нападенія на эту землю великокняжескихъ ратей. Съ прибытіемъ Олельковича партія литовская хотя и усилилась, тѣмъ не менѣе московскихъ намѣстниковъ не тревожили, и относительно нареченнаго владыки дѣло пошло по старинѣ. На мѣсто Іоны избранъ былъ Теофилъ, архіепископскій ризничій, и его нужно было посвятить: обратились не въ Литву, а въ Москву. Посолъ Никита Савинъ просилъ митр. Филиппа и мать великаго князя печаловаться предъ послѣднимъ, чтобы великій князь далъ опасъ на проѣздъ въ Москву для посвященія вновь избранному на мѣсто Іоны Теофилу: великій князь гнѣвъ свой къ новгородцамъ отложилъ и опасныя грамоты далъ. Между тѣмъ, въ Новгородѣ Олельковичъ приступилъ къ дѣлу: онъ, по сказанію одной лѣтописи, предлагалъ Марѣ Борепкой, вдовѣ посадника Исаака, стоявшей во главѣ литовской партіи, одного пана въ женихи, съ которымъ она могла бы отъ имени Казимира заправлять всѣми дѣлами Новгородской земли. Олельковичъ, впрочемъ, не долго пробылъ въ Новгородѣ (съ небольшимъ 4 мѣсяца): въ ту же зиму онъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ умеръ княжившій тамъ братъ его Семень. По дорогѣ онъ пограбилъ Русу и всѣ мѣста новгородскія до самой литовской границы. Но и съ отъѣздомъ его партія литовская продолжала дѣйствовать энергично: къ ней присталъ архіепископскій ключникъ Пимень, одинъ изъ бывшихъ кандидатовъ на архіепископскую кафедру; когда жребій палъ на Теофила, Пимень все-таки не терялъ надежды быть архіепископомъ: такъ какъ онъ завѣдывалъ архіепископской казною, то имѣлъ теперь возможность распоряжаться ей по своему усмотрѣнію: онъ много передалъ денегъ Марѣ на привлеченіе людей въ свою партію, а также и на пропаганду по избранію его въ архіепископы,—его не стѣсняло то обстоятельство, что уже избранъ Теофилъ. Этотъ послѣдній непременно хочетъ ѣхать на поставленіе въ

Москву. Но есть еще митрополитъ, въ Кіевѣ. Пимень и говорилъ Марѳѣ и ея клеветамъ: «меня хоть въ Кіевъ пошлите, я и туда поѣду на поставленіе». Но, должно быть, ужъ черезъ-чуръ грубо и нахально дѣйствовали Пимень, и притомъ нарушая старину, по которой избранный жребіемъ считался указаннымъ отъ Бога: Пимена схватили и мучили, казну его разграбили и, кромѣ того, съ него взыскали еще 1000 рублей. Между тѣмъ нареченный архіепископъ, воздерживая новгородцевъ отъ ихъ увлеченій и не видя съ ихъ стороны исправленія, хотѣлъ уйдти въ свою монастырскую келью, но новгородцы не пустили его, хотя, въ то же время, продолжали свое дѣло. Въ эту-то пору и пришло извѣстіе отъ псковичей о томъ, что имъ приказано быть на-готовѣ въ случаѣ надобности къ походу на Новгородъ. Это еще болѣе раздражило литовскую партію: новгородская голь, подкупленная приверженцами Литвы, кричала на вѣчахъ: «За короля хотимъ!» а въ приверженцевъ Москвы, когда тѣ начинали говорить, бросала камни. Съ королемъ Казимиромъ заключенъ былъ договоръ, по которому Новгородъ сохраняетъ всѣ свои вольности. Великій князь еще разъ хотѣлъ вразумить новгородцевъ, — онъ послалъ къ нимъ Ивана Ѳеодоровича Товаркова съ такими рѣчами: «чтобы отчина его отъ православья не отступали, а лихую бы мысль у себе изъ сердца отложили, а къ латынѣству бы не приставали, а ему бы челомъ били да къ нему исправилися; а онъ, великій государь, жалуетъ васъ и въ старинѣ держитъ». Митрополитъ, въ свою очередь, также посылалъ въ Новгородъ увѣщательную грамоту. Но все было напрасно!... Великій князь собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было смирить Новгородъ оружіемъ. Прежде всего Иванъ Васильевичъ послалъ на Двину, въ Заволоцкую землю, на новгородскіе пригороды и волости, воеводъ своихъ, Василья Ѳеодоровича Образца и Бориса Матвѣевича Слѣпаго-Тютчева съ устюжскими, вятскими и вологодскими ратями; въ концѣ мая въ Новгородъ послана была разметная грамота, а псковичамъ приказано было сложить къ Новгороду крестное дѣлованіе; воеводой къ псковичамъ назначенъ кн. Шуйскій. Въ собственно Новгородскую землю великій князь отправилъ прежде всего (за недѣлю до Петрова поста) десятитысячную рать съ воеводами Даниломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ и бояриномъ Ѳеодоромъ Давидовичемъ; онъ приказалъ имъ идти къ Русѣ и по дорогѣ все предавать огню и мечу; ратямъ братьевъ своихъ приказалъ идти изъ своихъ вотчинъ разными путями къ самому Новгороду; кн. Ивану Стригѣ приказано идти съ царевичевыми татарами вверхъ по Метѣ. Въ Москвѣ, на время похода, великій князь оставлялъ сына Ивана, брата Андрея меньшаго и царевича Муртозу, сына Муштафы, съ его князьями и казаками, «на что ся гдѣ пригодитъ ему на каково дѣло»; съ собой онъ бралъ братьевъ: Юрія, Андрея большаго и Бориса, а

также Михаила Андреевича верейскаго съ сыномъ его Васильемъ и Касимова сына, царевича Даньяра, съ его князьями и казаками; наконецъ, бралъ дядка своей матери, Степана Бородатого, знатока лѣтописей, на случай, если бы пришлось обличать новгородцевъ въ ихъ измѣнахъ и неправдахъ. — Иванъ Васильевичъ выступилъ изъ Москвы 20-го іюня, а 23-го былъ уже въ Волокѣ; на Петровъ день онъ пришелъ въ Торжекъ; сюда прибыли и воеводы тверскаго князя, кн. Юрій Андреевичъ дорогобужскій и Иванъ Никитичъ Жито; сюда же пришли псковскіе послы съ извѣстіемъ, что псковичи сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе; великій князь приказалъ псковичамъ немедленно выступать въ походъ... Между тѣмъ къ Новгороду ни откуда не являлось помощи: Казимиръ занятъ былъ своими дѣлами; обращались къ Ордену, но напрасно; надежда на то, что пути къ Новгороду, — особенно весной и лѣтомъ, — отъ множества рѣкъ, озеръ, болотъ и лѣсовъ — непроходимы, также не осуществилась: лѣто 1471 года было до того сухое, что рѣки обмелѣли, болота высохли, такъ что московскія рати нигдѣ не встрѣчали препятствій. По дорогѣ московскіе воины все плѣнили, все предавали огню и мечу; только татарамъ, какъ иновѣрнымъ, великій князь запретилъ брать въ плѣнъ жителей, такъ какъ походу придавался до извѣстной степени характеръ религіозный... Когда московскія передовыя рати уже далеко проникли въ Новгородскую землю, новгородцы отправили къ великому князю посла просить опасу, но въ то же время противъ передоваго московскаго войска выслали рать. Князь Холмскій и Ѳеодоръ Давидовичъ, опустошивъ все по пути къ Русѣ, сожегши эту послѣднюю, пошли далѣе и остановились на Коростынѣ между Ильменемъ и Русою. Не ожидая нападенія новгородцевъ, москвичи вели себя безпечно. Вдругъ появилась новгородская рать, и московскіе полки, наскоро вооружившись, быстро двинулись на встрѣчу новгородцамъ, и многихъ изъ нихъ побили, а многихъ взяли живьемъ; этимъ послѣднимъ рѣзали носы, уши, губы, и въ такомъ видѣ отпускали въ Новгородъ; забранные у новгородцевъ доспѣхи бросали въ рѣку или жгли. Послѣ этой битвы воеводы опять повернули къ Русѣ, гдѣ встрѣтили болѣе сильную новгородскую рать, пришедшую р. Полою; но и эта рать была побита, о чемъ послано было извѣстіе къ великому князю съ Тимошеемъ Замыщкимъ. Отъ Русы воеводы пошли — было къ Демону, но великій князь приказалъ имъ идти за Шелонь на соединеніе съ псковичами, а подъ Демономъ приказалъ стоять кн. Михаилу Андреевичу верейскому съ сыномъ его Василиемъ. Между тѣмъ новгородцы, узнавши о пораженіи своихъ ратей, не пали духомъ: отправивъ къ великому князю другаго посла, посадника Луку Клементьевича, они организовали новую рать, тысячъ въ тридцать, противъ Даніила Холмскаго и Ѳеодора Давидовича; конница пошла

сухимъ путемъ, а пѣхота — озеромъ въ р. Шелонь. Враги встрѣтились на берегахъ Шелони 14-го іюля: сначала происходили незначительныя перестрѣлки съ берега на берегъ и перебранки; новгородцы, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, вели себя гордо, посылали ругань на счетъ московскаго войска и даже «на самаго государя великаго князя словеса нѣкая хульная глаголаху, яко пси лаяху». Нѣчто подобное могло быть, потому что, надѣясь на свою многочисленность, новгородцы могли думать, что московское войско, при своей сравнительной ничтожности, не посмѣетъ даже и въ бой вступить. Не смотря, однако, на неравенство силъ, московскіе воеводы рѣшились на битву: быстро москвичи перебрались на другую сторону рѣки и ударили на новгородцевъ; новгородскіе воины, въ числѣ которыхъ находились такіе люди, которые не имѣли никакого понятія о ратномъ дѣлѣ, какъ гончары, плотники и пр., не умѣя владѣть оружіемъ, пришли въ страшное замѣшательство, суетились, какъ пьяные, не знали, что дѣлать, и, наконецъ, обратились въ безпорядочное бѣгство, бросая по дорогѣ копья, щиты и доспѣхи; они бѣжали и тогда, когда уже ихъ перестали преслѣдовать: имъ все слышался побѣдный ясакъ (лозунгъ) великокняжескихъ ратниковъ: «Москва! Москва!» Новгородцы многихъ потеряли въ этой битвѣ: многіе пали на мѣстѣ сраженія, многіе потонули въ Шелони, 1700 человекъ взято въ плѣнъ. Невѣроятно только, будто съ московской стороны убитъ только одинъ. Между трофеями, доставшимися великокняжескимъ воеводамъ, была и договорная грамота Новгорода съ королемъ польскимъ и тотъ, кто писалъ эту грамоту. Какъ первую, такъ и втораго отправили къ великому князю съ боярскимъ сыномъ Иваномъ Васильевичемъ Замятней. Великій князь находился тогда въ Яжолбицахъ. Воеводы извѣщали его о рѣшительной побѣдѣ надъ новгородцами. Теперь Холмскій свободно шелъ далѣе до самой нѣмецкой границы, до Наровы. Въ то же время Демонъ сдался Михаилу Андреевичу верейскому. — Изъ Яжолбицъ великій князь 24-го іюля пришелъ въ Русу и здѣсь, возмущенный полученной имъ договорной грамотой Новгорода съ Казимиромъ, «всполѣся на лукавыя новгородци» и рѣшился строго наказать взятыхъ въ плѣнъ въ Шелонской битвѣ. Тамъ сложили свои головы: сынъ Марѳы Димитрій Исаковичъ Борецкій, недавно возведенный великимъ княземъ въ санъ московскаго боярина и бывший посадникомъ, — Василій Губа, Еремѣй Сухощокъ и др. Нѣкоторые изъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ и житѣихъ людей, какъ Василій Казимеръ и 50 его лучшихъ товарищей, отосланы въ оковахъ въ Москву, а оттуда въ Коломну въ тюрьму; иныхъ разослали по разнымъ отрядамъ войскъ («по станомъ»), гдѣ ихъ «въ крѣпости зѣло держаша»; «мелкихъ людей» приказано отпускать въ Новгородъ. Отсюда великій князь двинулся къ устью Шелони, на Ильмень, куда

прибыль 27-го іюля.—Между тѣмъ отъ воеводъ, посланныхъ на Двину, получено было извѣстіе, что кн. Василій Шуйскій-Гребенка, соединившись съ заволоцкими, двинскими и корельскими людьми, бился съ ними на водѣ и на сушѣ, но войска его были разбиты и самъ онъ, еле живой отъ ранъ, взятъ былъ своими людьми и поспѣшно увезенъ въ Холмогоры (откуда потомъ онъ ушелъ въ Новгородъ); земля Двинская приведена была подъ руку великаго князя. Въ то же время оставленный въ Москвѣ Андрей меньшей задумалъ попользоваться въ этой войнѣ добычей: онъ послалъ съ Вологды воеводу своего Семена Ѳедоровича Сабура на р. Кокшенгу: Сабуръ повоевалъ многіе погосты и села и возвратился домой съ большимъ полономъ. — Побѣды великокняжескихъ войскъ сплотили на этотъ разъ всѣхъ новгородцевъ «во едину мысль»: сначала они думали еще сопротивляться, не смотря на страшное пораженіе ихъ ратей на Шелони; они ждали посла, отправленнаго къ Казимиру чрезъ Ливонію, но посолъ, возвратившись, заявилъ, что магистръ ордена не пропустилъ его въ Литву; ко всему этому открылась измѣна: нѣкто Упадышъ заколотилъ желѣзомъ 55 пушекъ, за что и былъ казненъ. Все-таки новгородцы думали сопротивляться: выжгли окрестные посады, церкви, монастыри, учредили безсмѣнную стражу и т. п. На ихъ бѣду, отъ многочисленнаго стеченія въ городъ окрестныхъ жителей, почувствовался сильный недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ; народъ винилъ тѣхъ, которые прогнѣвали великаго князя; самые приверженцы Литвы пали духомъ. Наконецъ, какъ уже сказано, всѣ пришли «во едину мысль»: отправили къ устью Шелони, къ великому князю, нареченнаго архіепископа, архимандритовъ, игуменовъ и многихъ лучшихъ людей ходатайствовать за Новгородъ: послы сначала просили бояръ, эти — братьевъ Ивана Васильевича, чтобы ходатайствовали за Новгородъ; допущенные къ великому князю, они молили его: «Смилуйся о своей отчинѣ, уложи своего гнѣва, меча своего поуйми, огонь въ земли угаси, грозы своеѣ утиши, землю свою, господине, поукроти, старины въ земли не изруши, дай свѣта видѣти, безотвѣтныхъ людей пожалуй, смилуйся, какъ ти Богъ положить на сердци». Братья великаго князя также печаловались за Новгородъ, и по ихъ печалованью великій князь «гнѣвъ свой (съ) сердца имъ сложилъ, и нелюбіе свое имъ отдалъ, и мечъ свой унялъ и грозу свою въ земли удержалъ»; плѣнныхъ отпустилъ безъ окупа, «а войнамъ и грабежамъ учинилъ дерть и погребъ всему» (все предано забвенію). По мирному договору новгородцы должны были уплатить великому князю за свою вину 15,500 новгородскихъ рублей (около 80 пудовъ серебра), которые должны были быть выплаченными въ разные сроки, отъ 8-го сентября до Пасхи; возвратить прилегающія къ Вологдѣ земли: берега Пинеги, Мезени, Немьюги, Выи, Поганой Суры,

Плѣны горы, мѣста, уступленныя Василию Темному, а потомъ отнятыя ими; обязались платить великому князю «черную дань», а митрополиту — судную пошлину, — ставить архіепископовъ только въ Москвѣ, не сносясь съ польскимъ королемъ и Литвой, не принимать къ себѣ князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василия боровскаго, отмѣнять вѣчевыя грамоты, верховную судебную власть оставить за великимъ княземъ, не составлять судныхъ грамотъ безъ утвержденія великаго князя. Иванъ Васильевичъ, по этому договору, утвержденному крестнымъ цѣлованіемъ, возвратилъ Новгороду Торжокъ и послѣднія завоеванія въ Двинской землѣ. Вслѣдъ затѣмъ новгородцы должны были примириться и съ псковичами. . . Угостивши Θεофила и его спутниковъ, великій князь отпустилъ ихъ и тогда же послалъ въ Новгородъ боярина Феодора Давидовича для приведенія гражданъ къ присягѣ. Устроивши такимъ образомъ дѣла, великій князь возвратился въ Москву 1-го сентября; свои семейные, бояре и граждане, наконецъ митрополитъ съ духовенствомъ передъ Кремлемъ встрѣчали великаго князя при радостныхъ кликахъ. Распуская рати, Иванъ Васильевичъ нѣсколько задержалъ царевича Данияра: честилъ и дарилъ его, такъ какъ у него новгородцы убили 40 татаръ «въ заговѣ», и, наконецъ, отпустилъ его въ Мещеру. Братья великаго князя: Юрій, Андрей и Борисъ разъѣхались по своимъ отчинамъ «велики ополонившеся, и людіе ихъ, серебромъ, и конми и порты». Точно также и Михайлъ Андреевичъ верейскій съ сыномъ Василиемъ возвратился прямо въ свою отчину, тоже «велики ополонившеся», кромѣ того, что съ г. Демона онъ взялъ окупъ въ 100 новгородскихъ рублей. Мѣсяца черезъ три съ небольшимъ (въ декабрѣ) въ Москву пріѣхалъ Θεофилъ и былъ посвященъ въ архіепископы. По окончаніи обряда, онъ съ амвона смиренно просилъ великаго князя объ освобожденіи томящихся въ оковахъ знатныхъ новгородцевъ, и просьба его была удовлетворена ⁴⁰⁵).

Новгородъ, какъ извѣстно, на востокъ владѣлъ громадными землями, каковы Вятка и Пермь (древняя Біармія). Самоуправленія въ этихъ земляхъ онъ не нарушалъ, такъ какъ онѣ важны были для него, главнымъ образомъ, въ торговомъ отношеніи. Но теряя мало по малу свою самостоятельность, Новгородъ терялъ и свои колоніи. Мы видѣли, что Василій Васильевичъ, смиривъ въ **1456 г.** Новгородъ, въ слѣдующіе два года направлялъ удары

405) Ibid. III, 141—142; IV, 127—128, 133, 150, 235—236, 239—240, 242; V, 35—36, 275; VI, 3—5, 8—15, 191—194; VIII, 159—169; Ник. VI, 17—20, 26—27; Акты Ист. I, № 280—281; Ак. Арх. Эксп. I, №№ 87, 90—94; Опытъ трудовъ Вольн. Росс. Собр. I, 219 (гдѣ напечатанъ списокъ бояръ, въ числѣ которыхъ значится и Димитрій Борецкій).—Для защиты Новгорода изъ уѣздовъ его собрано было много народу; послѣ замиренія эти люди, въ числѣ 9000 человекъ, осенью возвращались по домамъ въ 180 судахъ, но во время бури погибли въ Ильменѣ.

свой на новгородскую колонію — Вятку, которую и покорилъ. Теперь сынъ его, еще болѣе смиривши Новгородъ, устремляется также на другую колонію Новгорода, на Пермь, дѣйствуя какъ будто по плану и примѣру отца. Пермская земля была важна по мѣновой торговлѣ драгоценными мѣхами; кромѣ того, она богата была такъ называемымъ закамскимъ серебромъ, изъ-за котораго ссорился съ новгородцами Иванъ Калита... Изъ договора 1471 г. видно, что Пермь была въ числѣ новгородскихъ владѣній, хотя въ церковномъ отношеніи зависѣла отъ Москвы. Но Ивану Васильевичу нужно было подчинить ее Москвѣ и въ политическомъ отношеніи. При заключеніи договора въ 1471 г. Пермь, въ числѣ другихъ новгородскихъ волостей, складывается крестное цѣлованіе къ Новгороду и переходитъ къ великому князю. Но пермичи, кажется, предпочитали почему-то Новгородъ Москвѣ, и такимъ образомъ послѣдней приходилось брать этотъ край съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1472 г. за пермичами оказалось «неисправленіе» — они обидѣли чѣмъ-то нѣкоторыхъ москвичей, и великій князь ухватился за этотъ случай: зимой названнаго года онъ послалъ на Пермь воеводу Ѳедора Пестраго, который, пришедши къ устью Черной рѣки на Ѳоминой недѣлѣ, отправился далѣе на плотахъ до селенія Афаловскаго, а отсюда на коняхъ — къ г. Искору, отпустивши другаго воеводу, Гаврііла Нелидова, на низъ: на Урость, Чердынь и Почку, на тамошняго князя Михаила. Не доходя до Искора, Пестрой встрѣтился съ пермичами на р. Колвѣ, разбилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ воеводу ихъ Качаима; затѣмъ взяты были Искоръ и др. города съ ихъ воеводами. На устьѣ Почки (впадающей въ Колву) Пестрой срубилъ городокъ и засѣлъ въ немъ съ плѣнными. Такъ же успѣшно шли дѣла и у Нелидова. Изъ срубленнаго городка Пестрой и Нелидовъ привели всю Пермскую землю подъ власть великаго князя; отсюда же Пестрой отправилъ въ Москву и знаки побѣдъ своихъ: кн. Михаила, плѣннаго Нелидовымъ, воеводъ, 16 сороковъ соболей, соболю шубу, почти 30 поставовъ сукна, три панцыря, шлемъ и двѣ булатныхъ сабли ⁴⁰⁶).

Въ связи съ дѣлами новгородскими было нашествіе на Русь, въ томъ же 1472 г., хана Ахмата.

406) Ibid. IV, 133, 150; VI, 190, 194; VIII, 150, 169; Продолж. Нест. 177; Ак. Арх. Эксп. I, № 93—94. Однако въ Перми и послѣ того оставались еще свои, туземные князья; послѣдняго изъ нихъ, Матвѣя Михайловича, великій князь, въ 1505 г., взялъ въ Москву, а въ Пермь послалъ намѣстника, кн. Василия Ковра изъ стародубскихъ (см. Архангел. лѣт. 209—210). — Великій князь получилъ извѣстіе о покореніи Перми 26-го іюня. — Карамзинъ говоритъ (въ текстѣ), что въ договорѣ 1471 г. Пермь включена была въ число новгородскихъ владѣній... Напротивъ, изъ приводимыхъ (въ примѣчаніяхъ) имъ же грамотъ видно, что Пермь складывается крестное цѣлованіе къ Новгороду, такъ какъ, по договору, она отходитъ, въ числѣ другихъ волостей новгородскихъ, къ великому князю.

Какъ мы видѣли, готовясь къ борьбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ, новгородцы возлагали большія надежды на помощь Казимира. Но Казимиръ, къ несчастію ихъ, самъ былъ занятъ дѣлами на западѣ по поводу избранія сына его на чешскій престолъ. Тѣмъ не менѣе польскій король, для отвлеченія Ивана Васильевича отъ Новгорода, хотѣлъ поднять на Москву татаръ: онъ послалъ въ орду бывшаго у в. кн. московскаго въ холопахъ Кирея, изъ литовскихъ татаръ, который перебѣжалъ къ Казимиру и пользовался особеннымъ его довѣріемъ. Еще въ концѣ 1470 г. онъ отправленъ былъ къ хану съ дарами; тамъ онъ успѣлъ подарками привлечь на свою сторону ханскихъ вельможъ, пресмыкался предъ ханомъ, оговаривалъ московскаго князя, побуждая его идти на Москву съ ордой—съ одной стороны, между тѣмъ какъ польскій король пойдетъ съ другой. Но беспокойное положеніе дѣлъ въ самой ордѣ не позволяло хану сдѣлать рѣшительнаго шага: цѣлый годъ онъ держалъ Кирея, кочуя верстахъ въ пятидесяти отъ Сарая, который въ это время разграбленъ былъ вятчанами. Между тѣмъ какъ Иванъ Васильевичъ уже разсчитался съ Новгородомъ, Ахматъ отправилъ съ Киреемъ своего посла къ Казимиру съ извѣстіемъ, что онъ немедленно начнетъ войну съ московскимъ княземъ ⁴⁰⁷). Дѣйствительно, 30-го іюля 1472 г. Ахматъ двинулся къ русской границѣ, ведя съ собой и московскаго посла, Григорія Волнина, присланнаго къ нему великимъ княземъ для мирныхъ переговоровъ. Иванъ Васильевичъ отправилъ пока къ Окѣ боярина Феодора Давидовича съ коломенской ратью, Даніила Холмскаго, кн. Оболенскаго—Стригу и братьевъ своихъ. Не доходя до русской границы, ханъ оставилъ своихъ женъ, а также старыхъ, больныхъ и малолѣтнихъ, и, продолжая путь къ литовской границѣ, подошелъ къ г. Алексиному ⁴⁰⁸). Узнавши объ этомъ, великій князь и самъ съ царевичемъ Даньяромъ отправился въ Коломну... Въ Алексинѣ воеводой былъ Семенъ Беклемишевъ. Такъ какъ городъ не успѣли привести въ оборонительное положеніе—тамъ не было ни пушекъ, ни самострѣловъ, ни пицалей, — то великій князь приказалъпустить осаду (гарнизонъ). Между тѣмъ какъ Беклемишевъ въ это время хлопоталъ о посулѣ отъ алексинцевъ, которые давали ему пять рублей, а онъ требовалъ шестаго для жены,—татары неожиданно подступили къ городу: воевода бѣжалъ съ женой и слугами за Оку; татары бросились за нимъ, но не успѣли перехватить его. Въ это время на берегъ Оки пришелъ

407) Ibid. VI, 193; Ник. VI, 33; Карамз. VI, 34 и относящееся сюда прим.

408) Въ Новгородской 4-ой (IV, 150) сказано: «подшодъ (Ахматъ) близъ Руси ста, остави царицъ и старыхъ и болныхъ и малыхъ и поиде съ проводники не путьма» и т. д. Въ Сосійской 2-ой (VI, 195) и др. лѣтописяхъ о томъ же: «и подшедъ близъ Руси остави у Царици (?) старыхъ и болныхъ и малыхъ».

Василій Михайловичъ Удалой, кн. верейскій, съ небольшимъ отрядомъ и такъ успѣшно повелъ дѣло, что татары не могли перебраться чрезъ Оку. Вскорѣ подошли сюда съ большимъ количествомъ войскъ кн. Юрій Васильевичъ — изъ Серпухова, братъ его Борисъ — съ Козлова брода со всѣмъ дворомъ своимъ, а вслѣдъ за ними пришелъ съ великимъ полкомъ великаго князя воевода Петръ Ѳедоровичъ Челяднинъ. Не успѣвши переправиться чрезъ Оку, Ахматъ приказалъ идти на приступъ къ городу; но тутъ много погбло татаръ. Не смотря на то, что у алексинцевъ не было никакихъ средствъ къ оборонѣ, они рѣшились защищаться до смерти, а потому когда татары зажгли городъ, они предпочли лучше погибнуть въ пламени своихъ жилищъ, нежели отдаться въ руки врага. Съ болью на сердцѣ смотрѣли съ другой стороны Оки князья и ратные люди на гибель города и гражданъ его, но помочь имъ не могли, потому что въ этомъ мѣстѣ Ока очень глубока и переправа чрезъ нее была невозможна. Между тѣмъ множество русскихъ полковъ и особенно князь Юрій Васильевичъ своей особой («понеже бо мени его трепетаху») навели на татаръ и самого Ахмата нѣкоторый страхъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе отъ своихъ соплеменниковъ, служившихъ великому князю, узнали, что на берегъ собрались еще не всѣ войска: князь великій съ большими силами стоитъ подъ Ростиславлемъ, царевичъ Даньяръ съ татарами стоитъ въ Коломнѣ, кн. Андрей Васильевичъ большой съ царевичемъ Муртозой, сыномъ царя казанскаго, стоитъ въ Серпуховѣ. Кромѣ того, Ахматъ опасался, чтобы татарскіе царевичи, служащіе великому князю, не напали на орду и не забрали бы въ полонъ его царицъ. Эти обстоятельства заставили хана бѣжать отъ Алексина. Есть еще извѣстіе, что въ войскѣ Ахмата открылась моровая язва, и это обстоятельство заставило его удалиться въ свои улусы. Ушелъ и великій князь. Онъ прибылъ въ Москву 23-го августа и скорѣ отправился въ Ростовъ, куда, ради безопасности, уѣхала его мать передъ приходомъ къ Алексину Ахмата, и тамъ заболѣла. Въ сентябрѣ Иванъ Васильевичъ, какъ и младшіе братья его, возвратился изъ Ростова въ Москву къ похоронамъ брата Юрія Васильевича... Конечно, вслѣдствіе того, что Казимиръ поднималъ на Русь Ахмата, хотя самъ и не выступалъ противъ великаго князя, въ **1473 г.** послана была рать къ Любутску, которая повоевала только окрестныя волости, но городу ничего не сдѣлала. Жители Любутской волости отплатили за этотъ набѣгъ москвичей тѣмъ, что напали на кн. Семена Одоевскаго, который и былъ убитъ въ бою... Что касается Ахмата, то, кажется, съ достовѣрностью можно сказать, что слишкомъ черезъ годъ послѣ его прихода къ Алексину между нимъ и Иваномъ Васильевичемъ былъ заключенъ миръ: лѣтописи передають, что лѣтомъ **1474 г.** изъ орды пришелъ въ Москву Никифоръ Басенковъ

съ посломъ отъ Ахмата, Каракучукомъ; съ послѣднимъ была свита изъ 600 человекъ, которыхъ — по замѣчанію лѣтописи — кормили, какъ это обыкновенно бывало съ посольствами; кромѣ того, съ посломъ пришло 3200 купцовъ съ конями и разными товарами; коней было съ ними 40,000 головъ ⁴⁰⁹).

Мы только-что упомянули о смерти Юрія, — онъ скончался 12-го сентября **1472 г.** Юрій Васильевичъ женатъ не былъ, а потому въ духовномъ завѣщаніи своемъ, отказавъ нѣкоторыя движимыя вещи матери своей, братьямъ и сестрѣ, княгинѣ рязанской Аннѣ, не сдѣлалъ никакого распоряженія относительно городовъ своего удѣла: Дмитрова, Можайска и Серпухова. Великій князь взялъ эти города себѣ и тѣмъ, естественно, возбудилъ въ братьяхъ зависть. Чтобы нѣсколько успокоить ихъ, онъ далъ Борису Вышгородъ, Андрею меньшому — Тарусу, а Андрея Васильевича углицкаго, кажется, болѣе всѣхъ недовольнаго старшимъ братомъ, успокоила мать, давъ ему свой городокъ Романовъ. Для того, чтобы старшіе по немъ братья, Андрей и Борисъ, не претендовали въ будущемъ на удѣлъ или на долю въ удѣлѣ Юрія, великій князь, въ этомъ смыслѣ, заключилъ съ ними договоры въ **1473** году ⁴¹⁰).

Въ отношеніяхъ великаго князя къ ордѣ такъ же, какъ и къ западной Европѣ, небезосновательно приписываютъ важное значеніе женитьбѣ его на греческой царевнѣ Софіи, дочери морейскаго деспота Ѳомы Палеолога, племянницѣ послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога. Такъ какъ этотъ бракъ состоялся въ годъ нашествія Ахмата, то, слѣдую хронологическому порядку изложенія событій, мы и перейдемъ къ изложенію этого акта, важнаго не только въ жизни Ивана III, но и Руси вообще.

Въ **1467 г.** апрѣля 22-го скончалась первая супруга Ивана Васильевича, «христіюбиваа, добраа и смиреннаа» Марья Борисовна, дочь Бориса

409) П. С. Р. Л. IV, 133, 150—151, 224; VI, 31—32, 195, 198, 278; VIII, 173—175, 180; Ник. VI, 45—48, 55. Въ Архангел. лѣт. рассказывается, что Ахматъ, отошедши уже отъ Алексина версты двѣ, полюбоствовалъ у одного изъ русскихъ плѣнныхъ, почему это такъ мало полону, между тѣмъ какъ алексинцевъ сгорѣло немного. Плѣнный, выговоривши себѣ у хана свободу, открылъ секретъ: по его словамъ, болѣе 1000 человекъ съ имуществомъ скрылись въ тайникѣ, ведущемъ къ рѣкѣ. Ахматъ воротился, полонилъ всѣхъ скрывавшихся въ тайникѣ, а открывшаго этотъ секретъ отпустилъ на волю. — Г. Карповъ («Исторія борьбы Моск. госуд-ва съ Польско-Лит.» II, 2), по нашему мнѣнію, неосновательно говоритъ, что походъ къ Любутску имѣлъ цѣлю вмѣшательство въ дѣла служебныхъ князей: на это нѣтъ данныхъ. Нападеніе на Любутскъ скорѣе можно объяснять мстью за то, что Казимиръ подстрѣкалъ Ахмата къ нападенію на Русь.

410) С. г. г. и д. I, № 96, 97—98 (договоръ съ Борисомъ 13-го февраля 1473 г.), 99—100 (съ Андреемъ углицкимъ 14-го сентября).

Александровича, в. кн. тверскаго. То обстоятельство, что покойница распухла до того, что покровъ опущенными къ низу краями едва не достигалъ до самаго тѣла, подало поводъ къ толкамъ о томъ, что великая княгиня умерла отъ «смертнаго зеля»⁴¹¹⁾. Узнали, что Наталья, жена дьяка Алексѣя Полуектова, «печалованіемъ» котораго ярославскіе князья отдали свои вотчины⁴¹²⁾ великому князю (въ **1463 г.**), посылала съ женой подьячаго поясъ великой княгини къ какой-то бабѣ (конечно, знахаркѣ). Великій князь до того «восполѣся» за это на Полуектова, что шесть лѣтъ не пускалъ его къ себѣ на глаза. Года черезъ два по смерти великой княгини началось сватовство великаго князя. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ папѣ, который надѣялся, при посредствѣ этого брака, распространить свою духовную власть и на Московское государство. Въ **1469 г.** февраля 11-го въ Москву пріѣхалъ изъ Рима грекъ Юрій отъ кардинала Виссаріона съ письмомъ, въ которомъ предлагались великому князю услуги — устроить бракъ его съ царевной Софіей. Въ письмѣ говорилось, что искателями руки этой царевны были, будто бы, король французскій и герцогъ миланскій, но Софія отказала имъ изъ преданности къ православію. Великій князь взялъ «словеса сіа въ мысль», посоветовался съ митрополитомъ, матерью и боярами и 8-го марта отправилъ къ папѣ Павлу и кардиналу Виссаріону фрязина Ивана, бывшаго въ Москвѣ монетчикомъ, который долженъ былъ посмотреть царевну. Посолъ передалъ папѣ и кардиналу то, что ему наказано было. Царевна согласилась на бракъ, и Иванъ фрязинъ отпущенъ былъ папой, который наказалъ послу, чтобы великій князь прислалъ за царевной бояръ своихъ, для которыхъ выданы были опасныя грамоты на проѣздъ въ Римъ и обратно. Января 17-го **1472 г.** великій князь отправилъ того же Ивана фрязина въ Римъ, гдѣ должно было совершиться обрученіе, причемъ посолъ долженъ былъ представлять лице жениха, т. е. великаго князя. Фрязинъ возвратился въ Москву съ портретомъ царевны («царевну на иконѣ написану принесе»). Въ то же время въ Москву прибылъ другой фрязинъ, Антонъ, съ письмомъ отъ папы Павла II, который увѣдомлялъ великаго князя, что послы его за царевной Софіей могутъ безпрепятственно ходить по землямъ католическимъ, т. е. зависящимъ въ церковномъ отношеніи отъ папы. Великій князь отправилъ къ папѣ посла, который прибылъ туда въ маѣ мѣсяцѣ, а іюня 24-го Софія уже выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антонія и большой свиты изъ грековъ. Чрезъ Любекъ на кораблѣ Софія прибыла, 21-го сентября **1473 г.**, въ Ревель (Колывань), откуда

411) П. С. Р. Л. IV, 149; V, 272, 274; VI, 186; VIII, 152; VI, 3. По Соф. второй она умерла 25-го апрѣля, по всемъ другимъ — 22-го.

412) Ibid. IV, 149.

выѣхала 1-го октября и 11-го того же мѣсяца чрезъ Дерптъ прибыла въ Псковъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, Софія отправилась въ Новгородъ, откуда выбыла въ Москву въ концѣ октября. Вездѣ будущую великую княгиню встрѣчали торжественно, угощали, дарили, какъ, напримѣръ, въ Псковѣ, гдѣ ей подарили 50 рублей. Въ началѣ ноября Софія подъѣзжала къ Москвѣ, гдѣ великокняжескій дворъ находился въ нѣкоторомъ смущеніи: дѣло въ томъ, что предъ сопровождавшимъ царевну кардиналомъ несли *крыжъ* (католическій крестъ) на високомъ древкѣ, каковое обстоятельство могло смущать православный народъ. Великій князь совѣтовался по этому поводу съ матерью, боярами и братьями: одни говорили за, другіе—противъ этой церемоніи. Иванъ Васильевичъ послалъ спросить объ этомъ митрополита, и этотъ послѣдній заявилъ, что даже близко къ городу нельзя подпускать легата въ преднесеніи крыжа, что если легатъ, предшествуемый крыжемъ, войдетъ въ одни ворота, то онъ, митрополитъ, выйдетъ изъ города въ другія. Великій князь послалъ къ легату боярина Ѳедора Давидовича съ требованіемъ, чтобы тотъ спряталъ крестъ; легатъ сначала не хотѣлъ-было исполнить этого требованія, но скоро уступилъ: крестъ положенъ былъ въ сани. Болѣе противился въ данномъ случаѣ Иванъ фрязинъ, которому въ Римѣ оказаны были большія почести, почему и онъ хотѣлъ, чтобы на Руси точно также оказаны были почести папѣ и его послу. Но требованіе великаго князя было исполнено. Ноября 12-го Софія въѣхала въ Москву, и въ тотъ же день совершенъ былъ обрядъ вѣнчанія. Затѣмъ легатъ приступилъ къ выполненію конечной цѣли своего посольства — привлеченію Московскаго государства къ уніи. На разсужденія по поводу соединенія церквей митрополитъ выставилъ какого-то книжника Никиту Поповича; впрочемъ, съ легатомъ говорилъ и митрополитъ, но особенно помянутый Никита. По извѣстіямъ лѣтописей легатъ былъ въ большомъ затрудненіи во время спора и, въ концѣ концовъ, сказалъ: «Сомною нѣтъ книгъ», другими словами—онъ отказался отъ прѣнній⁴¹³). Бракъ на греческой царевнѣ имѣлъ весьма чувствительное вліяніе на Русь: съ одной стороны завязались болѣе частыя сношенія съ Западной Европой, откуда выходятъ на Русь разные мастера и художники, — съ другой стороны — понятія о верховной власти, какъ самодержавной и какъ хранительницѣ чистоты православія, какъ бы преемственно переходятъ отъ греческихъ императоровъ на великаго князя московскаго.

413) Ibid. III, 242; IV, 130, 132, 151, 244—246; V, 36; VI, 16, 32, 196—197, 278; VIII, 154—155, 169, 173, 175—177; Ник. VI, 7—8, 49—51. По Новгор. четвертой и Соф. второй Софія пріѣхала въ Россію въ 1472 г.

Въ связи съ приѣздомъ Софіи въ Москву находится дѣло грека Тревизана. Иванъ фрязинъ, при первомъ возвращеніи изъ Рима на Русь черезъ Венецію, сказался въ послѣдней великимъ московскимъ бояриномъ, почему и былъ любезно принятъ венеціанскимъ дожемъ, Николоемъ Троно. Этотъ послѣдній, зная о близкихъ отношеніяхъ Москвы къ татарамъ, задумалъ отправить чрезъ Москву посла къ хану Золотой орды, котораго хотѣлъ склонить къ нападенію на турецкаго султана. Венеціанскій посоль, Иванъ Тревизанъ, долженъ былъ вручить великому князю грамоту и дары отъ дожа и просить себѣ проводника къ хану Ахмату. Но Иванъ фрязинъ уговорилъ посла не давать ни грамоты, ни даровъ великому князю, обѣщая, что и безъ великаго князя онъ устроитъ все, что тому нужно для путешествія въ орду. А между тѣмъ онъ представилъ великому князю Тревизана, какъ венеціанскаго купца и своего племянника. Обманъ ихъ скоро открылся, и великій князь приказалъ заковать Ивана фрязина въ цѣпи и сослать въ Коломну, жену и дѣтей его взять подъ стражу, а Тревизана предать смертной казни. Едва могли умолить великаго князя легать и бывшіе съ нимъ греки, чтобы онъ пощадилъ посла и снесся по этому дѣлу съ венеціанскимъ дожемъ. Тревизанъ, тѣмъ не менѣе, до времени содержался подъ стражей во дворѣ Никиты Васильевича Беклемишева. Узнавши объ участи своего посла, венеціанскій дожъ просилъ великаго князя освободить Тревизана и отправить его къ хану, снабдивъ всѣмъ необходимымъ для путешествія. Иванъ Васильевичъ исполнилъ просьбу дожа и извѣстилъ его объ этомъ чрезъ посла Семена Толбузина, который, между прочимъ, имѣлъ порученіе вывезти изъ Венеціи искуснаго зодчаго. Зодчій вывезенъ былъ въ лицѣ Аристотеля Фіоравенти, который предпочелъ Россію Турціи, куда Магометъ II звалъ его для постройки султанскихъ палатъ ⁴¹⁴).

Но возвратимся къ сѣверо-западной окраинѣ Руси и посмотримъ, что дѣлается тамъ.

Новгородцамъ пока не приходило на умъ сдѣлать какую бы то ни было попытку въ смыслѣ устраненія вліянія великаго князя на Новгородъ; Псковъ хлопоталъ о церковной автономіи ⁴¹⁵),—но великій князь постоянно устранялъ эти попытки. Мы видѣли, что въ **1463 г.** Иванъ Васильевичъ удовлетворилъ просьбу псковичей относительно намѣстника; мало того: давши имъ въ намѣстники, по ихъ желанію, кн. Ивана Звенигородскаго, великій князь послалъ къ нимъ еще воеводу кн. Ѳедора Юрьевича на помощь противъ нѣмцевъ; потомъ мы видимъ этого Ѳедора Юрьевича уже

414) Никон. VI, 51—52; П. С. Р. Л. IV, 246; VI, 197 (подъ 1472 г.); VIII, 176, 179—180.

415) П. С. Р. Л. IV, 233, 243; V, 36; «Ист. Росс.» Соловьева, V, 14—15.

намѣстникомъ въ Псковѣ. Но онъ не ужился съ псковичами. Псковская лѣтопись причиною неудовольствія псковичей на Ѳедора Юрьевича выставляетъ то обстоятельство, что онъ «самъ прежде нача на Псковъ къ великому князю засылати грамоты, а самъ надъ Псковомъ творячи силно». Псковичи припомнили, какъ великій князь часто говаривалъ посламъ ихъ: «кой будетъ вамъ намѣстникъ отъ мене вамъ князь надобѣ, а язъ вамъ не стою; а того бы есте не безчествовали, которой у васъ будетъ начнетъ творити силно, то язъ вѣдаю, а васъ свою отчину жалую». И вотъ, 18-го февраля **1472** г. псковскіе послы: посадникъ Никита Ларіоновичъ и бояре, Василий Созовъ и Юрій Ивановичъ, отправились въ Москву бить челомъ великому князю о своихъ старинахъ, просить къ себѣ намѣстникомъ кн. Ивана Стригу-Оболенскаго. Узнавши объ этомъ, кн. Ѳедоръ Юрьевичъ на другой день по отѣздѣ пословъ вышелъ на вѣче, сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и выѣхалъ изъ Пскова. Псковичи, «всего того не радя», послали, однако, въ слѣдъ за нимъ посадника, дѣтей боярскихъ и соцкихъ съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ, чтобы проводить его честно. Ѳедоръ Юрьевичъ, добравшись до границы, насильственно перетаскилъ псковскихъ посланныхъ за рубежъ, отнял у нихъ коней, ограбилъ ихъ и отпустилъ едва не нагими, «забывъ добра псковского и крестного цѣлованія». Весной возвратились изъ Москвы псковскіе послы и передали Пскову такой отвѣтъ великаго князя: «язъ князь великой васъ, свою отчину, о всемъ жалую, коего отъ мене къ себѣ намѣстникомъ, а къ себѣ княземъ хотите, только ко мнѣ своего боярина съ листомъ пришлите; а что князь Иванъ Стрыга, а тотъ мнѣ здѣсе у себе надобѣ». Въ концѣ того же года псковичи опять отправили посла къ великому князю, который, по случаю приближенія къ русской границѣ хана Ахмата, находился въ Коломнѣ, куда и прибылъ псковскій посолъ 1-го августа. Онъ долженъ былъ, по наказу, просить въ намѣстники кн. Ивана Бабича, или кн. Ярослава Стригу, брата Ивана Стриги, а также доложить и о томъ, что рижскій магистръ присылалъ посла для назначенія срока съѣзда, который назначенъ былъ на 8-ое сентября. Великій князь, которому Бабичъ нуженъ былъ для ратныхъ дѣлъ, назначилъ намѣстникомъ во Псковъ кн. Ярослава, а на нѣмецкій съѣздъ — боярина Андрея Тимоѣевича ⁴¹⁶). Дѣла съ нѣмцами, однако, запутывались, и псковичи опять послали къ великому князю гонца съ той же просьбой о князѣ-намѣстникѣ. Наконецъ, 19-го февраля **1473** г. Ярославъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Псковъ, гдѣ встрѣченъ былъ съ подобающей честью и посаженъ на княженіи, цѣловавъ крестъ «на всѣхъ старинахъ псковскихъ».

416) Ibid. IV, 243—244.

Послѣ Петрова дня съѣздъ нѣмецкихъ и псковскихъ уполномоченныхъ состоялся, но хорошаго отъ этого съѣзда не вышло ничего: уполномоченные разъѣхались, «управѣ не учинивше никоея же, толко сами стерлися и по волостемъ христіане». Конецъ **1473** и начало **1474** г. прошли въ ссылкахъ псковичей съ великимъ княземъ, у котораго они просили помощи противъ нѣмцевъ. Въ Псковъ пришелъ, 30-го ноября **1474** г., съ войсками московскій воевода, кн. Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. До его прихода въ Псковъ уже прибыло нѣсколько ратей, и послѣ прихода его также все еще подходили къ Пскову другія войска; пришли, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, князья изъ 22 городовъ, какъ-то: изъ Ростова, Дмитрова, Юрьева, Костромы и др., такъ что Пскову было «притужно отъ нихъ исперва велми: начаша бо они чинити надъ псковичи силно»; начались грабежи, тѣмъ болѣе, что въ составъ низовыхъ войскъ входило много татаръ. Вскорѣ, однако, благодаря усиліямъ кн. Холмскаго, эти беспорядки прекратились, такъ какъ доставка провіанта для войскъ и фуража для конницы приняли правильное теченіе. Что касается нѣмцевъ, то они, въ виду громадныхъ силъ, пришедшихъ на помощь Пскову, поспѣшили заключить миръ, и кн. Даніилъ Холмскій 30-го декабря выѣхалъ изъ Пскова. Великій князь ожидалъ изъ Пскова большихъ пословъ, конечно, съ благодарностью за оказанную имъ помощь, но вмѣсто того въ Москву прибылъ простой гонецъ, Григорій Бородинъ, «бити челомъ на его (великаго князя) жалованьи и на печалованіи». Этими псковичи и думали ограничиться; но 8-го апрѣля Бородинъ привезъ псковичамъ «нелюбовь и гнѣвъ» великаго князя именно за то, что не были присланы большіе послы. Вслѣдствіе этого 19-го мая къ великому князю отправился самъ намѣстникъ, кн. Ярославъ Васильевичъ, съ тремя посадниками и боярами ото всѣхъ концовъ; имъ дано было 100 рублей поминку для великаго князя; но этихъ пословъ великій князь «съ подворья спровадилъ», на очи свои не пустилъ и дару не принялъ, такъ что они, простоявъ пять дней въ полѣ въ шатрахъ, воротились въ Псковъ 23-го іюня безъ всякаго отвѣта. Однако въ-слѣдъ за послами въ Псковъ пригналъ великокняжескій гонецъ съ приказомъ, чтобы псковичи немедленно отправили пословъ къ великому князю. На этотъ разъ псковичи отправили другихъ троихъ посадниковъ и бояръ съ 150 р. поминку. Этыхъ пословъ Иванъ Васильевичъ принялъ и сказалъ имъ: «Радъ еси отчину свою *по старинѣ* ⁴¹⁷⁾ держати, аже ми положите прежнихъ князей великихъ грамоты пошлинныя». Ноября 13-го **1475** г. въ Псковъ возвратился кн. Яро-

417) Въ лѣтописи (IV, 250) сказано: «Радъ еси отчину свою *устрои* держати» и пр. Кажется, что С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» V, пр. 25) совершенно вѣрно читаетъ вм. *устрои* — *по старинѣ*.

славъ Васильевичъ «и нача у Пскова просити и судъ держати не по псковской старинѣ, на ссылку вдвое ѣзды пмати, и по пригородамъ его намѣстникомъ княжая продажа пмати обоя, такоже и денги намѣстничя». Псковъ отрядилъ двухъ посадниковъ съ грамотами къ великому князю, который, разсмотрѣвъ эти грамоты, сказалъ посламъ: «то грамоты не самыхъ князей великихъ, и вы бы есте то все князю Ярославу освободили, чего у васъ нынѣ просить». Весной въ томъ же году псковичи чрезъ посла били челомъ великому князю и говорили, что требованія кн. Ярослава несогласны съ стариной, что такъ имъ нельзя жить ⁴¹⁸). Великій князь отвѣчалъ, что для рѣшенія этого вопроса онъ пришлетъ своего посла. Между тѣмъ для псковитянъ скорѣ представился случай къ болѣе близкимъ и скорымъ сношеніямъ съ великимъ княземъ: Иванъ Васильевичъ собрался въ Новгородъ «мпромъ»... «на судъ и на управу», оставивъ въ Москвѣ сына своего Ивана.

Октября 22-го 1476 г. великій князь выѣхалъ изъ Москвы. Начиная съ Волочны, куда онъ прибылъ 5-го ноября, на всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ пунктахъ (станціяхъ) его встрѣчали новгородцы: въ Волочнѣ нѣкоторые изъ новгородцевъ принесли великому князю жалобы «на свою же братью»; въ Рыдинѣ великаго князя встрѣтилъ новгородскій архіепископъ съ архимандритами, игуменами и новгородскими властями и поднесъ ему дары; словомъ, шествіе великаго князя въ Новгородъ, по изображенію лѣтописей, было весьма торжественное. Ноября 21-го Иванъ Васильевичъ въѣхалъ въ Новгородъ и остановился на Городищѣ; всѣ монастыри и монастырскіе дворы около города заняты были сопровождавшими великаго князя ратными людьми. Владыка распорядился доставкой «кормовъ» для двора великаго князя, — но послѣдній оскорбился тѣмъ, что архіепископъ отрядилъ для этого дѣла людей незначительныхъ, и не хотѣлъ брать кормовъ. Тогда владыка приказалъ завѣдывать доставкой съѣстныхъ припасовъ своему намѣстнику, попросилъ прощенья у великаго князя чрезъ бояръ, и великій князь нелюбье отложилъ: кормы сталъ брать. Въ тотъ же день, т. е. 21-го ноября, владыка приглашалъ великаго князя «хлѣба ѣсти къ себѣ», — но тотъ «не пожаловалъ его», а 22-го ноября у самого великаго князя были на обѣдѣ: владыка, кн. Василій Шуйскій, степенный посадникъ, многіе изъ старыхъ посадниковъ, тысяцкіе и бояре. Въ тотъ же день на Городище пришли многіе жалобщики какъ новгородскіе, такъ и изъ ближайшихъ къ Новгороду мѣстъ: одни — просить приставовъ, чтобы не быть

418) П. С. Р. Л. IV, 130, 246—250; V, 36; VI, 16, 32, 198; VIII, 178, 180; Ник. VI, 58.

ограбленными ратными людьми великаго князя, — другіе съ жалобами на своихъ же братьевъ новгородцевъ. Кромѣ того, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, долженствовали быть жалобы и на болѣе важныхъ представителей города, такъ какъ «люди житіи и моложшіи сами его призвали на тыя управы, что на нихъ насилье держать какъ посадники и великіе бояре». Но великій князь, кажется, не хотѣлъ вдругъ озадачить новгородцевъ и не скоро взялся за разборъ жалобъ: ноября 23-го Иванъ Васильевичъ вѣхалъ въ Новгородъ и встрѣченъ былъ владыкой со всѣмъ освященнымъ соборомъ и властями города; слушалъ въ храмѣ Софіи молебенъ и литургію, потомъ былъ у владыки, отъ котораго принялъ дары и послѣ обѣда, въ сопровожденіи архіепископа, воротился на Городище. Съ 24-го ноября къ великому князю начинаютъ приходиться съ разными цѣлями разные люди, какъ посадники, тысяцкіе, жити люди и пр.: одни — опять съ жалобами, другіе — «лице его видѣти» и т. п. Ноября 25-го къ нему пришли главные жалобщики. Надобно замѣтить, что послѣ 1471 г. партійныя страсти въ Новгородѣ еще не улеглись: приверженцы Литвы утѣсняли не только простой народъ, но и болѣе видныхъ представителей Новгорода, которые клонились на сторону Москвы; такъ, степенный посадникъ Василій Ананьинъ со многими боярами, какъ Селезневъ, Телятевъ, Моисей Ѳедоровъ, родственники которыхъ, въ первый походъ великаго князя на Новгородъ, были или казнены, или сосланы на «Низъ», какъ, напримѣръ, приверженцы Литвы Аеанасьевы, напали съ своими людьми на Славкову и Никитину улицы, пограбили ихъ и перебили многихъ людей; а Памфилъ, староста Ѳедоровской улицы, съ двоими изъ вышепомянутыхъ бояръ, напалъ на дворъ бояръ Полинарѣиныхъ, перебилъ ихъ людей, а имѣнія пограбилъ на 500 рублей. Теперь эти обиженные явились съ жалобами къ великому князю. Иванъ Васильевичъ, давши жалобщикамъ приставовъ, обратился къ владыкѣ Ѳеофилу, тутъ же бывшему съ посадниками и боярами, съ предложеніемъ — передать Великому Новгороду, чтобъ и онъ далъ своихъ приставовъ «на тѣхъ насилниковъ». На судѣ, въ присутствіи владыки и старыхъ посадниковъ, жалобы оказались справедливыми, и великій князь, оправивъ жалобщиковъ, приказалъ схватить обвиненныхъ бояръ вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ Ананьинымъ и посадить «за приставы», а менѣ виновныхъ отдать на поруки въ 1500 рубляхъ. Этыхъ послѣднихъ взялъ на поруки архіепископъ. Далѣе великій князь приказалъ схватить Аеанасевыхъ, отца съ сыномъ, потому что они совѣтовали Новгороду отдаться за Казимира. Владыка пріѣзжалъ, 28-го ноября, на Городище къ великому князю хлопотать объ освобожденіи главныхъ виновниковъ, но Иванъ Васильевичъ, указавъ владыкѣ на ихъ крамолы, въ тотъ же день

приказалъ отправить ихъ въ Москву. Декабря 1-го владыка опять ходатайствовалъ уже за второстепенныхъ преступниковъ, взятыхъ имъ на поруки, — и великій князь удовлетворилъ просьбу владыки: отъ казни ихъ освободилъ съ обязательствомъ уплатить истцамъ убытки въ количествѣ 1500 руб. и великокняжескія судныя пошлины. Затѣмъ съ 4-го по 19-ое декабря почти ежедневно устраивались у знатныхъ новгородцевъ для великаго князя пиры, на которыхъ хозяева подносили ему богатые подарки; тѣ изъ новгородской знати, у которыхъ великій князь не успѣлъ побывать на пиру, приносили ему подарки на Городище. Подарки эти состояли изъ денегъ (напр. корабельники или двойные червонцы), золотыхъ кубковъ, рыбьихъ зубовъ, сукна, вина, меда, яблоковъ, винныхъ ягодъ и пр. Но не только знатные новгородцы, — даже купцы, житѣи люди и многіе изъ «людей молодыхъ» приносили ему дары. Великій князь, съ своей стороны, отдаривалъ «коему ждо по достоинству: отъ дорогихъ портъ (одеждъ), и отъ камокъ, и кубки и ковши серебряные, и сороки соболей, и кони». Между прочимъ отмѣтимъ изъ поднесенныхъ великому князю два подарка: а) новозбранный степенный посадникъ Тома Курятникъ и тысяцкіе поднесли ему отъ всего Великаго Новгорода 1000 рублей; б) между многочисленными подарками отъ владыки, данными имъ въ разное время, отмѣтимъ слѣдующій: 16-го января владыка пришелъ къ великому князю «съ челобитьемъ, съ половиною волостей владычныхъ и съ половиною земли отъ шти монастырей»; но великій князь взялъ только земли 6-ти монастырей, а «иные монастыри пожаловалъ, земли у нихъ не взялъ: они-де убоги, земли у нихъ мало». Въ одинъ изъ пиршественныхъ дней (12-го января) къ Ивану Васильевичу явился посолъ отъ шведскаго короля съ подаркомъ, состоявшимъ изъ бургераго жеребца, и съ челобитьемъ о возобновленіи съ Новгородомъ перемирія, срокъ которому истекъ. Великій князь, угостивъ посла (Орбана, племянника шведскаго короля Стена-Стура), приказалъ владыкѣ и В. Новгороду возобновить перемиріе на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ девятинедѣльнаго пребыванія въ Новгородѣ, Иванъ Васильевичъ (26-го января) выѣхалъ въ Москву. Тяжело было это гощеніе великаго князя съ его многочисленной свитой Великому Новгороду и Новгородской землѣ! «Было отъ нихъ силно (насиліе), говоритъ лѣтописецъ, много христіанъ пограблено по дорогамъ и по селамъ и по монастыремъ и числа края нѣтъ, такоже и владыкѣ и посадникомъ и всему Новгороду кормомъ и даровы и всему сполу числа же края нѣтъ, колико золота и серебра вывезе отъ нихъ» ⁴¹⁹).

419) Ibid. III, 142—143; IV, 130, 133, 152, 250—252; VI, 16—18, 33, 200, 278, 201—205; VII, 227; VIII, 3, 181—182; Ник. VI, 62—67.

Оставимъ на короткое время дальнѣйшія событія, касающіяся Новгорода, и возвратимся къ событіямъ псковскимъ.

Мы видѣли, что псковичи хлопотали о назначеніи къ нимъ вмѣсто кн. Ярослава другаго намѣстника; они говорили, что съ Ярославомъ имъ «не мощно жити». Это было весной 1475 г. Тогда великій князь обѣщалъ прислать въ Псковъ посла своего для управы. Но вотъ, до Пскова дошелъ слухъ (въ самомъ концѣ ноября 1476 г.), что великій князь въ Новгородѣ. Немедленно изъ Пскова отправилось къ Ивану Васильевичу посольство изъ четырехъ посадниковъ, нѣсколькихъ бояръ и дѣтей боярскихъ съ подаркомъ въ 50 рублей. Великій князь, принявъ даръ, сказалъ посламъ, что отпустить ихъ, когда къ нему явится кн. Ярославъ. Въ половинѣ декабря послѣдній пріѣхалъ и, не смотря на то, что Псковъ на вѣчѣ далъ ему въ даръ 20 рублей, чтобы онъ ударилъ челомъ великому князю за Псковъ, только жаловался на псковскихъ посадниковъ и на псковичей. Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ посламъ, что пришлетъ въ Псковъ вмѣстѣ съ кн. Ярославомъ своихъ пословъ «о всѣхъ своихъ дѣлѣхъ у (въ) срочныя дни». Послѣдніе 1-го января дѣйствительно явились и передали Пскову волю великаго князя: «чтобы есте которое будете преступили предъ княземъ Ярославомъ, и вы бы есте ему челомъ доби́ли, тако же бы есте князю Ярославу денгу намѣстни́чу освободили, и ѣзды вдвое, и продажи по пригородомъ намѣстникомъ имати княжія, и нивніи судове по старинѣ, судити всякая конная, и изгородное прясло, и коневая валища, а не учинити тако, ино вѣдаетъ государь вашъ великой князь; а насъ прислалъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ въ пять дней отъ васъ и сѣмо и тамо съѣздити». Воля великаго князя была исполнена: кн. Ярославу на вѣчѣ дали за все сполна 130 рублей и обязались исполнить все, чего требуетъ великій князь. Посольство вмѣстѣ съ кн. Ярославомъ отправилось въ Новгородъ извѣстить великаго князя объ исполненіи его воли. Иванъ Васильевичъ, между прочимъ, благосклонно замѣтилъ псковскимъ представителямъ, что посланнымъ отъ него нужно вѣрить во всемъ такъ же, какъ и ему самому ⁴²⁰).

Послѣ такого исхода дѣла Ярославъ, естественно, началъ еще круче поступать съ псковичами: послѣдніе 15-го іюня отправили пословъ въ Москву съ «жалобною грамотою» на кн. Ярослава, вмѣсто котораго они просили кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, а кн. Ярославъ—жаловались псковичи—«надъ всѣмъ Псковомъ чинитъ насиліе великое», какъ и его намѣстники по пригородамъ и волостямъ. Иванъ Васильевичъ обѣщалъ прислать, по этому дѣлу, своего посла «да хочетъ—великій князь—

420) Ibid. IV, 251.

съ своею отчиною съ Псковомъ судъ творити своимъ посломъ по его засылнымъ грамотамъ, а не по своимъ старинамъ, какъ его прародители держали свою отчину Псковъ». При такихъ условіяхъ псковичи должны были ожидать, что проиграютъ дѣло. И вотъ, 27-го августа они отправили въ Москву другихъ пословъ просить себѣ — за смертію князя Звенигородскаго — кн. Ивана Бабича, «кой намъ любъ», говорили они. Между тѣмъ съ наступленіемъ новаго года (2-го сентября 1477 г.) въ Псковѣ поднялось волненіе, какого не бывало ни при одномъ князѣ. Это волненіе произошло вслѣдствіе столкновенія княжеской дворни съ псковичами по самому незначительному случаю и дошло до кровавой схватки. На другой день, «вѣче поставя и князю Ярославу отрешесея», начали выпроваживать князя изъ Пскова, и о всемъ случившемся послали къ великому князю грамоту. Последнее обстоятельство поставило псковичей въ нерѣшительное положеніе: имъ хотѣлось и выпроводить кн. Ярослава, но нужно было и выждать великокняжескаго отвѣта на грамоту. Ярославъ не выѣзжалъ, «а псковичи его и проводятъ и не проводятъ еще». И та, и другая сторона ждетъ возвращенія посла. Наконецъ, 20-го сентября изъ Москвы пріѣхали два боярина съ дьякомъ. Отвѣтъ великаго князя былъ таковъ, что Ярославъ — правъ, такъ какъ онъ и теперь жалуется, какъ жаловался въ бытность великаго князя въ Новгородѣ, между тѣмъ какъ тогда псковичи на него не жаловались. Въ заключеніе послы требовали выдачи людей, осужденныхъ по пригородамъ, въ противномъ же случаѣ — говорили они — великій князь самъ все исправить. Что касается кн. Ярослава, то великій князь оставляетъ его на псковскомъ столѣ. Долго московскіе бояре добивались выдачи имъ тѣхъ людей, которыхъ намѣстники Ярослава поковали безъ суда, а псковичи самовольно расковали. Последніе не выдавали своихъ братьевъ, находя ихъ правыми; что же касается того, что Ярославъ остается у нихъ на столѣ, то они рѣшили опять послать о томъ пословъ къ великому князю, а съ княземъ Ярославомъ — говорили они — жить имъ нельзя, если онъ будетъ чинить имъ такія же насилія. Не лучше Ярослава поступали и сами послы: на рубежѣ они ограбили провожатыхъ, избили ихъ и отняли у нихъ деньги. Псковскіе послы должны были ѣхать во Владиміръ, такъ какъ великій князь находился тогда въ этомъ городѣ. Но продержавъ три дня, великій князь отослалъ ихъ въ Москву, гдѣ опять пришлось имъ ждать четыре недѣли. Этимъ посламъ великій князь сказалъ, что такъ какъ псковичи сами нападали на дворъ его намѣстника, кн. Ярослава Васильевича, то изъ старины выступили они, псковичи, а не онъ, великій князь. Въ январѣ послы возвратились въ Псковъ, а въ февралѣ Ярославъ получилъ отъ великаго князя грамоту съ приказомъ, чтобъ ѣхалъ въ Москву съ своею женой и со

всѣмъ дворомъ и никого не оставлялъ во Псковѣ. Въ концѣ февраля Ярославъ, сложивъ крестное пѣлованіе, выѣхалъ изъ Пскова. До рубежа псковичи должны были доставлять ему кормы. Но этотъ «злосердый» князь, чтобы изубыточить псковичей, на 40 верстахъ ночевалъ пять ночей. Мало того: 18 приставовъ, которые доставляли ему кормы, на послѣднемъ станѣ онъ приказалъ схватить и перевязать, мучилъ ихъ и взялъ съ собой въ Москву. Въ слѣдъ за Ярославомъ, въ началѣ марта, отправился въ Москву псковскіе послы, которые просили себѣ князя и били челомъ о насильственно взятыхъ Ярославомъ приставахъ. Великій князь удовлетворилъ ихъ просьбу — приставовъ приказалъ освободить, а о псковскихъ дѣлахъ прислать своихъ пословъ; въ то же время онъ принялъ 100 руб. поминку отъ Пскова и отпустилъ пословъ съ честію и дарами. Лѣтописи замѣчаютъ, что во время пребыванія псковскихъ пословъ въ Москвѣ, кн. Ярославъ ни разу не бывалъ на очахъ великаго князя. Въ Псковъ назначенъ былъ на мѣстникомъ кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ указывали сами псковичи. Такой крутой поворотъ въ отношеніяхъ великаго князя къ псковичамъ и благосклонный пріемъ, котораго удостоились псковскіе послы, надобно, кажется, объяснить тѣмъ, что великій князь готовился въ это время окончательно свести счеты свои съ Новгородомъ ⁴²¹⁾.

Послѣ перваго похода на Новгородъ, откуда главные виновники новгородскихъ возмущеній, главные противники великаго князя, приверженцы короля Казимира, были въ оковахъ выведены на «Низъ», въ Москву пріѣзжалъ (въ мартѣ 1476 г.) владыка Теофилъ съ боярами и билъ челомъ за новгородскихъ «пойманныхъ бояръ», которые «сидятъ» на Коломнѣ и въ Муромѣ. Великій князь дары отъ архіепископа принималъ, пригласилъ его со всей его свитой къ себѣ на обѣдъ, далъ ему «отпускной пиръ», — но просьбы его не исполнилъ, виновныхъ бояръ не отпустилъ ⁴²²⁾.

При общей неурядицѣ, при неопредѣленности юридическихъ отношеній въ Новгородѣ естественнымъ кажется то обстоятельство, что многіе новгородцы стали предпочитать домашнему (въ Новгородѣ) суду судъ великокняжескій. И вотъ, въ противность прежнимъ договорамъ, по которымъ великій князь не могъ судить новгородца «на Низу», т. е. въ Москвѣ, въ послѣднюю стали являться изъ Новгорода жалобщики.

Въ концѣ февраля 1477 г. въ Москву пріѣхалъ посадникъ Захарія Овиновъ за великокняжескимъ приставомъ; съ нимъ было много новгородцевъ, изъ которыхъ однимъ онъ долженъ былъ отвѣчать (на ихъ иски про-

421) Ibid. IV, 252—256; V, 37; VIII, 185.

422) Ibid. III, 143; IV, 252; VI, 18, 33, 205; VIII, 182; Ник. VI, 68.

тивъ него), а на другихъ искать. Это было до того необычайнымъ явлениемъ, что лѣтописецъ невольно замѣтилъ по этому поводу: «а того не бывало отъ начала, какъ и земля ихъ стала и какъ великіе князи учили быти отъ Рюрика».... Вскорѣ потомъ пришли въ Москву и другіе посадники, житиѣ люди, поселяне, черницы, вдовы «и вси преобиженѣ» въ качествѣ или истцевъ, или отвѣтчиковъ. Наконецъ, въ мартѣ владыка Теофилъ и весь Великій Новгородъ отправили къ великому князю пословъ, Назара Подвойскаго и вѣчеваго дьяка Захарію; при челобитиѣ эти послы, по показанію лѣтописей, намѣренно назвали великаго князя не *Господиномъ*, какъ бы слѣдовало по вѣковѣчному обычаю, а *Государемъ*. Апрѣля 24-го великій князь отправилъ въ Новгородъ посла спросить, какого *государства* хотятъ новгородцы, т. е. не желаютъ ли они имѣть великаго князя, какъ государя самодержавнаго, единственнаго законодателя и судью? Новгородцы сказали послу, что они «съ тѣмъ.... не посылавали». Еще послы не успѣли выѣхать изъ Новгорода, какъ тамъ поднялся мятежъ: бояринъ Василій Никифоровъ, оговоренный вышепомянутымъ Овиновымъ въ томъ, что, будучи въ Москвѣ, присягалъ великому князю на Великій Новгородъ, былъ изрубленъ на вѣчѣ; самъ Овиновъ,—за то, что судился въ Москвѣ,—братъ его Козьма и нѣкоторые другіе также были убиты. Новгородцы, по выраженію лѣтописи, «возбѣснѣша, яко піяніи», и начали опять кричать, что они хотятъ быть за королемъ⁴²³). Впрочемъ московскихъ пословъ держали въ чести, а отвѣтъ дали имъ въ томъ смыслѣ, что они великихъ князей государями не зовутъ, что судъ великокняжескимъ намѣстникамъ на Городищѣ—по старинѣ, что тіунамъ великаго князя у нихъ не быть и что двора Ярослава они не даютъ; въ заключеніе они говорили, что великіе князья могутъ казнить тѣхъ, которые будутъ обманно, безъ ихъ вѣдома называть великаго князя государемъ, а у себя такихъ людей они сами будутъ казнить. Но великому князю, конечно, давно уже хотѣлось быть новгородскимъ государемъ, а потому онъ и не думалъ упустить удобнаго случая привести въ исполненіе завѣтную мысль. Узнавши отъ своихъ пословъ и преданныхъ ему посадниковъ о новгородской смутѣ, Иванъ Васильевичъ представилъ новгородцевъ митрополиту, матери и боярамъ клятвопреступниками: «Я не хотѣлъ у нихъ государства, они сами съ этимъ присылали

423) Лѣтописи различно передаютъ этотъ эпизодъ: однѣ (VI, 18, 33, 205; VIII, 133; Ник. VI, 71 и сл.) говорятъ, что новгородскіе послы называли Ивана Васильевича государемъ безъ вѣдома В. Новгорода по рѣшенію владыки, посадниковъ и бояръ; остальные передаютъ только, что новгородцы, услышавъ рѣчи московскаго посла, спрашивавшаго отъ имени великаго князя, какого государства хочетъ Новгородъ, пограбили заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ посадниковъ и бояръ.

ко мнѣ, говорилъ великій князь, — а теперь заперлися въ томъ и положили на насъ ложь». Посовѣтовавшись съ матерью, братьями и боярами, онъ сталъ готовиться къ походу на Новгородъ. Онъ послалъ просить помощи у тверскаго князя Михаила; въ Псковъ послалъ Григорія Волнина поднимать и псковичей. Прослышавъ объ этомъ, новгородцы отправили къ великому князю одного изъ улчанскихъ старостъ просить объ опасной грамотѣ для пословъ; но этого старосту приказано было задержать въ Торжкѣ. 30-го сентября 1478 г. Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ складную грамоту, а 9-го октября, оставивъ въ Москвѣ сына Ивана, выступилъ въ походъ на новгородцевъ «за ихъ преступленіе казнити ихъ войною». Вмѣстѣ съ великимъ княземъ шелъ братъ его Андрей меньшей; царевичъ Данияръ долженъ былъ идти чрезъ Клинь и Тверь къ Торжку, въ который шелъ и самъ великій князь чрезъ Волокъ, гдѣ обѣдалъ у брата своего Бориса. Сюда явился отъ тверскаго князя боярскій сынъ отдавать кормы по тверской отчинѣ, а на слѣдующую станцію явился князь Андрей Борисовичъ Микулинскій, чрезъ котораго тверскій князь приглашалъ Ивана Васильевича къ себѣ «хлѣба ѣсти». Октября 19-го великій князь прибылъ въ Торжокъ, гдѣ ожидали его новгородскіе посланцы съ челобитьемъ объ опасныхъ грамотахъ; тутъ же два новгородскихъ боярина просили его о принятіи ихъ на службу. 23-го октября Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Торжка, распорядившись, какимъ полкамъ какими путями идти къ Новгороду. Новгородскихъ опасчиковъ онъ приказалъ везти за собой. Къ концу пути стали опять являться новгородцы съ просьбами о принятіи ихъ въ службу: такъ, просился на службу посадникъ Григорій Тучинъ и изъ житѣихъ новгородцевъ Адрианъ Савельевъ. Ноября 8-го, въ Еглинѣ у Спаса, великій князь допустилъ на свои очи опасчиковъ, которые при челобитьѣ объ опасной грамотѣ для владыки назвали его *Государемъ*. Опасъ имъ данъ. Чрезъ два дня послѣ того явился новый опасчикъ отъ владыки и всего Великаго Новгорода и также билъ челомъ объ опасѣ, причемъ и этотъ назвалъ великаго князя *Государемъ*. Иванъ Васильевичъ чрезъ дьяка Далматова отвѣчалъ, что опасъ данъ уже прежнимъ посланцамъ. Не доходя 120 верстъ до Новгорода, на Полинахъ, великій князь урядилъ полки, гдѣ которому быть, и отсюда отпустилъ своихъ воеводъ къ Новгороду съ приказаніемъ занять Городище и монастыри, такъ какъ онъ опасался чтобы новгородцы не пожгли ихъ. 21-го ноября великій князь остановился у Николы въ Тухолѣ и отсюда послалъ во Псковъ къ намѣстнику своему, кн. В. В. Шуйскому, сказать, чтобы онъ съ псковичами выступалъ на Новгородъ и дальнѣйшихъ приказаній ожидалъ по прибытіи на устье Шелони. Ноября 23-го, когда Иванъ Васильевичъ былъ въ Сытинѣ, въ 30 вер-

стахъ отъ Новгорода, явились послы, владыка Теофилъ съ посадниками и жителями. Владыка такъ билъ челомъ: «... мечъ бы свой унялъ еси и огонь утолилъ.... Да что, господине государь, восполѣлся еси на бояръ на новгородскихъ и на Москву свелъ еси ихъ изъ Новгорода первымъ своимъ приѣздомъ, и ты бы, господине государь князь велики, пожаловалъ — смилловался, тѣхъ бы еси бояръ отпустилъ въ свою отчину въ Великій Новгородъ....» Затѣмъ въ томъ же томѣ были челомъ посадники и жители люди, а послѣ нихъ отдѣльно посадникъ Лука Оедоровъ. Великій князь, не отвѣчая на ихъ челобитье, пригласилъ ихъ къ себѣ въ тотъ же день «ѣсти». На слѣдующій день послы были у великокняжескаго брата, Андрея меньшаго, съ дарами и были ему челомъ, чтобы онъ печаловался за нихъ предъ великимъ княземъ; затѣмъ опять были у великаго князя и были ему челомъ, чтобы пожаловалъ, велѣлъ бы поговорить съ своими боярами. На «говоркѣ» каждая категорія новгородскихъ пословъ предъявляла свои желанія, которыя въ совокупности сводятся къ слѣдующему: чтобы государь нелюбье отложилъ, мечъ свой унялъ, взятыхъ имъ новгородскихъ бояръ отпустилъ; чтобы ѣздилъ въ В. Новгородъ (чрезъ три) на четвертый годъ и бралъ по 1000 рублей; чтобы приказалъ производить судъ своему намѣстнику съ посадникомъ въ городѣ, а чего они не смогутъ управить, то государь самъ чинилъ бы управу, когда приѣдетъ на четвертый годъ; чтобы позывовъ на Москву не было, — великокняжескіе намѣстники владычныхъ и посадничьихъ судовъ не судили бы; чтобы «мукобрыне» (?) великаго князя отвѣчали по искамъ новгородцевъ не на Городищѣ, какъ они дѣлаютъ, а въ городѣ передъ намѣстникомъ и посадникомъ, какъ это они дѣлаютъ по своимъ искамъ на новгородцевъ. Последняя просьба высказана жителями людьми. Не отвѣчая пока посламъ, великій князь въ тотъ же день (24-го ноября) повторилъ прежнее приказаніе своимъ воеводамъ — идти къ Новгороду и занять Городище и всѣ близъ города монастыри, — а на слѣдующій день онъ неопредѣленно указалъ посламъ чрезъ бояръ вообще на неисправленіе къ нему новгородское и въ частности на то, что новгородцы, назвавъ его и сына его государями, отреклись потомъ отъ этого и тѣмъ положили ложъ на нихъ, великихъ государей. Въ заключеніе отвѣта кн. Иванъ Юрьевичъ сказалъ отъ имени великаго князя: «Въсхощетъ намъ, великимъ княземъ, своимъ государемъ, отчина наша Великій Новгородъ бити челомъ, и они знаютъ, отчина наша, какъ имъ намъ, великимъ княземъ, бити челомъ».... Послы, испросивъ пристава, отправились въ Новгородъ, а великій князь, не теряя времени, съ братомъ Андреемъ меньшимъ перешелъ по льду Ильменя къ Новгороду и остановился у Троицы на Паозерьѣ, въ трехъ верстахъ отъ города. Сюда подошелъ кн. Василій Михайловичъ верейскій, а

29-го ноября пришелъ и Борисъ Васильевичъ волоцкій. Здѣсь Иванъ Васильевичъ распорядился, гдѣ какимъ полкамъ стоять, а 30-го ноября приказалъ воеводамъ отпустить по половинѣ людей въ окрестности за кормами для коней и за съѣстными припасами, но съ тѣмъ, чтобы къ 11-му декабря всѣ были на своихъ мѣстахъ. Отсюда же великій князь послалъ и къ псковскому намѣстнику съ приказаніемъ, чтобы псковичи немедленно шли къ Новгороду. Новгородцы, хотя у нихъ и не было союзниковъ, рѣшились защищаться: укрѣпили деревянной стѣной самую слабую сторону города по обоимъ берегамъ Волхова, а послѣдній заградилъ судами, клятвенно обязавшись всѣ стоять за-одиночъ. Великій князь видѣлъ, что много будетъ потери въ людяхъ, если брать Новгородъ приступомъ, а потому рѣшился держать городъ въ осадѣ, чтобы голодомъ принудить новгородцевъ къ сдачѣ, а между тѣмъ, чтобы его людямъ не было недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, псковичи, по его приказу, должны были доставлять въ его станъ муку, рыбу и пр., и выслали также купцевъ для продажи московскимъ ратнымъ людямъ разныхъ товаровъ. Въ Новгородѣ, между тѣмъ, не было единодушія въ гражданахъ: меньшинство хотѣло биться съ великимъ княземъ, а большинство желало покориться ему. Вѣроятно, вслѣдствіе этого несогласія 4-го декабря опять явился къ великому князю владыка Оеофилъ съ посадниками и житыми людьми и отъ всего В. Новгорода просилъ, чтобы государь «мечъ бы свой унялъ и огонь утолилъ, а кровь бы крестьянская не лилася....» Посадники и житии просили позволенія говорить съ боярами, но послѣдніе сказали имъ то же самое, что и въ первый разъ. Съ этимъ послы и ушли. Между тѣмъ къ великому князю подошли еще ратные люди: царевичъ Даньяръ и кн. Андрей Васильевичъ большой съ тверскимъ воеводой, кн. Михайломъ Оedorовичемъ Микулинскимъ. Декабря 5-го къ великому князю опять явились прежніе послы и въ присутствіи троихъ братьевъ Ивана Васильевича повинились въ томъ, что они дѣйствительно наказывали Назару да дьяку Захару называть его, великаго князя, государемъ, а потомъ заперлись въ этомъ. Великій князь приказалъ отвѣтить посламъ, что если они сознались въ своей винѣ и спрашиваютъ, какому государству его, великаго князя, быть въ его отчинѣ—Новгородѣ, то быть этому государству такому же, какъ на Москвѣ. Послы просили позволенія возвратиться въ городъ и подумать о полученномъ ими отвѣтѣ. Вскорѣ послѣ того къ Новгороду подошло псковское войско, а Аристотель, по приказу великаго князя, навелъ мостъ чрезъ Волховъ на судахъ. Декабря 7-го, какъ назначено было, послы явились съ рѣчами, въ которыхъ выражали слѣдующія желанія новгородцевъ: а) чтобы великокняжескій намѣстникъ производилъ судъ вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ; б) чтобы

данъ давать съ сохи по полугривнѣ; в) чтобы въ пригородахъ были намѣстники, а судъ былъ бы по старинѣ; г) чтобы великій князь не выводилъ людей изъ Новгородской земли; д) чтобы не вступался въ боярскія земли; е) чтобы не было позывовъ (къ суду) на Москву и, наконецъ, ж) чтобы не бралъ новгородцевъ на службу (военную) въ Низовскую землю, а по повелѣнію государей они будутъ оберегать свои новгородскія границы. Великій князь чрезъ тѣхъ же бояръ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ уже сказалъ, какому его государству быть въ Новгородѣ и новгородцы признали его государемъ, то какъ же они теперь указываютъ ему, какъ ему управлять? какое послѣ того будетъ государство его? Послы отвѣчали, что они не чинятъ урока государству своихъ государей, но что они не знаютъ «низовской пошрины», какъ государи держатъ свое государство въ Низовской землѣ. Великій князь объявилъ чрезъ бояръ, какому государству его быть въ Новгородѣ, а именно: вѣчевому колоколу не быть, посаднику тоже, — а все государство держитъ великій князь; великій князь хочетъ имѣть волости и села, какъ и въ землѣ Московской; древнія великокняжескія земли, неправо присвоенныя новгородцами, отнынѣ будутъ составлять собственность великаго князя. Но и великій князь, въ свою очередь, изъ Новгородской земли людей общаетъ не выводить, въ вотчины боярскія не вступаться и судъ оставить по старинѣ. Шесть дней новгородцы думали объ этомъ государствѣ; наконецъ, 14-го декабря явились къ великому князю послы и просили того, что уже дано было Новгороду; но въ то же время, боясь, что ихъ обмануть, просили, чтобы великій князь цѣловалъ крестъ, въ чемъ имъ было отказано; просили, чтобы цѣловали крестъ бояре или будущій намѣстникъ, и въ этомъ было отказано; просили, наконецъ, объ опасной грамотѣ, но и въ этомъ было отказано. Когда узнали объ этомъ въ Новгородѣ, то многіе опять рѣшились защищать свободу и положить свои головы за св. Софію. Но то была минутная вспышка: благоразуміе взяло верхъ, и всѣ успокоились.... Послы оставались въ московскомъ станѣ до конца декабря, а между тѣмъ новгородскій воевода, кн. Василій Шуйскій-Гребенка, сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, въ которомъ жилъ послѣ того два дня (а новгородцы, боясь великаго князя, не смѣли и слова сказать ему); потомъ онъ перешелъ на службу къ великому князю, который принялъ его съ почетомъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, далъ ему Нижній Новгородъ. Наконецъ, 29-го декабря послы выразили желаніе, чтобы они, если ужъ имъ отказано въ крестоцѣлованіи, «своего государя жалованье отъ устъ его слышали сами безъ высылوکъ» (бояръ). Великій князь лично заявилъ имъ о своемъ жалованьи, и послы, поклонившись, вышли отъ него. Но бояре великаго князя догнали ихъ и передали имъ, что великій князь

требуетъ волостей и селъ, съ чѣмъ можно было бы ему держать свое государство въ Новгородѣ. Послѣ нѣкоторыхъ требованій со стороны князя и обоюдныхъ уступокъ, Иванъ Васильевичъ взялъ десять волостей владычныхъ, половину монастырскихъ и всѣ Новоторжскія, кому ни принадлежали бы онѣ. Что касается дани, то великій князь согласился брать одинъ разъ въ годъ по полугривнѣ съ сохи (= 3 обжамъ, обжа = пашущему на одной лошади) какъ въ новгородскихъ волостяхъ, такъ и на Двинѣ и въ Заволочѣ, на всякомъ, обрабатывающемъ землю. Великій князь удовлетворилъ также просьбу новгородцевъ о томъ, чтобы они сами собирали дань и отдавали, кому онъ прикажетъ, а не писцы и даньщики его, которые обыкновенно очень притѣсняютъ народъ. Затѣмъ великій князь приказалъ очистить для себя Ярославовъ дворъ и привести всѣхъ новгородцевъ къ присягѣ по напередъ составленной и просмотрѣнной новгородцами присяжной записи, причемъ великокняжескіе бояре взяли словесное обѣщаніе съ новгородцевъ — не мстить какъ своимъ собратьямъ, находящимся въ службѣ великаго князя, такъ и помогавшимъ послѣднему псковичамъ; рѣшеніе споровъ съ псковичами о земляхъ возлагалось на намѣстниковъ; пригороды, заволочане и двиняне отнынѣ должны цѣловать крестъ на имя великихъ князей, не упоминая о Новгородѣ. — Января 18-го новгородскіе бояре, дѣти боярскія и житьи люди били челомъ великому князю о принятіи ихъ къ себѣ въ службу, а чрезъ два дня (20-го января) Иванъ Васильевичъ послалъ въ Москву гонца къ матери, митрополиту и сыну Ивану съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Великій Новгородъ «въ всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ». Января 22-го Иванъ Васильевичъ назначилъ намѣстниками въ Новгородъ боярина кн. Ивана Васильевича Стригу и брата его Ярослава, приказавъ имъ «стати на своемъ дворѣ великаго князя Ярославѣ», самъ же пока не хотѣлъ въѣзжать въ Новгородъ, потому что тамъ былъ моръ на людей, и только 29-го января онъ съ троими братьями своими и Василиемъ верейскимъ слушалъ въ храмѣ Софіи литургію, послѣ которой отправился опять на Паозерье и здѣсь, съ тѣми же братьями, владыкой, новгородскими боярами и многими житиими обѣдалъ «да и пилъ съ ними»; тутъ же принималъ и дары отъ владыки. Затѣмъ, 1-го февраля великій князь приказалъ схватить купческаго старосту Марка Панфилева, на слѣдующій день — Марѳу Борецкую съ ея внукомъ Васильемъ Оедоровымъ, отецъ котораго умеръ въ муромской тюрьмѣ, — потомъ — пять человекъ изъ житиыхъ, и приказалъ отправить ихъ въ Москву, а имѣнія ихъ отписать на себя. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ приказалъ кн. Ивану Стригѣ отобрать у новгородцевъ всѣ окончательныя грамоты ихъ съ князьями литовскими и королемъ польскимъ, и крестоцѣловальную гра-

моту ихъ противъ него, великаго князя, и прибавилъ къ прежнимъ намѣстникамъ еще двоихъ: Василья Китая и Ивана Зиновьева. Передъ отъѣздомъ своимъ (17-го февраля) великій князь еще разъ слушалъ литургію у св. Софїи, угощалъ обѣдомъ владыку, бояръ и житыхъ и принималъ дары отъ перваго. Марта 5-го (1478 г.) Иванъ Васильевичъ, по извѣстіямъ литовскихъ лѣтописей, съ 300 воевъ «перелъ, злата и сребра и каменій многоцѣнныхъ», прибылъ въ Москву, а за нимъ привезенъ былъ и вѣчевой колоколъ, этотъ символъ новгородской вольности, «и вознесли его на колокольницу на площади (Успенскій соборъ) съ прочими колоколами звонити»⁴²⁴). Такъ рушилась навсегда вольность Господина Великаго Новгорода!....

Отъ Новгорода теперь намъ придется отвлечься на нѣсколько времени въ противоположную сторону.

Мы видѣли, что войны съ Казанью не имѣли почти никакихъ положительныхъ результатовъ. Только послѣдній походъ 1470 г. былъ удачнѣе предыдущихъ: Ибрагимъ добилъ челомъ великому князю на всей волѣ его. Послѣдующія событія указываютъ, однако, на то, что Ибрагимъ тяготился отношеніями къ великому князю и ждалъ только удобнаго случая къ разрыву съ нимъ. Случай этотъ, хотя и обманувшій казанскаго царя, скоро представился. По нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, еще ранѣе похода Ивана III на Новгородъ и въ началѣ самаго похода Ибрагимъ уже дѣлалъ нападенія на Вятку⁴²⁵). Въ 1478 г., когда великій князь былъ еще въ Новгородѣ, въ Казань пришло ложное извѣстіе, что великій князь Новгорода не взялъ, что новгородцы разбили его войска и что опъ самъ - четвертъ, израненный, бѣжалъ отъ Новгорода. Ибрагимъ хотѣлъ воспользо-ваться этимъ и двинулъ войска свои на Вятку⁴²⁶); но, получивъ вѣрныя извѣстія о паденіи В. Новгорода, приказалъ войскамъ возвратиться домой,

424) С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» 37, пр. 20), признавая, что слово *мукобране* «до сихъ поръ еще удовлетворительно не объяснено», въ-слѣдъ за Карамзинымъ (VI, 73, 77—78, пр. 170) въ русской версіи передаетъ его словами: «великокняжескіе подданные». По вѣдъ и намѣстники были подданными великаго князя!... — Когда Иванъ Васильевичъ стоялъ подъ Новгородомъ, его воеводы воевали Заволочье, ходили за Яму до моря, въ Нѣмецкую землю — за Ругодивъ (Нарву), подъ которымъ разбили нѣмцевъ и много чуди привели въ Москву (П. С. Р. Л. IV, 261; V, 37, 220).

425) См. А. Спицына: «Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ». Вятка, 1883. Здѣсь, между прочимъ, есть указанія на печатный матеріалъ для исторіи Вятки и указаны извѣстные списки «Повѣсти о странѣ Вятской», почему эта брошюрка и цитируется здѣсь.

426) По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Временн. II, 141) Ибрагимъ самъ напалъ на Вятку, хотя и не взялъ ея; въ Никои. (VI, 105) прибавлено, что ему поддались многіе города, а Архангел. лѣт. говоритъ, что Ибрагимъ хотѣлъ идти и на Устюгъ, но разливъ рѣки, какой-то Моломы, задержалъ его.

и тѣ съ такой поспѣшностью пустились въ обратный путь, что побросали даже котлы съ готовившимся въ нихъ кушаньемъ. Великій князь не хотѣлъ оставить этой дерзости безнаказанной и въ томъ же году двинулъ на Казань многочисленную рать подъ начальствомъ воеводъ, Василя Образца (судовая рать) и Бориса Слѣпца (онъ же Тютчевъ). Рать прибыла къ Казани въ маѣ мѣсяцѣ, и воеводы начали готовиться къ приступу, — но сильная буря съ дождемъ заставила ихъ отодвинуться къ Волгѣ. Между тѣмъ вятчане и устюжане пустошили берега Камы и забирали жителей въ полонъ. Ибрагимъ вынужденъ былъ бѣжать челомъ великому князю и заключить съ нимъ миръ на всей волѣ его ⁴²⁷).

Года черезъ два послѣ того, большую тревогу произвело въ Москвѣ извѣстіе о походѣ хана Золотой орды на великаго князя. — Мы видѣли, что послѣ перваго нашествія Ахмата (въ 1472 г.) между Москвой и ордой состоялось нѣчто похожее на заключеніе мира: мы говорили, что въ 1474 г. съ Никифоромъ Басенкомъ приходилъ изъ орды въ Москву Ахматовъ посолъ Каракучукъ, а въ 1476 г. приходилъ другой посолъ, Бочука, съ свитой въ 50 человекъ; съ нимъ было до 550 гостей съ конями и разнымъ товаромъ ⁴²⁸). Съ этимъ посломъ великій князь отправилъ въ орду своего посла, Бестужева, но что ему поручено было, не знаемъ. Все это указываетъ на мирныя отношенія между Москвой и ордой, — но къ 1480 г. эти мирныя отношенія рушились. Какія же были причины этого? По нѣкоторымъ извѣстіямъ, мало, впрочемъ, вѣроятнымъ, ханъ прислалъ въ Москву пословъ съ требованіемъ дани; великій князь, въ отвѣтъ на это требованіе, взялъ *басму* (изображеніе хана въ видѣ куклы, а по другимъ — нѣчто въ родѣ портрета) или, какъ выражается Казанская лѣтопись, «пріемъ Басму лица его и поплевавъ на ню», изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами; затѣмъ приказалъ убить пословъ кромѣ одного, которому наказалъ передать хану, что съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ съ басмою и послами, если будетъ беспокоить его, великаго князя. Едва ли Иванъ Васильевичъ, вообще весьма осторожный, могъ такъ поступить, особенно въ виду того, что Ахматъ еще не такъ былъ слабъ, что самъ великій князь — это сейчасъ увидимъ — по приближеніи хана къ русской границѣ, какъ будто трусилъ и растерялся. Другіе болѣе достовѣрнымъ признаютъ иное извѣстіе, по которому Иванъ Васильевичъ рѣшился порвать узы слишкомъ двухъ-вѣковаго рабства подъ вліяніемъ Софін, указывавшей ему на оскор-

427) П. С. Р. Л. VI, 220—221; VIII, 199; Ник. VI, 106. Тѣ же извѣстія и въ Типограф. лѣт. (Продолженіе Нест., изд. 1784) и въ Р. Временн.

428) Ibid. VIII, 183; Ник. VI, 69—70.

бительную зависимость отъ степныхъ варваровъ⁴²⁹). Но есть еще извѣстія, по которымъ Ахматъ двинулся на Москву по подстрекательству Казимира, и эти извѣстія, намъ кажется, должны считаться несомнѣнными. Не надобно забывать, что борьба Москвы съ Литовско-Польскимъ государствомъ особенно усилилась съ Ивана III, борьба на жизнь и на смерть: дѣло шло о томъ, какому изъ двухъ родственныхъ племенъ господствовать на сѣверо-востокѣ Европы!... Казимпру, какъ и всякому польско-литовскому государю, желательно было ослабить Москву и подчинить ее себѣ; но ему не удалось въ данное время отбить для себя Новгородъ отъ Москвы, и онъ старается поднять хана, чтобы одновременно напасть на Русь съ двухъ сторонъ. Ханъ согласился, и лѣтомъ 1480 г. выступилъ въ походъ. Союзникамъ сулило успѣхъ и то обстоятельство, что великій князь былъ въ то время во враждѣ съ своими братьями, Андреемъ углицкимъ и Борисомъ волоцкимъ⁴³⁰). Заслышавъ о приближеніи Ахмата, Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Серпуховъ сына своего Ивана, брата Андрея меньшаго — въ его удѣлъ Тарусу, а прочихъ князей и воеводъ распредѣлил на разные пункты по берегу Оки, куда, по условію съ Казимиромъ, долженъ былъ идти ханъ. Но узнавши о такихъ распоряженіяхъ московскаго князя, ханъ направился къ литовской границѣ, намѣреваясь вторгнуться въ Московскую землю чрезъ р. Угру. Однако великій князь предупредилъ его: онъ приказалъ сыну и брату поспѣшить къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, и тѣ прежде татаръ заняли перевозы и броды; самъ же великій князь, подчиняясь совѣтамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему бояръ, приказавши сжечь городокъ Каширу, оставилъ войско на берегу Оки и съ кн. Ѳеодоромъ Палецкимъ отправился обратно въ Москву, гдѣ находились «въ осадѣ»: мать его, инокиня Марѳа, кн. Михаилъ Андреевичъ верейскій, кн. Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, московскій намѣстникъ, съ дьякомъ Васильемъ Мамыревымъ, — митрополитъ Геронтій и умный и энергичный владыка ростовскій Вассіанъ. Къ нимъ-то, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и поѣхалъ Иванъ Васильевичъ «на совѣтъ и думу». Изъ приближенныхъ великаго князя одни не совѣтовали ему стоять на границѣ, указывая на примѣръ отца его, попавшагося въ плѣнъ казанскимъ татарамъ въ суздальскомъ бою; совѣтовали, напротивъ, удалиться на сѣверъ, указывая на примѣръ Димитрія Донскаго, уда-

429) Соловьевъ: «Ист. Росс.» V, 106—107; Карамз. VI, 89—90. Конечно, что-нибудь подобное разсказу о *басмѣ* было; но чѣмъ же объяснить такую храбрость и послѣдовавшую затѣмъ трусость великаго князя? Храбрость эта не была ли слѣдствіемъ внушеній Софьи? Во всякомъ случаѣ это проявленіе храбрости и трусости можно объяснить развѣ только психически или даже патологически.

430) Подробности объ этой ссорѣ будутъ изложены нѣсколько ниже.

лившагося, при нашествіи Тамерлана, въ Кострому. На этомъ настаивали его любимцы — бояре, Иванъ Васильевичъ Ощера и Григорій Андреевичъ Мамонъ; другіе же, и преимущественно владыка Вассіанъ, настаивали на томъ, что великій князь долженъ находится при войскѣ. Въ народѣ также слышался явный ропотъ на трусость Ивана Васильевича: такъ, когда великій князь пріѣхалъ (30-го сентября) съ Оки въ Москву на совѣтъ съ блюстителями послѣдней, — отдавъ приказаніе кн. Данилу Холмскому, чтобы онъ, по первому требованію изъ Москвы, ѣхалъ туда съ великокняжескимъ сыномъ Иваномъ Ивановичемъ, — народъ, перебивавшійся въ столицу изъ окрестныхъ посадовъ и селеній въ осадное сидѣнье, явно выражалъ свой ропотъ на то, что великій князь предаетъ его татарамъ, что онъ разгнѣвалъ царя неплатежемъ дани, а теперь выдаетъ ему народъ свой. Вассіанъ прямо назвалъ Ивана «бѣгуномъ». «Дай семо вои въ руку мою, говорилъ владыка, коли азъ, старый, утую лице противъ татаръ!» Поэтому, замѣчаетъ лѣтописецъ, великій князь жилъ не въ городѣ (Москвѣ), а въ Красномъ сельцѣ, «бояся гражданъ мысли злые — поиманія». Иванъ Васильевичъ послалъ къ сыну приказъ, чтобы онъ немедленно явился въ Москву, — но тотъ не хотѣлъ отъѣхать отъ войска.

Когда великій князь приказалъ Данилу Холмскому силой взять молодого князя и доставить въ Москву, — тотъ не рѣшился употребить насилія: онъ хотѣлъ подѣйствовать увѣщаніями. «Лучше здѣсь мнѣ умереть, чѣмъ ѣхать къ отцу», отвѣчалъ княжичъ на эти увѣщанія. Онъ, дѣйствительно, не лишнимъ былъ при войскѣ: такъ, вскорѣ ему удалось отбить татаръ отъ переправы черезъ Угру. — При томъ настроеніи массы и приближенныхъ къ великому князю лицъ, въ какомъ мы видѣли ихъ сейчасъ, Ивану Васильевичу неудобно было бездѣйствовать и скрываться въ Красномъ сельцѣ, а потому, готовясь отправиться къ войску, послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Красномъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно защиты нѣкоторыхъ городовъ: приказалъ Поліевкту Бутурлину и Ивану Кикѣ перевести въ осаду: Дмитровцевъ — въ Переяславль, а московскіе отряды («московскихъ строевъ») — въ Дмитровъ. Тогда же охранители Москвы успѣли убѣдить Ивана Васильевича примириться съ братьями, чему, видимо, онъ и самъ былъ радъ. 3-го октября, принявъ благословеніе отъ митрополита, великій князь поѣхалъ къ войску, но съ небольшимъ отрядомъ остановился далеко отъ главнаго мѣста дѣйствія, въ Кременцѣ (на р. Лужѣ, въ 30 верстахъ отъ Медыни), а остальное войско отпустилъ на Угру... Между тѣмъ какъ сынъ и младшій братъ великаго князя, а также воеводы, успѣшно отбивали татаръ отъ берега рѣки, самъ Иванъ Васильевичъ не могъ дѣйствовать энергично, такъ какъ находился подъ вліяніемъ прибли-

женныхъ къ нему бояръ, «слушающи злыхъ человекъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей хрестьянскихъ, а норовниковъ бесерменскихъ». Подъ вліяніемъ этихъ предателей онъ попытался вступить въ переговоры съ ханомъ: отправилъ къ нему боярина Товаркова съ дарами и челобитьемъ, «прося жалованья, чтобы отступилъ прочь, а улусу бы своего не велѣлъ воевати». Ханъ даровъ не принялъ, сказавъ, что онъ пришелъ наказать своего улусника за то, что тотъ не ѣздитъ въ орду и уже девять лѣтъ не платитъ дани; къ этому царь прибавилъ, что если Иванъ самъ пріѣдетъ къ нему, то ему оказана будетъ милость. Но Иванъ Васильевичъ, опасаясь коварства, не поѣхалъ къ Ахмату. Тогда послѣдній требовалъ къ себѣ сына или брата, наконецъ — Никифора Басенка, бывшаго разъ въ ордѣ и понравившагося татарамъ за то, что онъ много давалъ даровъ. Ни того, ни другаго великій князь не исполнилъ. Между тѣмъ въ Москву дошли слухи о совѣтахъ «злыхъ бояръ» и сношеніяхъ великаго князя съ Ахматомъ. Тогда митрополитъ и троицкій игумень Паисій посылаютъ великому князю грамоты, въ которыхъ убѣждаютъ его постоять за христіанство; но особенно краснорѣчивое посланіе отправилъ къ нему владыка Вассіанъ. Эти посланія возымѣли свою силу: великій князь рѣшился постоять за христіанство. Ахмату, котораго московскіе полки успѣшно отбивали отъ берега, оставалось только дѣлать угрозы: «Дасть Богъ зиму на васъ, говорилъ онъ, и рѣки всѣ станутъ, ино много дорогъ будетъ на Русь». Между тѣмъ въ Кременецъ пришли изъ Великихъ Лукъ братья великаго князя, который принялъ ихъ съ любовію и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, «во всю волю ихъ дался», т. е., надобно полагать, согласился на всѣ, предложенныя ими, условія примиренія. Силы великаго князя, такимъ образомъ, увеличивались (есть извѣстіе, что на Угрѣ были и тверскіе полки), но онъ дѣйствовалъ по-прежнему нерѣшительно и какъ будто боялся угрозъ хана. 29-го октября, когда Угра уже стала, онъ приказалъ сыну, брату Андрею меньшому и воеводамъ отступить къ Кременцу, откуда намѣревался отступить еще далѣе, къ Боровску, и тамъ дать битву татарамъ. Это распоряженіе привело въ ужасъ ратныхъ людей, и они, полагая, что татары перебрались черезъ Угру, въ безпорядкѣ бѣжали къ Кременцу. Кажется, въ это время великій князь распорядился, чтобы жена его съ казной отправилась на Бѣлоозеро, а потомъ, если Москва будетъ взята, далѣе — «къ морю-океану». Между тѣмъ Ахматъ, видя, что берегъ опустѣлъ, предположилъ, что непріятель готовитъ ему засаду, уступая берегъ и тѣмъ вызывая его на битву, и бѣжалъ самъ отъ Угры 11-го ноября. По пути отступленія (чрезъ Серенскъ, Мценскъ и пр.) онъ пустошилъ волости своего союзника, Казимира. Одинъ изъ сыновей Ахмата, Амуртоза, при

отступленіи забрался—было въ московскія волости. Великій князь послалъ на него всѣхъ троихъ братьевъ своихъ. Амуртоза, поймавъ одного русскаго, посредствомъ пытки хотѣлъ узнать отъ него что-то о великомъ князѣ. Когда тотъ сказалъ, что великій князь очень близко, Амуртоза немедленно бѣжалъ. . . Нѣкоторые лѣтописи правдоподобнѣе передаютъ причину отступленія Ахмата отъ наступившей сильной стужи, между тѣмъ какъ «бяху татарове наги и босы, ободралися». Кромѣ того, отъ хана не укрылось, вѣроятно, и то, что силы великаго князя, по примиреніи съ братьями, увеличились, между тѣмъ какъ Казимиръ не являлся къ нему. . . Ахматъ, распустивши улановъ, самъ съ награбленной въ Литвѣ добычей ушелъ кочевать къ устьямъ Дона. Ханъ Шибанской или Тюменской орды (откуда произошли потомъ князья Тюменскіе), прельщенный этой добычей, погнался за Ахматомъ, напалъ на него соннаго и собственноручно убилъ его (это было уже въ **1481 г.** въ началѣ января), о чемъ извѣстилъ великаго князя московскаго. Иванъ Васильевичъ, убѣдившись, что Ахматъ удалился въ свои улусы, возвратился въ Москву, «и возрадовашася и возвеселишася вси люди». . . Но почему же къ Ахмату не явился на помощь Казимиръ?—Еще лѣтъ за восемь до нашествія Ахмата великій князь завелъ сношенія съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, чтобы пользоваться Крымской ордой въ борьбѣ съ Золотой ордой и Казимиромъ; и тотъ и другой часто пересылались посольствами: между ними завязалось нѣчто въ родѣ дружбы. Предъ нашествіемъ Ахмата между ними заключенъ былъ договоръ, по которому великій князь обязался за одно дѣйствовать съ нимъ противъ Ахмата, разъ выгонявшаго Менгли-Гирея изъ Крыма, а крымскій ханъ долженъ былъ за одно дѣйствовать съ великимъ княземъ противъ Казимира. По этому договору Менгли-Гирей, при нашествіи Ахмата, напалъ на Подолію и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ его союзника. Не можемъ не привести здѣсь еще одного извѣстія, довольно правдоподобно указывающаго на причину удаленія Ахмата отъ Угры. Въ рукахъ Ивана Васильевича были два соперника Менгли-Гиреевыхъ, два брата его, Нордоулатъ и Айдаръ, бывшіе прежде въ Литвѣ, о которыхъ великій князь говорилъ своему другу, что держатъ ихъ у себя для того, чтобы не дать имъ способовъ вредить ему; на самомъ же дѣлѣ Иванъ Васильевичъ могъ пользоваться ими, какъ орудіемъ противъ Менгли-Гирея, если бы это понадобилось. Одно изъ этихъ братьевъ, Нордоулата, и звенигородскаго воеводу, кн. Василя Ноздроватаго, великій князь послалъ съ небольшимъ отрядомъ по Волгѣ на орду, гдѣ, какъ онъ узналъ, оставались только ханскія жены, дѣти и старики. Царевичъ и кн. Ноздроватый счастливо добрались до орды, взяли Батыевъ Юртъ, награбили много добычи и съ большимъ полономъ пошли назадъ; они могли бы

въ конецъ разорить орду, но Обуязъ, уланъ Нордоулата, сталъ представлять послѣднему, что орда — ихъ общая мать, что губить ее въ конецъ не слѣдуетъ, что она уже довольно наказана ими ⁴³¹). Такъ пало болѣе чѣмъ двухъ-вѣковое иго монгольское, пало въ силу такого, а не пнаго сцѣпленія обстоятельствъ, пало, можно сказать, роковымъ образомъ!..

Выше мы сказали, что новгородская вольность окончательно пала. Но могли ли новгородцы вдругъ порвать всякую связь съ прошлымъ, съ прежними своими убѣжденіями и легко помириться съ новымъ порядкомъ вещей, съ новымъ положеніемъ? Только съ нарастаніемъ новыхъ поколѣній могло наступить спокойное отношеніе къ такому положенію, въ которое они поставлены были силою обстоятельствъ. Символь ихъ вольности, вѣчевой колоколь звонилъ уже въ Москвѣ съ прочими московскими колоколами и, конечно, собиралъ народъ, но не на вѣче. Однако память о вольности жила въ сердцахъ новгородцевъ и безъ этого звона. Новгородцы опять начинаютъ сноситься съ Казимиромъ, мечтая о возвратѣ утраченной вольности. Казимиръ, съ своей стороны, сильно желалъ если не уничтожить, то обезсилить Москву, и вотъ, онъ изыскиваетъ для того средства, прибѣгая за помощью къ хану и папѣ. Какъ видно, новгородцы надѣялись на успѣхъ, потому что возстановили прежнія формы правленія. Иванъ Васильевичъ тайно узналъ отъ своихъ приверженцевъ о сношеніяхъ новгородцевъ не только съ Казимиромъ, но и съ нѣмцами. Въ 1480 г. октября 26-го, еще до нашествія Ахмата, великій князь, предупреждая противъ себя коалицію, отправился въ Новгородъ «миромъ», взявши съ собой только тысячу чело-вѣкъ, — а между тѣмъ сыну своему онъ приказалъ собирать войска и поспѣшно идти за собой. Хотя для собиранія войскъ могъ быть выставленъ и резонный предлогъ, такъ какъ нѣмцы одолѣвали тогда Псковъ, — тѣмъ не менѣе по пути къ Новгороду всюду разставлены были заставы, чтобы до Новгорода не дошла вѣсть о формированіи большой рати. Но новгородцы прослышали объ этомъ, укрѣпили городъ и рѣшились не пускать къ себѣ великаго князя, который узналъ объ этомъ, будучи уже въ Бронницахъ. Здѣсь Иванъ Васильевичъ дождался полковъ своихъ и въ самомъ началѣ

431) П. С. Р. Л. IV, 153—154; V, 231—232; VI, 20—21, 223—235; VIII, 205—213; Ник. VI, 110 и сл.; Архангел. 187; Казанск. лѣт.; Карамз. V, 98 и прим.; С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» V, 110) какъ будто допускаетъ, что великій князь не исполнилъ требованій хана, во время переговоровъ съ нимъ Товаркова, вслѣдствіе посланія къ нему Вассіана; но посланіе Вассіана, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописей (VI, 226; VIII, 208), состоялось именно вслѣдствіе сношеній великаго князя съ ханомъ. По извѣстіямъ Тверской лѣт. (стр. 498), на Угрѣ были и тверскіе полки подъ начальствомъ воеводъ, кн. Михаила Димитріевича Холмскаго (братъ извѣстнаго Даниила) и кн. Осипа Андреевича Дорогобужскаго. Странно, что всѣ другія лѣтописи молчатъ объ этомъ.

декабря подступилъ съ ними къ Новгороду, гдѣ было много приверженцевъ его, которые и начали перебѣгать къ нему. Вскорѣ новгородскій владыка прислалъ къ великому князю за опасной грамотой, — но послѣдній сказалъ, что онъ самъ опасъ для невинныхъ, и требовалъ, чтобы ему отворили ворота, — но послѣднія отворены были только послѣ продолжительной пальбы изъ орудій по городу; на встрѣчу великому князю вышли: владыка, посадникъ, тысяцкій, старосты пяти концовъ, бояре и множество народа; всѣ пали ницъ и просили прощенія. «Дая миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!» сказалъ великій князь и, по обычаю, пошелъ въ храмъ св. Софій. Въ этотъ день было схвачено и пытано 50 человекъ главныхъ виновниковъ. Тогда же великій князь узналъ и объ участіи владыки въ новгородской смутѣ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ новгородцами. 19-го января владыка былъ взятъ и 24-го того же мѣсяца отправленъ въ Москву и помѣщенъ въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ чрезъ шесть лѣтъ умеръ; казна его отписана была на великаго князя. Затѣмъ 100 главныхъ заговорщиковъ преданы были смертной казни и 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ отправлены въ Московскую землю и расселены по разнымъ городамъ ⁴³²). Узнавши о прибытіи Ивана Васильевича въ Новгородъ, псковскій намѣстникъ, кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, и пять посадниковъ съ боярами отъ концовъ, отправились къ великому князю съ подаркомъ въ 65 рублей; декабря 25-го эти послы возвратились въ Псковъ, а 30-го прибыли туда послы великаго князя. Въ то же время нѣмцы изгономъ напали на Вышгородъ, многихъ изъ жителей убили и многихъ повели въ полонъ, а городъ зажгли. Это было въ самомъ началѣ января, а въ концѣ того же мѣсяца нѣмцы напали на Гдовъ и пожгли вокругъ него всѣ волости и посады, но города не взяли. Псковичи отправили въ Новгородъ гонца къ великому князю съ просьбой о помощи противъ нѣмцевъ. Иванъ Васильевичъ послалъ къ нимъ воеводу кн. Андрея Никитича Ногтева-Оболенскаго со многими силами, который съ успѣхомъ выходилъ на нѣмцевъ, но скорѣ послѣ похода изъ-за чего-то разгнѣвался на псковичей и, только раздраживъ нѣмцевъ, со всѣми полками ушелъ въ Москву, не смотря на усердныя просьбы псковичей остаться у нихъ. По его отѣздѣ нѣмцы смѣлѣе стали нападать и пустошить Псковскую землю; опять нападали на Изборскъ и близко подходили къ самому Пскову. Между тѣмъ Ноготь-Оболенскій прибылъ въ Москву съ побѣдными трофеями: онъ привезъ съ собой много добра «и головами чюди и чюдакъ и робятъ много множество безъ числа».

432) Ibid. III, 143, 183, 243; IV, 133—134, 152, 262—263; V, 38; VI, 19, 34, 221 (подъ 1479 г.); VIII, 203—204; Ник. VI, 109; Соловьевъ: «Ист. Р.» V, 44.

Великій князь, будучи еще въ Новгородѣ, получилъ извѣстіе отъ сына, что братья его, Борисъ волоцкій и Андрей углицкій, замышляютъ отступить отъ него. Братья еще давно были въ обидѣ на великаго князя за то, что по смерти бездѣтнаго Юрія Васильевича онъ взялъ удѣлъ его себѣ, ничего не давъ изъ него имъ. Еще тогда, т. е. въ 1474 г., могла возгорѣться вражда между братьями, если бы не вступилась въ дѣло мать, которая примирила сыновей. Тогда Иванъ Васильевичъ Борису далъ Вышгородъ, Андрею меньшому — Тарусу, а Андрею углицкому мать дала свой городокъ Романовъ ⁴³³). Въ настоящее же время поводомъ къ ссорѣ послужило то обстоятельство, что великій князь, въ противность договорамъ, требовалъ отъ Бориса выдачи кн. Оболенскаго-Лыка, который, будучи лишень на-мѣстничества въ Великихъ Лукахъ за лихоимство, перешелъ отъ великаго князя къ Борису волоцкому ⁴³⁴). При нашествіи Ахмата, какъ уже было замѣчено выше, братья примирились, и Андрей углицкій получилъ значительную часть удѣла, принадлежавшаго Юрію Васильевичу, именно Можайскъ, а Борису даны были села, принадлежавшія Василью Ярославичу серпуховскому ⁴³⁵). Вскорѣ по уходѣ Ахмата великій князь заключилъ съ братьями договоры, о которыхъ подробно мы говорили въ своемъ мѣстѣ ⁴³⁶).

Юля 10-го 1481 г. умеръ бездѣтный Андрей меньшей Васильевичъ. Кажется, этотъ князь, бывшій во время ссоры старшихъ братьевъ на сторонѣ великаго князя, видѣлъ, что какъ бы онъ ни распорядился своимъ удѣломъ, во всякомъ случаѣ послѣдній долженъ будетъ перейти къ великому князю, а потому, для предупрежденія недоразумѣній и ссоръ между братьями, завѣщалъ свой удѣлъ старшему брату, тѣмъ болѣе, что въ разное время по разнымъ обстоятельствамъ и особенно по платежамъ ордынскаго выхода онъ задолжалъ Ивану Васильевичу, если вѣрно извѣстіе лѣтописей, 30,000 рублей—сумма громадная для того времени. Такимъ образомъ, къ великому князю переходили: Вологда, Кубена, Заозерье и пр.; дѣтямъ его отказаны были разныя драгоценныя вещи, а Василию Ивано-

433) Ibid. IV, 262—263; V, 38; VI, 19, 34—35; VIII, 203—204. О прежней ссорѣ по поводу удѣла Юрьева см. VIII, 180.

434) Подробности см. подъ Борисомъ волоцкимъ и Андреемъ углицкимъ. — П. С. Р. Л. IV, 134, 152—153, 265; V, 39; VI, 19—20, 222 (подъ 1479 г.); VIII, 204; Ник. VI, 109—110; Акты, отн. къ ист. Зап. Росс. I, № 71. Карамз. (VI, 91), говоря объ этихъ событіяхъ, почему-то называетъ Андрея не углицкимъ, а суздальскимъ.

435) П. С. Р. Л. IV, 134, 154, 265; V, 40; VI, 21, 223 (подъ 1479 г.), 231—232; VIII, 205; Ник. VI, 112; Архангелог. 186—187.

436) С. г. г. и д. I, №№ 96, 97, 99, 106 и 110. Подробности см. подъ Борисомъ и Андреемъ Васильевичами.

вичу (будущему великому князю), кромѣ того, еще село Тонинское. Что же касается братьевъ, Андрея углицкаго и Бориса волоцкаго, то первому онъ далъ село Раменейце, а второму—Ясеновское близъ Москвы⁴³⁷⁾.

Опасность со стороны московскаго князя грозила не только удѣльнымъ князьямъ Московской земли, бывшимъ въ полномъ подчиненіи Москвѣ, но и самостоятельнымъ великимъ княжествамъ, каковы Рязанское и Тверское. Рязанское княжество было въ такомъ положеніи, что представляло изъ себя, такъ сказать, только тѣнь самостоятельнаго княжества⁴³⁸⁾, — но Иванъ Васильевичъ, по извѣстнымъ уже намъ отношеніямъ Москвы къ Рязани, не хотѣлъ трогать послѣдней, какъ бы предоставляя присоединеніе ея къ Москвѣ своему преемнику. Тверь была почти въ такомъ же положеніи. Хотя родственныя отношенія московскаго князя съ тверскимъ были и очень близки, тѣмъ не менѣе они не могли взять перевѣса надъ государственными соображеніями, надъ идеей объединенія Руси.

Еще въ годъ вступленія своего на престолъ Иванъ Васильевичъ заключилъ договоръ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ; договоръ этотъ, можно сказать, ничѣмъ не отличается отъ прежнихъ подобныхъ договоровъ между Москвой и Тверью: оба князя за себя и за своихъ преемниковъ взаимно обязываются не принимать отъ татаръ: московскій — «домъ св. Спаса, отчину князей тверскихъ, Тверь и Кашиню», тверскій — «отчину великаго князя московскаго, Москву и В. Новгородъ»; кромѣ того, тверскій князь обязывается не сноситься съ дѣтьми Шемяки, съ можайскимъ и боровскимъ князьями, бѣжавшими въ Литву, и ни съ которымъ великокняжескимъ братомъ, который «загрубитъ» великому князю; оба договаривающіеся обязываются также быть за-одинъ на татаръ, ляховъ, Литву и нѣмцевъ и, вообще, на всякаго общаго недруга, — не вступаться въ отчины тѣхъ князей, которые будутъ отъѣзжать отъ одного къ другому⁴³⁹⁾. Изъ Москвы княжескихъ отъѣздовъ не было, — но изъ Твери въ Москву были: такъ, въ 1476 г. въ Москву переѣхало много бояръ и дѣтей боярскихъ; потомъ въ 1485 г., когда уже готовъ былъ обнаружиться между Москвой и Тверью полный разладъ, къ великому князю московскому пріѣхали на службу: Андрей микулинскій, получившій Дмитровъ, и Осипъ дорогубужскій, которому данъ былъ Ярославль. Въ то же время много тверскихъ бояръ отъѣхало на московскую службу, «не терпяще обиды отъ него,

437) Ibid. № 112; П. С. Р. Л. IV, 154; V, 261; V, 21, 35, 232; VIII, 213; Ник. VI, 115. По однимъ лѣтописямъ Андрей Васильевичъ скончался 5-го, по другимъ — 10-го іюля, по третьимъ — просто весной.

438) См. начало княженія Ивана III.

439) С. г. г. и д. I, № 88—89.

великаго князя (Ивана III), о земляхъ»; соприкасавшихся съ московскими: при порубежныхъ спорахъ великій князь московскій всегда старался оправдать своихъ бояръ и обвинить, хотя бы и въ ущербъ справедливости, тверскихъ. Конечно, тверскіе бояре переходили къ московскому князю въ полной надеждѣ, что онъ будетъ блюсти ихъ земельные интересы, какъ блюлъ до сихъ поръ таковыя же интересы природныхъ московскихъ бояръ ⁴⁴⁰).

Послѣ только что упомянутаго договора (1462 г.) никакихъ непріязненныхъ столкновеній между Москвой и Тверью не было. Но вотъ, Новгородъ окончательно присоединенъ къ Москвѣ, и Тверь, такимъ образомъ, оказалась окруженною съ трехъ сторонъ владѣніями московскаго князя. Тверскій князь могъ, конечно, видѣть, къ чему стремится Иванъ Васильевичъ, могъ предвидѣть, что рано или поздно покушеніе со стороны Москвы будетъ и на Тверь. Ему необходимо было заручиться сильнымъ союзникомъ, а таковымъ могъ быть одинъ только великій князь литовскій и король польскій Казимиръ. Къ нему-то, въ 1483 г., и обратился тверскій князь и заключилъ съ нимъ договоръ, «поднимая, по словамъ лѣтописи, его (Казимира) войною на Ивана Васильевича», чѣмъ нарушалъ договоръ съ послѣднимъ. Чтобы этотъ договоръ тѣснѣе соединилъ договаривающихся, тверскій князь сватался къ внучкѣ Казимира ⁴⁴¹). Въ Москвѣ узнали объ этихъ сношеніяхъ, и Иванъ Васильевичъ сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Михаилу Борисовичу «за его неисправленіе». Въ 1485 г. московская порубежная рать, по приказу великаго князя, начала пустошить Тверскую землю. Изъ Литвы не приходила помощь, а одинъ тверскій князь не могъ бороться съ Москвой и потому послалъ къ Ивану Васильевичу епископа съ боярами «и доби ему челомъ на всей воли его». По заключенному послѣ того договору, тверскій князь считается по отношенію къ великому князю московскому и его старшему сыну младшимъ братомъ и приравнивается къ удѣльному князю Андрею Васильевичу, обязывается безъ думы и вѣдома великаго князя московскаго не ссылаться и не заключать договоровъ ни съ Казимиромъ и его дѣтьми, ни съ какимъ бы то ни было лицомъ, которое будетъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, а также не принимать къ себѣ и не сноситься съ дѣтьми князей: можайскаго, галицкаго и боровскаго; если литовскій князь пришлетъ къ нему съ чѣмъ-нибудь, то онъ обязанъ дать знать о томъ въ Москву; наконецъ, въ случаѣ, если

440) П. С. Р. Л. VI, 237; Ник. VI, 69.

441) Ак. Зап. Росс. I, 79. Нарбутъ (VIII, 234) говоритъ, будто бы тверскій князь ѣздилъ въ Краковъ для личныхъ переговоровъ съ Казимиромъ и ссылается, между прочимъ, на «Сборникъ» Муханова № 35 (по ошибкѣ, вм. № 33), но этотъ документъ относится къ 1486 г. и находится также въ Ак. Зап. Р. подъ № 89.

тверскому князю надобно будетъ отправлять въ орду пословъ, то онъ долженъ это дѣлать по думѣ съ ними, великими князьями московскими. Михаилъ Борисовичъ торжественно передъ посломъ московскимъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Казимиру. Михаилу приходилось или покориться неизбежной участи — ждать, когда неминуемо Тверь поглощена будетъ Москвой, или сдѣлать еще попытку — опереться на Литву. Въ такомъ положеніи Михаилъ Борисовичъ началъ опять ссылаться съ великимъ княземъ литовскимъ. Но изъ Москвы зорко слѣдили за дѣйствіями тверскаго князя: тверскій гонецъ съ грамотой къ Казимиру схваченъ былъ москвичами. Иванъ Васильевичъ укорялъ тверскаго князя въ измѣнѣ, «велими поношая ему», какъ говорятъ лѣтопись. Перепуганный Михаилъ отправилъ въ Москву владыку Вассіана бить челомъ великому князю, но послѣдній не принялъ челобитья; другое посольство, во главѣ съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Холмскимъ, также не было принято великимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ, приказавъ новгородскому намѣстнику идти со всѣми силами къ Твери, и самъ выступилъ въ походъ 21-го августа **1485 г.**: къ Твери онъ подошелъ 8-го сентября; 11-го сентября ночью Михаилъ бѣжалъ изъ города, а 12-го владыка Вассіанъ, князя, бояре и земскіе люди пріѣхали въ станъ великаго князя съ покорной головой. Сентября 15-го Иванъ Васильевичъ вѣхалъ въ Тверь и слушалъ обѣдню у св. Спаса. Многихъ князей и бояръ великій князь свелъ въ Москву «и у себя пожаловалъ, въ боярѣхъ учинилъ» и вотчины ихъ утвердилъ за ними своими грамотами, такъ что положеніе ихъ, какъ вотчинниковъ, становилось теперь болѣе прочнымъ. Тверь онъ отдалъ сыну своему Ивану, назначивъ намѣстникомъ въ нее боярина Василя Ѳеодоровича Образца-Добрынскаго⁴⁴²). Впослѣдствіи (въ **1492 г.**) тверскія земли переписаны были «по-московскы въ сохи»⁴⁴³).

Но возвратимся нѣсколько назадъ, къ Пскову и Новгороду.

Мы видѣли, что въ **1480 г.**, когда Иванъ Васильевичъ былъ въ Новгородѣ, псковичи просили у него помощи противъ одолѣвавшихъ ихъ нѣмцевъ. Къ нимъ посланъ былъ тогда кн. Андрей Никитичъ Ногтевъ-Оболенскій, съ которымъ псковичи углублялись внутрь Ливоніи, сожгли на рѣкѣ Эмбахѣ г. Костеръ, въ которомъ взяли нѣсколько пушекъ; подступали къ Дерпту, осаждали его и возвратились домой съ богатою добычей. Но князь Оболенскій, по какому-то неудовольствію на псковичей, вскорѣ уѣхалъ въ

442) П. С. Р. Л. III, 143, 184; IV, 134—135, 155—156, 267; V, 43—45; VI, 22, 36, 236—237; VIII, 216; XV, 499 и сл.; Ник. VI, 120; С. г. г. и д. I, № 119—120.

443) Ibid. VIII, 223.

Москву съ своими полками, вслѣдствіе чего нѣмцы ободрились и начали дѣйствовать наступательно, а, между тѣмъ, псковскій намѣстникъ, Василій Шуйскій, не предпринималъ противъ нихъ ничего и только пьянствовалъ и грабилъ гражданъ. Августа 20-го нѣмцы подступили къ Пскову. Хотя войско ихъ состояло большею частью изъ неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ крестьянъ, — но громадность его привела псковичей въ ужасъ: многіе бѣжали, хотѣлъ бѣжать и кн. Шуйскій, но граждане удержали его; вели переговоры съ магистромъ о мирѣ, но напрасно; наконецъ, для ободренія себя, они обнесли вокругъ городскихъ стѣнъ одежду патрона своего, св. Довмонта, и дѣйствительно ободрились. Между тѣмъ нѣмцы на судахъ, вооруженныхъ пушками, подплыли къ берегу и пальбой хотѣли зажечь городъ: тогда псковичи дружно ударили на нихъ, смяли ихъ въ рѣку, въ которой многіе изъ нѣмцевъ потонули, а остальные ночью ушли отъ города. Псковичи ожидали новаго нападенія, а потому обратились за помощью не къ великому князю, который тогда готовился къ отпору Ахмата, а къ братьямъ его, бывшимъ съ нимъ въ ссорѣ и вышедшимъ изъ своихъ удѣловъ въ Новгородскую землю. Великій князь, счастливо отдѣлавшись отъ хапа, узналъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ ордена, и потому приказалъ своимъ новгородскимъ намѣстникамъ со всѣми новгородскими силами прибыть въ Псковъ къ 6-му января, а изъ Москвы послать туда воеводъ, кн. Ярослава Васильевича Оболенскаго и кн. Ивана Булгака, которые прибыли въ Псковъ 11-го февраля. Соединенныя силы тремя путями пошли въ Нѣмецкую землю, взяли города Тарвасть и Вельядъ (Феллинъ?), вообще поплѣнили и пожгли нѣмецкую землю отъ Юрьева (Дерптъ) до Риги, а «Лотыголу и чухновъ.... овыхъ изсѣкоша, овыхъ пожгоша»; многіе изъ послѣднихъ бѣжали въ лѣса, но тамъ перемерзли, потому что зима въ этотъ годъ (1481 г.) была чрезвычайно сурова, а «снѣгъ челоуѣку въ пазуху». Успѣхомъ своимъ русскіе обязаны отчасти и безопасности божіихъ дворянъ, какъ лѣтописи называютъ рыцарей: не ожидая нападенія, «безъ страха и безъ боязни поганіи живяху, пива мнози варяху», замѣчаетъ лѣтописецъ. Въ 1482 г. въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы съ челобитьемъ къ намѣстникамъ великаго князя и псковскимъ посадникамъ; здѣсь заключенъ былъ миръ на десять лѣтъ и договоръ скрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ. Въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, послы магистра просили у псковскаго князя Ярослава Васильевича и посадниковъ «пути къ Москвѣ», куда и ѣздили, но «не вѣмы, чего дѣля», говоритъ одна лѣтопись; кажется, однако, и тутъ дѣло шло о мирѣ; по крайней мѣрѣ, въ 1483 г. великій князь посылалъ новгородскихъ бояръ подъ Ругодивъ (Нарва), гдѣ заключенъ былъ миръ съ нѣмцами на 20 лѣтъ. Есть еще извѣстіе, что послы великаго князя ѣздили къ ливонскому ма-

гистру въ Кесъ (Венденъ), — но, говоритъ лѣтопись, «не вѣмы о чемъ» ⁴⁴⁴). Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, прибывшій въ Псковъ въ качествѣ воеводы, кажется, тогда же остался въ немъ и намѣстникомъ; но положительныхъ извѣстій нѣтъ о томъ, когда именно онъ замѣнилъ собой Василя Шуйскаго, даннаго псковичамъ въ намѣстники въ то время, когда Иванъ Васильевичъ собирался окончательно свести счеты съ Новгородомъ. Псковичи жаловались на Шуйскаго, какъ человѣка грубаго и нетрезваго, который много чинилъ грубостей всей Псковской землѣ. Однако и при Ярославѣ не было спокойнѣе: въ **1483 г.** псковичи вдругъ возмутились, разрушили дворы у шести посадниковъ и др. лицъ, а въ **1484 г.** смерды отказались исполнять обычныя работы для города; тропхъ изъ смердовъ посадили въ тюрьму. Причиной этихъ волненій были самовольныя дѣйствія Ярослава и посадниковъ: такъ, безъ вѣдома псковичей они написали и положили въ ларь новую грамоту; тогда псковичи написали «мертвую грамоту» на посадниковъ, т. е. объявили ихъ подлежащими смертной казни; одного изъ посадниковъ, дѣйствительно, убили на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ. Само собою разумѣется, что въ Москвѣ это не могло понравиться, и вотъ, когда въ концѣ **1484 г.** прибыли изъ Пскова послы къ великому князю о томъ, чтобъ онъ держалъ отчину свою по старинѣ, Иванъ Васильевичъ съ гнѣвомъ приказалъ: смердовъ освободить, посадниковъ откликать и имѣние ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія. Только въ такомъ случаѣ великій князь обѣщалъ принять ихъ челобитье. Когда послы на вѣчѣ объявили отвѣтъ государя, черные люди не повѣрили; отправили другихъ пословъ, которые возвратились съ такимъ же отвѣтомъ, — но и этимъ посламъ не повѣрили, подозрѣвая, что они такъ дѣйствуютъ по наущенію посадниковъ, собѣжавшихъ въ Москву. Въ Москвѣ, дѣйствительно, проживали три псковскихъ посадника, которыхъ великій князь отпустилъ съ послѣднимъ посольствомъ (**1486 г.**), строго наказавъ псковичамъ, чтобъ они не смѣли «надѣлыми шкоты (вреда) никоея же учинити». Въ Псковѣ поднялось волненіе: посадники, бояре и жители хотѣли исполнить волю государя, а черные люди противились. Считая себя правыми и потому не боясь прогнѣвить великаго князя, эти послѣдніе отправили въ Москву двухъ гонцевъ изъ молодыхъ

444) Ibid. IV, 265—266; V, 41; VI, 22, 35—36, 234; VIII, 214—125; Ник. 17, 115—116, 118; Карамз. V, пр. 255 и текстъ къ нему. — Думаемъ, что подъ Вельядомъ здѣсь надобно разумѣть Феллинъ: если войска пустошили Ливонію отъ Юрьева до Риги, то на этомъ пути кромѣ Тарваста и есть только Феллинъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ. Щекатовъ («Словарь геогр.» VI, 677) говоритъ, — конечно, не указывая на источникъ, изъ котораго заимствовалъ это свѣдѣніе, — что Феллинъ въ первый разъ взятъ былъ войсками Ивана III въ 1482 г. 1-го марта, какъ разъ въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь.

(незначительныхъ) людей, чрезъ которыхъ они хотѣли сказать великому князю, что учинять съ смердами и посадниками такъ, какъ онъ укажетъ, а потомъ приплотъ большихъ пословъ съ челобитьемъ. Но эти гонцы убиты были разбойниками въ Тверской землѣ. Въ 1485 г. псковичи отправили въ Москву посадниковъ и бояръ съ челобитьемъ; но великій князь на ихъ челобитие «съ великою опалкою» сказалъ: «ежели вынете изъ ларя грамоту мертвую, что на посадниковъ записали и ту грамоту пришлете ко мнѣ, и смердовъ отпустите и животы ихъ отпечатаете, то я хочу васъ жаловать, какъ пригоже, ежели вы намъ добьете челомъ». На этотъ разъ псковичи въ точности исполнили приказаніе великаго князя. Это было уже въ 1486 г. Вскорѣ потомъ кн. Ярославъ Васильевичъ, посадники и бояре отправились въ Москву къ великому князю съ подаркомъ въ 150 рублей и съ челобитьемъ «о своей проступкѣ, что били смердовъ». Великій князь пожаловалъ псковичей, «нелюбку» отдалъ и приказалъ «по всей старинѣ жити». Но замѣшательства во Псковѣ съ этимъ не кончились еще. Одному попу случилось читать у наровскихъ смердовъ грамоты; и въ числѣ послѣднихъ ему попалась та, по которой смерды «изъ вѣковъ вѣчныхъ» обязаны были давать дань князю и Пскову и исполнять урочныя работы. Псковичи ничего не знали объ этой грамотѣ, а смерды утаили ее, почему и не исполняли урочныхъ работъ, — великому же князю они представили дѣло не въ истинномъ свѣтѣ, истину извратили. Одинъ смердъ вырвалъ эту грамоту у попа и скрылъ ее, а псковичи схватили того смерда и посадили подъ стражу. Вслѣдствіе этого начались волненія, жалобы на намѣстниковъ кн. Ярослава (сплѣвшихъ по пригородамъ) и даже на него самого. Посадники и весь Псковъ, собравъ свѣдѣнія объ обидахъ, причиненныхъ княземъ и его намѣстниками, написали «грамоты многы обидныя» и отправили съ ними въ Москву пословъ изъ посадниковъ и бояръ, которые сообщили великому князю и о смердѣ, скрывшемъ грамоту, прибавивъ, что этотъ смердъ и теперь у нихъ «на крѣпости». Великій князь, «яримъ окомъ възрѣвъ», сказалъ посламъ: «Давно ли язъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? и нынѣ на то же наступае!» Иванъ Васильевичъ не принялъ ни одной жалобы на Ярослава, сказавъ, что по этому дѣлу онъ пришлетъ въ Псковъ своихъ бояръ. Послы возвратились домой съ этимъ отвѣтомъ 8-го іюля⁴⁴⁵).

Что касается Новгорода, то надобно замѣтить, что испытанія для него еще не кончились. Говоря выше о дѣлахъ новгородскихъ, мы остановились на извѣстіяхъ о взятіи владыки Θεофила въ Москву и заключеніи его въ

445) Ibid. IV, 265—267; V, 41, 43, 45; VI, 22, 35—36, 234; VIII, 214 (въ двухъ послѣднихъ подъ 1482 годомъ).

Чудовомъ монастырѣ. Въ **1483 г.** владыка отказался отъ новгородской каеэдры, почему и освобожденъ былъ изъ заключенія, но по приказу великаго князя все-таки долженъ былъ оставаться въ томъ же монастырѣ, гдѣ вскорѣ и скончался (**1485 г.**). На его мѣсто въ томъ же **1483 г.**, по старинному новгородскому обычаю, избранъ былъ посредствомъ жребія Сергій, старецъ Троицкаго монастыря, и рукоположенъ въ архіепископы сентября 4-го. Въ Новгородѣ, по-видимому, еще продолжалась оставшаяся отъ недавно порушенной старины борьба двухъ партій,—по крайней мѣрѣ, только этимъ и можно объяснить нѣкоторые явленія въ жизни Новгорода, случившіяся по избраніи новаго владыки. Въ **1484 г.** до великаго князя дошелъ оговоръ однихъ новгородцевъ на другихъ: одни другихъ оговаривали въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ. Великій князь послалъ въ Новгородъ схватить оговоренныхъ человѣкъ до тридцати, большихъ и житыхъ людей, и дворы ихъ разграбить. Въ Москвѣ пытали ихъ, но они ни въ чемъ не сознавались, а когда должны были идти на висѣлицу, то просили другъ у друга прощенія въ томъ, что при пыткахъ невольно клепали одинъ на другаго. Узнавши объ этомъ послѣднемъ, великій князь приказалъ заковать ихъ и посадить въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе. Въ то же время схвачены и ограблены были и нѣкоторые другіе изъ новгородскихъ гражданъ, извѣстные по прежнимъ своимъ сношеніямъ съ Литвой. Въ томъ же году и новопоставленный владыка Сергій долженъ былъ оставить новгородскую каеэдру. Мѣстные лѣтописцы говорятъ о притѣсненіи имъ игуменовъ и священниковъ и вообще о высокоуміи его, какъ пріѣхавшаго изъ Москвы къ плѣннымъ и угнетеннымъ гражданамъ и т. п.; другіе говорятъ, что новгородцы не хотѣли покоряться ему, потому что «не по ихъ онъ мысли ходитъ»; какъ москвичъ, Сергій, конечно, не могъ сочувствовать тайнымъ стремленіямъ новгородцевъ; по третьимъ, наконецъ, извѣстіямъ, Сергій хотѣлъ открыть и посмотрѣть мощи архіепископа Моисея, строителя Архангельскаго монастыря на Сковородкѣ: когда священникъ, которому Сергій приказывалъ открыть гробницу, замѣтилъ, что открывать святителя подобаетъ только святителю же, первый съ гордостію сказалъ: «кого сего смердовича и смотрити!» Съ тѣхъ поръ «приде на него (т. е. на Сергія) изумленіе»: онъ сдѣлался какъ бы помѣшаннымъ, и его, какъ больнаго, отвезли въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Какъ бы то ни было, а на мѣсто Сергія избранъ былъ и 9-го декабря того же **1484 г.** поставленъ Чудовскій архимандритъ Геннадій⁴⁴⁶). Вѣроятно, чтобы изгладить изъ

446) Ibid. III, 243; IV, 155; V, 41; VI, 36, 235—236; VII, 214—215; Карамз. VI, пр. 198—199. Въ Воскр. (VIII, 215) и Никон. лѣт. (VI, 118) подъ тѣмъ же 1484 годомъ разсказывается то же самое, но нѣсколько иначе: зимой великій князь «поималъ» большихъ бояръ

памяти новгородцевъ всякія воспоминанія о прежней вольности и сдѣлать населеніе Новгорода болѣе устойчивымъ, крѣпкимъ Москвѣ, Иванъ Васильевичъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ безсердечно крутой, но въ высшей степени дѣйствительной: онъ постепенно переводилъ болѣе видныхъ новгородцевъ въ Московскую землю, а на мѣсто ихъ переселялъ москвичей. Такъ, въ **1487 г.** онъ перевелъ изъ Новгорода во Владиміръ 50 семей лучшихъ новгородскихъ гостей; въ **1488 г.** приказалъ привести въ Москву болѣе 7000 новгородскихъ житыхъ людей за то, что они хотѣли убить намѣстника, Якова Захарьевича; въ слѣдующемъ **1489 г.** болѣе тысячи бояръ, житыхъ людей и гостей перевелъ въ московскіе города: въ самую Москву, во Владиміръ, Муромъ, Нижній Новгородъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и др., а на мѣсто ихъ послалъ изъ Москвы и другихъ городовъ многихъ лучшихъ московскихъ людей, гостей и дѣтей боярскихъ⁴⁴⁷).

Если въ Новгородѣ Иванъ Васильевичъ счумѣлъ, хотя и съ нѣкоторыми трудностями, побороть старыя традиціи пресловутой новгородской вольности, — счумѣлъ, можно сказать, въ корнѣ уничтожить все, чѣмъ жплъ и хвалился Господинъ Великій Новгородъ, то тѣмъ легче ему было справиться съ отпрыскомъ новгородской вольности, дѣтищемъ Новгорода — Вяткой, которая дышала тѣмъ же новгородскимъ духомъ. Мы видѣли, что еще Василій Димитріевичъ присоединилъ Вятку къ своимъ владѣніямъ и что нѣкоторое время она принадлежала галицкимъ князьямъ, но по отдаленности еще сохраняла свое старое устройство. Василій Васильевичъ присоединилъ къ Москвѣ, между прочимъ, Галицкій удѣлъ, — но Вятка хотя и была частью этого послѣдняго, однако не хотѣла повиноваться Москвѣ. Походъ князя Ряполовскаго на Вятку былъ безуспѣшенъ, благодаря корыстолюбію воеводъ; другой походъ окончился покорѣніемъ Вятки. Но въ **1468 г.** въ Вятскую область вступили казанцы, и уstraшенные жители, не крѣпко связанные съ Москвой, признали надъ собой власть царя Ибрагима⁴⁴⁸), почему въ слѣдующемъ **1469 г.** и отказались участвовать въ походѣ на Казань, между тѣмъ какъ участвовали въ походѣ на Новгородъ. Очевидно, вятчане, при отдаленности Москвы и близости Казани, болѣе боялись послѣдней и не хотѣли раздражать ея. Исторія **1469 г.** повтори-

новгородскихъ и боярынъ, казны ихъ и села приказалъ отписать на себя, а имъ роздалъ помѣстья подъ Москвой; а нѣкоторыхъ бояръ-кромольниковъ приказалъ заключить въ тюрьмы по разнымъ городамъ... Въ Псковской второй (V, 42) ни о чемъ подобномъ не говорится; но подъ тѣмъ же годомъ, послѣ извѣстій о пріѣздѣ въ Новгородъ новопоставленнаго владыки Сергія и дѣлахъ литовскихъ, вставлено совершенно отдѣльное краткое извѣстіе о томъ, что весной великій князь прислалъ множество москвичей въ Новгородъ «съ всею ратною приправою», а потомъ другихъ своихъ людей прислалъ въ Ржевъ.

447) Ник. VI, 122—123; П. С. Р. Л. VI, 37, 238—239; VIII, 218—219.

448) П. С. Р. Л. VI, 188; VIII, 153.

лась и въ **1485 г.**: вятчане отступили отъ великаго князя во время похода московскихъ войскъ къ Казани, почему на Вятку и отправленъ былъ воевода Юрій Шестакъ-Кутузовъ. Но Кутузовъ примирился съ вятчанами и ушелъ обратно. Миръ, кажется, былъ не искренній: по крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что въ **1486 г.** вятчане нападали на Устюгъ; воеводой тогда былъ у нихъ какой-то Костя, который предводительствовалъ ими по неволѣ, почему въ удобный моментъ ушелъ отъ нихъ въ Осиновецъ, а отсюда — въ Москву. Для вразумленія вятчанъ митрополитъ два раза писалъ къ нимъ увѣщательныя грамоты, въ которыхъ указывалъ на ихъ «грубости», на ихъ нехристіанскіе поступки и неисправленіе по отношенію къ великому князю; грозилъ закрытіемъ церквей, — ничто не помогало! Иванъ Васильевичъ, 11-го іюня **1489 г.**, когда Казань уже покорилась ему, отправилъ на вятчанъ 16-ти-тысячную рать, которою предводительствовали воеводы Даниилъ Щеня и Григорій Морозовъ. Въ половинѣ августа они подступили къ Хлынову. Вятчане, лучшіе люди, вышли къ воеводамъ съ челобитьемъ: просили не воевать Вятской земли, обѣщаясь покориться великому князю на всей его волѣ, давать ему дань и служить. Воеводы требовали отъ всѣхъ жителей присяги и выдачи головами главныхъ крамольниковъ: Аникіева, Лазарева и Богодайщикова; вятчане просили сроку подумать объ этомъ: два дня они думали, а на третій отказали въ выдачѣ помянутыхъ лицъ. Тогда воеводы начали готовиться къ приступу: приказали обнести городъ плетнями, плетни обмазать смолой и обложить березовой корой. Только послѣ этого вятчане надумали выдать крамольниковъ. Здѣсь для уничтоженія духа вольности и болѣе тѣснаго слитія этого края съ Москвою употреблены были тѣ же средства, какія употреблены и по отношенію къ Новгороду: отсюда вывели въ Московскую землю лучшихъ земскихъ людей и купцовъ съ ихъ семействами; земскихъ людей поселили въ Боровскѣ и Кременецѣ, а купцовъ — въ Дмитровѣ; остальныхъ жителей привели къ присягѣ; Аникіевъ и его товарищи были биты кнутомъ и повѣшены. Вмѣстѣ съ вятчанами въ Москву привезены были и арскіе князья (вотяцкіе), но великій князь пожаловалъ ихъ, отпустилъ ихъ въ ихъ землю, конечно, какъ уже подвластныхъ ему ⁴⁴⁹).

449) Ibid. подъ 1485 годомъ: V, 44; VI, 237—238; подъ 1487-мъ: III, 144; IV, 135; VI, 36, 278; VIII, 217; Ник. VI, 123—124; Архангел. 195—198; Акты ист. I, № 97—98.—Арскъ и теперь есть въ Казанской губ. на р. Казанкѣ, въ 56 в. отъ губ. города. — То обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ о взятіи Казани говорится подъ 1485 г., въ другихъ—подъ 1487-мъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что начало этого предпріятія вообще относится къ первому изъ указанныхъ годовъ, а окончаніе — къ послѣднему; лѣтописные же сводчики сочли за болѣе удобное разсказать все событіе: одни — подъ однимъ, другіе — подъ другимъ годомъ.

Дѣла вятскія по внѣшности находились или вытекали изъ отношеній Москвы къ Казани: мы видѣли сейчасъ, что ударъ со стороны Москвы палъ на Вятку, благодаря тому обстоятельству, что вятчане не хотѣли участвовать въ походѣ московскихъ воеводъ на Казань. Было уже говорено, что въ **1478 г.**, въ то время, когда Иванъ Васильевичъ раздѣливался съ Новгородомъ, Ибрагимъ, обманутый ложнымъ слухомъ о пораженіи великаго князя, послалъ свои войска на Вятку, но скорѣе долженъ былъ добить челомъ великому князю на всей его волѣ. Но это примиреніе со стороны Ибрагима было неискренне. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что въ **1482 г.** Иванъ Васильевичъ самъ выступилъ въ походъ противъ Казани, и, конечно, не безъ причины. Онъ остановился во Владимирѣ, а впередъ послалъ войска, при которыхъ находился, между прочимъ, и Аристотель съ пушками. Эти войска остановились въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда Ибрагимъ прислалъ пословъ съ челобитьемъ. Тѣмъ и кончился этотъ походъ ⁴⁵⁰).

Постоянно повторявшіяся вторженія въ Московскую землю и грабежи казанцевъ заставляли московское правительство изыскивать средства къ устраненію этихъ вторженій и грабежей и вообще стать твердой ногой на восточной окраинѣ, въ высшей степени важной въ торговомъ отношеніи. По этому дальновидные московскіе князья еще въ лицѣ первыхъ своихъ представителей, а также и мѣстные нижегородскіе, князья старались утвердиться въ низовьяхъ Оки, расширить тамъ свои владѣнія на счетъ Мордвы, для чего привлекали сюда русскій элементъ дарованіемъ разныхъ льготъ. Такъ, напримѣръ, Константинъ Васильевичъ нижегородскій «повелѣ русскимъ людямъ селиться по Окѣ, Волгѣ, Кудымѣ (притокъ Волги) и на мордовскихъ жилищахъ, гдѣ кто похочетъ». Являлись, по этому, такіе люди, какъ Тарасъ Петровъ. Этотъ богатый нижегородскій купецъ купилъ у своего князя въ вотчину себѣ шесть селъ на р. Сундовакѣ (притокъ Волги съ пр. ст.) и населилъ ихъ разными татарскими полоняниками, которыхъ самъ же выкупалъ изъ плѣна ⁴⁵¹). Но эти средства, сами по себѣ цѣлесообразныя, медленно подвигали дѣло впередъ. Нужно было подчинить Казань, а для этого сначала необходимо было имѣть вліяніе на казанскія дѣла. При существованіи въ Казани сильной аристократіи, тамъ всегда много было партій, а слѣдовательно московскимъ князьямъ всегда можно было такъ или иначе вмѣшаться въ тамошнія дѣла. — Въ **1486 г.** Ибрагимъ скончался. Послѣ него осталось нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій

450) Ibid. IV, 155; VI, 35, 233—234, 278; VIII, 213.

451) Нижегород. лѣт. с. 72 въ XVIII ч. Др. Росс. Вивліое. изд. 2; Нижегород. губ. вѣд. 1847, № 4; П. Мельниковъ: «Очерки мордвы» стр. 502, въ «Русск. Вѣстн.» 1867, ч. 6.

Алегамъ былъ отъ первой жены, а слѣдующій за нимъ по старшинству, Магметъ-Аминь—отъ другой. Около этихъ сыновей образовалось по партіи, изъ которыхъ каждая, естественно, желала видѣть на Казанскомъ царствѣ своего представителя. Партія Алегама была сильнѣе: его поддерживали ногаи, и онъ занялъ престолъ отца, что не по душѣ было Ивану Васильевичу. Тогда Магметъ-Аминь, руководимый своей партіей, уѣхалъ въ Москву къ великому князю, назвалъ его своимъ отцемъ и просилъ помощи въ борьбѣ его съ Алегамомъ. Надобно замѣтить, что мать Магметъ-Аминя, Нурсалтанъ, по смерти Ибрагима сдѣлалась женой Менгли-Гирея, крымскаго хана, друга и вѣрнаго союзника Ивана Васильевича. Разумѣется, что вдругъ не возможно было ничего предпринять въ пользу Магметъ-Аминя, и великій князь ограничился пока только тѣмъ, что далъ ему въ помѣстье городъ Каширу. Впрочемъ, Ивану Васильевичу не пришлось долго ждать повода ко вмѣшательству въ дѣла казанскія: въ 1485 г. казанскіе вельможи, сторонники Магметъ-Аминя, извѣщали великаго князя, что они «воюютъ» съ своимъ царемъ, который, зазвавъ ихъ къ себѣ на пиръ, хотѣлъ всѣхъ ихъ перерѣзать, вслѣдствіе чего они и убѣжали «въ поле». При этомъ противники Алегама нѣсколько иначе объяснили отъѣздъ Магметъ-Аминя въ Москву, чѣмъ этотъ послѣдній: они говорили, что отпустили въ Москву царевича съ тѣмъ, чтобы онъ возвращенъ былъ къ нимъ въ случаѣ, если Алегамъ будетъ «съ ними чинить лихо». Впрочемъ, все тутъ приводилось и приходило къ одному знаменателю... Иванъ Васильевичъ отправилъ подъ Казань воеводъ своихъ, князей: Данила Димитріевича Холмскаго, Александра Васильевича Оболенскаго, Семена Ивановича Ряполовскаго и Семена Ивановича изъ ярославскихъ князей; въ слѣдъ за ними отпущенъ былъ и Магметъ-Аминь. Къ этому ополченію должны были пристать и вятчане, но, какъ мы уже видѣли, они отказались, почему и послана была на Вятку сильная рать, которая окончательно заставила вятскій край покориться Москвѣ⁴⁵²). . . Алегамъ выступилъ противъ московскихъ воеводъ, бился съ ними, но долженъ былъ бѣжать и затвориться въ городѣ. Воеводы осадили Казань, но осада медленно вела къ дѣли, потому что оставшійся внѣ города князь Алгазый часто нападалъ на москвичей. Наконецъ его удалось отгнать за Каму, послѣ чего Алегамъ уже не могъ держаться въ Казани, выѣхалъ изъ города и отдался воеводамъ великаго князя. Это было въ іюлѣ 1487 года. Такимъ образомъ Иванъ Васильевичъ посадилъ на Казанскомъ царствѣ Магметъ-Аминя «изъ своей руки». Алегамъ съ женой сосланъ былъ въ Вологду, — остальные члены семьи — мать, братья и се-

452) См. текстъ къ прим. 448.

стры—въ Карголомъ, на Бѣлоозеро, а крамольные князья и уланы казнены въ Москвѣ ⁴⁵³). Насколько подручничество Аминя Москвѣ выражалось практически и, такъ сказать, дипломатически, видно изъ официальныхъ документовъ. Въ официальныхъ бумагахъ царь казанскій и великій князь московскій называютъ другъ-друга братьями: «Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, *брату моему*, Магметъ-Аминь царь челомъ бьетъ»,—«Магметъ-Аминю царю, *брату моему*, князь великій Иванъ челомъ бьетъ»—такъ начинаются грамоты подручника и патрона. Но въ самомъ содержаніи бумагъ со стороны великаго князя встрѣчаются желанія, обращенныя къ Магмету, которыя выражены въ тонѣ повелительномъ. Такимъ образомъ, вліяніе Москвы, хотя и не надолго, но утвердилось въ Казани. Кажется, ногайская партія въ Казани была очень сильна: юный казанскій царь просилъ въ Москвѣ позволенія жениться на дочери ногайскаго хана. Тутъ ужъ очень ярко проглядываетъ подручничество казанскаго царя великому князю московскому. Это подручничество и вліяніе Москвы еще рельефнѣе выражаются въ томъ, что въ Казани является русскій представитель, Федоръ Киселевъ, который собираетъ съ подданныхъ Аминя пошлыны въ казну московскаго князя. Пошлыны по преимуществу вимались натурою: конями, овцами, различными мѣхами, медомъ и т. п. При этомъ сборщикъ, естественно, могъ брать и лишнее, на что бывали даже и жалобы: такъ, Магметъ-Аминь жаловался однажды великому князю на Киселева, что этотъ послѣдній взялъ въ Цивильскѣ съ одного тамошняго жителя лишнихъ три кади меду, коня, корову и пр. ⁴⁵⁴).

Въ свое время мы еще вернемся къ дѣламъ казанскимъ, а теперь обратимся къ дѣламъ болѣе семейнаго характера, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важнымъ и въ государственномъ отношеніи въ смыслѣ объединенія сѣверо-восточной Руси, въ смыслѣ централизаціи власти.

Дѣйствуя медленно и осторожно въ дѣлахъ внѣшней политики, Иванъ Васильевичъ держался той же тактики и въ политикѣ внутренней, хотя порой, по обстоятельствамъ, допускалъ и болѣе рѣшительныя мѣры. Мы уже видѣли, какъ онъ воспользовался достояніемъ брата своего Юрія, какъ перешелъ къ нему удѣлъ младшаго брата, Андрея меньшаго. Если онъ такъ дѣйствовалъ по отношенію къ роднымъ братьямъ, то тѣмъ болѣе не могъ иначе дѣйствовать къ болѣе дальнимъ родственникамъ. Изъ послѣднихъ оставался только двоюродный дядя его, Михайлъ Андреевичъ верейскій, о которомъ и будемъ теперь говорить.

453) П. С. Р. Л. IV, 135, 156; VI, 237; VIII, 217; Ник. VI, 121—122; Архангел. 193.

454) Карамз. VI, пр. 310; Солов. V, пр. 101.

Еще въ началѣ своего княженія (въ **1463 г.**) Иванъ Васильевичъ заключилъ съ Михаиломъ Андреевичемъ договоръ, выгодный для обѣихъ сторонъ. Но уже въ **1465 г.** потребовалось заключить новый договоръ, по которому—вѣроятно, вслѣдствіе давленія со стороны великаго князя — верейскій князь уступалъ своему двоюродному племяннику пожалованіе в. кн. Василя Васильевича—Вышгородъ «съ волостями, путями и сель». Что въ данномъ случаѣ великій князь до нѣкоторой степени вынуждалъ дядю на уступку Вышгорода, объ этомъ говоритъ уже то одно обстоятельство, что Иванъ Васильевичъ старается показать въ договорѣ, что Михаилъ Андреевичъ дѣйствуетъ по собственнымъ побужденіямъ или по собственному почину: «ты, мой брате,—говорится въ договорѣ—тое моее отчины *отступился мнѣ самъ* со всѣмъ съ тѣмъ, какъ ты былъ пожаловалъ отецъ мой, князь великій, да и язъ, князь велики». Этого еще мало было для Ивана Васильевича: въ томъ же году заключенъ былъ новый договоръ, по которому Михаилъ Андреевичъ долженъ былъ считаться моложе всѣхъ братьевъ и сыновей великаго князя. Ивану Васильевичу, какъ видно, хотѣлось такъ или иначе присоединить Верейскій удѣлъ къ Москвѣ. Въ **1482 г.** апрѣля 4-го между ними заключенъ былъ договоръ, по которому Иванъ Васильевичъ, по смерти верейскаго князя, получаетъ въ свое владѣніе Бѣлоозеро съ волостями, принадлежавшее Михаилу Андреевичу ⁴⁵⁵). Послѣдній безропотно покорялся горькой участи, а великій князь выжидалъ только случая, чтобы окончательно порѣшить съ Верейскимъ удѣломъ, и случай такой скоро представился. Въ октябрѣ **1485 г.** Елена Степановна, дочь молдавскаго государя, вступившая въ бракъ съ сыномъ великаго князя Иваномъ Ивановичемъ въ **1482 г.** ⁴⁵⁶), родила сына Димитрія. По этому случаю Иванъ Васильевичъ хотѣлъ подарить своей невесткѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ драгоценныхъ вещей, которыя принадлежали первой женѣ его, Маріи тверской. Но эти вещи отданы были Софьей Ѧоминачной въ приданое племянницѣ ея Маріи, греческой царевнѣ, вышедшей въ **1480 г.** за сына Михаила Андреевича, Василя. Иванъ Васильевичъ въ гнѣвѣ приказалъ отобрать у послѣдняго все приданое первой жены своей и даже «хотѣлъ его (Василя Михайловича) и со княгинею поимати». Но молодая чета бѣжала въ Литву. У великаго князя теперь былъ благовидный предлогъ еще сильнѣе налечь на верейскаго князя: за вину его сына онъ отобралъ у Михаила Андреевича отчину его: Ярославецъ, Бѣлоозеро и Верею, но потомъ возвратилъ ихъ ему въ пожизненное владѣніе, обязавъ Михаила новымъ

455) С. г. г. и д. I, №№ 90—93, 113 и 114.

456) П. С. Р. Л. IV, 134, 155; VI, 36, 234—235; VIII, 214.

договоромъ ⁴⁵⁷⁾, по которому весь Верейскій удѣлъ, по смерти Михаила, переходитъ къ великому князю. По этому же договору Михаилъ Андреевичъ обязывается не ссылаться съ своимъ сыномъ «никому хитростію». Вскорѣ, а именно въ **1485 г.**, несчастный старикъ скончался. Въ своей духовной грамотѣ онъ говоритъ, что отдаетъ «свою отчину господину и государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси» ⁴⁵⁸⁾.

Изъ родныхъ братьевъ своихъ Иванъ Васильевичъ въ особенности не долюбивалъ Андрея Васильевича углицкаго, можетъ быть, потому, что онъ, пользуясь особенною любовью матери, велъ себя самостоятельнѣ другихъ братьевъ по отношенію къ старшему брату. Мы уже видѣли, что мать проявляла особенное участіе къ этому Андрею. Но въ **1485 г.** іюля 4-го Марія Ярославна скончалась ⁴⁵⁹⁾, и послѣдняя связь, еще нѣсколько единившая братьевъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, порвалась. Въ слѣдующемъ **1486 г.**, по завоеваніи Твери, Иванъ Васильевичъ заключилъ новые договоры съ братьями; по этимъ договорамъ братья обязывались не вступаться въ удѣлы: Верейскій, Дмитровскій, Тверскій и въ Вологду, принадлежавшую Андрею Васильевичу меньшому, и не сноситься съ Литвой, съ измѣнникомъ Михаиломъ Борисовичемъ, бѣглымъ княземъ тверскимъ, съ Новгородомъ и Псковомъ ⁴⁶⁰⁾. Вообще, великій князь сталъ по отношенію къ братьямъ болѣе прежняго недовѣрчивъ. Андрей Васильевичъ могъ догадываться, что рано или поздно ему придется поплатиться своимъ удѣломъ, а можетъ быть и свободой, и потому долженъ былъ видѣть единственное спасеніе въ бѣгствѣ изъ Московской земли. Въ **1488 г.** бояринъ Андрея Васильевича Образецъ «скоромоли» своему князю, что Иванъ Васильевичъ хочетъ схватить его. Перепуганный Андрей хотѣлъ тайно бѣжать изъ Москвы, но одумавшись обратился къ кн. Ивану Юрьевичу Патрикѣеву съ просьбой узнать, зачѣмъ великій князь хочетъ схватить его. Иванъ Юрьевичъ хотя и въ большой силѣ былъ при дворѣ, но отказался отъ исполненія такого щекотливаго порученія. Тогда Андрей лично явился къ брату за объясненіемъ. Иванъ Васильевичъ «клялся ему небомъ и землею и Богомъ сильнымъ Творцемъ всея твари, что ни въ мысли у него того не бывало». По розыску оказалось, что великокняжескій боярскій сынъ, Мунтъ Татищевъ, «сплоха пришедъ пошутить» съ Образцомъ относительно его князя,

457) С. г. г. и д. I, № 118.

458) Ibid. № 121—122. Подробности см. въ біографіи Михаила Андреевича верейскаго, во II-мъ томѣ.

459) П. С. Р. Л. V, 44; VI, 36, 287; VIII, 215—216. Но Ник. VI, 119 она умерла 24-го іюля.

460) С. г. г. и д. I, № 123 (20-го августа 1486 г.) и 125 (30-го ноября того же года).

а Образецъ, бывшій въ немплости у Андрея, желая подслужиться, передалъ послѣднему эту плохую шутку Татищева. Великій князь приказалъ предать Татищева торговой казни и вырѣзать языкъ, но митрополитъ «отпечалова его» ⁴⁶¹). Въ **1491 г.** въ маѣ мѣсяцѣ въ Москву пришла вѣсть, что ордынскіе цари, Сеидъ-Ахметъ и Шигъ-Ахметъ, идутъ на друга великаго князя, крымскаго хана Менгли-Гирея. Иванъ Васильевичъ послалъ на ордынцевъ воеводъ своихъ, кн. Петра Оболенскаго и кн. Ивана Оболенскаго же Репню, а также царевича Сатылгана (Салтагана), Нордоулатова сына, Менгли-Гиреева племянника; въ этотъ же походъ по приказанію великаго князя и казанскій царь Махметъ-Аминъ долженъ былъ послать свое войско; князьямъ Борису и Андрею Васильевичамъ, братьямъ великаго князя, также приказано было послать своихъ воеводъ. Но Андрей углицкій не исполнилъ этого приказанія, и въ слѣдующемъ году 20-го сентября, когда онъ пріѣхалъ въ Москву и посѣтилъ великаго князя, послѣдній приказалъ схватить его и заключить въ Москвѣ на казенномъ дворѣ, а дѣтей его отправить въ заключеніе въ Переяславль ⁴⁶²). Такимъ образомъ и Углицкій удѣлъ присоединенъ былъ къ Москвѣ.

Казимиръ, занятый дѣлами чешско-венгерскими на западѣ, гдѣ шла борьба между сыномъ его, Владиславомъ чешскимъ, и венгерскимъ королемъ Матвѣемъ, не могъ открыто дѣйствовать противъ Москвы, но не упускалъ удобнаго случая возбуждать противъ нея орду и Новгородъ. Мы видѣли, что при нашествіи Ахмата онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Москвы совмѣстно съ послѣднимъ, но отвлеченъ былъ въ сторону. Въ **1482 г.**, когда къ великому князю перебѣжалъ отъ Казимира кн. Ѳеодоръ Ивановичъ Бѣльскій, въ Москву пріѣзжалъ изъ Литвы одинъ панъ, чрезъ котораго митрополитъ извѣщалъ великаго князя, что у него, митрополита, польскій король отнялъ много вещей, которыя онъ везъ изъ Царяграда ему, великому князю. Но тогда Иванъ Васильевичъ, отпуская посланца-пана, котораго почему-то долго держалъ, сказалъ ему, что изъ-за этого не приходится воевать съ королемъ. Но въ томъ же году великій князь посылалъ въ Крымъ Михаила Кутузова, который долженъ былъ поднимать хана на Казимира. Вслѣдствіе этого посольства, въ **1484 г.**, «по слову вел. кн. Ивана Васильевича», Менгли-Гирей взялъ и сожегъ Кіевъ «за неисправленіе королевское, что приводилъ царя Ахмата... на великаго князя», взялъ большой полонъ и вообще «землю учини пусту Кіевскую».

461) П. С. Р. Л. VI, 238; VIII, 217—218; Ник. VI, 127.

462) Ibid. IV, 159—160; VI, 38—39; VIII, 223; Архангел. 200; Ник. VI, 129. Подробности см. подъ Андреемъ Васильевичемъ углицкимъ, во II-мъ томѣ.

Изъ награбленной добычи онъ прислалъ великому князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора. Есть извѣстіе, что въ томъ же году Казимиръ поставилъ въ Смоленскѣ заставу изъ 10,000 ратныхъ людей, вѣроятно, въ виду замѣтнаго тяготѣнія подручныхъ ему князей къ Москвѣ и вообще вслѣдствіе замѣтно угрожающаго положенія, какое принялъ по отношенію къ Литвѣ Иванъ Васильевичъ. Но великій князь самъ ничего не предпринималъ противъ Литвы, хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ могъ дѣйствовать противъ нея не только съ сѣвера, но и съ юга. Хотя опустошеніе Кіева и тамошней святыни и оскорбило москвичей, но Иванъ Васильевичъ, преслѣдуя политическія цѣли, чрезъ особаго посла благодарилъ хана, напоминая ему, что и онъ, съ своей стороны, старается сдѣлать ему угодное: такъ, онъ содержитъ, не безъ убытка для казны, братьевъ его, Нордоулата и Айдара, и готовъ помогать ему противъ Золотой орды. Вскорѣ дѣйствительно великому князю пришлось оказать помощь своему другу. Ханъ Муртоза, въ **1485 г.**, отъ жестокой стужи пришелъ изъ донскихъ степей къ Тавридѣ со своимъ улусомъ. Менгли-Гирей захватилъ его въ плѣнъ и разбилъ еще улусъ другаго ордынскаго князя, Темира. Но этотъ послѣдній на слѣдующее лѣто, въ рабочую пору, напалъ на Тавриду, освободилъ Муртозу, едва не захватилъ въ плѣнъ самого Менгли-Гирея и съ большою добычей ушелъ въ степи. Великій князь немедленно отправилъ войска на улусы Ахматовыхъ сыновей; крымскіе плѣнники, которыхъ отбили у нихъ московскіе воеводы, были отосланы къ Менгли-Гирею ⁴⁶³).

Отношенія между московскимъ и литовскимъ государствами находятся въ связи съ ихъ отношеніями къ татарамъ, особенно золотоордынскимъ и крымскимъ. Каждый изъ представителей помянутыхъ государствъ старался привлечь на свою сторону того или другаго хана и посредствомъ его дѣйствовать во вредъ своему противнику. Мы сейчасъ сказали, что Менгли-Гирей сжегъ, въ **1484 г.**, Кіевъ «по слову» великаго князя. Въ томъ же году въ Крымъ отправленъ былъ кн. Ноздроватый съ такимъ наказомъ: «беречь накрѣпко, чтобъ царь съ королемъ не заключалъ мирнаго договора» (не канчивалъ). Такой же наказъ данъ былъ, въ **1486 г.**, другому послу, боярину Семену Борисовичу, съ прибавленіемъ, чтобы онъ, посолъ, если царь спроситъ о сношеніяхъ великаго князя съ королемъ, отвѣчалъ, что «послы между ними ѣздятъ о мелкихъ дѣлахъ порубежныхъ, а гладкости никакой и мира господарю нашему великому князю съ королемъ нѣтъ». Затѣмъ посолъ долженъ былъ говорить хану, чтобъ онъ послалъ людей

⁴⁶³) Ibid. IV, 135, 155; V, 42; VI, 35, 233—234; VIII, 214—215; «Ист. Росс.» Соловьева, V, 129, пр. 156, 158; Карамз. VI, гл. 4.

своихъ на королеву землю, потому что онъ недругъ и ему, хану, и великому князю. А если Менгли-Гирей скажетъ, что онъ идетъ на короля,—а великій князь идетъ-ли? — то отвѣчать такъ: «Захочешь свое дѣло дѣлать, пойдешь на короля,—сдѣлаешь доброе дѣло; когда дашь объ этомъ знать господамъ моимъ, то онъ съ тобой одинъ человекъ на короля; и твое дѣло и свое дѣлаетъ, какъ ему Богъ поможетъ» и пр. ⁴⁶⁴⁾.

Поводы къ столкновеніямъ съ Литвой часто подавали мелкіе пограничные князья, находившіеся въ подручничествѣ или Москвы, или Литвы. Между этими князьями возникали споры большею частію изъ-за границъ земельныхъ владѣній, а иногда и просто бывали обоюдные набѣги съ цѣлью грабежа. Такъ, однажды посолъ Казимира жаловался, что подручные Москвѣ князья Одоевскіе нападаютъ на князей Мезецкихъ, Глинскихъ, Кромескихъ, Мосальскихъ, что люди кн. Ивана Михайловича Воротынскаго, перешедшаго съ своею отчиною, въ 1490 г., отъ Казимира къ великому князю, нападаютъ на литовскія владѣнія, что король еще не выпустилъ его изъ присяги и записи. Послу отвѣчали, что Мезецкіе князья первые начали нападать, что Одоевскіе только мстили за нападеніе ихъ, что Воротынскій самъ билъ челомъ великому князю о принятіи его въ службу, что онъ сложилъ присягу передъ королемъ чрезъ своего человека, а потому въ Москвѣ не понимаютъ, какъ это король слугу великаго князя называетъ своимъ. Въ томъ же году на службу великаго князя перешли: кн. Дмитрій Ѳеодоровичъ Воротынскій, кн. Иванъ Михайловичъ Перемышльскій и кн. Иванъ Бѣлевскій. Великій князь чрезъ посла Григорья Путятина извѣщалъ объ этихъ переходахъ Казимира, но послѣдній заявилъ, съ своей стороны, что не выпускаетъ изъ подданства ни князей Воротынскихъ, ни Бѣлевскаго князя,—указывалъ на то, что Дмитрій Воротынскій перешелъ съ «дольницей» (долей, удѣломъ) брата своего, кн. Семена, всю казну послѣдняго взялъ себѣ, бояръ и слугъ его всѣхъ захватилъ и насильно привелъ къ присягѣ на службу свою. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на это, что князья Одоевскіе и Воротынскіе, какъ то извѣстно было его предкамъ, великимъ князьямъ, да и литовскимъ великимъ князьямъ, служили на обѣ стороны съ отчинами, и теперь эти старые слуги пріѣхали служить къ нимъ, великимъ князьямъ, на Москву. . . Случалось и такъ, что одни изъ князей-родичей служили Москвѣ, другіе — Литвѣ, какъ было съ кн. Одоевскими. Одоевскіе князья — Семеновичи, служившіе Москвѣ, зашли отчину Ѳедора Ивановича Одоев-

464) «Ист. Росс.» Соловьева V, 129—130, который ссылается на Крымскія дѣла. Подробности о сношеніяхъ Москвы съ татарами см. въ диссертациі Г. Карпова: «Исторія борьбы Моск. госуд. съ Польско-Литовскимъ», 1462—1508, гл. III: «Степняки». (М. 1867); первоначально напечатана была въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.».

скаго, схвативъ мать его, когда самъ онъ былъ въ отсутствіи. Король извѣщалъ объ этомъ великаго князя. Такая же исторія случилась и съ помянутыми сейчасъ князьями Бѣлевскими, Андреемъ и Иваномъ Васильевичами, изъ которыхъ послѣдній перешелъ на службу въ Москву, взявъ себѣ отчину брата Андрея, а третьяго брата, Семена, насильно заставилъ цѣловать крестъ на томъ, что онъ не будетъ служить королю. Относительно Одоевскихъ Иванъ Васильевичъ сказалъ, что у нихъ идетъ споръ о вотчинѣ, о большомъ княженіи по роду, по старѣйшинству, что на большомъ княженіи долженъ быть слуга его, великаго князя московскаго, Иванъ Семеновичъ,—а потому король велѣлъ бы урядиться Ѳеодору съ братомъ, кому изъ нихъ пригоже быть на большомъ княженіи; въ противномъ случаѣ великій князь, для улаженія этого дѣла, пошлетъ своего боярина, а король пусть пошлетъ своего пана. Чѣмъ кончилось это дѣло — неизвѣстно ⁴⁶⁵). Относительно Бѣльскаго, по лѣтописямъ, извѣстно слѣдующее: въ **1482 г.** въ Литвѣ былъ мятежъ: захотѣли отчичи Ольшанскій, Олельковичъ и Ѳеодоръ Бѣльскій «отѣсти отъ великаго князя Литовской земли по рѣку Березыню»; намѣреніе ихъ открылось, и король казнилъ Ольшанскаго и Олельковича, а Бѣльскій бѣжалъ въ Москву, не успѣвъ захватить жены своей, съ которой вѣнчался наканунѣ бѣгства. Она была схвачена и не смотря на то, что Иванъ Васильевичъ требовалъ ее, ея не отпустили. Бѣльскій получилъ отъ великаго князя г. Демонъ и Мореву ⁴⁶⁶). Впослѣдствіи его постигло несчастіе. Есть извѣстіе, что король Казимиръ подослалъ въ Москву, какъ бы на службу къ великому князю, кн. Лукомскаго, котораго приводилъ къ крестному цѣлованію на томъ, чтобы великаго князя московскаго «убити, или окормити зеліемъ, да и зеліе свое съ нимъ послалъ, и то зеліе у него (Лукомскаго) выняли». Кн. Лукомскій и замѣшанный въ его дѣло латинскій толмачъ, полякъ Матіасъ, въ **1493 г.** были казнены вмѣстѣ съ братьями Селевиными, которые подверглись казни за переписку съ Александромъ Казимировичемъ. При разслѣдованіи этого дѣла кн. Лукомскій оговорилъ кн. Ѳеодора Ивановича Бѣльскаго въ намѣреніи его бѣжать въ Литву. Справедливъ или не справедливъ былъ этотъ оговоръ, но Бѣльскаго сослали въ Галичъ ⁴⁶⁷). . . Переходы князей изъ Литвы въ службу московскаго князя продолжались. Въ **1492 г.** перешелъ кн. Семень Ѳеодоровичъ Воротынскій, о которомъ мы уже упоминали, «съ своими отчинами». Этотъ Семень Ѳеодо-

465) П. С. Р. Л. VI, 37, 239; VIII, 219; по IV, 268 и VIII, 225 Воротынскій перешелъ въ 1492 г., а по IV, 161—въ 1493 г.; Ник. VI, 124—125; Соловьевъ: «Ист. Р.» V, 131—132 и прим.

466) Ibid. VI, 35, 233; VIII, 214; Ник. VI, 116—117.

467) Ibid. IV, 162; VIII, 225.

ровичъ, ѣдучи въ Москву, «засѣлъ на его (великаго князя) имя» Серпѣйскъ и Мещовскъ. Между тѣмъ 25-го июня того же **1492 г.** скончался Казимиръ, и польскій престолъ занялъ старшій сынъ его Альбертъ, а литовскій — младшій, Александръ Казимировичъ. Августа 30-го великій князь отправилъ къ Менгли-Гирею Константина Заболоцкаго, съ совѣтомъ хану — воспользоваться благопріятнымъ временемъ и отмстить сыновьямъ Казимира за козни отца, тѣмъ болѣе, что волжская орда кочевала далеко на востокъ и не было, слѣдовательно, основаній опасаться нападенія ея на Крымъ. Другаго посла, Ивана Плещеева, великій князь отправилъ къ молдавскому воеводѣ Стефану, вѣроятно, съ такими же предложеніями. И съ московской стороны начались непріятельскія дѣйствія: кн. Ѳеодоръ Телепня-Оболенскій разорилъ Мценскъ и Любутскъ; другіе воеводы взяли и сожгли Мосальскъ, плѣнивъ многихъ жителей, намѣстниковъ и князей; наконецъ, завоеваны были Хлепенъ и Рогачевъ. Александру Казимировичу, какъ видно, не подъ силу была борьба съ московскимъ княземъ: онъ желалъ мира. Въ **1493 г.** въ Москву прибыло посольство изъ Литвы, во главѣ съ паномъ Станиславомъ Глѣбовичемъ, который извѣщалъ великаго князя о смерти Казимира и о занятіи литовскаго престола сыномъ его Александромъ, въ то же время онъ требовалъ удовлетворенія за разореніе Мценска и другихъ городовъ. Послу отвѣчали, что разореніе Мценска было только возмездіемъ за грабежи литовцевъ. На пиру у кн. Ивана Юрьевича Патрикеева, уже довольно подпивши, Станиславъ Глѣбовичъ завелъ рѣчь о сватовствѣ, о бракѣ Александра Казимировича и дочери великаго князя. Но такъ какъ онъ былъ нетрезвъ, то не получилъ никакого отвѣта. На слѣдующій день онъ заявилъ, что литовскіе сенаторы желаютъ этого брака; но что ему тайно приказано развѣдать, какъ смотритъ на это дѣло великій князь. Послу дали понять, что прежде, чѣмъ говорить о сватовствѣ, надобно достигнуть искренняго, вѣчнаго мира между обоими государствами. — Посолъ уѣхалъ, а враждебныя дѣйствія со стороны Москвы продолжались. Выше мы говорили уже, что Семень Ѳеодоровичъ Воротынскій, ѣдучи къ великому князю на службу, засѣлъ города Серпѣйскъ и Мещовскъ. Услышавъ объ этомъ, литовскіе воеводы отняли эти города обратно. Великій князь послалъ сильныя московскія и рязанскія рати, которыя взяли Серпѣйскъ и Опаковъ; Мещовскъ сдался. Жители этихъ городовъ приведены были къ крестному цѣлованію, а сидѣвшіе тамъ знатные литовцы и смолянне взяты въ плѣнъ, приведены въ Москву и разосланы по разнымъ городамъ въ заточеніе. Другіе воеводы посланы были подъ Вязьму, взяли этотъ городъ, а вяземскихъ князей и пановъ привезли въ Москву. Иванъ Васильевичъ князей пожаловалъ «ихъ же вотчиною Вязмою» и приказалъ

имъ служить ему, великому князю. Въ то же время къ великому князю на службу перешелъ кн. Михаилъ Романовичъ мезецкій, да «пзымавъ приведе съ собою дву братьевъ», кн. Семена и кн. Петра. Двухъ послѣднихъ великій князь послалъ въ заточеніе въ Ярославль, а Михаила пожаловалъ его же отчиною и приказалъ служить ему, великому князю ⁴⁶⁸).

Но оставимъ на время Литву и хотя кратко укажемъ на другія стороны дѣятельности Ивана Васильевича, на другіе факты изъ его княженія, имѣвшіе мѣсто до и во время послѣднихъ столкновений съ Литвой.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что княженіе Ивана Васильевича было въ высокой степени блестяще, и потому только при немъ западная Европа болѣе серьезное вниманіе обращаетъ на дикую Московію. Иванъ Васильевичъ мѣняется посольствами съ разными государствами, не только европейскими, но и восточными, азійскими. Въ лѣтописяхъ и официальныхъ документахъ за послѣдніе годы жизни Ивана Васильевича мы постоянно встрѣчаемся съ извѣстіями о прибытіи и отбытіи какихъ-нибудь иностранныхъ пословъ и о частыхъ московскихъ посольствахъ въ чужіе края. Для краткости скажемъ вообще, что эти посольства касались или просто одной вѣжливости, оказываемой сильному и славному своими дѣлами сосѣду, любви и дружбы, какъ тогда говорили, или практическихъ цѣлей, какъ договоры противъ какихъ-нибудь враговъ, которые имѣлись у договаривающихся лицъ, или, наконецъ, эти посольства, вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ, касались еще и чисто семейныхъ дѣлъ, какъ брачныя союзы. Но московскій князь особенное вниманіе обращалъ еще на совершенное почти отсутствіе въ Московской землѣ такихъ людей, какъ разнаго рода ремесленники, мастера и художники, и съ цѣлію пріобрѣтенія такихъ людей часто отправлялъ пословъ въ западную Европу.

Въ 1486 г. въ Москву пріѣзжалъ съ письмами отъ императора Фридриха рыцарь Поппель, но безъ всякаго особеннаго порученія, единственно изъ любопытства. Онъ принятъ былъ подозрительно: его считали шпиономъ Казимира. Однако, изъ Москвы онъ выбрался благополучно. Черезъ два года онъ вновь явился въ Москву уже въ качествѣ посла отъ императора Фридриха и сына его, римскаго короля Максимилиана, съ грамотой (помѣченной 26-го декабря 1488 г.) и принятъ былъ ласково. При первомъ свиданіи съ московскими боярами онъ говорилъ, между прочимъ, о томъ, что послѣ перваго путешествія своего въ Москву онъ разубѣдилъ своего императора и германскихъ князей въ заблужденіи, будто великій князь московскій—даниникъ Казимира, и убѣдилъ, напротивъ, въ томъ, что великій князь во всѣхъ

468) Ibid. II, 360, IV, 161—162, 268; VIII, 225—227; Карамз. VI, гл. 5.

отношеніяхъ сильнѣе Казимира; передавалъ, что императоръ желаетъ быть союзникомъ великаго князя и предлагаетъ бракъ своего племянника Альбрехта, маркграфа баденскаго, съ одной изъ дочерей великаго князя, Еленой или Θεодосіей. Великій князь передалъ чрезъ дьяка Курицына, что по этому дѣлу посланъ будетъ посолъ къ императору. Далѣе Поппель говорилъ, чтобы великій князь запретилъ псковитянамъ вступаться въ земли ливонскихъ нѣмцевъ, состоящихъ подъ покровительствомъ императора. На это отвѣчали ему, что, владѣя собственными землями, псковичи въ чужія земли не вступаются. Передъ отъѣздомъ Поппель еще разъ былъ у великаго князя, который лично слушалъ его въ набережныхъ сѣняхъ. Посолъ, передавая слухъ, будто великій князь требовалъ себѣ отъ папы королевскаго достоинства, говорилъ, что только императоръ можетъ это сдѣлать, и предлагалъ по этому дѣлу свои услуги, прося только сохранять все это въ тайнѣ, иначе ему плохо будетъ отъ короля польскаго, если онъ узнаетъ о томъ. Поппелю отвѣчали на это, что великій князь наслѣдовалъ власть свою отъ предковъ и поставленіе имѣетъ отъ Бога, а отъ иной власти ничего такого не хотѣлъ и не хочетъ... Иванъ Васильевичъ, въ свою очередь, отправилъ въ нѣмецкую землю посломъ грека Юрія Траханиота, которому поручилъ увѣрить императора въ искренней дружбѣ къ нему великаго князя и условиться о взаимныхъ дружественныхъ посольствахъ. Что касается сватовства, то Юрій долженъ былъ говорить, что предлагаемый бракъ не приличенъ для русскаго государя, брата древнихъ греческихъ царей, что великій князь можетъ выдать дочь развѣ за наслѣдника императора, сына его Максимилиана. Кромѣ того Юрію поручено было принимать въ русскую службу разныхъ художниковъ и мастеровъ. Съ этою послѣднею цѣлью еще въ 1488 г. великій князь посылалъ грековъ Ралевыхъ въ Римъ, Венецію и Миланъ. Въ 1490 г. Ралевы возвратились: они привезли съ собою изъ Венеціи лѣкаря, мистра Леона, родомъ жидовина, а также мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ и серебряныхъ. Леона, впрочемъ, скорѣ по пріѣздѣ его въ Москву, постигла горькая участь: поручившись великому князю головой своей въ томъ, что онъ вылѣчитъ занемогшаго ломотою въ ногахъ наслѣдника московскаго престола, Ивана Младаго, Леонъ не оправдалъ своего ручательства и чрезъ шесть недѣль по кончинѣ своего паціента всенародно казненъ. Еще прежде Леона, въ 1485 г., подобной же участи подвергся другой лѣкарь, нѣмецъ Антонъ, уморившій своими лѣкарствами великокняжескаго любимца, Даньярова сына. Этотъ Антонъ выданъ былъ родственникамъ умершаго, которые зарѣзали его подъ Москворѣцкимъ мостомъ, что навело страхъ и на другихъ иностранцевъ, какъ, напримѣръ, на Аристотеля, который хотѣлъ

уѣхать изъ Россіи, но Иванъ Васильевичъ разгнѣвался на это и приказалъ заключить его въ домѣ, хотя вскорѣ простилъ его.... Но возвратимся къ посольству Трахоніота. Онъ принятъ былъ императоромъ ласково и любезно и возвратился въ Москву 16-го іюля **1490 г.** вмѣстѣ съ посломъ отъ императора, Юріемъ Делаторомъ. Не задолго передъ тѣмъ скончался венгерскій король Матвѣй Корвинъ, врагъ Казимира, бывший въ дружбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ съ **1482 г.**; на его мѣсто венгерскіе паны хотѣли избрать Владислава чешскаго, Казимирова сына, между тѣмъ какъ Максимилианъ, сынъ Фридриха, считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ Матвѣя. Переговоры о бракѣ дочери великаго князя съ Максимилианомъ не привели ни къ чему, между прочимъ, по недостатку полномочій, данныхъ Делатору, за то заключенъ былъ договоръ (**1490 г.** августа 6-го) между императоромъ и великимъ княземъ, по которому договаривающіеся обязываются помогать другъ другу въ случаѣ непріязненныхъ столкновеній кого либо изъ нихъ съ королемъ польскимъ. Съ Делаторомъ отправлены были въ Нѣмецкую землю тотъ же Трахоніотъ и дьякъ Кулешинъ для представленія и утвержденія крестнымъ цѣлованіемъ помянутаго выше договора со стороны Максимилиана. Наши послы возвратились въ Москву опять съ Делаторомъ, при которомъ великій князь также долженъ былъ утвердить договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. На этотъ разъ посолъ просилъ отъ имени императора, между прочимъ, не обижать Ливоніи и Швеціи и взять первую подъ свое покровительство, на что выражена была готовность великаго князя, но о Швеціи въ отвѣтъ великаго князя не сказано было ни слова. Что касается брака, то относительно этого предмета вышло недоразумѣніе. До императора дошелъ слухъ, что въ предшествовавшее посольство посолъ его вмѣстѣ съ посломъ московскимъ на пути изъ Москвы въ Нѣмецкую землю потонули, а потому онъ не могъ знать, согласенъ или не согласенъ великій князь на бракъ. Между тѣмъ германскіе князья побуждали императора женить сына на бретанской княжнѣ, и императоръ уступилъ ихъ настойчивымъ требованіямъ. Но когда онъ узналъ, что послы живы, что бракъ могъ бы состояться, то огорчился и до послѣдняго времени жалѣлъ о столь знаменитой невѣстѣ. Великій князь удовлетворился этимъ объясненіемъ. Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы 12-го апрѣля **1492 г.**, а 6-го мая великій князь вновь отправилъ въ Германію Трахоніота и дьяка Михаила Яропкина, которымъ наказано было тайно разузнать о положеніи дѣлъ въ Венгріи и объ отношеніяхъ Максимилиана къ сосѣднимъ государствамъ, а также тайно разузнать и о бракѣ Максимилиана, и въ случаѣ возможности возобновить сватовство. Послы возвратились въ Москву въ іюлѣ **1493 г.**, но не видно,

чтобы это посольство имѣло какіе-нибудь практическіе результаты ⁴⁶⁹). Въ то же время (1490 — 1492 г.) великій князь сносился съ сватомъ своимъ, господаремъ молдавскимъ (волошскимъ) Стефаномъ, на дочери котораго въ 1482 г. женился наслѣдникъ московскаго престола, Иванъ Ивановичъ Младой. Предметомъ этихъ сношеній были, между прочимъ, дѣла польскія ⁴⁷⁰). Въ 1491 г. приходилъ, для заключенія союза съ великимъ княземъ, изъ Чагатайской орды посолъ, *богатырь* Урусъ, отъ господствовавшего тамъ султана Гуссейна, правнука втораго Тамерланова сына Омара ⁴⁷¹). Въ слѣдующемъ 1492 г. въ Москву прибыло другое восточное посольство изъ единовѣрной намъ Иверской земли (Грузіи) отъ тамошняго князя Александра—просить покровительства великаго князя (противъ Персіи). Называя себя холопомъ послѣдняго, князь Александръ въ чисто восточномъ вкусѣ дѣлаетъ такое обращеніе къ великому князю въ своемъ письмѣ: «Темнымъ еси свѣтъ зеленого неба, звѣзда еси, христіанская еси надежа, вѣры нашіе крѣпости всесвѣтлый Государь, всѣмъ еси государемъ прибѣжище, всѣмъ еси государемъ законъ, бѣднымъ еси подпора и бесерменомъ еси надѣя, законной земли грозный Государь, всѣмъ еси княземъ справедливая управа, всѣмъ княземъ вышній князь, земли еси тишина, обѣтникъ еси Николѣинъ» ⁴⁷²).... Въ слѣдующемъ 1493 г. Иванъ Васильевичъ самъ посылалъ пословъ, грека Мануила и Даніила Мамырева, въ Венецію и Миланъ. Эти послы возвратились въ 1494 г. съ иностранными мастерами: стѣннымъ, палатнымъ, пушечнымъ и др. ⁴⁷³). Въ маѣ того же 1493 г. въ Москву прибыло посольство отъ Конрада, князя мазовецкаго, бывшаго тогда во враждебныхъ отношеніяхъ къ сыновьямъ Казимира. Эта вражда сама собою указывала на естественный союзъ Конрада съ княземъ московскимъ, къ которому онъ и прислалъ посла Ивана Подосю, варшавскаго намѣстника, сватать за него одну изъ дочерей великаго князя. Иванъ Васильевичъ хотя и находилъ этотъ бракъ выгоднымъ для своей политики, но не торопился съ нимъ, а хотѣлъ сначала заключить съ Конрадомъ договоръ о вспоможеніи, какое дастъ мазовецкій князь противъ Казимировичей, и о назначеніи для будущей супруги его вѣна: великій князь хотѣлъ, чтобы дочь его, по

469) Карамз. VI, гл. 5; П. С. Р. Л. IV, 157, 160; VI, 37, 39, 239—240; VIII, 218—219, 222—223.

470) П. С. Р. Л. IV, 157, 159—160; VI, 39, 240, 279; VIII, 219, 222, 224.

471) Ibid. IV, 158; VI, 38, 240, 279; VIII, 220. Карамзинъ (VI, пр. 367 и текстъ) относитъ это посольство почему-то къ 1489 г.—Орда эта называлась Чагатайской по имени втораго сына Чингисъ-хана, Чагатая или Джагатая; иначе она называлась Синей и занимала закаспійскія земли по р. Сыръ — и Аму-Дарьѣ.

472) Ibid. IV, 160; VI, 39, 240; VIII, 224; Карамз. VI, пр. 370.

473) Ibid. IV, 162, 164; VIII, 226, 228.

выходѣ за Конрада, имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Мазовіи. Для заключенія этого договора Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Мазовію пословъ, но неизвѣстно, съ чѣмъ возвратились наши послы. Сношенія эти не имѣли никакихъ послѣдствій, вѣроятно, какъ справедливо предполагаетъ нашъ исторіографъ, отъ переменъ обстоятельствъ⁴⁷⁴). Наконецъ, къ тому же **1493 г.** относится начало сношеній Москвы съ Даніей. Датскій король Иванъ находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ польскимъ королемъ Казимиромъ, а потому когда, въ **1492 г.**, московскіе послы къ германскому императору, Трахоніотъ и Яропкинъ, ѣхали чрезъ Данію въ Любекъ, они подверглись въ Даніи нѣкоторымъ непріятностямъ, что дѣлалось, конечно, въ угоду польскому королю. Но непріязненные отношенія Даніи къ Швеціи, съ которой и великій князь московскій приходилъ въ частыя непріязненныя столкновенія, указали датскому королю на естественный союзъ его съ Москвой, — и вотъ, въ іюлѣ **1493 г.**, въ Москву прибылъ посолъ изъ Даніи «о братствѣ и любви»: договоръ былъ заключенъ. Въ томъ же году великій князь отправилъ въ Данію своихъ пословъ, Димитрія Ралева и дьяка Зайцева, которые «привели короля къ цѣлованію на докончальныхъ грамотахъ, и грамоты розняша»⁴⁷⁵).

Мы не говоримъ подробно о сношеніяхъ Ивана Васильевича съ Менгли-Гиреемъ, потому что одинъ только перечень посольствъ занялъ бы много мѣста: достаточно замѣтить, что союзъ и дружба ихъ направлены были противъ Литвы и Золотой орды. Другой союзникъ на югѣ былъ господарь молдавскій Стефанъ, съ которымъ великій князь часто спосился и даже, какъ мы видѣли, породнился. Но въ этихъ союзахъ, кромѣ политическихъ интересовъ, Иванъ Васильевичъ видѣлъ еще интересы торговые: московскимъ купцамъ выгодно было вести торговлю въ Азовѣ и Кафѣ. Такъ какъ послѣдняя управлялась константинопольскими пашами, то великому князю невольно приходилось сдѣлать шагъ къ сближенію съ султаномъ. По торговымъ дѣламъ съ Кафой ему помогали Менгли-Гирей; но многого онъ, какъ зависимый отъ султана, сдѣлать не могъ. Ивану Васильевичу нужно было выжидать такого случая къ сближенію съ главой правовѣрныхъ, отъ котораго не ронялось бы его достоинство. Такой случай представился. Паши султана въ Бѣлгородѣ имѣли однажды разговоръ съ великокняжескимъ дьякомъ Ѳеодоромъ Курицинымъ и въ разговорѣ упомянули о желаніи султана жить въ дружбѣ съ великимъ княземъ; Иванъ Васильевичъ поручилъ Менгли-Гирею развѣдать объ этомъ дѣлѣ, и послѣдній получилъ отъ Бая-

474) Ibid. VIII, 226; Карамз. VI, гл. 5.

475) Ibid. IV, 162—163; VIII, 226—227; Карамз. VI, пр. 366.

зета II такой отвѣтъ: «ежели государь московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ»; затѣмъ представился самый удобный случай для Ивана Васильевича завязать сношенія съ султаномъ. Русскіе купцы перестали ѣздить въ Азовъ и Кафу, потому что имъ причиняли тамъ обиды; Кафинскій паша обвинялъ въ этомъ передъ султаномъ Менгли-Гирея, и послѣдній обратился къ Ивану Васильевичу съ просьбой оправдать его въ глазахъ Баязета: великій князь отправилъ къ султану письмо, въ которомъ обвинялъ въ наспльяхъ азовскихъ и кафинскихъ чиновниковъ его, почему русскимъ купцамъ и запрещено было имъ, великимъ княземъ, ѣздить во владѣнія султана; въ концѣ письма великій князь напоминалъ, что отецъ Баязета, Магометъ II, былъ государь великій и славный, что онъ хотѣлъ отправить пословъ съ дружескимъ привѣтствіемъ къ нему, великому князю, но, по волѣ Божіей, его намѣреніе не исполнилось... «Для чего же не быть тому нынѣ?» въ заключеніе спрашиваетъ великій князь и выражаетъ надежду на полученіе отъ султана отвѣта. Письмо это писано 31 августа 1492 г. Другъ великаго князя, Менгли-Гирей, старался укрѣпить дружбу между Иваномъ Васильевичемъ и султаномъ. Но послѣдній долго медлилъ отвѣтомъ московскому князю. Въ 1497 г., когда великій князь узналъ, что къ нему посланъ былъ султаномъ посолъ, который по чему-то не доѣхалъ до Москвы, то самъ рѣшился отправить въ Константинополь посла, дьяка Михаила Андреевича Плещеева, который долженъ хлопотать передъ султаномъ о томъ, чтобы русскимъ купцамъ было безопасно и свободно торговать во владѣніяхъ султана. Менгли-Гирей снабдилъ Плещеева рекомендательными письмами и провожатыми. Наказъ, данный великимъ княземъ послу, исполненъ былъ въ точности, но грубо и шероховато, почему посольство это и имѣло не совсѣмъ благоприятные результаты. Такъ, Плещееву наказано было, чтобы онъ, изъясняя султану и сыну его Магмеду Шиходзѣ, кафинскому султану, дружбу великаго князя, для соблюденія достоинства этого послѣдняго, правилъ поклонъ стоя, а не на колѣняхъ, чтобы говорилъ единственно съ султаномъ, а не съ пашами и пр. Гордость московскаго посла удивила весь дворъ султана. Хотя наши обходились съ нимъ ласково, но онъ относился къ нимъ высокомерно: такъ, не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ, не взялъ даровъ ихъ и денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе, и гордо заявилъ, что онъ будетъ говорить только съ султаномъ. Тѣмъ не менѣе султанъ исполнилъ все, о чемъ просилъ его великій князь относительно торговли русскихъ купцовъ въ его владѣніяхъ, и ласково отпустилъ Плещеева. Въ письмѣ къ Менгли-Гирею Баязетъ какъ бы съ сожалѣніемъ говорить, что русскій государь, съ которымъ онъ желалъ быть въ любви, прислалъ къ нему какого-то невѣжду; что онъ не посылаетъ

своихъ людей на Русь, опасаясь, какъ бы ихъ не оскорбили тамъ: въ виду этого, султанъ предоставляетъ сношенія съ великимъ княземъ сыну своему, кафинскому султану. Впрочемъ, въ письмѣ къ самому Ивану Васильевичу Баязетъ не жаловался на его посла и называлъ послѣдняго добрымъ мужемъ, конечно, изъ любезности. Въ 1499 г. великій князь, отправляя грека Дмитрія Ралева въ Венецію, послалъ и къ Баязету и сыну его Алексѣя Голохвастова съ любезными письмами. Съ Голохвастовымъ рѣкой Дономъ отправилось и много купцевъ въ Азовъ. Цѣль этого посольства состояла въ томъ, чтобы исходатайствовать московскимъ купцамъ нѣкоторыя льготы по торговлѣ въ султанскихъ владѣніяхъ. Голохвастовъ возвратился уже въ 1500 г. съ посломъ отъ кафинскаго султана ⁴⁷⁶). Здѣсь же отмѣтимъ, что въ томъ же 1499 г. въ Москву приходилъ посолъ изъ Шемахи, гдѣ господствовалъ тогда султанъ Махмутъ, уже независимый отъ Персіи (отъ которой зависѣли его предшественники) и потому желавшій находиться въ сношеніяхъ со сосѣдними независимыми государями. На любезныя и ласковыя рѣчи его посла въ Москвѣ отвѣчали тѣмъ же, но дальше этого сношенія съ Махмутомъ не пошли ⁴⁷⁷).

Что же, къ чему повели всѣ эти сношенія? Къ прочному, долговременному ни къ чему они не привели и имѣли только временное политическое значеніе и временную славу княженія Ивана III. Только въ одномъ отношеніи они пережили свое время — въ отношеніи развитія на Руси ремеслъ и искусствъ: изъ западной Европы вывозили въ Москву разныхъ ремесленниковъ и художниковъ, у которыхъ — нѣтъ сомнѣнія — русскіе люди могли кое-чему понаучиться. Искусствомъ этихъ выходцевъ-иноземцевъ Иванъ Васильевичъ пользовался въ разныхъ областяхъ прикладныхъ знаній: въ строительномъ искусствѣ, литейномъ, въ горномъ дѣлѣ и пр. Не будемъ указывать на всѣ случаи, гдѣ прикладывались къ дѣлу европейскія знанія; укажемъ только на одинъ, весьма важный въ то время для великаго князя, по горному дѣлу... Драгоценные металлы въ старой Руси добывались посредствомъ внѣшней торговли вообще и въ частности — посредствомъ мѣновой торговли съ сибирскими народами. Такъ называемое *закамское серебро*, извѣстное еще вольнымъ новгородцамъ, давно уже было забыто по тому ли, что истощились источники его, или по тому, что съ паденіемъ Новгорода пала торговля съ помянутыми народами, — неизвѣстно. Въ княженіе Ивана III, когда предпринимались значительныя постройки, собирались громадныя ополченія, происходили сношенія съ иностранными

476) Ibid. VI, 42—44; VIII, 233, 236, 238; Карамз. VI, гл. 6.

477) Ibid.

дворами, — когда требовалось не мало денегъ на дары и благовидные подкупы разныхъ лицъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, казна должна была сильно истощаться, долженъ былъ чувствоваться сильный недостатокъ въ драгоценныхъ металлахъ. А между тѣмъ по слухамъ знали, что земли около Каменнаго Пояса (Уральскаго хребта) изобилуютъ такими металлами, и вотъ — два нѣмца, Иванъ и Викторъ съ Андреемъ Петровымъ и Василиемъ Болтинымъ, отправлены были на Печеру искать серебряной руды. Эти рудознатцы возвратились въ Москву въ **1492 г.** и сообщили, что въ вотчинѣ великаго князя, на р. Цильмѣ, они нашли серебряную и мѣдную руду на пространствѣ десяти верстъ. Важность этого открытія очевидна сама собою ⁴⁷⁸). Лѣтъ семь спустя послѣ этого открытія русскіе проникли даже за самый Каменный Поясъ и завоевали Югорскую землю, богатую серебромъ. Еще въ **1465 г.**, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ⁴⁷⁹), устюжанинъ Василий Скрыба съ толпой удалцевъ ходилъ за Каменный Поясъ воевать Югру и привелъ въ Москву двухъ тамошнихъ князьковъ. Великій князь, взявъ съ этихъ послѣднихъ присягу въ подданствѣ, отпустилъ ихъ, обложивъ Югру данью. Но за отдаленностью это завоеваніе было непрочное. Въ **1483 г.** Иванъ Васильевичъ опять посылалъ воеводъ, которые побѣдоносно прошли Печерскій край и Каменный Поясъ и углубились въ Югорскую землю. Югорскіе князья опять присягнули великому князю на подданство, — но результатъ былъ почти такой же, какъ и послѣ перваго завоеванія. Окончательно же Югра покорена была въ **1499 г.** Князь Семень Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій-Бражникъ съ пятью тысячами устюжанъ, двинянъ и вятчанъ приплыли къ Печерѣ и заложили на берегу рѣки крѣпость; 21-го ноября они пошли на лыжахъ къ Каменному Поясу и, съ неимоверными усиліями побѣждая природу, перебрались черезъ хребетъ, спустились въ равнину, куда явились князья югорскіе и обдорскіе съ предложеніемъ мира и вѣчнаго подданства московскому государю. Одну часть князей воеводы заставили дать «фоту» (присягу) по ихъ вѣрѣ, а другую, какъ и большой полонъ, отправили въ Москву, куда и сами прибыли передъ Пасхой ⁴⁸⁰).

Теперь опять возвратимся къ дѣламъ литовскимъ.

Мы видѣли уже, что попытка устроить бракъ Александра Казимировича съ дочерью Ивана Васильевича пока была оставлена и непріятельскія дѣйствія Москвы противъ Литвы продолжались; видѣли также, что литовскій князь чрезъ своего шпіона хотѣлъ, какъ выражались тогда, извести

478) Ibid. VIII, 221, 223; Карамз. VI, гл. 5.

479) Архангелог. лѣт. 141.

480) П. С. Р. Л. IV, 271; VI, 42—44; VIII, 237.

великаго князя московскаго. Конечно, это не могло настроить Ивана Васильевича на мирный ладъ по отношенію къ Литвѣ, и онъ не переставалъ побуждать своего друга Менгли-Гирея воевать послѣднюю. Въ **1493 г.** у крымскаго хана былъ посолъ Александра Казимировича, кн. Глинскій, съ требованіемъ, чтобы Менгли-Гирей уничтожилъ построенный имъ на Литовской землѣ г. Очаковъ, стоившій хану 150,000 алтынъ. Ханъ, въ угодность Ивану Васильевичу, задержалъ Глинскаго, а самъ вторгся въ Литовскія владѣнія, выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Перекопъ. Между тѣмъ, Очаковъ разоренъ былъ литовцами. Менгли-Гирей жаловался на это великому князю и говорилъ, что изъ дружбы къ нему онъ не взялъ отъ Александра 13,500 червонцевъ за литовскихъ плѣнныхъ, которые литовскій князь предлагалъ ему чрезъ султана, что онъ и опять готовъ воевать противъ Александра. Дѣйствительно, Менгли-Гирей продолжалъ тревожить Литву набѣгами. Александру, владѣвшему только Литвой, трудно было бороться одновременно съ княземъ московскимъ, ханомъ крымскимъ и господаремъ молдавскимъ, который, при посредствѣ Ивана Васильевича, заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Въ силу необходимости Александръ желалъ прочнаго мира. Въ Москву приходили литовскіе послы, въ-слѣдъ за которыми великій князь отправилъ въ Литву дворянина Загрянскаго, который долженъ былъ объявить Александру, что вотчины князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ входятъ въ составъ Московскаго государства, а потому литовскій князь не долженъ вступаться въ нихъ; при этомъ Иванъ Васильевичъ въ вѣрющей грамотѣ, данной Загрянскому, называлъ себя по обычаю *государемъ всей Руси*. Загрянскому отвѣчали, что по этому дѣлу въ Москву отправлены будутъ послы, которые, дѣйствительно, 29-го іюня того же **1493 г.** явились и именемъ своего князя требовали, чтобы Литвѣ возвращены были всѣ литовскія земли, захваченныя русскими въ послѣднее время; изъяснили также негодованіе на то, что великій князь присвоиваетъ себѣ новый и высокій титулъ, — называетъ себя *государемъ всей Руси*; въ заключеніе послы передали воеводѣ Ивану Юрьевичу желаніе Александра начать переговоры о вѣчномъ мирѣ. Бояре отвѣчали посламъ, что вышепомянутые князья всегда были слугами князя московскаго, что Литва завладѣла ими только благодаря невзгодамъ, постигшимъ нѣкогда Русь, но что теперь уже другія времена, — что великій князь въ грамотахъ ничего не пишетъ высокаго. Іюля 8-го послы уѣхали, а 16-го сентября одинъ изъ нихъ возвратился въ Москву за опасной грамотой для великихъ литовскихъ пословъ. Эти послѣдніе прибыли въ Москву въ январѣ **1494 г.** для заключенія мира; послѣ нѣкоторыхъ споровъ и увертокъ и съ той и съ другой стороны, пришли

къ слѣдующему соглашенію: Вязьма, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Таруса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещера оставались за Москвой; Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ и другія мѣста по р. Угру — за Литвой; кромѣ того, литовскій князь обѣщаль признавать титулъ великаго князя московскаго, какъ *государя всей Руси*, если онъ не будетъ требовать Кіева. Съ этими же послами рѣшено было и дѣло о бракѣ: 6-го февраля совершенно было обрученіе, причемъ мѣсто жениха заступалъ одинъ изъ пословъ, Станиславъ Гастольдъ; на слѣдующій день литовскіе послы присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мирнаго договора; на томъ же цѣловаль крестъ и великій князь. По этому договору оба государя, какъ и дѣти ихъ, обязуются жить въ вѣчной любви и помогать другъ другу во всякомъ случаѣ, — владѣть своими землями по старымъ рубежамъ; литовскій князь не долженъ принимать къ себѣ тѣхъ князей, которые отошли отъ Литвы къ Москвѣ, а также великихъ князей рязанскихъ, остающихся на сторонѣ великаго князя московскаго, который самъ будетъ рѣшать спорныя дѣла ихъ съ Литвой; великій князь московскій долженъ освободить двухъ князей мезецкихъ, посланныхъ имъ въ Ярославль; въ случаѣ обидъ между московскими и литовскими подданными, высылаются и съ той и съ другой стороны судьи на границу; литовскій князь никуда не долженъ отпускать изъ Литвы Михаила тверскаго, сыновей кн. можайскаго, Шемяки, кн. боровскаго, верейскаго, — а если они уйдутъ, то не принимать ихъ къ себѣ обратно и пр. Кромѣ того, литовскіе послы дали слово, что Александръ обяжется не принуждать будущую супругу свою къ перемѣнѣ вѣры. Послы три раза были приглашаемы къ великокняжескому столу. Февраля 11-го, прилично одаренные, они выѣхали изъ Москвы, а 18-го апрѣля въ Вильну пріѣхали московскіе: Василій и Семень Ряполовскіе, Михаилъ Яропкинъ и дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ. Александръ присягнулъ и размѣнялся мирными договорами, причемъ далъ грамоту относительно вѣроисповѣданія будущей супруги своей, но въ этой грамотѣ упомянулъ, между прочимъ, что если Елена сама захочетъ принять римскую вѣру, что это будетъ ея воля. Иванъ Васильевичъ сильно разгнѣвался на это и дѣло о бракѣ едва не остановилось. 6-го января 1495 г. въ Москву прибыло великое литовское посольство, во главѣ котораго стоялъ виленскій воевода, кн. Александръ Юрьевичъ. На посольскую рѣчь Иванъ Васильевичъ, въ приличномъ случаѣ отвѣтъ, замѣтилъ, между прочимъ, что Александръ долженъ помнить условіе, чтобы Елена ни въ какомъ случаѣ не перемѣняла закона. 13-го января великій князь слушалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и боя-

рамъ; по окончаніи службы онъ позвалъ литовскихъ пословъ къ церковнымъ дверямъ и вручилъ имъ невѣсту. Въ Дорогомиловѣ Елена прожила два дня вмѣстѣ съ матерью; братъ ея, Василій, угощалъ здѣсь пановъ роскошнымъ обѣдомъ; великій князь также два раза пріѣзжалъ къ своей дочери и въ послѣдній пріѣздъ вручилъ ей памятную записку, въ которой напоминаетъ ей, что она не должна ходить въ латинскую божницу; разъ или два, впрочемъ, позволилъ изъ любопытства посѣтить божницу или латинскій монастырь, но не болѣе. Во главѣ свиты будущей княгини литовской стоялъ кн. Семенъ Ряполовскій, которому тайно наказано было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ православной церкви и притомъ въ русской одеждѣ; наказано было также, чтобы Елена при вѣнчаніи на вопросъ епископа о любви ея къ Александру отвѣчала: «любь ми, и не остави ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ Закона; держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому». По пути въ Вильну невѣсту встрѣчали въ городахъ съ подобающею честью; самъ Александръ со всѣми радными панами встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны. Предъ вѣнчаніемъ соблюдены были всѣ русскіе обычаи: расплетеніе косы, осыпаніе хмѣлемъ и пр. Вѣнчаніе совершали въ церкви св. Станислава латинскій епископъ и православный священникъ Тома; послѣ вѣнчанія Александръ торжественно принялъ московскихъ бояръ. Начались веселые пиры, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылись и взаимныя неудовольствія... Еще во время сватовства Александръ присылалъ въ Москву пословъ съ жалобами на обиды, причиненныя русскими литовцамъ; по этому дѣлу въ Москвѣ обѣщана была управа. Но великій князь особенно недоволенъ былъ тѣмъ, что Александръ называлъ его въ грамотахъ только великимъ княземъ, а не *государемъ осей Руси*. Весной пріѣхалъ въ Москву маршалокъ Станиславъ съ брачными дарами, причемъ жаловался на молдавскаго господаря Стефана, разорившаго г. Бряславль; жаловался и на пословъ московскихъ, кн. Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые, будто бы, на обратномъ пути изъ Вильны въ Москву грабили литовцевъ; требовалъ, наконецъ, чтобы отозваны были русскіе, служащіе при Еленѣ, которая для услугъ имѣетъ достаточно и своихъ подданныхъ. Великій князь обѣщалъ примирить Стефана съ зятемъ своимъ, но изъявилъ негодованіе на то, что ни православному, ни митрополичьему намѣстнику въ Вильнѣ, архимандриту Макарію, не позволено было вѣнчать Елену; Иванъ Васильевичъ выражалъ неудовольствіе и на то, что Александръ не соглашался построить для Елены домовую православную церковь и удаляетъ отъ нея всѣхъ русскихъ. Великій князь, по уходѣ Станислава, послалъ въ Вильну гонца съ двумя письмами, изъ которыхъ одно было обыкновенное, а другое — съ тайнымъ наказомъ, чтобы Елена не держала

около себя людей латинской вѣры и не отпускала отъ себя русскихъ бояръ, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Василій Ромодановскій, пріѣхавшій въ Вильну вмѣстѣ съ женой своей. Переписку съ отцемъ Елена должна была хранить въ тайнѣ. Впрочемъ, Елена, обязанная извѣстными отношеніями къ отцу, не нарушала и правъ супруга и иногда отстаивала предъ отцемъ интересы своего новаго отечества. Такъ, когда до Вильны дошелъ слухъ, что Менгли-Гирей идетъ на Литву, она вмѣстѣ съ мужемъ писала отцу, прося его защиты; о томъ же писала и матери. По отношенію къ Менгли-Гирею Иванъ Васильевичъ находился теперь въ нѣсколько щекотливомъ положеніи: бракъ Елены состоялся безъ-вѣдома крымскаго хана, и съ кѣмъ? съ литовскимъ княземъ, противъ котораго и ханъ и московскій князь договаривались воевать заодно. Извѣщая Менгли-Гирея объ этомъ бракѣ, Иванъ Васильевичъ увѣрялъ хана въ своей неизмѣнной дружбѣ къ нему и предлагалъ ему помириться съ Литвой. Ханъ справедливо укорялъ великаго князя въ томъ, что онъ сдѣлалъ такое дѣло безъ-вѣдома его, что онъ, ханъ, напротивъ, никогда не измѣнялъ великому князю въ дружбѣ. Впрочемъ, Менгли-Гирей клялся все-таки умереть вѣрнымъ союзникомъ Ивана Васильевича и готовъ былъ заключить миръ съ Литвой, только бы Александръ вознаградилъ его за убытки, понесенные имъ въ войнѣ. Великій князь писалъ Александру, что если Менгли-Гирей не согласится на миръ, то Москва будетъ помогать Литвѣ противъ ея врага, но требовалъ, чтобы Александръ выполнилъ то, о чемъ прежде уже были переговоры: чтобы построена была домовая церковь для Елены, чтобы послѣднюю не принуждали носить польское платье, чтобы титулъ московскаго князя прописываемъ былъ весь и чтобы жена Бѣльскаго была отпущена въ Москву, куда бѣжалъ мужъ ея. Съ своей стороны Иванъ Васильевичъ отозвалъ изъ Вильны своихъ бояръ, которыхъ Александръ по чему-либо считалъ вредными для себя. Но подъ тѣмъ или другими благовидными предлогами Александръ не хотѣлъ исполнить ни одного изъ требованій Ивана Васильевича. Къ этимъ огорченіямъ со стороны зятя присоединилось еще новое: султанъ, по просьбѣ великаго князя, строго запретилъ притѣснять московскихъ купцовъ въ своихъ владѣніяхъ и отправилъ въ Москву посла съ дружественными увѣреніями, — но Александръ не пропустилъ ихъ чрезъ свои владѣнія, извѣщая своего тестя, что турецкіе послы никогда не ѣздили въ Москву чрезъ Литву, что онъ не пропустилъ ихъ, такъ какъ они могли быть и лазутчиками. Въ то же время литовскій князь, по совѣту окружавшихъ его пановъ, хотѣлъ дать въ удѣлъ младшему брату своему Сигизмунду Кіевскую область. Иванъ Васильевичъ, безкорыстно желая зятю добра, чрезъ Елену предостерегалъ его отъ опасности, могущей произойти отъ раздвоенія власти, между тѣмъ какъ Алек-

сандръ винилъ тестя въ томъ, что онъ вмѣшивается въ его дѣла; Иванъ Васильевичъ въ письмахъ къ Еленѣ спрашивалъ, почему мужъ ея не хочетъ жить съ нимъ въ любви и братствѣ, и получилъ отъ зятя отвѣтъ, что онъ поступаетъ такъ потому, что тестъ завладѣлъ многими городами и волостями литовскими, что онъ, великій князь, не устроилъ мира между нимъ, Александромъ, съ одной стороны, и ханомъ крымскимъ и господаремъ молдавскимъ — съ другой. Жалобы эти были неосновательны, такъ какъ послѣ договора съ Александромъ Иванъ Васильевичъ не захватывалъ ни волостей, ни городовъ литовскихъ. Это упрямство Александра повело къ тому, что великій князь московскій продолжалъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ въ прежнемъ духѣ. 11-го сентября **1496 г.** къ крымскому хану отправленъ былъ бояринъ, князь Звеница, чрезъ котораго Иванъ Васильевичъ извинялся передъ ханомъ, что за худымъ путемъ онъ не извѣстилъ его во-время о сватовствѣ Александра, и просилъ забыть все прошлое; миръ съ Литвой оставлялъ на волю хана и говорилъ, что если князь литовскій окажется кому-нибудь изъ нихъ врагомъ, то они вмѣстѣ пойдутъ на него. Тогда же великій князь посылалъ и къ Стефану и писалъ ему, вѣроятно, о томъ же. Въ **1497 г.** великій князь литовскій и братъ его Альбрехтъ, король польскій, хотѣли идти на Стефана войной; Иванъ Васильевичъ чрезъ посла требовалъ, чтобы Александръ «докончанія своего не рушалъ, а на свата на Стефана ратью не ходилъ». Вслѣдствіе этого Александръ возвратился изъ похода, но своихъ князей съ войсками все-таки послалъ на помощь къ брату своему ⁴⁸¹).

Но обратимся къ другимъ сосѣдямъ Москвы, и прежде всего къ ливонцамъ и шведамъ, и посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ Иванъ Васильевичъ, за послѣднее время, находился съ ними.

Въ **1492 г.** великій князь приказалъ заложить противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, новую крѣпость, которую называлъ по своему имени — Ивангородомъ. Конечно, это не могло понравиться ливонскимъ нѣмцамъ, это беспокоило ихъ и было, кажется, причиной того, что они продолжили миръ съ Москвой еще на десять лѣтъ ⁴⁸²). Вскорѣ послѣ того въ Ревелѣ, по извѣстію одного нѣмецкаго историка, сожгли одного русскаго, который уличенъ былъ въ какомъ-то гнусномъ преступленіи; ревельскіе граждане говорили тогда соотечественникамъ сожженнаго, что за такое преступленіе они сожгли бы даже и самого князя ихъ. Эти безразсудныя слова, по тому же историкъ, переданы были Ивану Васильевичу, который до того разнѣвался,

481) Ibid. II, 380; IV, 39, 42, 241, 163—165, 269; VIII, 227—229, 233; Ник. VI, 142—143; Карамз. VI, пр. 462.

482) Ibid. III, 144; IV, 161; V, 52; VI, 39, 240; VIII, 224; Карамз. VI, пр. 416.

что изломалъ трость свою, бросилъ ее на землю и, взглянувъ на небо, грозно произнесъ: «Богъ суди мое дѣло и казни дерзость» ⁴⁸³). Русскіе источники нѣсколько иначе передаютъ этотъ эпизодъ. Въ **1495 г.** Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Новгородъ дьяка Василя Жука и Данила Мамырева къ намѣстникамъ съ приказаніемъ учинить расправу съ нѣмецкими гостями изъ Колывани (Ревеля), «ихъ въ тюрьму посажати, и товаръ ихъ оправдати къ Москвѣ, и дворы ихъ гостинные въ Новѣгородѣ старые и божницы отняти» за то, что колыванцы причинили «новгородскимъ гостямъ многія обиды и поруганія, а иныхъ людей живыхъ въ котлѣхъ вариша»; кромѣ того они чинили поруганіе и посламъ московскимъ, ходившимъ въ Римъ и Фряжскую землю. Великій князь рѣшился на эту мѣру послѣ того, какъ ливонское правительство не исполнило его требованія — выдать ему ревельскій магистратъ. Нѣмецкихъ гостей находилось тогда въ Новгородѣ 49 человѣкъ изъ Гамбурга, Любека, Люнебурга и другихъ городовъ западной Европы. Это обстоятельство встрѣвило всю Германію. Ливонскіе нѣмцы, «познавъ свою вину и неправду предъ великимъ княземъ, обратились къ нареченному зятю Ивана, кн. Александру, съ просьбой, чтобы онъ «печаловался тестю своему за ихъ преступленіе и неправду». Послы отъ Александра, отъ великаго магистра и отъ семидесяти нѣмецкихъ городовъ прибыли въ Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобожденія нѣмецкихъ купцевъ. Болѣе года прошло, какъ нѣмецкіе гости томились по тюрьмамъ; наконецъ, великій князь смиловался, освободилъ ихъ (уже въ **1496 г.**). Это обстоятельство совершенно убило нѣмецкую торговлю, такъ какъ нѣмецкіе купцы боялись послѣ того ѣздить въ Новгородъ ⁴⁸⁴).

Нѣкоторые, между прочимъ, думаютъ, что великій князь поступилъ такъ съ нѣмецкими гостями въ угоду датскому королю, который находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Ганзѣ. Неизвѣстно, насколько это справедливо, но знаемъ, что въ то время король датскій и великій князь московскій заключили какой-то союзъ. Датскому королю важно было имѣть союзника и противъ шведовъ. Кажется, благодаря упомянутому союзу, въ томъ же **1496 г.** великимъ княземъ посланы были подъ Выборгъ воеводы: Даниилъ Щеня, бояринъ Яковъ Захарьевичъ и кн. Василій Ѳеодоровичъ Шуйскій. Еще раньше этого (въ концѣ **1495 г.**) Иванъ Васильевичъ посылалъ во Псковъ гонца съ требованіемъ, «чтобы отчина Псковъ послужила (ему) на Свею, на нѣмцы». Впрочемъ русскія войска не могли взять города и ограничились только тѣмъ, что на нѣсколько десятковъ верстъ

483) Карамз. VI, пр. 416—417 и текстъ къ нимъ.

484) П. С. Р. Л. IV, 164—165; VIII, 228—229; Ник. VI, 141—142; продолж. Нест. 336; Карамз. *ibid.*

вокругъ опустошили селенія. Но этимъ великій князь не хотѣлъ удовольствоваться: въ томъ же **1496 г.** онъ самъ поѣхалъ въ Новгородъ съ сыномъ Юріемъ и внукомъ Димитріемъ, оставивъ въ Москвѣ при Софіи старшаго сына Василія. Въ Новгородѣ архіепископъ и граждане торжественно встрѣтили его крестнымъ ходомъ, «яко же бо бѣ лѣпо государству ихъ... и бысть тогда радость велика о приѣздѣ его». Послѣ молебна и литургіи у св. Софіи, великій князь со всей своей свитой обѣдалъ у архіепископа. Между тѣмъ московскіе воеводы, по его приказу, опять ходили на шведовъ; походъ былъ удаченъ: воеводы возвратились съ большимъ полкомъ. Послѣ этого похода, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, Иванъ Васильевичъ уѣхалъ въ Москву, кажется, потому, что его туда требовали казанскія дѣла. Но далѣе тѣ же извѣстія передаютъ, что по его приказанію московскіе воеводы ходили въ Каянскую землю «на десять рѣкъ». Князьямъ Ушатымъ, которыхъ послалъ туда великій князь, били челомъ тѣ обитатели Каяніи, которые жили по р. Лименгѣ — били челомъ «за великаго князя» и вмѣстѣ съ воеводами приѣзжали въ Москву ихъ представители, которые клялись быть подданными великаго князя московскаго. Шведы не хотѣли остаться въ долгу: въ 70-ти легкихъ судахъ они приплыли въ Нарову изъ Стокгольма и взяли Ивангородъ. Князь Юрій Бабичъ, сидѣвшій въ городѣ, при ихъ приближеніи ушелъ, а воеводы, Иванъ Брюхо и Гундоровъ, стоявшіе не подалеку, не хотѣли почему-то помочь городу. Шведы, не надѣясь по отдаленности удержать крѣпость за собой, предлагали ее ливонцамъ, которые, однако, отказались отъ нея. Шведы ушли, захвативъ съ собой 300 плѣнниковъ. Отъ этой войны выигралъ, кажется, одинъ только датскій король, который, послѣ войны, объявленъ былъ и королемъ Швеціи. Само собою разумѣется, что король Даніи и Швеціи за оказанную ему великимъ княземъ любезность платилъ тѣмъ же; полагаютъ даже, что онъ отдалъ Ивану Васильевичу нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи, и въ такомъ случаѣ перемѣна посольствами въ **1500 и 1501 гг.** должна была имѣть цѣлью утвержденіе границъ между обоими государствами ⁴⁸⁵⁾.

У другихъ сосѣдей Москвы, восточныхъ, положеніе дѣлъ было смутное. Царь казанскій, Магметъ-Аминъ, держался по отношенію къ великому князю, какъ его присяжникъ. Но своею жестокостью и угнетеніями онъ возбудилъ противъ себя народъ и вельможъ: послѣдніе вошли въ тайныя

485) Ibid. III, 146; IV, 135, 165, 269—270; VI, 39—40, 240; VIII, 230—231; Ник. VI, 143—146, 149. Въ лѣтописяхъ Каянская земля называется еще землей Камской (IV, 269) и Гамской (ibid. 135) вм. Каянской, по р. Каянѣ, впадающей въ Ботнический заливъ выше Улеборга. Названія *Камская* и *Гамская* земля, очевидно, неумѣло передѣланы изъ словъ *Каянская земля*.

сношенія съ царемъ Шибанской орды Мамукомъ, котораго приглашали къ себѣ. Магметъ-Аминь извѣщалъ Ивана Васильевича, что на него идетъ Мамукъ, что князья казанскіе чинятъ ему насиліе, и просилъ помощи. Великій князь послалъ къ нему воеводу кн. Ряполовскаго съ сильною ратью, вслѣдствіе чего Мамукъ удалился отъ Казани, а недовольные царемъ казанскіе князья бѣжали къ нему. Когда опасность миновала, Магметъ-Аминь отпустилъ Ряполовскаго, а Мамукъ, пользуясь этимъ, опять подступилъ къ Казани и выгналъ оттуда Аминя, который бѣжалъ въ Москву. Это было въ 1497 г. Великій князь принялъ и держалъ его «честью». Между тѣмъ Мамукъ оказался едва-ли не хуже Магметъ-Аминя: отнималъ у купцовъ товары, у вельможъ — богатства ихъ; главныхъ доброжелателей своихъ, предавшихъ ему Казань, посадилъ въ тюрьму. Казанцы ждали только удобнаго случая отдѣлаться отъ него, и этотъ случай скоро представился: Мамукъ пошелъ на Арскъ, но городка этого не взялъ, а возвратиться въ Казань не могъ, такъ какъ жители хотѣли встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ вынужденъ былъ удалиться во-свояси. Тогда казанскіе вельможи отправили въ Москву пословъ бить челомъ великому князю, чтобъ онъ пожаловалъ ихъ — «нелюбки и вины» ихъ отдалъ, но Аминя не посылалъ бы къ нимъ, а далъ бы имъ втораго Ибрагимова сына, Абдыль-Летифа (Менгли-Гиреева пасынка). Великій князь отправилъ въ Казань кн. Семена Даниловича Холмскаго и кн. Ѳедора Палецкаго, которые возвели Абдыль-Летифа на царство Казанское и заставили гражданъ присягнуть великому князю въ вѣрности «по ихъ вѣрѣ». Чтобы удовольствоваться и Магметъ-Аминя, великій князь пожаловалъ его Кашпирою, Серпуховомъ и Хотунью и отпустилъ его изъ Москвы ⁴⁸⁶).

Въ то же время среди этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ безпокойствъ, проявилось, и весьма сильно, безпокойство домашнее, семейное. По смерти старшаго сына Ивана Васильевича, Ивана Младаго, который считался и прописывался въ официальныхъ документахъ, какъ и отецъ, великимъ княземъ, неизбежно представлялся вопросъ, кто будетъ преемникомъ великаго князя: внукъ ли его Димитрій, сынъ Ивана Младаго, или слѣдующій за Иваномъ сынъ, Василій Ивановичъ? Не замедлили образоваться сторонники одного и другаго: бѣльшая часть бояръ и самъ великій князь стояли скорѣе на сторонѣ Димитрія, — бояре потому, между прочимъ, что Елену окружали чисто русскіе люди, между тѣмъ какъ Софія окружена была выходцами-греками. Дѣло не стало и за подпольными интригами. Въ августѣ 1497 г. въ Москву пріѣзжала великая княгиня рязанская Анна, сестра

486) П. С. Р. Л. VI, 40—41, 270; VIII, 231—232; Ник. VI, 146—148.

Ивана Васильевича, который въ сопровожденіи всего семейства встрѣтилъ ее за городомъ съ великимъ почетомъ. Въ Москвѣ Анна пробыла до Крещенья; здѣсь устроился бракъ ея дочери съ кн. Ѳеодоромъ Ивановичемъ Бѣльскимъ, послѣ чего она поторопилась отъѣздомъ. Великій князь отпустилъ ее «съ великою честью и съ многими дары». Вскорѣ по отъѣздѣ ея (въ 1498 г.) «по дьявольскому навоженію и лихихъ людей совѣту восполѣся» великій князь на сына своего Василю и на супругу свою. Приближенные Василю и главнымъ образомъ дьякъ Ѳеодоръ Стромилловъ, свѣдавши о намѣреніи Ивана Васильевича объявить своимъ наслѣдникомъ внука Димитрія, совѣтовали Василю уѣхать изъ Москвы, захватить государеву казну въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ и надъ княземъ Димитріемъ «пзраду учинить». Это дошло до великаго князя, который, какъ уже сказано, «восполѣся гнѣвомъ» и «въ той спалкѣ» приказалъ казнить совѣтниковъ своего сына: дьякамъ Стромиллову и Гусеву, кн. Ивану Палецкому — Хрулю и Скрыбину, на Москвѣ рѣкѣ, отсѣкли головы; Аѳанасію Яропкину и Поярку — ноги, руки и головы; многіе дѣти боярскія посажены были въ тюрьму; къ Василю представлена была стража. Гнѣвъ великаго князя не миновалъ и Софіи за то, что къ ней приходили «бабы съ зелиемъ»; послѣ обыска, этихъ бабъ приказано было ночью утопить въ р. Москвѣ. Съ этого времени Иванъ Васильевичъ съ женою «нача жити въ бреженіи»: вѣроятно, онъ подозрѣвалъ Софію въ умыслѣ на жизнь Димитрія⁴⁸⁷). И такъ, Елена и ея доброты, кн. Иванъ Юрьевичъ и Семень Ряполовскій, торжествовали. Вскорѣ (февраля 4-го) Иванъ Васильевичъ торжественно короновалъ Димитрія въ Успенскомъ соборѣ по особо составленному для того чину, въ первый разъ упоминаемому лѣтописями во всей подробности. Но торжество Елены и Димитрія было непродолжительно: чрезъ годъ послѣ вѣнчанія (въ 1499 г.) Иванъ Васильевичъ измѣнился къ лучшему въ своихъ отношеніяхъ къ супругѣ и сыну. Къ сожалѣнію, лѣтописцы не объясняютъ этой переменѣ; они передаютъ только, что великій князь снова приказалъ разсмотрѣть это дѣло, и нашелъ, что тутъ были козни друзей Елены, что онъ обманутъ. Иванъ Юрьевичъ съ двумя сыновьями и зятемъ, кн. Семеномъ Ряполовскимъ, обвинены были въ крамолѣ и осуждены на смертную казнь. Не смотря на то, что отецъ Ряполовскаго спасъ нѣкогда Ивана Васильевича отъ преслѣдованія Шемяки, ему отрубили голову на р. Москвѣ 5-го февраля; происхождение (праправнукъ Ольгерда), родство съ великокняжескимъ домомъ (родной племянникъ Василя Темнаго), заслуги и ходатайство митрополита

⁴⁸⁷) Ibid. IV, 270; VI, 42—43, 241—243, 279; VIII, 234; Ник. VI, 151. Казнь совершена 27-го декабря.

Симона и другихъ архипастырей спасли Ивана Юрьевича Патрикѣева и сыновей его: Иванъ Юрьевичъ и старшій сынъ его, бояринъ Василій Косой, постриглись въ монахи, а меньшой сынъ Иванъ Мынинда остался въ домѣ подъ стражей. Теперь роли Софіи и Елены перемѣнились: хотя Димитрій назывался и считался еще наслѣдникомъ, но отношенія великаго князя къ нему и матери его становились холоднѣе. Старшаго сына Василія великій князь назвалъ государемъ, великимъ княземъ Новгорода и Пскова, съ извѣстіемъ о чемъ въ Псковъ отправленъ былъ посолъ. Псковичамъ это не понравилось. Они отправили въ Москву посадниковъ и бояръ бить челомъ великому князю, чтобы онъ держалъ отчину свою по старинѣ, чтобы государемъ ихъ былъ тотъ князь, который царствуетъ на Москвѣ. «Чи не воленъ язь въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ?» съ гнѣвомъ сказала великій князь посламя: «кому хочу, тому дамъ княженство!» Двоихъ изъ посадниковъ онъ приказалъ посадить «въ костерь», а остальныхъ отпустилъ, не пославъ поклона своей отчинѣ. Между тѣмъ еще до возвращенія пословъ изъ Москвы, во Псковъ пріѣхалъ архіепископъ Геннадій, но псковичи не позволили ему совершать богослуженія до возвращенія пословъ изъ опасенія, что онъ будетъ молиться за неугоднаго имъ князя Василія Ивановича. Черезъ другое посольство псковичи просили освободить заключенныхъ посадниковъ, но великій князь не уважилъ этой просьбы и приказалъ сказать Пскову, что «за бояриномъ все будетъ указано». Дѣйствительно, вскорѣ во Псковъ прибылъ бояринъ Чеботовъ съ поклономъ отъ великаго князя, который приказалъ сказать, что онъ держитъ отчину по старинѣ. Посадники были освобождены ⁴⁸⁸⁾ уже въ слѣдующемъ **1500 г.**

Но всего болѣе Ивана Васильевича заботили дѣла литовскія. Въ отношеніяхъ къ литовскому князю, только раздражавшему великаго князя московскаго своими придирками, дѣло явно клонилось къ разрыву. Въ Москву стали приходять вѣсти о томъ, что православіе въ Литвѣ начинаютъ тѣснить, православныхъ принуждаютъ къ латинству: въ **1500 г.** пришло извѣстіе, что Александръ вопреки договору принуждаетъ свою супругу принять католичество. Великій князь отправилъ къ Александру посла съ требованіемъ, чтобы относительно закона онъ оставилъ Елену въ покоѣ. Конечно, литовскій князь отрицалъ взводимое на него обвиненіе; сама Елена даже писала отцу, что она живетъ съ супругомъ въ мирѣ и согласіи и ничего не терпитъ въ дѣлѣ вѣроисповѣданія. Но Иванъ Васильевичъ получалъ объ этомъ извѣстія и съ другой стороны: такъ, въ томъ же **1500**

488) Ibid. IV, 270—272; VI, 23, 43, 241—243, 279; VIII, 234—236; Ник. VI, 151—152, 156—157; Степ. кн. II, 160; Арханг. 173.

году кн. Семень Ивановичъ Бѣльскій прислалъ къ Ивану Васильевичу челобитье о принятіи его въ службу, потому что въ Литвѣ «пришла великая нужда о греческомъ законѣ»; при этомъ Бѣльскій сообщалъ великому князю, что и дочь его Елену принуждаютъ къ католичеству. Бѣльскій принять былъ, и по этому дѣлу Александръ прислалъ въ Москву запросъ, на который Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что «взялъ князя Семена и съ вотчиною тою для нужды, что ихъ нудитъ (Александръ) приступити къ римскому закону»; при этомъ великій князь приказалъ сказать Александру, чтобы онъ не принуждалъ къ латинству не только Елену, но и всѣхъ, исповѣдующихъ греческій законъ, — въ противномъ случаѣ онъ всѣхъ будетъ принимать къ себѣ и стоять за нихъ. По той же причинѣ и въ томъ же 1500 году къ великому князю перешли въ подданство кн. Семень Ивановичъ Можайскій и кн. Василій Ивановичъ Шемякинъ, изъ которыхъ первый владѣлъ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, а второй — Рыльскомъ и Новгородомъ — Сѣверскимъ. Иванъ Васильевичъ принялъ ихъ и послалъ къ литовскому князю Телешева объявить ему объ этомъ и сказать, чтобы онъ не вступался въ отчины этихъ князей; въ то же время Телешевъ долженъ былъ вручить Александру розметную грамоту. Такимъ образомъ между Москвой и Литвой послѣдовалъ полный разрывъ. Хотя Александръ прислалъ въ Москву посла для переговоровъ, но наши войска подъ предводительствомъ бывшаго царя казанскаго уже вступили въ Литву и брали города: Мценскъ и Серпейскъ сдались добровольно; затѣмъ взять былъ Брянскъ, — епископъ и намѣстникъ брянскіе отправлены были въ Москву. Семень Можайскій и Василій Шемякинъ Ивановичи встрѣтились съ московскими полками, присягнули великому князю и начали дѣйствовать вмѣстѣ съ москвичами; къ нимъ присоединились еще князья Трубчевскіе. Воевода Яковъ Захарьевичъ скорѣе взялъ Путивль, плѣнилъ тамъ кн. Богдана Глинскаго съ женою и занялъ всю Литовскую Русь отъ Калужской и Тульской губерній до Кіевской; другой бояринъ, Юрій Захарьевичъ, вошелъ въ Смоленскую землю и взялъ Дорогобужъ. Противъ русскихъ выступилъ съ литовцами извѣстный кн. Константинъ Острожскій. Иванъ Васильевичъ прислалъ въ Дорогобужъ кн. Данила Щеню съ тверской силой, приказавъ ему предводительствовать большимъ полкомъ, а Юрію Захарьевичу — сторожевымъ; послѣдній оскорбился, не желая быть въ зависимости отъ кн. Данила, но Иванъ Васильевичъ уладилъ это дѣло. Оба воеводы остановились на берегу Ведроши близъ Дорогобужа; 14-го іюля произошла кровопролитная битва; долго исходъ ея казался сомнительнымъ: и та и другая сторона держались крѣпко; наконецъ, тайная засада, устроенная московскими воеводами, рѣшила битву: литовцы обратились въ бѣгство; тысячь

восемь легло ихъ на мѣстѣ, многіе утонули въ рѣкѣ; Константинъ Острожскій съ нѣкоторыми знатными панамъ попался въ плѣнъ. Іюля 17-го великій князь получилъ извѣстіе объ этой побѣдѣ отъ гонца Михаила Андреевича Плещеева, «и бысть тогда радость велика на Москвѣ». Князя Острожскаго посредствомъ угрозъ заставили присягнуть на подданство великому князю московскому; воеводы наши были обласканы великимъ княземъ. Въ то же время новгородскіе, псковскіе и великолудскіе полки, подъ предводительствомъ (только номинальнымъ) племянниковъ великаго князя, Ивана и Феодора Борисовичей волоцкихъ, разбили литовцевъ близъ Ловати и взяли Торопецъ. Ивану Васильевичу хотѣлось завершить побѣды надъ литовцами взятіемъ Смоленска: два раза онъ посылалъ подъ Смоленскъ сына своего Дмитрія (въ **1500** и **1502** гг.), но походы были неудачны ⁴⁸⁹).

Еще при самомъ началѣ войны Иванъ Васильевичъ извѣщалъ Менгли-Гирея о своемъ предпріятіи. Ханъ крымскій не замедлилъ: его сыновья въ августѣ начали пустошить Литву. Московскій князь поднималъ на Литву и Стефана молдавскаго. Александръ, въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, началъ укрѣплять города: Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ; старался примириться съ молдавскимъ господаремъ и Менгли-Гиреемъ, сносился съ ханомъ Золотой орды, нанималъ войска въ Польшѣ, Богеміи, Венгріи, Германіи и заключилъ союзъ съ Ливоніей. Магистръ ордена Плеттенбергъ требовалъ помощи отъ имперскаго сейма и ганзейскихъ городовъ. Но Александръ, какъ видно, мало надѣялся на свои силы, и въ **1501** г. въ Москву прибыли послы отъ братьевъ его, королей польскаго и венгерскаго, и отъ него самого съ предложеніемъ мира. Рѣшено было для этого ждать прибытія въ Москву большихъ пословъ. Между тѣмъ Александръ молчалъ, а нѣмецкіе ратные люди, нанятые имъ, грабя его же подданныхъ, сталкивались съ московскими отрядами. Великій князь рѣшился продолжать войну. Сынъ его Василій съ новгородскимъ намѣстникомъ, кн. Семеномъ Романовичемъ, долженъ былъ изъ Новгорода напасть на сѣверную часть Литвы; кн. Семень Стародубскій и Василій Шемякинъ и др. одержали побѣду надъ литовцами близъ Мстиславля, положивъ на мѣстѣ около семи тысячъ непріятеля, и возвратились въ Москву съ большимъ полономъ. Союзникъ Александра Плеттенбергъ приказалъ схватить въ Дерптѣ русскихъ купцевъ и заключить въ тюрьму и началъ пустошить Псковскую землю. Воеводы великаго князя 27-го августа **1501** г. были разбиты имъ близъ Изборска. Псковичи вооружались, а магистръ ордена, между тѣмъ, пустошилъ селенія

489) Ibid. II, 262; III, 146—147; IV, 135, 272; VI, 24, 45—46, 48; VIII, 238—240, 242; Ник. VI, 160—163.

по берегу р. Великой и 7-го сентября сжегъ Островъ. Московскіе воеводы стояли не подалеку, но не смѣли вступить въ битву, а между тѣмъ литовцы подступили къ Опочкѣ, по взятіи которой хотѣли соединиться съ ливонцами и идти на Псковъ. Къ счастію псковичей, въ ливонскомъ войскѣ открылась опасная болѣзнь (кровоавый поносъ), и Плеттенбергъ удалился, удалились и литовцы. Великій князь хотѣлъ отмстить за это Ливоніи: во второй половинѣ октября кн. Даниилъ Щеня съ княземъ Пенкомъ все опустошилъ вокругъ Дерпта, Нейгаузена и Мариенбурга. Долго рыцари сидѣли въ крѣпостяхъ; наконецъ, ночью выступили противъ московскихъ полковъ и хотя бились храбро, но не выдержали напора русскихъ и бѣжали. Они потомъ отплатили разореніемъ предместья Ивангорода. Между тѣмъ въ слѣдующемъ **1502 г.** ханъ Золотой орды выступилъ, въ надеждѣ на помощь литовскую, противъ Менгли-Гирея. Великій князь подаль послѣднему помощь. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ; но вскорѣ Менгли-Гирей совершенно истребилъ остатки Шигъ-Ахметовой орды. Этотъ ханъ еще сносился съ великимъ княземъ московскимъ, надѣясь при его помощи удержаться въ ордѣ, но вскорѣ, не имѣя пристанища въ своемъ улусѣ, попалъ въ Кіевъ, гдѣ коварно взятъ былъ своими союзниками-литовцами подъ стражу и умеръ въ Ковнѣ въ неволѣ ⁴⁹⁰).

Въ то же время по дѣламъ казанскимъ едва не порвалась дружба великаго князя съ Менгли-Гиреемъ. Мы видѣли, что казанскіе вельможи выпросили себѣ въ цари у Ивана Васильевича Абдыль-Летифа (Менгли-Гиреева пасынка), котораго великій князь и поддерживалъ. Въ **1499 г.** Летифу угрожалъ шибанскій царевичъ Агалакъ. Изъ Москвы послано было въ Казань войско съ кн. Ѳеодоромъ Бѣльскимъ: Агалакъ ушелъ въ свои улусы, и Бѣльскій возвратился, а въ Казани, для защиты царя, остались воеводы, кн. Михаилъ Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, которымъ вскорѣ (въ **1500 г.**) пришлось отражать отъ Казани ногайскихъ мурзъ, Ямгурчей и Мусу, покушавшихся изгнать Абдыль-Летифа. Года черезъ два съ небольшимъ (въ **1502 г.**) великій князь отправилъ въ Казань кн. Василья Ноздроватаго и Ивана Телешева схватить Абдыль-Летифа за его неправду, какъ сказано въ лѣтописи. Въ чемъ состояла эта неправда, неизвѣстно. Царь казанскій взятъ былъ, доставленъ въ Москву, откуда великій князь приказалъ отправить его на Бѣлоозеро въ заточеніе, а въ Казань послалъ опять Магметъ-Аминя. Менгли-Гирей оскорбился и просилъ Ивана Васильевича, извинивъ безразсудную молодость Летифа, или отпустить его, или наградить помѣстьемъ; при этомъ ханъ писалъ, что если великій князь

490) П. С. Р. Л. IV, 273—274; VI, 46; VIII, 240; Ник. VI, 163—166 и сл.

не исполнить его просьбы, то союзъ ихъ уничтожится. Великій князь, боясь отпустить Летифа, далъ ему приличное содержаніе и тѣмъ удовлетворилъ своего друга, такъ что Менгли-Гирей не переставалъ, въ угоду Ивану Васильевичу, тревожить Александра, тогда уже не только в. кн. литовскаго, но и короля польскаго. Сыновья хана съ 90,000 войскомъ въ августѣ **1502 г.** опустошили окрестности Лупка, Турова, Бряславля, Люблина и др. городовъ включительно до Кракова ⁴⁹¹).

Къ апрѣлю (11-го) того же **1502 г.** относится извѣстіе о томъ, что великій князь положилъ опалу на внука своего Димитрія и мать его Елену, запретилъ поминать ихъ на ектеніяхъ и литіяхъ, называть Димитрія великимъ княземъ, и приказалъ посадить ихъ «за приставы». Лѣтописи не указываютъ на причины этой немилости, которыхъ, можетъ быть, нужно искать въ какихъ-нибудь новыхъ проискахъ Елены. Черезъ два дня, апрѣля 14-го, Иванъ Васильевичъ пожаловалъ сына своего Василя, по благословенію митрополита Симона посадилъ его на великое княженіе Владимірское и Московское. Вслѣдствіе этого, не смотря на посредничество Менгли-Гирея, дружба между княземъ московскимъ и Стефаномъ молдавскимъ порвалась ⁴⁹²).

Между тѣмъ военныя дѣйствія противъ Литвы не прекращались. Мы уже говорили, что сынъ великаго князя Димитрій два раза ходилъ подъ Смоленскъ, послѣдній разъ — въ **1502 г.** Въ декабрѣ того же года Семенъ Стародубскій и Василій Шемякинъ опять ходили на Литву; городовъ хотя они и не завоевали, но сильно опустошили землю. Союзникъ Александра, магистръ Ливонскаго ордена, разорилъ Изборскъ и подступилъ къ Пскову, ожидая помощи отъ Литвы. Хотя литовская помощь и не являлась, однако Плеттенбергъ началъ осаду Пскова. На помощь псковичамъ шли воеводы, кн. Даниилъ Щеня и Василій Шуйскій. Стычки были кровопролитныя; недостатка въ мужествѣ не было ни съ той, ни съ другой стороны. Но результаты никому не были полезны. Александръ видѣлъ, что борьба съ Москвой ему не подъ силу и желалъ мира. Посредникомъ между обоими государями явился папа Александръ VI, который прислалъ въ Москву посла; онъ и кардиналъ его писали Ивану Васильевичу, что все христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями турокъ, что христіанскимъ государямъ надобно соединиться и изгнать ихъ; приглашали московскаго князя примириться съ в. кн. литовскимъ и королемъ венгерскимъ и вмѣстѣ съ ними и другими государями западной Европы идти на турокъ. Въ то же время былъ посолъ и

491) Ник. VI, 166; Карамз. VI, пр. 467 и 534 и текстъ къ нимъ.

492) Никон. л. VI, 167; Карамз. VI, прим. 537 и текстъ къ нему.

отъ брата Александрова Владислава, который просилъ опасной грамоты для литовскихъ пословъ въ Москву. Иванъ Васильевичъ, съ своей стороны, указывалъ на вѣроломство Александра, который наводилъ на Русь ливонскихъ нѣмцевъ и хана Золотой орды. Впрочемъ, великій князь сказалъ, что онъ радъ стоять за христіанство и позволяетъ явиться въ Москву королевскому посольству. Польскіе послы, прибывъ въ Москву, требовали, чтобы великій князь возвратилъ Александру всю отчину его, всѣ завоеванные русскими города въ Литвѣ. Иванъ Васильевичъ не только отвергъ это требованіе, заявивъ, что завоеванные города искони были русскими, но сказалъ еще, что будетъ добывать отъ Литвы и Кіевъ съ Смоленскомъ и другіе города. Въмѣсто вѣчнаго мира заключили на шесть лѣтъ перемиріе, причемъ великій князь пзъ уваженія къ зятю возвратилъ Литвѣ нѣсколько волостей и приказалъ новгородскому и псковскому намѣстникамъ заключить перемиріе съ Ливоніей также на шесть лѣтъ, а съ Швеціей не хотѣлъ имѣть никакихъ переговоровъ. Къ такому же перемирію Иванъ Васильевичъ приглашалъ и Менгли-Гирея, но только для вида: тайно онъ внушалъ ему, что лучше продолжать войну, что время перемирія нужно употребить на укрѣпленіе за собой завоеванныхъ литовскихъ городовъ и пр. ⁴⁹³).

Не задолго до кончины великаго князя была сѣграна свадьба (въ **1505 г.**) старшаго сына его Василя, женившагося на дочери дворянина Юрія Сабурова, Соломоніи. Во время свадебныхъ торжествъ, въ Москву пришло извѣстіе объ измѣнѣ присяжника великаго князя, казанскаго царя Магметъ-Аминя: побуждаемый своей женой, вдовой Алегамы, онъ задумалъ отложиться отъ Москвы. Въ концѣ іюня (24-го) на Казанскую ярмарку наѣхало много московскихъ купцевъ. Московскаго посла и купцевъ схватили; многихъ убили, многихъ ограбили, а иныхъ удалили въ ногайскіе улусы. Мало того, Магметъ-Аминь, вооруживши 40,000 казанцевъ и призвавши еще 20,000 ногайцевъ, вторгся въ Русь, осадилъ Нижній Новгородъ и выжегъ всѣ окрестные посады. Воеводой въ Нижнемъ былъ Хабаръ Симскій съ небольшимъ числомъ воиновъ. Въ этомъ критическомъ положеніи онъ освободилъ изъ тюрмы 300 литовскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Ведрошской битвѣ, роздалъ имъ оружіе и именемъ великаго князя обѣщалъ имъ свободу, если они постоятъ противъ татаръ. Литовцы храбро исполнили порученіе: Магметъ-Аминь бѣжалъ во-свояси; а литовцы дѣйствительно были освобождены и отпущены домой съ дарами ⁴⁹⁴).

Еще подъ **1503** годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ замѣтки, что ве-

493) Карамз. VI, пр. 544.

494) П. С. Р. Л. VI, 50; VIII, 245; Казанск. лѣт. гл. 12.

ликій князь начинается «пзнемогати». Но онъ держался еще года три и скончался 27-го октября **1506 г.**, причемъ лѣтописи замѣчаютъ, что онъ былъ на государствѣ 43 года и семь мѣсяцевъ, а отъ роду имѣлъ 66 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Тѣло его погребено было въ новой церкви Архангела Михаила ⁴⁹⁵).

Иванъ Васильевичъ женатъ былъ дважды: а) на княжнѣ тверской, Маріи Борисовнѣ, отъ которой имѣлъ сына Ивана, и б) на Софіи Ооминичнѣ, дочери морейскаго деспота Оомы, отъ которой имѣлъ дѣтей: Василія, Юрія, Дмитрія, Семена и Андрея, и дочерей: Елену, Θεодосію, другую Елену и Евдокію.

Младшіе сыновья Ивана Васильевича хотя и получили удѣлы, но не могли считаться владѣтельными князьями, такъ какъ не имѣли атрибутовъ князей независимыхъ: не имѣли права чеканить монету, объявлять войну, заключать миръ и т. п.

Согласно нашей задачѣ — дать, по возможности, полные біографическіе очерки великихъ и вообще владѣтельныхъ князей сѣверо-восточной Руси за татарскій періодъ Русской Исторіи, мы исполнили, въ настоящемъ томѣ, свое дѣло, на сколько у насъ хватило силъ и умѣнья, относительно великихъ князей, и, по обычаю, должны бы сдѣлать заключеніе къ этой части нашего труда. Но заключенія могутъ быть разнообразны, потому что выборъ ихъ долженъ быть цѣлесообразнымъ труду; а такъ какъ наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы исполненіемъ предположенной задачи дать справочную книгу, то мы и заключаемъ настоящіе очерки не какимъ-либо общимъ историко-философскимъ обобщеніемъ, а тѣмъ, что ближе къ нашей цѣли: мы предлагаемъ въ заключеніе

Хронологическій списокъ великихъ князей въ преемственномъ порядкѣ наслѣдованія ими великокняжескаго стола.

1. Ярославъ Всеволодовичъ съ 1238 † 1246 г. ⁴⁹⁶).
2. Святославъ Всеволодовичъ 1246—1248 г.
3. Михаилъ Ярославичъ Храбрый † 1248 г.

495) Ibid. II, 364 (подъ 1505 годомъ); IV, 136, 281; V, 261; VI, 49, 50, 52, 244; VIII, 243, 245, 248; Нак. VI, 173.

496) За каждымъ княземъ выставлены годы его княженія; если послѣдній годъ княженія извѣстнаго князя совпадаетъ со смертію этого князя, то мы ставимъ между годами знакъ †, — въ противномъ же случаѣ ставимъ *мире* (—). — Изъ Ростовско-Суздальской земли образовалось самостоятельное княжество въ XII в. и первымъ самостоя-

4. Андрей Ярославичъ 1248—1252 г.
5. Александръ Ярославичъ Невскій 1252 † 1263 г.
6. Ярославъ Ярославичъ тверскій 1263 † 1272 г.
7. Василій Ярославичъ костромскій 1272 † 1276 г.
8. Димитрій Александровичъ переяславскій 1276—1281 г.
9. Андрей Александровичъ городецкій 1281—1283 г.
10. Димитрій Александровичъ (во второй разъ) 1283 † 1294 г.
11. Андрей Александровичъ (во второй разъ) 1294 † 1304 г.
12. Михаилъ Ярославичъ тверскій 1304 † 1318 г.
13. Юрій Даниловичъ московскій 1319—1322 г.
14. Димитрій Михайловичъ тверскій 1322—1326 г.
15. Александръ Михайловичъ тверскій 1326—1327 г.
16. Иванъ Даниловичъ Калита московскій 1328 † 1341 г.
17. Семень Ивановичъ Гордый 1341 † 1353 г.
18. Иванъ Ивановичъ (Кроткій) 1353 † 1359 г.
19. Димитрій Константиновичъ суздальско-нижегородскій 1359 —
1363 г.
20. Димитрій Ивановичъ Донской 1363 † 1389 г.
21. Василій Димитріевичъ 1389 † 1425 г.
22. Василій Васильевичъ Темный 1425—1433 г.
23. Юрій Димитріевичъ галицкій 1433 † 1434 г. ^{496a}).
24. Василій Темный (во второй разъ) 1434 † 1462 г.
25. Иванъ III Васильевичъ, при которомъ пало Монгольское иго,
1462 † 1506 г.

тельными, но пока еще только удѣльными княземъ этого княжества былъ сынъ Владимира Всеволодовича Мономаха, Юрій, по прозванію Долгорукій, умершій великимъ княземъ въ Кіевѣ въ 1157 г.; первымъ же великимъ княземъ (владимірскимъ) Ростовско-Суздальской области былъ сынъ и преемникъ Юрія Долгорукаго, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій († 1174 г.), за которымъ, до Ярослава Всеволодовича, слѣдовали: братья его, Михаилъ (Михалко) Юрьевичъ († 1176 г.) и Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо († 1212 г.), — дѣти этого послѣдняго: Юрій Всеволодовичъ (занимавшій великокняжескій столъ два раза: съ 1212 по 1216 г. и съ 1219 по 1238 г.) и Константинъ Всеволодовичъ (занимавшій владимірскій столъ съ 1216 г. до своей смерти, т. е. 1219 г., послѣ чего братъ его Юрій во второй разъ занялъ великое княженіе).

496^a) Юрій за указанное время собственно два раза занималъ Москву: въ 1433 и въ томъ же году опять уступилъ ее Василію; во второй разъ — въ 1434 году, въ которомъ и скончался. Послѣ него Москву занималъ сынъ его Василій Косой; но этого послѣдняго, какъ и брата его, Димитрія Шемяку, мы не помѣщаемъ въ перечнѣ великихъ князей по кратковременности занятія ими Москвы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Великокняжескіе сыновья, не имѣвшіе почему-либо удѣловъ.

Оедоръ Ярославичъ.

р. 1219 † 1233.

Оедоръ Ярославичъ, старшій сынъ Ярослава Всеволодовича, князя переяславскаго, а потомъ великаго князя владимірскаго, родился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ зимой 1219 г. ⁴⁹⁷).

Въ 1228 г. Ярославъ Всеволодовичъ сдѣлалъ попытку поставить въ зависимость отъ себя Псковъ, но не удачно: псковичи не пустили его къ себѣ, опасаясь властолюбивыхъ замысловъ его и стѣсненія свободы. Тогда Ярославъ, собравши новгородцевъ на архіепископскій дворъ, сталъ жаловаться имъ на псковичей и требовать мести за нанесенную ему обиду; но новгородцы очень холодно отнеслись къ его жалобамъ. Вызванное княземъ изъ Переяславля войско не помогло дѣлу, такъ какъ новгородцы рѣшительно высказались противъ намѣреній Ярослава и требовали удаленія переяславскихъ войскъ. Въ досадѣ Ярославъ вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ Перея-

497) П. С. Р. Л. I, 188; VII, 126 («тоя жъ зимы»); XV, 329. Странное извѣстіе о какомъ-то Ярославичѣ находимъ въ Троицкой и Воскресенской лѣтописяхъ (ibid. I, 223; VII, 141). Въ указанныхъ мѣстахъ этихъ лѣтописей говорится, что татары, по взятіи Владимира, разсѣялись и взяли города: «Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, ту же и сына *Ярослава* убиша»... Какого Ярослава и какого сына? Ярославу Ярославичу, вполнѣдствіи тверскому князю и вел. кн. владимірскому, въ годъ нашествія Батыя было лѣтъ 8—10; что же касается остальныхъ сыновей Ярослава Всеволодовича, то годы смерти всѣхъ ихъ извѣстны, и ни одинъ изъ нихъ къ данному случаю не подходитъ. Такимъ образомъ приведенное извѣстіе остается для насъ пока загадкой.

славль. Однако онъ оставилъ въ Новгородѣ двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ, Θедора и Александра (Невскій), подъ присмотромъ Θедора Даниловича и тїуна Якимѣ ⁴⁹⁸).

Въ томъ же **1228** г. Новгородъ постигло бѣдствіе: всю осень и начало зимы до Николина дня шли непрерывные дожди: «не видѣхомъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, свѣтла дни»; нельзя было ни обрабатывать полей, ни косить луговъ. Къ этому присоединилось новое бѣдствіе — внутреннее междоусобіе. Народъ, пща виновника постигшаго его несчастья, обвинилъ новаго владыку Арсенія, устранившаго прежняго владыку и достигшаго архіерейскаго сана будто бы подкупомъ князя; затѣмъ начались грабежи: грабили представителей власти и вообще знатныхъ людей, которыхъ обвиняли въ томъ, что они наводятъ князя на зло. Вѣроятно, считая себя небезопасными при такомъ настроеніи умовъ въ Новгородѣ, Θедоръ Даниловичъ и тїунъ Якимъ тайно ночью уѣхали съ княжичами изъ Новгорода къ Ярославу ⁴⁹⁹). Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ новгородцы обратились къ Михаилу черниговскому, который, прибывъ въ Новгородъ, по возможности умиротворилъ гражданъ и скорѣ уѣхалъ, оставивъ тамъ малолѣтняго сына своего Ростислава. Между тѣмъ въ Новгородѣ, вмѣстѣ съ враждой между посадникомъ Водовикомъ и сыномъ извѣстнаго Твердислава, началъ свирѣпствовать голодъ. Граждане съ нетерпѣніемъ ожидали къ себѣ Михаила, но этотъ послѣдній, зная о приготовленіяхъ противъ него Ярослава, хотѣлъ прежде примириться съ нимъ. При посредствѣ митрополита Кирилла и черниговскаго епископа Порфирія примиреніе состоялось; но новгородцы были недовольны этимъ: они объявили сыну Михаила, бывшему тогда съ Водовикомъ въ Торжкѣ, что отецъ его измѣнилъ имъ, а потому они уже не признаютъ его болѣе своимъ княземъ. Ростиславъ ушелъ къ отцу, а новгородцы, избравши новаго посадника и тысяцкаго, призвали къ себѣ Ярослава, который торжественно клялся блюсти ихъ вольности: «цѣлова святую Богородицу на грамотахъ на всѣхъ Ярославлихъ». Чрезъ двѣ недѣли онъ уѣхалъ въ Переяславль, а въ Новгородѣ опять оставилъ сыновей своихъ, Θедора и Александра ⁵⁰⁰). Это было въ самомъ началѣ января **1230** года.

Между тѣмъ Михаилъ черниговскій, въ противность состоявшемуся

498) Ibid. I, 219; III, 43; IV, 29; V, 173; VII, 134; въ XV, 349—350 говорится о сношеніяхъ Ярослава съ псковичами и не исполнившемся намѣреніи его идти на Псковъ подъ 1228 годомъ, а подъ 1229 говорится о томъ, что онъ осенью ушелъ изъ Новгорода вмѣстѣ съ своей княгиней.

499) Ibid. III, 44; XV, 351.

500) Ibid. III, 47; IV, 29; XV, 357.

между нимъ и Ярославомъ примирѣнію, принималъ къ себѣ новгородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярослава, что и вызвало походъ послѣдняго къ Чернигову. Новгородскіе изгнанники и бѣглецы, утверждавшіе, что Ярослава въ Новгородѣ ненавидятъ, искали убѣжища въ Псковѣ, такъ какъ въ Черниговѣ узнали, что они лгали, говоря объ отношеніяхъ новгородцевъ къ Ярославу, почему имъ никто не хотѣлъ помогать, кромѣ трубчевскаго князя Святослава, да и тотъ воротился съ дороги, узнавъ, что дѣйствительно выходцы лгали. Псковичи приняли ихъ по-братски, а Ярославова представителя заковали въ цѣпи. Ярославъ, прибывши въ Новгородъ, остановилъ подвозъ товаровъ во Псковъ, вслѣдствіе чего въ послѣднемъ жители стали терпѣть отъ дороговизны. Наконецъ, псковичи смирились и просили, въ **1232 г.**, княземъ къ себѣ Ярославова сына Федора. Въ этомъ Ярославъ отказалъ, а предложилъ имъ въ князья сына Мстислава Удалого, Юрія, котораго псковичи приняли съ радостью ⁵⁰¹).

Въ томъ же **1232 г.** вел. кн. Юрій Всеволодовичъ послалъ сына своего Всеволода на Мордву ⁵⁰²). Съ нимъ ходили князья муромскіе и рязанскіе, а также и Федоръ Ярославичъ. Князья, по обычаю тогдашнихъ войнъ, выжгли множество селеній и избили многихъ жителей.

Въ слѣдующемъ **1233 г.**, въ началѣ іюня, среди приготовленій къ брачному торжеству, Федоръ Ярославичъ скончался; онъ погребенъ въ Георгіевскомъ монастырѣ. Лѣтописецъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ это событіе, какъ наказаніе за грѣхи: «Еще младъ, говоритъ онъ о Федорѣ, и кто не пожалуетъ сего? сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позваны, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе за грѣхи наша» ⁵⁰³).

501) Ibid. III, 48; XV, 360. См. выше, стр. 12—14.

502) Подробности этого эпизода см. подъ Василькомъ Константиновичемъ ростовскимъ, во II-мъ томѣ.

503) П. С. Р. Л. I, 196, 220; III, 49 (іюня 10); V, 173; VII, 138; XV, 361. Тѣло его найдено нетлѣннымъ и перенесено въ Софійскій соборъ, гдѣ, въ придѣлѣ Рождества Богородицы, положено поверхъ земли, въ 1614 г. Церковь совершаетъ память его 5-го іюня, хотя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ днемъ кончины его выставляется 10-е іюня. См. «Словарь истор. о святыхъ». Спб. 1836. — Въ 1244 г. скончалась мать Федора, Феодосія Мстиславовна, и положена была въ томъ же Георгіевскомъ монастырѣ подлѣ Федора. (П. С. Р. Л. III, 54; V, 182; VII, 152; XV, 385). Ср. прим. 42.

Даниилъ Ярославичъ.

1238 † 1256.

Даниилъ Ярославичъ, одинъ изъ младшихъ сыновей Ярослава Всеволодовича ⁵⁰⁴), въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1238** годомъ въ перечнѣ князей, которыхъ Богъ спасъ отъ меча Батыева ⁵⁰⁵). Затѣмъ онъ еще только два раза упоминается въ лѣтописяхъ: въ **1246** г. сентября 30-го вмѣстѣ съ дядей своимъ Святославомъ и братьями онъ оплакалъ смерть своего отца; тутъ же замѣчено въ лѣтописяхъ, что преемникъ Ярослава, Святославъ, племянниковъ своихъ «посажалъ по городамъ, якоже уряди братъ его, князь великій Ярославъ Всеволодичъ» ⁵⁰⁶). Но нѣтъ другихъ, — ни прямыхъ, ни косвенныхъ, — указаній на то, получилъ ли какой нибудь удѣлъ Даниилъ Ярославичъ или нѣтъ.

Даниилъ скончался въ **1256** г. ⁵⁰⁷). Былъ ли онъ женатъ и имѣлъ ли дѣтей, — извѣстій объ этомъ до насъ не дошло.

Василій Александровичъ.

р. послѣ 1238 † 1271.

О времени рожденія Василя Александровича, старшаго изъ четверыхъ сыновей Александра Ярославича Невского, лѣтописныхъ извѣстій до насъ не дошло ⁵⁰⁸). Въ первый разъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1245** г. Въ этомъ году литовцы сдѣлали набѣгъ на Новгородскую землю и воевали около Торжка и Бѣжецкаго Верха. Новоторжцы преслѣдовали ихъ, но не удачно; тверечи, напротивъ, побили ихъ подъ Торопцемъ. На другой

504) Не всѣ родословныя въ одинаковомъ порядкѣ (по старшинству) перечисляютъ сыновей Ярослава Всеволодовича. Но вѣрнѣе, кажется, тѣ родословныя, которыя считаютъ Даниила шестымъ изъ восьми сыновей Ярослава, потому что, если, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, считать его третьимъ, старшимъ — Ѳедора, а вторымъ — Андрея, то почему еще при жизни его Александръ (Невскій) уже выступилъ на сцену, а онъ — нѣтъ?

505) П. С. Р. Л. I, 200 (подъ 1239 г.), 225; V, 174; VII, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

506) Ibid. I, 201; VII, 156; Ник. III, 26—27.

507) Ibid. IV, 38.

508) Если бы Василій Александровичъ родился раньше 1238 г., то навѣрно былъ бы упомянутъ въ перечнѣ князей, которыхъ, по лѣтописи, Господь спасъ отъ Батыева меча, — но въ этомъ перечнѣ его нѣтъ.

день послѣ этого подоспѣлъ Александръ Ярославичъ съ новгородцами и отнялъ у литовцевъ весь полонъ, забранный ими въ Новгородской землѣ, причемъ убито было восемь литовскихъ князей. Новгородцы воротились домой, а Александръ вмѣстѣ съ дворомъ своимъ продолжалъ преслѣдовать литовцевъ и еще разъ побилъ ихъ. Оставивъ преслѣдованіе непріятеля, Александръ поѣхалъ въ Витебскъ, взявъ здѣсь сына своего Василя, который, вѣроятно, гостилъ у родственниковъ матери своей, Александры Брячиславны, дочери полоцкаго князя ⁵⁰⁹), и поѣхалъ далѣе, въ Новгородъ.

Въ 1252 г. Александръ Невскій, послѣ того какъ братья его Андрей бѣжалъ отъ татаръ, выѣхалъ изъ Новгорода во Владиміръ. Въ Новгородѣ остался, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, сынъ его Василій.

Въ слѣдующемъ 1253 г. литовцы опять сдѣлали набѣгъ на Новгородскую землю. Василій Александровичъ съ новгородцами догналъ ихъ близъ Торопца, побилъ и отнялъ у нихъ полонъ ⁵¹⁰). Въ 1255 г., по-видимому, безъ всякаго достаточнаго повода, новгородцы выгнали его изъ города, принявши къ себѣ Ярослава Ярославича тверскаго, который, также по неизвѣстнымъ причинамъ, ушелъ вмѣстѣ съ своими боярами изъ Твери въ Псковъ, откуда и приглашенъ былъ въ Новгородъ. Василій засѣлъ въ Торжкѣ и извѣстилъ объ этомъ отца. Александръ Ярославичъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Димитріемъ Святославичемъ, княземъ юрьево-польскимъ, пришелъ въ Торжокъ, а отсюда — къ Новгороду. Онъ требовалъ головы оклеветаннаго передъ нимъ посадника Ананіи, но ограничился только замѣною этого послѣдняго другимъ посадникомъ, Михалкомъ (Михаилъ Степановичъ), тайнымъ врагомъ Ананіи. Посадивши въ Новгородъ опять Василя, Александръ возвратился во Владиміръ ⁵¹¹).

Въ 1256 г. на Нарову приходили шведы, Емь, Сумъ и др. и начали ставить городъ. Въ это время въ Новгородѣ не было князя, и граждане отправили къ Александру Ярославичу пословъ съ просьбой о помощи. Великій князь самъ съ суздальскими и новгородскими полками ходилъ на Емь, воевалъ поморье и много вреда нанесъ непріятельской странѣ. Возвратившись изъ похода, онъ опять посадилъ въ Новгородѣ сына своего Василя, а самъ уѣхалъ во Владиміръ ⁵¹²).

509) П. С. Р. Л. III, 54; V, 182; XV, 386.

510) Ibid. III, 55; IV, 38; XV, 398; Ник. III, 35.

511) Ibid. I, 203; III, 55; V, 188; VII, 160; XV, 398; Ник. III, 35—36. См. также біографію Ярослава Ярославича тверскаго, во II-мъ томѣ.

512) Ibid. III, 56; IV, 38; V, 189; VII, 161; Ник. III, 37. Въ Никон. лѣтописи изъ одного похода подъ однимъ и тѣмъ же годомъ сдѣлано два. — Въ лѣтописяхъ говорится, что въ Новгородѣ не было князя... Вѣроятно, здѣсь разумѣется не Василій, а самъ Алек-

Все лѣто **1257 г.** новгородцы находились въ смятеніи и тревогѣ, потому что пришла злая вѣсть изъ Руси, что татары хотятъ брать на Новгородѣ тамгу и десятину ⁵¹³). По всему видно, что большая часть новгородцевъ не хотѣла платить татарамъ податей и налоговъ, и только немногіе сознавали трудность избавиться отъ этой бѣды. Къ числу первыхъ принадлежалъ и Василій Александровичъ. Зимой татары вмѣстѣ съ великимъ княземъ пришли въ Новгородъ, и Василій бѣжалъ въ Псковъ, зная, конечно, чего будетъ требовать отецъ его. Новгородцы не дали ни тамги, ни десятины, а дали только дары хану и съ миромъ отпустили татаръ. Разгнѣванный Александръ выгналъ сына изъ Пскова и отправилъ его «въ Низъ» (въ Суздальскую землю), а тѣхъ, «кто Василья на зло повелъ», казнилъ: «овому носа урѣзаша, а пному очи выпимаша» ⁵¹⁴). Новгородцы, въ свою очередь, убили посадника Михалка, вѣроятно, за то, что онъ держалъ сторону великаго князя, а на весну убили еще какого-то Мишу (Въ Никон. лѣтописи сказано, что убили посадника Михалка и другаго посадника [именемъ также] Михалка). Съ этихъ поръ Василій Александровичъ не упоминается въ лѣтописяхъ до самой кончины его, послѣдовавшей въ **1271 г.**

Василіи Александровичъ потомства не оставилъ ⁵¹⁵).

Александръ Димитріевичъ.

† 1292.

Объ Александрѣ Димитріевичѣ, внукѣ Невскаго, среднемъ изъ трехъ сыновей вел. кн. Димитрія Александровича, до насъ дошло одно только извѣстіе, что онъ въ **1292 г.** скончался въ ордѣ ⁵¹⁶). Хотя лѣтописи ничего

сандръ. Что касается вторичнаго сажанія Василія новгородскимъ княземъ, то это, вѣроятно, только подтвержденіе прежняго такого же акта. Во всякомъ случаѣ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ извѣстій о томъ, чтобы передъ тѣмъ Василій выѣзжалъ изъ Новгорода.

513) Тамга—родъ подати. Объ этомъ и подобныхъ ему терминахъ см. «Очеркъ внутр. устройства Улуса Джучіева» И. Березина, въ «Трудахъ вост. отд. Имп. Археол. Общ. ч. 8.

514) П. С. Р. Л. III, 56; IV, 38—39; V, 189; VII, 161; Ник. III, 38—39 (нодъ 1258 г.).

515) Ibid. VII, 170; Ник. III, 54. Александръ Ярославичъ хотѣлъ устроить бракъ Василія съ Христиной, дочерью норвежскаго короля Гакона. Отправляя въ 1251 г. пословъ къ этому послѣднему съ представленіемъ, что его Финмаркскіе подданные грабятъ нашу Лопъ и Корелію, что это должно быть воспрещено имъ, Александръ Ярославичъ вмѣстѣ съ тѣмъ наказалъ посламъ, чтобы они лично узнали Гаконovu дочь. Гаконъ изъявилъ согласіе и на то и на другое, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ (возмущенія противъ татаръ) Невскій долженъ былъ отложить это дѣло. Вообще, бракъ этотъ не состоялся. См. Карамз. IV, 44, прим. 87.

516) Ibid. I, 227; III, 65; V, 201; VII, 180.

не говорятъ о причинахъ поѣздки его въ орду, но такъ какъ въ то же самое время въ ордѣ хлопоталъ о великокняжескомъ достоинствѣ дядя его, Андрей Александровичъ, то можно предполагать, что поѣздка Александра Димитріевича въ орду была въ связи съ кознями Андрея, успивавшагося отнять великокняжескій столъ у отца его.

Занималъ ли какой нибудь удѣлъ Александръ Димитріевичъ, былъ ли женатъ и имѣлъ ли дѣтей, не видно ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ.

Иванъ Димитріевичъ.

р. 1290.

Иванъ Димитріевичъ — третій, самый младшій сынъ вел. кн. Дмитрія Александровича. Одна только Никоновская лѣтопись отмѣчаетъ подъ **1290** годомъ его рожденіе, а болѣе нигдѣ никакихъ свѣдѣній о немъ мы не находимъ⁵¹⁷).

Данилъ Ивановичъ.

р. 1320.

Изъ четырехъ сыновей Ивана Даниловича Калиты старшій Семенъ и третій Иванъ одинъ послѣ другаго занимали великокняжескій столъ; самый младшій, Андрей, сидѣлъ въ Боровскѣ; о второмъ же сынѣ, Данилѣ, извѣстно только то, что онъ родился въ **1320 г.**⁵¹⁸). Вѣроятно, онъ умеръ въ младенчествѣ.

517) Ник. III, 88. Мальгинъ («Зерцало...» 1794, стр. 293) считаетъ этого Ивана княземъ костромскимъ, говоря, что онъ и умеръ въ Костромѣ. Но костромскимъ княземъ былъ старшій Иванъ, сынъ Дмитрія же Александровича, а этотъ, младшій Иванъ, умеръ, надобно полагать, вскорѣ по рожденіи. Этого послѣдняго не должно смѣшивать съ Иваномъ костромскимъ: по Никон. лѣт. младшій Иванъ родился въ 1290 г., а старшій Иванъ, по Тверской лѣт., въ 1292 г. былъ женатъ. О послѣднемъ см. въ отдѣлѣ князей Переяславскихъ, во II-мъ томѣ.

518) Ник. III, 124. Не знаемъ, на какомъ основаніи М. Д. Хмыровъ (№ 653) говорить, что Данилъ родился 11-го декабря 1315 г. Старшій братъ, Семенъ, родился 7-го сентября 1317 г., а Данилъ считается вторымъ сыномъ Калиты.

Василій Семеновичъ.

р. 1337 † 1338.

О Василіи, старшемъ сынѣ Семена Ивановича Гордаго, извѣстно только то, что онъ родился 12-го апрѣля **1337 г.** и умеръ въ слѣдующемъ **1338 г.** ⁵¹⁹).

Константинъ Семеновичъ.

р. и † 1341.

Второй сынъ Семена Гордаго Константинъ родился въ **1341 г.** и жилъ только одинъ день ⁵²⁰).

Даниилъ Семеновичъ.

р. 1347.

Третій сынъ Гордаго, Даниилъ, родился 15-го декабря **1347 г.** ⁵²¹); умеръ неизвѣстно когда, но, надобно полагать, въ младенчествѣ.

Михаилъ Семеновичъ.

р. 1348.

О Михаилѣ, четвертомъ сынѣ Семена Ивановича Гордаго, извѣстно только, что онъ родился въ **1348 г.** и умеръ, кажется, въ младенчествѣ ⁵²²).

519) П. С. Р. Л. VII, 295; Ник. III, 163; по IV, 53 онъ родился въ 1338 г.

520) Ник. III, 175.

521) П. С. Р. Л. IV, 59 (подъ 1348 г.); VII, 214; Ник. III, 186.

522) Ник. III, 192.

Иванъ Семеновичъ.

р. 1351 † 1353.

Пятый сынъ Семена Ивановича Гордаго Иванъ родился зимой 1351 г., а скончался на первой недѣлѣ мѣсяца марта 1353 г. ⁵²³⁾.

Семенъ Семеновичъ.

р. 1352 † 1353.

Шестой и послѣдній сынъ Гордаго Семенъ родился 1352 г., а скончался въ 1553 г. ⁵²⁴⁾.

Даніилъ Димитріевичъ.

р. до 1371 г.

Старшій сынъ Димитрія Ивановича Донскаго Даніилъ извѣстенъ намъ только по упоминанію его въ родословныхъ и въ «Словѣ о житіи и преставленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича, царя рускаго» ⁵²⁵⁾. Такъ какъ лѣтописи ничего не говорятъ о немъ, то надобно полагать, что онъ скончался въ отроческихъ годахъ, а потому Строевъ въ «Указателѣ къ Ист. Росс. Госуд.» Карамзина неосновательно приписываетъ ему жену Марію ⁵²⁶⁾.

523) П. С. Р. Л. III, 86; VII, 215, 217; Ник. III, 193 (подъ 1350 г.), 202. Въ Воскр. лѣтописи сказано, что митр. Теогностъ скончался 1-го марта и что на той же недѣлѣ умерли дѣти Семена Ивановича, Иванъ и Семенъ, а въ Никон. сказано, что Теогностъ умеръ 11-го марта (далѣе — какъ въ Воскр.).

524) Ibid.; Ник. 200, 202.

525) Ibid. IV, 354; V, 90; VI, 109; VIII, 58. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ родословныхъ (напр. Головина) считаютъ Даніила однимъ изъ младшихъ сыновей Донскаго. Въ «Словѣ», а также и въ Никон. лѣтописи (IV, 191) дѣйствительно онъ считается седьмымъ, но не въ смыслѣ старшинства, почему тутъ же и прилагается къ нему эпитетъ «старѣйшій».

526) На это указалъ еще М. Д. Хмыровъ (№ 652). Дѣйствительно, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить ошибки Строева, какъ однимъ мѣстомъ (которое невѣрно объяснилъ себѣ Строевъ) духовной Юрія Димитріевича галицкаго, гдѣ говорится: «а благословляю сына своего Дмитрія (Шемяку): икона Спасъ, окована, что мя ею благословила *княгиня*

Иванъ Димитріевичъ.

1380 † 1393.

Иванъ Димитріевичъ, одинъ изъ младшихъ сыновей Димитрія Ивановича Донскаго ⁵²⁷), начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1380 г. Въ этомъ году Димитрій Ивановичъ, отправляясь въ походъ противъ Мамаея, оставилъ жену и дѣтей своихъ, Василя, Юрія и Ивана, на попеченіе воеводъ своихъ и, между прочимъ, Ѳедора Андреевича Свиблова ⁵²⁸). Далѣе онъ упоминается въ духовномъ завѣщаніи отца своего, который относится къ нему нѣсколько странно и загадочно. Донской говоритъ, между прочимъ: «А приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ: князю Василью, князю Юрью, князю Андрею, князю Петру». Объ Иванѣ въ этомъ мѣстѣ завѣщанія ничего не говорится; четверо братьевъ получили жребіи въ Москвѣ, — онъ не получилъ, хотя былъ старше Петра, родившагося въ 1385 г. Почему же такое предпочтеніе младшему брату передъ старшимъ? А между тѣмъ, какъ сейчасъ увидимъ, отецъ относился къ Ивану съ замѣтнымъ состраданіемъ. Распредѣляя волости между дѣтьми, Донской назначаетъ Ивану — послѣ младшаго изъ братьевъ, Петра — самое незначительное количество селеній: «А се даю сыну своему князю Ивану: Раменейце съ бортики и что къ нему потягло, да Звѣрковское село съ Сохонскимъ починкомъ, что отошло отъ князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему князю Ивану; а въ томъ удѣлѣ волень сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ». С. М. Соловьевъ, объясняя этотъ фактъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Иванъ былъ боленъ и не могъ имѣть надежды

Марья Данилова (т. е. жена кн. Данила). Здѣсь разумѣется Марья, жена Данила Борисовича суздальскаго, по матери двоюроднаго дяди Юріева. Вотъ почему въ Указателѣ Строева и нѣтъ жены Данила Борисовича суздальскаго. Мальгинъ («Зерцало»), неизвѣстно на какомъ основаніи, хотя и близко къ истинѣ, говоритъ, что Данилъ родился въ 1369 г. (слѣдующій сынъ, Василий, р. въ 1371 г.), а умеръ 15-го сентября 1379 г.

527) Относительно старшинства сыновей Донскаго существуютъ разногласія. Дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ трудно разобраться. М. Д. Хмыровъ (№ 835) пытался восстановить порядокъ ихъ по старшинству, но, кажется, неудачно. Предлагаемъ и свою комбинацію. Мы видѣли уже, что Данилъ въ «Словѣ» названъ «старѣйшимъ», почему и ставимъ его на первое мѣсто. И такъ, вотъ въ какомъ порядкѣ старшинства должны слѣдовать, по нашему мнѣнію, сыновья Донскаго: Данилъ «старѣйшій», Василій (р. 1371 г.), Юрій (р. 1374 г.), Семень († 1379 г.), Иванъ (начинаетъ упоминаться съ 1380 г.), Андрей (р. 1382 г.), Петръ (р. 1385 г.) и Константинъ (р. 1389 г.). Такимъ образомъ сомнѣніе возбуждаютъ только Семень и Иванъ. Неизвѣстно, кто изъ нихъ старше, но несомнѣнно, что четвертое и пятое мѣста принадлежатъ имъ, такъ что если четвертымъ сыномъ былъ не Семень, то — Иванъ, а Семень — пятымъ. См. прим. 530.

528) П. С. Р. Л. IV, 78; VI, 92; VIII, 36.

на потомство, очевидно, не сомнѣвается въ томъ, что Иванъ былъ женатъ, какъ не сомнѣвается и составитель «Родословной росписи» потомковъ Рюрикова дома, Головинъ. Едва ли это вѣрно. Если старшій изъ наличныхъ сыновей Донскаго, Василій, былъ женатъ въ 1391 г., а слѣдующій, Юрій, въ 1400 г., то когда же могъ бы жениться Иванъ? — Онъ не былъ женатъ и, надобно полагать, потому, что дѣйствительно былъ боленъ, но, кажется, не столько физически, сколько умственно. «Который братъ до него будетъ добръ» и т. д. О какомъ человѣкѣ можно такъ выразиться? О такомъ, о какомъ и въ наше время сказали бы: «блаженненькій» или что-нибудь подобное ⁵²⁹).

Иванъ Димитріевичъ скончался въ 1393 г., постригшись въ иноческій чинъ съ именемъ Іоасафа, и погребенъ въ кремлевской церкви (тогда монастырь) Спаса на Бору, близъ гроба бабки его, княгини Александры Ивановны ⁵³⁰).

Семень Димитріевичъ.

† 1379.

О Семенѣ Димитріевичѣ, одномъ изъ среднихъ сыновей Димитрія Донскаго, извѣстно только, что онъ скончался 11-го сентября 1379 г. ⁵³¹). Принимая въ соображеніе годъ женитьбы Донскаго (1367-й), надобно полагать, что Семень Димитріевичъ скончался въ младенческихъ годахъ.

529) С. г. г. и д. I, № 34. Головинъ въ своей «Родословной» даетъ Ивану Димитріевичу въ супруги Марію, въ иночествѣ Анастасію, — но откуда онъ почерпнулъ свѣдѣнія объ этомъ, не знаемъ.

530) П. С. Р. Л. VI, 123 (въ вариантахъ); VIII, 63; Ник. IV, 251. Въ Ник., стр. 191, гдѣ говорится о завѣщаніи Донскаго, между прочимъ, читаемъ: «по преставленіи же его (Донскаго) *плтй* сынъ его Иванъ преставись». Слѣдовательно и въ Воскр. лѣт. не по ошибкѣ, какъ то утверждаетъ «Указатель къ 8 тт. П. С. Р. Л.», сказано, что Иванъ умеръ *послѣ* отца. Напротивъ, въ «Словѣ» невѣрно сказано, что онъ умеръ раньше отца (см. П. С. Р. Л. IV, 354; VI, 109; VIII, 58, 60). Неизвѣстно, на какомъ основаніи и Головинъ считаетъ его умершимъ въ 1383 г. — Пресловутый Мальгинъ въ своемъ «Зерцалѣ» считаетъ этого Ивана почему-то не сыномъ, а братомъ Димитрія Донскаго.

531) Ник. IV, 82; Карамз. V, пр. стр. 58.

Юрій Васильевичъ.

р. 1395 † 1400.

Юрій Васильевичъ, старшій изъ пяти сыновей в. кн. Василя Димитріевича, родился весной **1395 г.**, а 30-го ноября **1400 г.** скончался; онъ погребенъ былъ въ храмѣ Архангела Михаила ⁵³²). Вотъ все, что дошло до насъ объ этомъ княжичѣ.

Иванъ Васильевичъ.

р. 1396 † 1417.

Иванъ Васильевичъ, второй сынъ в. кн. Василя Димитріевича, по однимъ извѣстіямъ родился въ **1396**, а по другимъ — въ **1397** году ⁵³³).

Василій Димитріевичъ, желая упрочить новый порядокъ престолонаслѣдованія (въ нисходящей линіи по праву первородства), написалъ духовное завѣщаніе (первое, въ **1405 г.**), по которому Иванъ становится наслѣдникомъ его, т. е. объявляется будущимъ великимъ княземъ, каковымъ и признали его: дядя Василя Димитріевича, Владиміръ Андреевичъ Храбрый, и братья великаго князя, Андрей и Петръ Димитріевичи. Последнее заключеніе мы выводимъ изъ слѣдующихъ словъ духовной грамоты великаго князя: «А о своемъ сынѣ (Иванѣ) и о своей княгинѣ покладаю на Божѣ и на своемъ дядѣ, на князи на Володимерѣ Одреевичѣ, и на своей брати, на князи на Одрѣѣ Дмитреевичѣ и на князи на Петрѣ Дмитреевичѣ *по докончанью*, какъ ся имуть печаловатися» ⁵³⁴).

Въ **1416 г.** января 14-го Василій Димитріевичъ сыгралъ на Москвѣ и свадьбу будущаго великаго князя, женившагося на дочери кн. Ивана Владиміровича Пронскаго ⁵³⁵). Но въ іюль мѣсяцѣ (20-го) слѣдующаго года,

⁵³²) П. С. Р. Л. VI, 124; VIII, 65, 74; Ник. IV, 257. По Софійской второй онъ родился 30-го мая, по Воскр. — 30-го марта, по Ник. — 1-го марта.

⁵³³) Ibid. VI, 129; VIII, 70. По первой изъ указанныхъ лѣтописей онъ родился 15-го сентября 1397 г., по второй — 15-го января 1396.

⁵³⁴) С. г. г. и д. I, № 39. Эта духовная писана въ промежутокъ времени между 13-мъ января 1405 г. и 19-мъ апрѣля (1406?), такъ какъ въ ней упоминается сынъ Василя Димитріевича Семенъ, родившійся 13-го января 1405 г. и жившій только 12 недѣль.

⁵³⁵) Тверск. 487.

на пути изъ Коломны въ Москву, наслѣдникъ Василія Димитріевича, «зѣло перевозжелѣнный ему» Иванъ Васильевичъ скончался, не оставивъ потомства⁵³⁶); онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Даниилъ Васильевичъ.

р. 1401.

Даниилъ Васильевичъ, четвертый изъ пяти сыновей в. кн. Василія Димитріевича, родился 6-го декабря **1401 г.**, «да недолго жилъ, какъ говорить лѣтопись,— толико пять мѣсяць и умре»⁵³⁷).

Семенъ Васильевичъ.

р. 1405 † 1406.

О Семенѣ Васильевичѣ, пятомъ и послѣднемъ сынѣ в. кн. Василія Димитріевича, знаемъ столько же, сколько и о братѣ его, Даниилѣ: онъ родился 13-го января **1405 г.**, «да жилъ 12 недѣль и умре»⁵³⁸).

Юрій Васильевичъ большой.

р. 1437 † 1441.

Юрій Васильевичъ большой, старшій изъ семи сыновей Василія Васильевича Темнаго, называемый въ лѣтописяхъ *большимъ* въ отличіе отъ

536) П. С. Р. Л. I, 235; III, 106, 136; IV, 202; V, 260; VI, 141; VIII, 88. Въ двухъ послѣднихъ лѣтоп. по ошибкѣ этотъ Иванъ названъ *нижегородскимъ княземъ. Карамзинъ считаетъ его отрокомъ.

537) Карамз. V, пр. 254.

538) Ibid. Семенъ упоминается въ первой духовной грамотѣ в. кн. Василія Димитріевича. См. пр. 534.

другаго брата, Юрія *меньшаго* или младшаго, кн. дмитровскаго, родился осенью **1437 г.** ⁵³⁹⁾, а умеръ зимой **1441 г.** ⁵⁴⁰⁾.

Семень Васильевичъ.

р. 1447—1449.

Семень Васильевичъ, пятый изъ семи сыновей Василия Васильевича Темнаго, родился 1-го сентября **1447 г.** Время смерти его неизвѣстно, но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, можно сказать, что онъ скончался не раньше второй половины іюля **1449 г.** и не позже **1453 г.**, и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, въ младенчествѣ ⁵⁴¹⁾.

539) П. С. Р. Л. V, 267; VI, 169; VIII, 106; Ник. V, 125. «Тое же осени родися великому князю сынъ Юрьи Васильевичъ болшій» («болшой», «пръвой», «болущей», очевидно, вм. «болшущій»). По Никон. и Соф. второй онъ родился осенью 1438 г.

540) Ibid. V, 267; VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 153.

541) Ibid. V, 269; С. г. г. и д. I, № 80—81. Въ указанномъ договорѣ в. кн. Василия Васильевича съ безудѣльнымъ княземъ суздальско-шуйскимъ, Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ, упоминается старшій изъ наличныхъ сыновей Темнаго, Иванъ, а также Андрей (углицкій), Семень и Юрій младшій (дмитровскій), но не упоминается Борисъ (волоцкій), шестой сынъ Василия Васильевича, и Андрей (вологодскій). По старшинству сыновья Василия Темнаго идутъ въ такомъ порядкѣ: Юрій старшій (р. 1437 г.), Иванъ (р. 1440 г.), Юрій меньшой (р. 1441 г.), Андрей углицкій (р. 1446 г.), Семень (р. 1447 г.), Борисъ волоцкій (р. 1449 г.) и Андрей вологодскій (р. 1452 г.). Такимъ образомъ, указанная грамота писана между 1447 г. (годъ рожденія Семена Васильевича) и 21-мъ іюля 1449 г. (годъ рожденія Бориса), такъ какъ въ ней упоминается Семень, но не упоминается Борисъ, а тѣмъ болѣе Андрей, родившійся позднѣе Бориса. Софья Витовтовна скончалась 15-го іюня 1453 года, къ которому можно отнести и ея духовную грамоту (С. г. г. и д. I, № 83); въ этой послѣдней упоминаются Иванъ, Юрій, Борисъ и Андрей, между тѣмъ какъ Семень не упоминается. Такимъ образомъ смерть Семена, надобно полагать, послѣдовала между 1449 и 1453 годами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Новгородской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ за періодъ времени отъ 1230 г. до паденія самостоятельности Новгорода.

Слѣдуя принятому плану, по которому мы должны давать краткія историческія свѣдѣнія о главныхъ центрахъ удѣльной сѣверо-восточной Руси, намъ нужно сказать нѣсколько словъ и о Новгородѣ Великомъ.

Первоначальная исторія Новгорода, какъ и многихъ другихъ древнихъ городовъ, основана на полубаснословныхъ или даже чисто баснословныхъ сказаніяхъ. Эти послѣднія дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ извлеченіяхъ, передѣлкахъ и дополненіяхъ позднѣйшихъ бытописателей и историковъ. Такъ, сказаніе, не дошедшей до насъ Іоакимовской лѣтописи о началѣ Словенска, вмѣсто котораго потомъ поставленъ былъ Новгородъ, и о первомъ князѣ словенъ Гостомыслѣ сохранилось въ лѣтописномъ сводѣ Татищева⁵⁴²), который, какъ и князь Щербатовъ, даетъ полную вѣру этому сказанію. Гостомыслъ, по этому послѣднему, былъ княземъ словенъ еще до Р. Хр.; онъ перешелъ съ своимъ словенскимъ племенемъ съ Дуная на сѣверъ Европы, гдѣ построилъ обширный городъ Словенскъ, въ которомъ и скончался. Спустя нѣсколько сотъ лѣтъ по его смерти, изъ потомковъ его въ сказаніи упоминаются Вандаля, Изборъ, Владиміръ и многіе другіе, наконецъ, въ девятомъ колѣнѣ Буривой. Этотъ Буривой, не выдержавъ борьбы съ варягами, бѣжалъ въ городъ Бярмы и тамъ скончался, а его враги овладѣли всей Словенской землей и начали жестоко утѣснять покоренныхъ. Утѣсняемые словяне выпросили у Буривой

542) Татищевъ I, 32—34.

въ князя себѣ сына его Гостомысла, который прогналъ варяговъ и, какъ и подобаетъ полубаснословному герою, началъ спокойно и мудро править землей и быть грозой для сосѣдей. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей, которые еще при жизни его умерли бездѣтными, и трехъ дочерей, которыя были въ замужествѣ за сосѣдними князьями. Гостомысла, какъ мудраго правителя, безпокоила мысль о томъ, что у него нѣтъ наслѣдника. Два раза онъ вопрошалъ боговъ объ этомъ послѣднемъ и получалъ благопріятные отвѣты, хотя и не вѣрилъ имъ, такъ какъ былъ старъ и жены его не рождали. Наконецъ, онъ увидѣлъ во снѣ, что изъ чрева второй дочери его Умилы выросло плодовитое дерево, которое вѣтвями своими покрывало какой-то обширный городъ и плодами своими насыщало людей. Призванные имъ волхвы или сногадатели объяснили сонъ въ томъ смыслѣ, что одинъ изъ сыновей Умилы будетъ его преемникомъ и что земля убоится его княженіемъ. Всѣ рады были этому обстоятельству и особенно тому, что преемникомъ будетъ не сынъ старшей дочери, который «негожъ бѣ». Передъ смертью Гостомыслъ созвалъ всѣхъ старѣйшинъ земли своей отъ Славянъ, Руси, Чуди, Мери, Кривичей и Дряговичей, рассказалъ имъ сонъ свой и отправилъ къ варягамъ посольство просить князя въ преемники себѣ. Такимъ образомъ и явились три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ ихъ родами.

Какъ выше замѣчено, Татищевъ безусловно вѣрить этому сказанію Іоакимовской лѣтописи и даже, неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ, пополняетъ ее свѣдѣніями о дочеряхъ Гостомысла. Іоакимовская лѣтопись называетъ по имени одну только Умилу, Татищевъ же говоритъ, что старшая была за княземъ Изборскимъ, что отъ этого брака произошла Ольга (впослѣдствіи жена Игоря); о меньшей же дочери ничего неизвѣстно, но предполагается, не была ли она матерью Вадима. Этотъ Вадимъ поднялъ новгородцевъ противъ Рюрика, отъ руки котораго и палъ. По безъосновательнымъ догадкамъ и предположеніямъ Татищева (въ его примѣчаніяхъ на Іоакимовскую лѣтопись), Вадимъ былъ, можетъ быть, внукомъ Гостомысла, какъ и Рюрикъ, но, происходя отъ старшей сестры, имѣлъ болѣе правъ на власть, нежели послѣдній, почему и былъ убитъ младшимъ (двоюроднымъ) братомъ. Эти сказанія, основанныя, вѣроятно, на желаніи дать естественное объясненіе факту призванія князей, въ позднѣйшее время (въ XVII в.) досужими грамотеями, и особенно извѣстнымъ Каменевичемъ-Рвовскимъ, передѣлывались по личному вкусу. Гостомысла, однако, они называютъ не княземъ, а новгородскимъ старѣйшиной, избраннымъ всенародно. Передъ смертью онъ созвалъ всѣхъ начальныхъ людей Русской земли и совѣтовалъ имъ, по его кончинѣ, отправить посольство въ Варяжскую землю и въ

Пруссію къ тамошнимъ *самодержцамъ* отъ рода Августа Кесаря и просить ихъ къ себѣ на княженіе. По смерти Гостомысла, который похороненъ былъ на Болотовѣ ⁵⁴³), сограждане его долго не хотѣли привести совѣтъ его въ исполненіе и не имѣли князей, а избирали только посадниковъ. Но безпрестанныя междоусобія заставили ихъ, наконецъ, отправить пословъ въ Варяжскую землю и въ Пруссію, къ тамошнему *курфюрсту* Рюрику, потомуку Августа Кесаря въ 14-мъ колѣнѣ. Щекатовъ ⁵⁴⁴), говоря о началѣ Новгорода, дѣлаетъ общую ссылку на новгородскихъ лѣтописцевъ, подъ которыми, очевидно, разумѣетъ варианты одного и того же сказанія. У него говорится, что задолго до построенія Новгорода, въ верстѣ или нѣсколько выше этого послѣдняго, былъ построенъ городъ Славенскъ, который населенъ былъ славянами. Но его опустошили войны и моровое повѣтріе; уцѣлѣвшіе жители перешли на берега Дуная и жили тамъ долгое время, но потомъ (въ половинѣ V в. по Р. Хр.) возвратились на прежнее мѣсто жительства и неподалеку отъ стараго города поставили *Новый городъ*; остатки же стараго на мѣстѣ, называемомъ Старое городище, видны и понынѣ.

На сколько въ этихъ баснословныхъ сказаніяхъ сохранились элементы о дѣйствительномъ происхожденіи Новгорода, судить, конечно, трудно. Но основа этихъ сказаній, безъ сомнѣнія, лежитъ отчасти въ дѣйствительныхъ фактахъ, а отчасти въ понятномъ желаніи какъ сравнительно древнихъ лѣтописцевъ, такъ и позднѣйшихъ сводчиковъ лѣтописныхъ извѣстій, хроникеровъ, найдти начало и рациональное (естественное) объясненіе того или другаго явленія, факта и пр. Фактъ призванія князей не подлежитъ сомнѣнію. Чѣмъ же вызванъ этотъ фактъ? Преданіе вообще могло сохранить причину его, а именно: отсутствіе крѣпкой власти, которая могла бы сдерживать частныя, эгоистическія стремленія, идущія въ разрѣзъ съ общимъ благомъ народа и производяція смуты и усобицы, и надобно полагать, что это такъ и было. Но позднѣйшіе хроникеры и составители отдѣльныхъ сказаній о тѣхъ или другихъ явленіяхъ въ древней Руси, въ противоположность своимъ первообразамъ, древнѣйшимъ лѣтописателямъ, которые и разукрашенныя народной фантазіей преданія вносили въ свои бытописанія, «не мудрствуя лукаво» (почему въ нихъ и можно до извѣстной степени разобратся), позднѣйшіе — говоримъ — хроникеры давали полный ходъ своей необузданной фантазіи: извѣстный голый фактъ они старались обста-

543) Болотово упоминается подъ 1348 г.: «Рѣша новгородци: братье плесковичи! то перво мы вамъ дали жалобу на Болотовѣ». П. С. Р. Л. IV, 58.

544) См. его «Геогр. словарь», IV, 685. Щекатовъ полагаетъ, что Новгородъ построенъ въ одно время съ Кіевомъ возвратившимися съ Дуная славянами.

вѣтъ интересными, по ихъ разумѣнію, подробностямъ; имъ нужны были дѣйствующія лица, по чему-либо необыкновенныя и часто съ драматическимъ положеніемъ, — словомъ, хроникеры, еще мало способные къ отвлеченному мышленію, старались изображать факты наглядно, конкретно, а для этого имъ приходилось выдумывать и дѣйствующихъ лицъ, и названія топографическія, географическія и т. п., или, наоборотъ, отъ послѣднихъ производить названія личныя.

Быль ли на самомъ дѣлѣ Гостомысль, сказать трудно. Надобно замѣтить, что у Нестора онъ не упоминается, но въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ⁵⁴⁵), какъ Софійскій (Софійская первая), говорится, что славяне, пришедши съ Дуная, сѣли около озера Ильмена, прозвались своимъ именемъ, поставили городъ, который назвали Новымъ-городомъ, и посадили у себя старѣйшину Гостомысла. Другой лѣтописный сводъ (Воскресенская лѣтопись) дополняетъ это извѣстіе нѣкоторыми подробностями, говоря, что, пришедши съ Дуная, славяне сѣли у Ладожскаго озера, а отсюда перешли къ озеру Ильмену и назвались инымъ именемъ—Русью, по имени рѣки Руссы, впадающей въ Ильмень; размножились здѣсь и посадили у себя старѣйшиной Гостомысла. А составитель Густинской лѣтописи, какъ бы сомнѣваясь въ существованіи Гостомысла, только послѣ передачи факта призванія князей, прибавляетъ: «Нѣци же глаголютъ, яко Гостомысль» и т. д.; какъ въ вышеприведенныхъ сказаніяхъ⁵⁴⁶). Преданіе о Гостомыслѣ держалось еще въ XVI в.: такъ, о немъ упоминаетъ Герберштейнъ, два раза посѣщавшій Россію въ первой половинѣ XVI в. Что касается самаго имени Гостомысла, то оно несомнѣнно могло существовать у славянъ; Гостомыслы упоминаются также въ древнѣйшей исторіи Мекленбурга⁵⁴⁷).

И такъ, первоначальная исторія Новгорода все-таки остается для насъ неясной, подернутой, такъ сказать, туманомъ баснословныхъ сказаній, къ составленію которыхъ часто подавали поводъ, вѣроятно, названія географическія, топографическія и т. п. Надобно полагать, что такимъ-то именно образомъ и произошли, на примѣръ, такіа баснословныя сказанія,

545) И только, какъ сейчасъ увидимъ, въ двухъ, если не считать Густинскую лѣтопись, которая, впрочемъ, и не представляетъ изъ себя свода, а только выдержки изъ сводовъ съ примѣсью личныхъ разсужденій автора о нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Странно, что сказаніе о Гостомыслѣ не вошло даже въ такой лѣтописный сводъ, какъ Никоновская лѣтопись.

546) П. С. Р. Л. II, 235; V, 83; VII, 231, 268.

547) Шлѣцеръ: «Несторъ» I, 303. Миллеръ, замѣтимъ, между прочимъ, недоумѣвалъ, собственное ли, или—лучше сказать—личное ли имя Гостомысль, или это прозвище: *Гостомилъ* (онъ предполагаетъ, что такъ было въ подлинникѣ), т. е. любитель гостей, чужестранцевъ.

какъ приводимыя Н. И. Костомаровымъ въ его «Исторіи Новгорода»⁵⁴⁸), въ которыхъ географическія имена, какъ, напримѣръ, рр. Руса и Волховъ и озеро Ильмеръ (Ильмень), связываются съ именами личными; названіе одного изъ новгородскихъ концовъ *Славянскимъ*, а самаго города *Новымъ* городомъ, могло повести къ предположенію о существовавшемъ когда-то *старомъ* городѣ, городѣ *Славянскѣ*^{548a}).

Такимъ образомъ о древности Новгорода вообще и времени основанія его въ частности ничего опредѣленнаго нельзя сказать. Но что Новгородъ въ эпоху призванія князей имѣлъ уже весьма важное значеніе среди славянскихъ поселеній сѣвера, это видно изъ того, что онъ стоялъ во главѣ союза племенъ, рѣшившихся призвать князей. Это обстоятельство само собою указываетъ на давнее возникновеніе города и на сравнительно высокое матеріальное развитіе его еще до призванія князей.

Благосостояніе Новгорода происходило не отъ главнаго общеславянскаго занятія хлѣбопашествомъ, для котораго неудобна была болотистая почва занятой новгородскими славянами территоріи, но отъ другихъ причинъ, и прежде всего отъ торговли, которая, въ свою очередь, вызвала среди новгородцевъ сильное колонизаціонное движеніе на востокъ и сѣверо-востокъ, въ бассейнъ Волги и Сѣвернаго ледовитаго океана. Выгодное положеніе Новгорода при выходѣ Волхова изъ озера Ильменя, въ сѣверной части великаго воднаго пути «изъ Варягъ въ Греки» само собою опредѣляло торговую дѣятельность новгородцевъ, и въ первые годы своего историческаго существованія новгородцы, конечно, сносились съ югомъ по торговымъ дѣламъ; съ юга же они получали и хлѣбъ. Только впослѣдствіи, когда южную Русь начали терзать и разорять, съ одной стороны, княжескія усобицы, съ другой — набѣги степняковъ, хищныхъ азіатовъ, а сѣверо-восточная Русь заселялась и обстраивалась городами и селеніями и начала выступать главнымъ историческимъ дѣтелемъ сѣверо-восточной Европы, торговые интересы отвлекли Новгородцевъ отъ юга на востокъ и сѣверо-востокъ, а при дальнѣйшемъ развитіи экономической жизни и на западъ, гдѣ Новгородъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Ганзой.

548) См. его «Монографіи» т. VII, въ которомъ заключается «Исторія Новгорода, Пскова и Вятки», а въ отдѣльномъ изданіи — «Сѣверно-русскія народоправства».

548a) По мнѣнію Миллера (S. Russ. Gesch. V, 383) о Славянскѣ напоминаетъ Старое Городище близъ Новгорода. Эверсъ не признаетъ ни Славянска, ни того мнѣнія, что основанный осѣвшими около Ильменя славянами городъ названъ *новымъ* въ отличіе отъ *старого* (Славянска); городъ названъ *новымъ*, по мнѣнію Эверса, безотносительно, какъ и извѣстные въ древней географіи восемь Неаполей. (См. «Предвар. критич. изслѣдованія Густава Эверса для Росс. исторіи», кн. I, гл. 2, пр. 1).

Но кто же были эти новгородскіе славяне, откуда они пришли и какъ обширны были ихъ владѣнія?

Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, какъ Д. И. Иловайскій⁵⁴⁹), считаютъ новгородскихъ славянъ тождественными кривичамъ, славянскому племени, обитавшему по Зап. Двинѣ и верховьямъ Дняпра (въ нынѣшнихъ Витебской и Смоленской губ.); другіе, какъ И. Д. Бѣляевъ⁵⁵⁰), говорятъ, что Полоцкъ, Смоленскъ и даже Черниговъ были новгородскими колоніями; Н. И. Костомаровъ⁵⁵¹), наконецъ, на основаніи фонетическихъ данныхъ языка, а также и позднѣйшихъ баснословныхъ измышленій грамотеевъ, на которыя указано выше, считаетъ новгородскихъ славянъ южно-руссамъ и въ извѣстной своей монографіи («Сѣверно-русскія народоправства») усиливается провести эту мысль часто не безъ натяжекъ. Что касается кривичей, то мы видимъ ихъ въ числѣ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи князей; внѣшней же связи Чернигова съ Новгородомъ не видимъ; самые кривичи участвовали въ призваніи князей (а слѣдов., предполагается, входили въ составъ союза, во главѣ котораго стоялъ Новгородъ), можетъ быть, только потому, что были очень близкими сосѣдями новгородскихъ славянъ, съ которыми могли находиться въ тѣсныхъ сношеніяхъ⁵⁵²).

Что касается обширности какъ самаго Новгорода, какъ центра новгородскихъ славянъ, и его владѣній, то относительно перваго вопроса существуютъ только предположенія и болѣе или менѣе удачныя догадки, — относительно же втораго — есть нѣсколько указаній, изъ которыхъ только одно относится къ болѣе раннему періоду существованія Новгорода, остальные же относятся къ болѣе позднему періоду, когда Новгородъ вошелъ

549) См. его статью въ «Вѣстн. Европы», 1864, № 8: «Великій Новгородъ и Бѣлорусія». Болѣе подробный сводъ мнѣній объ этомъ предметѣ см. въ 1-мъ т. «Р. Исторіи» К. Н. Бестужева-Рюмина, въ главѣ о Новгородѣ.

550) См. его «Разказы изъ Р. Исторіи».

551) «Сѣверно-русскія народоправства» I, 3—13 (отдѣльное изданіе), вошедшія въ VII томъ его «Историч. монографій». Мнѣнія Костомарова подробно разсмотрѣны А. Θ. Гильфердингомъ («Собр. сочиненій» II, 407—412).

552) Указывая на то, что подъ Весью и Мерей должно разумѣть славянскихъ колонистовъ — господствующій классъ, Н. И. Костомаровъ (Моногр. т. VII, гл. 2) считаетъ участниками въ призваніи князей и кіевскихъ славянъ. Какъ на доказательство своей мысли, онъ указываетъ на то обстоятельство, что Аскольдъ и Диръ, вѣроятно, обманули кіевлянъ своимъ самозванствомъ, такъ какъ, по приходѣ Олега въ Кіевъ и заявленіи имъ о настоящемъ князѣ, кіевляне не вступились за княжившихъ у нихъ братьевъ и легко допустили умертвить ихъ. Догадка, можетъ быть, и остроумная, но едва-ли вѣрная: почему же кіевляне не должны были вѣрить Асколду и Диру, а Олегу вѣрить? Скорѣе тутъ дѣло въ силѣ, чѣмъ въ правѣ: кіевляне платили дань хозарамъ, но пришли Аскольдъ и Диръ, мечъ которыхъ оказался сильнѣе хозарскаго, и кіевляне признали ихъ своими владыками; въ свою очередь мечъ Олега оказался сильнѣе Аскольдова, и кіевляне признали Олега и Игоря.

уже въ тѣсныя отношенія къ Суздальской землѣ (которую онъ называлъ по ея географическому положенію относительно себя — Низовскою землею, Низомъ) и ея князьямъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, кажется, совершенно вѣрно полагають, что Новгородъ, подобно Кіеву, возникъ изъ отдѣльныхъ поселеній, группировавшихся около общаго града: названія концовъ, какъ *Плотничій*, *Гончарный*, указываютъ какъ бы на нѣкогда бывшія отдѣльныя слободы, населеніе которыхъ занималось своимъ опредѣленнымъ ремесломъ; эти слободы постепенно расширялись и примкнули, наконецъ, къ центру, съ которымъ и составили одно цѣлое. Особое управленіе концевъ и частыя враждебныя столкновенія между ними какъ бы указываютъ именно на нѣкогда бывшую обособленность ихъ, на отдѣльные ихъ интересы. Когда всѣ части слились въ одно цѣлое, Новгородъ сталъ опредѣленно дѣлиться на двѣ крупныхъ части, которыя назывались сторонами и, въ свою очередь, дѣлились на концы: на *Софійской сторонѣ* были Неревскій, Загородный и Гончарный концы; на *Торговой сторонѣ* — Плотничій и Словенскій. Впослѣдствіи число концевъ увеличилось. Концы дѣлились на улицы. Названія нѣкоторыхъ концевъ и улицъ указываютъ или на родъ занятій жителей (Гончарный конецъ, гдѣ жили гончары, — Плотничій конецъ, гдѣ жили плотники), или на племенное происхожденіе жителей (Прусская улица съ пруссами, Неревскій конецъ съ неревлянами, Варяжская улица, гдѣ жили варяги⁵⁵³). Вѣроятно, сравнительно большое количество концевъ и улицъ подало нѣкоторымъ поводъ заключать объ обширности древняго Новгорода; но еще митрополитъ Евгеній, на основаніи состава почвенныхъ слоевъ въ окрестностяхъ Новгорода, доказалъ несостоятельность этого мнѣнія⁵⁵⁴).

Что касается обширности владѣній Новгорода, за чертой его самого, или волостей св. Софіи, какъ любили называть свои владѣнія новгородцы, то, само собою разумѣется, они пріобрѣтались постепенно. Но мы не имѣемъ точныхъ указаній на время пріобрѣтенія этихъ волостей. Изъ приводимаго «Повѣстью временныхъ лѣтъ» (стр. 169) разсказа новгородца Юраты Роговича видно, что новгородцы въ XI вѣкѣ собирали дань съ Печеры; въ XII в. совершались частые походы въ Заволочье (земли отъ

553) Въ Новгородской лѣт. (П. С. Р. Л. III, 208) подъ 1014 годомъ замѣчено, что Варяжская улица получила свое названіе отъ того, что въ ней жили варяги, призванные Ярославомъ I, когда противъ него собирался отецъ его, Владиміръ (святій).

554) Бѣляевъ, Разсказы изъ Русск. Ист. II, 2; Митроп. Евгеній, «Разговоръ о древн. Новгор.» 2; Н. Н. Муравьевъ, «Ист. изслѣд. о древн. Новг.». Красовъ, «О мѣстоположеніи древн. Новг.». Болѣе подробный сводъ мнѣній по разсматриваемому предмету см. въ «Русск. Ист.» К. Н. Бестужева-Рюмина I, 309—310.

Онеги до Мезени, по обѣимъ сторонамъ Сѣв. Двины), а въ XIII в. соби-
ралась дань съ Терскаго берега (Тре — въ грамотахъ). Собственно Новго-
родская земля занимала нынѣшнія губерніи: Новгородскую, Псковскую и
западную часть Тверской; тутъ были пригороды: Псковъ, Изборскъ, Ста-
рая Руса, Великіе Луки, Торжокъ, Бѣжецкъ или Бѣжичи, Ладога. Въ нѣ-
которыхъ изъ официальныхъ документовъ⁵⁵⁵⁾ второй половины XIII вѣка
новгородцы называютъ своими слѣдующія волости: Волокъ, Торжокъ, Бѣ-
жичи, городецъ Палицъ, Мелеча, Шипино, Егна (отсюда Весъегонскъ),
Вологда, Заволочье, (Колопермь), Тре, Пермь, Печера, Югра. Ближайшія
къ Новгороду земли дѣлились на пять пятинъ: Водская — по Ладожскому
озеру, Обонежская — отъ Онежскаго озера къ Бѣлому морю, Бѣжецкая
(до р. Мсты), Деревская (до р. Ловати), Шелонская (отъ Ловати до Луги).

Теперь обратимся къ изложенію событій Новгородской земли при
первыхъ князьяхъ.

Когда Синеусъ и Труворъ скончались, Рюрикъ переселился изъ Ла-
доги въ Новгородъ и началъ раздавать города мужамъ своимъ⁵⁵⁶⁾. Но уже
второй князь, Олегъ, перенесъ свою резиденцію на югъ, въ Кіевъ, который
занимали Аскольдъ и Диръ. Въ Новгородѣ онъ оставилъ варяговъ, кото-
рымъ новгородцы «мира дѣля» должны были давать дань въ 300 гривенъ,
«еже до смерти Ярославѣ даяше варягомъ»⁵⁵⁷⁾. Очевидно, князь этимъ рас-
поряженіемъ исполнялъ свой долгъ — поддерживать въ землѣ порядокъ и
защищать гражданъ отъ внѣшнихъ враговъ. Съ перенесеніемъ столицы на
югъ, и вниманіе лѣтописцевъ какъ бы отвлекается отъ сѣвера: они интере-
суются болѣе югомъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ великій князь. Впрочемъ, по
нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ наши историки⁵⁵⁸⁾ находятъ, что
связь Новгорода съ Кіевомъ и кіевскими князьями не прерывалась. Такъ,
въ 903 г. Игорь женился на Ольгѣ, родомъ псковитянкѣ⁵⁵⁹⁾; эта Ольга,
будучи великой княгиней, ѣздила по Новгородской землѣ и устанавливала по-
госты и дани по рр. Мстѣ и Лугѣ⁵⁶⁰⁾. Это обстоятельство указываетъ на
то, что Новгородъ наравнѣ съ Кіевомъ вполне признавалъ ея власть. Но
въ 970 г., когда Святославъ раздавалъ сыновьямъ своимъ удѣлы, оказа-
лось, что Новгородъ былъ безъ князя и, можетъ быть, безъ его предста-
вителя: пришедшіе въ Кіевъ новгородцы требовали себѣ князя и даже гро-

555) См. С. г. г. и д. I, № 1 и слѣд.

556) П. С. Р. Л. I, 9.

557) Ibid. 10.

558) «Истор. моногр.» Костомарова, VII, 32.

559) П. С. Р. Л. I, 12; II, 239; V, 93; VII, 272.

560) Ibid. I, 25.

зили: «аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ» (разумѣется, въ другомъ мѣстѣ), говорили онѣ ⁵⁶¹). «Абы пошелъ кто къ вамъ!» отвѣчалъ Святославъ. Дѣйствительно, старшіе сыновья великаго князя отказались идти въ Новгородъ. Тогда Добрыня подговорилъ пословъ просить Владиміра, матерью котораго была ключница Малуша, сестра Добрыни, и Святославъ охотно отпустилъ его вмѣстѣ съ его дядей ⁵⁶²). Н. И. Костомаровъ ⁵⁶³) говоритъ, что князья неохотно шли въ Новгородъ потому, что послѣдній пользовался извѣстной автономіей, при которой князь не могъ свободно распоряжаться въ управленіи землей. Какъ бы то ни было, но младшій изъ сыновей Святослава, Владиміръ, пошелъ къ новгородцамъ.

Кто же управлялъ Новгородомъ до тѣхъ поръ? — За отсутствіемъ лѣтописныхъ извѣстій, на этотъ вопросъ можно отвѣчать только гадательно. Игорь и Святославъ, надобно замѣтить, слишкомъ поглощены были дѣлами на югѣ, чтобы строго и неуклонно слѣдить за автономнымъ Новгородомъ; въ Новгородѣ, вѣроятно, со временъ Олега, продолжали исполнять обязанности князя по отношенію къ землѣ тѣ же варяги, которые, при совершенномъ невниманіи кіевскихъ князей къ своей первоначальной резиденціи, могли самовольно вмѣшиваться въ не принадлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла по управленію Новгорода. По тому-то, можетъ быть, новгородцы такъ настойчиво и требовали себѣ князя у Святослава. Но есть еще предположеніе ⁵⁶⁴), что Новгородъ управлялся кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ княжескаго дома, о которыхъ упоминается въ договорѣ Игоря съ греками. Какъ бы то ни было, къ новгородцамъ пошелъ, какъ уже сказано, Владиміръ. Однако отношенія его къ Новгороду были, должно быть, не совсѣмъ удовлетворительны: такъ, когда, уже по смерти Святослава († 972 г.), Олегъ погибъ въ столкновеніи съ старшимъ братомъ своимъ, Ярополкомъ, Владиміръ, опасаясь честолюбивыхъ замысловъ послѣдняго, обратился за помощью не къ новгородцамъ, а ушелъ за море, къ шведамъ (это было въ 977 г.); новгородцы же, въ отсутствіе его, безъ всякаго сопротивленія приняли къ себѣ посадниковъ Ярополка. Между тѣмъ Владиміръ, пробывъ два года въ Швеціи, возвратился съ варягами и выгналъ изъ Новгорода Ярополковыхъ посадниковъ; съ тѣми же варягами онъ добылъ и Кіевъ. Естественнo, что варяги чувствовали себя хозяевами въ этомъ дѣлѣ, почему и требовали окупа по двѣ гривны съ человѣка. Владиміръ, однако, отдѣлывался одними обѣщаніями, такъ что варяги, наконецъ, начали просить

561) Ibid. 29.

562) Ibid. I, 29; V, 108; VII, 289.

563) «Моногр.» VII, 33.

564) К. Н. Бестужева-Рюмина «Русск. Ист.» I, 314.

его, чтобы онъ показалъ имъ «путь въ Греки»; князь исполнилъ ихъ просьбу, но лучшихъ, болѣе храбрыхъ изъ нихъ, оставилъ при себѣ и роздалъ имъ города ⁵⁶⁵).

Въ какихъ же отношеніяхъ къ новгородцамъ былъ Владиміръ, занявши кіевскій великокняжескій столъ? Костомаровъ, какъ бы предполагая, что Новгородъ совершенно, такъ сказать, отбился отъ власти великаго князя, говоритъ, что Владиміръ, при помощи, вѣроятно, тѣхъ же варяговъ, которые помогли ему овладѣть Кіевомъ, покорилъ Новгородъ и въ продолженіе всего княженія своего относился къ нему, какъ побѣдитель къ побѣжденному. Не знаемъ, насколько вѣрно это предположеніе; видимъ только, что со времени занятія Кіева Владиміромъ, лѣтопись мало даетъ матеріаловъ для сужденія объ отношеніяхъ Новгорода къ великому князю. Лѣтописцы говорятъ, что въ **980** году Владиміръ посадилъ въ Новгородѣ дядю своего, Добрыню, съ которымъ въ **985** г. ходилъ на землю Болгарскую; затѣмъ подь **990** годомъ отмѣчаютъ, что Владиміръ началъ ставить города по Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ «и насели ихъ словены, сирѣчь новгородцы, — кривичи, сирѣчь смоляны, и чудью и вятичи» ⁵⁶⁶).

Въ томъ же **990** году въ Новгородѣ совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій его жизни — крещеніе новгородцевъ. По извѣстіямъ Никоновской лѣтописи ⁵⁶⁷), въ Новгородъ прибылъ Михаилъ, первый русскій митрополитъ, съ епископами, Добрыней и Анастасомъ, тѣмъ самымъ курсунскимъ священникомъ, при помощи котораго Владиміръ взялъ Корсунь. По пути къ Новгороду греческіе епископы истребляли идоловъ, крестили народъ и основывали храмы. Христіанство, однако, туго принималось на сѣверѣ, гдѣ по сосѣдству съ новгородскими славянами жили исключительно

565) П. С. Р. Л. I, 32—34 (II, 249 подь 980 и 981 годами); IV, 174 (подь 972 годомъ); V, 2, 111—112; VII, 292—294.

566) Ibid. I, 36; V, 114; VII, 296; IX, 58; въ II, 250 подь 986 годомъ.

567) Что касается времени крещенія новгородцевъ, то лѣтописи, относительно хронологіи, представляютъ страшную путаницу, такъ что одинъ изъ позднѣйшихъ хроникеровъ (Густинская лѣтопись, П. С. Р. Л. II, 256) замѣтилъ объ этомъ: «О семъ конечномъ крещеніи русскомъ... въ лѣтахъ не согласуютъ лѣтописцы». Подь 988 г. говорится, что Владиміръ взялъ у патриарха Фотія перваго митрополита для Кіева, Леона, — а для Новгорода — епископа Іоакима Корсунянина. Это событіе въ разныхъ лѣтописяхъ отмѣчено подъ разными годами (П. С. Р. Л. II 256, а ниже стр. 258 — подь 990; III, 207; VI 83; въ III, 179 и IV, 175 подь 989; въ III, 121, — V, 121 и VII, 313 подь 991 годомъ). Подъ разными же годами отмѣчена и дѣятельность Іоакима въ Новгородѣ, какъ разореніе капищъ (ibid. III, 207 подь 988; IV, 175 — подь 989; II, 258 — подь 990; V, 121; VII, 313 — подь 991). По II, 258 въ 990 г. Владиміръ самъ отправляется въ страну Залѣсскую, ставитъ тамъ городъ Владиміръ, въ Ростовѣ истребляетъ идола Волоса, а Новгороду въ архіепископы даетъ Іоакима Корсунянина.

язычники и не могло быть таких сношеній съ христіанскимъ міромъ, какія были на югѣ, въ Кіевѣ, по сосѣдству съ христіанской Византіей. Въ 991 г. въ Новгородъ и Псковъ назначенъ былъ епископомъ Іоакимъ Корсунянинъ, и ему вновь пришлось сокрушать идоловъ и разорять требища⁵⁶⁸). Говоря о крещеніи новгородцевъ въ 990 г., Никоновская лѣтопись ничего не передаетъ о томъ, чтобы новгородцы оказали хоть какое-либо сопротивление греческимъ епископамъ, — не говоритъ объ этомъ и при второмъ истребленіи идоловъ и капищъ. Но такъ называемая Іоакимовская лѣтопись, извѣстія которой сохранились у Татищева⁵⁶⁹), передаетъ весьма характерный и, кажется, правдоподобный рассказъ о второмъ истребленіи идоловъ и требищъ въ Новгородѣ: по этой лѣтописи, въ Новгородъ отправились съ епископомъ Іоакимомъ Добрыня и тысяцкій Владиміра Путята съ ратной силой; въ Ростовѣ они увеличили эту послѣднюю новокрещенцами-ростовцами и пошли далѣе; по дорогѣ силы ихъ еще увеличивались другими новокрещенцами, такъ что къ Новгороду эта духовно-военная миссія пришла съ весьма внушительнымъ количествомъ рати. Новгородцы собрались на вѣче и рѣшили не пускать въ городъ пришедшихъ съ Добрыней и не выдавать боговъ; мостъ на Волховѣ былъ разобранъ, а на берегу выставлены были каменометныя орудія. Болѣе рѣшительное сопротивление готовилась оказать лѣвая сторона (по теченію Волхова), почему Добрыня съ духовенствомъ и ратными людьми первоначально занялъ правую, Торговую сторону, гдѣ, въ теченіе двухъ дней, крещено было нѣсколько сотъ чело-вѣкъ. Между тѣмъ на лѣвой сторонѣ главный жрецъ Богумилъ, прозванный за его сладкорѣчіе *Соловьемъ*, приглашалъ гражданъ крѣпко стоять за вѣру отцовъ, — а тысяцкій Угоняй, разѣзжая по городу, кричалъ: «Лучше намъ умереть, чѣмъ отдать на поруганіе нашихъ боговъ». Путята ночью съ 500 ростовцевъ переправился на лѣвую сторону и, благодаря тому, что новгородцы той стороны приняли ихъ за своихъ, проникъ въ городъ; Угоняй и нѣкоторые другіе передніе мужи были схвачены и отправлены на другую сторону къ Добрынѣ, о чемъ не замедлила разнестись по городу молва. Народъ разсвирѣпѣлъ: новгородцы-язычники, мирно жившіе до тѣхъ поръ съ бывшими среди нихъ христіанами, у которыхъ была церковь Преображенія Господня, теперь въ ярости разметали эту церковь, пограбили и раззорили дома христіанъ⁵⁷⁰); до пяти тысячъ

568) Цитаты въ концѣ предъидущаго примѣчанія.

569) Татищевъ I, 38—40.

570) По извѣстіямъ Іоакимовской лѣтописи, еще до переправы Путяты на лѣвый берегъ, новгородцы убили жену Добрыни, разорили его домъ и перебили нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ. Н. И. Костомаровъ (Моногр. VII, 39) приурочиваетъ это извѣстіе ко вре-

новгородцевъ вступили въ жестокую сѣчу съ ростовцами, приведенными Путятой. Тогда Добрыня такъ же, какъ и Путята, пользуясь темнотою ночи, переправился на лѣвую сторону, зажегъ дома по берегу рѣки и тѣмъ произвелъ всеобщее замѣшательство: народъ бросился тушить пожаръ, а лучшіе люди (аристократія) послали къ Добрынь просить мира, и этотъ послѣдній приказалъ спасать городъ и прекратить грабежъ. Но теперь дошла очередь до боговъ: деревянныхъ идоловъ сожгли, а каменныхъ побросали въ рѣку; новгородцы напрасно умоляли пощадить ихъ святыню. Отсюда-то и пошла пословица, что Путята крестилъ новгородцевъ мечемъ, а Добрыня — огнемъ. Одна изъ Новгородскихъ лѣтописей⁵⁷¹⁾ передаетъ, что главный идолъ Перуна, когда его бросили въ рѣку, началъ кричать: «о горе мнѣ, охъ! достался я немилостивымъ судіямъ», — потомъ бросилъ на мостъ палицу и сказалъ: «поминайте меня этимъ, новгородцы!» Идолъ, котораго запрещено было извлекать изъ воды, доплылъ до р. Пидьбы⁵⁷²⁾ и остановился у берега; мѣстный житель-гончаръ, собиравшійся ѣхать рѣкой въ городъ для продажи горшковъ, увидѣвъ идола, оттолкнулъ его отъ берега шестомъ и сказалъ: «Довольно ты, Перунище, поѣлъ-попилъ, плыви теперь прочь». Такимъ образомъ Новгородъ оказался, дѣйствительно, какъ-бы покореннымъ силой оружія, и Владиміръ, слѣдовательно, могъ располагать имъ по личному усмотрѣнію. Къ концу X вѣка печенѣги сильно беспокоили Кіевъ, и Владиміръ, находя мѣстныя силы недостаточными для борьбы со степняками, въ 997 г. отправился въ Новгородъ «по верховніѣ воѣ на печенѣгы»⁵⁷³⁾; новгородцы, кромѣ того, обязаны были платить кіевскому князю 2000 гривенъ въ годъ и 1000 гривенъ давать на княжескихъ гридней; самое управленіе Новгородомъ Владиміръ поручилъ первоначально Вышеславу, а послѣ туда перешелъ изъ Ростова Ярославъ. Однако, располагая судьбами Новгорода, какъ покоритель его, Владиміръ не уничтожилъ внутренняго самоуправленія его: мы видимъ тамъ посадниковъ, которые собирали дань и отдавали ее поставленному надъ нимъ князю. Хотя и нѣтъ прямыхъ указаній на то, въ какихъ отношеніяхъ находился посадникъ къ новгородскому князю, но фактъ существованія его и обязанность его собирать дань указываютъ вообще на то, что онъ былъ какъ-бы посредникомъ между

мени разоренія церкви Преображенія, когда народъ въ ярости истреблялъ все ему ненавистное. Но странной кажется оплошность Добрыни, который, идя на Новгородъ съ мечемъ и огнемъ, не постарался заблаговременно удалить изъ Новгорода своихъ семейныхъ и, вообще, родныхъ.

571) П. С. Р. Л. III, 207.

572) Впадаетъ съ лѣвой стороны въ Волховъ, ниже Новгорода.

573) П. С. Р. Л. I, 54—55; II, 260; V, 123; VII, 316.

народомъ и его непосредственнымъ княземъ точно такъ же, какъ этотъ послѣдній былъ посредникомъ между управляемой имъ землей и великимъ княземъ кievскимъ; какъ посадникъ доставлялъ собираемую имъ дань князю новгородскому, такъ и этотъ послѣдній ту же дань долженъ былъ доставлять въ Кіевъ. Ярославъ, однако, не доставлялъ отцу дани, по скудости ли, каковое качество замѣчаютъ за нимъ скандинавскія саги, или по чему-либо другому — неизвѣстно, — такъ что Владиміръ вынужденъ былъ поднять оружіе на сына, чтобы заставить его исполнять свой долгъ по отношенію къ великому князю. Ярославъ, узнавши о намѣреніяхъ отца, бѣжалъ къ варягамъ, не надѣясь, вѣроятно, на помощь новгородцевъ, которымъ все равно было давать дань, Ярославу ли или Владиміру. Варяги, приведенные Ярославомъ въ Новгородъ, хозяйничали какъ люди, въ которыхъ нуждались, — своевольничали и насилывали новгородскихъ женъ, такъ что, выведенные изъ терпѣнія, новгородцы составили заговоръ и въ какомъ-то «дворѣ Поромони» перебили варяговъ, но, какъ увидимъ, не всѣхъ, а, вѣроятно, болѣе безпокойныхъ и наглыхъ ⁵⁷⁴). Это заставило Ярослава удалиться въ Раконь ⁵⁷⁵), откуда онъ послалъ сказать новгородцамъ: «уже мнѣ не воскресить убитыхъ», и приглашалъ къ себѣ зачинщиковъ заговора, вѣроятно, для примиренія. Послѣдніе довѣрчиво явились, но были перебиты. Въ ту же ночь изъ Кіева пришло извѣстіе, что великій князь скончался, что Святополкъ, намѣреваясь завладѣть великимъ княжествомъ, убилъ младшихъ братьевъ, Бориса и Глѣба. Теперь Ярославъ, волей-неволей, долженъ былъ поклониться новгородцамъ: онъ самъ вышелъ въ поле на вѣче и просилъ прощенія. «Если, князь, наша братія изрублена, — отвѣчали новгородцы, — то мы можемъ постоять за тебя». Надобно полагать, что со стороны Святополка Новгороду угрожала какая-нибудь опасность, почему они теперь и приняли такое участіе въ дѣлѣ Ярослава ⁵⁷⁶). Если вѣрить лѣтописи, то около Ярослава составилось громадное ополченіе: ва-

574) Ibid. I, 56; II, 261; III, 208; V, 124; VII, 317; «Истор. моногр.» Костомарова VII, 42 и слѣд. Едва-ли справедливо думаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Русск. Ист.» I, 314), что не платить дань въ Кіевъ Ярослава побуждали новгородцы. Зачѣмъ было бы, въ такомъ случаѣ, Ярославу бѣжать и искать помощи у варяговъ? Считаю дѣло князя и своимъ дѣломъ, новгородцы, несомнѣнно, взяли бы вмѣстѣ съ княземъ за оружіе для защиты своего дѣла, а между тѣмъ этого мы не видимъ.

575) На правомъ берегу Ильменя.

576) Объясняя такое, по-видимому, странное явленіе, какъ согласіе новгородцевъ помогать Ярославу, послѣ того какъ этотъ послѣдній избилъ ихъ согражданъ, нѣкоторые видятъ тутъ борьбу двухъ сторонъ: Торговой, которую избилъ Ярославъ, и боярской (Софійской), поддерживавшей князя. Но болѣе правдоподобнымъ считается то мнѣніе, по которому здѣсь надобно видѣть общность интересовъ князя и Новгорода. См. К. Н. Бестужева-Рюмина «Русск. Ист.» I, 314.

ряговъ была 1000 человекъ, вѣроятно, оставшихся отъ избіенія, а остальныхъ — 40,000. Послѣ первой стычки съ Святополкомъ Ярославъ, какъ побѣдитель, занялъ Кіевъ и роздалъ помогавшимъ ему новгородцамъ по 10 гривенъ. Но Святополкъ не палъ духомъ и не хотѣлъ такъ легко уступить Кіевъ: въ **1018 г.** онъ привелъ польскаго короля Болеслава Храбраго, на дочери котораго, по свидѣтельству Дитмара, былъ женатъ. Враги встрѣтились на берегахъ р. Буга. Разбитый на-голову Ярославъ, у котораго кромѣ Руси (поляны) были наемные варяги и славяне (новгородцы), только самъ-пятъ успѣлъ бѣжать въ Новгородъ. Но и здѣсь онъ не надѣялся удержаться и хотѣлъ опять бѣжать за море, для чего уже заготовлены были и лодки. Однако новгородцы, по почину Добрынина сына Константина, истребивъ лодки, удержали князя и предложили ему свою помощь. Сдѣлали складчину: положено было взять отъ старостъ по 10 гривенъ, отъ бояръ — по 18, а отъ мужа — по 4 куны. Собранное на эти средства ополченіе оказалось, однако, не достаточнымъ, почему опять привели варяговъ изъ-за моря. Между тѣмъ Святополкъ, отплатившій Болеславу за его помощь черною неблагодарностью⁵⁷⁷), не рассчитывая уже болѣе на короля польскаго, обратился къ печенѣгамъ. Братья-враги⁵⁷⁸) встрѣтились (въ **1019 г.**) на берегахъ р. Альты (впадающей въ Трубежъ), гдѣ Святославъ первый пролилъ кровь брата Бориса. Побѣда теперь осталась за Ярославомъ, который, въ благодарность за помощь, наградилъ новгородцевъ деньгами, далъ имъ «Правду» (судебные уставы) и грамоту или «Уставъ»: «и отпусти ихъ всѣхъ, говорить лѣтописецъ, домовъ, и дая имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамоте ходите, яко же писавъ вамъ, тако же держите»⁵⁷⁹). Этотъ уставъ составляетъ эпоху въ жизни новгородцевъ: Новгородъ становится вполнѣ самостоятельнымъ, главой всей Новгородской земли, и только Ладога отдана была въ управленіе шведу Рагнвальду. Но и этотъ пригородъ, по смерти послѣдняго, опять воссоединился съ Новгородской землей⁵⁸⁰). Впрочемъ, въ вопросѣ о полной самостоятельности Новгорода, дарованной ему грамотой Ярослава, наши историки не вполнѣ со-

577) По разбитіи Ярослава, побѣдители пришли въ Кіевъ; войска Болеслава были расквартированы по городамъ. Святополкъ, опасаясь измѣны поляковъ, приказалъ тайно избивать ихъ, почему Болеславъ и долженъ былъ удалиться изъ Русской земли. При этомъ онъ захватилъ съ собою бывшихъ въ Кіевѣ сестеръ Ярослава, изъ которыхъ одну, Предславу, взялъ къ себѣ въ наложницы (Несторъ и Дитмаръ).

578) Они собственно не были братьями: мать Святополка, жена Ярополка Святославича, забеременѣвъ отъ послѣдняго, сдѣлалась наложницей Владиміра послѣ того, какъ онъ убилъ Ярополка, и уже въ качествѣ этой послѣдней, т. е. наложницы Владиміра, родила Святополка.

579) П. С. Р. Л. III, 20; V, 134; VII, 328; IX, 77; XV, 141.

580) Костомаровъ, «Ист. моногр.» VII, 47.

гласны. С. М. Соловьевъ⁵⁸¹⁾ говоритъ, что грамоты Ярослава касались только финансовыхъ льготъ, а не административныхъ, что Новгородъ вполне зависѣлъ отъ кіевскаго князя, и, какъ на доказательство своего мнѣнія, указываетъ на то, что въ Новгородъ князья посылались, а не избирались самими новгородцами, что даже самые посадники присылались въ Новгородъ изъ Кіева: такъ, послѣ Ярослава Новгородомъ управлялъ присланный изъ Кіева посадникъ Остромиръ. Къ тому же мнѣнію склоняется и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ⁵⁸²⁾, который указываетъ въ пользу своего мнѣнія на то обстоятельство, что новгородцы впослѣдствіи ссылались на не дошедшія до насъ грамоты Ярослава только въ финансовыхъ вопросахъ. Другіе историки, какъ Костомаровъ и Бѣляевъ⁵⁸³⁾, придаютъ грамотамъ Ярослава значеніе политическое. Суздальская лѣтопись (Лаврентія), говоритъ Н. И. Костомаровъ, не расположенная къ новгородскимъ патріотическимъ стремленіямъ, говоря о событіяхъ XII вѣка, сознается, что новгородцы издавна, отъ временъ древнихъ князей, имѣли свободныя права: «издавна суть свободени прадѣды князь». Впрочемъ, надобно замѣтить, что приведенныя слова лѣтописи въ контекстѣ не совсѣмъ отвѣчаютъ выводу историка: въ лѣтописи сказано: «не глаголемъ же: прави суть новгородци, яко издавна суть свободени новгородци прадѣды князь нашихъ»⁵⁸⁴⁾. Какъ бы то ни было, Ярославъ сначала самъ правилъ Новгородомъ и защищалъ его отъ враговъ: такъ, въ 1021 г. онъ разбилъ на р. Судомѣ⁵⁸⁵⁾ Брячислава Изяславича, князя полоцкаго, который, въ 1020 г., напалъ на Новгородъ, ограбилъ его и пошелъ домой съ большою добычей⁵⁸⁶⁾. Но въ 1036 г. онъ посадилъ тамъ старшаго сына своего Владиміра. Отсюда вошло какъ-бы въ обычай, что старшій сынъ великаго князя, до занятія имъ великокняжескаго стола, садился на столѣ новгородскомъ⁵⁸⁷⁾. Владиміръ, однако, не постоянно жилъ въ Новгородѣ: такъ, въ 1042 г. онъ съ новгородцами воевалъ Емь (или Ямь) въ южной части Финляндіи⁵⁸⁸⁾, а въ слѣдующемъ году

581) «Объ отнош. Новгорода», 33.

582) «Русск. Ист.» I, 315.

583) «Истор. моногр.» VII, 47; «Разск. изъ Русской Ист.», 229.

584) П. С. Р. Л. I, 154.

585) Въ Псковской губерніи. Иначе эта рѣка называлась еще въ древности Судомѣрю.

586) Ibid. I, 63; II, 264; III, 1; V, 134; VII, 320, 328.

587) Съ точностію, впрочемъ, нельзя сказать, въ какомъ именно году Ярославъ посадилъ въ Новгородѣ Владиміра, такъ какъ лѣтописи несогласны въ показаніи этого года: П. С. Р. Л. III, 120—подъ 1030 годомъ; II, 266 и V, 136—подъ 1034 годомъ; наконецъ I, 65 и VII, 330—подъ 1036 годомъ.

588) П. С. Р. Л. I, 66; II, 267; III, 2; V, 137; VII, 331.

былъ въ походѣ на Грецію⁵⁸⁹); въ 1045 г. мы опять видимъ его въ Новгородѣ, гдѣ онъ заложилъ Софійскій соборъ⁵⁹⁰). Въ 1052 г. Владиміръ, причтенный впослѣдствіи православною церковью къ лику святыхъ, скончался и былъ погребенъ въ Софійскомъ соборѣ⁵⁹¹). Спустя два года Изяславъ, бывшій послѣ Владиміра въ Новгородѣ, занялъ кievскій великокняжескій столъ; въ Новгородъ же онъ послалъ не князя, а посадника Остромира. Если принять во вниманіе, говоритъ Н. И. Костомаровъ, что въ старѣйшихъ городахъ сидѣли князья, а въ пригородахъ обыкновенно посадники, то посылка въ Новгородъ Остромира была, по-видимому, униженіемъ для старѣйшаго города, — и тотъ-часъ опровергаетъ это предположеніе: онъ говоритъ, что Новгородъ, отъ присылки туда посадника, не терялъ ни своего значенія, ни своей самостоятельности, что это обстоятельство означало только то, что Новгородъ признавалъ своимъ княземъ того, кто былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ княземъ, а великій князь могъ послать туда или сына, или намѣстника-посадника⁵⁹²). Въ 1066 г. Изяславъ Ярославичъ посадилъ въ Новгородѣ старшаго сына своего Мстислава. Въ томъ же году Всеславъ Брячиславичъ полоцкій, питавшій, какъ и вообще всѣ потомки Изяслава Владиміровича, ненависть къ кievскимъ князьямъ, послѣ неудачной осады Пскова, нечаянно напалъ на Новгородъ, разбилъ Мстислава на Черехѣ, взялъ городъ, плѣнилъ многихъ жителей и ограбилъ храмъ св. Софії. Мстиславъ бѣжалъ въ Кіевъ⁵⁹³). Мстя за Новгородъ, Изяславъ Ярославичъ, въ 1067 г., взялъ полоцкій городъ Минскъ, разбилъ самого Всеслава на р. Немизѣ (Нѣманѣ), коварно заведя его въ Кіевъ и посадилъ тамъ въ заключеніе. Въ томъ же году, по предположенію С. М. Соловьева⁵⁹⁴), Изяславъ послалъ въ Новгородъ племянника своего Глѣба Святославича⁵⁹⁵). Но вскорѣ (въ томъ же 1067 г.) Изяславъ, за то, что

589) Ibid. I, 66—67; II, 267; III, 2, 211; V, 137; VII, 331.

590) Ibid. I, 67; II, 268; III, 2, 210 (подъ 1020 годомъ), 211; V, 121, 138; VII, 332.

591) Ibid. I, 69; II, 268; III, 2, 212; V, 121, 138; VII, 332 (октября 4).

592) Ibid. I, 69—70; II, 268—269; III, 2, 122 (подъ 1055 годомъ); V, 139; VII, 223, 232—233, 241. Къ 1054 г. нѣкоторые лѣтописи (V, 139; VII, 333) относятъ походъ его на Чудь, когда онъ взялъ какой-то городъ Осекъ Декипивъ, «сирѣчь Солнца рука». Карамзинъ (II, пр. 114), объясняя это названіе, говоритъ, что солнце по-эстонски *plav* и *plijav*, рука — *kass*.

593) Карамзинъ (II, пр. 118) приводитъ въ своей исторіи слѣдующую лѣтописную выписку 1066 г. изъ Синодальной рукописи XV в.: «Въ Новѣгородѣ Изяславъ посади сына своего Мстислава, и побѣдиша (Всеславъ съ полочанами) и на Черехѣ, и бѣжа къ Києву, и по взятіи града преста рать». Странно, что ни Соловьевъ, ни Костомаровъ не отмѣчаютъ этого факта. — Мстиславъ посаженъ былъ потомъ (въ 1069 г.) въ Полоцкѣ, гдѣ, — кажется, въ томъ же году, — и умеръ.

594) П. С. Р. Л. I, 72 (подъ 1066 г.); II, 270; V, 141; VII, 335—336.

595) Ист. Росс. II, пр. 55 (по изд. 1870 года).

онъ не хотѣлъ во второй разъ идти на половцевъ, былъ изгнанъ изъ Кіева, гдѣ граждане вокняжили (15-го сентября) Всеслава Брячиславича, и Глѣбъ долженъ былъ удалиться изъ Новгорода въ Тмутаракань, гдѣ онъ былъ уже и прежде⁵⁹⁶). Въ 1069 г. Изяславъ, при помощи поляковъ, не только выгналъ Всеслава изъ Кіева, но и овладѣлъ Полоцкомъ, въ которомъ посадилъ сына своего Мстислава, въ томъ же году умершаго⁵⁹⁷). Въ то же время мы видимъ Глѣба Святославича опять въ Новгородѣ: здѣсь на Кземли (урочище въ самомъ Новгородѣ) онъ разбилъ Всеслава 23-го октября 1069 г.⁵⁹⁸); а въ 1071 г., когда въ Новгородѣ явились волхвы и начали мутить народъ, онъ главному изъ этихъ волхвовъ собственноручно снесъ топоромъ голову⁵⁹⁹). Въ 1073 г. Изяславъ вторично изгнанъ былъ изъ Кіева братьями своими, Святославомъ и Всеволодомъ, изъ которыхъ первый занялъ великокняжескій столъ, на которомъ сидѣлъ до самой кончины своей, послѣдовавшей 27-го декабря 1076 г.⁶⁰⁰); спустя съ небольшимъ полгода, а именно 15-го іюля (по другимъ 2-го мая) 1077 г., Изяславъ въ третій разъ занялъ Кіевъ, уступленный ему Всеволодомъ⁶⁰¹); въ томъ же году Глѣбъ Святославичъ, кажется, изгнанъ былъ изъ Новгорода и мѣсто его занялъ сынъ Изяслава Святополкъ. Глѣбъ Святославичъ, для возвращенія потери, звалъ къ себѣ на помощь Владиміра Всеволодовича (Мономахъ), но въ слѣдующемъ 1078 г., укрываясь въ Заволочѣ, убитъ былъ чудью⁶⁰²). . . Святополкъ княжилъ въ Новгородѣ до 1087 г.

596) П. С. Р. Л. I, 72 — 74 (подъ 1067 г.); II, 270 — 271; III, 2; V, 141 — 142; VII, 336. Что въ 1068 г. Глѣбъ былъ въ Тмутаракани, видно изъ надписи такъ называемаго Тмутараканскаго камня: «Въ лѣто 6576, индикта 6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тмукторокана до Кърчева (Керчи) 10,000 и 4,000 сажень». См. Карамз. II, пр. 120.

597) Ibid. I, 74—75 (подъ 1068 г.); II, 271—272; III, 2; V, 142—143; VII, 337.

598) Ibid. III, 2; V, 143; VII, 337. Кземлею (по Никон. лѣтописи Гзенья или Гзень), говоритъ Карамзинъ (II, пр. 125), называлось урочище подлѣ городского звѣринца.

599) Ibid. I, 77—78; V, 146; VII, 340; по II, 237 въ 1070 г.

600) Ibid. I, 78; III, 2; V, 147; VII, 341—342.

601) Ibid. I, 85; II, 274—275; V, 148; въ VII, 1—2 подъ 1077 г.

602) П. С. Р. Л. I, 85; II, 275; VII, 2; IX, 107 — во всѣхъ подъ 1078 годомъ; въ III, 3 и V, 148—подъ 1079 годомъ. Почти всѣ указаннныя лѣтописи днемъ убіенія Глѣба считаютъ 30 мая, даже и тѣ, которыя говорятъ объ этомъ подъ 1079 годомъ. — Н. И. Костомаровъ, отстаивая свободу новгородцевъ въ избраніи князей и опровергая утвержденіе другихъ историковъ, что въ Новгородѣ обыкновенно садился старшій сынъ существующаго великаго князя, опирается на примѣръ Глѣба Святославича, отдавая преимущество тѣмъ извѣстіямъ, по которымъ Глѣбъ убитъ позднѣе вел. кн. Изяслава Ярославича и слѣдовательно занималъ новгородскій столъ помимо старшаго сына Изяславова Святополка. Но большинство лѣтописей, въ томъ числѣ Лаврентьевская и Ипатьевская, относятъ смерть Глѣба къ 30 мая 1078 г., а смерть Изяслава къ 3 октября того же года (Ibid. I, 86; II, 275; VII, 2; IX, 107) и сначала передаютъ фактъ убіенія Глѣба, а потомъ уже говорятъ о походѣ Изяслава къ Чернигову и убіеніи его на Нѣжатиной нивѣ. Только Новгородская говоритъ объ

включительно, потомъ перешелъ въ Туровъ, а новгородцы выпросили къ себѣ, въ 1088 г., Мстислава Владиміровича, который въ 1093 г. переведенъ былъ въ Ростовъ, а въ 1095 г. опять возвратился въ Новгородъ⁶⁰³). Въ концѣ того же года Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, бывшіе въ войнѣ съ Олегомъ Святославичемъ черниговскимъ, силой вывели изъ Смоленска въ Новгородъ Олегова брата Давида, который, недолго посидѣвши въ Новгородѣ, пошелъ въ Смоленскъ, выгнавъ оттуда Мономахова сына Изяслава и опять явился въ Новгородъ. Но новгородцы на этотъ разъ сказали ему: «не ходи къ намъ; воротись и сиди въ Смоленскѣ»; въ то же время они требовали себѣ Мстислава Владиміровича, и этотъ послѣдній, какъ уже сей-часъ сказано, пришелъ въ Новгородъ въ томъ же 1095 г.⁶⁰⁴). Въ 1102 г. великій князь Святополкъ и Владиміръ Мономахъ урядились между собою перевести Мстислава изъ Новгорода во Владиміръ-Волынской, а Новгородъ отдать сыну Святополка. Мстиславъ, по приказу отца, прибылъ въ Кіевъ; съ нимъ пришли и новгородскіе послы, которые, отъ лица всего Новгорода, держали такія рѣчи къ Святополку: «Не хотимъ ни Святополка, ни сына его; если у него двѣ головы, то посылай его. Мстислава далъ намъ Всеволодъ; мы вскормили себѣ князя, а ты ушелъ отъ насъ»⁶⁰⁵). Какъ ни настаивалъ Святополкъ на своемъ, ничего, однако, не могъ добиться и долженъ былъ уступить требованіямъ новгородцевъ. Такимъ обра-

убіеніи Глѣба подъ 1079 г., а объ убіеніи Изяслава—подъ 1078 г.; Софійская же говоритъ объ убіеніи обоихъ князей подъ однимъ 1079 г. и прежде говоритъ объ убіеніи Изяслава (Ibid. III, 3; V, 148). Изъ этихъ фактовъ, намъ кажется, далеко нельзя вывести такого заключенія, какое выводитъ Н. И. Костомаровъ. Притомъ же Лаврентьевская лѣтопись такъ выражается: «Сѣдящу же Святополку въ него мѣсто (вмѣсто Глѣба) Новѣгородѣ», Олегъ и Борисъ Вячеславичъ привели на Русь половцевъ, въ бою съ которыми на Нѣжатиной нивѣ, палъ вел. кн. Изяславъ. По третьемъ занятіи Изяславомъ Кіева, Глѣбъ, надобно полагать, изгнанъ былъ изъ Новгорода и ушелъ не въ Тмутаракань, гдѣ распоряжался Олегъ, а въ Заволочье, и сюда-то, надобно полагать, онъ звалъ къ себѣ на помощь Владиміра Мономаха, который самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ «Поученіи». Такого мнѣнія придерживается и Карамзинъ (II, пр. 134). Этого послѣдняго факта (приглашенія Глѣбомъ Мономаха) нѣтъ возможности приурочить къ иному времени, какъ только къ тому, когда Глѣбъ былъ въ Заволочьѣ. Если бы Глѣбъ въ 1078 г. проживалъ въ Заволочьѣ какъ князь новгородскій, то онъ, естественно, не обратился бы за помощью къ Владиміру Мономаху: съ нимъ были бы новгородцы. Наконецъ, въ Новгор. лѣтописи попа Іоанна (Карамз. II, пр. 133) прямо сказано, что новгородцы выгнали Глѣба, который бѣжалъ за Волोकъ и былъ убитъ тамъ Чудью.

603) П. С. Р. Л. I, 98; II, 280; VII, 8; IX, 124. Въ лѣтописи попа Іоанна (Карамз. II, пр. 172) говорится о княженіи Мстислава въ Новгородѣ: «княживъ *плтѣ мѣ* (слѣд. 1088 + 5 = 1093 г.) иде къ Ростову». Здѣсь не вѣрно только говорится, что новгородцы «по *двою мѣ* выгнаша» отъ себя Давида; скорѣе нужно было бы сказать по двою мѣсяцу.

604) Ibid. I, 97—98; II, 250 (Изяславъ по ошибкѣ названъ здѣсь Ярославичемъ); III, 3; V, 150; VII, 8.

605) Ibid. I, 117; II, 286; VII, 18; а въ V, 154 подъ 1098 годомъ.

зомъ Мстиславъ остался въ Новгородѣ... Впрочемъ новгородскій князь принималъ участіе и въ дѣлахъ южной Руси: такъ, въ 1111 г. онъ принималъ участіе въ походѣ русскихъ князей за р. Донъ на половцевъ⁶⁰⁶). Въ Новгородѣ Мстиславъ сидѣлъ до 1117 г., и въ этотъ періодъ времени совершилъ побѣдоносный походъ на Чудь (въ 1113 г.), заложилъ (въ томъ же г.) каменную церковь св. Николая на княжьемъ дворѣ у Торговища⁶⁰⁷), «заложилъ Новгородъ болѣе перваго»⁶⁰⁸) въ 1114 г., а въ 1116 г. взялъ чудскій городъ Оденпе (Медвѣжья голова) 9-го марта⁶⁰⁹). Въ 1117 г. Владиміръ перевелъ Мстислава, готовя его къ занятію великокняжескаго стола, въ кievскій Бѣлгородъ, а въ Новгородъ послалъ внука Всеволода, Мстиславова сына, который въ томъ же году зимой совершилъ трудный, но счастливый походъ въ Финляндію⁶¹⁰). Тогда въ Новгородѣ произошло какое-то смятеніе, о которомъ лѣтопись говоритъ неопредѣленно и темно. Въ слѣдующемъ году, вѣроятно вслѣдствіе этого смятенія, Владиміръ Мономахъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ препроводилъ въ Кіевъ новгородскихъ бояръ, привелъ ихъ къ крестному цѣлованію и отпустилъ домой, а нѣкоторыхъ заключилъ въ тюрьму⁶¹¹). Затѣмъ, подъ 1120 г. встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Новгородъ прибылъ на посадничество какой-то Борисъ, а въ 1129 г. — какой-то Даниилъ изъ Кіева⁶¹²). Въ 1126 г. Всеволодъ затѣмъ-то ходилъ въ Кіевъ къ отцу и опять возвратился въ Новгородъ, а въ слѣдующемъ 1127 г. вмѣстѣ съ новгородцами предпринималъ походъ на кривичей⁶¹³); въ 1130 г. съ новгородцами и 1131 г. съ братьями своими, Изяславомъ и Ростиславомъ, зимой, Всеволодъ ходилъ на Чудь (эстовъ), а въ 1132 г., по смерти отца, переведенъ былъ дядей своимъ, в. кн. Ярополкомъ, въ русскій (кievскій) Переяславль, куда и отправился, не смотря на то, что на крестномъ цѣлованіи обѣщалъ новгородцамъ умереть у нихъ⁶¹⁴). Юрій Владиміровичъ Долгорукій, кн. суздальскій, добивавшійся Переяславля, какъ послѣдней ступени къ великокняжескому столу, къ которому онъ такъ горячо стремился, выгналъ своего племянника изъ Переяславля и самъ занялъ его.

606) Ibid. II, 1, 288; III, 4; VII, 21—22; а въ I, 127 и V, 155—подъ 1112 годомъ.

607) Ibid. II, 4; III, 4; IX, 143.

608) Ibid. II, 5; III, 4 (подъ 1116 г.).

609) Ibid. IX, 149.

610) Ibid. I, 128; II, 8, 291 (по ошибкѣ названъ здѣсь Владиміровичемъ, т. е. сыномъ Мономаха); III, 4, 123; IV, 2; V, 156; VII, 24.

611) Ibid. III, 4.

612) Ibid. III, 5; IV, 2—3.

613) Ibid. I, 131; II, 11 (подъ 1128 г.); VII, 27. О поѣздкѣ въ Кіевъ III, 5.

614) Ibid. I, 132; II, 12, 393 (первый походъ подъ 1131 г.); III, 6; IV, 3; VII, 29. Между первымъ и вторымъ походами, по Новгородской первой, Всеволодъ ѣздилъ за чѣмъ-то въ Кіевъ къ отцу.

Всеволодъ опять пришелъ въ Новгородъ, но теперь новгородцы напомнили ему, что онъ ушелъ отъ нихъ; затѣмъ, пригласивъ псковичей и ладожанъ, порѣшили на вѣчѣ изгнать князя и изгнали. Вскорѣ, однако, у нихъ явилось сожалѣніе объ изгнанникѣ, и они воротили его съ дороги (догнали въ Устьяхъ) въ Новгородъ ⁶¹⁵). Въ **1133 г.** Всеволодъ ходилъ на Чудь и взялъ Дерптъ (Юрьевъ), а черезъ годъ, въ **1135 г.**, заложилъ церковь св. Богородицы на Торговищѣ ⁶¹⁶). Къ **1134 — 1135 гг.** относится основаніе имъ другой церкви, о которой онъ самъ говоритъ въ дарственной записи: «Се азъ князь великий Гавріилъ, нареченный Всеволодъ . . . Мстиславичъ . . . поставилъ есми церковь святыи великий Иванъ на Петрятинѣ дворищѣ» ⁶¹⁷). . . Въ южной Руси въ то время происходили смуты: Вячеславъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха, отнялъ у Изяслава Мстиславича Туровъ (въ **1135 г.**); Изяславъ занялъ Переяславль, но и отсюда выгнанъ былъ другимъ дядей, Юріемъ суздальскимъ. Тогда Изяславъ ушелъ въ Минскъ, а отсюда въ Новгородъ къ брату своему Всеволоду. Вѣроятно, вслѣдствіе подстрекательства брата, Всеволодъ, который и самъ нѣкогда обиженъ былъ Юріемъ, уговорилъ новгородцевъ помочь своему брату противъ князя суздальскаго. Первый походъ былъ неудаченъ. Изяславъ послѣ того примирился съ великимъ княземъ Ярополкомъ, отъ котораго получилъ Владиміръ Волинскій, куда и ушелъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ начались волненія: новгородцы избирали и смѣняли посадниковъ; наконецъ, недовольные худымъ результатомъ похода, снова требовали войны, хотѣли идти къ Суздалью и, дѣйствительно, 31-го декабря выступили въ походъ. Битва произошла на Ждановой горѣ: много потерявъ своихъ, новгородцы еще болѣе положили на мѣстѣ суздальцевъ, но побѣды не одержали и возвратились домой, заключивши миръ ⁶¹⁸). Это вновь пробудило неудовольствіе новгородцевъ на князя. Между тѣмъ на югѣ между Ольговичами и Мономаховичами разгаралась вражда, которая не могла не коснуться такъ или иначе и Новгорода. Новгородцы выступили — было примирителями враждовавшихъ князей, но безуспѣшно: не соглашаясь на миръ, каждый изъ враждующихъ сторонъ старалась привлечь новгородцевъ къ себѣ; въ самомъ Новгородѣ образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ партія, стоявшая за Олеговичей, взяла верхъ: въ **1135 г.** новгородцы, пригласивъ ладожанъ и псковичей, составили вѣче, на которомъ обвиняли Всеволода въ томъ, что онъ не заботится о смердахъ, которые находились на попеченіи князя, — что во время битвы съ суздаль-

615) Ibid. I, 132; III, 6; VII, 29 (подъ 1131 г.).

616) Ibid. III, 6. Тогда же обновленъ и мостъ чрезъ Волховъ.

617) Акты Ист. I, № 3.

618) П. С. Р. Л. I, 132; VII, 29—30; по III, 6 «иде Киеву» въ 1134 г.

цами первымъ бѣжалъ съ поля сраженія; вспоминали и о томъ, что онъ покидалъ Новгородъ для Переяславля. До прибытія новаго князя, Всеволода съ женой, дѣтьми и тещей его, семь недѣль держали подъ стражей въ домѣ епископа. По прибытіи въ Новгородъ Святослава Олеговича (прибыль въ іюнь) Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ просить защиты у великаго князя Ярополка, который далъ ему Вышгородъ⁶¹⁹). Но здѣсь Всеволодъ пробылъ не долго: въ **1137 г.** онъ съ любовью принять былъ псковичами, такъ что Псковъ на время сдѣлался отдѣльнымъ княжествомъ. Въ Новгородѣ у Всеволода были сторонники или, какъ выражается лѣтопись, «милостивцы»; самъ посадникъ Коснятинъ Микуличъ бѣжалъ къ нему изъ Новгорода съ своими приверженцами. Привлекши на свою сторону псковичей, эти выходцы убѣждали Всеволода оружіемъ добывать утраченное княженіе, а единомышленники ихъ въ Новгородѣ покушались даже, хотя и неудачно, застрѣлить новаго новгородскаго князя Святослава Олеговича. Приверженцы Олеговичей разграбили дома своихъ противниковъ, собрали съ нихъ пеню и на этотъ сборъ вмѣстѣ съ княземъ своимъ вооружились противъ Пскова. Псковичи и новгородскіе выходцы приготовились къ отпору. Враги сошлись у Дубровны, но битвы не было: псковичи на лѣсномъ пути подѣлали засѣки, такъ что новгородцамъ трудно было вести наступательную войну; по извѣстіямъ лѣтописей, обѣ стороны порѣшили положиться на волю Божию и не проливать крови; къ тому же устранилась и причина раздора: 11-го февраля **1138** года Всеволодъ скончался⁶²⁰). Тогда псковичи пригласили къ себѣ брата его Святополка. Въ то же время на югѣ взяли верхъ Мономаховичи: великій князь Ярополкъ смирилъ Всеволода Олеговича черниговскаго, что отразилось и въ Новгородѣ тѣмъ болѣе, что туда ни изъ Кіева, ни изъ Суздальской земли не пропускали хлѣбныхъ товаровъ. Слѣдствіемъ этого было то, что новгородцы, 17-го апрѣля **1139** года, заточили своего князя Святослава Олеговича съ его семействомъ въ монастырь и на мѣсто его призвали сына Юрія Долгорукаго, Ростислава⁶²¹).

Между тѣмъ въ южной Руси Олеговичи опять взяли верхъ: по смерти Ярополка въ Кіевѣ вокняжился кн. туровскій Вячеславъ Владиміровичъ, но его выгналъ оттуда Всеволодъ Олеговичъ, который и сѣлъ на кіевскомъ столѣ 5-го марта **1139 г.** Юрій суздальскій звалъ новгородцевъ на Оле-

619) Ibid. I, 133; II, 14; III, 6; IV, 4—5, 176—177; V, 8, 157; VII, 30. Разныя, изъ указанныхъ, лѣтописи относятъ эти событія къ разнымъ годамъ, начиная съ 1134 по 1136 г.

620) Ibid. I, 133; II, 14; III, 7—8, 176; IV, 5—6, 176; V, 8, 157—158; VII, 30—31. И здѣсь разныя лѣтописи помѣщаютъ тѣ или другія событія подъ разными годами, начиная съ 1136 по 1138 г.

621) Ibid.

говичей, но тѣ не согласились, и Ростиславъ бѣжалъ изъ Новгорода. Новгородцы опять звали къ себѣ Святослава Олеговича, который теперь медлилъ прибытіемъ въ Новгородъ и явился туда только въ концѣ 1139 г. и 25-го декабря посаженъ былъ на столѣ новгородскомъ. Но вскорѣ новгородцы не взлюбили его: противъ Святослава интриговалъ братъ его, Всеволодъ кіевскій, который хотѣлъ отдать Новгородъ сыну своему. Новгородцы отправили въ Кіевъ пословъ просить къ себѣ Всеволодова сына, а до прибытія его хотѣли все-таки задержать у себя Святослава. Но послѣднему, естественно, показалось это обиднымъ, и онъ тайно ушелъ изъ Новгорода. Между тѣмъ, въ то время, какъ новгородское посольство просило у великаго князя сына его, въ Новгородѣ вдругъ произошла важная перемѣна: партія Мономаховичей взяла верхъ, такъ что новгородцы не хотѣли уже ни брата, ни сына кіевскаго князя. За Святославомъ послали погоню, но онъ ускользнулъ отъ нея; поймали только бѣжавшаго въ-слѣдъ за нимъ посадника Якуна съ товарищами его, воротили его въ Новгородъ, вывели на вѣче, били, потомъ обнажили и сбросили съ моста въ рѣку. Тотъ, однако, не утонулъ и присталъ къ берегу; но теперь его уже не хотѣли ни бить, ни топить, — взяли только съ него 1000 гривенъ пени, а съ брата его — 100 гривенъ; подобную же пеню взяли и съ его единомышленниковъ; самого Якуна, кромѣ того, заточили въ Чуди. Затѣмъ новгородцы возвратили домой приверженцевъ Мономаховичей, бѣжавшихъ къ Юрію суздальскому, и одному изъ нихъ, Судилѣ, дали посадничество. Между тѣмъ какъ новгородское посольство было отпущено изъ Кіева съ большою честью, новгородцы нарядили къ великому князю второе посольство съ такими рѣчами: «Не хотимъ ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а хотимъ племени Володимирова». Тогда Всеволодъ Олеговичъ приказалъ воротить съ дороги первое посольство, задержалъ въ Кіевѣ всѣхъ новгородскихъ купцовъ, а своимъ купцамъ запретилъ ѣздить въ Новгородъ ⁶²²). Такъ прошла тяжелая для Новгорода зима. Новгородцы придумывали, какъ бы имъ въ одно и то же время и съ Всеволодомъ помириться, и взять къ себѣ княземъ Мономаховича. Наконецъ, порѣшили отправить къ великому князю третье посольство, которое должно было просить Святополка Мстиславича, брата умершаго во Псковѣ Всеволода, — того самаго Святополка, котораго псковичи хотѣли уже поставить у себя княземъ и который приходился великому князю шуриномъ, а въ то же время былъ и Мономаховичъ. Однако Всеволодъ не согласился на эту комбинацію и не пустилъ ни Святополка, ни Изяслава Мстиславичей, давъ имъ Берестье съ тѣмъ, чтобы они не ходили

622) Ibid.

въ Новгородѣ, куда ихъ звали (1140 г.); подручнымъ князьямъ своимъ также запретилъ ходить въ Новгородъ ⁶²³). Напрасно Изяславъ Мстиславичъ просилъ сестру свою, жену великаго князя Всеволода, чтобы она выхлопотала Новгородъ для брата Святополка ⁶²⁴). Девять мѣсяцевъ новгородцы сидѣли безъ князя, но не хотѣли сдаваться Всеволоду. Наконецъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ посадника Судилы, они опять призвали къ себѣ Юріева сына Ростислава, который прибылъ въ Новгородъ 26-го ноября 1141 г. Теперь Всеволодъ одумался: не желая, чтобы Новгородъ выскользнулъ, такъ сказать, изъ его рукъ, онъ послалъ туда Святополка. Въ то же время Всеволодъ Олеговичъ началъ захватывать Юрьевы города, товары, коней, а новгородцы выгнали отъ себя Ростислава. Въ досадѣ на Новгородъ Юрій Владиміровичъ переводитъ къ себѣ въ Суздаль сосланныхъ новгородцами въ Чудь Якуна и его брата съ женами и держитъ ихъ въ милости; затѣмъ разоряетъ новгородскій пригородъ Торжокъ, почему Святополкъ и предпринималъ противъ него походъ, но неудачно: вслѣдствіе распутицы онъ долженъ былъ воротиться съ дороги ⁶²⁵). Въ 1143 г. Изяславъ Мстиславичъ отправился въ Суздаль съ цѣлію примирить Юрія Владиміровича съ великимъ княземъ Всеволодомъ, но, не уладившись съ нимъ, ушелъ въ Смоленскъ къ брату своему Ростиславу, отсюда—въ Новгородъ къ другому брату, Святополку (прибывшему въ Новгородъ 19-го апрѣля 1142 г.), прозимовавши у котораго удалился въ Переславль ⁶²⁶).

Въ 1146 г. скончался великій князь Всеволодъ, и кіевскій столъ долженъ былъ занять Игорь Олеговичъ; но Изяславъ Мстиславичъ, еще при жизни Всеволода присягавшій ему, какъ будущему великому князю, теперь разбилъ его и самъ занялъ великокняжескій кіевскій столъ. Въ 1148 г. онъ далъ новгородцамъ въ князя сына своего Ярослава, а Святополка новгородцы удалили «злобы его ради». Вскорѣ самъ Изяславъ собрался въ Новгородъ. Повидавшись въ Смоленскѣ съ братомъ Ростиславомъ и поручивши ему вести свои полки къ Волгѣ, на устьѣ Медвѣдицы, для соединенія съ другими ратями, самъ онъ съ небольшою дружиной пошелъ въ Новгородъ. Какъ только новгородцы слышали о томъ, что къ нимъ идетъ великій князь, они съ большой радостью вышли къ нему на встрѣчу. Отслушавъ обѣдню въ Софійскомъ соборѣ вмѣстѣ съ сыномъ и встрѣтившими его боярами, Изяславъ послалъ подвойскихъ и бирючей кликать по улицамъ, «зовучи къ себѣ на обѣдъ отъ мала и до велика», а на другой день собралъ

623) П. С. Р. Л. II, 17, 296; VII, 33.

624) Ibid. II, 18, 296 (подъ 1142 г.).

625) Ibid. I, 134, 135; II, 296; III, 9; IV, 7; V, 159; VII, 33.

626) Ibid. I, 135; II, 19; VII, 34.

вѣче и такую рѣчь держалъ къ новгородцамъ: «Се, братье, сынъ мой и вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидить стрый (дядя) мой Гюрги; на нь есмь пришелъ сѣмо васъ дѣля и вашихъ дѣля обидѣ; а гадайте, братье, како нань поити, а любо съ нимъ миръ възмемъ, паки ли съ нимъ ратно кончимы!» — «Ты нашъ князь, — отвѣчали новгородцы — ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мъстиславъ! ради съ тобою идемъ своихъ дѣля обидѣ». И еще говорили новгородцы: «Княже! ать же пойдемъ, и всяка душа, аче и дьякъ, а гуменце ему пострижено, а не поставленъ будетъ, и тѣя пойдеть, — а кто поставленъ, ать Бога молитъ!» Такое одушевление не имѣло, однако, важныхъ послѣдствій: новгородцы пошли на Волгу, опустошили край около Ярославля, забрали многихъ жителей въ полонъ и возвратились во-свояси⁶²⁷). Подъ конецъ жизни Изяслава († 13-го ноября 1154 г.) новгородцы разошлись съ сыномъ его Ярославомъ, котораго прогнали, а къ себѣ взяли Изяслава брата Ростислава⁶²⁸).

Изяславъ II Мстиславичъ, какъ уже сказано, скончался 13-го ноября 1154 года. Теперь Ростиславъ Мстиславичъ, братъ умершаго князя, хочеть попытаться овладѣть Кіевомъ, куда и отправился, а въ Новгородѣ оставилъ сына своего Давида. Но новгородцы, недовольные тѣмъ, что Ростиславъ «не створи имъ ряду, нъ болѣ раздѣра», прогнали Давида. Попытка отца его также не удалась: онъ посидѣлъ на великокняжескомъ столѣ только нѣсколько дней (недѣлю) и потомъ долженъ былъ уступить Кіевъ Изяславу Давидовичу, разбившему его на р. Бѣлоуѣ. Изяславъ, въ свою очередь, посидѣвши на великокняжескомъ столѣ два дня, долженъ былъ уступить Кіевъ Юрію суздальскому. Новгородцы отправили къ послѣднему владыку Нифонта «съ передьними мужи» просить къ себѣ княземъ сына его, и Мстиславъ Юрьевичъ пришелъ въ Новгородъ 30-го января 1155 г.⁶²⁹).

Но у Ростислава Мстиславича были въ Новгородѣ преданные ему сторонники, которые старались удалить изъ Новгорода Юрьевича. Въ Новгородѣ образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за Юріева сына, это — представители Торговой стороны, хлопотавшіе о своихъ торговыхъ интересахъ, которыми они связаны были тѣснѣе съ Суздальской землей, чѣмъ съ Кіевской Русью; другую партію составляла Софійская сторона, которая и взяла верхъ.

627) Ibid. I, 139 (подъ 1149 г.); II, 39—40; III, 10; IV, 8; V, 159; VII, 45 (подъ 1149 г.).

628) Ibid. I, 146; II, 74; III, 11; IV, 8; V, 160. Въ Никоновской лѣтописи (IX, 198) по ошибкѣ сказано, что новгородцы, выгнавъ Ярослава, посадили у себя Романа Ростиславича.

629) Ibid. III, 11; IV, 8; V, 160.

Въ то самое время, какъ новгородцы собирались прогнать Мстислава Юрьевича, въ Новгородъ пришли Святославъ и Давидъ Ростиславичи, и Юрьевичъ въ ту же ночь тайно бѣжалъ изъ города. Это было еще до смерти отца его, Юрія Долгорукаго († 15-го мая 1157 г.), а спустя три дня въ Новгородъ прибылъ и самъ Ростиславъ. Тогда, замѣчаетъ лѣтописецъ, «снидошася братья» и не было уже никакого зла, т. е. новгородскія партіи примирились⁶³⁰). Ростиславъ, посадивши Святослава въ Новгородъ, а Давида въ Торжокъ, вмѣстѣ съ княгиней своей уѣхалъ въ Смоленскъ. Это было уже въ 1158 г.

Въ томъ же 1158 г. племянникъ смоленскаго князя, Мстиславъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, выгналъ изъ Кіева недавняго своего союзника, Изяслава Давидовича черниговскаго, занявшаго великокняжескій столъ по смерти Юрія Долгорукаго, и приглашалъ дядю въ Кіевъ на княженіе. Между тѣмъ какъ Ростиславъ Мстиславичъ занялъ кіевскій великокняжескій столъ, въ Новгородѣ произошла перемѣна: тамъ начали тянуть на сторону суздальскаго князя Андрея, союза съ которымъ искалъ и Изяславъ Давидовичъ, не надѣявшійся на собственныя силы въ борьбѣ съ Ростиславомъ за Кіевъ. Андрей Боголюбскій, сильно желавшій изгнать Ростиславичей изъ Новгородской земли, вступился за Изяслава и даже породнился съ нимъ: онъ помолвилъ свою дочь за племянника Изяслава, Святослава Владиміровича, княжившаго во Вщижѣ⁶³¹). Андрей встрѣтился съ Изяславомъ въ Волокѣ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу своей дочери и отсюда же послалъ сказать новгородцамъ, что онъ, во что бы то ни стало, намѣренъ поискать Новгородскаго княженія. Въ 1161 г. новгородцы созвонили вѣче, съ котораго послали сказать своему князю Святославу Ростиславичу: «Не можемъ дву князю держати, а пошли, выведи брата Давыда съ Нового Торгу». Святославъ поступилъ въ данномъ случаѣ очень тактично по отношенію къ новгородцамъ: онъ, «не вередя имъ сердца», какъ выражается лѣтописецъ, вывелъ Давида изъ Торжка, отправилъ его въ Смоленскъ къ третьему брату Роману, и этимъ, по-видимому, отнялъ у новгородцевъ всякій предлогъ къ какимъ-либо дальнѣйшимъ притязаніямъ съ ихъ стороны. Однако новгородцы не успокоились съ удаленіемъ Давида: они «на горшее зло подвигошася» — собрали вѣче «на Святослава». Послѣдній былъ на Городищѣ, какъ къ нему пригналъ вѣстникъ и заявилъ, что «велико зло дѣется въ городѣ... хотятъ тя яти». Святославъ удивился, говорилъ, что онъ не сдѣлалъ никакого зла новгородцамъ, что

630) Ibid. III, 12; V, 160.

631) Теперь село Орловской губерніи на р. Деснѣ.

послѣдніе цѣловали крестъ къ Ростиславу на томъ, чтобы ему, Святославу, быть у нихъ княземъ до живота его. Пока онъ говорилъ такъ, собралась большая толпа новгородцевъ, которые взяли и заперли князя «въ истопкѣ», княгиню его засадили въ монастырь, дружину княжескую поковали, товары его и его дружины разграбили, а потомъ отправили князя въ Ладогу, приставивъ къ нему многочисленную стражу. Вѣсть объ этомъ дошла до Ростислава, который, въ гнѣвѣ на вѣроломство Новгорода, приказалъ всѣхъ находившихся въ Кіевѣ новгородцевъ переловить и пометать въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ отъ тѣсноты въ первую же ночь умерло 14 узниковъ. Это обстоятельство огорчило Ростислава, и онъ приказалъ развести узниковъ по городамъ. Новгородцы, между тѣмъ, отправили къ Андрею Боголюбскому пословъ просить въ князя къ себѣ сына его. Тотъ не хотѣлъ отпустить сына, а предлагалъ брата своего Мстислава, — но новгородцы, въ свою очередь, не хотѣли этого князя потому, говорили они, что онъ уже былъ у нихъ. Тогда Андрей отпустилъ къ нимъ племянника своего, Мстислава Ростиславича. Что касается Святослава, то онъ успѣлъ уйти изъ Ладоги въ Полоцкъ, откуда тамошній князь Рогволодъ препроводилъ его въ Смоленскъ ⁶³²). Въ то же время новгородцы отняли посадничество у Якуна Мирославича, избраннаго на мѣсто изгнаннаго въ 1156 г. Судилы, и дали его Нѣжати ⁶³³). Въ слѣдующемъ 1161 году Ростиславъ Мстиславичъ и Андрей Юрьевичъ урядились между собою относительно Новгорода: по этому «ряду» Мстислава Юрьевича вывели изъ Новгорода, гдѣ онъ сдѣлалъ «годъ до года безъ недѣли», и ввели туда Святослава 28-го сентября; затѣмъ новгородцы отняли посадничество у Нѣжаты и выбрали на его мѣсто Захарія ⁶³⁴).

Во время вторичнаго княженія Святослава въ Новгородѣ, Новгородская земля подверглась нападенію шведовъ. Шведскій король Эрикъ въ 1157 г. завоевалъ Финляндію; въ 1164 г. шведы покушаются и на Новгородскую землю: намѣреваясь овладѣть Ладогой, они пришли въ судахъ къ устью Волхова; ладожане выжгли свои дома за чертой города, а въ послѣднемъ затворились вмѣстѣ съ посадникомъ Нѣжатою, пославъ за помощью къ князю и новгородцамъ. Шведы подступили къ городу, но не могли сдѣлать ему никакого вреда и отступили къ р. Вороной ⁶³⁵). На пятый день пришли Святославъ и новгородцы съ посадникомъ Захаріемъ и одер-

632) П. С. Р. Л. II, 88 (подъ 1161 г.); III, 13 (подъ 1160 г.); Карамз. II, 176.

633) Ibid. III, 12—13.

634) Ibid. III, 13; IV, 11.

635) По «Книгѣ Б. Чертежа» впадаетъ въ Ладожское озеро между рѣками Пашею и Сасемъ.

жали полную побѣду надъ шведами, изъ которыхъ многіе взяты были въ плѣнъ ⁶³⁶).

Въ 1166 г. престарѣлый Ростиславъ, желая, вѣроятно, упрочить положеніе Святослава, отправился въ Новгородъ, но доѣхалъ только до Великихъ Лукъ ⁶³⁷); сюда позваны были имъ «на порядъ» новгородцы: «огнищане, гридь, купецъ вятшее». Здѣсь Ростиславъ разболѣлся и на обратномъ пути чрезъ Смоленскъ въ Кіевъ скончался 17-го марта 1167 г. ⁶³⁸).

По смерти Ростислава кіевскій столъ занялъ Мстиславъ Изяславичъ. Въ то же время въ настроеніи новгородцевъ по отношенію къ князю произошла, какъ видно, перемѣна къ худшему для послѣдняго, такъ что Святославъ Ростиславичъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Великіе Луки и отсюда послалъ сказать новгородцамъ: «не ходю у васъ княжити»; новгородцы отвѣтили на это цѣлованіемъ образа Пресв. Богородицы на томъ, что они сами не хотятъ имѣть у себя Святослава, и пошли выгнать его изъ Великихъ Лукъ. Узнавши объ этомъ, Святославъ ушелъ въ Торопецъ, а новгородцы отправили посольство въ Кіевъ къ Мстиславу II Изяславичу просить въ Новгородъ на княженіе сына его. Между тѣмъ Святославъ пошелъ на Волгу, а отсюда, получивши помощь отъ Андрея Боголюбскаго, подошелъ къ Торжку и сжегъ его; въ то же время братья его, Романъ смоленскій и Мстиславъ, сожгли Великіе Луки; наконецъ, самъ суздальскій князь поднялъ противъ Новгорода смольнянъ и полочанъ; изъ Новгорода въ Кіевъ заняты были всѣ пути, такъ что новгородскіе послы къ великому князю Мстиславу были перехвачены. Андрей Юрьевичъ, «Святослава силою мѣстяще въ городъ» (Новгородъ), говорилъ новгородцамъ: «нѣту вамъ князя иного, развѣ Святослава». Заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ этимъ послѣднимъ, посадника Захарія, какого-то Неревина и бирюча Нѣзда (или Внѣзда) новгородцы убили. Вскорѣ потомъ они нашли и путь къ Кіеву чрезъ владѣнія полоцкаго князя Вячеслава Святославича и князя городецкаго (изъ племени полоцкихъ князей) Володаря Глѣбовича ⁶³⁹): въ Кіевъ пробрался Даньславъ Лазутиничъ съ дружиной. Между тѣмъ Святославъ Ростиславичъ съ братьями, суздальцами, смольнянами и полочанами пошли къ Русѣ, но, не дошедши до города, почему-то воротились назадъ (Карам-

636) П. С. Р. Л. III, 13; IV, 11; V, 162.

637) Далѣе онъ не могъ ѣхать, какъ показываютъ послѣдующія событія, по нездоровью.

638) П. С. Р. Л. III, 14.

639) «Налѣзоша собѣ путь на Вяцька и на Володаря», сказано въ лѣтописи.

зпнѣ говорить, что Святослава заставили удалиться отъ Русы новгородцы, предводимые умнымъ посадникомъ Якуномъ). Года черезъ два Святославъ умеръ на Волокѣ, «воюя, какъ сказано въ одной лѣтописи, Новгородскую волость». Новгородцы съ однимъ посадникомъ Якуномъ (Андреевичемъ, по Никон. лѣт. и Степенной кн.) безъ князя прожили отъ Симеонова дня, т. е. отъ 1-го сентября, до Пасхи (7-го апрѣля), ожидая изъ Кіева Мстиславова сына ⁶⁴⁰).

Въ началѣ 1168 г. (апрѣля 14-го) въ Новгородъ прибылъ сынъ великаго князя Романъ Мстиславичъ, «и ради быша новгородци своему хотѣнію», какъ говорить лѣтопись. Теперь новгородцы захотѣли отплатить своимъ врагамъ за разореніе новгородскихъ пригородовъ и волостей подобною же монетою: соединившись съ псковичами, они пошли къ Полоцку, разорили Полоцкую волость и воротились назадъ, не дошедши только 30 верстъ до самаго города, — а къ наступленію весны, въ концѣ того же года, кн. Романъ ходилъ съ новгородцами къ Торопцу, пожегъ тамъ дома и взялъ большой полонъ ⁶⁴¹).

Андрей Боголюбскій долженъ былъ вступить за своихъ союзниковъ и наказать Новгородъ, но пока оставилъ въ покоѣ этотъ послѣдній и все свое вниманіе обратилъ на нелюбимаго имъ великаго князя кіевского Мстислава, котораго намѣревался низвергнуть. Составилась сильная коалиція изъ Ростиславичей, кн. Владиміра дорогобужскаго (сына Андрея Владиміровича владиміро-волинскаго), Глѣба Юрьевича переяславскаго (Андреева брата), князей полоцкихъ, муромскихъ и рязанскихъ; Андрей поручилъ главное начальство надъ войсками сыну своему Мстиславу и воеводѣ Борису Жидиславичу. Между тѣмъ великій князь кіевскій, ничего не зная о грозившей ему опасности, отправлялъ, въ то же самое время, вѣрнаго ему Михаила Юрьевича, Андреева брата, съ отрядомъ Черныхъ Клобуковъ въ Новгородъ, — но Ростиславичи схватили этого князя на пути вмѣстѣ съ новгородскими купцами. Мстиславъ, узнавъ объ опасности, едва успѣлъ призвать Торковъ и Берендѣевъ, какъ его непріатели подошли къ городу: два дня кіевскій князь оборонялся мужественно, а на третій день союзники взяли городъ приступомъ, чего еще никогда не бывало съ матерью городовъ русскихъ, и грабили его въ продолженіе трехъ дней... Мстиславъ съ братомъ своимъ Ярославомъ ушелъ на Вольнь. Покоривъ кіевскую Русь и посадивши въ Кіевѣ брата своего Глѣба, Андрей Юрьевичъ, желая смирить и Новгородъ, началъ тревожить гражданъ его, ѣздившихъ собирать

640) П. С. Р. Л. III, 14; V, 163; VII, 82 (подъ 1169 годомъ); Карамз. II, пр. 108.

641) Ibid. III, 14.

дань за Онегою. Въ Двинской землѣ не мало было недовольныхъ новгородскимъ управленіемъ, и Андрею не трудно было достичь того, что двиняне задались за него. Для защиты этихъ послѣднихъ отъ новгородцевъ, Андрей, въ **1169 г.**, послалъ на Двину войско, которое, однако, разбито было, не смотря на свой численный перевѣсъ, новгородскимъ сборщикомъ податей, Даньславомъ Лазутиничемъ, который тогда же собралъ дань и съ Андреевыхъ волостей, сосѣдившихъ съ новгородскими. Тогда Андрей задумалъ нанести Новгороду болѣе рѣшительный ударъ: онъ отправилъ, подъ начальствомъ сына своего Мстислава, сильную рать на самый Новгородъ; тутъ были рати подручныхъ Андрею князей, были смольняне съ своими князьями, Романомъ и Мстиславомъ Ростиславичемъ, братьями изгнаннаго Святослава, — были муромцы съ своими князьями и полочане; по дорогѣ до самаго Новгорода ничему и никому не было пощады: все предавалось огню и мечу. Союзники подступили къ городу 22-го февраля **1169 г.** Новгородскій князь Романъ Мстиславичъ и посадникъ Якунъ Андреевичъ приготовились къ оборонѣ: обнесли городъ тыномъ и вооружили людей. Объ этой осадѣ въпослѣдствіи составилось сказаніе съ специально новгородскимъ патріотическо-религіознымъ характеромъ. Гордые своею численностію, еще заранѣе подѣлившіе между собою новгородскія улицы, женъ и дѣтей новгородскихъ, осаждавшіе требовали сдачи города. Но переговоры по этому дѣлу не привели къ желательнымъ для осаждавшихъ результатамъ. Три дня новгородцы успѣшно отбивались; въ ночь на четвертый день случилось нѣчто необычайное: архіепископъ Іоаннъ, молясь передъ образомъ Спасителя, услышалъ гласъ, исходившій отъ иконы: «Иди на Ильину улипу въ церковь Спаса и возьми тамъ икону Пр. Богородицы, вознеси ее на забрало, и она спасетъ Новгородъ». Объ этомъ архіепископъ объявилъ собору на слѣдующее утро. Духовенство отправилось, по указанію гласа, за иконою, — но когда протодіаконъ хотѣлъ взять ее, она не двинулась съ мѣста, и только самъ архіепископъ, послѣ усердной молитвы, могъ взять ее своими руками и въ сопровожденіи новгородцевъ отправился на стѣну у Загороднаго конца, между Добрыниной и Прусской улицами, и вознесъ ее на забрало подъ тучей непріятельскихъ стрѣлъ; икона обратилась отъ осаждавшихъ назадъ, изъ глазъ ея потекли слезы и упали на фелонь архіепископа. Тогда на осаждавшихъ напало какое-то одурѣніе: они стали стрѣлять другъ въ друга и пришли въ страшный безпорядокъ; новгородцы же ободрились, дружно ударили на врага и поразили его. Суздальцы обратились въ бѣгство; отставшіе изъ нихъ были взяты въ плѣнъ, и такихъ было весьма много, такъ что ихъ продавали по двѣ ногаты за человѣка. Это происходило 25-го февраля. Отступление или, лучше, бѣгство суздаль-

цевъ было весьма печально: они за недостаткомъ хлѣба вынуждены были ѣсть въ великій постъ мясо, мерли отъ голода и болѣзней ⁶⁴²).

Въ 1170 г. въ Новгородѣ сильно поднялись цѣны на хлѣбъ и жители много страдали отъ дороговизны: очевидно, неудачный исходъ похода на Новгородъ заставилъ Андрея прибѣгнуть къ обычному и въ то же время дѣйствительному средству для смиренія Новгорода — къ задержкѣ подвоза хлѣбныхъ продуктовъ въ Новгородскую землю. При такихъ обстоятельствахъ новгородцамъ, волей-неволей, пришлось разстаться съ своимъ княземъ Романомъ и отправить къ Андрею пословъ съ просьбой заключить съ ними миръ и дать имъ князя на всей ихъ волѣ. Андрей далъ Рюрика, сына Ростислава Мстиславича ⁶⁴³). Но при наступленіи зимы («на зиму») 1171 г. Рюрикъ, вѣроятно, не поладивъ съ новгородцами, ушелъ изъ Новгорода, ознаменовавъ свое княженіе только тѣмъ, что изгналъ изъ Новгорода посадника Жирослава, который удалился къ Андрею, въ Суздальскую землю. Новгородцы чрезъ пословъ опять просили у Андрея князя, — но этотъ послѣдній прислалъ къ нимъ помянутаго Жирослава съ своими мужами. Новгородцы все-таки хотѣли имѣть у себя князя, и въ слѣдующемъ 1172 году Андрей отпустилъ къ нимъ сына своего Юрія, который принять былъ въ Новгородѣ съ честью ⁶⁴⁴). Въ то же время Ростиславичи захватили Кіевъ, назначенный Андреемъ брату своему Михалку, и суздальскій князь послалъ Юрія новгородскаго съ суздальцами, новгородцами и ростовцами на выручку прежней столицы Руси. Ростиславичи изгнаны были изъ Кіева, — но въ Вышгородѣ засѣлъ Давидъ Ростиславичъ, котораго трудно было выбить оттуда: девять недѣль Юрій Андреевичъ стоялъ напрасно около Вышгорода и, наконецъ, не желая, какъ говоритъ лѣтописецъ, кровопролитія, ушелъ ⁶⁴⁵).

Въ годъ убіенія Андрея Боголюбскаго (29-го іюня 1174 г.) сынъ его Юрій находился еще въ Новгородѣ, но въ слѣдующемъ 1175 г. его вывели изъ Новгорода ⁶⁴⁶). Между тѣмъ ростовцы, суздальцы и перее-

642) Ibid. I, 154; III, 15, 180 (гдѣ по ошибкѣ сказано, что Андрей Боголюбскій самъ ходилъ на Новгородъ); IV, 12, 177; V, 9; въ VII, 86—подъ 1170 г.; въ III, 125,—IV, 12, 177 и въ V, 9 по ошибкѣ сказано, что Андрей послалъ на Новгородъ Романа; Степ. кн. I, 302 (объ иконѣ Пр. Богородицы).—Позднѣе, не раньше какъ въ XIV в., была основана церковь Знаменія Пр. Богородицы, и въ эту церковь перенесена была икона, избавившая Новгородъ отъ суздальцевъ. Въ трепникахъ и доселѣ есть служба этой иконѣ.

643) Ibid. III, 15; IV, 13; V, 164; въ II, 105, 313 — подъ 1173 годомъ.

644) Ibid. III, 15; въ II, 107 — подъ 1173 г.; въ I, 155, — IV, 13, — V, 164 и VII, 88 — подъ 1174 г.

645) Ibid. III, 15; въ I, 155, — II, 109, 315, — IV, 13, — V, 164 и VII, 88 (гдѣ Юрій по ошибкѣ названъ Андреемъ Юрьевичемъ) — подъ 1174 годомъ.

646) Ibid. III, 16; IV, 13; V, 165.

славцы, по пропискамъ рязанскихъ пословъ, выбрали въ преемники Андрею племянниковъ его, Ярополка и Мстислава Ростиславичей, шурьевъ рязанскаго князя Глѣба Ростиславича, которые, изъ уваженія къ старшинству, пригласили съ собой совмѣстно княжить и дядьевъ своихъ, Михалка и Всеволода Юрьевичей, которые, однако, вслѣдствіе споровъ между суздальскими городами и вспыхнувшаго потомъ междоусобія удалились изъ Суздальской земли опять въ Черниговъ. Мстиславъ занялъ Ростовъ и Суздаль, а Ярополкъ—Владимірѣ. Однако братьямъ не долго пришлось господствовать въ Суздальской землѣ: лихоимство чиновниковъ Ярополка вскорѣ возбудило противъ него владимірцевъ и заставило ихъ обратиться къ Михалку и звать его къ себѣ на княженіе. Михалко (въ 1175 г.), къ которому Святославъ черниговскій присоединилъ (21-го мая) сына своего Владиміра съ полкомъ, прибылъ во Владимірѣ вмѣстѣ съ Всеволодомъ; въ происшедшей затѣмъ битвѣ между дядьями и племянниками верхъ взяли первые, а послѣдніе бѣжали: Ярополкъ — въ Рязань, а Мстиславъ — въ Новгородъ. Здѣсь Мстиславъ женился (во второй разъ) на дочери новгородскаго боярина Якуна Мирославича. Это было уже въ 1176 г. Въ томъ же году, іюня 20-го, во Владимірѣ скончался Михалко, и владимірцы позвали къ себѣ изъ Переяславля Залѣскаго брата его Всеволода, а ростовцы (собственно бояре), по неволѣ покоровшіеся Михалку, еще за нѣсколько времени до смерти послѣдняго, приглашали къ себѣ Мстислава, который, оставивъ въ Новгородѣ единственнаго сына своего Святослава, прибылъ въ Ростовъ и вскорѣ (уже по смерти Михалка) пошелъ на Владимірѣ. Всеволодъ—болѣе искусный политикъ, чѣмъ воинъ, предлагалъ Мстиславу мирно раздѣлить волость, но ростовцы, помимо князя своего, не согласились на его предложеніе и хотѣли рѣшить споръ оружіемъ; однако они проиграли битву (іюня 27-го), и Мстиславъ опять бѣжалъ въ Новгородъ. Новгородцы теперь не хотѣли уже принять его: «путь ему показаша и съ сыномъ Святославомъ»; они взяли къ себѣ племянника Всеволодова⁶⁴⁷), Ярослава Мстиславича⁶⁴⁸), а Мстиславъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань.

Такъ какъ въ дѣлѣ Ростиславичей замѣшанъ былъ зять ихъ, Глѣбъ рязанскій, то Всеволодъ Юрьевичъ задумалъ наказать этого послѣдняго и выступилъ противъ него въ походъ. Но къ нему явились новгородцы и просили его не ходить на Глѣба «безъ новгородскихъ сыновъ». Всеволодъ возвратился во Владимірѣ, — но вскорѣ Глѣбъ самъ вынудилъ его опять взяться за оружіе: Мстиславъ побуждалъ своего зятя подняться на Всево-

647) А не сына, какъ сказано въ Новгородской первой. См. Карамз. III, пр. 48.

648) Цитаты см. въ слѣдующемъ примѣчаніи.

лода; тотъ согласился и въ ту же зиму пошелъ съ обоими Ростиславичами на Суздальскую землю. Въ битвѣ на р. Колокшѣ (1177 г.) Всеволодъ одержалъ побѣду: рязанцы были разбиты, кн. Глѣбъ съ сыномъ Романомъ и Мстиславъ Ростиславичъ взяты были въ плѣнъ, приведены во Владиміръ и посажены въ порубъ; Ярополкъ бѣжалъ въ Рязань, но вскорѣ выданъ былъ Всеволоду рязанцами; Ростиславичи, потомъ, по настоянію гражданъ, были ослѣплены и отпущены въ Русь. Въ Смоленскѣ во время молитвы въ Смядынской церкви Бориса и Глѣба братья чудесно прозрѣли и вскорѣ послѣ того пошли въ Новгородъ. Новгородцы приняли ихъ, болѣе, кажется, потому, что на этихъ князьяхъ такъ явно оказалась благодать Божія: Мстислава они посадили въ Новгородѣ, Ярополка — въ Торжкѣ, а Всеволодова племянника Ярослава перевели въ Волокъ Ламскій⁶⁴⁹). Апрѣля 20-го 1178 г. Мстиславъ скончался, и мѣсто его занялъ Ярополкъ. Такое предпочтеніе Ростиславича племяннику Всеволода, кажется, не понравилось послѣднему: по крайней мѣрѣ, суздальскій князь тогда же приказалъ задержать находившихся въ его владѣніяхъ новгородскихъ купцовъ, и по неволѣ «показаши новгородци путь Яроплку». Всеволодъ, однако, этимъ не удовлетворился: онъ изгономъ напалъ на Торжокъ и хотѣлъ ограничиться только данью съ новоторжцевъ, — но дружина возроптала на это: «мы не цѣловать ихъ прѣхали, говорили дружинники: они, княже, Богови лжуть и тобѣ». Декабря 8-го Торжокъ былъ взятъ и сожженъ, а жители отправлены въ качествѣ плѣнниковъ во Владиміръ; затѣмъ Всеволодъ съ отборной дружиной подступилъ къ Волоку Ламскому, изъ котораго жители вышли заблаговременно, и «пусти (его) на воропъ» (разграбленіе); спаливши городъ и захвативъ съ собой племянника своего Ярослава, Всеволодъ возвратился во Владиміръ. Въ гнѣвѣ на великаго князя новгородцы послали въ Смоленскъ за Романомъ. Впрочемъ Романъ, не долго побывши въ Новгородѣ, добровольно выѣхалъ изъ него; теперь выборъ новгородцевъ палъ на его брата, Мстислава Храбраго. Мстиславъ не хотѣлъ оставлять Смоленской земли, но братья и мужи уговорили его, и онъ отправился въ Новгородъ, гдѣ торжественно встрѣченъ былъ духовенствомъ и гражданами и посаженъ на столѣ у св. Софіи. Около того времени Чудь, пользуясь, вѣроятно, смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ Новгородѣ, начала беспокоить Новгородскую землю набѣгами: въ 1176 г. она нападала на Псковъ. Теперь Мстиславъ, собравши (въ 1180 г.) до 20 тысячъ войска, вступилъ въ Чудскую землю, опустошилъ ее до са-

649) П. С. Р. Л. I, 161—162; II, 317; III, 16—17; IV, 14; V, 166—167; VII, 93—94. Надобно замѣтить, что отъ 1175 до 1180 г. лѣтописи относительно хронологіи сильно расходятся между собой: однѣ отъ другихъ уходятъ на годъ и на два впередъ. Мы придерживались здѣсь хронологіи, принятой Карамзинымъ.

мага моря и возвратился изъ похода съ громаднымъ количествомъ скота и плѣнниковъ. По пути онъ заходилъ въ Псковъ и смирля здѣсь представителей власти, не хотѣвшихъ повиноваться племяннику его, Борису Романовичу. Тогда же Мстиславъ задумалъ и уже выступилъ въ походъ на Полоцкъ за прежнія обиды, причиненныя Новгороду полочанами; но братъ его Романъ уговорилъ его не ходить на полоцкаго князя, за которымъ, между прочимъ замѣтимъ, была сестра Ростиславичей, и Мстиславъ изъ Великихъ Лукъ воротился назадъ. Вскорѣ (14-го іюня **1180 г.**) Мстиславъ Ростиславичъ скончался... И теперь новгородцы обратились за княземъ не во Владиміръ, а въ Черниговъ: они пригласили къ себѣ сына Святослава черниговскаго, Владиміра. Это, конечно, непріятно было Всеволоду, который, вѣроятно, гнѣвался на черниговскаго князя, хотя и не могъ явно выражать этого гнѣва, будучи многимъ обязанъ Святославу до прибытія въ Суздальскую землю. Однако обстоятельства скоро привели этихъ князей къ открытому враждебному столкновенію. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба рязанскаго жаловались Всеволоду Юрьевичу на старшаго брата своего Романа, что онъ, по внушеніямъ тестя своего Святослава черниговскаго, отнимаетъ у нихъ удѣлы. Всеволодъ вступился за обиженныхъ, выступилъ въ Коломну, гдѣ встрѣтился съ ними, плѣнилъ здѣсь Святославова сына Глѣба и отправилъ его во Владиміръ; затѣмъ, разбивъ передовую рать Романа на берегу Оки, взялъ городъ Борисовъ (теперь несуществующій), осадилъ Рязань и тѣмъ заставилъ Романа просить мира. Братья удовольствовались удѣлами, распределенными между ними Всеволодомъ, и призвали послѣдняго главой своимъ. Это раздражило Святослава черниговскаго, и онъ вступилъ въ Суздальскую землю, соединился съ новгородцами на берегахъ р. Тверцы, попустишилъ берега Волги и направился къ Переяславу. Всеволодъ съ суздальскими, рязанскими и муромскими полками стоялъ въ 40 верстахъ отъ этого города на р. Вленѣ, къ которой приблизился и Святославъ. Мѣстность не позволяла противникамъ вступить въ бой, а между тѣмъ наступала весна, и Святославъ, боясь распутицы, ограничился только сожженіемъ Дмитрова и ушелъ на время весны въ Новгородъ, гдѣ его встрѣтили, какъ побѣдителя. Съ черниговскимъ княземъ находился и Ярополкъ, котораго новгородцы приняли вторично и опять дали ему Торжокъ (**1181 г.**). Отсюда-то онъ «поча воевати Волгу, люди Всеволожѣ». Владимірскій князь «изъѣздомъ» («изгономъ») напалъ на Торжокъ и голодомъ заставилъ его сдаться; Ярополкъ, раненный во время осады стрѣлою, закованъ былъ въ цѣпи, а городъ вторично сожженъ; жители въ качествѣ плѣнныхъ отведены были во Владиміръ. Новгородское войско, находившееся въ то время въ землѣ кривичей, спѣшило на защиту

своей земли, — но граждане Новгорода, выславши отъ себя Святославова сына Владиміра, уже обратились за княземъ къ Всеволоду, который отпустилъ къ нимъ свояка своего, Ярослава Владиміровича, отпустивъ въ то же время на свободу новоторжскихъ плѣнныхъ. Такая перемѣна, какъ видно, удовлетворила Всеволода, и онъ съ честію отпустилъ плѣннаго Глѣба Святославича и даже породнился съ нимъ (1182 г.)⁶⁵⁰). Но и Ярославъ Владиміровичъ не долго просидѣлъ въ Новгородѣ: въ 1183 г. литовцы опустошили Псковскую волость; новгородцы не успѣли подать помощи псковичамъ, въ чемъ обвиняли Ярослава Владиміровича, котораго, въ 1184 г., и прогнали изъ Новгорода, взявъ къ себѣ Мстислава Давидовича смоленскаго. «Такъ бо бѣ ихъ обычай», замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ. Въ 1186 г. Мстиславъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, ходилъ на Полоцкъ, но въ слѣдующемъ 1187 г. былъ изгнанъ, а на мѣсто его новгородцы просили у Всеволода опять Ярослава Владиміровича, который и былъ отпущенъ къ нимъ съ честью⁶⁵¹). Въ-слѣдъ за этимъ лѣтописи отмѣчаютъ (подъ 1188 г.), что Новгородъ сильно страдалъ отъ дороговизны хлѣба, что новгородцы поссорились съ варягами, готландцами и другими скандинавскими народами: задерживали ихъ купцовъ и сажали въ темницы; не пускали за море своихъ купцовъ и пр. Въ 1191 г. вмѣстѣ съ корелами новгородцы

650) Ibid. I, 164; II, 123—125; III, 18; IV, 16; V, 168; VII, 95—96; Карамз. т. III. Н. И. Костомаровъ (VII-ой т. Монографій) занятіе Ярославомъ Владиміровичемъ Новгородскаго стола считаетъ какъ будто необыкновенно хитрымъ дипломатическимъ обходомъ Всеволода: новгородцы вынуждены были силою обстоятельствъ смирились предъ Всеволодомъ и изгнать отъ себя Святославова сына, но они ухитрились поставить дѣло такъ, что взяли князя все-таки не изъ Суздальской земли: они взяли Ярослава Владиміровича, внука Мстислава Великаго, любимаго памятью народною, — и вотъ, въ династическомъ вопросѣ Новгородъ удержалъ прежнее свое сочувствіе къ роду Мстислава. Такъ рассуждаетъ Костомаровъ. Но въ лѣтописяхъ говорится, что новгородцы *просили* князя у Всеволода (само собою предполагается, не зная, кого онъ дастъ), что Всеволодъ *далъ* имъ свояка своего Ярослава Владиміровича. Затѣмъ, по одиному лѣтописямъ (III, 18; V, 168; VII, 97 подъ 1184 годомъ) Всеволодъ самъ выводитъ Ярослава изъ Новгорода, а по другимъ (I, 169 подъ 1186 годомъ) — его выгнали новгородцы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мнѣнія Н. И. Костомарова не совсѣмъ согласны съ извѣстіями лѣтописей. Въ послѣдующихъ затѣмъ разсужденіяхъ нашъ историкъ даже противорѣчитъ самъ себѣ: указавши на симпатіи новгородцевъ къ роду Мстислава, онъ говоритъ далѣе о борьбѣ двухъ партій въ Новгородѣ, изъ которыхъ одна тянула къ Всеволоду, а другая — къ южной Руси, и въ 1184 г. послѣдняя одолѣла, въ доказательство чего приводитъ тотъ фактъ, что въ показанномъ году новгородцы выгнали Ярослава, того самаго, котораго, какъ то явствуетъ изъ предъидущихъ разсужденій историка, надобно считать представителемъ южно-русскихъ симпатій Новгорода къ роду Мстислава!...

651) П. С. Р. Л. I, 169—171; III, 18—19, 126—127; IV, 17; V, 168—169; VII, 97, 100—101; X, 9—12, 18. По Лавр. лѣт. новгородцы выгнали Ярослава въ 1186 г., а по всѣмъ другимъ — въ 1184; походъ на Полоцкъ по Новг. лѣт. былъ въ 1185 г., а по другимъ — въ 1186; вторичный призывъ Ярослава въ Новгородъ по Новгородской лѣтописи и Софійской первой былъ въ 1187 г., а по Лавр. и Воскресенской — въ 1188 г.

пустошили землю финновъ. Въ то же время Ярославъ Владиміровичъ вмѣстѣ съ новгородцами ходилъ въ Великіе Луки: его звали на рубежъ половецкіе князья и половецкіе; здѣсь обѣ стороны условились на зиму идти противъ Литвы или Чудя; богато одаренный союзниками—половчанами, Ярославъ возвратился въ Новгородъ и вскорѣ двинулся на Ливонію, взявъ Дерптъ и воротился со множествомъ плѣнныхъ и добычи⁶⁵²). Въ слѣдующемъ 1192 г. Ярославъ съ небольшимъ числомъ новгородцевъ пошелъ въ Псковъ и сѣлъ тамъ, а дворъ свой (дружину) съ отрядомъ псковичей послалъ воевать въ Ливонію. На этотъ разъ взять былъ городъ Оденпе (Медвѣжья Голова)⁶⁵³).

Въ 1195 г. Всеволодъ приглашалъ новгородцевъ въ походъ на черниговскаго князя и «на все Олегово племя»; новгородцы выступили съ своимъ княземъ Ярославомъ, но изъ Торжка, какъ сказано въ лѣтописи, съ честью возвращены были Всеволодомъ назадъ. Въ то время у Ярослава въ Новгородѣ уже много было враговъ: въ томъ же 1195 г. новгородцы послали къ Всеволоду посадника Мирошку, Бориса Жирславича и сотскаго Никифора просить у него въ князья къ себѣ сына его, а Ярослава вывести отъ нихъ⁶⁵⁴). Великій князь задержалъ посланныхъ во Владиміръ, а самъ въ то же время готовился къ походу на Олеговичей. Въ слѣдующемъ 1196 г. новгородцы прислали другихъ пословъ съ просьбой, чтобы Всеволодъ освободилъ задержанныхъ имъ прежнихъ пословъ; но великій князь захватилъ Мирошку и его товарищей въ походъ на Черниговъ, а новгородцамъ приказалъ идти въ Великіе Луки, откуда они, пробывши тамъ нѣкоторое время съ княземъ Ярославомъ, воротились домой. Между тѣмъ Всеволодъ вступилъ въ Черниговскую землю, гдѣ хотя и были отдѣльныя стычки, но до крайняго кровопролитія дѣло не дошло: князья примирились, «а Новгородъ—замѣчено въ лѣтописи—выложиша вся князи въ свободу, кдѣ имъ любо, ту же собѣ князя поймають». По возвращеніи изъ похода Всеволодъ все-таки не отпускалъ Мирошки, и разгнѣванные этимъ новгородцы показали Ярославу путь изъ Новгорода. Ярославъ съ поклономъ принять былъ новоторжцами, между тѣмъ какъ новгородцы послали звать къ себѣ сына черниговскаго князя, который однако не скоро удовлетворилъ эту просьбу, потому что въ самой Черниговской землѣ не было мирно. Всю зиму новгородцы пробыли безъ князя, а Ярославъ княжилъ въ Торжкѣ, какъ въ своей волости, «и дани пойма по всему Върху и Мьстѣ и за Волокомъ възьма дань». Въ то же время Всеволодъ приказалъ задерживать въ

652) Ibid. VII, 101; Карамз. III, 52 и сл.

653) Ibid.

654) Ibid. III, 22—23; V, 170; VII, 102; X, 23; въ II, 150, 326 подъ 1196 годомъ.

своей землѣ всѣхъ новгородцевъ и не пускать ихъ въ Новгородъ⁶⁵⁵). Въ мартѣ **1197 г.** въ Новгородъ прибылъ, наконецъ, Ярополкъ Ярославичъ изъ Чернигова, но княжилъ тамъ, начиная съ Вербной недѣли, только шесть мѣсяцевъ: 1-го сентября новгородцы выгнали его и опять послали просить къ себѣ Ярослава. Но послѣдній ушелъ въ это время во Владиміръ, куда звалъ его Всеволодъ. Тогда изъ Новгорода отправились «передніе мужи» во Владиміръ «и пояша Ярослава съ всею правдою и чьстью», который и прибылъ въ Новгородъ около половины января. Тогда же отпущенъ былъ и посадникъ Мирошка, чему новгородцы въ высшей степени были рады⁶⁵⁶).

Весной **1198 г.** Ярославъ похоронилъ въ Новгородѣ двухъ сыновей своихъ, изъ которыхъ старшій Изяславъ былъ посаженъ на княженіе въ Великихъ Лукахъ, чтобы, какъ выражается лѣтопись, быть «отъ Литвы оплечьемъ Новгороду», а осенью того же года на Великіе Луки сдѣлали набѣгъ полочане, почему зимой Ярославъ съ новгородцами, псковичами, новоторжцами и ладожанами предпринялъ походъ на Полоцкъ; но при озерѣ Касплѣ полочане встрѣтили его съ поклономъ, чѣмъ и предотвратили кровопролитіе⁶⁵⁷). Въ слѣдующемъ **1199 г.** Всеволодъ вывелъ Ярослава изъ Новгорода во Владиміръ и въ то же время позвалъ къ себѣ новгородскаго владыку, посадника Мирошку и нѣсколько лучшихъ мужей съ тѣмъ, чтобы они просили къ себѣ въ князя сына его. Такимъ образомъ въ Новгородъ отпущенъ былъ на княженіе Святославъ Всеволодовичъ⁶⁵⁸). Но въ **1205 г.** Святославъ замѣненъ былъ старшимъ сыномъ Всеволода Константиномъ, съ которымъ новгородцы, въ **1207 г.**, принимали участіе въ походѣ великаго князя на Рязань. Послѣ похода Константинъ оставленъ былъ отцомъ въ Суздальской землѣ, а въ Новгородъ въ **1208 г.** опять отправленъ былъ Святославъ. Но уже въ слѣдующемъ **1209 г.** новгородцы приняли къ себѣ Мстислава Мстиславича Удалаго, котораго замѣнилъ въ **1215 г.** Ярославъ Всеволодовичъ переяславскій. Мы уже выше говорили⁶⁵⁹) о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Ярослава противъ нѣкоторыхъ неугодныхъ ему новгородцевъ, а потомъ и самаго Новгорода, на помощь къ которому опять явился Мсти-

655) Ibid. I, 174; III, 23; VII, 105. По Лавр. лѣтописи новгородцы выгнали Ярослава въ январѣ и привели къ себѣ Ярополка изъ Чернигова, а Ярослава Всеволодъ посадилъ въ Торжкѣ.

656) Ibid. III, 24; IV, 18; V, 170—171; VII, 106.

657) Ibid.

658) Ibid. III, 25; IV, 18; V, 171; VII, 107 (подъ 1200 годомъ). На событія послѣдующихъ годовъ до 1229 г. включительно мы будемъ указывать кратко, такъ какъ болѣе подробно о нихъ говорено уже въ біографіяхъ Ярослава и Святослава Всеволодовичей, куда и отсылаемъ читателя.

659) См. выше стр. 10-ую.

славъ Удалий. Столкновение новгородцевъ во главѣ съ этимъ послѣднимъ съ суздальцами кончилось поражениемъ, на р. Липицѣ, великаго князя Юрія II Всеволодовича и занятіемъ великокняжескаго стола старшимъ братомъ его Константиномъ въ **1219 г.** Послѣ Мстислава новгородскій столъ послѣдовательно занимали: сынъ великаго князя Всеволодъ Юрьевичъ въ **1222 г.**, а послѣ его тайнаго бѣгства изъ Новгорода въ **1223 г.** — дядя его Ярославъ Всеволодовичъ; въ **1224 г.** опять Всеволодъ Юрьевичъ, вскорѣ потомъ, въ томъ же году, опять тайно бѣжавшій изъ Новгорода въ Торжокъ, куда не медля прибылъ и отецъ его. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и переговоровъ новгородцы согласились принять къ себѣ великокняжескаго шурина, Михаила Всеволодовича черниговскаго, который прибылъ въ Новгородъ въ **1225 г.**, но вскорѣ опять уѣхалъ въ свой Черниговъ; далѣе опять въ Новгородѣ появляется Ярославъ Всеволодовичъ: онъ явился на выручку Новгородской земли отъ литовцевъ, которыхъ побилъ близъ Усвята въ **1226 г.** и въ томъ же году ходилъ съ новгородцами на Емь, въ южную часть Финляндіи, откуда возвратился съ громаднымъ полономъ, а въ слѣдующемъ **1227 г.** крестилъ почти всѣхъ корелянъ.... Въ **1228 г.** Емь, въ отмщеніе за походъ **1226 г.**, пришла воевать новгородскія волости, и Ярославъ съ новгородцами опять выходилъ противъ нея; но вскорѣ послѣ того у него произошелъ раздоръ съ новгородцами изъ-за Пскова, и онъ уѣхалъ въ свой Переяславль, а нѣсколько времени спустя захватилъ новгородскую волость Волокъ. Въ **1229 г.** въ Новгородъ пришелъ опять Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій и опять пробылъ тамъ не долго и уѣхалъ домой, оставивъ у новгородцевъ сына своего Ростислава, еще младенца. Новгородцы требовали отъ Ярослава, чтобы онъ возвратилъ Волокъ, но Ярославъ не только не исполнилъ этого требованія, но и пришедшихъ по этому дѣлу пословъ задержалъ на цѣлое лѣто. А между тѣмъ Новгородъ страдалъ отъ голода и мора. Новгородцы ждали къ себѣ изъ Чернигова Михаила Всеволодовича, но онъ, до примиренія съ Ярославомъ, не хотѣлъ къ нимъ ѣхать.

Теперь приступимъ къ погодной передачѣ лѣтописныхъ извѣстій, касающихся Новгорода и вообще Новгородской земли.

1230 г. Мая 3-го въ Новгородѣ и по всей Руси было землетрясеніе, а 19-го въ Новгородъ возвратился съ поставленія архіепископъ Кириллъ. — Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій, совершивъ въ Новгородѣ надъ сыномъ своимъ Ростиславомъ постриги, уѣхалъ въ Черниговъ. — Возгорѣлась распря между Степаномъ Твердиславичемъ, сторону котораго держалъ (бояринъ) Иванъ Тимошкиничъ (Иванко), и посадникомъ Внездомъ (Нездъ) Водовикомъ; на Водовика собралось вѣче, послѣ чего дворъ его былъ разграбленъ; дворы противниковъ Водовика, въ свою очередь, были тоже разграблены;

многіе должны были бѣжать къ Ярославу Всеволодовичу, а нѣкоторые были убиты; Ивана Тимошкинча Водовикъ убилъ собственноручно и бросилъ въ Волховъ (на Павла исповѣдника, — значитъ 7 марта или 6 ноября?). — На Воздвиженіе морозъ побилъ озимы («обиліе»), и на все необыкновенно поднялись цѣны. — Княжичъ Ростиславъ съ Водовикомъ уѣхали 9-го декабря въ Торжокъ, а 9-го опять начались убійства и грабежи дворовъ Водовика, его родственниковъ и приверженцевъ. Услышавъ объ этомъ, Водовикъ съ своими приверженцами и тысяцкій Борисъ бѣжали изъ Торжка въ Черниговъ. — Въ Новгородѣ избрали въ посадники Степана Твердиславича, а въ тысяцкіе — Никиту Петриловича. — Такъ какъ Михаилъ черниговскій обѣщался пріѣхать въ Новгородскую землю и всѣсть на коня на войну въ праздникъ Воздвиженія, но не являлся до самаго Николина дня, то Ростиславу показали путь изъ Торжка въ Черниговъ и послали въ Переяславль звать Ярослава Всеволодовича, который прибылъ въ Новгородъ 30 декабря, созвалъ вѣче и цѣловалъ образъ пресвятой Богородицы на (соблюденіи) всѣхъ грамотахъ Ярослава (Владиміровича Мудраго). Черезъ двѣ недѣли онъ уѣхалъ въ Переяславль, взявъ съ собой молодыхъ новгородскихъ мужей, а въ Новгородѣ оставилъ сыновей своихъ, Оедора и Александра (впослѣдствіи Невскій). Зимой Ярославъ, владыка Спиридонъ и всѣ новгородцы перевели изъ Спасскаго Хутынскаго монастыря игумена Арсенія въ Юрьевскій монастырь на мѣсто Саввы, котораго посадили въ келліи, гдѣ онъ и скончался въ субботу 15-го марта ⁶⁶⁰).

660) II. С. Р. I, 193—194, 220; III, 45—47, 128—129, 219; IV, 29, 178; V, 10, 173; VII, 136—137; X, 98—102; XV, 354—355. Считаемо необходимымъ замѣтить, что хронологія отдѣльныхъ извѣстій какъ этого года, такъ и послѣдующихъ сильно перепутана; отдѣльные факты въ разныхъ лѣтописяхъ стоятъ не въ одинаковой послѣдовательности: такъ, напр., въ Новгородской первой 1230 г. начинается извѣстіемъ о землетрясеніи, а Новгородская четвертая сначала говоритъ о смутахъ и голодѣ въ Новгородѣ, а потомъ уже о землетрясеніи. Нѣкоторыя лѣтописи или отстаютъ, или идутъ впередъ въ извѣстіяхъ сравнительно съ другими: такъ, объ истребленіи морозомъ посѣвовъ и послѣдовавшемъ голодѣ Тверская лѣтопись говоритъ подъ 1231 годомъ. Принимая Новгородскую первую лѣтопись за мѣстную, занимающуюся исключительно почти только новгородскими событіями, мы полагаемъ ее въ основу при погодной передачѣ новгородскихъ событій и объ уклоненіяхъ отъ нея другихъ лѣтописей или объ единичныхъ извѣстіяхъ, касающихся Новгорода и не находящихся въ ней, а принадлежащихъ немногимъ другимъ лѣтописямъ, мы будемъ сообщать въ примѣчаніяхъ, указывая на хронологическую обстановку этихъ исключительныхъ извѣстій. Къ данному году относится одно изъ подобныхъ извѣстій, передаваемое Никоновскою и Тверскою лѣтописями: первая изъ нихъ послѣ вышепомянутаго извѣстія о Михаилѣ черниговскомъ, передъ извѣстіемъ о землетрясеніи, съ котораго событія въ ней передаются какъ и въ Новгородской первой, говоритъ, что литовцы воевали новгородскія волости: Любну, Мореву и Серегеръ (Селигеръ), но новгородцы догнали и побили ихъ и отняли у нихъ полонъ. Тверская лѣтопись передаетъ то же самое послѣ извѣстій, не касающихся Новгорода, но также передъ извѣстіемъ о землетрясеніи, и относитъ это нападеніе литовцевъ къ зимнему времени.

1231. Погорѣлъ весь Славенскій конецъ.—Услышавъ о голодѣ, изъ-за моря прїѣхали въ Новгородъ нѣмцы.—Походъ Ярослава съ новгородцами на Черниговскую волость⁶⁶¹).—Въ Черняговѣ умеръ бывшій новгородскій посадникъ Водовикъ⁶⁶²).

1232. Изъ Чернигова вышли сторонники Водовика: Борисъ Нѣгодевичъ, Петръ Водовиковичъ и др. съ кн. Святославомъ трубчевскимъ и пришли въ Псковъ «въ средоговѣніе»⁶⁶³).—Послѣ того, какъ Ярославъ удовлетворилъ до нѣкоторой степени новгородскихъ выходцевъ, отпустивъ женъ Бориса Нѣгодевича и его спутниковъ, псковичи исполнили требованіе князя—показали путь новгородцамъ, которые ушли въ Медвѣжью Голову. — Октября 8-го скончался архіепископъ Антоній⁶⁶⁴), бывшій на покоѣ⁶⁶⁵).

1233. «Борисова (Нѣгодевича) чадь» (челядь или приверженцы?) съ кн. Ярославомъ Владиміровичемъ и нѣмцами напала на Изборскъ; псковичи, обступивши Изборскъ, поймали князя, многихъ полонили и отдали князю Ярославу (Всеволодовичу), который въ оковахъ препроводилъ ихъ въ Переяславль.—Іюня 10-го скончался «вячшій» сынъ Ярослава Ѳеодоръ⁶⁶⁶).—Нѣмцы схватили въ г. Тесовѣ Кирилла Сиякинича и увели его въ Медвѣжью Голову, гдѣ онъ просидѣлъ въ оковахъ отъ 15 августа до великаго поста (отъ Господина дня до великаго говѣнья). Ярославъ, бывшій въ то время въ Переяславлѣ, высвободилъ его оттуда. Съ княземъ пришло много полковъ, съ которыми онъ хотѣлъ идти на нѣмцевъ⁶⁶⁷).

1234. Ярославъ съ новгородцами и своими полками пошелъ на нѣмцевъ подъ Юрьевъ и, не доходя нѣсколько до послѣдняго, отпустилъ людей своихъ «въ зажитіе воевать» (на фуражировку); нѣмцы изъ Юрьева и Медвѣжьей Головы напали «на сторожи» (сторожевыхъ людей) и гнали ихъ

661) См. стр. 14.

662) П. С. Р. Л. I, 220; III, 47—48; IV, 29; V, 173; VII, 137; X, 102—103; XV, 359. Тверская лѣтопись, говоря о пожарѣ въ Новгородѣ и походѣ Ярослава, говоритъ и о томъ, о чемъ другія лѣтописи говорятъ подъ 1230 г.: объ истребленіи посѣвовъ морозомъ, о голодѣ, о бѣгствѣ Водовика въ Торжокъ и Черниговъ, объ изгнаніи Ростислава изъ Торжка и призваніи въ Новгородъ Ярослава; Лаврентьевская и Воскр. лѣтописи о походѣ Ярослава говорятъ подъ 1232 г. Въ Никон. лѣтописи есть извѣстіе подъ 1231 г., котораго нѣтъ въ другихъ, о кончинѣ сына Водовикова въ инокахъ.

663) См. стр. 14. Святославъ трубчевскій въ Тверской лѣтописи (т. XV, 359) названъ трубчевскимъ.

664) По Тверской лѣт. (ibid. 360) онъ скончался въ 1233 г. Въ Новгородской первой о немъ приводятся нѣкоторыя біографическія подробности, которыя мы опускаемъ.

665) П. С. Р. Л. I, 220; III, 48, 129; IV, 29; VII, 138; X, 103; XV, 359—360.

666) Подробности см. на 283 стр.

667) П. С. Р. Л. I, 220; III, 48—49, 129; IV, 29—30, 178; VII, 138; X, 103; XV, 360—361. Не во всѣхъ лѣтописяхъ факты слѣдуютъ одинъ за другимъ въ одинаковомъ порядкѣ: такъ, наприм., о нападеніи Борисовой чади на Изборскъ въ Новгородской четвертой говорится въ самомъ концѣ года послѣ всѣхъ другихъ извѣстій.

до главныхъ силъ Ярослава («и бѣшася съ ними и до плѣку»); отсюда, въ свою очередь, русскіе, побивая нѣмцевъ, гнали ихъ до рѣки Эмбаха (до р. Омовыжа, Амовыжа, Аможива), подъ треснувшимъ льдомъ котораго многіе потонули, но многіе, хотя и были изранены, успѣли вбѣжать въ Юрьевъ,—остальные же ушли въ Медвѣжью Голову. Нѣмцы послѣ того поклонились князю, и Ярославъ взялъ съ ними миръ «на всей правдѣ своей». — Литва напала на Русу и проникла до самаго торго (торговой площади: «изгониша... оли до трѣгу»). Граждане и гарнизонъ («Рушане и засада»), огнищане и гридьба, купцы и гости выгнали литовцевъ изъ посада (гдѣ, вѣроятно, и была торговая площадь) и бились съ ними въ полѣ. Литовцы успѣли ограбить монастырь св. Спаса, обобрали всю церковь, убили четырехъ чернецовъ и отступили на Клинь (?). Объ этомъ пришла вѣсть въ Новгородъ къ кн. Ярославу: новгородцы во главѣ съ своимъ княземъ,—одни на коняхъ, другіе въ насадахъ по р. Ловати,—пустились въ погоню за литовцами; но лодейники возвратились назадъ, такъ какъ у нихъ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ,—князь же съ конниками догналъ литовцевъ въ Торопецкой волости въ селищѣ Дубровнѣ и отнялъ у нихъ 300 коней съ товарами. Литовцы, побросавши оружіе и щиты, бѣжали въ лѣсъ, «а иніи ту костью падоша»⁶⁶⁸).

1235. Вражда Владиміра Рюриковича кн. кіевскаго и Даніила Романовича галицкаго съ Михаиломъ Всеволодовичемъ черниговскимъ изъ-за Галича⁶⁶⁹).

1236. Ярославъ Всеволодовичъ поѣхалъ на кіевскій столъ, взявъ съ собой лучшихъ новгородскихъ мужей: Судомира изъ Славна, Якима Влупковича, Константина (Косту) Вячеславича и сто новоторжцевъ. На новгородскомъ столѣ Ярославъ оставилъ сына своего Александра. Чрезъ недѣлю Ярославъ отпустилъ изъ Кіева новгородцевъ и новоторжцевъ, щедро одаривъ ихъ⁶⁷⁰).

668) Ibid. I, 220—221; III, 49—50; IV, 30, 178; V, 173; VII, 138; X, 103—104; XV, 361—362.

669) Ibid. III, 50. См. слѣдующее примѣчаніе.

670) Ibid. I, 221; II, 175; III, 50; IV, 30; V, 173; VII, 138; XV, 364. Въ I, IV, V и VII просто замѣчено, что Ярославъ Всеволодовичъ сѣлъ на столъ въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ оставилъ сына Александра; въ Ипатьевской же (II, 175) сказано, что Ярославъ суздальскій пришелъ и взялъ Кіевъ подъ Владиміромъ, но, «не мога его держати», ушелъ опять въ Суздаль; Кіевъ взялъ подъ нимъ Михаилъ черниговскій. Никоновская лѣтопись (т. X, 104) передаетъ это подъ 1235 годомъ въ такомъ видѣ: Изяславъ Мстиславичъ (по догадкамъ нѣкоторыхъ—Владиміровичъ, см. прим. 35) съ половцами, Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій и Ярославъ Всеволодовичъ съ новгородцами ходили на Кіевъ и взяли его, послѣ чего половцы увели къ себѣ кіевского князя Владиміра Рюриковича (вскорѣ отпущеннаго ими за выкупъ); Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ посадилъ Александра. Воскресенская лѣтопись, также передающая эти подробности, не упоминаетъ Ярослава въ числѣ князей, взявшихъ Кіевъ, а Тверская называетъ только Михаила черниговскаго и говоритъ, что въ Кіевѣ сѣлъ Изяславъ, а самъ Михаилъ—въ Галичѣ. См. стр. 15 и прим. 35.

1237. Въ Ригу въ большемъ количествѣ пришли изъ-за моря нѣмцы, къ которымъ присоединились рижане и вся Чудская земля, а псковичи прислали къ нимъ 200 мужей своихъ. Эти силы двинулись на Литву, но были побиты литовцами⁶⁷¹). «Есть же нѣкая часть (побитыхъ) и отъ новгородцевъ, яко ни десятый не возвратися во своаси»⁶⁷²).

1238. Послѣ битвы на р. Сити татары пошли къ Новгороду, обложили Торжокъ и обвели его тыномъ; граждане двѣ недѣли отбивались и, наконецъ, изнемогли,—а изъ Новгорода помощи не было. Татары взяли городъ 23 марта⁶⁷³), въ среду на средокрестной недѣлѣ. (Перечень убитыхъ). Отъ Торжка татары гнали далѣе къ Новгороду «до Игнача креста», но воротились, не доходя 100 верстъ до Новгорода⁶⁷⁴).

1239. Александръ Ярославичъ женился на дочери Брячислава полоцкаго: вѣнчался въ Торжкѣ, «тѹ кашу чини, а въ Новѣгородѣ другую». Вмѣстѣ съ новгородцами онъ срубилъ городокъ на р. Шелони⁶⁷⁵).

1240. Нападеніе шведовъ на Новгородскую землю и одержанная надъ ними побѣда Александромъ Ярославичемъ и пр.⁶⁷⁶).

1241. Въ Новгородъ пріѣхалъ Александръ и взялъ у нѣмцевъ Копорье⁶⁷⁷).

1242. Походъ Александра Невского и брата его Андрея въ Чудскую землю (Ливонію). Ледовое побоище⁶⁷⁸). Совершенно разбитые нѣмцы прислали въ Новгородъ «съ поклономъ безъ князя (когда не было тамъ князя): что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемъ, то(го) ся всего отступаемъ»; при этомъ они предлагали размѣняться плѣнными и затѣмъ примирились⁶⁷⁹). — Въ то же время Александръ успѣшно отбиваетъ нападенія литовцевъ на Новгородскую землю⁶⁸⁰).

671) Ibid. III, 50; X, 105; XV, 364.

672) Ibid. X, 105.

673) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Торжокъ взятъ 5 марта, что трудно себѣ представить, если предположить, что тутъ былъ не отдѣльный отрядъ татаръ, не участвовавшихъ 4 марта въ битвѣ на р. Сити. Новгородская первая относитъ взятіе Торжка къ 23 марта, а Никоновская—къ 15-му, что кажется болѣе правдоподобнымъ.

674) П. С. Р. Л. I, 225; III, 52; IV, 34; VII, 143; X, 112; XV, 371.

675) П. С. Р. Л. III, 52; V, 174; VII, 144; X, 114.

676) Ibid. III, 52—53; IV, 35—36; V, 176—179; VII, 146—149; X, 119—125. Последняя изъ указанныхъ лѣтописей въ этомъ и слѣдующихъ двухъ годахъ идетъ годомъ впередъ сравнительно съ другими. См. стр. 30.

677) Ibid. III, 53; IV, 37; V, 179—180; VII, 149; X, 125 (подъ 1242 г.). Подробности см. на стр. 31.

678) См. стр. 31—32.

679) П. С. Р. Л. I, 201, 225; III, 53—54; IV, 37; V, 180—181; VII, 150—151; X, 125—128 (подъ 1243 г.).

680) Ibid. V, 181; VII, 151; X, 129 (подъ 1243 г.).

1243. Мая 4-го скончался Варлаамъ, въ мірѣ Вячеславъ Прокшничъ (впослѣдствіи новгородскій чудотворецъ), и погребенъ на Хутынѣ владыкой Спиридономъ и игуменомъ Исидоромъ.—Августа 16-го «въ недѣлю» скончался посадникъ Степанъ Твердиславичъ, внукъ Мхалка, посадничавшій безъ трехъ мѣсяцевъ 13 лѣтъ ⁶⁸¹).

1244. Скончалась жена Ярослава Всеволодовича, въ иночествѣ Евфросинія, въ монастырѣ св. Георгія и положена рядомъ съ сыномъ Теодоромъ мая 5-го ⁶⁸²).

1245. Литва воевала около Торжка и Бѣжецка; ее неудачно преслѣдовалъ кн. Ярославъ Владиміровичъ, а потомъ съ успѣхомъ — Александръ Невскій ⁶⁸³).

1246. Александръ (Невскій) поѣхалъ въ орду ⁶⁸⁴).

1247. Скончался рабъ Божій Константинъ Вячеславичъ, въ иночествѣ Акиндинъ (Анкидинъ), и положенъ у Спаса на Хутынѣ ⁶⁸⁵). — Изъ Новгорода уѣхалъ во Владиміръ Александръ Ярославичъ по случаю смерти отца своего ⁶⁸⁶).

1249. Скончался архіепископъ новгородскій Спиридонъ ⁶⁸⁷).

1250. Въ Новгородѣ радость по случаю пріѣзда Александра Невского изъ орды ⁶⁸⁸).

1251. Въ Новгородъ пріѣхалъ митрополитъ Кириллъ съ ростовскимъ епископомъ, именемъ также Кирилломъ, и поставилъ въ новгородскіе архіепископы Далмата ⁶⁸⁹). — Наступили дожди «и поймаша вси рли (луга?) и обилія и сѣна», а осенью морозъ побилъ обиліе, но «останокъ избыся» ⁶⁹⁰). — Александръ разболѣлся въ Новгородѣ, но Богъ помиловалъ его ⁶⁹¹).

1252. Погорѣло Славно отъ Ильинской церкви до Нутной улицы ⁶⁹²).

1253. На Новгородскую землю напала литва и взяла большой полонъ; новгородцы съ своимъ княземъ Василіемъ (сыномъ Невского) догнали ихъ

681) Ibid. III, 54, 129, 220; IV, 37; VII, 152; X, 128.

682) Ibid. III, 54; V, 182 (скончалась 5-го мая); VII, 152.

683) Подробнѣе см. на стр. 33.

684) П. С. Р. Л. III, 54; IV, 37. Последняя подъ этимъ годомъ передаетъ факты предъидущаго года.

685) Ibid. III, 54.

686) Ibid. I, 202; VII, 156; X, 133.

687) Ibid. III, 54, 129, 229; IV, 38; V, 186.

688) Ibid. III, 54.

689) Ibid. I, 202 (митрополитъ пріѣхалъ къ Александру и поставилъ Далмата 25 мая); III, 54—55, 220; IV, 38; V, 186; VII, 159; X, 137.

690) Ibid. III, 54—55, 220; X, 137.

691) Ibid. I, 202; X, 138.

692) Ibid. III, 55.

и побили у Торопца, а полонъ отняли. — Подъ Псковъ пришли нѣмцы и выжгли посадъ, но псковичи побили ихъ. Новгородцы пришли (на помощь) къ псковичамъ «полкомъ», и нѣмцы бѣжали. Возвратясь домой, новгородцы «покрутившеся» пошли за Нарову на нѣмцевъ «и сотвориша волость ихъ пусту»; много зла причинила нѣмцамъ и Корела. — Въ томъ же году на нѣмцевъ пошли псковичи и побѣдили ихъ. Послѣ того побѣжденные прислали пословъ въ Новгородъ и Псковъ просить мира на всей новгородской и псковской волѣ, который и состоялся⁶⁹³) — Изъ Низовской земли прибѣжалъ кн. Ярославъ Ярославичъ, и его посадили во Псковѣ⁶⁹⁴).

1255. Новгородцы надумали послать владыку Далмата къ вел. кн. Александру «съ грамотами яко о миру». Между тѣмъ какъ владыка медлилъ отправиться, въ Новгородѣ проявилась крамола: новгородцы выгнали кн. Василя Александровича⁶⁹⁵). На мѣсто сына Невскаго они привели къ себѣ изъ Пскова Ярослава Ярославича. Это столкновение Новгорода съ великимъ княземъ кончилось, впрочемъ, благополучно для обѣихъ сторонъ⁶⁹⁶).

1256. Походъ Александра Невскаго съ новгородцами и суздальцами въ Финляндію и побѣда его надъ шведами и финнами⁶⁹⁷).

1257. Отъ первой попытки татаръ взять съ Новгорода тамгу и десятину новгородцы отдѣлались болѣе или менѣе счастливо⁶⁹⁸).

1258. Литовцы приходили къ Торжку и тамъ надѣлали много зла: однихъ перебили, другихъ взяли живьемъ, и только нѣкоторые успѣли спастись бѣгствомъ⁶⁹⁹).

1259. Татары взяли число на Новгородѣ⁷⁰⁰).

1260. Весь годъ тишина⁷⁰¹).

1261. Владыка Далматъ покрылъ церковь св. Софіи свинцовой кровлей. — Ноября 8-го и 9-го въ Новгородѣ пожары⁷⁰²).

693) Ibid. III, 55; IV, 38; X, 139 (подъ 1254 г.).

694) Ibid. V, 188; VII, 161. Лѣт. Лаврентьевская, Троицкая (т. I, 202, 226) и Тверская (т. XV, 400), передавая объ этомъ подъ 1254, говорятъ, что Ярославъ съ боярами своими поѣхалъ въ Ладогу, оставивъ отчину свою, и ладожане почтили его достойною честию. Въ Новгородской первой подъ этимъ годомъ читаемъ краткую замѣтку: «Добро бяше хрестьяномъ».

695) Ibid. I, 203.

696) Ibid. I, 203; III, 55—56; IV, 38; V, 188; VII, 161; X, 140; XV, 398. См. текстъ, стр. 35—36.

697) Подробности см. на стр. 36.

698) П. С. Р. Л. III, 56; IV, 38—39; V, 189, VII, 161; X, 141; XV, 401. Подробности см. на стр. 36—37.

699) Ibid. III, 56; IV, 39; V, 189; VII, 162.

700) Подробности см. на стр. 37. По Лаврентьевской лѣт. число взято въ 1258 г.

701) П. С. Р. Л. III, 57; X, 142.

702) Ibid. III, 57, 220; IV, 39.

1262. По приказанію Александра Невского, собиравшагося тогда ѣхать въ орду, нѣкоторые князья ходили на Ливонію и взяли Дерптъ ⁷⁰³).

1263. Скончался Александръ Невскій, много потрудившійся за Новгородъ и за всю Русскую землю. — Въ Литвѣ страшный мятежъ: убили Мнидовга; въ спорѣ о его пожиткахъ (о товарѣ его), злодѣи убили и полоцкаго князя Товтивила; хотѣли убить и сына его, но онъ успѣлъ бѣжать съ дворомъ своимъ въ Новгородъ ⁷⁰⁴):

1264. Новгородцы прогнали Дмитрія и пригласили къ себѣ Ярослава тверскаго ⁷⁰⁵).

1265. Ярославъ пришелъ въ Новгородъ и 27-го января посаженъ былъ на столѣ. Тогда же онъ и женился, «пою Юрьеву дщерь Михайловича». — Войшелгъ, вышедъ изъ монастыря, пустошитъ, въ отмщеніе за смерть отца, Литву и избиваетъ враговъ его, вслѣдствіе чего во Псковѣ прибѣжало до 300 литовскихъ семействъ, которыя Святославъ Ярославичъ крестить; новгородцы намѣревались перерѣзать выходцевъ, но Ярославъ не допустилъ ихъ до того ⁷⁰⁶).

1266. Псковичи посадили у себя на княжомъ столѣ литовскаго князя Довмонта. Ярославъ пришелъ въ Новгородъ съ низовскими полками, намѣреваясь идти на псковскаго князя, но новгородцы сказали ему: «оли, княже, тобѣ съ нами увѣдавшеся, то же ѣхати въ Пльсковъ?» — и князь увелъ полки свои назадъ ⁷⁰⁷), оставивъ въ Новгородѣ племянника своего, Дмитрія Александровича ⁷¹⁰).

1267. Мая 23-го погорѣлъ Неревскій конецъ; на Волховѣ сгорѣло много товаровъ. — Новгородцы съ Елеверіемъ Сбыславичемъ и Довмонть со псковичами ходили воевать Литовскую землю ⁷¹¹).

1268. Новгородцы надумали съ княземъ своимъ Юріемъ (Андреевичемъ) идти на Литву; иные, впрочемъ, хотѣли идти на Полоцкъ, а третьи — за р. Нарову. Когда пришли на Дубровну, начался споръ изъ-за того, куда

703) Ibid. III, 57—58; IV, 39; V, 190; VII, 163; X, 143. См. стр. 38.

704) Ibid. III, 58; IV, 39, 180 (подъ 1264 г.); V, 191; VII, 163—164; X, 143; XV, 403.

705) Ibid. III, 58; IV, 39; V, 191; VII, 164 (подъ 1263 годомъ). Новгородскія первая и четвертая о занятіи Ярославомъ стола 27-го января говорятъ въ самомъ началѣ слѣдующаго года.

706) Ibid. III, 58 (см. предыдущее прим.); IV, 39; VII, 167; X, 144. Воскресенская говоритъ объ этомъ подъ 1263 г.

707) Ibid. IV, 39; VII, 164 (подъ 1263 г.).

708) Цитаты слѣдующаго примѣчанія.

709) П. С. Р. Л. III, 58—59; IV, 180; V, 10, 192—193; VII, 167 (подъ 1265 г.); X, 144—145.

710) Ibid. VII, 167; X, 145. Объ этомъ, впрочемъ, см. прим. 123.

711) Ibid. III, 59; IV, 40; V, 193, X, 145.

идти; наконецъ, рати поворотили назадъ и пошли за Нарову къ г. Раковору⁷¹²), землю опустошили, но города не взяли и воротились домой.—По думѣ съ посадникомъ Михайломъ новгородцы призвали къ себѣ изъ Переяславля кн. Дмитрія Александровича съ полками, а за Ярославомъ отправили пословъ, и онъ прислалъ въ Новгородъ съ полками тверскими сына своего Святослава. Нашли порочнаго мастера, который приготавлилъ пороки (стѣнобитныя, метательныя орудія) на владычнемъ дворѣ. Граждане Риги, Вельяда (Феллина), Юрьева и другихъ городов прислали въ Новгородъ пословъ, чрезъ которыхъ просили мира и общавались не преста- вать къ колыванцамъ (ревельцамъ) и раковорцамъ. Изъ Новгорода въ на- званные города ѣздилъ Лазарь Моисеевичъ и привелъ къ крестному цѣло- ванію епископовъ и божіихъ дворянъ (рыцарей) на томъ, что они испол- нятъ свое обѣщаніе. «И пояша (нѣмцы) на свои ружья мужа добра изъ Но- вагорода Семьюна, цѣловавше крестъ».... Въ Новгородъ собрались князья: Дмитрій Александровичъ, Святославъ и Михайлъ Ярославичи, Константинъ (Ростиславичъ смоленскій), Юрій (Андреевичъ), Ярополкъ(?), Довмонтъ псковскій и нѣкоторые другіе. Января 23-го князья выступили къ Рако- вору; вошедши въ Нѣмецкую землю, они раздѣлились на три отряда и по- шли тремя путями. Одинъ изъ этихъ отрядовъ набрелъ на пещеру со мно- жествомъ засѣвшей тамъ чуди, которую нельзя было выбить оттуда; только вода, пущенная въ пещеру порочнымъ мастеромъ, выгнала оттуда чудь, которую всю истребили, а имущество ея отдали кн. Дмитрію... Около р. Коголи русскіе князья встрѣтили нѣмецкій полкъ: точно лѣсъ стоялъ передъ ними, потому что тутъ была вся Нѣмецкая земля. Новгородцы пошли за рѣку; начали уставлять полки: псковичи заняли правое крыло; повыше ихъ стали князья Дмитрій и Святославъ; на лѣвомъ крылѣ сталъ Михайлъ, а новгородцы—въ центрѣ, прямо «въ лице желѣзному полку противу великой свиньи»⁷¹³). Побойще произошло такое, какого не видали ни отцы, ни дѣды; тутъ были убиты (перечень убитыхъ): посадникъ Михайлъ, Твердиславъ Чермный и др., а иные пропали безъ вѣсти, какъ тысяцкій Кюдратъ и др.; «а Юрьи князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть». Нѣмцевъ гнали избивая до города по тремъ путямъ на протяженіи семи верстъ; труповъ было такъ много, что конницѣ трудно было дѣйствовать. Между тѣмъ нѣкоторые замѣтили, что желѣзный полкъ клиномъ (великая свинья) врѣзался въ новгородскіе обозы («въ возники новгородскіе»); нов- городцы хотѣли ударить на этихъ нѣмцевъ, но другіе отговѣтовали это въ

712) По-нѣмецки—Вейссенбергъ или Везенбергъ, по-эстонски—Rakwerre.

713) Такъ назывался военный строй, похожій по фигурѣ на клинъ, треугольникъ, обращенный острымъ угломъ впередъ, или на морду свиньи.

виду того, что наступила ночь и въ замѣтнѣ можно пстрелять и своихъ. Нѣмцы, однако, не дождавшись разсвѣта, бѣжали. (Эта битва происходила 18-го февраля въ сыропустную субботу). Новгородцы «стояша на костѣхъ 3 дни», потомъ пошли въ Новгородъ, куда привезли и своихъ, павшихъ въ битвѣ, собратіи. На мѣсто убитаго посадника Михаила избрали Павшу Ананьевича, а мѣсто тысяцкаго не дали никому, «џи будетъ Кондратъ живъ»⁷¹⁴).

1269. Въ недѣлю всѣхъ святыхъ нѣмцы подступили къ Пскову, сожгли посадъ и, простоявши десять дней, отступили, ничего не сдѣлавъ городу. Противъ нихъ выступили новгородцы съ кн. Юріемъ, и тѣ бѣжали за рѣку, чрезъ которую взяли миръ на всей волѣ новгородской⁷¹⁵).—Въ Новгородѣ поднялся мятежъ: одни хотѣли послать къ в. кн. Ярославу Ярославичу во *Владимѣръ* (за совѣтомъ), какъ бы окончательно примириться съ нѣмцами, а другіе не хотѣли того.—Ярославъ, пріѣхавъ въ Новгородъ, началъ жаловаться, что его и новгородскіе мужи побиты, а новгородцы разратились съ нѣмцами. Князю хотѣлось устранить и лишить власти («волости») Жирослава Давидовича, Михаила Мишинича и Юрія (по другимъ — Олферія) Сбыславича, но новгородцы крѣпко стали за нихъ, почему великій князь хотѣлъ уѣхать изъ города; новгородцы кланялись князю и, въ виду того, что съ нѣмцами еще не было мира, просили сложить гнѣвъ на названныхъ лицъ и не уѣзжать; Ярославъ, однако, уѣхалъ. Тогда новгородцы въ-слѣдъ за нимъ отправили владыку и нѣсколько лучшихъ мужей, которые и воротили князя изъ Бронницы. Тогда же «по княжи воли» тысяцкимъ выбрали Ратибора Клуковича.—Зимой, по думѣ съ новгородцами, Ярославъ послалъ въ Низовскую землю Святослава⁷¹⁶) за войсками; Святославъ «совокупилъ всѣхъ князей и «полку безъ числа», и прибылъ въ Новгородъ. Тутъ былъ Амраганъ (Армаганъ, Иаргаманъ) великій баскакъ владимѣрскій (по Никон. лѣт.—и зять его Айдаръ). Намѣревались идти къ Колывани, но нѣмцы, узнавъ объ этомъ, прислали сказать: «кланяемся на всей воли вашей, Наровы всей отступаемся, а крови не проливайте». Обдумавши это предложеніе, новгородцы согласились на него.—Ярославъ хотѣлъ идти на Корелу,

714) П. С. Р. Л. III, 60—61; IV, 40—41, 180—182; V, 193—195; VII, 167; X, 146. Въ Псковской второй (т. V, 10) подъ 1267 г. говорится кратко, что Довмонтъ ходилъ съ псковичами къ Раковору и побѣдилъ нѣмцевъ; Троицкая (т. I, 226) починъ въ этомъ дѣлѣ приписываетъ Ярославу, говоря, что онъ послалъ Дмитрія Александровича и другихъ князей съ новгородцами на нѣмцевъ, не передавая никакихъ другихъ подробностей.

715) Слѣдующее затѣмъ извѣстіе о мятежѣ принадлежитъ Никоновской лѣтописи.

716) Конечно, сына своего, а не *Александровича*, какъ сказано въ Воскресенской лѣтописи.

но новгородцы, хотя и съ трудомъ, умолили его оставить эту мысль, и низовскіе полки отправлены были домой⁷¹⁷).

1270. Въ Новгородѣ вспыхнулъ мятежъ: новгородцы начали выгонять изъ города Ярослава Ярославича; на Ярославовомъ дворѣ собралось вѣче, и тутъ убили какого-то Иванка (по Никон. л. «пріятелей его (Ярослава) и совѣтниковъ его избили»); нѣкоторые скрылись въ церкви св. Николая, а на слѣдующій день бѣжали къ князю на Городище: тысяцкій Ратиборъ, Гаврило Кіяниновъ и другіе пріатели великаго князя; дворы ихъ были разграблены и хоромы разнесены; написали и послали на городище къ князю всѣ вины его: «чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловцы, а поле отъялъ еси заячими ловцы? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи и на Романѣ Болдышевичѣ и на Вареоломѣи? а иное: чему выводилъ отъ насъ иноземца, который у насъ живутъ? а того много вины его; а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья; поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ». Ярославъ прислалъ на вѣче сына своего Святослава и Андрея Воротиславича съ поклономъ: «Того всего лишуюся, а крестъ цѣлую на всей воли вашей». Новгородцы отвѣчали: «Княже, поѣди проче, не хотимъ тебе; али идемъ всѣ Новгородъ прогнать тебе!» По неволѣ Ярославъ долженъ былъ оставить Новгородъ, а новгородцы послали звать къ себѣ Дмитрія Александровича, который, однако, отказался, не желая «взяти стола передъ стриемъ своимъ». Это обстоятельство опечалило новгородцевъ. А между тѣмъ Ярославъ началъ собирать полки на Новгородъ и послалъ Ратибора къ хану просить помощи. Ратиборъ говорилъ царю (хану), что новгородцы не слушаютъ его, царя, не даютъ ему дани, что они выгнали ихъ, т. е. приверженцевъ Ярослава, иныхъ избили, дома ихъ разграбили, а князя обезчестили. Ханъ отпустилъ было свою рать, но воротилъ ее по ходатайству предъ нимъ за новгородцевъ кн. костромскаго, Василія Ярославича⁷¹⁸). Тѣмъ не менѣе новгородцы готовились къ встрѣчѣ враговъ: по открытымъ сторонамъ города поставили остроги, товары всякіе свезли въ самый городъ; вооружились всѣ граждане (по Никон. туда приглашены были псковичи и приведено на помощь много нѣмцевъ) и вышли къ городищу: два дня пѣшіе стояли за Жилотугомъ (ручей), а конники—за Городищемъ. Услышавъ объ этихъ приготовленияхъ, Ярославъ направился къ Русѣ и засѣлъ въ ней, а въ Новгородъ послалъ Творимира съ такой рѣчью: «всего, что вашего нелюбія до мене, того лишуюся, а князи вси за мене поручатся». Новгородцы отвѣчали чрезъ

717) П. С. Р. Л. III, 61; IV, 41; V, 195; VII, 168—169; X, 147.

718) См. стр. 42.

Лазаря Моисеевича: «Княже, сдумалъ еси на святую Софью! поѣди, ать пѣзмремъ честно за св. Софію; у насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда и св. Софья, а тебе не хочемъ!» Послѣ того соединилась вся волость новгородская: псковичи, ладожане, корела, ижора, вожане, пошли въ Голыно⁷¹⁹⁾ и недѣлю стояли на бродѣ, а полкъ Ярослава стоялъ на другой сторонѣ. Ярославъ обратился къ митрополиту и между прочимъ просилъ его: «зведи насъ въ миръ». Митрополитъ прислалъ въ Новгородъ грамоту, въ которой говорилъ: «Мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русьской земли, вамъ слушати Бога и мене: крѣви не проливайте, а Ярославъ всеи злобы лишается, а за то язъ поручаюся, аже будете и крестъ цѣловали, язъ за то пріиму опитемью и отвѣчаю за то предъ Богомъ». Примиреніе состоялось: Ярослава «посадиша (на Новгородскомъ столѣ) и водиша ѿ кресту». Зимой князь уѣхалъ во Владиміръ, а отсюда отправился въ орду. Въ Новгородѣ онъ оставилъ (своимъ намѣстникомъ) Андрея Воротиславича, а псковичамъ далъ князя Айгуста⁷²⁰⁾.

1271. Ѳеодоръ Хотовичъ поставилъ церковь св. Саввы; на Холопней улицѣ поставили другую церковь, свв. Космы и Даміана⁷²¹⁾.

1272. Изъ двухъ претендентовъ на новгородскій столъ, в. кн. Василия Ярославича костромскаго и Дмитрія Александровича переяславскаго, новгородцы избираютъ послѣдняго⁷²²⁾.

1273. Борьба Василия Ярославича съ Дмитріемъ Александровичемъ за Новгородъ окончилась въ пользу перваго⁷²³⁾.

1274. Октября 21-го скончался архіепископъ Далматъ. — Зимой скончался посадникъ Павша (по Никон. Павелъ Семеновичъ). — Въ Новгородъ пріѣхалъ князь Василій Ярославичъ. — Посадничество опять дано Михайлу Мишиничу. — На мѣсто владыки Далмата, по его же указанію, избранъ посредствомъ голосованія духовникъ его, игуменъ Климентъ, который и отправленъ былъ въ Кіевъ къ митрополиту Кириллу на поставленіе⁷²⁴⁾.

1275. Въ Новгородѣ пожары⁷²⁵⁾. — На Руси и въ Новгородѣ было второе число⁷²⁶⁾.

719) Селеніе при впаденіи Шелони въ озеро Ильмень: «Олгердъ . . . пришедъ и стаща на Шолонѣ на усть Пшаги рѣки. . . и взя Шолоню и до Голынъ». П. С. Р. Л. V, 225; VII, 210.

720) П. С. Р. Л. III, 61—62, 220; IV, 41—42; V, 196; VII, 169—170; X, 148—149.

721) Ibid. III, 62.

722) Ibid. I, 227; III, 62; V, 198; VII, 172. По одному варианту Новгородской первой и въ некоторыхъ другихъ лѣтописямъ Дмитрій прибылъ въ Новгородъ въ 1273 г. См. стр. 43.

723) Подробности см. на 43 стр.

724) П. С. Р. Л. III, 63, 129, 220; IV, 43; V, 199; VII, 172; X, 152. По Ник. лѣт. посадничество дано Михайлу Михайловичу (Мишиничу) въ 1275 г.

725) Ibid. III, 63.

726) Ibid. X, 152. По Новгородской четвертой (т. IV, 42) второе число было въ 1273 г.

1276. Мая 9-го опала до основанія стѣна у св. Софїи отъ Неревского конца. — Поставленный въ архіепископы Кліментъ прибылъ изъ Кіева въ Новгородъ августа 2. — Зимой скончался в. кн. Василій Ярославичъ, и новгородцы послали просить къ себѣ на столъ Димитрія Александровича ⁷²⁷).

1277. Димитрій прибылъ въ Новгородъ и сѣлъ на столъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ ⁷²⁸).

1278. Зимой Димитрій Александровичъ съ новгородцами и низовцами казнилъ Корелу и взялъ землю Корельскую на щить ⁷²⁹).

1279. Кн. Димитрій выпросилъ у Новгорода (позволеніе) поставить для себя городъ Копорью, который и срубилъ самъ ⁷³⁰).

1280. Димитрій Александровичъ съ посадникомъ Михайломъ и большими мужами поѣхалъ къ Копорью и обложилъ его камнемъ («ѣхавше обложи городъ камень Копорью»). — Князь и новгородцы отняли посадничество у Михаила Мишинича и дали выведенному изъ Ладоги Семену Михайловичу. — Ноября 6-го Михайлъ Мишиничъ скончался ⁷³¹).

1281. Димитрій Александровичъ заратился съ Новгородомъ. Новгородцы отправили къ нему владыку Климента съ просьбой о мирѣ, но великій князь не послушалъ его. Зимой Димитрій вошелъ въ Новгородскую землю съ своими ратями и, «много пакости дѣя волости Новгородской», остановился на Шелони. Здѣсь заключенъ былъ миръ, и великій князь ушелъ во Владиміръ. — Декабря 6-го въ Переяславлѣ Залѣсскомъ скончался митрополитъ Кириллъ, тѣло котораго отправлено было потомъ въ Кіевъ ⁷³²).

1282. Споръ Андрея Александровича съ братомъ его в. кн. Димитріемъ за великокняжескій столъ и участіе въ этомъ спорѣ новгородцевъ ⁷³³).

727) Ibid. III, 63, 220; IV, 43; V, 199; VII, 173; X, 153; XV, 405.

728) Ibid. III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 173; X, 153.

729) Ibid. III, 63; IV, 43; V, 199; X, 155. Воскресенская лѣт. (VII, 173) говоритъ объ этомъ походѣ подъ 1277 годомъ.

730) Ibid. III, 63; VII, 174.

731) Ibid. III, 63; IV, 43; V, 199.

732) Ibid. III, 64; V, 199. Въ Троицкой лѣтописи объ этомъ говорится подъ 1282 г., а въ Воскресенской и Никоновской — подъ 1280 г. съ нѣкоторыми подробностями. По послѣдней новгородскій владыка Климентъ пришелъ къ митрополиту Кириллу (значитъ, въ Переяславль, гдѣ были тогда, по Воскресенской лѣтописи: великій князь, епископъ ростовскій Игнатій и владимірскій Теодоръ) и принялъ отъ него благословеніе, а потомъ пошелъ къ великому князю «о мирѣ и любви отъ новгородцевъ». Затѣмъ говорится о кончинѣ митрополита Кирилла 7-го декабря и, наконецъ, о походѣ Димитрія на Новгородъ, о принятіи на р. Шелони даровъ отъ архіепископа Климента и заключеніи мира.

733) Подробности см. на 47 стр.

1283. Продолженіе непріязненныхъ столкновеній между князьями-братьями⁷³⁴). — Нѣмцы чрезъ Неву вошли въ Ладожское озеро и избили новгородцевъ, обонѣжскихъ купцовъ; съ нѣмцами бились, вошедши въ Неву, ладожане⁷³⁵).

1284. Андрей, вопреки заключенному имъ миру съ Новгородомъ, отступился отъ послѣдняго въ пользу Димитрія⁷³⁶). — Нѣмецкій воевода Трунда съ нѣмцами въ лойвахъ и шнекахъ прошли Невой въ Ладожское озеро съ намѣреніемъ взять дань на Корелѣ. Новгородцы съ посадникомъ Семеномъ и ладожане заняли устье Невы и 9-го сентября дождались здѣсь нѣмцевъ, изъ которыхъ одни были побиты ими, а другіе успѣли бѣжать. — Походъ Димитрія и Андрея на Новгородъ, съ которымъ, впрочемъ, заключенъ былъ миръ⁷³⁷).

1285. Въ Новгородъ приходилъ митрополитъ Максимъ. — Зимой литовцы воевали Ловать⁷³⁸).

1286. Зимой новгородцы отняли посадничество у Семена и отдали его Андрею Климовичу, а тысяцкое, отнявъ у Ивана, дали Андреяну Олферьевичу⁷³⁹).

1287. Въ Новгородѣ поднялся великій мятежъ: на Семена Михайловича (бывшаго посадника) поднялся весь Новгородъ; со всѣхъ концевъ двинулись на него вооруженные новгородцы и шли какъ будто на рать; съ шумомъ толпа овладѣла домомъ Семена, который успѣлъ бѣжать ко владыкѣ, а этотъ послѣдній укрылъ его въ храмѣ св. Софіи. На слѣдующій день всѣ «пришли въ любовь». Однако Семенъ послѣ того разболѣлся и вскорѣ (іюля 16-го) скончался⁷⁴⁰).

1288.

1289. Димитрій предпринималъ походъ на Тверь, въ которомъ участвовали и новгородцы⁷⁴¹).

1290. Новгородцы отняли посадничество у Андрея Климовича и отдали его Юрію Мишиничу (въ великое говѣнье); Ладожское посадничество дали Матвѣю Семеновичу. На Похвальной недѣлѣ на владычнемъ дворѣ у входа въ церковь Рождества Христова, во время заутрени, убили Самойла Рать-

734) Ibid. стр. 48.

735) П. С. Р. Л. III, 64; IV, 43; V, 200.

736) См. стр. 48.

737) П. С. Р. Л. III, 64; V, 200—201; VII, 178. См. также стр. 48. Въ Никон. лѣтописи (т. X, 165—166) объ этомъ говорится подъ 1285 г.

738) Ibid. III, 64; IV, 43; V, 201; VII, 178.

739) Ibid. III, 65; IV, 44.

740) Ibid. III, 65; IV, 44; V, 201.

741) См. подробности на 50 стр.

шинича. У св. Софїи и св. Николая созвонили вѣча, на которыя люди явились въ вооруженїи («въ доспѣсѣ»), послѣ чего взяли Прусскую улицу, разграбили тамъ дома и въ заключеніе всю улицу пожгли ⁷⁴²).

1291. Весной въ Волховѣ большая прибыль воды.—Въ Новгородѣ былъ конскій падежъ.—Морозъ побилъ хлѣба (обиліе) по всей Новгородской волости.—Крамольники грабили торгъ, а на утро собралось вѣче, и двухъ крамольниковъ сбросили съ моста (въ Волховѣ) ⁷⁴³).

1292. «Молодцы новгородскіи» съ княжескими воеводами ходили воевать Емь и благополучно возвратились домой.—Шведы, въ количествѣ 800, приходили воевать: 400 изъ нихъ пошло на Корелу и 400 на Ижору; но ижоряне избили нѣмцевъ, «а Корѣла изби своихъ, а иныхъ руками измаша» ⁷⁴⁴).

1293. Пришли шведы и поставили городъ на Корельской землѣ.—Андрей идетъ на Дмитрія съ татарами (Дудень) и занимаетъ новгородскій столъ въ недѣлю сыропустную ⁷⁴⁵). Въ то же говѣнье Андрей послалъ кн. Романа Глѣбовича (брянскаго изъ смоленскихъ), Юрья Мишинича (посадника) и Андреяна тысяцкаго съ небольшимъ числомъ новгородцевъ къ шведскому городу, и крѣпко «пришибошася» во вторникъ Похвальной недѣли, причемъ многіе изъ новгородцевъ были ранены. Оттепель и безкормица, отъ которой страдали кони, заставили новгородцевъ удалиться во-свояси.—Димитрій по миру уступилъ Андрею великокняжеское достоинство ⁷⁴⁶).

1294. Въ Волокѣ скончался кн. Димитрій Александровичъ ⁷⁴⁷).—Титмановичъ поставилъ «отій» городокъ на «сей» сторонѣ (на новгородской) Наровы, а новгородцы пришли и сожгли этотъ городокъ, село его (Титмановича) великое взяли и сожгли ⁷⁴⁸).—Владыка Климентъ поставилъ камен-

742) П. С. Р. Л. III, 65, 129—130, 221; IV, 44.

743) Ibid. III, 65, 221; IV, 44.

744) Ibid. III, 65, 221; IV, 44; V, 201. «Корѣла изби своихъ»—здѣсь, конечно, подъ своими надобно разумѣть тѣхъ шведовъ, которые пошли собственно на Корелу.

745) Подробности объ этомъ и объ отреченїи Дмитрія отъ великокняжескаго стола см. на 51—52 стр.

746) П. С. Р. Л. I, 228; III, 65—66, 221; IV, 44; V, 201—202; VII, 180; X, 168—169. (подъ 1294).

747) См. стр. 52.

748) П. С. Р. Л. I, 228; III, 66, 221; IV, 44—45; VII, 180. Карамзинъ (IV, пр. 93) и издатели Новгородской лѣтописи (Москва 1781) слово *Титмановичъ* раздѣляютъ: *Титъ Мановичъ*. Основательнѣе, по нашему мнѣнію, толкуетъ это слово редакторъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей: подъ 1256 г. въ Новгородской первой мы читаемъ, что пришли шведы, Емь, Сумь и *Дидманъ* съ многочисленной ратью и начали ставить городъ на Наровѣ. Естественно предположить, что Титмановичъ есть не кто иной, какъ сынъ Дидмана, *Дидмановичъ*, который продолжаетъ дѣло отца, ставить на Наровѣ городъ «отій», т. е. отній, отчій, отцовскій.

ную церковь Воскресенія Христова на каменныхъ городскихъ воротахъ «по сему завѣту», что Богъ пособилъ новгородцамъ побить нѣмцевъ и городъ Корелу *разграбить* ⁷⁴⁹).

1295. Шведы съ воеводою Сигомъ поставили городокъ въ Корелѣ, а новгородцы городокъ этотъ «разгребоша», Сига убили и не пустили (живымъ) ни одного мужа ⁷⁵⁰).

1296. Владыка Климента поставилъ церковь Воскресенія на воротахъ ⁷⁵¹).

1297. Новгородцы поставили городъ Копорью («камень», по V, 202).— Архимандритъ Кириллъ Георгіевскаго монастыря поставилъ церковь Преображенія ⁷⁵²).

1298. Великій князь Андрей Александровичъ хотѣлъ напасть на Переяславль, но, не допущенный до того московскимъ и тверскимъ князьями, уѣхалъ въ Новгородъ ⁷⁵³).

1299. Въ Новгородѣ, апрѣля 18-го, въ великую субботу былъ сильный пожаръ, во время котораго нѣкоторые грабили не только частное имущество, но и храмы.—Новгородцы съ кн. Борисомъ Андреевичемъ на мѣсто умершаго Климента избрали на архіепископскую кафедру Благовѣщенскаго игумена Θεоктиста ⁷⁵⁴).

1300. Въ Новгородъ пріѣхали: митрополитъ Максимъ, ростовскій владыка Симеонъ и тверскій Андрей, которые, въ день Петра и Павла, рукоположили Θεоктиста въ архіепископы.—Весной погорѣлъ Новый Торгъ.—Въ Неву пришли шведы съ нарочито взятыми у папы мастерами, поставили при устьѣ Охты городъ, весьма искусно (несказано) укрѣпили его и назвали Вѣнцомъ земли (Ландскрона); съ ними былъ и намѣстникъ королевскій Маскала (по Карамзину, маршалъ Торкель Кнутсонъ); посадивъ въ городъ нарочитыхъ мужей съ воеводой Стенемъ, они ушли. Въ это время въ Новгородѣ не было князя ⁷⁵⁵).

749) Ibid. III, 221. *Разграбить*, вѣроятно, по ошибкѣ поставлено вмѣсто *разгрести* (разметать, сравнять съ землей), какъ и въ слѣдующемъ году говорится *разгребоша* о городкѣ, поставленномъ также шведами.

750) Ibid. III, 66; V, 202.

751) Ibid. III, 66. Здѣсь говорится, безъ сомнѣнія, о томъ же, о чемъ Новгородская третья говоритъ подъ 1294 г. См. этотъ годъ.

752) Ibid. III, 66, 221; IV, 45; V, 202; VII, 181.

753) Ibid. V, 202; см. также стр. 57.

754) Ibid. III, 66—67, 130, 221; IV, 45; V, 203; VII, 182 (подъ 1300 г.); X, 172.

755) Ibid. III, 67, 222; IV, 46; V, 203; VII, 182—183; X, 172—173; въ Тверской—и только въ ней одной—подъ этимъ годомъ говорится, что Михаилъ тверскій сѣлъ въ Новгородѣ на столѣ.

1301. Андрей Александровичъ съ новгородцами и низовскими полками разрушилъ построенный шведами городъ Ландскрону⁷⁵⁶).

1302. «Заложиша городъ камень Новугороду («заложиша градъ Дѣтинецъ камень», по Никон.).—Посылалъ пословъ въ Датскую (Доньскую) землю (по Карамзину, къ королю Ерику о прекращеніи частыхъ войнъ съ его областью Эстоніей), съ которой заключили миръ⁷⁵⁷).

1303. У Семена Климовича отнято посадничество и дано брату его Андрею.—Срублено четыре деревянныхъ церкви.—Зима теплая, вслѣдствіе чего не было хлѣба⁷⁵⁸).

1304. Іюля 27-го скончался в. кн. Андрей Александровичъ, и претендентами на великокняжескій столъ явились: Юрій московскій и дядя его, Михаилъ Ярославичъ тверскій; тверичи (въ надеждѣ, что Михаилъ будетъ великимъ княземъ) послали въ Новгородъ намѣстниковъ, но новгородцы не приняли ихъ и пошли въ Торжокъ блюсти этотъ городъ; вся Новгородская земля встала противъ Твери. Однако обѣ стороны, ссылаясь чрезъ пословъ, примирились до приѣзда изъ орды князя⁷⁵⁹).

1305. Семенъ Климовичъ поставилъ каменную церковь Покрова.—Дѣлали новый мостъ чрезъ Волховъ.—Декабря 9-го Θεоктистъ освятилъ церковь Бориса и Глѣба⁷⁶⁰).

1306.—1307⁷⁶¹).—**1308.** Михаилъ Ярославичъ сѣлъ въ Новгородѣ на столѣ (въ недѣлю на Сборъ отецъ 630 въ Халкидонѣ).—Зимой владыка Θεоктистъ выѣхалъ по нездоровью съ владычняго двора, благословивъ Новгородъ, на покой въ Благовѣщенскій монастырь. На его мѣсто избранъ духовникъ его Давидъ.—Жена Якима Столбовича⁷⁶²) поставила на княжомъ дворѣ каменную церковь святыхъ отецъ 318, иже въ Никѣѣ⁷⁶³).

1309. Іюня 5 во Владимірѣ поставленъ былъ митрополитомъ Петромъ въ новгородскіе архіепископы Давидъ, возвратившійся въ Новгородъ іюля 20-го.—Зимой посадничество дано Михаилу Павшиничу⁷⁶⁴).

756) См. стр. 58.

757) П. С. Р. Л. III, 68, 130, 222; IV, 46; V, 204; VII, 183; X, 174.

758) Ibid. III, 68, 222; IV, 46.

759) Ibid. III, 68, 222—223; V, 204; VII, 184; X, 175.

760) Ibid. III, 68, 223; IV, 46.

761) Въ III, 223; въ VII, 185 и X, 176 подъ этимъ годомъ говорится о томъ, о чемъ въ Новгородской первой, второй и третьей говорится подъ 1308 годомъ, а въ Софійской первой — подъ 1306 (о Θεоктистѣ).

762) Въ Новгородской третьей это же самое приписывается, подъ 1310 годомъ, самому Якимѣ Столбовичу, «новгородскому посаднику».

763) П. С. Р. Л. III, 68—69, 130, 181.

764) Ibid. III, 69, 130, 223; IV, 47; V, 204 (въ 1306 г.); VII, 185; X, 177.

1310. Новгородцы въ лодкахъ и лойвахъ ходили въ озеро (Ладожское), прошли въ р. Узьерву (Воксу или Вуюксу) и, разрушивъ здѣсь старый городъ, поставили на порогѣ (Воксы) новый.—Зимой около Новгорода по селамъ происходили грабежи.—Декабря 23-го скончался (бывшій владыка) Θεоктистъ ⁷⁶⁵).

1311. Новгородцы ходили ратью за море (Финскій заливъ) въ Нѣмецкую землю на Емь съ кн. Дмитріемъ Романовичемъ (брянскимъ, сыномъ Романа Глѣбовича смоленскаго) и прежде всего взяли Купецкую рѣку, пожгли здѣсь села, людей переловили, а скотъ изрубили; потомъ взяли Черную рѣку всю и по ней подплыли къ городу Ваная ⁷⁶⁶), которой взяли и сожгли; нѣмцы послѣ того вбѣжали на дѣтинецъ (замокъ или крѣпость), такъ какъ это мѣсто, на высокомъ камнѣ, было крѣпко и неприступно; они просили мира, но новгородцы не согласились на миръ, стояли тамъ трое сутокъ и, истребляя волость, взяли рр. Кавгалу и Перну,—затѣмъ вышли въ море и благополучно прибыли въ Новгородъ.—Мая 19-го, іюня 28-го и іюля 16-го въ Новгородѣ были пожары.—У Михаила отнято посадничество и дано Семену Климовичу ⁷⁶⁷).

1312. [Іюня 1-го скончался посадникъ Борисъ ⁷⁶⁸]. Михаилъ Ярославичъ заратился съ Новгородомъ, откуда вывелъ своихъ намѣстниковъ и занялъ Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ. Весной, во время распутицы, владыка Давидъ отправился въ Тверь и тамъ «доконча миръ» ⁷⁶⁹).

1313. Ладожскій посадникъ съ ладожанами выѣхалъ на войну (?), а нѣмцы «изъѣхаша» Ладогу, пожгли ее, а людей повели въ полонъ ⁷⁷⁰).

765) Ibid. III, 69, 130, 223; IV, 47; V, 205; VII, 185; X, 177.

766) Упоминаемая здѣсь рѣка и городъ Ванай съ точностью и теперь еще не опредѣлены. Татищевъ, упоминая о рѣкахъ, не упоминаетъ о Ванай; Стриттеръ подъ послѣднимъ разумѣлъ ливонскій городъ Венденъ, а князь Щербатовъ всѣ эти мѣста искалъ вообще въ Ливоніи. Но лѣтописное извѣстіе опредѣленно говоритъ о походѣ на Емь, а слѣдовательно въ Финляндію. Ближе всѣхъ подошелъ къ рѣшенію вопроса Лербергъ. Рѣка *Нокія*, впадающая въ озеро Куловеси, на финскомъ языкѣ означаетъ *трубочиста*, и ее-то, надобно полагать, новгородцы называли *Черной* рѣкой, по которой они могли проникнуть въ обширныя воды, называющіяся внизу Таммерфорса и въ сторонѣ Биркалы Пюггяярви, а далѣе на юго-востокъ—*Ваналъ-веси*... Тутъ, близъ Тавастгуса, лежитъ мѣстечко *Vaapö* или *Vaapö*, которое по-фински и теперь называется *Ваналъ* и, навѣрное, существовало уже въ началѣ XIV вѣка, такъ какъ изъ бумагъ Абовскаго церковнаго архива извѣстно, что у финляндскаго епископа былъ тамъ, въ 1324 г., дворъ (*Лербергъ*: Исслѣдов. древн. Русск. исторіи 149—150). Карамзинъ (IV, пр. 214) говоритъ, что Ванай есть нынѣшній Бьернборгъ, но что онъ прежде стоялъ выше на р. Кумо, гдѣ нынѣ Улфсби, и это мѣсто называлось *Ванакиль*, *Wanahakyla*.

767) П. С. Р. Л. III, 69—70, 223; IV, 47; V, 205; VII, 185; X, 178.

768) Ibid. IV, 184; V. 11.

769) Ibid. III, 70; IV, 48, 184; V, 205; VII, 186. См. также выше стр. 62.

770) Ibid. III, 70; X, 178.

1314. Морозъ побилъ всякое жито, почему въ Новгородѣ вздорожалъ хлѣбъ ⁷⁷¹).—Корельцы избили русскихъ въ Корельскомъ городкѣ и ввели къ себѣ нѣмцевъ. Новгородцы съ намѣстникомъ Оедоромъ пошли къ городку, и корельцы перешли на ихъ сторону: нѣмцы и перевѣтники-корельцы были избиты.—Занятіе Новгорода Юріемъ Даниловичемъ ⁷⁷²).

1315. Поѣздка Юрія въ орду.—Битва Михаила Ярославича съ новгородцами, во главѣ которыхъ былъ Аоанасій Даниловичъ.—Михаилъ отправилъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Тогда посадничество дано было Семену Климовичу ⁷⁷³).

1316. Тверскіе намѣстники вышли изъ Новгорода, на который Михаилъ Ярославичъ пошелъ со всей Низовской землей. Новгородцы обнесли острогами свой городъ, въ который собрались: псковичи, ладожане, рушане (жители Русы), кореляне, ижоряне и вожане (Водь). Худые проводники повели Михаила трудно проходимыми путями, почему тверскій князь долженъ былъ съ дороги возвратиться назадъ. Обратный путь былъ ужасенъ: приходилось блуждать по болотистымъ и озернымъ мѣстамъ, терпѣть отъ голода (ѣли конину), бросать предметы вооруженія и проч. Въ томъ же году, еще до возвращенія Михаила въ Тверь, новгородцы схватили (какого-то) Игната Бѣска, били его на вѣчѣ и сбросили съ моста въ Волховъ за то, что онъ держалъ перевѣтъ къ Михаилу, хотя «Богъ то вѣсть». Тогда же убить былъ и Данилко Писцевъ (по Никон. лѣт. писецъ), котораго оклеветалъ предъ новгородцами слуга его, говоря, что онъ былъ съ Михаиломъ въ любви и совѣтѣ и посылалъ его къ тверскому князю съ грамотами ⁷⁷⁴).

1317. Новгородцы отправили въ Тверь владыку Давида къ кн. Ми-

771) Ibid. III, 71 (въ самомъ концѣ года послѣ другихъ извѣстій, между тѣмъ какъ въ нижеслѣдующихъ лѣтописяхъ этотъ фактъ передается въ самомъ началѣ года); IV, 48, 184; X, 178.

772) Ibid. III, 70—71; V, 205; VII, 186; X, 178—179; XV, 408. По Никоновской лѣтописи новгородцы сами просили къ себѣ Юрія. Подробности см. на стр. 62—63.

773) Ibid. III, 70—71; IV, 48; V, 206; VII, 186; IX, 179; XV, 408. См. выше 63 стр. — Здѣсь въ лѣтописяхъ или хронологія сбита, или событія разныхъ годовъ помѣщаются подъ однимъ годомъ: Новгородская первая и нѣкоторыя другія лѣтописи начинаютъ 1315г. извѣстіемъ о поѣздкѣ Юрія изъ Новгорода 15-го марта въ орду, а въ слѣдъ затѣмъ, безъ обозначенія времени, говорятъ о приходѣ Михаила Ярославича изъ орды и о битвѣ новгородцевъ съ тверичами; Никоновская же и другія лѣтописи говорятъ о поѣздкѣ Юрія въ орду изъ Ростова, (онъ дѣйствительно поѣхалъ чрезъ Ростовъ) и тоже 15 марта; но время прихода Михаила изъ орды (съ прибавленіемъ извѣстія о томъ, что татары его много злоучинили Ростову), похода его противъ новгородцевъ и битвы съ этими послѣдними обозначаютъ осенью; при этомъ послѣднія лѣтописи относятъ битву не къ 10, а къ 4-му февраля.

774) Ibid. III, 71; IV, 48; V, 206; VII, 187; X, 179—180; XV, 408. Никоновская лѣт. смѣшиваетъ походъ Михаила съ прошлогоднимъ его приходомъ къ Торжку, при которомъ разбиты были новгородцы.

хану съ просьбой освободить на окупъ тѣхъ новгородцевъ, которые находятся у него въ заложникахъ («въ талп», «въ талѣхъ»); но тотъ не согласился.—Въ Ладожское озеро приходили нѣмцы и избивали много обонежскихъ купцовъ ⁷⁷⁵).

1318. Новгородцы ходили войною за море въ р. Полную, много воевали «и взяша городъ Люdereвъ Сумьского местера и бискупль».—Участіе новгородцевъ въ войнѣ Юрія Даниловича съ Михаиломъ тверскимъ ⁷⁷⁶).

1319. По убіеніи Михаила, Юрій возвратился изъ орды и послалъ въ Новгородъ брата своего Аѳанасія ⁷⁷⁷).

1320. Походъ Юрія Даниловича на Рязань ⁷⁷⁸).

1321. Походъ Юрія Даниловича на кн. Дмитрія Михайловича тверскаго и примиреніе ихъ ⁷⁷⁹).

1322. Юрій пришелъ въ Новгородъ и приказалъ «пороки чинити». — Нѣмцы приходили къ Корельскому городку, но не взяли его.—Походъ Юрія съ новгородцами къ Выборгу.—Въ Новгородѣ скончался кн. Аѳанасій Даниловичъ ⁷⁸⁰).

1323. Юрій съ новгородцами ставитъ городокъ на Орѣховомъ островѣ и здѣсь заключаетъ миръ со шведами.—Литовцы воевали по Ловати, но новгородцы побили ихъ и прогнали.—Устюжане заратились съ новгородцами: они перехватывали новгородцевъ, ходившихъ на Югру, и ограбили ихъ ⁷⁸¹).

1324. Походъ Юрія съ новгородцами на Заволочье и взятіе Устюга ⁷⁸²).

Февраля 5-го скончался архіепископъ Давидъ, на мѣсто котораго избранъ

775) Ibid. III, 72; V, 206. См. слѣд. примѣчаніе.

776) Ibid. III, 72; IV, 49; V, 207; X, 180; а IV, 48,—VII, 187,—XV, 409 говорятъ о войнѣ Юрія съ Михаиломъ подъ 1317 г. Подробности см. выше на стр. 63—65.—Шведскіе лѣтописцы говорятъ, что тогда русскіе сожгли Або, гдѣ обыкновенно жилъ епископъ финляндскій. Лербергъ замѣчаетъ, что тогда финляндскимъ префектомъ былъ Лидеръ и что отъ него-то и произошло названіе города Люdereва. См. Карамз. IV, пр. 228.

777) Ibid. III, 72; а I, 229,—IV, 49,—V, 215—216 и X, 187 говорятъ объ этомъ подъ 1320 г., причемъ, кромѣ Никоновской (=Новгородской первой), передаютъ, что изъ орды Юрій пріѣхалъ въ Ростовъ, а отсюда поѣхалъ въ Новгородъ. При этомъ Новгородская третья оканчиваетъ 1320 годъ извѣстіемъ о томъ, что Лука (новгор. воевода) ходилъ «на Мурмань», а нѣмцы избивали ушкуи Игната Молягина.

778) Ibid. III, 72. См. предъидущее примѣчаніе.

779) Ibid. III, 72; X, 188; XV, 414. См. стр. 67. Никоновская и Тверская лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ передаютъ то, что другія лѣтописи передаютъ подъ слѣдующимъ годомъ.

780) Подробности см. на стр. 68. Никон. лѣтопись (см. предъидущее примѣч.) говоритъ, что новгородцы, по приходѣ къ нимъ Юрія, «вмалѣ съ нимъ размолвиша», но скорѣе потомъ примирились (въ 1322 г.).

781) П. С. Р. Л. III, 73; IV, 50, 184, V, 11, 216; VII, 199. См. стр. 68 и тотъ же годъ въ 3-мъ приложеніи, а также прим. 683.

782) См. стр. 69.

архимандритъ Георгіевскаго монастыря Моисей ⁷⁸³). — Новгородцы били литовцевъ на Лукахъ и отняли у нихъ полонъ ⁷⁸⁴).

1325. Моисей поѣхалъ на посвященіе въ Москву ⁷⁸⁵), куда при немъ привезли изъ орды тѣло Юрія Даниловича ⁷⁸⁶).

1326. Архіепископъ Моисей возвратился (изъ Москвы въ Новгородъ) во вторникъ на Вербной недѣлѣ.—Приѣхали (въ Новгородъ) литовскіе послы: Воинъ, братъ Гедимина, кн. полоцкій, Василій минскій и (какой-то) кн. Ѳеодоръ Святославичъ, которые заключили миръ съ новгородцами и нѣмцами ⁷⁸⁷).

1327. Въ Новгородѣ былъ мятежъ: пограбили и сожгли домъ Евстафія Дворянинцева ⁷⁸⁸). — По избіеніи татаръ (Шевкалъ) въ Твери, Александръ тверской хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ ⁷⁸⁹), но его не хотѣли тамъ принять.—Иванъ Даниловичъ прислалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ.—Пришедшіе изъ орды вмѣстѣ съ Калитой татары разорили, между прочимъ, Новоторжскую волость.—В. кн. тверскій (еще до прихода татаръ) бѣжалъ во Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу.—Новгородцы дали татарскимъ посламъ 2000 серебра ⁷⁹⁰) и отправили съ ними своихъ пословъ къ (татарскимъ) воеводамъ со множествомъ даровъ ⁷⁹¹).

1328. Московскій и тверскій (Константинъ) князья, а отъ Новгорода Ѳеодоръ Колесница, отправились къ хану, который приказалъ имъ доставить въ орду тверскаго князя Александра ⁷⁹²).

1329. Марта 26-го въ Новгородъ прибылъ в. кн. Иванъ Даниловичъ со многими другими князьями ⁷⁹³).—Въ Юрьевѣ (Дерптѣ) убили новгородскаго посла Ивана Сыпа.—Новгородцы участвуютъ въ походѣ князей къ Пскову на кн. Александра тверскаго.—Устюжскіе князья избили новгородцевъ, которые пошли на Югру ⁷⁹⁴).

783) П. С. Р. Л. III, 73, 131; V, 216; VII, 199; X, 189; XV, 415. Новгородская вторая о смерти Давида говоритъ во второй разъ подъ 1326 г. Никоновская лѣт. подъ 1324 г. говоритъ сначала о походѣ къ Выборгу (см. 1322 г.) и постройкѣ города на Орѣховомъ о-вѣ (см. 1323 г.), а потомъ уже о походѣ на Заволочье и смерти Давида.

784) Ibid. VII, 199; XV, 415.

785) Ibid. III, 73; V, 217; VII, 199; X, 189.

786) Ibid. V, 217; VII, 199.

787) Ibid. III, 73—74; IV, 50; V, 217; VII, 199; X, 190.

788) Дворянцевъ былъ сначала тысяцкимъ, а потомъ—посадникомъ.

789) См. стр. 73.

790) Такъ по Новгородской первой и Воскресенской, а по Никоновской—5000 рублей.

791) П. С. Р. Л. III, 74; IV, 50, 185; V, 217—218; VII, 200; X, 194.

792) Ibid. III, 74; IV, 51; V, 218; VII, 201; X, 195. Подробности см. на 74 стр.

793) См. стр. 74.

794) П. С. Р. Л. III, 74—75, 224; IV, 51; V, 218 (объ Иванѣ Сыпѣ, а походѣ ко Пскову подъ 1330 г., какъ и въ Новгородской 4-ой); X, 201.

1330. Владыка Моисей, не смотря на просьбы новгородцевъ остаться на святительской кафедрѣ, постригся въ схиму, и на его мѣсто избранъ Григорій Калѣка, бывшій священникомъ церкви Космы и Даміана. По принятіи имъ иночества въ январѣ ⁷⁹⁵), онъ названъ Василіемъ. Зимой въ Новгородъ прибыли митрополичьи послы изъ Волынской земли звать нарѣченного владыку на поставленіе; въ томъ же году ⁷⁹⁶) Василій и поставленъ былъ въ Волынской землѣ въ архіепископы новгородскіе ⁷⁹⁷).

1331. Изъ Волынской земли отъ митрополита пришли послы ⁷⁹⁸), Ѳеодоръ и Семенъ, звать нарѣченного Владыку Василія на поставленіе въ архіепископы, и Василій поѣхалъ на Волюнь 24-го іюня, а съ нимъ бояре: Кузма Твердиславичъ и Вареоломей Евстафьевичъ, сынъ тысяцкаго ⁷⁹⁹). При проѣздѣ чрезъ Литву Гедиминъ задержалъ ихъ, «и въ таковой тяготѣ» они «слово право» дали Наримонту Гедиминовичу и его дѣтямъ дать въ отчину и дѣдину: Ладогу, Орѣховъ городокъ, Корельскій городокъ, Корельскую землю и половину Копорья ⁸⁰⁰).—Василій поставленъ въ архіепископы Новгороду во Владимірѣ Волынскомъ на память апостола Тита (августа 25-го). Въ то же время изъ Пскова отъ князя (тверскаго) Александра, отъ Гедимина и всѣхъ литовскихъ князей пришли послы (подразумѣвается во Владимірѣ Волынской) съ Арсеніемъ, котораго хотѣли поставить на епископство во Псковѣ, «а Новгорода не творя ничимъ, взнесъ бо ся (Псковъ) высокоуміемъ своимъ», такъ какъ псковичи нарушили крестное цѣлованіе къ Новгороду,—посадили къ себѣ кн. Александра «изъ литовскія руки»). Но Арсеній и псковичи, 1-го сентября, «посрамлени» ушли отъ митрополита въ Кіевъ. Пошелъ изъ Владиміра и новопоставленный архіепископъ новгородскій ⁸⁰¹) на Черниговъ, гдѣ едва избавился отъ насилія набѣжавшаго на городъ кіевского князя Ѳеодора съ баскакомъ, съ которымъ было 50 человекъ (татаръ). Чрезъ Брянскъ и Торжокъ 8-го декабря Василій прибылъ въ Новгородъ, гдѣ ходилъ слухъ, что владыку «литва изымала, а дѣти его избиша» ⁸⁰²).

795) По Новгородской второй—1-го января, о чемъ свидѣлствуетъ, замѣтимъ, и самое иноческое имя... Новгородцы, по Новгородской первой, были безъ владыки 8 мѣсяцевъ.

796) Какъ увидимъ, тѣ же Новгородскія, первая и вторая, повторяютъ это и въ слѣдующемъ году.

797) П. С. Р. Л. III, 75, 224. См. прим. 694.

798) По Воскресенской лѣтописи—на Страстной недѣлѣ.

799) П. С. Р. Л. III, 75, 224; IV, 52; V, 219; VII, 202.

800) Ibid. V, 219; VII, 202—203.

801) По V, 219 Василій выѣхалъ изъ Владиміра также 1-го сентября, на которое указываетъ Новгородская первая по отношенію къ Арсенію.

802) П. С. Р. Л. III, 75—76, 224; V, 219; VII, 202—203; X, 204. (Приходъ владыки

1332. Въ Новгородѣ поднялись крамольники: отняли посадничество у Оедора Ахмыла и дали Захарію Михайловичу; пограбили дворъ Семена Судакова и села брата его Селифонта.—Приходъ Калиты изъ орды и гнѣвъ его на Новгородъ ⁸⁰³).—Новгородцы отняли посадничество у Захарія и дали его Матвѣю (по Новгор. 4-ой М. Коскѣ).—Былъ голодъ ⁸⁰⁴).

1333. Размирье Ивана Даниловича съ Новгородомъ ⁸⁰⁵).—Богъ вложилъ въ сердце ⁸⁰⁶) Наримонту Гедиминовичу (въ крещеніи Глѣбу)—прислать въ Новгородъ съ извѣстіемъ, что онъ хочетъ поклониться св. Софіи, и новгородцы позвали его къ себѣ; тотъ пріѣхалъ въ октябрѣ, принять былъ съ честію новгородцами, къ которымъ цѣловалъ крестъ—стоять съ ними «за единъ человекъ». — Наримонтъ получилъ отъ Новгорода Ладогу, Орѣховый и Корельскій городки, Корельскую землю и половину Копорья въ отчину и дѣдину себѣ и дѣтямъ своимъ ⁸⁰⁷).

1334. Новгородскій владыка Василій ходилъ во Владиміръ къ митрополиту Теогносту со многими дарами.—Новгородцы послали къ в. кн. Ивану Даниловичу, по возвращеніи его изъ орды, пословъ во главѣ съ Вареоломеемъ Юрьевичемъ, которыхъ тотъ принялъ съ любовью. Калита пожаловалъ новгородцевъ: отдалъ имъ нелюбіе и 16-го февраля, въ четвертокъ на Мясопустной недѣлѣ, прибылъ въ Новгородъ ⁸⁰⁸).

1335. Владыка Василій съ посадникомъ Оедоромъ Даниловичемъ, тысяцкимъ Евстафіемъ и всѣми новгородцами заложилъ каменный острогъ отъ церкви св. Іліи къ церкви св. Павла.—Иванъ Даниловичъ ходилъ съ новгородцами на Псковъ ⁸⁰⁹).—Онъ же посылалъ свою рать изъ Торжка на Литву и честилъ въ Москвѣ новгородскаго владыку, посадника и др. ⁸¹⁰).—Вышло-было междоусобіе между обѣими сторонами Волхова, но «снидошася въ любовь» ⁸¹¹).

1336. Владыка Василій заложилъ каменную Вхоіерусалимскую церковь 25-го іюня.—Черезъ р. Волховъ сдѣланъ новый мостъ.—Владыка

8-го ноября 1332 г.). Въ Новгородской первой замѣчено, что владыка пришелъ въ Новгородъ при князѣ Иванѣ (т. е. въ княженіе), посадникъ Вареоломей и тысяцкомъ Евстафіи.

803) См. стр. 75.

804) П. С. Р. Л. III, 76; IV, 53; V, 220; VII, 203; X, 205—206.

805) См. стр. 75.

806) Ср. съ извѣстіями 1331 года, въ вѣрности которыхъ Карамзинъ сомнѣвается.

807) П. С. Р. Л. III, 76—77; IV, 53; V, 220; VII, 203—204; X, 206.

808) Ibid. III, 77; IV, 53; VII, 204; X, 207.

809) См. стр. 76.

810) Ibid.

811) П. С. Р. Л. III, 77; IV, 53; V, 220; X, 207.

обнесъ новымъ тыномъ Софійскій соборъ и сдѣлалъ у него мѣдныя позолоченныя двѣри ⁸¹²).

1337. Простой народъ (чадь) поднялся на архимандрита Іосифа, по наущенію стараго архимандрита Лаврентія; крамольники заперли его въ церкви и стерегли день и ночь.—Походъ московскихъ ратей за Волокъ ⁸¹³).—Поѣздка владыки Василя въ Псковъ ⁸¹⁴).—Окончена и посвящена 21-го сентября Вхожіерусалимская церковь ⁸¹⁵).—Нѣмцы пришли къ Корельскому городку, въ которомъ былъ тогда воеводой корелянинъ Валитъ; этотъ Валитъ, послѣ тайныхъ сношеній, предалъ городокъ нѣмцамъ, которые и начали владѣть имъ. Узнавши объ этомъ, къ городку пришли новгородцы 3-го іюля, а 8-го іюля вслѣдствіе тайныхъ сношеній съ ними того же Валита, овладѣли городомъ, нѣмцевъ избили, а иныхъ перевѣшали ⁸¹⁶).—Зимой корельцы подвели нѣмцевъ, которые перебили Русь, много новгородцевъ и ладожанъ—гостей, а сами бѣжали въ нѣмецкіе городки ⁸¹⁷) и потомъ изъ этихъ городковъ перебили много христіанъ ⁸¹⁸).

1338. Новгородцы ходили съ посадникомъ Ѳеодоромъ въ Неву и, стоя подъ Орѣховцемъ, пересылались послами съ шведскимъ воеводой Стенемъ, но мира не послѣдовало, и новгородцы воротились домой ⁸¹⁹).—Нѣмцы (шведы) много воевали съ Корелой и Обонежьемъ, пожгли въ Ладогѣ посадъ, но города ⁸²⁰) не взяли.—«Молодци новгородстїи» ходили съ воеводами и воевали «Городецкую ⁸²¹) корелу нѣмецкую» (шведскую), много земли опустошили, «обиліе» пожгли и благополучно возвратились домой.—Нѣмцы изъ Городка приходили воевать на Толдогу, а отсюда пошли на Водскую землю, но ничего не сдѣлали жителямъ, «остерегли бо ся бяху». Тогда копорьяне вышли съ Ѳеодоромъ Васильевичемъ и побили ихъ.—Новгородцы нѣсколько разъ посылали въ Литву за княземъ Наримонтомъ, но онъ не только самъ не прибылъ, но и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣховца, оставивъ въ немъ только намѣстника своего... Изъ Выборга отъ тамошняго шведскаго воеводы пришли въ Новгородъ послы для заклю-

812) Ibid. III, 77, 225.

813) См. стр. 76.

814) См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

815) П. С. Р. Л. III, 78.

816) Ibid. V, 220.

817) По Новгородск. первой и четвертой—въ нѣмецкій городокъ.

818) П. С. Р. Л. III, 78; IV, 53 (подъ 1338 г.); V, 220.

819) Ibid. III, 78; V, 221.

820) Въ Софійской первой невѣрно сказано «Новгорода».

821) Вѣроятно, надобно читать *городскую*, т. е. жившую въ городахъ. Впрочемъ лѣтописи говорятъ ниже и о Городкѣ; но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (прим. 817—818) слово Городокъ замѣняется множеств. числомъ.

ченія мира: они говорили, что шведскій король не знаетъ о разрывѣ мира съ Новгородомъ, что это сдѣлалъ воевода Стень «о своемъ умѣ». Новгородцы съ своей стороны отправили (въ Выборгъ) своихъ пословъ, Козму Твердиславича и Александра Борисовича, которые заключили такой же миръ, какъ заключенъ былъ шведами въ Невѣ съ вел. кн. Юріемъ. Что касается Кобылитской Корелы, то по этому предмету рѣшено было снестись съ самимъ королемъ⁸²²).—Иванъ Даниловичъ съ старшими сыновьями, Семеномъ и Иваномъ, пошелъ въ орду, а въ Новгородъ послалъ Андрея⁸²³).

1339. Александръ тверскій и Василій ярославскій «думой» Калиты позваны въ орду.—Новгородцы отправили къ шведскому князю пословъ, Козму Твердиславича и Александра Борисовича съ другими боярами, а со стороны владыки—племянника его (сестричича) Матвея; шведскій князь находился тогда въ Мурманской землѣ; миръ заключенъ былъ по старымъ грамотамъ, «а про Корелу тако ркоша: оже къ вамъ наши бѣжать, сѣките ихъ или вѣшайте,—или ваши къ намъ, такоже имъ сътворимъ, да жъ не польстятъ промежу нами; а сихъ не выдадимъ, крещени суть въ нашу вѣру, а и безъ того мало ихъ бѣ осталось, а то вси помроша гнѣвомъ божіимъ».—Къ вел. кн. Ивану Даниловичу новгородцы отправили пословъ, Сильвестра Волошевича и Оедора Абрамовича, съ выходомъ; великій князь не удовольствовался этимъ и чрезъ своихъ пословъ требовалъ другаго выхода⁸²⁴).—Зимой Калита вывелъ изъ Новгорода своихъ намѣстниковъ⁸²⁵).

1340. Умеръ Иванъ Даниловичъ⁸²⁶), и князья отправились въ орду. Изъ Новгорода тогда «молодци» повоевали и сожгли Устюжну, затѣмъ воевали Бѣлозерскую волость.—Юня 7-го въ Новгородѣ былъ сильный пожаръ: сгорѣли, между прочимъ, Софійскій соборъ и мостъ на Волховѣ; въ сумятицѣ происходили грабежи и даже убійства.—По приходѣ изъ орды вел. кн. Семенъ Ивановичъ послалъ бояръ своихъ собирать дань въ Торжкѣ, вслѣдствіе чего у него произошло столкновение съ Новгородомъ⁸²⁷).

1341. Митрополитъ Теогностъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ большой свитой; кормы и дары были разорительны для владыки (новгородскаго) и монастырей.—Зимой Михаилъ Ярославичъ пріѣхалъ изъ Твери въ Новгородъ и привезъ сына учиться грамотѣ⁸²⁸).

822) П. С. Р. Л. III, 78; IV, 53; V, 221.

823) Ibid. XV, 421; а въ VII, 205 подъ 1339 г.

824) См. стр. 78.

825) П. С. Р. Л. III, 79; IV, 54; V, 221; VII, 205; X, 208.

826) Другія лѣтописи относятъ смерть его къ 1341 г. См. стр. 79.

827) См. стр. 83—84.

828) П. С. Р. Л. III, 80—81.

1342. Новгородцы ходили на помощь псковичамъ противъ нѣмцевъ, но съ дороги воротились⁸²⁹).—Владыка Василій заложилъ церковь Благовѣщенія на Городищѣ мая 27-го. — Псковичи, отступившись отъ Новгорода, пристали къ Литвѣ⁸³⁰).—Въ октябрѣ умеръ посадникъ Вареоломей и сынъ Юрія Мишинича (октября 25).—Лука Вареоломеевъ, не послушавъ Новгорода, митрополита и владыки, собравши «холоповъ сбоевъ», пошелъ за Волокъ на Двину и поставилъ городокъ Орлець; потомъ собралъ емьчанъ и взялъ всѣ погосты въ Заволоцкой землѣ на щитъ; въ то же время сынъ его Онцифоръ ходилъ на Вагу. Лука былъ убитъ заволочанями, когда онъ выѣхалъ воевать съ двумя стами человекъ. Вѣсть объ этомъ подняла въ Новгородѣ черныхъ людей на Адрюшку и на посадника Ѳеодора Даниловича, дома и села которыхъ разграбили, такъ какъ ихъ считали виновниками убіенія Луки. Ѳеодоръ и Андрюшка бѣжали въ Копорье и сидѣли тамъ всю зиму до великаго поста. Между тѣмъ пріѣхалъ Онцифоръ и билъ на нихъ челомъ Новгороду, обвиняя ихъ въ убіеніи отца своего. Владыка и Новгородъ послали за ними архим. Іосифа; тѣ явились и сказали: «не думали есмы на брата своего на Луку, что его убить, ни засылали на него». Онцифоръ съ Матвеемъ Коской созвонили вѣче у св. Софїи, а Ѳеодоръ и Андрюшка—на Ярославовомъ дворѣ. Онцифоръ отправилъ на Ярославовъ дворъ владыку съ Матвеемъ и, не дождавшись ихъ, ударилъ съ Софійскаго вѣча на Ярославовъ дворъ, но вынужденъ былъ бѣжать съ своими пособниками, а Матвея Коску съ сыномъ его Игнатомъ взяли и посадили въ церковь. Волненіе продолжалось и на слѣдующій день: поднялся весь городъ,—но владыка примирилъ обѣ стороны⁸³¹).

1343. На Городищѣ окончена церковь Благовѣщенія 8-го и освящена 24-го августа⁸³²).

1344. За Наровой мятежъ: чюдъ избила своихъ земскихъ бояръ въ Колыванской землѣ и Ругодивской волости и пр.⁸³³).

1345. Поставлено нѣсколько церквей въ Новгородѣ (перечень ихъ).—Сильный южный вѣтеръ нагналъ въ Волховъ много льду, которымъ 8-го ноября выдрало семь клѣтокъ (городень) изъ моста, по которому только что прошелъ посадникъ со всѣмъ вѣчемъ на Торговую сторону. Тогда же отняли

829) См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

830) Id.

831) П. С. Р. Л. III, 81—82; IV, 55; V, 14, 223; VII, 207. Въ Новгородской четвертой сначала передается извѣстіе о Лукѣ Вареоломеевѣ, а потомъ уже говорится о просьбѣ псковичей помочь имъ противъ нѣмцевъ.

832) Ibid. III, 82.

833) Ibid.

посадничество у Евстафія Дворянничева и дали Матвею Варооломеевичу, но «Божією благодатію не бысть лиха межю нма»⁸³⁴).

1346. Владыка Василій поѣхалъ въ Москву звать великаго князя на новгородскій столъ; митрополитъ Теогностъ благословилъ его и далъ ему крестчатыя ризы.—Января 26-го Семень Ивановичъ пріѣхалъ въ Новгородъ и пробылъ тамъ три недѣли.—Вел. кн. Ольгердъ съ другими литовскими князьями пришелъ на Шелонь и остановился на устьѣ р. Пшаги, угрожая новгородцамъ войной за нанесенную ему обиду: «лаялъ ми—говорилъ онъ—посадникъ вашъ Остафей Дворянинецъ, назвалъ мя псомъ»; за это Ольгердъ взялъ Шелонь и Лугу на шить, а съ Порхова и Опоки взялъ окупъ. Новгородцы вышли противъ него на р. Лугу, но должны были ретироваться (вспятившися) въ городъ, гдѣ на вѣчѣ убили Дворянничева, говоря ему: «въ тебѣ волости наша взяша»⁸³⁵).

1347. Погорѣло Славно⁸³⁶).—Новгородцы взяли миръ съ Литвой⁸³⁷).

1348. Шведскій король Магнусъ вызывалъ новгородцевъ на прѣніа о томъ, чья вѣра права, и если будетъ доказано, что права вѣра, исповѣдуемая имъ, предлагалъ новгородцамъ принять ее; въ противномъ же случаѣ грозилъ обратить ихъ въ свою вѣру силой оружія. Владыка Василій, посадникъ Ѳеодоръ Даниловичъ, тысяцкій Абрамъ и всѣ новгородцы указали на цареградскаго патріарха, къ которому можетъ обратиться Магнусъ за рѣшеніемъ предложеннаго имъ вопроса, «а которая обида будетъ межю насъ—говорили новгородцы—и мы къ тебѣ отшлемъ на съѣздъ». Къ Магнусу отправили: Абрама тысяцкаго, Козму Твердиславича и другихъ бояръ. Абрамъ прибылъ въ Орѣховецъ, а Магнусъ стоялъ тогда со всѣми силами своими на Березовомъ островѣ. Орѣховцы упросили тысяцкаго не уходить отъ нихъ, и къ Магнусу отправился Козма Твердиславичъ. «Обиды ми съ вами нѣтъ некоторые, но поидите въ мою вѣру; аще ли не поидете, иду на васъ со всею силою моею», сказалъ король Козмѣ и съ этимъ отпустилъ его. По возвращеніи Козмы орѣховцы затворились въ своемъ городкѣ, къ которому подступилъ Магнусъ, но вскорѣ отступилъ и началъ приводить въ

834) Ibid.

835) Ibid. III, 83, 225; IV, 57; V, 225; VII, 210. Въ Новгородской третьей столкновеніе съ Ольгердомъ и пріѣздъ Семена Ивановича въ Новгородъ отнесены къ 1347 году; съ Порховскаго городка (Опока не упоминается), по этой лѣтописи, Ольгердъ взялъ 300 рублей окупа,—вѣче на Евстафія Дворянничева собрано было на Ярославовомъ дворѣ. См. слѣдующее примѣчаніе.

836) П. С. Р. Л. III, 83, 132, 226. См. предъидущее примѣчаніе. Въ Новгородской третьей, четвертой и Воскресенской лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ говорится о сношеніяхъ Новгорода съ Магнусомъ.

837) Ibid. IV, 58.

свою вѣру ижорянъ, а которые противились, на тѣхъ послалъ рать, какъ и на Водскую землю. Въ Водь новгородцы послали противъ шведовъ Никпфора Лукпча (Онцпфора Лукпнпча), Якова Хотова и Микхапла Теофилактовича съ немногочисленной ратью: новгородцы избили 500 нѣмцевъ (шведовъ), нѣкоторыхъ взяли живыми, а «перевѣтниковъ» казнили и воротились въ Новгородъ, потерявъ развѣ челоуѣка три. На Спасовъ день Магнусъ взялъ Орѣховецъ обманомъ («лестію», обѣщавъ, вѣроятно, дать всѣмъ свободу идти, куда кто хочетъ), обязалъ заплатить ему окупъ, а тысяцкаго Абрама съ его товарищами взялъ въ закладъ съ собой; Наримонтова намѣстника и всѣхъ горожанъ онъ выпустилъ изъ городка, въ которомъ оставилъ рать свою. Между тѣмъ посадникъ Оедоръ Даниловичъ, намѣстники великаго князя, новгородцы, немного псковичей и новоторжцы пошли въ Ладогу, а къ вел. кн. Семену Ивановичу отправили пословъ звать его на помощь: «поиди, княже, къ намъ боронити своеа отчины, яко идеть на насъ король свѣйскій, на (т. е. надъ, противъ) крестное цѣлованіе», и великій князь отвѣчалъ: «радъ, иду къ вамъ». Не вдругъ, однако, собрался великій князь въ походъ, но и выступивши воротился съ дороги назадъ, говоря новгородцамъ: «зашли ми дѣла царевы». Вмѣсто себя отправилъ онъ брата своего Ивана, который, прибывъ въ Новгородъ, въ Ладогу не пошелъ и даже ушелъ назадъ, домой, узнавъ, что Орѣховецъ взятъ шведами⁸³⁸).— Когда новгородцы пошли къ Орѣховцу, псковичи (конечно, за участіе въ этомъ походѣ) получили отъ Новгорода почти полную автономію: «посадникомъ новгородскимъ въ Псковѣ ни сидѣти, ни судити, а отъ владыки судити ихъ брату псковитину, а изъ Новгорода ихъ не позывать ни дворяны, ни подвойскими, ни софіяны, ни извѣтники, ни бирчи; но назваша братомъ молодшимъ Псковъ»⁸³⁹).— Осенью (въ Оспожино говѣнье, слѣд. въ августѣ) новгородцы подступили къ Орѣховцу, подъ которымъ стояли до великаго заговѣнья, въ понедѣльникъ на Оедоровой недѣлѣ (Оеодора Тирона 17-го февраля) сдѣлали приступъ, а во вторникъ утромъ, на память обрѣтенія главы Іоанна Предтечи (24-го февраля), взяли городъ: шведовъ частію вырѣзали, а частію взяли живьемъ и посадили въ городѣ бояръ, Якова Хотова и Александра Борисовича⁸⁴⁰).

838) Ibid. III, 83—84, 132 (подъ 1347 г.), 226—227 (то же); IV, 58, 189; V, 225; VII, 210—211; X, 218—220 (подъ 1347 и 1348 гг.). См. прим. 836. Разница въ годахъ, а также и разбивка этого эпизода въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ по разнымъ годамъ объясняется, конечно, тѣмъ, что это событіе совершилось не въ одинъ годъ.

839) Ibid. III, 227; VII, 211.

840) Ibid. III, 83—84, 226—227; IV, 189; VII, 210—211 (подъ 1347 г.); X, 220. Какъ оказывается, новгородцамъ полгода пришлось стоять подъ Орѣховцемъ. Можетъ быть,

1349. Новгородцы и двиняне ходили на Мурманскую землю⁸⁴¹).

1350. Новгородцы съ тысяцкимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ, воеводами Михаиломъ Даниловичемъ, Юріемъ Ивановичемъ и Яковомъ Хотовымъ 21-го марта пришли къ Выборгу и пожгли весь посадъ. На другой день нѣмцы (шведы) вышли изъ города, но новгородцы ударили на нихъ и заставили ихъ бѣжать опять въ городъ; затѣмъ повоевали и пожгли окрестныя волости, многихъ перебили и многихъ взяли въ плѣнъ.—Новгородцы ходили въ Юрьевъ и разбѣнялись взятыми въ Орѣховомъ плѣнными шведами на Абрама (тысяцкаго), Козму Твердиславича и др., которыхъ забралъ съ собой король Магнусъ; въ Новгородъ возвратились іюня 9-го.—Іюня 16 новгородцы отняли посадничество у Ѳеодора Даниловича и дали Никифору (Онцифору) Лукинну.—Владыка Василій поставилъ у себя на дворѣ «полатку камену».—Новгородцы выгнали изъ Новгорода посадника Ѳеодора съ братомъ его Михаиломъ и другихъ, а дома ихъ разграбили, разграбили и всю Прусскую улицу. Тѣ бѣжали въ Псковъ, откуда вскорѣ ушли въ Копорье⁸⁴²).

1351. Новгородцы били челомъ владыкѣ Василю, чтобы онъ поѣхалъ и нарядилъ костры въ Орѣховѣ. Владыка исполнилъ эту просьбу.—Пріѣзжали изъ Пскова послы и просили къ себѣ владыку. На обратномъ пути изъ Пскова владыка остановился на р. Черехѣ и тутъ разболѣлся, а когда его привезли въ Михайловскій монастырь на устьѣ р. Узы, выпадающей въ Шелонь, онъ скончался. Это было 3-го іюля, а 5-го тѣло его привезено было въ Новгородъ.—На владычній дворъ опять ввели владыку Моисея. — Въ Новгородской землѣ появился моръ на людей⁸⁴³).

1352. Новгородцы заложили каменный городъ Орѣшекъ на устьѣ Невы⁸⁴⁴).

1353. Владыка Моисей отправилъ пословъ своихъ въ Царьградъ къ царю и патріарху, «прося отъ нихъ благословенія и исправленія о непо-

этимъ обстоятельствомъ и объясняется нежеланіе псковичей стоять подъ городомъ. Объ этомъ единственно Никоновская лѣтопись (X, 219 подъ 1347 г.) передаетъ слѣдующее оригинальное извѣстіе: псковичи не хотѣли стоять подъ Орѣховымъ; новгородцы, напомнивъ имъ о данныхъ имъ льготахъ, просили ихъ, чтобы они, если ужъ хотятъ уходить, то уходили бы ночью незамѣтно для непріятеля; но псковичи не послушались: они съ трубами, бубнами, софлями и посвистѣлями двинулись въ полдень, а нѣмцы, смотря на это, смѣялись.

841) Ibid. IV, 59.

842) Ibid. III, 84—85, 132; IV, 59—60; V, 226. О разбѣѣ плѣнныхъ и выборѣ новаго посадника въ Пикон. лѣтописи (X, 222) говорится подъ 1351 годомъ.

843) Ibid. III, 85, 227; IV, 62, 192, VII, 217 (подъ 1352 г.); X, 224 (то же) Въ Новгородской первой это событія—подъ 1351 годомъ, въ Новгородской четвертой—подъ 1353,—въ остальныхъ—подъ 1352 г.

844) Ibid. III, 227. См. предъидущій годъ.

требныхъ вещейъ приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита»⁸⁴⁵). Патріархъ и царь пожаловали владыку: дали ему грамоту за золотою печатью и крестчатыя ризы⁸⁴⁶).—Новгородцы (по смерти в. кн. Семена Ивановича) отправили въ орду Семена Судакова поддерживать Константина суздальскаго въ его домогательствѣ великокняжескаго стола.—Новгородъ былъ безъ мира съ в. кн. Иваномъ Ивановичемъ полтора года, но зла отъ того никакого не было⁸⁴⁷).

1354. Никифоръ Лукинъ добровольно сложилъ съ себя посадничество, которое дали Александру, брату (Евстафія) Дворянина.—Послы Моисея возвратились изъ Царьграда и привезли ему крестчатыя ризы и грамоты отъ царя и патріарха съ золотою печатью. Греческимъ царемъ тогда былъ Иванъ Кантакузинъ, а патріархомъ Филоеей, прежде бывший ираклійскимъ митрополитомъ⁸⁴⁸).

1355. Новгородцы примирились съ в. кн. Иваномъ⁸⁴⁹).

1356. Въ Новгородѣ поставлено нѣсколько церквей⁸⁵⁰).

1357. То же⁸⁵¹).

1358. Поставлена церковь 12 апостоловъ⁸⁵²).

1359. Моисей по немощи, не смотря на мольбы новгородцевъ, оставилъ святительскую кафедру. Сентября 15-го по жребію на его мѣсто избранъ чернецъ Алексій, ключникъ Софійскаго собора, шестникъ.—Весной «по совѣту лихихъ людей» въ Новгородѣ былъ великій мятежъ: Славенскій конецъ отнялъ посадничество у Андреяна Захарьевича, на мѣсто котораго выбралъ Сильвестра Леонтьевича (Лентѣевича), «и сѣтворися поторжъ (тревога, смятеніе) не мала на Ярославли дворѣ, и сѣча бысть»: жители Славенскаго конца пришли вооруженными и разогнали безоружныхъ Зарѣчанъ, били и «полупили» многихъ бояръ, а Борисова сына Ивана убили и стояли, разметавъ мостъ, въ оружіи три дня. Тогда выступили владыки Моисей и Алексій, и враждующіе разошлись; но Зарѣчане взяли на щитъ села Сильвестра и многія другія села, принадлежавшія Славенскому концу. Послѣ того посадничество дали Никитѣ Матвеевичу и примирились⁸⁵³).—Ольгердъ

845) Ibid. III, 85, 227 (подъ 1352 г.); V, 228; X, 227.

846) Ibid. III, 228 (подъ 1352 г.).

847) Ibid. III, 85.

848) Ibid. III, 86; X, 228 (подъ 1355 г.).

849) Ibid. IV, 62.

850) Ibid. III, 86.

851) Ibid. III, 86, 228.

852) Ibid. III, 86.

853) Ibid. III, 86; IV, 63; V, 228; X, 231.

послалъ сына своего Андрея къ Ржевъ, которая и была взята; въ ней оставлены намѣстники Ольгерда ⁸⁵⁴).

1360. Димитрій Константиновичъ 12-го іюня пріѣхалъ изъ орды во Владиміръ на великокняжескій столъ; при немъ, іюля 12-го, Алексій поставленъ былъ въ архіепископы новгородскіе.—Велпкій князь прислалъ въ Новгородъ пословъ и намѣстниковъ своихъ, которымъ новгородцы «судъ даша, домолвися съ княземъ».—Осенью сгорѣлъ Корельскій городокъ ⁸⁵⁵).—Новгородскіе разбойники пришли въ Жукотинъ и избіили тамъ много татаръ, а въ г. Болгарахъ татары пограбили христіанъ. Жукотинскіе князья пошли въ орду съ жалобой на новгородцевъ ⁸⁵⁶).

1361. На Ѳеодоровской улицѣ поставлена церковь св. Ѳеодора ⁸⁵⁷).—Новгородцы поновили каменный городъ, взявши въ храмъ св. Софіи серебро, скопленное владыкой Моисеемъ ⁸⁵⁸).

1362. Въ Новгородѣ поставлено двѣ церкви.—Зимой скончался владыка Моисей ⁸⁵⁹).

1363. Въ Новгородъ пріѣзжали нѣмецкіе послы «на смолву» съ псковичами, но ушли обратно, «миру не докончавъ».—Въ Юрьевѣ (Дерптѣ) принимали («принмаша» — задержали) новгородскихъ гостей.—Новгородскіе послы, по боярину отъ конца, ходили въ Юрьевъ «и смолвиша нѣмецъ съ плесковичи въ любовь»: псковичи отпустили отъ себя нѣмецкихъ гостей, а нѣмцы — новгородскихъ ⁸⁶⁰).

1364. Въ Новгородѣ поновили Дѣтинецъ ⁸⁶¹).—Въ Корельскомъ городкѣ посадникъ Яковъ «сверши костеръ камень»... Въ Югру ходили новгородцы, боярскіе дѣти и молодые люди, съ воеводами: Степаномъ Аввакумовичемъ и Степаномъ Ляпой; одна половина ихъ воевала по р. Оби, въ ея низовьяхъ до моря, а другая—въ верховьяхъ рѣки. Противъ нихъ выступили двиняне, но были побиты ⁸⁶²).

1365. Въ Новгородѣ поставлено двѣ церкви ⁸⁶³).—Въ Торжкѣ былъ моръ ⁸⁶⁴).

854) Ibid. X, 231.

855) Ibid. III, 87, 132, 228; IV, 63; V, 228—229; X, 232.

856) Ibid. IV, 63; X, 232.

857) Ibid. III, 87, 133.

858) Ibid. IV, 64.

859) Ibid. III, 88, 228; IV, 64.

860) Ibid. III, 88; V, 229.

861) Ibid. III, 228.

862) Ibid. IV, 64.

863) Ibid. III, 88.

864) Ibid. III, 133; IV, 65; Никон. лѣт. IV, 11.

1366. Новгородцы съ воеводами: Оспомъ Варѣоломеевичемъ, Васи-
ліемъ Ѳедоровичемъ и Александромъ Аввакумовичемъ, грабили по Волгѣ
купцовъ, почему великій князь разорвалъ съ ними миръ ⁸⁶⁵).

1367. Новгородцы примирились съ великимъ княземъ ⁸⁶⁶).—Сношенія
псковичей съ новгородцами по случаю нападенія нѣмцевъ на Псковъ ⁸⁶⁷).

1368. Мая 12-го сгорѣлъ Дѣтинецъ и владычній дворъ и обгорѣлъ
Софійскій соборъ. — Нѣмцы приходили ратью подъ Изборскъ; но услы-
шавъ, что въ Псковъ пришли на помощь новгородцы, бѣжали, изрубивши
стѣнобитныя орудія. — Зимой въ Новгородъ прибылъ Владиміръ Андреевичъ
(Храбрый) на помощь Пскову ⁸⁶⁸).

1369. Погорѣлъ Славенскій конецъ 12-го мая ⁸⁶⁹). — Осенью шло по
Волгѣ десять ушкуевъ, а нѣкоторые шли Камой; ихъ побили подъ Болга-
рами ⁸⁷⁰). Новгородцы два раза помогали псковичамъ противъ нѣмцевъ ⁸⁷¹).

1370. Новгородцы съ псковичами ходили къ Новому городку нѣмец-
кому, но не взявъ его ушли назадъ ⁸⁷²). — Новгородцы два раза шли Волгой
и сдѣлали много зла ⁸⁷³).

1371. Новгородскій посадникъ Юрій Ивановичъ, Сплѣвестръ Леонтье-
вичъ, тысяцкій Елисей и Александръ Колывановъ ѣздили на съѣздъ и
заключили миръ съ нѣмцами подъ Новымъ городкомъ нѣмецкимъ. — Пого-
рѣлъ весь Торжокъ ⁸⁷⁴). — Ушкуйники, новгородскіе разбойники, взяли
Кострому. — Михаилъ Александровичъ тверскій взялъ въ числѣ другихъ
городовъ Бѣжецкій Верхъ ⁸⁷⁵).

1372. Новгородцы выгнали изъ Торжка тверскихъ намѣстниковъ, за
что Михаилъ Александровичъ ужасно наказалъ городъ и гражданъ ⁸⁷⁶).

1373. Въ Новгородъ прибылъ кн. Владиміръ Андреевичъ (по сборѣ
за недѣлю... Соборъ арх. Гавріила 26-го марта), сидѣлъ тамъ до Петрова

865) Ibid. III, 88; IV, 65; V, 230; VIII, 14; Никон. лѣт. IV, 12—13. См. стр. 96—97.

866) См. стр. 97.

867) См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

868) П. С. Р. I, 231; III, 89; V, 231; VIII, 16 (подъ 1369 г.); Никон. лѣт. IV, 23.

869) Ibid. III, 89; VIII, 16. Ср. 1368 годъ.

870) Ibid. IV, 66.

871) Ibid. IV, 192. См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

872) Ibid. III, 89; IV, 66. Въ Псковской второй (V, 16) сказано, что новгородцы пошли
на помощь Пскову противъ нѣмцевъ, но съ дороги воротились домой.

873) Ibid. IV, 66; Никон. лѣт. IV, 23—24 (подъ 1369, ходили къ нѣмецкому гор. Орѣшку
и новому городку нѣмецкому).

874) Ibid. III, 89; IV, 66.

875) Ibid. VIII, 18. Никон. лѣт. IV, 30.

876) Ibid. I, 232 (подъ 1373); III, 89; IV, 68; V, 232; VIII, 19—20 (то же); XV, 431.
Никон. IV, 34. Подробности см. во II-ой части въ Біографіи Михаила Александровича
тверскаго.

дня и ушелъ обратно ⁸⁷⁷). — Апрель 20-го, на святой недѣлѣ, новгородцы Усь и Яковъ Глазачъ выкопались изъ погребѣ и убѣжали изъ Твери ⁸⁷⁸).

1374. Поставлена церковь Спаса на Ильиной улицѣ ⁸⁷⁹). — Погорѣлъ весь Юрьевъ монастырь ⁸⁸⁰).

1375. Новгородцы принимали участіе въ походѣ в. кн. Димитрія Ивановича на Тверь ⁸⁸¹). — Во время похода на Тверь, 70 новгородскихъ ушкуевъ подъ предводительствомъ новгородца Прокопія и одного смоленянина пошли къ Костромѣ съ намѣреніемъ взять городъ; новгородцевъ было около полуторы тысячи; противъ нихъ вышло до пяти тысячъ костромичей съ воеводой Плещеевымъ; хитрость дала перевѣсъ новгородцамъ: они раздѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна ударила на костромичей съ фронта («въ лице»), а другая, бывшая въ засадѣ, незамѣтно пробравшись мелкимъ можжевельнымъ кустарникомъ, ударила въ тылъ: воевода бѣжалъ, а за нимъ и костромичи, которыхъ били и брали живьемъ; беззащитный городъ, въ которомъ новгородцы пробыли недѣлю, былъ разграбленъ въ конецъ; все, что можно, было взято, а прочее брошено или въ огонь, или въ Волгу. Затѣмъ ушкуйники взяли, пограбили и зажгли Нижній-Новгородъ, отъ котораго, забравши тамъ полонъ, повернули въ Каму, гдѣ также грабили. Изъ Камы они опять вернулись въ Волгу, дошли до г. Болгаръ, продали тамъ весь христіанскій полонъ, безъ различія пола и возраста, бесерменамъ и пошли къ Сарая, грабя по дорогѣ христіанъ-гостей и избивая бесерменъ. Наконецъ, ушкуи дошли до Астрахани (Хазьторокана) и здѣсь поплатились за всѣ свои дѣянія: астраханскій князь Салчей, притворяясь другомъ ихъ, пригласилъ ихъ на пиръ, напоилъ до-пьяна и приказалъ перерѣзать всѣхъ ⁸⁸²). — Семидесятская Корела поставила Новый городокъ. — Били стригольниковъ: дьякона Никиту, дьякона Карпа и еще кого-то

877) Ibid. III, 90; Никон. лѣт. IV, 36.

878) Ibid. X, 433; Никон. лѣт. IV, 37.

879) Ibid. III, 90.

880) Ibid. IV, 69.

881) Ibid. III, 90; IV, 70—71; V, 235; VIII, 23; XV, 434; Никон. лѣт. IV, 43. Подробности см. на 106—107 стр.

882) Ibid. IV, 71; VIII, 23; XV, 435—436. Никоновская лѣт., передавая этотъ эпизодъ, подъ предыдущимъ годомъ (1374) передаетъ подобный же эпизодъ и также объ ушкуйникахъ, не опредѣляя, впрочемъ, какіе это ушкуйники. Соединилось, говорится въ лѣтописи, девяносто ушкуевъ съ ушкуйниками-разбойниками, которые пошли за Вятку; Вятку пограбили, пришли въ Болгары и хотѣли зажечь городъ, но взяли только окупъ въ 300 рублей; отсюда пятьдесятъ ушкуевъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сарая, а сорокъ—вверхъ; эти послѣдніе пограбили все Засурье (въ подлинникѣ — Зарусіе) и Марквашъ; перешли Волгу, суда всѣ пожгли, а сами пошли на коняхъ къ Вяткѣ и пограбили много селъ и волостей по Ветлугѣ (Ник. лѣт. IV, 38).

третьяго и сбросили съ моста въ Волховъ⁸⁸³). — Зимой владыка Алексій добровольно оставилъ святительскую кафедру и удалился въ Деревяницкій монастырь. Новгородцы чрезъ пословъ, архим. Савву, Максима Никифоровича и другихъ бояръ, просили митрополита, — «чтобы благословилъ сына своего владыку Алексѣа въ домъ святыа Софіа на свои святительскій степень». Митрополитъ удовлетворилъ эту просьбу. Новгородцы съ вѣча, собравшагося на Ярославовомъ дворѣ, послали къ владыкѣ съ челобитьемъ намѣстника великаго князя, Ивана Прокшинича, посадника Юрія и тысяцкаго Елисея и другихъ бояръ и добрыхъ мужей: владыка принялъ челобитье и пошелъ въ домъ св. Софіи 9-го марта⁸⁸⁴).

1376. Августа 13-го владыка Алексій, а съ нимъ архим. Савва, Юрій Никифоровичъ, Василій Козмичъ, Василій Ивановичъ и другіе бояре пошли къ митрополиту, у котораго владыка пробылъ двѣ недѣли. Митрополитъ, великій князь и Владиміръ Андреевичъ отпустили владыку, какъ и приняли, съ честію, и онъ возвратился въ Новгородъ 17-го октября. — Зимой митрополитъ Кипріанъ прислалъ изъ Литвы своихъ пословъ съ патріаршими грамотами и съ извѣстіемъ, что патріархъ Филоеѣй поставилъ его, Кипріана, митрополитомъ на всю Русскую землю. Новгородцы сказали, что если его признаетъ митрополитомъ всей Руси великій князь, то онъ будетъ митрополитомъ и для Новгорода. Но митрополитъ послѣ такого отвѣта не обращался въ Москву⁸⁸⁵).

1377. «Люди молодыи» ходили изъ Новгорода къ Новгородку нѣмецкому, подъ которымъ стояли много дней, взяли весь посадъ, «волюсть всю потравиша» и, забравъ большой полонъ, возвратились въ Новгородъ; съ ними ходили: воевода Иванъ Ѳедоровичъ Валитъ, Василій Борисовичъ, Максимъ Ананьевичъ⁸⁸⁶).

1378. Поставлена церковь Нерукотвореннаго образа на Добрыниной улицѣ⁸⁸⁷).

1379. Зимой пріѣхалъ въ Новгородъ литовскій князь Юрій Наримонтовичъ⁸⁸⁸).

1380. Владыка Алексій, по челобитью всего Новгорода, со многими боярами (перечень ихъ) и житыми людьми пошелъ (за недѣлю до Цвѣтной недѣли, т. е. недѣли Ваіи) «на Низъ», и великій князь «принялъ ихъ въ лю-

883) Ibid. IV, 71.

884) Ibid. III, 90; VIII, 24 (подъ 1376 г.).

885) Ibid. III, 90—91; IV, 72; VIII, 25.

886) Ibid. III, 91; V, 235.

887) Ibid. III, 91.

888) Ibid. III, 91.

бовъ», а къ Новгороду крестъ цѣловаль на всей старинѣ новгородской и на старыхъ грамотахъ» ⁸⁸⁹).

1381. Полочане просили у новгородцевъ помощи противъ подошедшаго осенью къ Полоцку литовскаго князя Скиргайла и нѣмцевъ; но помощи новгородцы не подали, а только отправили къ в. кн. литовскому Ягайлу посла Юрія Никифоровича, и литовцы съ нѣмцами ушли, не взявши города, «заступи бо Софіа свои домъ» ⁸⁹⁰).

1382. При нашествіи Тохтамыша на Москву, мать и жена Владиміра Андреевича Храбраго пріѣхали въ Торжокъ, а коломенскій владыка Герасимъ—въ Новгородъ ⁸⁹¹)... Въ Новгородъ пришелъ изъ Царьграда суздальскій владыка Діонисій съ благословеніемъ и грамотами отъ патріарха Нила. По повелѣнію владыки Алексія онъ ходилъ во Псковъ и поучалъ тамъ народъ Закону Божию ⁸⁹²). Въ грамотахъ патріархъ говорилъ «о проторехъ, иже на поставленіяхъ», поучалъ Закону Божию, отвращалъ людей отъ соблазна и ереси стригольниковъ, а иныя поученія вмѣсто себя приказалъ говорить Діонисію, который исполнилъ это и въ Новгородѣ и въ Псковѣ, «и устави (остановилъ) мятежи и соблазны о проторехъ: ино бо есть мзда и ино проторы и исторы на поставленіяхъ» ⁸⁹³).

1383. Въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Патрикій Наримонтовичъ, внукъ Гедимины, и новгородцы дали ему въ кормленіе пригороды: Орѣховъ, Корельскій городокъ, половину Копорья и село Лужское ⁸⁹⁴).

1384. Жители городковъ, данныхъ кн. Наримонту, пріѣхали въ Новгородъ съ жалобой на своего князя, «налеганіе люто сказующе отъ него», а кн. Наримонтъ поднялъ Славно и привелъ Новгородъ въ смятеніе: жители Славна, стоя за князя, составили вѣче на Ярославовомъ дворѣ, другое вѣче собралось у св. Софіи, и на обоихъ вѣчахъ всѣ были въ оружіи, какъ бы готовясь на рать (подробно о раздорахъ и сношеніяхъ между концами). Но Богъ ублюлъ отъ усобной рати, и примирившись новгородцы отняли у Наримонта пригороды и дали ему Русу и Ладогу. — Новгородцы поставили на Ямѣ, на р. Лугѣ, каменный городъ (Ямбургъ) въ 33 дня ⁸⁹⁵).

1385. Погорѣла вся Торговая сторона ⁸⁹⁶). — Митрополитъ Пимень

889) Ibid. III, 91.

890) Ibid. III, 92; IV, 83.

891) Ibid. III, 92; IV, 83.

892) Ibid. III, 92.

893) Никон. лѣт. IV, 130.

894) П. С. Р. Л. III, 93; IV, 90; Никон. лѣт. IV, 143.

895) Ibid. III, 93; IV, 90; V, 239; Никон. лѣт. IV, 144.

896) Ibid. III, 93.

пошелъ въ Царьградъ чрезъ Новгородъ, и новгородцы «не дали (ему) мѣсяца судити въ Новѣгородѣ»⁸⁹⁷). — Великій князь послалъ въ Новгородъ брать черный боръ (подать съ черныхъ людей) бояръ своихъ: Ѳедора Свибла, Ивана Уду и Александра Белеута, и черный боръ они собрали. — Зимой посадникъ Ѳедоръ Тимоѣевичъ и Богданъ Аввакумовичъ собрали вѣче, на которомъ постановили: не ходити въ Москву на судъ къ митрополиту, а судиться у своего владыки и пр.⁸⁹⁸).

1386. Послѣ Пасхи погорѣлъ г. Орѣховъ. Походъ в. кн. Дмитрія Ивановича на Новгородъ⁸⁹⁹). — Епископъ пермскій Стефанъ Храпъ ходилъ въ Новгородъ Великій⁹⁰⁰).

1387. Владыка Алексій благословилъ новгородцевъ ставить каменный городъ Порховъ⁹⁰¹).

1388. Владыка Алексій, не смотря на молебны новгородцевъ, оставилъ святительскую каедрѹ. Мая 7-го, въ четвертокъ на Вознесенье, по жребію избранъ былъ на его мѣсто игумень Хутынского Спасскаго монастыря Іоаннъ. — «Наваженіемъ діаволимымъ» три конца Софійской стороны возстали на посадника Осипа Захарьевича, созвонили вѣче у св. Софіи и пошли на его дворъ въ оружіи: взяли домъ его, и хоромы его разметали; Осипъ бѣжалъ за рѣку, въ Плотницкій конецъ; за него встала вся Торговая сторона, и смятеніе и безмирье продолжалось двѣ недѣли; наконецъ, примирившись дали посадничество Василю Ивановичу. — Декабря 8-го игумень Іоаннъ съ избранными боярами пошелъ въ Москву на поставленіе; пришелъ туда 10-го января, 17-го — поставленъ, а 7-го февраля возвратился въ Новгородъ, и съ радостью встрѣченъ былъ посадникомъ Василемъ Ивановичемъ, тысяцкимъ Григоріемъ Ивановичемъ и всѣмъ Новгородомъ⁹⁰²). — Лугвеній — Семенъ Ольгердовичъ прислалъ въ Новгородъ пословъ съ заявленіемъ, что онъ желаетъ сидѣть на тѣхъ городкахъ, на которыхъ сидѣлъ Наримонтъ⁹⁰³).

1389. Въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Семенъ Ольгердовичъ на Успеніе

897) Ibid. V, 239. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что митрополитъ хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ не во-время: для митрополитскаго суда были назначены опредѣленные сроки.

898) Никон. лѣт. IV, 144—145; П. С. Р. Л. VIII, 49.

899) Ibid. III, 93, 133; IV, 93; V, 240—241; VIII, 50—51; XV, 444; Никон. лѣт. IV, 149—150. Подробности см. на 120 стр.

900) Никон. лѣт. IV, 149. Въ этой лѣтописи событія 1386 г. перечисляются въ обратномъ порядкѣ.

901) П. С. Р. Л. III, 94; IV, 95. Ник. лѣт. IV, 154.

902) Ibid. III, 94, 133; IV, 95; VIII, 52; Никон. лѣт. IV, 156.

903) Ibid. IV, 95.

Божіей матери и принять былъ съ честію. — Зимой, февраля 3-го, скончался владыка Алексій⁹⁰⁴).

1390. На Великомъ княжествѣ сѣлъ Васплій Димитріевичъ. Новгородцы послали къ нему пословъ Юрія Семеновича, Абрама Внука и Киприлла Адриановича, которые докончали миръ по старинѣ, и великій князь послалъ въ Новгородъ намѣстника своего, Евстафія Сыгу. — Новгородцы ходили на сѣздъ съ нѣмцами, но мира не заключили. — Ходили съ Семеномъ Ольгердовичемъ ратью на Псковъ, но псковичи добили челомъ, и новгородцы заключили съ ними миръ. — Въ Новгородѣ былъ моръ⁹⁰⁵). — Бояре великаго князя, Александръ Поле, Александръ Белеутъ и Селиванъ, приѣхали въ Новгородъ изъ Нѣмецкой земли съ княж. Софьей Витовтовной⁹⁰⁶).

1391. Пожары 5-го и 21-го іюня произвели большое опустошеніе въ Новгородѣ, и новгородцы взяли съ полатей св. Софіи изъ денегъ, скопленныхъ владыкой Алексіемъ, пять тысячъ серебра и роздали пяти концамъ по тысячѣ. — Осенью новгородцы отправили въ Изборскъ на сѣздъ съ нѣмцами посадниковъ: Богдана Аввакумовича и Ѳедора Тимофеевича, тысяцкаго Осипа Ѳалалеевича, Василия Борисовича и купцовъ; нѣмцы же пришли изъ-за моря изъ Любека, съ Готскаго берега (Готланда), изъ Риги, Юрьева, Колывани и многихъ другихъ городовъ. Миръ былъ заключенъ. Въ ту же зиму въ Новгородъ пришли нѣмецкіе послы и, по цѣлованіи креста къ Новгороду, начали ставить дворъ свой съизнова, такъ какъ семь лѣтъ не было крѣпкаго мира. — Февраля 11-го въ Новгородъ приѣхалъ митрополитъ Кипріанъ; онъ пробылъ тамъ двѣ недѣли и постоянно говорилъ новгородцамъ, чтобы они уничтожили ту грамоту, по которой они не хотѣли ѣздить къ митрополиту на судъ въ Москву, — но новгородцы грамоты не уничтожили, и митрополитъ уѣхалъ изъ Новгорода, «на новгородцевъ великое нелюбіе држа»⁹⁰⁷). — Между новгородцами и псковичами произошелъ раздоръ (рагоза), и новгородцы пошли къ Пскову ратью, но помирились⁹⁰⁸).

1392. Съ моря пришли разбойники—нѣмцы въ Неву и взяли села по обѣимъ сторонамъ вдоль рѣки, не доходя пяти верстъ до Орѣшка. Князь Семенъ (Лугвеній Ольгердовичъ) съ гражданами (Орѣшка) настигъ разбой-

904) Ibid. III, 95, 134, 232; IV, 96; VIII, 60; Никон. лѣт. IV, 158 (подъ 1388 г.).

905) Ibid. III, 95, 232; IV, 97; V, 244, VIII, 61. Никон. IV, 158 (подъ 1389 г.), 194.

906) Ibid. V, 244; VIII, 61; Никон. IV, 194—195 (подъ 1391 г.).

907) Ibid. III, 95—96; IV, 98; V, 244; XV, 446; Никон. IV, 200—202. Подъ этимъ годомъ въ Никон. лѣт. есть извѣстіе, котораго нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, о походѣ новгородцевъ и устюжанъ р. Вяткой къ Жукотину и Казани, о чемъ въ VIII, 61 говорится подъ 1392; другія лѣтописи объ этомъ не говорятъ. См. прим. 912.

908) Ibid. IV, 194; V, 17. См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

никовъ, однихъ пзъ нихъ перебилъ, другихъ разогналъ и привелъ въ Новгородъ языка; затѣмъ, оставивъ городокъ, князь уѣхалъ въ Литву⁹⁰⁹). — Новгородцы послали въ Царьградъ пословъ къ патріарху Антонію за благословеніемъ; патріархъ сказалъ имъ: «повинуйтесь митрополиту русскому»⁹¹⁰). — Въ іюнѣ умеръ посадникъ Василій Ѳеодоровичъ, а осенью — посадникъ Михаилъ Даниловичъ⁹¹¹). — Зимой великій князь прислалъ въ Новгородъ пословъ своихъ, Ивана Всеволожскаго (Всеволожича) и Данила Тимошеевича съ требованіемъ чернаго бора, княжчинъ и подсудности митрополиту, но Новгородъ не исполнилъ этого требованія и потому у него учинилось розмирье съ низовцами⁹¹²). — Въ Новгородъ пришли нѣмецкіе послы и заключили миръ, а новгородцы «псковичъ вымирили вонъ», почему Псковъ заключилъ съ нѣмцами миръ особо⁹¹³).

1393. Въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Константинъ бѣлозерскій. — Новгородцы и великій князь въ розмирьѣ опустошаютъ другъ у друга волости⁹¹⁴). — На Литовскомъ великомъ княжествѣ сѣлъ Витовтъ Кейстутевичъ, съ которымъ новгородцы взяли миръ по старинѣ⁹¹⁵).

1394. Новгородцы ратью ходили къ Пскову, въ которомъ былъ тогда кн. Андрей Ольгердовичъ съ сыномъ Иваномъ, и стояли подъ городомъ недѣлю; тогда убили подъ Ольгиной горой въ «заѣздѣ» князя Ивана копорскаго и Василя Ѳеодоровича. Послѣ того новгородцы отступили безъ мира. Въ то время новгородцы отняли посадничество у Осипа Захаревича, на мѣсто котораго выбрали Богдана Аввакумовича. — Псковскій князь Андрей Ольгердовичъ приходилъ въ Новгородъ съ псковскими послами, но ушелъ обратно, не заключивши мира⁹¹⁶). — Отъ митрополита Кипріяна пріѣхалъ бояринъ Дмитрокъ просить серебра 350 рублей по случаю поѣздки новгородскихъ пословъ, Кира Созонова и Василя Щечкина (въ

909) Ibid. III, 96; IV, 99; Никон. IV, 241.

910) Ibid. IV, 99;

911) Ibid. III, 96.

912) Ibid. IV, 99; V, 245 (подъ 1393 годомъ); VIII, 61; Ник. IV, 251 (подъ 1393 г.). Въ послѣдней тутъ же говорится о томъ, что новгородцы, устюжане и пр. пошли Вяткой и взяли Жукотинъ и Казань, вышли въ Волгу и пограбили всѣхъ гостей; далѣе говорится, что митрополитъ Кипріянъ съ рязанскимъ владыкой Іоанномъ принималъ въ Новгородѣ дары и угощенія и просилъ суда своего. О розмирьѣ см. стр. 128.

913) Ibid. IV, 194.

914) Ibid. V, 245. См. подробности о розмирьѣ на 128—129 стр.

915) П. С. Р. Л. III, 96; IV, 99—100; VIII, 63. Во второй изъ указанныхъ лѣтописей говорится сначала о вокняженіи Витовта, а потомъ уже о розмирьѣ Новгорода съ великимъ княземъ.

916) Ibid. III, 96; IV. 100, 194 (новгородцы пришли къ Пскову августа 1); V, 246; VIII, 64; Никон. IV, 255.

1392 г.), въ Царьградъ къ Патріарху «о благословеніи». Новгородцы дали ему серебро⁹¹⁷⁾.

1395. Въ Новгородъ пріѣхалъ митрополитъ Кипріанъ съ патріаршимъ посломъ⁹¹⁸⁾; псковичи присылали къ нему пословъ съ поминками⁹¹⁹⁾. — Шведы приходили къ новому городку Ямѣ, но ушли обратно. Князь Константинъ (бѣлозерскій?) съ горожанами нѣкоторыхъ изъ нихъ побилъ, а другіе успѣли бѣжать⁹²⁰⁾.

1396. Нѣмцы (шведы) пришли въ Корельскую землю и повоевали два погоста; кн. Константинъ погнался за ними, но поймалъ только одного языка и отослалъ его въ Новгородъ^{920a)}.

1397. Новгородъ въ розмирьѣ съ Витовтомъ и вел. кн. Васиціемъ Дмитріевичемъ, который посылаетъ воеводъ своихъ въ Заволочье⁹²¹⁾.

1398. Новгородцы просятъ у владыки Іоанна благословенія «поискати святѣи Софіи пригородовъ и волостей», которыя отняли у нихъ великій князь, и отправляются въ походъ⁹²²⁾. — Въ Новгородъ пришли псковскіе послы: кн. Григорій Евстафьевичъ, посадники Сисой и Романъ и Филиппъ Козачковичъ и били челомъ владыкѣ, чтобы онъ приказалъ дѣтямъ своимъ (новгородцамъ) отложить нелюбіе къ псковичамъ, и по слову владыки новгородцы примирились съ псковичами. — Въ Новгородъ пришли князья Васицій Ивановичъ смоленскій и Патрикій Наримонтовичъ, которыхъ новгородцы приняли съ честію^{922a)}.

1399. Витовтъ прислалъ въ Новгородъ разметную грамоту⁹²³⁾. — Въ Новгородъ прибылъ братъ великаго князя Андрей Дмитріевичъ⁹²⁴⁾. — Яковъ Прокофьевъ преслѣдовалъ Анфала (Никитина, двинскаго боярина) съ 700 человекъ и пригналъ къ Устюгу, гдѣ былъ въ то время ростовскій владыка Григорій и кн. ростовскій Юрій Андреевичъ; Яковъ спросилъ владыку и князя, стоятъ ли они за Анфала, и, получивъ отрицательный

917) Ibid. IV, 100.

918) См. стр. 133.

919) II. С. Р. Л. IV, 194; Никон. IV, 255.

920) Ibid. III, 97; Никон. IV, 257.

920a) Ibid. III, 97; Никон. IV, 266.

921) Подробности см. на стр. 132—135.

922) См. тамъ же.

922a) Никон. лѣт. IV, 271—272.

923) См. стр. 135.

924) II. С. Р. Л. III, 100; Никон. IV, 278 говоритъ, что владыка Іоаннъ побудилъ новгородцевъ взять миръ съ великимъ княземъ, который, примирившись, и прислалъ въ Новгородъ брата Андрея. Таже лѣтопись, въ слѣдъ за тѣмъ, прибавляетъ, не выставляя никакихъ обстоятельствъ, что кн. Романъ Юрьевичъ (литовскій) убитъ на Шелонѣ.

отвѣтъ, пустился въ дальнѣйшій путь ⁹²⁵). — Витовтъ разорвалъ миръ съ Василіемъ Дмитріевичемъ, Новгородомъ и Псковомъ ⁹²⁶).

1400. Осенью новгородскіе послы ѣздили въ Литву и взяли миръ съ Витовтомъ по старинѣ ⁹²⁷).

1401. Владыка Іоаннъ поѣхалъ въ Москву. — Великій князь опять начинаетъ войну съ Новгородомъ въ Заволочѣ ⁹²⁸).

1402. Новгородцы взяли миръ съ Юріемъ смоленскимъ ⁹²⁹). — Владыка Іоаннъ поѣхалъ въ Москву къ митрополиту, и митрополитъ принялъ его у себя, но въ Новгородъ не отпустилъ. — Великій князь разорвалъ миръ съ новгородцами ⁹³⁰).

1403. Въ Новгородѣ погорѣло нѣсколько концовъ ⁹³¹). — Юрій Святославовичъ смоленскій принялъ псковскихъ гостей (въ Смоленскѣ) и отнялъ у нихъ товаръ, а самихъ держалъ до полулѣта; но послы псковскіе и новгородскіе пришли и высвободили ихъ; они воротились пѣшкомъ, такъ какъ кони и товаръ у нихъ отняты были ⁹³²).

1404. Іюля 15-го въ Новгородъ прибылъ владыка Іоаннъ, пробывшій у митрополита Кипріяна около трехъ съ половиной лѣтъ. — Изъ Москвы ⁹³³) пріѣхалъ въ Новгородъ кн. Юрій Святославичъ смоленскій, и новгородцы дали ему тринадцать городовъ (перечень ихъ въ IV, 106 — 107); по этому случаю Юрій цѣловалъ крестъ къ Новгороду «и въ животъ и въ смерть», а къ нему цѣловали крестъ за весь Новгородъ посадникъ Александръ Оомичъ и тысяцкій Кирилъ Дмитріевичъ ⁹³⁴).

1405. Скончался посадникъ Василій Ивановичъ. — Витовтъ взялъ псковскій пригородъ Коложе на миру ⁹³⁵). Псковичи жаловались на это Новгороду, и новгородцы послали на Литву войска съ воеводами: Алексан-

925) См. біографію Юрія Андреевича во II-мъ томѣ, въ главѣ о князьяхъ ростовскихъ.

926) П. С. Р. Л. IV, 195; V, 18 (подъ 1400 г.).

927) Ibid. III, 101; Никон. IV, 298.

928) См. подробности на стр. 136 и слѣд. Въ Никоновской лѣтописи (IV, 301) подъ тѣмъ же годомъ находимъ извѣстіе о бывшемъ въ Москвѣ соборѣ изъ 9 епископовъ. На этомъ соборѣ новгородскій владыка Іоаннъ, какъ и луцкій Савва, «отписася... своея епискупьи». Митрополитъ Кипріянъ запретилъ имъ уѣзжать изъ Москвы, «бѣ бо на нихъ брань возложилъ Кипріянъ митрополитъ за нѣкія вещи святительския, да не точию сами полезное и спасеное обрящутъ, но и нѣмъ полезное и спасеное будетъ».

929) П. С. Р. Л. III, 101; IV, 144; Никон. IV, 207 (подъ 1403 г.).

930) Ibid. IV, 196.

931) Ibid. III, 101.

932) Ibid. IV, 196.

933) См. стр. 139.

934) П. С. Р. Л. III, 102, 134; IV, 106—107, 196; V, 252—253; XV, 471; Никон. IV, 310.

935) Ibid. III, 102; IV, 18; V, 254; VI, 132; Никон. 310 (подъ 1404 г.).

дромъ Константиновичемъ, Аѳанасіемъ Осиповичемъ, сыномъ посадника, и Ѳомой Трощейкинымъ, которые прибыли во Псковъ, но псковичи воротили ихъ назадъ, а сами на крестномъ цѣлованіи повоевали новгородскія волости, Луки и Ржеву⁹³⁶).

1406. Въ Новгородъ прибылъ братъ великаго князя Петръ Димитріевичъ въ помощь противъ Литвы и пробылъ тамъ полторы недѣли. — Осенью Юрій Святославичъ уѣхалъ изъ Новгорода въ Москву къ великому князю, который далъ ему Торжокъ, гдѣ Юрій убилъ князя Семена Мстиславича Вяземскаго⁹³⁷) и жену его Ульяну⁹³⁸).

1407. Новгородцы приняли кн. Даніила и брата его Юрія Александровичей (ростовскихъ) и дали имъ г. Порховъ⁹³⁹). — Новгородцы отказались помогать псковичамъ противъ нѣмцевъ⁹⁴⁰). — Въ Новгородъ пріѣхалъ Семень (Лугвеній) Ольгердовичъ⁹⁴¹), которому Новгородцы дали тѣ же города, на которыхъ онъ и прежде сидѣлъ⁹⁴²).

936) Ibid. IV, 18, 197 (подъ 1406 г.); V, 19, 254. Тверская лѣтопись (XV, 471) подъ 1404 г. взятію псковскаго пригорода Коложе предпосылаетъ причину этого взятія. Витовтъ, по этой лѣтописи, жаловался Василию Димитріевичу, что онъ держитъ Юрія въ подручномъ ему Новгородѣ; Василий отвѣтилъ, что князь смоленскій живетъ тамъ безъ его вѣдома. Тогда Витовтъ обратился къ Новгороду съ такой рѣчью: «Живете со мною мирно, яко же преже, ибо Юрій много ми зла сѣтвори и врагъ ми, (ны)нѣ же у васъ есть; да ли (и)мѣете его у себе, или поставите на судѣ». И въ томъ, и въ другомъ новгородцы отказали Витовту. Послѣдній послалъ спросить псковичей, заодно ли они стоятъ съ новгородцами относительно Юрія, и получилъ отвѣтъ: «едино есмы». Тогда-то разгнѣванный Витовтъ пошелъ на Новгородъ и Псковъ, взялъ псковскіе города, взялъ Коложе и многія мѣста поплѣнилъ. Это было въ февралѣ. По этому случаю съ Витовтомъ заратился вел. кн. Василий. — Псковская первая (IV, 197), говоря подъ 1406 г. о разрывѣ Витовта съ Новгородомъ и Псковомъ и взятіи г. Коложе, добавляетъ, что новгородцы не оказали псковичамъ никакой помощи, что псковичи просили ихъ идти на Литву, а они отговаривались тѣмъ, что ихъ не благословилъ владыка, а Новгородъ не указалъ, и предлагали идти съ псковичами на нѣмцевъ. Псковская вторая (V, 19), также подъ 1406 г., нѣсколько иначе передаетъ этотъ эпизодъ. Сказавши о взятіи Витовтомъ г. Коложе 5 февраля, она говоритъ, что 28-го февраля посадникъ Юрій Козачковичъ, взявши съ собой дружины охочихъ людей изъ Пскова, Изборска, Острова, Воронача и Вели, пошелъ съ ними и повоевалъ Ржеву и Луки; въ Великихъ Лукахъ взялъ и стягъ коложскій; затѣмъ псковичи обращаются къ новгородцамъ за помощью и пр.

937) См. стр. 139. Никон. лѣт. (V, 8) говоритъ объ отъѣздѣ Юрія подъ 1407 г. Та же лѣтопись передаетъ, что псковичи и новгородцы ѣздили къ великому князю жаловаться на его тестя Витовта и потому Василий послалъ къ псковичамъ брата своего Петра.

938) П. С. Р. Л. III, 102—103; IV, 109; V, 156; VI, 133; VIII, 81.

939) Ibid. IV, 109; Никон. V, 9. Юрій и Даніилъ Александровичи изъ князей ростовскихъ.

940) Ibid. IV, 198.

941) Псковская первая (IV, 198) даетъ такую обстановку появленію въ Новгородѣ Семена Ольгердовича: новгородцы отказались помогать псковичамъ противъ нѣмцевъ; псковичи пошли за Нарову, а новгородцы выпросили тогда у Витовта кн. Лугвенія, «а все то псковичемъ въ перечину». То же самое эта лѣтопись повторяетъ и подъ слѣдующимъ годомъ.

942) П. С. Р. Л. III, 103; IV, 109, 198; V, 20 (подъ этимъ и 1409 годами); Никон. V, 15

1408. Литовцы и нѣмцы воевали псковскія волости, коснулись и новгородскихъ, а новгородцы «о всемъ небрегоша»⁹⁴³). — Въ Новгородѣ приѣхалъ отъ брата своего намѣстникомъ кн. Константинъ Димитріевичъ⁹⁴⁴).

1409. Въ Новгородѣ умерли посадники Тимошей Юрьевичъ и Осипъ Захарьевичъ⁹⁴⁵). — По новгородскому повелѣнію псковичи взяли миръ съ Явтовомъ и нѣмцами⁹⁴⁶). — Новгородскій посадникъ Анфалъ ходилъ ратью на Болгары Камой и Волгой: Камой пошло сто насадовъ, а Волгой — полтора; на камскіе насады, пришедшіе раньше волжскихъ, напали татары и побили людей, а Анфала схватили и отвели въ орду⁹⁴⁷).

1410. Псковичи заключили миръ съ нѣмцами «по псковской волѣ, по новгородскому докончанью: что были новгородцы имали миръ въ первое розратье со псковичи съ одного, а нынѣ безъ Новгорода», такъ какъ новгородцы не помогали псковичамъ⁹⁴⁸). — Скончался посадникъ Юрій Димитріевичъ⁹⁴⁹). — Заложили каменный городъ у Орѣшка около посада⁹⁵⁰). — Новгородцы начали торговать «лобци и гроши литовскими и артуги (шведскій Oertug) нѣмецкими, а куны отложиша» при посадникѣ Григоріи Богдановичѣ и тысячкомъ Василіи Оспповичѣ⁹⁵¹).

1411. Шведы пришли и взяли новгородскій пригородъ городокъ Корельскій; новгородцы съ кн. Семеномъ Ольгердовичемъ погнались за ними, пришли въ ихъ землю, повоевали и пожгли села, многихъ перебили и многихъ забрали въ полонъ, а у Выборга 26-го марта охабень (предмѣстье) взяли и пожгли (перечень участвовавшихъ въ походѣ воеводъ). — Заволочане, по повелѣнію Новгорода, ходили ратью на мурмановъ съ двинскимъ посадникомъ Яковомъ Степановичемъ⁹⁵²). — Зимой новгородскій владыка Іоаннъ поѣхалъ въ Москву къ митрополиту Фотію⁹⁵³).

1412. Князь Семень Ольгердовичъ уѣхалъ въ Литву, выведши изъ

(подъ 1409 г.); въ VI, 133 говорится о чудѣ преп. Варлаама, исцѣлившаго отъ болѣзни кн. Константина Димитріевича. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что другія лѣтописи еще только подъ 1408 годомъ говорятъ о приѣздѣ въ Новгородъ Константина.

943) Ibid. IV, 199; Никон. V, 13 (подъ 1409 г. октября 3).

944) Ibid. III, 103; IV, 110, 199; V, 257; Никон. V, 13 (въ декабрѣ).

945) Ibid. III, 103; IV, 111; Никон. V, 35 (подъ 1410 г.).

946) Ibid. V, 257. Ср. слѣдующій годъ.

947) Никон. лѣт. V, 29.

948) П. С. Р. Л. IV, 201.

949) Ibid. III, 104; IV, 112.

950) Ibid. IV, 112; VIII, 85; Никон. V, 42 (подъ 1411 г.).

951) Ibid. III, 104.

952) Ibid. III, 104, 235 (подъ 1412 г.); IV, 113; V, 258; VI, 139; VIII, 86; Никон. V, 41—42. По одному варианту Софійской первой и по Воскресенской лѣтописямъ шведы взяли пригородъ Корельскій, — по всѣмъ другимъ — Тиверскій, какого мы не знаемъ.

953) Ibid. III, 104; IV, 113 (подъ 1412); Никон. V, 47 (подъ 1413 г.).

новгородскихъ пригородовъ намѣстниковъ своихъ. Польскій король Ягайло, Витовтъ и Семенъ Ольгердовичъ 2-го января «вскинуша грамоты взметныи къ Новугороду»; они винили новгородцевъ въ томъ, что тѣ не сложили крестнаго цѣлованія къ нѣмцамъ; что они вывели изъ Новгорода Лугвенія, а съ нѣмцами взяли вѣчный миръ, какъ и со всѣми другими сосѣдями, «а вы — прибавили они — слова своего забывъ и не пздрѣжали, какъ были есте намъ ялися; а еще ваши люди намъ лаяли, насъ безчествовали и срамотилѣ и насъ погаными звалѣ»; кромѣ того, ставили новгородцамъ въ вину, что они приняли къ себѣ врага ихъ, Юріева сына Оедора (смоленскаго). Лугвеній съ своей стороны складывалъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, объясняя, что онъ не можетъ въ этомъ дѣлѣ отстать отъ своихъ братьевъ. Оедоръ Юрьевичъ говорилъ новгородцамъ: «Братия и друзи новгородцы! что мя есте въ безвереманіи моемъ держали у себя добротою своею и кормлениемъ, и сие вамъ Богъ воздастъ . . . вы о мнѣ нелюбиа съ Витовтомъ не держите», — и потомъ отѣхалъ къ нѣмцамъ «съ плачемъ и со многими слезами»⁹⁵⁴).—Псковичи взяли миръ съ новгородцами⁹⁵⁵).

1413. Князь Константинъ (Димитріевичъ) выѣхалъ (изъ Пскова) въ Новгородъ и, пробывши тамъ годъ, опять возвратился въ Псковъ⁹⁵⁶).—Въ Порховѣ поставили каменную церковь св. Николая при кн. Юріи⁹⁵⁷).

1414. Весной въ Литву отправились новгородскіе послы, посадникъ Юрій Никифоровичъ, сынъ посадника Аѳанасій Оедоровичъ и Оедоръ Трябло, и взяли миръ съ Витовтомъ, а съ нѣмцами разорвать мира не хотѣли; Витовтъ же съ нѣмцами мира не взялъ. — Ноября 15-го владыка Іоаннъ принялъ схиму, а 20-го января оставилъ владычній дворъ⁹⁵⁸).—Ярославъ Владиміровичъ отѣхалъ въ Литву⁹⁵⁹). — Умеръ посадникъ Кириль Димитріевичъ⁹⁶⁰).

1415. Скончался посадникъ Оеодосій Аввакумовичъ въ чернецахъ⁹⁶¹).—Новгородцы выбрали по жребію въ архіепископы Сампсона, чернеца Спасскаго Хутынскаго монастыря, и ввели его на владычній дворъ августа 11-го. Февраля 23-го Сампсонъ поѣхалъ (въ другихъ лѣтописяхъ—пріѣхалъ)

954) Ibid. III, 104; V, 258—259; VIII, 86; Никон. V, 47 (подъ 1413 г.).

955) Ibid. V, 22.

956) Ibid. IV, 22.

957) Никон. лѣт. V, 47. Здѣсь разумѣется, конечно, Юрій Александровичъ (изъ ростовскихъ князей). См. выше 1407 годъ.

958) П. С. Р. Л. III, 105; IV, 114; V, 259; VI, 140; VIII, 87; Никон. 55 (объ архіепископѣ подъ 1415 г.).

959) Ibid. VIII, 87.

960) Ibid. IV, 114; Никон. 56 (подъ 1415 г.).

961) Ibid. III, 106; Никон. V, 56.

въ Москву къ митрополиту съ боярамъ: Васпиємъ Аввакумовичемъ, тысяцкимъ Васпиємъ Оспповичемъ и тысяцкимъ Васпиємъ Игнатьевичемъ ⁹⁶²).

1416. Марта 22-го Сампсонъ, нарѣченный Симеономъ, поставленъ митрополитомъ Фотиємъ въ архіепископы Новгороду, куда возвратился 16-го апрѣля ⁹⁶³).

1417. Скончался посадникъ Юрій Никифоровичъ. — Іюня 24-го скончался владыка Іоаннъ. — Вышедши изъ Вятки, отчины великаго князя, бояринъ кн. Юрія (конечно, галицкаго) Глѣбъ Семеновичъ пустошитъ Заволочье ⁹⁶⁴). — Лѣтомъ и зимой былъ страшный моръ на людей въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Псковѣ и другихъ городахъ ⁹⁶⁵). — Новгородцы взяли миръ съ нѣмцами при посадникѣ Семенѣ Васильевичѣ и тысяцкомъ Козмѣ Терентьевичѣ ⁹⁶⁶).

1418. Въ Новгородѣ было сильное смятеніе. Нѣкто Степанко, схвативъ боярина Данила Ивановича, началъ кричать согражданамъ: «Господо! пособите ми тако на злодѣя сего!» Какъ злодѣя, потащили боярина къ народу «и казниша его ранами близъ смерти»; притащивши съ вѣча на мостъ, его сбросили въ Волховъ; желая боярину добра, одинъ рыбакъ взялъ его въ свой чолнъ, почему разъяренный народъ разграбилъ домъ этого рыбака. Бояринъ, «хотя безчестіе свое мстити», поймалъ своего врага и началъ мучить его. Народъ, узнавъ объ этомъ, созвонилъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ; затѣмъ разграбилъ домъ боярина Данила на Козмодемьянской улицѣ; перепуганные козмодемьянцы выдали Степанка, но разграбленія боярскихъ дворовъ не прекратились; разграбили даже загородный («въ полѣ») монастырь св. Николая, говоря: «здѣсь житницы боярскія», или: «намъ супостати суть». Послѣ того, какъ грабители получили отпоръ на Прусской улицѣ, они прибѣжали на свою Торговую сторону и начали кричать, что Софійская сторона хочетъ вооружиться на нихъ и разграбить ихъ дома; во всемъ городѣ начался звонъ; люди начали «сѣрыскыватися» на большой мостъ съ обѣихъ сторонъ въ вооруженіи, какъ бы на рать; были случаи убійства, «и отъ грозы тоя страшныя... встряся весь градъ». Со слезами молился Владыка Симеонъ въ храмѣ Софін, потомъ пошелъ во главѣ духовенства съ крестнымъ ходомъ на мостъ; съ воплемъ сопровождалъ его на-

962) Ibid. III, 106, 236 (подъ 1416 г.); IV, 114; V, 259; VIII, 88; Никон. V, 65 (подъ 1416 г.).

963) Ibid. I, 235; III, 106, 236; IV, 202; V, 260; VI, 140; VIII, 88; Никон. V, 66.

964) См. стр. 144.

965) П. С. Р. Л. III, 107, 135, 236 (о смерти архіепископа подъ 1416 г., а о моровомъ повѣтріи — подъ 1418 г., какъ и въ IV, 202); IV, 115; VIII, 89; Никон. V, 67—68.

966) Никон. лѣт. V, 68.

родъ. Услышали на Торговой сторонѣ о приходѣ владыки, и къ нему пришелъ поклониться посадникъ Ѳеодоръ Тимоѳеевичъ съ другими посадниками и тысяцкими; выслушавъ ихъ просьбы, владыка послалъ архимандрита Варлаама съ своимъ духовнымъ отцемъ и протодіакономъ на Ярославовъ дворъ преподавать благословеніе степенному посаднику Василю Осповичу и тысяцкому Козмѣ Терентьевичу, чтобы они шли по своимъ домамъ; тѣ пошли, и въ городѣ водворилась тишина ⁹⁶⁷). — Князь Ѳеодоръ Александровичъ и весь Псковъ послали въ Новгородъ посадника Николая Павловича, Андрея Ларивоновича и Данила Филтева, которые взяли съ Новгородомъ миръ по старинѣ ⁹⁶⁸).

1419. *Мая 1-го* погорѣли Славянскій и Плотницкій концы. — Умеръ посадникъ Иванъ Богдановичъ. — *Апрѣля 9-го* необыкновенная буря и гроза: многіе падали какъ мертвые, многіе онѣмѣли и пр. — Мурмане, въ количествѣ 500 человекъ, пришли въ бусахъ и шнекахъ и повоевали въ Варзугѣ Корельскій погостъ и много погостовъ (перечень) въ землѣ Заволоцкой. Заволочане однихъ побили, а другіе ушли въ море. — Изъ москвы пришелъ въ Новгородъ *26-го февраля* кн. Константинъ Димитріевичъ, которому новгородцы дали бывшіе за Лугвеніемъ Ольгердовичемъ пригороды «и боръ всеи волости Новгородской, коробеищину» ⁹⁶⁹). — Владыка Симеонъ ѣздилъ по Корельской землѣ «въ поѣздѣ своемъ». — Въ августѣ опять сталъ появляться моръ на людей въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ ⁹⁷⁰).

1420. Новгородцы начали (по Никон. л. въ октябрѣ) торговать серебряными деньгами, а артуги, которыми торговали девять лѣтъ, продали нѣмцамъ; прежде они торговали кунными лобками, а до кунныхъ лобковъ — бѣлыми и кунными мордками. — Въ Псковѣ и Новгородѣ въ ноябрѣ опять появился моръ на людей. — Осенью пришли въ Новгородъ нѣмецкіе послы отъ магистра Сильвестра: вельядскій кумендеръ Гостило (феллинскій командоръ Госвинъ), племянникъ гермейстера Тимоѳея и ругодивскій (нарвскій) воевода Еремѣйко (нарвскій фогтъ Германъ) и заключили миръ съ кн. Константиномъ и Новгородомъ на томъ, что магистру быть на съѣздѣ, а князю Константину и новгородцамъ послать на съѣздъ бояръ. Изъ Нов-

967) П. С. Р. Л. III, 107—108, 136; V. 261.

968) Ibid. V, 22.

969) Ibid. III, 108—109, 138; Никон. V, 71—74. См. біографію Константина во II-мъ томѣ въ главѣ объ Углицкихъ князьяхъ. — Что касается Варзуги, то мы знаемъ, что впоследствии въ XVI в. извѣстна была «Патриарша и розныхъ монастырей за моремъ волость Варзуга» на р. Варзугѣ, на Терскомъ берегу. См. «Извлеченія изъ переписныхъ книгъ», сост. Е. Е. Замысловскимъ. Спб. 1888, стр. 84.

970) Никон. лѣт. V, 75.

города отправились на съездъ: намѣстникъ великаго князя Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, бояринъ кн. Константина Андрей Константиновичъ и др., которые заключили вѣчный миръ по старинѣ, какъ было при вел. кн. Александрѣ Ярославичѣ и Юріи Даниловичѣ ⁹⁷¹⁾.

1421. Князь Константинъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Москву: архіепископъ, посадники, тысяцкіе и бояре одаривъ проводили его съ честью ⁹⁷²⁾, — а въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Ярославъ (Владиміровичъ?) изъ Литвы ⁹⁷³⁾.—Мая 19-го въ Новгородѣ было страшное наводнение: думали, что будетъ потопъ; притомъ же при громѣ и молніи ливень разразился обыкновеннымъ и каменнымъ градомъ.—Умерли два посадника, принявши иноческій образъ, Ѳеодоръ Тимофеевичъ и Александръ Ѳомичъ.—Іюня 15-го скончался архіепископъ Симеонъ. Новгородцы, обсудивъ дѣло на Ярославомъ дворѣ, пошли на вѣче къ св. Софіи, избрали по жребію Ѳеодосія, игумена Клопскаго Троицкаго монастыря, и ввели его на владычній дворъ сентября 30-го ⁹⁷⁴⁾. — Тверскій князь схватилъ новоторжскаго боярина Ивана Кумганца и сына его Ѳому, билъ ихъ и потомъ заточилъ въ новый городокъ ⁹⁷⁵⁾. — Встали два конца, Неревскій и Славенскій, за Климента Артемьевича про землю на посадника Андрея Ивановича и въ вооруженіи грабили дворъ его и дворы другихъ бояръ, убивъ при этомъ двадцать челоуѣкъ изъ пособниковъ Андрея, потомъ примирились ⁹⁷⁶⁾.

1422. Новгородцы цѣловали крестъ «за единъ братъ» ⁹⁷⁷⁾. — Въ послѣдніе два года былъ голодъ (въ Новгородѣ), между тѣмъ какъ въ Псковѣ много было стараго хлѣба. И пошли въ Псковъ (за хлѣбомъ) новгородцы, чудь, кореляне, важане, тверичи, москвичи и др. ⁹⁷⁸⁾.

1423. Въ Новгородѣ поставлено двѣ каменныхъ церкви ⁹⁷⁹⁾.

1424. Новгородцы 30-го ноября свели съ владычняго двора наречен-

971) П. С. Р. Л. III, 109; IV, 119; VI, 141; VIII, 90; Никон. V, 76 (подъ 1421 г.).

972) Ibid. III, 109; IV, 119; VI, 141; Никон. V, 76.

973) Ibid. VI, 141.

974) Ibid. III, 109—110, 140, 237; IV, 203; V, 23; VI, 141—142; VIII, 91; Никон. V, 78 (избраніе владыки подъ 1422 г.). Факты этого года въ разныхъ лѣтописяхъ передаются не въ одинаковомъ порядкѣ. Избраніе владыки въ однихъ лѣтописяхъ отнесено къ 30-му, въ другихъ — къ 1-му сентября; очевидно, переписчики перемѣшали церковно-славянскіе числительные знаки ѣ и ѿ, какъ схожіе по начертанію.

975) Ibid. IV, 120.

976) Ibid. III, 140; IV, 120; Никон. V, 78 (Иванъ Кумчанъ) подъ 1422 г.

977) Ibid. III, 140, т. е. въ Новгородской второй и въ Никон. V, 80, а въ Новгородской первой говорится о томъ же и такъ же неопредѣленно подъ 1421 въ-слѣдъ за извѣстіемъ о выборѣ владыки.

978) Ibid. III, 140; V, 23—24; Никон. V, 79 (отъ голода ѣли кошекъ, псовъ, кротовъ, мертвыхъ коней и даже люди людей).

979) Ibid. III, 110.

наго владыку Θεодосіа, говоря: «не хотимъ шестника владыкою», и ввели во дворъ избраннаго по жребію Емпиана, инока Деревяницкаго Воскресенскаго монастыря, духовника владыки. — Появился моръ на людей (железа и кровохарканіе) въ Новгородѣ, Корельской землѣ и въ Литвѣ⁹⁸⁰).

1425. Устюжане воевали Заволоцкую землю, почему новгородцы ходили на нихъ ратью къ Устюгу, взяли на нихъ окупъ въ 50,000 бѣлокъ и шесть сороковъ соболей⁹⁸¹). — Инокъ Емилианъ Брадатый, нареченный Евѳиміемъ, поставленъ митрополитомъ Фотіемъ въ архіепископы новгородскіе ноября 1-го⁹⁸²). — Новгородцы содѣйствуютъ примиренію псковичей съ Витовтомъ⁹⁸³).

1426. Витовтъ ратью пошелъ на Псковскую землю; псковичи просили помощи противъ него у новгородцевъ, но послѣдніе помощи не дали и отправили къ Витовту посла Александра Игнатьевича, который шелъ вмѣстѣ съ литовской ратью, былъ съ ней подъ Опочкой и Вороначемъ и отѣхалъ, не сдѣлавъ никакого добра псковичамъ. Витовтъ три недѣли стоялъ подъ Вороначемъ и ушелъ, не взявъ города. Псковичи заключили съ нимъ миръ безъ участія Новгорода⁹⁸⁴). — Въ Псковѣ, Новгородѣ, Торжкѣ и другихъ городахъ появился моръ на людей⁹⁸⁵).

1427. Владыка Евѳимій поставилъ церковь Спаса⁹⁸⁶).

1428. Витовтъ пришелъ ратью на Новгородскую землю и остановился около Порхова; порховичи на докончаньи дали ему пять тысячъ рублей серебра; потомъ изъ Новгорода пришли съ владыкой Евѳиміемъ посадники и тысяцкіе и дали еще пять тысячъ да владыка отъ себя далъ тысячу за полонъ. Эти деньги собраны были со всѣхъ новгородскихъ волостей и съ Заволочья, съ 10 человекъ по рублю. «Се вамъ стало за то, — сказалъ Витовтъ новгородцамъ, — что я называли естя измѣнникомъ и бражникомъ», и ушелъ домой⁹⁸⁷).

980) Ibid. III, 110; 140 (избраніе владыки подъ 1424 г.), 238; IV, 120, 203 (избраніе владыки и моръ въ Корелѣ подъ 1424 г.); Никон. V, 81 (то же).

981) Ibid. III, 110; IV, 120 (окупъ—8000 бѣлокъ).

982) Ibid. III, 120 (24 сентября 1424 г.), 238; IV, 203.

983) См. тотъ же годъ въ третьемъ прибавленіи.

984) П. С. Р. Л. III, 110; IV, 121, 204; V, 25; Никон. V, 92—93. См. также тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

985) Ibid. V, 24 и 263 (подъ 1425 г.); VI, 143; VIII, 93; Никон. V, 92.

986) Ibid. III, 110.

987) Ibid. III, 110, 141, 238 (по ошибкѣ сказано, что владыка далъ за полонъ не шестую тысячу, какъ въ другихъ лѣтописяхъ, а шесть тысячъ); IV, 121, 205 (Витовтъ разорвалъ миръ въ Петрово говѣнье, 16-го іюля пришелъ на Новгородскую волость, а 20-го къ нему пришли съ челобитьемъ); VI, 143; VIII, 94; Никон. V, 95. Въ послѣдней изъ указанныхъ лѣтописей передаются нѣкоторыя подробности этого эпизода. Витовтъ пошелъ на Новго-

1429. Ноября 1-го скончался владыка Евоемій, а ноября 13-го по жребію введенъ былъ на владычній дворъ священникъ Евоемій изъ Лпскаго монастыря⁹⁸⁸).

1430. Новгородцы прѣдѣлали къ гор. Порхову другую каменную стѣну⁹⁸⁹).

1431. У псковичей съ новгородцами не было ни мира, ни войны⁹⁹⁰).

1432. Осенью въ Новгородъ прѣѣхалъ изъ Литвы кн. Юрій Семеновичъ съ своей княгиней⁹⁹¹). — Псковичи послали въ Новгородъ для заключенія мира посадниковъ (перечень), но новгородцы не приняли псковскаго челобитья⁹⁹²).

1433. Нареченный владыка Евоемій поставилъ въ своемъ дворѣ палату, а дверей у нея — 30; эту палату дѣлали нѣмецкіе мастера вмѣстѣ съ новгородскими⁹⁹³).

1434. Великій князь Василій Васильевичъ 1-го апрѣля на Святой недѣлѣ прѣѣхалъ въ Новгородъ, по занятіи Москвы Юріемъ Димитріевичемъ галицкимъ⁹⁹⁴). — Апрѣля 5-го весь Новгородъ вышелъ въ поле къ Жилотугу (ручей) ратью на Зарѣцкую сторону; на Городищѣ тогда былъ великій князь Василій, «и не бысть новгородцемъ ничто же»⁹⁹⁵). — Апрѣля 11-го нарѣченный владыка Евоемій поѣхалъ въ Смоленскъ къ Митрополиту Герасиму, а 26-го апрѣля великій князь Василій пошелъ къ Москвѣ. — Мая 26-го Евоемій поставленъ въ новгородскіе архіепископы⁹⁹⁶). — Псковичи отправили въ Новгородъ для заключенія мира посадниковъ, Сильвестра Леонтьевича и Степана Родіоновича и другихъ бояръ; миръ состоялся: отъ Пскова цѣловали крестъ Сильвестръ и Степанъ, а отъ Новгорода — посад-

родскую землю съ пушками, тюфяками и пищальми; въ числѣ пушекъ была одна громадная подъ названіемъ *Галка*, которую везли на сорока лошадахъ, перемѣнявшихъ три раза въ день. Пришли подъ Порховъ. Пушечный мастеръ Николай похвалялся предъ Витовтомъ, что Галка разобьетъ не только городскую стрѣльницу, но и церковь св. Николая. Дѣйствительно, первый выстрѣлъ вырвалъ стрѣльницу изъ основанія и пробилъ переднюю и заднюю стѣны алтаря «и тако (выстрѣлъ) изыде паки изъ града» на Витовтовы полки, въ которыхъ оказались убитыми: полоцкій воевода, множество воиновъ и коней, а отъ мастера Николая ничего не осталось, ни тѣла, ни костей, — только полкабата осталось.

988) Ibid. III, 110, 141; IV, 206 (подъ 1430 г.); V, 263; Никон. V, 96 (подъ 1430 г.). По Никон. лѣт. вновь избранъ въ архіепископы священно-инокъ Евоемій «Слиесъ Горкіи».

989) Ibid. III, 110; Никон. лѣт. V, 93.

990) Ibid. V, 27.

991) Ibid. III, 111; Никон. V, 116 подъ 1433 г.

992) Ibid. IV, 206—208.

993) Ibid. III, 111; IV, 121.

994) Ibid. III, 111, 141; IV, 208; V, 28 (марта 31-го) 266; VIII, 99; Никон. V, 117.

995) Ibid. III, 111.

996) Ibid. III, 111, 238; IV, 208 (Евоемій возвратился изъ Смоленска 26-го мая).

никъ Сампсонъ Ивановичъ и тысяцкій Оедоръ Елисеѣвичъ, іюля 22-го ⁹⁹⁷). Въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Василій Юрьевичъ (Косой); осенью онъ выѣхалъ изъ Новгорода и на всемъ пути своемъ граблѣ по Мстѣ, Бѣжецкому Верху и Заволочью ⁹⁹⁸).

1435. Зимой Иванъ Васильевичъ и Григорій Кирилловичъ, новгородскіе посадники, тысяцкій Оедоръ Елисеѣвичъ и другіе новгородскіе бояре съ новгородцами, рушанами и порховичами (жителями Русы п Порхова) пошли и пожгли всѣ села ржевскія по псковскій рубежъ и возвратились домой съ полономъ ⁹⁹⁹).—Великій князь Василій Васильевичъ и новгородцы цѣловали другъ къ другу крестъ ¹⁰⁰⁰).—Новгородскіе послы пріѣхали въ Псковъ, предъ которыми псковскіе посадники цѣловали крестъ къ Новгороду ¹⁰⁰¹).—Владыка Евѣимій заложилъ въ своемъ дворѣ на воротахъ каменную цѣрковь св. Іоанна Златоустаго ¹⁰⁰²), которая въ томъ же году и окончена. По совершенномъ окончаніи работъ, едва мастера отошли отъ церкви, какъ эта послѣдняя разрушилась до основанія. «И се знаменье показася, яко хочеть власть новгородцкихъ посадниковъ и тысяцскихъ и всехъ бояръ и всея земли Новогороцкия разрушиться» ¹⁰⁰³).

1436. Новгородцы послали посадника Григорія Кириллова, боярина Ивана Максимовича и нѣсколько житыхъ мужей на «разводъ земли»; но великій князь своихъ бояръ не выслалъ ¹⁰⁰⁴).—Морозъ побилъ хлѣба (обп-ліе) во всей Новгородской области «въ жатву уже»; вслѣдствіе голода многіе ушли къ нѣмцамъ.—Зимой новгородцы отправили пословъ къ великому князю литовскому Сигизмунду, который въ подтвержденіе заключеннаго мира цѣловалъ крестъ при послахъ ¹⁰⁰⁵).—Новгородцы ходили ратью на Великіе Луки и повоевали ихъ; тогда же воевали и Ржеву, «своихъ данщиковъ, а они не почаша дани давати новгородцемъ» ¹⁰⁰⁶).

1437. Въ Новгородъ пріѣхалъ изъ Москвы кн. Юрій Патрикѣевичъ за «чернымъ боромъ», который и получилъ ¹⁰⁰⁷).—Владыка Евѣимій, благо-

997) Ibid. IV, 207—(посадники Иванъ Сидоровичъ и Якимъ) 208 (Степанъ названъ сыномъ посадника); V, 28.

998) Ibid. III, 111; IV, 208; Никон. V, 118.

999) Ibid. III, 111; Никон. V, 119.

1000) Ibid. III, 112; Никон. V, 119; въ VIII, 92 объ этомъ говорится подъ 1424 г. См. стр. 161.

1001) См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

1002) П. С. Р. Л. III, 141; Никон. V, 120.

1003) Никон. лѣт. V, 120.

1004) П. С. Р. Л. III, 112; Никон. V, 122. См. стр. 161.

1005) Ibid. III, 112; IV, 121; Никон. V, 122 (о посольствѣ къ Сигизмунду подъ 1437 г.).

1006) Ibid. IV, 210; V, 29.

1007) Ibid. III, 112; Никон. V, 123.

словивъ посадниковъ и весь Новгородъ, поѣхалъ 7-го іюля въ Москву къ пріѣхавшему весной изъ Царяграда митрополиту Исидору благословиться и челомъ ударить¹⁰⁰⁸). — Октября 9-го въ Новгородъ пріѣхалъ митрополитъ Исидоръ, отправлявшійся въ Римъ (на соборъ); зимой онъ пріѣхалъ въ Псковъ, который «дасть ему судъ владыченъ и вси пошпины владычни»¹⁰⁰⁹).

1438. Татары плѣнили Литву и, забравши большой полонъ, ушли домой¹⁰¹⁰). — Въ Новгородъ пріѣхалъ 3-го марта кн. Юрій Семеновичъ (внукъ Ольгерда) литовскій¹⁰¹¹).

1439. Обрѣтено тѣло архіепископа Іоанна, при которомъ суздальцы приходили подъ Новгородъ¹⁰¹²). — Архіепископъ Евѣимій позолотилъ гробницу кн. Владиміра (Ярославича), внука Владиміра святаго, и росписалъ, — росписалъ и гробницу матери его, положилъ на нихъ покровъ и установилъ совершать имъ память 4-го октября¹⁰¹³).

1440. Князь Юрій Семеновичъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Литву¹⁰¹⁴).

1441. Походъ великаго князя на землю Новгородскую¹⁰¹⁵).

1442. Шемяка предлагаетъ новгородцамъ принять его къ себѣ и пустошить новгородскія волости¹⁰¹⁶). — Въ Новгородѣ много было пожаровъ; подозрѣваемыхъ въ поджогахъ новгородцы бросали въ огонь и въ воду¹⁰¹⁷).

1443. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Новгородѣ было три пожара¹⁰¹⁸).

1444. Новгородцы ходили ратью къ Ругодику¹⁰¹⁹).

1445. Владыка Евѣимій поставилъ у себя «на сѣняхъ» каменную церковь Евѣимія Великаго и освятилъ ее 30-го января¹⁰²⁰). — Сентября 14-го

1008) Ibid. III, 112; Никон. V, 124 (іюня 7-го).

1009) Ibid. III, 112; IV, 122; Никон. V, 127 (подъ 1438 г.).

1010) Никон. лѣт. V, 128.

1011) П. С. Р. Л. III, 112; IV, 122; Никон. V, 128.

1012) Ibid. III, 112.

1013) Ibid. III, 113, 239.

1014) Ibid. III, 113; Никон. V, 147. Въ Воскресенской лѣтописи (т. VIII, 108) подъ этимъ годомъ передается слѣдующій анекдотъ. Января 22-го у великаго князя родился сынъ Иванъ, о чемъ предсказалъ въ В. Новгородѣ, въ монастырѣ «на Веряжѣ», св. старецъ, именемъ Михаилъ. Когда къ этому старцу пришелъ архіепископъ Евѣимій, онъ сказалъ послѣднему: «нынѣ, отче, у великаго князя на Москвѣ радость». — «Какая радость, отче?» спросилъ архіепископъ. — «У великаго князя, отвѣчалъ старецъ, родился сынъ Тимофей, а имя ему дали Іоаннъ, и будетъ онъ наслѣдникомъ отцу своему, и разорить обычай земли нашей Новгородской, погибель будетъ нашему граду, и многимъ землямъ страшень будетъ».

1015) Ibid. III, 113, 141; IV, 122, 211; V, 267; VI, 170; VIII, 111; Никон. V, 153. Подробности см. на стр. 165.

1016) См. стр. 166.

1017) П. С. Р. Л. III, 114, 240; Никон. V, 158.

1018) Ibid. IV, 122.

1019) Ibid. III, 141.

1020) Ibid. III, 240. Подъ этимъ же годомъ здѣсь говорится о страшной дороговизнѣ

въ Новгородъ пришелъ изъ Литвы *великій* князь Иванъ Владиміровичъ, внукъ Ольгерда, по просьбѣ новгородцевъ, на тѣ пригороды, на которыхъ сидѣли кн. Семень Ольгердовичъ и сынъ его Юрій, — а кн. Юрій Семеновичъ пошелъ къ нѣмцамъ, но эти не дали ему пути, и онъ удалился въ Москву. — Осенью пришли нѣмцы, пожгли у города Ямы посадъ, повоевали берегъ (р. Луги?), и въ Новгородъ прислали сказать: «мы васъ не воюемъ, а воюетъ васъ князь Григорій изъ-заморія Клевскій про своего проводника ругодивца». Нѣмцы лгали¹⁰²¹). — Осенью изъ отчины великаго князя тверскаго много повоевали земли и селъ новгородскихъ, Бѣжецкій Верхъ и Заборовье (волость) и всѣ новоторжскія волости, а¹⁰²²) изъ Литвы вел. кн. литовскій Казимиръ прислалъ въ Новгородъ сказать: «возмите моихъ намѣстниковъ на Городище, и язъ васъ хочу боронити; а съ княземъ есмь съ московскимъ миру не взялъ васъ дѣля». Но новгородцы не приняли этого предложенія. — Зимой новгородцы пошли за Нарову въ Нѣмецкую землю съ кн. Иваномъ Владиміровичемъ, поплѣнили и пожгли землю до Ругодива и до Чудскаго озера. Въ томъ же году нѣмцы пошли на Новгородскую землю: громили изъ пушекъ г. Яму, подъ которымъ стояли пять дней, собирали полонъ и все предавали огню въ Водской землѣ, по р. Ижорѣ и Невѣ, но города не взяли; много и нѣмцевъ пало подъ городомъ. Въ Ямѣ былъ тогда одинъ изъ суздальскихъ князей, Василій Юрьевичъ. Новгородцы съ кн. Иваномъ Владиміровичемъ, внукомъ Ольгерда, хотѣли идти за р. Нарову (на нѣмцевъ) и уже послали туда лужскихъ и водскихъ сельчанъ (сельниковъ лускихъ и воцкихъ) и ижерскихъ бояръ, какъ въ городѣ и по волости начался падежъ коней, и они вынуждены были оставить свое намѣреніе. Въ то же время псковичи прислали въ Новгородъ пословъ «мира и любви покрѣпити»; но видя, что въ Новгородѣ сильный падежъ на коней, а на людей — болѣзнь, и новгородцы не идутъ за Нарову, послы выѣхали, не укрѣпивши мира. — Кореляне ходили на мурманъ, многихъ изъ нихъ избили и поплѣнили¹⁰²³).

1446. Въ Новгородъ изъ Москвы пріѣхалъ кн. Юрій Лугвеніевичъ, и новгородцы дали ему кормленіе, по волости — хлѣбъ, а пригородовъ не дали; князь же Иванъ (Владиміровичъ) отѣхалъ въ Литву. — Зимой новгородцы послали на съѣздъ съ нѣмцами кн. Юрія, бояръ и купцевъ; но они разъ-

хлѣба въ Новгородѣ, о чемъ въ другихъ лѣтописяхъ, какъ увидимъ, говорится подъ 1446 г.

1021) Ibid. IV, 123; Никон. V, 191 (подъ 1444 г.).

1022) Ibid. IV, 123. Не то же ли самое повторяетъ та же лѣтопись ниже (подъ 1446 г.?

1023) Ibid. IV, 123; въ Никон. V, 191—194 подъ 1444 г.

ѣхались, не заключивши мира, такъ какъ магистръ захотѣлъ Острова¹⁰²⁴). — Въ Новгородѣ наступила страшная дороговизна хлѣба, такъ что всюду слышались плачь и рыданія; поэтому многіе ушли въ Литву, другіе — «въ латинство», «нии же бесерменству и жидомъ изъ хлѣба даяхуся гостемъ»¹⁰²⁵). Въ это время въ Новгородѣ не было ни правды, ни суда: появились ябедники, «пзрядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду» и начали грабить по селамъ, волостямъ и по городу. — Въ томъ же году новгородскіе воеводы, Васплій Шенкурскій и Михаилъ Яковлевъ, съ тремя тысячами войска пошли на Югру и, «забравши множество людей, мужчинъ и женщинъ, «расплошишася»; между тѣмъ югорцы «доспѣша надъ ними облесть» (оболѣстить); они говорили новгородцамъ: «мы хотимъ вамъ даяти, а хотимъ счестися и указати вамъ станы и острова (?) и урѣчща». А въ это время югорцы собрались и ударили на острогъ Василія (Шенкурскаго): много убили дѣтей боярскихъ и удалыхъ людей, челоѣкъ съ 80, — а Василій съ сыномъ своимъ Семеномъ бѣжалъ «въ малѣ дружинѣ», другіе же разбѣжались по лѣсу. Другой воевода, Михаилъ Яковлевъ, былъ на другой рѣкѣ; пришедши къ Васплеву острогу и видя, что онъ разоренъ, люди или побиты или въ лѣсу, началъ искать своихъ по рѣкѣ; къ нему собрались всѣ уцѣлѣвшіе и всѣ возвратились домой. — Въ томъ же году внезапно приходили шведы и мурмане за Волокъ на Двину ратью на Неноксу¹⁰²⁶): воевали, жгли и людей однихъ перебили, а другихъ въ полонъ взяли. Услышавъ объ этомъ, двиняне пришли немедленно: однихъ (изъ шведовъ и мурманъ) изрубили, иныхъ прислали въ Новгородъ, а воеводъ ихъ: Ивора, Петра и третьяго Эспера (Ешпера) убили; нѣкоторые, бросившись на корабли, убѣжали. — Августа 22-го Борисъ Александровичъ тверскій наслалъ на Торжокъ воеводъ съ своими людьми, которые разогнали и пограбили людей (жителей Торжка), губили, продавали ихъ, при чемъ московскаго, новгородскаго и новоторжскаго товара отправлено въ Тверь 40 павозковъ, изъ которыхъ нѣсколько потонуло въ рѣкѣ; а въ Бѣжецкомъ Верху и по Заборовью (Борисъ Александровичъ) повоевалъ 80 волостей въ два года¹⁰²⁷).

1447. Князь Александръ Васильевичъ собрался уѣхать изъ Пскова въ Новгородъ; посадники и псковичи много били ему челомъ, чтобы остался, но тотъ не принялъ челобитья, «за-неже къ Новгороду уреклься», и въ

1024) Ibid. IV, 123—124. Островъ—псковскій городъ на р. Великой.

1025) Ibid. III, 240; IV, 124. См. прим. 1020.

1026) Въ издающейся подъ редакцію проф. Е. Е. Замысловскаго «Лѣтописи Археологической Комиссіи», а именно въ писцовыхъ книгахъ Двинской земли (стр. 18) говорится, что «У моря посадъ Ненокса» и т. д. Надобно полагать, такимъ образомъ, что Ненокса была у Бѣлаго моря, не подалеку отъ нынѣшняго Архангельска.

1027) Ibid. IV, 124—125. См. прим. 1022.

Петровъ постъ выѣхалъ¹⁰²⁸). — Въ томъ же году *люди* начали хулить серебряныя деньги, даже и *новгородцы*, глядя другъ на друга, хулили, такъ что начались между ними волненія, мятежъ и нелюбовь; посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ назначили пять «денежниковъ» (монетныхъ мастеровъ) и начали переливать старыя деньги, а новыя «ковати въ ту же мѣру на 4 почки таковы же, а отъ дѣла—отъ гривны по полуденгѣ; и бысть христіаномъ скорбь велика по волостемъ»¹⁰²⁹). — Января 23-го въ Новгородъ пріѣхалъ изъ Заволочья архіепископъ Евѣимій. — По занятіи Москвы, Шемяка ссылается съ Новгородомъ¹⁰³⁰). — Въ томъ же году новгородцы охулили серебро, старыя и новыя рубли; «у денежниковъ поймаща посулы». Въ томъ же году посадникъ Сокира вывелъ (къ народу) «ливца и вѣсца серебрянаго», Ѳеодора Жеребца, напоивъ его, и началъ его пытатъ («сочити»): «на кого ты лилъ рубли»? Тотъ оговорилъ 18 человекъ, и по его рѣчамъ однихъ сбросили съ моста (въ р. Волховъ), у другихъ разграбили дома, у третьихъ вывезли имущества ихъ изъ церквей, «а прежде того по церквамъ не искивали». И еще того же Ѳеодора «безправдивые» бояре научали говорить на многихъ людей, грозя ему смертию. Протрезвившись Ѳеодоръ сказалъ: «на всѣхъ я лилъ, и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею, литейщиками». Тогда весь городъ былъ въ печалѣ, а «голодники», ябедники и посульщики радовались; только что на кого-нибудь Ѳеодоръ покажетъ, какъ того предавали смерти, а имущество его въ церкви грабили и дѣлили. Вслѣдствіе этого въ городѣ былъ большой мятежъ, и самъ Сѣкира¹⁰³¹) разболѣлся и умеръ¹⁰³²). — Псковичи отправили въ Новгородъ посадника Зиновія Михайловича, Степана Юрьевича, Андрея Тимофеевича и др. бояръ, которые и взяли миръ съ новгородцами¹⁰³³).

1448. Въ борьбѣ великаго князя Василя Васильевича съ Шемякой новгородцы не приставали ни къ тому, ни къ другому¹⁰³⁴). — За Волокомъ шестники повоевали и пограбили Онего (т. е. Онежское озеро), Каргополе и Пудогу¹⁰³⁵). — Кн. Александръ Васильевичъ пошелъ съ новгородцами

1028) Ibid. IV, 213; V, 30.

1029) Далѣе въ той же лѣтописи передается странное извѣстіе о томъ, что 3-го января градъ съ дождемъ побилъ пшеницу, рожь и жито на полѣ и на лѣсѣ за 5 верстъ отъ города вдаль отъ Волховца и до Мсты на 15 верстъ.

1030) См. біографію галицкаго кн. Димитрія Юрьевича Шемяки, во II-мъ томѣ.

1031) Названный выше Сокорой.

1032) П. С. Р. Л. IV, 125—126.

1033) Ibid. IV, 126; V, 30. Въ послѣдней сначала говорится о заключеніи псковичами мира съ Новгородомъ, а потомъ объ отъѣздѣ изъ Пскова въ Новгородъ кн. Александра Васильевича.

1034) Подробности см. выше на стр. 174—175.

1035) П. С. Р. Л. IV, 126.

противъ рижскаго магистра и противъ короля прусскаго и короля шведскаго Карла; новгородцы бились чрезъ Нарову, много побили нѣмцевъ; много ихъ побили и на морѣ, многіе утонули, а 84 нѣмца и съ ними два нѣмецкихъ князя взяты живьемъ; нѣкоторыхъ побилъ кн. Василій Васильевичъ съ новгородцами подъ Ямою. — Въ томъ же году 14-го января изъ Новгорода во Псковъ пріѣхалъ кн. Василій Васильевичъ, изъ суздальскихъ князей¹⁰³⁶).

1449. Псковичи отправили отъ себя пословъ на съѣздъ на Наровѣ «подлѣ новгородскихъ пословъ и докончали миръ» съ нѣмцами; съ новгородской стороны были: кн. Александръ Васильевичъ Черторижскій, посадники: Сампсонъ Ивановичъ, Дмитрій Васильевичъ Глуховъ и мн. др. бояре (перечень ихъ); отъ Пскова были также посадники и бояре; миръ заключенъ 15-го августа «на полтретьяцать» лѣтъ¹⁰³⁷).

1450. Разбитый войсками великаго князя Василя Темнаго, Шемяка бѣжалъ 27-го января въ Новгородъ¹⁰³⁸).

1451. 1452. Великій князь ходилъ воевать Великій Новгородъ¹⁰³⁹).

1453. Въ Новгородѣ іюля 17-го умеръ Шемяка¹⁰⁴⁰).

1454. Апрѣля 9-го изъ Новгорода въ Псковъ пріѣхалъ Иванъ Дмитриевичъ Шемякинъ¹⁰⁴¹).

1455. Князь Василій Васильевичъ (Шуйскій - Гребенка) уѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ, не смотря на просьбы посадниковъ и всего Пскова остаться, а былъ въ Псковѣ семь съ половиной лѣтъ¹⁰⁴²).

1456. Походъ великаго князя на Новгородъ¹⁰⁴³).

1457. 1458. Марта 10-го скончался новгородскій архіепископъ Евѳимій¹⁰⁴⁴).

1459. Митрополитъ Іона поставилъ въ Москвѣ въ архіепископы новгородскіе священноинока Іону¹⁰⁴⁵).

1036) Ibid. IV, 213; V, 31.

1037) Ibid. IV, 213.

1038) Ibid. IV, 131; V, 270; по VI, 179 въ 1449 г.

1039) Ibid. V, 271. Это краткое извѣстіе не подтверждается другими лѣтописями. Впрочемъ, здѣсь, можетъ быть, разумѣется то обстоятельство, что изъ двухъ отрядовъ в. кн. Василя, преслѣдовавшихъ Шемяку, одинъ, бывшій подъ начальствомъ великокняжескаго сына Ивана (впослѣдствіи в. кн. Иванъ III), доходилъ до р. Ваги, принадлежавшей Новгороду. См. стр. 180.

1040) Ibid. IV, 126, 132, 215 (іюля 18-го), 271; V, 31; въ VI, 180 и VIII, 144 подъ 1454.

1041) Ibid. IV, 215; V, 31.

1042) Ibid. IV, 216; V, 31.

1043) См. 182—183 стр.

1044) П. С. Р. Л. III, 141, 241 (марта 11-го); IV, 127, 217; V, 272; Никон. V, 284.

1045) Ibid. III, 241; IV, 148; V, 272; VIII, 147; Никон. V, 285.

1460. Великій князь посѣтилъ Новгородъ ¹⁰⁴⁶).

1461. Нѣмецкіе послы отъ рижскаго архіепископа и епископа юрьевского пришли въ Новгородъ къ арх. Іонѣ и посадникамъ бить челомъ послу великаго князя и новгородцамъ, а также псковскому послу о перемирьи, чтобъ великій князь далъ перемирье на пять лѣтъ. Великій князь удовлетворилъ просьбу нѣмцевъ ¹⁰⁴⁷).

1462. — 1463. Владыка Іона ѣздилъ въ Москву ¹⁰⁴⁸).

1464. — 1465. Между Псковомъ и Новгородомъ раздоръ ¹⁰⁴⁹).

1466. Въ Новгородѣ большой моръ на людей ¹⁰⁵⁰).

1467. Въ Новгородѣ на людей моръ железоу, почему въ Звѣринцахъ 1-го октября поставлена была церковь св. Симеона ¹⁰⁵¹).

1468. — 1469. — 1470. Князь Василій Васильевичъ (Шуйскій-Гребенка) поѣхалъ съ новгородскимъ воеводою Василіемъ Никифоровичемъ за Волокъ ¹⁰⁵²). — Осенью скончался архіепископъ Іона и на мѣсто его по жребію избранъ Теофилъ ¹⁰⁵³). Осенью же въ Новгородъ пріѣхалъ литовскій князь Михайлъ Олельковичъ ¹⁰⁵⁴).

1471. Походъ великаго князя Ивана III Васильевича на Новгородъ ¹⁰⁵⁵).

1472. Нареченный владыка Теофилъ поставленъ въ Москвѣ въ архіепископы новгородскіе ¹⁰⁵⁶).

1473. Изъ Рима прибыла въ Новгородъ Софья Ѧоминачна, невѣста великаго князя ¹⁰⁵⁷).

1474. Осенью великій князь прислалъ въ Псковъ многочисленное войско на помощь противъ нѣмцевъ; новгородцы съ посадникомъ Ѧомой Андреевичемъ также пришли на помощь ¹⁰⁵⁸).

1475. — 1476. Великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ «миромъ», «на судъ и на управу». Владыка Теофилъ пріѣзжалъ въ Москву хлопотать за «пойманныхъ бояръ» ¹⁰⁵⁹).

1046) См. стр. 185—186.

1047) П. С. Р. Л. IV, 220; въ V, 33 подъ 1462 годомъ.

1048) Ibid. III, 141.

1049) См. тотъ же годъ въ 3-мъ приложеніи.

1050) П. С. Р. Л. V, 274.

1051) Ibid. III, 141; IV, 127, 132.

1052) Ibid. IV, 127. См. тотъ же годъ въ 3-мъ приложеніи.

1053) Ibid. IV, 127; V, 35; въ III, 141,—IV, 235,—V, 275 и Никон. VI, 16 подъ 1471 г.

1054) Ibid. IV, 127; по другимъ онъ прибылъ въ 1471 г., какъ III, 141, — IV, 235 и

V, 275.

1055) См. стр. 197 и слѣд.

1056) См. 204 стр.

1057) П. С. Р. Л. III, 242; IV, 133, 245—246; V, 36; Никон. VI, 36.

1058) Ibid. IV, 130, 249; VI, 200. См. тотъ же годъ въ 3-мъ приложеніи.

1059) См. 214 и 219 стр.

1477. Мая 18-го отъ великихъ князей пріѣхалъ въ Новгородъ посолъ Федоръ Давыдовъ, а съ нимъ Тучковы со многими людьми и конями, и остановились на Городищѣ. Пришедши на вѣче, посолъ началъ такъ говорить новгородцамъ: «что еще княземъ великимъ своихъ пословъ присылали и съ своею грамотою, а что его есте государемъ собѣ назвали и за него есте задали, и суду его въ васъ, въ Великомъ Новгородѣ, быти, и по всѣмъ улицамъ сидѣти князя великаго тиуномъ, и Ярославле вамъ дворище великимъ княземъ очистить, и въ великихъ князей судъ не вступати». Новгородцы пограбили дворы посадниковъ и бояръ, поотнимали dospѣхи и всю ратную приправу, а Василья Ананьина на вѣчѣ топорами изрубили на части; иныхъ «заповѣдали», также намѣреваясь предать смерти. Они отвѣчали великому князю чрезъ его же посла, что не называли его государемъ и пр.¹⁰⁶⁰).

1478. Походъ великаго князя на Новгородъ и окончательное присоединеніе послѣдняго къ Москвѣ¹⁰⁶¹).

1060) П. С. Р. Л. IV, 253—256.

1061) См. стр. 219—226.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Псковской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ отъ 1348 до 1505 г.

Псковъ, носившій въ древности названіе *Плесковъ* или *Пльсковъ*¹⁰⁶²), теперь губернской городъ, расположенъ по берегамъ р. Великой и впадающей въ нее рѣчки Псковы, которыми дѣлится на три части: самая главная, населенная часть города тянется по правому берегу р. Великой; вторая — по лѣвому берегу той же рѣки; эта часть города съ древнѣйшихъ временъ извѣстна подъ именемъ *Завеличья*; наконецъ, третья часть расположена по правому берегу рѣчки Псковы; эта часть носитъ названіе *Затсковья*.

Время основанія Пскова, какъ и старшаго брата его, Великаго Новгорода, теряется въ сѣдой древности. Извѣстно только, что онъ существовалъ еще до призванія князей: «А о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія, говорится въ первой Псковской лѣтописи подъ 862 годомъ, не обрѣтается воспоминаемо, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словяне княжити, понеже повѣдаетъ, яко Игорь Рюриковичъ поять собѣ жену Олгу съ Плескова»¹⁰⁶³); въ Лаврентьевской лѣтописи¹⁰⁶⁴) также говорится объ Игорѣ, что «приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Олгу», сани которой хранились во Псковѣ еще въ XII ст.¹⁰⁶⁵). Извѣстіе упомянутыхъ лѣтописей совершенно уничтожаетъ правдивость преданія о томъ, что Псковъ основанъ Ольгою въ X в., во время ея путешествія по сѣвернымъ ея владѣніямъ.

1062) См. во 2-мъ приложеніи 1242 и 1266 гг.

1063) П. С. Р. Л. IV, 173—174.

1064) Ibid. I, 12.

1065) Ibid. I, 25.

Положеніе Пскова, какъ и другаго новгородскаго пригорода Изборска, на западной границѣ владѣній, принадлежавшихъ новгородскимъ славянамъ, заставляетъ смотрѣть на эти пригороды, какъ на славянскіе, такъ сказать, форпосты, необходимо являвшіеся при колонизаціонномъ ли, или при стратегическомъ движеніи новгородскихъ славянъ въ земли чуди и лштовскихъ племенъ. На важное значеніе этихъ форпостовъ указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что изъ троихъ братьевъ-князей, призванныхъ княжить на Русь, одинъ поселяется въ Изборскѣ, не подалеку отъ Пскова.

Былъ ли Псковъ въ какой-либо административной связи съ Новгородомъ, когда въ Изборскѣ сидѣлъ Труворъ, мы не знаемъ; но по кончинѣ послѣдняго онъ, естественно, долженъ былъ находиться въ тѣсной связи съ нимъ. По смерти младшихъ братьевъ-князей, права и обязанности ихъ, естественно, переходили къ оставшемуся въ живыхъ князю, который, какъ извѣстно, и сажалъ по городамъ мужей своихъ. По всей вѣроятности и въ Псковѣ сидѣлъ князь мужъ при Рюрикѣ, по смерти братьевъ этого послѣдняго, и вообще при первыхъ князьяхъ, а съ приобрѣтеніемъ Новгородомъ самостоятельности, Псковъ становился пригородомъ его, каковымъ онъ явно выступаетъ уже въ XII в. Добившись автономіи, Новгородъ становится какъ бы обладателемъ тѣхъ прерогативъ, которыя принадлежали прежде одному лицу; а такъ какъ въ числѣ этихъ прерогативъ была и власть надъ Псковомъ, то, естественно, эта послѣдняя должна была перейти къ тому, кто воспользуется прерогативами князя.

Но въ числѣ другихъ пригородовъ Псковъ по отношенію къ Новгороду занималъ исключительное положеніе, болѣе исключительное, чѣмъ въ какомъ были Ладога, а потомъ Торжокъ. Такъ, псковичи и ладожане были приглашаемы Новгородомъ на вѣче: «новгородьци призваша пльсковичѣ и ладожаны, и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода»¹⁰⁶⁶); псковичи помогаютъ Новгороду въ его войнахъ, и наоборотъ; не спрашиваясь Новгорода, принимаютъ и изгоняютъ князей, состоя въ тоже время съ Новгородомъ, по обстоятельствамъ, въ мирныхъ или враждебныхъ отношеніяхъ; принимаютъ участіе въ борьбѣ новгородскихъ партій, и даютъ перевѣсъ которой-нибудь изъ борющихся сторонъ, являясь, такимъ образомъ, какъ бы гражданами самаго Новгорода; принимаютъ къ себѣ князя отъ руки князя новгородскаго и считаютъ правымъ дѣломъ своимъ изгнать его; не допускаютъ новгородскаго князя къ себѣ, когда замѣчаютъ со стороны его покушеніе на свободу гражданъ; заключаютъ, по-мимо Новгорода

1066) Ibid. III, 7. Въ 1136 г.

и новгородскаго князя, оборонительные и наступательные союзы и т. п.; доходятъ, наконецъ, до такого положенія, которое считаютъ удовлетворительнымъ для своего политическаго самолюбія, такъ какъ это положеніе можно было назвать автономнымъ, и стремятся уже къ автономіи церковной (при кн. Александрѣ тверскомъ). Все сказанное подтвердится фактами, на которые будетъ указано при краткомъ изложеніи исторіи Пскова до половины XIV в.

Причины такого исключительнаго положенія Пскова по отношенію къ Новгороду видать¹⁰⁶⁷⁾ въ матеріальномъ усиленіи его, во-первыхъ отъ торговли и, во-вторыхъ, отъ того, что въ Псковъ уходили изъ Новгорода недовольные чѣмъ-либо въ партійной борьбѣ, усиливались здѣсь и вмѣстѣ съ псковичами шли на Новгородъ. Примѣры такихъ явленій, дѣйствительно, есть, и граждане Пскова, въ самомъ дѣлѣ, были какъ бы согражданами новгородцевъ, были, по отношенію къ Новгороду, какъ бы тѣмъ же, чѣмъ часто бывали въ самомъ Новгородѣ одна сторона его къ другой, Софійская къ Торговой. По тому-то мы и видимъ въ пригородѣ Псковѣ весьма раннія попытки къ самостоятельности¹⁰⁶⁸⁾. Причины эти, конечно, причины весьма существенныя, но, кажется, не единственныя: при первыхъ же попыткахъ Пскова къ приобрѣтенію самостоятельности, Новгородъ могъ бы, такъ сказать, раздавить его,—но почему же онъ не сдѣлалъ этого?

Новгородъ, нѣтъ сомнѣнія, былъ несравненно сильнѣе Пскова. Однако при неопредѣленности административнаго устройства, которая давала возможность всякому проходивцу изъ пустяковъ, изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей поднять на ноги всѣхъ новгородцевъ, замутить воду и ловить въ ней рыбу, — при такомъ устройствѣ Новгородъ могъ быть по временамъ безсильнѣе даже Пскова, гдѣ, какъ въ пригородѣ, дѣла должны были идти согласнѣе, плавнѣе. Но главная причина легкаго, повидимому, отношенія Новгорода къ попыткамъ Пскова сдѣлаться самостоятельнымъ, заключается въ томъ, что Новгородъ, безъ поддержки главныхъ пригородовъ, и особенно болѣе другихъ сильнаго Пскова, противъ окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ враговъ, совершенно потерялъ бы свое значеніе центра сѣвернаго славянства, а затѣмъ и значенія торговаго. Припомнимъ слѣдующій фактъ. Въ концѣ XII в. въ Новгородѣ сидѣлъ Ярославъ Владиміровичъ, который одного изъ своихъ сыновей, Изяслава—Михаила († 1198), посадилъ въ Великихъ Лукахъ, и для чего? — Чтобъ онъ былъ «отъ Литвы *оплечьемъ* Новгороду»¹⁰⁶⁹⁾. *Оплечье*, стража на границѣ съ вражеской землей — это са-

1067) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «Русск. Ист.» I, 364.

1068) Были и нравственныя причины возвышенія Пскова, о чемъ см. прим. 1081.

1069) См. стр. 330, годъ 1198.

мый существенный интерес такого города, какъ Новгородъ, который желалъ быть первенствующимъ въ землѣ и стремился упрочить свое благосостояніе посредствомъ торговли. Какъ же иначе онъ долженъ былъ бы относиться къ своимъ *оплечьямъ*, по крайней мѣрѣ — главнымъ, какъ не полагать имъ до нѣкоторой степени? Вотъ тутъ-то и есть, какъ намъ кажется, причина того сумбура въ отношеніяхъ Новгорода и Пскова, тѣхъ какъ бы независимыхъ и въ то же время зависимыхъ отношеній Пскова къ Новгороду, слѣды которыхъ явно проходятъ чрезъ всю начальную исторію Пскова до половины XIV вѣка. Припомнимъ, при этомъ, что Псковъ и получилъ-то автономію именно по поводу нужды въ немъ, какая представилась, въ **1348 г.**, Новгороду въ борьбѣ его со шведами.

Что касается состоянія и дѣленія самаго города въ древнее время, то относительно этого предмета до насъ дошли нѣкоторыя, хотя и отрывочныя, извѣстія. Центръ города, какъ и въ другихъ древнихъ городахъ, назывался Дѣтинцемъ; первоначальныя укрѣпленія его были деревянныя, и только кн. Довмонтъ обвелъ его каменною стѣною, которая и называлась, да и теперь остатки ея называются *Довмонтовою стѣною*; онъ находится на мысу, образуемомъ правымъ берегомъ рѣки Великой и лѣвымъ — рѣчки Псковы; внутри его была церковь св. Троицы, основанная св. кн. Всеволодомъ — Гавріиломъ. При расширеніи города за Дѣтинцемъ образовалась новая часть его, которая носила названіе *Крома* или *Кремля*; въ этой частн, между прочимъ, находилось торговище; она также обнесена была стѣною и носила названіе, по отношенію къ Дѣтинцу, *Застѣня* или *Средняго города* — по отношенію къ Дѣтинцу и дальнѣйшему приращенію города. Къ Среднему городу примкнулъ въ послѣдствіи посадъ Полонище, который также вошелъ въ составъ города и въ **1465 году** также обнесенъ былъ стѣною. Запсковье, о которомъ мы уже говорили выше, въ XV в. было окружено деревянною стѣною, которая замѣнена была въ послѣдствіи каменною. Поселеніе на лѣвой сторонѣ р. Великой уже въ XIII в. извѣстно было подъ пменемъ *Завельмья* и было въ послѣдствіи средоточіемъ иноземной торговли. — Подобно Новгороду Псковъ дѣлился также на концы, изъ которыхъ намъ извѣстны только шесть (можетъ быть, ихъ только и было шесть): Торговый, Городской, Больвинскій, Опоцкій, Острый и на Запсковьи Богоявленскій. Въ лѣтописи ¹⁰⁷⁰⁾ относительно концовъ, между прочимъ, находится слѣдующее извѣстіе подъ **1468 г.**: «Весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы, коему же концу къ старымъ пригородомъ новыя жеребьемъ дѣлили». Такимъ образомъ, говорить К. Н. Бестужевъ-

Рюминъ¹⁰⁷¹⁾), концы въ Псковѣ составляли свои особыя общины и имѣли отношенія къ землѣ, неизвѣстныя въ Новгородѣ; они не были простыми административными единицами, а, какъ сказано, составляли общины, изъ соединенія которыхъ слагался городъ. Концы эти имѣли свое управленіе, своихъ выборныхъ старостъ; кончанскіе бояре, купцы и черные люди, какъ и въ Новгородѣ, принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Псковской земли. Концы, въ свою очередь, дѣлились на улицы, которыя также составляли свои общины; уличане носятъ названіе сосѣдей¹⁰⁷²⁾. У Пскова, какъ и у Новгорода, были свои пригороды, но ни откуда не видно, чтобы они имѣли такое же политическое значеніе, какъ пригороды новгородскіе. Слѣдующее лѣтописное извѣстіе лучше всего характеризуетъ отношенія пригородовъ къ Пскову: «Псковъ успалився испродать (подвергъ наказанію, пени) Опочанъ, а взявъ 100 рублевъ, да дали князю Ярославу, что они повѣсили татя коневого, а безъ псковского повелѣнія». Слѣдовательно, пригороды, въ важныхъ дѣлахъ, должны были обращаться къ Пскову¹⁰⁷³⁾. Сословія въ Псковской землѣ встрѣчаемъ тѣ же, что и въ землѣ Новгородской; это — бояре, купцы, земцы, получившіе землю въ кормленіе съ обязанностью службы; сельское населеніе носило названіе смердовъ, обязанныхъ князю и Пскову данью и работами¹⁰⁷⁴⁾.

Но обратимся къ краткому изложенію исторіи Пскова до 1348 г., когда онъ сдѣлался автономнымъ и сталъ называться младшимъ братомъ Господина Великаго Новгорода.

Владѣя Новгородомъ, Владиміръ Святославичъ, естественно, владѣлъ и Псковомъ, какъ пригородомъ Новгорода. Но послѣ Владиміра, когда великимъ княземъ кіевскимъ былъ сынъ его Ярославъ¹⁰⁷⁵⁾, въ Псковѣ сидѣлъ младшій изъ братьевъ послѣдняго, Судиславъ. Лѣтопись¹⁰⁷⁶⁾ сохранила извѣстіе, что Ярославъ, въ 1036 г., по какой-то клеветѣ на Судислава, посадилъ послѣдняго въ Псковъ въ темницу, въ которой онъ сидѣлъ до 1059 г. Въ этомъ послѣднемъ году племянники Судислава, — Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи, — освободивъ его изъ поруба, «заводиша его къ ротѣ» (присяга), и тотъ дѣловалъ крестъ, но на чемъ, неизвѣстно, хотя можно предполагать, что съ него брали клятву въ томъ, что онъ не будетъ

1071) «Русск. Ист.» I, 367.

1072) П. С. Р. Л. IV, 207; V, 42.

1073) См. К. Н. Бестужева-Рюмина: «Русск. Ист.» I, 368—369.

1074) Ibid. V, 45.

1075) Кромѣ приведенныхъ въ началѣ этого приложенія извѣстій о Псковѣ, послѣдній до Ярослава, можно сказать, вовсе не упоминается въ лѣтописяхъ.

1076) П. С. Р. Л. IV.

домогаться великокняжеского стола¹⁰⁷⁷) . . . Въ слѣдующемъ году мы видимъ псковичей въ походѣ вмѣстѣ съ новгородцами: Изяславъ Ярославичъ, занимавшій Новгородъ послѣ брата своего Владиміра, а съ 1054 г. занявшій Кіевскій великокняжескій столъ, въ 1060 г. ходилъ на сосоловъ или сосоловъ¹⁰⁷⁸) и возложилъ на нихъ дань въ 2000 гривенъ; тѣ обязались платить, но, изгнавъ сборщиковъ податей, повоевавъ Юрьевъ, пошли, пустоша страну, по направленію къ Пскову; противъ сосоловъ выступили псковичи и новгородцы; въ битвѣ русскихъ пало 1000, а сосоль — безъ числа¹⁰⁷⁹). — Въ 1136 или 1137 г. новгородцы, пригласивъ къ себѣ на вѣче псковичей и ладожанъ, постановили изгнать отъ себя кн. Всеволода Мстиславича, изъ-за котораго потомъ возгорѣлась вражда между Псковомъ и Новгородомъ, едва не дошедшая до кровопролитія. Здѣсь, очевидно, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ шла борьба между двумя партіями, такъ какъ мы видимъ, что въ 1137 г. въ Вышгородъ (кіевскій, который получилъ Всеволодъ отъ великаго князя) приходятъ изъ Новгорода посадникъ Константинъ Микульчичъ (Микулиничъ) и другія лица, а также новгородскіе и псковскіе *пріатели* Всеволода, и приглашаютъ послѣдняго на княженіе. Всеволодъ въ томъ же году пріѣхалъ въ Псковъ и съ честью посаженъ былъ на псковскомъ столѣ. Вѣсть о пріѣздѣ Всеволода произвела въ Новгородѣ мятежъ, и изъ послѣдняго многіе бѣжали къ князю въ Псковъ¹⁰⁸⁰). Очевидно, тутъ была борьба партійная, и если Псковъ принималъ къ себѣ князя, то это значить только, что верхъ взяла та новгородская партія, которая желала этого князя и которая успѣла притянуть на свою сторону Псковъ.

По смерти Всеволода (11-го февраля 1138 г.), причисленнаго къ лику святыхъ¹⁰⁸¹), псковитяне «яшася» по брата его Святополка, котораго

1077) Ibid. I, 70; II, 269; IV, 176; V, 139; VII, 333.

1078) Карамзинъ (II, прим. 114) говоритъ, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ къ этому слову прибавлено: *колыванцы*, т. е. жители Колывани или Ревеля.

1079) П. С. Р. Л. IV, 176; V, 140; VII, 333.

1080) Ibid. III, 7; IV, 5—6; V, 157—158; VII, 31—во всѣхъ подъ 1137; I, 133; II, 14; IV, 176; V, 8—во всѣхъ подъ 1138 годомъ. По двумъ послѣднимъ изъ указанныхъ лѣтописей въ Вышгородъ пріѣзжаютъ и приглашаютъ къ себѣ на княженіе только псковичи.

1081) Въ исторіи этой борьбы Пскова съ Новгородомъ или, лучше, по поводу этой борьбы изъ-за кн. Всеволода весьма рельефно высказался мѣстный псковскій патріотизмъ. Мощи Всеволода, покоившіяся первоначально на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии поставлена была церковь во имя Димитрія Селунскаго, прославились чудесами и спустя 55-ть лѣтъ по кончинѣ князя, т. е. въ 1193 г. перенесены были въ основанную имъ соборную церковь св. Троицы. Въ житіи князя говорится, что новгородцы, узнавъ о кончинѣ его, велѣли своему протопопу, именемъ Полюду, взять мощи Всеволода; но рака святаго была неподвижна, и только одинъ ноготь отъ руки его привезенъ былъ въ Новгородъ (см. Прологъ подъ 11-мъ февраля и 7-мъ ноября и Степ. кн. I, 254—264). Само собой разумѣется, что псковичи гор-

не хотѣли имѣть у себя новгородцы, но котораго, въ 1139 г., сами же, при измѣнившихся обстоятельствахъ, просили у великаго князя Всеволода Олеговича; послѣдній, однако, не отпустилъ въ Новгородъ ни Святополка, ни брата его Изяслава, давъ имъ Берестье. Но при перемѣнѣ обстоятельствъ, года черезъ два, онъ все-таки отпустилъ Святополка въ Новгородъ¹⁰⁸²).

И такъ, желаніе быть самостоятельнымъ въ Псковѣ высказывалось сильно въ XII в.; но оно, повидимому, не предполагало разрыва съ Новгородомъ. Мы видимъ, что въ XII в. Псковъ дѣйствуетъ часто рука объ руку съ Новгородомъ: такъ, псковичи помогаютъ Роману Мстиславичу¹⁰⁸³), когда Андрей Боголюбскій озлобился на Новгородъ и въ 1168 г. ходилъ на него съ полочанами. Въ 1177 г. въ Новгородѣ во второй разъ сѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ¹⁰⁸⁴), а въ Псковѣ въ то же время мы видимъ какого-то племянника его Бориса, котораго не всѣ тамъ желали. Въ 1178 г. Мстиславъ Ростиславичъ съ успѣхомъ ходилъ на Чудскую землю; на обратномъ пути онъ зашелъ въ Псковъ «и изойма сотьскѣи про Бориса сыновця своего, зане не хотяхуть сыновца его Бориса; и тако утвердивъ съ людьми, и иде оттуду Новугороду»¹⁰⁸⁵). Въ самомъ концѣ XII в. псковичи, также совмѣстно съ новгородцами, дѣйствуютъ противъ западныхъ сосѣдей: въ 1190 г. они отразили напоръ поморской чуди, въ 1191 г. съ новгородцами и княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ ходили также на чудь, при чемъ взятъ былъ Юрьевъ; въ 1192 г. самъ Ярославъ приходилъ въ Псковъ, откуда отпускалъ дворъ свой съ псковичами опять на чудь, при чемъ взята была Медвѣжья Голова (Оденпе)¹⁰⁸⁶); въ 1198 г. псковичи принимаютъ участіе въ походѣ Ярослава Владиміровича на Полоцкъ¹⁰⁸⁷).

Въ XIII в. мы также видимъ во Псковѣ особыхъ князей, но и эти князья опять были подъ рукою Новгорода. Въ исходѣ XII в. въ Новгородѣ

дились такой святыней, которой оказался недостойнымъ самый Новгородъ. Это обстоятельство возвышало духъ псковичей, возвышало ихъ въ ихъ же собственномъ сознаніи. Впослѣдствіи, въ черныя годы, какъ сами псковичи, такъ и князья ихъ прибѣгаютъ къ заступничеству св. князя, приписываютъ его молитвамъ предъ престоломъ Всевышняго избавленіе отъ враговъ и побѣды надъ ними и т. п. То же самое нужно сказать и о св. Довмонтѣ (Тимовѣѣ). Точно также должно было ободрять и возвышать духъ псковичей и сознаніе того, что св. Ольга родомъ была изъ Пскова. Въ стремленіяхъ Пскова къ самостоятельности эти нравственные причины возвышенія духа псковичей должны были играть не послѣднюю роль.

1082) П. С. Р. Л. III, 8; IV, 6; V, 158; VII, 31. См. стр. 316—317.

1083) См. стр. 322.

1084) См. стр. 326.

1085) П. С. Р. Л. II, 120.

1086) Ibid. III, 20. См. стр. 328—329.

1087) См. стр. 330.

взяла перевѣсъ партія сѣздальская, и мы видимъ тамъ дѣтей Всеволода III-го Юрьевича, Константина и Святослава. Но въ 1209 г. новгородцы приняли къ себѣ Мстислава Мстиславича Удалаго, и въ Псковѣ мы видимъ брата его, Владимира, котораго въ 1211 г. Мстиславъ Мстиславовичъ перевелъ въ Великіе Луки, а въ 1213 г. мы опять видимъ его во Псковѣ, откуда его въ названномъ году выгнали за дружбу его съ нѣмцами¹⁰⁸⁸). Въ слѣдующемъ 1214 г. въ Псковѣ мы видимъ Всеволода Мстиславича (въ этомъ году онъ ходилъ съ Мстиславомъ новгородскимъ на чудь), сына Мстислава—Бориса Романовича, а потомъ Владимірова сына Ярослава, который также ушелъ вскорѣ къ рыцарямъ въ Ливонію, но и тамъ не оставлялъ своихъ притязаній на Псковъ, раздавая на словахъ псковскія земли¹⁰⁸⁹). Изгнанный Владиміръ ушелъ къ полоцкому князю, но, не находя здѣсь защиты, уѣхалъ въ Ливонію и тамъ получилъ фогтство, управлялъ какою-то Идумейскою областью, лежащею между Ригой и Венденомъ. Онъ даже женился (значитъ, во второй разъ) на нѣмкѣ, на племянницѣ рижскаго епископа Альбрехта. Но вскорѣ и изъ Ливоніи Владиміра прогнали будто бы за то, что его корыстолюбіе было противно нѣмцамъ, а на самомъ дѣлѣ за то, что онъ смущалъ новообращенныхъ въ латинство¹⁰⁹⁰). Послѣ 1215 г. мы видимъ Владиміра опять въ Псковѣ: въ 1216 г. онъ принималъ участіе въ войнѣ брата своего Мстислава съ Ярославомъ II-мъ Всеволодовичемъ. Во время этой войны онъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ ходилъ на помощь къ городцу Ржевкѣ, который осажденъ былъ Святославомъ Всеволодовичемъ, взялъ и сжегъ городъ Ксвятинъ, повоевалъ все Поволжье, участвовалъ въ Липицкомъ бою, вмѣстѣ съ другими преслѣдовалъ в. кн. владимірскаго Юрія Всеволодовича до самаго Владиміра и, «побѣдивше силніи полкы и взявше свою честь и славу», возвратился въ Псковъ¹⁰⁹¹). Въ слѣдующемъ 1217 г. онъ ходилъ съ новгородцами къ Медвѣжьей Головѣ, а въ 1226 г. участвовалъ въ битвѣ Ярослава Всеволодовича съ литовцами подъ Усвятомъ¹⁰⁹²). Вскорѣ послѣ этого онъ, какъ полагаетъ Карамзинъ, скончался.

Съ утвержденіемъ въ Новгородѣ Ярослава Всеволодовича, человѣка крутаго и энергичнаго, Псковъ, по-видимому, долженъ былъ потерять вся-

1088) П. С. Р. Л. III, 32; IV, 20, 117.

1089) Ibid. III, 32; К. Н. Бестужева-Рюмина «Русск. Ист.» I, 365. По уходѣ Владиміра въ 1213 г. на Псковъ напала литва и пожгла его, потому что, говоритъ лѣтопись, тогда псковичи прогнали кн. Владиміра, а сами были на озерѣ.

1090) Эти извѣстія находятся въ Хроникѣ Генриха Латыша. См. К. Н. Бестужева-Рюмина «Р. Ист.» I, 36 и «Моногр.» Н. И. Костомарова VII, 258—259 (старое изданіе).

1091) П. С. Р. Л. I, 211—215; III, 34—35; IV, 21, 23—24, 26; VII, 120—122, 124.

1092) Ibid. I, 219; III, 35, 42; IV, 28, 177.

кое проявленіе своихъ стремленій къ самостоятельности. На дѣлѣ, однако, вышло не такъ: энергія съ одной стороны вызывала энергію съ другой. Въ 1228 г. новгородцы ходили на Емь. Но еще до этого похода Ярославъ съ посадникомъ Иванкомъ и тысяцкимъ Вячеславомъ пошелъ въ Псковъ; услышавъ объ этомъ, псковичи затворились въ городѣ и не пустили къ себѣ князя. Постоявъ на Дубровнѣ, Ярославъ возвратился въ Новгородъ. «Промѣкла бо ся вѣсть бяше си въ Пльскове, замѣчаетъ лѣтописецъ, яко везеть (Ярославъ) оковы, хотя ковати вяцшее мужи». Прибывъ въ Новгородъ, Ярославъ собралъ вѣче на владычнемъ дворѣ и такую рѣчь держалъ къ новгородцамъ: «не мыслилъ есмь до псковичъ груба ничего жъ; нѣ везлъ есмь былъ въ коробяхъ дары: паволокы и оwoщъ, а они мя обчествовали,—и положи на нихъ жалобу велику». Псковичи, однако, не вѣрили по чему-то въ дары Ярослава и приняли предосторожности.... Ярославъ, положивъ на псковичей «жалобу велику», привелъ въ Новгородъ изъ Переяславля полки свои, говоря, что хочетъ идти на Ригу. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Пскова, граждане послѣдняго заключили наступательный и оборонительный союзъ съ нѣмцами: Псковъ обязывался помогать нѣмцамъ противъ усилившейся тогда Литвы, которая дѣлала набѣги какъ на владѣнія ливонцевъ, такъ и на Псковскую землю; съ своей стороны нѣмцы обязывались помогать Пскову противъ Новгорода. И такъ, Ярославъ Всеволодовичъ привелъ въ Новгородъ переяславскіе полки. «Князь зоветъ насъ на Ригу, а идти хочетъ на Псковъ», говорили новгородцы. Въ то же время Ярославъ послалъ во Псковъ какого-то Мишу съ такимъ предложеніемъ: «пойдите со мною на путь, а зла до васъ есмь не мыслилъ никотораго же, а тѣхъ ми выдайте, кто мя обадилъ къ вамъ».—«Тобѣ ся, княже,—отвѣчали псковичи,—кланяемъ и братьи новгородцемъ; на путь не идемъ, а братьи своей не выдаемъ, а съ рижаны есme миръ взяли. Къ Колывану есте ходивъше, серебро поимали, а сами пойдосте въ Новѣгородъ, а правды не сотвористе, города не взясте, а у Кеси такоже, а у Медвѣжѣ Головѣ такоже, а за то нашу братью избиша на озерѣ, а иніи поведени; а вы роздравше та, прочъ; или есте на насъ удумали? тѣ мы противу васъ съ святою Богородицею и съ поклономъ, то вы луче насъ изсѣчите, а жены и дѣти поемлѣте собѣ, а не луче поганіи, тѣ вамъ ся кланяемъ». Новгородцы, съ своей стороны, заявили князю, что безъ своей братьи, псковичей, и они не пойдутъ. Князь всѣми мѣрами старался поднять новгородцевъ, но послѣдніе стояли на своемъ. Между тѣмъ псковичи привели нѣмцевъ, чудь, лотыголу и ливъ, по теперъ должны были отпустить ихъ, а тѣхъ, «кто ималъ придаткъ (дары) у Ярослава», выгнали изъ Пскова: «пойдите по князи своемъ, намъ есте не братья», сказали этимъ мздоимцамъ псковичи.

Ярославъ, не успѣвши въ своихъ намѣреніяхъ, удался въ Переяславль ¹⁰⁹³).

Въ **1232 г.** псковичи помирились съ Ярославомъ и взяли отъ него въ князя къ себѣ сына Мстислава Мстиславича Удалаго, Юрія Мстиславича ¹⁰⁹⁴). Однако партіи не умолкали въ Псковѣ, и въ **1240** нѣкто Твердило измѣной отдалъ Псковъ нѣмцамъ, которые завели въ немъ свое управленіе; однимъ изъ правителей былъ и этотъ Твердило. Но въ **1242 г.** Александръ Ярославичъ освободилъ Псковъ ¹⁰⁹⁵), и съ этого времени до **1266 г.**, т. е. до кн. Довмонта, въ Псковѣ были, такъ сказать, только случайные князья: въ **1255 г.** въ Псковѣ засѣлъ бѣжавшій изъ Твери кн. Ярославъ Ярославичъ ¹⁰⁹⁶), по его вскорѣ перетянули въ Новгородъ; затѣмъ, опять случайно, въ **1257 г.** въ Псковѣ бѣжалъ изъ Новгорода сынъ Александра Невского, Василий ¹⁰⁹⁷), а въ **1266 г.**, когда Новгородъ опять принялъ къ себѣ князя тверскаго Ярослава Ярославича уже въ качествѣ великаго князя владимірскаго, въ Псковѣ посаженъ былъ сынъ послѣдняго, Святославъ. Въ томъ же **1266 г.** въ Псковъ прибѣжалъ изъ Литвы, вслѣдствіе происходившихъ въ послѣдней междукняжескихъ усобицъ, князь Довмонтъ со всѣмъ своимъ родомъ; онъ принятъ былъ съ честью, крещенъ (съ именемъ Тимофея) въ соборной церкви св. Троицы и посаженъ на псковскомъ столѣ ¹⁰⁹⁸). Количество воинскихъ подвиговъ Довмонта хотя и не соответствуетъ продолжительности его княженія (онъ княжилъ до **1299 г.**), тѣмъ не менѣе эти немногіе подвиги были истинно-геройскими. Уже въ годъ прибытія во Псковъ Довмонтъ ходилъ съ псковичами на Литву и возвратился съ побѣдой ¹⁰⁹⁹). Вѣроятно, любовь, съ какой псковичи приняли Довмонта, была причиною того, что Ярославъ Ярославичъ хотѣлъ идти ратью на новаго псковскаго князя, совмѣстника его сына, и только несогласіе на то новгородцевъ удержало великаго князя отъ исполненія имъ своего желанія ¹¹⁰⁰). Въ **1267 г.** Довмонтъ съ псковичами и новгородцами опять ходилъ на Литву; ходилъ, изъ Новгорода, вмѣстѣ съ другими русскими князьями на ливонскихъ нѣмцевъ, участвовалъ въ битвѣ при р. Кеголѣ ¹¹⁰¹), а въ слѣдующемъ **1268 г.**

1093) Ibid. III, 42—43.

1094) См. во 2-мъ приложеніи 1232—1233 годы.

1095) П. С. Р. Л. V, 180; VII, 149—150.

1096) См. соотвѣтственное мѣсто въ его біографіи, во II-мъ томѣ.

1097) См. стр. 285—286.

1098) П. С. Р. Л. III, 58; IV, 40, 180; V, 10, 192; VII, 165—166, 254. По однѣмъ изъ указанныхъ лѣтописей все происходило въ 1265, по другимъ—въ 1266 г.

1099) Ibid. III, 58—59; IV, 40, 180—181; V, 192—193; VII, 166.

1100) Ibid. III, 59; V, 193; VII, 167.

1101) Ibid. III, 59; IV, 41, 181; V, 10, 194—195; VII, 167—168. Хронологія разнится въ разныхъ лѣтописяхъ на одинъ годъ.

«прошедъ горы непроходимыя и Вируянъ плѣни и до моря и повоева поморіе», возвратился въ Псковъ съ многочисленнымъ полонѣмъ ¹¹⁰²). Въ 1271 г. нѣмцы тайно пришли въ Псковскую область и взяли нѣсколько селъ, — Довмонтъ выступилъ и разбилъ ихъ на р. Миropовнѣ ¹¹⁰³), а въ слѣдующемъ 1272 г. нѣмцамъ опять пришлось испробовать тяжелый мечъ Довмонта. Рижскій магистръ («местеръ»), говоритъ лѣтописецъ, узнавъ о мужествѣ и храбрости Довмонта, задумалъ плѣнить домъ св. Троицы (т. е. Псковъ), а псковичей избить; Довмонтъ, когда до него дошелъ объ этомъ слухъ, приходитъ въ Троицкій соборъ, кладетъ мечъ свой ¹¹⁰⁴) предъ алтаремъ и со слезами молится; игуменъ Исидоръ, со всѣмъ іерейскимъ чиномъ, беретъ мечъ, препоясываетъ имъ князя и благословляетъ на борьбу. Тогда Довмонтъ, исполняя «ярости мужества», не дождавшись даже большого новгородскаго полка, вышелъ противъ враговъ только съ наличными воинами, разбилъ нѣмецкіе полки, самого «местера» ранилъ «по лицу», сжегъ чюдскія селенія и возвратился въ Псковъ съ большимъ полонѣмъ ¹¹⁰⁵). Если въ данномъ случаѣ и можно чувствовать въ лѣтописцѣ нѣкоторый духъ мѣстнаго патриотизма, то можно и то вывести изъ его извѣстій, что онъ не былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій, и если писалъ о данномъ фактѣ съ нѣкоторой восторженностью, то были же какія-нибудь причины этого... Но докончимъ передачу извѣстій о Довмонтѣ: въ 1281 г. онъ ратовалъ за тестя своего, в. кн. Димитрія Александровича ¹¹⁰⁶), а въ 1299 г. совершилъ послѣдній подвигъ въ своей жизни — разбилъ напавшихъ на Псковъ нѣмцевъ, изъ которыхъ многіе взяты были имъ въ плѣнъ и отправлены во Владиміръ къ великому князю ¹¹⁰⁷). Въ томъ же году Довмонтъ скончался ¹¹⁰⁸).

Послѣ Довмонта мы видимъ въ Псковѣ какого-то литовскаго князя Давыдка, котораго нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, едва ли справедливо, считаютъ сыномъ Довмонта. Благоговѣніе, съ которымъ псковичи относились къ Довмонту до, а тѣмъ болѣе — по смерти его, не позволило бы лѣтописцу говорить неопредѣленно о Давыдкѣ, какъ о сынѣ, можно сказать,

1102) Ibid. IV, 41, 181—182; V, 195; VII, 168.

1103) Ibid. IV, 42, 182; V, 10 (подъ 1167 г.), 197; VII, 171.

1104) З. Доленга-Ходаковскій приписываетъ мечъ, висящій надъ гробницей св. кн. Всеволода-Гавриила, не этому послѣднему, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, а Довмонту. Сказать объ этомъ можно только одно: конечно, надпись на мечѣ *Honorem meum patri meo dabo* прилична скорѣе подвигамъ Довмонта, чѣмъ Всеволода, но кто можетъ рѣшить, что эта надпись сдѣлана не до, а послѣ подвиговъ владѣльца меча?

1105) П. С. Р. Л. IV, 42, 182; V, 198; VII, 171.

1106) См. стр. 48.

1107) П. С. Р. Л. III, 66 (подъ 1298 г.); IV, 45—46, 180, 182—183; V, 11, 203; VII, 182.

1108) Ibid. III, 67, 130; IV, 46, 181, 183; V, 11, 203; VII, 182.

обожавшагося въ Псковѣ князя. Во всякомъ случаѣ объ этомъ Давыдкѣ или Давидѣ мы знаемъ изъ лѣтописей только то, что въ **1322 г.** онъ былъ во Псковѣ¹¹⁰⁹), что въ **1323 г.** (значитъ, успѣлъ уйти въ Литву) псковичи посылали къ нему съ приглашеніемъ прибыть во Псковъ. Кн. Давидъ въ томъ же году пріѣхалъ и ходилъ съ псковичами въ Нѣмецкую землю до Колываня¹¹¹⁰). Болѣе объ этомъ князѣ лѣтописи ничего не говорятъ. Затѣмъ въ Псковѣ два раза сидѣлъ тверскій князь Александръ Михайловичъ, при которомъ псковичи сдѣлали въ **1331 г.** неудачную попытку обособиться отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи. Александръ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ сыномъ его Ѳеодоромъ былъ убитъ въ ордѣ въ **1339 г.**¹¹¹¹). Вскорѣ потомъ мы видимъ въ Псковѣ кн. Александра Всеволодовича. Въ **1341 г.** сентября 9-го нѣмцы убили въ Лотыголѣ, въ селѣ Опочнѣ, во время мира, пятерыхъ псковскихъ пословъ, вслѣдствіе чего псковичи пошли и 21-го декабря повоевали Лотыголу, въ то время, какъ въ Псковѣ на княженіи сидѣлъ кн. Александръ Всеволодовичъ¹¹¹²). Этотъ князь, «учинивъ розрѣзъ съ нѣмцами», разгнѣвался на псковичей и бѣжалъ изъ Пскова. Псковичи поѣхали за нимъ съ поклономъ, посылали къ нему пословъ въ Новгородъ также съ поклономъ, что бѣ возвратился, но князь «отречеся псковичемъ». Тогда псковичи не одинъ разъ кланялись и новгородцамъ, чтобы дали имъ намѣстника и оказали помощь въ борьбѣ ихъ съ нѣмцами, — но ни того, ни другаго новгородцы не сдѣлали для псковичей. А между тѣмъ зимой нѣмцы пришли въ большомъ количествѣ и поставили Новый городокъ на р. Пижевѣ, на псковской землѣ. Но и псковичи, въ то время какъ нѣмцы ставили городокъ, ходили въ небольшомъ количествѣ за Нарову и взяли посадъ у Ругодива. Однако безъ князя псковичи не хотѣли оставаться, и вотъ, «нагадавшеся» они отправили въ Витебскъ къ Ольгерду пословъ съ просьбой о помощи: «Братья наши новгородцы насъ повергли, говорили послы отъ имени всего Пскова, не помогаютъ намъ; помози намъ, господине, въ се время... Не дождавшись еще ничего положительнаго на свою просьбу отъ Ольгерда, Псковичи весной пошли съ посадникомъ Ильей въ р. Эмбахъ («Омовжу») и 2-го мая повоевали нѣмецкія села по обоимъ берегамъ этой рѣки. Въ томъ же году Филиппъ Ледовичъ и Елевѣерій Селковичъ послали къ жителямъ г. Острова спросить, не желаютъ ли они воевать Лотыголу; тѣ согласились

1109) Ibid. III, 73; V, 216; VII, 199.

1110) Ibid. V, 11, 216. До прибытія Давида и при прибытіи его во Псковѣ нѣкоторое время жилъ Юрій Даниловичъ московскій. См. стр. 68—69.

1111) См. біографію Александра тверскаго во II-мъ томѣ, а также здѣсь стр. 352, годъ 1331.

1112) П. С. Р. Л. III, 81 (подъ 1342 г.); IV, 55, 186; V, 12, 222.

и условились относительно времени и мѣста, когда и гдѣ собраться; назначили собираться «на княжи селѣ на Изгояхъ». Филиппъ и Елевѣерій въ урочное время явились на Изгой съ 60 охочими мужами, между тѣмъ какъ остальные псковичи и островичи замедлили; въ то же время и нѣмцы въ количествѣ болѣе 200 человекъ вышли воевать псковскія волости и встрѣтились съ псковичами на Изгояхъ іюня 5-го. Въ первой схваткѣ нѣмцы убили Филиппа Ледовича, а Елевѣерій бился съ ними отъ восхода солнца до полудня и — также палъ въ битвѣ. Утомившись псковичи отступили, и нѣмцы начали переправляться чрезъ р. Великую съ трупами павшихъ въ битвѣ, какъ подоспѣли островичи съ посадникомъ Васпиемъ Анисимовичемъ и ударили на нихъ: одни были побиты, другіе утонули въ рѣкѣ. Въ томъ же мѣсяцѣ, «догадавшеся псковичи пѣшци, молодые люди», въ количествѣ пятидесяти человекъ, воевать Занаровье, между тѣмъ какъ, въ то же время, нѣмцы, перебравшись за Нарову, по берегу послѣдней воевали псковскія села. Встрѣтившись съ нѣмцами, псковичи побили ихъ и, забравши брошенные ими добычу, оружіе и одежды (порты), возвратились въ Псковъ. Зимой не менѣе успѣшно дѣйствовалъ противъ нѣмцевъ псковскій посадникъ Володша Строиловичъ. Между тѣмъ Ольгердъ надумалъ отправить въ Псковъ воеводу своего, кн. Юрія Витовтовича, а 20-го іюля и самъ прибылъ въ Псковъ съ братомъ Кейстутомъ и сыномъ Андреемъ (еще не крещенымъ, но уже носившимъ христіанское, молитвенное, по лѣтописи, имя). Ольгердъ отправилъ кн. Юрія съ псковичами на границу добывать языка; Юрій, захвативъ по дорогѣ жителей Изборска, въ началѣ августа встрѣтился съ большой нѣмецкой ратью на Мекужицкомъ полѣ (у рѣчки Мекужицы); въ неравномъ бою псковичи потерпѣли значительный уронъ, и Юрій бѣжалъ въ Изборскъ, къ которому подошли и нѣмцы. Переправившись чрезъ р. Великую, Ольгердъ узналъ отъ пойманнаго языка, что подъ Изборскомъ стоитъ многочисленная нѣмецкая рать, и потому приказалъ войскамъ переплавляться чрезъ рѣку обратно въ Псковъ. Къ счастью засѣвшихъ въ Изборскѣ нѣмцы по чему-то скоро отступили. Послѣ того псковичи усиленно просили Ольгерда креститься и остаться у нихъ на княженіи, но все было напрасно. Тогда они крестили и посадили у себя на княженіи Андрея Ольгердовича въ надеждѣ, что Ольгердъ будетъ помогать имъ¹¹¹³). Однако Андрей вскорѣ уѣхалъ въ Литву, откуда присылалъ въ Псковъ своихъ намѣстниковъ, чѣмъ, какъ увидимъ, псковичи были весьма недовольны. Въ 1343 г. мы видимъ въ Псковѣ какого-то кн. Ивана. Въ наз-

¹¹¹³) Ibid. III, 81 (подъ 1342 г.); IV, 56 (то же), 186—189; V, 13, 223—224 (подъ 1342 г.); VII, 208 (то же).

ванномъ году псковичи и граждане Изборска съ этимъ княземъ Иваномъ, кн. изборскимъ Евстафіемъ (можетъ быть, намѣстниками Андрея) и посадникомъ Володшей повоевали нѣмецкія села около Медвѣжьей Головы, не сходя съ коней въ продолженіи пяти дней и пяти ночей, и возвращались уже домой, какъ были настигнуты нѣмцами недалеко отъ Новаго нѣмецкаго городка (іюня 1-го); нѣмцевъ было много, и псковичи шли на бой, какъ на вѣрную смерть, прощаясь другъ съ другомъ. Однако верхъ остался за псковичами, которыхъ пало только 17 человекъ; болѣе погибло ихъ въ лѣсу, гдѣ они блуждали, одурѣвши отъ продолжительной бессонницы¹¹¹⁴⁾.

Андрей Ольгердовичъ, какъ выше упомянуто, посылалъ въ Псковъ намѣстниковъ, но это не нравилось псковичамъ, которые потому и не хотѣли повиноваться имъ. Это раздражило Андрея, и онъ, въ 1348 году, оставилъ Псковъ. Злобу свою онъ вымѣщалъ тѣмъ, что въ Литвѣ и Полоцкой области грабилъ псковскихъ гостей и однажды разорилъ нѣсколько сель пригорода Воронача¹¹¹⁵⁾.

Въ томъ же 1348 г. Псковъ сдѣлался автономнымъ, о чемъ мы уже говорили выше¹¹¹⁶⁾.

Теперь перейдемъ къ погодной передачѣ лѣтописныхъ извѣстій, касающихся Пскова и его области вообще.

1349. Апрѣля 13-го Юрій Витовтовичъ пріѣхалъ въ Изборскъ на освященіе престола св. Спаса «у св. Николы на полатѣхъ», который и былъ освященъ троицкими попами 15-го апрѣля. Въ полдень къ городу подошли нѣмцы, и Юрій вышелъ противъ нихъ съ пѣшими псковичами и гражданами Изборска. Въ первой же стычкѣ Юрій былъ убитъ, и тѣло его перевезли въ Псковъ и похоронили у св. Троицы «честно и великолѣпно». — Въ томъ же году нѣмцы поставили городокъ надъ Наровою противъ псковскаго «исада» (пристани); псковичи отрядили посадника Ивана со многими людьми, которые зажгли городокъ, при чемъ часть нѣмцевъ и чуди сгорѣла, а часть была избита псковичами. — Жена Юрія съ дѣтьми уѣхала изъ Пскова въ Литву¹¹¹⁷⁾.

1350. Новгородцы выгнали изъ Новгорода въ Псковъ посадника Оедора, брата его Михаила и др. и дома ихъ разграбили, — а тѣ изъ Пскова уѣхали въ Копорье¹¹¹⁸⁾.

1351—1352. Въ Псковѣ и по селамъ появился моръ на людей¹¹¹⁹⁾.

1114) Ibid. III, 82; IV, 57, 189; V, 13, 224.

1115) Ibid. IV, 190; V, 14 (подъ 1349 г.).

1116) См. этотъ годъ во 2-мъ приложеніи.

1117) П. С. Р. Л. IV, 62; V, 14; см. прим. 1115.

1118) Ibid. IV, 62.

1119) Ibid. III, 58, 132; IV, 62; V, 14.

1353.—1354. Псковичи съ кн. Евстафіемъ воевали полоцкія волости¹¹²⁰⁾.

1355. Псковичи воевали полоцкія волости¹¹²¹⁾.

1356.—1357. Въ Псковъ приѣхалъ кн. Василій Будволна (Будиволна)¹¹²²⁾. — Псковскіе купцы поставили деревянную церковь во имя св. Софіи «п, вторый съборъ священники учинивше, начаша держати вседенную службу»¹¹²³⁾.

1358. Псковичи съ кн. Евстафіемъ ходили къ Полоцку и повоевали полоцкія волости¹¹²⁴⁾.

1359.—1360. Въ Псковѣ былъ моръ на людей (железою). Псковичи просили владыку Алексія приѣхать и благословить ихъ; владыка исполнилъ просьбу, и «абіе преста моръ»¹¹²⁵⁾. Во время мора скончался кн. Евстафій и два сына его, Карпъ и Алексій¹¹²⁶⁾.

1361.—1362. Пригнали нѣмцы и на миру убили нѣсколько человекъ (псковичей); тогда псковичи забрали нѣмецкихъ гостей, которыхъ выпустили только въ слѣдующемъ году на Воздвиженіе, взявши съ нихъ много серебра за головы убитыхъ¹¹²⁷⁾. [Псковичи забирали нѣмецкихъ гостей, говоря: «отъимали юрьевци съ вилневици (феллинцы?) у насъ землю и воду¹¹²⁸⁾]].

1363. Въ Новгородъ приѣзжали нѣмецкіе, юрьевскіе и велневидскіе (вельядскіе, т. е. феллинскіе?) послы «на смолву» съ псковичами; прибыли и псковичи «и повѣствовавше много поидоша прочь, а миру не докончавъ». Въ Юрьевѣ (вслѣдствіе того) задержали новгородскихъ гостей. Въ томъ же году новгородскіе послы, по боярину отъ конца, ходили въ нѣмецкій Юрьевъ «и смолвиша нѣмецъ съ плесковичи въ любовь», послѣ чего псковичи отпустили нѣмецкихъ гостей, а нѣмцы — новгородскихъ¹¹²⁹⁾.

1364. (Псковичи) поставили двѣ варницы «на Рухъ» и начали варить соль; «и то не сбысться, и повергоша»¹¹³⁰⁾.

1365. По благословенію владыки Алексія въ Псковѣ начали дѣлать

1120) и

1121) Ibid. IV, 191.

1122) Ibid. IV, 191.

1123) Ibid. IV, 191. Объ этомъ князѣ болѣе ничего неизвѣстно.

1124) Ibid. V, 14.

1125) Ibid. V, 14.

1126) Ibid. III, 87; IV, 63—64, 191; V, 15.

1127) Ibid. IV, 191; V, 15.

1128) Ibid. IV, 191; V, 15.

1129) Ibid. III, 88; V, 229.

1130) Ibid. III, 88; V, 229.

каменную церковь св. Троицы «по старой основѣ»¹¹³¹). — Въ Псковѣ появился моръ на людей¹¹³²).

1366.—1367. «Не бѣша пословицы псковичемъ съ новгородци». — Пришли нѣмцы къ Изборску и воевали Псковскую волость до р. Великой; переправившись чрезъ рѣку, они подошли къ Пскову, пожгли посадъ «и, много пакости подѣявши», ушли обратно; а имъ «пакости... не бѣ никоея», потому что въ городѣ не было ни князя Александра, ни посадника Леонтія (Лентія): всѣ были въ разъѣздѣ. — Псковичи прислали въ Новгородъ пословъ съ поклономъ: «Господо братіе! како печалуетесь нами, своею братьею молодшек» и пр. Въ то время въ Юрьевѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ задержали новгородскихъ гостей, а новгородцы, въ свою очередь, задержали нѣмецкихъ. Но такъ какъ у новгородцевъ съ нѣмцами еще не было «развержено крестное цѣлованіе», то новгородцы и не пошли изъ-за псковичей на Нѣмецкую землю¹¹³³). — Новгородцы взяли «мръ подначество» съ псковичами¹¹³⁴).

1368. Отъ великаго князя Дмитрія въ Юрьевѣ пріѣзжалъ посолъ Никита, пробылъ тамъ много дней, но «не учини ничто же на добро ни мало» и пріѣхалъ въ Псковъ. Въ слѣдъ за нимъ 24-го сентября къ Пскову подошли нѣмцы, пожгли Запсковье и Полонище¹¹³⁵) и, простоявъ ночь, до свѣта бѣжали отъ города, въ которомъ не было ни князя Александра, ни посадниковъ, бывшихъ тогда въ разъѣздѣ по селамъ. Въ то же время другая нѣмецкая рать ходила «торономъ» (= изгономъ) около Велья и по Залѣсью¹¹³⁶); за ними была погоня, но ее нѣмцы побили. Потомъ псковичи съ княземъ Александромъ пошли къ Новому городку нѣмецкому и остановились около него; а Селпло Скертовскій (онъ же Щертовскій) съ своей небольшою дружиною изъ охочихъ людей отъѣхалъ «торономъ» къ Кирьепигѣ¹¹³⁷); здѣсь неожиданно появились нѣмцы и въ сшибкѣ убили Селила

1131) Ibid. V, 15.

1132) Ibid. III, 88, 229; VIII, 13. Въ Псковской второй подъ 1363 г. говорится, что «упаде верхъ церкви св. Троица, и приставиша засаду Изборскую, и выносиша камень и звукъ» (V, 15); тамъ же подъ 1364 г. говорится, что псковичи дали наймитамъ пять рублей, «они же истребиша разбивше стѣны св. Троицы, и звукъ выносиша на Великую рѣку», а въ Псковской первой говорится, что наймитамъ дали 200 рублей, но подъ 1365 г. не говорится о закладкѣ каменной церкви, за что, по Псковской второй, мастерамъ дано 400 рублей; можетъ быть, Псковская первая подъ 1364 г. говоритъ о томъ же, о чемъ вторая говоритъ подъ 1365 г.

1133) Никон. IV, 11.

1134) П. С. Р. Л. III, 89; IV, 65; V, 231; VIII, 15.

1135) Ibid. V, 231; VIII, 15.

1136) По Псковской первой нѣмцы пожгли у Пскова посадъ изъ Запсковья.

1137) По той же лѣтописи другая нѣмецкая рать была «у Велья изъ Налѣсьи». — Кирьепига — гор. Киремпе.

въ числѣ нѣсколькихъ другихъ псковичей; нѣкоторые изъ псковичей разбѣжались по лѣсу. Видя свое безспіе, псковичи, похоронивши убитыхъ, ушли домой¹¹³⁸).

1369. Къ Изборску пришли нѣмцы «съ многими замышленіи, съ пороки, со възграды, съ бораны», намѣреваясь разорить городъ и домъ св. Николая; они стояли у города 18 дней, «пороки шпбачуи во градъ». Когда къ Изборску на помощь подошли новгородцы, нѣмцы бѣжали и «запасъ свой весь повергоша»¹¹³⁹).

1370. Къ Пскову пришли нѣмцы, стояли три дня и убили нѣсколько человѣкъ на Запсковѣ, а Луку увели и замучили. Не сдѣлавъ ничего Пскову, они ушли¹¹⁴⁰). — Въ томъ же году псковичи, поднявъ новгородцевъ и собравши всю свою область, пошли къ Новому нѣмецкому городку; новгородцы, простоявъ подъ городкомъ три дня, ушли назадъ, не желая идти далѣе въ Нѣмецкую землю. Тогда псковичи одни пошли къ Кирьепигъ (гор. Киремпе) и сожгли посадъ; одни изъ нѣмцевъ были перебиты, а нѣкоторые отъ жара задохлись въ погребахъ. Это розрѣе у псковичей съ нѣмцами было въ продолженіе пяти лѣтъ «про обидное мѣсто, про Жалачко» (по другой лѣт. Жолчь). Тогда же псковичи и миръ взяли съ нѣмцами¹¹⁴¹).

1371. Совершена каменная церковь св. Николая у Опоки¹¹⁴²).

1372.—1373. Въ Псковѣ поставлены церкви свв. апп. Петра и Павла и св. Власія¹¹⁴³).

1374. Церковный мастеръ Кириллъ поставилъ церковь во имя своего святого, архіепа. іерусалимскаго Кирилла¹¹⁴⁴).

1375. При вел. кн. Димитріи, при псковскомъ князѣ Матвеѣ и при посадникѣ Григоріи Евстафьевичѣ псковичи заложили четвертую стѣну, каменную, отъ р. Псковы до р. Великой, а старая стѣна была съ дубомъ и немного выше человѣческаго роста (мало узвышь мужа¹¹⁴⁵).

1376. — 1377. — 1378. Князь Андрей Ольгердовичъ прибѣжалъ во Псковъ, цѣловалъ крестъ, и псковичи посадили его у себя на княженіе;

1138) и

1139) П. С. Р. Л. IV, 192; V, 15. По первой изъ указанныхъ лѣтописей, кн. Александръ явился на мѣсто побоища Селилы съ нѣмцами, похоронилъ убитыхъ, собралъ разбѣжавшихся по лѣсу и возвратился домой.

1140) Ibid. III, 89 (подъ 1368 г.); IV, 192; V, 15; VIII, 16. Въ Никон. IV, 23 это извѣстіе весьма кратко отмѣчено подъ 1368 годомъ; но передъ этимъ извѣстіемъ въ ней есть еще извѣстіе о томъ, что на помощь Пскову приходилъ Владиміръ Андреевичъ (серпуховскій) и пробылъ тамъ отъ «Събора» (26-го марта?) до Петрова дня.

1141) Ibid. V, 15.

1142) Ibid. III, 89; IV, 192—193; V, 15—16, 231.

1143) Ibid. IV, 193; въ V, 16 церковь эта поставлена «на Всосѣ» (?).

1144) Ibid. IV, 193; V, 16.

1145) Ibid. V, 16.

потомъ пзъ (чрезъ?) Новгорода поѣхалъ въ Москву къ великому князю, который принялъ его ¹¹⁴⁶).

1379.—1380. Въ Чудскомъ озерѣ утонуло 24 псковскихъ ладьи ¹¹⁴⁷).

1381.—1382. Въ Новгородъ приходилъ суздальскій владыка Діонисій отъ цареградскаго патріарха Нила съ благословеніемъ и грамотами; по повелѣнію владыки Алексія онъ приходилъ и въ Псковъ, «поучаа закону божію и утвержаа правовѣрную вѣру» ¹¹⁴⁸).

1383. Въ Псковѣ zaloжили три каменныхъ церкви: св. Космы и Даміана на Гремячей горѣ, св. Николая и св. Духа за стѣною ¹¹⁴⁹).

1384. Въ Псковѣ былъ владыка Алексій ¹¹⁵⁰).—Поставили двѣ церкви: св. Спаса у стараго костра (башня) и Воздвиженія креста Господня на княжомъ дворѣ ¹¹⁵¹).

1385. Поставили каменную церковь св. Θεодора ¹¹⁵²).—Погорѣлъ весь Псковъ; Богъ соблюлъ только св. Троицу ¹¹⁵³).

1386.—1387. Поставили три каменныхъ костра у новой стѣны «на приступѣ» ¹¹⁵⁴).

1388. Заложена каменная церковь Рождества Христова въ Довмонтовой стѣнѣ ¹¹⁵⁵).—Въ Псковѣ на мясопустной недѣлѣ, въ великое говѣнье, всю весну и въ Петрово говѣнье былъ моръ на людей (кровохарканіе и железа ¹¹⁵⁶).

1389. Весной въ Псковѣ былъ сильный моръ на людей; но пріѣхалъ владыка Іоаннъ, и по его молитвѣ моръ прекратился ¹¹⁵⁷).

1390. Новгородцы съ Семеномъ Ольгердовичемъ пошли на съѣздъ съ нѣмцами, но мира не взяли; затѣмъ пошли къ Пскову ратью; псковичи послали къ нимъ пословъ, Лавра, Михаила и др., которые встрѣтили новгородскую рать у Сольцы и тутъ заключили миръ: «за должникъ, и за холопъ, и за робу, и кто въ путь ходилъ на Волгу, не стояти псковичемъ, но выдати ихъ» ¹¹⁵⁸).

1146) Ibid. IV, 193; V, 16.

1147) Ibid. III, 91; IV, 193 (подъ 1377 г.); въ Никон. IV, 82 подъ 1379 г.

1148) Ibid. V, 16.

1149) Ibid. III, 93; IV, 83.

1150) Ibid. IV, 193; V, 16.

1151) Ibid. IV, 193.

1152) Ibid. V, 16.

1153) Ibid. IV, 193; V, 16.

1154) Ibid. III, 93; IV, 91; по IV, 193 и V, 16. Псковъ погорѣлъ въ 1386 г. мая 8-го.

1155) Ibid. IV, 193; V, 16.

1156) Ibid. IV, 194; V, 17.

1157) Ibid. IV, 96; Никон. IV, 158.

1158) Ibid. III, 95; IV, 96; въ IV, 194 и V, 17 подъ 1390 г.

1391. Въ Изборскѣ новгородцы заключаютъ миръ съ вѣмцами¹¹⁵⁹).

1392. Въ Псковѣ поставили шесть пороковъ. — Въ Новгородѣ пріѣхали вѣмецкіе послы, съ которыми новгородцы заключили миръ, «а псковичъ вымирили вонъ», почему они взяли миръ особо¹¹⁶⁰).

1393. Псковичи заложили «перши» (?) у Крома, каменную стѣну¹¹⁶¹).

1394. Окончили «перши» у Крома іюля 9-го и колокольницу поставили¹¹⁶²). — Въ томъ же мѣсяцѣ (18-го) Андрей Ольгердовичъ пріѣхалъ изъ Литвы «изъ нятвы»¹¹⁶³). — Новгородцы съ кн. Романомъ литовскимъ и кн. Константиномъ бѣлозерскимъ пришли къ Пскову ратью; въ Псковѣ были тогда кн. Андрей Ольгердовичъ и сынъ его Иванъ; «въ заѣздѣ» у новгородцевъ произошелъ бой съ псковичами, и въ этомъ бою убиты были кн. Иванъ Копорскій и Василій Ѳеодоровичъ подъ Ольгиною горою; убили и многихъ другихъ бояръ, а иныхъ взяли живыми. Новгородцы ушли отъ Пскова въ розмирьи съ псковичами¹¹⁶⁴).

1395. Въ Новгородѣ пріѣхалъ митрополитъ Кипріанъ; псковичи отравили къ нему пословъ съ поминкомъ, который владыка принялъ и Псковъ благословилъ. Въ Петровское заговѣнье въ Псковѣ пріѣхалъ владыка полоцкіи Ѳеодосій, бывшій въ Новгородѣ у митрополита, отъ котораго привезъ патриаршую грамоту¹¹⁶⁵).

1396. Въ церкви Бориса и Глѣба было знаменіе: икона св. Троицы съ верхняго тѣбла (ярусъ иконостаса) сошла на землю; было и еще два подобныхъ же чуда¹¹⁶⁶).

1397. Посадникъ Ефремъ и псковичи поставили костеръ (башня) на Васильевой горкѣ. — Кн. Иванъ Андреевичъ, кн. Григорій Евстафьевичъ, посадникъ Захарій и псковичи поставили три костра «на приступной стѣнѣ»: одинъ — съ р. Великой, другой — на Лужищѣ, а третій — на углу р. Псковы. — Въ томъ же году псковичи послали въ Новгородъ кн. Григорія Евстафьевича и посадниковъ Сысою и Романа, которые взяли съ новгородцами вѣчный миръ и цѣловали обоюдно крестъ іюня 18-го¹¹⁶⁷).

1398. Поставлено двѣ церкви, св. Покрова и св. Михаила¹¹⁶⁸).

1159) Ibid. III, 95; IV, 97, 194 (подъ 1391 г.); V, 17 (то же), 244; VIII, 61.

1160) См. тотъ же годъ во 2-мъ приложеніи.

1161) П. С. Р. Л. IV, 194; V, 17.

1162) Ibid. IV, 194; V, 17.

1163) Ibid. IV, 194; V, 17.

1164) Въ 1387 г. Андрея Ольгердовича «поима прелестію» въ Полоцкѣ братъ его Скиргайло. См. П. С. Р. Л. V, 17.

1165) П. С. Р. Л. III, 96; IV, 100, 194; V, 17 (подъ 1393 г.), 246; VIII, 64.

1166) Ibid. IV, 194.

1167) Ibid. IV, 194; V, 17. Ср. 1399 годъ.

1168) Ibid. III, 97; IV, 195; V, 194; въ V, 17—18 и Никон. IV, 270—271 подъ 1398 г.

1399. Князь Григорій Евстафьевичъ, посадникъ Захарій и весь Псковъ заложили новую стѣну къ старой стѣнѣ «на приступѣ»; поставили отъ р. Великой до Псковы три костра: первый — на Незнановѣ горѣ, второй—у Лужскихъ воротъ и третій — у Кумпныхъ воротъ. Въ томъ же году, еще до зимы, сдѣлали стѣну и костерь. — Весной кн. Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгерда, за двѣ недѣли до Троицына дня выѣхалъ изъ Пскова, сложивъ къ нему крестное цѣлованіе. Въ ту зиму Витовтъ разорвалъ миръ съ вел. кн. Василіемъ, Новгородомъ и Псковомъ. Тогда псковичи отправили къ великому князю Луку Совкина и «дружину» его просить князя, и въ Псковъ отпущенъ былъ кн. Иванъ Всеволодовичъ (холмскій изъ тверскихъ), который пріѣхалъ 10-го августа, а выѣхалъ изъ Пскова осенью ¹¹⁶⁹).—Владыка Іоаннъ ѣздилъ въ Псковъ «на свой подѣздъ» и судилъ мѣсяцъ ¹¹⁷⁰).

1400. Въ Псковъ пріѣхалъ владыка Іоаннъ и приказалъ посаднику Захарію нанять наймитовъ ставить костерь надъ р. Псковой, на что владыка далъ свое серебро. Въ томъ же году псковичи поставили другой костерь на Стрѣлицѣ, отъ рѣчнаго костра, «до персій толще и выше». — Ноября 25-го сильная буря ¹¹⁷¹).

1401. Въ Псковъ пріѣхалъ кн. Даніилъ Александровичъ намѣстникомъ отъ великаго князя. — Посадникъ Захарій Костромичъ, кн. Григорій Евстафьевичъ и псковичи заложили къ старой стѣнѣ новую возлѣ р. Великой отъ Бурковыхъ воротъ, отъ костра до Кромѹ (Кремля) ¹¹⁷²).—Псковичи послали къ кн. Витовту Григорія Федосьевича и намѣстника Гавріила, которые взяли съ княземъ литовскимъ вѣчный миръ ¹¹⁷³).—Зимой скончался посадникъ Захарій ¹¹⁷⁴).

1402. Посадникъ Романъ, тропцкій староста, и другой староста, Аристъ Павловичъ, поставили новый крестъ на церкви св. Троицы въ самый Троицынъ день при посадникѣ Ефремѣ, кн. Даніилѣ Александровичѣ и кн. Григоріи Евстафьевичѣ. — Возлѣ р. Великой сдѣлали стѣну и покрыли ее въ средокрестную недѣлю ¹¹⁷⁵).

1403. Нѣмцы изгономъ напали на Полоцкую волость, а псковскихъ гостей побили на озерѣ Нещердѣ, отняли у нихъ товаръ и девятирѣхъ бросили въ озеро. — Весной скончался кн. Иванъ Всеволодовичъ. — Псковичи

¹¹⁶⁹) Ibid. IV, 195.

¹¹⁷⁰) Ibid. IV, 195; V, 18 (подъ 1400 г.); въ VI, 130 объ Иванѣ Всеволодовичѣ подъ 1398 г.

¹¹⁷¹) Ibid. III, 101; IV, 104. Ср. 1400 г.

¹¹⁷²) Ibid. IV, 195; V, 20 (подъ 1401 г.). См. конецъ 1399 года.

¹¹⁷³) Ibid. IV, 195; V, 20.

¹¹⁷⁴) Ibid. V, 20.

¹¹⁷⁵) Ibid. IV, 195; V, 20.

пошли къ Новому городку (нѣмецкому) и истребили («потроша») жито на своей землѣ. — Зимой кн. Юрій (Святославичъ) смоленскій задержалъ псковскихъ гостей, отнялъ у нихъ товаръ, а самихъ держалъ «до полулѣта». Псковскіе и новгородскіе послы высвободили ихъ, и они пришли пѣшкомъ, такъ какъ товаръ и кони отняты были у нихъ ¹¹⁷⁶).

1404. Псковичи заложили каменную стѣну возлѣ р. Псковы, подлѣ старой стѣны, но толще и выше, при кн. Данилѣ Александровичѣ, кн. Григоріи Евстафьевичѣ и посадникахъ Ефремѣ, Романѣ, Леонтіи и Панкратѣ ¹¹⁷⁷). — Въ Псковѣ со Спасова дня былъ сильный моръ на людей, а пришелъ этотъ моръ изъ Юрьева отъ нѣмцевъ. — Февраля 2-го кн. Григорій принялъ иноческій образъ ¹¹⁷⁸). — Іюля 28-го сдѣлали стѣну возлѣ р. Псковы ¹¹⁷⁹).

1405. «Поганый отступникъ правыя вѣры», кн. Витовтъ повоевалъ Псковскую волость, «а миру не отказавъ, ни крестного цѣлованія не отславъ, ни мирныхъ грамотъ къ Пскову, а грамоту розметную посла къ Новгороду». Февраля 5-го онъ пришелъ на Коложскую волость: однихъ побилъ, другихъ, 11 тысячъ разнаго пола и возраста, взялъ съ собой, а подъ гор. Вороначемъ мертвыми дѣтьми наполнили двѣ ладьи. «Не бывала пакость такова, (какъ) и Псковъ сталъ!» а въ Литвѣ въ это время былъ псковскій посолъ Кирианъ Лодыжвиничъ. — Февраля 28-го псковскій посадникъ Юрій Филипповичъ съ охочими псковичами, граждане Изборска, Острова, Воронача и Велья повоевали Ржеву, а въ Великихъ Лукахъ взяли коложскій стягъ; они привели и плѣнныхъ много. Новгородцы не оказали никакой помощи псковичамъ. Князь Данилъ Александровичъ, посадникъ Юрій Филипповичъ и весь Псковъ били челомъ новгородскимъ воеводамъ: «поѣдите, господа, съ нами на Литву мстити крове крестьянскыя». — «Насъ владыка не благословилъ пти на Литву, отвѣчали тѣ, а Новгородъ намъ не указалъ; но идемъ съ вами на нѣмцы». — Мая 31-го, въ Духовъ день, при послѣ великаго князя Никитѣ Неѣловѣ погорѣлъ весь Псковъ. — Кн. Данилъ Александровичъ, посадникъ Иларіонъ Дойшиковичъ и весь Псковъ 30-го іюля пошли къ Полоцку, около котораго стояли трое сутокъ; двухъ псковичей тамъ застрѣлили. — Августа 22-го пришли (къ Пскову) нѣмцы съ рижскимъ магистромъ и ходили по волости двѣ недѣли; были подъ Островомъ и подъ Котельномъ. Вельяне, челоуѣкъ 150 «желѣзной рати», подѣхали у Камня къ р. Великой, узнали, что нѣмцы на ихъ сторонѣ (на сторонѣ, гдѣ г. Велье),

1176) Ibid. IV, 195—196.

1177) Ibid. IV, 196.

1178) Ibid. IV, 196.

1179) Ibid. IV, 106 (подъ 1403 г.), 196; V, 18.

ударили на послѣднихъ и однихъ забрали въ полонъ, другихъ изрубилъ, а нѣкоторые утонули въ рѣкѣ; при этомъ вельяне захватили нѣмецкій стягъ. — Въ Псковѣ, по пригородамъ и по волости большой моръ на людей¹¹⁸⁰). — Псковичи и новгородцы ѣздили къ великому князю жаловаться (на Витовта), и послѣдній далъ имъ въ помощь брата своего Петра¹¹⁸¹).

1406.—1407¹¹⁸²). Изъ-за псковичей великій князь разорвалъ миръ съ Витовтомъ¹¹⁸³). — Псковичи ратью ходили къ Полоцку, едва не взяли города и ушли, повоевавъ полоцкія волости¹¹⁸⁴). — Къ Пскову пришелъ съ нѣмцами рижскій магистръ Кортъ (Корто) съ нѣмцами¹¹⁸⁵), повоевалъ волости и ушелъ обратно¹¹⁸⁶). — Осенью кн. Юрій отъѣхалъ въ Москву¹¹⁸⁷). — Псковичи съ намѣстникомъ великаго князя, кн. Даніиломъ Александровичемъ, ходили ратью на нѣмцевъ, съ которыми встрѣтились за Новымъ городкомъ 2 октября; псковичи гнали и избивали нѣмцевъ на протяженіи 15 верстъ. Дошедши до Кирьепиги (Киремпе) съ намѣреніемъ идти къ Юрьеву, они встрѣтились съ магистромъ Кортомъ, послѣ боя съ которымъ возвратились въ Псковъ съ большимъ полономъ¹¹⁸⁸). — Тогда псковичи били челомъ Новгороду о помощи, но напрасно; [обратились къ великому князю, и этотъ послѣдній разорвалъ миръ съ Витовтомъ «псковскія ради обиды»]. Въ то время въ Псковѣ былъ большой моръ на людей, и псковичи «отрекошася» кн. Даніилу Александровичу: «тебе ради моръ сей у насъ», и князь выѣхалъ изъ Пскова. Послѣ того псковичи чрезъ пословъ выпросили себѣ у великаго князя брата его, кн. Константина, который пріѣхалъ во Псковъ

1180) Ibid. IV, 196. Далѣе въ этой же лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ идутъ іюньскія даты.

1181) Ibid. III, 102; IV, 108, 197 (подъ 1406 г.); V, 19 (1406 г.), 253—254; VI, 132; VIII, 78. Въ IV, 108 между прочимъ говорится, что псковичи жаловались Новгороду на дѣйствія Витовта, и новгородцы послали на помощь къ нимъ (воеводу) Александра Константиновича и другихъ бояръ; когда послѣдніе пришли въ Псковъ, псковичи отослали ихъ обратно въ Новгородъ, а сами поѣхали и «на крестномъ цѣлованіи» повоевали новгородскія села, Луки и Ржеву. Въ III, 102 и V, 19 объ истребленіи Пскова пожаромъ говорится подъ 1406 г.

1182) Ibid. IV, 132; VIII, 78.

1183) Подъ этими годами въ разныхъ лѣтописяхъ одно и то же событіе берется, такъ сказать, въ разныхъ составныхъ своихъ частяхъ, въ однихъ кратко, въ другихъ полно, что подаетъ поводъ разсматривать его, какъ два разныхъ эпизода. Потому-то мы и соединяемъ оба года вмѣстѣ.

1184) См. стр. 139. Здѣсь, вѣроятно, разумѣется тотъ же походъ, о которомъ въ другихъ лѣтописяхъ гворится подъ 1405 годомъ.

1185) Конрадъ Фитингофъ въ старинныхъ ливонскихъ актахъ называется Кордтомъ.

1186) П. С. Р. Л. III, 102; IV, 109; V, 19, 254; VI, 132; VIII, 78.

1187) Ibid. III, 102.

1188) Ibid. III, 102—3; IV, 109, 196—199 (подъ 1407; псковичи выступили въ походъ 7-го октября); V, 256; VI, 132, 134; VIII, 81.

15-го марта. Спустя немного времени Константинъ Димитріевичъ «на добро Пскову» послалъ въ Новгородъ слугу своего, кн. Константина¹¹⁸⁹), къ которому псковичи приставили своего посадника, Ивана Сидоровича, просить помощи противъ нѣмцевъ; но новгородцы не помогли ни словомъ, ни дѣломъ. Въ томъ же году кн. Константинъ, поднявши всю область и пригороды, пошелъ 26-го іюня за Нарову къ городу Порху (?), который онъ взялъ; повоевалъ много погостовъ и захватилъ много добычи. Въ другія разратыя въ этомъ краю у псковичей не бывало войны, и только князья Довмонтъ и потомъ Давидъ воевали тамъ.—Во Псковѣ прекратился моръ.—Сдѣлали стѣну возлѣ р. Псковы «противъ персей отъ гребли до сторожевой избѣ толще и выше».—Іюля 20 кн. Константинъ выѣхалъ изъ Пскова, а новгородцы въ это время привели къ себѣ князя изъ Литвы, Лугвенія Ольгердовича, «а все то псковичемъ въ перечпну»; дьяволъ вложилъ имъ мысль жить въ любви съ литвой и нѣмцами,—а псковичамъ не помогали.—Августа 18-го нѣмцы съ магистромъ подошли къ Пскову; псковичи встрѣтили ихъ у брода въ Туховитичахъ, а броды всѣ были заграждены, такъ что бились чрезъ рѣку. Ничего не сдѣлавъ, нѣмцы пошли обратно, а псковичи пустились въ слѣдъ за ними и догнали ихъ на Лозоговицкомъ полѣ; здѣсь въ стычкѣ убиты были посадники Панкратъ, Ефремъ Коргачъ и Леонтій Лубка, всего же псковичей убито 700 человекъ; и псковичи избili много князей и бояръ нѣмецкихъ; много нѣмецкихъ коней привели въ Псковъ. Это было страшное побоище, «яково же бысть Ледовое и у Раковора». Въ то же время другая псковская рать ходила за Нарову въ судахъ, но, встрѣтясь съ нѣмцами и видя свое безсиліе, псковичи ушли пѣшкомъ, бросивъ семь насадовъ¹¹⁹⁰).

1408. Ливонскій магистръ пришелъ на Псковскую волость, а другая рать, литовская и нѣмецкая, въ то же время стояла подъ Вельемъ 3 дня; на четвертый день всѣ силы соединились и обступили городъ. Вскорѣ вороначане (жители Воронача) вышли изъ (своего?) города и убили сто литовцевъ, а нѣкоторыхъ взяли живыми. Магистръ въ то время ходилъ по Демянницѣ и по Залѣсю («Залѣшью»), воевалъ и Новгородскую волость,

1189) Это, безъ сомнѣнія, Константинъ Ивановичъ, единственный бездѣтный сынъ кн. бѣлозерскаго Ивана Федоровича, павшаго въ Куликовской битвѣ. Въ 1408 г., какъ сейчасъ увидимъ, онъ выѣхалъ изъ Пскова. См. его біографію во II-мъ томѣ, въ главѣ о Бѣлозерскомъ княжествѣ.

1190) Н. С. Р. Л. IV, 110, 196—199 (подъ 1407 годомъ); VI, 134; VIII, 81. Въ послѣднихъ двухъ изъ указанныхъ лѣтописей сообщается только голый фактъ о назначеніи въ Псковъ кн. Константина. — Въ VI, 135 и VIII, 81 подъ 1407 годомъ кратко говорится о томъ, что кн. Константинъ Димитріевичъ ходилъ съ псковичами на нѣмцевъ и взялъ какой-то городъ Язвинъ или Явизну.

доходилъ до Кошкина городка, людей пѣбивалъ, иныхъ забиралъ съ собой, «а новгородцы о всемъ томъ небрегоша». — Зимой кн. Константинъ бѣлозерскій выѣхалъ изъ Пскова, куда пріѣхалъ изъ Порхова кн. Даниилъ Александровичъ, котораго псковичи приняли съ честію. — Зимой кн. Константинъ Дмитріевичъ выѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ на намѣстничество. — Мая 6 нѣмцы пригнали къ Велью, забрали въ полонъ 43 человекъ обоого пола и бѣжали обратно. Вельяне погнались за ними, но въ стычкѣ съ нѣмецкой засадой потеряли 45 человекъ; затѣмъ подоспѣли вороначане, нагнавши нѣмцевъ на рубежѣ и убили изъ нихъ 33 человекъ. — Въ томъ же мѣсяцѣ жители Изборска ходили въ Нѣмецкую землю, но потерпѣли уронъ въ 11 человекъ. — Осенью нѣмцы взяли (съ псковичами) перемирье «на третью зиму» до Срѣтенія¹¹⁹¹⁾.

1409. Февраля 5, по (истеченіи) перемирьи съ нѣмцами и Литвой, нѣмцы съ магистромъ пришли воевать Псковскую волость; воевали и новгородскія волости, — а новгородцы «всего того не брегоша» «псковичемъ въ перечпну», хотя псковичи много были челомъ Новгороду. — «Того же лѣта отложивша въ Псковѣ кунами торговати и начаша торговати пѣнязи». — Апрѣля 4-го въ Псковѣ скончался кн. Даниилъ Александровичъ. — Послѣ Пасхи псковичи взяли миръ съ Витовтомъ «по старинѣ, по псковской воли, по князя великаго докончанію Василія Дмитреевича»¹⁰⁹²⁾.

1410. Юля 20-го (по Псковской второй 28) псковичи и нѣмцы съѣхались у Кирьеппи (Киремпе) и отправились въ Изборскъ, гдѣ заключили миръ «по старинѣ, по псковской воли, по (образцу) новгородскому докончанью», «а опроче Новагорода», такъ какъ послѣдній не помогалъ псковичамъ. — Псковичи чрезъ пословъ выпросили къ себѣ княземъ (у в. кн. Василія) Александра Ѳеодоровича ростовскаго, котораго и посадили на княженіе 26-го сентября¹¹⁹³⁾. — Зимой изъ Пскова выѣхала жена князя Данила¹¹⁹⁴⁾.

1411. Владыка Іоаннъ прислалъ въ Псковъ на масляной недѣлѣ протопопа Тимофея «на попѣхъ подѣзда просить»; но Псковъ не велѣлъ да-

1191) Ibid. IV, 199—200; V, 19—20, 257 (подъ 1409 г.); VI, 139 (то же); въ III, 103 и V, 257 только о приходѣ кн. Константина Дмитріевича въ Новгородъ, а въ обѣихъ Софійскихъ—о мирѣ съ Витовтомъ и нѣмцами (ср. конецъ 1409 г.). Въ Софійской первой сказано, что псковичи взяли миръ съ Витовтомъ и нѣмцами «новгородскимъ повелѣніемъ».

1192) Ibid. IV, 111, 200; V, 20—21; въ III, 103 и V, 21 (подъ 1410 г.), 257 о смерти кн. Данила.

1193) Ibid. IV, 201; V, 21. Въ Псковской первой сначала говорится о заключеніи мира съ нѣмцами, а потомъ — объ испрошеніи князя Александра; въ Псковской же второй — наоборотъ.

1194) Ibid. IV, 201.

вать подъѣзда, говоря: «коли Богъ дастъ будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подъѣздъ его чистъ, какъ пошло исперва по старинѣ¹¹⁹⁵). — Псковичи сожгли двѣнадцать «жонке вѣщихъ»¹¹⁹⁶).

1412. Мая 15-го кн. Александръ Ѳеодоровичъ выѣхалъ (по Псковской второй — выпроводили псковичи) изъ Пскова въ Москву, «а на Псковъ крестное цѣлованіе възложивъ, а псковичи въ крестномъ цѣлованіи правн». Послѣ того псковичи отправили къ великому князю пословъ, чрезъ которыхъ выпросили къ себѣ княземъ Константина Димитріевича, великокняжескаго брата. При псковскихъ послахъ великій князь отправился въ орду¹¹⁹⁷).

1413. Въ Псковѣ двѣ недѣли былъ владыка Іоаннъ; 6 августа, благословивъ гражданъ, онъ выѣхалъ въ Новгородъ¹¹⁹⁸). — Князь Константинъ отъѣхалъ въ Новгородъ, но, пробывъ тамъ годъ, опять пріѣхалъ въ Псковъ¹¹⁹⁹).

1414. Псковичи поставили городъ Коложе на новомъ мѣстѣ, на Опочкѣ; работы окончены въ двѣ недѣли послѣ Покрова пр. Богородицы¹²⁰⁰). — Въ Петровъ постъ кн. Константинъ поѣхалъ изъ Пскова въ Москву. — Псковичи истребили жито подъ Новымъ городкомъ (нѣмецкимъ) и отогнали скотъ; послѣ того юрьевцы прислали въ Псковъ пословъ, а псковичи отправили своихъ двухъ въ Новый городокъ; изъ нихъ одного нѣмцы изрубили, а другаго бросили въ погребъ. Псковичи по этому случаю задержали нѣмецкихъ пословъ¹²⁰¹).

1415. На Воздвиженіе честнаго креста нѣмцы задержали псковскихъ гостей, а псковичи — нѣмецкихъ. И тѣ и другіе были въ неволѣ все лѣто. Потомъ юрьевцы прислали пословъ, которые цѣловали крестъ къ псковичамъ, и послѣдніе отпустили нѣмецкихъ гостей, но одного изъ нихъ «посѣкоша противу своего человѣка»; и нѣмцы 27-го *іюля* также освободили псковскихъ гостей. — *Марта* 19-го въ Псковъ пріѣхалъ кн. Андрей Александровичъ ростовскій (сынъ А. Константиновича), который принять былъ съ честью¹²⁰²).

1416. Окончена постройкой (разрушившаяся въ 1415 г.) церковь св. Софіи за Довмонтовой стѣной іюня 18-го¹²⁰³).

1195) Ibid. IV, 201.

1196) Ibid. V, 21—22.

1197) Ibid. IV, 201; V, 21 (подъ 1411 годомъ, а подъ 1412 говорится о пріѣздѣ Константина въ Псковъ).

1198) Ibid. III, 105; IV, 201; V, 22.

1199) Ibid. V, 22.

1200) Ibid. IV, 202; V, 22.

1201) Ibid. V, 22.

1202) Ibid. V, 22.

1203) Ibid. IV, 202.

1417. Въ Псковѣ поставили стѣну отъ костра на Незнановой горкѣ до Сысоевыхъ воротъ и, въ Петровъ постъ, костеръ на Кромѣ. — Юля 17-го псковичи выгнали кн. Андрея Александровича. — Скончался кн. Григорій на Снѣтной горѣ въ иноческомъ чинѣ. — Псковичи, бывшіе въ ссорѣ съ новгородцами, послали посадниковъ и бояръ въ Новгородъ просить мира, но новгородцы челобитья ихъ не приняли. — Къ великому князю отправлены были послы, которые выпросили въ Псковъ кн. Оедора Александровича, и послѣдній пріѣхалъ туда за двѣ недѣли до Рождества Христова ¹²⁰⁴). — Въ Псковѣ былъ моръ ¹²⁰⁵).

1418. Кн. Оедоръ Александровичъ и весь Псковъ августа 21-го послали въ Новгородъ посадника Николая Павловича и другихъ бояръ, которые взяли миръ съ новгородцами 28-го августа ¹²⁰⁶). — Осенью владыка Симеонъ ѣздилъ въ Псковъ ¹²⁰⁷).

1419. Скончались посадники Романъ и Иларіонъ ¹²⁰⁸).

1420. Псковичи наняли мастеровъ, и, между прочимъ, Оедора, покрыть перковь св. Троицы свинцомъ, но ни въ Псковѣ, ни въ Новгородѣ не нашлось человѣка, умѣющаго лить доски изъ свинца. Псковичи обратились за такимъ мастеромъ въ Юрьевъ, но поганые нѣмцы мастера не дали. Наконецъ, Оедора научилъ этому искусству мастеръ, пріѣхавшій изъ Москвы отъ митрополита Фотія ¹²⁰⁹). — Въ Псковѣ былъ моръ на людей. Тогда принялъ иноческій образъ князь Оедоръ Александровичъ и отѣхалъ въ Москву ¹²¹⁰). — Поставленъ костеръ на Кромѣ и оконченъ 1 сентября (по одному варианту — 7 юля). — Псковичи начали торговать деньгами, чистымъ серебромъ ¹²¹¹).

1421. Витовтъ чрезъ своихъ посланцевъ требуетъ, чтобы псковичи разорвали миръ съ нѣмцами; но тѣ отказались, почему литовскій князь началъ держать на нихъ гнѣвъ. — Псковичи послали къ великому князю посадника Николая и другихъ бояръ, которые выпросили въ князя псковскіе кн. Александра Оедоровича ¹²¹²).

1422. Между тѣмъ какъ во всей Руси свирѣпствовалъ голодъ, въ Псковѣ было обиліе хлѣба отъ старыхъ годовъ. Въ Псковѣ, по этому, по-

1204) Ibid. IV, 202 (только о прибытіи въ Псковъ кн. Оедора); V, 22.

1205) Ibid. III, 107; IV, 115, 135; V, 260; VIII, 89.

1206) Ibid. IV, 202; V, 22.

1207) Ibid. III, 108; IV, 118, 202 (подъ 1419 г.); V, 23 (то же).

1208) Ibid. V, 23.

1209) Ibid. V, 23.

1210) Ibid. IV, 119, 202 (подъ 1419 г.); V, 23.

1211) Ibid. III, 110; IV, 202—203.

1212—1215) Ibid. V, 23—24.

тянулись новгородцы, корельцы, чудь, вожане, тверичи и пр., начали покупать и вывозить хлѣбъ (въ такомъ большомъ количествѣ), что пришлось запретить продажу и вывозъ хлѣба за рубежъ; въ то же время нахожихъ людей стали выпроваживать изъ Пскова и волостей. — Апрѣля 1 кн. Александръ Ѳеодоровичъ приѣхалъ въ Псковъ и принять былъ съ честію¹²¹³).

1423. Псковичи послали къ вел. кн. Василю Дмитріевичу двухъ посадниковъ, Юрія Впикова и Ѳеодора Шибалкинпча, съ челобитьемъ, чтобы великій князь сказалъ тестю своему Витовту доброе слово за псковичей, чтобъ тотъ гнѣва на нихъ не держалъ и вины ихъ отдалъ имъ. Но князь великій «не учини на добро ничего же». — Кн. Александръ ростовскій выѣхалъ изъ Пскова и съ челядью¹²¹⁴).

1424. Псковичи послали къ великому князю посадника и бояръ просить князя для Пскова и бить челомъ, чтобы в. кн. избавилъ псковичей отъ гнѣва кн. Витовта; относительно послѣдней просьбы великій князь ничего не сдѣлалъ, а княземъ во Псковъ послалъ кн. Ѳеодора Патрикѣевича, который приѣхалъ на мѣсто назначенія 11 іюня¹²¹⁵). — «Псковичи отложивша пѣнызми артугы торговати и приставивша мастеровъ денги ковати въ чистомъ сребрѣ»¹²¹⁶). — Съ княземъ магистромъ псковичи утвердили миръ на три года. — Псковичи послали посадника и бояръ въ Литву къ кн. Витовту, но тѣ не нашли его въ Литовской землѣ и пошли за Кіевъ; наконецъ, нашли князя верстъ на 500 за г. Луцкомъ въ г. Кременцѣ и били ему челомъ, чтобы онъ не держалъ гнѣва на Псковъ; Витовтъ же «съ яростію, гнѣва наполнивша, отвѣтъ даде по старому цѣлованію»¹²¹⁷).

1425. Въ Псковѣ и по всей волости былъ моръ на людей¹²¹⁸). — Зимой псковичи послали посадника Николая Павловича къ в. кн. Василю Дмитріевичу бить челомъ, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ гнѣва Витовта; но великій князь «не учини ничтоже». Тогда псковичи ударили челомъ новгородцамъ, и тѣ отправили къ Витовту пословъ, съ которыми пошелъ и псковскій посадникъ Ѳеодоръ; но отъ Витовта ничего хорошаго не добились¹²¹⁹). — Кн. Ѳеодоръ Патрикѣевичъ, убоявшись мора, выѣхалъ со всей челядью изъ Пскова въ Москву, а сидѣлъ во Псковѣ годъ и два мѣсяца¹²²⁰).

1426. Псковичи повѣсили колокола «на першехъ ко св. Троицы, на новой колоколници» 23-го сентября. — Зимой въ Москвѣ скончался, вскорѣ

1216) Ibid. III, 110; IV, 120; V, 24. Ср. конецъ 1420 г.

1217) Ibid. V, 24.

1218) Ibid. IV, 203; V, 24, 263; VI, 143 (подъ 1426 г.); VIII, 93 (то же).

1219) Здѣсь въ Псковской второй говорится о появившемся морѣ на людей.

1220) П. С. Р. Л. V, 24—25.

по приѣздѣ пзъ Пскова, кн. Ѳеодоръ Патрикѣевичъ. — На зиму въ Псковѣ прекратился моръ. — Въ маѣ сгорѣло 40 дворовъ на Запсковѣѣ, а 5 іюня былъ пожаръ на посадѣ. — На Петровъ день Витовтъ разорвалъ миръ съ Псковомъ и ходилъ воевать Псковскую землю¹²²¹).

1427. Великій князь прислалъ въ Псковъ своего посла, съ которымъ отправились къ Витовту и псковскіе послы, захвативъ съ собою обѣщанное Витовту серебро и псковичей, плѣненныхъ литовцами и оставленныхъ Витовтомъ на поруки псковскимъ посадникамъ. Витовтъ серебро взялъ, а плѣнныхъ оставилъ у себя; великокняжескій же посолъ не оказалъ псковичамъ никакой помощи. — Апрѣля 9-го скоропостижно скончался посадникъ Николлай. — Весной, за три недѣли до Пасхи, псковичи отправили пословъ въ Литву къ Витовту, съ которымъ взяли миръ: за плѣнныхъ псковичи обязались выдать на Покровъ пр. Богородицы 450 рублей. — Нѣмцы убили шесть человекъ опочанъ-бортянковъ на псковской землѣ; потомъ на псковской же землѣ сдѣлали покосы, а псковичи, приѣхавъ въ двухъ насадхъ, сожгли ихъ сѣно и повѣсили семь человекъ чуди¹²²²).

1428. Псковичи подтвердили миръ съ магистромъ и юрьевцами и со всей Нѣмецкой землей, «а безъ Новгорода», который ничѣмъ не помогъ имъ¹²²³). — Послали къ в. кн. Василю Васильевичу посадника Ѳеодора Шибалкиннича, чрезъ котораго выпросили себѣ княземъ Александра Ѳеодоровича ростовскаго, приславшаго напередъ сына своего Димитрія, который, пробывъ въ Псковѣ до половины зимы, не дождавшись отца, уѣхалъ въ Москву. — Января 10-го умеръ Ѳеодоръ Шибалкинничъ. — Февраля 29-го выгорѣлъ весь городокъ Котельно. — Витовтъ разорвалъ миръ съ Новгородомъ, и новгородцы просили помощи у Пскова; но псковичи отказали въ просьбѣ, говоря: «како вы намъ не помогосте, тако и мы вамъ не поможемъ; а еще межю нами крестное цѣлованіе съ Витовтомъ, что намъ по васъ не пособляти». Тогда и в. кн. Василій цѣловалъ Витовту крестъ на томъ, что онъ не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову. — Іюля 18-го Витовтъ пришелъ къ Вышегороду, потомъ къ Порхову; новгородцы съ владыкой Евѣиміемъ привезли Витовту большіе дары, 15,000 рублей, и литовскій князь 28-го іюля ушелъ¹²²⁴).

1429. Псковичи чрезъ пословъ выпросили для себя (у в. кн. Василя) кн. Александра Ѳеодоровича ростовскаго, который вмѣстѣ съ сыномъ Димитріемъ прибылъ во Псковъ февраля 20-го¹²²⁵).

1221) См. подробности на стр. 151.

1222) П. С. Р. Л. IV, 205; V, 26.

1223) Ibid. IV, 205.

1224) Ibid. V, 26.

1225) Ibid. IV, 205; V, 26.

1430. Съ 15-го сентября въ продолженіе трехъ дней была спльная буря, и «много пакости учинило граду и по всей волости»¹²²⁶).

1431. Кн. Александръ и посадникъ Сильвестръ заложили новый городокъ Выборъ на новомъ мѣстѣ, на рѣкѣ надъ Ругоднвомъ, въ Залѣсѣ; начавъ ставить его на Воздвиженіе креста, къ зпмѣ окончили. — У псковичей съ новгородцами не было ни миру, ни рати. — Кн. Александръ, посадникъ Якимъ Павловичъ и др., на пятой недѣлѣ по Пасхѣ, наняли 300 человекъ (рабочихъ) и заложили городъ на рѣкѣ на Гдовѣ, «а на гдовскихъ земцахъ, въ кого тамо отчпна, взяша 300 рублей въ камену стѣну»¹²²⁷).

1432. Псковичи послали въ Новгородъ посадниковъ и бояръ бить челомъ владыкѣ Евѣимію и Новгороду о мирѣ; но тѣ «не учиниша ни миру, ни розратья»¹²²⁸). — Псковичи ѣздили на съѣздъ на полоцкій рубежъ, но ничего не сдѣлали¹²²⁹).

1433. Іюля 3-го отъ молніи загорѣлось два костра, одинъ — на Кромѣ, а другой — «на першехъ отъ Великой рѣкѣ»; но пожару не дали усилиться¹²³⁰).

1434. Псковичи послали въ Новгородъ посадниковъ, Ивана Сидоровича и Якима Павловича и «дружину ихъ», дѣтей боярскихъ; но они мира не добились. — Февраля 28-го кн. Александръ Ѳедоровичъ выѣхалъ изъ Пскова со всей челядью въ Москву, а былъ онъ во Псковѣ три раза, всего же житія его въ Псковѣ — 12 лѣтъ. Въ тотъ же день въ Псковъ пріѣхалъ изъ Литвы зять его, кн. Владиміръ Даниловичъ, бывшій въ Литвѣ десять лѣтъ, и принять былъ съ честью¹²³¹). — Псковичи послали въ Новгородъ посадника Сильвестра Леонтьевича и дружину его съ челобитьемъ о мирѣ къ владыкѣ Евѣимію, посадникамъ, тысяцкимъ и всему Новгороду; новгородцы приняли челобітье и взяли съ псковичами миръ по старинѣ іюля 22-го¹²³²).

1435. Псковскіе посадники, соцкіе и пр. цѣловали крестъ къ пріѣхавшимъ во Псковъ новгородскимъ посламъ¹²³³). — Января 13 въ Псковъ пріѣхалъ владыка Евѣимій «не въ свой подъѣздъ, ни въ свою череду, но

1226) Ibid. IV, 205—206.

1227) Ibid. IV, 206; V, 26.

1228) Ibid. IV, 206; V, 27. Въ послѣдней подъ 1431 годомъ, но то же повторяется и подъ 1432 годомъ.

1229) Ibid. IV, 206.

1230) Ibid. IV, 207; V, 27.

1231) Ibid. IV, 207—208; V, 27.

1232) Ibid. IV, 208—209.

1233) Ibid. IV, 209.

наровою»; псковичи просили его «о сборованіи» (церковныя службы), но владыка «не ворчеся, а суду своего у Пскова просить и на попѣхъ своего подѣзда». Псковичи не дали ему «тоя воли», не хотѣли, чтобъ онъ держалъ намѣстника и печатника «изъ своею руку», изъ новгородцевъ, а не изъ псковичей; владыка разгнѣвался и, пробывъ въ Псковѣ одну недѣлю, уѣхалъ. Кн. Владиміръ Даниловичъ, посадники и бояре догнали его и били ему челомъ; владыка воротился, «и даша ему судъ и на попѣхъ подѣздъ», «а о сборованіи положилъ до митрополита»¹²³⁵). И началъ владычній намѣстникъ судъ судить не по псковской пошлнѣ: «учалъ посужати рукописанья и рядниці, а иное учали діаконѣ сажати у гридницю, а все то учалъ дѣяти новину, а старину покинуувъ». Слѣдствіемъ этого было то, что у псковичей произошелъ бой съ софіянами (т. е. со свитой владыки). Владыка разгнѣвался и 30-го января уѣхалъ изъ Пскова¹²³⁶).

1436. Изъ Риги отъ магистра пріѣхалъ въ Псковъ литовскій князь Иванъ Баба «въ своемъ безвереманьи». Проживъ въ Псковѣ до половины зimy, онъ уѣхалъ въ Москву. — Зимой въ Псковъ пріѣхалъ кн. Борисъ (Васильевичъ Шуйскій) и псковичи приняли его, «чаяхуть его пріѣхавша отъ великаго князя намѣстникомъ». Псковичи отправили къ великому князю пословъ своихъ съ кн. Владиміромъ Даниловичемъ, которому великій князь и далъ Псковское княженіе, на которое онъ воротился изъ Москвы 12-го апрѣля, а кн. Борисъ, по слову великаго князя, выѣхалъ изъ Пскова, «за-неже онъ пролгался»¹²³⁷). — Весной псковичи задержали нѣмецкихъ гостей 24 человекъ и съ товаромъ ихъ и посадили ихъ въ погребъ, потому что нѣмцы на крестномъ цѣлованіи схватили псковскихъ ловцовъ (рыбаковъ), а нѣкоторыхъ избили¹²³⁸).

1437. Въ Псковъ пріѣхалъ, двѣ недѣли спустя по Пасхѣ, кн. Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгерда, «а въ своемъ безвереманіи». Псковичи дали ему 100 зобницъ (хлѣбная мѣра) ржи, 100 — овса да 10 рублей «на кормлю». Онъ выѣхалъ изъ Пскова на Христорождественской недѣлѣ¹²³⁹).

1438. Декабря 6-го въ Псковъ пріѣхалъ митрополитъ Исидоръ и пробылъ тамъ семь недѣль; онъ поставилъ въ Псковѣ намѣстникомъ своимъ

1234) По Псковской второй, когда ему посадники «приказаша сборовати» у св. Троицы, онъ разгнѣвался и 30-го января выѣхалъ изъ Пскова.

1235) П. С. Р. Л. IV, 209—210; V, 28.

1236) Ibid. IV, 210; V, 28;

1237) Ibid. IV, 210.

1238) Ibid. IV, 210; V, 29 подъ 1436 г.

1239) Ibid. III, 112 (подъ 1437 г.); IV, 122 (то же), 210—211; V, 29.

архимандрита Геласія, отнялъ судъ, печать, воды, земли, оброкъ и всѣ пошлыны владычнія и далъ этому Геласію¹²⁴⁰).

1439. Въ Псковъ пріѣхалъ изъ Твери кн. Александръ Ивановичъ, правнукъ Ольгерда, и псковичи честно посадили его на княженіи, а кн. Владиміра Даниловича выгнали изъ Пскова¹²⁴¹).

1440. Въ Вороначѣ было знаменіе августа 7: изъ лѣваго ока иконы св. Николая истекала кровь¹²⁴²).

1441. Псковскій пригородъ Опочка 5-го сентября сгорѣлъ весь; осенью же поставили новый. — Изъ Литвы митрополитъ Исидоръ прислалъ за архимандр. Геласіемъ, а въ Псковъ назначилъ другаго архимандрита, Григорія. — Псковичи участвуютъ въ походѣ великаго князя на Новгородъ¹²⁴³).

1442. Зимой въ Псковѣ свирѣпствовалъ моръ. (По этому случаю) кн. Александръ и псковичи поставили церковь Похвалы пр. Богородицы. — Кн. Александръ скончался въ иноческомъ чинѣ¹²⁴⁴).

1443. Въ Дмитріевъ день въ Псковѣ прекратился моръ. — Отъ великаго князя въ Псковъ пріѣхалъ намѣстникомъ кн. Александръ Васильевичъ Черторижскій, а 25 августа прибылъ великокняжескій посолъ и по слову великаго князя поручилъ ему княженіе: князь Александръ цѣловалъ крестъ къ великому князю и Пскову¹²⁴⁵).

1444. Посадникъ Ѳеодоръ Патрикѣвичъ и судья Прокопій ѣздили въ Ригу къ князю-магистру и взяли съ нимъ миръ, сентября 8, на десять лѣтъ. — Князь Александръ ѣздилъ съ псковичами подъ Новый городокъ нѣмецкій, истребилъ тамъ все жито и повѣсилъ пойманныхъ на своей землѣ семерыхъ чухонцевъ. — Осенью на миру князь шведскій, пріѣхавъ изъ Выборга въ р. Нарву, захватилъ 27 псковичей съ сыномъ посадника, Максимомъ Иларіоновичемъ, а иныхъ избилъ; взятые были въ плѣну болѣе года¹²⁴⁶).

1445. Князь Александръ Васильевичъ и псковскіе посадники отправили въ Выборгъ посла, судью Прокопія, къ шведскому князю Карлу (VIII-му Канутсону), и Максимъ съ его дружиной взятъ былъ на окупъ въ 120 рублей; а нѣкоторые изъ плѣненныхъ у шведовъ и умерли¹²⁴⁷). — Псковскіе послы ушли изъ Новгорода, не заключивши мира¹²⁴⁸).

1240) Ibid. IV, 211; V, 29.

1241) Ibid. IV, 211; V, 29.

1242) Ibid. IV, 211; V, 29. Подробности похода на Новгородъ см. на 165 стр.

1243) Ibid. IV, 212; V, 30.

1244) Ibid. IV, 212; V, 30.

1245) Ibid. IV, 212; V, 30.

1246) Ibid. IV, 212; V, 30.

1247) См. тотъ же годъ во 2-мъ приложеніи.

1248) II. С. Р. Л. IV, 213.

1446. Въ Псковѣ, на Снѣтогорскомъ дворѣ, поставили церковь св. Иоанна Богослова ¹²⁴⁹).

1447. Псковичи отправили въ Новгородъ посадника Зиновія Михайловича и бояръ, которые взяли миръ съ новгородцами по старинѣ ¹²⁵⁰). — Князь Александръ Васильевичъ, не смотря на многія просьбы псковичей остаться у нихъ, уѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ, въ Петровъ постъ, «занеже къ Новугороду уреклься» ¹²⁵¹).

1448. Января 14-го въ Псковъ пріѣхалъ изъ Новгорода кн. суздальскій Василій Васильевичъ, — принятъ былъ съ честью, «и даша ему всю пошлину княжюю» ¹²⁵²).

1449. Псковичи отправили на съѣздъ на р. Нарову пословъ своихъ «подлѣ новгородскихъ пословъ», и тамъ заключенъ былъ съ нѣмцами миръ «на полтретьяцать лѣтъ». «А что отняли быше юрьевци старинъ псковскихъ много, и... они, поганіи, возвратиша съ студомъ и срамомъ вся старины псковскія ко Пскову». Миръ заключенъ былъ 15-го августа ¹²⁵³).

1450. Въ Псковъ пріѣхалъ владыка Евѣимій декабря 27-го ¹²⁵⁴).

1451. Октября 22-го погорѣлъ весь Псковъ ¹²⁵⁵).

1452. Поставили новую стѣну на Кромѣ и въ ней сдѣлали пять погребовъ ¹²⁵⁶).

1453. Января 5-го въ Псковъ пріѣхалъ владыка Евѣимій при кн. Василии Васильевичѣ и посадникѣ Юріи Тимоѣевичѣ и, «вземъ подѣздъ», уѣхалъ. — «Биша челомъ попове некупніи князю псковскому Василию Васильевичу и посаднику степенному Георгію Тимоѣевичу, что быти четвертому собору во Псковѣ; князь и посадники были объ этомъ челомъ владыкѣ, и послѣдній благословилъ поповъ некупныхъ и четвертый соборъ держати, всеневную службу, у Спаса на Торгу да у мученика Димитрія въ Домонтовѣ стѣнѣ» ¹²⁵⁷).

1454. Въ Псковѣ былъ большой пожаръ. — Декабря 14-го въ Псковъ пріѣхалъ изъ Новгорода кн. Иванъ Димитріевичъ Шемякинъ и встрѣченъ былъ священниками съ крестами, посадникомъ и всѣмъ Псковомъ. Онъ выѣхалъ изъ Пскова 1-го мая, получивъ отъ псковичей въ даръ 20 руб. ¹²⁵⁸).

1455. Юня 15-го кн. Василій Васильевичъ выѣхалъ изъ Пскова въ

1249) Ibid. V, 30.

1250) Ibid. IV, 213; V, 31.

1251) Ibid. IV, 213; V, 31.

1252) Ibid. IV, 213; V, 31 (подъ 1448 г.).

1253) Ibid. IV, 214; V, 31 (подъ 1149 г.).

1254) Ibid. IV, 214; V, 31 (подъ 1150 г.).

1255—1259) Ibid. IV, 215; V, 31.

Новгородъ, не смотря на просьбы посадниковъ и всего Пскова остаться у нихъ ¹²⁵⁹).—Псковичи послали посадника Степана Аристовича и бояръ бить челомъ князю Александру Черторижскому о княженіи ¹²⁶⁰).

1456. Походъ великаго князя Василя Темнаго на Новгородъ ¹²⁶¹). Новгородцы прислали въ Псковъ гонца, подвойскаго Осипа, съ такой просьбой: «Братья наша молодшая, мужи псковичи! братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется, чтобы есте намъ помогли противу великаго князя, а крестное бы есте цѣлованіе правили». Псковичи, не вспоминая объ отказахъ новгородцевъ въ помощи имъ противъ нѣмцевъ, февраля 15-го послали воеводъ своихъ въ помощь Новгороду. Владыка Евѣимій съ новгородскимъ посадникомъ и псковскими послами отправился къ великому князю бить челомъ о мирѣ.—Въ Псковъ пріѣхалъ, 18-го іюня, изъ Новгорода князь Александръ Васильевичъ Черторижскій, которому псковичи дали «всю княжую пошлину» ¹²⁶²).

1457. Въ Псковъ пріѣхалъ владыка Евѣимій 4-го января, а выѣхалъ оттуда января 27-го ¹²⁶³).

1458. Октября 1 погорѣло все Запсковье. — «Того же лѣта прибавиша псковичи зобници (мѣра для зерноваго хлѣба) и палицу привишили къ позобенью» при степенномъ посадникѣ Алексѣѣ Васильевичѣ, «а старыхъ посадниковъ избивъ на вѣчи» ¹²⁶⁴).

1459. Князь Александръ Васильевичъ, псковскій посадникъ и псковичи поѣхали на землю св. Троицы (т. е. принадлежащую Троицкому собору), на Озолицу, и на Желачкѣ (Жолачкѣ) сдѣлали покосы и ловцамъ своимъ приказали ловить рыбу по старинѣ; тамъ они поставили и церковь св. архистратига Михаила, а на Рожкинѣ перевѣшали чудь ¹²⁶⁵). — Января 22-го выгорѣло въ Псковѣ три конца: Опоцкій, Городецкій и конецъ Острой лавицы.—«Поганая латыня» изгономъ пришла «на обидное мѣсто», на Озолицу, и сожгла церковь св. Михаила и девять человекъ. Кн. Александръ Васильевичъ, посадники и псковичи поѣхали въ насадахъ и лодкахъ въ Нѣмецкую землю и пожгли тамъ мужичинъ и женщинъ. Вскорѣ послѣ того нѣмцы въ шнекахъ и лодкахъ пошли въ Псковскую землю, въ р. Нарову, отняли у ловцовъ «псковскую насадку» со всѣмъ ратнымъ запасомъ и въ Березской волости выжгли 42 двора ¹²⁶⁶).

1460. Осенью во Псковъ пришелъ изъ Новгорода посолъ, посадникъ

1260) Ibid. IV, 216.

1261) См. стр. 182.

1262) П. С. Р. Л. IV, 216—217; V, 32.

1263—1265) Ibid. IV, 217; V, 32.

1266) Ibid. IV, 218; V, 32 подъ 1460 г.

Карпъ Савиничъ съ дружиною своею, «по челобитію нѣмецкому и по ихъ сроку»; кн. Александръ Васильевичъ, псковскіе посадники и бояре изъ всѣхъ концовъ поѣхали съ новгородскимъ посломъ на Озолцу и Желачко, «на обидное мѣсто», произвели разслѣдованіе и нашли, что это — земля св. Троицы; а «поганіи нѣмцы, познавшѣ свою вину», на условленное мѣсто въ назначенный срокъ не пришли, и кн. Александръ, посадникъ новгородскій и прочіе, уѣхали обратно. — Кн. Александръ Васильевичъ и псковичи, въ Рождественскій постъ, повоевали Нѣмецкую землю на 70 верстъ, пограбили много животвъ, пожгли погосты, сожгли большую божницу, съ которой сняли крестъ и четыре колокола, поймали нѣмецкаго попа и многихъ нѣмцевъ и все препроводили въ Псковъ. Такъ псковичи расплатились съ нѣмцами за Березскую волость (см. предъидущій годъ). — Великій князь съ сыновьями, Юріемъ и Андреемъ большимъ, пріѣхалъ въ Новгородъ; псковичи, услышавъ объ этомъ, отправили къ нему пословъ ¹²⁶⁷).

1461. Въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы и били челомъ послу великаго князя, новгородцамъ и псковскому послу о перемирьи. — Изъ Пскова уѣхалъ великокняжескій намѣстникъ кн. Иванъ Стрига-Оболенскій, на мѣсто котораго великій князь прислалъ кн. ростовскаго, Владиміра Андреевича ¹²⁶⁸).

1462. Псковичи заложили Новый городецъ «на обидномъ мѣстѣ надъ Великимъ озеромъ при кн. Владимірѣ Андреевичѣ и степенномъ посадникѣ Максимѣ Иларіоновичѣ. — Попы «невкупніи» выпросили у псковичей пятый соборъ. — Псковичи заложили другой новый городокъ на Володчинѣ горѣ и назвали его Володимерцемъ. — Осенью псковичи выгнали отъ себя князя Владиміра, который сидѣлъ во Псковѣ около полутора года ¹²⁶⁹).

1463. Псковичи отправили къ великому князю пословъ съ челобитиемъ о назначеніи въ Псковъ князя, «который князь Пскову любъ». Князь великій сначала не пускалъ къ себѣ пословъ, но потомъ принялъ челобитіе и приказалъ, чтобы псковичи прислали къ нему грамоту съ бояриномъ своимъ о томъ, кого они хотятъ себѣ въ князя. Псковичи просили кн. Ивана Александровича Звенигородскаго. — Юрьевцы, на миру и крестномъ цѣлованіи, посадили въ погребъ псковскаго посла Кюдрата и псковскихъ гостей. — Марта 21-го нѣмцы пришли ратью къ Новому городку, обсту-

1267) Ibid. IV, 220; V, 32—33 (подъ 1461 г.); VI, 182; VIII, 148. Въ послѣднихъ двухъ кратко говорится только о пріѣздѣ великаго князя въ Новгородъ. Подробности см. на стр. 185—186.

1268) Ibid. См. также стр. 186.

1269) Ibid. IV, 221—222; V, 34. Въ послѣдней объ изгнаніи Владиміра говорится подъ 1463 г.

пили его и громили изъ пушекъ; другая рать воевала и жгла псковскія исады (пристани?). Когда князь Иванъ Ивановичъ, одинъ изъ брянскихъ князей, прислалъ изъ городка гонца съ извѣстіемъ объ этомъ, степенный посадникъ Ѳеодоръ Никифоровичъ, бояре и псковичи немедленно отправились къ городку, и нѣмцы бѣжали, бросивъ свои запасы. Посадники пробыли въ городкѣ недѣлю, а нѣмцы, не обращая на это вниманія, 27-го марта пришли и выжгли два большихъ исада, Островцы и Полѣшье, много изрубили тамошнихъ жителей, а иныхъ повели въ полонъ. Псковичи, боясь многочисленности нѣмцевъ, не смѣли ударить на нихъ; при томъ нѣмцы весьма быстро удалились. Посадникъ Ѳеодоръ Никифоровичъ извѣстилъ псковичей, что нѣмцы воюютъ псковскіе исады. Тогда посадникъ Зиновій Михайловичъ и псковичи на вѣчѣ дали воеводство посаднику Максиму Иларіоновичу, Алексѣю Васильевичу и Игнатію Логиновичу, соединились съ пригорожанами и пошли къ Новому городку. Нѣмцевъ, однако, тамъ уже не было: они ушли въ свою землю. Посадники и псковичи начали гадать, куда за ними идти, и надумали идти къ Воронью камню. Когда псковичи выѣхали въ озеро, явился къ нимъ изъ-за рубежа одинъ «доброхотъ чудинъ» и сказалъ посадникамъ, что нѣмцы приготовились въ слѣдующую ночь ударить на Колпиное; псковичи отправились туда и увидѣли, что нѣмцы жгутъ псковскую волость: зажгли колпинскую, жгутъ исады и забираютъ полонъ. Посадники 31-го марта (см. ниже слѣд. пунктъ) ударили на нѣмцевъ на Колпиной рѣкѣ: нѣмцы бѣжали, а псковичи гнались за ними двумя путями на протяженіи 15 верстъ, били ихъ и забирали въ полонъ. Другая псковская рать, — «нерубленіи люди, охвочей человѣкъ», — въ то же время ходила за Изборскъ, воевала нѣмецкую волость и взяла безчисленный полонъ. Воеводой у этой рати былъ дьякъ Ивашко. — *Марта 26-го* (см. выше, предъидущій пунктъ) пришелъ отъ великаго князя гонецъ съ извѣстіемъ, что въ Псковъ назначенъ княземъ кн. Иванъ Звенигородскій. — Граждане Изборска 8-го апрѣля пришли подъ Новый городокъ нѣмецкій, пожгли посадъ и волости нѣмецкія и воротились съ большимъ полономъ. — *Апрѣля 10-го* въ Псковъ пріѣхалъ кн. Иванъ Александровичъ Звенигородскій. — По псковскому челобитью великій князь прислалъ 8-го іюля въ Псковъ, въ помощь противъ нѣмцевъ, воеводу князя Ѳеодора Юрьевича. Псковичи и пригорожане вмѣстѣ съ воеводой подошли къ Новому городку 18-го іюля и начали стрѣлять по нему изъ пушекъ. Изъ городка выѣхало три нѣмца съ вѣстями въ Юрьевъ; ихъ преслѣдовали: одного нѣмца какой-то москвичъ ударилъ по головѣ саблей, и тутъ взяли его живымъ, а двое убѣжали. Городокъ былъ крѣпокъ такъ, что осаждавшіе ушли отъ него прочь. Въ то же время псковичи на вѣчѣ дали воеводство посаднику Дороею Елеверье-

вичу, съ тѣмъ чтобы онъ ѣхалъ въ насадахъ съ охочими людьми воевать Нѣмецкую землю; при этомъ «прихожимъ» людямъ, иноземцамъ, приказано было пѣшими идти на нѣмцевъ, а «изможнымъ» изъ нихъ — идти къ псковской рати на коняхъ. Но иноземцы были челомъ о томъ, чтобы псковичи взяли ихъ къ себѣ въ насады, и челобитье ихъ принято было. Эта рать, попустошивши и пожегши нѣмецкія волости, воротилась въ Псковъ съ большимъ полономъ, какъ до нея дошла вѣсть, что псковичи отступили отъ городка. Прошло послѣ того съ недѣлю, и нѣмцы напали на наровлянъ. Жители Гдова прислали въ Псковъ гонца съ извѣстіемъ о нападеніи нѣмцевъ; псковичи приготовились уже къ походу, какъ въ Псковъ пріѣхалъ одинъ нѣмчинъ съ предложеніемъ переговоровъ. Присланные потомъ магистромъ послы были челомъ кн. Ѳеодору Юрьевичу, кн. Ивану Александровичу и всему Пскову о мирѣ, «чтобы тая 9 лѣтъ Норовскому миру издержати крѣпко, а головы бы не гибли съ обою сторонамъ». И такъ, миръ былъ заключенъ. «Тогда же (говорили) и о пошлинѣ великихъ князей, что въ Юрьевѣ, а то пискупу великому князю давати по старинѣ; а что Русскій конецъ и святыя церкви, а то имъ держать по старинѣ и по старымъ грамотамъ, а не обидѣть». По этому миру нѣмцы освобождали псковскихъ гостей и вообще псковичей, захваченныхъ ими въ Колпиномъ и на Наровѣ. Когда все такъ устроилось, кн. Ѳеодоръ Юрьевичъ на вѣчѣ сказалъ псковичамъ: «Мужи псковичи, отчина великаго князя, добровольніи люди! Богъ жаловалъ и св. Живоначалная Троица, князя великаго здоровіемъ съ нѣмци управу взялъ по своей воли, а нынѣ на вашей чести вамъ челомъ бію». Сентября 1-го онъ выѣхалъ въ Москву, при чемъ провожавшіе его посадники, бояре и псковичи дали ему въ даръ 30 рублей, а боярамъ его всѣмъ вмѣстѣ — 50 рублей. Въ это розрѣе новгородцы не помогли Пскову ни словомъ, ни дѣломъ, хотя псковичи и много были имъ челомъ¹²⁷⁰⁾.

1464. Въ Псковъ пріѣхалъ отъ юрьевского епископа «князецъ нѣмецкій» и съ нимъ 30 человекъ добрыхъ людей; псковскіе посадники на вѣчѣ цѣловали предъ ними крестъ на соблюденіи мира и отпустили нѣмецкихъ полоняниковъ. — Псковичи посылаютъ къ великому князю гонца съ изъясненіемъ благодарности за оказанную имъ помощь и хлопочутъ объ отдѣльномъ для Пскова владыкѣ изъ псковичей¹²⁷¹⁾. — Зимой псковскій кн. Иванъ Александровичъ и степенный посадникъ Алексѣй Васильевичъ заложили новый деревянный городъ на р. Сини и назвали его Краснымъ городомъ¹²⁷²⁾.

1270) Ibid. IV, 222—226; V, 34—35.

1271) См. выше стр. 190.

1272—1273) Ibid. IV, 228—229.

1465. Умерли псковскіе посадники Максимъ и Юрій Тимоѣевичъ и сынъ перваго Семень. — У псковичей съ новгородцами произошелъ раздоръ «про владычню землю и воду, что псковичи отняли у Новгорода». А псковичи били новгородцамъ челомъ о помощи противъ нѣмцевъ, и они ни словомъ, ни дѣломъ не пособили; они у себя въ Великомъ Новгородѣ взяли перемирье съ псковскими послами отъ имени нѣмцевъ и должны были по условію «на конь всѣсти» противъ нѣмцевъ въ помощь псковичамъ, но всѣмъ этимъ не только пренебрегли, но еще вошли съ нѣмцами въ одиначество противъ псковичей. Однако псковичи, положась на Бога, послали въ Новгородъ пословъ съ такой рѣчью: «Се вамъ воды и земля владычня и вси оброки по старинѣ; а что есмь по два лѣта съ той земли хлѣбъ имали и въ водѣ рыбы ловили, а тѣмъ кормили князя великаго силу, занеже есте на нѣмьцѣ намъ не помогали на своемъ перемирьи». Затѣмъ между Псковомъ и Новгородомъ состоялся миръ¹²⁷³). — Августа 9-го псковскій князь Иванъ Александровичъ, посадники и псковичи, когда псковскіе послы были въ Новгородѣ, «своихъ хоромовъ блюдучи», заложили стѣну отъ р. Великой до Псковы, а на Запсковѣ — отъ р. Псковы, отъ Гремячей горы до св. Варлаама, до Великой рѣки¹²⁷⁴). — Въ Псковѣ, пригородахъ и во всей Псковской волости появился моръ на людей¹²⁷⁵).

1466. Спустя недѣлю послѣ Симеонова дня (Симео́на Лѣтопроводца 1-го сентября), въ Псковъ пріѣхали новгородскіе послы и бояре «на управу»; псковскіе посадники цѣловали предъ ними крестъ на томъ, что они будутъ держать миръ по старинѣ, и владыка будетъ ѣздить въ Псковъ по старинѣ «по свою пошлину». — Октября 6 въ Псковъ пріѣхалъ владыка Іона. — Весь Псковъ горѣлъ съ 19 октября въ продолженіе пяти дней, когда еще тамъ былъ владыка, который, взявъ «подъѣздъ» свой на священникахъ, уѣхалъ 24-октября. — Осенью князь псковскій Иванъ Александровичъ, «ударивъ челомъ псковичемъ за все добро псковское», уѣхалъ въ Москву, не смотря на просьбы псковичей остаться у нихъ¹²⁷⁶). — Во всей Псковской волости появился моръ на людей; особенно много умирало въ Рождественскій постъ¹²⁷⁷).

1467. Зимой псковичи послали къ великому князю посадника Алексѣя (Васильевича Кочанова) и бояръ съ челобитьемъ, чтобы великій князь при-

1274) Ibid. IV, 229; V, 35. Въ послѣдней сказано, что псковичи «обложили стѣну древяну» около Полонища и Запсковья, «а блюдѣя ратной силы Новгорода».

1275) Ibid. IV, 229.

1276) Ibid. 230—231.

1277) Ibid. IV, 231; V, 35, 274; VIII, 151; въ IV, 127 подъ 1467 годомъ. Моръ продолжался и въ слѣдующемъ году.

сласть къ нимъ на княженіе плп кн. Ивана Стригу плп Ѳедора Юрьевича; великій князь отпустилъ послѣдняго; псковичи позволили ему на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ держать намѣстниковъ своихъ, «а судови судити его намѣстникомъ, на которыхъ ни буди, а изъ вѣковъ княжіи намѣстники не бывали, колко ни есть князей бывало во Псковѣ на столу, а намѣстники княжіи были только на семи пригородахъ псковскихъ». — Прекратился моръ¹²⁷⁸).

1468. Апрѣля 15-го на Красномъ дворѣ zaloжили каменную церковь св. Пантелеимона. — «Той же веснѣ, при посадницѣхъ степенныхъ, при Тимоѣеи Власьевичѣ и при Стефанѣ Гахоновичѣ (Агаѳоновичѣ), весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы, коему же концу къ старымъ пригородомъ новыя жеребьемъ дѣлили, а ималъ жеребей князь Василей, князя Ѳедора Юрьевича сынъ, съ престола»¹²⁷⁹). — Не обращаясь ни къ митрополиту, ни къ архіепископу, псковичи воспретили совершать церковныя службы вдовымъ попамъ и дьяконамъ. Владыка Іона хотѣлъ за то положить на псковичей «неблагословеніе», но митрополитъ не дозволилъ¹²⁸⁰).

1469. Той же осенью священноиноки и священники, благословивъ на вѣчѣ кн. Ѳедора Юрьевича, посадниковъ и весь Псковъ, держали такую рѣчь: «таково видите и сами, сынове, что, по нашимъ грѣхомъ, такову на насъ Господь съ небеси свою милость посылаетъ къ намъ, а ожидая, сынове, какъ отъ васъ, тако и отъ насъ къ себѣ обращенія; а нынѣ, сынове, попромежи себе хотимъ, по правиломъ Св. Отецъ и Св. Апостолъ, во всемъ священствѣ крѣпость поддержи, а о своемъ управленіи, какъ намъ, священникомъ, по Намаканону жйти; а вы намъ, сынове, поборники будѣте, занеже здѣсь правителя въ сей земли надъ нами нѣтъ, а намъ о себѣ тоя крѣпости удержати не мочно попромежи себе о каковыхъ ни буди церковныхъ вещехъ, а вы ся въ то иное и миромъ вступаете, а черезъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ правила; а въ томъ, сынове, и на васъ хотимъ такову же крѣпость духовную поддержи». Псковъ отвѣчалъ: «То вѣдаете вы, все Божіе священство; а мы вамъ поборники на всякъ благъ совѣтъ». Тогда священники, написавши грамоту по Номоканону, положили ее въ ларь. Для наблюденія за исполненіемъ прописаннаго въ грамотѣ поставили двухъ «правителей»: попа отъ церкви Михаила архангела, Андрея Козу, и другаго попа Харитона съ Завеличья отъ Успенской церкви. Но осенью на попа Андрея возстали клеветники, и онъ бѣжалъ въ Новгородъ къ владыкѣ. — Января 22-го въ Псковъ пріѣхалъ владыка Іона и спрашивалъ посадниковъ

1278) Ibid. IV, 231.

1279) Ibid. IV, 231—232.

1280) Ibid. V, 35.

и священниковъ «о священной грамотѣ крѣпостной: кто се тако учинилъ, а безъ моего вѣдома? а язъ тое самъ хочю судити здѣсь, а вы бы есте тую вынемъ грамоту подрали». Тѣ поставили на видъ, что владыкѣ самому всего не управить, что самъ же владыка, какъ и его предшественники, давали благословеніе «всякія священническія вещи по Намаканону правити». Тогда владыка, въ виду важности этого дѣла, обѣщаль доложить о томъ митрополиту Филиппу; затѣмъ, благословивъ псковичей и взявъ «свой подъѣздъ» на священникахъ, 5-го февраля выѣхаль изъ Пскова. — Марта 8-го нѣмцы пришли ратью на Псковскую землю на Синее озеро, убили 26 псковичей и пожгли хоромы, «а перевѣтники нѣмецъ и чюдъ на псковичъ подвели, а перевѣтъ учинилъ надъ ними Иванко Подкурской, да другой Иванко Торгоша». На нихъ не было никакихъ подозрѣній, а Иванко Торгоша пригонялъ ко Пскову (съ вѣстями о порубежныхъ дѣлахъ), и Псковъ жаловаль его рублями; когда же Псковъ узналъ (о ихъ измѣнѣ), то Иванка Подкурскаго «на беревні замучили, а другого Иванка Торгошу за лытки тогда же въ осень на леду повѣсили. Оба они жили не далеко отъ Синяго озера на псковской землѣ и тамъ перевѣтъ держали за рубежъ къ нѣмцамъ о порубежныхъ дѣлахъ ¹²⁸¹). — Въ «свадбища» (въ періодъ свадебъ) пріѣхаль владыка Іона «на подъѣздъ» и разрѣшилъ служеніе вдовымъ попомъ ¹²⁸²).

1470. Въ октябрѣ отъ великаго князя пріѣхаль во Псковъ посолъ, бояринъ Селиванъ, а также человекъ отъ митрополита Филиппа съ грамотой, въ которой святитель совѣтуетъ псковичамъ, чтобъ они «тое управление священническое (см. предыдущій годъ), какъ священники, тако и весь Псковъ на своего богомолца на архіепископа положили. . . . занеже тое дѣло искони предано святителю управляти». Псковичи, вслѣдствіе того, 5-го января грамоту разорвали, а 7-го отправили въ Новгородъ посадника Якова Кротова съ боярами «тѣхъ на владыцѣ святительскихъ покладати вещей, тако и о порубленомъ гости и о тѣхъ людехъ, которыхъ въ Новгородѣ отъ посла отняли отъ Ивана владычника владычня, тако же и на Москву къ великому князю, къ своему государю, о своихъ дѣлѣхъ». — Услыша, что скоро въ Полоцкѣ будетъ король, псковичи отрядили туда 18-го января посадника Степана Аѳанасьевича съ боярами, которые 24-го того же мѣсяца дѣйствительно нашли короля въ Полоцкѣ и правили передъ нимъ посольство о землѣ и водѣ, о порубежныхъ мѣстахъ «и о обидныхъ дѣлѣхъ»; о послѣднихъ король не учинилъ никакой управы и только назначилъ срокъ на Рождество Богородицы для разбора дѣлъ о землѣ и водѣ; затѣмъ, одаривъ

1281) Ibid. IV, 232—233.

1282) Ibid. V, 35.

пословъ, отпустилъ ихъ. Января 31-го послы давали отчетъ о своемъ посольствѣ на вѣчѣ. — Въ великій постъ изъ Москвы отъ великаго князя пріѣхалъ посадникъ Яковъ съ псковскими боярами, «изъ Новгорода людей порубленныхъ (сидѣвшихъ въ порубѣ, тюрьмѣ) толко головами вынялъ, а сидѣли въ Новѣгородѣ болши полугода въ порубѣ». Когда Яковъ былъ въ Москвѣ, владыка Іона прислалъ въ Псковъ съ требованіемъ, чтобы къ нему въ Новгородъ вдовые священники и діаконы «на управленія ѣхали». Начали къ нему попы и дьяконы пріѣзжать, а онъ у нихъ «нача имати мзду»: съ кого — рубль, съ кого — полтора, и всѣхъ «безъ востягновенія» (воздержанія, испытанія) благословлялъ пѣтъ, выдавая имъ за ту мзду новыя грамоты не по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ¹²⁸³).

1471. Осенью Псковъ отрядилъ четверыхъ посадниковъ и по боярину отъ каждого конца на съѣздъ, какъ назначилъ король (польскій), 14-го сентября; съ ними отправился и князь Ѳеодоръ Юрьевичъ съ сыномъ Васильемъ; но будучи на съѣздѣ, управы никакой не учинили¹²⁸⁴). — Въ Рождественскій постъ въ Псковъ пріѣхалъ изъ Москвы посолъ, бояринъ Селиванъ, поднимать псковичей на Новгородъ. Псковичи извѣстили объ этомъ новгородцевъ и предложили послать отъ себя пословъ къ великому князю, чтобъ уладить дѣло, но новгородцы не приняли этого предложенія; а когда по тѣмъ же дѣламъ новгородскій посолъ былъ во Псковѣ, отъ него людей его поотнимали псковскіе «обидніи люди» на вѣчѣ и на нихъ взяли серебро у новгородцевъ и новгородскаго посла «полчетвертадцать» (35-ть?) рублей, а брали серебро «порубленіи люди», бывшіе въ Новгородѣ въ порубахъ и освобожденные псковскимъ посадникомъ Яковомъ Ивановичемъ (Кротовымъ). — Марта 5-го отъ князя — магистра рижскаго пріѣзжалъ посолъ во Псковъ съ извѣстіемъ, что рижскій магистръ хочетъ урядить столъ въ Вельядѣ (Феллинѣ) и тутъ жить; посолъ говорилъ также о Жалацкой водѣ и землѣ, что за Краснымъ городкомъ, «чтобы намъ тое до Норовскаго миру крѣпко издержати на обѣ половинѣ; тако нынѣ — говорилъ посолъ — князю местеру какъ за Краснымъ городкомъ земли не отступитесь, тако и во Жалачкѣ Велневицкой невѣволите ловити». Псковичи отвѣчали, что местеръ воленъ жить, гдѣ ему вздумается, а что касается воды и земли, то это — «вотчина св. Троицы, великихъ князей всеа Русіи страніе»; что же касается Наровскаго мира, то сроку и они, псковичи, хотятъ держаться. — Когда рижскій посолъ былъ еще въ Псковѣ, псковичи отправили 8-го марта пословъ въ Литовскую землю, которые 27-го марта

1283) Ibid. IV, 233—235.

1284) Ibid. IV, 235.

нашли короля въ Вильнѣ и правили посольство о землѣ, водѣ и съѣздѣ. Король принялъ пословъ съ честію, угощалъ, давалъ имъ подарки, а о дѣлѣ сказалъ, что если его паны опять управы не учинятъ, то онъ самъ лично будетъ на рубежѣ и все досмотритъ своими очами. Когда послы передали такой отвѣтъ на вѣщѣ, псковичамъ это не понравилось, потому что никогда (по подобнымъ дѣламъ) ни великіе князья, ни короли лично не присутствовали на рубежахъ. — Изъ Москвы въ Псковъ пріѣхалъ посолъ, дьякъ Яковъ Шибальцевъ, и требовалъ, чтобы Псковъ послалъ Новгороду розметныя грамоты, что и было исполнено 16-го іюня¹²⁸⁵).

1472. Ноября 28-го погорѣлъ псковскій пригородъ Островъ. — Осенью пріѣхали въ Псковъ новгородскіе послы и, по докончанію великаго князя съ Новгородомъ, цѣловали крестъ къ Пскову. — Псковскіе посадники, бояре, соцкіе и судьи, вынувъ изъ ларя «лняную грамоту подраша», чему всѣ сильно обрадовались, такъ какъ въ продолженіе восьми лѣтъ отъ этой грамоты христіанамъ много было истомы и убытковъ. — Псковичи чрезъ пословъ просили у великаго князя на Псковское княженіе князя Ивана Стригу — Оболенскаго, но назначенъ былъ братъ его Ярославъ, а на съѣздъ съ нѣмцами, о чемъ послы также докладывали великому князю, назначенъ бояринъ Андрей Тимофеевичъ, который прибылъ въ Псковъ въ слѣдъ за послами 3-го сентября¹²⁸⁶).

1473. Сентября 8-го рижскій магистръ прислалъ во Псковъ посла съ извѣстіемъ, что ему некогда прибыть на съѣздъ, «а Пскову въ томъ учинилося много поднему, на той съѣздъ, посломъ великаго князя». — Въ Псковъ пріѣзжаетъ Софья Ѳоминична, будущая супруга великаго князя¹²⁸⁷). — Осенью пріѣхали въ Псковъ отъ рижскаго магистра послы, «и Псковъ ихъ съ обидными людьми пріялъ въ серебрѣ, что князь мѣстеръ съѣзды складаетъ, а на съѣздъ ни самъ ни ѣдетъ, ни людей своихъ посылаетъ, а исправѣ не даетъ». — Декабря 9-го въ Псковъ пріѣхалъ владыка Ѳеодилъ на свой подъѣздъ. — Февраля 19-го въ Псковъ пріѣхалъ на княженіе кн. Ярославъ Васильевичъ (Оболенскій), и 21-го февраля цѣловалъ крестъ на всѣхъ старинахъ псковскихъ. — Послѣ Пасхи отъ магистра пріѣхали послы и освободили (прежнихъ) пословъ своихъ, заплативъ за нихъ 75 рублей «обиднымъ людямъ», а о землѣ, водѣ и о прочемъ назначили время съѣзда чрезъ двѣ недѣли послѣ Петровокъ. — Псковскіе послы отправились на съѣздъ въ Новое село на Наровѣ, а магистръ прислалъ своихъ пословъ въ Ругодивъ: въ продолженіе недѣли и тѣ и другіе

1285) Ibid. IV, 127, 235—242; V, 35—36; VIII, 161.

1286) Ibid. IV, 242—244. Подробности см. на стр. 212.

1287) См. стр. 210.

послы съѣзжались, но управы никакой не учинили. Тогда псковичи отправили пословъ къ великому князю съ челобитьемъ, чтобъ онъ боронилъ свою отчину отъ нѣмцевъ. — Магистръ прислалъ пословъ въ Новгородъ для заключенія мира; и псковичи отправили туда своихъ пословъ, которые, впрочемъ, мира не добились, почему опять отправлены были послы къ великому князю съ челобитьемъ, чтобы онъ или самъ «всѣлъ на конь» за домъ св. Троицы, или прислалъ бы въ Псковъ сына своего. Августа 29-го въ Псковъ пригналъ гонецъ изъ Москвы съ извѣстіемъ, что какъ только нѣмцы поднимутся, великій князь будетъ стоять за св. Троицу¹²⁸⁸).

1474. Псковичи опять чрезъ посла просили великаго князя боронить ихъ отъ нѣмцевъ; великій князь, въ свою очередь, спрашивалъ псковичей, въ какое время войскамъ его приходиться къ нимъ. Въ Ноябрь въ Псковъ прибылъ воевода великаго князя, кн. Даніилъ Холмскій.¹²⁸⁹) Вскорѣ псковичи заключили миръ: съ рижанами — на 30 лѣтъ, а съ юрьевцами — на 20, «а пива нѣмцомъ въ Псковъ не возити, и оттолѣ преста крѣпча нѣмецкая»¹²⁹⁰).

1475. Ноября 13-го изъ Москвы возвратился въ Псковъ кн. Ярославъ Васильевичъ¹²⁹¹).

1476. Въ сентябрѣ новгородскіе боярскіе ключники собрались и разбоемъ напали ночью на псковскую волость Гостятино; псковичи нѣкоторыхъ изъ нихъ побили, а около 65 человекъ повѣсили. — Великій князь 21-го ноября пріѣхалъ въ Новгородъ, и псковичи отправили къ нему пословъ¹²⁹²).

1477. Псковичи, въ ссорѣ съ своимъ княземъ, просятъ у великаго князя другаго намѣстника¹²⁹³).

1478. Псковичи принимаютъ участіе въ походѣ великаго князя на Новгородъ¹²⁹⁴).

1479. Сентября 27-го псковичи ходили въ Нѣмецкую землю и забрали много полону; въ то же время въ Юрьевѣ псковскихъ гостей посадили въ погребъ. Псковичи, услышавъ объ этомъ, отправили въ Юрьевъ посла, а находившихся у нихъ нѣмцевъ также посадили въ погребъ¹²⁹⁵).

1288) П. С. Р. Л. IV, 244—247; въ VIII, 175 только о пріѣздѣ въ Псковъ Софьи Ѳоминичны.

1289) Подробности см. на 213 стр.

1290) П. С. Р. Л. IV, 247—250; V, 36, VI, 198.

1291) См. подробности на 213—214 стр.

1292) См. стр. 217.

1293) Ibid. стр. 217—218.

1294) Ibid. 221.

1295) П. С. Р. Л. IV, 262.

1480. Услышавъ, что всякій князь прѣхалъ въ Новгородъ, туда отправились изъ Пскова князь-намѣстникъ Василій Шуйскій, посадники и бояре. — Великій князь прислалъ въ Псковъ на помощь противъ нѣмцевъ кн. Оболенскаго-Ногтя, который, впрочемъ, вскорѣ уѣхалъ изъ Пскова, на земли котораго нѣмцы стали нападать смѣлѣе¹²⁹⁶). Въ Псковѣ тогда былъ князь «невойскъ и грубый, токмо прилежаше многому питію и грабленію». Князь и псковичи 1-го марта соединились съ пригородами, пошли на нѣмцевъ и сошлись съ ними на озерѣ въ Пецкой губѣ; но послѣ одной сшибки враги разошлись. Нѣмцы схитрили: они показали только видъ, что ушли, а сами вдругъ явились опять и начали жечь исады, сожгли Островцы и подошли къ городку Кобылѣ (по нѣкоторымъ вариантамъ — Кобылій городокъ) и стрѣляли по нему изъ пушекъ, многихъ побили камнями и сулицами и порубили мечами, сожгли городъ и церковь арханг. Михаила и Гавріила, а бѣжавшихъ отъ огня забирали съ собой. Это было 5-го августа, а 18-го подошелъ къ Изборску магистръ. Ничего, однако, не сдѣлавши городу, 20-го августа онъ подошелъ къ Пскову и станомъ расположился на Завелицкомъ полѣ, между тѣмъ какъ псковичи сами зажгли Завеличье; на слѣдующій день въ 13-ти шнекахъ прибыли юрьевцы и начали громить изъ пушекъ Запсковье и Полонище; но псковичи отняли у нихъ шнеки, сами же нѣмцы частію были побиты, частію бѣжали, а нѣкоторые утонули въ р. Великой. — Въ то время братья великаго князя, Андрей углицкій и Борисъ волоцкій, въ ссорѣ съ старшимъ братомъ, ушли въ Великіе Луки, откуда псковичи приглашали ихъ къ себѣ на помощь противъ нѣмцевъ¹²⁹⁷).

1481¹²⁹⁸). Зимой псковичи просили у великаго князя воеводу для войны съ нѣмцами, и великій князь приказалъ новгородскимъ намѣстникамъ, кн. Василью Ѳеодоровичу и Ивану Зиновьеву, посадникамъ, тысяцкимъ и всѣмъ новгородцамъ идти на помощь Пскову¹²⁹⁹).

1482. Нѣмцы заключили миръ съ псковичами¹³⁰⁰).

1483. Мая 6-го псковичи «посѣкоша дворы» у посадниковъ: Якова (Кротова), Степана Максимовича, Зиновья, Никиты, Ивана, Кира и у многихъ другихъ¹³⁰¹). — Послы великаго князя ѣздили къ магистру въ Кесъ (Венденъ)¹³⁰²).

1296) См. стр. 233 и 237.

1297) См. біографіи этихъ князей во II-мъ томѣ.

1298) Въ началѣ года въ Псковской лѣтописи говорится о пребываніи въ Псковѣ братьевъ великаго князя, о чемъ см. также во II-мъ томѣ. См. также выше, стр. 237—238.

1299) См. стр. 238.

1300) Ibid.

1301) П. С. Р. Л. IV, 266.

1302) См. стр. 238—239.

1484. Въ Псковѣ происходятъ раздоры между гражданами ¹³⁰³). — Зимой псковичи отправили посадника Василья Епимаховича, Андрея Рублева и другихъ въ Литву къ королю Андрею (Казимиру) «многихъ исправъ просити»; послы нашли короля за Вильной въ Городнѣ. Наскоро учинивъ исправу «съ кротостію», король, послѣ чествованія пословъ и раздачи имъ даровъ, отпустилъ ихъ ¹³⁰⁴).

1485. Псковичи отправили къ великому князю пословъ ¹³⁰⁵).

1486. Отправилось изъ Пскова въ Москву другое посольство ¹³⁰⁶). — Осенью владыка Геннадій прислалъ во Псковъ боярина своего Безсона и съ нимъ игумена Евѣимія, который прежде былъ во Псковѣ Есипомъ (Осипомъ) ларникомъ (смотрѣлъ за ларемъ, въ который клали грамоты), и въ этой должности учинилъ народу много зла: изъ-за него у посадниковъ, у ябедниковъ и у правыхъ людей много дворовъ изрубили; потомъ его самого вывели «на посѣченіе», но онъ бѣжалъ и постригся въ монахи. Этого-то Евѣимія архіепископъ Геннадій хотѣлъ посвятить въ архимандриты и сдѣлать его своимъ правителемъ въ Псковѣ, почему онъ и прислалъ его съ бояриномъ и приказалъ ему сдѣлать опись всѣмъ церквамъ и монастырямъ Псковской земли. Но псковичи «не вдашася въ волю его». — Въ Псковѣ продолжались безпокойства изъ-за смердовъ въ продолженіе двухъ лѣтъ ¹³⁰⁷).

1487. Въ Псковѣ сильный моръ ¹³⁰⁸).

1488. Кн. псковскій Ярославъ, жена его и сынъ скончались, — первый и послѣдній — 4-го октября ¹³⁰⁹).

1489. Изъ Пскова выѣхалъ въ Москву со всѣмъ дворомъ своимъ сынъ Ярослава Константинъ. — Великій князь 13-го февраля назначилъ княземъ Пскову, а своимъ намѣстникомъ Семена Романовича ¹³¹⁰).

1490.—1491. Января 2-го былъ сильный громъ. — Февраля 17-го отъ великаго князя пріѣхалъ въ Псковъ кн. Василій Ѳедоровичъ Шуйскій, а кн. Семенъ Романовичъ выѣхалъ на той же недѣлѣ ¹³¹¹).

1492.—1493. Юня 7-го сгорѣлъ Снѣтогорскій монастырь ¹³¹²).

1494. Февраля 26-го въ Псковъ пріѣхалъ владыка Геннадій при

1303) См. стр. 239.

1304) П. С. Р. Л. V, 42.

1305) См. стр. 240.

1306) Ibid.

1307) Ibid.

1308) П. С. Р. Л. IV, 267.

1309) Ibid. По другимъ вариантамъ—въ 1487 г.

1310) П. С. Р. Л. IV, 268.

1311) Ibid. 268.

1312) Ibid. 268.

псковскомъ князѣ Василии Ѳеодоровичѣ. — Вдовыхъ поповъ устранили отъ служенія ¹³¹³).

1495. Великій князь требуетъ отъ Пскова помощи противъ шведовъ ¹³¹⁴). Псковичи «срубили съ десяти сохъ человекъ конный»; хотѣли «рубить» со священниковъ и дьяконовъ, и степенный посадникъ Яковъ Аванасьевичъ Брюхатый и Василий Опимаховичъ «учали силно дѣяти надъ священники, и лазили многожды на сѣни и въ вѣчи, и опять въ вѣче влѣзли и хотѣли поповъ кнутомъ обезчестовати, Ивана священника Рождественскаго и Андрѣя, и въ однихъ рубахахъ стояли на вѣчѣ, и иныхъ всѣхъ поповъ и діаконъ изсоромотиша»; (по одному изъ вариантовъ, «нашли въ правилѣхъ святыхъ Отецъ о попѣхъ написано, и не взяша съ нихъ ничего въ помочь») ¹³¹⁵).

1496. Псковскій князь Василій Ѳеодоровичъ, посадники и псковичи 6-го сентября поѣхали подъ Выборгъ на шведовъ и были тамъ 15-тъ недѣль. — Приѣхавъ съ войны, со службы великаго князя, въ Новгородъ, кн. Василій Ѳеодоровичъ скончался. — Марта 24-го великій князь прислалъ въ Псковъ намѣстника своего, князя Александра Владиміровича ростовскаго. — На Кромѣ у Кутняго костра былъ пожаръ: поджогъ сдѣлалъ подосланный нѣмцами чухонецъ, которому послѣдніе обѣщали большое вознагражденіе; этого чухонца поймали и 12-го апрѣля сожгли. Въ томъ же году нѣмцы взяли «Ивангородъ супротивъ Ругодива» 26-го августа. Князь псковскій и, вообще, всѣ псковичи выѣзжали противъ враговъ, а въ началѣ декабря всѣ возвратились домой ¹³¹⁶).

1498. Великій князь прислалъ въ Псковъ гонца съ грамотой, въ которой приглашаетъ свою отчину — Псковъ выступить со всею ратною приправой къ Иваньгороду (февраля 2-го). Князь псковскій не послушался, и желаніе великаго князя было исполнено ¹³¹⁷).

1499. Великій князь чрезъ посла извѣщаетъ псковичей, что онъ пожаловалъ сына своего Василя, назвалъ его государемъ Новгорода и Пскова ¹³¹⁸).

1500. Псковскіе посадники поѣхали бить челомъ великому князю, чтобы онъ освободилъ псковскихъ посадниковъ, Григорія Хрусталева и Ѳеодора Сокиркина (которые въ 1499 г. ѣздили въ Москву по поводу объ-

1313) См. стр. 267.

1314) П. С. Р. Л. IV, 269.

1315) Ibid. IV, 270.

1316) Ibid. IV, 270.

1317) См. стр. 271.

1318) П. С. Р. Л. IV, 272.

явленія великимъ княземъ сына своего Василия государемъ Новгорода и Пскова, чего псковичи не желали и о чемъ чрезъ помянутыхъ пословъ заявляли великому князю). Великій князь вины псковичамъ отдалъ. — Октября 6-го погорѣло Запсковье. — Поставлено два костра: одинъ надъ р. Великой, другой — на устьѣ Псковы. — Зимой владыка Геннадій прислалъ въ Псковъ дьяконовъ да попа осматривать церкви, что псковичами, по обсужденіи этого дѣла, было позволено. — Зимой великій князь прислалъ во Псковъ посла Никиту Ангелова съ требованіемъ, чтобы отчина его, великаго князя, послужила ему противъ зятя его, князя литовскаго Александра. Псковичи, «порубившеся съ десяти сохъ конь, а съ сорока рублевъ — конь и человекъ въ dospѣхъ, а бобыли — пѣшіе люди», поѣхали на Литву¹³¹⁹).

1501. Нѣмцы взяли городокъ Островъ и выдержали бой съ псковичами и москвичами на Серицѣ въ десяти верстахъ за Изборскомъ, при чемъ нѣмцами убито девять псковскихъ посадниковъ. Псковичи въ этомъ бою первыми вышли на схватку, но «напустиша бурапыльники нѣмецкіе вѣтръ на псковскую силу и пыль изъ пушокъ и изъ пищалей и дымъ», и псковичи бѣжали; тогда нѣмцы бросились и на москвичей, — но и эти бѣжали, побросавъ свои пожитки, которыми коварно воспользовались граждане Изборска. На слѣдующій день нѣмцы подступили къ Изборску, откуда направились къ Пскову, и псковичи, «исполна» снарядивъ конную рать, крѣпко бились съ нѣмцами. Для этого боя «молодые люди два третьяго покрутили щитомъ и сулицами»¹³²⁰).

1502. Нѣмцы взяли городокъ Островъ, къ которому подошли 7-го сентября. Стоявшіе въ трехъ верстахъ отъ городка псковскіе воеводы (почему-то) не дали помощи городку. За тѣмъ нѣмцы пошли къ Изборску и, благодаря своей хитрости, побили изборскихъ гражданъ. — Нѣмцы, соединясь съ литовцами, сговорились идти къ Пскову. — Октября 18-го великій князь прислалъ въ Псковъ воеводу своего, князя Александра Оболенскаго съ москвичами и татарскаго царевича съ татарами съ тѣмъ, чтобы эти рати шли съ псковичами воевать Нѣмецкую землю. Войска выступили въ походъ 24-го октября. Въ первой стычкѣ убили кн. Александра Оболенскаго, — тѣмъ не менѣ русскіе гнали и били нѣмцевъ на протяженіи десяти верстъ, и «не оставиша ихъ ни вѣстоноши, а не саблями свѣтлыми сѣкоша ихъ, но биша ихъ москвичи и татарове, аки свиней, шестоперы». — Марта 17-го нѣмцы пришли къ Красному городку и къ Коровбору (по одному варианту — Коровій боръ), взяли эту волость, многихъ побили, а иныхъ по-

1319) Ibid. IV, 273—274; VIII, 240.

1320) Ibid. 275—276; VIII, 241.

вели съ собой. Псковскія рати пришли сюда тогда, когда нѣмцевъ уже не было.

1503. Сентября 2-го магистръ подошелъ къ Изборску, а потомъ, 6-го сентября, къ Пскову, отъ котораго вскорѣ отступилъ. Посланные великимъ княземъ воеводы, Данилъ Васильевичъ Щеня и кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, пришли тогда, когда нѣмцы уже ушли. Однако нѣмцевъ преслѣдовали и бились съ ними, при чемъ псковскій князь Иванъ Шуйскій—Горбатый старался сосредоточить въ извѣстномъ пунктѣ псковичей, пробиравшихся «по закустовью», а тѣ «начаша ему... прозвище давати опремомъ и кормихномъ».—Мая 6-го въ Псковъ пріѣхалъ князь Дмитрій Владиміровичъ ростовскій ¹³²¹).

1504—1506. Въ Псковѣ появился моръ на людей ¹³²²).

1507. Великій князь позвалъ къ себѣ кн. Дмитрія Владиміровича, а въ Псковъ пріѣхалъ князь Петръ Васильевичъ Виликой, котораго псковичи встрѣтили съ крестнымъ ходомъ и посадили на княженіе ¹³²³).

1508. Псковичи заложили каменную стѣну около Гремячей горы ¹³²⁴).

1509. Великій князь позвалъ къ себѣ кн. Петра Виликого, а во Псковъ прислалъ кн. Петра Михайловича Найдена, — «а потому его назвали *Найденомъ*, а онъ не пошлюю пріѣхалъ, *нашли* его (курсивъ—нашъ) псковичи на загородскомъ дворѣ». Священники на встрѣчу ему съ крестами не ходили, а только пѣли молебенъ на Торгу; потомъ пошли въ Троицкій соборъ и посадили его на княженіе—«и бысть той князь лютъ до людей ¹³²⁵).

1510. Января 24-го въ Псковъ пріѣхалъ великій князь Василій Ивановичъ «и обычай псковской перемѣнилъ и старину порушилъ» ¹³²⁶).

1321) Ibid. IV, 276.

1322) Ibid. IV, 281.

1323) Ibid. IV, 281.

1324) Ibid. IV, 282.

1325) Ibid. IV, 282.

1326) Ibid. IV, 282 и слѣд. 137; VI, 245 и слѣд.; VIII, 251. Подробности этого событія извѣстны болѣе или менѣе всякому.

Дополненія и поправки замѣченныхъ ошибокъ.

Къ стрн. 21, стрк. 7. Вмѣсто *Храбрый* читай *Удалой*.

Къ стрн. 92. У великаго князя Ивана II Ивановича была еще дочь Марья, бывшая въ замужествѣ за кн. Дмитріемъ Михайловичемъ Боброкомъ—Волынскимъ, однимъ изъ героевъ Куликовской битвы.

Къ стрн. 133, стрк. 1—2. Вмѣсто *Ольгердовича* читай *Гедиминовича*.

Къ стрн. 151, стрк. 21. Вмѣсто *плѣнныхъ литовцевъ* надобно читать: «плѣненныхъ литовцами псковичей, которыхъ Витовтъ, уходя отъ Опочки, отдалъ на поруки псковскимъ посадникамъ».

Къ стрн. 291, стрк. 13—14. Слово *Ивановна* слѣдуетъ выбросить.

Къ стрн. 309, стрк. 6. Вмѣсто *посль Ярослав* надобно читать *посль Изяслава*.

Къ стрн. 327, стрк. 3—4. *Романовичу* читай (*Романовичу?*).

Къ стрн. 331, стрк. 33. Вмѣсто *Кирилл* читай *Спиридонъ*.

Къ стрн. 333, стрк. 2—3. Слова *съ новгородцами* слѣдуетъ выбросить.

Къ стрн. 329. Въ примѣч. 653 вставить цитату: III, 20.

Къ стрн. 330, стрк. 2. Вмѣсто *Ярославичъ* читай *Ростиславичъ*.

Къ стрн. 336, стрк. 2. Выбросить слова: «впослѣдствіи новгородскій чудотворецъ».

Къ стрн. 384, стрк. 4. Вмѣсто *Василій Васильевичъ* читай *Александръ Васильевичъ*.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЛИЧНЫХ ИМЕНЬ.

Аа рк. 22.
Абд-Уллахъ-ханъ, правитель Волжской Болгаріи 164.
Абдыль-Летифъ, царь казанскій 269. 274. 275.
Або гор. 350.
Абоскій церк. архивъ 348.
Абрамъ, новгор. тысяцкій 74. 357—359.
Абу-Саидъ, монг. ханъ 66.
Августъ, римскій кесарь 297.
Авдуль, ханъ Золотой орды 94. 95.
Агалакъ, царевичъ Пибанской орды 274.
Агаөя, см. Кончака.
Адашъ, золотоорд. посолъ къ Дим. Донскому 118.
Адріанъ Захарьевичъ, новг. посадн. 360.
Адріанъ Олферьевичъ, новг. тысяцкій 344. 345.
Адріанъ Савельевъ, новгородецъ 221.
Азовъ гор. 258—260.
Айгуста, см. Анастасія.
Айгустъ, кн. псковскій 342.
Айдаръ, ордынскій князь 154.
Айдаръ, зять вел. владим. баскака Амрагана 340.
Айдаръ, братъ Менгли-Гирея 231.
Акинеть, см. Іакинеть.
Анхозя (Анхозя, Аххозя), Тохтамышевъ посолъ къ Донскому 115.
Аланы, см. Ясы.
Алгазый, казанскій князь 245.
Алегамъ, казанск. царевичъ 245. 276.
Алекса Морткиничъ, новгородецъ 41.
Александра, вторая жена в. кн. Ивана II 92. 93. 291.
Александра, жена Семена Дмитріевича, кн. сузд.-нижегородскаго 137.
Александра Брячиславна, жена А. Невскаго 31. 39. 285.
Александро-Невская лавра въ Спб. 39.
Александръ VI папа 275.

Александръ, князь Грузіи 257.
Александръ, кн. литовско-звенигородскій 140.
Александръ, кн. псковскій 402. 403.
Александръ Аввакумовичъ, новг. воен. 362.
Александръ Борисовичъ, новг. бояр. 355. 358.
Александръ Васильевичъ, кн. суздальскій 73. 74.
Александръ (Омелья) Владиміровичъ, кн. кievскій 147.
Александръ Всеволодовичъ, кн. псковскій 398.
Александръ Давидовичъ, с. Д. Александровича, князя моск. 61.
Александръ Даниловичъ *Взметень*, кн. сузд.-нижегородскій 147.
Александръ Дмитріевичъ, с. в. кн. Д. Александровича 51. 52. 286. 287.
Александръ Ивановичъ *Брюхатый*, с. И. Борисовича, князя сузд.-ниж. 144. 147.
Александръ Ивановичъ, кн. литовскій, правнукъ Ольгерда 417.
Александръ Игнатьевичъ, новг. бояр. 377.
Александръ Казимировичъ, в. кн. литовскій и король польскій 253. 261. 262. 264—267. 271—273. 275. 432.
Александръ Константиновичъ, кн. ростовскій 106. 411.
Александръ Константиновичъ, новг. воен. 371.
Александръ Марковичъ, тверскій бояр. 66.
Александръ Михайловичъ, в. кн. тверскій и владимірскій 66—70. 73—78. 86. 88. 96. 278. 351. 352. 355. 389. 398.
Александръ Михайловичъ *Ордынецъ*, кнж. тверскій 118. 124.

Александръ Нарпмонтовичъ, кн. литовск. 354.

Александръ Остей, князь, боломенскій намѣстникъ 119.

Александръ Романовичъ, тверскій воев. 165.

Александръ Уковичъ, кн. мещерскій 128.

Александръ Юрьевичъ, князь, виленскій воевода 263.

Александръ Ярославичъ *Невскій* 13. 15. 17—20. 24—40. 44. 45. 53. 59. 278. 282. 284. 285. 332. 334—338. 376. 396.

Александръ (Олександръ) Ѳеодоровичъ, кн. «на Угличѣ полѣ» 55.

Александръ Ѳеодоровичъ *Брюхатый*, кн. ярославскій 162.

Александръ Ѳеодоровичъ *Щепа*, кн. ростовскій, псковскій намѣстникъ 143. 145. 146. 151. 152. 161. 410—415.

Александръ Ѳомичъ, новг. посадн. 370. 376.

Алексинцы, жители г. Алексина 206. 207.

Алексинъ гор. 126. 181. 188. 206. 208.

Алексій митроп. 88. 91—93. 96—99. 102. 110. 124.

Алексій, новгор. арх-пъ 111. 120. 360. 361. 364—367. 401. 404.

Алексій, еписк. сузд. 96.

Алексѣй Васильевичъ, псковск. степ. посадн. См. Кочановъ А. В.

Алексѣй Евстафьевичъ, с. изборск. князь 401.

Алексѣй (Олекса) Морткиничъ новг-цъ 341.

Алимъ-Бекъ, сынъ Абд-Уллаха 164.

Алтунь-Бекъ, сынъ Абд-Уллаха 164.

Алчедай, золотоорд. военач. 47.

Алынъ, золотоорд. военач. 48. 54.

Альбертъ Казимировичъ, король польск. 253. 266. 273.

Альбрехтъ, маркгр. баденскій 255.

Альбрехтъ, рижскій еписк. 394.

Альта рк. 308.

Амвросій Орнатскій, еписк. пензенскій 138.

Амовыжа, Аможива, см. Эмбахъ.

Амраганъ (Армаганъ, Паргаманъ), вел. баскакъ владим. 340.

Аму-Дарья рк. 257.

Амуртоза, орд. царевичъ 230. 231.

Амуръ рк. 18. 23.

Ананія, новг. посадникъ 36. 285.

Ананьинъ, новг. посадникъ 215.

Анастасія, см. Марія.

Анастасія, ж. в. кн. тверск. Бориса 159. 176.

Анастасія Васильевна, ж. кн. кievск. Александра Владим. 147.

Анастасія (Айгуста) Гедиминовна, ж. в. кн. Семена Гордаго 85. 88.

Анастасія Димитріевна, ж. кн. Ивана Всевола хожскаго 122. 136.

Анастасъ, корсунск. свящ. 304.

Ангеловъ Нпепта, посолъ Ивана III-го въ Псковъ 432.

Андрей, псковск. священн. 431.

Андрей, см. Казимиръ.

Андрей (Андрюшка), новг. бояр. 356.

Андрей, бояринъ моск. 134.

Андрей, венг. король 8.

Андрей, еписк. тверскій 62. 68. 364.

Андрей Александровичъ в. кн. 39. 46—60. 72. 278. 286. 343—347.

Андрей Александровичъ, кн. ростовскій 187. 411. 412.

Андрей Борисовичъ, кн. миклулпскій 235.

Андрей Васильевичъ *Дувница*, кн. суздальскій 167. 168.

Андрей Васильевичъ, кн. вологодскій 187. 188. 194. 200. 203. 208. 221. 222. 225. 228—231. 246. 248. 294.

Андрей Васильевичъ, кн. угличскій 185. 187. 188. 196. 200. 204. 207. 208. 225. 228—231. 234—236. 248. 249. 294. 420. 429.

Андрей Владиміровичъ, кн. волыпскій 322.

Андрей Владиміровичъ, кн. радонежскій 82. 157.

Андрей Владиміровичъ, кн. угличскій 28.

Андрей Воротиславичъ, новгор. намѣстн. в. кн. Ярослава тверск. 341. 342.

Андрей Димитріевичъ, кн. можайскій 122. 123. 135. 141. 149. 150. 153. 290. 292. 369.

Андрей Ивановичъ, кн. боровскій 77—80. 84—87. 93. 287.

Андрей Ивановичъ, кн. старицкій 277.

Андрей Ивановичъ *Лобанъ*, кн. стародубскій 163.

Андрей Ивановичъ, новг. посадн. 376.

Андрей Иларионовичъ (Ларивоновичъ), псковскій бояр. 375.

Андрей Климовичъ, новг. посадникъ 50. 52. 344. 347.

Андрей Константиновичъ, князь сузд.-нижег. 90. 96.

Андрей Константиновичъ, бояринъ кн. Констан-на Дим. угличскаго 376.

- Андрей Ольгердовичъ, кн. полоцкій 110—112. 361. 368. 399. 400. 403. 405.
 Андрей Петровъ, рудознатецъ 261.
 Андрей Тимошеевичъ, моск. бояринъ 212. 427.
 Андрей Тимошеевичъ, новг. бояр. 383.
 Андрей Юрьевичъ *Боголюбскій*, в. кн. владимірскій 4—7. 319—322. 324. 325. 378. 393.
 Андрей Ярославичъ, в. кн. владим. 17. 20. 23—28. 31—38. 40. 278. 284. 285. 335.
 Андрей Оедоровичъ, кн. ростовскій 96. 106.
 Андрей Оедоровичъ, кн. стародубскій (Кляземскій городокъ) 106.
 Андреянъ, см. Адріанъ.
 Андрюшка, см. Андрей.
 Аникіевъ вятчанинъ 243.
 Анна кнг., тетка Семена Гордаго 82. 84.
 Анна Васильевна, ж. кн. рязанск. Весплія Ив-ча 187. 191. 208. 269—270.
 Анна Васильевна, ж. Ивана Манупловца Палеолога 147.
 Анна Димитріевна, д. Д. Донскаго 122.
 Анна Димитріевна, ж. в. кн. тверскаго Михаила Ярославича 51. 56. 67.
 Антоній, патр. констант. 368.
 Антоній, арх-пъ новгородскій 10. 29. 333.
 Антоній кардиналъ 209.
 Антонъ бояринъ 49.
 Антонъ лѣкарь 255.
 Антонъ фризинъ 209.
 Анфаловское сел. 205.
 Анфаль, новг. посадн. 371.
 Анфаль Никитинъ, двинской бояр. 135—137. 369.
 Акхозя, см. Акхозя.
 Аральское море 127.
 Арапша, царевичъ пзъ Синей орды 109. 110.
 Аристотель Фіоравенти 255.
 Аристъ Павловичъ, псковск. тропцк. староста 406.
 Армаганъ, см. Амраганъ.
 Армяне 96.
 Арсеній, арх-пъ новгор. 29. 282.
 Арсеній, еписк. рязанскій 9.
 Арсеній, претенд. на псковск. епископію 352.
 Арсеній, игум. Спасо-Хутынскаго мня 332.
 Арскіе (вотядкіе) князья 243.
 Арскъ гор. 243. 269.
 Архангельскій миръ на Сковородеѣ 241.
- Архангельскій соборъ въ Москвѣ 69. 79. 92. 146. 277. 292. 293.
 Архангельскъ гор. 382.
 Арцыбашевъ Н. С. 160.
 Аскольдъ, кн. кіевскій 300. 302.
 Астраханская губ. 17.
 Астраханскія степи 131.
 Астраханъ (Хазьтороканъ) гор. 363.
 Афремовъ 115.
 Акхозя, см. Акхозя.
 Ахматъ, ханъ Зол. орды 185. 189. 205—208. 211. 212. 227. 228. 230—232. 234. 238. 249.
 Ахмылъ, ханскій посолъ на Русь 68. 72.
 Ахмылъ Оедоръ, новгор. посадн. 353.
 Ачихожа, ханскій посолъ 106.
 Аванасій Даниловичъ, с. Д. Алекс—ча, кн. моск. 63. 65. 67. 68. 84. 349. 350.
 Аванасій Осповичъ, новг. воев. 371.
 Аванасій Ярославичъ, см. Ярославъ-Аванасій Ярославичъ.
 Аванасій Оедоровичъ, сынъ новг. посадника 373.
 Аванасьевы, новгор. бояре 215.
 Баба Иванъ, кн. литовскій 161. 162. 416.
 Бабичъ Иванъ, князь 212. 218.
 Бабичъ Юрій, князь 268.
 Багола 123.
 Бажановъ Н. 164.
 Байдера, ханскій посолъ 67.
 Барбашевъ А. 136.
 Барсовъ Н. П. 33.
 Басенонъ Никифоръ, посолъ Ивана III къ Ахмату 207. 227. 230.
 Басенонъ Оедоръ, моск. воевода 173. 175. 177. 180—182. 186.
 Батыевъ Юртъ (становище) 231.
 Батый, внукъ Чингисхана 17. 18. 22. 23. 26. 32—34. 36. 281. 284.
 Башкирская земля 195.
 Баязетъ II султанъ тур. 258—260.
 Бегичъ, мурза Мамай 111.
 Бегичъ, посолъ Улу-Махмета къ Шемякѣ 169. 170.
 Беззубцевъ Конст. Александр., моск. воевода 178. 194—197.
 Безнины, боярскій родъ 77.
 Безсонъ, бояр. новг. арх-па Геннадія 430.
 Беклемишевъ Никита Вас., бояр. Ивана III-го 211.
 Беклемишевъ Семель, алексинскій воевода 206.
 Белеутъ Александръ, моск. бояр. 366. 367.

- Берге, ханъ Зол. орды 39.
 Бердедать, царевичъ, подручн. Москвѣ 168.
 Бердибекъ, ханъ Зол. орды 91. 93.
 Березинъ П. 109. 155. 286.
 Березовый островъ 357.
 Березская волость въ Псковск. обл. 419. 420.
 Берендеева слобода 121.
 Берендеи, народъ 8. 322.
 Берестье гор. 316. 393.
 Беркай, тат. посолъ на Русь 37.
 Бестужевъ, посолъ Ивана III къ Ахмату 227.
 Бестужевъ-Рюминъ К. Н. 28. 35. 38. 53. 71. 91. 100. 121. 186. 300. 301. 303. 307. 309. 389—391. 394.
 Биргеръ, правитель Швеціи 30.
 Битюгъ рк. 178.
 Біармія, см. Пермь.
 Благовѣщенская церк. въ Новг—дѣ 356.
 Благовѣщенскій мон—ръ въ Новг—дѣ 347.
 Боберъ, бояр. Вас. Темнаго 173.
 Богданъ Авакумовичъ, новг. посадн. 366—368.
 Богемія 273.
 Богодайшиковъ, вятчаннъ 243.
 Боголюбовъ гор. 22.
 Боголюбскій, см. Андрей Юрьевичъ Б.
 Богородицкое село на Баголѣ 123.
 Богоявленскій конецъ въ Псковѣ 390.
 Богумиль *Соловей*, новгор. жрецъ 305.
 Болгарія Волжская (Болгарская земля) * 22. 115. 164. 304.
 Болгарскіе князья 109.
 Болгары, гор. на Волгѣ 109. 131. 164. 361—363. 372.
 Болгары волжскіе, народъ 11. 21. 109. 153. 164.
 Болеславъ *Храбрый*, кор. польскій 308.
 Болотово, сел. въ Новг. землѣ 297.
 Болоховская земля 16.
 Болоховскіе князья 16.
 Болтинъ Вас. Ив., боярскій сынъ 261.
 Больвинскій конецъ въ Псковѣ 390.
 Борецкая Марѳа, ж. новг. посадника 199. 200. 202. 225.
 Борецкій Вас. Ѳеодор. 225.
 Борецкій Дмитрій Исаак., новгор. посадн. 202.
 Борецкій Исаакъ, новг. посадникъ 199.
 Борзановскій В. С. 50. 51.
 Борисовское село 123.
 Борисовъ гор. 327.
 Борисоглѣбская церк. въ Псковѣ 405.
 Борисоглѣбская церк. въ Новг—дѣ 347.
 Борисъ, новгор. посадн. 313.
 Борисъ, новг. посадн. 348.
 Борисъ, новгор. тысяцкій 332.
 Борисъ Александр., в. кн. тверскій 160. 171. 174—176. 189. 208. 382.
 Борисъ Андреевичъ, внукъ Алекс. Невскаго 53. 58—60. 346.
 Борисъ Васильевичъ, кн. волоцкій 187. 188. 200. 204. 207. 208. 221. 223. 225. 228—231. 234. 235. 249. 294. 429.
 Борисъ Васильевичъ, кн. шуйскій 161.
 Борисъ Васильевичъ, кн. ростовскій 23. 27. 28. 36—38. 44. 46. 53.
 Борисъ Владиміровичъ, св. кн. ростовскій 3. 30. 307. 308.
 Борисъ Всеславичъ, кн. полоцкій 19.
 Борисъ Вячеславичъ, с. В. Ярославича смоленскаго 312.
 Борисъ Давыловичъ, братъ Ив. Калиты 60. 61. 65. 71.
 Борисъ Жидиславичъ, воевода А. Боголюбскаго 322.
 Борисъ Жировславичъ, новгор. бояринъ 329.
 Борисъ Константиновичъ, кн. городецко-нижегородскій 95. 96. 106. 110. 127—130.
 Борисъ Михайловичъ, с. М. Хоробрита 25.
 Борисъ Нѣгоцевичъ, сторонникъ Водовика 333.
 Борисъ Романовичъ(?), с Р. Ростиславича смол. 327. 393.
 Боровская рать 120.
 Боровскъ гор. 167. 188. 230. 243. 287.
 Бородатый Степанъ, дякъ 201.
 Бородинъ Григорій, псковичъ 213.
 Бортенево сел. 65.
 Бортеневская битва 65.
 Ботническій заливъ 268.
 Ботринъ, см. Іакимъ.
 Бочука, ханскій посолъ 227.
 Боярково сел. 172.
 Бронницы сел. 232. 340.
 Брюхатый, см. Александръ Ив. и Ѳеодоровичъ.
 Брюхатый Яковъ Аѳанасьевичъ, псковск. степ. посадн. 431.
 Брюхо Иванъ, моск. воевода 268.
 Брянскіе бояре 140.
 Брянскъ гор. 100. 140. 167. 173. 263. 272.
 Брянславъ гор. 264. 275.

Брячиславъ Изяславичъ, кн. полоцкій 30.
39. 309. 335.

Бугъ рк. 308.

Будволна (Будиволна) **Василій**, князь 401.

Булатъ-Салтанъ ханъ 141. 142.

Булганъ кн. Иванъ, воев. Ивана III-го 238.

Бунко москвичъ 171.

Буриной, потомокъ Гостомысла 295.

Бурковы ворота въ Псковъ 406.

Бутурлинъ Полевикъ 229.

Бьернборгъ гор. 348.

Бѣда дьякъ 180.

Бѣжецкая пятна 65. 302.

Бѣжецкая рать 120.

Бѣжецкій Верхъ, Бѣжецъ, Бѣжичи гор. (п волость) 32. 33. 43. 75. 102. 103. 133. 146. 158. 159. 161. 166. 177. 181. 188. 302. 336. 348. 362. 378. 381. 382.

Бѣлая, Б. Воложка рк. 193.

Бѣлгородъ кіевскій 313.

Бѣлгородъ крымскій 258.

Бѣлгородъ рязанскій 9.

Бѣлгородъ тверскій 107.

Бѣлева рк. 163.

Бѣлевскіе князья 252. 262.

Бѣлевскій кн. Андрей Вас. 252.

Бѣлевскій кн. Иванъ Вас. 251—252.

Бѣлевъ гор. 163. 164. 168. 263.

Бѣловоложская земля 195.

Бѣлое море 302. 382.

Бѣлозерская волость 355.

Бѣлозерская область 83.

Бѣлозерская рать 120.

Бѣлозерскіе князья 112.

Бѣлозерскій старшій городокъ 134.

Бѣлозерскій удѣлъ 47.

Бѣлозерскія волости 134.

Бѣлозерскія земли 183.

Бѣлозерское княжество 409.

Былозерскъ гор. 1. 123. 129.

Бѣлоозеро 1. 3. 123. 158. 173. 230. 246. 247. 270. 274.

Бѣлоруссія 300.

Бѣлоусть рк. 318.

Бѣльскій кн. Семенъ Иван. 272.

Бѣльскій кн. Оѣдоръ Иван., моск. бояр. и воевода 249. 252. 265. 270. 274.

Бѣляевъ И. Д. 32. 35. 71. 103. 109. 114. 300. 301. 309.

Бѣскъ (или Бѣсокъ) Игнатій, новг.—цъ 349.

Бяргы гор. 295.

Вага рк. 134. 180. 384.

Ваганково, уроч. въ Москвѣ 170.

Вадимъ, потомокъ Гостомысла 296.

Важане, жители по р. Вагѣ 376.

Валить Иванъ Оѣдор., новг. воев. 364.

Валить корел., воев. въ Корельскомъ городѣ 354.

Ванай гор. 348.

Ванакиль, м. въ Финл. 348.

Вандакъ, потомокъ Гостомысла 295.

Vaapö (Vaapö), м. въ Финл. 348.

Варзуга рк. 375.

Варлаамъ, архим. новг. 114. 375.

Варлаамъ (въ мірѣ Вячеславъ Прохшничъ) преп. чудотв. хутынский 336. 372.

Варсонофій, еписк. тверскій 68.

Варяги нар. 295. 296. 301—304. 307. 308. 327.

Варяжская земля 296. 297. 299.

Варяжская улица въ Новг. 301.

Вареоломей Евстафьевичъ, новг. бояр. 341. 352.

Вареоломей Юрьевичъ, новг. посадн. 353. 356.

Василисса Васильевна, д. в. кн. В. Дмитр. 147.

Василисса Дмитриевна, д. кн. Д. Б—ча ростовск. 39. 56.

Василисса Семеновна, д. С. П. Гордаго 88.

Василій, въ мірѣ Георгій *Калѣка*, арх.—пъ повгор. 75. 76. 85. 352—354. 357. 359.

Василій, еписк. тверскій 97.

Василій, кн. минскій 351.

Василій Аввакумовичъ, новг. бояр. 374.

Василій Александровичъ, кн. сомнпт. 73.

Василій Александровичъ, с. А. Невскаго 33—37. 39. 284—286. 336. 337. 396.

Василій Ананьевъ, новгор. посадн. 198. 215. 386.

Василій Андреевичъ, с. в. кн. А. Ярославича 28.

Василій Анисимовичъ, посадн. г. Острова 399.

Василій Борисовичъ, кн. ростовскій 56.

Василій Борисовичъ, новг. бояр. 364. 367.

Василій Васильевичъ *Темный*, вел. кн. 5—7. 75. 123. 145. 147—160. 177—189. 192. 204. 242. 270. 278. 293. 294. 378. 379. 381. 383. 384. 385. 414.

Василій Васильевичъ, кн. Ярославскій 106.

Василій Васильевичъ, моск. бояр. 91.

Василій Владиміровичъ, кн. углицкій 175.

Василій Всеволодовичъ, кн. Ярославскій 34.

Василій Давидовичъ, кн. Ярославскій 77. 82. 83. 355.

Василій Даниловичъ, двинской бояр. 97.

Василій Димитріевичъ, вел. кн. 102. 118—128. 145—147. 149. 242. 278. 290—293. 367. 369—372. 406. 410. 411. 413.

Василій Димитріевичъ *Кирдяна*, кн. сузд. дал. 95. 105. 109. 115. 116. 128. 130. 131.

Василій Епимаховичъ (Опимаховичъ), псковск. посадн. 430. 431.

Василій Пвановичъ, с. П. III Васильевича 234. 264. 268—270. 273. 275—277. 386. 431. 433.

Василій Пвановичъ, кн. рязанскій 184. 187. 191.

Василій *Пвановичъ*, кн. смоленскій 133. 369.

Василій Пвановичъ, новг. посадн. 364. 366. 370.

Василій Пгнатьевичъ, новг. тысяцкій 374.

Василій Казимѣрь, новгор. 202.

Василій Коверъ, кн. Стародубскій 205.

Василій Козмичъ, новг. бояр. 364.

Василій (Василько) Константиновичъ, кн. ростовскій, с. в. кн. К. Всева 13. 14. 21. 56. 283.

Василій Константиновичъ, кн. ростовскій 106.

Василій Кочева, бояр. моск. 77.

Василій Михайловичъ, кн. кашинскій и в. кн. тверскій 74. 78. 88. 91. 92. 97. 98. 106. 117. 118. 138. 351.

Василій Михайловичъ Удалой, кн. верейскій 196. 201. 204. 207. 222. 225. 248. 263.

Василій Никлфоровъ, новгор. боярничъ и воевода 220. 385.

Василій Осиповичъ, новг. посадн. 375.

Василій Осиповичъ, новг. тысяцкій 372. 374.

Василій Семеновичъ, с. С. Гордаго 88. 288.

Василій Юрьевичъ, впускъ сузд. князя Василія Кирдяны 179. 381.

Василій Юрьевичъ *Косой*, кн. галицкій 156—162. 278. 379.

Василій Ярославичъ, кн. костромскій и в. кн. владим. 19. 40—44. 46. 53. 341—343.

Василій Ярославичъ, кн. боровскій 158. 167. 168. 172—177. 180. 181. 183. 184. 187. 204. 234. 235. 263.

Василій Ѳеодоровичъ, новг. посадн. 368.

Василій Ѳеодоровичъ, новг. воев. 362.

Василій Ѳеодоровичъ, псковск. бояр. 368. 405.

Васильева горка въ Псковѣ 405.

Васильевское село 123.

Васильевъ день 48.

Василько, см. Василій.

Васильцево, село моск. 188.

Васса, мнимая вторая ж. А. Невского 39.

Вассіанъ, еписк. ростовскій 228—230. 232.

Вассіанъ, еписк. тверскій 237.

Ведроша рк. 272.

Ведрюшная битва 276.

Везенбергъ, Вейссенбергъ, см. Раковоръ.

Великая рк. 274. 382. 387. 390. 399. 402. 403. 405—407. 415. 423. 429. 432.

Великіе Луки гор. 234. 302. 321. 327.

329. 330. 389. 394. 407. 429.

Великой, см. Петръ Васильевичъ.

Великолуцкіе полки 273.

Великороссія 3.

Вель, новг. волость 134. 371.

Вель, притокъ р. Ваги 134.

Велье, псковск. гор. 402. 407. 409. 410.

Вельскій уѣздъ Волог. губ. 180.

Вельядцы 401.

Вельядъ (Феллпъ) гор. 238. 239. 339. 426.

Вельяминовъ Алексѣй Петр., бояр. и тысяцкій моск. 82. 90.

Вельяминовъ Вас. Вас., моск. тысяцкій 106. 128. 157. 164.

Вельяминовъ Пв. Васильевичъ 106. 108. 109. 111.

Вельяминовъ Николлай Васильев. 157.

Вельяминовъ Тимоѳей Васильев., моск. воевода 113.

Вельяне, жит. г. Велья 407. 408. 410.

Венгрія 256. 273.

Вендень (Кесь) гор. 12. 22. 239. 348. 394. 395.

Веневъ гор. 263.

Венеція 211. 255. 257.

Вепревъ Василій, бояр. Шемяки 173. 174.

Верейскій удѣлъ 247—248.

Верея гор. 123. 141. 167. 247.

Весъ, пар. финск. плем. 300.

Весъегонскъ гор. 302.

Ветлуга рк. 363.

Вешняковъ Влад. 71. 121.

Взметень, см. Александръ Даниловичъ.

Византія 305.

Викторъ, нѣмецъ-рудознатецъ 261.

Вилневици (велпневици), см. вельядцы.

Вильна гор. 85. 110. 153. 263—265. 427. 430.

Винковъ Юрій, псковск. посадн. 413.
 Вируяны, финск. племя 396.
 Виссаріонъ кардиналь 209.
 Витебская губернія 300.
 Витебскъ гор. 33. 273. 285. 398.
 Витовтъ, в. кн. литовскій 90. 104. 125.
 126. 129. 132. 133. 135—137. 139—141.
 143—146. 149—151. 153. 154. 368—373.
 377. 378. 406—408. 410. 412—414. 434.
 Владиміро-Волыньскій удѣлъ 8.
 Владиміро-Московское великое княже-
 ство 70. 71. 101. 102. 104. 107. 121.
 Владимірская икона Б. Матери 131.
 Владимірская рать 109. 120.
 Владимірскіе бояре 101.
 Владимірскіе граждане 39.
 Владимірскіе великіе князья 4. 122.
 Владимірскій полкъ 112.
 Владимірское великое княжество 1. 3.
 6. 18. 26. 74. 118. 121. 122. 125. 175.
 Владимірцы 5. 325.
 Владиміръ Волыньскій гор. 312. 314. 352.
 Владиміръ (Володимерь) Залѣвскій гор.
 3—7. 9—11. 15. 17—26. 28. 34—39. 43.
 44. 47. 48. 51. 52. 54—57. 60—62. 66.
 67. 75. 81. 82. 90. 92. 93. 95. 101. 117.
 118. 125. 131. 140. 159. 164. 167—170.
 178. 187—189. 193. 218. 242. 244. 285.
 304. 325—327. 329. 330. 336. 340. 342.
 343. 347. 353. 361. 394. 396.
 Владиміръ, см. Володаръ.
 Владиміръ, потомокъ Гостомысла 295.
 Владиміръ Андреевичъ, кн. дорогобуж-
 скій 322.
 Владиміръ Андреевичъ, кн. ростовскій,
 намѣстн. псковскій 187. 189. 190. 420.
 Владиміръ Андреевичъ Храбрый, кн.
 боровско-серпух. 80—82. 90. 93—95. 97.
 99—103. 106. 107. 109. 111—114. 117.
 119—122. 125. 126. 128. 129. 131. 141.
 149. 156. 181. 290. 292. 362. 364. 365.
 403.
 Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ 5—
 7. 20. 278. 312. 313. 318.
 Владиміръ Дапловичъ, кн. 161. 415—
 417.
 Владиміръ Дмитріевичъ, см. В. Яросла-
 вичъ.
 Владиміръ Игоревичъ, кн. сѣверскій 8. 16.
 Владиміръ Константиновичъ, кн. углиц-
 кій 18. 34.
 Владиміръ Мстиславичъ, кн. псковскій
 12. 394.
 Владиміръ Рюриковичъ, кн. кіевскій 13.
 15. 16. 334.

Владиміръ Святославичъ, в. кн. кіевскій,
 св. 3. 4. 301. 303—308. 325. 327. 328.
 380. 391.
 Владиміръ Ярославичъ (Дмитріевичъ),
 кн. пронскій 100. 103. 104.
 Владиміръ Ярославичъ, кн. псковскій 33.
 Владиміръ Ярославичъ, с. Я. Мудраго,
 кн. новгор. 309. 310. 380. 392.
 Владиславъ Казимировичъ, король чеш-
 скій 249. 256. 276.
 Власіевская церк. въ Псковѣ 403.
 Влена рк. 327.
 Внездъ (Нездъ), новгор. бпрючъ 321.
 Внездъ-Водовичъ, новгор. посадн. 14.
 30. 282. 331—333.
 Внучекъ, см. Семень В.
 Водъ (вожане), финск. нар. 31. 33. 137.
 342. 349. 354. 358. 413.
 Водская пятнина, новгор. волость 302.
 381.
 Водскіе сельчане 381.
 Вожа рк. 111. 112.
 Вожане, см. Водъ.
 Вожская битва 111.
 Воздвиженская церк. въ Псковѣ 404.
 Воинъ, братъ Гедимина 351.
 Войшелгъ, кн. литовск. 338.
 Вокса, см. Узьерва.
 Волга рк. 11. 63—65. 68. 96. 102. 109.
 110. 112. 115. 120. 131. 153. 160. 164.
 165. 168. 173. 174. 177. 179. 192—197.
 227. 231. 244. 299. 317. 318. 321. 327.
 362. 363. 368. 372. 404.
 Волжане (ходившіе по Волгѣ) 119. 120.
 Волжскій бассейнъ 1. 3.
 Волнинъ Григорій 206. 221.
 Вологда гор. 43. 65. 97. 129. 133. 134.
 160. 161. 174. 189. 194. 203. 234. 245.
 248. 270. 302.
 Вологжане 194.
 Вологодская губернія 180.
 Вологодская рать 120. 200.
 Володаръ (Владиміръ) Глѣбовичъ, кн.
 городецкій (пизъ полоцкихъ) 321.
 Володимерецъ, городокъ въ Псковск.
 обл. 420. 421.
 Володчина гора въ Псковск. обл. 420.
 Володша Строиловичъ, псковск. посадн.
 399. 400.
 Волоколамскъ (Волокъ, Волокъ Ламскій)
 гор. 13. 43. 51. 52. 55—57. 85. 100. 106.
 107. 221. 281. 319. 326. 345.
 Волокъ, повтор. волость 76. 175. 182.
 188. 201. 302. 312. 322. 329. 331. 354.
 356. 382. 383. 385.

- Волокъ, см. Волоколамскъ.
 Волокъ Ламскій, см. Волоколамскъ.
 Волость, язич. бож. слав. 304.
 Волоцная (Волоколамская) рать 120.
 Волочане, жит. Волоба 100.
 Волочна сел. 214.
 Волошская земля 151.
 Волошскій господарь 153.
 Волховець рчк. 383.
 Волховъ рк. 30. 135. 223. 299. 305. 306.
 320. 332. 338. 341. 345. 347. 349. 353.
 355. 356. 364. 374. 383.
 Волчы воды 110.
 Волюнецъ Семень 163.
 Вольтинскій-Боброкъ кн. Дмитрій Мпх.
 103. 109. 111. 113. 434.
 Вольтинскій Дмитрій Иван. 111.
 Вольтъ 86. 87. 322. 352.
 Вороначь гор. 151. 371. 377. 400. 407.
 409. 417.
 Вороная рк. 320.
 Воронежъ рк. 112.
 Вороній камень, уроч. въ Псковской обл.
 31. 421.
 Воротынскіе князья 262.
 Воротынскій кн. Дим. Федор. 251.
 Воротынскій кн. Ив. Михайл. 251.
 Воротынскій кн. Семень Федор. 251—
 253.
 Воротынскъ гор. 263.
 Ворскла рк. 135. 136.
 Воскресенская церк. въ Новг-дѣ 346.
 Вотяцкая земля 195.
 Вотяцкіе князья, см. Арскіе князья.
 Всеволодъ Александровичъ, кн. холмскій
 91. 92.
 Всеволодъ Константиновичъ, кн. ярос-
 лавскій 13. 14. 22.
 Всеволодъ Мстиславичъ, кн. новгор-
 псковскій 16. 22. 313. 314. 388. 394.
 Всеволодъ (Гавріиль) Мстиславичъ, кн.
 кіевскій 314. 390. 392.
 Всеволодъ Олеговичъ, кн. черниговскій
 и в. кн. кіевскій 315—317. 393.
 Всеволодъ Святославичъ Чермный, кн.
 черниг. 8.
 Всеволодъ III Юрьевичъ Большое Гнѣздо
 4. 7—10. 15. 20. 21. 34. 44. 278. 325—
 330. 394.
 Всеволодъ Юрьевичъ, с. в. кн. Ю. Все-
 володовича 11. 22. 283. 331.
 Всеволодъ Ярославичъ, в. кн. кіевскій
 311. 391.
 Всеволожскій Дмитрій Александровичъ,
 нижегор. намѣстникъ 128.
 Всеволожскій Иванъ Дмитр., моск. бояр.
 154—158. 368.
 Всесвятскій великій пожаръ 97.
 Всеславъ Брячиславичъ, кн. полоцкій
 310. 311.
 Вуокса, ям. Узьерва.
 Входоіерусалимская церковь въ Новг-дѣ
 353. 354.
 Вщижь гор. 319.
 Выборгъ (Выборъ) гор. 68. 350. 351.
 354. 355. 359. 372. 417. 431.
 Выползовъ сел. 114.
 Вышгородъ кіевскій 315. 324. 392.
 Вышгородъ московскій 87. 192. 208.
 234. 247.
 Вышгородъ псковскій 233. 414.
 Вышеславъ Владиміровичъ, кн. новгород-
 скій 306.
 Вья рк. 203.
 Вѣнецъ земли гор., см. Ландскрона.
 Вяземскіе князья 253. 262.
 Вязьма гор. 139. 140. 253. 263.
 Вятичи нар. 304.
 Вятка гор. и обл. 123. 138. 152. 159.
 179. 184. 188. 193—196. 204. 205. 226.
 242—245. 299. 374.
 Вятка рк. 193. 363. 367. 368.
 Вятскія рати 200.
 Вятчане 144. 158—160. 162. 184. 193—
 195. 206. 227. 242—245. 261.
 Вяцько, см. Вячеславъ.
 Вячеславъ, повгор. посадникъ 14. 395.
 Вячеславъ Владиміровичъ, кн. туровскій
 314. 315.
 Вячеславъ Прокшиничъ, см. Варлаамъ.
 Вячеславъ (Вяцько) Святославичъ, кн.
 полоцкій 321.
 Гавріиль, см. Всеволодъ.
 Гавріиль, псковск. намѣстникъ 406.
 Гавшинъ дворъ въ Москвѣ 98.
 Гаконъ, норвежскій король 34. 286.
 Галицкая (костромская) область 163.
 Галицкая рать 120.
 Галицкіе князья 242.
 Галицкій Борисъ, галицк. бояр. 150.
 Галицкій удѣлъ 242.
 Галичане, жит. костр. Галича 158.
 Галичь костр. гор. 95. 96. 102. 103. 123.
 134. 149. 150. 152. 156. 158. 160. 161.
 175. 178. 188. 192. 252.
 Галичь Червенскій 8. 15. 334.
 Галка, названіе пушки 378.
 Гамбургъ гор. 267.
 Гамская земля, см. Каянская з.

- Ганза 267. 299.
 Ганзейскіе города 273.
 Гастольдъ Станиславъ, польск. посолъ 263.
 Гаюкъ великій ханъ 23.
 Гдова рк. 415.
 Гдовъ гор. 233. 415. 422.
 Гедиминъ, лит. князь 85. 351. 352. 365.
 Геласій, псковск. архим. 417.
 Геннадій, чудовскій архим., потомъ новгор. арх-пъ 241. 271. 430. 432.
 Генрихъ IV импер. 84.
 Гентякъ, см. Ёйтякъ.
 Генуезцы 112. 114.
 Георгіевскій монастырь въ Новг-дѣ 18. 283. 332. 336. 346. 351. 363.
 Георгій *Калъка*, см. Василій.
 Герасимъ митроп. 378.
 Герасимъ коломенскій еписк. 113. 365.
 Герасимъ двинянинъ 135. 137.
 Герберштейнъ 298.
 Германская имперія (Германія) 255. 256.
 267.
 Германъ (Еремѣйко) ругодивскій воев. 375.
 Геронтій моск. митроп. 228.
 Гзень, Гзеля, см. Кземля.
 Гильфердингъ А. Ѳ. 300.
 Глазачъ Яковъ новг-цъ 363.
 Глинка С. Н. 16.
 Глинскіе князья 251.
 Глинскій кн. 262.
 Глинскій кн. Богданъ 272.
 Глуховъ Дим. Вас., новг. посадн. 384.
 Глѣбовичъ Станиславъ, см. Станиславъ Глѣбовичъ.
 Глѣбъ, см. Наримонтъ.
 Глѣбъ Васильевичъ, кн. бѣлозерскій 23. 38. 44. 46. 47. 53.
 Глѣбъ Владиміровичъ, св. кн. муромскій 30. 307.
 Глѣбъ Ростиславичъ, кн. рязанскій 325—327.
 Глѣбъ Святославичъ, кн. новгородскій 310—312. 327. 328.
 Глѣбъ Семеновичъ, галицкій бояр. 144. 374.
 Глѣбъ Юрьевичъ, с. Ю. Долгорукаго 4. 322.
 Гоголь гор. 126.
 Голино, сел. въ Новг. обл. 342.
 Голицынъ князь 115.
 Головинъ Н. 19. 20. 52. 289. 291.
 Головина Никита, новг. воевода 137.
 Голохвастовъ Алексѣй 260.
 Голтяева Марья 156.
 Голтяевъ Андрей Ѳеодор., бояр. и воев. 159. 160. 163. 166.
 Гомель (Гомей) гор. 173. 272.
 Гончарный конецъ въ Новг-дѣ 301.
 Горбатый, см. Шуйскій-Горбатый.
 Городецкая рать 120.
 Городецкій конецъ, см. Городской.
 Городецъ на Волгѣ 11. 27. 39. 48. 53. 54. 58. 59. 61. 72. 90. 96. 130. 141. 179.
 Городецъ, волость Влад. Андр. Храбраго 181.
 Городецъ калужскій 126.
 Городецъ Мецкерскій (Касимовъ) 127. 128.
 Городецъ новгородскій 65. 160.
 Городище, сел. (предмѣстье) бл. Новг-да 14. 37. 214—216. 219—222. 341. 356. 378. 381. 386.
 Городна, гор. въ Литвѣ 430.
 Городокъ шведскій гор. 354.
 Городской (Городецкій) конецъ въ Псковѣ 390. 419.
 Городчане, жит. Г. на Волгѣ 11.
 Гороховецъ гор. 17.
 Горскій 61.
 Госвинъ (Гостило), вельядскій командоръ 375.
 Гостомысль, новгор. старѣйшина 295. 297. 298.
 Гостомысль, с. Бурпя 295.
 Гостятино, псковск. волость 428.
 Готландцы, жит. о-ва Г-да 328.
 Готландъ (Готскій берегъ) о-въ 133. 367.
 Градокъ, сел. въ Тверск. обл. 98. 99. 107.
 Гребенна-Шуйскій кн., см. Шуйскій-Гребенка.
 Греки вм. Греція 299. 304.
 Греки нар. 209. 211. 269. 303.
 Гремислава, см. Евдокія.
 Греція 310.
 Гремислава-Евдокія, см. Евдокія.
 Гремячая гора въ Псковѣ 404. 423. 433.
 Григорій кн. Клевскій 381.
 Григорій констант. парт. 198.
 Григорій еписк. ростовскій 369.
 Григорій самозв. митроп. 198.
 Григорій VII папа 84.
 Григорій псковск. архим. 417.
 Григорій Богдановичъ, новг. посадн. 372.
 Григорій Евстафьевичъ, псковск. посадн. 403.
 Григорій Евстаф., кн. псковск. 369. 405—407. 412.
 Григорій Ивановичъ, новг. тысяцкій 366.

Григорій Кирilloвичъ, новг. посадн. 379.
Григорій Ѡедосѣевичъ, псковск. бояр. 406.
Грузія, см. Пверская земля.
Грюнвальденская битва 136.
Губа Василій, новгородецъ 202.
Гундоровъ, воевода Івана III-го 268.
Гусевъ дьякъ 270.
Гуссейнъ, султанъ Чагат. орды 257.

Давидъ арх-пѣ новгор. 65. 347—350.
Давидъ еписк. рязанскій 191.
Давидъ (Давыдо) кн. литовскій 69. 397.
398. 409.

Давидъ Мстиславичъ, кн. торонедкій 12.
Давидъ Ростиславичъ, кн. смоленскій
318. 319. 324. 328.

Давидъ Святославичъ, кн. черниговскій
312.

Давидъ Юрьевичъ, кн. муромскій 24.
Давыдко, см. Давидъ.
Далматовъ моск. дьякъ 221.
Далматъ, арх-пѣ новгор. 34. 336. 337.
342.

Даниловичъ, польскій пстор. 88. 153.
Даниль, новг. посадн. пѣзъ Кіева 313.
Даниль Александровичъ, кн. московскій
39. 48. 50. 56. 57. 59.

Даниль Александровичъ, кн. ростовско-
псковскій 137. 139. 371. 406—408. 410.

Даниль Борисовичъ, кн. сузд.-нижего-
родскій 129. 144.

Даниль Васильевичъ, с. в. кн. В. Димит-
ріевича 147. 293.

Даниль Васильевичъ, кн. Ярославскій,
воевода Івана III-го 194—196.

Даниль Димитріевичъ, с. Д. Донскаго
121. 289. 290.

Даниль Заточникъ 111.

Даниль Ивановичъ, с. Калиты 79. 80.
287.

Даниль Ивановичъ, новг. бояр. 374.

Даниль Пронскій, кн., см. Пронскій Д.
Даниль Романовичъ, кн. галицкій 8.

15—17. 19. 23. 26. 28. 29. 334.

Даниль Семеновичъ, с. С. Гордаго 88.
288.

Даниль Тимоѣевъ, моск. посолъ въ
Новг. 368.

Даниль Ярославичъ, с. в. кн. Я. Всева-
ча 40. 284.

Даниль Ѡеофановичъ, моск. бояринъ
128.

Данія 258. 268.

Даньславъ Лазутиничъ, новгор. воевода
321. 323.

Даньярь, с. Касима 201. 204. 206. 207.
221. 223.

Дашкевичъ 16.

Двина Зап., рк. 300.

Двина Сѣв., рк. 69. 76. 112. 133. 134.
180. 199. 200. 203. 225. 302. 323. 356.
382.

Двинская земля 134. 137. 203. 204. 323.
382.

Двинская свобода 133.

Двинскіе бояре 133.

Двинане 134. 135. 203. 225. 359. 361.
382.

Дворянцевъ Александръ, новг. посадн.
360.

Дворянцевъ Евстафій, новг. посадн.
351. 357. 360.

Дедяковъ, см. Тетяковъ.

Делаторъ Юрій, посолъ римск. нми. 256.

Дементій моск. печатникъ 148.

Демонъ гор. 52. 165. 201. 202. 204.

Демяница, мѣстн. въ Псковск. обл. 409.

Дербентъ гор. 46. 66.

Деревская плыина, новгор. волость 302.

Деревяницкій моп-рь въ Новг-дѣ 364.

Дерптъ, см. Юрьевъ ливонскій.

Десна рк. 304. 319.

Джагатай, см. Чагатай.

Джелаль-Эддинъ, см. Зелени-Салтанъ.

Джучіевъ улусъ 109. 286.

Дидманъ, шведск. воев. 345.

Дидмановичъ (Титмановичъ, Титъ Ма-
новичъ) 345.

Димитрій (Дмитрь), новг. посадникъ 9.

Димитрій, кievскій намѣстн. кн. Данила
галицкаго 17.

Димитрій Александровичъ, вел. кн. вла-
дм. 37—39. 41—54. 56. 278. 286. 338—
345. 396.

Димитрій Александровичъ, кн. ростов-
скій 152. 414.

Димитрій Борисовичъ, кн. ростовскій 47.
50. 51. 54—56. 58.

Димитрій Васильевичъ, с. в. кн. В. Дп-
митріевича 147.

Димитрій Еремѣевичъ, кн. дорогобужскій
104.

Димитрій Ивановичъ, кн. галицкій 95.

Димитрій Ивановичъ Донской 80. 92.
112—125. 128. 149. 157. 163. 228. 278.
289—291. 362. 363. 366. 402. 403.

Димитрій Ивановичъ Жилка, кн. углицкій
273. 275.

Димитрій Ивановичъ, внучъ Івана III-го
247. 268—271. 275.

Димитрій Константиновичъ, кн. сузд.-нижегородскій 70. 93—96. 106. 109. 110. 115. 121. 126. 157. 168. 278. 361.

Димитрій Кориадовичъ, внукъ Гедимина 92.

Димитрій Михайловичъ *Грозный Оча*, в. кн. тверскій и владим. 62. 63. 67—70. 72. 278. 350.

Димитрій Михайл. Волинскій, кн., см. Волинскій.

Димитрій Ольгердовичъ, кн. трубчевскій 111. 112.

Димитрій Романовичъ, кн. брянскій 92. 101. 104. 348.

Димитрій Святославичъ, кн. кюрьев.-польскій 23. 24. 35. 285.

Димитрій Селунскій св. 105. 392.

Димитрій Семеновичъ или Васильевичъ, кн. друцкій 104.

Димитрій Юрьевичъ *Шемяка*, кн. галицкій 156—159. 162. 163. 165—182. 189. 204. 235. 263. 270. 278. 289. 380. 383. 384.

Диръ, варяжскій вѣтязь 300. 302.

Дитмаръ еписк. мерзебургскій 308.

Діонисій еписк. сузд. 365. 404.

Длугошъ польскій лѣтоп. 166.

Дмитровецъ гор. 140.

Дмитровская суббота 115.

Дмитровскій удѣлъ 248.

Дмитровскія боярскія дѣти 194.

Дмитровскія войска, рати 120. 128.

Дмитровцы 33. 229.

Дмитровъ гор. 48. 51. 55. 57. 64. 102—104. 117. 123. 141. 155—161. 181. 188. 208. 213. 229. 235. 243. 263. 281. 327.

Дмитрокъ, бояр. мит-та Кипріяна 368.

Дмитръ, см. Димитрій.

Днѣпръ рк. 262. 300.

Днѣстръ рк. 47. 53.

Добрынина улица въ Новгородѣ 323. 364.

Добрынскій Оед. Конст., моск. воевода 153.

Добрыня, дядя Владиміра св. 303—306.

Добратинское село 188.

Довмонтова стѣна въ Псковѣ 390. 404. 411. 418.

Довмонтъ кн. литовско-псковскій 45. 48. 52. 57. 238. 338—340. 390. 396. 397. 409.

Долголядовъ кн. Оеодоръ, нижегород. воевода 168.

Долгорукий кн., см. Юрій Владим. Д.

Долгъ (Долъ) вѣмецъ, родонач. Левашевыхъ 77.

Доленга-Ходаковскій Зоріанъ, см. Ходаковскій.

Донецъ рк. 110.

Донскія стѣны 250.

Донъ рк. 33. 66. 113. 115. 231. 260. 313.

Донская земля, см. Датская з.

Дорогобужскій кн. Осипъ Андреевичъ, тверской воев. 232.

Дорогобужскій кн. Юрій Андр., тверской воев. 201.

Дорогобужъ, гор. смоленскій 272.

Дорогомилowo сел. 264.

Доровей Елєвєерьевичъ, псковск. посадн. 421.

Драница Юрій (Юшка), нижегор. воевода 168. 173.

Древлянская земля 16.

Дрягoviчи нар. 296.

Дубенскій Оеодоръ, дѣлъ Шемяки 169.

Дубровна сел. 15. 315. 334. 338. 395.

Дудень (Дюдень), братъ хана Тохты 51. 55. 56. 345.

Дунай рк. 295. 297. 298.

Дускъ вѣтм., родонач. Олферьевыхъ и др. 77.

Духинскій проф. 3.

Дѣвичья гора бл. Нарвы 266.

Дюдень, см. Дудень.

Евгеній митр. 301.

Евдокія Александровна, д. А. Невскаго 39.

Евдокія Ярославна, д. в. кн. Я. Всевол. 19.

Евдокія Давидовна, ж. в. кн. владим. Святослава Всевол. 24.

Евдокія Димитріевна, ж. Дим. Донскаго 96. 116. 117. 121—123. 157.

Евдокія Ивановна, д. И. Калиты 79.

Евдокія Ивановна, д. Ивана III-го 277.

Евдокія (Гремислава) Ярославна, д. Я. II Всевол. 20.

Евпраксія Оеодоровна, ж. Семена Гордаго 85. 86. 88.

Европа восточная 228.

Европа западная 87. 88. 208. 254. 260. 267. 275.

Европа сѣв.-восточная 3. 295. 299.

Евстафій, кн. изборскій 400. 401.

Евстафій, повг. тысяцкій 353.

Евстафій Сѣта, см. Сѣта.

Евфросинія, см. Ростислава-Оеодосія Мстиславна.

Евенимѣвъ монаст. въ Новгор. 197.
 Евенимѣвъ монаст. бл. Суздаля 168. 169.
 Евенимій (бывшій пювъ Емилианъ Брада-
 тый) арх-пѣ новгор. 165. 377. 378.
 Евенимій «Снѣсь Горкій», арх-пѣ новг.
 378—380. 383. 384. 414. 415. 418. 419.
 Евенимій, еписк. тверской 107.
 Евенимій (въ міръ Осипъ ларникъ), новг.
 шумень 430.
 Еглино, сел. въ Новг. обл. 221.
 Егна, уроч. тамъ же 302.
 Едигей, татарскій полков-цѣ 135. 142.
 143.
 Ейтякъ (Ебтякъ, Ентякъ, Гентякъ), тат.
 царевичъ 130. 138.
 Екатериноградъ гор. 131.
 Ентякъ, см. Ейтякъ.
 Елеверій, новгор. бояринъ 36.
 Елеверій Сбыславичъ, новг. бояр. 338.
 Елеверій Сельковичъ, псковичъ 398. 399.
 Елена, ж. Пвана Калиты 79. 80.
 Елена старшая Ивановна, д. Ивана III-го
 255. 263. 264. 266. 271. 277.
 Елена младшая Ивановна, д. его же 277.
 Елена Ольгердовна, ж. Владимира Храб-
 раго 102. 365.
 Елена Степановна, ж. Ивана Иван. Мла-
 даго 246. 269—271. 275.
 Елецъ гор. 131.
 Елизаровское сел. 123.
 Елисей, новг. тысяцкій 362. 364.
 Елохъ сел. 123.
 Ельна гор. 175.
 Емилианъ *Брадатый*, иновъ Деревянни-
 цаго мон., см. Евенимій.
 Емчане (Емъ) 356.
 Емъ (Ямъ) нар. финск. плем. и страна
 12. 29. 30. 36. 51. 285. 309. 331. 345.
 348. 395.
 Ентякъ, см. Ейтякъ.
 Еремѣй (Іеремія) Глѣбовичъ воевода 11.
 21.
 Еремѣй Константиновичъ, кн. дорогобуж-
 скій 97—99.
 Еремѣйко, см. Германъ.
 Ерикъ, см. Эрпекъ.
 Ефремъ, псковск. посадн. 405. 407.
 Ешперъ, см. Эсперъ.
 Жадемль сел. 114.
 Жадене городище сел. 114. 115.
 Жадовскій Степанъ новг-цѣ 144.
 Жалачко (Жолчъ, Желачка) уроч. въ
 Псковск. обл. 403. 419. 420.
 Жданова гора 314.

Жеребець Федоръ, монетн. мастеръ въ
 Новг-дѣ 383.
 Жесцо (Живецъ, Жлжчъ) сел. у о-ра
 Жесца 33.
 Жидиславъ, воев. тверской 35.
 Жиды 382.
 Жидята Домошпровъ (Жирохъ), новгор.
 тысяцкій 37.
 Жилотугъ, ручей въ Новг. обл. 341. 378.
 Жирославъ, новгор. посадникъ 324.
 Жирославъ Давидовичъ, новг. бояр. 340.
 Жито Пв. Никитичъ, тверской воев. 201.
 Жмудъ нар. 143.
 Жолчъ, см. Жалачко.
 Жукотинъ гор. 131. 361. 367. 368.
 Жукъ Василій, моск. дьякъ 267.
 Заболоцкій-Бражникъ, воевода Ивана
 III-го 253. 261.
 Заборовье, уроч. въ Новг. обл. 381. 382.
 Завелицкое поле (за р. Велпкой у Пскова)
 429.
 Завеличье, часть Пскова 387. 390. 429.
 Заволоцкая земля, см. Заволочье.
 Заволоцкіе воеводы 134.
 Заволочане 120. 165. 203. 225. 356.
 372. 375.
 Заволочье (Заволоцкая земля), новгор.
 волость 69. 120. 133. 134. 136. 144. 159.
 160. 199. 200. 225. 226. 301. 311. 350.
 351. 356. 369. 370. 374. 375. 377. 378.
 383.
 Загородный конецъ въ Новг-дѣ 301.
 323.
 Загряжскій, моск. дворянинъ 262.
 Зайцевъ дьякъ 258.
 Закамское серебро 75. 260.
 Закаспійскія земли 257.
 Залѣсская страна 304.
 Залѣсье (Залѣшье), мѣстн. въ Псковск.
 обл. 402. 409. 415.
 Замысловскій Е. Е. 46. 375. 382.
 Замыцкій Тимошей 201.
 Замятня Ив. Вас., боярскій сынъ 202.
 Занаровье (земли за р. Наровой) 45. 399.
 Заозерье, волость кн. Андрея вологод-
 ского 188. 234.
 Запсковье, часть Пскова 387. 390. 402.
 414. 419. 423. 429. 432.
 Зартцная (за р. Волховомъ) сторона въ
 Новг-дѣ 378.
 Застѣнье, часть Пскова 390.
 Засурье (за р. Сурой) 363.
 Захарій, новгор. посадникъ 320. 321.
 Захарій, новгор. дьякъ 220. 223.

Захарій Костромичъ, псковск. посадн.
405. 406.

Захарій Михайловичъ, новг. посадн. 353.

Звенець кн., моск. бояринъ 266.

Звенигородскій кн. Иванъ Александр.,
псковскій намѣстн. 178. 190. 211. 217. 218.
420. 421.

Звенигородскія войска 120. 128.

Звенигородъ, моск. гор. 81. 89. 93. 117.
123. 149. 155. 158—160. 181. 188.

Звеничъ о-въ на Волгѣ 196.

Звѣринцы, часть Новг-да 385.

Звѣрковское село 123. 290.

Зелени-Салтанъ (Джелаль-Эддинъ), ханъ
Зол. орды 140. 144.

Зиновій, игум. Троицкаго (Сергіева) мон.
166.

Зиновій Михайловичъ, псковск. посадн.
383. 418. 421. 429.

Знаменская церковь въ Новг-дѣ 324.

Золотая орда 18. 19. 25—27. 32—34.
36. 38. 39. 42. 44—49. 51. 52. 54. 55.
57—60. 62. 63. 65—78. 82—87. 89. 90—
95. 98. 100. 102. 103. 105. 107. 115. 118—
120. 124—128. 130—132. 135. 140—
142. 144. 154—157. 159. 164. 208. 211.
227. 230. 231. 232. 250. 253. 258. 273.
274. 276. 286. 338. 342. 349—351. 353.
355. 411.

Золоторусское село 126.

Зосимъ, монахъ-рenegатъ 38.

Зубцовъ гор. 24. 25. 100. 107.

Иаргаманъ, см. Амраганъ.

Ибрагимъ, царь казанскій 192. 193.
195—197. 226. 227. 242. 244. 269.

Ивангородъ 266. 268. 274. 431.

Иванко, см. Иванъ.

Иванъ, псковск. священн. 431.

Иванъ, «владычній владычннѣ» въ Пско-
вѣ 425.

Иванъ (Иванко), новгор. посадникъ 22.
395.

Иванъ, новг. тысяцкій 344.

Иванъ (Иванко) новгородецъ 341.

Иванъ, новг. посадн. 429.

Иванъ, двинской воев. 134.

Иванъ, король датскій 258.

Иванъ, пѣмецъ-рудознатецъ 261.

Иванъ, псковск. посадн. 400. 429.

Иванъ (Ивашко), псковск. дьякъ 421.

Иванъ пошъ 196.

Иванъ фрязинъ, монетчикъ Ивана III-го
209—211.

Иванъ, кн. копорскій 368. 405.

Иванъ, кн. псковскій 399. 400.

Иванъ Андреевичъ, внукъ А. Ольгердо-
вича 136. 368. 405. 406. 416.

Иванъ Андреевичъ, кн. Можайскій 158.
159. 162. 167. 168. 170—172. 174—177.
179. 180. 183. 189. 204. 235. 263.

Иванъ Богдановичъ, новг. посадн. 375.

Иванъ Борисовичъ, кн. волоцкій 273.

Иванъ Борисовичъ, кн. нижегор. 129.
144.

Иванъ Борисовичъ, новг. бояр. 360.

Иванъ Васильевичъ, кн. смоленскій 106.
108.

Иванъ Васильевичъ, кн. ярославскій
144.

Иванъ Васильевичъ, с. в. кн. В. Дмит-
ріевича 147. 292. 293.

Иванъ III Васильевичъ в. кн. московскій
170—173. 176. 178—181. 183. 184.
187—278. 294. 379. 380 (Тимофей) 384.
386. 426—428. 430—432.

Иванъ Владиміровичъ, кн. пронскій 143.
292.

Иванъ Владиміровичъ, внукъ в. кн. лит.
Ольгерда 381.

Иванъ Всеволодовичъ, кн. стародубскій
15. 18. 22. 23.

Иванъ Всеволодовичъ, кн. холмскій 112.
122. 135. 136. 406.

Иванъ Давидовичъ, кн. галицкій 96.

Иванъ Даниловичъ *Калита*, в. кн. вла-
диміро-моск. 6. 60. 67—80. 82. 83. 108.
123. 205. 278. 346. 351. 353. 355.

Иванъ большой Дмитріевичъ, с. в. кн.
Д. Александровича 50. 52. 56—59. 286.

Иванъ меньшей Дмитріевичъ, с. его
же 52.

Иванъ Дмитріевичъ, с. Д. Донскаго 122.
123. 290—291

Иванъ Дмитріевичъ, княз. сузд. 109.
110.

Иванъ Дмитріевичъ, моск. воевода 153.
Иванъ Зиновьевичъ, новгор. намѣстникъ
226. 429.

Иванъ Ивановичъ, кн. брянскій 421.

Иванъ II Ивановичъ, в. кн. владиміро-
моск. 77—81. 84—94. 114. 278. 287.
355. 358. 360. 434.

Иванъ Ивановичъ, кн. звенигородскій 92.

Иванъ Ивановичъ *Коротополъ*, кн. ря-
занскій 79.

Иванъ Ивановичъ *Младой*, с. в. кн. Ивана
III-го 189. 200. 214. 221. 225. 228. 229.
232. 234. 237. 255. 257. 269. 277.

Иванъ Ивановичъ, моск. воевода 184.

Иванъ Константиновичъ, кн. тарускій 106.
 Иванъ Максимовичъ, новг. бояр. 379.
 Иванъ Михайловичъ, кн. рязанскій 105.
 Иванъ Михайловичъ, кн. перемышльскій 251.
 Иванъ Михайловичъ, в. кн. тверскій 102. 138—141. 144.
 Иванъ Никитинъ, воев. въ Заволочѣ 135.
 Иванъ Прокшиничъ, велпкокняж. намѣстникъ въ Новг-дѣ 364.
 Иванъ Ржевскій, см. Ржевскій П.
 Иванъ Семеновичъ, с. в. кн. С. Гордаго 87. 88. 289.
 Иванъ Сидоровичъ, новг. посадн. 379.
 Иванъ Сидоровичъ, псковск. посадн. 409. 415.
 Иванъ (Иванко) Тимошкеничъ, новгор. бояр. 331. 332.
 Иванъ Юрьевичъ кн., см. Патрикѣвъ кн. П. Ю.
 Иванъ Ярославичъ, кн. рязанскій 67. 72.
 Иванъ Ѳедоровичъ, кн. бѣлозерскій 95. 409.
 Иванъ Ѳедоровичъ, в. кн. рязанскій 184. 191.
 Иванъ Ѳедоровичъ, кн. стародубскій 95.
 Иванъ Ѳедоровичъ, новгор. тысяцкій 359.
 Ивашко, см. Иванъ.
 Иверская земля (Грузія) 257.
 Иворъ, воев. шведскій 382.
 Игнатій, еписк. ростовскій 41. 343.
 Игнатій Логиновичъ, псковск. воев. 421.
 Игнатъ новг-дѣ 356.
 Игначь Крестъ, уроч. въ Новг. обл. 335.
 Игорь Олеговичъ, кн. черниговскій 317.
 Игорь Рюриковичъ, в. кн. кievскій 16. 296. 300. 302. 303. 387.
 Игорь Рюриковичъ, кн. рязанскій 19.
 Идумейская область въ Ливоніи 394.
 Идша, см. Ишня.
 Ижора рк. 381.
 Ижорскіе бояре 381.
 Ижоряне, ижора, финск. племя 31. 342. 345. 349. 358.
 Изборская засада 402.
 Изборскъ, новг. пригородъ 133. 233. 273. 275. 302. 333. 362. 367. 371. 388. 399. 400. 402. 403. 405. 407. 410. 429. 432. 433.
 Изборъ, потомокъ Гостомысла 295.
 Изгой, «княже село» 399.
 Измаиль, еписк. сарскій 57.
 Изяславъ Владиміровичъ, кн. полоцкій 310.

Изяславъ Владиміровичъ, с. В. Мономаха 6. 312.
 Изяславъ Владиміровичъ, кн. сѣверскій 15.
 Изяславъ Давидовичъ, кн. черниговскій 318. 319.
 Изяславъ Мстиславичъ, в. кн. кievскій 4. 16. 314. 316—318. 393.
 Изяславъ Мстиславичъ (или Владиміровичъ), кн. (спорный) 16. 334.
 Изяславъ Ярославичъ, в. кн. кievскій 310—312. 391. 392.
 Изяславъ-Михаиль Ярославичъ, кн. велпколуцкій 330. 389.
 Иларіонъ Дойниковичъ, псковск. посадн. 407. 412.
 Иловайскій Д. И. 105. 300.
 Ильина улпца въ Нов-дѣ 323. 363.
 Ильинская ц-въ въ Нов-дѣ 336. 353.
 Ильмень (Ильмерь) о-ро 48. 201. 202. 222. 298. 299. 307. 342.
 Илья, псковск. посадн. 398.
 Илякъ ордынецъ 95.
 Иранъ 66.
 Ирина св. 18.
 Ириховъ о-въ на Волгѣ 195.
 Исакъ, псковскій шестипикъ 190.
 Исидоръ митр. 380. 416. 417.
 Исидоръ, новгор. игуменъ 336.
 Исидоръ, псковск. игум. 397.
 Искоръ, гор. въ Перми 205.
 Итнара ордынецъ 91.
 Ишня (Идша) рк. 10.
 Такинеъ (Аклнеъ) боярпнъ (по ошибкѣ—Ботрипъ) кн. Андрея город. 61. 72.
 Іеремія, см. Еремѣй.
 Іоакимъ, см. Якимъ.
 Іоакимъ корсунянинъ, первый еписк. новгор. 304. 305.
 Іоакимъ, еписк. рязанск. 368.
 Іоанно-Злат. церковь въ Новг-дѣ 379.
 Іоанно-Предтеченскій мон. въ Москвѣ 148.
 Іоаннъ, архіеп. новгор. 134. 138. 323. 366. 369—374. 380. 404. 406. 410. 411.
 Іоасафъ, см. Иванъ.
 Іоасафъ, іером. чугуевскій 19. 39.
 Іона митр. 384.
 Іона, архіеп. новгор. 186. 199. 384. 385. 423. 424.
 Іона, еписк. ряз. и мур., потомъ митроп. 173. 174. 177. 179—182. 189. 198.
 Іосифъ, новгор. архим. 354. 356.
 Іосифъ, см. Осипъ.

Іуліанія, см. Ульяна.
Іустина, см. Устинья.

Кавгадый, ордынскій военач. 47. 63—66. 72.

Кавгала рк. 348.

Кавказъ 53.

Казаки 194. 200. 201.

Казанна рк. 243.

Казанская губ. 243.

Казанская земля 130.

Казанская ярмарка 276.

Казанскіе вельможи 245.

Казанскіе князья 269.

Казанскіе татары 164.

Казанское царство 164. 192. 245. 269.

Казанцы 193. 196. 244. 269. 276.

Казанъ гор. 109. 130. 131. 137. 138. 164. 187. 192—197. 226. 227. 242—246. 269. 274. 367. 368.

Казимеръ Васплій, см. В. Казимеръ.

Казимиръ (Андрей), король польскій 166. 198—203. 206—208. 215. 219. 220. 225. 228. 230—232. 236. 237. 249—251. 253—258. 381. 430.

Калачевъ Н. 109.

Калита, см. Иванъ Давидовичъ К.

Калка рк. 114.

Калуга гор. 123. 167. 168. 188. 228.

Калужская губ. 14. 272.

Калужскій уѣздъ 105.

Калѣна Георгій, см. Васплій арх-пѣ.

Кама рк. 21. 69. 97. 120. 131. 193. 194. 196. 227. 245. 362. 363. 372.

Каменевичъ-Рвовскій 296.

Каменецъ гор. 16. 17.

Каменка рк. 168.

Каменный Поясъ, см. Уральскій хребетъ.

Камень, мѣстн. ок. р. Великой 407.

Камская (по р. Камѣ) земля 195.

Камская земля, см. Каянская з.

Каносса 84.

Каракучукъ ордынецъ 208. 227.

Карамзинъ Н. М. 5. 16—18. 20. 21. 27. 28. 32. 39. 50. 51. 61. 66—69. 79. 84. 85. 89—91. 94. 98. 99. 103. 118. 119. 125—127. 130. 136. 150. 161. 165. 167. 192. 193. 197. 205. 206. 226. 228. 232. 234. 239. 241. 246. 250. 257. 258. 260. 261. 266. 267. 286. 291. 293. 310—312. 320. 322. 325. 326. 328. 329. 345. 347. 348. 350. 353. 375. 376. 392. 394.

Карачай, ордынскій князь 98.

Карачъ ордынецъ 118.

Карачъ-Аглемъ ханъ 164.

Карголомъ село 246.

Каргополь, Каргополе, гор. 175. 383.

Карль VIII Канутсонъ, король шведск. 384. 417.

Карпаты (при-Карпатые) 17.

Карповъ Генн. 208.

Карпъ дьяконъ, стригольникъ 363.

Карпъ Евстафьевичъ, с. изборокаго кн. Е. 401.

Карпъ Саввиничъ, новг. посадн. 420.

Карпъ Федор., тверской воев. 165.

Касачикъ, ордынецъ 37.

Касимовскіе дари 164.

Касимовъ, см. Городецъ.

Касимъ, с. хана Улу-Махмета 175. 178. 192. 195.

Каспійское море 127.

Каспля о-ро 330.

Кафа гор. 114. 258. 259.

Кафинскіе чиновники 259.

Кашинскіе бояре 107.

Кашинцы 65.

Кашинъ гор. 50. 51. 68. 73. 104—107. 160. 192. 235.

Кашира гор. 228. 245. 269.

Каяна рк. 268.

Каянская земля (Каянія, Камская, Гамская земля) 268.

Кеголь рк. 45. 339. 396.

Кейстутъ, с. Гедимина 85. 98. 100. 101. 104. 110. 399.

Кербетъ, тверской воев. 33.

Керимбердей ханъ 144.

Керчь (Кърчево) 311.

Кесь, см. Венденъ.

Кземля (Гзея, Гзень), ручей ок. Новг-да 311.

Кика Иванъ 229.

Кипріанъ митроп. 116. 117. 128—134. 137—139. 364. 367—370. 374. 405.

Кипріанъ Лодыженничъ, псковск. бояр. 407.

Кирдяпа, см. Василій Дмитр.

Кирдяпинъ Иванъ Васильевичъ, кн. сузд. 144.

Кирдяпы, сузд. князья 127.

Кирей татаринъ 206.

Киремпе, см. Кирьепига.

Кирилловъ бѣлозерскій мн-рь 174. 189.

Кириллъ митроп. 35. 39. 44. 282. 336. 342. 443.

Кириллъ св., арх-пѣ іерусал. 403.

Кириллъ, арх-пѣ повгор. 331.

Кириллъ, еписк. владим. 24.

Кириллъ, еписк. ростовскій 34. 38. 336.

Кириллъ архим. 29.
 Кириллъ, архим. новг. Юрьева мон-ря 346.
 Кириллъ, игум. Бѣлозерск. мон-ря 138.
 Кириллъ, псковск. церк. мастеръ 403.
 Кириллъ Адриановичъ, новг. бояр. 367.
 Кириллъ Димитріевичъ, новг. посадн. 373.
 Кириллъ Димитріевичъ, новг. тысяцкій 370.
 Кириллъ Сявкеничъ, новг. бояр. 333.
 Киръ, псковск. посадн. 429.
 Кирьепига (Киремпе) гор. 402. 403. 408.
 410.
 Киселевъ Ѳеодоръ 246.
 Киссель (Кисель) Ѳ. 28. 55.
 Кистьма рк. 104.
 Кистьма, волость Андрея углицк. 188.
 Китай Василій, новгор. намѣстникъ 226.
 Кичимахметъ ханъ 155. 163. 185. 189.
 Кичменга городокъ 193.
 Кишъ рк. 105. 106.
 Киевяне 300.
 Киево-печерская лавра 44.
 Киевская губ. 272.
 Киевская земля 249.
 Киевская обл. 265.
 Киевская Русь 4.
 Киевскіе князья 3. 302. 303.
 Киевское княжество 27.
 Киевъ гор. 4. 8. 15—17. 26. 30. 34. 44. 72. 117. 199. 200. 249. 250. 263. 274. 276. 278. 297. 300—313. 315. 316. 318—322. 324. 334. 342. 343. 352. 413.
 Кіяниновъ Гавріилъ, новгор.-цъ 341.
 Климентъ, арх.-пъ новг. 342—346.
 Климентъ Артемьевичъ, новг. бояр. 376.
 Клинь гор. 64. 141. 221.
 Клопскій Троицкій мон-рь въ Новг.-дѣ 376.
 Кличенъ городокъ 129.
 Кляземскій городокъ сел. 15.
 Клязьма рк. 5. 6. 15. 17. 157. 194.
 Княгининъ монаст., см. Успенскій м.
 Кобыла (Кобылій городокъ) городокъ 429.
 Кобылитская корела 355.
 Коверъ, см. Василій К.
 Ковно гор. 274.
 Ковровъ гор. 15.
 Кодратъ, псковск. бояринъ 420.
 Кодратъ, новг. тысяцкій 339. 340.
 Коза Андрей, псковск. пошъ 424.
 Козельскъ гор. 126. 167. 181. 263.
 Козловъ бродъ 207.
 Козма Твердиславичъ, новг. бояринъ 83. 352. 355. 257. 359.

Козма Терентьевичъ, новг. тысяцкій 374. 375.
 Козмодемьянская улица въ Новг.-дѣ 374.
 Козмодемьянское село 159; см. также Кузмодемьянское село.
 Кокшенга рк. 180. 189. 203.
 Колва рк. 205.
 Колесница Ѳеодоръ, новг.-цъ 351.
 Коложе, псковск. гор. 139. 370. 371. 411.
 Коложская волость 407.
 Колокша рк. 6. 326.
 Коломенская рать 99. 120. 128. 141. 178. 181.
 Коломенскій полкъ 112.
 Коломенскій уѣздъ 173.
 Коломенскія волости 93.
 Коломенское село 141.
 Коломенцы-боярскія дѣти 194.
 Коломна гор. 9. 51. 55. 61. 81. 93. 112. 113. 116. 117. 119. 123. 127. 131—133. 146. 152. 158. 162. 165. 173. 178. 188. 202. 206. 207. 211. 212. 219. 293. 327.
 Колопермъ, новгор. волость 302.
 Колпинное, сел. въ Псковск. обл. 421.
 Колыановъ Александръ, новг. бояр. 362.
 Колыванцы (ревельцы) 267. 339. 392. (сосолы).
 Комать, см. Некомать.
 Кононъ, двинской воевода 134.
 Конрадъ, кн. мазовецкій 257.
 Константиновичи, бояре кн. Дим. Шемяки 171. 172.
 Константинополь (Царьградъ) 2. 86. 249. 259. 359. 360. 365. 366. 368. 369. 380.
 Константинъ (Костя), воевода у вятчанъ 243.
 Константинъ, с. Добрыни 308.
 Константинъ Палеологъ, послѣдній виз. имп.-рь 208.
 Константинъ Борисовичъ, кн. ростовскій 47. 50. 51. 54—56. 87.
 Константинъ Васильевичъ, кн. ростовскій 83. 95.
 Константинъ Васильевичъ, кн. сузд.-нижегор. 78. 82. 87. 89. 90. 244. 360.
 Константинъ Всеволодовичъ, в. кн. владим. 7. 8. 10. 11. 20. 21. 23. 34. 278. 330. 331. 394.
 Константинъ (Коста) Вячеславичъ новгор. 334. 336.
 Константинъ Димитріевичъ, кн. углицкій 122. 123. 140. 143—145. 149. 150. 153. 156. 158—160. 290. 372. 373. 375. 376. 408—411.

Константинъ Дмитріевичъ, кн. нижегор. 83. 105.

Константинъ Ивановичъ, кн. бѣлозерскій 129. 368. 369. 405. 409. 410.

Константинъ Микутьичъ, новг. посадн. 392.

Константинъ Михайловичъ, кн. тверскій 66—69. 73—76. 78. 82. 351.

Константинъ Романовичъ, кн. рязанскій 61.

Константинъ Ростиславичъ, кн. смоленскій 38. 40. 45. 339.

Константинъ Семеновичъ, с. С. Гордаго 88. 288.

Константинъ Ярославичъ, кн. галицкій 17. 19. 40.

Кончана (въ крещеніи Агафія), ж. кн. моск. Юрія Даниловича 63. 65. 67. 69.

Копорье гор. 31. 32. 46—49. 52. 54. 343. 346. 352. 353. 356. 359. 400.

Копорьяне 354.

Корела (корелане), финск. племя 12. 31. 46. 203. 328. 331. 337. 340. 342 — 346. 349. 354. 355. 376. 381. 413.

Корела (Корелія, Корельская земля) страна 34. 46. 56. 286. 343. 345. 352. 353. 369. 375.

Корела Семидесятская 363.

Корельскій городъ, новг. пригородъ 346. 349. 350. 352—354. 361. 365. 372. 377.

Корельскій погостъ 375.

Коріадъ, с. Гедимина 86. 87.

Коройборъ, Коровій боръ, уроч. въ Псковск. обл. 432.

Коровничій о-въ на Волгѣ 195.

Корсунъ гор. 304.

Кортачъ Ефремъ, псковск. посадн. 409.

Корто, Кортъ, см. Фитнягофъ.

Корыстынь 201.

Коска Матвей, новг. посадн. 353. 356.

Космодамианская церк. въ Псковѣ 404.

Коснятинъ Микучъ, новг. посадн. 315.

Косой, см. Василій Юрьевичъ и Патрикѣевъ.

Коста, см. Константинъ.

Костерь, гор. на Эмбахѣ 237.

Костомаровъ Н. И. 67. 105. 229. 300. 302—305. 307—312. 328.

Кострома гор. 40. 41. 43. 44. 49. 52. 53. 60. 63. 64. 67. 71. 102. 116. 117. 120. 141. 150. 153. 157—161. 163. 175. 177. 180. 188. 192. 213. 229. 242. 287. 362. 363.

Костромичи 363.

Костромская область 193.

Костромская рать 112. 120.

Костромскія боярскія дѣти 194.

Костромскія волости 188. 193.

Костромскія села 123.

Котельно, сел. (?) въ Псковск. обл. 407.

Костя, см. Константинъ.

Костяцкая земля 195.

Котельничъ гор. 184. 193.

Котья, орд. военач. 27.

Кочановъ Алексѣй Васильевичъ, псковск. посадн. 419. 423.

Кочева, см. Василій Кочева.

Кошакъ ордынецъ 91.

Кошка Федоръ, моск. бояринъ 142.

Кошкинъ Захарій Иван. 157.

Кошкинъ Иванъ, казначей 142.

Кошкинъ городокъ въ Псковск. обл. 410.

Краковъ гор. 236. 275.

Красное село бл. Москвы 123. 229.

Красный городокъ въ Псковск. обл. 422. 426. 432.

Красный дворъ въ Псковѣ 424.

Красовъ И. 301.

Кременецъ, гор. на р. Лужѣ 229. 230. 243.

Кременецъ, гор. въ Волынск. обл. 413.

Кривичи, слав. племя 296. 300. 304. 327.

Кроменскіе князья 251.

Кротовъ Яковъ, псковск. посадн. 425. 426. 429.

Крымская орда 231.

Крымъ 154. 231. 249. 253.

Ксенія Юрьевна, ж. в. кн. Ярослава Ярославича 60. 65.

Княтинъ, гор. въ Тверск. землѣ 50. 394.

Кубена, удѣльная вол. 188. 234.

Кубенскія волости 134.

Кудьма, приг. Волги 244.

Кузминскій Иванъ 163.

Кузминскій кн. Петръ 163.

Кузодямьянское село 123.

Куидать, орд. князь 146.

Кулешинъ дьякъ 256.

Куликовская битва 114—116. 118. 409. 434.

Куликово поле 43. 115. 116. 331.

Куловеси о-ро 348.

Кулла, ханъ Зол. орды 93.

Кумганецъ Иванъ и Тома, новоторск. бояре 376.

Кумины ворота въ Псковѣ 406.

Кумо рк. 348.

Купецкая рк. 348.

Курбскій кн. Михаилъ, воевода 274.

Курбскій кн. Семень 261.

- Курицынъ Ѳеодоръ дьякъ 255. 258. 263.
 Курмышъ гор. 169.
 Курятникъ Ѳома, новг. посадн. 216.
 Кусь рк. 158.
 Кутлуй, см. Темпръ-Кутлукъ.
 Кутній костеръ въ Псковѣ 431.
 Кутузовъ Вас. Ѳеодор. бояринъ 175.
 Кутузовъ Микхалъ 249.
 Кучково поле 111. 113. 115. 116.
 Кърчевъ, см. Керчь.
- Лаврентій, новгор. архим. 75. 354.
 Лавръ, псковск. бояр. 404.
 Ладога гор. 35. 37. 47. 48. 89. 302.
 308. 320. 337. 343. 348. 374. 388.
 Ладожане 12. 31. 314. 320. 330. 337.
 342. 344. 348. 349. 354. 388. 392.
 Ладожское о-ро 12. 30. 298. 302. 320.
 344. 348. 350—354. 358. 365.
 Лазаревъ вятчанинъ 243.
 Лазаръ Мопсеевичъ, новг. посадн. 339.
 342.
 Ландскрона (Вънецъ земли) гор. 57.
 58. 347.
 Лаче о-ро 111.
 Левашовы, двор. родъ 77.
 Ледовое побоище 25. 31. 32. 409.
 Лелевель, польск. пстор. 20.
 Леонтій (Лентій), псковск. посадн. 402.
 407.
 Леонъ, лѣкарь Пвана III-го 255.
 Леонъ, митр. кievскій 304.
 Лербергъ 348. 350.
 Либей, казанскій царев. 164.
 Ливонія (Ливонская земля) 22. 31. 203.
 237. 239. 256. 273. 274. 276. 329. 335.
 338. 394.
 Ливонскіе нѣмцы, ливонцы 22. 30—33.
 45. 266—268. 274. 276. 394. 395.
 Ливонскій магистръ 409. 410. 413. 414.
 422.
 Ливонскій орденъ меченосцевъ 275.
 Ливонское войско 274.
 Ливъ, нар. финск. племени 395.
 Лидеръ, финляндск. префектъ 350.
 Липица рк. 11. 331.
 Липицкая битва 11. 21. 394.
 Лисинъ гор. 126. 181.
 Лисицкій мон-рь въ Новг-дѣ 378.
 Листанъ рк. 166.
 Литва, Литовское княжество, Л. земля
 45. 71. 74. 76. 84—86. 97. 98. 100—102.
 106. 107. 111. 113. 114. 125. 126. 132.
 133. 135. 139. 140. 145. 151. 153. 154.
 161. 172—175. 181. 186. 192. 195. 199.
200. 203. 204. 225. 231. 235—237. 247—
 251. 261—263. 265. 271—273. 275. 276.
 330. 335. 352—354. 356. 357. 364. 368.
 370—373. 376—378. 380—382. 389. 395.
 396. 398—400. 407—409. 410. 413—
 415. 417. 426. 430. 432.
 Литовская Русь 272.
 Литовскіе гроши 372.
 Литовскіе князья 71. 85. 285.
 Литовскіе плѣнные въ Н. Нов-дѣ 276.
 Литовскія войска 97. 104. 112. 377.
 Литовскія племена 388.
 Литовско-польское государство 228.
 Литовское княжество 368.
 Литовцы 11. 12. 15. 23. 25. 31. 32. 38.
 45. 76. 84. 86. 92. 107. 125. 135. 140.
 143. 151. 166—168. 235. 253. 262. 264.
 272—274. 284. 285. 328. 331. 332. 334—
 338. 344. 350—352. 364. 372. 396. 409.
 414. 434.
 Лифляндія 348.
 Ловать рк. 273. 302. 334. 344. 350.
 Лозоговицкое поле въ Псковск. обл. 409.
 Лонгинъ св. 148.
 Лопастна (Лопасня) рк. 90. 92. 103. 113.
 114.
 Лопъ, финск. племя 34. 286.
 Лотыгола, финск. племя 33. 238. 335.
 395. 398.
 Лубка Леонтій, псковск. посадн. 409.
 Луга рк. 31. 33. 302. 335. 357. 365. 381.
 Лугвеній Ольгердовичъ, см. Сементъ О.
 Лугвица, см. Андрей Вас.
 Лужище, мѣстн. въ Псковѣ 405.
 Лужскіе сельчане 381.
 Лужскія ворота въ Псковѣ 406.
 Лужское село въ Псковск. обл. 365.
 Лука Вареломеевичъ, новг. бояр. 75. 350.
 356.
 Лука Клементьевичъ, новг. посадн. 201.
 Лука Прогасевичъ, моск. бояринъ 74.
 Лука Ѳеодоровичъ, новг. посадн. 222.
 Луки Великіе гор. 230. 351. 371. 379.
 Лукомскій князь 252.
 Лухъ гор. 153. 163.
 Луцинское село 79.
 Луцкъ гор. 275. 413.
 Лучинъ гор. 263.
 Лыткинское село. 121.
 Лычъ Никифоръ, см. Никифоръ Л.
 Львовъ Н. 160. 176.
 Лѣствицынъ В. 10.
 Лѣшко Бѣлый, король польск. 20.
 Любартъ Гедиминовичъ, кн. волинскій
 87.

Любекъ гор. 133. 209. 258. 267. 367.
 Любечъ гор. 272.
 Люблинъ гор. 275.
 Любно, гор. повгор. обл. 332.
 Любутскъ гор. 104. 132. 133. 207. 208.
 253. 263. 267.
 Людеревь гор. 350.
 Люнебургъ гор. 267.
 Ляпа Степанъ, новг. воев. 361.
 Ляхи (поляки) 143. 151. 235.
 Ляшская земля 151.
 Магметъ-Аминь, царев. казанскій 245.
 246. 249. 268. 269. 274. 276.
 Магметъ Шиходзя, кафинск. султанъ 259.
 260.
 Магнусъ, король шведскій 85. 357. 359.
 Магометъ II, султ. турецкій 211. 259.
 Магометъ-Султанъ, ханъ Зол. орды 100.
 Мазовія, польское княж. 258.
 Мазовскіе князья 153.
 Мазовша, тат. царевичъ 178. 189.
 Манарій, вилепскій архим. 264.
 Максимилианъ, с. имп-ра Фридриха 254—
 256.
 Максимъ митр. 59. 60. 344. 346.
 Максимъ, псковскій посадн. 191.
 Максимъ, повоторжскій бояр. 129.
 Максимъ Ападьевичъ, новг. бояр. 364.
 Максимъ Иларіоновичъ, псковск. посадн.
 417. 420. 421.
 Максимъ Никифоровичъ, новг. бояр. 364.
 Малуша, мать Владиміра св. 303.
 Мальгинъ Т. 19. 20. 25. 28. 39. 44. 53.
 147.
 Мамаевы татары 105.
 Мамай, ханъ З. орды 94. 100. 102. 105.
 106. 109—115. 124. 290.
 Мамать-хона, тат. царевич. 92.
 Мамонъ Григ. Андреев., моск. бояринъ
 229.
 Мамукъ, ханъ Шибанской орды 269.
 Мамутекъ, царь казанскій 163. 168. 169.
 178. 189. 192.
 Мамыревъ Василій, моск. дьякъ 228.
 Мамыревъ Данилъ 257.
 Мангу-Тимуръ, см. Менгу-Т.
 Мансырь-уланъ, орд. царев. 7. 155.
 Мануилъ грекъ 257.
 Маринъ Ивапъ, моск. бояр. 137.
 Маріенбургъ гор. 274.
 Марія, мним. жена моск. княжч. Данила
 Дмитріевича 289.
 Марія (въ ппоч. Анастасія), ж. моск-го
 княж. Ивана Дмитр. 291.

Марія Александровна, ж. в. кн. Семена
 Гордаго 85. 86. 88. 93.
 Марія Андреевна *Палеологъ*, ж. еп.
 верейск. Василия Мих. 247.
 Марія Борисовна, ж. Ивана III-го 174.
 189. 208. 247. 277.
 Марія Васильевна, д. в. кн. В. Дмитріе-
 вича 147.
 Марія Даниловна, ж. Данила Бор. суз-
 дальскаго 290.
 Марія Дмитріевна, ж. Семена Ольгердо-
 вича 122.
 Марія Дмитріевна, д. Д. Донскаго
 122.
 Марія Дмитріевна, ж. кн. пск. Довмонта
 52.
 Марія Дмитріевна, д. Д. Конст-ча сузд.-
 нижегор. 157.
 Марія Ивановна, д. П. Калпы 79.
 Марія Ивановна, д. в. кн. Ивана II Иванов.
 434.
 Марія Михайловна, ж. Василька Конст.
 ростовскаго 38.
 Марія Ярославна, д. в. кн. Я. II Всево-
 лодовича 19. 20.
 Марія Ярославна (въ ппоч. Марѳа), ж. в.
 кн. Вас. Темнаго 148. 169—172. 179.
 187—189. 199. 209. 228. 234. 248.
 Марквашъ гор. 363.
 Маркъ Панфиловъ, новг. купеч. староста
 225.
 Марѳа, см. Марія.
 Масальскіе князья 251.
 Масальскъ гор. 14. 253. 263.
 Масална, см. Торкель Кнутсонъ.
 Матвей, племянн. новг. арх-па Василия
 355. 356.
 Матвей, кн. псковскій 403.
 Матвей Варолюмеевичъ, новг. посадн.
 357.
 Матвей Корвинъ, король венгерскій 249.
 256.
 Матвей Михайловичъ, мѣст. кн. пермскій
 205.
 Матвей Семеновичъ, ладожск. посадн.
 344.
 Матиасъ, лат. толмачъ въ Москвѣ 252.
 Махметъ (Уху-Махметъ), ханъ Зол. орды
 151. 154. 155. 167. 175.
 Махметъ-Аминь, см. Магметъ-А.
 Махмутъ, шамах. султанъ 260.
 Медвѣдица рк. 317.
 Медвѣжья голова (Оденпо) гор. 14. 313.
 329. 333. 334. 393—395. 400.
 Медынь гор. 123. 188. 229.

Межибожье, мѣстн. пгггородъ въ Волын-
ской обл. 17.

Мезень рк. 203. 302.

Мезецкіе князья 251. 263.

Мезецкій кн. Мпхалъ Роман. 254.

Мезецкій кн. Петръ Семен. 254.

Мезецкій кн. Семенъ Роман. 254.

Мекленбургъ 298.

Мекужица рчк. 399.

Мекужицкое поле, уроч. въ Псковск. обл.
399.

Мелеча, повг. волость 302.

Мельниковъ П. П. 244.

Менгли-Гирей, крымск. ханъ 231. 245.
249—251. 253. 258. 259. 262. 265. 266.
269. 273—276.

Менгу-Тимуръ (Мангу-Т.) 47. 53.

Меря, финск. племя 2. 3. 296. 300.

Меча, прит. р. Вожи 111. 113.

Меченосцы (орденъ) 201.

Мещера, финск. племя и земля 114.
126—128. 204. 263.

Мещерская рать 120.

Мещовскъ гор. 253.

Микулинскій кн. Андрей Борпсовичъ 221.

Микулинскій кн. Мпхалъ Ѳеодоровичъ,
воевода 223.

Микулинъ гор. 100. 107.

Микульское село 123.

Миланъ гор. 255. 257.

Миллеръ истор. 298. 299.

Миндовгъ, кн. литовскій 338.

Мининъ Дпм., моск. воевода 99.

Минскъ гор. 310. 314.

Миньбулатъ дарага 154.

Миронъ (Мпрошка), повг. посадн. 329.
330.

Мирововна рк. 397.

Митрофанъ, арх-пъ повгор. 22.

Митрофанъ, еписк. владим. 13.

Михаилъ, первый русск. митр. 304.

Михаилъ, мѣстн. кн. пермскій 205.

Михаилъ, кн. литовскій 86.

Михаилъ, лит. капдлеръ 181.

Михаилъ, бояр. моск. 91.

Михаилъ, повгор. бояр. 400.

Михаилъ, псковск. бояр. 404.

Михаилъ (Михалко), отецъ повг. посадн.
Твердислава 336.

Михаилъ (Мпша), повгородецъ 37. 395.

Михаилъ, старецъ повг. мон-ря «на Ве-
ряжѣ» 380.

Михаилъ Александровичъ, кн. микулинск.
и в. кн. тверской 97. 98. 100—105. 107—
109. 117—119. 124. 125. 136. 362.

Михаилъ Александровичъ, моск. намѣстн.
въ Лопастѣ 90.

Михаилъ Андреевичъ, кн. верейскій (мо-
жайскій) 158. 167—170. 176. 177. 179.
180. 191. 192. 201. 202. 204. 228. 246—
248.

Михаилъ Андреевичъ, кн. полоцкій 119.

Михаилъ Андреевичъ, внукъ Невскаго
28. 58.

Михаилъ Борпсовичъ, в. кн. тверской
191. 192. 221. 235—237. 248. 263.

Михаилъ Васильевичъ, кн. кашинскій 88.
104.

Михаилъ Всеволодовичъ, кн. черпигов-
скій 11. 13—17. 29. 30. 99. 282. 331—
334.

Михаилъ Глѣбовичъ, кн. бѣлозерскій 47.
50. 51. 55.

Михаилъ Даниловичъ, повг. воев. и посадн.
359. 368.

Михаилъ Ивановичъ, кн. стародубскій
44. 47.

Михаилъ Мпшиничъ, повг. посадникъ
43—47. 339. 340. 342. 343. 348.

Михаилъ Олельковичъ, кн. кievскій 199.
385.

Михаилъ Павшиничъ, повг. посадн. 347.

Михаилъ Пивещиничъ, повг. бояринъ 36.
37. 42.

Михаилъ Семеновичъ, с. С. Гордаго 88.
288.

Михаилъ (Михалко) Степановичъ, повг.
посадн. 36. 285. 286.

Михаилъ (Михалко) Юрьевичъ, в. кн.
владим. 4. 7. 277. 322. 324. 325.

Михаилъ Яковлевъ, повг. воев. 382.

Михаилъ Ярославичъ *Хоробритъ* (Храб-
рый), в. кн. владим. 19. 23—26. 34. 40.
42. 277.

Михаилъ Ярославичъ, в. кн. тверской 50.
52. 56—58. 71. 72. 108. 109. 278. 339.
347—350. 355.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, с. Ѳ. Ростиславича
Чернаго, кн. ярославскаго 55.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, повг. посадн. 37.

Михаилъ Ѳеофилактовичъ, повгор. боя-
ринъ 137. 358.

Михайловская церковь въ волжск. Город-
цѣ 58.

Михайловская церк. въ Псковѣ 405.

Михайловскій мон-рь на р. Узѣ 359.

Михайловское село 79.

Михалко, см. Мпхалъ.

Мпша, см. Мпхалъ.

Можайская рать 120.

Можайскія боярскія дѣти 194.
 Можайскъ гор. 55. 59. 81. 84. 92. 93.
 117. 123. 167. 177. 181. 188. 208. 234.
 Моисей, арх-пъ новгор. 74. 241. 351.
 352. 359—361.
 Моисей Оедоровъ, новг. боярпчъ 215.
 Молдавія 47. 127.
 Молога гор. 102. 159. 160.
 Молога рк. 174.
 Моложская рать 120.
 Молома рк. 226.
 Молюгинъ Игн., новг-цъ 350.
 Монголія 26. 34.
 Монгольскіе чиновники 109.
 Монгольское иго 278.
 Мономаховичи 314—316.
 Мордва, финск. племя 13. 22. 110. 166.
 167. 244. 283.
 Мордовская земля 17. 110. 126.
 Мордовскіе князья 110.
 Морева, новгор. волость 252. 332.
 Морозовъ Григорій, моск. воевода 243.
 Морозовъ Семень, галицкій бояр. 158.
 167.
 Москва гор. 6—7. 24. 51. 55. 59—62.
 66. 69. 71—73. 75—78. 81. 83—87.
 90—94. 96—107. 109—132. 134—144.
 146. 149. 150. 153—160. 162. 164—166.
 168—170. 173. 175. 176. 178—182. 184.
 186. 188. 190—251. 254—276. 278. 290.
 292. 293. 351. 353. 357. 364—367. 370—
 372. 374. 375. 378—381. 383. 384—386.
 404. 411. 416.
 Москва рк. 148. 194.
 Москвичи 48. 95. 100. 103. 108. 113.
 119. 129. 140. 157. 158. 201. 202. 205.
 207. 237. 242. 245. 250. 272. 376.
 Москворѣцкій мостъ 255.
 Московія 254.
 Московская волость 71.
 Московская губ. 99.
 Московская земля 35. 92. 108. 112. 114.
 117. 118. 123. 197. 208. 209. 224. 228.
 233. 235. 242—244. 248. 254.
 Московская отчина 123.
 Московскіе бояре 94. 95. 99. 118. 125.
 127. 236. 254. 264.
 Московскіе князья 6. 71. 94. 244.
 Московскіе купцы 258. 260. 265. 276.
 Московскіе намѣстники въ Рязани 114.
 Московскіе полки, рати, войска 60. 72.
 95. 97. 99. 108. 112. 117. 119. 120. 128—
 131. 178. 196. 229. 243. 253. 272. 274.
 354.
 Московскій великокняж. дворъ 123.

Московскій кремль 117. 175.
 Московскія села 123.
 Московское великое княж. 71. 78. 275.
 Московское государство 210. 262.
 Мста рк. 200. 302. 329. 378. 383.
 Мстиславль гор. 114. 173. 174. 263.
 273.
 Мстиславъ Андреевичъ, с. А. Боголюб-
 ского 322. 323.
 Мстиславъ Владиміровичъ, кн. новгород-
 ской 6. 312. 313. 318.
 Мстиславъ Давидовичъ, кн. смол. 328.
 Мстиславъ Изяславичъ, в. кн. кievскій
 319. 321. 322.
 Мстиславъ Изяславичъ, кн. новгор. 310.
 311.
 Мстиславъ Мстиславичъ *Удалой*, кн.
 новгор. п галицкій 9—11. 18. 19. 21. 283.
 330. 331. 394. 396.
 Мстиславъ-Борисъ Романовичъ, в. кн.
 кievскій 16. 394.
 Мстиславъ Ростиславичъ, впускъ Юрія
 Долгорукаго 4. 320. 325.
 Мстиславъ Ростиславичъ *Храбрый*, кн.
 смоленскій 8. 16. 321. 323. 326. 327. 393.
 Мстиславъ Юрьевичъ, кн. новгородскій
 318—320.
 Муравьевъ А. Н. 29.
 Муравьевъ Н. Н. 301.
 Муратъ, ханъ Зол. орды 94. 95.
 Мурмане 30. 350. 372. 375. 381. 382.
 Муромская земля 27. 36. 355. 359.
 Муромская рать 109. 120. 327.
 Муромскіе князья 8. 283. 322.
 Муромскія боярскія дѣти 194.
 Муромцы 11. 193. 194. 323.
 Муромъ гор. 6. 17. 24. 47. 53. 55. 91.
 119. 126. 127. 152. 164. 167—170. 172.
 173. 178. 188. 189. 192. 193. 219. 242.
 Муртоза, тат. царев., служ. Москвѣ 200.
 207.
 Муртоза, ханъ Зол. орды 250.
 Муса, ногайск. мурза 274.
 Мустафа, орд. царевичъ 166. 167
 200.
 Мухановъ П. А. 236.
 Мушнина гора, моск. волость 79.
 Мценскъ гор. 230. 253. 263. 272.
 Мынинда, см. Патрикѣвъ.
 Наврусь, ханъ Зол. орды 93.
 Назаръ, новг. подвойскій 220. 223.
 Найдень, см. Петръ Мпхайловичъ.
 Налѣсье, часть Псковск. обл. 402.
 Нарбуттъ, польск. истор. 101. 236.

Нарва (Ругоднѣ) гор. 226. 238. 266. 380. 381. 398. 415.

Наримонтъ, с. Гедимина (въ крещеніи Гѣѣбъ) 85. 133. 352—354. 358. 366.

Нарова рк. 36. 145. 202. 268. 285. 337—340. 345. 356. 371. 381. 384. 398. 400. 409. 417.

Наровскіе смерды 240.

Наталинская (Итальянская?) земля 77.

Наумовъ П. 164.

Нащокины, дворянскій родъ 77.

Неаполь, имя восьми городовъ 299.

Нева рк. 12. 30. 37. 49. 68. 344. 346. 354. 355. 359. 367. 381.

Невоструевъ 61.

Неврюй, тат. военач. 27. 35. 38.

Нежатица нива, уроч. бѣ. Чернягова 311.

Нездъ, см. Внездъ.

Незинъ, см. Низъ.

Незнамова гора въ Псковѣ 406. 412.

Нейгаузенъ гор. 274. См. также Новый городокъ.

Неномать сурожанцы 106. 108. 109. 111.

Нелидовъ Гаврилъ, моск. воевода 205.

Нелюбъ Александръ Ив., кн. литовск. 140.

Немиза рк., см. Нѣмашъ.

Немьюга рк. 203.

Ненокса посадъ 382.

Непрядва рк. 113. 115.

Неревинъ новгородецъ 321.

Неревляне, жит. Нерскаго князя 301.

Неревскій конецъ въ Новг-дѣ 301. 338. 343. 376.

Нерехта гор. 188.

Нерль рк. 168.

Несторъ лѣтоп. 298.

Нещерда о-ро 406.

Неѣловъ Никита, посолъ в. кн. въ Псковѣ 407.

Нижегородская волость 109.

Нижегородская губ. 39.

Нижегородская рать 120.

Нижегородскіе бояре 109.

Нижегородско-городецкая епископія 96.

Нижегородское княжество 127. 138. 144. 179.

Нижегородцы 112. 193.

Низовская (Суздальская въ частномъ смыслѣ) земля (Незинъ, Низъ) 32. 36. 37. 43. 45. 68. 75. 76. 85. 128. 130. 215. 219. 224. 286. 301. 337. 340. 349. 364.

Низовскіе поля 338. 347.

Низовцы 31. 32. 343. 368.

Низъ, см. Низовская земля.

Никея гор. 347.

Никита, новгор. дьяконъ-стригольщикъ 363.

Никита, посолъ отъ Д. Донскаго въ Дерптъ 402.

Никита Платоновичъ, псковскій посадн. 212.

Никита Константиновичъ, бояр. Шемяки 172.

Никита Матѣевичъ, новг. посадн. 360.

Никита Петровичъ, новг. тысяцкий 332.

Никита поповичъ, кнѣзьникъ 210.

Никитина улица въ Новг-дѣ 215.

Никитинъ П. 16. 87.

Никифоръ, новг. сотскій 329.

Никифоръ (Опцифоръ) Лукничъ (Лычъ), новг. бояр. 103. 250. 258—260.

Никифоръ Манускивичъ, новг. бояр. 341.

Никола на горѣ, сел. въ Ростов. обл. 160.

Николай, литовск. пушкаръ 378.

Николай Павловичъ, псковск. посадн. 375. 412—414.

Никольская церк. въ Новг-дѣ 345.

Никольская церк. въ Порховѣ 378.

Никольская церк. въ Изборскѣ 400.

Никольская церк. у Опки 403.

Никольская церк. въ Псковѣ 404.

Никольскій мон-рь бл. Новг-да 374.

Никольскія ворота въ Москвѣ 175.

Нилъ, констант. патр-хъ 365. 404.

Нифонтъ, новгор. еписк. 318.

Новгородская волость 43. 342. 343. 345. 375. 409.

Новгородская земля 11. 27. 28. 30—32. 36. 37. 44. 47. 49. 51. 63. 65. 73. 75. 76. 125. 129. 165. 174. 182. 186. 199. 201. 216. 224. 235. 238. 284. 285. 295. 302. 308. 319. 320. 323. 326. 331. 343. 347. 359. 377—381. 390.

Новгородскіе бояре 11. 37. 41. 48. 76. 83. 108. 134. 137. 145. 219. 238. 242. 313.

Новгородскіе воеводы 134.

Новгородскіе гости, купцы 41. 43. 242. 267. 322. 326. 361. 401. 402.

Новгородскіе полки 36. 273. 285.

Новгородскіе послы въ Смоленскъ 370.

Новгородскіе пригороды 108. 322. 369. 373.

Новгородскіе ратники 135.

Новгородскіе славяне 300. 304. 388.

Новгородскіе строители. мастера 378.

Новгородскій Юрьевъ мон-рь, см. Георгиевскій мон-рь въ Новг-дѣ.

Новгородскія боярскія дѣти 225. 361.
Новгородскія волости 33. 108. 128. 129. 134. 165. 225. 322. 331. 369. 380. 410.
Новгородскія земли 336. 381.
Новгородскія колоѣп 300.
Новгородскія отчины 161.
Новгородско-псковская область 13. 14.
Новгородцы 9. 11—14. 17. 20—22. 25. 29—38. 41—43. 45—52. 54. 56. 58. 60. 62—69. 72—78. 83. 85. 89. 90. 97. 99. 102. 103. 107. 108. 112. 120. 128. 129. 132—136. 139. 143—146. 161. 165. 182. 183. 185. 186. 190. 197—201. 203. 204. 206. 211. 214—216. 219—225. 232. 233. 241. 242. 260. 282. 283. 286. 296. 297. 301—304. 307. 308. 312. 315—327. 332. 384—386. 389. 392—396. 398. 400. 402—405. 407—410. 412—416.
Новгородъ Великій 3. 9—15. 17—22. 25. 27—38. 41—44. 46. 48. 49. 51—54. 56—58. 60—63. 65. 67. 68. 72—78. 83—86. 89. 96. 97. 99. 102. 104. 107. 108. 111. 112. 119. 120. 126. 128. 129. 132—139. 143. 146. 150. 152. 159—161. 165. 166. 178. 180—186. 197—206. 210. 211. 214—222. 248. 249. 260. 267. 268. 271. 273. 282. 283. 285. 286. 295. 297—322. 324—338—361. 365—384. 385—396. 398. 400. 402. 404—415. 417.
Новгородъ Нижній 13. 27. 39. 62. 82. 90. 95. 96. 105. 109. 110. 115. 126—131. 137. 138. 141. 144. 150. 152. 153. 159. 160. 164. 165. 167—169. 179. 188. 192. 194—196. 224. 242. 244. 276. 363.
Новгородъ Нижній Старый 194.
Новгородъ Сѣверскій 272.
Новое село на Наровѣ 427.
Новосилецъ, стольн. митр. Кипріяна 137.
Новосилецъ (Носилецъ) Яковъ Юрьевичъ, окольный Владиміра Храбраго 82.
Новосиль гор. 263.
Новосильская волость 109.
Новоторжская битва 1316. г. 63.
Новоторжская волость 73. 76. 351.
Новоторжская рать 120.
Новоторжскіе бояре 83.
Новоторжскія волости 225. 381.
Новоторжцы 12. 33. 83. 106. 108. 284. 326. 329. 330. 334. 358.
Новый городокъ нѣмецкій (ливонскій, Нейгаузенъ) 362. 364. 398. 400. 402. 403. 407. 408. 411. 417.
Новый городокъ корельскій 363.
Новый Торжокъ, см. Торжокъ.
Ногаева орда 50.

Ногай ханъ 48. 54. 245.
Ногайская орда, см. Спная о.
Ногайскіе мурзы 274.
Ногайскіе улусы 276.
Ногайцы 276.
Ноздроватый кн. Василій, звенигор. воевода 231. 274.
Нокія рк. 348.
Норвежцы 30.
Нордоулатъ, братъ Менгли-Гирея 231. 232. 249. 250.
Носилецъ, см. Новосилецъ.
Нурсалтанъ, ж. Пбрагима, потомъ М.-Гирея 245.
Нутная улица въ Новг.-дѣ 336.
Нѣжата, новгор. посадн. 320.
Нѣманъ (Немиза) рк. 310.
Нѣмецкая земля (Ливонія) 238. 339. 381. 398. 402. 403. 410. 414.
Нѣмецкая земля (Финляндія) 226. 348.
Нѣмецкіе артуги (монета) 372.
Нѣмецкіе (ливонскіе) бояре 409.
Нѣмецкіе (ливонскіе) гости 267. 361. 401. 402. 411. 416.
Нѣмецкіе (ливонскіе) князья 409.
Нѣмецкіе полки 397.
Нѣмецкія села 398. 400.
Нѣмцы ливонскіе 12. 14. 17. 25. 31—33. 38. 41. 42. 57. 58. 99. 100. 102. 110. 132. 133—140. 143. 145. 185. 190—192. 226. 232. 233—237. 238. 255. 337. 339—341. 351. 356. 361. 362. 367. 368. 371—374. 379. 381. 384. 385. 394—396. 398—410. 412. 414. 416.
Нѣмцы прусскіе 126.
Нѣмцы-шведы 49. 51. 52. 58. 66. 69. 344. 346. 348—350. 354.
Обдорскіе князья 261.
Оболенскій кн. Александръ Вас., моск. воев. 245.
Оболенскій кн. Вас. Вас., моск. воев. 178.
Оболенскій кн. Вас. Иван. 166. 170.
Оболенскій кн. Глѣбъ Иван. 162.
Оболенскій-Нагой кн. Петръ Васильев., воев. моск. 194. 249.
Оболенскій кн. Семень Иван., моск. воев. 172. 173. 175. 180.
Оболенскій-Лыко кн., велико-луцкій намѣстн. 234.
Оболенскій-Нотевъ кн. Андрей Никит., моск. воев. 233. 237.
Оболенскій-Репня, кн. Иванъ Михайловичъ, бояр. и воев. моск. 249.

- Оболенскій-Стрига** кн. Пванъ Вас., бояр. и воев., новг. намѣстн. и воев. 173. 175. 177. 182. 186. 192. 193. 200. 206. 212.
Оболенскій-Стрига кн. Ярославъ Вас., моск. воев. 212—214. 217—219. 225. 239. 240.
Оболенскій-Телепня кн. Ѳеодоръ, воевода 253.
Оболенскій кн. Мих. Андр. 39. 65.
Оболенскъ гор. 99. 263.
Обонежье 354.
Обонежская пятница, новгор. волость 302.
Обонежскіе купцы 344. 350.
Образецъ, бояряъ кн. Андрея углицк. 248. 249.
Образецъ-Добрыньскій Василій Ѳеодор., тверской намѣстн. и воев. Ивана III-го 200. 227. 237.
Образцовъ Плещка, слуга дьяка Дубенскаго 169.
Обуязъ, уланъ Нордоулата 232.
Объ рк. 361.
Овиновъ Козма, новгородецъ 220.
Овиновъ Захарій, новг. посадн. 219. 220.
Оденпе, см. Медвѣжья голова.
Одоевскіе князья 153. 251. 252.
Одоевскій кн. Иванъ Семен. 252.
Одоевскій кн. Семень 207.
Одоевскій кн. Ѳеодоръ Иван. 251.
Одоевскій кн. Ѳеодоръ Семен. 252.
Одоевъ гор. 113. 263.
Озолица, уроч. въ Псковск. обл. 419. 420.
Ока рк. 8. 17. 102. 105. 109. 111. 113—117. 163. 169. 178. 181. 184. 189. 194. 206. 207. 228. 229. 244. 327.
Олабуга, тат. военач. 27.
Олеговичи, черниговскіе кн. 9. 16. 314. 315. 329.
Олегъ в. кн., родств. Рюрика 2. 300. 302. 303.
Олегъ Ивановичъ, в. кн. рязанскій 90. 92. 100. 103. 108. 112—115. 117. 119. 132. 133.
Олегъ Святославичъ, кн. древл. 303.
Олегъ Святославичъ, кн. черниг. 6. 312.
Олекса, см. Алексѣй.
Олександръ, см. Александръ.
Олелькъ, см. Александръ.
Олферій, см. Юрій Сбыславичъ.
Олферьевы, боярскій родъ 77.
Ольга св., в. к-ця 16. 296. 302. 387.
Ольгердъ, в. кн. литовскій 84—86. 97—101. 103. 105. 107. 109—111. 116. 119. 136. 147. 270. 342. 357. 360. 361. 380. 381. 398. 399. 406. 417.
Ольгина гора бл. Пскова 368. 405.
Ольшанскій, литовск. кн. 252.
Омаръ, с. Тамерлапа 257.
Омовыжа, Омовжа, см. Эмбахъ.
Онега рк. 302. 323.
Онежское (Онего) о-ро 302. 383.
Онцифоръ, см. Нпкпфоръ.
Опановъ гор. 253.
Опока (Опочка) гор. 74. 151. 274. 356. 377. 403. 411. 417.
Опоцкій конецъ въ Псковѣ 390.
Опочане, жители Опочки 391. 414.
Опочна село 398.
Орбанъ, племянн. шведск. кор. Стена-Стура 216.
Орденъ меченосцевъ 135.
Ордынецъ, см. Александръ Михайловичъ.
Ордынскіе князья 163.
Ордынцы 163.
Орлецъ гор. 134. 356.
Орловская губ. 319.
Орловъ гор. 184.
Орша гор. 273.
Орѣховцы, жители Орѣхова 357.
Орѣховъ (Орѣховецъ, Орѣшекъ, Орѣховый) гор. 89. 350—354. 356—359. 362. 365—367. 372.
Орѣховый о-въ 68.
Осекъ Декнишвъ гор. 310.
Осиновецъ гор. 243.
Осиново поле бл. р. Ваги 180.
Осипъ, см. Евѡмій.
Осипъ, псковск. подвойскій 419.
Осипъ Андреевичъ, кн. дорогобужскій 235.
Осипъ Вареоломеевичъ, новг. воев. 362.
Осипъ Захарьевичъ, новг. посадн. 366. 368. 372.
Осипъ Ѳалалеевичъ, новг. тысяцкій 367.
Ослябъ, нпокъ Тронцк. мря 112.
Остей, кн. литовскій, впускъ Ольгерда 116. 117.
Остей Александръ, коломенскій намѣстн. 119.
Остеръ рк. 304.
Островцы, псковск. посадъ 421.
Островичи, жители г. Острова 299.
Островъ гор. 274. 371. 382. 398. 407.
Острожскій кн. Константинъ 272. 273.
Остромиръ, новг. посадн. 309. 310.
Острый (Острой лавицы) конецъ въ Псковѣ 390.
Осѣченъ гор. 76.

Охта рк. 57. 346.
 Очаковъ гор. 262.
 Ошель гор. 21.
 Ощера Иванъ Вас., моск. бояр. п воев.
 173. 181. 229.
 Ояндаръ, орд. князь 98.

Павелъ папа 209.
 Павла св. церковь въ Новг-дѣ 353.
 Павлово (по ошибкѣ вм. р. Плава) 139.
 Павша Ананьевичъ (по Ник. л. Павелъ
 Семеновичъ), новг. посадн. 43. 44. 340.
 342.

Паисій, игум. Троицк. мон. 230.
 Палеологъ, см. Константинъ, Марія Ан-
 дреевна, Фома.

Палецкій *Хруль* кн. Иванъ 270.
 Палецкій кн. Ѳеодоръ 228. 269.
 Палиць городецъ 302.
 Памфилъ, повгор. унч. староста 215.
 Панкратъ, псковск. посадн. 407. 409.
 Пантелеймоновская церк. въ Псковѣ
 424.

Паозерье, уроч. въ Новг-дѣ 222. 225.
 Пасынково (Сыньково) сел. 150.
 Патрикій, кн. звенигор.-литовск. 140.
 Патрикій Нармонтовичъ, кн. литовск.
 133. 147. 365. 369.

Патрикѣвъ кн. Василій *Косой*, моск.
 бояр. 271.

Патрикѣвъ кн. Иванъ *Мынinda* 271.
 Патрикѣвъ кн. Иванъ Юрьевичъ 184.
 192. 196. 222. 228. 241. 248. 253. 262.
 270. 271.

Патрикѣвъ кн. Ѳеодоръ Юрьевичъ, моск.
 воевода 190. 211. 212.

Пацынъ мѣстч. 175. 176.

Паша рк. 320.

Пелопоннесъ 455.

Пенко кн., воев. моск. 274.

Перекопскій ханъ 153.

Перекопъ гор. 262.

Перемиль гор. 17.

Перемышль гор. 100. 263.

Перемышльскій кн., см. Иванъ Михайло-
 вичъ.

Пересвѣтова купля, волость Владимира
 Храбраго 181.

Пересвѣтъ, пюокъ Троицк. мон. 112.

Перестѣченскій погребъ въ Кіевѣ 320.

Переяславъ Залѣскій 7. 8. 10—14. 17.
 20. 25. 27. 29—31. 35. 38. 42. 43. 45—
 48. 51—57. 59—61. 64. 67. 68. 72. 75.
 81. 90. 92. 94. 96. 100. 101. 104. 111.
 116. 117. 140. 141. 156. 160. 170. 173.

188. 189. 193. 229. 242. 249. 281. 282.
 315. 324. 325. 327. 331—333. 339. 343.
 346. 395. 396.

Переяславъ кіевскій, русскій 8. 16. 22.
 313. 314. 317.

Переяславъ рязанскій 191.

Переяславская (залѣск.) рать 72. 109.
 120.

Переяславскіе бояре 57.

Переяславскіе князья 287.

Переяславскіе полкп, войска 21. 60. 112.
 281. 395.

Переяславскій съѣздъ князей 1303 г. 58.

Переяславцы 59. 60. 72. 324.

Пермичи 205.

Пермь (Біармія), Пермская земля 194.
 195. 204. 205. 302.

Перна рк. 348.

Персія 131. 257. 260.

Перунъ, гл. бож. русск. славянъ 306.

Перхушовъ Григорій воев. 184.

Пестрой, см. Стародубскій-П.

Петербургъ, см. Санктъ-П.

Петровское село 123.

Петропавловская церк. въ Псковѣ 403.

Петръ мптр. 62. 69. 73.

Петръ, молд. воевода 125.

Петръ, воев. шведскій 382.

Петръ Великій 6. 39.

Петръ Васильевичъ *Великой* кн., псковск.
 намѣстн. 433.

Петръ Водовиковичъ новг-цъ 333.

Петръ Димитріевичъ, кн. дмитровский
 122. 123. 139. 141. 149. 155. 290. 292.
 371. 408.

Петръ Константиновичъ, намѣстн. рос-
 товск. 156. 157.

Петръ Михайловичъ *Найденъ* кн., псковск.
 намѣстн. 433.

Петратинъ дворнще въ Новг-дѣ 314.

Пецкая губа въ о. Ильменѣ 429.

Печенѣги нар. 306. 308.

Печера, нар. п край, см. Печерскій край.

Печерская дань 42. 43.

Печерскій край (Печера) 261. 301. 302.

Печора рк. 306.

Пидьба рк. 306.

Пижва рк. 398.

Пильи горы 204.

Пимень мптр. 365.

Пимень, ризничій новг. арх-па 199. 200.

Пинега рк. 203.

Пинскъ гор. 85.

Писцовъ Данило новг-цъ 349.

Плава рк. 139.

Плано-Карпини, авт. мон.-путеш. 18.
 Плесковичи, см. Псковичи.
 Плесо гор. 144. 153. 163.
 Плеттенбергъ, магистръ Лив. ордена мечей. 273—275.
 Плещеевъ, костр. воев. 363.
 Плещеевъ Андрей 169—170.
 Плещеевъ Иванъ 253.
 Плещеевъ Михаилъ Андреевъ, моск. дьякъ и бояр. 175. 259. 273.
 Плотничій конецъ въ Новг-дѣ 301. 375.
 Пльсковъ, см. Псковъ.
 Пльснь, волость кн. Михаила верейск. 192.
 Плюшаръ А. 155.
 Поволжье 294.
 Поганая Сура, см. Сура П.
 Погодинъ, М. П. 71.
 Подкурскій Иванъ псковичъ 425.
 Подолія 231.
 Подольская губ. 17.
 Подольская земля 125.
 Подося Иванъ, посолъ Конрада мазов. къ Ивану III-му 257.
 Покровская церковь въ Новг-дѣ 347.
 Покровская церк. въ Псковѣ 405.
 Пола рк. 201.
 Поле Александръ, моск. бояр. 367.
 Полинарыны, новгор. бояре 215.
 Полины сел. 221.
 Полная рк. 350.
 Половцы нар. 8. 311—313. 334.
 Полонище, псковскій посадъ 390. 402.
 Полоцкая земля, область 125. 322. 400.
 Полоцкія волости 322. 401. 406. 408.
 Полоцкіе князья 229. 322.
 Полоцкъ гор. 11. 273. 300. 310. 311. 320. 322. 327. 328. 330. 338. 365. 393. 401. 407. 408.
 Полочане 38. 45. 321. 323. 327. 329. 330. 365. 393.
 Полуентова Нат., ж. дьяка 209.
 Полуентовъ Алексѣй дьякъ 209.
 Польско-литовское государство 208.
 Польша Александръ, моск. бояр. 137.
 Польша 153. 192. 273.
 Польша, новгор. протопопъ 392.
 Полѣсье, псковск. посадъ 421.
 Поляки 8. 125. 308. 311.
 Поляне, русско-слав. племя 308.
 Поповъ А. 160.
 Поппель рыцарь 254. 255.
 Поромоновъ дворъ въ Новг-дѣ 307.
 Порфирій, еписк. черниг. 282.
 Порховичи 377. 379.

Порховъ гор. 357. 366. 371. 373. 374. 377—379.
 Порхъ гор. 409.
 Похра рк. 178.
 Почка рк. 205.
 Поярокъ, сторонникъ жены Ив. Младого 270.
 Предслава Владиміровна, д. Влад. св. 308.
 Преображенская церковь въ Новг-дѣ 305. 306. 346.
 Преображенскій соборъ въ Галичѣ 150.
 Преображенскій собор. въ Переяславль Зал. 52.
 Приднѣпровскія степи 54.
 Проватово село 123.
 Прокопій, псковск. судья 417.
 Прокопій новг-дѣ 363.
 Пронскій кн. Данилъ, воевода Д. Донскаго 111.
 Пронскъ гор. 9.
 Протасевъ Григорій, алексинск. воев. 163. 164.
 Протва рк. 23—25. 87.
 Пруссія 125. 127. 297.
 Прусская улица въ Новг-дѣ 301. 323. 345. 359. 374.
 Пруссіе вѣмцы 126.
 Пруссій король 384.
 Пруссій магистръ 135. 136.
 Пскова рк. 387. 390. 403. 405—407. 409.
 Псковичи (пльсковичи, плесковичи, псковитяне) 12—14. 29. 31. 69. 74. 76. 99. 135. 136. 139. 140. 143—146. 151. 152. 161. 165. 185—187. 189—191. 199—201. 204. 212—214. 217—219. 221. 223. 225. 233. 237—240. 255. 271. 273. 274. 275. 281. 283. 297. 314. 315. 322. 328—330. 333. 335. 341. 342. 349. 352. 356. 358. 359. 361. 362. 367—373. 377. 378. 381—384. 388. 389. 392. 395—417.
 Псковская волость 328. 402. 407. 409. 410.
 Псковская губ. 302.
 Псковская земля, область 33. 143. 151. 233. 239. 273. 377. 387. 390. 395. 397. 414.
 Псковскіе бояре 212. 217.
 Псковскіе гости, купцы 370. 400. 401. 406. 411.
 Псковскіе полки, войска 223. 273.
 Псковскіе послы въ Смоленскъ 370.
 Псковскій дѣтинаецъ 390.
 Псковскій посадъ на р. Наровѣ 400.

Псковскій кремль (Кремль) 390. 405. 406. 412. 415.

Псковскія боярскія дѣти 217.

Псковскія волости 372. 399.

Псковскія села 399.

Псковское княженіе 166.

Псковъ (Плесковъ, Пльсковъ) гор. 12. 14. 27. 31 — 33. 35. 37. 45. 51. 52. 56. 57. 65. 68. 69. 73. 74. 76. 77. 96. 99. 100. 135—137. 139. 140. 143—146. 151. 152. 160—162. 166. 182. 185—187. 190. 191. 210—214. 217—219. 221. 232. 233. 237—240. 248. 267. 271. 274. 275. 281—283. 285. 286. 299. 302. 305. 310. 326. 327. 329. 331. 333. 335. 337. 351—354. 358. 359. 362. 365. 367. 368. 370. 371. 373—376. 378—380. 383. 384. 385—292. 394. 417.

Пудога рк. 383.

Путивль гор. 272.

Путята, тысяцкій Владим. св. 305. 306.

Путятинъ Григорій 251.

Пшага рк. 342. 357.

Пьяна рк. 105. 110.

Пѣшакъ-Сабуръ Семенъ Ѳеодоров., воев. кн. Андрея вологодск. 194. 195. 203.

Рагнвальдъ шведъ 308.

Радонежское село 79.

Радонежъ гор. 81. 171.

Разсохинъ Михаилъ новг.-цъ 144.

Раковорская битва 41. 44.

Раковорцы 339.

Раковоръ (Везенбергъ, Вейссенбергъ, по вѣст. Rakwerge) гор. 45. 46. 339. 340. 409.

Ракомъ 307.

Ралевъ Димитрій грекъ 258. 260.

Ралевы греки 255.

Раменейце (Раменецъ) село 123. 235. 290.

Ратиборъ Клуковичъ, новг. тысяцкій 41. 340. 341.

Ревель (Колыванъ) 11. 12. 22. 27. 35. 133. 209. 266. 267. 340. 356. 367. 392. 395. 398.

Ревельскій магистратъ 267.

Ржева (Ржевка Ржевъ) гор. 21. 92. 98. 109. 126. 143. 159. 176. 188. 242. 361. 371. 379. 394. 407.

Ржевская рать 120.

Ржевскій Ивашъ кн. 96.

Ржевскій Ѳеодоръ кн. 63.

Ржевскій уѣздъ 69.

Ржевскія села 379.

Рига гор. 12. 161. 235. 238. 239. 339. 367. 394. 395. 416. 417.

Рижане 335. 395.

Рижскій магистръ 212. 384. 397. 407. 417.

Римъ гор. 198. 209—211. 255. 267. 380. 385.

Рогачевъ гор. 253.

Рогволодъ, кн. полоцкій 320.

Роговичъ Юрята, см. Ю. Р.

Родіонъ, двинской новг.-цъ 135.

Родіонъ Нестеровичъ 61.

Родославъ Олеговичъ, кн. рязанскій 129.

Рожаловъ, волость кн. Андрея углицъ. 188.

Рождественскій мон. въ Владим. Залѣвск. 11. 39.

Рождественскій соборъ въ Муромѣ 173.

Рожкино, сел. (?) 419.

Романовъ гор. 188. 208. 234.

Романовы, боярскій родъ 157.

Романъ Болдышевичъ, новг. бояр. 341.

Романъ, кн. литовскій 129. 405.

Романъ, кн. рязанскій, см. Р. Семеновичъ.

Романъ, псковскій посадн. 369. 405—407. 412.

Романъ Васильевичъ, кн. ярославскій 106.

Романъ Владиміровичъ, кн. углицкій 28.

Романъ Глѣбовичъ, кнжч. рязанскій 326. 327.

Романъ Глѣбовичъ, кн. смоленско-брянскій 345. 348.

Романъ Михайловичъ, кн. брянскій 106.

Романъ Мстиславичъ, кн. галицкій и новгородскій 8. 322—324. 393.

Романъ Ростиславичъ, кн. смоленскій 318. 319. 321. 323. 326. 327.

Романъ Семеновичъ, кн. новосильскій (рязанскій) 104—106.

Романъ Юрьевичъ, кн. литовскій 369.

Ромодановскій, кн. Василь 265.

Рославльскіе бояре 140.

Рославль гор. 263.

Россія (Русь, Русская земля) 1—5. 7. 8. 10. 13. 15. 18. 20. 23. 27. 30. 33—35. 38. 44. 49. 54. 60. 63. 66. 68. 71. 74. 82—84. 86. 87. 91. 95. 100. 107. 109. 111—113. 115. 125. 127. 128. 131. 132. 135. 150. 155. 163. 170. 172. 175. 205. 206. 208. 210. 211. 228. 230. 235. 246. 256. 260. 262—264. 276. 277. 286. 312—314. 324. 331. 338. 342. 364. 412.

Ростиславль гор. 207.

Ростислава-Ѳеодосія, см. Ѳеодосія.

Ростиславичи, внуки Юрія Долгорукаго 7.

Ростиславичи смоленскіе 322. 324 — 326.

Ростиславъ Михайловичъ, кн. черниг. 13. 14. 29. 30. 331—333.

Ростиславъ Мстиславичъ, кн. смоленскій 317—321.

Ростиславъ (Ростиславъ-Борисъ) Мстиславичъ, с. М. Ромаповича смоленскаго 16. 17. 38.

Ростиславъ Юрьевичъ, с. Ю. Долгорукаго 4. 315—317.

Ростовская земля, область 50. 159. 162.

Ростовскіе князья 18. 67 (великіе). 87. 112. 188.

Ростовскіе полки 13. 21. 120.

Ростовскія боярскія дѣти 194.

Ростовскія волости, земли 50. 183.

Ростовско-суздальская земля, область 4. 277. 278.

Ростовцы 4. 5. 305. 306. 324. 325.

Ростовъ гор. 1. 3. 4. 7. 9. 10. 15. 20. 23. 37. 38. 47. 55. 63. 64. 67. 69. 77. 81. 96. 116. 123. 141. 159. 160. 169. 175. 188. 207. 304—306. 312. 313. 325. 342. 349. 350.

Рублевъ Андрей, псковск. бояр. 430.

Ругодивская волость 356.

Ругодивъ, см. Нарва.

Рудино село 177.

Руза гор. 81. 89. 93. 117. 160. 171. 188.

Рузскій уѣздъ 99.

Румянецъ Василій, ппжегор. бояр. 127.

Руно Иванъ, моск. воевода 173. 194. 195.

Руса Старая гор. 12. 15. 182. 199—202. 392. 321. 322. 334. 341. 349. 365. 374. 379.

Руса, Русса рк. 298. 299.

Русалка Михаилъ 173. 264.

Русская земля, см. Россія.

Русскіе 31—33. 38. 109—111. 113. 349. 350. 354.

Русскіе князья 67. 97. 109. 116.

Русскіе купцы 259. 273.

Русскіе славяне 2.

Русь, см. Россія.

Русь народъ 296. 298. 354.

Русь кievская (Русская земля) 296. 308. 318. 322. 326. 328.

Рухъ (?) 401.

Рушане, гражд. Русы 349. 379.

Рыдино сел. 214.

Рыльскъ гор. 272.

Рычагъ Петрило, новг-цъ 42.

Рюрикъ, первый кн. русск. 220. 291.

296. 297 (курфюрстъ прусскій). 302. 387. 388.

Рюрикъ Ростиславичъ, кн. кievскій 8.

Рязанская земля 27. 36. 92. 111. 113—115. 117.

Рязанская рать 103.

Рязанскіе бояре 114.

Рязанскіе князья 8. 75. 87. 263. 283. 322.

Рязанскіе полки, рати 112. 253. 327.

Рязанскій уѣздъ 111. 113—115. 117. 132. 141. 166. 178. 184. 189.

Рязанское княжество 9. 184. 191. 235.

Рязанцы 9. 103. 113. 114. 166. 326.

Рязанъ гор. 9. 21. 61. 90—92. 104. 105. 111. 114. 119. 166. 185. 191. 195. 235. 325—327. 330. 350.

Ряполовскіе князья 173—175. 189.

Ряполовскій кн. Василій 263.

Ряполовскій кн. Дмитрій, моск. воевода 172. 184.

Ряполовскій кн. Иванъ 172. 184.

Ряполовскій Лобанъ 274.

Ряполовскій кн. Семень, моск. воевода 172. 184. 242. 245. 263. 264. 269.

Рясна гор. 76.

Рясское поле въ Ряз. землѣ 185.

Сабурова Соломонія, ж. в. кн. Василя Иванов. 276.

Сабуровъ Михаилъ Ѳеодор., бояр. Шемяки 175.

Сабуровъ Юрій, моск. дворян. 276.

Сабуръ, см. Пышакъ-Сабуръ.

Савва св. 342.

Савва, игум. Юрьевск. новг. мон. 332.

Савва, еписк. луцкій 370.

Савва, новгор. арх-пъ 364.

Савинъ Нпента, новг-цъ 199.

Салтанъ, с. хана Седи-Ахмета 181. 189.

Салчей, астрах. князь 363.

Самойловецъ сел. 123.

Сампсонъ, новгор. бояр. 144.

Сампсонъ, чернецъ Спасо-Хутынскаго мон-ря, нареч. арх-пъ Симеонъ, см. Симеонъ.

Сампсонъ Ивановичъ, новг. посадн. 379. 384.

Самуиль Ратьшиничъ новг-цъ 344.

Санктпетербургская дух. академія 29.

Санктпетербургъ 6.

Сарай гор. 206. 363.

Сарайко, орд. посолъ на Русь 105.

Саранчукъ-тоже 75.

Сартакъ, с. Батыя 26. 34. 35. 38.

Сарыхожа ордынецъ 100—102.

Сась рк. 320.

Сатылганъ (Салтаганъ), подручн. М-въ тат. царевичъ 249.

Сахаровъ И. 114.

Свеи, Свѣи, см. шведы.

Свея, см. Швеція.

Свибло (Свибловъ) Ѳеодоръ Андреевъ, бояр. 124. 290. 366.

Свидригайлъ, в. кн. литовскій 140. 141. 153. 154.

Святодуховская церк. въ Псковѣ 404.

Святополкъ Владиміровичъ *Окаянный* 307. 308.

Святополкъ Изяславичъ, в. кн. кievск. 311. 312.

Святополкъ Мстиславичъ, кн. новгор. 315—317. 392. 393.

Святославъ, кн. трубчевскій 14. 333.

Святославъ Александровичъ (вм. Ярославичъ) кн. 340.

Святославъ Владиміровичъ, кн. вщижскій 319.

Святославъ Всеволодовичъ, кн. черниг. 325. 327.

Святославъ Всеволодовичъ, в. кн. владим. 9. 11. 15. 18 — 26. 33. 34. 40. 277. 284. 330. 394.

Святославъ Глѣбовичъ, кн. смоленскій 59.

Святославъ Ивановичъ, кн. смоленскій 100. 101. 104.

Святославъ Игоревичъ, в. кн. кievскій 302. 303.

Святославъ Мстиславичъ, кн. новг. 325.

Святославъ Олеговичъ, кн. новгор. 315. 316.

Святославъ Ростиславичъ, кн. смоленск. 319—323.

Святославъ Ярославичъ, в. кн. кievскій 311. 391.

Святославъ Ярославичъ, кн. тверской 42. 43. 45. 48. 52 (?). 338—341. 396.

Седи-Ахметъ, ханъ Синей орды 178. 180. 181. 184. 189.

Сеидъ-Ахмедъ, ханъ Зол. орды 249.

Селевины москвичи 252.

Селезневъ, новг. бояре 215.

Селиванъ, моск. бояр. 367. 425.

Селигеръ (Серегеръ), новг. волостъ 332.

Семень, посолъ митр-та въ Новг-дъ 352.

Семень, кн. перемышльскій 140.

Семень, воев. кн. Василя костромскаго 43.

Семень (Семьюнъ), новг. «мужъ добрый» 339.

Семень Борисовичъ, моск. бояр. 250.

Семень Васильевичъ, с. в. кн. В. Дим-ча. 147. 292. 293.

Семень Васильевичъ, с. в. кн. В. Темнаго 187. 294.

Семень Васильевичъ, с. новг. посад. 137.

Семень Васильевичъ, новг. посадн. 374.

Семень *Внучекъ*, новоторжск. бояр. 83.

Семень Димитріевичъ *Крапива*, кн. стародубскій 99.

Семень Димитріевичъ, с. в. кн. Д. Донскаго 122. 290. 291.

Семень Димитріевичъ, с. Д. Кон-ча пн-жегородскаго 106. 115. 116. 128. 130. 131. 137. 138.

Семень Ивановичъ, с. в. кн. Ивана III-го 277.

Семень Ивановичъ *Гордый*, в. кн. влад. 77—89. 94. 122. 228. 278. 286. 289. 355. 357. 358. 360.

Семень Ивановичъ, кн. можайскій 272.

Семень Ивановичъ, кн. Ярославскій, моск. воевода 245.

Семень Климовичъ, новг. посадн. 347—349.

Семень Константиновичъ, кн. дорогобужскій 97. 98.

Семень Константиновичъ, кн. оболенскій 106.

Семень Максимовичъ, с. псков. посадн. 423.

Семень Михайловичъ, новг. посадн. 47—49. 54. 343. 344.

Семень Мстиславичъ, кн. вяземскій 371.

Семень Олельковичъ (Александровичъ), кн. кievскій 199.

Семень (Дугвей) Ольгердовичъ, кн. литовскій 122. 145. 366. 367. 371—373. 375. 381. 404. 409.

Семень Романовичъ, кн. стародубскій, новг. намѣстн. и воевода 192. 273. 275.

Семень Семеновичъ, с. в. кн. С. Гордаго 87. 88. 289.

Семень Тонигілевичъ, бояр. кн. Андрея городецкаго 47—49. 53. 54.

Семидесятная корела, см. Корела С.

Семицкое сел. 93.

Семьюнъ, см. Семень.

Серапионъ, еп-пъ владим. 44.

Сергій преп. 77. 81. 96. 112. 113. 119. 128. 171.

Сергій, арх-пъ новгор. 241. 242.

Серегеръ, см. Селигеръ.

Серена рк. 14.

Серенскъ гор. 14. 230. 263.

- Серица рѣ. 432.
 Серпейскъ гор. 139. 253. 263. 272.
 Серпуховская рать 120.
 Серпуховъ гор. 81. 82. 111. 125. 141.
 188. 207. 208. 228. 269.
 Сибирскіе народцы 260.
 Сибирь 1.
 Сивенчъ-Буга ордынецъ 68.
 Сигизмундъ, вел. кн. литовскій 166.
 379.
 Сигизмундъ Казимировичъ, кн. кіевскій 265.
 Сигъ, шведскій воев. 346.
 Сильвестръ, ливонскій магистръ 375.
 Сильвестръ Волошевичъ новг-цъ 355.
 Сильвестръ Леонтьевичъ, новг. посадн.
 360. 362. 378.
 Сильвестръ Леонтьевичъ, псков. посадн.
 415.
 Симеоніевская церк. въ Звѣринцахъ въ
 Нов-дѣ 385.
 Симеонъ Столпникъ св. 108. 113.
 Симеонъ (Сампсонъ), арх-пъ новг. 373—
 376. 412.
 Симеонъ, еписк. владим. 57.
 Симеонъ, еписк. ростовск. 346.
 Симоновъ мон-рь въ Москвѣ 154.
 Симонъ мнтр. 271. 275.
 Симонъ, еписк. владим. 11.
 Синее о-ро въ Псковск. обл. 425.
 Синеусъ, братъ Рюрика 296. 302.
 Синяя рѣ. 422.
 Синяя орда (Ногайская) 109. 178. 257.
 Сисой, псковскій посадн. 369.
 Сить рѣ. 7. 15. 22. 23. 335.
 Скандинавскіе народы 328.
 Скандинавскія саги 307.
 Скертовскій (Щертовскій) Селило, псков.
 402.
 Скиргайло, кн. лит. 365. 405.
 Сквородскій - Архангельскій м-рь въ
 Новг. 241.
 Скорнищево сел. 103.
 Скорятино, м. въ Рост. обл. 162.
 Скрыба Василій устюжанинъ 261.
 Скрыбинъ, приверженецъ в. кн. Софьи
 Оминичны 270.
 Славенскій конецъ (Славно) въ Нов-дѣ
 299. 301. 333. 336. 337. 357. 360. 362.
 365. 375. 376.
 Славкова улица тамъ же 215.
 Славно, см. Славенскій конецъ.
 Славяне (Словене) 295—299. 304.
 Славяне кіевскіе 300.
 Славяне, см. новгородцы.
- Славянскіе колонисты среди финновъ 2.
 3. 300.
 Славянскъ (Словенскъ) гор. 299.
 Славенская земля 295.
 Славене, см. славяне.
 Словенскъ, см. Славянскъ.
 Слѣпецъ-Тютчевъ Борпѣзъ Матв., моск.
 воевода 200. 227.
 Смоленская волость 109.
 Смоленская губ. 300.
 Смоленская земля 5. 272. 326.
 Смоленская пкова Б. Матери 189.
 Смоленская рать 99.
 Смоленскіе князья 16.
 Смоленскія волости 100.
 Смоленскъ гор. 16. 79. 85. 87. 129. 132.
 133. 135. 139. 140. 146. 167. 189. 273.
 275. 276. 300. 312. 317. 319—321. 326.
 350. 363. 370. 378.
 Смолка рѣк. 115.
 Смольняне 112. 304. 321. 323. 353.
 Смядынская Борисоглѣбская ц-въ въ Смо-
 ленскѣ 326.
 Снѣтная гора въ Псковѣ 412.
 Снѣтогорскій мон-рь 418.
 Собакинъ Василій Ивановичъ, моск. бо-
 яринъ 163.
 Совкинъ Лука, псков. 406.
 Созовъ Василій, псков. бояр. 212.
 Созоновъ Киръ, новг. бояр. 368.
 Созонтъ, см. Семенъ Ив. Гордый.
 Сокира (онъ же Сѣкира), новг. посадн.
 383.
 Сокиркинъ Федоръ, псков. посадн. 431.
 Соловьевъ С. М. 17. 18. 20. 34. 35. 37.
 50. 53. 61. 62. 66. 79. 84. 87. 91. 103.
 122. 126. 130. 153. 165. 170. 184. 187.
 211. 213. 226. 228. 232. 233. 246. 250—
 252. 290.
 Соль Великая гор. 188.
 Сольца сел. 404.
 Сосолы (ссолы), см. колыванцы.
 Софійская (въ Новг-дѣ) казна 120.
 Софійская церк. въ Псковѣ 401. 411.
 Софійская сторона въ Новг-дѣ 301. 307.
 318. 366. 374. 389.
 Софійскій соборъ въ Кіевѣ 250.
 Софійскій соборъ (св. Софія) въ Новг-дѣ
 10. 37. 41. 42. 134. 182. 186. 197. 215.
 226. 233. 268. 283. 301. 310. 317. 326.
 337. 342—345. 353—356. 360—362. 364.
 365. 367. 376.
 Софіяне, дворъ новг. арх-па 416.
 Софонія рязанецъ, брянскій бояр. 114.
 Софья Витовтовна, ж. в. кн. Василя

Димитр. 126. 135. 145. 146. 150. 156. 169. 170—172. 175. 179. 294. 367. 369.

Софья Дмитриевна, ж. Оедора Олегов. рязанск. 119. 122.

Софья Юрьевна, ж. Конст-на Михайл. тверскаго 67. 69.

Софья Ооминична *Палеологъ*, ж. в. кн. Ивана III-го 208. 210. 211. 227. 228. 247. 264. 268—271. 277. 385.

Сохонскій почпнокъ 123. 290.

Сохна, волость кн. Ивана Дим., с. Д. Довскаго 123. 290.

Спасо-Хутынскій м-рь близъ Новг-да 29. 197. 332. 336. 366. 371.

Спасская церк. въ Псковѣ 404.

Спасская церк. во Владим. Зал. 5. 6.

Спасская церк. въ Новг-дѣ 323. 363. 364. 377.

Спасская церковь въ Торжкѣ 137.

Спасскій м-рь въ Москвѣ 148.

Спасскій м-рь въ Русѣ 334.

Спасскій соборъ въ Твери 78. 235. 237.

Спасъ на Бору, мон-рь въ Москвѣ 291.

Спасъ въ Египтѣ въ Новг. обл. 221.

Спиридонъ, арх-пъ новг. 31. 332. 336.

Спицынъ А. 226.

Средній городъ, часть Пскова 390.

Срезневскій И. И. 114.

Ссолы, см. сосолы.

Станислава св. катол. церк. въ Вильнѣ 264.

Станиславъ, литовск. маршалокъ 264.

Старая Руса, см. Р. Ст.

Старковъ Иванъ, москвичъ 170.

Стародубская рать 120.

Стародубскіе бояре 140.

Стародубскій кн. Андрей, см. А. Ивановичъ.

Стародубскій кн. Семень Романовичъ, см. Семень Р. Стародубскій.

Стародубскій *Пестрой* кн. Оедоръ Давидовичъ, моск. бояр. и воев. 153. 196. 205. 206. 210.

Стародубъ (суздальскій) гор. 23. 95.

Стародубъ (Сѣверскій) гор. 111. 173. 272.

Старое городище въ Новг-дѣ 297. 299.

Стень, шведскій воев. 346. 354. 355.

Стень-Стуръ, шведск. король 216.

Степанъ Михайловичъ, новг. воев. 137.

Степанъ Твердиславичъ, новг. посадн. 331. 332. 336.

Степанко новг-цъ 374.

Степанъ Аввакумовичъ, новг. воев. 361.

Степанъ Аристовичъ, псковск. посадн. 419.

Степанъ Аванасъевичъ, псков. посадн. 425.

Степанъ Родионовичъ, псковск. посадн. 378. 379.

Степанъ Юрьевичъ, новг. бояр. 383.

Стефанъ Гахоновичъ (Агаеоновичъ), псковск. посадн. 424.

Стефанъ, господарь молд. 253. 257. 258. 262. 264. 266. 273. 275.

Стефанъ *Хранъ*, еппск. пермскій 366.

Стефанъ, моск. діаконъ 148.

Стефанъ св., шум. печерскій 5.

Стоглавый соборъ 44.

Стокгольмъ гор. 268.

Стриковскій, польск. истор. 5.

Стриттеръ 348.

Строевъ П. 289. 290.

Стромиловъ Оедоръ дьякъ 270.

Стрѣлица, мѣстн. въ Псковѣ 406.

Стugna рк. 304.

Судаковъ Семень, новг. бояр. 89. 353. 360.

Судаковъ Селифонъ, новг. бояр. 353.

Судило, новг. посадн. 316. 317. 320.

Судиславъ Владиміровичъ, с. В. святаго 391.

Судомъ (Судомѣрь) рк. 309.

Судомиръ (Судимиръ) новг-цъ 12. 334.

Судомѣрь, см. Судомъ.

Суздаль (Суждаль) гор. 1. 3. 4. 6. 11. 13. 15. 16. 23. 27. 28. 38. 44. 55. 90. 93—95. 110. 128. 130. 168—170. 179. 188. 314. 317. 325. 334.

Суздальская волость 128.

Суздальская земля (Незнь, Низъ, Низовская земля) 4. 5. 17. 21. 27. 36. 37. 48—51. 54. 57. 58. 60. 75. 77. 286. 301. 315. 318. 324—328. 330.

Суздальская рать 120.

Суздальскіе князья 4. 24. 36. 64. 68. 75. 90.

Суздальскіе полки 36. 285. 327.

Суздальскія боярскія дѣти 194.

Суздальскія волости 322.

Суздальское княж. 4. 179.

Суздальско-Нижегородское кн-ство 93. 128. 131.

Суздальцы 4. 314. 321. 323. 324. 331. 337. 380.

Сула рк. 304.

Сумскій «местеръ» 350.

Сумъ, финск. племя 30. 36. 285. 345.

Сундовакъ, приток. Волги 244.

Сура рк. 106. 150.
 Сура Поганая рк. 203.
 Сурамля рк. 22.
 Сурожане, назв. купцовъ 106. 194.
 Сурожинъ сел. 79.
 Сурожское море 67.
 Суходоль гор. 188.
 Суходровъ гор. 167.
 Сухощокъ Еремѣй, новг-дъ 202.
 Сынново сел., см. Пасынково.
 Сыплинская земля 195.
 Сыпъ Иванъ новг-дъ 351.
 Сыръ-Дарья рк. 257.
 Сысоевы ворота въ Псковъ 412.
 Сысой, псковск. посадн. 405.
 Сыта Евстафій, новгор. намѣстн. 126.
 367.
 Сытино сел. 221.
 Сѣверный лед. океанъ 299.
 Сѣкира, см. Сокпра.
 Сяма, волость вв. Петра Дим. можайск. 123.

Тавастгусъ гор. 348.
 Таврида 250.
 Тайдула, ж. хана Чангбека 91, 114.
 Тайтемиръ, татарск. военач. 65.
 Такасовъ гор. 114.
 Тальцы сел. 114.
 Тамерланъ (Тимуръ), ханъ монгольскій 127. 129—132. 164. 257.
 Тамлуга рк. 193.
 Таммерфорсъ гор. 348.
 Тарасъ Петровъ, нижегор. купецъ 244.
 Тарвастъ, гор. въ Ливоніи 238. 239.
 Таруса гор. 126—128. 228. 234. 263.
 Татарія 17. 23.
 Татарскіе полоняники 244.
 Татарскіе численники 27. 28. 36. 37. 44.
 Татарскій выходъ 68. 72. 78.
 Татарскій перевозъ на Камѣ 193.
 Татарское число 37.
 Татары золотоордынскіе 7. 15. 17. 18. 26—28. 30. 35—38. 40—44. 49. 51. 52. 55. 56. 60—64. 66. 70. 73. 96. 99. 105—117. 125. 130. 131. 141. 151—153. 160. 163. 166—168. 175. 185. 192. 206. 207. 211—213. 228—231. 235. 249—251. 285. 286. 337. 345. 352. 380.
 Татары казанскіе 130. 164. 168. 169. 170. 172. 179. 189. 193—197. 228. 242. 276. 361. 372.
 Татары крымскіе 250.
 Татары литовскіе 151.
 Татары ногайскіе 48. 178. 181.

Татары служ. моск. 201.
 Татищевъ В. Н. 5. 6. 16. 24. 47. 49. 57. 64. 67. 83. 87. 92. 98. 101. 103. 105. 108. 109. 117. 130. 137. 164. 295. 296. 305. 348.
 Татищевъ Мунтъ, боярскій сынъ 448—449.
 Твердило, псковск. бояр. 396.
 Твердиславъ, новг. посадн. 14. 30. 36. 282. 339.
 Тверичи 34. 48. 60. 63. 65. 72. 100. 107. 108. 284. 347. 376. 413.
 Тверская губ. 69. 302.
 Тверская земля 43. 50. 64. 65. 73. 100. 108. 117. 236. 240.
 Тверская рать 72. 272.
 Тверскіе бояре 60. 71. 76. 77. 98. 235. 236.
 Тверскіе князья 40. 69. 70. 87. 97. 104.
 Тверскіе намѣстники въ Торжкѣ 362.
 Тверскіе полки 230. 232. 339.
 Тверскія волости, села 100. 103. 106. 108.
 Тверскія земли 237.
 Тверское княжество 50. 76. 118. 171. 235.
 Тверца рк. 327.
 Тверь гор. 10. 21. 43. 47. 50—52. 54. 56. 59—68. 70—74. 76—78. 88. 91. 97—104. 106—109. 117. 118. 156. 157. 159. 160. 174—176. 189. 192. 221. 235—237. 248. 281. 285. 344. 347. 348. 349. 351. 363. 382.
 Творимиръ, новг. бояр. 341.
 Тегиня, см. Шпринъ-Тегиня.
 Телебуга, тат.-нъ 65.
 Телешевъ Иванъ, дьякъ 272. 274.
 Телятевъ, новг. бояряны 215.
 Темиръ, орд. князь 185. 250.
 Темиръ-Кутлукъ (Кутлуй), ханъ Зол. орды 135. 141. 142.
 Терскій берегъ (Тре) 302.
 Тесовъ гор. 31. 333.
 Тетяковъ (Дедяковъ) гор. 46.
 Тиверскій городокъ, пригородъ Новг-да 372.
 Тимофеев, околыш. Д. И. Донскаго 111.
 Тимофеев, новг. протопопъ 410.
 Тимофеев, см. Иванъ III и Довмонть.
 Тимофеев, племян. лив. магистра Сильвестра 375.
 Тимофеев Власевичъ, псковск. посадн. 424.
 Тимофеев Юрьевичъ, новг. посадн. 372.
 Тимуръ, см. Тамерланъ.

- Титмановичъ, Титъ Мановичъ, см. Дидмановичъ.
- Титъ св. ап. 61. 352.
- Тмутараканъ гор. 311.
- Тоболь рк. 164.
- Тобольскъ гор. 164.
- Товарковъ Ив. Ѳеодор., бояр. 200. 230. 232.
- Товлубій, князь-темникъ 78. 91.
- Товтивиль, кн. полоцкій 38. 45. 338.
- Толбузинъ Семенъ 211.
- Толдога рк. 354.
- Тонинское село 234.
- Торговая сторона въ Новг-дѣ 301. 305. 307. 318. 356. 365. 374. 375. 389.
- Торговище, часть Новг-да 314. 315.
- Торгоша Иванко, псковичъ 425.
- Торжокъ новый 9—11. 14. 21. 30. 32. 33. 35. 43. 47—49. 52. 54. 56. 63—65. 75. 76. 83—85. 104. 106—108. 125. 129. 133. 137. 140. 165. 200. 204. 282. 284. 285. 302. 317. 319. 321. 326. 327. 329—333. 335. 336. 337. 346. 347—349. 352. 353. 355. 361. 362. 365. 371. 377. 382. 386.
- Торки нар. 322.
- Торопецкая волость 15. 334.
- Торопецъ гор. 11. 33. 273. 284. 285. 321. 322. 337.
- Торопчане 12.
- Торческъ гор. 15.
- Тотуй ордынецъ 86.
- Тохтамышъ, ханъ Зол. орды 51. 56. 62. 114—118. 124. 127. 130. 131. 135. 141. 142. 164. 365.
- Тошна, волость кн. Петра Дмитровскаго 123.
- Траханіотъ Юрій грекъ 255. 256. 258.
- Тре, см. Терскій берегъ.
- Тревизанъ Иванъ грекъ 211.
- Трифонъ, игум. Кир. бѣлоз. мон-ря 174.
- Троица на Паозерѣ въ Новг-дѣ, церк. 222.
- Троицкій (Сергіевъ) мон-рь 112. 157. 159. 171. 180. 185. 189. 241.
- Троицкій соборъ въ Псковѣ 390. 392. 396. 397. 400. 402. 404. 406. 413. 416.
- Троки гор. 153.
- Троно Николай, венец. дожъ 211.
- Тростенское о-ро 99.
- Тростна рк. 99.
- Трощейнинъ Ѳома, новг. воев. 371.
- Трубежъ, рк. въ Кіевской обл. 304. 308.
- Трубчавскіе князья 272.
- Трубчевскъ гор. 111.
- Труворъ, братъ Рюрика 296. 302. 388.
- Трунда, шведск. воев. 344.
- Трябло Ѳеодоръ, новг. бояр. 373.
- Тула гор. 114.
- Тульская губ. 163. 272.
- Турайтемиръ, орд. военач. 48. 54.
- Турки 275.
- Туровъ гор. 275. 312. 314.
- Турція 211.
- Туховитичи, сел. или мѣстн. въ Псковск. обл. 409.
- Тухола, см. Никола въ Т.
- Туча Михаилъ, новг. посадн. 183.
- Тучинъ Григорій, новг. посадн. 221.
- Тучковы, моск. бояре 386.
- Тѣшиловъ гор. 263.
- Тюменская орда, см. Шибанская о.
- Тюменскіе князья 231.
- Тютенашъ, орд. князь 98.
- Тютчевъ-Слѣпой, см. Сл.-Тютчевъ.
- Угличе поле, см. Угличъ.
- Угличная рать 120.
- Углицкій удѣлъ 249.
- Углицкія боярскія дѣти 194.
- Углицкія лѣтописи 55.
- Углицкое княжество 55.
- Угличъ (Угличе, Угличе поле) гор. 28. 55. 102. 106. 123. 156. 159. 170. 172—175. 177—179.
- Угоняй, новг. тысяцкій 305.
- Угорская земля (Угры) 17.
- Угра рк. 87. 141. 143. 228—230. 232. 263.
- Уда Ив. Александр., моск. бояр. и воевода 137. 366.
- Уза рк. 359.
- Узбекъ, ханъ Зол. орды 62. 63. 66. 69. 74. 75. 77. 84. 113.
- Узмень, мѣсто на Чудск. о-рѣ 31.
- Узьерва (Вокса, Вуокса) рк. 348.
- Улавчій, ханскій намѣстн. Русн 36. 37.
- Уланъ, орд. царевич. 127.
- Улеборгъ гор. 268.
- Улу-Махметъ ханъ 163—165. 167—171. 178.
- Улфсби гор. 348.
- Ульяна, ж. кн. Василія Владим. углицк. 175.
- Ульяна, ж. Ив. Калиты 79. 80. 93.
- Ульяна кнг. (ж. Димитрія галицкаго?) 102.
- Ульяна, ж. Семена Мстисл., кн. вяземск. 139. 371.

Ульяна Александровна, ж. Ольгерда 86.
98. 99.

Ульяна Ярославна, сестра А. Невского
19. 20.

Умила, д. Гостомысла 296.

Унжа рк. 193.

Упадышь новг-цъ 203.

Ураль (Янъ) рк. 114.

Уральскій хребетъ (Каменный поясъ)
261.

Урдома рк. 68. 69.

Урдомъ деревня 69.

Уросъ рк. 205.

Урустай, кн. минскій 140.

Урусь, отецъ хана Карача-Аглема 164.

Урусь, посолъ къ Ивану III изъ Чага-
тайск. орды 257.

Усвятъ гор. 12. 33. 331.

Успенская церк. въ Псковѣ 424.

Успенскій (Клягнинъ) женск. м-рь во
Владимірѣ Залѣсск. 39.

Успенскій соборъ во Владимірѣ Залѣсск.
5—7. 15. 24.

Успенскій соборъ въ Москвѣ 69. 73.
112. 212. 226. 263. 270.

Устинья Даниловна, ж. в. кн. Андрея
Ярославича 28.

Усть-Шексна (собств. устье Шексны),
волость в. кнг. Марьи Ярославны 188.

Устюгъ гор. 21. 55. 69. 129. 134. 145.
161. 162. 180. 188. 194. 226. 243. 350.
369.

Устюжане 144. 169. 196. 227. 261. 350.
368. 377.

Устюжна 83. 129. 188. 195. 355.

Устюжскіе князья 351.

Устюжскій посадъ 180.

Устюжскія рати 120. 200.

Усь новг-цъ 363.

Ухтомскій кн. Васплій 196.

Ушатовъ Петръ, моск. воевода 261.

Ушатые князья 268.

Феллинцы, см. вельядцы.

Феллинь, см. Вельядъ.

Фергенъ-Намега 164.

Фіоравенти Аристотель 211. 223. 244.

Филимоновъ Семень 173.

Филиппъ Козачковичъ, псковскій бояр.
369.

Филиппъ Ледовичъ псковичъ 398. 399.

Филиппъ митр. 198—200. 204. 209.

Филовей, конст. патр. 360. 364.

Филтяевъ Даниль, псковскій бояр. 375.

Финляндія 12. 30. 36. 268. 309. 313.
320. 331. 337. 348.

Финмарскіе жители въ Норвегіи 34.
286.

Финны 1. 2. 30. 33. 36. 329. 337.

Финскій заливъ 348.

Финскія племена 30.

Фитингофъ Конрадъ (Корто, Кортъ),
рижск. магистръ 408.

Фотій, патр. конст-скій 5. 304.

Фотій, митр. моск. 149. 150. 153. 372.
374. 377. 412.

Фридрихъ, германскій импер. 254. 256.

Фроловское село 123.

Фряжская земля (Фрязи) 106.

Хазибаба татарникъ 138.

Хазьтороканъ, см. Астрахань.

Халкидонъ гор. 347.

Харитонъ, псковскій попъ 424.

Хлепень гор. 253.

Хлыновъ, см. Вятка.

Хмыровъ М. Д. 25. 28. 39. 52. 53. 56.
84. 289. 290.

Ходановскій (Доленга—Х.) Зоріанъ 2.
397.

Хозары нар. 300.

Хозюмъ-Бердей, казанск. кн. 193.

Холмогоры гор. 137. 144. 203.

Холмскій кн. Даниль Димитр., моск. вое-
вода 193. 196. 200—202. 206. 213. 229.
232. 245.

Холмскій Иванъ Всеволодовичъ, см. Ив.
Всеволодъ холмскій.

Холмскій кн. Михаилъ Димитр., тверск.
воевода 232. 237.

Холмскій кн. Семень Даниловичъ 269.

Холопья улица въ Новг-дѣ 342.

Холохла, волость моск. 99.

Хотетовскій кн. Михаилъ 140.

Хотовъ Яковъ, новг. бояр. 358. 359.

Хотунъ гор. 188. 269.

Храпъ, см. Стефанъ.

Христина, д. норвежск. короля Гакона
34. 286.

Христорождественская церковь въ Новг-
дѣ 344.

Христорождественская церк. въ Псковѣ
404.

Хрусталева Григорій, псковск. посадн.
431.

Хрущовъ И. 114.

Хутынский мон-рь, см. Спасо-Хут. мон.

Хутынь 336.

Царскій И. Н. 119.
 Царьградъ, см. Константинополь.
 Цивильскъ гор. 246.
 Цильма рк. 261.
 Цыбирцы сел. 138.
 Църниговъ, см. Черниговъ.
 Чагатай (Джагатай), с. Чингисхана 257.
 Чагатайская орда 257.
 Чанибекъ, ханъ Зол. орды 84. 91.
 Чеботовъ, моск. бояринъ 271.
 Челядня Оедоръ Мпхайл., моск. воевода 160.
 Челяднинъ Петръ Оедор., моск. воевода 207.
 Чердынъ гор. 205.
 Черемиса нар. 192—194.
 Черемисская земля 192—193.
 Черехъ руч. ок. Новг-да 310. 359.
 Чернесы 112.
 Черная рѣка 205. 348.
 Черниговская земля 329.
 Черниговскіе бояре 140.
 Черниговскіе князья 8. 128.
 Черниговъ гор. 11. 13. 14. 27. 29. 262. 272. 282. 311. 325. 327. 329—333. 352.
 Черное море 48.
 Черные клубуки нар. 322.
 Черторижскій Александръ Васильев., кн. литовскій 166. 185. 186. 382—384. 417.
 Черторижскій Иванъ, кн. литовск. 166.
 Чешекъ Данилъ, галицкій бояр. 150.
 Чешская земля (собств.-войско) 151.
 Чингисханъ 257.
 Чудовъ мон-рь въ Москвѣ 231. 241.
 Чудская земля 11. 22. 326. 335. 393.
 Чудскіе земскіе бояре 356.
 Чудское о-ро 31. 381. 404.
 Чудь (Эсты), финск. племя 27. 31. 32. 36. 45. 46. 226. 296. 304. 311—317. 326. 329. 339. 356. 376. 388. 393—395. 400. 413.
 Чудь поморская 393.
 Чухлома гор. 172. 175.
 Чухны 238.
 Шадибекъ, ханъ З. орды 139. 141.
 Шахмать ордынець 125.
 Шведскіе послы 68.
 Шведы (Свен, нѣмцы) 30. 35—37. 51. 68. 89. 266—268. 285. 303. 320. 321. 335. 337. 345—347. 350. 354. 355. 358. 359. 369. 372. 382. 390. 417.
 Швеція (Свея) 27. 35. 256. 258. 268. 276. 303.

Швидригайло, см. Свидригайло.
 Шевкаль (Щелканъ, Щ. Дудентьевичъ) 70. 73. 351.
 Шексна рк. 174.
 Шелонская битва 202.
 Шелонская пятна, новгор. волость 302.
 Шелонъ рк. 30. 47. 201—203. 221. 335. 342. 343. 357. 359. 369.
 Шемаха гор. 260.
 Шемякинъ дворъ въ Москвѣ 172.
 Шемякинъ кн. Василій Иван. 272. 273.
 Шемякинъ кн. Иванъ Дмитр. 183. 384.
 Шенкурскій Василій, новг. воев. 382.
 Шенкурскій Семень, его сынъ 382.
 Шестакъ-Кутузовъ Юрій, моск. воев. 243.
 Шибальцевъ Яковъ дьякъ 427.
 Шибанская (Тюменская) орда 231. 269.
 Шигъ-Ахметъ, ханъ Зол. орды 249. 274.
 Шипино, новгор. волость 302.
 Широинъ-Тегина, ордынскій кн. 154. 155.
 Шлѣцеръ А. 298.
 Шуба Аенивъ, бояр. кн. Владим. Храброго 99.
 Шуйскій, кн. Борисъ Васильевичъ 416.
 Шуйскій-Гребенка кн. Василій, воев. новгор. п псковск. 199. 200. 203. 224.
 Шуйскій кн. Василій Васильев. псковскій намѣстн. 214. 219. 221. 233. 238. 239. 275. 384.
 Шуйскій кн. Василій Семен. 161.
 Шуйскій кн. Василій Оедоров. 267.
 Шуйскій-Горбатый кн. Иванъ Васильев. 294.
 Шуя гор. 130.
 Щекатовъ 239. 297.
 Щелканъ, Щ. Дудентьевичъ, см. Шевкаль.
 Щеня кн. Данилъ, моск. воевода 243. 267. 272. 274. 275.
 Щербатовъ истор. 6. 295. 348.
 Щечкинъ Василій, новг. бояр. 368.
 Эверсъ Густ. 299.
 Эдигей, тат. полков. 141.
 Эйнерлингъ И. 5.
 Эмбахъ (Амовыжа, Аможива, Омовжа, Омовыжа) рк. 237. 334. 398.
 Энгельманъ И. 32. 36. 38.
 Эрикъ, король шведскій 320. 347.
 Эсперъ (Ешперъ), шведск. воев. 382.
 Эстонія 347.
 Эсты, см. Чудь.

- Югорская земля 261.
 Югорскіе князья 261.
 Югра, новгор. волость (земля и народъ) 302. 350. 351. 361. 382.
 Югъ рк. 193.
 Южнорусскія степи 48.
 Южноруссы 300.
 Юрій грекъ 209.
 Юрій Александровичъ, кн. ростовскій 67. 371. 373.
 Юрій Андреевичъ, с. в. кн. А. Ярославича 28. 45. 338—340.
 Юрій Андреевичъ, с. в. кн. А. Александровича 58.
 Юрій Андреевичъ, с. в. кн. А. Боголюбскаго 324.
 Юрій Андреевичъ, кн. ростовскій 369. 370.
 Юрій Васильевичъ, с. в. кн. В. Дмитр. 147. 292.
 Юрій большой Васильевичъ, с. в. кн. В. Темнаго 234. 292.
 Юрій меньшой Васильевичъ, с. его же, кн. дмитровскій 170—173. 179. 181—187. 189. 196. 200. 204. 207. 208. 246. 294.
 Юрій Витовтовичъ кн., воев. Ольгерда 399. 400.
 Юрій Владиміровичъ Долгорукій, кн. сузд. и в. кн. кіевскій 1. 4. 7. 18. 19. 23. 313—319.
 Юрій Всеволодовичъ, в. кн. владим. 7. 8. 10. 11. 13—16. 20—23. 278. 283. 331. 394.
 Юрій Даниловичъ, кн. моск. и в. кн. владим. 58—72. 81. 278. 347. 349—351. 355. 376. 398.
 Юрій Дмитріевичъ, кн. галицкій 7. 121—123. 126. 128—131. 137. 138. 144. 149. 150. 152—160. 184. 278. 289. 290. 374. 378.
 Юрій Дмитріевичъ, новг. посадн. 372.
 Юрій Захарьевичъ, моск. бояр. 272.
 Юрій Ивановичъ, с. Ивана III-го 268. 277.
 Юрій Ивановичъ, новг. бояринъ 144.
 Юрій Ивановичъ, новг. воев. и посадн. 359. 362. 364.
 Юрій Ивановичъ, псковск. бояр. 212.
 Юрій Козачковичъ, псковск. посадн. 371.
 Юрій Кончаковичъ, кн. половецкій 18. 19.
 Юрій Михайловичъ новг-цъ, тестъ в. кн. Ярослава Ярослав. 338.
 Юрій Мишиничъ, новг. посадн. 344. 345. 356.
 Юрій Мстиславичъ, с. М. Удалаго 14. 283. 396.
 Юрій Нарпимонтовичъ, кн. литовскій 364.
 Юрій Никифоровичъ, новг. посадн. 365. 373. 374.
 Юрій Патрикѣевичъ, моск. бояр. и воев. 147. 158. 165. 170. 379.
 Юрій Романовичъ, кн. Одоевскій 146.
 Юрій Сбыславичъ (по инымъ лѣт. Олфериѣ), новг. бояр. 340.
 Юрій Святославичъ, кн. смоленскій 132. 139. 140. 370. 371. 373. 407.
 Юрій Семеновичъ, новг. бояр. 367.
 Юрій Семеновичъ, с. С.-Лугвенія Ольгерд. 378. 380. 381.
 Юрій Тимофеевичъ, псковск. посадн. 418.
 Юрьевская рать 120.
 Юрьевскій новгор. мон-рь, см. Георгіевскій мон-рь въ Новг-дѣ.
 Юрьевцы (ливонск.) 401. 411.
 Юрьевъ ливонскій (Дерптъ) 14. 38. 39. 45. 99. 133. 190. 210. 237—239. 273. 274. 314. 329. 333. 334. 338. 339. 351. 359. 361. 367. 392. 393. 401. 402. 407. 408. 412.
 Юрьевъ польскій 11. 21—23. 47. 51. 55. 57. 117. 140. 141. 168. 172. 188. 242. 281.
 Юрята Роговичъ новгородецъ 301.
 Юсуфъ, орд. царевч. 185.
 Юшка, см. Юрій.
 Яведъ тверск. воевода 33.
 Явизна, см. Язвинъ.
 Явнугъ Гедиминовичъ, в. кн. литовскій 85.
 Ягайло Ольгердовичъ, в. кн. литовскій 110. 112. 113. 126. 140. 153. 365. 373.
 Ягубъ царев., с. Улу-Махмета 168. 169. 175. 180.
 Яжолбицы, сел. въ Новг. обл. 183. 202.
 Язвинъ (Явизна), гор. въ Ливоніи 409.
 Яинъ (Уралъ) рк. 114.
 Якимъ Павловичъ, псковск. посадн. 415.
 Якимъ, тиунъ в. кн. Ярослава Всев. 29. 282.
 Якимъ нов. посадн. 379.
 Якимъ Влунковичъ, новг. бояринъ 334.
 Якимъ Столбовичъ, новг. посадн. 347.
 Яковъ, писарь (госуд. секр-рь) кор. Казимира 193.
 Яковъ, новг. посадн. 361.
 Яковъ Дмитріевичъ, новг. посадн. 54.
 Яковъ Захарьевичъ, моск. бояр. и воев. 242. 267. 272.

Яковъ Павловичъ, псковск. посадн. 415.
 Яковъ Прокофьевъ, новг. воев. 369.
 Яковъ Степановичъ, двинской посадн. 372.
 Якунъ Андреевичъ, новг. посадн. 316.
 317. 322. 323.
 Якунъ Зуболомичъ, новг. тысяцкий 10.
 Якунъ Мясославичъ, новг. бояр. и посадн. 320. 325.
 Яма (Ямбургъ) гор. 226. 365. 369. 381. 384.
 Ямгурчей, ногайск. мурза 274.
 Ямонтъ литвинъ 135.
 Ямъ, см. Емь.
 Яропкинъ Аеавасій 270.
 Яропкинъ Мпхалъ дьякъ 256. 258. 263.
 Ярополкъ кн. 339.
 Ярополкъ Владимировичъ, в. кн. кievскій 313—315.
 Ярополкъ Ростиславичъ, с. Ростислава Юрьевича 4. 325—327. 330.
 Ярополкъ Святославичъ, в. кн. кievскій 303. 308.
 Ярославецъ (Малоярославецъ) гор. 247.
 Ярославичъ Н. 281.
 Ярославль гор. 38. 55. 68. 72. 156. 159. 175. 177. 180. 235. 254. 363. 318.
 Ярославовъ дворъ въ Новг-дѣ 43. 220. 225. 341. 356. 357. 360. 364. 365. 374. 375. 376. 386.
 Ярославская рать 109. 120.
 Ярославскіе князья 112. 209.
 Явославскія боярскія дѣти 194.
 Ярославъ I Владиміровичъ, в. кн. кievскій 3. 30. 301. 302. 306—309. 333. 391.
 Ярославъ Владиміровичъ, кн. новгородскій, правнукъ Вл. Мономаха 328—330.
 Ярославъ Владиміровичъ, кн. новг. 373. 376.
 Ярославъ Владиміровичъ, кн. псковскій, правнукъ Ростислава Мстисл. смоленскаго 33. 333. 389. 393. 394.
 Ярославъ Владиміровичъ, кн. боровскій 156. 187.
 Ярославъ Всеволодовичъ, в. кн. владимірскаго 7—23. 22—25. 29—31. 33. 40—43. 45. 58. 72. 277. 278. 281—284. 330—334. 336. 394—396.
 Ярославъ Изяславичъ, кн. новгородскій 317. 318. 322.
 Ярославъ Ингваревичъ, с. П. Ярослава, кн. луцкаго 17.
 Ярославъ Мстиславичъ кн. новг., внукъ Юрія Долгорукаго 325.
 Ярославъ (Аеавасій) Ярославичъ, кн.

тверскій п в. кн. владим. 19. 27. 35. 37. 38. 40. 43. 45. 46. 278. 281. 285. 337. 339—342. 396.

Ясеновское село 235.

Яссы гор. 47. 53.

Ясы нар. 46. 53. 112.

Федоровская улица въ Новг-дѣ 215. 361.

Федоръ, кн. кievскій 352.

Федоръ, кн. тарусскій 163.

Федоръ, кн. Омиинскій 85.

Федоръ, псков. посадн. 413.

Федоръ, новг. намѣстн. 349.

Федоръ, новг. посадн. 354. 400.

Федоръ, посолъ мят-та въ Новг-дѣ 352.

Федоръ, псковск. кровельщикъ 412.

Федоръ Абрамовичъ, новг. бояр. 355.

Федоръ Александровичъ, кн. путивльскій 140.

Федоръ Александровичъ, кн. ростовскій 134. 135. 375. 411.

Федоръ Александровичъ, кнж. тверскій 76—78. 398.

Федоръ Андреевичъ, воев. Д. Донскаго 112.

Федоръ Борисовичъ, кн. волоцкий 273.

Федоръ Васильевичъ, новг. воев. 354.

Федоръ Глѣбовичъ, моск. воев. 137.

Федоръ Давидовъ, посолъ отъ Ивана III въ Новг-дѣ 386.

Федоръ Даниловичъ, бояринъ Ярослава II-го Всев. 29. 282.

Федоръ Даниловичъ, новг. посадн. 353. 356—359.

Федоръ Елис., новг. тысяцкий 379.

Федоръ Мпхаловичъ, воев. Д. Шемяки 173. 174.

Федоръ Никпфоровичъ, псковск. степ. посадн. 421.

Федоръ Олеговичъ, в. кн. рязанскій 119. 122. 141. 143.

Федоръ Патрикѣевичъ кн., новгор. намѣстникъ 145. 146. 376. 413. 414.

Федоръ Патрикѣевичъ, псковск. посадн. 417.

Федоръ Романовичъ, кн. бѣлозерскій 106.

Федоръ Ростиславичъ *Черный*, кн. смоленско-яросл. 44. 47. 51—53. 55. 56. 59. 77.

Федоръ Святославичъ, кн. смоленскій 84. 88. 351(?).

Федоръ Твердпславичъ, новг. бояр. 75.

Федоръ Тимошеевичъ, новг. посадн. 366. 367. 375. 376.

Федоръ Хотовичъ, новг. бояр. 342.

Тедоръ Шибалкиничъ, псковск. посадн. 152. 413. 414.

Тедоръ Юрьевичъ, кн. смоленскій 373.

Тедоръ Юрьевичъ, внукъ кн. суздальскаго Василія Кирдяны 179.

Тедоръ Януновичъ бояринъ 18.

Тедоръ Ярославичъ, старшій братъ А. Невского 13. 14. 18. 19. 30. 281—283. 284. 332. 333. 336.

Тедосья Димитріевна, ж. в. кн. Ивана II Иван. 92.

Тедосья Ивановна, д. И. Калиты 79.

Тедосья Ивановна, д. Пвана III-го 255. 277.

Тедосья Ивановна, д. ряз. кн. И. Тедоровича 191.

Тедосья (Ростислава-Θ.) Мстиславна, ж. Ярослава II Всев. 18—20. 31. 283.

Теогность митр. 74. 75. 83—87. 289. 353. 355. 357.

Теоодоровская церк. въ Псковѣ 404.

Теоодоровская церк. въ Костромѣ 41. 44.

Теоодоровская церк. въ Нов-дѣ 361.

Теоодоръ, еписк. влад. 343.

Теоодосій, игум. клопскій, нареч. арх-пѣ новг. 376. 377.

Теоодосій митр. 190. 198.

Теоодосій Аввакумовичъ, новг. посадн. 373.

Теоонтистъ, арх-пѣ новг. 346—348.

Теофанъ, бояр. в. кн. Димитрія Ал-ча 49.

Теофилъ, арх-пѣ новг. 199. 203. 204. 214—216. 219—223. 225. 226. 233. 240. 241. 385.

Тетинья Ивановна, д. И. Калиты 79.

Тома, правосл. свящ. въ Вильнѣ 264.

Тома Андреевичъ, новг. посадн. 385.

Тома Доброшничъ, новоторж. посадн. 10.

Тома Палеологъ, морейскій деспотъ 208. 277.

Колѣна отъ
Рюрика:

II. Игорь.

III. Святославъ.

X.

XI.

Ульяна.

Марія,
род. 1240 † въ млад.

Θеодоръ,
р. 1219 † 1233.

XII.

Евдокія,
ж. Константина Ростисл.
смоленскаго.

Василій
1245 † 1271.

Димитрій (*перяславскій*),
1250 † 1294. Ж. Н.

XIII.

Марія
† 1300 г. Ж. Дов-
монта, кн. псков-
скаго.

N. N.
Димитріевны.

Иванъ *перяславскій*,
1286 † 1302. Ж. Н., д. Ди-
митрія Борис. ростовскаго.

Александръ,
1303 † 1308.

Иванъ
р. 1290.

XIV.

Θеотинія.

Марія
† 1365. Ж. Константина
Васильевича ростовскаго.

Евдокія
† 1342. Ж. Василія Дави-
довича ярославскаго.

Θеодосья.

N (д
отъ 2-го

XV.

Василій
р. 1337 † 1338.

Константинъ
р. и † 1341.

Василиса,
ж. съ 1349 г. Ми-
хаила Васил. ка-
шинскаго.

Даніилъ
р. 1347.